Роберт И.

ГОВАРД

Конан Бессмертный

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Роберт И.

ГОВАРД

Конан Бессмертный

Роберт
Ирвин
ГОВАРД

Страшилище в склепе

В зале мертвецов

Бог из чаши

Рука Нергала

Город черепов

Проклятие Монолита

Долина пропавших женщин

Рыло во тьме

Огненный кинжал

и еще 12 повестей о Конане-киммерийце

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

Роберт Ирвин

ГОВАРД

Конан Бессмертный

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Г 57

Robert E. HOWARD

Составитель *В. Иванов*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Говард Р. И.

Г 57 Конан Бессмертный: Фантастические произведения / Пер. с англ. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. – 960 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-03901-2

Конан-киммериец рожден фантазией Роберта Ирвина Говарда. Из историй о подвигах Конана сложился героический эпос.

В данном издании впервые под одной обложкой собраны все рассказы и повести Р. Говарда о Конане, не изданные при жизни писателя, а также истории, начатые Р. Говардом, но законченные другими авторами. В книгу также вошли произведения о Конане, созданные Л. Картером, Л. Спрэг Де Кампом и Б. Нибергом на основе материалов из архива Р. Говарда.

На сегодняшний день написаны сотни книг о приключениях отважного варвара. И именно это позволяет утверждать: Конан жил, Конан жив, Конан бессмертен!

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)

© Перевод. Н. Баулина, С. Иванов, Г. Корчагин, А. Кострова, Е. Кравцова, Ю. Ламсдорф, М. Семенова, Т. Старшинова, С. Троицкий, Е. Хаецкая, А. Цимmерман, А. Чех, А. Шуйский, 2003
© Предисловие. Е. Хаецкая, 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-03901-2

Я люблю Конана

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

В 1988 году нежданно-негаданно в Питер приехал Саша Вейцкин.

Саша был эмигрантом. Когда-то мы дружили. Он ездил на «черный» рынок — добывал книги, в том числе и для нас с мамой. Перед отъездом в США он спросил, можно ли писать нам письма, но мама категорически запретила: я собиралась поступать в университет, и всякие подозрительные связи с эмигрантами были излишни. Мы потеряли друг друга из виду в этом огромном мире — как казалось, навсегда.

И вот после падения «железного занавеса» Вейцкин прискакал из Америки в родной город и привез с собой жену-американку. Говорили мы сбивчиво, сразу обо всем, с жаром хвалили перестройку и Горбачева. Потом Саша уехал обратно в Калифорнию, а спустя месяц от него пришло первое письмо.

Мы оба любили писать письма, поэтому наша переписка сразу сделалась бурной. Я рассказывала о митингах, демократических выборах, политических скандалах, вообще — о борьбе с явлениями застоя. Перестройка завораживала меня прежде всего вновь открывшимися возможностями. (Долой старперов!)

Саша рассказывал об Америке, о книгах, которые недавно прочитал, и почти сразу спросил, как я отношусь к жанру героических фантазий. Я ответила — никак, поскольку понятия не имею, что это такое.

И вот тогда-то пришло письмо, содержавшее в себе благую весть. Оказалось, что существует вполне взрослый жанр

литературы, где «разрешены» и волшебство, и чудесные приключения, и удивительные города с башнями, и гоблины-гномы-феи-эльфы — и в то же время довольно откровенные любовные взаимоотношения персонажей, и жестокие сражения, и вполне серьезные мысли о моральных ценностях (честь, свобода, товарищество).

Сочетание сказочности с адресованностью взрослому читателю — вот что было для меня оглушительной новостью. Жанр фэнтези, сказки для взрослых, как бы дозволял мне, вполне взрослой женщине, продолжать оставаться ребенком.

Колдуны, феи, гномы и иже с ними до сих пор были возможны только в детских книжках с их упрощенными психологическими мотивациями и слащавым языком. Фэнтези позволяла применить к сказке язык культивируемого мною тогда реализма и описывать как гномов-троллей, так и всякую магию предельно «реалистически», без каких бы то ни было скидок на условности сказочного жанра.

Я написала восторженное письмо о тридцати вопросах по поводу новооткрытого континента. Фэнтези знаменовала для меня свободу творчества в полном смысле слова. Реализм, как критический, так и «магический» (а-ля Маркес), упорно мне не давался; что до научной фантастики, то меня от нее тошнило. Ну не любила я нуль-физику и вообще физику (и до сих пор не знаю законов Ньютона). Не увлекалась звездолетами и бластерами. Совершенно не приветствовала построение коммунизма в отдельно взятой галактике. Историю любви героя-звездолетчика и красивой синекожей инопланетянки именовала «розой-мимозой», а потуги отечественных фантастов предостеречь сограждан от грядущей компьютерной угрозы находила смехотворными. Именно в те годы магазин «Телевизоры» недалеко от Невского потряс мое воображение тем, что вместо телевизоров предлагал покупателю... веники! Натуральменте: черные железные полки, а на них вместо телеаппаратов — жидкие ряды одинаковых веников. Какая уж тут к чертям собачьим «компьютерная угроза»!

И еще безмерно раздражали почему-то имена. Героев-звездолетчиков всегда звали славянски-вычурно: Гремислав, Ярополк, Дар Ветер («Дай Рубль», острил кто-то)... Или по-американски (мол, тоже могем!): Фрэнк, Стив... Женщин-лаборанток, напротив,— по-родному просто, чтоб веяло заботой и домашним теплом: Катя, Наташа. Изредка попадались более изысканные женские имена — Алевтина, Майя (для женщин — научных работников, особенно с те-

мой диссертации, «перпендикулярной» выводам начальника экспедиции).

«"Гремислав! Где ты?" — громко позвал Фрэнк, и сердце Алевтины упало: неужели беда?..»

Жанр «меч и волшебство» навсегда избавлял от обреченности на эту окрошку. Выдумано все: и имена, и мир, и условия игры.

Саша писал мне: «Конечно, жанр героических фантазий немного наивен, многие характеры упрощены. И все же — какую огромную фантазию надо иметь, чтобы создать таких сказочных и в то же время совершенно живых героев: гномов, троллей, фей, колдунов, волшебниц и рыцарей... Я могу просто утонуть в этих книгах, настолько интересно они написаны. Вот так сидеть в кресле и читать, читать, читать...»

О, как жгуче я завидовала! Я уже все-все знала о Конане — Сашином любимом герое: о его внешности и нелегкой судьбе, невероятной силе и бесконечных испытаниях, о встречах с колдунами (а магов всех мастей прямодушный варвар терпеть не может!), о том, что с женщинами Конан — настоящий джентльмен, хотя и ловелас отменный...

Воспитанная на русской классике, я, естественно, поинтересовалась жизненной философией Конана. Саша ответил, что «смыслом жизни» Конан, увы, не занимается. Идеалы Конана просты: свобода и стремление к наживе, а попутно — борьба с магией, особенно черной. Это, кстати, тоже потрясало: главный герой, оказывается, вполне способен полноценно существовать вне проблем освободительного движения!

«Этот жанр меня просто захватывает,— писал Саша,— хотя сюжет бывает и незамысловат, а поступки и мысли героя просты. Но есть у Конана совершенно чудесные качества: мужество, честность, щедрость, милосердие к слабым, нежность к женщинам. И еще — немного грубоватый, но очень добрый юмор... Иногда я забываю, что это только фантазия, и начинаю по-настоящему верить, что девять тысяч лет назад действительно были такие страны — Киммерия и Туран, Шем и Вендия... И в те далекие времена магия была частью реальности, и живы были храбрые воины, спасавшие прекрасных девушек и вставшие на защиту городов от злых магов и демонов... По-моему, во всем этом есть что-то чудесное, экзотическое, очень сказочное — и вместе с тем реальное...»

Лучше, чем Саша Вейцкин, об этом, пожалуй, и не сказать.

К огромному письму, посвященному исключительно Конану («прожужжал я тебе все уши Конаном — прости, уж очень люблю этого героя»), Саша приложил ксерокопию карты Хайборийского мира, где путешествует герой-варвар.

Все гениальное оказалось так просто. Взять и сочинить альтернативный мир. Не другую планету, заметьте, где обязательна другая экология, другая эволюция и читатель все время принужден подавлять в себе нездоровый расизм по отношению к гуманоидам с зеленой кожей, желтыми глазами, шестипалыми руками и небольшим хвостиком-баранкой (дескать, тоже люди!). Нет, это наша Земля, только — как бы это поточнее — параллельная теперешней. Альтернативная.

(Теперь-то я знаю, что Говард базировался на теософских идеях о погибших сверхцивилизациях Атлантиды и Лемурии, но какое это, в общем-то, имеет значение! Писатель может хоть какую идею приспособить к своей художественной задаче. И не идея будет довлеть, а писательское сознание с легкостию переварит ее и превратит в роскошное удобрение для пышных цветов своей фантазии.)

Сколько впоследствии «карт миров» я перевидала! И все они были невыразимо скучны: «Дикий лес», «Деревня Холмы», «Река Драгонроад»... (На всю планету — одна река и одна деревня!) Но все это будет еще не скоро, а пока — заря перестройки, на Ленинград надвигаются талоны на продукты питания и мыльно-моющие средства, по ночному телевизору распахивает перед слушателями альтернативные исторические миры великий и старый Лев Гумилев, а у меня на столе — ксерокопия карты альтернативного литературного мира с тщательно надписанными русскими переводами волшебных названий: Аквилония, Стигия, Шем...

В одном из писем Саша Вейцкин спросил: «Что такое видеосалон?» О эти скоротечные порожденья перестройки, эфемерные мотыльки авантюрного бизнеса! «Уж сколько их упало в эту бездну!» Пооткрывались повсюду: в подвалах, спешно осушенных и кое-как покрашенных, при домах культуры и кинотеатрах. Один — совсем недалеко от моего дома — настоящий подвальный застенок, узкий темный лаз, отгороженный от сырых стен чахоточной, от рождения выпукло-вогнутой фанерой, мрачное помещение, где находились стулья и водруженный на штангу телевизор. Больше всего он напоминал насаженную на шест квадратную голову.

Голова, однако, была волшебная. Она говорила и показывала. Сквозь ядовито-розовые разводы мелькали суперяркие краски. Голос «короля русского полипа» монотонно гнусавил: «Где эта сволочь Коннор. Иди ты к черту. Я тебя уничтожу. Ничтожество. Бежим скорее. Ты хватай вот это, для тебя... нам это пригодится вполне». Существовали легенды о том, что голос принадлежит известному артисту, а гнусавит нарочно, чтобы не дознались, кто переводит, ибо весь видеоматериал был, естественно, краденый.

В те времена дети неожиданно заговорили совершенно устаревшим школьным арго. Например, много лет уже никто не говорил вместо «хорошо» — «зыко», «зыкинско». Так выражались мои сверстники году в 74-м. И вдруг старое арго вернулось. «Ну, зыко он его!..» Впоследствии я нашла объяснение этому явлению. Мультики, которые изобильно шли в видеосалонах, переводились как раз моими ровесниками, а они, видимо, решили придать своим переводам «детский колорит» и воспользовались старыми школьными воспоминаниями. Восприимчивая детвора охотно переняла у своих любимцев, придурковатых птичек и мышек, манеру выражаться.

Заборы и водосточные трубы обклеивались объявлениями, чаще всего написанными от руки: «Ломовой боевик!», «Убийственные ужасы!», «Душераздирающая драма!», «Эротический кошмар "Нагая среди каннибалов!"»

Я искала «Конана». А он, как назло, нигде не шел. Наконец отыскался — в видеосалоне ДК им. Орджоникидзе, во глубине Васильевского острова. Как я ждала встречи с этим героем! Ехала и думала: не достанется билетов, слишком уж хочу. Однако билеты были. Вообще народу, желающего посмотреть «Конана», оказалось не так уж много.

Наконец подошло время смотреть «Конана»... и в последний миг этот фильм заменили на «Терминатора»! Я едва не разрыдалась. Я беспомощно взывала: «Как же?.. А ведь говорили?..» Ушлые ребята-прокатчики бойко утешали, как могли: «Да что вы, в самом деле, так расстраиваетесь. Это почти то же самое, что и "Конан". Тоже боевик, тоже Шварценеггер. Великолепный фильм, получите огромное удовольствие...» Я безутешно мотала волосами и всхлипывала: «Нет, не то же... не то же...»

Вторая попытка посмотреть «Конана» оказалась такой же безуспешной: фильм опять заменили — на «Рыжую Соню». («Король русского полипа» бесстрастно переводил: «Красная

Сонья. Очнись. Не время спать теперь».) Шварценеггер в этом фильме играет второстепенную роль принца по имени Калидор.

Просмотры такого рода неизменно связаны были с необходимостью сохранять серьезный, даже мрачный вид и глядеть поверх голов, ибо 99 процентов посетителей подобных сеансов — дети. Топтаться в ожидании начала показа по пузырящемуся линолеуму, в унылом и тесном подвале. У закрытой двери в зрительный склеп (залом не назовешь) — толпы шестиклассников. Докуда дотягивается кулак, дотуда и дерутся. Беседы — соответственные. И я, великовозрастная тетя, стою — глаза заведены к ржавому потолку, на лице отрешенность.

Своеобразная детская этика: какие бы волны драк вокруг ни бушевали, ни одна меня (чужого) не заденет. Мы из безнадежно разных миров.

Но вот закончился предыдущий сеанс — мультфильмы. Мальчишки, взревев, рванулись к входу.

— Дайте людям выйти!!!

Тоненькой струйкой просачиваются наружу из склепа младшеклассники.

— Хм! «Люди»! Мелкота...

— Витька! Второй ряд забивай!

— Фигля второй? Первый!

— Первый несолидно...

Я не люблю смотреть трогающие меня фильмы прилюдно — в кино, в видеосалоне, в компании. Но иногда в этом была своя прелесть. Помню, во время просмотра фильма «Вспомнить все» («Возвращенные воспоминания») Шварценеггера хватают злые гады и, одолев, приковывают к креслу — пытать. Сидевший рядом со мной мальчик весь напрягся, подался вперед и в забытьи прошептал:

— Конан! Не сдавайся!

Да. Любой фильм со Шварценеггером был, в сущности, фильмом о Конане.

Первый роман о Конане, прочитанный мною, назывался не то «Конан Непобедимый», не то «Конан Победоносный». Все книги о Конане были озаглавлены по одному и тому же типу: имя героя плюс эпитет («Мятежник», «Чемпион»). Принадлежал мой первый «Конан» перу довольно даровитого писателя Роберта Джордана. Я читала его днем и ночью. Там рассказывалось о злом маге Аманаре, которому нужны

были для адского ритуала девушки и драгоценные камни (волшебные), а служили ему люди-змеи с'тарра, описанные с жутковатым реализмом: плащ с низко опущенным капюшоном, свистящий шепот... Конан идет по следу с'тарра и похищенной девушки. С ним его товарищи — старый, но еще крепкий разбойник Ордо и буйная нравом рыжеволосая красавица Карела по прозвищу «Рыжий Ястреб» (в оригинале был «Красный Сокол», но это вызывало ненужную ассоциацию с авиаторами сталинской поры).

В конце концов я решила перевести книгу на русский язык. Владеть таким сокровищем в одиночку представлялось мне чем-то нечестным. Закончив последнюю стирку и уложив ребенка спать, около полуночи я уходила на кухню с книгой, словарем и пачкой бумаги — и писала, пока глаза не начинали слипаться.

А вот что мне решительно не нравилось, так это американские названия книг о Конане. Безликие и ни о чем не говорящие, кроме очевидных достоинств главного героя («меченосец», «торжествующий», «триумфатор»). Я решила придумать собственные. Так появились заголовки «Черный камень Аманара», «Тайна врат Аль-Киира» и «Четыре стихии».

Впоследствии, когда русские переводы, а затем и русскоязычные поделки в стиле «Конан» хлынули потоком, именно эта традиция заголовков закрепилась и восторжествовала. Впрочем, она вполне соответствовала изначальному замыслу — еще Говарда, который все свои вещи озаглавил по старинке: «Башня слона», «Железный демон», «Бог из чаши» и т. п.

Вообще же я страшно гордилась званием «крестной матери советского Конана» и похвалялась сим достижением на каждом углу. Лет восемь спустя после моих первых переводческих опытов Мария Васильевна Семенова сказала мне:

— Между прочим, первая перевела «Конана» на русский язык — я.

Я обиделась:

— Ну вот еще.

— Да,— продолжала Маша.— Именно. Тогда еще английских оригиналов ни у кого не было, а я случайно в букинистическом купила томик. Сперва просто читала, а потом поняла: это так здорово, что владеть этим в одиночку просто подло по отношению к остальным. Надо бы для всех... И перевела!

И тут впервые проблески догадки замелькали у меня в голове.

— А как выглядела та книжка? Желтая такая? И на обложке фотография Арнольда Шварценеггера?

— Да...

— И стоила сия книжица десятку?

— Да... кажется.

— Угу. Это была моя книга. Я ее перевела, а потом продала оригинал, когда мы без денег сидели. Удивилась еще, что так быстро книгу купил кто-то...

Из этих переведенных мною романов о Конане был сооружен первый том «северо-западовской» Кононады, известный как «красный Конан». На обложке толстого тома — этюд в багровых тонах: голый Конан-варвар и голый же демон, бугрясь мышцами мясного цвета, схлестнулись в непримиримой борьбе. Выглядит чудовищно. Некоторые знатоки анатомии уверяют, что если выпрямить странно изогнутые в процессе поединка конечности Конана, то одна рука у него окажется длиною до колена, а вторая чуть ли не в два раза короче. О стилистических красотах текста переводов скромно умолчу.

Но эта смешная, дилетантская книжка все же дорога мне — как свидетельство моей первой любви.

За «красным Конаном» последовали и новые. Я переводила одну книжку за другой, бодро и лихо, кое-что сочиняя от себя, если текст начинал казаться мне вялым (особенно это касалось божбы и острот персонажей).

«Конан» победоносно шествовал по Петербургу, и один из моих одноклассников, встречая меня на улице, неизменно благодарил за «Конана». В то время эпопея о герое-варваре составляла его основное чтение. Он работал на стройке, очень уставал и отдыхал, забываясь над книжками моего производства.

Затем родился «американский писатель-авангардист», помешанный на своем кельтском происхождении,— некий Дуглас Брайан, который, как было написано в аннотации, «совершенно неожиданно для себя написал несколько романов о Конане».

Дуглас Брайан — это я.

Сочинялось легко и быстро, мне иной раз самой делалось интересно: а дальше-то что? Особых проблем со стилем не возникало: изливаемые мною в компьютер строки были всяко не хуже переводческих поделок. Впрочем, не скажу, что не старалась написать получше,— ведь я любила Конана.

Именно тогда появился термин «конина».

Помните «Трех мушкетеров»: эпизод, когда Портос продал великолепного коня, подарок Бекингэма, и на вырученные деньги накупил разных яств, а Атос догадался, откуда у Портоса деньги?

«— Знаете ли вы, что мы сейчас едим? — спросил Атос спустя несколько минут.

— Еще бы не знать! — сказал д'Артаньян.— Что до меня, я ем шпигованную телятину с артишоками и мозгами...

— Все вы ошибаетесь, господа,— серьезно возразил Атос,— вы едите конину... Да, конину. Правда, Портос, мы едим конину? Да еще, может быть, вместе с седлом?

— Нет, господа, я сохранил упряжь,— сказал Портос...»

Да, мы ели конину. Рагу из Конана. И тогда, и спустя еще пять лет...

Не сказала бы, кстати, что Дуглас Брайан был таким уж халтурщиком. Во-первых, он преклонялся перед Говардом, хорошо знал Хайборийский мир, никогда не позволял себе, находясь в древнем мире, измерять расстояние милями, время — часами, размеры предметов — дюймами, а температуру воздуха — градусами по Фаренгейту. За этим он следил чрезвычайно внимательно. Дуглас Брайан на самом деле искренне любил Конана.

Сейчас, когда Дуглас Брайан давно заснул вечным сном, а Е. Хаецкая (она же Е. Федотова — переводчица «красного Конана») считается чуть ли не «элитарным писателем» и «сакральной фантасткой», я с полной ответственностью заявляю: ДА, Я ЛЮБЛЮ КОНАНА. Он был моей первой любовью, моим кормильцем, моим другом. Пусть он варвар во всех отношениях — ему, во всяком случае, никогда не было свойственно наиболее отвратительное, с моей точки зрения, качество: конъюнктурный снобизм.

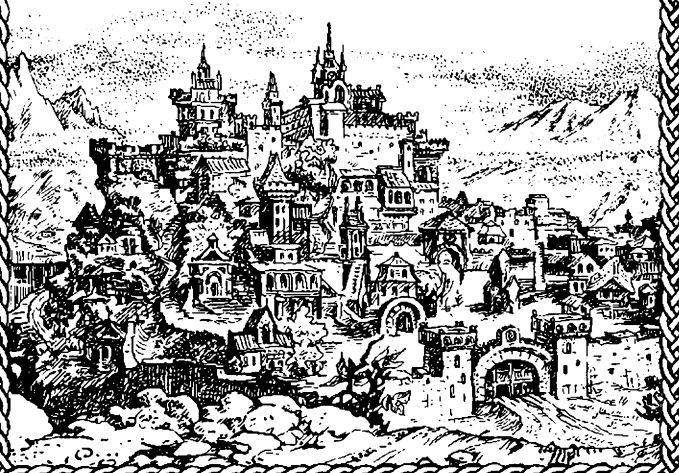
Елена Хаецкая

МОРЕ ЗАПАДА
ДЕБРИ ПИКТОВ
ЗИНГАРА
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
ЧУАНТЕН
ГЕВАНАХЕЙМ
БОССОНСКИЕ ПРЕВЕДЫ
АСГАРД
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ
ГАНДЕРЛАНД
НЕМЕ
ОФИР
К
ШЕМ
ДАР
ЧЕРНЫЕ
АРГОС
Р. Чернуха
Р. Громовая
Р. Шпага
Р. Хорот
Р. Таибор
Р. Красная
Р. Кайрет
Р. Зархебс
Галпарон
Велитриум
Танасук
Бельверус
Торантия
Шемар
Ианта
Кордава
Рабирийские горы
Эрук
Асголун
Кеми
Лукоур
Сухмет
Кутся
Барахские острова
Мессантия
остров Силтаха
Черный остров

ГИПЕРБОРЕЯ
Хайгата
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
КОРОЛЕВСТВО
БРИТУНИЯ
ДИЯ
Нумалия
КОРИНФИЯ
Шадизар
Карпашские горы
ЗАМОРА
Аренджун
ТУРАН
Султанапур
ГИРКАНИЯ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
остров Железных Башен
Акит
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ПУСТЫНИ
Хоршемиш
Агрsuperпур
Самарра
Шангара
Замбула
р. Стикс
Птейон
СТИГИЯ
Кутхемес
Алкмеон
ФАР КЕШАН
Кассали
ПУНТ
Кешла
Ксухотл
КОРОЛЕВСТВА
ЗЕМБАБВЕ
ИРАНИСТАН
ВЕНДИЯ
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА

Легенды гласят, что самый могучий воин Хайборийской эры появился на свет прямо на поле битвы. Дело вполне возможное, ибо киммерийские женщины владели оружием не хуже мужчин, и не исключено, что мать Конана, носившая его тогда под сердцем, устремилась вместе со всеми в бой, отражая нападение извечных врагов киммерийцев — злобных ванов. Но так или иначе, доподлинно известно, что все детство Конана в той или иной степени связано было с войнами, почти беспрестанно бушевавшими между киммерийскими кланами.

Унаследовав от отца богатырскую стать, он участвовал в битвах с того самого момента, когда впервые сумел поднять меч. Ему не было и пятнадцати лет, когда племена киммерийцев разорили пограничный город Венариум, возведенный аквилонцами на исконно киммерийских землях. После штурма города Конан еще год жил в родном краю, но затем попал в плен к гипербореям, бежал и, вместо того чтобы вернуться на родину, отправился через дикие горные пустоши на юг в Бритунию. Рассказывают, что во время этого путешествия Конан обрел свой первый меч.



Страшилище в склепе

1

КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Вот уже два дня волки преследовали его по лесу, и теперь они вновь подошли совсем близко. Юноша бросил взгляд через плечо. Он увидел меж черных стволов неясные, смутные серые тени с глазами, как пылающие угли в наступающих сумерках. На сей раз — и он знал это — ему больше не удастся прогнать их прочь.

Он не мог видеть далеко, поскольку вокруг него стояли, точно молчаливые солдаты зачарованной армии, черные ели — настоящее войско. Снег еще задержался грязно-белыми пятнами на северных склонах гор, но журчание тысячи ручейков тающего снега и льда обещало уже близкую весну. Даже в разгар лета эти земли были темны, безмолвны, мрачны, а теперь, когда слабый свет едва рассеивал сумерки облачного дня, казались еще безотраднее.

Юноша побежал дальше по склону, густо поросшему лесом. Он бежал так уже два дня, после того как с боем проложил себе дорогу к свободе из невольничьих загонов гиперборейцев. Хотя по рождению он был чистокровным киммерийцем, он тем не менее примкнул к одной из тех асирских орд, что делали небезопасными границы Гипербореи. Мрачные бело-

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

курые воины, под стать своей суровой стране, прогнали и уничтожили бо́льшую часть северян. Конан был взят в плен и впервые в своей жизни испытал на себе горечь цепей и ударов плети — обычный жребий раба.

Однако недолго терпел он неволю. Ночью, пока остальные спали, он тер одно звено своей цепи о камень до тех пор, пока оно не истончилось настолько, что при удобном случае его можно было сломать. И тогда, во время сильной бури, он освободился. Порванную цепь длиной в четыре фута он превратил в оружие и убил этим обрывком своего надсмотрщика, а также солдата, который пытался преградить ему дорогу. После этого он нырнул в заросли орешника. Дождь, скрывший его от глаз преследователей, сбил со следа и охотничьих собак, и они не смогли отыскать беглеца.

Хотя теперь Конан был свободен, между ним и его родной Киммерией простиралась огромная земля, чужие, враждебные королевства. Так что бежал он на юг, в дикую горную страну, отделявшую южные болота Гипербореи и плодородные бритунийские равнины от туранских степей. Где-то на юге, слыхал он, находится сказочное королевство Замора, где живут темноволосые женщины и высятся таинственные башни — обители пауков. Там знаменитые города: столица Шадизар, именуемый Проклятым; город воров Аренджун и Йезуд, город Паучьего Бога.

Едва год минул с той поры, как Конан в первый раз попробовал на вкус прелести цивилизации,— когда он с ордой своих кровожадных киммерийских собратьев по клану штурмовал стены Венариума и внес свою лепту в разграбление этого аквилонского форпоста. Эта проба пробудила его аппетит, наполнила рот слюной. У Конана не было ясного представления о том, что он намерен предпринять, только смутные мечты о дерзких приключениях в роскошных странах Юга, видения сверкающего золота, искрящихся самоцветов, яств и пития в избытке и страстных объятий прекрасных женщин благородных кровей — награды за его геройскую отвагу. На юге, думал он, его могучий рост и сила с легкостью помогут ему задавить этих слабаков-горожан и добиться славы и богатства. И потому Конан стремился на юг в поисках своего счастья, имея при себе лишь драную куртку раба и обрывок цепи в руке.

И вот однажды его учуяли волки. В обычной ситуации сильному мужчине можно не слишком страшиться этих животных, но зима, которая близилась уже к концу, была слиш-

ком суровой. Волки изголодались, и пустое брюхо заставило их позабыть обычную осторожность.

Когда звери впервые преградили ему путь, Конан с такой дикой яростью раскрутил свою цепь, что один серый волчара с перебитым позвоночником, взвыв, заскребся в снегу, а второй остался лежать с размозженным черепом. Их кровь окрасила тающий снег. Изголодавшаяся стая отступила от юноши с дикими глазами и страшной цепью и вместо него принялась рвать зубами своих убитых собратьев, а юноша побежал дальше на юг. Но прошло немного времени, и они вновь принялись преследовать его.

Днем раньше, на закате солнца, они выскочили перед Конаном на замерзшей реке у британской границы. На скользком льду он бился с ними, и его окровавленная цепь взлетала как молотильный цеп, пока самый яростный волчара не ухватился за железные звенья, вцепился в них и вырвал их из замерзших человеческих рук. И тогда под тяжестью стаи и бешенством драки треснул подтаявший лед. Задыхаясь и хрипя, Конан провалился в ледяную воду. Несколько волков оказались в воде вместе с ним — беглым взглядом он заметил наполовину затянутого под лед волка, отчаянно шарившего передними лапами по краю льда в попытке выбраться, но скольким волкам удалось спастись из воды и сколько их было затянуто течением под ледяной панцирь, этого он никогда не узнал.

Стуча зубами, Конан вылез на лед на противоположном берегу, оставив позади завывающую стаю. Всю ночь и целый день, до теперешней минуты, он бежал в южном направлении по лесистым холмам, полуголый, промерзший. И вот звери вновь настигали его.

Холодный горный воздух разрывал натруженные легкие, и каждый вдох горел в них, точно глоток адского пламени. Онемевшие, налитые свинцом ноги передвигались словно бы без всякого его участия. С каждым шагом сандалии опускались в раскисшую почву и с чавканьем высвобождались.

Конан знал, что с пустыми руками не имеет ни единого шанса уцелеть в борьбе с дюжиной жаждущих крови голодных волков. Несмотря на это, он продолжал бежать. Его мрачная киммерийская натура не позволяла ему сдаваться даже перед лицом верной гибели.

Вновь пошел снег. Большие серые хлопья опускались на теплую землю, и звук их падения был слышен, и темная сырая земля и высокие черные ели покрылись мириадами белых пятен. Тут и там на ковре опавшей прошлогодней

хвои виднелись сугробы. Местность постепенно становилась скалистой и гористой. И в этом, подумал Конан, быть может, состоит его шанс остаться в живых. Можно прислониться спиной к скале и душить волков поодиночке. Довольно-таки скудный шанс — слишком хорошо знал он теперь стальные капканы зубов, ловкость этих истощенных тварей, которые навалятся на него весом в сотню фунтов,— однако все же лучше такой шанс, чем вообще никакого.

Лес редел по мере того, как склон становился круче. Конан бежал вверх по мощной скале, которая выступала точно вход в крепость, поглощенную горой. Вот уже волки выскочили из густого леса и теперь жарко дышали Конану в спину. И выли, точно багровые демоны преисподней, когда те уносят проклятую душу.

2

ДВЕРЬ В СКАЛЕ

Сквозь мутную белизну снегопада юноша разглядел зияющий черный провал меж двух гладких могучих скал. Он бросился туда. Волки уже наступали ему на пятки, он чувствовал их горячее дыхание на своих голых ногах, когда наконец добежал до расселины. Он успел протиснуться туда как раз в то мгновение, когда самый смелый из волков прыгнул. Истекающая слюной пасть схватила пустой воздух. Конан был в безопасности.

Но надолго ли?

Юноша наклонился и пошупал в темноте шершавую скалу в поисках какого-нибудь камня, которым можно было бы отогнать воющую стаю. Он слышал, как звери бродят вокруг в мягком снегу и скребут лапами камень. Так же как и Конан, они хрипло кашляли. Они нюхали воздух и повизгивали, жаждая его крови, но ни один не полез следом за Конаном в расселину, серую щель в черноте скал. И то, что они не пошли за ним туда, было странно.

Конан установил, что он находится в узкой пещере, тьму которой лишь немного рассеивает сумеречный свет, пробивающийся через расселину. Неровный пол был покрыт нечистотами, нанесенными сюда за столетия ветром, птицами и зверьем; тут были перепревшие листья, еловые иглы, ветки, парочка-другая мослов, камешки, острые обломки скальной породы. Но ничего из этого Конан не мог бы использовать в качестве оружия.

Юноша выпрямился во весь рост — он был в свои годы уже на несколько дюймов выше шести футов — и принялся ощупывать стены, вытянув вперед руки. Вскоре он обнаружил вторую расселину. Когда он проник в еще более глубокую черноту второй пещеры, его ищущие руки нащупали странные знаки на стене — загадочные письмена неизвестного языка, неизвестного по меньшей мере для мальчишки-неуча из северной варварской страны, который не умел ни читать, ни писать и издевался над грамотой — даром цивилизации, именуя все это «бабскими утехами».

Ему пришлось низко наклониться, чтобы протиснуться в следующую щель, но в помещении, открывшемся перед ним, он снова мог стоять во весь рост. Он замер и настороженно прислушался. Хотя здесь царила абсолютная тишина, что-то подсказывало ему, что он был не один в этом скальном зале. Не было ничего такого, что он мог бы увидеть, услышать или унюхать, однако Конан чувствовал нечто, и жутковатое ощущение захлестывало его.

Его уши — острый слух лесного охотника — ловили отзвуки эха. Судя по этим звукам, внутренняя пещера была намного больше, чем внешняя — «прихожая» этого скального дворца. Пахло пылью и пометом летучих мышей. Шаркая ногами, Конан натыкался на мусор, рассыпанный по полу. Хотя он не мог ничего видеть, на ощупь это было непохоже на нечистоты, занесенные из леса (как во внешней пещере); скорее это напоминало творения рук человеческих.

Он быстро шагнул вдоль стены и споткнулся в темноте об один из странных предметов. Когда отнюдь не субтильный киммериец налетел на эту вещь, она с треском разлетелась под его тяжестью. Щепка впилась в кожу и добавила еще одну царапину к тем, что оставили кустарники и волки. Ругаясь, Конан наклонился и ощупал предмет, который раздавил. Это был стул из настолько прогнившей древесины, что он разлетелся бы в труху и под менее массивным человеком, чем Конан.

Немного осторожнее он вновь принялся за исследование. Шаря руками, он коснулся предмета побольше, в котором под конец признал бывшую боевую колесницу; колеса упали, поскольку проржавели оси; сама повозка лежала прямо на полу между обломками ободов и спиц.

Затем руки Конана наткнулись на что-то холодное, металлическое, предположительно кусок обшивки колесницы. Это навело его на очередную идею. Он повернулся и на ощупь нашел старую дорогу к внешнему гроту, который был едва

различим во всеобъемлющем мраке. С пола передней пещеры Конан собрал горсть сгнивших листьев и несколько камешков. Вернувшись во внутреннюю пещеру, он сложил древесину в кучу и начал стучать камешками по железу. После долгих отчаянных усилий он наконец нашел камешек, выбивавший искры в достаточном количестве.

Вскоре уже горел маленький коптящий костерок, и Конан подкладывал туда обломки стула и деревянных частей колесницы. Теперь напряжение отпустило его. Он мог немного отдохнуть после долгого бега и согреться — он промерз до костей. Ярко пылающий костер будет также удерживать на расстоянии волков, которые все еще выли у расселины. Они не решались преследовать его в темноте пещеры, но не желали тем не менее отказываться от своей добычи.

Пламя распространяло теплый желтый свет, и тени танцевали на грубо высеченных в скале стенах. Конан осмотрелся по сторонам. Помещение было квадратным и еще более просторным, чем он думал. Паутина почти полностью покрывала своды пещеры. Несколько еще целых стульев стояли у стены, кроме того — два трухлявых сундука, полные одежды и оружия. В гигантском скальном склепе все еще пахло смертью — запах давно истлевших и непогребенных тварей.

Внезапно у юноши зашевелились волосы на затылке и весь он покрылся гусиной кожей, когда разглядел на каменном троне у противоположной стены пещеры могучую фигуру обнаженного человека. Меч без ножен лежал на его коленях; череп, с которого давно уже облезло мясо, слепо взирал на Конана сквозь коптящее пламя костра.

Вглядевшись попристальнее, Конан понял, что голый великан был мертв уже давно. Кожа трупа стала коричневой, пальцы высохли и стали как тонкие ветки. Мясо слезло с костей, сморщилось и клочьями висело на открытых ребрах.

Однако это открытие отнюдь не уменьшило Конанова ужаса. Хотя юноша, для своих лет чрезвычайно отважный, не страшился битвы с врагом ни в человеческом обличье, ни в облике дикого зверя, хотя не пугали его ни боль, ни сама смерть, все же он был варваром с северных киммерийских гор и, как всех варваров, его охватывал ужас перед сверхъестественным, что таится в гробницах и ночной тьме,— со всеми их мороками, колдунами и демонами, с чудовищными созданиями глубокого мрака и хаоса, которые, как верят дикари, делают ночь за пределами светового круга лагерных костров весьма небезопасной. Куда милее было бы

Конану иметь дело даже с голодной волчьей стаей, нежели оставаться здесь, с покойником, неподвижно глазевшим на него сверху вниз со своего каменного трона. В коптящем пламени его череп, казалось, зримо наполнялся жизнью, и пустые глазницы вспыхивали, точно оживая.

3

ТВАРЬ НА ТРОНЕ

Хотя кровь у Конана заледенела в жилах, а волосы на затылке стояли дыбом, юноша напряг всю свою волю и овладел собой. Он проклинал свой несчастный страх перед сверхъестественным и на еле гнущихся ногах сделал-таки несколько шагов по пещере, чтобы поближе рассмотреть того, кто так давно уже мертв.

Трон представлял собой угловатый каменный блок из блестящей черной породы, грубо высеченное сиденье, взгроможденное на пьедестал высотою в фут. Обнаженный либо так и скончался, сидя на троне, либо был усажен на него сразу после смерти. Одежды, в какие он был некогда облачен, ныне уже давным-давно истлели. Бронзовые пряжки и обрывки кожаных ремней от доспехов еще лежали у его ног. На шее висела цепь из необработанных золотых самородков; неотшлифованные драгоценные камни блестели в золотых перстнях на пальцах, скрюченных как когти, которые все еще цеплялись за подлокотники трона. Рогатый бронзовый шлем в густой зелени паутины покрывал череп над жутким иссохшим коричневым ликом.

Железным усилием воли Конан вынудил себя пристальнее рассмотреть эти разрушенные временем черты. Глаза выпали и оставили после себя лишь два черных провала глазниц. С иссохших губ облезла кожа, и теперь рот, казалось, застыл в недружелюбной улыбке, выставив желтые зубы.

Кем был некогда этот мертвец? Воин древних времен, возможно великий вождь, которого так страшились при жизни, что и после кончины не посмели отказать ему в троне? Кто мог бы поведать об этом теперь? Сотни кланов и племен прошли с той поры по этой гористой пограничной земле и владычествовали над ней после того, как восемь тысяч лет назад изумрудно-зеленые волны Западного океана поглотили Атлантиду. Судя по рогам на шлеме, мертвец мог быть вождем ваниров или асиров прежних времен, но возможно так-

же, что он был примитивным королем забытого хайборийского племени, давным-давно исчезнувшего в тени Времени и погребенного под пылью эпох.

Лишь слегка подняв взор, Конан впервые заметил, *что* лежало поперек костлявых колен мертвеца. Могучим оружием был этот широкий меч с клинком длиною более трех футов. Он был выкован из синеватой стали — не меди или бронзы, как того было бы естественно ожидать, принимая во внимание явную древность погребения. Быть может, то был один из первых железных мечей, когда-либо изготовленных человеческой рукой. Легенды Конанова народа рассказывали о тех днях, когда люди сражались красноватыми бронзовыми клинками, а ковка стали была им еще неведома. Много битв, должно быть, повидал на своем веку этот меч, ибо его клинок, хоть и острый до сих пор, нес на себе следы не одной дюжины зарубок, оставленных другими клинками и секирами, чьи удары он отразил. Был он, правда, покрыт пятнами и ржавчиной от старости, но это было все еще устрашающее оружие.

Юноша почувствовал бешеное биение пульса в висках. Кровь прирожденного воина вскипала в его жилах.

Кром, вот это меч!

С таким клинком он сможет куда больше, чем отбиться от голодной шайки волков, все еще топтавшихся, скуля, у входа в пещеру. С громко стучащим сердцем Конан потянулся к рукояти, не замечая предостерегающих вспышек в пустых глазницах высохшего трупа.

Он испытующе взвесил оружие в руке. Оно показалось ему тяжелым как свинец, это оружие древнейших эпох. Быть может, его носил знаменитый герой, легендарный полубог, как Кулл из Атлантиды, король Валузии,— задолго до того, как легендарный континент поглотило не знающее покоя море...

Юноша взмахнул мечом. Его мускулы вздулись, сердце забилось еще сильнее от гордости обладания чудесным оружием. Боги мои, что за меч! С таким мечом в руке воин, стремящийся к славе, ни одну цель не назовет недостижимой! С оружием, подобным этому, даже полуголый юный дикарь из варварской Киммерии наверняка сумеет проложить себе дорогу через вселенную и завоевать место среди великих королей земли.

Конан отошел от трона на несколько шагов, чтобы лучше испытать меч. Он рассек им воздух, отразил воображаемое нападение, и оружие становилось ему все привычнее и при-

вычнее. Старый острый меч свистел, когда Конан взмахивал им, и широкий клинок отражал коптящий свет пламени, игравший на нем, бросая искры света на грубые стены скалы, точно расцветшие маленькими золотыми метеорами. С таким ярким маяком он сможет поспорить не то что с голодной ордой, карауливщей его у пещеры,— с целым миром, полным могучих воинов.

Раздувая грудь, Конан испустил дикий боевой клич своего народа. Отзвуки этого вопля загремели под сводами склепа, разогнали по углам тени, смели древнюю пыль. У юноши и мысли не мелькнуло, что подобный вызов в таком месте, как это, может спугнуть нечто большее, чем просто тени и пыль,— быть может, существ, которые по законам природы должны были мирно почивать и дремать в покое, пока на земле сменяются эпоха за эпохой.

Конан замер, точно застыв, когда внезапно уловил звук — непередаваемое сухое шуршание. Оно доносилось с той стороны склепа, где находился трон. Он резко повернулся — и волосы поднялись у него дыбом, а кровь прекратила движение по жилам. Все его суеверные страхи, весь ужас перед сверхъестественными созданиями ночи ожили и охватили его.

Мертвец проснулся к жизни.

4

КОГДА МЕРТВЕЦ ОЖИВАЕТ

Медленно, судорожно поднялся труп со своего каменного трона и уставился на Конана черными провалами глазниц, где и теперь, казалось, холодным, злым огнем сверкали живые глаза. Каким-то образом — древними чарами, о которых мальчишка-варвар не мог даже подозревать,— жизнь двигала иссохшую мумию вождя, мертвого бесконечно долгие годы. Рот, застывший в вечной ухмылке, хотел заговорить, челюсть открылась и захлопнулась в жуткой пантомиме ужаса, однако единственным звуком, который Конан мог услышать, был тот треск, что он уловил в самом начале: точно терлись друг о друга истлевшие остатки мышц и высохших жил. Для Конана эта безмолвная имитация речи была еще хуже, чем то обстоятельство, что мертвец вновь жил и двигался.

С треском мумия спустилась с пьедестала трона и повернула череп в сторону Конана. Когда взор пустых глазниц замер на мече в руке Конана, в них засверкали искры.

Мумия неуклюже побрела под сводами склепа и приблизилась к Конану чудовищной фигурой из кошмарного сна, приснившегося одержимому безумцу. Она простерла костлявые пальцы-когти, чтобы вырвать меч из молодых, сильных рук киммерийца.

Почти парализованный суеверным ужасом Конан шаг за шагом отступал назад. В свете костра черные, жуткие тени, отбрасываемые мертвецом, метались по стене, и эти тени, словно духи, скользили след в след за мумией. Если не считать потрескивания костра, пожиравшего гнилые, древние-предревние обломки мебели, которыми Конан кормил свой огонек, треска и скрипа иссохших мышц, которые шаг за шагом тяжеловесно приближали труп к юноше, и тяжелого дыхания, с хрипом вырывавшегося из глотки перепуганного молодого варвара,— если не считать всех этих звуков, в гробнице было совершенно тихо.

Теперь мертвец притиснул Конана к стене. Коричневатые когти рывками подбирались все ближе и ближе. Реакция юноши была чисто автоматической: инстинктивно он ударил по ним. Клинок просвистел по воздуху и отрубил протянутую руку, хрустнувшую, как сухая ветка. Хватая пустой воздух, отрубленная рука упала на пол. Из тощего обрубка не брызнуло ни капли крови.

Страшное ранение, которое вывело бы из строя любого живого воина, даже не замедлило поступи двигающегося трупа. Он только отдернул обрубок руки, лишенной кисти, назад и протянул другую.

Конан дико отскочил от стены и занес клинок для мощного удара, описав широкую дугу. Удар обрушился на бок мумии. Ребра треснули, как гнилые ветви, и живой мертвец с шорохом рухнул на пол. Хрипло переводя дыхание, Конан неподвижно застыл в середине пещерного зала, обхватив покрепче рукоять меча рукой, мокрой от пота. Он широко распахнул глаза, когда увидел, что мумия вновь тяжело поднимается и, шаркая и волоча ноги, вновь тянет к нему оставшиеся неповрежденными когти.

5

ПОЕДИНОК

Они медленно-медленно кружили по пещере. Конан наносил удары мечом, но шаг за шагом отступал от мумии, неумолимо приближающейся к нему.

Один удар по неповрежденной руке пропал втуне, потому что мумия отдернула ее в сторону. Удар был, однако, настолько силен, что Конан совершил резкий полуоборот вокруг своей оси, и движущийся труп уже почти настиг его, прежде чем он обрел равновесие. Пальцы-когти ухватили клочок его куртки и сорвали лохмотья одежды, так что Конан остался в одних сандалиях и набедренной повязке.

Молодой варвар отскочил назад и, широко размахнувшись, ударил мумию по голове. Чудовищное создание пригнулось, и вновь юноше пришлось поспешно отступить. Наконец меч со звоном грянул о шлем и отрубил один из рогов. Второй удар сорвал шлем с головы и вонзился в прогнивший коричневый череп. Всего миг клинок оставался там — один только миг, но его было достаточно, чтобы Конана обуял глубинный, потаенный ужас перед сверхъестественным, пока юноша отчаянно пытался освободить свое оружие.

Затем меч ударил мумию по ребрам и на одно почти смертельное мгновение застрял в позвоночнике, прежде чем Конан успел выдернуть клинок. Но ничто, как казалось, не могло остановить этот оживший ужас, и поскольку тот был уже мертв, то не мог быть умерщвлен ничем. Вновь и вновь труп, шатаясь, поднимался и, спотыкаясь, брел вперед, к юноше, не испытывая ни усталости, ни колебаний, хотя на его теле уже остались следы таких ран, которых хватило бы, чтобы оставить извиваться в пыли добрую дюжину столь же умелых бойцов.

Как же убить то, что уже мертво? Этот вопрос гремел в голове Конана, пока ему не стало казаться, что череп у него лопнет. В легких кололо, сердце колотилось, как безумное. Колющие, рубящие удары — ничто не могло остановить оживший труп.

Теперь Конан действовал осмотрительнее. Он подумал, что, если мумия больше не сможет держаться на ногах, она не сможет также и преследовать его. Резким ударом снизу он перебил колени трупа. Хрустнули кости, и мумия рухнула на пол. Но все еще горела жуткая жизнь в иссохшей груди трупа. Он вновь неуклюже поднялся на ноги и заковылял следом за киммерийцем, волоча скорченную ногу.

И снова Конан развернулся и снес нижнюю половину лица мумии. Нижняя челюсть упала на пол и с лязгом пропала в тени. Однако мертвец даже не остановился. Обнаженная верхняя челюсть мерцала белым под чудовищным свечением в глазницах, в то время как мумия неловко, но неустанно преследовала своего противника. Конан почти желал очу-

титься снаружи и оказаться среди волков вместо того, чтобы забираться в этот проклятый склеп, где влачат свою потустороннюю жизнь всякие твари, которые уже тысячу лет как должны быть погружены в мирный сон смерти.

Вдруг что-то схватило киммерийца за щиколотку. Он потерял равновесие и растянулся во весь рост на грубом скальном полу. Конан яростно дернул ногой, чтобы освободиться. Тут только он увидел, что в нее вцепилось, и кровь застыла у него в жилах — это была отрубленная кисть мумии. Пальцы с когтями впились в его кожу.

И вот уже отвратительная, кошмарная фигура склоняется над ним. Обрубок лица трупа тупо уставился на него сверху вниз, когти сомкнулись на его горле.

Конан реагировал инстинктивно. Со всей силы ударил он обеими ногами навалившееся тело мумии. Оно пролетело по воздуху и с треском приземлилось позади Конана прямо посреди костра.

Теперь юноша схватил отрубленную кисть, которая все еще держала его за щиколотку. Он освободился от костлявых пальцев, вскочил на ноги и бросил отвратительную когтистую лапу мумии вслед за ее владельцем в огонь. Конан поспешно наклонился, схватил меч и повернулся — но битва была уже закончена.

Высохший за бесчисленные столетия, проведенные в дреме склепа, труп горел как сухой кустарник. Неестественная жизнь, теплившаяся в нем, заставляла мертвеца пытаться выбраться на свободу, в то время как пламя охватывало его, превращая мумию в живой факел. Еще совсем немного, и труп выбрался бы из огня, но тут подвела обрубленная нога, и он мешком рухнул обратно в разгоревшийся, трещавший огонь. Горящая рука отвалилась, как сломанная ветка. Череп покатился по углям. Несколько мгновений — и ничего не осталось больше от этой древней мумии, кроме россыпи тлевших костей.

6

МЕЧ КОНАНА

Конан испустил вздох облегчения и задержал дыхание. После того как напряжение исчезло, он чувствовал опустошенность в каждой клеточке тела. Он вытер с лица холодный пот ужаса и отбросил назад спутанные черные волосы. Мумия мертвого воина была наконец воистину мертва, и могу-

чий меч принадлежал теперь Конану. Он вновь взвесил его в руке и порадовался тому, как ловко оружие лежит в его ладони.

Одно мгновение он подумывал о том, чтобы провести ночь в этом склепе. Он смертельно устал. Снаружи поджидали его только волки и ледяной холод, они караулили, чтобы наброситься на него, и даже его врожденное чувство ориентации, обостренное жизнью в диких краях, не очень поможет ему в беззвездную ночь в чужой стране.

Но затем Конана охватило отвращение. Под сводами, полными дыма, воняло теперь не только пылью веков, но и паленым человеческим мясом, пусть даже и мертвым,— это был жуткий запах, ничего подобного нос варвара еще не переносил, и желудок у киммерийца завязался узлом. Оставленный трон точно уставился на Конана неподвижно и зло. Неприятное чувство, которое охватило его, когда он только вошел во внутренний пещерный зал, все еще не прошло. Кожу покалывало, и дрожь пробегала у него по спине, когда он думал о том, что придется провести ночь в этой гробнице.

Кроме того, новый меч наполнял его уверенностью. Грудь его вздымалась, и он завертел клинком над головой.

Секундой позже он покинул пещеру, завернувшись в старый мех, найденный в одном из сундуков, с факелом в одной руке и мечом в другой. Волков не было и следа. Он взглянул вверх, на небо. Облака разошлись. Конан внимательно посмотрел на те звезды, что были сейчас видны, затем снова пустился в свой путь на юг.

Жизнь на плодородных равнинах Бритунии показалась молодому варвару слишком пресной. Его влекла легендарная Замора — страна черноволосых красавиц и башен с таинственными пауками. Так Конан попал в Аренджун — знаменитый заморийский Город Воров, где и началась его карьера профессионального вора и грабителя, длившаяся добрых несколько лет.

В зале мертвецов

Расселина была темной, хотя заходящее солнце окрасило западный горизонт полосами красного, желтого и зеленого. На этой цветной ленте заката острый глаз мог различить черные силуэты куполов и башен Шадизара Проклятого — города темноволосых женщин и загадочных башен, где вершат бесчинства чудовищные пауки. Шадизар — столица Заморы.

Когда сгустился сумрак ночи, на небосклоне показались первые звезды. И словно в ответ вспыхнули огни на далеких куполах и башнях. Но если свет звезд был бледен и слаб, то в окнах Шадизара он горел глубоким янтарным огнем, и невольно при взгляде на него возникали мысли о страшном и отвратительном.

Тихо было в расселине, если не считать стрекотания кузнечиков. Но внезапно тишину прервал строевой шаг. По расселине двигался отряд заморанских солдат — пять человек в простых железных шлемах и куртках с бронзовыми заклепками, предводительствуемые офицером в сверкающих бронзовых доспехах и шлеме, на котором развевался высокий плюмаж из конского волоса. Бронзовые поножи раздвигали высокую густую траву, росшую на дне ущелья. Кожаные доспехи скрипели, оружие звенело. Трое солдат несли луки, двое других — копья. Короткие мечи висели у них на боку, щиты они забросили за спину. Офицер был вооружен длинным мечом и кинжалом.

© R. Howard, L. Sprague De Camp.

Один из солдат сказал:

— Ежели мы схватим живым этого типа, Конана этого, что мы с ним будем делать?

— Отправим в Йезуд, чтобы бросить на растерзание богу-пауку, я так думаю,— ответил его товарищ.— Куда важнее другой вопрос: останемся ли мы вообще живы, чтобы получить обещанное вознаграждение?

— Да ведь ты вроде не боялся его? — насмешливо вставил третий.

— Я? — опешил солдат.— Я ничего не боюсь, даже смерти. Вопрос только, какой смерти. Этот вор — не цивилизованный человек, он дикий варвар, а силищи в нем на десятерых. Так что я сходил в магистрат, чтобы заверить там мою последнюю волю...

— Как утешительно, что по крайней мере твои наследники получат частично награду,— сказал другой.— Хотел бы я, чтоб и у меня достало ума об этом подумать.

— Ох,— проворчал тот, который заговорил первым.— Они уж найдут предлог надрать нас с денежками, даже если мы и схватим негодяя.

— Но префект обещал нам лично,— бросил ему другой.— Богатые купцы и дворяне, которых обчистил Конан, собрались вместе и выплатили вознаграждение из своего кармана. Я видел эти кошели. Они полны золота и так тяжелы, что один человек едва ли может поднять их. По всему видать, они пошли на это и не посмеют удержать оплату.

— Но предположим, что нам не удастся схватить его,— сказал второй солдат, выдвигая новый повод для размышлений.— Разве не упоминалось что-то насчет того, что за эту промашку нам придется расплатиться нашими головами? — Говорящий возвысил голос.— Капитан Нестор! Что будет с нашими головами, если...

— Попридержите языки, вы все! — фыркнул офицер.— Вас уже небось слышно даже в Аренджуне. Если Конан притаился хотя бы в миле от нас, он уже насторожился. Так что заткните глотки и заодно уж попытайтесь двигаться, хотя бы чуть-чуть меньше гремя оружием.

Офицер был широкоплеч, среднего роста. В дневном свете было бы видно, что глаза у него серые, а в светло-каштановых волосах проглядывает седина. Это был гандер из северной аквилонской провинции, на полторы тысячи миль к западу от Шадизара. От поручения доставить Конана живым или мертвым он был отнюдь не в восторге.

Префект предупредил его, что его ожидает суровая кара, быть может даже плаха, в том случае если он вернется назад

без преступника. Это был личный приказ короля — схватить поставленного вне закона. А король Заморы не разводил нежностей с теми государственными служащими, которые предавали его. Прошел слушок, что ранним вечером Конан отправился в сторону ущелья. Так что командование Нестора поспешило дать ему несколько солдат, какие были в это время в казарме, и отправило в погоню.

Нестор не питал особого доверия к людям, сопровождавшим его. Он почитал их за болтливых хвастунов, которые при виде опасности возьмут ноги в руки и бросят его одного сражаться с варваром. Хотя он ни в коем случае не был трусом, но не обманывался в том, что касалось его шансов выстоять против дикого, огромного молодого варвара. Его доспехи вряд ли дадут ему преимущества, о которых стоило бы упоминать.

Когда закат догорел на западе небосклона, сгустилась темнота и стены ущелья стали казаться более крутыми и отвесными, а само ущелье — более тесным. Люди позади Нестора вновь начали переговариваться.

— Мне это вовсе не нравится,— пробормотал один.— Эта дорога ведет к развалинам Ларши Проклятой, где притаились духи старины, чтобы проглотить всякого, кто проходит мимо. И в этом городе, должно быть, находится Зал Мертвецов...

— Заткнись! — рявкнул Нестор и повернул голову.— Если...

В этот момент офицер споткнулся о веревку, свитую из связанных узлами полосок невыделанных шкур, и растянулся в траве во весь рост. Колышек, к которому была привязана веревка, выскочил из почвы, и теперь кожаная полоска свободно лежала в траве.

С треском и грохотом покатилась куча камней и земли и загремела вниз по левому склону ущелья. Когда Нестор вновь поднялся на ноги, обломок скалы величиной с человеческую голову с силой ударил в его кирасу и вновь швырнул на землю. Следующий обломок сорвал шлем с головы, и целый ливень маленьких камешков просыпался над ним. Позади него раздался дикий вопль и скрежет камня о металл. Затем все вновь стихло.

Нестор, качаясь, поднялся на ноги, прокашлялся, освобождая горло от проглоченной пыли, и повернул голову, чтобы посмотреть, что же произошло. В нескольких шагах позади него огромная лавина закупорила ущелье от стены до стены. Подойдя поближе, он увидел руку и ступню, торча-

щие из нагромождения обломков скал. Он начал звать своих людей, но ответа не получил. Он коснулся руки, высовывавшейся из кучи, и понял, что в этом теле больше нет жизни. Обвал, вызванный рывком за кожаный ремень, поглотил весь его отряд.

Нестор глубоко вздохнул и осторожно подвигался, желая убедиться, что у него нет каких-либо повреждений. Очевидно, переломанных костей не было, хотя на нагрудном панцире виднелось несколько вмятин. Он отделался довольно счастливо — парой синяков. Пылающая ярость охватила его. Он поискал свой шлем и, когда нашел его, в одиночку пустился в преследование. Не схватить вора — это было бы уже достаточно скверно, однако быть вынужденным еще и докладывать о гибели своего отряда — это, без сомнения, означало мучительную и не столь быструю смерть. Единственным его шансом было доставить Конана — или, по меньшей мере, его голову.

С мечом в руке Нестор ковылял по бесконечной извилистой дороге на дне ущелья. Сияние на небе сказало ему о том, что луна уже взошла. Он щурил глаза, потому что каждую минуту ожидал, что варвар выскочит на него из-за одного из бесчисленных поворотов ущелья. Стены становились все более отлогими и низкими. Справа и слева зияли расселины, и трава уступила место камням и осколкам скал, что очень затрудняло продвижение вперед. Но наконец ущелье кончилось, и, после того как Нестор взобрался по пологому склону, он оказался на возвышенности, окруженной далекими горами. На расстоянии примерно одного полета стрелы перед ним возвышались белые как кость в свете полной луны стены Ларши. Время прогрызло трещины и царапины в стенах, над которыми высились частью разрушенные крыши и башни.

Гандер остановился. Ларша, как рассказывают, невообразимо стара. Согласно легендам, она возникла уже во времена катаклизма, когда предки современных заморанцев, земри, основали свою полуцивилизацию, островок в море всеобщей дикости.

На шадизарских базарах болтали о смерти, что караулит в этих руинах. Насколько знал Нестор, еще ни одного из бесчисленных отважных безумцев, которые до сей поры пытали счастье в желании завладеть сокровищем, предположительно имевшимся там, больше никто никогда не видел. Поэтому также никто не ведал, какого рода опасность ожидает в Ларши непрошеного гостя.

Примерно десять лет назад король Тиридат отправил в город роту самых отважных своих солдат при свете белого дня, сам же ожидал их возвращения у стен. Он слышал крики и торопливый бег (по-видимому, солдаты спасались бегством), а после — ничего. Люди, которые ждали вместе с королем у стен, бежали оттуда, и вместе с ними вынужден был бежать и Тиридат. До сих пор это была последняя попытка силой вырвать у Ларши ее тайну.

Хотя Нестор, как почти все наемники, в высшей степени был заинтересован в том, чтобы быстро получить богатство, он не действовал необдуманно. Долгие годы наемной службы в королевствах, расположенных между Заморой и его родиной, научили его предусмотрительности. Пока он перебирал в уме всевозможные опасности, нечто внезапно мелькнувшее перед его взором заставило его окаменеть. Тесно прижимаясь к стене, в ворота проскользнул человек. Хотя он был слишком далеко, чтобы в лунном свете можно было разглядеть его лицо, легко было узнать эти гибкие, как у пантеры, движения. Конан!

Ярость охватила Нестора. Больше он не размышлял и тоже двинулся к воротам. Ножны своего меча он придерживал, чтобы они не бились о поножи и не выдали его звяканьем. Но как бы тихо он ни двигался, острый слух варвара уловил шум. Конан резко повернулся, и меч его выскользнул из ножен. Когда он увидел, что преследует его всего лишь один-единственный человек, он замер в ожидании.

Приблизившись, Нестор разглядел своего противника. Варвар был добрых шести футов ростом, и шнурованная куртка не могла прикрыть его могучие плечи. Кожаный мешок висел у него на плече. Прямо обрезанные черные волосы обрамляли юношеское, однако суровое лицо.

Ни один из двоих не сказал ни слова. Нестор чуть помедлил, чтобы перевести дыхание и сбросить с себя плащ. В это мгновение Конан напал.

Два меча блеснули в лунном свете, и звон клинков нарушил гробовую тишину. Нестор был опытным бойцом, однако более длинные руки и невообразимая ловкость киммерийца сводили на нет это преимущество. Натиск Конана был первобытным и неудержимым, как смерч. Нестор ловко парировал удары, но шаг за шагом отступал назад. Полуприщуренными глазами наблюдал он за своим противником и ждал, пока сила его ударов не утомит Конана, однако варвар, казалось, не ведал усталости.

Обманным ударом Нестор распорол куртку Конана на груди, однако клинок даже не оставил царапины на коже.

Быстрый как молния ответный выпад киммерийца скользнул по кирасе Нестора, и острие меча оставило глубокую борозду на бронзе.

Когда Нестор отклонился назад под следующим яростным натиском, он запнулся о камень. Конан ударил по шее гандера. Хорошо нацеленный удар, без сомнения, снес бы голову с туловища, однако вследствие того, что Нестор оступился, клинок вместо этого только попал по шлему и глубоко вошел в металл. Гандер упал на землю и растянулся во весь рост.

Конан глубоко вздохнул и с поднятым мечом подошел ближе. Его противник неподвижно лежал у его ног, и кровь струилась из-под разбитого шлема. По-юношески переоценивая себя, Конан был уверен, что удар прикончил офицера. Он сунул меч обратно в ножны и вновь повернулся к городу древних.

Киммериец приблизился к воротам. Они состояли из двух створок из дерева толщиной в фут, одетого бронзой, в высоту же были вдвое выше человеческого роста. Тяжело дыша, Конан резко надавил на них изо всех сил, однако они не раскрылись. Наконец он вынул свой меч из ножен и забарабанил по бронзе. Насколько он был наслышан, древесина вся сгнила, однако бронзовый оклад был слишком толстым, чтобы его можно было прорубить мечом, не повредив при этом клинок. Кроме того, имелся более простой вход.

Примерно в тридцати шагах к северу от ворот стена рухнула и на самом низком участке возвышалась над землей не более чем на двадцать футов, и кроме того, развалины снаружи лежали кучей, достигавшей примерно шести или семи футов по высоте рухнувшей стены.

Конан разбежался и взлетел по куче развалин вверх, затем подпрыгнул и вцепился в край стены. Кряхтя и не обращая внимания на ссадины и царапины, которые при этом получил, он подтянулся вверх. И вот он уже уселся на стену и смотрит вниз, на город.

Под ним расстилалась площадь, где буйная растительность бесконечно долгое время вела войну с плитами мостовой. Все эти камни треснули и поднялись над землей, на которой и лежали теперь опрокинутые, а между ними произрастали трава, сорняки и скудные кустарники.

За этой площадью начинались руины бедняцкого квартала города. От убогих, низеньких глинобитных домиков не осталось ничего, кроме кучек земли. За ними же Конан

заметил мерцающие в лунном свете белым сиянием каменные строения, сохранившиеся получше,— храмы и дворцы, дома знати и зажиточных купцов. И как это случается со многими древними руинами, над покинутым городом висела аура Зла, чего-то таинственного и зловещего.

Конан прислушался, огляделся по сторонам. Никакого движения. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было стрекотание кузнечиков.

Киммериец тоже слыхал кошмарные истории о проклятой Ларше. Хотя сверхъестественное будило в сердце варвара почти панический, первобытный ужас, все же ему придавала сил мысль о том, что и сверхъестественное существо, обрети оно только твердую форму, может быть убито обычным земным оружием ничуть не хуже человека или животного. Он, Конан, не дошел еще до того, чтоб отказаться от поисков сокровища из-за каких-то там демонов, чудовищ или тем более людей.

Согласно преданиям, легендарное сокровище обязано было обретаться во дворце. Положив левую руку на меч в ножнах, юный взломщик спрыгнул со стены и быстро и бесшумно, как тень, двинулся к центру города, петляя по кривым улочкам.

Со всех сторон его окружали руины. Тут и там обломки очередного дома перекрывали проход по улице, и Конану приходилось перелезать через них или пускаться в обход. Луна теперь стояла высоко в небе и заливала развалины таинственным, призрачным светом. По правую руку от киммерийца высился храм, частью уже рухнувший; однако портик с четырьмя могучими мраморными колоннами сохранился. Выстроившись вдоль края крыши рядком, отвратительные мраморные скульптуры — это были изображения чудовищ, полудемонов, полуживотных,— казалось, вглядывались в глубины давным-давно забытых времен.

Конан попытался припомнить одну легенду, которую он — в отрывках — вынес из кабаков Глотки, а именно как случилось, что Ларша погибла. Это было нечто вроде проклятия, наложенного на город разгневанным божеством, ибо оно было не в силах более взирать на прегрешения горожан, по сравнению с коими ужасные преступления и грехи людей Шадизара могли бы показаться едва ли не чудом добродетели...

Киммериец постепенно подходил ближе к городскому центру, и вот тут-то нечто примечательное бросилось ему в глаза. С каждым шагом ему было все труднее отрывать санда-

лии от разбитых плит мостовой. Они прилипали к камню, точно к теплой смоле. Всякий раз, как он отдирал ногу, раздавался чмокающий звук. Конан остановился и пощупал почву. Она была покрыта бесцветным, липким, однако почти сухим слоем непонятно чего.

Не снимая ладони с рукояти меча, он огляделся по сторонам в лунном свете. Ни звука не доносилось до его ушей. Он продолжил свой путь, и вновь ему пришлось с усилием отрывать подошвы от мостовой. Он остановился, повернул голову. Конан мог бы поклясться, что слышит доносящиеся издалека точно такие же чмокающие звуки, которые производил он сам. Одно мгновение он думал, что это, быть может, эхо его собственных шагов, но полуразрушенный храм он уже оставил позади, и ни справа, ни слева от него не вздымалось стен, способных отражать звук.

Он опять двинулся дальше и вскоре вновь замер. Он снова уловил этот чмокающий звук, и на сей раз он не прекратился, когда киммериец стоял совершенно неподвижно и тихо. Напротив, звук стал громче. Обостренные чувства варвара подсказали ему, что звуки эти зарождаются где-то прямехонько перед ним. Однако поскольку на улице ничего подозрительного не наблюдалось, звук, вероятно, имел свой источник на одной из боковых улиц или в руинах.

Звук превратился в неописуемо тягучее, булькающее шипение. Железные нервы Конана были так натянуты, что грозили лопнуть, пока он ожидал, что вот-вот покажется то, что производит это шипение,— чем бы оно ни оказалось.

Наконец из-за ближайшего угла поднялась огромная слизистая масса, бледно-серая в лунном свете. Она скользила по улице и быстро приближалась, издавая этот чмокающий звук, сопровождающий ее передвижение. Передняя часть этой массы была снабжена двумя похожими на рога наростами, самое малое десяти футов в длину, которые торчали вверх, а под ними находилась вторая пара наростов, похожих на верхние, но покороче. Длинные рога клонились то в одну, то в другую сторону, и тут Конан увидел, что на конце каждого из них имелось по глазу.

Тварь была слизняком, похожим на улитку без раковины, которая оставляет позади себя слизистый след. Этот слизняк был примерно пятидесяти футов в длину, а в обхвате «талии» мог сравниться с Конаном. И кроме того, он двигался с такой скоростью, с какой человек бежит. До киммерийца долетел тошнотворный запах твари.

Ошеломленный, одно мгновение Конан стоял как парализованный и смотрел, как к нему приближается чудовищная туша резинообразного мяса. Улитка испустила звук, подобный удовлетворенному чмоканью губами, только во много раз сильнее.

Наконец варвар пришел в себя и отскочил в сторону. В тот же миг сквозь ночную тьму пролетела струя жидкости и плеснула как раз в то место, где только что стоял Конан. Крошечная капелька попала ему на спину и стала жечь, как огнем.

Киммериец повернулся и помчался назад по той же дороге, по которой пришел. Его длинные ноги так и мелькали в лунном свете. И снова ему приходилось перебираться через кучи развалин. Он слышал, как улитка гонится за ним по пятам. Может быть, она уже настигает его. Однако он не осмеливался повернуться, потому что боялся споткнуться среди нагромождения развалин. И тогда чудовище настигнет его еще прежде, чем он снова успеет подняться на ноги.

И вновь раздался звук плевка. Конан стремительно отпрыгнул в сторону. И на этот раз струя пролетела мимо него. Даже если ему удастся до самой стены сохранять расстояние между собой и слизняком, следующая струя, вероятно, попадет в цель.

Конан торопливо завернул за угол, чтобы между ним и улиткой образовалась парочка-другая препятствий. Он помчался по узкому, петляющему зигзагами переулочку, затем свернул за следующий угол. При этом он нисколько не сомневался, что уже успел заблудиться в этом запутанном лабиринте улиц, но теперь было важно лишь одно — свернуть за как можно большее количество углов, чтобы тем самым отнять у преследователя возможность поливать его ядовитыми струями. Чмокающие звуки и тошнотная вонь лучше всяких слов сказали ему, что зверюга все еще наступает ему на пятки. Быстро обернувшись, он увидел, как чудовище высунулось как раз из-за того угла, который он только что обогнул.

Все дальше и дальше шла эта дикая охота по путанице улиц древнего заброшенного города.

Если он не может бежать быстрее, чем слизняк, то, возможно, ему удастся утомить эту скотину. Варвар знал, что человек обладает большей выносливостью, чем большинство животных, если дело доходит до бега на значительные расстояния. Однако улитка явно не ведала усталости.

Что-то в том строении, мимо которого Конан теперь пробегал, показалось ему знакомым. И тут только ему стало

ясно, что он приближается к полуразрушенному храму с сохранившимся портиком, который он приметил еще перед тем, как встретиться с улиткой. Быстрый взгляд — и он понял, что опытный скалолаз в состоянии покорить портик и оказаться на крыше.

Длинными прыжками он взлетел на кучу развалин частично рухнувшей храмовой стены. С камня на камень перепрыгивал он, пока не добрался до еще не тронутого временем участка стены прямо напротив длинного ряда скульптур, украшавших крышу. Он подпрыгнул и наконец осторожно перебрался на крышу. Теперь Конан мог только надеяться, что под его тяжестью она не рухнет окончательно. Дыры, достаточно большие, чтобы туда провалиться, он осторожно обходил. Шорохи и вонь улитки доносились до него с улицы. Она явно потеряла его след и не знала, в каком направлении ей теперь вести преследование. Тем не менее она тоже остановилась прямо перед храмом. Очень осторожно, поскольку он был уверен, что тварь может обнаружить его в лунном свете, Конан присел за одной из мраморных статуй и выглянул из-за плеча скульптуры вниз, на улицу.

Да, там расположилась огромная влажная серая масса, поблескивающая при луне. Глазки-рожки шныряли из стороны в сторону в поисках своей жертвы. Под ними более короткие щупальца качались взад-вперед над землей, словно пытаясь по запаху взять след киммерийца.

Конан был убежден, что она скоро обнаружит его следы. И не сомневался в том, что улитка так же запросто вползет на стены строения, как взобрался на них сам горец.

Он положил ладонь на каменную скульптуру, высившуюся перед ним,— кошмарное чудовище с телом человека, крыльями летучей мыши и змеиной головой — и толкнул. Статуя закачалась, издавая скрежет.

Когда улитка услыхала это, глазки-щупальца тут же устремились кверху, в сторону крыши храма. Голова улитки повернулась, и тело почти свилось в клубок. Затем голова приблизилась к фасаду храма, и улитка начала вползать по огромной мраморной колонне, находившейся как раз под той скульптурой, за которой, сжав зубы, сидел на корточках Конан.

Меча, думал варвар, будет недостаточно для такого монстра. Как все прочие низшие формы жизни, улитка будет жить с такими ранениями, которые означали бы верную смерть для существа более высшего порядка.

Голова улитки поднималась все выше. Глаза на щупальцах-рожках метались из стороны в сторону, как два кнута.

При такой скорости голова чудовища достигнет края крыши, в то время как большая часть туловища все еще будет находиться на улице.

Конан теперь знал, что ему делать. Изо всех сил бросился он на скульптуру. Она оторвалась и грохнулась вниз. Вместо треска, сопровождающего при обычных условиях падение такой глыбы мрамора на каменные плиты, Конан услышал только хлюпанье, а затем приглушенный удар, когда голова и передняя часть туловища улитки упали вниз, на землю.

Конан осмелился бросить взгляд через край крыши. Он увидел, что статуя глубоко погрузилась в студнеобразное мясо слизняка, почти не высовываясь на поверхность. Огромная серая масса извивалась и сворачивалась, как червяк на крючке рыбака. От ударов мощного хвоста улитки портик задрожал. Где-то в глубине храма срывались в глубину камни. Конан невольно задался вопросом: а не рухнет ли все строение целиком, не погребет ли его под развалинами?

— Ну, я тебе покажу! — проскрежетал он сквозь зубы.

Он ощупывал скульптуры одну за другой подряд, пока не нашел еще одну, которая качалась и находилась при этом непосредственно над головой улитки. И Конан столкнул ее вниз, и она тоже со всплеском погрузилась в тело слизняка. Третья статуя пролетела мимо цели и разлетелась на куски на расколотых плитах мостовой. Четвертую статую, поменьше, которая стояла дальше, Конан просто поднял и, хотя мускулы его чуть не лопнули, подтащил ее поближе и сбросил прямо улитке на голову.

Когда содрогания чудовища постепенно стали слабее, Конан опрокинул вниз для верности еще две скульптуры, прежде чем спускаться. И только когда тело слизняка перестало двигаться, он слез вниз и спустился на улицу. Осторожно приблизился он к огромной, удивительно вонючей массе, держа меч в руке. Наконец он собрал все свое мужество и проткнул желеобразное мясо. Темная жидкость — сок жизни — хлынула из раны, и волнообразные судороги пробежали по влажной серой коже. Однако даже если отдельные части тела и обладали самостоятельной жизнью, слизняк был уже мертв.

Конан еще раз с дикой силой ударил по трупу мечом, когда чей-то голос заставил его резко обернуться. Голос этот произнес:

— На сей раз ты от меня не уйдешь!

Это был Нестор, приближавшийся с мечом в руке. Вместо шлема на голове его была окровавленная повязка. При

взгляде на огромного слизняка он остановился как вкопанный.

— Митра! Что это?

— Чудовище, которое влачило свое жуткое существование в Ларше,— ответил Конан на заморанском языке с варварским акцентом.— Оно гналось за мной через весь город, прежде чем я смог его прикончить.— Когда Нестор недоверчиво уставился на труп улитки, киммериец добавил: — А что тебе вообще тут нужно? И как часто придется мне убивать тебя, прежде чем ты останешься мертвым навеки?

— Скоро увидишь, насколько я мертв! — зарычал Нестор и поднял меч.

— А что с твоими солдатами?

— Они лежат мертвые под тем обвалом, который ты устроил. И ты скоро будешь таким же трупом...

— Идиот! — оборвал его Конан.— Зачем расточать силы на удары мечом, если здесь сокровищ больше, чем мы оба сможем унести,— то есть, конечно, если то, о чем мне толковали, правда. Руки у тебя на месте, так что присоединяйся ко мне, и мы славно разграбим этот город.

— Я должен исполнить свой долг и отомстить за своих людей! Защищайся, собака варвар!

— Клянусь Кромом, я буду сражаться, если ты так настаиваешь! — зарычал киммериец и высоко поднял меч.— Но подумай еще раз, парень! Если ты вернешься в Шадизар, тебя распнут на кресте, ведь ты потерял свой отряд,— даже если ты принесешь с собой мою голову, что я, однако, полагаю маловероятным. Если даже десятая часть слухов о здешних сокровищах — правда, ты заполучишь добычу куда большую, чем сумел бы заработать, служи ты капитаном отряда наемников хоть сто лет.

Нестор опустил клинок и отступил назад на несколько шагов. Теперь он стоял безмолвно и раздумывал.

— И кроме того,— добавил Конан,— тебе никогда не сделать настоящих солдат из этих заморанских трусов!

Гандер вздохнул и сунул меч в ножны.

— Проклятье, ты прав! Пока мы с тобой не переживем это приключение, будем сражаться спина к спине и поделим добычу честно, согласен?

Он протянул Конану руку.

— Согласен.— Конан тоже вложил меч в ножны и тряхнул протянутую ему руку.— Если нам придется бежать порознь, встретимся у колодца Нинуса!

Королевский дворец Ларши стоял на большой площади посреди города. Это было единственное строение во всем

городе, с которым время ничего не смогло поделать, и на то была весьма простая причина. А именно: весь дворец целиком был высечен из огромной монолитной скалы, что некогда придавало своеобразие облику плоского пустынного плато, где и был заложен город. Столь искусной была обработка этого необычного строения, что нужно было обладать острым зрением и хорошими познаниями в архитектуре, чтобы определить, что оно не было сооружено тем же способом, что и прочие здания, поскольку архитектор велел процарапать глубокие борозды на черной поверхности базальта, дабы стена выглядела так, словно ее сложили из каменных блоков.

На цыпочках подступили Конан и Нестор поближе и вгляделись в темные недра дворца.

— Нам нужен свет,— сказал Гандер.— Мне бы не слишком хотелось угодить в щупальца такой улиточки, как ты прикончил.

— Я не чую никаких слизняков,— успокоил его киммериец,— однако запросто может статься, что у сокровища имеется другой сторож.

Он обернулся и срубил молодую елочку, пробившуюся сквозь треснувшие плиты мостовой. Затем он обрубил ветки и разломил тонкий ствол на несколько коротких обломков. Мечом он настругал лучины и выбил сталью о камень искры, запалившие лучину. Затем разлохматил волокнистые стволы двух обрубков и поджег их от лучины. Смолянистая древесина ярко запылала. Он протянул один из импровизированных факелов Нестору, после чего каждый из кладоискателей сунул по половине оставшихся обрубков ствола себе за пояс. С мечами в руках ступили они во дворец.

Желтое пламя факелов отражалось в блестящих стенах из черного камня, однако под ногами у них лежала пыль слоем толщиной в дюйм. Несколько летучих мышей, свисавших с высеченных на потолке украшений, сердито запищали и, взмахивая крыльями, исчезли в темноте.

Чудовищные статуи стояли в нишах по обеим длинным стенам. Темные коридоры разветвлялись налево и направо. Оба взломщика оказались в тронном зале. Однако сам трон, высеченный из того же черного камня, что и весь остальной дворец, был невредим. Прочая мебель — диваны, деревянные сиденья — давно рассыпалась в прах. О ней напоминали только оклады, металлические украшения и полудрагоценные камни, которыми она когда-то была усеяна.

— Дворец, должно быть, уже целое тысячелетие как пустует,— прошептал Нестор.

Они прошли несколько помещений — вероятно, личные королевские покои,— однако, поскольку и здесь вся мебель сгнила, большего уяснить было нельзя. В конце концов они очутились перед запертой дверью. Конан поднес факел к ней поближе.

Это была толстая дверь в каменном арочном проеме, сделанная когда-то из массивного дерева и обложенная пластинами позеленевшей меди. Конан постучал по ней мечом. Клинок без труда проник внутрь. Древесная труха с шорохом заструилась на пол.

— Полностью истлела,— проворчал Нестор и пнул дверь ногой. Сапог прошел сквозь дерево почти с той же легкостью, что и меч Конана перед тем. Одна медная пластина упала на пол и с глухим дребезгом разбилась.

В несколько мгновений они превратили сгнившие брусья в труху. Пригнувшись, просунули факелы в отверстие, образованное таким способом. Засверкали серебро, золото, драгоценные камни...

Нестор пролез в дыру, однако тут же шарахнулся назад, да так неожиданно, что с силой налетел на Конана.

— Там люди! — прошипел он.

— Дай мне поглядеть! — Конан просунул в отверстие голову, поглядел налево, направо.— Да они мертвы. Идем же!

Оказавшись внутри, они принялись озираться, широко раскрыв глаза, пока факелы едва не обожгли им руки и не пришлось запалить новые. Семь воинов-гигантов, каждый не менее семи футов ростом, покоились в огромных креслах. Их головы были прислонены к высоким спинкам кресел. На воинах были доспехи давно позабытых времен, медные шлемы с султанами из перьев и медные чешуйки на нагрудных панцирях позеленели от старости. Кожа их была коричневой и восковой, как у мумий, и седые бороды спускались почти до колен. Медные же пики и копья стояли прислоненные к стене рядом либо лежали на полу.

Посреди помещения высился алтарь из черного базальта — как и весь дворец. Возле алтаря на полу были выставлены несколько ларцов с сокровищами. Древесина ларцов рассыпалась в пыль, и драгоценности оказались разбросаны по полу.

Конан остановился возле одного из безжизненных воинов и потрогал его ступню острием меча. Тело воина не пошевелилось. Варвар пробормотал:

— Древние, должно быть, мумифицировали их, как это делают со своими мертвецами стигийские жрецы,— я так слыхал.

С нехорошим предчувствием Нестор глянул на семь безмолвных фигур. Слабого пламени факелов было недостаточно, чтобы рассеять угнетающую тьму черных стен и нависающего черного потолка.

Блок черного камня в центре комнаты — алтарь — доходил в высоту до бедра стоящему человеку. На его ровной полированной поверхности имелся инкрустированный узкими полосками слоновой кости узор — сплетающиеся круги и треугольники. Все вместе представляло собой семиконечную звезду. Между полосками узора остались символы письменности, Конану незнакомой. Он уже между делом научился читать по-заморански и даже писать, правда, довольно своеобразным слогом, знал он также письменность гирканского и коринфийского языков, однако иероглифов такого рода он никогда еще не видел.

Да и, кроме того, он, без сомнения, куда больше заинтересовался тем, что находилось на алтаре. А именно: на каждом зубце звезды в красноватом свете факелов мерцал большой драгоценный камень, размером больше куриного яйца, а в центре возвышалась зеленая статуэтка змеи с поднятой головой. Она была, судя по всему, вырезана из нефрита.

Конан осветил факелом семь крупных камней.

— Я хочу вот это,— проворчал он.— За эту долю можешь взять себе все остальное.

— О нет! — возразил гандер.— Они куда дороже, чем все прочие собранные здесь сокровища, вместе взятые. Мне они тоже милее всего прочего.

Внезапно старинный алтарный покой наполнился напряжением, которое почти ощутимо потрескивало между обоими авантюристами. И каждый из двоих схватился свободной рукой за рукоять меча. Одно мгновение они безмолвно стояли друг против друга, сверкая глазами. Наконец Нестор предложил:

— Ну так давай их поделим, как мы и собирались поступить.

— Семь на два не делится,— выразил Конан свои сомнения.— Пусть решает жребий. Бросим монету. Победившему достаются семь камней, второй же может набрать из остального столько, сколько ему под силу унести. Согласен с таким дележом?

Конан поднял одну монету с того места, где когда-то стояли сундуки. Хотя, будучи вором, он успел перезнакомиться с золотыми монетами всех родов и видов, такая монета была ему совершенно в диковинку. На одной стороне ее было

отчеканено изображение лица — человека ли, демона ли, или, быть может, совы,— этого он не смог бы сказать. Вторая сторона была покрыта иероглифами, вроде тех, что на алтаре.

Конан показал гандеру монету. Когда тот кивнул, он подбросил ее в воздух, поймал и выложил на левое запястье. Руку с монетой, прикрытой правой ладонью, он протянул к Нестору.

— Голова,— сказал гандер.

Конан убрал ладонь. Нестор склонился над монетой и зарычал:

— Проклятье Иштар на эту чертову штуку! Ты выиграл. Подержи секунду мой факел.

Принимая факел, Конан настороженно следил, не будет ли предательского движения. Однако Нестор всего лишь снял свой плащ и расстелил его на полу. Затем высыпал на него горстями золото и драгоценности, черпая из куч на полу.

— Бери не больше, чем сможешь унести без особого труда,— посоветовал ему Конан.— Мы еще не выбрались из города, и впереди долгая дорога назад, к Шадизару.

— Я так и поступлю,— заверил его гандер. Он связал углы плаща узлом и забросил этот импровизированный мешок за плечи. Затем протянул руку за своим факелом.

Конан отдал ему факел и возвратился к алтарю. Один за другим он выковырял зеленые камни и сунул их в кожаный мешок, висевший у него на плече. Затем принялся задумчиво созерцать зеленую змейку.

— За нее можно выручить хорошую цену,— пробубнил он и сунул ее тоже в свой мешок, оторвав от алтаря.

— Почему ты не берешь еще что-нибудь из остальных камешков и золота? — спросил Нестор.— Я уже взял все, что могу унести.

— Ты выискал себе все лучшее,— сказал Конан.— Да мне и не надо больше. Парень, с такой-то добычей я смогу купить целое королевство и все вино, какое мне только потребуется, и женщин, и...

Раздался шорох... и расхваставшийся варвар резко повернулся с ужасом в глазах. Семь воинов-мумий, сидящих возле стен, внезапно пробудились к жизни. Их головы вздернулись, рты закрылись, и мертвецы со свистом втянули воздух в свои иссохшие легкие. Суставы заскрипели, как ржавые петли, когда они схватили свои пики и копья и поднялись.

— Бежим! — взревел Нестор. Он швырнул в ближайшего гиганта факел и выхватил меч.

Факел ударился о грудь великана, упал на пол и погас. Конан, у которого обе руки были свободны, взял факел в левую руку и тоже извлек меч. Свет оставшегося факела слабо трепетал на патине древних-предревних медных доспехов, когда великаны окружили обоих мужчин.

Конан пригнулся под ударом пики и отбил в сторону древко одного из копий. Между ним и дверью гандер сражался с гигантом, желавшим отрезать Нестору дорогу к бегству. Нестор парировал удар и ответил на него внезапным выпадом, нацеленным в бедро противника. Великан зашатался, и Нестор нанес удар следующему. Острие пики скользнуло по его погнутому панцирю.

Гиганты двигались очень медленно, иначе они одолели бы кладоискателей при первом же натиске. Пригибаясь, отпрыгивая в сторону, вертясь, избегал Конан ударов, которые должны были повергнуть его на пол. Снова и снова впивался его клинок в иссохшую плоть нападающих, похожую на ощупь на сгнившее дерево. Удары, которые давно уже убили бы живого человека, лишь заставляли этих тварей из другой эпохи шататься. Один из ударов отрубил противнику кисть руки, так что гигант потерял поднятую пику.

Затем Конан пригнулся под выпадом другой пики и всю свою силу вложил в атаку, направленную на щиколотку великана. Клинок перерубил ее наполовину, и оживший мертвец рухнул на пол.

— Бежим! — заревел Конан и перепрыгнул через упавшего.

Он и Нестор поспешно прорвались через отверстие в двери и пролетели по коридорам и залам. Одно мгновение Конан опасался, что они заблудятся, но затем он увидел впереди мерцание дневного света. Оба взломщика скатились по ступеням парадного входа. Позади себя они слышали торопливые шаги мумий. На небе уже показался первый сероватый отсвет близкого рассвета, и звезды поблекли.

— К стене! — прохрипел Нестор.— Полагаю, мы все же бегаем быстрее, чем они.

Когда они пересекли площадь, раскинувшуюся перед дворцом, Конан бросил взгляд назад.

— Гляди-ка! — крикнул он.

Один за другим выбегали гиганты из дворца и один за другим рассыпались в прах при свете зарождающегося дня. Медные шлемы, чешуйчатые доспехи, оружие и прочие металлические части с лязгом падали на землю.

— Да, здорово было,— сказал Нестор.— Но как нам попасть назад в Шадизар, да еще сделать так, чтобы нас не засадили за решетку? Будет уже ясный день, прежде чем мы прибудем в город.

Конан ухмыльнулся.

— Есть тут одна дорожка в городе, о которой только ворам и известно. Неподалеку от северо-восточного угла стены растет несколько деревьев. Если осторожно пробраться между ними, то в кустах на стене можно отыскать нечто вроде сточной канавы,— полагаю, она служила для того, чтобы при сильных дождях отводить воду из города. Когда-то прежде ее заперли тяжелыми железными решетками, однако они с тех пор здорово проржавели. Если ты не слишком жирный, можно протиснуться. Выбираешься наружу прямехонько на свалке.

— Хорошо,— пробормотал Нестор,— я...

Низкий гул оборвал его слова. Земля поднялась, затряслась, заколебалась. Она бросила Нестора ничком, а киммерийца заставила оступиться.

— Осторожно! — закричал Конан.

Когда Нестор попытался подняться, киммериец схватил его за руку и потащил назад, на середину площади. Почти в тот же миг стены одного из домов обрушились совсем близко и рухнули на площадь как раз там, где только что находились оба приятеля. Однако даже оглушительный треск, с которым рухнуло здание, не мог потягаться с грохотом землетрясения.

— Давай-ка уходить! — закричал Нестор.

Они сориентировались по луне, стоявшей теперь низко на западной стороне небосклона, и, петляя, побежали по улицам. По обе стороны качались стены и колонны и с грохотом падали. Шум стоял оглушительный. Облака пыли вздымались, раздражая ноздри и заставляя бегущих кашлять.

Конан рывком остановился и поспешно отпрыгнул, чтобы его не придавил фасад рушащегося храма. Он зашатался, новый толчок землетрясения поднял почву под его ногами. Он перебрался через кучу руин, частью древних, частью свежих. Один раз только яростный прыжок позволил ему избежать встречи с падающей капителью колонны. Каменные и кирпичные обломки сыпались на него дождем. Один разорвал ему кожу на подбородке, другой так больно ударил его в колено, что он выругался, помянув всех богов всех стран, по которым успел пройти.

Наконец он добрался до городских стен, которые, однако, теперь превратились скорее в низкий вал из рассыпавшихся камней.

Чихая, кашляя, хрипя, Конан перебрался через бывшую стену и обернулся. Нестора нигде не было видно. Вероятно, одна из упавших стен погребла-таки его под собой, подумал Конан. Он прислушался, однако не услышал никаких криков о помощи.

Гул и грохот вздымающейся земли и падающих строений постепенно стихали. Последний луч луны блеснул в огромном облаке пыли, окутавшем город. А потом поднялся утренний ветер и сдул эту пыль.

Некоторое время Конан сидел на остатках стены и тупо смотрел на Ларшу, или, по крайней мере, на то, что от нее осталось. Теперь она представляла собой совершенно иное зрелище, чем прежде. Больше там не высилось ни одного здания. Даже дворец-монолит из черного базальта, где они с Нестором нашли свои сокровища, превратился в кучу скальных обломков. Конан прикинул, нельзя ли будет потом как-нибудь вернуться ко дворцу, чтобы забрать оттуда остатки сокровищ... Но целой армии рабочих придется сперва разобрать развалины, прежде чем можно будет добраться до драгоценностей.

Вся Ларша превратилась в сплошное поле руин. Насколько он мог видеть в разгорающемся свете утра, нигде ничто не шевелилось. Только и можно было время от времени слышать гром там и тут, когда с развалин скатывался еще один камень.

Конан нащупал свой кожаный мешочек, чтобы удостовериться, что добыча еще при нем, а затем направился на запад, в Шадизар. Позади него солнце уже посылало на Землю свои первые лучи.

Следующим вечером Конан уже похвалялся в своем любимейшем кабаке, хозяином которого был некто Абулетес,— в Глотке. В низенькой, прокопченной до черноты комнатушке воняло потом и кислым вином. Тесно сгрудившись, сидели у столов воры и убийцы, пили вино и пиво, наслаждались игрой в кости или беседой, распевали песни, спорили и напропалую хвастались своими злодеяниями. Считалось просто скучным, если за весь вечер хотя бы один посетитель не будет убит во время какого-нибудь спора.

В задней части комнаты Конан отыскал свою теперешнюю возлюбленную, сидящую в одиночестве за маленьким

столиком над кувшином вина. Ее звали Семирамис, она была крепко сбитой черноволосой женщиной, на много лет старше киммерийца.

— Эгей, Семирамис! — взревел Конан через все помещение и направился к ней.— А что я тебе покажу! Абулетес, кувшин твоего лучшего, кирианского. Мне дьявольски повезло!

Будь Конан постарше, осмотрительность удержала бы его от того, чтобы так громко хвалиться своей добычей, а тем более показывать ее всем подряд. Но поскольку он был еще молод и неискушен, он вытряхнул содержимое мешочка с семью огромными зелеными камнями на столик перед Семирамис.

Драгоценные камни выкатились из мешочка, покатились по влажному от разлитого вина столу — и рассыпались в зеленый порошок, заблиставший в свете свечей.

Конан выронил мешочек и с открытым ртом уставился на стол, а кутилы, собравшиеся вокруг, взорвались громовым хохотом.

— Кром и Маннанан! — прошептал наконец киммериец.— Боюсь, что на этот раз я сам себя обманул.— Тут ему вспомнилась нефритовая змейка, которую он присовокупил к своей доле добычи.— Но у меня есть еще кое-что, чего мне будет достаточно, чтобы заплатить побольше, чем просто за кувшинчик самого лучшего вина.

Семирамис, терзаемая любопытством, жадно схватила мешочек, но тут же выронила его с воплем.

— Оно... оно двигается! — закричала она пронзительно.

— Че-чего-о?..— протянул Конан, однако крик, раздавшийся от дверей, прервал его.

— Вот он! Хватайте его!

Жирный человек вошел в кабачок в сопровождении отряда ночных стражников, вооруженных алебардами. Прочие посетители кабака Абулетеса с демонстративным равнодушием созерцали воздух, точно они вообще никогда ничего не ведали ни о Конане, ни о прочих жуликах.

Жирный, явно один из городских сановников, протолкался к столу, за которым сидел Конан. Киммериец вырвал из ножен свой меч и прижался спиной к стене, обретя таким образом прикрытие. Его синие глаза опасно сверкнули, и зубы блеснули в мерцании свеч.

— Попытайтесь только схватить меня, вы, собаки! — зарычал он.— Я ничего не сделал против ваших глупых законов! — Уголком рта он шепнул Семирамис: — Возьми мешочек и проваливай! Если они меня схватят, он твой.

— Я... я боюсь! — захныкала женщина.

— Ого! — загремел толстяк и подступил ближе.— Ничего не сделал против наших законов, а? А как назвать ограбления наших зажиточных граждан? У нас есть доказательства, которых больше чем достаточно, чтобы приговор сотни раз стоил тебе головы! А потом ты еще вдобавок и уничтожил солдат Нестора, а самого его уговорил разграбить руины Ларши! Как это называется? Мы схватили его, когда он был пьян и напропалую хвалился своими постыдными деяниями, однако он вновь ускользнул от нас. Ты, конечно, ничего подобного не совершал!

Когда ночные стражники образовали около Конана полукруг и направили острия алебард ему в грудь, толстяк заметил на столе мешочек.

— А это что, свеженаграбленное добро? Поглядим, что там такое...

Он сунул в мешочек руку. Несколько секунд шарил там. Затем его глаза расширились, он ужасно закричал и выдернул руку назад. Живая змея нефритового цвета обвилась вокруг его запястья и вонзила ядовитые зубы ему в ладонь.

В кабаке все наперебой закричали от ужаса. Один из ночных стражников отпрыгнул назад и растянулся на столе. Кувшины разбились, пиво и вино разлилось по доскам. Другой стражник попытался подхватить толстяка, когда тот зашатался и упал. Третий выронил алебарду и с воплем помчался к двери.

Паника охватила всех. Часть посетителей попыталась выскочить в дверь — все одновременно. Двое пошли друг на друга с кинжалами, вор сцепился со стражником, и оба покатились по полу. Одну из свечей опрокинули, затем другую, пока наконец не осталась лишь одна маленькая глиняная лампа, заправленная маслом и освещающая кабак слабым светом.

В сумраке Конан поднял на ноги Семирамис. Ударяя мечом плашмя, он расчистил дорогу к выходу. В темноте переулка они помчались, сворачивая за углы, чтобы сбить со следа возможных преследователей, прежде чем наконец у них не появился момент отдышаться.

— Этот город стал для меня чертовски жарким. Придется исчезать отсюда,— проворчал варвар.— Будь здорова, Семирамис!

— Ты разве не хочешь провести со мной еще одну, последнюю ночь?

— К сожалению, не могу. Мне нужно найти этого болвана Нестора. Если бы этот идиот, напившись, не стал

хвастаться, законники не наступили бы мне на пятки так быстро. Он набрал там столько сокровищ, что едва мог их утащить, в то время как у меня не осталось ничего. Может, я смогу его уговорить отдать мне половину, а если нет...— Он выразительно погладил ножны своего меча.

Семирамис вздохнула.

— Пока я жива, ты всегда найдешь в Шадизаре убежище. Подари мне хоть последний поцелуй!

Они коротко обнялись. Затем Конан исчез в ночи, словно тень.

По дороге в Коринфию, ведущей на запад от Шадизара, в трех полетах стрелы от городских стен находится колодец Нинуса. Рассказывают, что Нинус был богатым купцом, страдавшим от неизлечимой хвори. Во сне явилось ему божество и посулило исцеление, если он построит колодец на дороге, что ведет на запад от Шадизара, дабы путники могли утолить жажду и освежиться, прежде чем придут в город. Нинус соорудил колодец, однако никто не знает, исцелился ли он после этого от своей болезни или нет.

Спустя полчаса после бегства из кабака Абулетеса Конан нашел Нестора сидящим на краю знаменитого колодца.

— Ну, как поживают твои семь несравненных изумрудов? — осведомился Нестор.

Конан рассказал ему, что произошло с его частью добычи.

— Теперь,— сказал он,— поскольку я, благодаря твоему языку без костей, вынужден покинуть Шадизар и поскольку у меня не осталось ничего от моей доли, будет только справедливо, если ты выделишь мне часть от твоей.

Нестор безрадостно рассмеялся:

— Моя доля? Мальчик, вот половина того, что у меня осталось.— Он вынул из пояса два золотых и один из них бросил Конану.— Я задолжал его тебе, ибо ты спас меня от падающей стены.

— Почему же так? Куда ты дел остальное богатство?

— Когда стражники прижали меня в том кабаке, мне удалось опрокинуть стол. Я пришиб этим пару парней. Затем я схватил свои блестящие побрякушки, завязанные в плащ, забросил его за плечи и помчался к двери. Одного из тех, кто хотел меня задержать, я сбил на землю, но другой вспорол мой плащ, и весь этот хлам пролился на пол сверкающим дождиком. Тут уже все — стражники, их предводитель, завсегдатаи кабака — накинулись на золото и драгоценные кам-

ни.— Он поднял свой плащ и указал на разрез длиною в два фута.— Поскольку я решил, что все это богатство будет мне ни к чему, если моя голова украсит копье над западными воротами, я предпочел унести ноги, пока никто меня не хватился. Когда я выбрался из города, то встряхнул плащ, однако все, что там еще оставалось, были эти два золотых, затерявшихся в складке.

Одно мгновение на лице у Конана была мрачная мина, но затем его губы дрогнули и рот растянулся в ухмылке. Из глотки вырвался оглушительный хохот. Когда он наконец снова взял себя в руки, то встряхнул головой:

— Какая чудная парочка кладоискателей — ты да я! Боги неплохо подшутили над нами! Ах, какая шутка!

Нестор сухо рассмеялся.

— Я рад, что ты рассматриваешь дело с такой стороны. Но боюсь, в Шадизаре нам теперь показываться нельзя, если нам дорога жизнь.

— Что ты намерен предпринять?

— Отправлюсь на восток, чтобы предложить свои услуги в Туране. Я слышал, что король Илдиз ищет хороших воинов, чтобы выковать настоящую армию из беспорядочной толпы своих солдат. Кто знает? Идем со мной, мальчик! Из тебя получится хороший солдат.

Конан покачал головой:

— Чтобы целый день вышагивать на плацу и слушать, как хорошо упитанный офицер вопит: вперед, марш! Пики наперевес! Нет, это не для меня. Я вот слышал, что на западе еще есть что взять. Попытаю счастья там.

— Пусть хранят тебя твои варварские боги,— сказал Нестор.— Если ты передумаешь, спроси обо мне в казармах Аграпура. Будь здоров!

— Будь здоров! — ответил Конан.

И, не тратя лишних слов, он пустился по дороге в Коринфию и вскоре пропал в темноте.

В Коринфии варвар задержался не надолго. Промышляя воровством и разбоями, Конан странствовал по свету три года, пока не попал в Немедию.

Бог из чаши

Стражник Арус дрожащими руками стиснул свой арбалет. Арус почувствовал, как его прошиб холодный пот, когда он увидел на полированном полу страшно изуродованный труп. Встретить смерть в уединенном месте, в полночь,— это не слишком успокаивает.

Стражник стоял в бесконечном прямом коридоре, освещенном свечами в нишах на стене. Стены были затянуты черным бархатом, а между бархатными занавесами в нишах их украшали щиты и перекрещенное оружие диковинного вида. Тут и там, неясно отражаясь в черных зеркалах, стояли фигуры странных богов — статуи, вырезанные из камня или редких пород деревьев, отлитые в бронзе, железе или серебре.

Арус содрогнулся. Несмотря на то что вот уже много месяцев он исполнял здесь роль ночного сторожа, он до сих пор еще не мог привыкнуть к этому невероятному музею, дому редкостей и антиквариата, дому, который называют замком Каллиана Публико, где выставлены на обозрение раритеты со всего мира. И вот в полуночном одиночестве стоит он, Арус, в этом огромном безмолвном зале и смотрит на распростертый на полу труп могущественного и богатого человека, которому принадлежал замок.

Даже стражник, при всей его ограниченности, отметил, как удивительно отличается это тело от того человека, ко-

© R. Howard.

торый, надменный и всевластный, с глазами, полными жизни, выехал отсюда с грохотом в своей позолоченной карете на Паллианову дорогу. Люди, ненавидящие Каллиана Публико, едва ли узнали бы его сейчас, когда он лежал, словно разбитая бочка из-под ворвани. Роскошный плащ почти сорван, пурпурная туника перекручена, лицо потемнело, язык высунут из широко раскрытого рта. Полные руки воздеты, словно в жесте отчаяния. На толстых пальцах сверкают перстни с драгоценными камнями.

— Почему же они не сняли с него перстни? — пробормотал стражник в беспокойстве. Он вздрогнул и замер, и волосы на затылке у него встали дыбом. Сквозь шелковый занавес, скрывавший один из множества дверных просмов, выступила чья-то фигура.

Арус увидел молодого человека сильного телосложения, обнаженного — если не считать набедренной повязки и высоких, до колен, шнурованных сандалий. Кожа его была такой загорелой, что, казалось, солнце пустыни навсегда сожгло ее. Арус с тревогой осмотрел его широкие плечи, крепкую грудь и мускулистые руки. Один взгляд на угрюмое лицо и высокий лоб — и стражнику стало ясно, что этот человек не немедиец. Из-под пышной гривы путаных черных волос горели опасные синие глаза. В кожаных ножнах на поясе висел длинный меч.

Арус почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. Он обхватил свой арбалет и задумался о том, не имеет ли смысла без излишних проволочек всадить стрелу прямо чужаку в грудь, но затем ему пришло на ум: а что будет, если первый выстрел не окажется смертельным?

Чужак рассматривал труп скорее с любопытством, чем с удивлением.

— Почему вы убили его? — нервно спросил Арус.

Незнакомец покачал головой.

— Я его не убивал,— возразил он, выговаривая немедийские слова с варварским акцентом.— А кто он?

— Каллиан Публико,— ответил Арус и слегка отодвинулся.

Искра интереса промелькнула в синих глазах.

— Хозяин этого дома?

— Да.— Осторожно двигаясь назад, Арус добрался до стены. Теперь он схватил шелковый шнур и сильно дернул. На улице пронзительно зазвенел колокол, из тех, что можно увидеть перед всеми магазинами и общественными зданиями. Они служили затем, чтоб поднимать тревогу.

Незнакомец вздрогнул.

— Зачем вы это сделали? На звон сбегутся стражники.

— Я стражник, негодяй! — заявил Арус, собрав все свое мужество.— Стойте, где стоите! Если вы только двинетесь, я всажу вам стрелу прямо в сердце!

Он тронул коловорот арбалета пальцем. Острие стрелы было направлено прямо в широкую грудь его собеседника. Незнакомец нахмурился, и выражение его лица стало еще более мрачным. Он не выказывал страха, скорее, казалось, он размышлял, последовать ли приказу или лучше все-таки рискнуть и напасть самому. Арус облизал пересохшие губы. Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, как решение с убийственной жестокостью проступает в сверкающих глазах незнакомца.

Но вдруг он услышал, как дергают дверь, как галдят голоса. С облегчением он перевел дыхание. Словно загнанный зверь, смотрел чужак на людей, числом около полудюжины, которые вошли в помещение. Все они, кроме одного, были одеты в багряные куртки нумалийской стражи. Все без исключения были вооружены короткими мечами и чем-то средним между пикой и боевым топором на длинном древке.

— За каким дьяволом звонили? — спросил тот, что стоял впереди. Холодные серые глаза и тонкие острые черты лица, а также дорогой плащ выделяли его из толпы одетых в униформу солдат.

— Во имя Митры, господин Деметрио! — вскричал Арус.— Сегодня, кажется, удача по-настоящему щедра ко мне. Я даже не смел и надеяться, что поднятая мною тревога так быстро достигнет слуха стражников, и тем более что среди них окажетесь вы.

— Я делал обход вместе с Дионусом,— сказал Деметрио.— Мы как раз проходили мимо замка, когда зазвонил колокол. Но что это? Иштар! Сам владелец замка!

— Он самый,— подтвердил Арус.— Убит таинственным образом. В мои обязанности входит совершать обход всего дома в течение ночи, потому что, как вам, несомненно, известно, здесь хранятся несметные сокровища. Каллиан Публико имел щедрых меценатов — ученых, принцев, собирателей редкостей. Итак, совсем недавно я проверил ворота и установил, что они только прикрыты, но не заперты. Эти ворота снабжены таким замком, который может быть открыт или закрыт только снаружи. Ключ от него был только у Каллиана Публико — тот самый, что висит у него на поясе.

Я сразу заподозрил, что что-то неладно, потому что Каллиан всегда запирает дверь на ключ, когда уходит из замка, а я не видел его с тех пор, как он вечером уехал на свою загородную виллу. У меня был ключ, я открыл замок, вошел и нашел тело там, где вы его видите. Я его не трогал.

— Так-так.— Острые глаза Деметрио разглядывали мрачного незнакомца.— А это кто?

— Конечно, убийца,— воскликнул Арус.— Это он вошел в ту дверь. Он, несомненно, варвар с севера, наверное, гиперборец или боссоньер.

— Кто вы? — спросил Деметрио.

— Я Конан, киммериец,— ответил варвар.

— Вы убили этого человека?

Киммериец качнул головой.

— Отвечайте! — резко сказал Деметрио.

В ледяных синих глазах полыхнула злость.

— Я же не собака, чтоб так со мной разговаривать!

— А, так он еще и бесстыжий,— заворчал один из спутников Деметрио, высокий человек, носящий знаки префекта стражи.— Какой заносчивый юноша! Я вытрясу из него всю его дерзость! Эй, ты! Почему ты прикончил здесь этого человека?

— Подожди, Дионус,— остановил его Деметрио.— Молодой человек,— обратился он к Конану.— Я инквизитор города Нумалия. Лучше расскажите мне, почему вы здесь, и если вы не убийца, докажите это.

Киммериец колебался. Он не был испуган, но немного смутился, что неудивительно для варвара, столкнувшегося со сложной системой управления, которая была ему непонятна.

— Пока он думает, скажите мне,— обратился Деметрио к Арусу,— лично ли вы видели, что Каллиан Публико покинул дом сегодня вечером?

— Нет. Господин обычно уже уезжает к тому моменту, как начинается мое дежурство. Большие ворота были закрыты и заперты на замок.

— Он мог вернуться назад, в дом, так, чтоб вы этого не заметили?

— Это, конечно, возможно, но маловероятно. Он, несомненно, вернулся бы со своей виллы в карете, потому что дорога длинная, а кто может представить себе Каллиана Публико, идущего пешком? Если бы я даже находился на другом конце замка, я услышал бы стук колес по мостовой, а я его не слышал.

— А раньше дверь запиралась по вечерам?

— В этом я могу присягнуть. Я по многу раз за ночь проверяю все двери. Ворота были заперты снаружи еще час назад — я тогда посмотрел на них в последний раз, перед тем как нашел их открытыми.

— И вы не слышали криков или шума борьбы?

— Нет, господин. Но это и неудивительно, потому что стены замка настолько толстые, что не пропускают ни малейшего звука.

— Зачем тратить столько сил на эти вопросы и рассуждения? — перебил его дородный префект.— Вот убийца, он в наших руках, в этом сомнений нет. Доставим его на судебный двор. Я получу от него признание, даже если мне придется переломать ему все кости.

Деметрио обернулся к варвару.

— Теперь вы знаете, что может ожидать вас. Что вы нам скажете?

— Тот, кто осмелится тронуть меня, очень быстро воссоединится со своими праотцами прямо в аду! — Варвар скрипнул зубами, и глаза его блеснули жестоким огнем.

— Зачем же вы пришли сюда, если у вас не было намерения убить его? — продолжал свои расспросы Деметрио.

— Чтобы украсть,— нехотя ответил Конан.

— Что украсть?

Киммериец помедлил.

— Что-нибудь поесть.

— Ложь! — резко сказал Деметрио.— Вам хорошо известно, что здесь нет никакой провизии. Говорите правду или...

Варвар положил ладонь на рукоять меча. Это движение было таким же угрожающим, как рычание тигра.

— Приказывайте этим трусам, которые вас боятся,— проворчал он.— А не мне! Я не изнеженный немедиец, который пресмыкается перед вашими наемными псами. Я убивал людей получше вас за меньшее.

Дионус уже открыл было рот, чтобы яростно рявкнуть на варвара, но почему-то снова закрыл его. Стражники переминались с ноги на ногу и выжидающе поглядывали на Деметрио. Они онемели, услыхав, как кто-то осмеливается разговаривать со всемогущей стражей подобным образом, и были уверены, что сейчас Деметрио отдаст приказ арестовать варвара. Но Деметрио такого приказа не отдал. Арус переводил взгляд с одного на другого и спрашивал себя, что же сейчас происходит в многомудрых мозгах благородного господина. Может быть, высокое начальство страшится

необузданной дикости киммерийца, или же оно действительно сомневается в его виновности?

— Я не обвиняю вас в смерти Каллиана,— жестко сказал Деметрио.— Но вы сами должны признать, что очевидность говорит против вас. Как вы проникли в замок?

— Я спрятался в тени летнего домика за этим зданием,— неохотно ответил киммериец.— Когда этот пес,— он ткнул в Аруса большим пальцем,— прошел мимо и свернул за угол, я добежал до стены и забрался наверх...

— Ложь! — воскликнул Арус.— Ни один человек не может забраться по этой гладкой стене!

— Вы никогда не видели, как киммерийцы лазают по отвесным скалам? — прервал Деметрио ночного сторожа с явным неодобрением.— Этот допрос веду я. Продолжайте, Конан!

— На углу там скульптуры,— снова заговорил киммериец.— Было совсем несложно попасть наверх. Я как раз добрался до крыши, когда этот пес вторично обошел дом. Я нашел створчатую дверь, такую, с железным засовом, запертую изнутри. Я на нее налег плс...

Арус, который знал, насколько прочен был засов, глотнул воздуха и отвернулся от варвара, а тот посмотрел на него еще более мрачно и продолжал:

— Я вошел через эту дверь и попал в маленькую комнатку. Но там я задерживаться не стал, а двинулся в сторону лестницы.

— Откуда вы знали, где находится лестница? Только домочадцы Каллиана и его богатые меценаты имеют доступ в верхние покои.

Конан угрюмо замолчал.

— Что вы сделали, когда оказались у лестницы? — спросил Деметрио.

— Спустился вниз,— невнятно ответил киммериец.— Она привела меня в покой, который находится за этой занавешенной дверью. На лестнице я слышал, как открывается какая-то другая дверь. Когда я прокрался за занавес, я увидел, что этот пес наклонился над убитым.

— Почему вы вышли к нему из вашего укрытия?

— Потому что сначала я принял его за второго вора, который, может быть, собирается украсть то, что я...— Киммериец поспешно прервал себя.

— То, что вы хотели бы присвоить сами,— закончил вместо него Деметрио.— Вы не стали тратить времени на верхние помещения, где хранятся драгоценнейшие раритеты.

Любой, кто хорошо ориентируется в замке, мог направить вас сюда, чтобы вы взяли что-нибудь стоящее!

— И убил Каллиана Публико! — крикнул Дионус.— Во имя Митры! Да он это, он! Взять его! Еще до утра мы получим от него признание.

Диким прыжком Конан отскочил назад и выхватил свой меч из ножен с такой поспешностью, что острый клинок зазвенел.

— Назад, если вы хоть немного дорожите своей ничтожной жизнью! — зарычал он.— Если у вас достает мужества, бедные магазинные охранники, шиковать, хватая девок и устраивая им порку, чтобы заставить их говорить, то можете не воображать, что вам удастся наложить свои жирные лапы на мужчину с севера! А если ты, пес,— он обернулся к ночному сторожу,— не уберешь свои лапы с коловорота, ты очень скоро почувствуешь брюхом, крепко ли я бью ногами.

— Остановитесь! — сказал Деметрио.— Дионус, отзовите своих псов! Я еще не убедился в том, что он имеет отношение к этому убийству.

Деметрио склонился к Дионусу и шепнул ему что-то, чего Арус не разобрал. Он только предположил, что это был какой-то трюк, чтобы заставить Конана отдать свой меч.

— Ладно,— проворчал Дионус.— Назад. Но не спускать с него глаз!

— Дайте мне ваш меч,— потребовал Деметрио у Конана.

— Возьмите, если сможете! — ответил киммериец.

Инквизитор пожал плечами.

— Хорошо. Но не пытайтесь бежать. Солдаты с арбалетами охраняют дом.

Варвар опустил клинок, не теряя, однако, бдительности. Деметрио осмотрел убитого.

— Задушен,— пробормотал он.— Зачем было душить его, когда удар мечом и быстрее, и вернее? Эти киммерийцы рождаются с мечом в руке. Я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь из них убил человека таким способом.

— А может быть, он хотел отвести от себя подозрение,— предположил Дионус.

— Возможно.— Деметрио ощупал убитого умелыми пальцами.— Он мертв уже по меньшей мере полчаса. Если Конан проник в дом таким способом, как он говорит, он не мог прийти сюда и убить его до того, как здесь появился Арус. Он, конечно, мог и солгать, он мог появиться здесь и раньше.

— Я взобрался на стену после того, как Арус сделал свой последний обход,— в бешенстве зарычал Конан.

— Это вы уже говорили.— Деметрио изучающе разглядывал шею убитого, которая была неестественно сплющена и посинела. Голова свисала косо, позвоночник был сломан. Деметрио в недоумении покачал головой.— Зачем убийце понадобился трос толщиной в руку? Что за страшная хватка сломала эту шею?

Он встал и шагнул к ближайшему дверному проему, который вел в маленький покой.

— Здесь сбит бюст с постамента возле двери,— сказал он,— а здесь поцарапан пол и занавес сорван... На Каллиана Публико напали в этой комнате. Вероятно, на короткое время ему удалось вырваться от убийцы или оторвать его от себя, когда он пытался спастись бегством. В любом случае он выскочил в коридор, убийца последовал за ним и уже в коридоре прикончил его.

— Но если дикарь невиновен, то где же этот дьявол? — спросил префект.

— Невиновность киммерийца еще не доказана,— сказал инквизитор.— Но для начала обыщем помещение...

Он остановился, прислушиваясь. С улицы донесся грохот колес кареты. Грохот приближался, затем стих, словно обрубленный.

— Дионус! — распорядился Деметрио.— Отправь двух человек к карете! Пусть приведут сюда кучера.

— Судя по звуку,— сказал Арус, который хорошо изучил все уличные шумы,— я бы сказал, что эта карета остановилась перед домом Промеро, это напротив магазина шелковых товаров.

— Кто такой Промеро? — спросил Деметрио.

— Главный секретарь Каллиана Публико.

— Доставьте и его вместе с кучером,— приказал Деметрио.

Двое стражников двинулись прочь. Деметрио все еще изучал труп. Дионус, Арус и оставшиеся в комнате стражники не сводили глаз с Конана, который стоял неподвижно, с мечом в руке, как живое воплощение угрозы. Через некоторое время перед замком прозвучали шаги, и почти сразу же вслед за этим в дом вошли оба стражника и с ними плотный смуглый человек в кожаном шлеме и длинной куртке кучера, который держал в руке кнут, и маленький перепуганный человечек, типичный представитель того рода людей, что выбиваются из среды ремесленников и становятся

правой рукой богатого купца или торговца. Обнаружив на полу труп, человечек с криком отшатнулся.

— Ох, я же знал, что все это плохо кончится! — пролепетал он.

— Вы Промеро, главный секретарь, я полагаю,— сказал Деметрио.— А ты?

— Энаро, кучер Каллиана Публико.

— Вид твоего убитого хозяина, кажется, не слишком потряс тебя,— заметил Деметрио.

Темные глаза блеснули.

— А чего вы ждали? Кто-то сделал то, что я давно уже собирался сделать, да никак не мог решиться.

— Так, так! — пробормотал инквизитор.— Ты свободный человек?

В глазах Энаро мелькнула горечь, когда он распахнул свою куртку и показал выжженное на плече клеймо.

— Ты знал, что твой господин вернется сюда ночью?

— Нет. Вечером я пригнал карету, как обычно, к замку. Он сел, и я направил лошадей к его вилле. Но прежде чем мы выехали на Паллианову дорогу, он приказал мне возвращаться назад. Он показался мне очень взволнованным.

— И ты повез его обратно в замок?

— Нет. Он мне велел остановиться возле дома Промеро. Там он меня отпустил и приказал вернуться за ним вскоре после полуночи.

— Сколько времени было тогда?

— Тогда только-только стемнело. Улицы были почти пусты.

— Что ты делал после этого?

— Я вернулся в барак, где живут рабы, и оставался там, пока не пришло время забрать моего господина из дома Промеро. Я поехал прямо туда. Ваши люди схватили меня, прежде чем я успел постучать в дверь Промеро и назвать себя.

— Ты не догадываешься, зачем Каллиан решил навестить Промеро?

— Он не разговаривает с рабами о своих делах.

Деметрио повернулся к Промеро:

— Что вы знаете об этом?

— Ничего.

Зубы секретаря стучали.

— Каллиан Публико входил в ваш дом, как уверяет кучер?

— Да, господин.

— Как долго он у вас оставался?

— Совсем недолго, а потом он собрался уходить.

— От вашего дома он отправился в замок?

— Не знаю! — Голос секретаря сорвался.

— Зачем он приходил к вам?

— Чтобы... чтобы обсудить дела.

— Вы лжете! — резко произнес Деметрио.— Зачем он к вам приходил?

— Не знаю! Не знаю! — истерически выкрикнул секретарь.— Я не имею к этому отношения...

— Заставьте его говорить, Дионус! — приказал Деметрио.

Дионус сделал знак одному из своих людей. С жестокой ухмылкой тот подошел к задержанным.

— Вы знаете, кто я такой? — угрожающе спросил он. Он поднял голову и уставился на свою жертву, которая шарахнулась в сторону.

— Вы Постумо,— испуганно ответил секретарь.— Во время допроса вы выдавили глаз одной девушке, которая не хотела выдать своего любовника.

Жилы на шее Постумо вздулись, лицо залила красная краска, когда он схватил жалкого человечка за ворот и так его повернул, что почти задушил беднягу.

— Говори, крыса! — зарычал он.— Отвечай инквизитору!

— Митра! Пощады...— пролепетал Промеро.— Я клянусь...

Постумо безжалостно ударил его по лицу, сперва слева, потом справа, швырнул его на пол и пнул ногой в пах.

— Пощады...— хрипел разбитый секретарь.— Я все... все скажу...

— Тогда вставай, скотина! — загремел Постумо.— Нечего тут разлеживаться и скулить!

Дионус тайком бросил взгляд на Конана, посмотреть, впечатляет ли его эта сцена.

— Теперь вы видите, что бывает с теми, кто бунтует против власти,— заметил он.

Полный презрения, Конан плюнул ему под ноги.

— Это слабак и дурак,— проворчал он.— Пусть только кто-нибудь из вас попробует схватить меня, и он получит возможность собирать свои кишки прямо с пола.

— Вы готовы говорить? — спросил Дионус секретаря.

— Я знаю только...— хрипло шепнул Промеро, с трудом поднявшись на ноги и скуля при этом, как побитая собака,— что Каллиан, вскоре после того как я вернулся домой (я оставил замок почти одновременно с ним), постучал в

мою дверь и отослал карету. Он угрожал мне, говорил, что выгонит с работы, если я расскажу об этом. Я только бедный человек, господин, у меня нет ни друзей, ни связей. Не работай я у него, я умер бы от голода.

— Это ваше дело,— буркнул Деметрио.— Как долго он оставался у вас?

— Примерно за полчаса до полуночи он ушел от меня и упомянул, что направляется в замок, но потом вернется ко мне, когда сделает то, что задумал.

— А что он задумал?

Промеро медлил, но испуганный взгляд на Постумо, который угрожающе сжал кулак, быстро развязал ему язык.

— В замке было нечто, что он хотел исследовать.

— Но почему он делал это один и в такой тайне?

— Потому что эта вещь не была его собственностью. Она прибыла на рассвете вместе с караваном откуда-то с юга. Люди из этого каравана знали не больше, чем другие люди из другого каравана, откуда-то из Стигии,— тем тоже поручили попечение над этой вещью. Она предназначается Карантесу из Ханумара, жрецу Ибиса. Те, кому это было поручено, заплатили караванщику за то, чтоб эта вещь была отдана Карантесу из рук в руки, лично, но этот висельник хотел двинуться прямо в Аквилонию, по дороге, которая минует Ханумар. Поэтому он решил, что может оставить ее в замке, пока Карантес за ней не пришлет. Каллиан заявил, что он согласен, и обещал ему, что отправит слуг к Карантесу, чтобы передать ему посылку. Но после того, как караван ушел и я заговорил было о посыльных, Каллиан запретил мне это делать. Он сидел, размышляя, перед предметом, который оставили здесь те, кто приходил с караваном.

— И что это был за предмет?

— Нечто вроде саркофага, какие можно найти в старых гробницах Стигии. Только этот был круглый, вроде металлической чаши с крышкой. Он сделан из металла, похожего на медь, но прочнее, на нем выбиты иероглифы, такие встречаются в старых усыпальницах Южной Стигии. Крышка была перевязана коваными медными веревками.

— Что же находилось в этой... чаше?

— Караванщик этого не знал. Сказал только, что тот, кто поручил ему эту вещь для дальнейшей передачи, упомянул, будто речь идет об уникальной реликвии, которую нашли в гробнице глубоко под пирамидой. Отправитель посылает ее жрецу Ибиса в знак глубочайшего почтения. Каллиан Публико полагал, что речь идет о диадеме королей-титанов

того народа, который жил в темной стране еще до того, как туда пришли предки стигийцев. Он показал мне один орнамент на крышке, который в точности повторял форму диадемы, такой, как носили, согласно легендам, короли-титаны, в этом он готов был поклясться. Он твердо решился открыть чашу, чтобы посмотреть, что она содержит. Он был одержим мыслью о легендарной диадеме, которая, как он знал из древних рукописей, украшена невообразимыми драгоценностями — их знала только древняя раса,— и один-единственный камень из этих сокровищ дороже, чем все сокровища этого мира. Я отговаривал его. Однако незадолго до полуночи он один отправился к замку и спрятался в тени, пока стражник не ушел на противоположную сторону здания, затем открыл дверь ключом со своего пояса. Я тайком следил за ним от магазина шелковых товаров, пока он не исчез в замке. Тогда я вернулся домой. Если бы в чаше и в самом деле обнаружилась диадема либо что-то другое, столь же ценное, он намеревался спрятать это «что-нибудь» в замке и быстро вернуться назад. Наутро он собирался поднять большой шум и кричать на всех углах, что воры вломились в его музей и стащили собственность Карантеса. Никто не будет знать, что он возвращался домой,— никто, кроме кучера и меня, а ни он, ни я не отважились бы выдать его.

— А сторож? — бросил Деметрио.

— Каллиан не хотел, чтобы тот его видел. Он планировал представить его сообщником вора и отдать его в руки правосудия, чтоб его распяли,— ответил Промеро.

Арус судорожно глотнул и смертельно побледнел, когда услышал это.

— Где саркофаг? — спросил Деметрио. Промеро указал. Инквизитор пробормотал: — Ага. Стало быть, прямо в том помещении, где на Каллиана и напали.

Промеро поднял свои тонкие ладони:

— Почему кто-то в Стигии решил послать Карантесу подарок? Статуи богов и редкостные мумии часто можно встретить на караванных путях, но кто может так глубоко почитать жреца Ибиса, чтобы делать ему такой дорогой подарок, и притом как раз из Стигии, где до сих пор поклоняются подземному демону Сету, который обитает в темных склепах? Бог Ибис победил Сета, как только над землей загорелся рассвет, и Карантес всю жизнь числит жреца Сета среди своих врагов. Здесь что-то странное.

— Покажите нам этот саркофаг,— приказал Деметрио.

Промеро, помедлив, двинулся вперед. Все шли за ним, включая Конана, который явно не беспокоился об охране, не спускавшей с него глаз, и которым в настоящий момент владело исключительно любопытство.

Они прошли мимо откинутой в сторону занавески в комнату, которая была освещена слабее, чем коридор. По обе стороны находились двери, ведущие в другие покои. На стенах в ряд стояли легендарные изображения богов из далеких стран.

Промеро громко закричал:

— Смотрите! Чаша! Она открыта — и пуста!

В центре комнаты стоял странный черный цилиндр, высотой почти в четыре фута и в поперечнике достигавший трех футов. Тяжелая, покрытая иероглифами крышка лежала на полу рядом с молотком и зубилом. Деметрио заглянул в чашу и с удивлением принялся рассматривать странные письмена. Потом он повернулся к Конану:

— Вы пришли сюда, чтобы украсть это?

Варвар качнул головой:

— Как это может унести один человек?

— Веревки сорваны зубилом,— пробормотал Деметрио.— И в большой спешке. Вот следы молотка, ударившего по металлу рядом с веревкой. Мы можем предположить, что чашу раскрыл Каллиан. Кто-то прятался поблизости — вероятно, в складках занавеса. Когда Каллиан снял крышку, убийца прыгнул на него. А может быть, он убил Каллиана еще до того и вскрыл чашу сам.

— Она вызывает у меня отвращение,— сказал секретарь, содрогаясь.— Она слишком древняя, чтобы быть священной. Кто видел металл, подобный этому? Он кажется прочнее, чем аквилонская сталь. И посмотрите, в некоторых местах он разъеден, видна ржавчина. А здесь — здесь, на крышке! — Промеро указал дрожащим пальцем.— Вы можете сказать, что это?

Деметрио склонился ниже, чтобы лучше разобрать, какой узор выбит на крышке.

— Похоже на корону,— пробормотал он.

— Нет! — вскричал Промеро.— Я предупреждал Каллиана, но он не хотел меня слушать! Это змея, кусающая себя за хвост. Знак Сета, Древнего Змея, бога Стигии! Эта чаша чересчур старинная, чтоб быть делом человеческих рук, нет, это реликт тех времен, когда Сет еще бродил по лику земли в человеческом обличье. Может быть, племя, вышедшее из

его чресел, хранило кости своих королей в сосудах вроде этого.

— И вы хотите, вероятно, сказать, что эти сгнившие кости поднялись, удушили Каллиана Публико и затем отправились по своим делам?

— Но тот, кто нашел в этой чаше последний приют, мог быть и не человеком,— пугливо прошептал секретарь.— Какой человек поместился бы здесь?

Деметрио выругался.

— Если Конан не имеет на своей совести труп Каллиана, тогда убийца до сих пор находится где-то в этом здании. Дионус и Арус, вы останетесь здесь, со мной, и вы, трое задержанных, тоже. Остальным обыскать дом! Убийца — если он успел уйти, прежде чем Арус обнаружил труп,— мог выбраться только тем путем, каким проник сюда Конан, а в этом случае варвар встретил бы его, если, конечно, он говорит правду.

— Я никого здесь не видел, кроме этого пса,— проворчал Конан и ткнул в сторону Аруса.

— Конечно, потому что вы и есть убийца! — сказал Дионус.— Мы зря теряем время, но для соблюдения всех формальностей устроим обыск. И если мы никого не найдем, я обещаю, что спалю вас на медленном огне. Вы хоть знаете законы, дикарь черноволосый? За убийство ремесленник приговаривается к рудникам, купец — к смерти через повешение, а знатный человек — к сожжению.

Вместо ответа Конан заскрежетал зубами.

Начался обыск. Те, кто остались в комнате, слышали шаги стражников у себя над головой, по лестнице, грохот передвигаемой мебели, хлопание дверей, перекликающиеся голоса — стражники кричали друг другу из комнаты в комнату.

— Конан, вы знаете, что вас ждет, если они никого не найдут.

— Я не убивал его,— рявкнул киммериец.— Я проломил бы ему череп, если бы он нашел меня здесь, но я увидел его в первый раз, когда он уже был мертв.

— Но кто-то же направил вас сюда, чтобы вы что-то для него украли именно отсюда,— сказал Деметрио.— Ваше молчание ставит вас под подозрение. Одного факта вашего присутствия уже достаточно, чтобы отправить вас на рудники, независимо от того, будет доказана ваша вина или нет. Если вы чистосердечно и правдиво расскажете все, что вам известно, это спасет вас по меньшей мере от кола.

— Нет,— упрямо сказал варвар.— Я пришел сюда украсть заморанский бриллиантовый кубок. Один человек дал мне план замка и показал, где я смогу его найти. Он хранится вон там.— Конан показал.— В углублении в полу под медной статуей бога из Шема.

— Верно,— воскликнул Промеро.— Я думал, не более полудюжины человек во всем мире знают об этом тайнике.

— А когда бы вы его достали,— насмешливо заметил Дионус,— вы бы, конечно, не стали нести его тому, кто поручил вам это дело.

Синие глаза засверкали опасным огнем.

— Я же не собака,— проворчал варвар.— Я держу слово.

— Кто прислал вас сюда? — строго спросил Деметрио, но Конан молчал.

Стражники один за другим возвращались после обыска.

— В этом доме не прячется ни один человек,— заявили они.— Мы перерыли все. Мы нашли дверь в потолке, через которую вломился варвар, и засов, согнутый пополам. Если бы кто-то удрал этим путем, наши стражники увидели бы его перед домом, из которого он бежал, прежде чем пришли мы. Не говоря уж о том, что ему пришлось бы поставить друг на друга несколько столов и стульев, чтобы снизу дотянуться до двери в потолке. Но этого не было видно. Мог ли он уйти из дома не через ворота и еще до того, как Арус обошел здание?

— Нет,— ответил Деметрио.— Дверь была заперта изнутри, а ключей, которыми можно отпереть замок, всего лишь два. Один у Аруса, а второй все еще висит на поясе Каллиана Публико.

Один из стражников неожиданно сказал:

— Мне кажется, я видел веревку, которой воспользовался убийца.

— Где она, идиот? — вспылил Деметрио.

— Прямо в соседней комнате,— ответил стражник.— Черная и толстая, обвитая вокруг мраморной колонны. Она висит слишком высоко, чтобы я мог дотянуться.

Он привел остальных в помещение, полное мраморных статуй, и указал на высокую колонну. Затем глаза его распахнулись и челюсть отвисла, прежде чем он смог выдавить из себя хотя бы звук.

— Она сбежала! — хрипло сказал он наконец.

— Ее здесь никогда и не было,— заметил Дионус с издевкой.

— Клянусь Митрой, она была здесь! Она была обвита вокруг колонны прямо под венком из листьев. Она была такая черная, там, наверху, что я не смог ее хорошенько рассмотреть, но она была там!

— Вы пьяны,— проворчал Деметрио и отвернулся.— Это слишком высоко, чтобы дотянуться туда, а по гладкой колонне никто бы не залез.

— А киммериец? — пробормотал кто-то.

— Возможно. Предположим, Конан задушил Каллиана, обмотал веревку вокруг колонны, пересек коридор и спрятался под лестницей. Как же ему удалось убрать ее уже после того, как вы увидели ее наверху? Он же постоянно был с нами с того момента, как Арус обнаружил труп. Нет, скажу я вам, к этой смерти Конан не имеет отношения. Я уверен, что настоящий убийца прикончил Каллиана для того, чтоб забрать нечто из чаши, и он прячется сейчас где-нибудь в укромном уголке зала. Если мы не сумеем его найти, нам снова придется поднять обвинение против варвара... а где Промеро?

Они вернулись в коридор к трупу. Дионус позвал Промеро, который наконец явился из комнаты, где находилась пустая чаша. Он дрожал всем телом, и лицо у него стало пепельным.

— В чем дело, милейший? — резко спросил Деметрио.

— Я нашел знак на дне чаши! — ответил секретарь, постукивая зубами.— Не древний иероглиф, а совсем свежую, только что выбитую надпись! Символ Тот-Амона, стигийского чародея, смертельного врага Карантеса. Это он нашел чашу в страшных гробницах под пирамидами, где бродят духи! Боги древней эпохи умерли не так, как умирают люди,— они лишь погрузились в глубокий сон, и почитатели заключили их в саркофаги, чтоб чужая рука не потревожила их забытья! Тот-Амон посылал Карантесу смерть. Жадность Каллиана освободила этот Ужас — и он скрывается где-то совсем близко, подкрадывается к нам, быть может...

— Идиот, что он лепечет! — выругался Дионус и сильно ударил Промеро по губам тыльной стороной ладони.— Ну что, Деметрио,— он повернулся к инквизитору,— нам ничего не остается, как этого варвара...

Киммериец закричал. Он смотрел на дверь одной из комнат возле зала, где были собраны статуи.

— Смотрите! — кричал он.— Я видел, как что-то двигалось в комнате. Я видел это сквозь шторы. Что-то скользило по полу, словно темная тень.

— Ба! — фыркнул Постумо.— Мы же обыскали комнаты...

— Он видел, видел! — пронзительно завопил Промеро, и его горло перехватило от истерического возбуждения.— Этот дом проклят! Что-то вышло из саркофага и убило Каллиана Публико! Оно пряталось там, где не мог бы спрятаться ни один смертный, а теперь скрывается в той комнате! Митра, защити нас от сил мрака! — Он вцепился в рукав Дионуса.— Обыщите это помещение вторично, господин!

Префект в бешенстве отшвырнул от себя секретаря. Постумо сказал:

— Можете смело обыскать его самостоятельно, мой храбрец!

Он схватил Промеро за ворот и за пояс и потащил его, невзирая на вопли, к двери. Там он на мгновение задержался, а затем бросил его в комнату с такой силой, что секретарь остался лежать, наполовину оглушенный.

— Хватит! — рявкнул Дионус и перевел взгляд на молчаливого киммерийца. Префект поднял руку. Воздух, казалось, наполнился электричеством напряженного ожидания, когда опять заговорили голоса. В коридор ворвался стражник, таща за собой еще одно действующее лицо — стройного, роскошно одетого человека.

— Я видел, как он бродит вокруг,— заявил стражник, ожидая, что сейчас его похвалят. Вместо этого его угостили такой бранью, что волосы у него встали дыбом.

— Немедленно отпусти этого господина! — взревел префект.— Несчастный кретин! Ты что, не знаешь Азтриаса Петаниуса, племянника губернатора?

Пораженный стражник отшатнулся, а щеголеватый молодой аристократ жеманно стряхнул пылинку со своего вышитого рукава.

— Поберегите ваши проклятия, мой добрый Дионус,— сказал он.— Стражник лишь выполнял свой долг, и я знаю это. Я возвращался с одного очень непринужденного праздника и шел пешком, чтобы проветриться. Но что это? Митра! Смерть?

— Да, милорд,— ответил префект.— У нас имеется подозреваемый, и, хотя его вина кажется Деметрио сомнительной, ему не избежать кола.

— Ярко выраженный висельник,— пробормотал юный аристократ с отвращением.— Как можно сомневаться в его виновности? Я еще никогда не видел такой гнусной физиономии!

— Но ты смотрел на меня весьма охотно, ты, немедийская собака! — зарычал Конан.— Когда ты нанимал меня, чтоб я украл для тебя заморанский кубок! Праздник? Ха! Ты прятался в тени и ждал, чтоб я передал тебе добычу из рук в руки. Я не выдал бы тебя, если бы ты не почтил меня подобными выражениями. А теперь расскажи этим псам, как ты видел, что я забираюсь на стену, после того как стражник сделал свой последний обход, чтоб они знали, что у меня совершенно не было времени убивать эту жирную свинью.

Демстрио наблюдал за Азтриасом, который делал вид, что не замечает этого.

— Если то, что он говорит, правда, милорд, то он не может считаться убийцей, а мы можем без дальнейших проволочек перейти к делу о краже. Киммериец заработал десять лет принудительных работ за взлом, но, если вы замолвите за него доброе слово, мы найдем возможность для организации побега, и никто, кроме нас, об этом не будет знать. Я хорошо понимаю, вы не первый молодой аристократ, который пытается воспользоваться подобным средством, чтобы облегчить себе бремя карточных долгов или еще чего-то в том же роде, но вы можете рассчитывать на нашу скромность.

Конан выжидающе посмотрел на молодого аристократа, но Азтриас пожал узкими плечами и приложил холеную белую ладонь к губам, скрывая зевок.

— Я не знаю его,— заверил он.— Он рехнулся, утверждая, что я его нанял. Пусть получит на всю катушку. Спина у него крепкая, работа на руднике пойдет ему на пользу.

Конан содрогнулся, словно наступил на гадюку. Глаза его сверкнули. Стражники предусмотрительно схватились за свое оружие и позволили себе расслабиться только тогда, когда киммериец опустил голову, словно в немом разочаровании. Арус не мог понять, наблюдает ли он за ними из-под густых черных бровей.

Варвар ударил без предупреждения, как кобра. Меч его блеснул при свете свечей. Азтриас зашелся в крике, который замер, когда голова его слетела с плеч, разбрызгивая кровь, и лицо застыло, словно белая маска ужаса.

Деметрио вынул кинжал и занес его, собираясь нанести удар. Как кошка, Конан развернулся и размахнулся, собираясь вонзить острие меча в тело инквизитора. Инстинктивное движение, которое сделал Деметрио, пытаясь отве-

тить на удар, только ускорило движение клинка. Он вошел в бедро. С криком боли Деметрио упал на колени.

Конан не собирался останавливаться. Поднятая Дионусом пика спасла голову префекта от удара, который бы ее, несомненно, раздробил. Пика слегка повернулась, когда на нее обрушился клинок, поверхностно задела голову и отрубила ухо Дионуса. Потрясающая быстрота варвара парализовала стражников. Половина из них осталась бы лежать на полу, если бы дородный Постумо, скорее удачливый, чем ловкий, не схватил бы киммерийца за ту руку, в которой он держал меч. Левая рука Конана с высоты обрушилась на голову стражника, и Постумо выпустил его, прижимая ладони к кровавой дыре, где только что был его глаз.

Конан отскочил и остался стоять вне досягаемости направленной на него пики. Так он вырвался из кольца своих врагов. Арус поспешно склонился над своим арбалетом, заряжая его. Сильный удар в живот опрокинул его на пол, где он скорчился, хрипя, с позеленевшим лицом. Конан ударил его пяткой по губам, и ночной сторож снова закричал от новой боли.

Вопль, от которого кровь застыла в жилах, донесся из той комнаты, куда Постумо швырнул секретаря. Через шелковые занавеси входа, шатаясь, выбрался Промеро. Его сотрясали рыдания, и слезы катились по бледному лицу, капая с дрожащих губ.

Все, пораженные, уставились на него: Конан с окровавленным мечом в руке; стражники с поднятыми пиками; Деметрио, который корчился на полу, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раненого бедра; Дионус с рукой, прижатой к обрубку уха; Арус, который со стоном выплевывал выбитые зубы; даже Постумо прекратил завывать и обратил к нему уцелевший глаз.

Качаясь на ходу, Промеро добрался до коридора и рухнул перед ними на пол. Между пронзительным отрывистым хохотом, совершенно обезумев, он прохрипел:

— У бога длинная рука! Ха! Ха! Ха! Чертовски длинная!

Он коротко, жутко содрогнулся, замер и невидяще уставился в потолок.

— Мертв! — удивленно шепнул Дионус.

Он забыл о своей собственной боли и о варваре, который стоял так близко к нему со своим окровавленным мечом, и склонился над трупом. Через некоторое время он снова выпрямился. Глаза его вылезли из орбит.

— Ни одного, ни малейшего ранения. Митра! Что там, в комнате?

Ужас охватил всех, и люди с воплями помчались к воротам. Стражники побросали пики и начали рваться на улицу одновременно, так что при ретираде не обошлось без увечий. Арус последовал за ними, а полуослепший Постумо ковылял за ним и просил не бросать его одного. Он вцепился в стражников, но они оттолкнули его на пол и в страхе пробежались по нему. Он пополз вперед. Последним спасался Деметрио, все еще прижимающий плащ к сильно кровоточащей ране. Стражники, кучер, ночной сторож и инквизитор, раненые и уцелевшие,— все они спешили с криками на улицу, где стража, наблюдавшая за замком, была немедленно охвачена паникой и, не задавая лишних вопросов, ударилась в бегство.

Конан стоял в коридоре один, рядом с тремя мертвецами. Он поудобнее взял меч и направился в таинственную комнату. Дорогие шелковые занавеси покрывали стены, шелковые подушки и обтянутые шелком диваны повсюду стояли в изобилии. Из-за тяжелой позолоченной ширмы на киммерийца смотрело лицо.

Конан остолбенел, преисполненный удивления перед холодной классической красотой этого лика, подобного которому он никогда еще не видел среди смертных. Ни слабость, ни сострадание, ни жестокость, ни доброта, ни какое-либо иное человеческое чувство не отражались в этих чертах. Этот лик мог бы быть маской бога, созданной рукой художника, если бы в нем не угадывалась жизнь — ледяная, чужая жизнь, какой Конан никогда не знал и постичь которую был не в состоянии. Он мимоходом подумал, какого скульптурного совершенства должно быть тело, спрятанное за ширмой, если лик блистает такой неземной красотой.

Но он мог разглядеть только изящной формы голову, которая слегка покачивалась из стороны в сторону. Полные губы раскрылись и выговорили одно-единственное слово, звенящее и вибрирующее, как колокольчик скрытого джунглями храма в далеком Кхитае. Оно принадлежало чужому наречию, забытому еще до того, как царства людей поднялись в своем блеске и величии, но Конан знал, что оно означало: «Подойди!»

И киммериец повиновался — отчаянным прыжком и свистящим ударом меча. Нечеловечески прекрасная голова

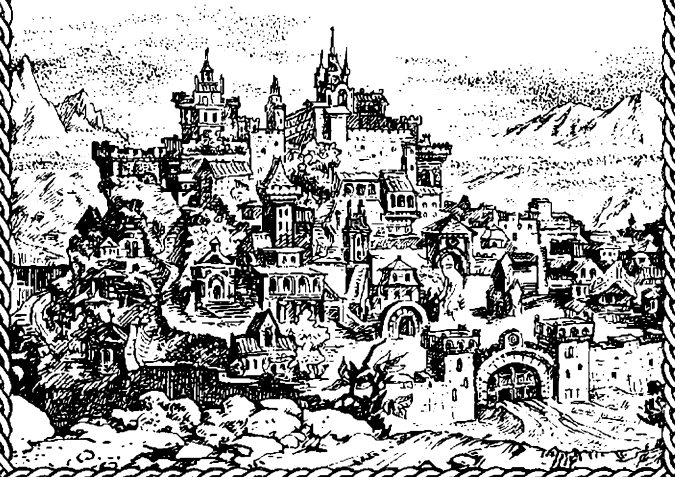
слетела с плеч, ударилась о край ширмы и откатилась в сторону.

По спине Конана заструился пот, потому что ширма затряслась от содроганий тела, которое находилось за ней. Несчетное количество раз видел киммериец, как умирают люди, но он никогда не слышал о том, что человек способен так агонизировать. Существо, которое должно было быть наверняка мертво, билось и содрогалось с оглушительным скрежетом. Ширма шевелилась, раскачивалась и наконец опрокинулась с металлическим скрипом к ногам Конана. И тогда киммериец смог увидеть, что скрывалось за ней.

Теперь и его самого охватил ужас. Он помчался так быстро, как только мог, он не сбавлял скорости и не останавливался ни разу, пока башни Нумалии не исчезли далеко-далеко позади. Мысль о Сете и детях Сета, которые когда-то владычествовали на земле, а теперь дремлют в своих темных гробницах под черными пирамидами, была намного страшнее любого кошмара.

За позолоченной ширмой лежало не человеческое тело, а сверкающее, свернувшееся кольцами тело огромной змеи.

Из Немедии через Коринфию Конан добрался до Турана, где поступил на службу в армию к королю Илдизу. Уже до того владевший в совершенстве многими военными искусствами, варвар добавил к ним стрельбу из лука и то, что позднее названо было джигитовкой. Дел у Илдиза хватало, и за неполные два года Конан успел побывать во многих странах.



Рука Нергала

1

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

— Кром!

Этот вопль слетел с уст молодого воина. Он вскинул голову, отбрасывая назад гриву спутанных черных волос, и взглянул на небо сверкающими синими глазами. От удивления они расширились. Нечто вроде суеверной дрожи пробежало по его до черноты загоревшему под пылающим солнцем пустыни телу, крепко сбитому, с широкими плечами, могучей грудью, узкими бедрами и длинными ногами. Не считая лоскута, которым воин обмотался, используя его в качестве набедренной повязки, и высоких шнурованных сандалий, он был совершенно обнажен.

Конан вступил в битву солдатом особого эскадрона конницы, но его лошадь, полученная еще от благородного Мурило в Коринфии, пала от стрелы при первой же атаке неприятеля, и, таким образом, юноша сражался пешим. Щит его разбился под ударами противника, поэтому воин отбросил его и бился, держа меч обеими руками.

С окрашенных багрянцем заката небес этой пустынной туранской степи, где жили лишь ветры, внезапно спустился ужас на поле битвы, где две огромные армии схлестнулись

© R. Howard, L. Carter.

в жестокой борьбе. Здесь рубили и кололи лучшие боевые силы короля Туранского Илдиза, в армии которого наемником служил этот молодой человек. Вот уже пять часов как они сражались с конными легионами Мунтассем-хана, мятежного наместника заморанских болот в Северном Туране.

Описывая плавные круги, с неба спускались отвратительные существа, подобных которым варвар еще никогда прежде не видел и о которых никогда не слыхивал во время своих скитаний. Это были черные чудовища, похожие на тени, несомые гигантскими кожистыми крыльями, точно некие огромные летучие мыши.

Обе армии, еще ничего не подозревая, продолжали сражаться. И только Конан, окруженный трупами зарубленных врагов, смотрел с низкого холма, как спускаются чудовища.

Одно мгновение он стоял, опершись на свой забрызганный кровью меч и уставившись на призрачные существа-тени — да, они впрямь казались скорее тенями, нежели чем-либо иным, прозрачными были они, подобными клубам черного дыма или духам гигантских летучих мышей-вампиров. Из их туманных фигур злобно посверкивали огненные зеленые глазки-щели.

И пока Конан наблюдал за ними, смятенный, с волосами, встающими на загривке дыбом, как у дикого зверя, чудовища, точно стервятники, опустились на поле битвы и набросились на сражающихся.

Крики боли, вопли ужаса пронзительно зазвучали в рядах боевых сил короля Илдиза, когда их атаковали черные тени. И где бы ни наносил свой удар туманный дьявол, оставались истекающие кровью трупы. Монстры падали с небес сотнями, и уставшие туранские солдаты расстроили ряды, а всадники, охваченные паникой, бросали свое оружие.

— Сражайтесь! Бейтесь же, псы! — яростно ревел высокий офицер, пытавшийся остановить бегство, сидя на огромной вороной кобыле. Конан мельком увидел блеск серебряной кольчуги под развевающимся голубым плащом, горбоносое, чернобородое лицо, величественное и суровое под остроконечным шлемом, на котором играло багровое солнце. Он узнал офицера. Это был генерал короля Илдиза, Бакра из Акифа.

С яростными проклятиями выхватил гордый главнокомандующий свою саблю и начал наносить вокруг себя удары плашмя. Быть может, ему бы удалось вновь сомкнуть ряды бегущих, если бы сзади на него не опустилась одна из

этих дьявольских теней. Чудовищная тварь распустила свои тончайшие, как дым, крылья и положила их на полководца в жутком объятии. Конан увидел лицо Бакры. Оно внезапно стало смертельно бледным, глаза застыли от ужаса — все это Конан разглядел сквозь окутывающие генерала крылья. Исказившиеся черты лица казались белой маской под покрывалом из тончайших черных кружев.

Лошадь генерала зашаталась, закатила глаза и рухнула. Но тень подняла Бакру с седла. Мгновение она несла его по воздуху, медленно взмахивая крыльями, а затем выронила исполосованное окровавленное тело в разорванной одежде. Лицо, которое Конан разглядел сквозь прозрачные туманно-черные крылья, превратилось теперь в кровавое месиво. Так завершилась карьера Бакры из Акифа.

И так завершилась эта битва.

Точно безумие охватило ряды туранцев после того, как они увидели, что лишились своего командира. Отважные ветераны, имеющие за плечами опыт не одной дюжины сражений, с воплями, как зеленые рекруты, помчались прочь с поля боя. Гордые аристократы, уподобляясь боязливым рабам, с воем ударились в бегство. А боевые силы мятежного наместника, оставшиеся невредимыми после атаки летающих теней, использовали свое преимущество, выигранное таким чудовищным образом. Битва проиграна, разве что одному-единственному непоколебимому человеку удастся собрать вокруг себя туранцев, подавая им личный пример.

И вот перед первыми из бегущих солдат внезапно поднялась такая свирепая и дикая фигура, что они тут же испуганно остановили свой панический бег.

— Стойте, подонки, не знающие отцов, или, клянусь Кромом, я утощу ваши трусливые утробы футом доброй стали!

Это был киммерийский наемник, с лицом каменной маски, выражающей смертельную угрозу. Дикие глаза под густыми черными бровями сверкали яростью, как вулканы. Почти голый, с головы до ног забрызганный кровью, с огромным двуручным мечом в могучем, покрытом шрамами кулаке, высился он перед ними. Его голос гремел низкими раскатами грома.

— Назад, если ваши ничтожные жизни еще что-нибудь значат для вас, вы, трусливые собаки,— я говорю: назад, или я вырву ваши кишки и размажу их у ваших ног! А, только попытайся поднять на меня саблю, гирканская свинья,

и я голыми руками вырву сердце из твоей груди и вобью его тебе между зубов, прежде чем ты успеешь испустить дух! Разве вы бабы, чтоб бежать от теней? Еще совсем недавно вы были мужчинами — да, храбрыми, сражающимися туранскими воинами! Вы стояли против врага с обнаженным клинком и бились, не ведая страха. А теперь вы вдруг бежите, как маленькие дети, перед ночной тенью! Ба! Кром, да я горжусь тем, что я варвар, когда я вижу, как вы, изнеженные домоседы, зарываетесь в землю от роя жалких летучих мышей!

И на минуту он остановил их — но только на одну лишь краткую минуту. Чернокрылая тварь из ночного кошмара со свистом опустилась сверху на него, и он — даже он! — Отшатнулся от ее зловещих крыльев-теней и вони ее гнилостного дыхания.

Солдаты бежали, бросив Конана наедине с бестией. Но киммериец сражался. Он расставил ноги, взмахнул своим могучим мечом, повернулся и всю силу спины, плеч и крепких рук вложил в удар. Меч сверкнул свистящей дугой и разрубил фантастическое чудовище на две части. Но оно было, как Конан и предполагал, созданием, не имевшим твердого тела, ибо его меч не наткнулся ни на малейшее сопротивление. От рывка он потерял равновесие и упал на каменистую землю.

Над ним в воздухе заколыхалось чудовище. Клинок прорезал в облаке зияющую брешь — так, словно рука прошла сквозь дым и разогнала его. Но пока он еще смотрел на призрачную тень, туманное тело вновь срослось у него на глазах. Над ним, как зеленый мерцающий жар преисподней, пылали нечеловеческие глаза, исполненные пугающей издевки.

— Кром! — прохрипел Конан. Вероятно, это должно было быть проклятием, но прозвучало скорее молитвой.

Он попытался вновь поднять меч, но тот выскользнул из онемевших пальцев. Ибо, когда клинок вторгся в черную тень, он наполнился болезненным холодом, таким, как тот, что, должно быть, царит в бездне среди звезд.

Летучая мышь размахивала над ним широко распростертыми крыльями, словно издевательски потешаясь над своей поверженной жертвой и ее суеверным ужасом.

Бессильными руками Конан пошарил на теле, где полоска невыделанной кожи удерживала на талии импровизированную набедренную повязку. Возле кошеля с этого ремеш-

ка свисал тонкий кинжал. Его пальцы, все еще непослушные от обморожения, нащупали, однако, не рукоятку кинжала, а кошель и коснулись при этом какого-то гладкого и теплого предмета, спрятанного внутри мешочка.

Внезапно Конан отдернул пальцы, когда покалывающий жар потек в него. Его пальцы погладили удивительный амулет, который он нашел днем раньше, когда они разбили лагерь у Бахари. Прикосновение к гладкому камню высвободило странные силы.

Тварь, похожая на летучую мышь, разом отшатнулась от него. Еще мгновенье назад она подобралась так близко, что его тело содрогалось от неземного холода, излучаемого этим чудовищем. Теперь она, все быстрее взмахивая крыльями, почти в отчаянии улетала от него прочь.

Конан с трудом поднялся на колени. Он сражался со слабостью, сковавшей его тело. Сперва ужасающий холод от прикосновения чудовищной тени, затем покалывающий жар, растекающийся по обнаженному телу,— все это вместе было чересчур даже для его сил. Перед его глазами все расплылось. Рассудок помрачился. Он в ярости потряс головой, чтобы совладать с растерянностью, и осмотрелся.

— Митра! Кром и Митра! Неужто весь мир свихнулся?

Жуткая армия летающего кошмара прогнала с поля боя все войско генерала Бакры, а тех, кто не мог бежать достаточно быстро, уничтожила. Однако не тронула ухмыляющихся воинов Мунтассем-хана, точно солдаты Яралета и тенеподобные чудища были партнерами в нечестивом союзе черной магии.

Но теперь люди Яралета с криком помчались прочь от вампиров-теней. Обе армии в конце концов были рассеяны.

«Неужели и вправду мир обезумел?» — в тоске спрашивал Конан у багрового неба.

Силы и рассудок теперь оставили киммерийца окончательно. Он погрузился в черное забытье.

2

ПОЛЕ БИТВЫ

Солнце пылало на горизонте горящим углем. Оно бросало мерцающий свет на тихое поле битвы, как красный глаз на безобразном лбу циклопа. Безмолвное, как смерть,

усеянное останками бойцов, мрачно простиралось в последних солнечных лучах поле битвы. Тут и там среди мертвецов застыли лужи крови, и солнце отражалось в них.

Темные фигуры, таясь, шныряли в высокой траве и, повизгивая, обнюхивали сваленные в кучи и разбросанные трупы. Угловатые плечи и отталкивающие, похожие на собачьи, морды — степные гиены! Для них поле битвы означало богато накрытый стол.

А в небе парили отвратительные чернокрылые стервятники, желая тоже принять участие в трапезе. Мерзкие птицы набрасывались, шурша крыльями, на изуродованные тела. Но за исключением пожирателей падали, ничто не двигалось на кровавом поле. Оно было безмолвно, как сама смерть. Ни скрип колес боевых колесниц, ни звон бронзовой трубы не прерывали этой неземной тишины. Молчание смерти быстро последовало за грохотом битвы. Как призрачные посланцы судьбы, рои мышей медленно пролетели по небу на заросший камышом берег реки Незвайя, вздувшиеся воды которой тускло светились в последних закатных лучах.

На другой стороне далекого берега высилась огромная черная масса укрепленного города Яралет, как гора эбенового дерева в сумерках.

И все же одна фигура шевелилась на широком поле смерти, как карлик на фоне заходящего солнца. Это был юный киммериец с буйной черной гривой и горящими синими глазами. Черные крылья, сотканные из мертвящего холода межзвездных пространств, лишь слегка задели его. Жизнь теплилась в нем, и сознание к нему возвратилось. Он бродил по кровавому полю тут и там, немного приволакивая ногу, ибо в пылу схватки получил глубокую рану в бедро, которую заметил только сейчас и, как сумел, перевязал, когда вновь пришел в себя и захотел встать.

Осторожно, хотя и нетерпеливо, он нагибался то к одному, то к другому трупу, какими бы окровавленными они ни были. Он был облит кровью с головы до ног, а могучий длинный меч, который он тащил за собой, был красен почти до самой рукояти. Усталым, как собака, был Конан, и в горле у него пересохло. Все его тело болело от десятков ранений — большей частью это были незначительные ушибы, резаные ранки, царапины, если не считать серьезной раны на бедре,— и он тосковал по фляжке с вином и плитке сухарей.

Рыская среди трупов и приседая то перед одним мертвецом, то перед другим, он рычал, как голодный волк, и при этом ругался. Его втянули в эту туранскую войну наемником. Ничто не принадлежало ему, кроме его лошади, ставшей жертвой этой войны, да могучего меча, что он держал в руке. Теперь, раз битва проиграна, война окончена и он остался один, покинутый среди вражеской страны, он, по крайней мере, надеялся облегчить свою участь, позаимствовав у павших доспехи получше, ибо тем они, без сомнения, не скоро понадобятся вновь. Кинжал, усыпанный драгоценными камнями, золотой браслет, серебряная кираса и тому подобные мелочи были бы для него очень кстати, поскольку с их помощью он купил бы себе путь из царства Мунтассемхана и мог бы возвратиться в Замору с достаточным количеством звонких монет, чтобы чуток хорошо пожить.

Но кто-то уже ограбил мертвецов до него — то ли воры, пробравшиеся сюда из города, то ли солдаты, возвращавшиеся на поле, с которого бежали. В любом случае не осталось больше ничего, что стоило бы взять с собой. Только обломки мечей валялись кругом, разбитые копья, погнутые шлемы и щиты. Конан окинул взором усеянную телами равнину и яростно выругался. Слишком долго он пролежал без сознания, даже мародеры успели за это время скрыться. Он был как одинокий волк, который в своей кровожадности убивает добычу за добычей, а когда для него наступает время вонзить в нее зубы, видит, что шакалы уже уволокли ее от него прочь. В этом случае это были всего лишь люди-шакалы.

Он прекратил свои бесполезные поиски и отказался от них с фатализмом истинного варвара. Теперь настало время изобрести какой-нибудь план. Нахмурив лоб и сдвинув брови, он размышлял, тревожно поглядывая на темнеющую степь. Угловатые башни Яралета с плоскими крышами, массивные и черные, вырисовывались на фоне умирающего заката. Тот, кто сражался под стягом короля Илдиза, не может надеяться найти там приют. Но поблизости не было никакого другого города, ни друга, ни врага. А столица Илдиза Аграпур — в сотнях миль южнее...

Погруженный в свои мысли, он не замечал приближения крупной черной фигуры, пока наконец до его ушей не донеслось слабое, почти дрожащее ржание. Он резко повернулся, не забывая при этом о раненой ноге, и угрожающе поднял

меч. Усмехаясь, он опустил оружие, когда увидел, кто стоит перед ним.

— Кром! Ты меня здорово напугала! Так я не один тут остался в живых, а?

Конан с облегчением рассмеялся.

Большая вороная кобыла стояла, дрожа, перед варваром и смотрела на него испуганными глазами. Это была лошадь генерала Бакры, который сейчас лежал мертвый в луже крови где-то на этом поле битвы.

Животное снова заржало, услышав приветливый голос. Хотя Конан был невеликий знаток лошадей, но он все же видел, что кобыле пришлось несладко. Дышала она хрипло, шкура блестела от пота, длинные ноги дрожали от усталости. Дьявольские летучие мыши и на нее нагнали ужаса, мрачно подумал Конан. Он заговорил с ней ласковым голосом, попытался успокоить и осторожно подступал к ней все ближе, пока не смог погладить перепуганное животное и прогнать его страх.

На его далекой северной родине лошади были редки. Среди варваров киммерийских кланов, из которых он происходил, только по-настоящему богатые вожди владели лошадьми благородных кровей либо же отважные воины, добывшие их себе в бою. Но, несмотря на неумение обращаться с этими животными, Конану удалось успокоить кобылу и забраться в седло. Он взял поводья и медленно поехал с поля битвы, ставшего теперь болотом чернильно-черной темноты в ночном мраке. Он сразу же почувствовал себя лучше. В седельных сумках были припасы, а имея сильную лошадь, он получал хороший шанс добраться до заморанских границ по пустынной тундре.

3

ИЛЬДИКО

Тихий, мучительный стон донесся до его слуха.

Конан дернул поводья и остановился. Он недоверчиво осмотрелся по сторонам в глубокой темноте. По коже побежали мурашки от суеверного страха при этом таинственном звуке. Затем он пожал плечами и испустил проклятье. Это вовсе не ночной призрак, не охотящийся пустынный гуль, это просто стон боли. И он означал, что на поле битвы был

еще кто-то третий живой. А от живого можно ожидать, что он не ограблен.

Конан спрыгнул с седла и привязал поводья к ободу разбитого колеса. Стон донесся слева. Здесь, на краю поля битвы, раненый запросто мог укрыться от острых глаз мародеров. Может быть, он, Конан, все же вернется в Замору с кошельком, полным самоцветов.

Киммериец наклонился к источнику стонов, которые действительно доносились с края равнины. Он раздвинул камыши, росшие скоплениями на берегу вяло текущей реки, и посмотрел вниз, на бледную фигуру, слабо шевелившуюся у его ног. Девушка.

Полураздетая, лежала она перед ним, на ее белом теле были видны бесчисленные легкие ранки и синяки. Кровь засохла на влажных прядях ее длинных черных волос, придавая им такой вид, словно с них свисает цепь рубинов. Боль глядела из ее блестящих глаз, неподвижно уставившихся в пустоту, и она стонала в горячечном забытьи.

Киммериец посмотрел на нее сверху вниз, почти безразлично отметил точеную красоту ее фигуры и полную округлую грудь. Он пребывал в замешательстве. Что делает на поле битвы девушка, почти дитя? Она не была похожа на одну из тех потаскушек, что составляют обоз любой армии. Стройное, грациозное сложение говорило о хорошем, возможно, и благородном происхождении. Он в удивлении затряс головой, мотая черной гривой по тяжелым мускулистым плечам. Девушка у его ног пошевелилась.

— Сердце... Сердце Таммуза... О господин! — тихо вскрикнула она, беспокойно ворочая темноволосой головой из стороны в сторону. Несомненно, она бредила.

Конан пожал плечами. Его глаза на мгновение потемнели, приняв выражение, которое у кого-нибудь другого можно было бы счесть за сочувствие. Смертельно ранена, подумал он мрачно и поднял меч, желая избавить несчастную от дальнейших мучений.

Когда клинок взлетел над ее белой грудью, она снова заплакала, как ребенок. Большой меч остановился в воздухе, и киммериец замер на миг в неподвижности, как бронзовая статуя.

Следуя внезапному порыву, он кинул меч обратно в ножны, наклонился и без труда поднял девушку на руки. Она слегка отбивалась и начинала стонать всякий раз, когда сознание, казалось, вновь возвращалось к ней.

С заботливой нежностью вынес он се на поросший камышом берег и ласково уложил на сухой камыш. Затем зачерпнул речной воды и осторожно умыл ее лицо, промыл раны. Даже мать не могла бы заботливее обращаться с ребенком.

Ее ранки оказались поверхностными повреждениями, большей частью кровоподтеками, за исключением резаной раны на лбу. И даже эта, хотя и сильно кровоточила, была какой угодно, только не смертельной. Конан пробурчал что-то с облегчением и окатил личико и лоб девушки чистой холодной водицей. Затем довольно неуклюже прижал ее голову к своей груди и влил немного воды между ее полураскрытых губ. Она закашлялась и немного подавилась, затем пришла в себя и уставилась на него темными звездами глаз, казавшихся все еще испуганными и смятенными.

— Кто... что... Летучие мыши!

— Они исчезли, девочка,— сказал Конан хриплым голосом.— И тебе нечего бояться. Ты из Яралета?

— Да... да... Но кто вы?

— Конан-киммериец. Что могла забыть на поле битвы девочка вроде тебя? — спросил он.

Но она точно не слышала его — в задумчивости хмурила лоб и тихонько повторяла его имя.

— Конан... Конан... да, это имя! — удивленно устремила она взор на его загорелое, покрытое шрамами лицо.— Вы именно тот, кого меня послали разыскать. Как странно, что вам довелось найти меня!

— Да кто же послал тебя выслеживать меня, детка? — пробурчал он недоверчиво.

— Я Ильдико, бритунийка, рабыня в доме Аталиса Видящего Далеко, что живет там, в Яралете. Мой господин в великой тайне отправил меня на розыски. Я должна найти среди воинов короля Илдиза одного по имени Конан, киммерийского наемника, и незаметно доставить в город, в дом господина. Вы — тот человек, которого я должна найти!

— Вот как? И чего же твой господин от меня хочет?

Девушка тряхнула темными волосами.

— Этого я не знаю. Но он велел мне заверить вас, что не замыслил против вас ничего дурного и что вы получите много золота, если пойдете со мной к нему.

— Золота, говоришь? — пробормотал он в раздумье. Он помог ей подняться на ноги и подхватил своей мускулистой лапой за узкие белые плечи, когда она зашаталась от слабости.

— Да, но я не успела добраться до поля битвы раньше, чем началось сражение. Так что я спряталась в камышах на берегу реки, чтобы сражающиеся не заметили меня. И тогда... появились летучие мыши! В одно мгновение они оказались повсюду! Они низвергались с небес на бойцов и убивали их чудовищным способом. Один всадник бежал от них в камыш и проехался, сам того не ведая, прямо по мне...

— Что с этим всадником?

— Мертв.— Она содрогнулась.— Одна из летучих мышей сорвала его с седла и бросила его труп в реку. Я потеряла сознание, ибо лошадь ударила меня...— Она подняла руку и коснулась своего рассеченного лба.

— Тебе повезло, что она не пришибла тебя насмерть,— проворчал варвар.— Так что, детка, навестим твоего господина, чтобы узнать, чего он хочет от Конана и откуда ему известно мое имя.

— Вы пойдете? — переспросила она еле слышно.

Он рассмеялся, вскочил на свою кобылу и крепкой рукой втянул девушку в седло впереди себя.

— А почему бы и нет? Я здесь один, во вражеской стране, а это означает, что у меня нет больше обязательств перед Илдизом, с тех пор как армия Бакры разбита. Так почему же я должен сомневаться, стоит ли мне знакомиться с человеком, который выбрал из десяти тысяч воинов именно меня и предлагает мне золото?

Они поскакали через брод по реке и по сумеречной равнине к Яралету, цитадели Мунтассем-хана. И сердце Конана, которое никогда не бывало счастливее, чем в преддверии новых приключений, яростно колотилось от ожидания.

4

В ДОМЕ АТАЛИСА

Необычное совещание состоялось в маленьком, освещенном свечами покое с бархатными драпировками в доме Аталиса, которого одни называли философом, другие — провидцем, а третьи — негодяем.

Эта загадочная личность была стройным человеком среднего роста, с впечатляющей головой ученого и лицом аскета, и все же нечто в его гладком лице и острых глазах выдавало в нем искушенного купца. На нем была простого покроя

хламида из дорогой ткани, а череп гладко выбрит, что характеризовало его как человека науки и искусства. Со своим посетителем он говорил тихим голосом. Третьему, окажись он здесь, вероятно, бросилась бы в глаза такая странность: во время беседы Аталис жестикулировал только левой рукой. Правая в неестественном положении лежала на коленях, и то и дело его умное, спокойное лицо искажала внезапная ужасная боль, и в тот же миг правая нога, скрытая хламидой, начинала мучительно выворачиваться в суставах.

Его гость был известен в городе Яралет как принц Тан, отпрыск древней и зажиточной туранской семьи. Принц был рослым, стройным как тополь мужчиной, он был молод и бесспорно хорош собой. Прямая осанка и жесткое выражение холодных серых глаз не соответствовали его тщательно завитым, напомаженным локонам и чрезмерно роскошной, украшенной драгоценными камнями одежде.

Возле Аталиса — он сидел в кресле из темного дерева с высокой спинкой, на которой с педантичной тщательностью были вырезаны гримасничающие рожи,— стоял маленький эбеновый столик, инкрустированный желтой слоновой костью. На этом столике лежал огромный обломок зеленого кристалла размером с человеческую голову. Он источал таинственное сияние. Через неравные промежутки времени философ прерывал тихую беседу и заглядывал глубоко в недра сверкающего камня.

— Найдет ли она его? И пойдет ли он за ней следом? — в отчаянии вопрошал принц Тан.

— Он придет.

— Но каждое уходящее мгновение увеличивает опасность. Уже сейчас Мунтассем-хан может наблюдать за нами, и для нас опасно, если нас увидят вместе...

— Мунтассем-хан покоится в глубокой дреме сновидений, навеваемых лотосом, ибо тени Нергала поднялись к часу заката,— заверил его Аталис.— И мы должны пойти на риск, чем бы он ни обернулся, худом ли, благом ли, если мы хотим, чтобы город был наконец освобожден от этого кровопийцы! — Внезапно его черты исказила гримаса почти непереносимой муки, затем они вновь разгладились. Он яростно продолжал: — Вам слишком хорошо известно, о принц, как мало времени нам еще осталось. Отчаявшиеся люди должны прибегать к отчаянным средствам!

Внезапно и лицо принца Тана исказила паника, и он обратил на Аталиса глаза, разом ставшие такими же безжизнен-

ными, как холодный мрамор. Но с той же быстротой, с какой охватил его приступ, жизнь возвратилась в его взор. Бледный, истекающий потом, он откинулся на спинку кресла.

— Слишком... мало времени! — прохрипел он.

Невидимый гонг тихо ударил где-то в темном, тихом доме Аталиса Видящего Далеко. Аталис поднял левую руку, делая знак принцу, испуганно вытянувшемуся в кресле, оставаться на месте.

Мгновением позже одна из бархатных драпировок отодвинулась, и показалась потайная дверца. В дверном проеме стояла, точно кровавый призрак, могучая фигура киммерийца, с девушкой, в полубессознательном состоянии опиравшейся на его руку.

С тихим вскриком радости философ вскочил и бросился навстречу угрюмому варвару.

— Добро пожаловать... трижды добро пожаловать, Конан! Давайте же, входите! Вот вино... немного перекусить...

Он указал на столик у стены и забрал у Конана бессильно падающую девушку. Ноздри киммерийца расширились, как у изголодавшегося волка, когда он почуял запахи съестного. Однако — опять же совершенно как волк, опасающийся ловушки,— он обвел пылающими синими глазами улыбающегося философа, бледного принца, обшарил взглядом каждый уголок маленького покоя.

— Позаботьтесь о девушке. Лошадь побила ее копытами, но она все же передала ваше послание по назначению,— проворчал он. Не чинясь, он тяжелым шагом прошелся по комнате, налил густого красного вина в кубок и опорожнил его. Затем оторвал поджаристую ножку от куропатки и жадно зачавкал. Аталис потянул за шнур звонка и перепоручил девушку немому рабу, выступившему, как по колдовству, из-за другой драпировки.

— Ну, так в чем дело? — спросил киммериец. Он уселся на низенькую скамейку и вздрогнул, когда боль пронзила его, напомнив о зияющей ране на бедре.— Кто вы такой? Откуда знаете мое имя? И чего от меня хотите?

— Мы еще сможем побеседовать с вами и потом,— ответил Аталис.— Ешьте и пейте, затем передохните. Вы ранены...

— К Крому все эти проволочки! Говорить будем сейчас!

— Хорошо, хорошо, как хотите. Но вы должны мне позволить промыть и перевязать ваши раны, пока мы разговариваем.

Киммериец нетерпеливо передернул плечами и нехотя разрешил философу сделать то, чего тот потребовал. Пока Аталис промывал большую рану губкой, посыпал ее толстым слоем пахучего порошка и перевязывал чистыми полосами ткани, киммериец утолял голод, жадно поглощая тонко приправленное холодное жареное мясо и вливая в себя без устали красное вино.

— Я знаю вас, хотя мы никогда не встречались,— сказал Аталис мягко.— Я видел вас в хрустальном шаре, который вы видите здесь, на столе. В его глубине я могу видеть и слышать за сотни миль.

— Колдовство? — кислым тоном осведомился Конан, как всякий воин, презирая всю эту магическую дребедень.

— Если вам угодно называть это так.— Аталис улыбнулся своей располагающей улыбкой.— Но я не волшебник, а всего лишь искатель истины. Кое-кто называет меня философом...

Его улыбка исказилась, превратившись в жуткий оскал боли, и, чувствуя мурашки на коже, Конан увидел, как зашатался Аталис, когда его ногу свело ужасной судорогой.

— Кром! Вы что, больны, приятель?

Хрипя от боли, Аталис рухнул в свое кресло с высокой спинкой.

— Не болен... проклят. Этим дьяволом, который владычествует над нами со своим скипетром адской магии...

— Вы говорите о Мунтассем-хане?

Аталис устало кивнул.

— То, что я не волшебник, спасало мне жизнь до сей поры. Ибо наместник велел перебить всех магов в Яралете. Меня же, поскольку я только маленький философ, он оставил жить. Однако он подозревает, что я чуть-чуть разбираюсь в черном искусстве, и потому наградил меня этим смертельным проклятием. Оно пожирает мою плоть, терзает мои нервы и слишком скоро приведет меня к предсмертной агонии! — Он показал на свою неестественно вывернутую руку, неподвижно лежащую у него на коленях.

Принц Тан дикими глазами смотрел на Конана.

— И я тоже проклят этим отродьем преисподней, ибо мое положение — следующее за постом наместника, и он думает, что я взалкал его трона. Меня он мучает иным образом — терзая мозг, и все время меня охватывают приступы, отнимающие зрение у глаз, которые в конце концов лишат

меня рассудка и превратят в бездушную, слепую, скулящую тварь!

— Кром! — тихо выругался Конан.

Философ сделал беспомощный жест.

— Вы — наша единственная надежда! Только вы можете спасти наш город от этого не ведающего пощады дьявола, мучающего и терзающего нас.

Конан уставился на него, ничего не понимая.

— Я? Но я-то не волшебник, приятель! Все, чего может добиться воин с обнаженной сталью, я совершить в состоянии, но чего я стою против черного искусства?

— Выслушайте меня, Конан из Киммерии! Я расскажу вам странную и ужасную повесть...

5

РУКА НЕРГАЛА

В городе Яралет, как рассказывал Аталис, при наступлении ночной темноты люди запирают на засовы двери и окна и, дрожа, прячутся в своих жилищах. Исполненные ужаса, они возносят молитвы перед изображениями своих домашних божеств, освещенных свечами, пока чистый ясный свет нового дня не польется от огненных лучей встающего солнца на темные городские башни.

Ни один лучник не охраняет ворот. Ни одного стражника нет на пустынных улицах. Воры не крадутся по узким переулкам, размалеванные продажные женщины не зазывают из темных дверных проемов. В Яралете равно страшатся теней ночи и подонки, и честные люди. Воры, попрошайки, наемные убийцы и разукрашенные девки ищут убежища в вонючих норах греха или в мрачных кабаках. С наступлением сумерек и до рассвета Яралет — город безмолвия, и безлюдны его темные улицы и переулки.

Не всегда было так. Некогда это был зажиточный город, где процветала торговля, где было множество лавок и магазинов всех родов и базаров, где было все, чего только пожелает сердце. Здешний люд был счастлив, ибо крепкая рука мудрого и добросердечного правителя Мунтассем-хана охраняла их. Он не облагал жителей слишком высокими налогами и правил справедливо и милостиво, а кроме того, занимался своей личной коллекцией антиквариата и изучал все

те древние редкости, которые занимали его острый ум исследователя. Среди купцов в караванах всегда имелись те, кому он давал поручение выискивать различные необычные ценности, которые они затем добывали для приватного собрания своего господина.

Но в одно мгновение он внезапно переменился, и страшная тень опустилась над Яралетом. Это было так, словно наместником овладели злые чары. Насколько прежде он был добр, настолько стал теперь жесток, и там, где он был великодушен, стал он алчен, и где был справедлив и милостив, стал ныне деспотичен и неукротим.

И тогда его костоломы начали аресты: аристократы, богатые купцы, жрецы, чародеи — все они были брошены в подземелья дворца наместника, и никто их больше не видел.

Шептали, что один караван с далекого юга привез кое-что из Стигии, где гнездятся демоны. Лишь немногие видели это «кое-что», и из этих немногих один, дрожа, рассказывал, что эта штука покрыта странными грубыми иероглифами, похожими на те, что можно видеть на пыльных гробницах древней Стигии. Очевидно было воздействие на наместника злых чар, и им овладели неведомые силы черной магии. Чудовищные силы спасли его от тех отчаявшихся патриотов, которые, во имя блага города, подготовили покушение на него. Ужасный алый свет пылает в окнах высокой башни его дворца. Поговаривают, что несколько пустых покоев там он превратил в храм мрачного кровожадного бога.

И ныне ужас подстерегает на улицах ночного Яралета, точно сам дьявол вызвал его страшным заклятием из предела мертвых.

Что это такое — то, чего они страшатся в ночи,— испуганные горожане не могут объяснить в точности. Но это не плод пустого воображения — то, из-за чего они закладывают засовы окон и дверей. Шепчут, что рыскающих, похожих на летучих мышей существ видели в щелку ставен. Туманные твари, созданные из тени,— вот что они такое, должно быть, каких человечество не знает и каких рассудок медлит признать, охотнее ища убежища в безумии. Ходят слухи о разбитых дверях, об ужасных криках и нечеловеческих воплях, исторгаемых человеческим горлом, после чего воцаряется тяжелое, недоброе молчание. И эти разбитые двери болтаются в петлях при свете встающего солнца, и дома, охра-

няемые ими, внезапно оказываются непостижимым образом опустевшими...

Это чудовищное «нечто» из Стигии была Рука Нергала.

— Она выглядит кистью с когтеобразными пальцами, вырезана из желтоватой слоновой кости и сплошь покрыта странными иероглифами забытого языка. Пальцы-когти охватывают мутный хрустальный шар. Я знаю, что наместник владеет этим шаром, ибо я видел это сам...— он сделал знак рукой,— в моем собственном кристалле. Хоть я и не маг, я все же немного обучался искусству.

Конан беспокойно зашаркал ногами.

— И вы знаете еще что-нибудь об этой... штуке?

Аталис слабо улыбнулся.

— О да. Старые надписи доносят до нас сведения о ней и могут поведать темные легенды ее кровавой истории. Слепой провидец, написавший «Книгу Скелоса», знал ее хорошо... «Рука Нергала» — так называют ее с дрожью. Полагают, что она упала со звезды прямо на Закатные острова на самом дальнем западе много столетий назад, еще до того как король Кулл объединил под своим стягом Семь Царств. Невообразимо много времени протекло на Земле, с тех пор как первые бородатые рыбаки-пикты выудили ее из глубин и в удивлении уставились в ее пламя, полускрытое тенями. Они пустили ее в торговый оборот, обменявшись с жадным купцом из Атлантиды, и так она пустилась в путь по свету на восток. Старые, седобородые чародеи древней Тулы и темного Грондара испытывали ее чары в своих пурпурных и серебряных башнях. Люди-змеи Валузии, где бродят тени, заглядывали в ее пылающую глубину. С ее помощью Ком-Язот одолел тридцать королей, однако затем Рука обратилась против него и покончила с ним. «Книга Скелоса» сообщает, что поначалу Рука наделяет своего владельца невероятной властью, а затем приносит ему ужаснейшую гибель.

Только ровный голос философа нарушал тишину покоя, но черноволосому воину чудилось, как во сне, что он слышит далекий отзвук громыхающих боевых колесниц, звон оружия, крики терзаемых владык, теряющих царства, что погибли, взорвавшись, в один миг...

— Когда весь древний мир был сотрясен катаклизмом, и зеленое море захлестнуло разбитые башни погибшей Атлантиды, и царства одно за другим рассыпались в руины, было утеряно и знание о Руке. Три тысячи лет дремала она, но, когда воспряли молодые королевства Коф и Офир и

постепенно поднялись из сумерек варварства, Рука вновь была найдена. Темные короли-чародеи мрачного Ахерона изучили ее тайны, и, когда отважные хайборийцы растоптали это ужасное царство, она оказалась на юге, в таинственной Стигии, где кровавые жрецы этой черной страны использовали ее для чудовищных обрядов, о которых я не смею говорить. Она исчезла с лика земли, когда один из темных чародеев был убит, ибо была погребена вместе с ним, и, таким образом, человеческий глаз не видел ее много-много столетий... Однако теперь, кажется, ее нашли грабители могил, и каким-то образом она оказалась во владении Мунтассем-хана. Искушение абсолютной властью, которое она предлагает всем, кто считает ее своей собственностью, погубило его, как губило оно бесчисленное число других, подпавших под ее страшные чары. Я страшусь за все страны этого мира, киммериец, поскольку теперь рука демона пробудилась и вновь начали бродить по земле мрачные силы...

Голос Аталиса смолк. Воцарилось молчание. Конан тоскливо пробурчал нечто нечленораздельное, чувствуя, как волосы у него на затылке встают дыбом.

— Ну так что... Кром! Что же мне со всем этим делать?

— Только вы один можете прекратить влияние этого чудовищного талисмана на дух наместника!

Горящие глаза расширились.

— Я? Но как?

— Вы владеете талисманом, противодействующим силе Руки.

— Я? Как вам пришла в голову эта идея? Я не держу никаких амулетов и тому подобного магического хлама...

Подняв руку, Аталис прервал его.

— Перед битвой вам не случалось найти какой-нибудь необычный предмет? — мягко спросил он.

Конан в изумлении глянул на него.

— Да, действительно, вчера вечером, когда мы разбили лагерь у Бахари...— Он сунул руку в мешочек и вынул оттуда гладкий светящийся камень.

Философ и принц воззрились на него, затаив дыхание.

— Сердце Таммуза! Да, воистину, противодействующий талисман!

Камень действительно имел форму сердца и был размером с детский кулачок, это был золотистый янтарь или, может быть, редкий желтый жад. Он пылал мягким огнем в руке варвара, который внезапно с глубоким благоговением

вспомнил, как пульсирующее тепло талисмана изгнало из его тела сверхъестественный холод теней.

— Идемте, Конан! Мы будем сопровождать вас. Существует потайной ход из этого покоя в аудиенц-зал наместника — подземный туннель, схожий с тем, по которому моя невольница Ильдико доставила вас сюда, проведя через весь город под улицами. Сердце Таммуза защитит вас. Под его защитой вы убьете Мунтассем-хана или уничтожите Руку Нергала. Нет никакой опасности, поскольку наместник погружен в глубокий магический сон, одолевающий его всякий раз, как он призывает тени Нергала, что он сделал на закате солнца, чтобы разбить туранскую армию короля Илдиза. Так что идемте!

Конан подошел к столику и осушил последний бокал вина. Затем пожал плечами, изрыгнул проклятье, помянув Крома, и последовал за хромым провидцем и стройным принцем в темный дверной проем, открывшийся за настенным ковром.

В несколько секунд они исчезли, и покой остался пустым и тихим, как гробница. Единственное движение исходило из мерцающего светом зеленого хрустального шара возле кресла. В его глубине была видна крошечная фигурка Мунтассем-хана, лежащего в оцепенении сна в своем огромном зале.

6

СЕРДЦЕ ТАММУЗА

Они шли в бесконечной темноте. Вода капала с потолка туннеля, высеченного в скале, и тут и там на полу сверкали красные крысиные глазки, прежде чем крысы с яростным писком разбегались, удирая в безопасное место от странных созданий, вторгшихся в их подземное царство.

Аталис шел впереди. Здоровой рукой он вел вдоль неровной стены туннеля.

— Я не стал бы обременять вас этой просьбой, мой юный друг,— прошептал он.— Но именно в ваши руки попало Сердце Таммуза, и я чувствую определенную причину — смысл — в его выборе. Существует сродство между противоборствующими силами: той темной силой, которую мы называем «Нергал», и силой Света, что для нас «Таммуз». Сердце пробудилось и потребовало — способом, о котором мы даже не

имеем представления,— чтобы его нашли, ибо Рука тоже пробудилась и уже творила чудовищные злодейства. И поскольку силы, кажется, избрали вас для этого подвига, я отыскал вас... ш-ш!.. Сейчас мы уже находимся под дворцом. Мы почти у цели...— Он провел здоровой рукой по грубой поверхности скальной стены — то был конец туннеля. Огромный камень беззвучно скользнул в сторону. Навстречу им замерцал слабый свет.

Они стояли в конце огромного сумрачного зала, высокий купольный свод которого терялся в темноте. В середине зала, пустого, если не считать ряда массивных колонн, стоял пьедестал и на нем — тяжелый трон из черного мрамора. Там покоился... Мунтассем-хан.

Он был среднего возраста, однако худ и истощен. Белая как бумага, нездоровая кожа обтянула кости лица, ставшего почти маской смерти — черепом, и темные круги залегли под запавшими глазами. Он скорее лежал, чем сидел, и прижимал к груди посох из слоновой кости, как скипетр. Навершие посоха было сработано в форме демонской костистой лапы. Она держала дымчатый кристалл, пульсирующий медленными вспышками пламени, как живое сердце. Из медной чаши возле трона поднимался дым с одурманивающим запахом. Он исходил от наркотического лотоса, испарения которого применяют чародеи, чтобы подчинить себе Нергаловых демонов из тени. Аталис подергал Конана за руку.

— Смотрите, он еще спит! Сердце Таммуза защитит вас. Заберите у него руку из слоновой кости, и он лишится всей своей власти!

Конан пробурчал под нос согласие, довольно неохотное, и с обнаженным мечом в руке шагнул к трону. Было в этой истории нечто такое, что ему очень не нравилось. Слишком уж просто...

— А, господа мои. Я ждал вас.

С пьедестала Мунтассем-хан бросил им улыбку, в то время как они застыли, точно парализованные. Его голос прозвучал мягко, однако в нездоровых глазах пылал неистовый гнев. Он поднял скипетр из слоновой кости и сделал им знак...

Свет призрачно заморгал. И внезапно закричал хромой ясновидец, да так, что обоих его спутников дрожь пробрала до мозга костей. Его мышцы свело приступом непереносимой боли. Он упал на мраморные плиты, извиваясь от мук.

— Кром!

Принц Тан схватился за свою саблю, однако жест колдовской руки заставил его остановиться. Теперь глаза его были пусты и безжизненны. Холодный пот выступил на его побледневшем лбу. Он пронзительно закричал и рухнул на колени, отчаянно впиваясь ногтями в виски в попытке утихомирить ужасную боль, терзавшую его мозг.

— А вы, мой юный варвар!

Конан сделал прыжок. Он подскочил к врагу, точно пантера, наносящая удар. Движение сильного тела было таким стремительным, что его почти невозможно было разглядеть. Он был уже на первой ступеньке, прежде чем Мунтассем-хан успел хотя бы пошевелиться. Меч взлетел вверх, задрожал — и выпал из обессилевших пальцев. Волна арктического холода сковала его руки и ноги. Она накатила из затуманенного драгоценного камня в когтях из слоновой кости. Конан хрипло хватал ртом воздух.

Сверкающие глаза Мунтассем-хана жгли его глаза. Лицо, похожее на маску мумии, исказило жуткое подобие улыбки.

— Сердце действительно охраняет, однако лишь того, кто умеет призывать его силу! — торжествовал наместник. Он засмеялся, когда киммериец тщетно пытался возвратить силу своему оледеневшему телу.

Конан сжал зубы, яростно сопротивляясь ледяному потоку и смердящей черноте, медленно захлестывающим его из демонического кристалла. Сила по капле вытекала из его тела, точно вино из дырявого сосуда. Он опустился на колени и распростерся у подножия пьедестала. Он чувствовал, как его сознание точно съежилось, превратилось в крошечную, заброшенную точечку света в бесконечном мраке. Последние вспышки его воли трепетали, как пламя свечи на штормовом ветру. Со всем яростным, непоколебимым упорством своей варварской натуры он, несмотря на очевидную безнадежность, продолжал сопротивляться...

7

СЕРДЦЕ И РУКА

Пронзительный женский вопль. При этом неожиданном звуке Мунтассем-хан вздрогнул. Его внимание отвлеклось от Конана — чародейский натиск на мгновение оборвался —

и в это короткое мгновение из-за одной из колонн выскочила обнаженная стройная девушка со сверкающими темными глазами и копной темных вьющихся волос и подбежала к беспомощному киммерийцу.

Сквозь пелену гудения и тумана, в полубессознательном состоянии, Конан уставился на нее. Ильдико?

Стремительно упала она на колени возле него. Белая рука торопливо проскользнула в его кожаный кошелек и схватила Сердце Таммуза. Гибким движением вскочила она на ноги и швырнула противодействующий талисман в лицо Мунтассем-хану.

Амулет звучно ударил его между глаз. Взгляд наместника затуманился, он без сил поник на подушках своего черного трона. Рука Нергала выскользнула из обмякших пальцев и покатилась по мраморным ступеням.

В тот же момент — ибо талисман выпал из руки наместника — чары, терзавшие Аталиса и принца Тана непереносимой мукой, прервались. Бледными, изнуренными, потрясенными были они, но свободными и невредимыми. И могучая сила киммерийца возвратилась в его распростертое на полу тело. С проклятием он вскочил на ноги. Одной рукой он ухватился за круглое плечо Ильдико и оттолкнул ее подальше от опасного места, а другой поднял свой меч с мраморных плит. Он изготовился нанести удар.

Однако застыл, от удивления захлопав глазами. С каждой стороны от наместника лежало по талисману. И из обоих поднялись призрачные явления.

Из Руки Нергала высвободились мерцающие темным светом клубы, почти осязаемо источающие Зло,— то было сияние тьмы, подобное глянцу полированного эбенового дерева. Смердящая вонь преисподней была его нечестивым дыханием, и его прикосновение несло в себе непереносимый холод межзвездного пространства. Перед его приближением заколебалось оранжевое сияние коптящих факелов. Эта структура, похожая на сеть, разрасталась, ширилась, вытягивая все дальше змеиные щупальца светящейся черноты.

Но вот золотой венец лучей поднялся вокруг Сердца Таммуза. Он тоже разрастался и превратился в облако ослепительного янтарного огня. Жар тысяч гейзеров исходил от него, пожирая арктический холод, а лучи глубокого золотого света разрывали чернильно-черный призрак Нергала.

Обе космические силы набросились друг на друга и вступили в смертельную схватку. Неуверенным шагом Конан

отступил перед этой битвой богов и присоединился к двум своим спутникам. Полные благоговейного ужаса, созерцали они сверхчеловеческую борьбу. Дрожа, обнаженная Ильдико прижалась к нему, и он обхватил ее рукой.

— Как ты попала сюда, девочка? — спросил он.

Она слабо улыбнулась одними глазами, из которых еще не исчез страх.

— Я пришла в себя после обморока и вошла в покои господина. Там было пусто. Но в его кристалле ясновидения я увидела ваши изображения — как вы прокрадываетесь в зал наместника. А потом наблюдала за тем, как он очнулся и чудовищно играл с вами. И когда я увидела, что вы беспомощны и полностью в его власти, я решила все поставить на Сердце...

— Ну и хорошо, что ты так поступила,— мрачно похвалил ее киммериец.

Аталис взял его за руку.

— Смотрите!

Золотой туман Таммуза теперь превратился в гигантскую сверкающую фигуру непереносимо ослепительного света, в чем-то похожую на человека, но такую титаническую, как те колоссы, что эпохи назад были изваяны мастерами в скалах Шема.

Но и темный образ Нергала вырос до чудовищной величины. Теперь это было гигантское черное, как эбеновое дерево, нечто, настолько отвратительное по форме, что напоминало скорее гигантскую обезьяну, чем человека. В туманных клочьях, из которых была слеплена его голова, изумрудно-зеленым огнем горели глаза.

Обе силы бросились друг на друга с громоподобным, оглушительным треском, точно столкнувшиеся миры. Стены закачались под натиском титанического, космического единоборства. Воздух наполнился едким дымом. Искры длиною в фут трещали и вспыхивали, пролетая по сгустившемуся воздуху, когда грянули друг о друга золотой бог и тенеподобный черный демон.

Лучи невыносимо яркого света пронзили клубящиеся клочья тени. Молнии огромной мощи разорвали ее в крошечные клочки темноты, разгоняемые ветром. Еще краткий миг мрачная фигура окутывала и затемняла лучащееся золотое божество, но это длилось лишь последнее мимолетное мгновение. Затем раздался грохот, сотрясший землю, и чернота развеялась в объятиях непереносимого света — и исчезла.

Еще секунду колебалась над пьедесталом светящаяся фигура, и ее пламя поглотило его, как кучу хвороста; затем больше ничего не было видно.

Тишина царила теперь в аудиенц-зале Мунтассем-хана. Вместе с троном и пьедесталом в огне исчезли оба амулета. Рассыпались ли они на атомы под воздействием сражающихся космических сил или же вновь возродились где-то, чтобы ожидать пробуждения созданий, которых они хранили в себе и символами которых служили,— этого никто не мог сказать.

А труп на пьедестале? От него не осталось ничего, кроме горстки золы.

— Сердце всегда сильнее руки,— прошептал Аталис в тишине, такой полной, что замирало дыхание.

Сильной рукой Конан натянул поводья вороной кобылы. Она дрожала в нетерпении пуститься галопом, и копыта беспокойно постукивали по булыжной мостовой. Киммериец улыбнулся от уха до уха, его варварская кровь отзывалась на рвение благородного животного. Просторный плащ алого шелка ниспадал с его широких плеч, а там, где не было шелка, серебром сверкала в утреннем солнце новая кольчуга.

— Стало быть, вы полны решимости покинуть нас, Конан? — спросил принц Тан, облаченный в роскошные одежды нового наместника Яралета.

— Да. Ваша гвардия — слишком скучно для меня. Я жажду принять участие в новой войне, которую король Илдиз хочет вести против горских племен. Недели ничегонеделания и горстки мира мне вполне хватило. Живите счастливо, Тан и Аталис!

Он резко дернул поводья, повернул вороную и проехал через внутренний дворик дома ясновидца. Аталис и принц дружески смотрели ему вслед.

— Как необычно, что наемник удовольствовался оплатой меньшей, чем он мог бы получить,— заметил новый наместник.— Я предложил Конану ларец, полный золота, он мог бы провести с этим остаток своих дней в покое и удобстве. Но он только набил кошелек, выбрал себе оружие и одежду и оставил себе лошадь, которую нашел на поле боя. Слишком много золота — так он сказал — будет только мешать ему в дороге.

Аталис пожал плечами, затем с улыбкой показал на противоположную сторону двора. Из двери вышла стройная

бритунийская девушка с длинными черными волосами. Она подошла к Конану, остановившему лошадь и склонившемуся в седле, чтобы поговорить с ней. Они обменялись несколькими словами, затем варвар потянулся вниз, обвил рукой ее узкую талию и поднял девушку на седло впереди себя. Она села боком, обеими руками обвила его шею и прижалась головой к его груди.

Конан повернулся к обоим наблюдателям, поднял руку в приветственном жесте и широко улыбнулся им, после чего ускакал, увозя с собой хорошенькую девушку.

Аталис рассмеялся:

— Есть все-таки люди, которые сражаются не только ради золота!

Город черепов

1

КРАСНЫЙ СНЕГ

В далеких пустынных степях Гиркании, у отрогов гор Талакмы, на туранский караван набросилась, завывая по-волчьи, орда приземистых смуглых воинов. Нападение произошло на закате солнца. Западный горизонт полыхал полосами алого сияния, а невидимое уже солнце окрашивало в розовый цвет снег на самой высокой горной вершине.

Пятнадцать дней двигался караван из Турана по равнине. Он перешел вброд ледяную речку Запорожку и все дальше и дальше углублялся в бесконечные просторы востока. И тогда, с быстротой лесного пожара, разгорелась битва.

Гормаз склонился в седле с вражеской стрелой в горле, и Конан подхватил на руки тело лейтенанта. Он осторожно опустил убитого на землю, потом с проклятием вырвал из ножен меч и с широким клинком в руке встал вместе со своими товарищами против наседающей орды. Уже больше месяца ходил он по пыльным гирканским степям. Монотонность путешествия давным-давно успела наскучить ему, и теперь его варварская душа жаждала боя.

Он отбил мечом удар позолоченной кривой сабли первого же из нападающих с такой яростью, что клинок сабли переломился прямо под рукоятью. Оскалившись как голодная

© L. Sprague De Camp.

рысь, Конан швырнул обломок прямо в живот кривоногого воина. Тот взвыл, как проклятая небом душа в пламени преисподней, и, содрогаясь, упал в снег, который быстро окрасился алым.

Киммериец повернулся в седле, чтобы встретить щитом удар другого нападающего. Выбив клинок из рук своего противника, он ударил острием меча прямо между раскосых глаз желтого лица, которое скалило ему зубы — и вдруг залилось кровью и опустилось безжизненно.

И вот нападающие уже набросились на них всей толпой. Десятки невысоких смуглых людей в фантастических плетеных кожаных доспехах, украшенных золотом и блестящими драгоценностями, накинулись на них с яростью демонов. Звенели тетивы, взлетали копья, вращались и звонко гремели мечи.

По другую сторону кольца обступивших его врагов Конан заметил своего товарища Юму, огромного чернокожего парня из Куша, который дрался пешим. Его лошадь пала при первой же атаке, пронзенная стрелой. Кушит потерял свою меховую шапку, и золотое кольцо, висевшее в его ухе, отчетливо блестело в лучах рассеянного света. Пика, к счастью, оставалась при нем. С ее помощью он вышвырнул из седел трех противников, одного за другим.

Позади Юмы, во главе отряда отборных солдат короля Илдиза, принц Ардашир, командовавший эскортом, выкрикивал приказы, не слезая со своего могучего жеребца. Он все время втискивался на коне между врагами и паланкином, охраняя его от нападения: в паланкине сидела дочь Илдиза, принцесса Созара. Отряд должен был доставить принцессу в целости и сохранности Куюле, великому хану кочевых племен куйгаров, которому она предназначалась в жены.

Когда Конан снова бросил взгляд в ту сторону, он увидел, что принц Ардашир прижимает руку к своей меховой куртке. Словно по велению магии — так, во всяком случае, это выглядело — в основании его шеи внезапно появилась черная стрела. Расширенными глазами принц посмотрел на ее оперение, потом упал с коня, прямой как статуя. Его остроконечный шлем, усыпанный драгоценными камнями, покатился в забрызганный кровью снег.

После этого у Конана уже не было времени заботиться о чем-либо ином, кроме как о завывающих врагах, обступивших его. Несмотря на то что киммериец не так давно вышел из подросткового возраста, он был выше шести футов аж на несколько дюймов. Смуглые противники варвара казались

карликами рядом с его рослой мощной фигурой. Когда они, скаля зубы, окружили его, они напоминали собак, сбившихся в стаю и пытающихся разорвать королевского тигра.

Битва бушевала у отрогов гор, и с их вершин, наверное, казалось, что это всего лишь ветер гоняет по снегу листья, Лошади топтались, ржали, падали. Люди наносили удары, ругались, орали. Тут и там лишенные своих коней всадники продолжали сражаться пешими. Тела людей, трупы коней лежали, втоптанные в разрытую грязь, на залитом кровью снегу.

Красная пелена застилала глаза Конана, и он обрушивал на врагов свой меч с яростью берсерка. Он предпочел бы один из тех широких прямых мечей западного образца, с которыми был так хорошо знаком, но и кривым клинком солдата туранской армии он сеял вокруг себя смерть и разрушение. В его умелой руке стальная сабля сплетала в воздухе сверкающую сеть смерти, и уже не менее девяти маленьких смуглых воинов в сверкающих кожаных доспехах попались в эту сеть и были оттащены прочь дрожащими лошадьми — обезглавленные, с пробитым сердцем. С диким боевым кличем своего горного клана на устах киммериец дрался как одержимый. Однако вскоре он замолчал, потому что каждый вздох теперь нужен был ему для нападения и обороны. Битва, вместо того чтобы идти к завершению, становилась все более яростной с каждой минутой.

Всего лишь семь месяцев прошло с тех пор, как Конан — единственный уцелевший из всех — вернулся из экспедиции, которую несчастья преследовали буквально по пятам. Король Илдиз отправил ее с целью покарать взбунтовавшегося сатрапа Северного Турана Мунтассем-хана. С помощью черной магии сатрап уничтожил королевский отряд, искромсал абсолютно всех, кто был послан его усмирять, от высокородного генерала Бакры из Акифа до последнего пехотинца. Да, он полагал, что погибли все. Но молодой Конан остался в живых. Одна невольница помогла ему добраться до города Яралет, который страдал под игом одержимого черным чародейством сатрапа, и страшный жребий выпал тогда на долю Мунтассем-хана.

По возвращении в роскошную столицу Турана, город Аграпур, Конан получил в награду почетный меч из рук короля. Поначалу он терпел немало насмешек от товарищей из-за своей неловкости в верховой езде и обращении с луком. Но они быстро утратили чувство юмора, когда Конан с помощью могучего кулака принялся обучать их уважению

к владельцу этого метательного снаряда. А вскоре он выучился управляться и с конем, и с луком.

Однако теперь киммериец вовсе не был уверен, что сумеет получить причитающуюся ему за эту экспедицию награду. Легкий кожаный щит в его левой руке разлетелся на куски, и он отбросил его. Стрела вонзилась в круп его коня. Заржав, конь опустил голову и взбрыкнул задними ногами. Конан перелетел через голову коня, описав в воздухе дугу. Животное перескочило через него и скрылось.

Полуоглушенный киммериец поднялся, шатаясь, и продолжал биться пешим. Кривые сабли врагов исполосовали его плащ и разорвали кольчугу. Они пробили его кожаную куртку, и кровь теперь сочилась из десятка небольших ран.

Он сражался, оскалив зубы в злобной усмешке, с глазами, пылающими от ярости, как вулкан, и грива черных прямых волос падала ему на лицо. Один за другим погибали его товарищи, пока наконец они не остались вдвоем с черным великаном Юмой, спина к спине. Кушит держал, как шест, сломанное копье.

Внезапно Конану показалось, что сквозь туман красной ярости, застилавшей его глаза, опускается молот. Тяжелая булава ударила его по виску. Она смяла и расколола остроконечный шлем, так что металл сдавил ему голову. Колени его подогнулись. Последнее, что он слышал, был пронзительный, отчаянный крик принцессы, когда приземистые кривоногие воины, усмехаясь, вытащили ее из паланкина на окровавленный снег. Потом он упал лицом вниз на землю и потерял сознание.

2

ЧАША БОГОВ

Тысячи маленьких дьяволов стучали красными пылающими молоточками в голове у Конана. Ему казалось, что при малейшем движении голова начинает гудеть, как целая кузница. Когда его сознание наконец понемногу прояснилось, он понял, что самым жалким образом болтается на могучих плечах титана Юмы, который ухмыльнулся, заметив, что его товарищ пришел в себя, и осторожно отпустил его. Конан был несказанно рад, что у него еще были силы стоять на собственных ногах. Он удивленно осмотрелся по сторонам.

В живых остались только он, Юма и эта девушка, принцесса Созара. Остальные участники похода, в том числе и служанка Созары, убитая шальной стрелой, служили теперь пищей поджарым волкам гирканских степей. Они находились сейчас у северных склонов Талакмы, на много миль южнее от поля битвы. Невысокие смуглые воины в кожаных доспехах, многие с кровоточащими ранами, окружали их. Конан заметил, что они успели сковать ему руки тяжелыми цепями. Принцесса в шелковом платье и шелковых шароварах тоже была связана, но ее цепи были намного легче и, кажется, были сделаны из чистого серебра.

Закован был и Юма. На него победители обращали особое внимание. Они толкались возле кушита, трогали его кожу, а после рассматривали свои пальцы, удивляясь, что они не окрасились черным. Один из них даже набрал в лоскут ткани снега и сильно потер им плечо Юмы. Юма широко улыбнулся.

— Они еще никогда не видели таких, как я,— сказал он Конану.

Командир отряда прокричал новую команду. Его люди забрались в седла. Принцессу снова посадили в паланкин. На ломаном гирканском офицер заговорил с Конаном и Юмой:

— Вы идти ноги!

И они пошли пешком, а копья азвэри, как называли себя эти воины, то и дело покалывали их. Паланкин принцессы качался между двумя лошадьми в середине колонны. Конан заметил, что командир азвэри обращается с Созарой уважительно. Во всяком случае, пока ей не причинили никакого вреда. Офицер, или главарь, или кто он там был, казалось, не питал к Конану и Юме никакой злобы, несмотря на большой урон, который эти двое причинили его отряду.

Один раз он даже произнес с широкой улыбкой:

— Вы оба на проклятье хороший боец!

Но он не стал рисковать и не оставил своим пленникам ни малейшей возможности совершить побег. Он не позволял себе невнимательности и не сбавлял темп марша, позаботившись о том, чтобы с восхода до заката они бежали за лошадьми, идущими рысью, и если они хоть немного начинали отставать, их кололи пиками. Конан сжал зубы и решил быть послушным — до поры до времени.

Два дня шла колонна по горной тропе, где запросто можно было сломать себе шею. Они проходили перевалы, где им приходилось пробираться по глубокому снегу, оставшему-

ся еще с прошлой зимы. На этой высоте было тяжело дышать, а внезапные резкие порывы ветра рвали их ветхую одежду и хлестали острым снегом их лица. Чернокожему Юме холод причинял куда больше страданий, чем Конану, который вырос на севере.

Наконец они добрались до южных склонов гор Талакмы, и перед ними открылся фантастический пейзаж. Создавалось впечатление, что они стоят на краю огромной чаши. Маленькие облачка пробегали над густыми джунглями, тянувшимися на много миль. В середине этой чаши сверкало огромное озеро, или внутреннее море, отражающее голубизну неба.

По обе стороны этого моря снова начиналась зелень, которая исчезала вдали в розоватой дымке. И из этой дымки поднимались на сотни миль южнее стройные и белые вершины могучих гималейских гор, уходящих в небесную синеву. Эти горы были вторым краем чаши, замкнутой дугами двух горных хребтов.

— Что это за долина? — обратился к офицеру Конан.

— Меру,— ответил тот.— Люди называют ее «Чаша богов».

— Нам нужно туда?

— В великий город Шамбалла.

— А потом?

— Это решит Римпоче — великий царствующий бог.

— Кто он такой?

— Джалунг Тхонгпа, Ужас Смертных, Тень Неба. Идти дальше, собака с белая кожа! Нет время для разговор!

Конан глухо заворчал, когда уколом копья азвэри погнал его дальше. Он безмолвно поклялся сам себе, что в один прекрасный день растолкует этому царствующему богу, Ужасу Смертных, что такое настоящий ужас. Он спрашивал себя, неужели божественность этого владыки простирается настолько, что может защитить его даже от стали... Но эта столь приятная и отрадная картина, увы, терялась в дымке грядущего.

Они спустились в огромную котловину. Воздух стал теплее, растительность гуще. В конце дня они уже тащились по жарким влажным джунглям и болотам, где дорога была заплетена ветвями деревьев, покрытыми пышной зеленью и цветами. Яркие, пестрые птицы свистели и кричали среди ветвей. С крон деревьев глазели на людей любопытные обезьяны. Насекомые назойливо жужжали и больно кусались. С тропы уползали змеи, шмыгали ящерицы.

Для Конана это было первым знакомством с тропическими джунглями. Они совершенно не пришлись ему по вкусу.

Насекомые раздражали его не меньше, чем жара. Пот стекал с него ручьями. Зато Юма широко улыбался и дышал полной грудью.

— Здесь прямо как на моей родине,— заявил он.

Конан не ответил. Он лишился дара речи от удивления при виде этого фантастического ландшафта, этих густых джунглей и парящих болот. Ему совсем нетрудно было поверить в то, что эта далекая долина Меру и в самом деле была родиной богов, местом, где они жили в самом начале времен. Он никогда еще не видел таких деревьев, как эти гигантские пальмы и маммеи, кроны которых терялись в мутном небе. Он спрашивал себя, как это такие тропические заросли могут существовать так близко от утопающих в снегу горных вершин?

Один раз на дорогу перед ними вышел могучий тигр. Он был добрых девять футов в длину, и клыки у него были как кинжалы. Принцесса Созара, увидев его из паланкина, испуганно закричала. Азвэри быстро схватились за оружие, но тигр явно посчитал отряд чересчур сильным и исчез между деревьев так же стремительно и бесшумно, как и появился.

Немного спустя земля заколебалась под тяжкой поступью. С громким сопением сквозь рододендроновые заросли прорвался огромный зверь и остановился на дороге перед ними. Он был серым, с округлыми боками, как выветренный валун, и напоминал гигантскую свинью с толстыми складками жира на холке. Из его морды торчал крепкий, немного притупленный и слегка загнутый назад рог длиной около фута. Он тупо смотрел на людей своими маленькими поросячьими глазками, потом снова засопел и исчез в кустах.

— Носорог,— сказал Юма.— У нас в Куше тоже водятся такие твари.

Наконец джунгли расступились перед огромным озером, которое Конан уже видел со склона горы. Некоторое время они шли по берегу этого неизвестного водоема, который азвэри называли Сумеро Тсо. Возле одной из бухт поднимались стены, купола и шпили города, построенного из розоватого камня, который добывали возле лугов и рисовых полей, между озером и джунглями.

— Шамбалла! — крикнул командир азвэри.

Его воины тут же слезли с седел и опустились на колени, прижимаясь лбами к влажной земле. Конан и Юма бросали на город удивленные взгляды.

— Здесь жить боги! — сказал командир.— Теперь вам поспешать! Если прийти поздно, вас содрать живьем кожа! Живо! Живо!

3

ГОРОД ЧЕРЕПОВ

Бронзовые городские ворота, покрытые толстым слоем патины, были сделаны в форме гигантского человеческого черепа с рогами. Квадратные окна, забранные над порталом решетками, занимали место глазниц, а зубцы подъемной решетки скалились, словно зубы. Предводитель отряда маленьких воинов поднес к губам изогнутый бронзовый рог, и в ответ на сигнал решетка поднялась. Они вступили в незнакомый город.

Все здесь было построено из розоватого камня. Архитектура казалась вычурной и перегруженной украшениями — скульптурами и фризами, назойливо повторявшимися изображениями демонов, чудовищ и многоруких божеств. Гигантские лица, искаженные гримасами, вырезанные из розового камня, смотрели со стен высоких башен, которые многоступенчатыми уступами поднимались в небо, с каждым уступом становясь все уже и уже.

Куда бы Конан ни бросил взгляд, всюду видел скульптуры и рельефы, выполненные в форме черепов. Они высились над воротами. Они свисали золотой цепью со смуглых шей мерувийцев, единственной одеждой которых — и женщин, и мужчин — были короткие юбки. Они украшали щиты стражников у ворот и их бронзовые шлемы.

Отряд шел по широким улицам этого фантастического города. Полуобнаженные мерувийцы уступали им дорогу и лишь изредка осторожно косились на них, не позволяя себе выказывать откровенного любопытства по отношению к могучим пленникам и паланкину с принцессой. В толпе полуголых горожан, как красные тени, двигались жрецы с выбритыми головами, в просторных одеяниях из полупрозрачного алого шелка.

Среди деревьев, покрытых красными, голубыми и золотыми цветами, возвышался королевский дворец. Он был построен в форме гигантского конуса или шпиля, который становился все тоньше по мере удаления от низкого круглого фундамента. Сделан был дворец полностью из красного камня. Круглые стены башни поднимались ввысь, закрученные в спираль, так что она напоминала удивительную коническую раковину. На каждом камне, из которого была сложена эта спиралевидная башня, было высечено изображение черепа, так что создавалось впечатление, будто вся эта гигантская конструкция сложена из множества человеческих чере-

пов. Созара не сумела подавить дрожь при виде этого жуткого произведения искусства, а Конан сердито стиснул зубы.

Они прошли еще через одни ворота, сделанные в форме черепов, миновали коридор с массивными стенами и огромные залы, пока не очутились в тронном зале царствующего бога. Азвэри, покрытые дорожной пылью и кровью ран, остались снаружи, а троих пленников подвели к трону несколько солдат гвардии в позолоченных доспехах. Каждый из них был вооружен богато украшенной алебардой.

Трон, стоящий на пьедестале из черного мрамора, был высечен из цельного куска большого жадеита и сделан так, словно он состоял из цепей и нитей, на которые были нанизаны бесчисленные черепа. На этом зеленоватом троне смерти восседал полубожественный монарх, который и велел доставить троих пленников в этот незнакомый им мир.

Несмотря на всю серьезность своего положения, Конан не смог окончательно подавить ухмылки, потому что Римпоче Джалунг Тхонгпа оказался очень маленьким и очень жирным человечком с тонкими кривыми ножками, которые едва доставали до пьедестала. Его мощный живот охватывала широкая лента из золотой ткани, сверкавшей драгоценными камнями. Обнаженные руки, колыхавшиеся от жира, были перетянуты десятками золотых обручей, а золотые кольца с огромными камнями сверкали и переливались на жирных пальцах.

Лысая голова на этом бесформенном теле была невероятно безобразна — с отвисшими щеками, мокрыми губами и узкими желтыми зубами. Остроконечный шлем (или нечто вроде короны) из массивного золота, плотно усаженный светящимися рубинами, вероятно, должен был украшать эту голову, однако символ власти слишком очевидно давил на череп и причинял шлемоносцу дополнительные муки.

Когда Конан поближе рассмотрел царствующего бога, ему бросились в глаза некоторые особенности облика Джалунга Тхонгпа. Половина его лица казалась безвольной, и глаз на этой стороне был пустым и подернутым дымкой, в то время как второй глаз был ясным и в нем таился злобный и острый ум.

Здоровый глаз Римпоче уставился на Созару, будто даже не заметив обоих огромных воинов, сопровождавших ее. Возле трона стоял высокий худощавый человек в багряном одеянии мерувийского жреца. Волосы на его голове были выбриты, а холодные зеленые глаза с ледяным презрением взирали на эту сцену. К нему и обратился царствующий бог, заговорив с ним квакающим голосом. По обрывкам фраз

мерувийского языка, которые Конан успел подхватить по дороге от азвэри, киммериец уловил, что рослый жрец был верховным чародеем короля, Великим Шаманом Танзонгом Тенгри.

Все из тех же отрывков беседы Конан сумел понять, что шаман увидел с помощью своей магии отряд, который сопровождал принцессу Созару к ее куйгарскому жениху, и сообщил об этом царствующему богу. Джалунг Тхонгпа воспылал вожделением к стройной туранской девушке и послал всадников-азвэри, чтобы они доставили ее в его гарем.

Большего Конану знать и не потребовалось. Семь дней плена сделали его угрюмым и злобным. Он стоптал ноги до ран, и его нервы были напряжены до предела.

Оба стража с каждой стороны почтительно повернулись к трону, опустив глаза и обратив все свое внимание на Римпоче, ведь царствующий бог в любой момент мог отдать им приказ. Конан схватил свою цепь руками. Она была слишком крепкой, чтобы можно было порвать ее простой грубой силой, он это уже пытался делать в первые дни своего плена — и безуспешно.

Он спокойно свел запястья, так что цепь свесилась с них петлей длиной в фут. Затем внезапно повернулся к левому из стражников и замахнулся цепями, целясь ему в голову. Цепь просвистела как кнут и ударила гвардейца в лицо так, что он отшатнулся с разбитым носом, залитый кровью.

При первом же резком движении Конана второй солдат быстро повернулся к нему и опустил острие своей алебарды. Но прежде чем он закончил этот маневр, Конан обрушил петлю на острие алебарды и вырвал ее из рук солдата.

Удар тяжелой цепи отбросил назад и второго солдата — с окровавленным ртом и выбитыми зубами. Ноги Конана были скованы чересчур плотно, чтобы он мог сделать нормальный шаг. Но это не помешало ему передвигаться, прыгая, как лягушка, обеими ногами одновременно. Два огромных нелепых прыжка — и он стоит возле трона, и его лапищи уже вцепились в жирное горло маленького, пускающего слюни царствующего бога на его троне из черепов. Здоровый глаз Римпоче, полный ужаса, начал вылезать из орбиты, лицо посинело, когда пальцы Конана сдавили его горло.

Стражи и придворные взволнованно забегали вокруг и начали заикаться, охваченные паникой, или же замерли, окаменев от ужаса перед этим чужеземным гигантом, который осмелился поднять руку на их бога.

— Одно лишнее движение, и я раздавлю эту жирную жабу,— предупредил Конан.

Из всех, кто находился в большом зале, только Великий Шаман не выказал ни паники, ни удивления, когда молодой великан так неожиданно взял ситуацию в свои руки. На безупречном гирканском он спросил:

— Твои требования, варвар?

— Освободите девушку и этого черного парня, дайте нам лошадей, и мы покинем вашу проклятую долину навсегда. Если вы нам откажете или попытаетесь нас обмануть, я размажу вашего малютку короля, как манную кашу.

Шаман кивнул. Его зеленые глаза на неподвижном, словно маска с шафраново-желтой кожей, лице были холодными как лед. Повелительным жестом он поднял свой резной посох из эбенового дерева.

— Освободите принцессу Созару и чернокожего пленника! — распорядился он спокойно. Слуги с бледными лицами и испуганными глазами поспешили выполнить его приказание. Юма заворчал и потер запястья. Принцесса рядом с ним дрожала. Конан, держа перед собой бесформенную тушу короля, приготовился спускаться по ступенькам.

— Конан! — взревел Юма.— Осторожно!

Киммериец резко повернулся, но было уже поздно. Еще в тот момент, когда он подходил к краю пьедестала, Великий Шаман уже начал действовать. Стремительно, как змея пустыни, просвистел по воздуху посох из эбенового дерева и легонько задел плечо Конана — там, где сквозь дыру в его рваной одежде виднелась обнаженная кожа. Конан хотел прыгнуть на своего противника, но не смог этого сделать. Он был оглушен, отравлен, словно ядом змеи; пелена застилала его глаза, голова внезапно стала чересчур тяжелой и свесилась на грудь. Он бессильно рухнул на пол. Полузадушенный царствующий бог освободился из железной хватки его пальцев.

Последнее, что слышал Конан, был яростный рык черного великана, когда множество смуглых тел навалились на него и он был брошен на пол.

4

КРОВАВЫЙ КОРАБЛЬ

Прежде всего было жарко и душно. Спертый воздух вполне можно было резать ножом — так он сгустился, перенасыщенный запахами и испарениями тел, плотно набитых в

это подземелье. Двадцать или даже больше обнаженных людей были засунуты в грязную дыру, выложенную со всех сторон каменными блоками весом в тонну. Большинство заключенных были маленькие смуглые мерувийцы, лежавшие бессильно и равнодушно. Кроме того, была здесь горстка приземистых узкоглазых воинов азвэри, которые охраняли священную долину, два горбоносых гирканца, Конан-киммериец и его огромный черный товарищ Юма. Когда Великий Шаман отправил Конана в царство грез и забвения, бросив в него свой посох, а численное преимущество стражников пересилило мощь Юмы, разгневанный до глубины души Римпоче потребовал для обоих высшей меры.

В Шамбалле, однако, высшей мерой наказания была не смерть, которая, по верованиям мерувийцев, означала всего лишь освобождение души для ее последующего воплощения. Рабство — вот что они считали намного более страшным, потому что оно отнимало у человека его достоинство и волю. Так что они были приговорены провести остаток своего земного бытия в неволе.

Когда Конан думал об этом, он глухо рычал, и глаза его горели, как тлеющие угли, на сожженном солнцем лице сквозь спутанную гриву черных волос. Юма, лежавший рядом с ним в цепях, чувствовал бессильную ярость Конана и только усмехался. Варвар злобно смотрел на своего товарища. Иногда непоколебимо хорошее настроение Юмы пробирало его до костей. Для киммерийца, рожденного на свободе, рабство было действительно непереносимой мукой, в то время как для кушита в этом не было ничего нового. Когда Юма был мальчишкой, охотники за рабами вырвали его из рук матери и пригнали на рынок в Шем сквозь жаркие джунгли. Какое-то время он работал на плантации, но впоследствии, когда он стал сильным, его продали на арены Аргоса уже в качестве гладиатора.

Юма получил свободу за свои многочисленные победы на гладиаторских играх, когда король Мило Аргосский праздновал триумф по поводу сокрушения короля Фердруги Зингарского. Одно время Юма перебивался кражами и случайным заработком в различных хайборийских странах. Потом его занесло в Туран, где могучее сложение и богатый опыт в битвах быстро привели его в ряды наемников короля Илдиза.

Там он и познакомился с юношей по имени Конан. Они с киммерийцем сразу нашли общий язык. Оба они были выше ростом, чем все остальные, оба были родом из дале-

ких, чужих стран, и оба — единственные из своего народа среди туранцев. Дружба завела их в подвалы Шамбаллы, а скоро выведет на рынок навстречу очередному унижению. Им придется стоять раздетыми под палящим солнцем, любопытствующие покупатели будут их ощупывать, а торговцы — расхваливать их силу.

Дни тянулись так медленно, как искалеченная змея, с трудом волочащая свое тело по раскаленным пескам. Конан, Юма и остальные спали, валялись на камнях, ели рис, который стражники скупо насыпали им в маленькие деревянные миски. Иногда они ругались между собой, но без особого воодушевления.

Конану хотелось бы побольше узнать об этих мерувийцах, потому что, как бы далеко ни заводили его странствия, он никогда еще прежде не встречал людей, подобных им. Они жили в этой необычной долине точно так, как жили здесь их предки еще с начала времен. У них не было никаких сношений с внешним миром, да они и не желали этого.

Конан подружился с одним мерувийцем по имени Ташуданг, от которого и перенял мерувийский язык, как сумел. Когда киммериец стал домогаться, почему они называют своего короля богом, Ташуданг ответил, что король живет вот уже десять тысяч лет и дух его рождается вновь и вновь в темнице смертной оболочки. Конан не стал бы безоглядно верить подобному объяснению, потому что знал: подобную ложь о себе распространяют короли и других держав. Однако он счел за лучшее придержать свое мнение при себе.

Когда Ташуданг заговорил о том, как угнетают народ король и его шаманы,— заговорил скорее с покорностью судьбе, чем возмущенно,— Конан спросил:

— Так чего ж вы не объединитесь и не сбросите эту шайку в Сумеро Тсо, а потом не установите собственное правление на благо людей? В моей стране мы поступили бы именно так, если бы кто-нибудь взялся нас тиранить.

Ташуданг посмотрел на него испуганно:

— Ты не ведаешь, что говоришь, чужеземец! Много лет назад — так рассказывают жрецы — эта страна лежала намного выше, чем теперь. Она простиралась от вершин Гималаев к вершинам гор Талакмы — огромная, покрытая снегом равнина, над которой носился ледяной ветер. «Крыша мира» — называли ее. И тогда Яма, Повелитель Драконов, решил создать эту долину для нас, для избранного им народа.

Его могучие чары опустили эту страну. Земля заколебалась под ударами громов, раскаленная лава хлынула из трещин земли. Раскалывались горы, и леса выгорали дотла. Но миновало и это — и вот долина лежит между двух горных цепей, там, где ты видишь ее и сегодня. Когда страна опустилась, изменился ее климат. Здесь стало тепло, появились растения и животные тропиков. Тогда Яма сотворил первых мерувийцев и передал им эту долину, чтобы они могли жить здесь вечно и во все времена. И еще он создал шаманов, чтобы они управляли страной и наставляли народ. Иногда случается так, что шаманы забывают о своем долге. Они угнетают и обирают нас, словно они — не простые смертные, терзаемые грехом алчности. Но мы, как повелел нам Яма, продолжаем повиноваться им и в этом случае, потому что, если мы не будем этого делать, он снова разбудит великие чары и наша долина вновь будет поднята вверх и превратится в ледяную пустыню. Так что мы должны терпеть, сносить безропотно все, что с нами происходит. И поэтому мы никогда не отважимся подняться на них.

— Ну,— проворчал Конан,— если эта маленькая грязная жаба воплощает ваши представления о божестве...

— Нет! — отчаянно крикнул Ташуданг. Белки его глаз сверкнули в темноте, и Конан кожей ощутил его страх.— Не говори о нем так! Он единокровный сын Ямы! Если он позовет своего отца, тот придет!

Ташуданг спрятал лицо в ладонях, и в этот день Конану не удалось больше вытянуть из него ни слова.

Мерувийцы были своеобразным народом, наделенным необычайным равнодушием,— усталый фатализм владел ими, он заставлял их терпеливо принимать все удары судьбы как определенные предначертания воли их жестокого бога. Любое неповиновение своему жребию (в этом они были убеждены) будет сурово наказано — если не сразу же, то в последующем рождении.

Было не так-то просто получать от них нужные сведения, но молодой киммериец не опускал рук. Во-первых, это помогало сделать бесконечные дни в неволе более сносными; во-вторых, он не намеревался оставаться в своем теперешнем положении надолго, а все, что он сможет узнать об этом таинственном королевстве и его странном народе, наверняка им очень пригодится, когда они с Юмой попытаются вернуть себе свободу. Кроме того, он знал, как важно владеть языком чужой страны, если ты хочешь там ориен-

тироваться. Несмотря на то что Конан не отличался особой страстью к познаниям, он перенимал чужие языки без особого напряжения. Он знал уже немало их и на некоторых даже умел немного читать.

Наконец пришел тот решающий день, когда надсмотрщики в черных кожаных плащах появились среди рабов и выгнали их наверх свистящими ударами бичей.

— А сейчас,— с издевкой сказал один из них,— мы и поглядим, сколько отвалят князья Священной Земли за твой бесформенный труп, ты, свинья-инородец!

Его бич опустился на спину Конана и оставил кровавую полосу.

Гораздо хуже, чем удары бичей, Конан переносил пылающее солнце, под лучи которого его внезапно выволокли. После долгих дней, проведенных в темноте, его ослепил бы даже обыкновенный дневной свет, и он почти ничего не соображал. Что-то происходило. Кто-то купил его на аукционе и угнал по широкой доске на палубу большой галеры, стоявшей у каменной набережной Шамбаллы. Он жмурился от ослепительно яркого солнца и тихо ругался про себя. Стало быть, вот на что он теперь обречен — сгибаться над веслом, пока смерть не принесет ему избавления.

— Вниз, вниз, в брюхо корабля! Живо, псы! — рявкнул надсмотрщик и ударил Конана тыльной стороной ладони под подбородок.— Только дети Ямы имеют право находиться на палубе!

Киммериец действовал инстинктивно, по своему обыкновению долго не раздумывая. Он тут же ударил толстого надсмотрщика в бочкообразный живот своим могучим кулаком. Пока тот глотал воздух, Конан добавил удар в челюсть, так что надсмотрщик растянулся на досках. Юма взвыл от восторга и попытался пробиться вперед, чтобы встать рядом с Конаном.

Офицер охраны корабля уже отдал приказ. Острия дюжины пик в руках маленьких мерувийских моряков уперлись в Конана. Угрожающее рычание вырвалось из глотки киммерийца, окруженного со всех сторон. Немного позже ему все-таки удалось подавить в себе ярость, поскольку варвару стало ясно, что дальнейшее проявление враждебности с его стороны будет означать немедленную смерть.

Ведро воды привело надсмотрщика в чувство. Отфыркиваясь как морж, он тяжело поднялся. Вода стекала по его разбитому лицу и жидкой бороденке. Полный жгучей нена-

висти, которая превращалась в ледяную, расчетливую злобу, он уставился на Конана.

Офицер обратился к своим людям:

— Уберите этого...

Но надсмотрщик остановил его.

— Нет, не убивайте его. Смерть — слишком милосердное наказание для этой собаки. Прежде чем я с ним покончу, он еще поваляется у меня в ногах, умоляя прекратить его мучения.

— Ладно, Гортангпо,— согласился офицер.

Надсмотрщик обвел взглядом гребную палубу, и около сотни обнаженных смуглых людей опустили глаза. Они долго голодали и сейчас были похожи на скелеты. Их согнутые спины были исполосованы шрамами. По каждому борту галера имела лишь один ряд весел. На одних веслах сидели по два гребца, на других по три — в зависимости от их состояния. Надсмотрщик указал на весло примерно в середине ряда, к которому были прикованы три седых человека, исхудавших, как смерть.

— Его — на это весло! А три живых трупа уже отработали свое, от них нет никакой пользы. Убрать их! Этому парню из чужой страны нужно много места, чтобы выпрямлять руки, так что освободите ему банку. А если он не будет держать ритм, я поближе познакомлю его со своим бичом!

Пока Конан, сжав зубы, смотрел, моряки сняли железные кандалы с трех стариков, и цепи, которые приковывали их к веслу, упали с лязгом на палубу. Трое гребцов закричали от страха, когда мускулистые руки быстро вышвырнули их за борт. С сильным всплеском они упали в воду и исчезли. Только пузыри, поднимавшиеся некоторое время на поверхность воды, еще напоминали о них.

Конан был прикован к веслу — ему предстояло работать за троих. Когда его усаживали на грязную банку, надсмотрщик свирепо сказал:

— А вот теперь поглядим, как тебе понравится это весло, малыш. Будешь грести, грести и грести, пока тебе не покажется, что спина твоя вот-вот треснет, и все-таки ты будешь грести, еще и еще! И каждый раз, когда ты отстанешь или пропустишь удар, я напомню тебе о твоем долге вот чем!

Бич взвился в небо и со свистом опустился на плечи Конана. Боль была так сильна, словно его обожгло раскаленное железо. Но варвар не позволил ни одному мускулу своего лица дрогнуть. Тем, кто не знал киммерийца достаточно

хорошо, могло показаться, что Конан вообще ничего не почувствовал, так хорошо он умел владеть собой.

Надсмотрщик заскрежетал зубами от разочарования и снова взмахнул бичом. На этот раз Конан слегка дернул уголком рта, но глаза его по-прежнему смотрели невозмутимо и холодно. Свистнул третий удар, четвертый. Пот выступил на лбу киммерийца и жгучие капли потекли на глаза, когда кровь заструилась по его спине. Но он по-прежнему не желал показывать мучителям, что ему больно.

Он услышал шепот Юмы:

— Конан, держись!

Капитан приказал отчаливать. Разочарованный надсмотрщик вынужден был отказаться от удовольствия полностью измочалить спину Конана.

Моряки отшвартовались и оттолкнули галеру от набережной длинными шестами. Позади гребных скамей, на возвышении, сидел в тени обнаженный мерувиец с огромным барабаном. Когда корабль отчалил, он поднял деревянную колотушку и принялся стучать. При каждом ударе рабы сгибались над планками весел, поднимали весла и отклонялись назад, пока их тяжесть не прижимала их к банкам, затем опускали лопасти в воду — и все повторялось сначала. Конан быстро вошел в ритм, как и Юма, который был прикован к веслу позади него.

Конан никогда еще не бывал на корабле. Пока он греб, он осматривался по сторонам, разглядывая гребцов с их неподвижными глазами и исполосованными спинами, сидевших на скользких банках, вымазанных их собственными испражнениями, среди отвратительного запаха. С гребной палубы галера казалась низкой, борта поднимались над водой всего на несколько футов. Нос, где размещались моряки, как и украшенная позолоченной резьбой корма, где располагались офицерские каюты, были намного выше над уровнем воды. Посреди палубы находилась одна мачта. Рей и свернутый треугольный парус лежали на планке над гребной палубой.

Когда галера вышла из гавани, матросы, распевая, подняли парус. Золотисто-пурпурный, полосатый, он с шумом выпрямился, наполняясь ветром. Вскоре они поймали попутный ветер, и гребцы получили возможность немного отдохнуть.

Конану бросилось в глаза, что галера была построена из дерева, которое не то от природы, не то благодаря обработке имело красный цвет. Он прикрыл глаза, спасаясь от ослепительного света. Корабль выглядел так, словно он был

выкрашен кровью. И тут снова просвистел бич над его головой, и надсмотрщик рявкнул:

— Берись за весло, ленивая свинья!

Удар оставил широкую полосу на его спине. «Это и впрямь кровавый корабль,— подумал Конан.— Его окрашивает кровь рабов».

5

ЛУНА АВАНТЮРИСТОВ

Семь дней Конан и Юма истекали потом, склоняясь над веслами красной галеры, пока она обходила побережье Сумеро Тсо, по ночам приставая к каждому из семи священных городов Меру — Шондокару, Тхонгаре, Аузакии, Исседону, Палиане, Троане и наконец, когда круг был завершен, снова к Шамбалле. Несмотря на то что киммериец и кушит были сильными парнями, немного времени прошло с тех пор, как беспрерывный каторжный труд привел их почти на грань истощения и их мускулы больше не могли выносить напряжения. Но неустанный бой барабана и свистящие удары бича не оставляли их в покое.

Один раз в день матросы доставали ведра с холодной, противно пахнущей водой и выливали их на изможденных рабов, и один раз в день, когда солнце стояло в зените, они получали миску риса и ковшик воды. По ночам они спали прямо на своих веслах. Бесконечная изнурительная работа отнимала у гребцов всякую волю, принижала их до уровня бездушных автоматов.

Это сломало бы мужество любого — но не такого человека, как Конан. Молодой киммериец не поддавался уничтожающему бремени судьбы, как это делали апатичные мерувийцы. Бесконечная каторжная работа, зверское обращение, необходимость удовлетворять все свои потребности прикованным к склизкой скамье — все это не сломило его волю, как то произошло с другими. Наоборот, это еще ярче разожгло в нем огонь.

Когда корабль вернулся назад, в Шамбаллу, и бросил якорь в ее большой гавани, терпение Конана было уже на исходе. Было темно и тихо. Узкий серп прибывающей луны низко висел на западном небосклоне, отбрасывая слабый, обманчивый свет. Он скоро должен был зайти. Такую луну в западных странах называли «луной авантюристов», «воровским счастьем», потому что именно такие ночи использо-

вали уличные грабители, воры и наемные убийцы для занятий своими темными делишками. Склонившись над веслами, Конан и Юма притворялись спящими, но на самом деле они с несколькими другими рабами замышляли побег.

Рабы на галере не носили ножных кандалов. С железных обручей на запястьях опускались цепи, соединенные с кольцами, свободно бегающими по древку весла. На том конце весла, который вставлялся в отверстие на борту галеры, это кольцо запиралось на замок, а с внутренней стороны — упором или плоским тяжелым свинцовым диском. Этот диск, закрепленный на конце весла железным штырем, служил противовесом лопасти весла. Конан сто раз уже пытался порвать цепи, но даже его сверхчеловеческих сил, которые лишь возросли за семь дней гребли, не хватало на то, чтобы их разорвать. Несмотря на неудачу, он пытался расшевелить остальных рабов громким шепотом.

— Если бы нам удалось заманить Гортангпо к нам поближе,— говорил он,— мы разодрали бы его на куски зубами и ногтями. У него ключи от наших цепей. Конечно, матросы убьют некоторых из нас, пока мы будем освобождаться, но как только мы снимем цепи, у них не останется шансов, ведь нас в пять-шесть раз больше...

— Не говори об этом! — прошептал ближайший к нему мерувиец.— Даже не думай!

— Тебе что, неинтересно? — удивился Конан.

— Нет. От одной только мысли о подобных вещах у меня подгибаются колени.

— И у меня,— добавил второй.— Невзгоды, которые мы принуждены сейчас терпеть, посланы нам богами. Это справедливая кара за грехи, совершенные в прошлой жизни. Бороться с этим — не только бессмыслица, но и непростительное кощунство. Я прошу тебя, варвар, прекрати свои нечестивые речи и следуй своему жребию с подобающим смирением!

Такой взгляд на вещи был противен самому существу Конана. Да и Юма не был человеком, который безропотно подчинился бы подобной участи. Но мерувийцы не хотели их слушать. Даже Ташуданг, который был необыкновенно разговорчив и дружелюбен для мерувийца, умолял Конана не предпринимать ничего такого, что могло бы ввести в гнев надсмотрщика Гортангпо или навлечь на них еще худшее наказание богов.

Отчаянные попытки варвара переспорить их были прерваны хлопками бича. Привлеченный бормотанием, Гор-

тангпо подобрался в темноте к планке, проложенной над гребной палубой над головами гребцов. Из нескольких слов, произнесенных шепотом, он уловил, что здесь планируется бунт. Его бич со свистом опустился на плечи Конана.

Это было больше, чем варвар мог сейчас вынести. Молниеносным движением он вскочил на ноги, схватился за конец бича и вырвал орудие пытки из рук Гортангпо. Надсмотрщик принялся звать матросов.

Конан все никак не мог сорвать с весла железное кольцо. С отчаяния у киммерийца вдруг появилась одна идея. Конструкция ограничивала движение весла по вертикали на высоту около пяти футов над гребной палубой. Он поднял конец весла так высоко, как только мог, забрался на банку, присел на корточки и подсунул плечи под весло. Потом выпрямился и изо всех сил надавил вверх. Весло сломалось с громким треском. Конан ловко сорвал кольцо со сломанного края. Теперь у него действительно было оружие — огромный шест в девять футов длиной, с десятифунтовым свинцовым диском на конце.

Первый удар Конана пришелся в висок надсмотрщика, у которого глаза вылезли из орбит. Череп Гортангпо треснул, как перезрелая дыня, и кровь брызнула на скамью. Затем Конан выбрался наверх, готовясь встретить бегущих на него матросов. Тощие смуглые мерувийцы испуганно скорчились в трюме и жалобно принялись молиться своим демоническим богам. Юма последовал примеру Конана и тоже сломал свое весло, чтобы снять кольцо.

Матросы тоже были мерувийцами, изнеженными, ленивыми и флегматичными. Им никогда еще не приходилось спасать собственные шкуры от восставших рабов — они вообще не считали, что подобное кощунство возможно. И уж меньше всего предполагали они, что им когда-либо придется иметь дело с юным великаном, бугрящимся железными мышцами и вооруженным опасным девятифутовым шестом. И тем не менее они отважно приближались, несмотря на то что ширина планки позволяла им подходить к киммерийцу только по двое.

Конан не стал ждать, пока они подойдут вплотную. Он пошел им навстречу, яростно раскручивая свой шест. Первый удар сбросил с планки в трюм одного из матросов со сломанной правой рукой. Второй раскроил другому матросу череп. Пика уперлась Конану в обнаженную грудь. Он выбил ее из рук воина и следующим ударом шеста смахнул

сразу двоих — одному из них он при этом переломал ребра, а второй рухнул, когда первый налетел на него.

И вот уже Юма встал рядом с киммерийцем. Обнаженная грудь кушита блестела при слабом свете луны, как эбеновое дерево, смазанное маслом. Обломок его весла подкосил наступающих мерувийцев, как косой. Матросы, отнюдь не подготовленные к сражениям с двумя такими великанами, показали пятки и удрали на корму, где капитан, вырванный из сладких объятий сна, давал им противоречивые указания.

Конан наклонился над трупом Гортангпо и обыскал его. Он быстро нашел ключи и открыл: сперва свои кандалы, а потом кандалы Юмы.

Запела тетива, и стрела просвистела возле головы Конана и вонзилась в мачту. Оба уже освободившихся гребца не видели теперь никакого смысла в том, чтобы продолжать борьбу. Они спрыгнули с планки и протолкались мимо перепуганных рабов к борту, перелезли через него и окунулись в темную воду гавани Шамбаллы. Моряки послали им вслед несколько стрел, но в сумрачном свете заходящей луны они не видели беглецов и могли стрелять, полагаясь только на удачу.

6

РОКОВОЙ ТУННЕЛЬ

Мокрые с головы до ног, два обнаженных человека выбрались из воды и начали вглядываться в темноту. Они плыли, как им показалось, несколько часов, чтобы попасть в город незамеченными. В конце концов они нашли решетку одного из сточных каналов. Юма все еще не расстался с древком сломанного весла, в то время как Конан бросил свое на корабле. То и дело слабое мерцание света с улицы попадало в туннель сквозь решетку, но оно ни в малейшей степени не рассеивало темноту. Так что они брели в абсолютном мраке по грязной воде в поисках выхода из этой сети каналов.

Огромные крысы пищали и разбегались при их приближении. То и дело беглецы видели, как их глазки сверкают в темноте. Одна из самых крупных укусила Конана за ногу, но он успел схватить ее, сломать в своей крепкой лапище и швырнуть тушку в немногих более отважных ее собратьев,

которые тут же с писком набросились на нее и принялись драться вокруг изысканного лакомства. Конан и Юма поспешили по каналу, который постепенно поднимался вверх.

Наконец Юма обнаружил потайной ход. В темноте он вел рукой вдоль стены и при этом случайно надавил на спрятанный там механизм. Он изумленно кашлянул, когда массивный квадрат стены скользнул в сторону. Несмотря на то что ни он, ни Конан понятия не имели, конечно, куда приведет их этот новый коридор, они решили идти по нему, тем более что он поднимался наверх, к мостовой.

После длительного восхождения они в конце концов оказались у двери. Они ощупывали ее в абсолютной темноте, пока Конан не обнаружил замок, который тотчас сорвал. Дверь раскрылась со скрежетом проржавевших петель. Оба вошли — и остановились как вкопанные.

Они находились на богато украшенном балконе, среди бесчисленных статуй богов и демонов, в огромном храме. Его стены поднимались ввысь и венчались октагональным куполом. Конан припомнил, что подобный купол он уже видел — тот возвышался над более низкими зданиями города. Однако за время своего плена Конан так и не выяснил, что же скрывается под этим куполом.

Под ними, у стены восьмиугольного пола, находился постамент из черного мрамора. Статуя, стоявшая на нем, была обращена к алтарю в центре храма. Она была больше, чем все прочие в этом огромном зале. Конан прикинул ее высоту — футов тридцать. Бедра статуи приходились как раз на высоту балкона. Совершенно очевидно, это было изображение божества, изваянное из зеленого камня, который выглядел как жад, однако трудно было предположить, что вообще может существовать кусок жада таких размеров. У статуи было шесть рук. Глаза, мрачно глядящие с зеленого лица, были сделаны из громадных рубинов.

Напротив статуи, за алтарем, стоял трон из резных черепов, похожий на тот, что был во дворце царствующего бога, только поменьше. На нем восседал жабоподобный владыка Меру.

Когда Конан перевел взгляд с головы идола на монарха, ему показалось, что между обоими существует отвратительное сходство. Его пробрала дрожь, когда он подумал о том, какие невероятные тайны вселенной может таить в себе это сходство.

Римпоче был погружен в ритуал. Шаманы в багряных одеждах стояли на коленях вокруг трона и алтаря. Они нараспев читали — вероятно, древние молитвы и заклинания.

Вдоль стен рядами сидели мерувийцы, скрестив ноги на мраморных плитах. Судя по дорогим камням и роскошным, хотя и не слишком броским одеждам, это были знатные и богатые люди королевства. Над их головами в настенных держателях коптили и дымили сотни факелов. На полу, в квадрате возле алтаря, стояли четыре чаши, наполненные маслом, которое горело золотистым огнем. Пламя колебалось, как от ветра.

На алтаре между троном и колоссальной статуей лежала стройная белая девушка, прикованная к алтарю золотыми цепями. Это была Созара.

Глухое рычанис вырвалось из горла Конана. Его глаза загорелись синим огнем, когда он уставился на ненавистного короля Джалунга Тхонгпа и его Великого Шамана, чародея и жреца Танзона Тенгри.

— Ну что, испортим им бал-маскарад? — прошептал Юма, и его белые зубы сверкнули в темноте.

Киммериец пробурчал нечто означающее согласие.

Это был праздник Новой Луны, и царствующий бог брал себе в жены дочь туранского короля, которая лежала сейчас на алтаре перед многорукой статуей Великого Пса Смерти и Ужаса, божественного демона Ямы. Церемония протекала согласно древним ритуалам, которые были описаны еще в священных текстах бога смерти. Божественный монарх Мерy безвольно покоился на своем троне из черепов и, пока шаманы погружались в свои древние молитвы, ждал, довольный, публичного соединения с длинноногой стройной туранской девушкой.

Внезапно ритуал был нарушен самым кощунственным образом. Два голых великана спрыгнули на мраморный пол буквально из воздуха: один — героическая фигура из ожившей бронзы, второй — темная угроза, вырезанная из эбенового дерева. Шаманы прервали на полуслове молитвы, когда эти два завывающих дьявола приземлились среди них.

Конан схватил одну из огненных чаш и запустил ею в толпу одетых в алое шаманов. Панически визжа и крича от боли, они разбежались во все стороны, в то время как пламя горящего масла охватило их алые одежды и превратило людей в живые факелы. Киммериец поспешно схватил остальные три огненные чаши; суматоха стала еще сильнее, и огонь распространился еще дальше.

Юма подскочил к пьедесталу, на котором сидел король и смотрел единственным здоровым глазом, полным страха и смятения. Великий Шаман попытался повергнуть Юму

на мраморные ступени своим магическим посохом, но у черного великана все еще было в руках сломанное весло, и он нанес удар с невероятной силой. Эбеновое дерево разлетелось в мелкие щепки. Второй удар пришелся по самому чародею и отшвырнул его, разбитого и умирающего, в хаос мечущихся, кричащих, горящих шаманов.

Король Джалунг Тхонгпа должен был стать следующим. Ухмыляясь, Юма взбежал по ступенькам. Но маленький бог уже не сидел, скорчившись, на троне. Он стоял на коленях перед статуей и молящe поднимал руки, визжа и выскуливая мольбу.

Почти в тот же миг Конан добрался до алтаря и склонился над дрожащей, растерянной девушкой. Тонких золотых цепей было вполне достаточно, чтобы удерживать ее, но они не были настолько прочными, чтобы устоять против силы варвара. Он уперся ногами в пол и вырвал конец цепочки из кольца в алтаре. Три остальных последовали за первым. Потом Конан взял всхлипывающую принцессу на руки и поднял ее. Он повернулся — и на них упала тень.

Он удивленно взглянул... и вдруг вспомнил, как говорил ему Ташуданг: «Если он позовет своего отца, тот придет!»

Теперь ему стал ясен весь ужас, скрывающийся в этих словах. Высоко над ними в коптящем свете факелов на стенах двигались руки гигантского идола, изваянного из зеленого камня. Рубины, изображавшие его глаза, сверкали над людьми ясным, рассудочным огнем.

7

КОГДА ОЖИВАЕТ ЗЕЛЕНЫЙ БОГ

Волосы встали дыбом у Конана на голове, и кровь застыла в жилах. Вскрикнув, Созара спрятала лицо у него на груди и обхватила руками его шею. На черном пьедестале, возле трона из черепов, застыл Юма. Белки его глаз сверкали. В нем проснулся необъяснимый страх его народа — народа джунглей — перед сверхъестественным. Ибо статуя проснулась к жизни!

Не в силах пошевелиться, они смотрели, как каменный зеленый идол со скрежетом поднял свою огромную ногу. С высоты тридцати футов на них свирепо смотрело мрачное лицо. Шесть рук дергались и выпрямлялись, как лапы огромного паука. Каменная фигура слегка передвинулась в

сторону, смещая свой вес. Нога титана наступила на алтарь, на котором прежде лежала Созара. Мраморная глыба треснула и раскололась под многотонным весом ожившего зеленого камня.

— Кром! — выдохнул Конан.— Даже камень живет и двигается в этой стране безумия! Мы можем почитать за счастье, что он не задел нас ногой!

Он попытался вместе с Созарой перебраться в безопасное место, но за ними следом, не останавливаясь, хрустели и ломались камни. Статуя начала двигаться.

— Юма! — взревел Конан и дико посмотрел на кушита. Черный воин неподвижно сидел возле трона, на котором снова восседал маленький царствующий бог, указующий жирной рукой на Конана и девушку.

— Убей их, Яма! Убей их! Убей их! — хрипел он.

Многорукий каменный монстр остановился и начал осматриваться, пока его рубиновые глаза не замерли на Конане. Конана охватил первобытный варварский страх. Но как у многих варваров, именно этот страх перед сверхъестественным и заставлял его бороться с тем, что его пугало. Он опустил девушку на пол и схватил мраморную скамью. Его мускулы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения, но он стиснул зубы и шагнул к колоссу.

Юма закричал:

— Нет, Конан! Беги! Он видит тебя!

Теперь Конан уже добрался до гигантских ступней шагающего идола. Каменные ноги поднимались перед ним, как колонны. От напряжения лицо киммерийца стало густо-красным. Он высоко занес над головой скамью и швырнул ее в жадеитовую ногу. С чудовищной силой она ударила в щиколотку каменного бога. Мрамор покрылся сетью трещин от одного конца скамьи до другого. Конан еще ближе подошел к каменной ноге, поднял новую скамью и опять швырнул ее. На этот раз скамья разлетелась на дюжину осколков, но сама нога осталась невредимой, если не считать небольших сколов. Конан отскочил назад, когда статуя сделала к нему еще шаг.

— Конан! Осторожно!

Крик Юмы заставил его оглянуться. Зеленый гигант наклонился. Рубиновые глаза сверкнули, глядя в синие глаза Конана, и странно было ему смотреть в живые глаза бога. Они были бездонными, полными темноты и глубины, в которой взгляд человека терялся и бессильно тонул в этих красных омутах. И глубоко в этих кристаллических безднах

притаилась холодная, нечеловеческая злоба. Взгляд бога поглотил взгляд молодого киммерийца, который почувствовал, как его медленно охватывает оцепенение. Он не мог больше ни двигаться, ни мыслить...

Несмотря на переполнявший его ужас перед необъяснимым, Юма взвыл от ярости. Он видел, как шесть титанических каменных рук опускаются к его другу, который смотрит на них, словно парализованный. Еще один шаг — и Яма доберется до киммерийца. Черный воин был слишком далеко от них обоих, чтобы напасть. В своем гневе он, не думая, схватил царствующего бога, который заверещал и принялся отчаянно отбиваться, и швырнул его в демонического отца мерувийских владык.

Джалунг Тхонгпа перевернулся в воздухе и ударился о мраморный мозаичный пол у ног идола. Дико и растерянно маленький монарх осмотрелся своим единственным глазом. Потом он ужасно закричал, когда одна из титанических ног опустилась на него.

В мраморном храме раздался треск ломающихся костей. Нога бога скользнула по плитам, оставляя за собой широкий кровавый след. Со скрежетом идол снова низко наклонился и потянулся к Конану.

Растопыренные каменные пальцы замерли в нескольких дюймах от киммерийца. Огонь рубиновых глаз потух. Гигантское тело с шестью руками и головой демона, которая еще мгновение назад была полна жизни, застыло и вновь превратилось в неподвижный камень.

Вероятно, смерть короля, который вызвал этого адского духа из темных глубин безымянных измерений, уничтожила чары, связывавшие Яму с этим идолом. А может быть, смерть короля освободила демоническое божество от его обязанностей по отношению к своему земному родичу — кто знает. Однако, что бы ни было причиной, в тот момент, когда Джалунг Тхонгпа испустил дух, статуя вновь стала неподвижным камнем.

Рухнуло и оцепенение, охватившее Конана. Все еще в растерянности молодой киммериец потряс головой. Потом огляделся. Первое, в чем он удостоверился, было то, что принцесса Созара бросилась к нему, истерически всхлипывая. Бронзовые от загара руки варвара схватили принцессу. Он ощущал, как ее шелковистые волосы легонько щекочут ему шею, и новый огонь загорелся в его глазах. Он засмеялся, радуясь тому, что жив.

К нему подбежал Юма:

— Конан! Мы здесь одни. Все остальные либо удрали, либо мертвы. Мы наверняка найдем лошадей в стойле позади храма. Сейчас самое подходящее время исчезнуть из этого проклятого города.

— Клянусь Кромом! Я буду счастлив стряхнуть со своих ног пыль этой чертовой страны,— проворчал киммериец. Он сорвал плащ с мертвого Великого Шамана и завернул в него принцессу. Потом поднял девушку и понес ее из храма, ощущая тепло ее нежного, гибкого тела.

Часом позже, когда им уже не нужно было бояться погони, он натянул поводья и внимательно изучил дорогу. Конан поглядел на звезды, подумал немного, потом показал направление:

— Туда!

Юма нахмурил лоб:

— На север?

— Ну да, в Гирканию.— Конан засмеялся.— Ты что, забыл уже, что мы должны доставить принцессу ее жениху?

Юма удивленно поднял брови. Он видел, как прелестные белые ручки Созары сжимались вокруг шеи его друга, с какой радостью она склоняла голову ему на плечо. К ее жениху? Он потряс головой. Ему никогда не понять этого киммерийца. Но он последовал за Конаном, и они направили коней к мощным отрогам гор Талакмы, которые лежали перед несчастной страной Меру, как крепостная стена, и отделяли ее от гирканских степей, по которым гуляют привольные ветры.

Месяцем позже они прибыли в лагерь Куюлы, Великого Хана куйгарских кочевников. Те, кто видел их во время бегства из Шамбаллы, вероятнее всего, сейчас уже не узнали бы их. В маленьком селении на южных склонах Талакмы они поменяли звенья золотой цепи, которые все еще качались на запястьях и щиколотках Созары, на теплую одежду, защитившую их от холода, царящего на перевалах, и жгучего ветра степей. На них теперь были меховые шапки, шерстяные плащи, просторные шаровары и крепкие сапоги.

Когда же они передали Созару ее чернобородому жениху, хан не поскупился на добрые слова и звонкую монету. И после пиршества в их честь, которое длилось несколько дней, они, осыпанные с ног до головы золотом, двинулись в обратный путь в Туран.

Оставив лагерь Куюлы далеко позади, Юма наконец заговорил со своим другом:

— Такая чудесная девушка. Я все не могу понять, почему ты не оставил ее себе? Она тоже была бы не прочь — ты пришелся ей по сердцу.

Конан усмехнулся:

— Ты не ошибся. Но я хочу еще многое увидеть и многое пережить, прежде чем обзаведусь семьей. Созара будет намного счастливее среди шелковых подушек и драгоценностей, которыми одарит ее Куюла, чем со мной — вечно в седле, мотаясь по степям и пустыням, то среди палящего зноя, то среди ледяного холода. А в пути вечно кто-нибудь встретится — не волки, так люди, которые мечтают вцепиться тебе в глотку.— Он рассмеялся от души.— Да и, кроме того, законный наследник Великого Хана уже в пути, если можно так выразиться... хотя сам хан об этом еще не подозревает.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Мне Созара призналась незадолго до нашего отъезда.

От удивления Юма прищелкнул языком:

— Нет, никогда, никогда в жизни больше не буду дураком настолько, чтобы недооценить какого-нибудь киммерийца...

Проклятие монолита

Конан зябко передернул плечами. Мрачные пики отвесных бурых скал, окружавших долину, в которой разбил лагерь его небольшой отряд, вдруг показались ему створками готового захлопнуться капкана. Их остроконечные вершины угрюмо темнели в ночном небе, усеянном тусклыми искорками звезд; снизу, из глубокого ущелья, эти звезды были похожи на глаза пауков, хищно следивших за всем, что происходит на дне долины. «Глухое, опасное место!» — размышлял киммериец. Камень, холод да еще пронизывающий знобкий ветер, свистевший среди разбросанных тут и там огромных валунов, прижимавший к земле дым лагерного костра...

Над стоянкой небольшого отряда Конана возвышались гигантские секвойи — наверное, они торчали здесь и в те времена, когда восемь тысяч лет назад благословенную Атлантиду поглотили океанские волны. Крохотный извилистый ручеек, тихо журча, терялся в глубине зарослей бамбука и кустов рододендрона. Постепенно небо затягивал серый саван облаков, цеплявшихся за пики самых высоких скал.

Конан не мог избавиться от навязчивой мысли, что здесь в воздухе будто бы витает ощущение смертельной опасности и некой обреченности. Вероятно, это чувствовали и кони: они тревожно ржали, прядали ушами, били копытами, пытаясь подальше отодвинуться от непроницаемой темной стены, что сгущалась за световым кругом, который отбрасывали жаркие языки костра. Но подсознательную тревогу испытывали только животные и молодой варвар-киммериец; со-

провождавшие Конана туранские воины казались совершенно спокойными. Наемники сгрудились вокруг костра; по рукам ходил вместительный кожаный бурдюк с вином. Воины отдыхали; одни с ухмылками делились подробностями своих похождений в борделях Аграпура, другие, утомленные долгим, проведенным в седле днем, молча сидели, глядя в огонь, третьи беззаботно растянулись на земле. Вскоре все они угомонятся и улягутся вокруг костра, завернувшись в плащи и подложив под голову седла; затем уснут, оставив двух стрелков с тяжелыми гирканскими луками охранять их покой. Никто из воинов не чувствовал ничего необычного.

Конан оперся спиной о шершавый древесный ствол и плотнее запахнул плащ, пытаясь спастись от пронизывающего до костей ветра. В свой отряд он специально отбирал самых высоких и крепких парней, но ни один из них не мог сравниться с ним ростом и мощью. Великан-варвар высился среди них, как секвойя среди сосен; черная грива волос киммерийца тяжелой волной спадала на плечи из-под остроконечного, окутанного тюрбаном шлема, отблески костра играли в его глубоко посаженных синих глазах.

Тяжелая атмосфера ущелья нагоняла столь же тяжелые мысли. Конан пробормотал проклятие, недобрым словом помянув туранского владыку Илдиза. С самого начала не лежала душа киммерийца к этому походу! Он поступил на службу к добродушному, но слабовольному властелину Турана больше года назад; шестью месяцами после этого оказал Илдизу значительную услугу — вместе со своим товарищем, чернокожим Юмой-кушитом, спас дочь шаха, прекрасную Созару, из лап безумного короля-бога, повелителя Меру. После того как красавица была возвращена уже потерявшему последнюю надежду жениху, предводителю кочевого гирканского племени куйгаров, друзья отправились прямиком в туранскую столицу за обещанной наградой. Благодарный отец не обманул их: оба приятеля получили звание капитанов туранской армии. Но капитан капитану рознь; и если Юма командовал теперь личной охраной шаха Илдиза, то Конана отправили в далекий и опасный путь. При мысли об этом губы варвара снова скривились в недовольной гримасе.

Илдиз поручил ему нелегкую миссию: передать послание властелину Кусана, небольшой страны, лежавшей на западных рубежах Кхитая. Конан набрал в свой отряд сорок надежных парней, конных туранских лучников, и направился в долгий путь через равнины и степи Гиркании, огибая под-

ножия величественных гор Талакма, преодолевая пустыни и болотистые джунгли. Таинственная страна Кхитай, восточная окраина доступных хайборийцам земель, располагалась неблизко, и все эти естественные преграды надежно охраняли ее.

Свое поручение Конан выполнил. Великий Шу, властелин Кусана, оказался достойным и мудрым правителем. Предоставив киммерийцу и его спутникам наслаждаться обильными пирами и жгучими ласками юных гурий из своего гарема, владыка обсуждал послание могущественного Илдиза со своими советниками. После долгих и нелегких споров кусанские вельможи решили наконец принять предложение Турана о дружбе и взаимном обмене торговыми посланниками. Конану был вручен шелковый свиток, на котором золотом были вышиты замысловатые кхитайские иероглифы и изящные гирканские буквы — ответ туранскому властелину.

Не забыл мудрый правитель и самого гонца, вознаградив труды его небольшим, но увесистым мешочком золота. К тому же проводить отряд Конана к западной границе Кусана он повелел не кому-нибудь, а одному из своих высших сановников. Этот вельможа, удельный князь Фенг, был небольшого роста элегантным человечком с мягким, вкрадчивым голосом. Носил он роскошные развевающиеся шелковые одежды, совершенно не подходившие для конных переходов, и, кроме того, пользовался благовониями с тяжелым мускусным ароматом. Холеные пальцы князя украшали длинные ухоженные ногти и, разумеется, какой-либо работой утруждать себя ему не приходилось — двое сопровождавших Фенга слуг день и ночь трудились, чтобы их господин и в походе не был обойден всеми возможными и невозможными удобствами. Конан кусанского вельможу всерьез не воспринимал; своими повадками, раскосыми глазами и мяукающей речью тот напоминал киммерийцу хитрого кота. Хотя нет-нет да и мелькала в голове варвара мысль, что неплохо бы присмотреться к этому котяре повнимательнее; что-то подсказывало ему, что от сего косоглазого недомерка можно ожидать любой пакости. Конан объяснял это тем, что в глубине души он, очевидно, завидовал утонченному, обладающему изысканными манерами князю,— завидовал и в то же время презирал, потому что, несмотря на определенный лоск, который придавала ему служба в туранской армии, он оставался тем же суровым, грубым и прямолинейным варваром-киммерийцем.

— Не помешал ли я сокровенным размышлениям достойнейшего капитана? — неожиданно промурлыкал над ухом Конана бархатный голос.

Вздрогнув, киммериец непроизвольно схватился за рукоять меча и едва сдержал крепкое ругательство — рядом с собой он увидел закутанного по самые глаза в роскошный светло-зеленый халат кусанского вельможу.

— Может быть, достойнейшему капитану никак не удается заснуть? — нисколько не обращая внимания на недружелюбный прием, продолжал князь Фенг.

Разговор шел на гирканском языке; князь свободно владел гирканским, что послужило одной из причин, по которой его послали сопровождать отряд Конана. Сам варвар так и не выучил по-кхитайски и кусански больше десятка расхожих слов.

— У меня как раз имеется великолепное средство от бессонницы,— не унимался Фенг.— Это один из старинных кхитайских рецептов — вытяжка из лепестков лилии с цинамоном заправляется особым способом вымоченными маковыми зернышками...

— Ну уж нет! — поспешно воскликнул Конан.— Премного благодарен светлейшему князю, но я уж как-нибудь обойдусь! По-моему, на меня так действует это проклятое Кромом место. После целого дня скачки я должен был бы спать как убитый, но что-то странное не дает мне уснуть.

Тонкие губы князя искривились в усмешке — или это пробежал по его лицу неверный блик от костра?

— Достойнейший капитан совершенно прав: эта долина — не совсем обычное место. Многие испытывают здесь тревогу, беспокойство и страх. Когда-то здесь погибло много людей... очень много...

— В сражении? — вежливо поинтересовался Конан.

— Нет, о достойнейший. В этой долине находится склеп, в котором покоятся останки легендарного владыки Сю. Он повелел, чтобы рядом с его телом положили головы его верных гвардейцев — затем, чтоб души воинов служили ему и за пределами реального мира. Но, по преданиям, души несчастных до сих пор скитаются здесь, в этой ужасной долине...

Голос князя понизился до свистящего шепота.

— Предания гласят также и о том, что вместе с плотью властелина и головами гвардейцев в склепе были захоронены несметные сокровища — золото, серебро, драгоценные камни. Я уверен, что так оно и есть.

— Золото, серебро и камни? — На этот раз интерес варвара был совершено неподдельным.

Кусанский сановник испытующе посмотрел на киммерийца, потом, как бы решившись на что-то, продолжил:

— Вот именно, благородный Конан. Но самое интересное в том, что никто до сих пор не нашел эти богатства, потому что никому доподлинно не известно, где находится этот склеп. Никому во вселенной, кроме одного человека...

— И кто же этот человек? — спросил варвар внезапно севшим голосом.

— Я, разумеется,— с тонкой улыбкой ответил князь.

— Клянусь чреслами Крома! Но если тебе известно, где лежат сокровища, почему они еще там?

— Это очень просто объяснить, о достойнейший! Очень просто! Легенды гласят, что склеп охраняется проклятием древнего владыки и зачарованной колонной из черного камня, что стоит рядом со склепом. Никто из моих соплеменников не отважится даже близко подойти к этому месту.

— Но ты-то сейчас здесь! Почему бы тебе самому не отыскать сокровища?

Маленький человечек с сожалением развел руками:

— Мне никак нельзя обойтись без помощника. Ведь если б я отправился туда в одиночку, на меня могли бы напасть дикие звери. А кроме того, мне было бы не под силу выкопать, поднять на поверхность земли и вывезти сокровища. Вот почему я обращаюсь к тебе, о могучий Конан! Мы не случайно остановились на ночлег в этой долине. Когда мой властелин. Сын Небес, искал человека, который взялся бы сопровождать твой отряд, я воспринял этот случай как дар провидения. Ведь ты, мой юный друг, не только достаточно умен и могуч, чтобы помочь мне в этом деле, но и, не будучи моим соплеменником, не подвержен глупым предрассудкам. Не так ли, о достойнейший?

Конан медленно кивнул:

— Да, так, клянусь Кромом, Владыкой Могильных Курганов! Мне не страшны ни боги, ни демоны, ни люди — тем более мертвые, даже если они и были некогда великими властителями. Ну, и что же дальше, благородный Фенг?

Князь склонился к самому лицу варвара и прошептал:

— У меня есть план, мой юный друг. Мы находимся совсем близко от склепа. Необходимые инструменты я прихватил с собой. Для такого могучего великана, как ты, не составит большого труда откопать и вынести сокровища. Так что, если мы отправимся к склепу немедленно, то еще до зари мы с тобой станем самыми богатыми людьми в мире!

На редкость привлекательная идея! Но неожиданно в душу варвара закралось неясное сомнение.

— А почему мы должны идти к склепу вдвоем? Мы могли бы прихватить с собой пару моих ребят или, если тебе так больше нравится, твоих слуг. Так было бы значительно легче.

Феног с усмешкой покачал напомаженной головой:

— Зачем, о достойнейший? Я знаю, что сокровища находятся в двух небольших сундучках — они сделаны из золота, украшены серебряной чеканкой и доверху заполнены драгоценными камнями. Они, конечно, тяжелы, но вдвоем нам будет под силу дотащить их до лагеря. Когда мы разделим сокровища поровну, то каждому из нас достанется сказочное богатство! К чему благодетельствовать других? Впрочем, если тебе все равно, то своей половиной ты можешь поделиться с воинами...

Конан вздохнул. Шах Илдиз не отличался особой щедростью да к тому же вечно задерживал выплату жалованья наемникам. Почему-то получалось так, что до сих пор киммерийцу за верную службу доставалось от туранского владыки больше обещаний, чем звонкой монеты.

— Я принесу инструменты,— шептал между тем Феног.— Чтобы не вызывать подозрений, мы должны выйти из лагеря незаметно и порознь. Но только непременно надень кольчугу и не забудь прихватить меч.

— Я не расстаюсь с мечом,— усмехнулся варвар,— но зачем мне нужна кольчуга? Тащить сундуки она не поможет, а сражаться с мертвыми гвардейцами этого Сю, я надеюсь, нам не придется.

— О, мой юный друг! Мертвые спят непробудным сном, но ведь в этих горах полным-полно диких зверей — тигры, леопарды, медведи... К тому же в окрестностях долины бродят шайки разбойников. Ты видишь, я не очень-то сведущ в боевых искусствах, и тебе придется защищать нас обоих. Так что поверь, о достойнейший, полные доспехи просто необходимы!

Киммериец нехотя кивнул головой.

— Вот и прекрасно! Я знал, что светлый разум достойнейшего капитана поймет, почему я настаиваю на этом. Ну, а теперь нам надо расстаться, друг мой. Мы встретимся в глубине долины, когда взойдет луна.

В непроницаемой ночной тьме ветер казался еще более холодным. То ощущение непонятной тревоги, которое охватило Конана, когда отряд остановился на ночлег в этом

проклятом богами ущелье, снова пробудилось в его душе. Бесшумно ступая вслед за невысоким кхитайцем, варвар бросал подозрительные взгляды по сторонам. Отвесные скалистые стены сближались здесь до такой степени, что между каждой из них и ручейком, струившимся под ногами, мог пройти лишь один человек. Вверху, над едва различимыми в темноте пиками, появился слабый, едва заметный жемчужный свет, предвещавший восход луны; звезды мерцали отгоревшими угольками.

Внезапно стены ущелья снова раздвинулись, и путники вышли на широкую, покрытую зеленой травой равнину. Ручей свернул в сторону и исчез среди зарослей папоротника.

В просвете облаков показался бледный серп луны. Его тусклое опалесцирующее мерцание едва освещало возвышавшийся перед компаньонами высокий курган удивительно правильной формы.

При виде открывшегося перед ним завораживающего зрелища киммериец моментально забыл о своих тревогах и предчувствиях. На вершине холма торчал памятник, о котором говорил князь,— гладкая, тускло поблескивавшая колонна из черного камня; вершина ее возносилась вертикально вверх и терялась в нависавшей над ущельем тьме. «Если верить словам Фенга, если могила древнего владыки находится здесь,— размышлял Конан,— то сокровища могут быть запрятаны или под основанием монолита, или где-то рядом. Ну, это легко проверить...»

Придерживая лежавшие на плече лопату и лом, Конан начал подниматься к вершине холма, продираясь сквозь заросли цепких кустов рододендрона. «В Киммерии тоже насыпают курганы над могилами вождей и великих воинов,— промелькнуло у него в голове,— но останки их покоятся глубоко под землей. Но этот холм столь огромен, что если сокровища не под черным камнем, а в самом низу, то за ночь нам не справиться...»

Неожиданно какая-то невидимая сила подхватила и рванула вперед инструменты, лежавшие на плече варвара. Конан выругался и, откинувшись, вцепился в лом и лопату так, что мышцы его готовы были разорваться от напряжения. Однако неведомую силу он преодолеть не смог; пришлось разжать руки, и инструменты, мелькнув в воздухе, со звоном ударились о камень колонны и остались висеть там, будто прилипнув к черной полированной поверхности. Но на этом неприятности не закончились: таинственная сила действовала и на кольчугу киммерийца. Мгновение спустя варвар тоже прилип к монолиту, оказавшись в положении

мухи, попавшей в густой мед: спина и плечи прижаты к колонне, короткие рукава кольчуги лишили свободы предплечья, шлем не дает возможности повернуть голову. Висевший на поясе меч тоже прилип к монолиту. Киммериец выругался, отчаянно рванулся, но невидимые узы не поддались.

— Это что еще за фокусы? — яростно зарычал варвар.— Отвечай, ты, недоносок!

Фенг, невозмутимо наблюдавший за происходящим, усмехнулся и приблизился к киммерийцу; на него таинственная сила, как видно, не действовала. Вытащив из широкого рукава своего одеяния шелковый платок, он дождался, когда Конан снова откроет рот, и сноровисто запихнул в него заранее приготовленную тряпку; затем, не без труда пропихнув платок под его затылком, затянул ткань на губах киммерийца. Теперь Конан был лишен возможности не только двигаться, но и издавать какие-либо звуки. Он лишь яростно хрипел, бросая на довольно улыбавшегося сановника бешеные взгляды.

— Я думаю, ты не в обиде за мою маленькую хитрость, о достойнейший из варваров,— промурлыкал князь.— Иначе как бы я смог заманить тебя в это место?

Конан снова отчаянно рванулся, но невидимые путы держали крепко. Крупные капли пота стекали по его лицу и шее.

— Похоже, твоя жизнь, благородный капитан, подошла к завершающей черте,— продолжал Фенг,— а значит, у меня не осталось более причин таиться от тебя. Пусть твоя варварская душа отлетит в царство Нергала успокоенной! Видишь ли, двор нашего добрейшего, но чрезвычайно неразумного владыки разделен враждой. Одни сановники, богомерзкие почитатели Белого Павиана, с готовностью идут на союз с варварами Запада, что абсолютно неприемлемо для других, поклоняющихся Золотой Ящерице. Я, как ты уже, разумеется, понял, принадлежу к последнему клану и с радостью готов отдать жизнь, лишь бы не был заключен тот глупый и опасный договор о дружбе, который ты привез от повелителя Турана. Ведь сближение с варварами неизбежно разрушит тот божественный порядок, что создавался в Кусане и Поднебесном Кхитае в течение многих веков. Ну, к счастью, выяснилось, что свою жизнь мне отдавать не придется — достаточно будет твоей. Ты в ловушке, предводитель жалкой шайки чужеземцев! И тебя заманил в нее я, князь Фенг! Что же касается договора, то теперь с этим делом не будет никаких проблем.

С этими словами вельможа вытащил из-под кольчуги варвара тонкий футляр из слоновой кости, в котором хранился шелковый свиток с письменами. Аккуратно развязав ремешок, Фенг спрятал футляр в рукаве халата и прибавил со злобным оскалом:

— Может, твой жалкий умишко в последние минуты заинтересуется, что же именно держит тебя тут? Боюсь, в сущность этого вопроса проникнуть ты не успеешь, поэтому скажу только то, что колонна сия обладает непостижимым свойством с невероятной силой притягивать к себе железо и сталь. Так что здесь обошлось без всякого колдовства.

Последнее упоминание ничуть не успокоило варвара. Когда-то в Аграпуре он, правда, видел, как бродячий фокусник развлекает толпу, поднимая с земли гвозди куском камня темно-красного цвета. Но так как Конан не имел ни малейшего понятия о сущности этой силы, то аграпурские фокусы — и то, что произошло сейчас с ним,— представлялись варвару проявлением колдовских чар.

— Кстати, не надейся, что тебя освободят твои люди,— с издевательской улыбкой продолжал кусанский вельможа.— Я, видишь ли, подумал и об этом. Я уже говорил, что неподалеку в горах обитает племя разбойников-ягов, охотников за головами. Без всякого сомнения, они уже заметили лагерный костер и нападут, по своему обычаю, как раз на рассвете. Меня к тому времени здесь, разумеется, не будет. Не думаю, что за одиноким всадником вышлют погоню, ну а если даже и так... умирать все равно когда-нибудь придется! Так что прощай, о достойнейший из варваров! Тебя я также предоставляю твоей судьбе. Надеюсь, ты извинишь меня за то, что я оставляю тебя в одиночестве,— видишь ли, муки испускающего дух страдальца, пусть это даже и неотесанный варвар, всегда приводили меня в большое волнение. Поверь, мне даже жаль тебя... получи ты должное воспитание, ты мог бы стать мне превосходным телохранителем. Однако богами тебе предначертана другая судьба.

Маленький человечек отвесил изящный поклон, повернулся и стал спускаться по склону холма. Значит, ему суждена смерть от голода и жажды, подумал Конан. Конечно, если б его парни заметили, что капитана нет в лагере, они начали бы поиски еще до рассвета, и тогда... Но ведь он выскользнул из лагеря тайком, никого не предупредив! Если даже туранцы поднимут тревогу, то где они будут его искать?

Конан снова отчаянно рванулся из пут — и с тем же результатом. Ничего не изменилось: по-прежнему относительной свободой обладали только руки, да и то лишь до локтей. Он мог пошевелить ногами до колен и слегка повернуть голову в шлеме; кольчуга намертво приковывала к монолиту все остальное.

В разрыве облаков показалась луна. Чуть посветлело. Конан огляделся вокруг и заметил, что около черной полированной колонны валяются на земле кости и черепа, жалкие останки человеческих скелетов. Всмотревшись внимательнее, киммериец вдруг понял, что они выглядят как-то странно, словно кости вымачивали в какой-то кислоте. С усилием повернув голову, он заметил, что на колонне рядом с ним висят несколько металлических предметов, удерживаемые той же непостижимой силой, что держала в заточении и его: лопата и лом, которые принес с собой он, полурассыпавшийся шлем и, справа, ржавый кинжал. Конан захрипел в бессильной ярости и снова напряг мускулы.

Неожиданно откуда-то снизу послышалась странная тонкая трель. Киммериец прислушался и понял, что Фенг, вопреки своим уверениям, не спешил покинуть долину — он сидел у подножия холма и наигрывал на флейте. И тут раздался еще один странный звук, на этот раз он шел сверху. Едва не вывернув шею, Конан попытался взглянуть вверх, и, когда ему это удалось, варвар оцепенел. Мгла, скрывавшая верхушку колонны, рассеялась, и бледный свет луны высветил что-то отвратительное и бесформенное. Полупрозрачное стекловидное тело, напоминающее огромный кусок студня, медленно ползло вниз, шевеля многочисленными щупальцами.

И так почти лишенный возможности двигаться, Конан застыл от леденящего ужаса. Скользкие щупальца монстра медленно, но неуклонно приближались к нему, вытягиваясь по поверхности колонны. Сменивший направление ветер ударил в лицо варвара нестерпимым смрадом. Неожиданно киммерийца обожгла острая боль в предплечье. Так вот почему валявшиеся вокруг кости выглядели так странно! Жуткая тварь выделяла едкое вещество, разъедающее живую плоть! Конан с содроганием представил муки тех, кто стоял у этой колонны, ожидая жгучих объятий смертоносных щупалец.

Киммериец снова яростно напрягся, пытаясь разорвать смертельные путы. На сей раз его усилия, как ни удивительно, увенчались успехом — возможно, отчаяние придало ему

сил. Очередной рывок немного сдвинул его тело, и Конан заметил, что прилипший к колонне кинжал оказался в непосредственной близости от его кисти. И тут киммерийцу пришла в голову спасительная мысль. Еще несколько рывков — и кинжал может оказаться в его ладони!

С огромным напряжением варвар выворачивал руку — кольчуга царапала о поверхность колонны, от страшных усилий пот заливал глаза. Кисть медленно приближалась к рукояти кинжала. Непрекращающиеся звуки флейты, на которой продолжал играть Фенг, приводили его в исступление, а тошнотворная вонь, испускаемая чудовищем, вызывала спазмы в желудке.

Наконец вожделенная рукоять оказалась в ладони киммерийца. Он резко рванул ее к себе, но источенное ржавчиной лезвие, не выдержав рывка, сломалось. Скосив глаза, Конан увидел, что в его руке оказался лишь короткий обломок; большая часть клинка осталась прилипшей к камню. Напрягая последние силы, варвар подтягивал сломанное лезвие к ремням, скрепляющим кольчугу, неестественно выворачивая кисть, которая уже начала неметь. Наконец его усилия увенчались успехом, и Конан — очень осторожно, понимая, что хрупкое лезвие не выдержит сильного нажима,— принялся резать неподатливую кожу, стараясь не обращать внимания на усиливающийся смрад, предвещавший приближение монстра. Ржавая сталь выдержала; ремень лопнул, и кольчуга варвара раскрылась на боку. Киммерийцу почти удалось освободиться, когда он ощутил едва заметное прикосновение к своему шлему — неведомый хищник все-таки успел дотянуться до жертвы. В любой момент его мог настигнуть водопад едкой жидкости...

Выдернув руку из рукава кольчуги, Конан вырвался из плена собственных доспехов. В глазах у него потемнело, он едва не упал от нахлынувшей слабости, но огромным усилием воли удержался на ногах. Оглянувшись, варвар увидел, что чудом успел ускользнуть: страшные щупальца монстра уже шарили по его доспехам в поисках исчезнувшей добычи.

От подножия холма все еще доносились протяжные звуки флейты. Фенг, не обращая внимания на происходящее, наигрывал мелодию, погрузившись в глубокий транс. Выплюнув кляп, Конан вихрем обрушился на князя. Маленький человечек не успел оказать великану ни малейшего сопротивления — резкий удар бросил его на землю. Первым делом киммериец вытащил спрятанный в рукаве халата футляр из слоновой кости и повесил его себе на шею; затем

потащил бесчувственное тело сановника на холм. У подножия колонны, придя в себя и увидев, что его ожидает, Фенг дико закричал, но крик оборвался вместе с дыханием, когда его тело ударилось о черную поверхность монолита. Предатель уже не почувствовал, как скользкие щупальца твари принялись за свое привычное дело.

Конан заставил себя не отводить глаз. Когда лицо Фенга затопила желеобразная масса чудовища, его черты превратились в сплошное пятно; потом кожа, исчезая, начала размываться, и вскоре обнажились голые кости черепа с ощеренными в страшном оскале зубами. Насытившись человеческой плотью, монстр приобрел кроваво-красный оттенок. Страж монолита отдыхал и не торопился двинуться в обратный путь в свое убежище.

Шагая к лагерю, Конан едва передвигал ноги от изнеможения. Черная колонна, едва не послужившая причиной его страшной смерти, гигантским факелом пылала за спиной варвара.

Всего несколько минут понадобилось ему, чтобы разжечь огонь у основания монолита. «Горите рядом, твари!» — подумал киммериец, плюнул и направился к стоянке своего отряда. Еще некоторое время, оглядываясь назад, он видел, как корчилось в агонии жуткое тело чудища, но вскоре все скрылось за огромными огненными языками.

Добравшись до лагеря, Конан увидел, что его парни с тревогой наблюдают за сполохами огня, взметнувшимися в светлеющее небо.

— Где тебя носило, капитан? И куда подевался князь Фенг? Что там за огонь, во имя Митры? — раздались взволнованные возгласы.

— Чего вы ждете, бараны? — раздраженно рявкнул киммериец.— Немедленно седлать коней! Яги, охотники за головами, уже близко! Они схватили князя, а мне едва удалось уйти от них. Касро! Моллар! Пошевеливайтесь, ослиные задницы, если вам дорога жизнь и вы не хотите, чтобы ваши головы украшали их жилища!

Он перевел дух, потом с новой силой проревел:

— И неужели ни один болван не догадается налить своему капитану глоток вина? Я хочу пить! Клянусь копытами Нергала, я хочу пить!

Ссора с непосредственным начальником, как поговаривали, из-за девушки, заставила варвара дезертировать из армии Илдиза Туранского. На сей раз Конан вернулся в родные края.

Проведя в родных киммерийских горах несколько месяцев и окунувшись в подзабытую уже стихию межклановых войн, Конан возвратился в цивилизованные хайборийские королевства. Послужил он наемником в Немедии, где получил предсказание, что в недалеком будущем наденет королевскую корону. Побывал в Офире, где участвовал в дворцовых интригах. Время это оказалось бедным на приключения — в кои-то веки выдалась передышка между бесконечными войнами, казалось бы, этому можно только радоваться... Но Конан чувствовал себя, как рыба, выброшенная из воды, и в поисках острых ощущений он отправился в Аргос, где примкнул к черным корсарам.

Конан закончил карьеру морского разбойника в одном из портов на побережье Куша. Направившись на юг страны, он неожиданно стал военным вождем жившего в джунглях негритянского племени.

Долина пропавших женщин

1

Грохот барабанов и рев огромных рогов из слоновых бивней были оглушительными, но Ливия слышала шум приглушенно, словно он доносился издалека. Она лежала на ангаребе в большой хижине, теряя сознание, и уже не могла сказать, происходит ли все наяву, или же ее окружают чудовища болезненного бреда. Царящая вокруг суета едва доходила до ее рассудка, однако в полубреду, в беспорядочных сумерках безумия, Ливия отчетливо разглядела обнаженную фигуру ее брата и кровь, стекающую с его дрожащих бедер. Прочее представлялось смутным кошмаром, где сплетались, точно змеи, неясные тени, но эта белая фигура виделась с беспощадной ясностью. Казалось, воздух до сих пор дрожит от крика его агонии, непристойно смешиваясь с дьявольским хохотом.

Ливия перестала ощущать себя чем-то отдельным: вот я, а вот окружающее меня пространство. Она словно погрузилась в бездну боли и растворилась в ней, и эта боль была она сама, Ливия, потому что средоточием боли стало ее собственное тело. Она лежала, ни о чем не думая, не шевелясь, а за стенами хижины грохотали барабаны, ревели рога, и

© R. Howard.

голоса дикарей выводили страшные песнопения, отбивая такт ударами босых ног по твердой земле и хлопая в ладоши.

Но наконец сквозь застывший рассудок Ливии постепенно начало пробиваться осознание. Сначала она тупо удивилась тому, что тело ее не тронуто. Она восприняла это чудо без благодарности — теперь для нее это все представлялось пустым, потерявшим всякое значение. Она приподнялась на ангаребе и огляделась. Руки и ноги девушки слабо шевельнулись, словно реагируя на просыпающиеся нервные центры. Босые ступни нервно заскребли грязный земляной пол. Пальцы рук конвульсивно одергивали подол рубашки — единственное, что на ней осталось. Ливия смутно вспомнила, что когда-то давно-давно у нее были другие одежды, но чьи-то грубые руки сорвали с нее эти одежды и тогда она плакала от стыда и страха. Теперь представлялось странным, что такое небольшое зло причинило ей так много горя. Степень насилия и унижения весьма относительна, в конце концов, как и все прочее в жизни.

Дверь хижины отворилась, и вошла черная женщина — словно пантера, чье гибкое тело блестело как полированный эбонит, украшенное лишь шелковым лоскутом, обернутым вокруг ее вихлявых бедер. Она озорно вращала глазами, и белки отражали свет костров, пылающих на единственной деревенской улице.

Эта черная женщина принесла бамбуковое блюдо с едой — копченое мясо, жареный картофель, маис, большие бруски местного хлеба — и сосуд из кованого золота, наполненный пивом йарати. Все это она поставила на ангареб, но Ливия не обратила ни малейшего внимания ни на женщину, ни на угощение. Она сидела, неподвижно уставившись на противоположную стену, увешанную циновками, сплетенными из бамбуковых веток. Черная женщина неприятно засмеялась, блеснув черными глазами и ослепительными зубами. Она издала непристойный звук, похожий на шипение, бесстыдно погладила Ливию, а потом повернулась и с важным видом вышла из хижины, выражая свое пренебрежение к пленнице движением бедер, которое выглядело куда оскорбительнее слов любой цивилизованной женщины.

Но ничто не всколыхнуло полусонного сознания Ливии. Все ее ощущения продолжали существовать внутри, заключенные в оболочку ее больного тела. Происходящее вне ее казалось шествием призраков и колыханием теней. Машинально она съела все и запила пивом, не чувствуя вкуса.

Не осознавая своих действий, Ливия поднялась и неуверенно прошлась по хижине, чтобы заглянуть в щель между бамбуками. Вдруг тон барабанного боя и звучание рогов изменились. Какая-то скрытая часть ее сознания отреагировала на это и невольно заставила ее искать причину.

Сначала Ливия ничего не могла различить. Все по-прежнему происходило беспорядочно и туманно. Странные фигуры двигались и смешивались, вращались и переплетались, черные бесформенные предметы резко выделялись на кроваво-красном фоне, который оглушал и сверкал. Затем предметы приняли правильные очертания, и Ливия увидела мужчин и женщин, двигающихся вокруг костров. Багровый свет метался на орнаментах из серебра и слоновой кости, белые перья раскачивались. Обнаженные черные фигуры расхаживали с важным видом, останавливались. Их силуэты, окрашенные в малиновый цвет пламени, отчетливо вырисовывались на фоне темноты.

В окружении гигантов в головных уборах из перьев и поясах из леопардовых шкур на кресле из слоновой кости восседал жирный кусок черноты, воняющий влажными гниющими джунглями и мрачными болотами. Квадратный, необъятный, отталкивающий, как жаба. Пухлые руки существа покоились на лоснящейся дуге живота. Пупок — словно катышек закопченного жира, с любопытством высунувший голову. Глаза мерцали в свете костра, как живые угли в мертвом черном пне. Их ужасающая жизненная сила резко контрастировала с огромным вялым телом.

Увидев эту чудовищную фигуру, Ливия вся напряглась, и жизнь неудержимым потоком хлынула в нее. Из бездумной куклы она вдруг превратилась в живое, трепещущее существо, и боль обжигала ее. Девушка чувствовала себя то сильной, то хрупкой, словно ее тело закалялось, как сталь, попеременно погружаясь то в жар, то в холод. Она ощущала, как ненависть истекает из нее и направляется к черной рыхлой глыбе. Краткий миг ей чудилось, что объект ее эмоций должен упасть замертво с этого резного стула, так смертельна была ее ненависть.

Но если Баджуй, царь бакала, и испытал некий физический дискомфорт из-за своей пленницы, то не показал этого. Он продолжал наполнять свой лягушачий рот пригоршнями маиса, черпая из сосуда, который держала перед ним коленопреклоненная женщина, и смотреть на своих поддан-

ных, выстроившихся по обеим сторонам улицы. Судя по торжественной резкой дроби барабана и оглушительным звукам рога, в конце этой аллеи, образованной потными черными телами, должна была появиться какая-то важная персона. И пока Ливия вглядывалась в темноту, персона возникла.

Колонна воинов по три человека в ряд приближалась к трону из слоновой кости. Сплошная масса развевающихся плюмажей и сверкающих пик продвигалась сквозь пеструю толпу.

Во главе черных, как эбеновое дерево, копьеносцев шел человек, при виде которого Ливия вздрогнула. Казалось, сердце ее остановилось, а потом опять глухо застучало, мешая сделать вдох. В сумерках человек этот был отчетливо виден. Как и его копьеносцы, он красовался в набедренной повязке из леопардовых шкур и в головном уборе, украшенном перьями. Но это был белый человек.

Не как проситель или подчиненный приближался он к трону бакала, и когда он остановился перед сидевшим на нем человеком, наступила тишина. Ливия улавливала общее напряжение, хотя лишь смутно понимала, что именно оно предвещает. Несколько мгновений Баджуй сидел, вытянув толстую шею, как большая жаба. Потом, словно притянутый пристальным взглядом пришельца, он слез со своего стула и встал, смешно качая бритой головой.

Мгновенно напряжение спало. Жители деревни что-то оглушительно прокричали. По сигналу незнакомца его воины подняли копья и отдали почетный салют царю Баджую. Кто бы он ни был, этот белый человек, Ливия понимала: он должен быть весьма могущественным в этой дикой стране, если Баджуй из племени бакала поднялся, чтобы приветствовать его. А могущество означает, что этот белый — великий воин. Сила — единственное, что почитается среди диких племен.

Ливия стояла, прильнув к щели в стене хижины. Воины белого незнакомца смешались с бакала. Они плясали, угощались, тянули пиво. Сам он с несколькими своими вождями сидел с Баджуем и вождями бакала, поджав ноги на циновках и жадно поглощая еду и выпивку. Ливия видела, как он вместе с другими глубоко погружает руки в котлы с рисом, глотает пиво из одного сосуда с Баджуем. Заметила она еще одну особенность. Белому пришельцу оказывали

почести, полагающиеся верховному вождю, царю над царями. Поскольку у него не было трона, царь бакала отказался от своего и уселся на циновки вместе с гостем. Когда принесли новый сосуд с пивом, царь бакала чуть отпил и тотчас передал белому человеку. Сила! Вся эта подчеркнутая вежливость указывала на огромную власть и силу! Ливия задрожала. Ее охватило возбуждение, когда в голове ее начал складываться смелый план. Она следила за белым человеком с болезненным напряжением, замечая каждую деталь его облика. Он был высокого роста, выше и массивнее всех, даже многих чернокожих, считавшихся гигантами, но двигался с грацией большой пантеры. Когда свет костров падал на его лицо, глаза незнакомца загорались синим огнем. На ногах у него были ременные сандалии, а с широкого пояса свисал меч в кожаных ножнах. Ливия никогда не видела подобных людей. Но она и не пыталась определить, к какому народу он принадлежит. Достаточно того, что кожа у него была белая.

Проходили часы, и постепенно рев попойки стих. Все, и мужчины и женщины, погрузились в тяжелый пьяный сон. Наконец Баджуй неуверенно поднялся и воздел руки, отказываясь от дальнейшего соревнования, кто из них больше съест и выпьет. Он шагнул, споткнулся, и воины подхватили своего владыку и унесли в его хижину. Белый человек — победитель в состязании обжор и выпивох — величественно встал. Вожди бакала, те, кто был еще в состоянии передвигаться, проводили его в гостевую хижину, и белый скрылся там. Ливия заметила, что десяток его копьеносцев остались сторожить, держа копья наготове. Очевидно, незнакомец не слишком доверял дружбе Баджуя.

Теперь деревня слабо напоминала сумеречную Судную ночь. Повсюду валялись местные, мертвецки пьяные и обожравшиеся. Ливия знала, что внешние границы бомы охраняют трезвые воины. А в самой деревне бодрствовали только копьеносцы, стоявшие вокруг хижины белого человека. Но даже и среди них некоторые начинали клевать носом, прислонившись к копьям.

Сердце у девушки стучало, как молот по наковальне. Она скользнула к задней стене своей хижины-тюрьмы, тихо вышла из двери мимо храпевшей охраны, которую Баджуй приставил к ее хижине. Как тень, прошмыгнула она сквозь

черноту и приблизилась к хижине незнакомца. На четвереньках проползла к задней стене. Там сидел на корточках черный гигант. Его сонная голова, украшенная перьями, склонилась на колени. Ливия проползла мимо. Гостевая хижина была ее первой тюрьмой. Узкое отверстие в стене, теперь прикрытое висящей внутри циновкой,— безмолвное свидетельство ее первой, слабенькой попытки бегства. Ливия отыскала эту лазейку, отодвинула циновку и попыталась протиснуть свое гибкое тело.

Свет костров, все еще горящих на улице, чуть освещал внутреннее помещение. Отодвигая циновку, Ливия вдруг расслышала приглушенное проклятие и теперь почувствовала, как кто-то схватил ее за волосы, втащил в отверстие и грубо поставил на ноги.

Пошатнувшись от неожиданности, Ливия откинула со лба спутанные волосы и посмотрела в лицо белого человека, возвышавшегося над ней. На его загорелом лице в шрамах девушка заметила удивление. В руке у него был обнаженный меч, а глаза горели, как сигнальные огни, то ли от гнева, то ли от удивления — она не могла понять. Он заговорил с нею на непонятном языке. Это было не то гортанное наречие, на котором изъяснялись черные люди, но и не язык цивилизованных людей.

— О, пожалуйста, не так громко,— принялась умолять она.— Они услышат...

— Кто ты? — строго спросил он на офирском, но с ужасным акцентом.— Клянусь Кромом, никогда не думал, что найду белую девушку в этой чертовой стране!

— Меня зовут Ливия, я пленница Баджуя. О, выслушай, пожалуйста, выслушай меня! Я не могу долго здесь оставаться. Я должна вернуться прежде, чем они обнаружат, что меня нет в хижине. Мой брат...— У нее перехватило горло, но она отважно продолжала: — Моего брата звали Фелетес, мы из семьи Хелкус, ученых и знатных людей Офира. По специальному разрешению стигийского царя мой брат поехал в Кешатту, город магов, чтобы изучать их искусство, и я сопровождала его. Он был еще мальчик, младше меня...

Голос ее прервался. Незнакомец молча глядел на Ливию горящими глазами. Лицо его оставалось хмурым, непроницаемым. В нем таилось нечто дикое и неукротимое. Это испугало ее, заставило нервничать, сделало нерешительной.

— Черные кушиты вторглись в Кешатту,— торопливо продолжила она.— Мы подъезжали к городу с караваном верблюдов. Наши охранники убежали, и кушиты забрали нас с собой. Они не сделали нам ничего плохого. Они сказали нам, что переговорят с жителями Стигии и возьмут за нас выкуп. Но один из вождей пожелал весь выкуп забрать себе. Вместе со своими людьми однажды ночью он выкрал нас из лагеря и бежал далеко на юг, к самым границам Куша. А там их всех перебили бакала... Фелетеса и меня пригнали в это звериное логово...— Ливия зарыдала.— Этим утром на моих глазах зарезали моего брата и надругались над ним.— Она задохнулась, вспомнив все, и ярость ослепила ее.— Они скормили его гениталии шакалам. Не знаю, как долго я была без сознания...

Замолчав, она подняла глаза и посмотрела в хмурое лицо незнакомца. Бешеная ярость охватила ее. Она принялась колотить кулаками в его мощную грудь. Но он обращал на эти удары не больше внимания, чем на жужжание мухи.

— Как ты можешь стоять здесь истуканом? — выкрикнула она страшным шепотом.— Ты что, такое же животное, как эти все? Ах, Митра, когда-то я думала, что у мужчин есть честь! А теперь я знаю цену всем вам. Ты... Что ты знаешь о чести? Что ты знаешь о милосердии? О порядочности? Ты — варвар, как и все эти, только кожа у тебя белая. Но душа твоя такая же черная, как и у них. Тебе наплевать, что человек твоего цвета кожи был самым грязным образом умерщвлен этими грязными собаками и что белую женщину сделали рабыней! Превосходно!

Ливия отпрянула от него, задыхаясь, преображенная этой вспышкой гнева.

— Я скажу, сколько ты стоишь,— сказала она словно в бреду, разрывая рубашку у себя на груди.— Разве я некрасива? Разве не более желанна, чем эти черные девки, словно вымазанные сажей? Разве я — не достойная награда за кровь? Разве не стоит убить ради белокожей девственницы? Да, убей эту черную собаку Баджуя! Я хочу увидеть, как его проклятая голова скатится в кровавую пыль! Убей его! Убей его! — Ливия крепко сжала кулаки.— А потом возьми меня и делай со мной, что хочешь! Я буду твоей рабыней!

А он все молчал — гигантское неподвижное воплощение кровопролития и разрушения.

— Ты говоришь так, словно можешь отдаваться по собственной воле,— произнес он наконец.— Словно твое тело

обладает силой ниспровергать царства. Зачем мне убивать Баджуя, чтобы получить тебя? Женщины здесь дешевые, как подорожник, и их согласие или несогласие ничего не значит. Ты слишком высоко себя ценишь. Если я захочу тебя, мне не потребуется убивать Баджуя. Он скорее сам отдаст мне тебя, чем решится воевать со мной.

Ливия ахнула. Вся ее решимость иссякла, пыл пропал; голова Ливии закружилась, хижина поплыла у нее перед глазами. Она зашаталась и, как куль, свалилась на ангареб. Горечь сломила ее душу. Девушка была потрясена, осознав свою полную беспомощность, о которой так грубо сказали ей прямо в лицо. Человек подсознательно цепляется за знакомые ценности и понятия даже там, где эти ценности лишены всякого смысла. Несмотря на все, что пережила Ливия, она до сих пор наивно верила, что согласие женщины имеет решающее значение в той игре, которую она предлагала. А от нее сейчас не зависело вообще ничего. И это потрясло ее. Она больше не могла передвигать мужчин, словно те были пешками на шахматной доске. Она сама теперь стала бессильной пешкой.

— Понимаю. Глупо предполагать, будто любой мужчина в этой части света станет вести себя согласно правилам и обычаям, существующим в другой части планеты,— чуть слышно пробормотала она, едва сознавая, что говорит. Потрясенная новым поворотом судьбы, она неподвижно лежала, пока железные пальцы белого варвара не схватили ее за плечо и не вздернули снова на ноги.

— Ты сказала, что я варвар,— резко начал он,— так вот, это правда, хвала Крому! Если бы твой караван охраняли варвары, а не мягкозадые слабаки, образованные и цивилизованные кретины, то этой ночью ты не была бы рабыней черной свиньи. Я — Конан из Киммерии, и меня кормит мой меч. Но я не такая собака, чтобы оставить белую женщину в когтях чернокожего. И хотя меня называют грабителем, я никогда не беру женщину без ее согласия. В разных странах обычаи разные, но если мужчина достаточно силен, он повсюду может насадить несколько своих обычаев. Еще ни один человек не называл меня тряпкой! Будь ты даже старой и уродливой, как любимый гриф дьявола, я все равно отобрал бы тебя у Баджуя, просто потому, что ты — белая. Но ты молода и красива, а я столько насмотрелся на черных шлюх, что меня уже тошнит от них. Я буду играть по твоим правилам просто потому, что некоторые твои прин-

ципы соответствуют некоторым моим. Возвращайся в свою хижину. Баджуй слишком пьян, чтобы прийти к тебе этой ночью, а я прослежу, чтобы завтра он целый день был занят. А следующей ночью ты согреешь постель Конана!

— Но как ты это сделаешь? — Ливия вся дрожала, ее обуревали смешанные чувства.— У тебя ведь только эти воины!

— Их достаточно,— проворчал Конан.— Они — бамулы, и каждый из них вскормлен пенистым молоком войны. Я явился сюда по просьбе Баджуя. Он хочет, чтобы я присоединился к нему в нападении на йихиджи. Сегодня мы пировали. Завтра у нас будет совет. Когда я покончу с ним, он будет держать совет в аду.

— Ты нарушишь перемирие?

— В этой стране перемирия заключаются, чтобы их нарушать,— решительно промолвил он.— Он нарушит перемирие с йихиджи, а после того как мы разграбим их вместе, постарается убрать и меня, стоит только мне потерять бдительность. То, что в другой стране будет самым жутким предательством, здесь — здравый смысл. Я не добился бы положения военачальника бамулов, если бы не выучил уроков, которые дает черная земля. Теперь возвращайся в хижину и спи. Знай, что свою красоту ты сохраняешь не для жабы Баджуя, а для Конана.

2

Ливия смотрела в щель в бамбуковой стене. Нервы ее были напряжены, она вся дрожала. Весь день, поздно проснувшись, отупевшие от вчерашней пьянки, чернокожие готовились к новому пиру. Весь день Конан из Киммерии сидел в хижине Баджуя, но что там происходило — этого Ливия знать не могла. Она старалась ничем не выдать своего волнения перед единственным человеком, кто входил к ней в хижину,— мстительной черной девкой, которая приносила ей еду и питье. Но эта женщина была слишком пьяна от возлияний прошлой ночи, чтобы заметить изменения в поведении своей пленницы.

Опять спустилась тьма, костры осветили деревню, и снова вожди оставили хижину царя и сели на корточках на открытом пространстве между хижинами, чтобы пировать и держать военный совет. На этот раз хмельных напитков было

куда меньше. Ливия заметила, что бамулы время от времени подходят к кругу, где собрались вожди. Она видела Баджуя и сидящего напротив него, через котлы с едой, Конана — тот смеялся и разговаривал с гигантом Аджей, военачальником Баджуя.

Конан грыз большую говяжью кость. Ливия вдруг заметила, что он посмотрел через плечо. Словно это был сигнал, которого они ждали, все бамулы повернули головы к своему вождю. Конан поднялся, все еще улыбаясь, потянулся к котлу с едой и быстро нанес Адже страшный удар тяжелой костью. Военачальник обмяк с пробитой головой, и мгновенно страшный крик потряс небеса: бамулы ринулись в бой, как кровожадные пантеры.

Котлы опрокинулись, обжигая сидящих женщин; бамбуковые стены хижин ломались под тяжестью падавших на них тел, крики агонизирующих людей вспарывали ночную тишину, и над всем этим поднялось торжествующее «Йии! Йии! Йии!» обезумевших бамулов. В страшном пламени костров окровавленные копья стали малиновыми.

Жители деревни были парализованы внезапностью нападения. Мысль об этом не приходила в их дикие головы. Копья пирующих были сложены в хижинах, многие из воинов уже напились. Падение Аджи стало сигналом, по которому бамулы метнули пики в сотни ничего не подозревающих людей. После этого началась резня.

Ливия, белая, как статуя, застыла возле щели в стене. Крики боли и ярости били по ее измученным нервам, причиняя почти физическое страдание. Корчившиеся фигуры то неясно вырисовывались перед ней, то снова появлялись с ужасающей отчетливостью. Она видела, как дубинки со всего маху опускались на головы в мелких завитушках. Из костров выхватывали головешки, из них во все стороны сыпались искры. Тростниковые крыши тлели и вспыхивали. Вдруг сквозь ужас кровавой бойни прорвались новые крики — крики страшной боли. Это бросали в пламя костров еще живых людей. Запах паленого мяса добавился к зловонию пота и свежей крови. Пламя ревело, как голодное чудовище.

Ливия не выдержала. Она стала кричать, кричать не переставая, стуча себя кулаками в виски. Разум готов был покинуть ее. Упав на пол, она захохотала. Напрасно она старалась убедить себя, что там, на улице, ужасной смертью умирают ее враги; что происходит именно то, на что она

отчаянно надеялась и что замышляла; что эта страшная жертва была справедливым возмездием за зло, причиненное ей и ее близким. Безумный ужас охватил ее.

Ей не было жаль умирающих людей. Единственное, что ею владело,— страх, слепой, абсолютный, неистовый, нерассуждающий. Она видела Конана, его белая фигура резко выделялась среди чернокожих. Она увидела, как блеснул его меч — и люди посыпались на землю вокруг него. У костра закипела схватка — Ливия заметила в середине жирную квадратную образину. Конан кинулся туда и пропал из ее поля зрения. Но вот раздался пронзительный, невыносимый крик... Толпа на мгновение распалась, и Ливия разглядела толстую черную жабу, истекающую кровью. Затем толпа опять сомкнулась, и клинки засверкали, словно молнии в сумерках.

Послышался торжествующий звериный вой. Высокая фигура Конана показалась из толпы. Размашистым шагом он направился к хижине, где скрывалась девушка. В руке он держал страшный трофей: на отрубленной голове Баджуя играл отсвет красного пламени костра. Черные глаза, теперь стеклянные, мертвые, закатились; были видны лишь белки. Челюсть отвисла, словно в усмешке идиота. Следом за Конаном на земле оставалась дорожка стекающей с головы крови.

Вскрикнув, Ливия отшатнулась от стены. Конан заплатил обещанную цену и теперь шел, чтобы предъявить права на нее, неся страшное доказательство уплаты. Сейчас он схватит ее своими кровавыми пальцами, прижмется своим нечистым ртом к ее губам, еще не отдышавшись от резни. При этой мысли Ливия в исступлении бросилась к двери в задней стене хижины. Дверь распахнулась, и она выбежала, как летящий белый призрак в царстве черных теней и багрового пламени.

Непонятный инстинкт привел ее к загону, где держали лошадей. Какой-то воин как раз снимал перегородки. Он вскрикнул от удивления, когда белая девушка пронеслась мимо. Темная рука схватила ее за ворот рубашки. Резким рывком Ливия вырвалась, оставив рубашку в его руке. Лошади, фыркая, пронеслись мимо нее, сбив с ног черного воина. Тощие, выносливые кони кушитской породы тоже обезумели от огня и резкого запаха крови.

Как слепая, Ливия ухватилась за гриву пробегавшего мимо коня, упала, снова вскочила на ноги, высоко под-

прыгнула и вскарабкалась на его спину. Обезумев от страха, табун поскакал сквозь огонь, копытами раскидывая искры, которые посыпались на людей ослепляющим дождем. Мимо испуганных чернокожих пронеслась обнаженная девушка, прильнувшая к гриве коня. Ветер трепал распущенные желтые волосы всадницы. Конь понесся прямо к палисаду, взлетел вверх — и исчез в ночи.

3

Ливия не пыталась управлять конем, не чувствуя необходимости делать это. Вопли и свет костров постепенно стихали. Ветер шевелил ее волосы и ласкал ее нагое тело. Ливия знала только одно: надо крепко держаться за гриву и скакать, скакать, скакать — за край света, прочь от агонии, горя и ужаса.

И много часов выносливый конь мчал ее прочь, пока, взлетев на залитый звездным светом гребень холма, не остановился так резко, что она перелетела через его голову.

Ливия упала на мягкую, как подушка, траву и лежала, наполовину оглушенная, смутно слыша, как конь убегает прочь. Когда она с трудом поднялась, первое, что поразило ее, была тишина. Тишина была почти ощутимой — мягкая, бархатная — после непрерывного рева рогов и грохота барабанов, которые сводили Ливию с ума в течение многих дней. Девушка подняла голову, посмотрела на огромные звезды, усеявшие синее небо. Луны не было, звездный свет заливал землю, создавая странные иллюзии и разбрасывая неожиданные тени. Ливия стояла на покрытом травой возвышении с ровными склонами. При свете звезд они казались гладкими, как атлас. В одном направлении, далеко, она различила темную полоску деревьев — там был лес. А здесь — только ночь и слабый ветер, доносящийся с самых звезд.

Земля выглядела просторной и сонной. Теплая ласка ветерка неожиданно напомнила Ливии о том, что она раздета. Она поежилась, пытаясь прикрыться руками. Ливия почувствовала одиночество ночи и непрерывность этого одиночества. Она была одна. Стояла обнаженная на холме, и никто ее не видел. И все вокруг исчезло, остались только ночь и шепот ветра.

Ливия вдруг обрадовалась ночи и одиночеству. Никто ей не угрожает, никто не схватит ее грубыми лапами. На скло-

не, уходящем в широкую долину, густо рос папоротник, качаясь на ветру. По всей долине были рассеяны какие-то предметы — звездный свет делал их бледными. Ливия подумала, что это, должно быть, большие белые цветы, и новая мысль смутно напомнила ей о чем-то странном. Она вспомнила, как чернокожие со страхом говорили о какой-то долине. О долине, куда убегали девушки другой, золотисто-смуглой расы, которая населяла землю до прихода предков бакала. Там, говорили люди, они превращались в белые цветы. Да, это древние боги превращали их в цветы, чтобы они избежали насилия. Ни один чернокожий мужчина не смел ходить туда.

Но Ливия решилась пойти в эту долину. Она стала спускаться по покрытому травой склону, который бархатно ласкал ее босые ноги. Ливия останется там, среди кивающих белых цветов, и ни один мужчина никогда не придет сюда и не прикоснется к ней своими похотливыми, грубыми руками. Конан говорил, что соглашения заключаются, чтобы их нарушать. Свое соглашение с ним она нарушит. Она уйдет в долину пропавших женщин. Она затеряется в одиночестве и неподвижности... Эти смутные, разрозненные мысли проносились в ее сознании, пока она спускалась вниз, и склоны холмов поднимались вокруг нее все выше и выше.

И когда она стояла уже на самом дне долины, у нее все равно не возникало ощущения, будто она заперта в этих неровных стенах. Вокруг нее шевелилось море теней, и большие белые цветы кивали головами и что-то шептали ей. Ливия стала бродить наугад, раздвигая перед собой папоротник, слушая шепот ветра в листьях и с почти детским удовольствием внимая журчанию невидимого потока. Она двигалась словно во сне, окруженная странной нереальностью. Одна мысль постоянно вертелась у Ливии в голове: она в безопасности, она навсегда избавлена от грубости мужчин. Ливия заплакала, но это были слезы радости. Она легла, вытянувшись во весь рост, ухватилась за траву, словно хотела прижать к груди найденное убежище и остаться так навеки.

Из цветов она сплела себе венок на голову. Их аромат сливался с другими запахами долины, убаюкивающими, нежными, волшебными.

Наконец Ливия добралась до поляны посреди долины и увидела там большой камень, словно обтесанный руками человека. Он был украшен папоротниками и цветами. Ливия стояла, глядя на него с удивлением, и вдруг почувство-

вала вокруг себя какое-то движение. Повернувшись, она увидела фигуры, крадущиеся из теней,— странные смуглые женщины, гибкие, нагие, с цветами в черных как ночь волосах. Словно существа из сновидения, они приблизились к Ливии, не произнося ни слова. Вдруг ей стало очень страшно. Она увидела их глаза — светящиеся, нечеловеческие. Казалось, будто тела девушек сохранили человеческую форму, но души их претерпели странное изменение. И эти искажения человеческой природы отражались в их светящихся глазах. Страх волной накрыл Ливию. Змея поднимала свою страшную голову в только что обретенном раю.

Ливия не могла двинуться с места. Гибкие смуглые женщины окружили ее. Одна, на вид красивее других, подошла к дрожавшей девушке и обняла ее. Дыхание ее издавало тот же запах, что и белые цветы, раскачивающиеся под звездами. Губы девушки коснулись губ Ливии и замерли в долгом, страшном поцелуе. Ливия почувствовала, как стынет ее кровь. Руки и ноги стали хрупкими. Как белая статуя из мрамора, она лежала в объятиях смуглой красавицы, не в состоянии ни говорить, ни двигаться.

Быстрые мягкие руки подняли ее и уложили на камень-алтарь посреди цветов. Смуглые женщины встали в круг, взявшись за руки, и повели вокруг алтаря плавный хоровод. Никогда ни солнце, ни луна не становились свидетелями такого танца, а большие белые звезды сделались еще белее и засияли еще ярче, словно таинственные чары танца заставляли реагировать космос и стихии.

Послышалось низкое пение. Казалось, то поют не человеческие голоса — доносится журчание далекого потока. Шелест голосов напоминал шепот больших белых цветов, колышущихся под звездами. Ливия лежала, сознавая происходящее, но не в силах шевельнуться. Ей и в голову не пришло усомниться в своем рассудке. Она не хотела рассуждать или анализировать. Она — была, и эти странные существа, танцующие вокруг нее,— они тоже были. Ливия признавала реальность своего кошмара, но лежала беспомощно, глядя в звездное небо, откуда — она знала это — что-то должно прийти к ней, как уже приходило давно-давно, чтобы сделать этих обнаженных смуглых женщин бесплотными существами.

Сначала Ливия увидела черную точку среди звезд, которая росла и расширялась. Эта точка приближалась, становясь похожей на летучую мышь, и продолжала расти, не меняя

формы. Она парила над пленницей среди звезд и вдруг ринулась вниз, словно тяжелый груз, оборвавшийся с веревки. Большие крылья распростерлись над Ливией. Она лежала, накрытая мрачной тенью. А пение поднималось все выше, превращаясь в хвалебный гимн нечеловеческой радости, в приветствие богу, который пришел, чтобы потребовать новой жертвы, свежей и розовой, как цветок в предрассветной росе.

Теперь демон завис над Ливией, и ее душа съежилась, застыла и стала маленькой. Крылья демона были похожи на крылья летучей мыши, но его тело и расплывающееся в сумерках лицо, смотрящее прямо на пленницу, не были похожи ни на что. Ни в море, ни на суше, ни в воздухе не существовало ничего подобного. Ливия знала, что смотрит на абсолютный ужас, на черную космическую грязь, рожденную в темных как ночь безднах.

Разрывая невидимые путы, Ливия дико закричала. Ее крик отозвался таинственным грозным возгласом. Она услышала топот бегущих ног. Все вокруг нее вскипело водоворотом, белые цветы разлетелись по сторонам, смуглые женщины разбежались. Но сверху по-прежнему парила большая черная тень. Затем Ливия увидела высокую белую фигуру с плюмажем на голове, стремительно приближавшуюся к ней.

— Конан!

Крик невольно сорвался с ее губ. С резким нечленораздельным воплем варвар прыгнул вверх, взмахнув над головой мечом, блеснувшим в свете звезд.

Большие черные крылья взметнулись вверх и упали. Ливия, онемевшая от ужаса, увидела, что черная тень окутала киммерийца. Белый человек тяжело дышал, топот его ног гулко отдавался в ночи, цветы были втоптаны в грязь. Варвара швыряло из стороны в сторону, как крысу в пасти собаки, кровь стекала с меча, марала белые лепестки, усыпавшие землю, как ковер.

И вдруг девушка, наблюдавшая это дьявольское сражение, словно в кошмарном сне, увидела, как существо с черными крыльями дрогнуло и зашаталось в воздухе. Послышались взмахи покалеченных крыльев, чудовище освободилось, взмыло вверх, слилось со звездами и исчезло. Его победитель качался, словно у него кружилась голова. Он оперся на меч, широко расставив ноги и глядя вверх, словно пораженный своей победой.

Спустя некоторое время Конан приблизился к алтарю. Его массивная грудь, блестящая от пота, высоко вздымалась. Кровь сбегала по рукам с шеи и плеч. Когда он дотронулся до девушки, чары спали с нее. Ливия поднялась и соскользнула с алтаря, отшатнувшись от его руки. Конан прислонился к камню, глядя на нее сверху вниз,— она съежилась у его ног.

— Люди видели, как ты умчалась из деревни,— сказал он.— Я последовал за тобой сразу, как только смог. Я ехал по твоему следу, хотя было трудно его разобрать при свете факелов. Я ехал за тобой до места, где конь сбросил тебя, и, хотя факелы к тому времени догорели и я не мог найти отпечатков твоих босых ног на траве, я был уверен, что ты спустилась в долину. Мои люди побоялись последовать за мной, поэтому я пошел дальше один пешком. Что это за долина дьяволов? Что это было?

— Бог,— прошептала она.— Черные люди говорили об этом. Бог, приходящий издалека и очень древний!

— Демон из потустороннсй темноты,— усмехнулся он.— В демонах нет ничего особенного. Они таятся, как блохи, за поясом света, который окружает этот мир. Я слышал, как мудрые заморанцы говорили о них. Некоторые из этих существ отыскивают дорогу на землю. А когда они достигают земли, им приходится принять какую-нибудь земную форму. Мужчина вроде меня, с мечом, справится с любым количеством клыков и когтей, дьявольских или земных. Пойдем. Мои люди ждут за хребтом долины.

Ливия сжалась, боясь шевельнуться. Она не знала, что сказать, а Конан хмуро смотрел на нее. Затем она заговорила:

— Я убежала от тебя. Я хотела обмануть тебя. Я не собиралась выполнить мое обещание. Мы договорились, что я буду твоей, но я все равно убежала бы от тебя, если бы могла. Накажи меня, как хочешь.

Он стряхнул пот и кровь с волос, вложил меч в ножны.

— Встань,— проворчал он.— Это была грязная сделка. Я не жалею, что убил черную собаку Баджуя, но ты не шлюха, которую покупают и продают. Привычки мужчин разные в разных странах, но мужчине не обязательно быть свиньей, где бы он ни оказался. Поразмыслив, я понял, что требовать от тебя соблюдения нашего договора — это все равно что взять тебя силой. Кроме того, для этой страны ты недостаточно сильная. Ты дитя города, книг, цивилизованного об-

раза жизни. В этом не будет твоей вины, но ты быстро умрешь, если начнешь жить моей жизнью. А мертвая женщина мне не нужна. Я довезу тебя до стигийской границы. Пусть стигийцы отправят тебя домой в Офир.

Подняв голову, Ливия посмотрела на Конана, словно сомневалась, правильно ли она поняла его.

— Домой? — машинально повторила она.— Домой? В Офир? К моим родным? К городам, башням, к покою, к моему дому?

И вдруг она заплакала и упала на колени, обхватив руками его ноги.

— Кром! Девушка,— пробормотал пораженный Конан,— не нужно этого. Ты думаешь, я делаю тебе одолжение, увозя тебя из этой страны? Разве я уже не объяснил тебе, что ты — не та женщина, которая нужна военачальнику бамулов?

Рыло во тьме

1

НОЧНАЯ ТВАРЬ

Кушит Амбула медленно пробуждался, все еще находясь под воздействием выпитого накануне вечером. В первый момент он не мог припомнить, где он находится. Лунный свет, проходя сквозь маленькое зарешеченное окошко, расположенное под самым потолком, освещал незнакомую обстановку. Затем он вспомнил, что лежит в верхней камере темницы, куда его заточили по приказу королевы Тананды.

Должно быть, в его вино подмешали одурманивающего зелья. И пока он валялся беспомощный, едва осознавая происходящее, два чернокожих гиганта из королевской охраны схватили его и брата королевы, господина Аахмеса, и бросили их в темницу. Последнее, что он смог припомнить, было обвинение королевы, прозвучавшее резко, как удар хлыста:

— Негодяи, так вы замышляли свергнуть меня? Теперь вы узнаете, что ожидает изменников!

Чернокожий воин шевельнулся, и звякнул металл, напомнив ему о том, что он закован в кандалы, а цепи, соединяющие их, крепятся к стене массивными железными скоба-

© R. Howard, L. Carter, L. Sprague De Camp.

ми. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь в полумраке. Что ж, подумалось ему, зато он все еще жив. Даже Тананда вряд ли рискнула бы предать смерти начальника Черных копьеносцев, опору кушитской армии и героя, любимого простым народом Куша.

Более всего Амбулу поразило то, что Аахмеса обвинили в соучастии в заговоре. Конечно же, они с князьком были большими друзьями. Частенько вместе пировали и охотились, и Аахмес жаловался Амбуле на королеву, чье жестокое сердце было столь же коварно, сколь прекрасно и желанно было ее смуглое тело. Но ни разу не заходила речь о том, чтобы свергнуть ее. Аахмес просто был не того типа человек. Добродушный и уступчивый юноша, он никогда не интересовался политикой, власть его не прельщала. Должно быть, его оклеветал какой-нибудь доносчик, пытающийся продвинуться по служебной лестнице за чужой счет.

Амбула осмотрел кандалы. При всей его силе нечего было и мечтать о том, что ему удастся сломать их или разорвать цепи. Так же обстояло дело и со скобами. Он был уверен в этом, так как сам лично проследил за их установкой.

И он знал, каким будет следующий шаг королевы. Она подвергнет его и Аахмеса пыткам, чтобы вырвать у них признание в заговоре и имена соучастников. Несмотря на первобытную отвагу, Амбула вздрогнул при одной мысли об этом. Вероятно, его последней надеждой было попытаться обвинить всех высокородных Куша в соучастии. Тананда не сможет наказать их всех. А если попытается, то воображаемый заговор может очень быстро перерасти в настоящий бунт...

Внезапно Амбула вздрогнул. Мурашки пробежали по спине. Что-то — или кто-то — находилось с ним в одном помещении.

Глухо вскрикнув, он вскочил и начал пристально вглядываться в темноту, окружавшую его, подобно черным крыльям смерти. В призрачном свете, струившемся сквозь зарешеченное окошко, начало вырисовываться нечто ужасное и бесформенное. Словно ледяная рука ужаса сжала сердце офицера, никогда прежде не ведавшее страха.

Бесформенный серый туман клубился в темнице. Призрачное существо становилось все более реальным. Амбула онемел от испуга при виде кошмарной твари, медленно возникающей перед ним из воздуха.

Вначале он разглядел свиноподобное рыло, покрытое жесткой щетиной. Затем смутные тени начали складываться в нечто невообразимо кошмарное, немыслимое, но тем не менее действительно встающее перед ним. К свиноподобной голове теперь добавились толстые волосатые лапы, напоминающие лапы обезьяны.

Амбула отпрыгнул с пронзительным воплем, и неподвижная фигура вдруг зашевелилась с невероятной скоростью чудовища из ночного кошмара. Черный воин успел лишь заметить чавкающие, истекающие пеной челюсти с острыми как бритва клыками, сверкающие багровой яростью свинячьи глазки. Затем звериные лапы вцепились в его плоть мертвой хваткой, клыки рвали и кромсали...

Лунный свет по-прежнему струился сквозь маленькое окошко, освещая нечто бывшее совсем недавно человеческим телом, лежащее на полу темницы в луже крови. Ужасная тварь, секунду назад убившая черного воина, ушла, растворилась во мраке без следа.

2

НЕЗРИМЫЙ УЖАС

— Тутмес! — настойчиво взывал голос, и столь же настойчиво барабанил кулак в тиковую дверь дома, принадлежащего одному из самых честолюбивых вельмож Куша.— Господин Тутмес! Впустите меня! Демон снова вырвался на свободу!

Дверь отворилась, и на пороге ее возник Тутмес — высокий худощавый мужчина с тонкими чертами смуглого лица, выдающего его принадлежность к правящей касте. Судя по белым шелковым одеждам, он уже готовился ко сну, в руке его был небольшой бронзовый светильник.

— Что там, Афари? — спросил он.

Посетитель, сверкая глазами, ворвался в комнату. Он запыхался от долгого бега. Был он тощим, жилистым и темнокожим, в белой джуббе, ростом пониже Тутмеса и с более негроидными чертами лица. Несмотря на спешку, он все же тщательно притворил за собой дверь, прежде чем ответить на вопрос.

— Амбула! Он мертв! В Красной башне!

— Что? — воскликнул Тутмес.— Тананда осмелилась предать смерти начальника Черных копьеносцев?

— Нет, нет, нет! Конечно же, она не столь глупа. Его не казнили, а зверски убили. Кто-то, Сет знает как, проник в его камеру и перерезал ему глотку, переломал ребра и размозжил череп. Клянусь Деркето, много я перевидал на своем веку покойников, но не припомню никого менее привлекательного в мертвом состоянии, нежели Амбула. Тутмес, это работа демона, о котором рассказывают черные! Незримый Ужас снова вырвался на свободу в Мероэ!

Афари сжал в руке маленькую статуэтку своего бога-хранителя, висевшую у него на шее на кожаном шнуре.

— Горло Амбулы было перекушено, но следы зубов не похожи ни на львиные, ни на обезьяньи. Это были клыки, острые как бритва!

— Когда это произошло?

— Чуть позже полуночи. Стража, охранявшая лестницу наверх, услышала его крики. Они вбежали наверх и увидели все так, как я описал тебе. Я спал в нижней части башни, как ты мне велел; увидев, что случилось, я прямиком побежал к тебе, запретив стражникам кому-либо рассказывать об этом.

Тутмес улыбнулся холодной, неприятной улыбкой. Он пробормотал:

— Ты же знаешь, какова Тананда в гневе. Заточив Амбулу и Аахмеса в темницу, она могла приказать прирезать Амбулу, а затем изуродовать его труп, представив это делом рук демона, который некогда обитал в этой стране. Разве такое невозможно?

Понимание засветилось в глазах министра. Тутмес, взяв Афари под руку, продолжал:

— Итак, ступай и опереди королеву. Сперва смени стражу в Красной башне и тех стражников казни за то, что спали на посту. Убедись, все ли поняли, что ты действуешь по моему приказу. Это покажет черным, что я отомстил за смерть их начальника, и обезоружит Тананду. Убей их прежде, чем она до них доберется. Затем поговори с остальными высокородными. Намекни, что если таков способ Тананды вести дела, то все мы в опасности. Затем ступай во Внешний город и найди там старого Агиру, охотника за ведьмами. Не говори ему прямо, что Тананда является причиной случившегося, но намекни на это.

Афари вздрогнул:

— Как может обычный человек солгать, глядя в глаза этому дьяволу? Его взгляд так и прожигает тебя насквозь, я видел, как он оживлял мертвецов и заставлял их ходить, черепа ухмылялись и скалили зубы...

— Ты не лги,— ответил Тутмес.— Просто поделись с ним своими подозрениями. В конце концов, если даже это и демон прикончил Амбулу, должен же быть кто-то, кто выпустил его на свободу. И Тананда вполне может стоять за этим. Итак, поспеши!

Когда Афари отбыл, усиленно размышляя над указаниями своего господина, Тутмес на мгновение задержался посреди своих покоев, украшенных гобеленами, выполненными в красочной варварской манере. Голубой дымок струился из бронзовой жаровни, находящейся в углу комнаты. Тутмес позвал:

— Муру!

Послышались шаги босых ног. Отодвинув занавес из малинового шелка, скрывающий потайной ход, и низко пригнув голову, в комнату вошел на удивление высокий и худой мужчина.

— Я здесь, господин,— произнес он.

Ростом даже выше Тутмеса, он был одет в алую накидку, переброшенную через одно плечо. Хотя кожа его была очень темной, черты лица своей правильной формой напоминали скорее представителей правящей касты Мероэ. Волосы, похожие на овечью шерсть, были уложены в замысловатую прическу.

— Оно вернулось обратно? — осведомился Тутмес.

— Да.

— Оно надежно заперто?

— Да, господин.

Тутмес нахмурился:

— Как ты можешь быть уверен, что оно всегда будет оставаться послушным твоим приказам и всегда возвращаться к тебе? А вдруг однажды, когда ты освободишь его, оно убьет тебя и ускользнет обратно в свой дьявольский мир, который оно считает своим домом?

Муру развел руками:

— Этим чарам меня научил мой наставник, изгнанный стигийский маг, и они всегда действуют безупречно.

Тутмес впился глазами в мага:

— Сдается мне, что все вы, колдуны, большую часть жизни проводите в изгнании. Откуда мне знать, что кто-

нибудь из моих врагов не подкупил тебя, чтобы ты натравил на меня своего демона?

— О хозяин, оставь такие мысли! Куда я денусь без твоей протекции? Кушиты презирают меня за то, что я не их расы, а вернуться в Кордафу я не могу по причинам, хорошо тебе известным.

— Ну что ж, тогда стереги своего демона, он нам может еще пригодиться. Этот болтун Афари очень любит казаться мудрым в глазах окружающих. Он передаст историю убийства Амбулы с моими комментариями о роли королевы многим желающим услышать нечто подобное. Это пробьет брешь в отношениях Тананды с остальными высокородными, а я пожну плоды своего труда.

Добродушно посмеиваясь, что происходило с ним весьма редко, Тутмес плеснул вина в две серебряные чаши и одну из них протянул магу, который принял вино с глубоким поклоном. Тутмес продолжал:

— Конечно же, он не станет упоминать о том, что все началось с его навета на Амбулу и Аахмеса. Он и не подозревает, что я знаю обо всем благодаря твоему искусству мага, друг Муру. Он притворяется, что предан мне и моему делу, но готов предать меня в любой момент за хорошую плату. Его основная мечта, его тайное стремление — жениться на Тананде и править страной на правах консорта. Когда я стану королем, мне понадобятся более надежные помощники, чем Афари.

Потягивая вино, Тутмес размышлял:

— С тех пор как брат Тананды, покойный король Куша, погиб в битве со Стигией, она захватила власть, натравливая высокородных друг на друга. Но ей не хватит характера удержать власть в стране, чьи традиции не признают за женщиной права на трон. Она действует необдуманно, повинуясь своим прихотям, ее единственный метод удержать власть — это убивать любого, кто кажется ей опасным в данный момент, а это настраивает против нее остальных. Приглядывай за Афари, о Муру. И держи своего демона на коротком поводке. Скоро эта тварь снова нам понадобится.

Когда кордофанец ушел, Тутмес поднялся по деревянной лестнице наверх и вышел на залитую лунным светом крышу своего дворца.

Под ним простирались тихие улицы спящего Внутреннего города Мероэ. Он смотрел на дворцы, сады и огромную площадь, способную вместить тысячу черных всадников.

Переведя взгляд дальше, он увидел бронзовые ворота Внутреннего города, а за ними лежал Внешний город. Мероэ располагался посреди величественной равнины, зеленые луга с одинокими холмами тянулись до самого горизонта. Узкая речушка, пересекая равнину, огибала границы Внешнего города.

Массивная стена, скрывая дворцы правящей касты, отделяла Внутренний город от Внешнего. Предки правящей касты столетия назад явились сюда из Стигии, чтобы основать империю и смешать свою благородную кровь с местным чернокожим населением. Внутренний город имел отличную планировку, улицы и площади были правильной формы, сады украшали каменные здания.

Внешний город, напротив, поражал нищетой глиняных домишек. Кривые улочки вели на площади. Чернокожие люди Куша, являясь исконными жителями, занимали Внешний город. Никто, кроме правящей касты, не имел права жить во Внешнем городе, исключение составляли лишь слуги и конная стража.

Тутмес смотрел на множество глиняных хижин. На грязных площадях горели костры, извилистые улицы изредка освещались факелами. Время от времени до его слуха доносился монотонный дикарский напев, в котором звучали нотки гнева и дикарской кровожадности. Тутмес вздрогнул и поплотнее закутался в свою накидку.

Пройдя вперед по крыше, он наткнулся на человека, спящего под пальмой висячего сада. Разбуженный прикосновением Тутмеса, человек проснулся и вскочил.

— Ничего не говори,— предупредил Тутмес.— Дело сделано. Амбула мертв, и, прежде чем взойдет солнце, весь народ Мероэ узнает, что его убила Тананда.

— А демон? — прошептал человек, поеживаясь.

— Надежно заперт в своей клетке. Поторопись, Шубба, тебе пора отправляться. Найди среди шемитов подходящую женщину, обязательно белую, и скорее доставь ее сюда. Если вернешься до конца месяца, я заплачу тебе серебром столько, сколько она весит. А если нет, то висеть твоей голове на пальмовом дереве.

Шубба распростерся в пыли, коснувшись лбом земли. Затем поднялся и поспешно покинул крышу дворца. Тутмес снова окинул взглядом Внешний город. Казалось, пламя костров разгорелось, и барабан начал выбивать угрожающий

ритм. Внезапно раздался яростный вопль, дружно вырвавшийся из множества глоток.

— Они узнали, что Амбула мертв,— пробормотал Тутмес, и его снова охватила сильная дрожь.

3

ВЫЕЗД ТАНАНДЫ

Алое пламя рассвета озарило небо над Мероэ. Лучи яркого света пробивались сквозь утреннюю дымку, отражаясь от покрытых медью крыш и шпилей каменного Внутреннего города. Народ Мероэ просыпался. Во Внешнем городе статные чернокожие женщины отправлялись на рынок, неся на голове корзины и сосуды, а юные девушки щебетали по дороге к колодцам. Голые ребятишки возились в пыли или гонялись друг за другом по узким улицам. Высокие черные мужчины выходили на порог своих хижин, чтобы заняться ремеслом, или отдыхали в тени на земле.

На рыночной площади торговцы под полосатыми навесами расставляли свой товар. Нескончаемая болтовня сопровождала заключение сделок, чернокожий народ бродил между сосудами с банановым пивом. Кузнецы трудились над подковами, ножами и наконечниками для копий. Жаркое солнце озаряло труд, гнев, силу жителей Куша.

Внезапно к привычной картине добавилось нечто новое. Под цокот копыт группа всадников проехала по направлению к бронзовым воротам Внутреннего города. Всадников было шестеро, а возглавляла их женщина.

Кожа ее была смугла, копна густых черных волос была перехвачена золоченым ремешком. Кроме сандалий и украшенных драгоценными камнями золотых чашечек, частично прикрывавших ее полную грудь, ее единственное одеяние составляла короткая шелковая юбка, туго стянутая на талии. Черты лица ее отличались правильностью, а глаза смотрели уверенно и смело. Она умело управляла изящной кушитской лошадкой с помощью вожжей из алой кожи и украшенной драгоценностями уздечки. Ноги ее были продеты в серебряные стремена, через луку седла была переброшена газель. Следом за ее лошадью бежала пара поджарых гончих.

Люди, мимо которых проезжала эта женщина, переставали болтать, прекращали работу. Черные лица становились угрюмыми, в глазах начинал загораться гнев. Люди шепотом что-то передавали друг другу, и шепот постепенно перерастал в громкое выражение возмущения и ярости.

Юноша, ехавший рядом с королевой, начал нервничать. Он оглядел лежащую перед ними кривую улочку. Прикинув расстояние до бронзовых ворот, пока еще скрытых за хижинами, он прошептал:

— Высочайшая, люди настроены агрессивно. Было безумием ехать через Внешний город именно сегодня.

— Да все черномазые Куша не смогут испортить мне мою охоту! — отвечала женщина.— При малейшей угрозе сбивай их на землю.

— Проще сказать, чем сделать,— пробормотал юноша, пытаясь оценить, насколько серьезна угроза.— Они выходят на улицы и перекрывают дорогу. Взгляни сюда!

Они выехали на большую площадь, полную чернокожих людей. По одну сторону этой площади возвышалось довольно высокое для Внешнего города здание, построенное из глины и пальмовых стволов, над входной дверью виссли черепа. Это был храм Джуллаха, который правящая каста презрительно называла дьявольским домом. Черное население поклонялось Джуллаху, игнорируя Сэта, змеебога нынешних правителей и их стигийских предков.

Чернокожие горожане столпились на площади, угрюмо разглядывая всадников. В их поведении чувствовалась угроза. Тананда, все же начиная нервничать, упустила из виду еще одного всадника, приближающегося к площади по другой улице. Обычно этот всадник привлекал всеобщее внимание, ибо кожа его не была ни смуглой, ни черной. Это был белый мужчина, его сильное тело защищала кольчуга, на голове был шлем.

— Эти собаки что-то замышляют,— бормотал юноша, ехавший сбоку от Тананды, наполовину обнажив свой изогнутый меч. Остальная охрана, состоящая из чернокожих кушитов, кольцом окружила Тананду, но ни один из них не стал доставать оружие. Ропот становился все громче, хотя никто пока не шевельнулся.

— Растолкайте их,— приказала Тананда, пришпоривая лошадь. Чернокожие с мрачным видом подавались назад при ее приближении.

Внезапно из дьявольского дома вышел высокий, тощий чернокожий человек. Это был старый Агира, охотник за ведьмами, одетый в одну лишь набедренную повязку. Указывая на Тананду, он возопил:

— Вот едет та, чьи руки обагрены кровью Амбулы!

Его вопль оказался искрой, от которой произошел взрыв. Толпа яростно взревела; люди начали окружать королеву, крича:

— Смерть Тананде!

В тот же миг сотни черных рук уцепились за ноги всадников. Юноша из свиты Тананды пытался закрыть ее от толпы, но брошенный камень размозжил ему голову. Охрану стащили с их лошадей и затоптали насмерть. Вопль перепуганной Тананды слился с ржанием ее лошади. Чернокожие мужчины и женщины в озверении набросились на нее.

Чернокожий великан схватил ее за ногу и стащил с лошади, швырнув прямо в ожидавшие ее с нетерпением и яростью руки толпы. Под издевательский хохот кто-то сорвал с ее тела юбку и размахивал ею над головой Тананды. Какая-то женщина плюнула ей в лицо и вцепилась в золотые нагрудники, царапая грудь королевы грязными ногтями. С силой пущенный камень угодил ей в голову.

Тананда видела, как кто-то добирался до нее, зажав в руке булыжник, с явным намерением размозжить ей череп. Сверкнули кинжалы. Если бы не множество народу на площади, ее бы прикончили тут же. Раздался вопль:

— В храм Джуллаха!

Тананда почувствовала, как ее полунесут-полуволокут, чьи-то руки хватали ее за волосы. Удары, направленные в нее, не достигали цели только благодаря тому, что все толкались, мешая друг другу.

И вдруг прямо в середину толпы ворвался всадник на могучем жеребце. Мужчины с криками разбегались от ударов копыт. Тананда увидела, как мелькнуло темное, покрытое шрамами лицо всадника, его голову защищал стальной шлем, грозный меч сверкал в его руках. Но тут из толпы кто-то метнул копье, жеребец пронзительно заржал, зашатался и пал на землю.

Всадник ухитрился приземлиться на ноги, продолжая наносить удары направо и налево. Копья отскакивали от стали его шлема и от щита в его левой руке, а меч рассекал плоть, крушил кости и сносил головы.

Пробившись к Тананде, незнакомец поднял ее на руки. Прикрывая щитом перепуганную девушку, он отступал, расчищая перед собой путь безжалостными ударами меча, пока не добрался до стены. Здесь он остановился, заслонив собой Тананду, и отбивался от обезумевшей и жаждущей крови толпы.

Раздался стук копыт. На площадь ворвались стражники, гоня перед собой бунтовщиков. Кушиты в панике бросились врассыпную, оставив площадь усеянной мертвыми телами. Капитан охраны, огромный негр в облачении из алого шелка, приблизился к королеве.

— Ты долго добирался сюда,— проговорила Тананда, которая успела подняться и прийти в себя.

Капитан сделался пепельного цвета. Тананда подала знак стоящим позади него воинам, и не успел он пошевелиться, как один из них вонзил ему в спину копье обеими руками с такой силой, что наконечник копья вышел наружу. Офицер упал на колени, и тут же с полдюжины копий довершили начатое.

Тананда тряхнула копной длинных черных волос и повернулась лицом к своему спасителю. Она была вся покрыта кровью от царапин и ссадин и полностью обнажена, но смотрела прямо в глаза мужчине без всякого смущения. Он ответил ей взглядом, полным откровенного восхищения как ее самообладанием, так и безупречной формой ее смуглого тела.

— Кто ты? — требовательно спросила она.

— Я Конан из Киммерии,— проворчал он.

— Киммерия? — Она явно впервые слышала название этой далекой страны, лежащей далеко на севере. Она нахмурилась.— Ты носишь стигийские доспехи. Ты что же, стигиец?

Он покачал головой, обнажив в ухмылке белые зубы:

— Да, я получил эти доспехи от стигийца, но перед этим убил их хозяина.

— Что же тебе надо в Мероэ?

— Я путешественник.— ответил он просто.— Мой меч меня кормит. Сюда я пришел в поисках удачи.

Конан счел за благо умолчать о своей предыдущей карьере морского разбойника на Черном побережье и о том, что он был одним из военачальников племени на юге джунглей.

Королева окинула взглядом Конана. Оценив ширину его плеч, она наконец произнесла:

— Я хочу нанять твой меч. Назови свою цену.

— Сколько ты предложишь? — спросил он, с сожалением глядя на останки своего коня.— У меня нет ни денег, ни дома, а теперь я лишился и жеребца.

Она покачала головой:

— Нет, клянусь Сетом! Теперь ты начальник королевской стражи. Смогу ли я купить твою преданность за сто золотых слитков?

Конан окинул долгим взглядом распростертое тело покойного капитана стражи, лежащего в шелках, стали и крови. Но это печальное зрелище не омрачило настроения киммерийца.

— Я думаю, да,— ухмыльнулся Конан.

4

ЗОЛОТАЯ РАБЫНЯ

Прошел месяц. Конан железной рукой усмирил стихийное восстание низшей касты. Шубба, слуга Тутмеса, возвратился в Мероэ. Войдя в покои Тутмеса, где львиные шкуры украшали мраморный пол, Шубба произнес:

— Я нашел такую женщину, как ты хотел, господин. Это немедийская девушка, похищенная с торгового судна Аргоса. Я заплатил за нее шемитскому торговцу много слитков золота.

— Покажи ее,— велел Тутмес.

Шубба покинул комнату и тут же вернулся, ведя за собой девушку. Ее гибкое белое тело составляло разительный контраст с чернокожими и смуглыми телами, привычными глазу Тутмеса. Густые вьющиеся волосы золотым потоком струились по белоснежным плечам. Единственной ее одеждой была изорванная туника. Шубба сорвал и ее, оставив дрожащую девушку в сияющей наготе.

Тутмес бесстрастно кивнул:

— Прекрасное приобретение. Не будь она частью платы за трон, я бы подумал, не оставить ли ее для себя. Ты научил ее кушитскому, как я велел?

— Да, в городе стигийцев и позже днем, пока шел караван, я учил ее, внушая стремление к учению при помощи шлепанца, по шемитскому методу. Ее зовут Диана.

Тутмес присел и жестом велел девушке сесть скрестив ноги на полу возле него. Она подчинилась.

— Я собираюсь подарить тебя королеве Куша. Ты будешь считаться ее рабыней, но на самом деле станешь служить мне. Ты будешь регулярно получать указания, и не вздумай ослушаться. Королева жестока и раздражительна, бойся прогневать ее. Не говори ничего о своей связи со мной, даже если тебя станут пытать. Тебе не спрятаться от меня и в королевском дворце, а чтобы у тебя не было искушения выйти из повиновения мне, я покажу тебе свою силу.

Взяв ее за руку, Тутмес прошел по коридору и спустился по каменной лестнице в длинную полутемную комнату. Она была разделена на две равные части прозрачной, как вода, стеной, достаточно прочной, чтобы выдержать натиск гигантского слона. Тутмес подвел Диану к этой стене и поставил ее лицом к ней, а сам отошел назад. Свет погас.

Девушка стояла в полнейшей темноте, тело ее вздрагивало от нарастающего чувства страха. Постепенно из тьмы начал появляться свет, появилась чудовищная огромная голова. Девушка разглядела рыло как у свиньи, острые клыки и щетину на морде, В ужасе она вскрикнула и отвернулась, забыв, что прозрачная стена защищает ее от чудовища. Пробежав через комнату в полной темноте, она наткнулась на Тутмеса, который зашептал ей в ухо:

— Ты станешь служить мне. Не вздумай предать меня, ибо тот, кого ты сейчас видела, сможет найти тебя, куда бы ты ни спряталась.

Он продолжал шептать, но она уже не слышала, потеряв сознание от переполнившего ее ужаса.

Тутмес поднял ее и вернулся наверх, велев чернокожей служанке привести ее в чувство, накормить и дать вина, после чего искупать, причесать, умастить благовониями и подготовить для встречи с королевой. Завтра в полдень Тутмес намеревался принести ее в дар Тананде.

5

ПЛЕТЬ ТАНАНДЫ

На следующий день Шубба отвел Диану к колеснице Тутмеса, усадил ее, а сам занял место возничего. Сегодняшняя Диана совсем не походила на вчерашнюю. Благо-

вония и умело использованная косметика подчеркнули ее красоту и придали ей новый оттенок. Одежды были из тончайшего шелка, позволявшего видеть каждую черточку ее прекрасного тела. Драгоценная диадема сверкала на ее золотистых волосах.

Она все еще была напугана. С тех пор как ее похитили, жизнь казалась сплошным кошмаром. Она не раз пыталась утешить себя размышлениями о том, что ничто не бывает вечно и все станет лучше, ведь хуже уже быть не может.

Теперь ее собирались подарить жестокой и вспыльчивой королеве. Если она выживет, то окажется между двух огней: с одной стороны — подозрительность королевы, с другой — чудовище Тутмеса. Если она ослушается Тутмеса, чудовище убьет ее, а если начнет выполнять указания Тутмеса, то королева может поймать ее и замучить до смерти, и неизвестно еще, что хуже.

Небо над ее головой приобрело стальной оттенок. На западе сгущались тучи, сухой сезон в стране Куш подходил к концу.

Колесница направлялась через главную площадь к королевскому дворцу. Под колесами поскрипывал песок. Изредка навстречу попадались представители высшей касты Мероэ, но их было мало, так как полуденная жара находилась в разгаре. Большинство высокорожденных отдыхали в своих домах. Их черные слуги поворачивали головы вслед колеснице, и их лица блестели от пота.

Возле самого дворца Шубба помог Диане сойти и проводил ее через бронзовые ворота. Привратник указал им дорогу через коридор, ведущий в большую залу, обставленную с роскошью, приличествующей стигийской принцессе,— а так оно и было. На кресле из слоновой кости и черного дерева, богато инкрустированном золотом и жемчугом, возлежала Тананда, одетая лишь в короткую юбочку алого шелка.

Королева пристально разглядывала дрожащую светловолосую рабыню, застывшую перед ней. Безусловно, это был роскошный подарок. Но Тананда, скорая на предательство сама, всегда подозревала в этом и других. Внезапно она заговорила, и ее голос был полон нескрываемой злобы:

— Говори, девка! Зачем Тутмес подослал тебя в мой дворец?

— Я... я не знаю... Где я? Кто ты? — Голос Дианы был по-детски высоким и нежным.

— Я королева Тананда, дурочка! Отвечай мне.

— Но я не знаю ответа, моя госпожа. Я знаю только, что господин Тутмес послал меня как подарок...

— Ты лжешь! Тутмес честолюбив, как никто. Раз уж делает мне подарок, несмотря на свою ненависть ко мне, значит, у него на то есть веские причины. Он что-то замышляет против меня. Говори, а то хуже будет!

— Я... я не знаю! Я ничего не знаю! — и Диана разрыдалась. Будучи напуганной до смерти демоном Муру, она при всем желании не смогла бы сейчас говорить. Язык отказывался повиноваться ей.

— Раздеть ее! — приказала Тананда.

Тонкие одежды были сорваны с тела девушки.

— Связать ее! — сказала Тананда.

Запястья Дианы связали веревкой и веревку перекинули через балку так, что руки девушки оказались поднятыми вверх.

Тананда поднялась, сжимая в руке плеть. Жестокая улыбка играла на ее губах;

— Сейчас мы проверим, много ли ты знаешь о планах Тутмеса. Еще раз спрашиваю, ты будешь говорить?

Рыдания перехватили горло Дианы, она лишь молча покачала головой. Плеть со свистом опустилась на спину немедийки, оставив багровый след. Диана пронзительно вскрикнула.

— Что все это значит? — произнес низкий голос.

В дверях стоял Конан, одетый в кольчугу поверх джуббы и с мечом в ножнах на поясе. Близко сойдясь с Танандой, он пользовался правом свободного доступа в ее покои. У Тананды было много любовников, убитый Амбула был из их числа, но никогда прежде она не встречала мужчину, чьи объятия дарили ей такое наслаждение. Ее страсть росла с каждой встречей.

Тем не менее сейчас она была недовольна.

— Всего-навсего девка с севера, которую Тутмес прислал мне в подарок, несомненно с целью убить меня, отравив вино или что-нибудь в этом роде. Но я выбью из нее правду. Если ты пришел за любовью, возвращайся позже.

— Это не единственное, за чем я пришел,— усмехнулся Конан, обнажив зубы в волчьей ухмылке.— Надо решить еще один маленький государственный вопрос. Что это за безумная идея запустить черных во Внутренний город на время сожжения Аахмеса?

— Почему безумная, Конан? Я покажу этим черным собакам, что меня не запугаешь. Я подвергну этого негодяя таким мучениям, что они навеки запомнят, как идти против меня! Мои божественные предки всегда так поступали. Прошу тебя, объясни, что ты имеешь против?

— Только одно: ты собираешься запустить во Внутренний город несколько тысяч кушитов, а потом подогреть их ярость и жажду крови зрелищем пыток. Это может спровоцировать восстание, ибо твои божественные предки никогда не пользовались большой любовью в народе Куша.

— Я не боюсь этих черномазых!

— Может, и так. Но мне уже дважды приходилось спасать от них твою хорошенькую шейку, а в третий раз моя удача может изменить мне. Я только что пытался поговорить об этом с твоим министром Афари, но он объявил, что это твой приказ и он ничего не может поделать. Может, тебе все же стоит прислушаться к моему совету, раз уж твои приближенные так боятся тебя, что не рискуют говорить тебе неприятную правду?

— Ничего подобного! А теперь уходи и не мешай мне заниматься делом. Или, может, хочешь поучаствовать сам?

Конан подошел к Диане.

— У Тутмеса хороший вкус,— произнес он.— Но девочка напугана до полусмерти. Так ты не вытянешь из нее ничего стоящего. Отдай ее мне, и сама увидишь, чего можно достигнуть мягким обращением.

— Мягким обращением, это ты-то? Ха! Займись своими делами, Конан, и не лезь в мои. Лучше иди и подготовь стражу на сегодняшний вечер.

Тананда повернулась к Диане и резко произнесла:

— Говори, тварь, будь ты проклята! — И снова плеть со свистом рассекла воздух.

Двигаясь подобно дикому зверю, быстро, но без видимого усилия, Конан поймал Тананду за руку и вырвал у нее плеть.

— Пусти меня! — завопила она.— Ты осмелился применить ко мне силу? Я тебя... я...

— Ты — что? — спокойно сказал Конан.

Он швырнул плеть в угол, достал кинжал и перерезал веревку, связывавшую запястья Дианы. Слуги Тананды многозначительно переглядывались.

— Вспомни о своем королевском достоинстве, о высочайшая! — ухмыльнулся Конан, поднимая на руки Диану.—

И не забудь, что со мной ты еще имеешь возможность удержаться на троне. А если меня не будет — ты знаешь сама. Увидимся на казни!

Он шагнул за порог, неся на руках немедийскую девушку. Вопя от ярости, Тананда схватила с пола свою плеть и швырнула ее вслед Конану. Рукоять ударила его по широкой спине и упала на пол.

— Только потому, что ее кожа белая, как рыбье брюхо, такая же, как у тебя, ты предпочел ее мне! — визжала Тананда.— Ты еще горько пожалеешь об этом!

Расхохотавшись, Конан вышел прочь. Тананда бросилась на мраморный пол, в бешенстве колотя его кулачками.

Чуть позже Шубба на колеснице Тутмеса проезжал мимо жилища Конана.

В изумлении он увидел Конана, несущего на руках обнаженную девушку. Шубба тряхнул поводьями и поспешил к своему господину.

6

НОЧНОЙ СОВЕТ

Зажглись первые светильники, и в покоях Тутмеса собрались Шубба, Муру и сам хозяин дома. Шубба завершил свой рассказ, с тревогой поглядывая на господина.

— Вижу, я недооценил подозрительность Тананды,— проговорил Тутмес.— Жаль, конечно, терять такое удобное орудие, как эта немедийка, ну да не всякий удар попадет в цель. Нам предстоит решить, что делать дальше. Кто-нибудь видел Агару?

— Нет, господин,— отвечал Шубба.— Он исчез сразу после неудачного нападения на Тананду, что было весьма благоразумно с его стороны. Некоторые говорят, что он покинул Мероэ, по словам других, он прячется в храме Джуллаха, советуясь со своими духами сутки напролет.

— Если бы у нашей божественной королевы были хотя бы какие-нибудь мозги в ее божественной головке, она натравила бы дюжину здоровенных стражников на этот Дом Дьявола, а жрецов велела бы вздернуть на ближайшем дереве.

Его собеседники вздрогнули и отвели глаза.

— Знаю, знаю, все вы боитесь их духов и чар. Итак, решено: девчонка нам больше не нужна. Если у Тананды

не вышло выбить из нее нашу тайну, то Конан может преуспеть в этом при помощи более мягкого обращения, а поскольку она теперь находится у него дома, то нам она больше неинтересна. Следовательно, она должна умереть. Муру, сможешь послать к ней своего демона в дом Конана, пока тот будет командовать стражей сегодня вечером?

— Да, господин,— отвечал кордафанец.— Надо ли мне велеть демону дождаться Конана, чтобы покончить с ним тоже? Ибо мне кажется, не быть тебе королем при жизни Конана. Пока он занимает пост начальника королевской стражи, он будет защищать ее, не жалея собственной жизни, несмотря на все их ссоры, потому что он обещал ее защищать.

Шубба кивнул:

— Даже если мы избавимся от Тананды, Конан по-прежнему будет стоять нам поперек дороги. Он вполне может сам усесться на трон. На самом деле он уже является некоронованным королем Куша, будучи доверенным лицом королевы и ее любовником. Все его воины любят его и клянутся, что, несмотря на его белую кожу, он такой же черный, как они.

— Хорошо,— сказал Тутмес,— избавимся сразу от обоих. Я буду присутствовать на казни Аахмеса, и никто не сможет обвинить меня в убийстве девушки и Конана.

— Почему бы сразу не наслать демона и на Тананду? — вопросил Шубба.

— Еще не время. Сперва я должен добиться того, чтобы остальные высокорожденные поддерживали меня, а это будет нелегко сделать — многие из них сами мечтают о том, чтобы занять трон. Я хочу дождаться такого момента, когда мое право стать королем будет неоспоримо, и ради этого я готов потерпеть, а Тананда пусть работает против себя своими злобными выходками.

7

СУДЬБА КОРОЛЕВСТВА

Посреди главной площади Внутреннего города был привязан к столбу князь Аахмес. Аахмес был полным, смуглокожим молодым человеком, чье полнейшее невежество в

вопросах политики позволило Афари ложно обвинить его в заговоре.

Площадь освещалась кострами и факелами. Между королевским дворцом и столбом, к которому был привязан несчастный юноша, установили помост, на котором восседала Тананда. Вокруг нее в три ряда стояла стража. Огни отсвечивали красным на длинных наконечниках их копий и огромных щитах, ветер развевал перья их головных уборов.

Сбоку, во главе конных стражников, расположился Конан. Где-то вдалеке сверкнула молния.

Вокруг привязанного господина Аахмеса значительное количество стражников образовало пустое пространство, внутри которого королевский палач приводил в готовность орудия своего труда. Остальная часть площади была наводнена чернокожим народом Мероэ. На их темных лицах в свете костров угрожающе сверкали зубы и белки глаз. В первом ряду занял место Тутмес в окружении своих слуг.

Конан огляделся, его мучило недоброе предчувствие. Кто мог предугадать, что произойдет, когда в людях затронут первобытные инстинкты? Где-то в глубине его подсознания росло странное беспокойство. Время шло, но тревога не проходила, причем касалась она не королевы, а немедийской девушки, которую он оставил у себя дома. С ней сейчас была лишь чернокожая служанка, потому что для мероприятия на площади ему понадобились все его люди.

За те несколько часов, что он узнал Диану, Конан привязался к ней, насколько это было возможно. Милая, нежная, возможно, все еще девственница, она во всем была полной противоположностью страстной, жестокой и рассудочной Тананде. Конечно, Тананда была очень хороша как любовница, но в последнее время Конан подумывал, что предпочел бы кого-нибудь поспокойней, для разнообразия. Зная Тананду, он опасался, что она воспользуется его отсутствием дома и подошлет кого-нибудь убить немедийскую девушку.

Посреди площади палач раздувал небольшой костер. Он вынул из огня нечто светящееся багрово-красным светом в темноте. Он приблизился к осужденному. Конан не слышал происходящего из-за ропота толпы, но он знал, что сейчас палач задает Аахмесу вопросы о заговоре. Пленник покачал головой.

В этот момент словно какой-то голос заговорил внутри Конана, понуждая его вернуться домой. Прежде, в одной

из стран, Конан слышал рассуждения магов и философов о существовании духов-хранителей и о возможности передачи мыслей на расстояние. Тогда Конан не обращал особого внимания на подобные разговоры, так как считал их безумными. Теперь же он начинал понимать, что они имели в виду. Он попытался отмести это чувство как обычную галлюцинацию, но ощущение вернулось сильнее, чем прежде.

В конце концов Конан обратился к своему помощнику:

— Монго, прими командование вместо меня, мне нужно уйти.

— Куда ты, господин Конан? — спросил черный воин.

— Хочу объехать улицы, проверить, все ли спокойно и не прячется ли какая-нибудь шайка заговорщиков в темноте. Следи за происходящим, а я скоро вернусь.

Конан развернулся и пустил коня рысью, пересекая площадь. Люди расступались, пропуская его. Мучающее его ощущение продолжало усиливаться. Когда он подъехал к своему жилищу, прозвучал раскат грома.

В доме было темно, не считая слабого света в глубине комнат. Конан спешился, привязал коня и вошел, положив руку на рукоять меча. В ту же секунду он услышал испуганный крик, в котором узнал голос Дианы.

Изрыгая проклятья, Конан ринулся вперед, выхватывая меч. Крик доносился из жилой комнаты, освещаемой лишь единственной горящей в кухне свечой.

Добежав до двери в комнату, Конан застыл, ошеломленный представшим перед ним зрелищем. В углу покрытого леопардовыми шкурами ложа дрожала Диана. Ее голубые глаза были полны ужаса.

В центре комнаты клубился серый туман, постепенно приобретая форму. Уже можно было различить звериные лапы и покрытые шерстью плечи. Конан с отвращением увидел огромное, похожее на свиное, щетинистое рыло с острыми как бритва резцами.

Чудовище возникало прямо из воздуха под влиянием неведомой магической силы. В памяти Конана всплыли древние легенды, передаваемые испуганным шепотом, о кошмарных тварях, населяющих тьму и убивающих с нечеловеческой жестокостью. На долю секунды примитивный страх шевельнулся в сердце Конана, заставив его смутиться. Затем в приступе ярости он прыгнул вперед, чтобы принять бой, и наткнулся на тело черной служанки, потерявшей от страха сознание и лежащей у самого порога. Конан споткнулся, меч вылетел из его руки.

В тот же миг чудовище со сверхъестественной скоростью развернулось и напало на Конана. Поскольку Конан упал и растянулся на полу комнаты, чудовище пролетело мимо и ударилось о противоположную стену в коридоре.

В мгновение ока оба были на ногах. Чудовище вновь прыгнуло на Конана, и сверкнувшая за окном молния осветила его огромные клыки. Киммериец нанес левым локтем удар в челюсть, правой нашаривая кинжал.

Волосатые лапы демона сжали Конана смертельной хваткой, и, будь он послабее, спина его была бы сломана. Конан услышал треск одежды, разрываемой когтями демона, несколько звеньев его кольчуги отлетели с металлическим звоном. По весу Конан не уступал чудовищу, но сила демона была невероятной. Напрягая каждый мускул, Конан чувствовал, как его левую руку заламывают все дальше и дальше, таким образом, что чудовищное рыло приблизилось вплотную к его лицу.

В полутьме они топтались словно в каком-то нелепом танце. Конан нашаривал кинжал, а чудовищные клыки приближались. Киммериец осознал, что, поскольку его пояс сдвинулся, ему будет не достать кинжал. Силы начали покидать его, как вдруг он ощутил, как нечто холодное коснулось его правой руки. Это был меч, который Диана подобрала с пола и теперь сунула ему в руку.

Отведя назад правую руку, Конан нацелился и ударил со всей силы по телу своего противника. Шкура демона была удивительно прочной, но все же лезвие меча сделало свое дело. Лязгнув челюстями, чудовище издало звериный рык.

Конан рубил снова и снова, но казалось, что демон даже не чувствует стальных ударов. Лапы его подтягивали к себе Конана ближе и ближе в объятии, способном сокрушить кости самого крепкого человека. Острейшие клыки вплотную приблизились к лицу Конана. Кольчуга с треском и звоном рвалась под ударами когтей. Вот уже когтистые лапы добрались до его одежды, вонзились в его тело, оставляя глубокие кровавые полосы на взмокшей от пота спине. Из ран чудовища сочилась странная жидкость, непохожая на кровь живых существ.

Напрягаясь из последних сил, Конан ударил обеими ногами в брюхо зверя и вырвался из смертоносных объятий. Кровь ручьем стекала с него на мраморный пол. И когда демон, раскинув обезьяноподобные лапы, приготовился вновь схватить киммерийца, Конан отчаянным усилием

поднял меч над головой обеими руками и обрушил его на шею чудовища. Лезвие вошло почти до половины. Подобного удара могло бы хватить на двух или трех врагов, принадлежавших к человеческому роду. Но здесь Конан имел дело с нечеловеческим существом, мощь которого намного превосходила мощь любого смертного существа.

Демон зашатался и рухнул на пол. Конан с трудом перевел дух, кровь капала с лезвия меча, и тут Диана обвила его шею руками:

— О, я так рада... Я молилась Иштар, и она спасла тебя...

— Ну, ну,— с грубой нежностью проворчал Конан, успокаивая девушку.— Может, я выгляжу не лучшим образом, но стоять еще могу.

Тут он внезапно вырвался из объятий девушки, глаза его широко открылись в изумлении. Мертвая тварь поднималась, голова болталась из стороны в сторону на полуотрубленной шее. Неуверенно, шаг за шагом, демон пересек комнату, перевалил через все еще лежащую в обмороке черную служанку и исчез в ночной тьме.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан. Оттолкнув в сторону девушку, он прорычал: — Потом, после! Ты милая девушка, но я должен догнать эту тварь. Это тот самый пресловутый ночной демон, и я выясню, откуда он появляется!

Он выскочил на улицу и обнаружил, что конь исчез. По обрывкам веревки, которая привязывала его, Конан понял, что животное насмерть перепугалось при виде ночного демона и, в панике оборвав поводья, унеслось прочь.

Через какое-то время Конан вновь появился на главной площади. Он пробивался сквозь возбужденно ревущую толпу, и тут он увидел ночного демона, который с трудом добрался до места, где находились приближенные Тутмеса, и рухнул к ногам кордафанца. Тело его содрогнулось в последний раз, и, умирая, он положил свою уродливую голову на ноги своего хозяина.

Толпа разразилась воплями ярости, осознав, кто насылал на Мероэ страшного ночного убийцу. Не обращая внимания на стражу, охранявшую место казни, со всех сторон потянулись к Муру руки разгневанных людей. Среди сплошного рева толпы Конан различил призыв:

— Убить его! Он хозяин демона! Убейте его!

Наступила внезапная тишина. Откуда-то появился Агира, его бритая голова была раскрашена так, что напоминала череп. Он, казалось, возвышался над остальной толпой.

— Какой смысл уничтожать орудие и оставлять в живых его хозяина? — резким голосом выкрикнул он и указал на Тутмеса.— Вот тот, кому служит кордафанец! Это по его приказу демон убил Амбулу! Мои духи в тишине священного храма Джуллаха все рассказали мне! Убейте его тоже!

Когда множество рук потянулось к закричавшему Тутмесу, Агира протянул руку в сторону помоста, на котором восседала королева:

— Убивайте их всех! Освободитесь от них! Убейте господ! И вы будете не рабами, но свободными людьми! Смерть им, смерть, смерть, смерть!

Конан с трудом устоял на ногах, когда озверевшая толпа заметалась в разные стороны, и то тут, то там раздавался крик высокородного, которого толпа убивала с жестокостью, присущей диким зверям.

Конан пытался пробить себе дорогу к конным стражникам, с помощью которых он все еще надеялся восстановить порядок. Но тут он увидел картину, которая заставила его пересмотреть свое решение. Один из королевских стражников обернулся и со всей силы метнул копье в королеву, которую ему полагалось защищать. Копье прошло насквозь как сквозь масло. Секундой позже еще дюжина копий полетела в ее прекрасное тело. При виде гибели своей правительницы остальные конные стражи тут же присоединились к черному населению Куша. Началось массовое истребление правящей касты. Завладев чьим-то конем, Конан поспешно вернулся в свой дом. Он привязал животное, ворвался в комнату и достал из тайника мешок с монетами.

— Уходим! — рявкнул он, обернувшись к Диане.— И где, во имя Крома, мой шит? А, вот он!

— Но разве ты не возьмешь с собой все эти драгоценные вещи?

— Нет времени, черные восстали. Захвати буханку хлеба. Поедешь сзади меня, будешь держаться за мой пояс. Вперед!

Неся на своей спине двойную ношу, конь тяжелым галопом пересек Внутренний город, оставляя позади себя преследующих и преследуемых, грабителей и повстанцев. Какой-то человек попытался схватиться за луку седла, сорвался и с диким воплем исчез под копытами коня, остальные разбегались в разные стороны, освобождая проезд. Вот уже остались позади бронзовые ворота, за которыми пылали дома знати, напоминая ярко-желтые пирамиды из огня. Гремел гром, сверкали молнии, и дождь лил как из ведра.

Часом позже дождь поутих. Моросило, конь замедлил шаг.

— Мы все еще едем по стигийской дороге,— заметил Конан, вглядываясь в окружавшую их тьму.— Когда дождь пройдет, мы сделаем остановку, надо просушить одежду и поспать немного.

— Куда мы едем? — произнес по-детски нежный, высокий голосок Дианы.

— Не знаю, но я устал от черных стран. Эти черные так же неисправимы, как варвары моей родной страны. Я подумываю попытать счастья среди более цивилизованных народов.

— А что будет со мной?

— А что бы ты хотела? Я могу доставить тебя домой, но можешь остаться со мной, если хочешь. Выбирай.

— Я думаю,— тихо произнесла она,— что, несмотря на дождь и все такое, мне хорошо с тобой.

Конан молча усмехнулся и пустил коня рысью сквозь ночной мрак.

К востоку от Куша располагалось королевство варваров Кешан. Конан пришел в это королевство с тайной надеждой найти легендарное сокровище — драгоценные камни, называемые «Зубы Гвалура». Когда удача отвернулась от него, Конан и не думал отчаиваться. Не сумев раздобыть сокровища Гвалура, он примкнул к отряду наемников на службе у принцессы Ясмелы, правившей небольшим королевством Хорайя.

Однако сколь ни сладка была любовь принцессы Ясмелы, судьба распорядилась так, что Конану пришлось покинуть Хорайю. И он, сколотив из наемников Вольницу, начал тревожить набегами границы королевств Коф, Замора и Туран. Тураном в то время правил уже новый король — Ездигерд, унаследовавший от старика Илдиза ненависть к Конану.

Едва избежав смерти от рук воинов Ездигерда, варвар бежал в Хауран, где возглавил дворцовую гвардию королевы Тарамис. Предотвратив попытку дворцового переворота, Конан во главе отрядов зуагиров и мунган отправился завоевывать Туран. Но честолюбивые планы киммерийца потерпели крах...

Огненный кинжал

1

КЛИНКИ ВО ТЬМЕ

Гигант киммериец насторожился: из затененного дверного проема послышались быстрые осторожные шаги. Конан повернулся и в темноте арки увидел неясную высокую фигуру. Человек рванулся вперед. В неверном свете киммериец успел разглядеть бородатое, искаженное яростью лицо. В занесенной руке блеснула сталь. Конан увернулся, и нож, распоров плащ, скользнул по легкой кольчуге. Прежде чем убийца вновь обрел равновесие, Конан перехватил его за руку, вывернул ее за спину и железным кулаком нанес сокрушительный удар по шее врага. Без единого звука человек рухнул на землю.

Какое-то время Конан стоял над распростертым телом, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. За углом впереди он уловил легкий стук сандалий, едва различимое позвякивание стали. Эти звуки ясно дали понять, что ночные улицы Аншана — прямая дорога к смерти. В нерешительности он до половины вытащил меч из ножен, но, пожав плечами, заспешил обратно, держась подальше от черных арочных провалов, глядящих на него пустыми глазницами по обеим сторонам улицы.

© L. Sprague De Camp.

Он свернул на улицу пошире и несколько мгновений спустя уже стучался в дверь, над которой горел розовый фонарь. Дверь тут же отворилась. Конан шагнул внутрь, отрывисто бросив:

— Закрой, быстро!

Огромный шемит, встретивший киммерийца, навесил тяжелый засов и, не переставая накручивать на пальцы колечки иссиня-черной бороды, пристально посмотрел на своего начальника.

— У тебя рубашка в крови! — пробурчал он.

— Меня чуть не зарезали,— ответил Конан.— С убийцей я разделался, но в засаде поджидали его дружки.

Глаза шемита сверкнули, мускулистая волосатая рука легла на рукоятку трехфутового ильбарского кинжала.

— Может быть, сделаем вылазку и перережем этих собак? — дрожащим от ярости голосом предложил шемит.

Конан покачал головой. Это был огромного роста воин, настоящий гигант, но, несмотря на мощь, движения его были легки, как у кошки. Широкая грудь, бычья шея и квадратные плечи говорили о силе и выносливости варвара-дикаря.

— Есть дела поважнее,— сказал он.— Это враги Балаша. Они уже знают, что этим вечером я поцапался с царем.

— Да ну! — воскликнул шемит.— Вот уж действительно черная весть. И что же сказал тебе царь?

Конан взял флягу с вином и в несколько глотков осушил ее чуть ли не наполовину.

— А, Кобад-шах помешался на подозрительности,— презрительно бросил он.— Так вот, сейчас очередь нашего друга Балаша. Недруги вождя настроили против него царя, да только Балаш заупрямился. Он не спешит с повинной, потому что, говорит, Кобад замыслил насадить его голову на пику. Так что Кобад приказал мне с козаками отправиться в Ильбарские горы и доставить ему Балаша, по возможности целиком и в любом случае — голову.

— Ну?

— Я отказался.

— Отказался?! — У шемита перехватило дух.

— Конечно! За кого ты меня принимаешь? Я рассказал Кобад-шаху, как Балаш со своим племенем уберег нас от верной гибели, когда мы плутали в разгар зимы в Ильбарских горах. Мы тогда шли к югу от моря Вилайет, помнишь? И если бы не Балаш, нас наверняка перебили бы племена горцев. Но этот кретин Кобад даже не дослушал. Он принял-

ся орать о своем божественном праве, об оскорблении его царского величия презренным варваром и много там еще чего. Клянусь, еще минута — и я запихнул бы его императорский тюрбан ему в глотку!

— Надеюсь, у тебя хватило ума не трогать царя?

— Хватило, не трясись ты. Хотя я и сгорал от желания проучить его. Великий Кром! Убей не пойму, как это вы, цивилизованные люди, можете ползать на брюхе перед меднолобым ослом, который волею слепого случая нацепил на голову золотую побрякушку и, взгромоздившись на стул с бриллиантами, мнит из себя невесть что!

— Да потому, что этот осел, как ты изволил выразиться, одним движением пальца может содрать с нас кожу или посадить на кол. И сейчас, чтобы избежать царского гнева, нам придется бежать из Иранистана.

Конан допил из фляги вино и облизнул губы:

— Я думаю, это лишнее. Кобад-шах перебесится и угомонится. Должен ведь он понимать, что сейчас его армия уже не та, что была во времена расцвета империи. Сейчас его ударная сила — легкая кавалерия, то есть мы. Но все равно опала с Балаша не снята. Меня так и подмывает бросить все и умчаться на север — предупредить его об опасности.

— Неужто поедешь один?

— Почему бы и нет? Ты пустишь слух, будто я отсыпаюсь после очередного запоя. На все хватит нескольких дней, а потом...

Легкий стук в дверь оборвал Конана на полуслове. Киммериец бросил быстрый взгляд на шемита и, шагнув к двери, прорычал:

— Кто там еще?

— Это я, Нанайя,— ответил женский голос.

Конан посмотрел на своего товарища:

— Что за Нанайя? Ты не знаешь, Тубал?

— Нет. А вдруг это их уловка?

— Впустите меня! — вновь послышался жалобный голос.

— Сейчас увидим,— тихо, но решительно сказал Конан, и глаза его блеснули. Он вытащил из ножен меч и положил руку на засов. Тубал, вооружившись кинжалом, встал по другую сторону двери.

Резким движением Конан выдернул засов и распахнул дверь. Через порог шагнула женщина в наброшенной вуали, но тут же, слабо вскрикнув при виде сверкающих в мускулистых руках клинков, подалась назад.

В быстром как молния выпаде Конан повернул оружие — и острие меча коснулось спины неожиданной гостьи.

— Входите, госпожа,— пробурчал Конан на гирканском с ужасным варварским акцентом.

Женщина шагнула вперед. Конан захлопнул дверь и наложил засов.

— Ты одна?

— Д-да. Совсем одна...

Конан стремительно выбросил вперед руку и сорвал с лица вошедшей вуаль. Перед ним стояла девушка — высокая, гибкая, смуглая. Черные волосы и изящные, точеные черты завораживали глаз.

— Итак, Нанайя, что все это значит?

— Я наложница из царского сераля...— начала она.

Тубал присвистнул:

— Только этого нам не хватало!

— Дальше,— приказал Конан.

Девушка вновь заговорила:

— Я часто наблюдала за тобой сквозь узорную решетку, что за царским троном, когда вы с Кобад-шахом совещались наедине. Царю доставляет удовольствие, когда его женщины видят своего повелителя, занятого государственными делами. Обычно при решении важных вопросов нас в галерею не пускают, но этим вечером евнух Хатрита напился пьян и забыл запереть дверь, ведущую из женской половины на галерею. Я прокралась туда и подслушала ваш разговор с шахом. Ты говорил очень резко. Когда ты ушел, Кобад прямо кипел от ярости. Он вызвал Хакамани, начальника тайной службы, и приказал тому, не поднимая шума, тебя прикончить. Хакамани должен был проследить, чтобы все выглядело как обыкновенный несчастный случай.

— Вот я доберусь до Хакамани, тоже устрою ему какой-нибудь несчастный случай.— Конан скрипнул зубами.— Но к чему все эти церемонии? Кобад проявляет не больше щепетильности, чем прочие монархи, когда тем приходит охота укоротить на голову неугодного подданного.

— Да потому, что он хочет оставить у себя твоих козаков, а если те прознают об убийстве, то непременно взбунтуются и уйдут.

— Ну допустим. А почему ты решила меня предупредить?

Большие темные глаза окинули его томным взглядом.

— В гареме я погибаю от скуки. Там сотни женщин, и у царя до сих пор не нашлось для меня времени. С самого

первого дня, едва увидев тебя сквозь решетку, я восхищаюсь тобой. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой,— нет ничего хуже бесконечной, однообразной жизни сераля с его вечными интригами и сплетнями. Я дочь Куджала, правителя Гвадира. Мужчины нашего племени — рыбаки и мореходы. Наш народ живет далеко к югу отсюда, на Жемчужных островах. На родине у меня был свой корабль. Я водила его сквозь ураганы и ликовала, победив стихию, а здешняя праздная жизнь в золотой клетке сводит меня с ума.

— Как ты очутилась на свободе?

— Обычное дело: веревка и неохраняемое окно с выставленной решеткой. Но это неважно. Ты... ты возьмешь меня с собой?

— Скажи ей, пусть возвращается в сераль,— тихо посоветовал Тубал на смеси запорожского и гирканского с примесью еще полудюжины языков.— А еще лучше — полоснуть ей по горлу и закопать в саду. Так царь нас, может, и не станет преследовать, но ни за что не отступится, если прихватим трофей из его гарема. Как только до него дойдет, что ты удрал с наложницей, он перевернет в Иранистане каждый камень и не успокоится, пока тебя не отыщет.

Как видно, девушка не знала этого наречия, но зловещий, угрожающий тон не оставлял сомнений. Она задрожала.

Конан оскалил зубы в волчьей усмешке.

— Как раз наоборот,— сказал он.— У меня аж кишки разболелись от мысли, что придется удирать из страны, поджав хвост. Но с таким заманчивым трофеем — это же меняет дело! И раз уж бегства не избежать...— Он повернулся к Нанайе: — Надеюсь, ты понимаешь, что ехать придется быстро, не по мощеной улице и не в том благопристойном обществе, которое тебя окружало.

— Понимаю.

— А кроме того...— он сузил глаза,— я буду требовать беспрекословного повиновения.

— Конечно.

— Хорошо. Тубал, поднимай наших псов. Выступаем сразу, как соберем вещи и оседлаем лошадей.

Неясно бормоча что-то насчет недоброго предчувствия, шемит направился во внутреннюю комнату. Там он потряс за плечо человека, спавшего на груде ковров.

— Просыпайся, воровское семя! — ворчал он.— Мы едем на север.

Гаттус, гибкий темнокожий заморанец, с трудом разлепил веки и, широко зевая, сел:

— Куда опять?

— В Кушаф, что в Ильбарских горах, где мы провели зиму и где волки Балаша наверняка перережут нам глотки!

Гаттус, ухмыляясь, поднялся:

— Ты не питаешь нежных чувств к кушафи, зато Конан с ними прекрасно ладит.

Тубал сдвинул брови и, ничего не ответив, с гордо поднятой головой вышел через дверь, ведущую в пристройку. Скоро оттуда послышались проклятия и пофыркивание разбуженных людей.

Минуло два часа. Внезапно неясные фигуры, наблюдавшие за постоялым двором снаружи, подались глубже в тень, ворота распахнулись, и три сотни Вольных братьев верхами, по двое в ряд, выехали на улицу — каждый вел в поводу вьючного мула и запасную лошадь. Люди всевозможных племен, они были остатками той разгульной вольницы, что промышляла разбоем среди степей у моря Вилайет. После того как царь Турана Ездигерд, собрав мощный кулак, в тяжелой битве, длившейся от восхода до заката, одолел сообщество изгоев, они во главе с Конаном ушли на юг. В лохмотьях, умирающие с голоду, воины сумели добраться до Аншана. Но сейчас, облаченные в шелковые, ярких красок шаровары, в заостренных шлемах искуснейших мастеров Иранистана, увешанные с головы до пят оружием, люди Конана являли собой весьма пеструю картину, говорившую скорее об отсутствии чувства меры, чем о богатстве.

А тем временем во дворце царь Иранистана, сидя на троне, размышлял о серьезных вещах. Подозрительность до того источила его душу, что ему повсюду мерещился заговор. До вчерашнего дня он возлагал надежды на поддержку Конана с его отрядом безжалостных наемников. Дикарю с севера заметно не хватало придворной учтивости и манер, но он, несомненно, оставался верен своему варварскому кодексу чести. И вот этот варвар открыто отказывается выполнить приказ Кобад-шаха — схватить изменника Балаша и...

Царь бросил случайный взгляд на гобелен, скрывающий альков, и рассеянно подумал, что вот, должно быть, опять поднимается сквозняк, потому что занавес слегка колыхнулся. Затем посмотрел на забранное позолоченной решеткой окно — и весь похолодел! Легкие шторы на нем висели неподвижно. Но он же ясно видел, как шевельнулся занавес!

Несмотря на невысокий рост и склонность к полноте, Кобад-шаху нельзя было отказать в мужестве. Не медля ни секунды, он подскочил к алькову и, вцепившись в гобелен обеими руками, откинул в стороны занавес. В черной руке блеснуло лезвие, и убийца ударил кинжалом в грудь царя. Дикий вопль прокатился по покоям дворца. Царь повалился на пол, увлекая за собой убийцу. Человек закричал, подобно дикому зверю, в его расширенных зрачках сверкнул огонь: лезвие только скользнуло по груди, открыв спрятанную под одеждой кольчугу.

Громкий крик ответил на призывы повелителя о помощи. В коридоре послышались быстро приближающиеся шаги. Одной рукой царь схватил убийцу за руку, другой — за горло. Но напрягшиеся мускулы нападавшего были тверже узлов стального троса. Пока убийца и его жертва, крепко сцепившись, катались по полу, кинжал, вторично отскочив от кольчуги, поразил правителя в ладонь, в бедро и в руку. Под столь свирепым натиском отпор Кобад-шаха начал ослабевать. Тогда убийца, схватив царя за горло, занес кинжал для последнего удара, но в этот миг что-то блеснуло в свете ламп, подобно разряду молнии, железные пальцы на горле разжались, и огромный чернокожий, с раскроенным до зубов черепом, рухнул на мозаичный пол.

— Ваше величество! — Над Кобад-шахом высилась массивная фигура Готарзы, капитана королевской гвардии, его лицо под длинной черной бородой было смертельно бледным. Пока повелитель располагался на диване, Готарза рвал на полосы занавески, чтобы перевязать раны Кобад-шаха.

— Смотри! — вдруг еле слышно произнес царь, вытянув вперед дрожащую руку.— Кинжал! Великий Асура! Что это?!

Кинжал лежал возле руки мертвеца, клинок блестел, точно в лучах солнца,— необычное оружие, с волнистым лезвием, по форме напоминавшим огненный язык. Готарза всмотрелся — и выругался, пораженный.

— Огненный кинжал! — выдохнул Кобад-шах.— Такими же убили владык Турана и Вендии!

— Знак невидимых! — прошептал Готарза, с тревогой вглядываясь в зловещий символ древнего культа.

Дворец быстро наполнялся шумом. По коридору бежали рабы и слуги, громко спрашивая друг у друга, что случилось.

— Закрой дверь! — приказал царь.— Пошли за дворцовым управляющим, больше никого не впускай!

— Но, ваше величество, вам нужен лекарь,— попробовал возразить капитан.— Раны неопасны, но, возможно, кинжал отравлен.

— Не сейчас — после. Интересно... Кем бы он ни был, ясно одно: его подослали мои враги. Великий Асура! Значит, джезмиты приговорили меня к смерти! — Ужасное открытие поколебало мужество властителя.— Кто охранит меня от змеи в постели, ножа предателя или яда в кубке вина? Правда, есть еще этот варвар Конан, но даже ему, после того как он посмел перечить, даже ему я не могу доверить свою жизнь... Готарза, пришел управляющий? Пусть войдет.— Показался тучный человечек.— Ну, Бардийя,— обратился к нему царь.— Какие новости?

— О, ваше величество, что здесь случилось? Смею надеяться...

— Сейчас не важно, что случилось со мной, Бардийя. По глазам вижу — ты что-то знаешь. Итак?

— Козаки во главе с Конаном покинули город. Страже Северных ворот Конан сказал, что отряд выступает по вашему приказу, чтобы схватить изменника Балаша.

— Хорошо. Как видно, варвар раскаялся в своей наглости и хочет загладить вину. Дальше.

— Хакамани хотел схватить Конана на улице, по пути к дому, но тот, убив его человека, бежал.

— Тоже неплохо. Отзови Хакамани до тех пор, пока все окончательно не прояснится. Еще что-нибудь?

— Одна из женщин сераля — Нанайя, дочь Куджала, сегодня ночью бежала из дворца. Найдена веревка, по которой она спустилась из окна.

Кобад-шах исторг из груди дикое рычание:

— Наверняка она сбежала с этим подонком Конаном! Слишком много совпадений! И должно быть, он как-то связан с невидимыми. Иначе почему мне подослали джезмита сразу после ссоры с киммерийцем? Скорее всего, он же и подослал. Готарза, подними королевскую гвардию и скачи за козаками. Принеси мне голову Конана, иначе поплатишься своей! Возьми по меньшей мере пятьсот воинов. С наскока варваров не одолеть: в бою они свирепы и отлично владеют любым оружием.

Готарза поспешил исполнить приказание, а царь, повернувшись к управляющему, сказал:

— А сейчас, Бардийя, принеси пиявок. Готарза прав: похоже, клинок был отравлен.

После бегства из Аншана прошло три дня. Скрестив ноги, Конан сидел на земле в том месте, где тропа, замысловатой петлей перевалив через горный кряж, выходила к склону, у подножия которого раскинулось селение Кушаф.

— Я встану между тобой и смертью,— говорил варвар человеку, сидящему напротив,— так же, как это сделал ты, когда твои горные волки едва нас не перерезали.

Его собеседник в раздумье подергал бороду в бурых пятнах. В его могучих плечах и мощной груди угадывалась исполинская сила, волосы, местами тронутые сединой, говорили о жизненном опыте. Общую картину дополнял широкий пояс, ощетинившийся рукоятками кинжалов и коротких мечей. Это был сам Балаш, вождь местного племени и правитель Кушафа, а также прилегающих к нему деревень. Несмотря на столь высокое положение, его речь звучала просто и сдержанно:

— Боги покровительствуют тебе! И все же никто не избегнет поворота, за которым ему уготована смерть.

— За свою жизнь надо или драться, или спасаться бегством. Человек не яблоко, чтобы спокойно ждать, пока кто-то не сорвет его и не съест. Если думаешь, что еще можно поладить с царем, отправляйся в Аншан.

— У меня слишком много врагов при дворе. Они вылили в уши повелителя бочки лжи, и тот не станет меня слушать. Меня просто повесят в железной клетке на съедение коршунам. Нет, я не пойду в Аншан.

— Тогда иши для племени другие земли. В здешних горах хватает закоулков, куда не добраться даже царю.

Балаш бросил взгляд вниз, на селение, окруженное стеной из камня и глины, с башнями через равные промежутки. Его тонкие ноздри расширились, глаза зажглись темным пламенем, как у орла над гнездом с орленком.

— Клянусь Асурой, нет! Мой народ живет здесь со времен Барама. Пусть царь правит у себя в Аншане, здесь повелитель — я!

— Кобад-шах с таким же успехом может править и Кушафом,— проворчал сидящий на корточках за спиной Конана Тубал. Гаттус сидел слева.

Балаш перевел взгляд на восток, где уходящая тропа терялась между скал. На их вершинах ветер рвал куски белой ткани — одежду лучников, день и ночь стерегущих проход в горах.

— Пусть приходит,— сказал Балаш.— Мы перекроем горные тропы.

— Он приведет с собой десять тысяч тяжеловооруженных воинов с катапультами и осадными машинами,— возразил Конан.— Он дотла сожжет Кушаф и увезет в Аншан твою голову.

— Пусть будет что будет,— ответил Балаш.

Конан с трудом подавил волну гнева, вызванную тупым фатализмом этого человека. Все инстинкты деятельной натуры киммерийца восставали против философии пассивного ожидания. Но поскольку он с отрядом оказался в западне, пришлось смолчать. Он лишь не мигая смотрел на запад, где над пиками висело солнце — огненный шар на ярко-синем небе.

Указав на селение, Балаш перевел разговор на другую тему:

— Конан, я хочу тебе кое-что показать. В той полуразвалившейся хижине у стены лежит мертвец. Таких людей в Кушафе никогда прежде не видели. Даже после смерти в этом теле есть что-то таинственное, злое. Мне даже кажется, что это не человек вовсе, а демон. Идем.

Он зашагал вниз по тропе, рассказывая на ходу:

— Мои воины наткнулись на него, лежащего у подножия скалы. Было похоже, что он или упал с вершины, или его оттуда сбросили. Я приказал перенести его в селение, но по пути он умер. В забытьи все пытался что-то сказать, но его наречие нам незнакомо. Воины решили, что это демон, и, полагаю, тому есть причины. На расстоянии дневного перехода к югу в горах, таких бесплодных и неприступных, что в них не прижился и горный козел, лежит страна, которую мы зовем Друджистан.

— Друджистан! — эхом отозвался Конан.— Страна демонов!

— Да. Там, среди скал и ущелий, таится Зло. Осторожный обходит эти горы стороной. Местность кажется безжизненной, но кто-то там все-таки обитает — люди или духи, не знаю. Иногда на тропах находят тела убитых путников, случается, во время переходов пропадают женщины и дети — это все работа демонов. Не однажды, заметив неясную тень, мы бросались в погоню, но каждый раз путь преграждали отвесные гладкие скалы, сквозь которые под силу пройти только порожденьям ада. Иногда эхо доносит до нас бой барабанов или громоподобное рычание. От этих звуков сердца храбрейших из мужчин обращаются в лед. В моем народе живет старая легенда, которая гласит, что тысячи лет назад

повелитель упырей Урра построил в тех горах волшебный город под названием Джанайдар и что призраки Урры и его подданных до сих пор обитают среди городских развалин. По другой же легенде, тысячу лет назад вождь ильбарских горцев повелел отстроить город заново, чтобы превратить его в свою крепость. Работы шли уже полным ходом, но в одну ночь и вождь, и его подданные исчезли, и с тех пор никто их больше не видел...

Тем временем они подошли к хижине. Балаш распахнул покосившуюся дверь, и через минуту все четверо, наклонившись, разглядывали распростертое на грязном полу тело.

Внешность покойного и впрямь была необычной, а потому настораживающей,— внешность чужака. Коренастая фигура с широким плоским лицом и узкими раскосыми глазами, кожа цвета темной меди — все указывало на выходца из Кхитая.

Жесткие, в запекшейся крови черные волосы на затылке и неестественно вывернутые конечности указывали на множество переломов.

— Ну, разве он не похож на порождение Зла? — спросил Балаш.

— Это не демон,— ответил Конан,— хотя при жизни в нем, может быть, и было что-нибудь такое. Он кхитаец — выходец из страны, расположенной далеко на востоке от Гиркании, за горами, пустынями и джунглями, такими обширными, что в них затеряется и дюжина Иранистанов. Я проезжал по тем землям, когда служил у короля Турана. Но каким ветром этого парня занесло к нам? Трудно сказать...

Внезапно его глаза сверкнули, и он сорвал с мертвеца запачканную кровью накидку. Их глазам открылась шерстяная рубашка, и Тубал, заглядывающий Конану через плечо, не смог сдержать возгласа удивления: на рубашке, вышитый пурпурными нитками, виднелся необычный знак — человеческая рука, сжимавшая рукоять кинжала с волнистым лезвием. Рисунок был такого насыщенного цвета, что на первый взгляд казался кровавым пятном.

— Кинжал Джезма! — прошептал Балаш, отпрянув от этого символа смерти и разрушения.

Все посмотрели на Конана, который пристально разглядывал зловещую эмблему. Необычное зрелище пробудило в нем смутные воспоминания, и сейчас, напрягая память, он пытался по отдельным штрихам восстановить целостную

картину древнего культа поклонения Злу. Наконец, повернувшись к Гаттусу, он сказал:

— Когда я промышлял в Заморе воровством, то, помню, слышал краем уха о каком-то культе джезмитов, пользующихся таким символом. Ты заморанец, может быть, знаешь о нем?

Гаттус пожал плечами:

— Есть много культов, которые своими корнями уходят в далекое прошлое, к временам до катаклизма. Правители немало потрудились, чтобы выкорчевать их, но каждый раз те прорастали вновь. Знаю, что невидимые, или, как их еще называют, сыны Джезма, исповедуют один из таких культов, но больше мне нечего сказать. Я всегда предпочитал держаться от таких дел подальше.

Тогда Конан обратился к Балашу:

— Твои люди могут проводить меня к месту, где нашли его?

— Конечно. Но это дурное место, в ущелье Призраков, на границе Друджистана, и я бы...

— Хорошо. Сейчас всем спать. Выступаем на рассвете.

— В Кешан? — Балаш вскинул брови.

— Нет. В Друджистан.

— Неужели ты всерьез считаешь, что...

— Я ничего не считаю... пока.

— Отряд идет с нами? — спросил Тубал.— Лошади сильно измотаны.

— Нет. Лошади пусть отдыхают. Со мной пойдут лишь Гаттус и ты. В проводники возьмем одного из воинов Балаша. За начальника остается Кодрус. И передай ему, что, если в мое отсутствие наши псы начнут лапать женщин Куийфа, я разрешаю снести пару-другую голов.

2

СТРАНА ЧЕРНЫХ ГОР

Неровный, в горных вершинах горизонт уже укрыли сумерки, когда проводник натянул поводья. Скалистая земля перед путниками была разорвана глубоким каньоном. По ту сторону громоздились мрачные вершины, черные пики остриями вонзались в небо, повсюду изломы и провалы — невообразимый хаос черного камня.

— Отсюда начинается Друджистан,— сказал проводник.— Это ущелье Призраков. За ним лежит страна Смерти и Ужаса. Дальше я не пойду.

Конан кивнул. Его глаза пытались отыскать в изрезанном склоне тропу, ведущую на дно каньона. Вот уже много миль они шли по заброшенной древней дороге, но местами казалось, что в последнее время ею пользовались.

Конан огляделся. Рядом с ним стояли Тубал, Гаттус, проводник и Нанайя — бывшая наложница гарема Кобад-шаха. Девушка упросила взять ее с собой, потому что, как она заявила, ей страшно оставаться одной, вдали от киммерийца, среди племени дикарей, чьего наречия она не понимает. За время бегства из Аншана, несмотря на все тяготы пути, Конан не услышал от нее ни слова жалобы и потому согласился с ее доводами.

— Сами видите,— снова заговорил проводник,— по дороге снова ходят демоны. Этим путем они выбираются из своей Черной страны, им же возвращаются обратно. Но люди, ушедшие за ущелье, не возвращаются уже никогда.

Тубал презрительно усмехнулся:

— На что демонам тропа? У них же крылья, они летают, как летучие мыши!

— Когда демоны принимают человеческий облик, то ходят, как люди,— ответил проводник. Он указал на крутую скалистую гряду, за которой терялась тропа.— У подножия этой гряды мы и нашли человека, которого ты назвал кхитайцем. Я думаю, его братья-демоны что-то с ним не поделили и сбросили со скалы.

— А может быть, он карабкался вверх и сорвался,— проворчал Конан.— Кхитайцы — жители пустынь, они не привыкли лазить по горам. От вечной жизни в седле их ноги стали кривыми и ослабели. Такой легко может и оборваться.

— Конечно, если он — человек,— ответил проводник.— Но... Великий Асура!

Спутники Конана так и подскочили на месте, а проводник, с расширенными от ужаса глазами, схватился за лук. Откуда-то с юга, со стороны черных пиков, до них донесся ни на что не похожий звук — резкое, злобное рычание, эхом прокатившееся по горам.

— Голоса демонов! — в страхе воскликнул проводник, так сильно дернув повод, что его лошадь с пронзительным ржанием подалась назад.— Заклинаю именем Асуры, уйдем отсюда! Оставаться здесь — безумие!

— Если трусишь, отправляйся обратно в свою деревню! — сказал Конан.— Я еду дальше.— На самом же деле от этих проявлений сверхъестественных сил по спине киммерийца пробежали мурашки, но он не хотел показывать вида перед своими спутниками.

— Один, без отряда? Ты сумасшедший! Пошли хотя бы за своими людьми!

Глаза Конана сузились, как у волка при виде добычи.

— Не сейчас. Для разведки чем меньше людей, тем лучше. Я полагаю, на эту страну демонов стоит взглянуть поближе. Кто знает, вдруг она потом пригодится как опорный пункт.— Он повернулся к Нанайе: — Тебе лучше вернуться в селение.

На глаза девушки навернулись слезы.

— Не прогоняй меня, Конан! — дрожащим голосом вымолвила она.— Эти дикари, эти горцы... они надругаются надо мной!

Конан окинул взглядом ее крепкое гибкое тело с развитой мускулатурой.

— Пожалуй, если кто и решится на это, ему прежде придется изрядно потрудиться,— сказал он.— Ладно, будь по-твоему, и не говори потом, что я тебя не отговаривал.

Проводник повернул низкорослую лошадку и крикнул через плечо:

— Балаш прольет немало слез! В Кушафе все взвоют от горя! Ай-а! Ай-а!

Он ударил пятками в бока лошади, и его насмешливые причитания потонули в стуке копыт о каменистую тропу. Еще мгновение — и всадник пропал за скалой.

— Беги, трусливый шакал! — завопил ему вслед Тубал.— Мы повяжем твоих демонов и за хвосты притащим в Кушаф! — Но только всадник скрылся, он замолчал.

— Ты прежде слышал что-нибудь подобное? — спросил Конан Гаттуса.

Заморанец кивнул:

— Да. В горах, где до сих пор поклоняются Злу.

Не говоря ни слова, Конан тронул поводья. В неприступной Патении ему тоже доводилось слышать рычание, которое жрецы Эрлика выдували из десятифутовых бронзовых труб.

Тубал фыркнул, как носорог. Он никогда не слышал этих труб, а потому, прежде чем спускаться по крутому склону прямо в сумерки на дно каньона, втиснул свою лошадь между лошадьми товарищей. Потом резко сказал:

— Итак, Конан, эти двуличные собаки из Кушафа, способные во сне перерезать гостю горло, добились чего хотели: заманили нас в свою проклятую страну демонов. Что думаешь делать?

Все это смахивало на ворчание старого пса при виде того, как его хозяин ласкает другую собаку — порезвей и помоложе. Конан наклонил голову, чтобы скрыть усмешку:

— На ночь остановимся в ущелье. Лошади слишком устали, чтобы идти по камням, да еще ночью. К делу приступим завтра. Я думаю, где-то в горах, за ущельем, у невидимых должен быть лагерь. Вряд ли в соседних с Черной страной горах найдется селение, расположенное ближе Кушафа, а от него сюда целый день нелегкого пути. Кочующие племена, опасаясь воинственных соплеменников Балаша, обходят эти места стороной, а те слишком суеверны, чтобы самим обследовать горы за ущельем Призраков. Так что невидимые могут уходить и возвращаться без особого риска быть замеченными. Я пока не решил, что мы предпримем дальше. Но уверен в одном: отныне наша судьба на кончиках пальцев богов.

Спустившись в каньон, они увидели, что тропа, петляя среди каменных завалов, ведет дальше по ложу и сворачивает в глубокую расселину, выходившую в каньон с юга. Южная стена была гораздо выше и круче северной. Она, словно застывший вал, черной громадой взметнулась вверх, местами прерываясь узкой расселиной — входом в ущелье.

Конан свернул вслед за тропой и, доехав до первого поворота, заглянул за каменный выступ. Зажатое между отвесными стенами ущелье хранило настороженное молчание. Извиваясь подобно змеиному следу, оно уходило дальше — во мрак.

— Это наша дорога на завтра,— сказал Конан. Его спутники молча кивнули, и все четверо выехали из ущелья в главный каньон, где еще держался свет. В гнетущей тишине цоканье лошадиных копыт казалось непривычно громким.

В нескольких десятках шагов от ущелья, откуда путники только что выехали, находилось другое, поуже. На его каменистом ложе не было признаков тропы, и оно сужалось так резко, что наверняка кончалось тупиком.

Где-то посередине, у северной стены, в выщербленной временем скале образовалось естественное углубление, в котором бил крошечный родничок. За ним, в скалистой нише, напоминавшей пещеру, росла скудная жесткая трава. Там

Конан и решил привязать уставших лошадей, а лагерь разбить у ключа. Поужинали вяленым мясом — огня не разводили, чтобы не привлекать враждебных глаз.

Конан выставил посты в двух местах: Тубал должен был вести наблюдение к западу от лагеря, у входа в узкое ущелье, а Гаттус получил пост у восточного, куда сворачивала тропа. Если бы враг проходил по каньону или крался ущельем, он неминуемо наткнулся бы на бдительных стражей.

Каньон быстро заполняла тьма. Казалось, она стремительными потоками стекает с горных вершин, выползает из узких ущелий. Звезды — равнодушные, холодные — замерцали в ночном небе. Над незваными гостями нависли хмурые вершины изломанных гор. Засыпая, Конан вяло подумал, свидетелями каких ужасных человеческих драм могли оказаться эти вершины за тысячи тысяч лет.

Несмотря на долгое общение с цивилизацией, Конан не растерял природных инстинктов дикаря. Заслышав во сне крадущиеся шаги, он открыл глаза, припал к земле и сжал в руке меч, приготовился к бою. Но тревога оказалась ложной: над ним, едва различимая во мраке, возвышалась массивная фигура шемита.

— В чем дело? — недовольным голосом пробормотал Конан.

Тубал опустился на колени. За его спиной, невидимые в тени скал, беспокойно переступали лошади. И прежде чем Тубал открыл рот, киммериец кожей почувствовал разлитую в воздухе угрозу.

Тубал зашептал ему в ухо:

— Гаттус убит, женщина пропала! По ущелью крадется Смерть!

— Что?

— Гаттус лежит у расселины с перерезанной глоткой. Я услышал со стороны восточного ущелья хруст камешков, но решил тебя не будить, а тихонько подкрался туда и увидел Гаттуса — на камнях, в крови. Похоже, он умер внезапно, не успев поднять тревоги. Я ничего не заметил, а из расселины не донеслось ни звука. Тогда я поспешил обратно и не нашел Нанайи. Демоны Черных гор, ничем не выдав себя, убили одного из нас и унесли другого! Я чувствую затаившуюся Смерть! Великий Асура! Это и вправду ущелье Призраков!

Конан бесшумно поднялся на колено: чувства предельно обострены, все тело — комок нервов и мускулов. Внезапная

смерть всегда бдительного заморанца и таинственное похищение женщины отдавали чем-то жутким.

— Разве можно бороться с демонами? — снова зашептал щемит.— Давай-ка лучше к лошадям и...

— Тихо! Слушай!

Откуда-то донеслись едва слышные шаги. Конан поднялся, вглядываясь в темноту. Вот от стены отделились неясные тени и, крадучись, стали приближаться. Левой рукой Конан вытащил нож. Тубал, сжав рукоятку длинного ильбарского кинжала, застыл рядом — безмолвный, напрягшийся, как волк в западне.

Все ближе, ближе цепочка теней. Вот она растянулась, охватывая их с обеих сторон. Конан и шемит сделали несколько шагов назад, пока не уперлись спинами в каменную стену — мера против возможного окружения.

Атака была стремительной: мягкое быстрое шлепанье босых ног, тусклый блеск стали в неверном свете звезд. Конан едва различал нападавших — лишь смутные силуэты да мерцание стали. Нанося удары, увертываясь, он больше полагался на природное чутье, чем на слух и зрение.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости его меча, Конан убил одним ударом. Увидев, что таинственные тени — всего лишь люди, Тубал исторг из груди низкое рычание и со всей яростью обрушился на врага. Взмахи его тяжелого трехфутового кинжала производили среди врагов опустошительное действие. Бок о бок, спиной к отвесной скале, приятели могли не опасаться нападения с тыла или флангов.

Сталь звенела о сталь, высекая искры. То и дело раздавался звук, как в мясной лавке, когда секач в руках мясника разрубает мясо и кости. Люди пронзительно вскрикивали, в перерезанных глотках булькала кровь, под ногами хрипели раненые и умирающие. Несколько мгновений людской клубок колыхался, как бы перемалывая сам себя. Однако постепенно чаша весов стала склоняться на сторону двоих у стены. Во тьме оба видели не хуже нападавших, в единоборстве неизменно брали верх, к тому же знали, что их клинки поражают только врагов. Последним мешала собственная многочисленность: опасения, что в пылу схватки они могут задеть своего, сковывали их движения.

Конан наклонил голову раньше, чем заметил взмах меча. Его ответный удар пришелся по стальной полосе. Не пытаясь прорубить броню, он полоснул по открытому бедру, и враг упал. На его место тут же заступил другой, и, пока Конан разделывался с этим, упавший на локтях пополз вперед и,

привстав на здоровое колено, ударил ножом. Киммерийца спасла кольчуга. Нож в левой руке Конана отыскал горло врага, и на ноги киммерийца пролилась струя горячей крови. И вдруг натиск иссяк. Отхлынув, нападавшие, как призраки, растаяли во тьме.

Стало чуть светлее. Над восточным краем каньона серебряной полоской лежал слабый свет — всходила луна.

Тубал, точно волк вывалив язык, погнался за отступавшими тенями, его борода была забрызгана кровью, в уголках рта выступила пена. Он споткнулся о труп и, прежде чем сообразил, что перед ним мертвец, с дикой яростью вонзил в него клинок. Конан настиг шемита и схватил за руку. В бешенстве Тубал едва не сбил варвара с ног.

— Угомонись ты! — зарычал на него Конан.— Или хочешь угодить в западню?

От этих слов к Тубалу вернулась его волчья осторожность. Оба бесшумно заскользили за неясными тенями, одна за другой исчезавшими в пасти восточной расселины. Добежав до нее, преследователи остановились, пристально всматриваясь в черный провал. Где-то далеко впереди слышался удаляющийся хруст камешков под чьими-то ногами. Конан весь подобрался, точно пантера при виде дичи.

— Псы удирают,— тихо сказал Тубал.— Погонимся дальше?

Конан покачал головой. Нанайя в плену, и он не может позволить себе сломя голову броситься в погоню по этому темному, извилистому коридору, где за каждым поворотом их может подстеречь засада, а значит, почти неминуемая смерть.

Они вернулись в лагерь, к лошадям, совершенно обезумевшим от густого запаха свежепролитой крови.

— Когда луна поднимется высоко и зальет каньон своим светом, они нашпигуют нас стрелами, не выходя из расселины.

— Придется рискнуть,— проворчал Конан.— Будем надеяться, что стрелки из них неважные.

В полном молчании они опустились на корточки в тени скал. По мере того как каньон заливал призрачный лунный свет, проступали очертания валунов, уступов, стен. Ни один звук не нарушал царящей вокруг тишины. Затем при бледном свете Конан осмотрел тела четырех мертвецов, брошенных врагом во время бегства. Тубал вгляделся в застывшие бородатые лица...

— Шабатийцы! — тихо воскликнул он.— Почитатели Зла!

— Неудивительно, что они подкрались неслышно, как кошки,— пробормотал Конан. Во время поездки по Шему ему доводилось слышать рассказы о сверхъестественной способности сторонников этого древнего отвратительного культа подбираться к жертвам без малейшего шороха. В своих мрачных храмах, выстроенных в честь проклятого богами и людьми Шабата, эти люди поклонялись своему идолу — Золотому Павлину.— Интересно, что им здесь понадобилось? Ведь их родина Шем. Что ж, поглядим... Ого!

Конан распахнул на одном из трупов накидку. На полотняной куртке на широкой груди шабатийца кровавым цветом полыхала эмблема — рука, сжимавшая кинжал с лезвием в форме языка пламени. Тубал откинул туники остальных — у всех на рубашках были вышиты кулак и нож. Шемит спросил:

— Что это за культ невидимых, если он притягивает людей из ближнего Шема и из Кхитая, за тысячи миль отсюда?

— Вот это я и хочу выяснить,— ответил Конан.

Они помолчали. Затем Тубал поднялся и сказал:

— Теперь куда?

Конан указал на цепочки следов, алевших на голых камнях:

— Вот наша путеводная нить.

Пока Тубал вытирал с клинка кровь и вкладывал его в ножны, Конан обмотал вокруг пояса длинную прочную бечевку с тремя спаянными крюками на конце. В свою бытность вором он частенько пускал в ход это орудие. Тем временем луна поднялась еще выше и высветила узкую серебряную полосу посередине каньона.

Избегая прямого света, они приблизились к устью ущелья. Ни звона спущенной тетивы, ни свиста дротика, ни таинственных теней за скалами,— тихо. На камнях отчетливо виднелась дорожка из кровавых пятен: должно быть, шабатийцы уносили тяжелораненых с собой.

Лошадей оставили в лагере. Конан полагал, что враги также уходили пешими, а кроме того, проход был настолько узок и загроможден камнями, что в случае внезапной схватки всадник оказался бы в невыгодном положении.

У каждого поворота они ожидали засады, но цепочка кровавых следов не прерывалась, и никто не заступал дорогу. Пятна крови заметно поредели, но и этих было довольно, чтобы не сбиться с пути.

Конан прибавил шагу: он очень надеялся, что раненые и пленница замедлят бегство врага. Скорее всего Нанайя все еще жива, иначе они наткнулись бы на ее труп.

Ущелье стало подниматься, сузилось, снова расширилось, пошло вниз, сделало поворот и вышло в другой каньон, протянувшийся с востока на запад. Этот оказался шириной в несколько сотен футов. След, напрямую пересекая открытое пространство, вел к монолитной южной стене и там обрывался.

— Кажется, эти трусливые псы из Кушафа не соврали: след обрывается у скалы, а через нее перелетит разве что птица.

Конан остановился, озадаченный. Приметы древней дороги потерялись давно, еще в ущелье Призраков. Но шабатийцы наверняка прошли этим путем. Киммериец окинул стену внимательным взглядом — каменная глыба взметнулась в небо на сотни футов. Прямо над ним, на высоте футов пятнадцати, в результате выветривания породы в стене образовался небольшой выступ шириной три и длиной шесть-семь шагов. На первый взгляд это мало что значило, но где-то посередине между землей и выступом острый глаз варвара различил на камне темное пятно.

Конан размотал с пояса веревку. Затем, раскрутив, послал тяжелый конец вверх. Крюк впился в камень на краю выступа. С проворством, с каким обычный человек взбирается по лестнице, Конан полез по тонкой гладкой нити. Добравшись до пятна, он довольно хмыкнул: вне всяких сомнений, это была кровь. Должно быть, ее оставил раненый, когда его поднимали в петле к выступу.

Внизу Тубал, переминаясь с ноги на ногу, пытался получше разглядеть выступ, словно опасаясь затаившихся убийц. Но когда Конан показался над краем, площадка оказалась пуста.

Он поднялся на выступ, и сразу в глаза ему бросилось тяжелое, невидимое снизу бронзовое кольцо в стене. От частого употребления металл блестел. Край выступа, площадка — все было густо измазано кровью. Здесь стена уже не казалась монолитной. Но варвар заметил еще кое-что: едва различимые кровавые отпечатки пальцев на скале. Он тщательно исследовал все щели, затем приложил свою ладонь к кровавому отпечатку, нажал. Часть стены бесшумно ушла в сторону. Перед Конаном открылся узкий проход, в дальнем конце которого мерцал лунный свет.

Весь подобравшись, готовый к любым неожиданностям, Конан шагнул в проем. И тут же услышал удивленный вопль шемита, который, глядя вверх, решил, что его товарища проглотила скала. Чтобы успокоить Тубала, Конан показался над краем, а затем вновь обратился к своему открытию.

Ход был короткий и другим концом выходил в расселину. Прямой, как ножевая рана, туннель прорезал скалу на сотню футов и дальше резко сворачивал вправо. Дверь представляла собой плиту неправильной формы, навешенную на массивные, тщательно смазанные бронзовые шарниры. Плита идеально совпадала с проемом, а благодаря изломанному краю узкие щели по периметру казались обычными щербинами в камне.

Прямо у входа лежала бухта веревочной лестницы из прочной сыромятной кожи. Закрепив конец в кольце снаружи, Конан сбросил лестницу вниз. И пока Тубал, горя нетерпением, быстро карабкался к выступу, киммериец втянул свою веревку и снова обмотал ее вокруг пояса.

Уразумев тайну исчезновения следов, шемит даже выругался по-своему.

— Но почему они не закрыли дверь изнутри? — спросил он, угомонившись.

— Возможно, этим ходом постоянно пользуются. К тому же когда на хвосте погоня, то громкими призывами к страже можно обнаружить себя и выдать секрет. Неудивительно, что дверь до сих пор не нашли: если бы не следы крови, я тоже топтался бы сейчас внизу.

Тубал рвался вперед, но киммериец медлил. Он не видел признаков стражи, но резонно полагал, что мастера, с такой выдумкой замаскировавшие вход в свою страну, вряд ли оставят его без охраны.

Конан поднял лестницу, смотал в бухту и уложил на место. Потом закрыл плитой проем, и туннель погрузился во тьму. Приказав недовольно ворчавшему шемиту оставаться у двери, он осторожно двинулся вперед.

Выйдя в расселину, Конан огляделся. Над головой, на высоте сотен футов, сквозь узкую изломанную щель виднелось звездное небо. Кошачьим глазам варвара с избытком хватало скудного света, падавшего на пол.

С не меньшей осторожностью, но уже более уверенно, он сделал еще несколько шагов и замер: впереди, за поворотом, послышался хруст камешков. Киммериец едва успел втиснуть свое массивное тело в нишу, вырубленную в боко-

вой стене, как показался стражник. Уверенный в собственной безопасности, тот шел вразвалочку, едва поднимая ноги, как бы показывая всем своим видом, что занят привычным, нудным делом. Это был коренастый, приземистый кхитаец с неподвижным лицом цвета меди. В руке он держал короткое копье.

Вот стражник поравнялся с нишей, где укрылся Конан. Вдруг, повинуясь внезапно проснувшемуся инстинкту, он резко повернул голову — зубы обнажены в оскале, копье наизготовку. Схватка заняла мгновение. Стражник еще поворачивал голову, а Конан был уже рядом. Взмах меча — и кхитаец рухнул на каменный пол с разрубленным черепом.

Застыв как изваяние, Конан вглядывался в проход. Никаких подозрительных звуков — как видно, стражник был один. Тогда киммериец тихонько свистнул. Истомившийся ожиданием Тубал не заставил себя долго ждать. При виде мертвеца шемит скрипнул зубами.

Конан наклонился над тем, что еще недавно было стражником, и отогнул верхнюю губу мертвеца. Клыки были спилены.

— Еще один сын Эрлика, желтого бога Смерти. И неизвестно, сколько их еще скрывается в этих горах... Спрячем его вон под теми камнями.

За поворотом глубокая расселина снова шла прямо, пока не упиралась в очередной излом. И чем дальше приятели продвигались, тем больше успокаивался Конан: было ясно, что в проходе нет другой стражи.

Когда друзья наконец вышли из расселины, небо на востоке уже начинало бледнеть. В этом месте царил настоящий каменный хаос. Вместо одного ущелья — не меньше дюжины. Подобно реке, разделенной в дельте на десятки рукавов, они стремились вдаль, огибая утесы и огромные обломки стен. Острые шпили и башни из черного камня мрачными призраками вытянулись к розовеющему небу.

С трудом пробираясь между этими угрюмыми стражами, двое искателей приключений вышли к огромной скале. У ее подножия лежала очищенная от камней ровная площадка шагов триста в ширину. Тропинка, выщербленная в камне тысячами ног, пересекала открытое место и поднималась по вырубленному в скале карнизу. И никаких намеков на то, что может подстерегать там, наверху. Выставив слева и справа по часовому — изрезанному непогодой черному шпилю,— монолитная стена отступала назад.

— Куда теперь? — В призрачном свете шемит походил на волосатого гоблина, который, замешкавшись, не успел до восхода солнца спрятаться в пещере.

— Похоже, мы недалеко от... Великий Кром! Что это?!

Над горами прокатился жуткий рев, который друзья слышали прошлой ночью, только на этот раз гораздо громче и отчетливее. Последние сомнения исчезли: это был резкий звук гигантской трубы.

— Нас обнаружили? — Тубал сжал эфес кинжала.

Конан пожал плечами:

— Не думаю. В любом случае сначала надо оглядеться — нечего лезть на рожон... Туда!

Он указал на источенную временем высокую скалу, что высилась неподалеку в окружении шпилей пониже. Друзья быстро вскарабкались по склону, обращенному к стене и невидимому с другой стороны. С вершины открывался вид на окрестности. Устроившись за выступом, оба осторожно высунули головы.

— Великий Асура! — Тубал даже присвистнул от восторга.

С их наблюдательного пункта, схваченные одним взглядом сквозь утреннюю дымку, скалы напротив приобрели иные очертания — гигантского плато, приподнятого над ущельем на высоту не менее пятисот футов. На плато вел единственный путь — по вырубленной в камне тропе. С востока, севера и запада к плато подступали скалы, отрезанные от него провалом каньона. На юге плато упиралось в огромную черную гору, чьи острые пики господствовали над остальными вершинами.

Но друзья едва обратили внимание на красоты природы. Конан полагал, что кровавый след приведет их к поселку — чему-нибудь вроде пещеры или стойбища с шатрами из лошадиных шкур, на худой конец — к простеньким глинобитным хижинам, лепящимся по склону горы. Вместо этого взору открылась панорама прекрасного города с куполами и башнями, поблескивающими в утреннем свете,— казалось, какие-то чародеи перенесли его из своей сказочной страны в каменную пустыню.

— Город демонов! — Тубал разинул рот.— Это все злые чары! Нас околдовали! — Думая, что спит, он укусил себя за руку.

Плато имело форму овала: около полутора миль с севера на юг и чуть меньше мили с востока на запад. Город расположился в его южной части и был прекрасно виден на фоне мрачной горы. В центре его, гордо возвышаясь над кронами

деревьев и плоскими крышами домов, стояло величественное сооружение, увенчанное пурпурным куполом с золотым орнаментом. В лучах восходящего солнца он полыхал кровавым пламенем.

Кровь в жилах Конана заструилась быстрее. Немыслимый контраст угрюмых черных гор с яркими красками города нашел отклик в варварской душе киммерийца. Сияние пурпурного в золоте купола отдавало чем-то зловещим, а взметнувшиеся к небу черные шпили вокруг плато служили ему достойным обрамлением. Сам город, как бы возведенный среди руин и запустения могущественными силами Зла, будил предчувствие дурного.

— Так вот оно какое, логово невидимых,— прошептал Конан.— Кто мог подумать, что в этакой глухомани скрывается целый город!

— Все равно нам с ними не совладать,— пробурчал Тубал.

Ничего не ответив, Конан вновь занялся наблюдениями. Чуть меньше, чем на первый взгляд, плотной, правильной застройки город не был обнесен наружной стеной — невысокий бруствер вдоль края плато надежно защищал его от возможных врагов. Двух-трехэтажные дома утопали в чудесных садах и рощицах, еще более сказочных оттого, что все плато казалось сплошной каменной глыбой, где не нашлось бы места и травинке.

Наконец Конан принял решение:

— Тубал, возвращайся в наш лагерь в ущелье Призраков. Возьми лошадей и скачи в Кушаф. Передай Балашу, что мне нужны все его воины. Потом проведи их вместе с нашими головорезами по тропе через расселину. Укройтесь где-нибудь поблизости и не высовывайтесь, пока не дам знак. Если меня убьют — действуйте по обстановке.

— Что ты задумал?

— Я иду в город.

— Совсем рехнулся!

— Не хорони меня раньше времени. Пойми, это единственный способ вызволить Нанайю. А потом уже будем думать, как лучше напасть на город. Если останусь жив и на свободе, то встретимся здесь же, если нет — решайте с Балашем сами.

— Чума на твоего Балаша! Зачем тебе соваться в этот рассадник зла?!

Глаза Конана сузились:

— Я хочу основать свою империю. В Иранистане для меня нет места. В Туране — тоже. Ты меня знаешь: со сво-

ей крепостью за спиной я горы сворочу. Только поторопись.

— Балаш на меня косо смотрит. Он просто плюнет мне в бороду; мне, понятное дело, придется его убить, после чего собаки из Кушафа прирежут и меня.

— Он этого не сделает.

— А вдруг откажется?

— Если позову его, пойдет за мной хоть в преисподнюю!

— Зато его люди не пойдут. Они дрожат перед демонами.

— Ничего, как только скажешь им, что их демоны — всего лишь люди, они перестанут дрожать.

Тубал еще потеребил свою бороду и, глубоко вздохнув, выдал свой главный довод:

— Тебя раскусят и сдерут с живого кожу.

— Пусть попробуют. Такого наплету — уши развесят. Прикинусь опальным воином, сбежавшим от царского гнева, и попрошу убежища.

Тубал сдался. Бормоча что-то себе в бороду, грузный шемит заскользил вниз по скале и скоро пропал среди камней. В воздухе по-прежнему стояла тишина. Немного погодя Конан спустился вслед за другом и направился в противоположную сторону — к тропинке, вьющейся по склону обрыва.

3

ГОРОД НЕВИДИМЫХ

Подойдя к подножию скалы, Конан начал взбираться по крутому склону. Вокруг не было ни души. Тропа непрерывно петляла, огибая огромные скальные выступы. С наружного края ее прикрывала низкая массивная стена. Скорее всего ее возвели еще до появления в этих краях ильбарских горцев: на вид она была очень старой, но прочной, как сама скала.

Последние тридцать футов Конан поднимался по крутым ступеням, вырубленным в камне. Его так никто и не окликнул. Он бесшумно миновал полосу невысоких укреплений, возведенных по краю плато, и вышел прямо на группу сидящих на корточках стражников, азартно резавшихся в кости.

Заслышав хруст камешков под ногами варвара, семерка вскочила на ноги, выпучив глаза от удивления. Это были зуагиры — шемиты-пустынники, поджарые, с крючковатыми носами. Головы воинов прикрывали уборы из белой тка-

ни, над поясами торчали рукояти кинжалов и ятаганов. Мгновенно придя в себя, они схватили брошенные рядом копья и изготовились к нападению.

Ни один мускул не дрогнул на лице киммерийца. Он остановился, невозмутимо глядя на стражников. Зуагиры, наоборот, не уверенные, как им лучше поступить, пребывали в явном замешательстве. Словно дикие кошки, угодившие в западню, они не спускали затравленных глаз с нежданного гостя.

— Конан! — воскликнул вдруг самый рослый из зуагиров, в его голосе сквозили подозрительность и страх.— Ты здесь откуда?

Конан окинул взглядом поочередно всю семерку и сказал:

— Я хочу видеть вашего хозяина.

Однако это не произвело должного впечатления. По-прежнему настороже, они вполголоса переговаривались между собой, по очереди отводя назад правую руку, как бы примериваясь для броска. Наконец неясное бормотание прервал голос рослого зуагира:

— Что вы раскаркались! И так все ясно: мы занялись игрой и не заметили его. Мы нарушили свой долг, и, если об этом узнают, нам не поздоровится. А потому считаю, что его надо убить и сбросить вниз.

— Ага,— с готовностью согласился Конан,— валяйте, убивайте. А когда хозяин спросит вас: «А где мой Конан с важным донесением?» — вы ему ответите: «А ты нас не предупредил, и мы его убили, чтобы преподать тебе урок на будущее». Вот смеху будет!

Те поморщились, а один пробурчал:

— Да проткнуть его — и делу конец! Никто и не узнает!

— Не так все просто,— возразил на это рослый.— Такого если не убьешь издали, он погуляет среди нас, как волк в овчарне.

— Да что там, схватить и перерезать глотку! — сунулся было другой, самый молодой в компании, но прочие так яростно зашипели на него, что тот отступил, посрамленный.

— Ага, режьте мне глотку,— скривился в усмешке варвар. Миг — и, выхватив меч из ножен, он молниеносным движением вычертил в воздухе восьмерку.— Один, пожалуй, уцелеет,— задумчиво заметил он.— Как раз хватит, чтобы доложить начальству о великой победе.

— Мертвые не болтают,— гнул свое молодой, за что и получил в живот тупым концом древка. Хватая ртом воздух, воин переломился надвое.

Сорвав часть накопившейся злобы на своем невоспитанном товарище, зуагиры немного оттаяли. Старший спросил у Конана:

— Так тебя ждут?

— Иначе я бы не пришел. Разве ягненок по собственной воле пойдет в пасть ко льву?

— Хорош ягненок! — Зуагир хмыкнул.— Скорее уж матерый волчище с кровью на клыках.

— Если где-то недавно пролилась кровь, так в том повинны дураки, которые плохо слушают своего хозяина. Этой ночью в ущелье Призраков...

— Клянусь Хануманом! Уж не с тобой ли схватились тупоголовые шабатийцы? Они всем раструбили, будто прикончили в ущелье заезжего купца со слугами.

Так вот почему охрана вела себя так беспечно! Как видно, по каким-то своим соображениям шабатийцы соврали насчет действительного исхода драки, и потому стражи тропы не ждали преследователей.

— Кто-нибудь из вас был там? — спросил Конан.

— Мы разве хромаем? Или в крови? Или воем от бессилия и боли? Нет, мы с Конаном не сражались.

— Тогда напрягите мозги и не повторяйте чужих ошибок. Итак, или вы проведете меня к тому, кто ждет не дождется нашей встречи, или швырнете ему в бороду навозом, объявив, что пренебрегли его распоряжением!

— Да сохранят нас боги! — воскликнул в страхе зуагир.— Мы не получали насчет тебя никаких указаний, и если ты соврал, наш хозяин сам выберет для тебя смерть помучительнее, а если нет... тогда, может быть, нам удастся избежать наказания. Сдай оружие, и идем.

Конан протянул меч и кинжал. При других обстоятельствах он скорее расстался бы с жизнью, чем с оружием, но сейчас игра шла по-крупному. Пинком в зад начальник стражи распрямил согнувшегося молодого воина и приказал тому наблюдать за лестницей, добавив, что от его усердия зависит, встретит ли тот свою старость. Затем прорычал приказание другим, и пятеро стражников взяли в кольцо безоружного киммерийца.

Конан кожей чувствовал, как у стоящего сзади руки чешутся от желания вонзить в его спину нож, но от слов варвара в их толстых черепах зашевелились сомнения, и потому он оставался спокоен.

По знаку начальника отряд выступил в путь.

От лестницы к городу вела широкая дорога. Через некоторое время Конан как бы между прочим спросил:

— Когда шабатийцы прошли в город? Не на рассвете?

— Ага,— был краткий ответ.

— Тогда они вряд ли опередили нас намного,— словно рассуждая вслух, продолжал Конан.— Несколько раненых да еще пленница...

— Ну, что до девчонки, так она...— начал было один, но осекся, получив тычок в зубы.

Высокий бросил на Конана недобрый взгляд.

— Ни слова больше! — приказал начальник.— Будет задевать — не отвечайте. Змея не так изворотлива, как этот. Стоит только поддаться — и он вытянет из вас все, прежде чем вступим в Джанайдар!

Конан отметил про себя, что название города совпадает с тем, о котором упоминалось в древней легенде, услышанной от Балаша.

— Чего вы все коситесь? — разыгрывая обиду, спросил он.— Разве я пришел к вам не с открытой душой?

— Ну да! — Зуагир невесело усмехнулся.— Я видел, как ты явился однажды в Хорасан, что в Гиркании, и тоже с открытой душой. Только когда тамошние власти погладили тебя против шерсти, ты мигом запер свою душу на огромный замок и по улицам города забурлили потоки крови. Нет уж. Я давно тебя знаю, еще со времен, когда ты водил своих бандитов по степям Турана. По части мозгов мне тебя не переплюнуть, но по крайней мере я могу держать язык за зубами. Я на твою удочку не попадусь, а если кто из моих людей разинет рот, то я раскрою тому череп.

— Сдается мне, я тебя знаю,— сказал Конан.— Ты Антар, сын Ади. Помнится, ты проявил себя отважным воином.

От похвалы лицо зуагира смягчилось, но тут же он опомнился, сдвинул брови и, обругав первого подвернувшегося под руку, решительно зашагал впереди отряда.

Конан вышагивал с таким видом, будто его сопровождал почетный эскорт, а не стража, и мало-помалу его беспечность передавалась воинам, так что, когда отряд подошел к городу, их копья уже не смотрели в спину пленника, а мирно покоились на смуглых плечах.

С ближнего расстояния загадка пышной растительности объяснялась довольно просто. Земля, принесенная трудолюбивыми руками из долин, расположенных за десятки миль

от плато, заполнила углубления и впадины в скальной поверхности. Сады пронизывали глубокие, узкие канавки тщательно продуманной оросительной системы. Все они брали начало у естественного источника где-то в центре города. Благодаря кольцу высоких пиков климат на плато был гораздо мягче, чем в окружавших его горах.

Отряд прошел между большими фруктовыми садами, росшими по обеим сторонам дороги, и наконец вступил на главную улицу города — два ряда каменных домов, вставших по краям широкой мостовой, с непременной зеленью на задних двориках. Другим концом улица выходила к равнине шириной в полмили, отделявшей город от нависшей над ним черной горы, такой огромной, что само плато походило скорее на уступ, выдолбленный в гигантском склоне, чем на отдельное горнос образование.

Люди, работавшие в садах и на улице, с удивлением взирали на зуагиров и их пленника. Среди них Конан узнал иранистанцев, гирканцев, шемитов и даже нескольких вендийцев и чернокожих кушитов. Но ильбарских горцев не было ни одного: очевидно, население города не поддерживало с ними связи. Внезапно улица расширилась, образовав небольшую площадь. С южной стороны на нее выходила высокая стена, возведенная вокруг роскошного здания с величественным куполом.

Тяжелые ворота, инкрустированные золотом и обшитые бронзовыми полосами, никем не охранялись, если не считать чернокожего, облаченного в пестрые одеяния. Открыв ворота, тот согнулся в почтительном поклоне. В сопровождении стражи Конан прошел под аркой и очутился в обширном, вымощенном мраморными плитами дворе. В центре его журчал фонтан, в воздухе порхали голуби. С запада и с востока двор ограничивали внутренние стены пониже, над которыми виднелась зелень садов. В глаза варвару бросилась взметнувшаяся вверх черная башня высотой не меньше купола; ее каменное кружево слабо мерцало на солнце.

Зуагиры прошли через двор и были остановлены у дворцового портика стражей из тридцати гирканцев — все в сверкающих посеребренных шлемах, увенчанных плюмажем, в позолоченных латах, со щитами из шкуры носорога и ятаганами с золотой насечкой. Начальник стражи с непроницаемым лицом перебросился парой отрывистых фраз с Антаром, сыном Ади. По холодному тону Конан понял, что между этими двумя тлеет скрытая вражда.

Затем начальник, имя которого, как выяснилось, было Захак, сделал знак своей тонкой изящной рукой, и Конана обступила дюжина ослепительных гирканцев. Под их конвоем он поднялся по широким каменным ступеням и прошел под аркой между распахнутыми створками дверей. Зуагиры, как побитые собаки, плелись в хвосте отряда.

Они проходили широкими, тускло освещенными залами, где со сводчатых лепных потолков свисали бронзовые курильницы, а задернутые тяжелыми бархатными гардинами ниши намекали на некие страшные тайны. Казалось, в этих мрачных, отделанных с варварской пышностью залах затаилась необъяснимая, едва осязаемая угроза.

Наконец они вступили в широкий коридор, прошли его и остановились у двустворчатой бронзовой двери с двумя охранниками по сторонам. Оба стояли неподвижно, как статуи, и были разодеты еще пышнее, чем стража Конана. Гирканцы вместе со своим пленником — или гостем — прошли мимо них и оказались в полукруглой комнате. Гобелены с изображениями драконов увешивали стены, скрывая возможные дверные проемы. Со сводчатого потолка свисали лампы, украшенные резьбой по эбеновому дереву и золотой насечкой.

Напротив главного входа помещалось мраморное возвышение. На нем стояло массивное, покрытое изящной резьбой кресло с балдахином. Подлокотники, точно свитки папируса, завивались вниз. На вышитых бархатных подушках сидел небольшого роста человек хрупкого сложения, облаченный в расшитую жемчугом мантию. На розовом тюрбане поблескивала золотая брошь в форме руки, сжимавшей кинжал с волнистым лезвием. Худое и вытянутое, с легким загаром лицо оканчивалось внизу черной заостренной бородкой. «Не иначе как выходец с Востока — из Вендии или из Козалы»,— решил про себя Конан. Темные глаза незнакомца пристально вглядывались в полированный кристалл на подставке перед троном. Размером не меньше кулака киммерийца, кристалл имел неправильную сферическую форму. От него исходил свет, слишком яркий для полумрака тронного зала — словно в глубинах кристалла горел магический огонь.

Трон охраняли огромного роста кушиты — по одному с каждой стороны. Оба казались изваяниями, высеченными из черного базальта,— обнаженные, в одних сандалиях и шелковых набедренных повязках. В руках они держали кривые сабли с расширенными у острия клинками.

— Кто это? — нехотя произнес на гирканском языке человек под балдахином.

— Конан-киммериец, мой повелитель! — торжественно ответил Захак.

Темные глаза оживились, и тут же в них промелькнула подозрительность.

— Как он проник в Джанайдар?

— Он заявил зуагирским псам, охранявшим лестницу, что исполнял поручение магистра, повелителя сынов Джезма.

Услышав титул, Конан весь напрягся, точно пантера; его глаза не мигая смотрели прямо в худое лицо. Но он не проронил ни звука. Он знал, что молчание порой имеет больший вес, чем дерзкая речь. Сейчас его дальнейшее поведение целиком зависело от того, что скажет магистр невидимых. Если в нем разгадают самозванца, его участь решена. Оставалось надеяться, что этот правитель, прежде чем отдать роковой приказ, захочет, по крайней мере, узнать причину появления непрошеного гостя; а кроме того, есть правители (таких, правда, немного), которые полностью доверяют своим сподвижникам.

Прошла томительная минута, прежде чем человек на троне вновь заговорил:

— Закон Джанайдара гласит: по лестнице имеет право подняться только тот, кто прежде сделал знак стражам лестницы. Если же знак ему неизвестен, следует вызвать охрану ворот, чтобы те вступили в переговоры. В этом случае пришелец обязан дожидаться внизу. Конан явился незваным. Охрану ворот не вызвали. Значит, прежде чем подняться, Конан сделал знак?

По спине Антара пробежал потный ручеек. Он бросил быстрый взгляд на киммерийца и заговорил хриплым, с еле заметной дрожью голосом:

— Стража в расселине не подняла тревоги. Конан появился над краем плато совершенно неожиданно, хотя мы были бдительны, как орлы. Я слышал, он колдун и может, если захочет, становиться невидимым. Мы поверили его словам, будто это ты послал за ним, иначе откуда он узнал секретный путь?

Капельки влаги усеяли узкий лоб зуагира. Человек на троне будто ничего не слышал. Размахнувшись, Захак с силой ударил Антара ладонью по губам.

— Пес! — процедил он сквозь зубы.— Не смей разевать свою смердящую пасть, пока магистр сам не соблаговолит тебя выслушать!

Антар пошатнулся, по его бороде побежала кровь. Он метнул на гирканца взгляд, полный смертельной ненависти, но сдержался и промолчал.

Сделав вялый жест рукой, магистр заговорил:

— Зуагиров увести. До особых распоряжений содержать под стражей. Ждем мы посланцев или нет — стража не вправе преступать закон. Знак неизвестен, и все-таки он поднялся по лестнице. Если бы они несли службу исправно, как говорят, этого не случилось бы. Варвар не колдун. Оставьте нас наедине. Я сам поговорю с ним.

Захак кивнул, и его ослепительные воины, гоня зуагиров, точно стадо, перед собой, направились к бронзовой двери. Проходя мимо, зуагиры награждали Конана горящими ненавистью взглядами.

Перейдя на язык Иранистана, магистр обратился к киммерийцу:

— Говори свободно. Черные этого языка не знают.

Прежде чем ответить, Конан пинком пододвинул к возвышению кушетку и, расположившись на ней поудобнее, положил ноги на обшитую бархатом скамеечку. Если магистр и удивился бесцеремонности гостя, он никак не проявил этого. С первых же слов киммериец понял, что правитель Джанайдара тесно связан с единоверцами в западных землях и, очевидно преследуя свои цели, предпочитает не замечать развязности их посланца.

— Я за тобой не посылал,— наконец прервал молчание магистр.

— Ну разумеется,— свободно ответил Конан.— Однако надо же было сказать что-нибудь этим дурням, иначе пришлось бы их всех перерезать.

— Что тебе здесь нужно?

— А что нужно тому, кто добровольно заявляется в логово людей, объявленных вне закона?

— Он может оказаться лазутчиком.

У Конана вырвался грубый смешок:

— Чьим это, интересно знать?

Недолгое молчание.

— Как ты узнал про секретный путь?

— Я наблюдаю за грифами — они и выводят меня на цель.

— Еще бы. Ты их нередко подкармливаешь человечинкой. Что с кхитайцем, который наблюдал за расселиной?

— Мертв. Он не захотел прислушаться к голосу разума.

— Пожалуй, это не ты следишь за грифами, а они за тобой — всегда есть пожива,— с легкой улыбкой заметил магистр.— Почему не дал знать, что прибудешь?

— Не с кем было передать известие. Прошлой ночью твои бандиты напали на мой отряд; одного прирезали, другую взяли в плен. Оставался последний, но тот перепугался и удрал, так что, когда взошла луна, мне пришлось продолжать путь одному.

— То были шабатийцы. Они исполняли свой долг — охраняли от чужаков ущелье Призраков. Они не знали, что ты идешь ко мне. Они притащились в город на рассвете: большинство раненые, один — при смерти. По их словам, этой ночью они убили в ущелье богатого купца-вендийца. Похоже, побоялись признаться, что так и не одолели тебя. Они дорого заплатят за ложь... но не сейчас. Главного я так и не услышал: зачем ты сюда явился?

— За спасением. Мы с царем Иранистана не сошлись характерами.

Магистр пожал плечами:

— Я знаю. Вряд ли Кобад-шаху придет охота снова брать тебя на службу. Наш посланец Смерти едва не убил его. В любом случае отправленный за тобой отряд идет по следу.

От этих слов в затылке Конана неприятно закололо, как с ним бывало всегда при соприкосновении с чем-то таинственным и страшным.

— Великий Кром! — выдохнул он.— От тебя не скроешься!

Магистр едва заметно кивнул на кристалл:

— Игрушка, но весьма полезная. Но продолжим. До сегодняшнего дня чужие о нас не знали. Выходит, если ты нашел дорогу в Джанайдар, тебе рассказал о ней кто-то из нашего братства. Может быть, Тигр?

Однако Конан вовремя почуял западню.

— Я не знаю никакого Тигра,— ответил он.— Я не жду, пока мне откроют чужие тайны,— я узнаю их сам. Я пришел сюда, потому что вынужден скрываться. В Аншане ко мне уже не благоволят, и, если поймают, туранцы с радостью посадят меня на кол.

Магистр сказал несколько слов на стигийском. Понимая, что тот не станет без нужды менять язык беседы, Конан притворился, будто не знает этого наречия.

Магистр обратился к одному из черных воинов. Тот достал из-за пояса серебряный молоток и ударил в гонг. Не успели замереть последние отголоски, как бронзовая дверь,

приоткрывшись, пропустила человека хрупкого телосложения в шелковой одежде — судя по бритой голове, это был стигиец. Войдя, он прежде всего почтительно склонил голову перед мраморным возвышением. При обращении магистр назвал его Хазан и говорил с ним на том же языке, который, как он полагал, Конану был незнаком.

— Ты знаешь его? — спросил магистр.

— Да, мой господин.

— Есть о нем что-нибудь в донесении наших лазутчиков?

— Да, мой господин. В последнем донесении из Аншана. В ночь покушения на царя, примерно за час до того, этот человек имел с ним тайную беседу. После беседы он быстро вышел из дворца и в ту же ночь вместе с тремя сотнями всадников покинул город. В последний раз его видели на дороге в Кушаф. Его преследовали воины из Аншана, но отказались они от погони или продолжают ее, пока не известно.

— Можешь идти.

Хазан поклонился и вышел. Некоторое время магистр сидел молча, с отрешенным взглядом. Затем, подняв голову, сказал:

— Хорошо. Я верю тебе. Из Аншана ты направился в Кушаф, где друзей царя не жалуют. Твоя вражда с туранцами мне известна. Нам нужен такой человек. Но без поручительства Тигра я не могу принять тебя в братство. Сейчас его нет в Джанайдаре, но он прибудет завтра на рассвете. А пока я хотел бы услышать, от кого ты узнал о нашем городе и братстве.

Конан пожал плечами:

— Все тайны мне нашептывает ветер, когда проносится среди ветвей сухого тамариска; а еще я вслушиваюсь в небывальщину, которую передают друг другу погонщики верблюдов, усевшись вокруг огня на отдых в караван-сарае.

— Тогда ты должен знать, к чему мы стремимся, нашу великую цель.

— Я знаю, как вы себя величаете.— Стараясь выведать побольше, Конан намеренно придал голосу оттенок двусмысленности.

— Тогда что означает мой титул?

— Магистр, повелитель сынов Джезма, верховный чародей джезмитов. В Туране говорят, что джезмиты — народ, живший по берегам моря Вилайет во времена до катаклизма, что они свершали странные обряды с примесью колдовства и приносили человеческие жертвы, которые потом сами съеда-

ли. Но потом вроде бы пришли гирканцы и уничтожили остатки их племен.

— Ах вот как.— Магистр усмехнулся.— Все верно, да только их потомки до наших дней обитают в горах Шема.

— Я подозревал нечто подобное,— ответил Конан.— О них ходит немало слухов, но прежде я считал все это пустой болтовней.

— Да, люди слагают о них легенды, и отчасти они правы. Но жестокие гонения не смогли загасить огонь Джезма, хотя за столетия его яркое пламя обратилось в тлеющие угольки. Из всех обществ братство невидимых — самое древнее. Оно не разделяет людей ни по расам, ни по культам. Не столь уж важно, какому богу люди поклоняются — Митре, Иштар или Асуре. В далеком прошлом мы имели сторонников по всей земле — от Грондара до Валузии. В братство невидимых вступали и продолжают вступать многие тысячи из всех стран и народов. Но только один народ поклонялся Джезму с незапамятных времен — из него мы и набираем жрецов. После катаклизма культ возродился. В Стигии, Кофе, Ахероне и Заморе появились наши секты. Окутанные тайной, они скрывались от людей, так что те зачастую и не подозревали об их существовании. Но за тысячелетия связи между сектами сильно ослабли, и, предоставленные сами себе, они утеряли былое могущество. Были дни, когда невидимые направляли ход развития целых империй. Они не командовали армиями — их оружием были яд, пламя и кинжал с лезвием, как огненный язык. По воле магистра сынов Джезма одетые в алое посланцы Смерти отправлялись во все концы света — и умирали цари в Луксуре, в Пуантене, в Кухемесе и в Дагоне. А я — наследник великого магистра сынов Джезма Тот-Амона. Того, чье имя заставляло трепетать сердца повсюду!

Глаза говорившего сверкнули в полумраке фанатичным огнем.

— Всю свою молодость я мечтал о возрождении величия братства, в тайну которого был посвящен еще ребенком. И вот благодаря золоту моих приисков мечта осуществилась. Я, Вирата из Козалы, стал магистром сынов Джезма — первым великим магистром за последние пять веков! Убеждения невидимых тверже гранита. Одну за другой я прибирал к рукам разрозненные секты зугитов, джилитов, эрликитов и джезудитов, кропотливо сплетая из тонких нитей стальной канат. Мои посланники проникали в самые отдаленные уголки земли и везде находили приверженцев братства — в бит-

ком набитых городах и в дремучих лесах, в бесплодных горах и в мертвом молчании пустынь. Не сразу, постепенно, община росла, и не только благодаря объединению сподвижников, но и за счет тех отчаявшихся, кто, разуверившись в других учениях, вступал в ряды сынов Джезма. Перед его священным огнем все равны. Среди моих сторонников есть почитатели Гуллы и Сета, Митры и Деркето, Иштар и Юна. Десять лет назад вместе со своими сподвижниками я пришел в этот город: вместо домов — груды обломков, каналы забиты камнями, на месте садов — колючие заросли. Горцы обходили плато стороной — они боялись потусторонних сил, которые, по их словам, обитали в городских развалинах. Понадобилось шесть лет, чтобы отстроить город заново. Это был нелегкий труд, и на него ушла бóльшая часть моих сокровищ, ведь работать приходилось втайне и все материалы завозили издалека, что было нелегким, а подчас и опасным делом. Грузы доставляли из Иранистана: сначала по старому караванному пути на юге страны, в горах сворачивали в скрытую расселину и наконец по древней тропе, прорезавшей западный склон, поднимали на плато. Затем по моему приказу тропу уничтожили. И вот, после долгих лет, я смог увидеть Джанайдар в его былом великолепии... Смотри!

Магистр поднялся с трона и кивнул, приглашая следовать за собой,— черные гиганты не отставали от него ни на шаг. Они прошли в альков, скрытый за тяжелым гобеленом, и очутились перед выходом на небольшой, в узорной решетке балкон. С балкона открывался вид на чудесный сад, обнесенный стеной высотой футов пятнадцать, почти невидимой за сплетением ползучих растений. Необычный, пьянящий аромат поднимался от деревьев, кустов, цветов и фонтанов с серебряными журчащими струями. Конан увидел женщин, гуляющих меж деревьев,— легкие, полупрозрачные одежды из шелка и бархата едва скрывали наготу их стройных гибких тел. Судя по тонким чертам, большей частью они были из Вендии, Иранистана и Шема. Мужчины, словно опьяненные наркотиком, лежали на подушках под деревьями. Откуда-то доносилась негромкая, томная музыка.

— Это Райский сад, каким он был еще во времена до катаклизма.— Вирата, закрыв балконную дверь, вернулся в тронный зал.— За преданную службу воину дают выпить сока красного лотоса. Проснувшись в этом саду и увидев подле себя прекраснейших в мире женщин — покорных, готовых утолить его желания,— он начинает думать, что и в самом деле угодил живым на небеса, куда, как внушают жрецы, попадают все, кто отдал жизнь за своего повелителя.— Коза-

ланец чуть растянул губы в усмешке.— Я знаю, что такой «рай» тебе пришелся бы не по вкусу, потому и показал его. Немного правды тебе не повредит. Если Тигр за тебя не поручится, правда умрет вместе с тобой, в противном случае ты узнаешь не больше, чем любой сын Великой Горы. В моей империи ты можешь подняться высоко. Дай время — и я стану могущественным, как мой великий предок. Шесть лет я копил силы и лишь потом начал борьбу. Последние четыре года, как и в далеком прошлом, мои посланники вновь обращаются к отравленным кинжалам; непобедимые и неподкупные, не знающие иного закона, кроме моей воли, они скорее умрут, но выполнят приказ.

— Чего же ты добиваешься?

— Неужели еще не понял? — Голос магистра упал до шепота, глаза расширились, в них засветились огоньки безумия.

— Пожалуй,— проворчал Конан.— Но предпочел бы услышать от тебя самого.

— Я хочу править миром! Отсюда, из Джанайдара, я буду вершить его судьбу! Цари на своих тронах превратятся в жалких марионеток, подвешенных на ниточках. Ослушники умрут. И наступит день, когда никто не осмелится пойти против моей воли. Мне будет принадлежать власть! Власть! Это — высшая цель!

Конан мысленно сравнил хвастливые притязания магистра на абсолютную власть с положением в братстве таинственного Тигра, с мнением которого тот вынужден был считаться. Похоже, влияние магистра было далеко не безгранично.

— Где девушка, Нанайя? — спросил Конан.— Твои шабатийцы, убив Гаттуса, схватили ее и увели с собой.

Вирата чуть переиграл, изображая удивление.

— Не понимаю, о ком ты,— ответил он.— Они не приводили пленников.

Магистр, конечно же, солгал, но настаивать было бессмысленно. Конан насторожился: непонятно, почему джезмит не хочет признать, что знает о девушке?

Магистр вторично сделал знак, негр вновь ударил в гонг, и вновь вошел согнувшийся в поклоне Хазан.

— Хазан проводит тебя,— сказал Вирата.— Туда же, в комнату, принесут еду и питье. Ты не арестован — стражи не будет. Но я просил бы тебя не покидать своих покоев без охраны. Мои люди относятся к чужакам с недоверием, а поскольку ты пока не состоишь в братстве, то...— Магистр вдруг замолчал и многозначительно посмотрел на киммерийца.

4

ЗВОН МЕЧЕЙ

Вслед за невозмутимым стигийцем Конан покинул тронный зал, прошел между двумя рядами сверкавших золотом и серебром стражников и из широкого парадного коридора свернул в боковой, поуже. Вскоре слуга ввел его в комнату со сводчатым потолком в украшениях из слоновой кости и сандалового дерева. Единственная тяжелая дверь была сколочена из тиковых досок, обшитых листами меди. Окон в комнате не было, свет и воздух проникали в нее через отверстия в потолке. На стенах во множестве висели гобелены с замысловатыми рисунками, шаги скрадывали богатые ковры, в которых нога утопала по щиколотку.

Не издав ни звука, Хазан поклонился и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Конан сел на бархатную кушетку. За всю свою жизнь, до предела насыщенную самыми невероятными и опасными приключениями, он не попадал в ситуацию более сложную, чем эта. Поразмыслив с минуту над возможной участью Нанайи, он принялся обдумывать план действий.

Из коридора послышался легкий стук сандаловых подошв. В сопровождении Хазана вошел огромный негр, в руках он держал широкий поднос с яствами в позолоченных блюдах и с изящным кувшином вина в центре. Прежде чем Хазан закрыл дверь, Конан успел заметить острие шлема, высунувшееся из-за ковра на противоположной стене коридора: в потайной нише прятались воины. Значит, Вирата солгал, сказав, что стражи не будет. Впрочем, иного он от магистра и не ждал.

— Господин, вот вино с Кироса и пища,— сказал стигиец.— А позже я пришлю девушку, прекрасную и свежую, как утро, чтоб вы могли с нею развлечься.

— Ладно,— проворчал Конан.

Послушный жесту Хазана, раб поставил поднос. Тот сам отведал каждого блюда, отхлебнул глоток вина и только потом с поклоном удалился. Обостренным, как у волка в западне, зрением Конан отметил, что последним из принесенного стигиец попробовал вина, а в дверях чуть качнулся. Едва закрылась дверь, Конан осторожно понюхал вино. На фоне благоухающего букета, такой слабый, что уловить его могли лишь чуткие ноздри варвара, угадывался

знакомый запах — запах красного лотоса из зловещих топей Южной Стигии. Отведавший его сока засыпал мертвым сном, надолго или нет — зависело от количества выпитого.

Хазану следовало чуть поторопиться. А что, если Вирата задумал и его, Конана, пропустить через свой Райский сад?

Тщательно исследовав пищу, киммериец убедился, что в нее ничего не подмешано. Тогда он с аппетитом приступил к еде.

Быстро покончив с немногочисленными яствами, он воззрился голодными глазами на поднос, словно в надежде отыскать на нем хотя бы еще кусочек. Вдруг дверь снова приоткрылась, и в комнату скользнула гибкая фигурка — девушка с золотым амулетом на груди, с поясом в драгоценных каменьях, стянувшим тонкую талию, и в полупрозрачных шелковых шароварах.

— Ты кто? — рыкнул на нее Конан.

Девушка подалась назад, смуглая кожа на ее лице чуть побледнела.

— Не бей меня, господин! Я не сделала ничего дурного! — От страха и волнения темные зрачки округлились, речь прервалась, пальцы задрожали, как у ребенка.

— Да я и не думал, просто спросил, кто ты такая.

— Я... меня зовут Парисита.

— Как ты сюда попала?

— Меня похитили невидимые, мой господин. Однажды ночью, когда я гуляла в саду моего отца в Айдохья. Тайными тропами они привели меня в свой ненавистный город демонов, где я, как многие другие девушки Вендии, Иранистана и других стран, стала рабыней.— Она говорила быстро и шепотом, точно боясь, что ее прервут или подслушают.— Я здесь уже несколько месяцев. Однажды меня высекли — я думала, что помру от стыда! А еще я здесь видела, как девушки умирали под пытками! О, какой позор для моего отца: вдруг он узнает, что его дочь — игрушка в лапах демонопоклонников!

Конан смолчал, но его горящий взгляд был достаточно красноречив. Пусть его собственная судьба замешана на крови, пусть ему не однажды приходилось убивать и грабить, но в отношениях с женщинами он неизменно следовал своему грубоватому кодексу чести варвара. До этой минуты он еще сомневался, вступать ли ему в братство Вираты, чтобы потом, укрепив положение, так или иначе устранить всех занимавших в нем высшие посты. Но сейчас главная

цель определилась: надо во что бы то ни стало раздавить этот змеиный клубок и обратить их логово себе на пользу... Между тем Парисита продолжала:

— Начальник над девушками получил задание отобрать кого-нибудь для тебя, но главное — надо было узнать, не спрятал ли ты на теле оружия. Чтобы обыскивать без помех, подмешали в вино зелья. А после, когда очнешься, усыпив лаской бдительность, девушка должна была выведать, лазутчик ты или на самом деле тот, за кого себя выдаешь. Указали на меня. Я и так отчаянно трусила, а когда увидела, что ты не спишь, то чуть было вовсе не померла со страху... Скажи, ты ведь не убьешь меня?

Конан усмехнулся. Он не тронул бы и волоса на ее голове, но предпочел пока не говорить об этом. Страх девушки еще может сослужить ему добрую службу.

— Парисита,— обратился он к ней,— ты знаешь что-нибудь о женщине, которую накануне привела с собой банда шабатийцев?

— Да, господин. Они привели с собой пленницу и скорее всего хотели поступить с нею так же, как в свое время поступили со всеми нами,— сделать ее наложницей. Но та оказалась с характером. Уже в городе, после того как ее передали страже гирканцев, она вдруг вырвалась и, выхватив кинжал, всадила его в грудь брата Захака. Теперь Захак требует ее смерти, и, думаю, ради какой-то пленницы Вирата не захочет портить отношения с гирканцами.

— Так вот почему магистр солгал мне насчет Нанайи,— прошептал Конан.

— Да, господин. Сейчас Нанайя в дворцовом подземелье, а завтра на рассвете ее подвергнут пыткам и казнят.

Смуглое лицо Конана приняло зловещее выражение.

— Сегодня, ближе к полуночи, ты проведешь меня в спальню Захака.— Его полыхающие, с прищуром глаза выдавали дальнейший план.

Девушка покачала головой:

— Ничего не выйдет. Он спит вместе со своими степными псами, с головой преданными своему вожаку. Их слишком много даже для такого сильного воина, как ты. Но я могу провести тебя к Нанайе.

— А как насчет стражника в коридоре?

— Мы выберемся незаметно, а до тех пор, пока я не выйду из комнаты у него на глазах, он сюда никого не впустит.

— Ну что же...— Варвар поднялся с кушетки и потянулся — совсем как тигр перед охотой.

Парисита замялась:

— Господин... если я правильно тебя поняла... ты ведь не думаешь служить демонопоклонникам, ты хочешь их уничтожить?

Конан осклабился в волчьей усмешке:

— Сказать по правде, с моими недругами частенько случаются всякие неприятности.

— А ты... не причинишь мне зла? Или даже... поможешь выбраться отсюда?

— Если смогу. А сейчас — довольно болтать. Вперед.

Парисита откинула гобелен, висевший напротив двери, и нажала на фрагмент причудливого орнамента. Часть стены бесшумно ушла внутрь, и их глазам открылась узкая лестница, ведущая вниз, во мрак.

— Господа почему-то считают, что рабы не могут знать их секретов,— с легкой улыбкой сказала девушка.— Идем.

Как только они ступили на лестницу, плита вернулась на прежнее место. Конан очутился в кромешной тьме, лишь дырочки в плите давали слабый свет. Оба спускались, пока, по расчетам Конана, не оказались значительно ниже дворца, и дальше зашагали по узкому ровному ходу, убегающему вдаль от подножия лестницы.

— Этот ход показал мне один шатрисц, решившийся бежать из Джанайдара,— сказала девушка.— Я хотела бежать вместе с ним. Мы прятали здесь оружие и запасы еды. Но наши планы раскрыли. Шатрийца схватили и подвергли изуверским пыткам, но он умер, так и не выдав меня... Здесь должен быть меч, который он припрятал.— Она пошарила в нише и, достав клинок, протянула его киммерийцу.

Они прошли еще несколько ярдов и остановились у двери, обшитой железом. Приложив палец к губам, Парисита указала на крошечные отверстия, служившие для тайного наблюдения. Заглянув в одно, Конан увидел широкий коридор: в монолитной стене была одна-единственная дверь из брусьев черного эбенового дерева, скрепленных для надежности стальными полосами; правая стена прерывалась через равные промежутки большими, в рост человека, решетками, за которыми находились вырубленные в скале ниши — камеры для узников. Дальний конец коридора отстоял ярдов на сто и тоже был перегорожен крепкой дверью. Бронзовые лампы под потолком отбрасывали слабый свет.

Перед одной из камер с ятаганом в руке застыл ослепительный гирканец в великолепных латах и в шлеме с перьями. Кончиками пальцев Парисита коснулась руки Конана.

— Нанайя в той камере,— прошептала она.— Ты справишься? Учти, этот гирканец — сильный воин.

Варвар с мрачной усмешкой взмахнул мечом — длинный клинок вендийской стали, легкий и вместе с тем очень прочный. Конан не стал распространяться, что в совершенстве владеет прямым клинком воинов Запада и с не меньшим мастерством — кривым клинком Востока; что в бою ильбарский кинжал с двойным изгибом и широкий меч шемитов словно врастают ему в руку... Не теряя времени, Конан открыл дверь.

Киммериец рванулся вперед, клинки встретились. Миг — и лезвия замелькали с такой яростью, что от их пляски зажглась бы кровь и у дряхлого старца, не говоря уже о двух молодых женщинах — невольных свидетельницах поединка. Тишину нарушали лишь шарканье и шлепанье босых ног, звон и скрежет стали да хриплое дыхание воинов. Длинные смертоносные лезвия сверкали в призрачном свете как живые, словно вдруг стали частью живой плоти людей.

Но вот чаша весов дрогнула. Лицо гирканца исказило предчувствие смерти, и в последнем отчаянном усилии он попытался утянуть за собой в небытие и своего врага. Меч взмыл над его головой, но вспыхнула сталь — и клинок Конана легко, точно лаская, прошелся по шее стражника. Не проронив ни звука, гирканец рухнул на пол, из перерезанного горла била кровь.

Секунду Конан стоял над распростертым телом; на острие меча стыла темно-красная полоса. Разорванная одежда открывала легко вздымавшуюся мощную грудь. И только потный ручеек на лбу выдавал еще не схлынувшее напряжение. Наклонившись, Конан сорвал с пояса стражника связку ключей. Послышался скрежет стали в замке, и Нанайя будто очнулась от чар.

— Конан! — воскликнула она.— Ты все-таки пришел! А я уж потеряла всякую надежду! Но что за бой! Жаль, я не могла добавить ему еще и от себя! — Быстро подойдя к трупу, девушка выдернула из коченеющих пальцев меч.— Что дальше?

— Если станем выбираться отсюда до темноты, наверняка пропадем,— ответил Конан.— Нанайя, когда должен прийти стражник на смену этому?

— Они сменяются каждые четыре часа. Этот заступил совсем недавно.

Варвар повернулся к Парисите:

— Какое сейчас время суток? Я не видел солнца с раннего утра.

— Давно за полдень. Заход часа через четыре.

Выходит, он пробыл в Джанайдаре гораздо дольше, чем ему казалось.

— Выбираться будем, когда стемнеет. Сейчас вернемся в комнату. Нанайя, ты останешься на потайной лестнице, а Парисита выйдет через дверь и вернется в покои к невольницам.

— Но когда придут сменять этого,— чуть заметный кивок на распростертое тело,— то сразу обнаружат, что я сбежала. Думаю, будет лучше оставить меня здесь, пока не наступит подходящее время.

— Я не могу так рисковать. Что, если мне помешают спуститься за тобой? Когда побег откроется, то наверняка во дворце подымется суматоха, а это нам на руку. А сейчас давайте-ка спрячем труп.

Он бросил взгляд на черную дверь, но Парисита, вдруг став бледнее полотна, воскликнула:

— О господин, только не туда! Не открывайте ее! За этой дверью — Смерть!

— Что ты несешь? Говори толком, что там?

— Не знаю. Туда швыряют тела казненных, а еще тех несчастных, кого не замучили до смерти. Что с ними там происходит, я не знаю, но я слышала их вопли — вопли ужаса, страшнее, чем под пытками. Девушки шептались, что за этой дверью живет демон-людоед.

— Похоже на правду,— сказала Нанайя.— Несколько часов назад здесь побывал раб со страшной ношей. Он отпер дверь и выбросил тело наружу; судя по росту, оно не могло принадлежать ни мужчине, ни женщине.

— Значит, это был ребенок,— непослушными губами прошептала Парисита и вздрогнула, точно в ознобе.

— Ладно вам,— проворчал варвар.— Сделаем так: переоденем стражника в одежду Нанайи, втащим в камеру и уложим лицом к стене. Ты девушка рослая, и замену обнаружат не сразу. Может быть, сменщик примет его за тебя и решит, что ты спишь или вообще со страху померла,— это неважно. В любом случае он первым делом кинется разыскивать товарища, и чем дольше они провозятся, тем больше у нас будет времени на то, чтобы отсюда выбраться.

Не колеблясь ни секунды, Нанайя сбросила куртку, стянула через голову рубашку и быстрым движением выскользнула из коротких штанов; Конан тем временем раздевал гирканца. Зардевшись, Парисита издала тихий возглас изумления.

— Что такое? — буркнул Конан.— Ты что, никогда не видела голых? Помолчала бы лучше, чем без дела разевать рот.

Через минуту Нанайя была уже в одежде гирканца — натянула на себя все, кроме шлема и доспехов. Пока девушка без особого успеха пыталась соскрести ногтями кровавое пятно с плеча накидки, Конан втащил мертвеца в камеру и уложил его у дальней стены, отворотив лицо так, чтобы скрыть усы и клок бороды. Затем, натянув рубашку Нанайи ему на шею, прикрыл ею страшную рану. Закончив с трупом, киммериец закрыл камеру на замок и протянул ключи Нанайе:

— Кровь с пола нам не стереть. У меня пока нет плана, как выбраться из города. Если ничего не выйдет, я просто убью Вирату, а дальше — да свершится воля Крома! Если же выберетесь без меня, уходите той же тропой, какой сюда попали, и, затаившись где-нибудь, дождитесь воинов из Кушафа. Тубала я послал на рассвете, к сумеркам он должен добраться до Кушафа, значит, козаки будут в каньоне у плато завтра утром.

Они вернулись к потайной двери — закрытая, та полностью сливалась со стеной. Пройдя узким коридором, все трое поднялись по лестнице.

— До времени останешься здесь,— сказал Конан Нанайе.— Сиди тихо и не высовывайся — все равно не поможешь. Если со мной что случится, попробуй дождаться Париситу и уходите вдвоем.

— Как скажешь, Конан.— Скрестив ноги, Нанайя уселась на верхнюю ступеньку.

Парисита и Конан вошли в комнату. Чтобы как-то приободрить девушку, киммериец легонько сжал ей запястье.

— Сейчас уходи: если еще задержишься, то могут почуять неладное. Постарайся вернуться сразу, как совсем стемнеет. Страже скажешь, что, мол, так велел магистр. Думаю, я пробуду здесь до возвращения этого парня — Тигра. А вот когда все созреет для побега, я наведаюсь к Вирате и поговорю с ним по душам. Да, тебя будут расспрашивать, так ты скажи им, что вино я пил, что ты меня обыскала, но никакого оружия не нашла.

— Слушаюсь, господин! Я вернусь, как стемнеет.— От возбуждения и страха голос девушки дрожал.

Парисита ушла. Конан взял кувшин с вином и смазал им губы, чтобы чувствовался характерный запах. Потом вылил остатки в угол за гобелен и, растянувшись на кушетке, притворился спящим.

Минуту спустя дверь снова приоткрылась и кто-то вошел. Конан не шелохнулся: судя по легкому шороху босых ног и аромату, это девушка, но, по некоторым признакам, не Парисита. Очевидно, полностью магистр не доверяет никому, и меньше всего — женщинам. Навряд ли она послана с целью убить его — вполне хватило бы подмешать в вино яду,— а потому будет лучше не рисковать и не пытаться заглянуть сквозь ресницы.

Частое, прерывистое дыхание выдавало ее страх. Ноздри девушки едва не касались губ киммерийца, пока она, склонившись над ним, старалась уловить в его размеренном дыхании запах подмешанного в вино зелья. Кончики нежных пальцев пробежали по его телу в поисках оружия. Со вздохом облегчения девушка выскользнула из комнаты.

Воин тихонько рассмеялся. Пройдет еще немало часов, прежде чем настанет время действовать, а потому, пока есть такая возможность, стоит поспать. Теперь жизнь Конана, а также жизни двух девушек зависели от того, насколько удачно ему удастся нащупать способ, как улизнуть из города демонопоклонников. А между тем он спал крепко, без сновидений, точно возлежал на мягком ложе в доме лучшего друга.

5

МАСКА СОРВАНА

Чья-то рука чуть коснулась двери, и Конан уже на ногах — с ясными глазами, готовый в любую секунду дать отпор: в комнату с поклоном входил Хазан. Торжественным тоном стигиец объявил:

— О господин, великий магистр сынов Джезма желает тебя видеть. Тигр вернулся.

Так, значит, этот Тигр вернулся раньше, чем его ждали. Следуя за стигийцем, Конан чувствовал, как растет напряжение в мускулах, как обостряется восприятие, быстрее бежит в жилах кровь.

Хазан прошел не в тронный зал — место первой встречи с магистром, а извилистым коридором вывел к двери в бронзовых пластинках, перед которой стоял гирканец с обнаженным мечом в руке. Страж открыл дверь, и Хазан, шагнув первым, жестом пригласил Конана войти. Едва киммериец переступил порог, как дверь захлопнулась.

Конан огляделся. Он находился в просторной комнате без окон, в которую выходило несколько дверей. Против него у дальней стены помещалась кушетка, на которой развалился магистр,— оба черных раба по бокам. Тут же, рядом, толпились не меньше дюжины вооруженных людей: зуагиры, гирканцы, иранистанцы, шемиты, и, к своему большому удивлению, Конан увидел среди них и злодейского вида гиперборея — первого за все время, что он пробыл в Джанайдаре.

Чтобы оценить силы врага, варвару хватило мимолетного взгляда. И тут же его внимание приковал человек в центре комнаты. Тот стоял между ним и магистром, широко — на манер всадника — расставив ноги, ростом почти с Конана, хотя и не такой плотный. Широкие плечи, стальные мускулы и гибкое, как китовый ус, тело выдавало в нем сильного воина. Короткая черная борода не могла скрыть воинственно выпяченной нижней челюсти, а серые глаза под высокой меховой шапкой смотрели холодно и пронзительно. Облегающие штаны подчеркивали мускулистость ног. Пальцы правой руки поглаживали усыпанный каменьями эфес сабли, пальцы левой теребили жидкие усы.

Итак, игра окончена. Перед Конаном стоял Гарет, искатель приключений из Хаурана, который знал варвара слишком хорошо, чтобы в нем обмануться. И разумеется, он не забыл, как три года назад Конан вытеснил его в борьбе за лидерство в банде зуагиров, оставив на память об их споре сломанную руку.

— Наш гость желает присоединиться к нам,— нарушил молчание Вирата.

Человек по прозвищу Тигр усмехнулся:

— Лучше уж лечь в постель с леопардом, чем с этим. Я знаю Конана уже порядочно. Он ужом проползет в твои ряды, настроит против тебя всех людей, а потом, когда меньше всего будешь этого ждать, всадит в спину нож.

Десятки обращенных на киммерийца глаз заполыхали жаждой смерти. Для воинов Тигра слово их начальника было решающим.

Конан расхохотался. Ну что ж, он сделал все возможное, и дурачиться дальше не имеет смысла. Наконец-то он может сорвать с дикой души варвара ненавистную маску светского хлыща, чтобы без глупых сожалений с головой отдаться кровавым игрищам!

Магистр пожал плечами:

— Ты знаешь, Тигр, в подобных вещах я полностью полагаюсь на твое мнение. Поступай как знаешь, он безоружный.

При мысли о беспомощности жертвы лица воинов исказил волчий оскал. В воздухе засверкала обнаженная сталь. Гарет жестоко усмехнулся.

— Мы придумаем тебе конец позабавней,— сказал он.— Интересно, будешь ли ты сохранять то же спокойствие, с каким висел на кресте в Хауране... Связать его!

Не прерывая речи, Гарет потянулся за саблей, но так медленно и неохотно, словно забыл, какую опасность таит в себе этот черноволосый варвар, какая дикая необузданная сила заключена в этих вздувшихся буграми мускулах.

Не успел Гарет вытащить клинок, как Конан, вдруг прыгнув вперед, нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Мощь огромного кулака могла бы сравниться разве что с мощью молота в руках кузнеца. Гарет рухнул на каменный пол, изо рта его хлынула кровь.

Конан схватился за эфес сабли, но над ним уже навис гиперборей с огромным ильбарским кинжалом. Он один разгадал под маской нарочитого спокойствия смертоносную ярость варвара, но все-таки не смог уберечь своего начальника. Однако он не дал Конану завладеть саблей: тот выпустил эфес и круто повернулся, чтобы встретить врага. Гиперборей ударил, но варвар успел перехватить его руку, и острие клинка, подрагивая, остановилось в дюйме от его груди. Нечеловеческим усилием удерживая смерть левой рукой, Конан правой выхватил из-за пояса гиперборея кинжал и всадил тому по самую рукоятку меж ребер. Враг повалился с предсмертным хрипом, а Конан, вырвав из ослабевших пальцев страшный клинок, легко, как пантера, вскочил на ноги.

Все произошло с ошеломляющей быстротой — в мгновение ока. Прежде чем кто-либо очухался, Гарет уже лежал недвижим, а над ним хрипел гиперборей. Когда подоспели остальные, их встретил трехфутовый ильбарский клинок в руке искуснейшего воина хайборийских земель.

Внезапный выпад в развороте — и опередивший прочих зуагир с отчаянным воплем отступил назад; из рассеченной сонной артерии с потоком хлещущей крови быстро уходила жизнь. Глухо застонал гирканец, зажимая ладонями вспоротый живот. Стигиец, до которого дотянулся клинок, вдруг споткнулся, схватившись за кровавую культышку вместо правой руки: запястье с ятаганом упало ему под ноги.

Конан не отступил к стене, чтобы обезопасить тыл. Наоборот, бешено размахивая окровавленным кинжалом, он прыгнул прямо в гущу врагов. Киммериец очутился как бы в центре урагана: вокруг него, сверкая, взлетали и опускались сабли, из ран потоками струилась кровь, слышались хрип, проклятия и стоны, но каким-то чудом все удары врагов попадали мимо цели — варвар двигался так стремительно, так быстро менял стойки, что враги никак не могли за ним уследить. Их многочисленность только мешала делу: сбитые с толку его увертливостью, ошеломленные неожиданным нападением и кровавой резней, они лишь попусту размахивали оружием, зачастую раня и убивая друг друга.

В яростной схватке длинный ильбарский кинжал оказался несравненно удобнее ятаганов и сабель, и Конан успешно пользовался его преимуществами: ударами сверху разрубал черепа, отсекал конечности, с размаху вспарывал животы.

Это была работа мясника — тяжелая и кропотливая, но Конан не сделал ни одного лишнего движения. Он уверенно перемещался среди напряженных тел и стальных клинков, оставляя за собой кровавый след.

Схватка длилась не больше минуты. Наконец уцелевшие, устрашенные огромными потерями, отступили в замешательстве. Тогда, окинув быстрым взглядам комнату, Конан нашел магистра, по-прежнему лежавшего на кушетке между бесстрастными кушитами. Но едва мускулы ног напряглись для прыжка, как громкий шум заставил Конана оглянуться.

В дверях, выходящих в коридор, появились стражники гирканцы с тяжелыми луками, и люди в комнате, не мешкая, подались по сторонам. На раздумье — секунда, пока руки воинов с напряженными, узловатыми мышцами вкладывают стрелы и, прицеливаясь, натягивают тетивы луков. Главное — просчитать, успеет ли он убить магистра, прежде чем убьют его самого. Нет, ничего не выйдет: еще в прыжке его тело пронзят с полдюжины стрел, пущенных из тугих луков гирканских кочевников. Они поражают и за пятьсот шагов и легко пробьют его кольчугу. Да от одних ударов стрел его тело, не долетев до цели, рухнет на пол!

И вот в тот миг, когда начальник лучников открыл рот, чтобы крикнуть «Бей!», Конан плашмя бросился на пол. Стрелки спустили тетивы. С тонким свистом, сталкиваясь на лету, с полдюжины стрел пролетели в нескольких дюймах над его головой.

Пока лучники доставали из колчанов новые стрелы, киммериец, не выпуская кинжала, с такой силой оттолкнулся кулаками от пола, что тело его подбросило в воздух. Миг — и он снова на ногах. Но прежде чем гирканцы вновь изготовились к стрельбе, Конан был уже среди них. Звериным натиском и неустанной работой клинка он проложил тропу из окровавленных, корчащихся тел. Разметав какой-то сброд за дверью, Конан помчался по коридору. Он несся, наугад захлопывая за собой двери комнат, в слабой надежде сбить погоню со следа, а суматоха во дворце все набирала силу. Вот Конан свернул в узкий ход и вдруг очутился в тупике с зарешеченным окном.

Из ниши с дротиком в руке выскочил горец-химелиец. Конан обрушился на него подобно горному обвалу. Устрашенный видом невесть откуда взявшегося перепачканного кровью чужака, химелиец дико закричал и вслепую ткнул своим оружием, промахнулся, потянул было на себя, но еще раз ударить не успел: варвар, потеряв разум от обилия крови, яростно взмахнул кинжалом. Брызнула алая струя, и голова горца, соскочив с плеч, глухо брякнула о камень.

Конан метнулся к окну. Размахнувшись, он ударил тяжелой рукоятью по прутьям — бесполезно! Тогда, вцепившись в решетку обеими руками, он уперся подошвами в стены по обе стороны окна и что было сил потянул решетку на себя. Мышцы вздулись, глаза залил пот, последний бешеный рывок — и решетка вместе с каменной крошкой вылетела из окна! Киммериец с трудом протиснулся в образовавшуюся брешь и оказался на балконе в ажурной оплетке из тонких медных прутьев. Внизу благоухал сад, а за его спиной слышался громовой топот ног по коридору. Рядом с ухом пропела стрела. Выставив перед собой руку с кинжалом, наклонив голову, Конан прыгнул вперед и, прорвавшись сквозь легкое ограждение, полетел боком вниз, однако приземлился на ноги мягко, по-кошачьи.

Сад был пуст, если не считать с полдюжины наложниц, которые, завидев варвара, с визгом разбежались в разные стороны. Не теряя времени, киммериец помчался к стене напротив, петляя меж деревьев, чтобы спастись от града стрел. Бросив взгляд через плечо, Конан увидел на балконе

десяток разъяренных воинов с перекошенными злобой лицами. Резкий крик подсказал ему: впереди опасность!

По стене, размахивая саблей, бежал человек.

Этот парень — смуглый толстый вендиец — точно рассчитал место, к которому должен был выбежать варвар, но сам туда немного опоздал. Высотой стена была в рост человека, не больше. На бегу ухватившись за край, Конан оттолкнулся от земли и легко взлетел на гребень. Через секунду, увернувшись от удара сабли, он погрузил ужасный клинок в выпирающий живот вендийца.

Тот, заревев как бык, в последнем усилии обхватил своего убийцу и, не разжимая рук, стал заваливаться через парапет. Конан едва успел заметить уходящую вниз отвесную гладкую стену. Небольшой выступ задержал падение, но ненадолго — оба рухнули с высоты пятнадцати футов прямо на камни. Однако Конан изловчился и в падении поменялся с вендийцем местами, так что жирное тело смягчило удар. И все-таки киммерийца тряхнуло так, что душа едва не отлетела от тела.

6

ПРИЗРАК УШЕЛИЙ

Конан, пошатываясь, поднялся на ноги. Руки его были пусты. Подняв голову, он увидел над краем парапета ряд голов в тюрбанах и шлемах. Но вот появились луки и стрелы.

Конан затравленно огляделся — укрыться негде. Вновь броситься плашмя? Нет, бесполезно: с высокой стены он послужит для лучников отличной мишенью.

Зазвенела спущенная тетива, и, ударившись о камень, стрела разлетелась в щепки. Конан кинулся на землю — за тело убитого вендийца. Просунув под него руку, он перевалил окровавленное, все еще теплое тело на себя. Едва он это сделал, как целый град стрел обрушился на труп. Конан почувствовал себя точно под наковальней, по которой вдруг дружно замолотила компания кузнецов. К счастью, этот вендиец оказался настолько толстым, что все острия застревали в мертвой плоти, не причиняя вреда варвару.

— Кром! — выругался Конан, когда стрела задела ему икру.

Наконец джезмиты убедились, что только разукрашивают труп перьями, и дробный стук прекратился. Конан нащупал

пухлые волосатые запястья. Затем, повернувшись на бок, вскочил и забросил мертвеца себе за спину. Руки варвара задрожали от напряжения — вендиец весил не меньше самого Конана.

Прикрываясь трупом как щитом, Конан стал удаляться от стены. Увидев, что жертва ускользает от мести, джезмиты разом завопили и послали вдогонку целую тучу стрел, но те также не достигли цели.

Еще несколько шагов — и киммериец укрылся за торчащим каменным зубом. Конан сбросил мертвеца, грудь и лицо которого украшали не меньше дюжины стрел.

— Будь у меня лук, я бы научил этих псов кой-чему,— процедил варвар сквозь зубы, выглядывая из-за камня.

Над стеной повсюду торчали головы, но луки бездействовали. Среди тюрбанов и шлемов Конан узнал высокую меховую шапку Гарета, который закричал со стены:

— Ты думаешь — удрал? Давай, беги! Ты еще пожалеешь, что не остался в Джанайдаре в компании моих головорезов! Прощай, покойничек!

Гарет отрывисто кивнул, и его люди вместе со своим начальником скрылись с глаз. Конан остался один, не считая трупа у его ног.

Нахмурившись, варвар неторопливо огляделся: помнится, южный край плато, у города, обрывался во множество узких расселин, и, похоже, он находился как раз в этой впадине. Прямое, шириной в десять шагов ущелье походило на огромную ножевую рану. Оно выходило из лабиринта и другим концом упиралось в отвесную гладкую скалу, служившую основанием для дворца и дворцового сада. Высотой футов в двадцать, скала в этом месте была слишком гладкой для творения природы.

Боковые стены здесь также были отвесными и носили следы инструментов. В тупике на высоте пятнадцати футов их опоясывал железный карниз, утыканный короткими лезвиями вниз острием. Карниз выручил Конана, задержав падение, но любой, кто захотел бы выбраться из ущелья, напоролся бы на эти стальные жала. Ложе ущелья представляло собой пологий склон, так что за пределами железного пояса стены высились уже на двадцать и более футов. Это была западня: частью — творение природы, частью — созданная руками человека.

Конан посмотрел вдоль ущелья. На другом конце оно расширялось, разделяясь на расселины поуже с монолитны-

ми каменными грядами вместо стен; а над всем этим темнели очертания огромной горы. Ход в лабиринт был свободен, но вряд ли преследователи, обезопасив себя в одном конце ущелья, оставили лазейку в другом.

Однако в любом случае он не намерен сидеть сложа руки, покорно ожидая уготованной участи. Они, как видно, решили, что с ним уже все кончено, но разве не было других, кто думал точно так же,— и где они сейчас?

Конан вытащил из тела вендийца ильбарский кинжал, вытер с лезвия кровь и зашагал вниз по ущелью.

Через сотню ярдов он достиг места, куда выходили узкие расселины, выбрал первую попавшуюся — и сразу потерялся в кошмарной путанице лабиринта. Ходы беспорядочно петляли среди дикого нагромождения камня. Почти все они, то сливаясь, то вновь разделяясь, протянулись с севера на юг, и каждый заканчивался тупиком; а если, пытаясь выбраться, Конан перелезал через стену, то попадал точно в такой же ход. Раз, спускаясь с гряды, Конан вдруг услышал, как под его пяткой что-то сухо треснуло. Поглядев под ноги, он увидел высохший человеческий скелет. Раздробленный на куски череп лежал неподалеку. С этой минуты страшные останки стали попадаться все чаще. И у каждого скелета — сломанные, неестественно вывернутые кости, расчлененные позвоночники, расколотые черепа. Было ясно одно: силы природы здесь ни при чем.

Настороже, ощупывая взглядом каждый выступ, каждую затененную нишу, Конан медленно продолжал путь. В одном месте он почувствовал слабый запах гниющих отбросов и вскоре наткнулся на раскиданные по земле дынные корки и плоды папайи. Его ноги почти все время ступали по камню, и вдруг он вышел на следы! Почти занесенные песком, они, однако, читались довольно отчетливо. Их не могла оставить лапа леопарда, медведя или тигра, что было бы вполне естественно в горах с такими условиями. Нет, больше всего они походили на отпечатки босой, неправильной формы человеческой ступни!

Через некоторое время Конан вышел к полого выступающей скале, к которой пристали клочья жестких пепельных волос, будто о камень кто-то недавно терся спиной или брюхом. Вместе с запахом гнили воздух здесь был насыщен отвратительной, резкой вонью, особенно нестерпимой в неглубоких пещерах, где этот зверь, человек или демон, похоже, проводил ночи.

Отчаявшись отыскать выход из каменной западни, Конан решил подняться на изъеденную непогодой гряду, которая снизу казалась несколько выше других.

С ее острого гребня киммериец внимательно оглядел местность. Повсюду — на востоке, на юге и на западе — взгляд натыкался на преграды. Крутые скалы и гряды, шпили и пики окружали лабиринт неприступной стеной. И лишь с севера это кольцо было разорвано ущельем, протянувшимся от дворцового сада.

Природа загадочного явления прояснилась. Как видно, давным-давно часть плато между горой и местом, где сейчас стоял город, просела, в результате чего образовалась огромная впадина в виде чаши. С течением времени под воздействием солнца, воды и ветра ровная поверхность впадины разрушилась и образовался этот чудовищный каменный хаос.

Итак, по ущельям бродить бесполезно. Сейчас главное — добраться до края лабиринта, чтобы отыскать в изломанной стене какую-нибудь скалу, источенную непогодой, по которой можно было бы подняться, или же щель у основания, в которую должна вытекать дождевая влага. Кажется, одна из расселин, ведущих на юг, длиннее прочих и как будто не такая извилистая. Быть может, по ней он скорее попадет к подножию горы, нависшей над впадиной? И вовсе ни к чему ломиться напрямик и карабкаться с гряды на гряду, рискуя пораниться об острые выступы. Будет гораздо легче и быстрее сначала вернуться к развилке у скалы с железным козырьком, а потом уже узкими расселинами выйти к цели.

Быстро спустившись, Конан зашагал обратно. Солнце клонилось к закату, когда он вышел к большому ущелью. Определив нужный ему ход, он направился к устью, на ходу оглянулся, чтобы взглянуть напоследок на труп у дальней скалы... и застыл пораженный.

Тело вендийца исчезло, хотя его сабля по-прежнему лежала у подножия стены. Рядом валялись несколько стрел — похоже, они выпали из трупа, когда того волокли по камням. Внимание варвара привлекло слабое мерцание футов за пять от него. Приблизившись, Конан обнаружил, что оно исходит от пары серебряных монет, валявшихся в пыли.

Конан подобрал монеты и какое-то время в задумчивости их разглядывал. Затем, прищурившись, тщательно обшарил взглядом каждый излом, каждый закоулок вокруг. Проще всего было бы предположить, что тело унесли сами джезмиты, каким-то образом проникшие в ущелье. Но в

этом случае они наверняка подобрали бы неповрежденные стрелы, не говоря уже о деньгах.

Но если это не джезмиты, то кто? Опять же эти изломанные скелеты и раздробленные черепа... Помнится, Парисита говорила что-то о двери в преисподнюю или о чем-то в этом роде... Да, дело ясное: здесь, в лабиринте, обитает неведомая, враждебная человеку сила. Кром всемогущий! А что, если та причудливо изукрашенная дверь в темнице выходит не куда-нибудь, а в это самое ущелье?!

Осмотрев дюйм за дюймом гладкую стену, Конан обнаружил то, что искал: узкие трещинки, незаметные для случайного взгляда, выдавали знакомые очертания. Замаскированная под скалу со стороны ущелья дверь была пригнана почти идеально. Мускулы варвара напряглись — и все силы его тела ушли в мощный удар, но дверь даже не шелохнулась. Конан вспомнил о тяжелых засовах и стальных полосах. Пожалуй, такую дверь разобьет только таран. Неприступная дверь, лезвия железного карниза, гладкие стены — они сделали все возможное, чтобы таинственный обитатель каменных джунглей не смог попасть в город. Но с другой стороны, вряд ли пики и двери способны остановить демона, а значит, тварь, против которой приняты все эти меры, должна быть создана из плоти и крови. Это несколько успокаивало.

Конан посмотрел вниз — туда, где в большое ущелье выходили десятки узких расселин. Интересно, какое чудовище скрывает в себе лабиринт? Солнце еще не село, не успело скрыться за краем стены, но его лучи не достигали дна. По-прежнему было светло, но уже отовсюду наползали тени.

Вдруг до ушей варвара донесся шум: приглушенные удары — тум-тум-тум,— как будто два барабана отбивали ритм марширующим воинам. И вместе с тем в этих звуках было что-то необычное. Конану был знаком сухой треск деревянных колод — барабанов Куша, гром медных литавр гирканцев, рассыпчатая дробь походных барабанов гипербореев, но эти удары отличались ото всех. Конан оглянулся на Джанайдар, но шум доносился не со стороны города. Казалось, он исходит сразу отовсюду: из воздуха, от стен вокруг, из-под земли.

Затем наступила тишина.

Когда Конан снова вступил в лабиринт, впадина уже погрузилась в голубоватый сумрак. С полчаса он пробирался извилистыми ходами, пока наконец не очутился в широ-

ком месте, откуда, как он заметил с гребня гряды, можно было почти напрямую добраться до южной стены впадины. Но не прошел Конан и пятидесяти ярдов, как расселина разделилась под острым углом на два хода. С гряды он не заметил развилку и сейчас, озадаченный, медлил, не зная, какой следует выбрать путь.

Конан пристально вглядывался в оба хода и вдруг замер. В правой расселине ярдов за сорок от развилки виднелся сгусток фиолетовой тени — ниша в скале. И в этом сгустке что-то шевелилось! Внезапно мускулы под кожей вздулись буграми, стальными струнами зазвенели нервы: перед человеком в неверном лунном свете стояло огромное волосатое существо!

Чудовищная обезьяна на кривых, узловатых ногах, ростом не ниже гориллы, высилась в полумраке подобно наводящему ужас призраку из древней легенды, облаченному в живую плоть и кровь. Существо чем-то напоминало человекообразных обезьян — Конан прежде встречал таких в горах по берегам моря Вилайет,— но эта была значительно крупнее, а спутанные клочья пепельно-серой, едва не белой шерсти, густой, как у животных Севера, свисали почти до земли.

Судя по отпечаткам ступней и расположению больших пальцев, по своему развитию тварь стояла ближе к человеку, чем к животным. Она не лазила по деревьям — местами ее обитания были скорее горные отроги и степи. В целом с чертами обезьяны, лицо, однако, имело и отличия: более выраженная переносица и не такая массивная нижняя челюсть. Но отдаленное сходство с человеком только усиливало отвращение при виде твари, а огоньки в маленьких красных глазках мерцали лютой злобой и жестокостью.

И тут Конан вспомнил: перед ним чудовище, о котором упоминалось в мифах и легендах Севера,— снежная обезьяна из жутких пустынь Патении. О существовании зверя ходили самые невероятные слухи, и все они зарождались на унылых плато бесплодной земли Лоулана. Жители горных племен клялись всеми богами, что все рассказанное ими — чистая правда, что в их стране и вправду обитает человекоподобный зверь, который пришел к ним еще в незапамятные времена и сумел приспособиться к скудной пище и суровым морозам северных гор.

Все это пронеслось в мозгу варвара, точно вспышка молнии, пока оба — человек и зверь,— не двигаясь, с напряжен-

ным вниманием оглядывали друг друга. Но вот обезьяна оскалила желтые клыки, с ее зубов сорвались клочья пены, и, раскрыв пасть, зверь издал высокий, леденящий душу крик, многократно отраженный от стен ущелья.

Конан ждал: ноги словно вросли в камень, острие клинка направлено в мощную грудь обезьяны.

До этого дня чудовищу попадались или мертвецы, или измученные пыткой узники. Его разум, отличавшийся от разума зверя лишь крохотной живой искоркой, находил жестокое удовольствие в предсмертных страданиях своих жертв. А этот двуногий перед ним — такое же слабое создание; и пусть у него в руке что-то блестит, зверь, как и с теми, сначала натешится его муками, а потом разорвет на части и размозжит голову, чтобы добраться до лакомства — нежного, жирного мозга.

Размахивая длинными руками, обезьяна шагнула вперед. Конан понял, что он уцелеет только в одном случае: если сумеет избежать смертельных объятий этих огромных рук.

Чудовище оказалось проворнее, чем можно было ожидать. Между противниками оставалось еще несколько футов, когда чудовище вдруг оторвалось от земли в мощном прыжке. Но еще не накрыла варвара уродливая тень, еще не сомкнулись страшные руки, как Конан сделал легкое движение, и будь на его месте леопард, тот был бы посрамлен изяществом, с каким человек уклонился от удара.

Толстые черные ногти лишь зацепили рваную тунику. Тут же блеснул клинок — и сдавленный вопль прокатился по лабиринту: правое запястье обезьяны было разрублено до половины! Плотный волосяной покров не позволил клинку довершить дело. Из раны хлынула кровь. Два-три мгновения — и зверь вновь бросился вперед, на этот раз с такой яростью, что человек не успел отскочить в сторону.

Конан сумел лишь увернуться от узловатых пальцев, едва не вспоровших ему живот острыми ногтями, но литое, точно каменная глыба, плечо ударило его в грудь, и киммериец отлетел к стене. Зверь медленно приблизился. Волосатая рука схватила варвара и потащила по камням. Полуживой, едва не ослепший от пыли, пота и крови, варвар в последнем отчаянном усилии всадил кинжал по самую рукоятку в огромное брюхо зверя.

В следующий миг оба со страшной силой ударились о каменную гряду. Уродливая рука обхватила торс человека. Визг животного оглушил его, страшные зубы, роняя клочья пены, искали его плоть. Но вот челюсти клацнули в послед-

ний раз, обезьяна запрокинула голову, и по всему телу твари пробежала предсмертная судорога.

Конан высвободился из мощных объятий и, с трудом встав на ноги, протер глаза: его враг в агонии бил ногами. С ужасной обезьяной было покончено. Клинок киммерийца, пройдя сквозь мускулы и внутренности, вонзился прямо в свирепое сердце антропоида!

От долгого напряжения мускулы Конана дрожали. Его тело, крепкое как железо, сумело выдержать яростный натиск чудовища, которое порвало бы на куски любого, будь тот хоть на ничтожную малость слабее варвара. Но в эту схватку Конан вложил всего себя до самой последней клеточки. Одежда едва держалась на плечах, несколько звеньев кольчуги были разорваны. Пальцы с острыми когтями оставили на спине кровавые борозды. Человек стоял, тяжело дыша, как после долгого бега, с головы до ног перепачканный кровью — своей и животного.

Шло время. Показалась бледная луна, перечеркнутая посредине дальним каменным пиком. Конан усиленно размышлял над происшедшим, и постепенно неясная прежде картина обретала четкость. Наверняка измученных пыткой узников вышвыривают обезьяне через дверь в скале. Подобно тварям, обитавшим у моря Вилайет, она питалась и растительной, и животной пищей. Одни только узники навряд ли могут насытить такого огромного и подвижного зверя. Значит, джезмиты должны постоянно его подкармливать — отсюда и объедки дыни, папайи и других плодов.

Конан сглотнул и почувствовал жажду. Он избавил расселины от их жуткого обитателя, но неизбежно погибнет от голода и жажды, если не найдет способа, как выбраться из провала. В этой каменной пустыне где-то должен быть ключ и должна быть лужа с дождевой водой, откуда пила обезьяна, но на их поиски мог уйти целый месяц.

Лабиринт быстро заполняли сумерки, когда Конан, постояв у развилки, направился в правую расселину. Шагов через тридцать обе расселины встретились, и дальше ход был просторнее. С каждым шагом гряды по сторонам становились круче и выше, а в стенах все чаще встречались пещерки и ниши с тошнотворным запахом обезьяны. Конану вдруг пришло в голову, что тварь, возможно, не одна, что могут быть и другие, но он тут же отбросил эту мысль: будь это так, на крик одного зверя немедленно явились бы сородичи.

Наконец над головой нависла громада черной горы. Каменное ложе изгибалось вверх все круче, и вскоре Конан

уже карабкался по склону — все выше и выше, пока не очутился на узком козырьке. Перед ним по ту сторону провала лежал город джезмитов Джанайдар. Отдыхая, киммериец прислонился спиной к гладкой отвесной скале — ни единой трещинки, муха и та не зацепится!

— Кром и Митра! — негромко выругался он.

Вверх пути не было. Конан начал пробираться вправо по склону, пока не достиг края плато. Здесь стены круто обрывались вниз.

Сгустившиеся сумерки мешали определить глубину. Конан прикинул: пожалуй, его бечевы не хватит и до половины. Тем не менее он размотал с талии веревку и опустил ее на всю длину. Крюк повис, свободно покачиваясь в воздухе.

Тогда Конан возвратился на козырек и стал пробираться по другую сторону, не теряя надежды так или иначе нащупать спуск с горы. Здесь склон был не такой крутой. Он снова размотал веревку и повторил опыт — на этот раз удачно. Где-то на глубине тридцати футов находился выступ. Конан наклонился над пропастью — выступ едва заметной тропинкой вел дальше по склону и терялся среди нагромождения скал. Чтобы спуститься с плато этим путем, пришлось бы пробираться по каменным торосам, десятки раз рискуя сломать себе шею. Малейшая оплошность — и вниз, с высоты сотен футов прямо на торчащие клыки скал! Путь не из легких, однако Нанайя сильная девушка, и она его одолеет.

Но главное сейчас — как-то попасть в Джанайдар. Там, на потайной лестнице во дворце Вираты, его дожидается Нанайя... если, конечно, ее до сих пор не обнаружили. И самый верный способ — это подождать, пока не придет джезмит с кормом для обезьяны и не откроет эту дверь в преисподнюю. К тому же, судя по времени, Тубал вместе с воинами из Кушафа должен быть уже на пути к Джанайдару.

В любом случае у него есть чем заняться в этом городе. И, слегка пожав плечами, киммериец повернул обратно.

7

СМЕРТЬ В ДВОРЦОВЫХ ПОКОЯХ

С трудом отыскивая путь в наступившей темноте, Конан пробирался расселинами лабиринта. Наконец он вышел в широкое ущелье, на другом его конце высилась отвесная

стена с поясом из стальных лезвий. Огни Джанайдара отбрасывали в небо слабый свет, увенчивая скалу призрачным, мертвенным ореолом; в воздухе слышались тягучие, заунывные звуки ситара. Высокий женский голос вторил им жалобной песней. Стоя посреди разбросанных скелетов, Конан мрачно усмехнулся в темноту.

Еды перед дверью не было — ни плодов, ни трупов. Оставалось лишь гадать, как часто кормили этого зверя и будут ли вообще его кормить этой ночью.

Делать нечего — ему не привыкать ставить на кон свою шкуру. Киммериец стоял, вжавшись в скалу сбоку от двери, неподвижный как статуя, а между тем мысль о Нанайе, о том, где она сейчас, что с ней, буквально сводила его с ума.

Так минул час. Конан готов был потерять последнее терпение, как вдруг послышался лязг засовов и дверь чуть приоткрылась.

Кто-то смотрел в узенькую щелку, желая, как видно, удостовериться, что ужасного стража лабиринта нет поблизости. Секунды тянулись мучительно медленно. Вновь заскрипели шарниры, дверь открылась, и из нее появился человек; в руке он держал большую медную чашу с овощами и фруктами. Джезмит наклонился, чтобы поставить чашу, и вдруг, заметив тень у стены, удивленно вскрикнул. Но поздно: варвар взмахнул кинжалом, и человек повалился на камни — вниз по ущелью катилась голова.

Заглянув в открытую дверь, Конан увидел пустой коридор и пустые камеры-клетки. Тогда он подхватил обезглавленное тело под мышки и, оттащив от стены, спрятал среди обломков скал.

Затем он вернулся, вошел в коридор и, закрыв за собой дверь, аккуратно наложил засовы. С кинжалом в руке, весь настороже, Конан пошел к потайной двери, ведущей в тунель и дальше — к лестнице. Там он укроется. Правда, его с Нанайей могут обнаружить, но в таком случае они забаррикадируются в коридоре с камерами и до подхода друзей будут держать оборону здесь... если, конечно, друзья вообще когда-нибудь подойдут.

Но не успел киммериец приблизиться к потайной двери, как услышал у себя за спиной скрип шарниров. Конан круто развернулся — дверь на другом конце коридора медленно приоткрывалась. Варвар стремительно бросился к проему, в котором уже показался стражник.

Как и убитый, этот был гирканцем. При виде мчащегося на него варвара воин издал сдавленный крик, его рука метнулась к ятагану.

Последний мощный прыжок — и острие ильбарского кинжала уперлось в грудь стражника. Тот в страхе отшатнулся к закрывшейся двери.

— Тихо! — прошипел Конан.

Гирканец застыл, его желтоватое лицо стало белее снега, мускулы подрагивали. Он осторожно выпустил рукоятку ятагана и протянул к варвару руки, моля о пощаде.

— Ты один? — Глаза Конана сверкнули.

— Один, клянусь Таримом! Больше никого!

— Где иранистанская девушка, Нанайя? — В душе Конан надеялся, что знает это, но с другой стороны... вдруг бегство обнаружили и ее вновь схватили?

— То ведомо одним богам! — ответил гирканец.— Мы с отрядом стражи привели в темницу собак зуагиров и тут, в камере, нашли своего товарища с полуотрубленной головой, а девчонки там не было. От всего этого во дворце такой переполох поднялся, такая беготня — куда там! Но мне приказали увести зуагиров, так что больше я ничего не знаю.

— Каких зуагиров? — удивился Конан.

— Да тех ротозеев, что не заметили тебя на лестнице. За свою оплошность они должны завтра утром умереть.

— Где они?

— В других камерах, за этой дверью. Я только что вышел от них.

— Тогда живо поворачивайся и шагай обратно. И без фокусов у меня!

Гирканец открыл дверь и шагнул за порог, но с такой опаской, будто ступал по обнаженным лезвиям. Оба вошли в новый коридор с таким же рядом камер. При появлении Конана по камерам прокатился изумленный шепот. Бородатые лица сгрудились у решеток, жилистые руки обхватили железные прутья. Семеро заключенных молча, не отрываясь, смотрели на киммерийца, в их глазах пылала ненависть. Конан легонько подтолкнул стражника в спину, и тот встал перед камерой с зуагирами.

— Вы с таким рвением служили своему господину,— с усмешкой сказал варвар,— за что же он вас запер?

Антар, сын Ади, в ярости плюнул под ноги киммерийца.

— Все из-за тебя, пришлый пес! Ты сумел взобраться по лестнице, за это магистр и приговорил нас всех к смер-

ти еще до того, как тебя раскусили. Он сказал: или мы продались, или нас облапошили, но в любом случае мы нарушили долг, а потому утром нас, как баранов, прирежут потрошители Захака, покарай Хануман вас обоих!

— По крайней мере, вы угодите в царствие небесное! — насмешливо напомнил им Конан.— Так что ваша преданность магистру сынов Джезма будет вознаграждена.

— Да чтоб собаки сгрызли этого магистра! — воскликнул с горечью один, а другой добавил:

— Чтоб вас с магистром в преисподней сковали одной цепью! Плевать мне на их рай! Все брехня! Опоят зельем, шлюх напустят, а ты верь!

Конан отметил про себя, что, пожалуй, Вирата напрасно приписывал своим людям беззаветную преданность своей особе: судя по всему, времена предков магистра, когда по воле господина люди с готовностью шли на смерть, безвозвратно ушли в прошлое.

Конан снял с пояса стража связку ключей и как бы в раздумье покачал ею. Зуагиры уставились на связку глазами людей, привязанных к столбам для сожжения и вдруг увидевших близкую грозу.

— Антар, сын Ади,— заговорил варвар, обращаясь к начальнику зуагиров.— Твои руки обагрены кровью многих, но, насколько я помню, ты никогда не нарушал данной клятвы. Магистр приговорил тебя к смерти и, значит, сам отказался от твоих услуг. Зуагиры, вы ему больше не нужны. И вы ничем ему не обязаны.

Глаза Антара загорелись волчьим огнем:

— Если бы я смог отправить его в царство Тьмы, то с легким сердцем сошел бы следом.

Воины застыли в напряженном ожидании.

— Клянетесь ли вы честью своего народа, что будете следовать за мной и служить мне до тех пор, пока не свершится месть или смерть не освободит вас от этой клятвы? — Конан отвел руку с ключами за спину, чтобы не смущать их видом отчаявшихся людей.— Вирата не даст вам ничего, кроме собачьей смерти. Я предлагаю мщение или, по меньшей мере, достойную смерть.

Глаза Антара сверкнули, его мускулистые руки, сжимавшие прутья решетки, задрожали от нетерпения.

— Верь нам! — выдохнул он.

— Клянемся! Клянемся! — зашумели зуагиры за его спиной.— Клянемся честью нашего народа!

Еще не стихли слова клятвы, а Конан уже поворачивал в замке ключ. Дикие, двуличные, жестокие — так отозвался бы о них какой-нибудь вельможа, но Конан знал этих пустынников: у них были свои понятия о чести, во многом схожие с теми, что были приняты в далекой Киммерии.

Они гурьбой вывалились из камеры и тут же вцепились в гирканца, вопя:

— Убить его! Он пес Захака!

Но Конан вырвал стражника из их лап, а самому упрямому добавил кулаком, отчего тот растянулся на полу, что, впрочем, не вызвало особого недовольства.

— А ну, тихо! — прикрикнул он.— Этот человек — мой, и я сам решу, как мне с ним поступить.

Подталкивая перед собой перепуганного стражника, Конан вернулся в темницу, в которой прежде была Нанайя. Поклявшись в верности, зуагиры слепо, ни о чем не спрашивая, шли за новым вожаком. Там варвар приказал гирканцу раздеться. Дрожа от страха перед пыткой, тот поспешно исполнил приказ.

— Поменяйся с ним одеждой! — отрывисто бросил он Антару. Повторять не пришлось, и Конан обратился к другому: — Ты выйдешь через черную дверь и...

— Но там свирепая обезьяна! — в ужасе воскликнул тот.— Она разорвет меня на куски!

— Обезьяна мертва. Я угостил ее вот этим.— Конан коснулся ильбарского кинжала.— Так вот. По ту сторону двери за ближней скалой ты найдешь труп. Возьми кинжал и подбери меч — он где-то там, неподалеку.

Пустынник бросил на Конана благоговейный взгляд и молча удалился. Свой кинжал киммериец отдал другому зуагиру, а кинжалом гирканца — с волнистым лезвием — вооружил еще одного. Тем временем остальные связали стражника, заткнули ему кляпом рот и втолкнули в открытый варваром потайной туннель. Антар уже стоял в остроконечном шлеме, куртке и шелковых штанах стражника. Его скуластое лицо обмануло бы любого, не подозревавшего о подмене. Сам Конан, чтобы скрыть лицо, надел на голову убор Антара из белой ткани.

— И все-таки двое безоружны,— вполголоса сказал он, окинув зуагиров задумчивым взглядом.— Ну да ладно, за мной!

Переступив через связанного стражника, он зашагал по коридору в темноту, мимо глазков, просверленных в боковых стенах. У нижней ступеньки варвар остановился.

— Нанайя! — тихо позвал он. Ответа не было.

Нахмурившись, Конан начал ощупью подниматься по лестнице. Вот и последняя ступенька — девушки нет. Однако два меча, спрятанные наверху, оказались на месте. Итак, теперь каждый из семи зуагиров худо-бедно, но вооружен.

Киммериец заглянул сквозь маленькое отверстие в двери: комната, в которой он спал, была пуста. Чуть сдвинув плиту, он осмотрел помещение через узкую щель, затем полностью открыл дверь.

— Похоже, ее все-таки нашли,— прошептал он Антару.— Куда еще, кроме подземелья, они могли ее спрятать?

— Магистр обычно наказывает провинившихся девушек в тронном зале, где принимал тебя утром.

— Тогда вперед!.. Эй, что это?

Конан насторожился: в воздухе вновь слышались те низкие удары барабана, которые озадачили его в ущелье. Как и в тот раз, звуки точно шли из-под земли. Зуагиры в страхе переглядывались, их смуглые лица покрыла смертельная бледность. Антар зябко поежился.

— Не знаю,— сказал он.— Никто не знает. Это началось несколько месяцев назад, и с тех пор удары раздаются все чаще и все сильнее. В первый раз магистр перевернул город вверх дном — хотел докопаться, откуда идет этот бой. Так ничего и не обнаружив, он бросил поиски и приказал, чтобы никто даже и думать не смел об этих барабанах, не то что упоминать о них. Ходят слухи, что с того дня он едва ли не все ночи напролет пропадает в своей молельне, читая заклинания и дымя благовониями,— хочет дознаться у всякой нечисти, кто не дает ему покоя,— да только все впустую.

Пока Антар говорил, таинственные звуки смолкли.

— Ладно,— сказал Конан.— Отведите меня к этой комнате для порки. Остальным сомкнуть ряды и идти как ни в чем не бывало, но без лишнего шума. Может быть, так нам удастся одурачить дворцовых псов.

— Лучше пройти Райским садом,— посоветовал Антар.— На ночь перед входом в тронный зал ставят усиленную стражу из стигийцев.

Конан кивнул.

Коридор за дверью оказался пуст. Зуагиры зашагали вперед. С наступлением ночи от тишины и загадочности событий воздух во дворце великого магистра словно сгустился. Огни потускнели, тени выросли, тяжелые, мерцающие золотыми узорами гобелены висели не шелохнувшись.

Зуагиры хорошо знали дорогу. Потерявшие прежний лоск, с горящими глазами, крадучись, они шайкой полуночных воров неслышно скользили по темным, богато украшенным переходам. Держась подальше от оживленных мест, они выбирали коридоры, где по ночам никто не бывал. Маленький отряд так никого и не встретил, пока совершенно неожиданно дорогу им не преградила дверь, укрепленная позолоченными железными полосами, которую охраняли два огромного роста черных кушита с обнаженными саблями в руках.

При виде подозрительных вооруженных людей оба молча подняли сабли. Ослепленные жаждой мести, зуагиры всем скопом бросились на чернокожих, и пока двое с мечами нападали в открытую, остальные, пробравшись понизу, вцепились им в ноги, повалили на пол и принялись остервенело добивать. В клубке напряженных, потных тел слышался только предсмертный хрип да блестели кинжалы. Бойня была ужасна, но неизбежна.

— Останешься здесь на часах,— приказал Конан одному из зуагиров. Он распахнул дверь и ступил в сад: пустой, под звездным небом, тот сумрачно светился приглушенными красками цветов, густая зелень покрывала дорожки. Зуагиры, воодушевленные победой, энергично шагали следом.

Конан направился прямо к скрытому ветвями деревьев балкону, выходившему в сад. Трое воинов нагнулись, подставляя спины. Через секунду Конан нашел окно, через которое они с Виратой смотрели в сад. Еще миг — и варвар бесшумно, как кошка, проскользнул между тонких прутьев решетки во дворец.

Из-за гардин, прикрывавших нишу с балконом, доносились два голоса: Вираты и женские всхлипывания.

Слегка отогнув занавеску, киммериец заглянул в зал и первым делом увидел магистра, развалившегося на троне под расшитым жемчугом балдахином. Стражники уже не стояли рядом эбеновыми истуканами. Вместо этого они сидели на корточках перед возвышением и точили длинные, узкие кинжалы; чуть в стороне, в полыхающей жаровне, наливались белым железные шипы и клещи. Нанайя — обнаженная, распятая на полу между неграми — глазами, полными слез, следила за страшными приготовлениями. Ее запястья и лодыжки были туго привязаны к колышкам, вбитым в отверстия в полу. Больше в зале никого не было, на парадных бронзовых дверях — засов.

— Скажи, кто помог тебе бежать из камеры? — послышался тягучий голос Вираты.

— Нет! Никогда! — Пытаясь овладеть собой, девушка до крови закусила губу.

— Конан, не правда ли? — Глаза магистра сверкнули.

— Ты звал меня? — Варвар шагнул из ниши, на его мрачном, с давним шрамом лице играла недобрая улыбка.

Изумленно вскрикнув, Вирата вскочил с трона. Куши-ты с рычанием потянулись за оружием.

Конан прыгнул вперед, и не успел стражник вытащить меч, как упал с рассеченным горлом. Другой с поднятым ятаганом метнулся к распростертому телу девушки, чтобы раньше собственной смерти успеть зарезать жертву. Но ильбарский клинок вовремя отразил удар, и в молниеносном выпаде Конан по рукоятку вонзил клинок в грудь кушита. Тот всей своей тушей повалился на киммерийца, но варвар пригнулся и, упершись свободной рукой в живот чернокожего, напрягая силы, поднял хрипящее тело над головой. Враг застонал и слабо шевельнулся, но Конан с размаху швырнул кушита на пол. С глухим стуком тот рухнул на каменные плиты и испустил дух.

Конан вновь повернулся к магистру, который, вместо того чтобы воспользоваться случаем и бежать, наоборот, подходил все ближе, не сводя с варвара темных, широко раскрытых глаз. Зрачки магистра излучали сумрачный свет, они, словно магнитом, притягивали к себе взгляд варвара.

Конан рванулся вперед, еще миг — и его меч вопьется в тело колдуна! Но тут Конана точно опутали цепями, движения давались ему с неимоверным трудом — казалось, он пробирается по вязкой трясине стигийских болот, поросших черными лотосами. Мышцы вздулись железными буграми, от страшного напряжения на коже выступили капли пота.

Вирата медленно приближался — руки вытянуты вперед скрюченные пальцы еле заметно дрожат, зловещий взгляд устремлен прямо в глаза киммерийца. Вот пальцы чуть распрямились, нацелились на горло. Мозг обожгла мысль: прибегнув к колдовству, этот внешне тщедушный человечек сломает жилистую бычью шею воина, как тростинку!

Все ближе, ближе крючковатые пальцы. Напряжение в мускулах достигло предела, но с каждым шагом магистра чары словно усиливались.

И вдруг отчаянно закричала Нанайя — протяжный, на высшей ноте вопль женщины, с которой живьем сдирают кожу, ворвался в тронный зал.

Вирата обернулся и на какой-то миг отвел глаза. Будто каменная глыба упала с плеч Конана, и, когда магистр снова впился в него взглядом, варвар был готов к отпору. Глядя на грудь Вираты сквозь прищуренные веки, он резко взмахнул кинжалом. Клинок со свистом рассек воздух — с непостижимым проворством козаланец отпрянул прочь и, повернувшись, побежал к парадному входу, крича во все горло:

— На помощь! Стража! Ко мне!

Снаружи послышались вопли, и дверь заходила от мощных ударов. Конан выжидал. Вот пальцы магистра вцепились в засов, но в этот миг Конан, размахнувшись, метнул клинок, и тот, пронзив спину Вираты между лопаток, пригвоздил великого магистра к двери, как насекомое.

8

ВОЛЧЬЯ ТРАВЛЯ

Неторопливо подойдя к двери, Конан выдернул кинжал, и труп магистра соскользнул на пол. В коридоре нарастал шум, а из сада слышались крики зуагиров, которым не терпелось поскорее присоединиться к Конану и узнать, как обстоят дела. Киммериец крикнул, чтобы они обождали. Потом, торопливо освободив девушку, оторвал от дивана полосу шелковой обивки и обернул вокруг ее бедер и талии. И только сейчас, когда опасность миновала, Нанайя дала наконец волю чувствам. Крепко обхватив шею Конана руками, она прильнула к нему всем телом и, захлебываясь в плаче, без конца повторяла одно и то же:

— О Конан, Конан! Я знала, верила, что ты придешь! Они сказали, что ты мертв, но ведь тебя убить нельзя! О Конан!..

— Прибереги-ка свои нежности на потом,— грубовато оборвал он девушку, легонько похлопав ее чуть пониже спины.

Прихватив оружие кушитов, Конан прошел к балкону и передал Нанайю в руки поджидавших внизу зуагиров, затем спрыгнул сам.

— Куда теперь, господин? — Воинов охватило нетерпение, они так и рвались в бой.

— Тем же путем, что пришли,— через потайной ход обратно в подземелье и в лабиринт.

Быстрым шагом они направились через сад. Конан держал Нанайю за руку. Не успели они сделать и дюжины шагов, как впереди раздался звон мечей и тут же — грохот во дворце у них за спиной. Послышалась крепкая брань, скрип петель, и вдруг будто ударил гром — дворцовая дверь в сад захлопнулась. На дорожке, ковыляя, показался зуагир, оставленный на страже. Страшно ругаясь, он на ходу пытался остановить кровь, сочащуюся из раны в предплечье.

— У двери псы-гирканцы! — издали крикнул он.— Кто-то видел нашу схватку с кушитами и доложил Захаку. Одного я пырнул в живот, дверь захлопнул, но долго она не выдержит!

Конан повернулся к Антару:

— Можно выйти из сада, минуя дворец?

— Сюда! — Зуагир побежал к северной стене, скрытой за густой зеленью. Даже на другом конце сада было слышно, как под бешеным натиском степных кочевников разлетается в щепки дверь, ведущая из дворца в сад. Антар рубил по сплетенью ветвей и веток до тех пор, пока взору не предстала маленькая, искусно спрятанная в стене дверца. Конан вставил рукоять кинжала в дужку старинного замка и, осторожно взявшись за клинок, начал медленно поворачивать массивное оружие. Зуагиры наблюдали, затаив дыхание, а грохот и треск со стороны дворца раздавался все громче, все ужаснее. Но вот наконец последний рывок — и дужка разорвана!

Нагибаясь, они друг за другом проскользнули в дверцу и очутились в другом саду, поменьше, залитом светом от висячих фонарей. Едва они успели перевести дыхание, как дворцовая дверь рухнула и поток вооруженных людей хлынул в Райский сад. В центре садика, в который попали беглецы, высилась стройная башня, привлекшая внимание Конана, когда его привели на дворцовый двор. На уровне второго этажа на несколько футов от стены выдавался балкон в узорной деревянной решетке. Над балконом квадратная башня уходила в небо на высоту свыше ста ярдов, у вершины она расширялась и заканчивалась крытой смотровой площадкой.

— Есть отсюда другой выход? — крикнул Конан.

Антар указал рукой:

— Та дверь ведет во дворец, к лестнице в темницу!

— Туда, живо! — Захлопнув дверцу в садик, Конан мощным ударом всадил в косяк кинжал.— Надеюсь, выдержит хоть полминуты.

Они помчались к указанной двери, но та оказалась запертой изнутри. Конан ударил плечом — дверь дрогнула, но выдержала удар.

Яростные вопли за их спинами слились в дикий рев, когда одна из досок разлетелась в щепки и в проеме показались искаженные злобой лица. Замелькали мечи и кинжалы, каждый норовил протиснуться вперед.

— В башню! — отрывисто бросил Конан.— Если туда попадем...

— Магистр занимался в ней колдовством! — выпалил зуагир, бегущий за варваром.— Кроме Тигра, верхнюю комнату никто не видел. По слухам, в башне оружие. И стража внизу...

— Ходу! — рявкнул Конан, мчась впереди.

Нанайя едва касалась ногами земли — казалось, девушка парит в воздухе вслед за киммерийцем.

Наконец дверца не выдержала, и плотный клубок воинов-гирканцев ввалился в сад. Судя по крикам за другими стенами, окружавшими сад с башней, подкрепление должно было подоспеть с минуты на минуту.

Конан был почти у башни, как вдруг дверь в ее основании открылась и, привлеченные шумом, из нее выбежали пятеро обезображенных стражников. При виде несущихся прямо на них людей — глаза горят, зубы оскалены — они разом завопили и схватились за оружие. Но поздно! Конан был уже рядом. Двое пали от его клинка, на остальных налетели зуагиры — кололи, резали и рвали, пока три тела в блестящих латах не рухнули, истекая кровью, на землю.

Но гирканцы из Райского сада, гремя доспехами, уже бежали к башне. Зуагиры ураганом влетели в нижнее помещение. Конан захлопнул бронзовую дверь и наложил засов — такой тяжелый, что с легкостью устоял бы под натиском слона. Воины Захака, сгрудившись снаружи, в бессилии изливали потоки брани.

Конан ринулся вверх по лестнице, зуагиры — следом за ним. На половине лестницы один из них, споткнувшись, упал — он потерял много крови. Киммериец подхватил его и остаток пролета нес на себе. Наверху, опустив на пол, приказал Нанайе перевязать ужасную рану, оставленную мечом стражника, а после сидеть в комнате и не высовываться. Затем огляделся. Они находились в комнате второго этажа с маленькими окошками и дверью, ведущей на балкон. Отблески света от фонарей внизу падали в окна, поигрывая на

стеллажах с оружием: шлемы, кирасы, щиты, копья, мечи, топоры, булавы, луки и колчаны, полные стрел, бесстрастно ожидали своих хозяев. Оружия было столько, что хватило бы для большого отряда, и, несомненно, в верхних комнатах его тоже было немало. Вирата превратил башню в свой арсенал, а заодно использовал для занятий магией.

Зуагиры радостно загудели и схватились за луки с колчанами. Все, включая легкораненых, высыпали на балкон и, устроившись за решеткой ограды, принялись пускать стрелы в скопление воинов у подножия башни.

В ответ на балкон обрушился настоящий ливень стрел: часть впивалась в деревянную решетку, и лишь немногие пролетали сквозь узкие отверстия. Враги стреляли наугад, не видя зуагиров, укрытых густой тенью. К башне со всех сторон бежали вооруженные люди. Самого Захака не было видно, зато можно было различить не меньше сотни его гирканцев и множество воинов еще десятка рас. Они плотно набились в сад и вопили не хуже демонов.

Тонкие деревца трещали под напором тел, фонари на ветках бешено раскачивались, и прыгающий огонь освещал толпу с задранными вверх лицами, отмеченными одной печатью — печатью ненависти. Повсюду, точно молнии, вспыхивала сталь. Беспрерывно пели тетивы луков. Цветы, кусты, дорожки — все было разорвано в клочья яростным вихрем сотен ног. Вдруг раздалось глухое «тумп!» — воины притащили откуда-то деревянный брус и, пользуясь им как тараном, пытались взломать дверь.

— Цельтесь в людей у тарана! — рявкнул Конан, натягивая лук, самый тугой, какой сумел отыскать.

Сильно выступая вперед, балкон мешал осажденным целиться в тех, кто держал брус впереди, зато они легко перебили другую половину воинов, вынудив оставшихся бросить тяжелый таран. Случайно оглянувшись, Конан с удивлением увидел Нанайю в юбке из полосы шелка. Она азартно пускала стрелы вместе со всеми.

— Я, кажется, сказал тебе...— начал он, но девушка нетерпеливо махнула рукой:

— Брось! У тебя нет какой-нибудь рукавицы? Я себе все пальцы о тетиву изрезала.

В ответ Конан озадаченно хмыкнул и снова взялся за лук. Но лишь когда над шумом схватки взметнулся резкий голос Гарета, киммериец понял, что надежды почти не оста-

лось. Как видно, тот уже через считанные минуты знал о смерти магистра и немедленно принял командование на себя.

— Лестницы! — вдруг воскликнул Антар.

Конан прищуренным взглядом впился в полумрак. В свете качающихся фонарей он увидел три лестницы — каждую несли на плечах по несколько человек. Варвар метнулся в комнату и через секунду вернулся с копьем в руке.

Два воина установили в упоры лестницы, еще двое, вцепившись в боковые брусья, прошли мимо них — к башне. С глухим стуком верхние концы брусьев легли на ограждение.

— Толкай вбок! Спихивай! — закричали зуагиры, а один просунул меч в отверстие решетки.

— Назад! — рявкнул Конан.— Я сам!

Он подождал, пока на лестнице не окажется несколько воинов. Первым карабкался плотный иранистанец, вооруженный топором. Он отвел руку за спину, готовясь ударить по деревянной решетке, но в этот миг Конан, просунув в отверстие копье, уперся в перекладину и что было сил нажал. Лестница нехотя отошла от балкона, качнулась назад. С воплями выпустив оружие, враги вцепились в перекладины. Но еще немного — и лестница вместе с людьми рухнула вниз, прямо на головы осаждающих.

— Эй, здесь еще одна! — крикнул зуагир на другом конце балкона, и Конан поспешил на зов. Последнюю не успели поднять и до половины, а стрелы уже сразили обоих воинов у брусьев, и она упала вслед за прочими.

— Стреляйте! — прорычал Конан, кидая копье и поднимая свой огромный лук.

Смертоносный дождь стрел, на который невозможно было толком ответить, поостудил пыл нападавших. Людская масса внизу дрогнула, разбилась на отдельные группы, и скоро каждый думал только о своем спасении. При виде разбегавшихся врагов зуагиры неистово завопили от радости, не забывая, однако, посылать им вдогонку стрелы.

Через минуту сад опустел, лишь повсюду на земле валялись трупы и умирающие. Но вдоль садовых стен и на крышах ближних домов наблюдалась усиленная возня.

Конан решил подняться выше. Он миновал еще несколько комнат, также до отказа набитых оружием, и наконец очутился в лаборатории магистра. Одним взглядом киммериец окинул запыленные свитки рукописей, непонятного на-

значения инструменты, чертежи и, не задерживаясь, одолел последний пролет и вылез на смотровую площадку.

Отсюда Конан мог спокойно оценить обстановку. Зелень окружала дворец со всех сторон, кроме фасада — там расположился обширный двор. Сады и двор окружала высокая наружная стена. Внутренние стены, пониже, подобно спицам в колесе, разделяли зелень на секторы.

Сад с башней, куда их загнали, находился к северо-западу от дворца. К нему примыкал двор, отделенный от сада стеной. За другой стеной, на западе, зеленел такой же сад, а к юго-востоку особняком раскинулся великолепный Райский сад, примыкавший к дворцовой стене.

За наружной стеной, замыкавшей дворцовую территорию, Конан разглядел крыши городских домов. Ближайший отстоял от стены не более чем на тридцать шагов. И повсюду — во дворце, в садах, в домах — мелькали огни.

Постепенно крики, проклятия, стоны и бряцанье оружия стихли до неясного шума. И тогда со стороны двора из-за стены донесся мощный голос Гарета:

— Сдавайся, Конан! У тебя нет выбора!

В ответ киммериец издевательски расхохотался:

— Приди и возьми!

— Я возьму! — пообещал козак.— На рассвете. Считай, что ты уже труп!

— Примерно то же ты говорил, загнав меня в лабиринт, но, как видишь, я жив, а обезьяна мертва.— Конан говорил на гирканском языке. От его слов по рядам воинов прокатился ропот недоверия и гнева. А варвар между тем продолжал: — Гарет, ты объявил джезмитам, что их магистр мертв?

— Они прекрасно знают, что истинным властителем Джанайдара всегда был Гарет! Не знаю, как ты разделался с обезьяной, как вытащил из тюрьмы зуагирских псов, но не пройдет и часа, как твоя кожа будет сушиться на стене башни!

Откуда-то из глубины дворцового двора беспрерывно доносился стук молотков, визг пил, отрывистые выкрики команд.

— Ты слышишь, киммерийская свинья? — крикнул Гарет.— Мои люди строят осадную машину на колесах; в ней укроются пятьдесят воинов, и ты уже не достанешь их своими стрелами. К рассвету она будет стоять рядом с башней, и тогда тебе придет конец, грязный пес!

— Спускай своих собак. В укрытии, снаружи — я все равно их прикончу!

В ответ раздался демонический хохот, и на этом переговоры закончились. Конан обдумал возможность внезапного прорыва, но отказался от этой затеи: повсюду за стенами толпились воины, и подобная попытка означала бы верную смерть. Их крепость превратилась в тюрьму.

Итак, вся надежда на Тубала: если тот вместе с кушафи не подоспеет вовремя, то, несмотря на всю ярость, силу и искусство киммерийца, долго им не продержаться.

Стук молотков между тем не стихал ни на минуту. Даже если Тубал придет к восходу солнца, и тогда может быть слишком поздно. Правда, чтобы втащить машину в сад, джезмитам придется сначала разрушить стену, но это не займет много времени. Поэтому, когда Конан спустился к товарищам, лицо его омрачала тревога.

Зуагиры не разделяли настроения своего предводителя. Они только что одержали блестящую победу, у них была сильная позиция, начальник, которого они боготворили, и неисчерпаемый запас стрел. Чего же еще желать воину?

Тяжелораненый скончался, когда предрассветные сумерки притушили фонари в саду. Конан внимательно оглядел свое потрепанное воинство. Зуагиры, согнувшись, перебегали по балкону, поминутно заглядывая в отверстия решетки. Нанайя, завернувшись в обрывок шелка, как убитая спала на полу.

Вдруг постукивание прекратилось, и в наступившей тишине раздался скрип огромных колес. Молох войны, сотворенный джезмитами, оставался по-прежнему невидим, но острым зрением варвар разглядел темные фигуры, толпившиеся на крышах домов за наружной стеной. Оторвав взгляд от крыш и крон деревьев, он некоторое время с тайной надеждой всматривался в северный край плато. Никакого движения: в свете пробуждающегося дня оборонительные сооружения по краю плато производили впечатление вымерших. Быть может, часовые, на которых не подействовала печальная участь отряда Антара, при первых звуках схватки сорвались с мест и покинули пост? Но проблеск надежды тут же угас: по дороге к лестнице пылил отряд в дюжину стражников. Все верно: Гарет — опытный воин и никогда не оставил бы такой важный пост без прикрытия.

Конан повернулся к оставшимся шести зуагирам — бородатые, с налитыми кровью глазами, они молча смотрели на него.

— Кушафи не пришли,— глухо сказал он.— Очень скоро Гарет нашлет на нас своих головорезов. Они укроются в осадной машине, и там их не достать. Под ее защитой они взберутся по лестницам и ворвутся в башню. Скольких-то мы убьем, остальные убьют нас.

— На все воля Ханумана! — ответили воины.— Джезмиты надолго запомнят этот день! — В утреннем свете лица зуагиров оскалились, точно морды голодных волков, руки крепче сжали оружие.

Голоса во дворе усилились. Заглянув в окно, Конан увидел осадную машину: с ужасным скрежетом и скрипом она медленно приближалась к стене. Это было тяжелое, неуклюжее сооружение из деревянных брусьев, бронзы и железа, установленное на тележку с несколькими парами колес высотой в рост человека, снятых с колесниц. За таким щитом могли бы укрыться от стрел не меньше полусотни человек. Машина приблизилась к стене и там остановилась. Забили кувалды.

Шум разбудил Нанайю. Она села, протирая глаза, и вдруг с воплем кинулась к Конану.

— Да уймись ты! — резко одернул ее варвар.— Выкарабкаемся как-нибудь!

Однако в душе он вовсе не был в том уверен. Для девушки киммериец мог сделать очень немного: быть рядом, чтобы во время штурма последним ударом меча избавить ее от пыток, наверняка уготованных всем пленным.

— Пошла трещинами. Похоже, скоро рухнет,— пристально глядя на стену, сказал самый остроглазый из зуагиров.— Ишь, как напылили кувалдами. Сейчас сами покажутся.

Из стены начали вываливаться камни, потом вдруг рухнул целый кусок. В брешь высыпали люди — схватив обломки, они потащили их в стороны. Конан согнул тугой гирканский лук и пустил стрелу. В проломе дико закричал человек — стрела пронзила его грудь. Двое оттащили раненого, остальные продолжали расчищать площадку. Поодаль темнела осадная башня; спрятавшиеся в ней воины нетерпеливыми криками погоняли тех, кто расчищал дорогу. Конан пускал стрелу за стрелой. Некоторые отскакивали от камней, но большинство впивались в человеческие тела. Была минута, когда джезмиты дрогнули и подались за стену, но тут же над их головами хлыстом взвился голос Гарета, и все немедленно вернулись к работе.

И когда первые лучи солнца проложили по земле длинные тени, все препятствия на пути осадной машины были убраны. С ужасным треском башня двинулась вперед. Зуагиры пускали стрелы, но те застревали в дубленой коже, натянутой меж брусьев. Конан прикинул: в высоту башня доходила до второго этажа, лестницы в таких сооружениях приколачивают изнутри к стенам; выходит, как только эта махина окажется у балкона, джезмиты вылезут на верхнюю площадку, в щепки разнесут ажурную решетку и, всей массой ринувшись на балкон, сметут и его и горстку зуагиров!

Киммериец повернулся к своим воинам.

— Вы храбро сражались,— сказал он.— Давайте же умрем достойно и постараемся захватить с собой в царство Теней побольше псов-джезмитов. Не будем ждать, пока они навалятся на нас,— их слишком много. Сами разрубим решетку и, когда они полезут по лестницам, встретим их на верхней площадке. Пусть попробуют выбраться!

— Их лучники изрешетят нас из кустов,— возразил Антар.

Конан пожал плечами, его губы скривились в горестной усмешке:

— Пусть так. А мы тем временем славно позабавимся. Скажи своим, чтоб принесли из оружейной копья,— в такого рода схватке лучше фаланги ничего не придумаешь. Я еще видел там большие щиты — поставим несколько по краям, чтоб прикрывали от стрел.

Секундами позже варвар уже стоял впереди линии затаивших дыхание с копьями наперевес зуагиров; сам он держал тяжелый боевой топор, готовый в нужную минуту напрочь снести деревянную решетку и увлечь за собой товарищей.

Все ближе, ближе башня, и все громче победный рев джезмитов!

Внезапно, на длину копья от балкона, машина замерла. Раздалось призывное пение труб, поднялся шум, переполох, и воины, выскочив из башни, помчались обратно к пролому. Минута — и сад опустел.

9

ЗЛОЙ РОК ДЖАНАЙДАРА

— Кром, Митра и Асура — в кучу! — прорычал варвар, бросив топор.— Псы удирают, а я их и не приласкал!

Он бегал по балкону, пытаясь разглядеть причину неожиданного бегства, однако громоздкая осадная машина

загораживала собой весь обзор. Тогда киммериец метнулся в оружейную и помчался вверх по лестнице на смотровую площадку.

И первый взгляд поверх крыш Джанайдара — туда, на север, где вилась лента дороги, ведущей из города. По ней что было сил бежали с полдюжины воинов. А дальше, издали похожие на муравьев, через оборонительные сооружения по краю плато лезли и лезли какие-то люди. Мощный вопль ярости долетел до внезапно притихшего Джанайдара. И в наступившей затем тишине Конан отчетливо услышал тот загадочный барабанный бой, который и прежде не давал ему покоя. Но сейчас ему было все равно — пусть хоть все демоны преисподней разом забарабанят под проклятым городом.

— Балаш! — загремел его голос.

Вот уже во второй раз его выручила беспечность стражей лестницы. Горцы дождались минуты, когда сменялся караул, и, взобравшись незамеченными, в молниеносной схватке перерезали вновь прибывших. Воинов, хлынувших на плато из-за бруствера, было больше, чем набралось бы мужчин в Кушафе, и, несмотря на расстояние, Конан сразу узнал красные шелковые шаровары своих козаков.

В Джанайдаре минута оцепенения сменилась лихорадочной суетой. По улицам забегали рабы и воины, на крышах вопили женщины. От дома к дому подобно шквалу пронеслась весть о неожиданном вторжении. Но вот над общей сумятицей, словно удар бича, жгучий, но отрезвляющий, раздался голос Гарета.

Из садов, дворцового двора, ближних домов на площадь стал стекаться народ. В дальнем конце улицы, в окружении гирканцев в сверкающих доспехах, Конан разглядел самого Гарета, там же блестел шлем Захака с роскошным плюмажем. За их спинами, в боевом порядке племен, развернулось несколько сот воинов-джезмитов. Как видно, Гарет успел обучить их некоторым приемам ведения боя.

Организованным строем они прошли десятка два шагов, словно намереваясь выйти из города и встретить варваров в открытом поле, но у кромки города вдруг рассеялись, скрывшись в домах и садах по обеим сторонам улицы.

Варвары находились слишком далеко и не могли видеть маневра. Когда они подошли к Джанайдару, город казался вымершим.

Но из своего орлиного гнезда Конан прекрасно видел и сады, кишащие воинами, и крыши, где за балюстрадой

притаились лучники. Друзья шли прямо в западню, а он не может их предупредить! Из груди варвара вырвалось сдавленное рычание.

На площадку, тяжело дыша, вылез один из зуагиров. Он как раз кончил заматывать раненое запястье. Затягивая зубами узел, воин невнятно произнес:

— Твои друзья? Эти простачки бегут прямо в пасть смерти.

— Вижу! — прорычал Конан.

— Догадываешься, что сейчас будет? — продолжал зуагир.— Еще в бытность дворцовым стражником я раз слышал, как Тигр объяснял командирам отрядов свой план на случай внезапного вторжения. Видишь в конце улицы на восточной окраине фруктовые деревья? Там сейчас спрятаны пятьдесят тяжелых пехотинцев. По другую сторону дороги раскинулся густой сад — мы называем его садом Стигийцев. Там в засаде не меньше полусотни. Одинокий дом неподалеку битком набит воинами, те, что по другую сторону улицы,— тоже.

— Зачем ты мне все это говоришь? Я сам вижу затаившихся псов — и в саду, и на крышах.

— Ага. Те, что в саду, не шелохнутся, пока варвары не пройдут по дороге мимо и не окажутся между домами. Тут же лучники выпустят по ним тучи стрел, а тяжелые воины, как две стены, перекроют улицу. Ни один не уйдет.

— Если бы можно было их предостеречь!..— пробормотал Конан.— За мной — вниз!

Он скатился по лестнице в оружейную. Крикнув Антара и зуагиров, киммериец отрывисто бросил им:

— Мы выступаем!

— Семеро против семисот?! — Антар разинул рот.— Я не трус, но...

В нескольких словах Конан передал все, что видел со смотровой площадки.

— Как только Гарет захлопнет свою мышеловку, атакуем джезмитов с тыла, и, может быть, нам улыбнется удача. Терять все равно нечего: если Гарет разделается с моими друзьями, он вернется к башне, и тогда нам конец.

— Но как нас отличат от Гаретовых псов? — все еще сомневался зуагир.— Твои дикари сначала разрубят нас вместе с джезмитами на куски, а уж потом будут разбираться, что к чему.

— Смотрите! — Конан указал на посеребренные кольчуги и бронзовые шлемы древней работы — их заостренные

макушки украшали хвосты из конского волоса.— Надевайте! Таких доспехов здесь ни у кого нет. Главное — держаться рядом. Вместо боевого клича кричите: «Конан!» И, будем надеяться, все обойдется.— И с этими словами он натянул себе на голову шлем.

Непривычные к тяжелому вооружению, зуагиры недовольно заворчали: мало им этого железа, так тут еще эти нашечные пластинки ограничивают видимость.

— Надевайте, живо! — загремел по комнате голос Конана.— Это вам не пустыня — подкрался шакалом, убил, ограбил и удрал. Это открытый бой! Приготовьтесь и ждите меня. Я скоро.

Он снова поднялся наверх. Вольные братья и горцы сомкнутым строем, бок о бок быстро шли по дороге. Ярдов за двести от окраины они остановились. Наученный жизнью, Балаш был опытным вожаком и не решался вслепую бросить свою стаю на совершенно незнакомый город. От общей массы отделились несколько человек и побежали к окраине — разведчики. Вот они скрылись за домами, но скоро появились вновь и очертя голову помчались к своим. Следом за ними, забыв про порядок, неслись не меньше сотни джанайдарцев.

Мгновение — и варвары стояли боевым строем. Пространство, разделявшее врагов, прочертили стрелы, и несколько джезмитов упали. Но остальные, благополучно добежав, врубились в строй козаков и кушафи. С минуту все скрывало облако пыли, сквозь которую пробивался лишь блеск мечей и ятаганов, игравших на солнце. Но вот джезмиты дрогнули и обратились в бегство. А дальше случилось то, чего так опасался Конан: забыв об осторожности, вопя, словно выводок кровожадных демонов, варвары устремились в погоню.

Киммериец знал, что эта сотня — не более чем приманка, чтобы с ее помощью заманить в ловушку основные силы. Гарет никогда не послал бы на серьезное дело столь малочисленный отряд.

Преследуя отступавшего врага, варвары подтянули фланги к дороге. Хотя Балаш так и не смог пресечь их неудержимый порыв, ему удалось — где проклятиями, где тычками — сбить воинов в довольно плотную стаю. И вовремя! Наступая на пятки джезмитам, первая волна уже докатилась до окраины.

Их не накрыла еще тень деревьев, а Конан уже мчался вниз по лестнице.

— Вперед! — крикнул он.— Нанайя, остаешься здесь! Запри за нами дверь!

Лавиной по ступеням — вниз на первый этаж, наружу, мимо брошенной осадной башни и дальше — сквозь брешь в стене!

Никто не преградил им путь: похоже, Гарет собрал вокруг себя всех способных носить оружие.

Антар провел их во дворец, по лабиринту коридоров комнат — к парадному входу. И только они выбежали из полумрака покоев, как их едва не оглушил рев дюжины длинношних труб в руках гирканцев Гарета — сигнал к атаке! В тот миг, когда отряд выскочил на улицу, мышеловка захлопнулась. В дальнем конце улицы — глухая стена из бронированных спин, десятки лучников на крышах, пускающих тучи стрел, проклятья, вопли, стоны варваров!

Стремительным шагом, без единого звука вел Конан свой отряд в тыл джезмитам. Последние оставались в полном неведении до тех пор, пока копья зуагиров не начали вонзаться им промеж лопаток. Жертвы не успевали падать, а зуагиры, освободив оружие, поражали новых и новых врагов. Тем временем в центре Конан орудовал страшным боевым топором: стальное лезвие раскалывало черепа, от тел отлетали отрубленные по плечо руки, гнулась броня. По мере того как копья ломались или застревали в телах, зуагиры брались за мечи.

Натиск оказался столь мощным, столь стремительным, что, прежде чем джезмиты поняли, что атакованы с тыла, горстка смельчаков успела перебить две дюжины врагов. Но наконец те догадались оглянуться и при виде результатов бойни, учиненной какими-то людьми в странных доспехах, с криками отчаяния подались в стороны. В их воображении семерка атакующих с мечами, копьями и топором мгновенно превратилась в целую армию.

— Конан! Конан! — дико завопили зуагиры.

От этого крика зажатые в западне воспряли духом. Между ними и их начальником оставалось всего двое. Одного проткнул мечом козак, другому киммериец обрушил на голову топор. Удар был настолько силен, что острие не только разрубило шлем и голову, но треснуло само топорище.

В минуту замешательства, когда зуагиры с Конаном и варвары вдруг очутились лицом к лицу, с недоверием глядя друг на друга, Конан сбил на затылок шлем и козаки увидели знакомое лицо.

— Ко мне! — прокатился над шумом битвы его мощный голос.— Режь глотки, братья-волки!

— С нами Конан! — радостно завопили ближние соратники, их клич тут же был подхвачен остальными.

— Десять тысяч золотых за голову киммерийца! — раздался резкий голос Гарета.

Схватка возобновилась с удвоенной яростью. Вновь зазвучал жуткий хор битвы: хрипы, проклятия, вопли, угрозы и стоны. Постепенно поле боя раскололось на сотни поединков между парами воинов и небольшими отрядами. Топча раненых и мертвых, варвары вихрем мчались по улицам, врывались в дома, крушили дорогую мебель, громыхали по ступеням лестниц и, добравшись до крыш, в короткой кровавой сече резали лучников.

Никто и не помышлял сохранить в этой свалке хотя бы видимость порядка или строя — не было ни времени отдавать команды, ни охотников их исполнять. Все предались работе мясников: как обезумевшие, тяжело дыша, в поту, люди кололи, резали, душили, скользя босыми ногами в лужах еще теплой крови. Словно огромная живая волна, масса сражающихся то прокатывалась по главной улице Джанайдара, то отступала, то, перехлестывая через стены, разливалась по аллеям и садам. Силы были примерно равными, и исход битвы могла определить любая случайность. Никто не знал, как идет сражение, все только убивали или старались избежать смерти, и это занятие поглощало воинов без остатка.

Конан не рвал голосовых связок попусту — ослепленная жаждой крови, толпа не признавала авторитетов. Время стратегии, искусства боя кончилось: сейчас все будут решать выносливость, владение мечом и ярость — простое ремесло убийц. Окруженному орущими, хрипящими людьми, ему не оставалось ничего иного, как только подчиниться общему безумию: разрубать головы, вспарывать животы, рассекать надвое тела, а в остальном довериться богам.

Но вот под порывами ветерка утренний туман стал понемногу рассеиваться, а вместе с ним начала ослабевать и битва: сплетенные клубки распались на отряды, отряды — на отдельных воинов. Все чаще мелькали спины; еще немного — и одна из сторон дрогнет...

Не выдержали джезмиты: отвага, вызванная принятым накануне зельем, стала улетучиваться из них вместе с наркотиком.

И вдруг Конан увидел Гарета. Шлем козака, кираса — все во вмятинах и брызгах крови, одежда изодрана в клочья, стальные мускулы, подчиняясь игре сабли, то опадали, то вздувались буграми. В серых глазах — холод, на губах застыла жестокая улыбка. Три трупа, три кушафи лежали у его ног, и еще четверо варваров тщетно пытались пробиться за черту, очерченную острием клинка. Справа и слева от него гирканцы в блестящих латах и узкоглазые кхитайцы в доспехах из дубленой кожи мечами и врукопашную сдерживали бешеный натиск варваров.

Конан увидел и Тубала — впервые с тех пор, как они расстались у лестницы. Словно гигантский чернобородый буйвол, тот вспахивал борозду прямо по обломкам битвы, вкладывая в смертоносные удары всю свою мощь дикого зверя. На секунду взгляд киммерийца выхватил из толпы фигуру Балаша — окровавленный, пошатываясь, вождь кушафи пробирался к краю битвы. Кинжалом и мечом Конан начал прокладывать себе путь к Гарету.

Заметив приближающегося киммерийца, Гарет засмеялся, в его глазах вспыхнули огоньки безумия. По кольчуге варвара сочилась кровь; сливаясь в ручейки, она стекала с мускулистых, загорелых ног. Кинжал был по рукоятку в крови.

— Смерть Конану! — зарычал Гарет.

Варвар напал, как нападают козаки,— в крутом развороте, описывая полукруг мечом. Гарет прыгнул навстречу — и оба сшиблись в смертельном бою, яростно кидаясь друг на друга, нанося удары так быстро, что глаз не поспевал за клинком противника.

Их окружили воины. Тяжело дыша, перепачканные кровью, люди на время оставили тяжелый труд убийц и жадно следили за поединком своих предводителей, в котором решалась судьба Джанайдара.

Гарет удачно увернулся — клинок Конана встретил пустоту, и киммериец едва удержался на ногах.

— Ай-и-и! — завопила сотня глоток.

Козак издал победный крик и замахнулся. Но прежде чем он опустил меч, прежде чем понял, как глупо он попался на уловку, длинный кинжал в железных руках Конана, пробив нагрудник, вонзился в его сердце. Гарет умер мгновенно. На землю рухнул уже труп, и клинок выскользнул из раны.

Выпрямившись, киммериец обвел толпу помутненным взором. Победа!

И вдруг воздух разорвался кличем — не тем, которого можно было бы ожидать от торжествующих, но уставших варваров, а более дружным и бодрым. Конан поднял голову и увидел новое соединение: вооруженные люди монолитной фалангой шли по улице, сокрушая и расшвыривая в стороны последние оказавшиеся у них на пути группы сражающихся.

Когда строй приблизился, Конан различил позолоченные кольчуги и качающиеся в такт шагу плюмажи на шлемах — гвардия Ираниетана! Ее вел неудержимый Готарза; своим огромным ятаганом он рубил всех подряд — и варваров, и джезмитов.

В мгновение ока обстановка переменилась. Часть джезмитов позорно ретировалась. Конан крикнул: «Ко мне, козаки!» — и уже через минуту его окружали Вольные братья, кушафи и даже остатки армии джезмитов. Последние, признав в киммерийце достойного вожака, сплотились вокруг варвара, чтобы в одной спайке с недавними смертельными врагами противостоять невесть откуда взявшемуся неприятелю. Мечи с новой силой заиграли на солнце, и Смерть начала собирать новую жатву.

Неожиданно Конан очутился лицом к лицу с Готарзой. Мощными ударами, под которыми легли бы и молодые дубки, тот, словно траву в поле, выкашивал врагов. Ильбарский, в зазубринах, клинок Конана пел и мелькал, едва видимый глазу, однако ираниетанец не уступал ни в чем. Кровь из пореза на лбу заливала лицо Готарзы, кровь из рваной раны на плече окрасила кольчугу варвара алым, но клинки вращались и сшибались с не меньшей яростью, бессильные отыскать брешь в обороне противника.

Внезапно низкий шум битвы перерос в пронзительный вопль неподдельного ужаса. Сражение остановилось; забыв обо всем, люди со всех ног мчались к дороге, ведущей к подъему на плато. Поток бегущих прижал Готарзу и Конана друг к другу. Бросив оружие, схватившись так, что затрещали груди, они продолжали биться врукопашную. Конан открыл рот, желая выяснить, что случилось, но его тут же забили черные волосы из бороды Готарзы. Выплюнув их, киммериец прорычал:

— Ты, придворный шаркун! Что тут стряслось?

— То возвращаются истинные хозяева Джанайдара! Полюбуйся, свинья!

Подозревая подвох, Конан все-таки оглянулся. Со всех сторон по земле стлались полчища серых теней. Взгляд вы-

хватил безжизненные, немигающие глаза, оскал уродливых собачьих пастей, впивавшихся клыками и в живых, и в мертвых, в то время как когтистые, похожие на руки лапы рвали на части плоть. Объятые ужасом, воины рубили и кололи тварей, но пергаментная, трупного цвета кожа монстров была практически неуязвима. И там, где удавалось расчленить одну тварь, на ее месте тут же появлялись три новые. Воздух наполнился отчаянными криками, хрустом костей и отвратительным чавканьем.

— Проклятие Джанайдара — упыри! — Готарза задохнулся от ужаса.— Бежим! Дай слово, что, пока не выпутаемся, ты не ударишь в спину,— тогда разожму руки. Продолжим после!

Плотная масса беглецов сбила их с ног. Варвара чуть не затоптали. В нечеловеческом усилии Конан приподнялся на колени, схватил свой кинжал, встал, выпрямился, побежал, вовсю орудуя кулаками и локтями, высвобождая в обезумевшей толпе вокруг себя чуток пространства — посвободнее вздохнуть.

Людской поток до краев затопил дорогу к лестнице: джезмиты, козаки, иранистанские воины — все вместе, забыв о ненависти, напрягая силы, спасались от не знающих жалости выходцев из преисподней. По краям отступавшей толпы кишели зловещие тени. Словно гигантские серые вши, упыри в секунду накрывали с головой всякого, кто отстал или шагнул в сторону от общей массы. Конан протиснулся к краю и вдруг увидел Готарзу — тот едва держался на ногах, отбиваясь от четырех упырей. Свой меч он потерял, но, не растерявшись, будто клещами, сдавил пальцами шеи двум убийцам, пока третий повис у него на ногах, а четвертый кружил, стараясь дотянуться до горла.

Взмах ильбарского клинка — и тварь развалилась надвое, еще взмах — и от второй отлетела голова. Готарза сбросил с себя остальных, и те вместе с подоспевшими полезли на Конана, вонзая в его тело зубы, когти, разрывая плоть.

Казалось, еще миг — и киммериец рухнет! Дальше — все как в тумане: вот Готарза, отодрав упыря, швыряет его оземь и топчет ногами, слышится звук, будто трещит сухой валежник,— то хрустят ребра твари; вот сам Конан ломает кинжал о панцирь; вот пробивает череп упыря эфесом...

И снова сумасшедшее бегство от смерти! Прорвавшись сквозь ворота в стене, люди лавиной стекали по лестнице и, гонимые животным ужасом, мчались дальше по каньону. Выгрызая из толпы все новые жертвы, упыри гнали людей

до самых ворот. Но как только последний из оставшихся в живых скатился по лестнице, чудовища сразу повернули обратно в город — туда, где над сотнями человеческих трупов уже возились, дрались, клацали челюстями их мерзкие собратья.

А в каньоне люди, попадав с ног от усталости, лежали вповалку, не задаваясь вопросом, кто рядом с ними — свой или враг. Некоторые сидели, прислонившись спиной к большим валунам или скалам. Большинство воинов были ранены. На коже, обрывках одежды у всех — пятна крови, волосы всклокочены, доспехи разрублены или помяты, в глазах застыл ужас. Оружие многие потеряли. Из тех нескольких сотен воинов, что участвовали на рассвете в битве, уцелело не больше половины. Долгое время отовсюду слышалось лишь тяжелое дыхание, стоны раненых, треск разрываемой на лоскуты материи да изредка звяканье железа о камни, когда лежащий воин менял положение.

Несмотря на то что со вчерашнего дня он только и делал, что сражался, удирал и с быстротой молнии носился вверх-вниз, Конан пришел в себя одним из первых. Киммериец широко зевнул, потянулся и поморщился — раны напомнили о себе острой болью.

Затем, поднявшись, он начал разгуливать среди раскинувшихся тел, высматривая своих людей, поддерживая нуждающихся в помощи и собирая всех в плотную группу. Он набрел на зуагиров и из шести воинов увидел лишь троих, включая Антара. Нашел он и Тубала, однако Кодруса нигде не было.

У другой стены каньона Балаш тоже не терял времени даром: привалившись спиной к скале, с ногами, на которых от повязок не было живого места, он слабым голосом отдавал приказания своим кушафи.

Готарза также собирал свою гвардию. Джезмиты, которые понесли наиболее ощутимые потери, словно отбившиеся от стада овцы, потерянно бродили по каньону, со страхом отмечая признаки быстро набирающего силу противостояния.

— Я своими руками убил Захака,— сказал Антар Конану.— Теперь некому вести их в бой.

Киммериец не спеша подошел к Балашу:

— Ну как ты, старый волчище?

— Неплохо. Вот жаль, что сам бегать не могу. Выходит, древние легенды не солгали! Значит, и в самом деле упыри

время от времени вылезают из своих подземных пещер, чтобы пожрать всякого, кто осмелится поселиться в их городе.— Он содрогнулся.— Думаю, теперь не скоро отыщется охотник отстраивать город заново.

— Конан! — раздался голос Готарзы.— Нам надо закончить разговор.

— Не возражаю! — прорычал варвар, а на ухо Тубалу шепнул: — Построй людей в боевой порядок; тех, кто меньше изранен и лучше вооружен, поставь по флангам.

Затем он прошел среди нагромождения камня и остановился на сравнительно ровной площадке как раз посередине между варварами и гвардейцами Готарзы.

Тот также вышел вперед, говоря:

— Я все же обязан выполнить приказ: доставить тебя и Балаша в Аншан, живых или мертвых.

— Валяй! — бросил на это Конан.

Балаш тоже счел нужным подать голос:

— Я ранен, но, если возьмешь меня силой, мои воины будут преследовать вас в горах, пока не перебьют всех до последнего.

— Храбрая речь, но еще одна битва — и у тебя не останется воинов,— ответил горцу Готарза.— Ты не хуже меня знаешь, что соседние племена не упустят случая воспользоваться твоей слабостью: они немедленно нападут на деревни и уведут ваших женщин. Наш царь владеет горами Ильбарс только потому, что у горцев никогда не хватало ума объединиться и выступить против него сообща. Так было и так будет!

Балаш помолчал немного. Потом спросил:

— Скажи мне, Готарза, как вы узнали дорогу в Джанайдар?

— Мы прибыли в Кушаф прошлой ночью и там, прибегнув к помощи ножа для свежевания туш, убедили одного малого рассказать нам все. Тот и выложил, что вы подались в Друджистан, и даже согласился — опять же не без нашей помощи — стать проводником. Незадолго до рассвета мы подошли к стене с козырьком, с которого свисала веревочная лестница,— дурни кушафи так торопились на выручку, что даже не удосужились втащить ее за собой. Мы связали воинов, оставленных при лошадях, а сами двинулись дальше. А сейчас — о деле. Лично я против вас обоих ничего не имею, но я поклялся именем Асуры, пока жив, исполнять

волю Кобад-шаха, и я ее исполню. С другой стороны, было бы недостойно втягивать в новую резню наших людей: они и так до предела измотаны, к тому же сегодня полегло уже немало храбрецов.

— Что ты задумал? — проворчал Конан.

— Полагаю, мы с тобой могли бы уладить дело в личном поединке. Если паду я, ты сможешь отправиться на все четыре стороны, и никто не посмеет тебя остановить. Если выйдет наоборот, я захвачу Балаша с собой в Аншан.— Готарза нашел глазами горца.— Кто знает, вдруг ты докажешь, что не причастен к заговору? Я расскажу повелителю, как ты помог покончить с невидимыми,— это будет веским доводом в твою пользу.

— Я довольно наслышан о подозрительности Кобада; не думаю, чтобы он внял голосу разума,— ответил на это Балаш.— Но все равно я согласен, потому как знаю, что ни один городской неженка, воспитанный на мягких перинах, никогда не одолеет в поединке Конана-варвара.

— Решено! — коротко бросил Конан и повернулся к своим воинам: — У кого есть большой меч?

Испробовав на вес несколько штук, он выбрал длинный и прямой меч работы хайборийского кузнеца. Затем повернулся лицом к Готарзе:

— Ты готов?

— Готов! — ответил тот и ринулся в бой.

Два меча сшиблись и зазвенели, высекая искры. Круги, очерченные сталью, сверкнув как молния, сменялись новыми, и глаз не различал, где чей клинок. Противники подпрыгивали, разворачивались, наступали, отступали, нагибались, уклоняясь от смертоносных лезвий, а их мечи, не останавливаясь ни на миг, как будто сами по себе все продолжали свою страшную работу. Удар! — вправо — кровь! — вниз — искры! — влево — и так без конца! Впервые за тысячи лет существования Джанайдара черные пики были свидетелями подлинного искусства владения мечом.

И вдруг прогремело:

— Остановитесь! — И так как бой продолжался, тот же голос повторил: — Я сказал, остановитесь!

Готарза и Конан, с подозрением глядя друг на друга, отступили в стороны и вместе повернулись на голос.

— Бардийя! — удивленно воскликнул Готарза. И точно: у входа в расселину, ведущую к козырьку в отвесной скале,

виднелась тучная фигура дворцового управляющего.— Ты здесь откуда?

— Прекратить бой! — снова крикнул иранистанец.— Я загнал трех коней, пытаясь вас настигнуть. Кобад-шах умер от яда — кинжал Джезма был отравлен. Страной правит его сын Аршак. Он снял все обвинения против Конана и Балаша и желает, чтобы Балаш по-прежнему охранял северные рубежи, а Конан вернулся на службу в столицу. Иранистану нужны такие храбрые воины, потому что король Турана Эздигерд, покончив с бандами козаков, наверняка скоро опять захочет силой подчинить себе соседей.

— Если дело обстоит так, как ты говоришь,— ухмыльнулся Конан,— то в туранских степях скоро можно будет славно поживиться. Честно сказать, я по горло сыт интрижками придворных шаркунов.— Он повернулся к своим воинам: — Кто хочет вернуться в Аншан, пусть уходит. Завтра я выступаю на север.

— А как же мы? — хором взвыли гирканские гвардейцы в шлемах с перьями.— Иранистанцы нас перережут. Наш город захвачен упырями, семьи растерзаны, начальники убиты. Что будет с нами?

— Кто хочет, пусть идет со мной,— безразличным тоном сказал Конан.— Прочие могут попросить убежища у Балаша. В его племени сейчас найдется немало женщин, кому потребуются новые мужья... Кром всемогущий!

— Что с тобой? — встревожился Тубал.

Глаза Конана жадно шарили по жалкой кучке спасшихся женщин.

Вот он увидел Париситу, но той, что он искал, среди них не было!

— Да что случилось?

— Наложница, Нанайя! Совсем о ней забыл! Она все еще в башне. Проклятье! Как я мог? Ну и скотина!

— Зачем же так? — раздался рядом нежный голосок.

Конан круто обернулся, как ужаленный. Один из уцелевших зуагиров стащил с головы бронзовый шлем, и глазам варвара открылись прекрасные черты Нанайи. Девушка встряхнула головой, и по ее точеным плечам рассыпались черные волосы.

От удивления киммериец разинул было рот, но, скоро очнувшись, оглушительно расхохотался:

— Я вроде приказал тебе остаться, но... так тоже неплохо!

Варвар бесцеремонно привлек к себе девушку, громко чмокнул ее в щеку и тут же дал звонкого шлепка по заду.

— Одно тебе за доблесть и находчивость,— пояснил он,— другое — за непослушание. Как, сама разберешься? Идем!.. Вставайте, песьи души! Вы что, так и будете сидеть на камнях толстыми задницами, пока не передохнете с голоду?

И, взяв гибкую, смуглую девушку за руку, Конан повел ее туда, где в скале зияла пасть расселины — выход в ущелье Призраков, откуда брала начало дорога на Кушаф.

Черные слезы

1

КЛЫКИ КАПКАНА

Полуденное солнце сверкало на раскаленном небосклоне. Жесткие сухие пески Шан-и-Сорха — Красной Пустыни — разогрелись в безжалостном пламени, как в гигантской духовке. Все застыло в неподвижном воздухе, ни шороха в редком колючем кустарнике, кое-где взбирающемся на песчаные холмы, которые вставали стеной по краю пустыни.

Не шевелились и солдаты, которые залегли за кустами, вглядываясь в тропу.

Какое-то доисторическое противоборство природных сил образовало эту расселину в крутом откосе. Вековая эрозия расширила ее, но она все еще оставалась узким проходом между крутыми склонами — прекрасное место для засады.

Отряд туранских солдат находился в укрытиях наверху, они лежали все эти жаркие утренние часы, изнемогая от зноя в своих кольчугах и пластинчатых доспехах. Руки и ноги затекли в неудобных позах, а колени ныли от боли. Проклиная про себя все на свете, их предводитель эмир Богра-хан терпел все неудобства затянувшейся засады вместе с ними. Его горло пересохло, как заскорузлая на солнце кожа, а тело пеклось в кольчуге. В проклятом обиталище пылающего

© L. Sprague De Camp.

солнца и смерти невозможно было даже пропотеть как следует. Испепеляющий воздух пустыни жадно всасывал каждую каплю влаги, оставляя человека сухим, как иссушенный язык стигийской мумии.

Эмир закрыл глаза и протер их, чтобы вновь напряженно вглядываться, щурясь против ослепительного солнца, в еле заметную вспышку зеркального сигнала, который посылал своему начальнику на вершину холма высланный вперед разведчик, укрывшийся за дюной красного песка.

Теперь уже и самому ему было видно облако пыли. Тучный чернобородый туранский вельможа ухмыльнулся, позабыв о своих неудобствах. Воистину этот вероломный осведомитель стоил той взятки, которую ему пришлось дать, чтобы купить его информацию!

Вскоре Богра-хан мог разглядеть длинный ряд зуагирских всадников в белых халатах. Под ними были поджарые кони, привычные к пустыне. По мере того как банда пустынных разбойников выступала из облака пыли, поднятой копытами их лошадей, туранский вельможа начинал различать даже темные ястребиные лица своих жертв, склоненные вниз и обрамленные развевающимися волосами,— так ясен был воздух пустыни и ярко солнце. Подобно красному вину Аграпура из личных подвалов молодого царя Ездигерда, в его жилах закипало удовлетворение.

Уже в течение нескольких лет эта разбойная шайка грабила и разоряла города, торговые поселения и караван-сараи вдоль границ Турана. Вначале набеги делались под предводительством жестокосердного хауранского негодяя Гарета, а теперь вот уже больше года тому назад его место занял этот Конан. Наконец туранские шпионы, рыскавшие по селениям, в которых находили приют грабители, обнаружили продажного члена этой банды. Его имя было Варданес, он был не зуагиром, а заморанцем. Варданес был кровным братом Гарета, которого сверг Конан, поэтому он жаждал мести чужаку, захватившему власть атамана.

Богра в задумчивости теребил свою бороду. Заморанский предатель был забавным смешливым плутом. Он был по сердцу туранцу. Маленький, худой, гибкий и красивый, как молодой бог, но хвастливо развязный и дерзкий, Варданес был хорош в компании, собравшейся для возлияний. Однако он был ужасный забияка и драчун, и его бессердечие и хладнокровие в бою были сродни свойствам гадюки. Это ощущение еще усиливалось благодаря его ненадежности.

Сейчас зуагиры проходили через теснину. Во главе передового отряда на черной кобыле гарцевал Варданес. Бограхан поднял руку, чтобы предупредить своих людей о необходимости быть наготове. Он хотел пропустить как можно больше зуагиров в проход, прежде чем захлопнуть ловушку. Только Варданесу было суждено выйти из нее. В тот момент, когда он проехал песчаные отвесы, Богра резко рубанул рукой вниз.

— Прикончить собак! — загремел он, поднимаясь.

Туча свистящих стрел заслонила солнце, подобно смертоносному дождю. Через секунду отряд зуагиров превратился в месиво кричащих людей и брыкающихся, вскидывающихся на дыбы лошадей. Убийственный дождь накрывал их шквал за шквалом. Люди валились, хватаясь за оперенные концы стрел, которые, как по волшебству, вдруг облепили их тела. Лошади пронзительно ржали, когда острые наконечники раздирали их запыленные бока.

Пыль поднималась удушливым облаком, закрывая проход внизу. Облако стало таким непроницаемым, что Бограхан чуть не приостановил своих лучников на минуту, чтобы они поберегли стрелы и не тратили их впустую, посылая наугад в наступивший мрак. Но этой мимолетной вспышке бережливости не суждено было осуществиться, так как из хаоса звуков возник сильный рев, перекрывший все остальные шумы:

— Вверх по склонам и на них!

Это был голос Конана. И сразу после этого возникла гигантская махина самого киммерийца, атакующего крутой опасный склон на громадном огненном жеребце. Казалось, только глупец или сумасшедший отважится нападать прямо вверх по крутому склону ползущего песка и обваливающихся камней, прямо в зубы своего противника, но Конан не был ни тем ни другим. Воистину он был дик в своей свирепой жажде мести, но его непреклонное, темное от загара лицо, освещаемое время от времени голубыми вспышками глаз из-под нахмуренных черных бровей,— глаз, взгляд которых был подобен языкам пламени, пробивающимся из-под тлеющих углей,— свидетельствовало о смекалке закаленного воина. Он знал, что часто только дорога через засаду спасительна своей неожиданностью.

Действительно, пораженные туранские воины опустили луки. Карабкаясь по крутым склонам вверх из пыльного облака, стелющегося по низу теснины, прямо на них накатывалась воющая лавина взбешенных пеших и конных зуа-

гиров. В один миг пустынные разбойники, гораздо более многочисленные, чем ожидал эмир, с ревом перевалили гребень холма, размахивая кривыми саблями и изрыгая проклятия. Их пронзительные боевые кличи леденили кровь.

Впереди всех маячила громада Конана. Стрелы порвали его белый халат, обнажив поблескивающую черную кольчугу, что облекала его мощный, как у льва, торс. Буйная нестриженая грива разметалась из-под стального шлема, подобно разодранному знамени. Случайная стрела сорвала с него струящуюся каффию. Он был подобен демону из мифа на своем дико храпящем жеребце. При нем была не кривая сабля, как у остальных обитателей пустыни, а длинный широкий палаш с крестообразной рукоятью, какими пользуются воины Запада. Это было его любимое оружие, хотя остальным он владел не хуже. Длинная, блестящая как зеркало полоса стали крутилась в его покрытой шрамами руке, прокладывая алую просеку сквозь ряды туранцев. Палаш поднимался и падал, разбрызгивая красные капли в сухом воздухе пустыни. С каждым ударом он крушил оружие и разрубал плоть, дробил кости и мозжил черепа, здесь обрубая конечности, там отшвыривая искалеченную жертву со сломанными ребрами.

Этот бурный натиск был очень краток. Все закончилось в какие-нибудь полчаса. Не много туранцев осталось в живых после бешеной атаки — всего несколько бежавших в самом начале и их предводитель. С окровавленным лицом и в разодранном одеянии, растрепанный и взъерошенный, припадая на одну ногу, эмир предстал перед Конаном, который сидел на своем запаленном коне, вытирая лезвие палаша халатом одного из убитых.

Конан смерил павшего духом вельможу презрительным взглядом с примесью насмешки.

— Ну вот, Богра, мы и встретились снова! — пророкотал он.

Эмир открыл рот от изумления, не веря своим глазам.

— Ты! — задохнулся он.

Конан усмехнулся. Десять лет тому назад еще совсем молодым бездельником киммериец попал в Туран, где служил наемником у короля Илдиза. Из-за небольшой неприятности с пассией одного офицера ему пришлось довольно неожиданно покинуть Туран, причем он так торопился, что не успел оплатить карточный долг тому самому эмиру, который стоял сейчас перед ним в остолбенении. Тогда, как это и было принято среди богатых молодых людей, веселый

отпрыск знатного рода Богра-хан, подружившись с Конаном, участвовал во многих эскападах и азартных играх в питейных заведениях и публичных домах. Сейчас, по прошествии стольких лет, тот же Богра, разбитый в битве своим старым товарищем, чье имя он никогда не связывал с вожаком кочевников, перед которым все трепетали, в изумлении уставился на него.

Конан окинул его взглядом из-под прищуренных век.

— Ты подкарауливал нас здесь, не так ли? — прорычал он.

Эмир сник. Он не хотел давать информацию вожаку, находящемуся вне закона, даже если они были старыми собутыльниками. Однако он наслушался мрачных историй о кровавых методах допроса пленных, которые помогали зуагирам довольно быстро добывать сведения. Жирный и рыхлый после многих лет привольного житья, туранский офицер боялся, что не сможет долго молчать под таким давлением.

Как это ни удивительно, в его соучастии не было нужды. Конан сам видел, как Варданес, который до странности настойчиво напрашивался этим утром в отряд передовой разведки, успел, во весь опор пришпоривая коня, проскочить дальний конец прохода как раз перед тем, как захлопнулась ловушка.

— Сколько ты заплатил Варданесу? — резко спросил он.

— Двести серебряных шекелей...— пробормотал туранец и тут же оборвал себя, пораженный своей неосторожностью.

Конан рассмеялся:

— Царская плата, а? Этот улыбающийся ублюдок — вероломный до глубины его тухлого черного сердца, как и все заморанцы! Он не простил мне того, что я сместил Гарета!

Конан прервал себя, смерив эмира, повесившего голову, насмешливым взглядом. Он ухмыльнулся почти беззлобно:

— Ну, Богра, не кляни себя. Ты не выдал свои военные секреты. Я выпытал их у тебя хитростью. Ты можешь возвращаться в Аграпур в целости и сохранности и с незапятнанной солдатской честью.

Богра в удивлении поднял голову.

— Ты оставляешь мне жизнь? — прохрипел он.

Конан кивнул:

— Почему бы и нет? Я все еще должен тебе мешок золота за тот старый проигрыш, так что позволь отдать тебе долг таким образом. Но в следующий раз, Богра, смотри в оба, когда ставишь ловушку для волков. Иногда в нее может попасться тигр!

2

ЗЕМЛЯ ЗЛЫХ ДУХОВ

Два дня тяжкой погони по красным пескам Шан-и-Сорха все еще не дали желаемого результата — пустынные разбойники так и не изловили предателя. Жажда крови Варданеса побуждала Конана безжалостно гнать своих людей. Жестокий закон пустыни требовал смерти на пяти колах для того, кто предал своих товарищей, и Конан был полон решимости заставить заморанца заплатить по счету в полной мере.

Вечером второго дня они встали лагерем в укрытии скалы выжженного песчаника, которая вздымалась среди ржаво-красных песков, подобно остову какой-то полуразрушенной древней башни. На суровом лице Конана, загорелом почти до черноты под солнцем пустыни, пролегли морщины усталости. Его жеребец часто и тяжело дышал на грани изнеможения, вязкая пена засохла на его губах, когда Конан наконец поднес к его морде кожаное ведро с водой. Люди за спиной Конана устраивались на отдых, разминая затекшие ноги и ноющие руки. Они поили лошадей и разжигали костер, чтобы отпугнуть диких пустынных собак. Слышался скрип веревок — это снимали седельные вышки с палатками и кухонной утварью.

Песок захрустел под обутыми в сандалии ногами за спиной Конана. Он обернулся и увидел морщинистое, окаймленное бородой лицо одного из своих приближенных. Это был Гомер-шемит, с глазами цвета терновой ягоды и крючковатым носом. Отливавшие синевой черные кольца его волос выбивались из-под складок накинутого на голову покрывала.

— Ну что? — выдавил Конан, не переставая скрести усталого жеребца медленными взмахами жесткой щетки.

Шемит пожал плечами:

— Он все еще держит путь прямо на юго-запад. Проклятый дьявол, должно быть, сделан из железа.

Конан хрипло рассмеялся:

— Его кобыла, возможно, и железная, но Варданес-то из плоти и крови, и ты сам убедишься в этом, когда мы растянем его между колами и выпустим его кишки, чтобы угостить стервятников.

Печальные глаза Гомера были полны смутного страха.

— Конан, не оставишь ли ты эти поиски? С каждым днем мы все глубже забираемся в эту пустыню, где только солн-

це и песок и выживают лишь гадюки и скорпионы. Клянусь хвостом Дагона, если мы не повернем назад, то оставим свои кости белеть здесь навеки.

— Ты говоришь не то,— проворчал киммериец.— Если чьим-то костям и суждено белеть здесь, так это будут кости заморанца. Не беспокойся, Гомер. Мы еще поймаем предателя. Возможно, завтра. Он не сможет сохранять такой темп и дальше.

— Но и мы не сможем! — запротестовал было Гомер, но смолк, чувствуя неловкость под испытующим взглядом вспыхивающих синим пламенем глаз Конана.

— Но это не все, что гложет твое сердце, не так ли? — спросил Конан.— Давай говори, старина. Выкладывай!

Крупный шемит выразительно повел плечами.

— Да... просто я чувствую...— Его голос сник.

— Говори, парень, или я выколочу это из тебя!

— Это... это ведь Макан-и-Мордан! — выпалил Гомер.

— Я знаю. Слышал раньше об этом Месте Злых Духов. Ну и что? Неужели ты веришь тому, что наплели старые ведьмы?

Гомер выглядел очень несчастным:

— Это не просто выдумки, Конан. Ты не зуагир и не знаешь этой земли и ее ужасов, как мы, долго жившие в пустыне. Тысячи лет эти места были проклятыми, так как их населяли духи умерших, и с каждым часом мы углубляемся все дальше в эту обитель зла. Люди боятся сказать тебе, но они почти потеряли рассудок от страха.

— От детского суеверия, ты имеешь в виду,— сердито прервал его Конан.— Я знаю, что они дрожат с головы до пят от россказней о духах и гоблинах. Я тоже слышал разные истории об этой стране, Гомер. Это всего лишь сказки, чтобы пугать малолетних, но не воинов! Скажи своим товарищам, чтобы они поостереглись. Мой гнев сильнее, чем все духи, привидения, призраки и тени когда-либо умерших, вместе взятые!

— Но, Конан, послушай!

Конан оборвал его грубым ругательством:

— Достаточно твоих сопливых ночных страхов, шемит! Я поклялся Кромом и Митрой, что умру, но пущу кровь этому заморанскому предателю. И если я должен окропить кровью маленького зуагира весь этот путь, я не отступлю ни на йоту от этого намерения. А теперь кончай нытье и давай разопьем бутылку. Моя глотка суха, как эта проклятая пустыня, и от всех этих разговоров она просыхает еще больше.

Похлопав Гомера по плечу, Конан большими шагами направился к костру, где его люди распаковывали запасы копченого мяса, сухих фиг и фиников, круги козьего сыра и кожаные бутыли с вином.

Но шемит не сразу присоединился к киммерийцу. Он долго стоял, глядя вслед самоуверенному атаману, за которым он шел в огонь и в воду на протяжении почти двух лет, с той поры как они нашли его распятым у стен Хаурана. Конан был капитаном стражи на службе у королевы Хаурана Тарамис, до тех пор пока ее трон не был захвачен ведьмой Саломесй, находившейся в союзе с Констанцием Фалконом, кофским воеводой наемников.

Когда Конан понял, куда клонится дело, он встал на сторону Тарамис и был побежден. Констанций распял его на кресте за городом. Случайно Гарет, предводитель местной банды зуагирских разбойников, наткнулся на Конана и снял его с креста, пообещав взять его в свой отряд в случае выздоровления. Конан не только оправился от своих ран, но оказался также таким способным лидером, что через некоторое время занял место Гарета в банде, которой и руководил с тех пор по сегодняшний день.

Но сейчас, по всей видимости, наступал конец его лидерства. Гомер из Акхарии глубоко вздохнул. Конан скакал впереди всех последние два дня, ничего не замечая, обуреваемый мрачной жаждой мести. Он не осознавал глубины чувств в сердцах зуагиров. Гомер знал, что, хотя они любили Конана, их суеверные страхи дошли до предела, за которым начинается мятеж и убийство. Они могли следовать за киммерийцем до входа в ад, но не дальше в глубь Земли Духов.

Шемит был готов молиться на своего атамана. Но, зная, что никакие угрозы не свернут киммерийца с пути мести, он не мог не думать о единственном способе спасти Конана от ножей его собственных людей. Из кармана своего белого халата он вынул маленькую, заткнутую пробкой склянку с зеленым порошком. Пряча ее в ладони, он присоединился к Конану, чтобы распить с ним бутылку вина.

3

НЕВИДИМАЯ СМЕРТЬ

Когда Конан проснулся, солнце было уже высоко. Волны горячего воздуха колыхались над бесплодными песками. Воздух был раскаленный, сухой, без малейших при-

знаков ветра, как будто небеса были опрокинутой бронзовой чашей, нагреваемой до белого каления.

Конан, пошатываясь, привстал на колени и сжал пульсирующие болью виски. Его череп раскалывался, как будто по нему били дубиной.

Он с трудом поднялся на ноги и стоял некоторое время, покачиваясь. Затуманенным взором, мучительно щурясь от яркого света, он медленно огляделся вокруг. Он был один в этой проклятой безводной пустыне.

Он разразился проклятиями на головы суеверных зуагиров. Весь отряд покинул лагерь, захватив с собой утварь, лошадей и провизию. Около него лежали только два мешка из козьих шкур, наполненные водой. Эти мешки, его кольчуга и халат, а также палаш — вот и все, что его прежние товарищи оставили ему.

Он вновь упал на колени и вытащил затычку из одного из мешков с водой. Жадно ловя тепловатую жидкость, он прополоскал рот, стараясь избавиться от отвратительного привкуса, и, экономя на каждом глотке, немного выпил. С трудом заставив себя оторваться, он заткнул отверстие вновь, не утолив и наполовину своей жгучей жажды. Хотя ему страстно хотелось вылить всю воду из мешка на свою раскалывающуюся от боли голову, рассудок взял верх. Раз его оставили в этой песчаной пустыне, надо беречь каждую каплю, чтобы выжить.

Несмотря на слепящую головную боль и неспособность собрать мысли, он старался понять, что произошло. Его зуагиры были гораздо больше напуганы этими сомнительными фантазиями, чем он предполагал. Правда, Гомер предупреждал его... Он сделал очень серьезную, возможно, роковую ошибку. Он недооценил власть суеверий над его пустынным воинством и переоценил свои способности контролировать и подавлять их. В монотонных стонах Конан проклял свою тупоголовую самонадеянность. Если он не усвоит урок как следует, рано или поздно это может стать причиной его гибели.

И возможно, этот день уже наступил. Через силу, как будто ворочая камни, он стал подсчитывать свои шансы выжить. Они оказались ненадежными. У него была вода на два, в крайнем случае на три дня, если он еще больше ограничит ее потребление, рискуя сойти с ума. Ни пищи, ни коня, а это значит, что он должен тащиться пешком.

Ну ладно, допустим, он пойдет, но куда? Первое, что приходило в голову: назад по пути, которым он прошел.

Но тут же возникали аргументы против этого варианта. И наиболее веским из них было расстояние. Они скакали верхом два дня после того, как оставили последний колодец с водой. Пешком в лучшем случае можно было идти со скоростью в два раза меньшей, чем скорость лошади. Таким образом, для него возвращаться тем же путем, которым они добирались сюда, значило идти по крайней мере два дня совсем без воды.

Конан задумчиво тер подбородок, стараясь забыть про пульсирующую боль в черепе и заставить работать свое затуманенное сознание. Возвращаться по своим следам — пожалуй, не лучшая идея, так как он знал, что воды ближе, чем в четырех днях пешего пути отсюда, не будет.

Он взглянул вперед, где след спасающегося бегством Варданеса простирался прямо от его ног до горизонта.

Возможно, ему надо продолжать преследование заморанца. Поскольку этот путь ведет в неизведанную страну, в сложившейся ситуации сам факт неизвестности того, что его ожидает там, уже говорит в его пользу. А что, если сразу за ближайшими барханами лежит оазис? Очень трудно прийти к разумному решению в подобных условиях, но Конан остановился на том, что ему казалось более благоразумным. Подпоясав халат, накинутый на кольчугу, и повесив свой палаш через плечо, он зашагал вдоль следа, оставленного Варданесом, с мешками воды, хлопающими по спине.

Солнце, казалось, навсегда повисло в небе из расплавленной бронзы. Оно сверкало подобно огненному глазу во лбу гигантского циклопа, глядящего вниз на крошечную, медленно передвигающуюся фигуру, которая устало тащилась по раскаленной поверхности темно-красных песков. Целая вечность прошла, пока полуденное светило не завершило свой путь по необъятной пустоте небесного свода, с тем чтобы умереть на пламенеющем погребальном костре запада. Затем пурпурный вечер незаметно подкрался на крыльях теней, постепенно накрывая, как пологом, небесный купол, и благословенная, еле ощутимая прохлада стала расползаться по дюнам с легким бризом. Размытые тени придали очертания песчаным волнам.

К тому времени Конан уже не ощущал боли в своих ногах. От усталости они онемели настолько, что он потерял способность чувствовать их вообще и тащился вперед, спотыкаясь и пошатываясь, как будто переставлял каким-то чудом ожившие каменные колонны. Его крупная голова сви-

сала на широкую грудь. Он брел машинально, без отдыха, ведомый только одной мыслью, что сейчас, в вечерней прохладе, он может одолеть большее расстояние с наименьшей потерей сил.

Рот и горло у него были забиты песком и пылью, как будто припудренное смуглое лицо выглядело кирпично-красной маской. Он сделал глоток воды час тому назад и удерживался от желания выпить еще, пока не станет так темно, что след Варданеса, по которому он тащился, станет неразличимым.

Его сны в ту ночь, тяжелые и путаные, были наполнены косматыми кошмарными чудовищами с одним горящим глазом во лбу — низком и волосатом лбу полуживотного. Эти существа терзали его, обнаженного, избивая раскаленной докрасна цепью.

Когда, проснувшись наконец, он с трудом разлепил веки, солнце уже было высоко. Его ожидал следующий жаркий день. Подняться было мукой. Каждый мускул пульсировал болью, как будто ему под кожу загнали множество тонких игл. Но он все же встал, выпил немного воды и двинулся вперед.

Вскоре он потерял счет времени, и только воля, не знающая усталости, толкала его шаг за шагом, пусть спотыкающимся и неуверенным, но все же вперед. Его разум, казалось, отделился от него, блуждая где-то на призрачных дорогах галлюцинаций. Но он все еще держал в уме три вещи: необходимость идти по следу копыт, строго экономить воду и стоять на ногах. Он знал, что если он упадет, то ему уже не подняться вновь. А если это случится, пока тянется убийственно знойный день, его кости вечно будут сохнуть и белеть среди этой ярко-красной пустыни.

4

БЕССМЕРТНАЯ КОРОЛЕВА

Варданес из Заморы добрался до самой верхней точки холмистой гряды и остановился, осматриваясь. Вид, открывшийся перед ним, был настолько неожиданным, что он застыл в оцепенении. На протяжении пяти дней, с тех пор как неудачная засада, устроенная для зуагиров, обернулась против туранцев, он скакал во весь опор как сумасшедший, едва прихватывая час-другой для отдыха, и не столько

для себя, сколько для своей кобылы. Безграничный ужас, обуявший его и почти лишивший рассудка, гнал его вперед и вперед.

Он хорошо знал, как мстят пустынные разбойники. Его воображение рисовало тошнотворные сцены расправы над его телом, которая будет расплатой, уготованной ему беспощадными мстителями, если он когда-нибудь попадет к ним в руки. Когда он увидел, что засада не удалась, он пустился вскачь прямо в глубь пустыни, ни о чем не раздумывая. Он знал, что этот дьявол Конан вырвет у Богры-хана имя предателя и потом кинется с ревом по его пятам с кровожадной шайкой зуагиров. И никто из них так просто не отступится от поисков бывшего товарища, вероломно предавшего их.

Слабым шансом выжить было для него направиться в безлюдные пространства Шан-и-Сорха, где нет ни дорог, ни троп. Хотя заморанец Варданес по культуре и воспитанию был достаточно утонченным горожанином, судьба в свое время свела его с отщепенцами пустынь, и он хорошо знал их обычаи и верования. Ему было известно, что они опасаются самого названия «Красная Пустыня», так как воображение этих дикарей населяло ее чудовищами и злыми духами всех мастей, каких только они могли себе представить. Почему кочевники так отчаянно боялись Красной Пустыни, он не знал и не хотел вникать. Его устраивало уже то, что этот страх поможет ему уйти от преследователей, которые не посмеют углубляться в безжизненную пустыню слишком далеко.

Но они не повернули назад. Он опережал их совсем немного, так что каждый день мог видеть за собой вздымающиеся облака пыли, поднятой зуагирскими всадниками. Он рвался вперед, не теряя ни минуты на остановки, ел и пил в седле, доводя свою лошадь до последней степени изнеможения, чтобы увеличить разрыв между преследователями и собой. По прошествии пяти дней он уже не знал, идут ли они еще по его следу, но вскоре для него это стало почти безразлично. Он исчерпал запасы воды и пищи для себя и своей кобылы и продолжал спешить только в слабой надежде найти источник воды в этой бескрайней пустыне.

Его лошадь, покрытая коркой сухой грязи, образовавшейся там, где пыль и песок налипли на взмыленные бока, тащилась вперед, пошатываясь, как неживая, ведомая какой-то колдовской силой. Теперь она была близка к смерти. За день она падала семь раз, и только удары плети вынуж-

дали ее подняться на ноги снова. Поскольку она уже была не способна нести его, Варданес шел пешком, ведя ее на поводу.

Красная Пустыня взяла ужасную дань и с самого Варданеса. Еще недавно красивый, как смеющийся молодой бог, он стал изможденным скелетом, обожженным солнцем до черноты. Налитые кровью глаза жутко поблескивали сквозь потускневшие, слипшиеся пучками волосы. Его потрескавшиеся, распухшие губы бессознательно бормотали молитвы Иштар, Сету, Митре и еще двум десяткам других божеств. Когда он и его дрожащая от слабости коняга вползли на вершину еще одного ряда дюн, он посмотрел вниз и увидел зеленеющую долину с пятнами изумрудно-зеленых рощ финиковых пальм.

Среди этой плодородной долины лежал небольшой, обнесенный каменной стеной город. Высоко вознесшиеся купола и приземистые сторожевые башни возвышались над стеной с громадными воротами, полированные створы которых отражали красноватое солнце.

Город в этом пекле, уничтожающем все живое? Зеленая цветущая долина, полная буйно разросшихся прохладных деревьев, мягких лужаек и прозрачных бассейнов с лотосом, в самом сердце этой лишенной растительности пустыни? Невероятно!

Варданеса пробрала дрожь, он протер глаза и облизал пересохшие губы. Должно быть, это мираж или порождение расстроенного воображения! Одновременно какие-то обрывки полузабытых знаний времен его детства, когда он обучался разным наукам, стали возвращаться к нему, постепенно воссоздавая некое целостное представление. Это были фрагменты легенд об Ахлате Проклятом.

Он изо всех сил старался восстановить эту нить в памяти. Легенда была записана в старой стигийской книге, которую его наставник шемит держал запертой в сундуке из сандалового дерева. Даже будучи ясноглазым парнишкой, Варданес был наделен (а скорее, отмечен как проклятием) жадностью, нездоровым любопытством и ловкими пальцами воришки. Однажды темной ночью он подобрал отмычку к замку и со смешанным чувством благоговейного страха и отвращения погрузился в изучение необыкновенного текста, полного темных зловещих описаний и смутных предсказаний древней черной магии. Написанный паучьим почерком на пергаменте, выделанном из драконовой кожи, текст пред-

ставлял перечень странных обрядов и церемоний. Он был испещрен загадочными иероглифами древних царств, таких, как Ахерон и Лемурия, которые процветали и пали в незапамятные времена и были известны своими таинственными колдовскими ритуалами.

Среди страниц, заполненных паукообразными письменами, встречались обрывки какой-то непонятной литургии, предназначенной для привлечения демонических субстанций из зазвездных темных сфер, из хаоса, который, по свидетельству древней черной магии, царит за пределами космоса. Одна из этих литургий содержала таинственные упоминания о «проклятом дьяволом и одержимом демоном Ахлате в Красной Пустыне, где могущественные безумные чародеи давным-давно, к своей бесконечной скорби и сожалению, вызвали в эту земную сферу Демона из Потустороннего Мира... Ахлат, где Нечто Бессмертное и Ужасное правит суд и расправу вплоть до сегодняшнего дня... обреченный, проклятый Ахлат, от которого отреклись истинные боги, превратив все вокруг него в обжигающую пустыню».

Варданес все еще сидел на песке возле своей часто и тяжело дышавшей запаленной кобылы, когда внезапно появившиеся воины со свирепыми физиономиями напали на него, скрутили и потащили с каменистых возвышенностей, кольцом окружавших город, вниз в цветущую долину с финиковыми пальмами и полными лотоса прудами и еще ниже — к воротам Ахлата Проклятого.

5

РУКА ЗИЛЛАХ

Проснувшись, Конан медленно приходил в себя, но на этот раз все было совсем иначе. До сих пор его пробуждения означали возвращение к боли и мучениям. Он с трудом раздирал слипшиеся веки, чтобы тут же зажмуриться и потом на протяжении целого долгого дня шуриться от невыносимо сверкающего солнца. Он через силу заставлял себя подняться на ноги, чтобы брести, пошатываясь, вперед через раскаленные, как в жаровне, пески.

На этот раз он проснулся очень легко, с блаженным чувством довольства и комфорта. Его голова покоилась на шелковых подушках. Плотный тент со свешивающейся по краям длинной бахромой защищал от солнца его тело, чистое и

обнаженное, если не считать свежей набедренной повязки из белого полотна.

Он вскочил на ноги, не медля ни секунды, подобно дикому животному, жизнь которого зависит от быстроты реакции. Оглядываясь вокруг, он не верил собственным глазам. Первой его мыслью было, что наконец смерть прибрала его и его дух перенесся ввысь в незатейливый старомодный рай, каким представляли его предки, где Кром — верховное божество его народа — восседает на престоле среди других богов и тысячных толп героев.

Рядом с его шелковым ложем стоял серебряный кувшин, наполненный прозрачной свежей водой.

Минутой позже, когда Конан оторвал мокрое лицо от кувшина, он знал, что, какой бы рай это ни был, природа его реальна и вполне материальна. Он пил не отрываясь, хотя по состоянию своей глотки и рта понимал, что та жгучая жажда, от которой он страдал в своем переходе по пустыне, больше не терзает его. Должно быть, какой-то караван нашел его и доставил в это укрытие, где ему оказали помощь и подлечили. Продолжая осматриваться, Конан заметил, что все его тело тщательно отмыто от песка и пыли и умащено смягчающими кожу целебными мазями. Кто бы ни были его спасители, они кормили его и ухаживали за ним, пока он бредил и лежал в забытьи.

В ходе размышлений на эту тему он обшаривал шатер взглядом. Его большой палаш лежал поперек эбонитового сундука. Бесшумно крадучись, он двинулся по направлению к нему, как осторожный дикий кот,— и тут же замер, так как услышал звяканье воинских доспехов у себя за спиной.

Мелодичный звук исходил, однако, не от воина, а от стройной хрупкой девушки с глазами оленя. Она только что вошла в палатку и стояла, глядя на него в удивлении. Темные блестящие волосы до пояса были ничем не скреплены, и крошечные серебряные колокольчики, нанизанные на свободно падающие пряди, издавали слабое позвякивание.

Конан оценил девушку с первого беглого взгляда: молодая, почти ребенок, тоненькая и привлекательная. Ее бледное, не тронутое загаром тело соблазнительно мерцало сквозь тонкое просвечивающее покрывало. Драгоценные камни искрились на ее тонких белых руках. По золотым украшениям на лбу и взгляду ее больших темных глаз Конан предположил, что она принадлежит к народу, родственному шемитам.

— О! — вскричала она.— Ты слишком слаб, чтобы вставать. Ты должен еще лежать, чтобы восстановить свои силы.— Она произнесла это на одном из диалектов шемитского языка, полном архаичных форм, но достаточно близком к тому шемитскому, который Конан знал настолько, чтобы понимать.

— Чепуха, девочка, я в достаточно хорошей форме,— ответил он на том же языке.— Это ты ухаживала здесь за мной? Сколько времени прошло с тех пор, как ты нашла меня?

— Нет, чужеземный господин, это сделал мой отец. Я — Зиллах, дочь Еноша, властителя Ахлата Проклятого. Мы обнаружили твое тело среди бескрайних песков вечной пустыни. С тех пор миновало три дня,— отвечала она, прикрыв шелковыми ресницами свои прекрасные глаза.

«Боги! — подумал он.— Однако какая чистая, скромная девушка!» Конан не видел ни одной женщины уже несколько недель, поэтому он откровенно изучал округлые контуры ее гибкого тела, едва прикрытого прозрачными одеждами. Ее щеки слегка зaалели.

— Итак, это твои прелестные ручки ухаживали за мной, а, Зиллах? — сказал он.— Благодарю тебя и того, кто произвел тебя на свет, за помощь. Думаю, я был близок к смерти. Как вам удалось найти меня?

Он пытался припомнить город с названием Ахлат Проклятый, но безуспешно, а ведь он считал, что знает все поселения в южных пустынях хотя бы понаслышке, если не видел их воочию.

— Это не было случайностью, на самом деле мы вышли на поиски тебя,— сказала Зиллах.

Глаза Конана сузились, и весь он напрягся от предчувствия опасности. Внезапно застывшее выражение этого мрачного бесстрастного лица подсказало девушке, что перед ней мужчина с необузданной животной страстью — опасный человек, не похожий на мягких и чувствительных горожан, которых она знала до сих пор.

— Мы не хотели причинить тебе вреда! — протестующе вскричала она, вскидывая свою тонкую руку, как бы защищаясь.— Однако следуй за мной, господин, и мой отец объяснит тебе все.

На минуту Конан застыл, размышляя, не навел ли Варданес этих людей на его след. Серебра, которое он получил от туранцев, хватило бы с избытком, чтобы купить с потрохами по крайней мере полсотни шемитов.

Затем он расслабился, постепенно подавляя вспыхнувший было кровожадный порыв, взял свой меч и перекинул перевязь через плечо.

— Тогда веди меня к своему Еношу, милая,— уже спокойным тоном произнес он.— Я хочу послушать, что он мне наплетет.

Она повела его из помещения. Конан расправил плечи и, мягко ступая, двинулся за ней.

6

НЕЧТО ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Енош сидел в кресле из черного дерева с высокой спинкой, углубившись в изучение измятого, ветхого от времени свитка, когда Зиллах ввела к нему Конана. Эта часть шатра была убрана темно-красными тканями, толстые ковры смягчали шум шагов. На витой бронзовой подставке в виде блестящих переплетенных змей было укреплено зеркало странной формы. Жуткие, сверхъестественные отблески блуждали в его эбонитовой глубине.

Енош поднялся и приветствовал Конана изысканными фразами. Это был высокий немолодой человек, худой и, несмотря на возраст, стройный. На нем был головной убор из белоснежного полотна. Прожитые годы и размышления испещрили его лицо морщинами, в темных глазах была усталость и вековая печаль, накопленная еще предками.

Он предложил своему гостю сесть и приказал Зиллах принести вина. Когда с формальностями было покончено, Конан спросил прямо:

— Как вам удалось обнаружить меня, о шейх?

Енош взглянул на черное зеркало:

— Пока я не утратил волшебной силы, сын мой, я могу использовать некоторые не совсем естественные средства.

— И все же как это получилось, что вы искали меня?

Енош поднял тонкую, в голубых жилах руку, чтобы успокоить подозрения воина.

— Будь терпелив, мой друг, и я все объясню,— проговорил он тихим низким голосом. Оставив свой свиток, он пересел на низкий табурет и взял серебряную чашу с вином.

После достаточно обильного возлияния старик начал свой рассказ.

— Давным-давно, много веков тому назад, волшебник из этой страны, называемой Ахлат, задумал заговор против древней династии, которая правила в этих местах со времен падения Атлантиды,— медленно повествовал он.— Коварными речами он убедил народ, что их монарх — слабый, предававшийся изнеженным удовольствиям человек — был их недоброжелателем или даже врагом, и народ восстал и втоптал в грязь незадачливого царя. Возвеличив себя как жреца и пророка неведомых богов, чародей претендовал на божественное, пророческое влияние. Он возвещал, что один из богов вскоре спустится на землю, чтобы самолично править Ахлатом Святым — как тогда называлась страна.

Конан фыркнул:

— Вы, люди Ахлата, кажется, не менее легковерны, чем другие народы, которые я повидал.

Старик устало улыбнулся:

— Всегда легко верить в то, что хочется считать истиной. Но даже в кошмарах не могло привидеться, насколько ужасным был план этого черного колдуна. С помощью отвратительных тайных ритуалов и заклятий он вызвал демонессу из потустороннего мира, чтобы она выступала в роли богини, необходимой народу. Удерживая ее здесь своим колдовством, он взял на себя роль проводника ее божественной воли. Пораженный благоговейным страхом, народ Ахлата вскоре застонал под гнетом тирании, гораздо более тяжкой, чем та, от которой он страдал при правлении прежней династии.

Конан оскалился:

— Я был свидетелем тому, что революции часто возносят худшие правительства, чем те, которые смещают.

— Возможно. Во всяком случае, здесь так оно и было. И со временем все стало еще хуже, так как колдун потерял контроль над демоническим нечто, которое он вызвал из запредела, и оно уничтожило его и захватило его место. И оно властвует по сей день,— заключил он почти беззвучно.

Конан вскинулся:

— Значит, это создание бессмертно? Как давно все произошло?

— С тех пор прошло больше лет, чем песчинок в этой пустыне,— ответил Енош.— А божество все еще господствует в несчастном Ахлате. Секрет ее вечной власти в том, что она питается энергией живых созданий. Когда-то вся эта земля была зеленой и благодатной, вдоль прохладных ручьев

росли финиковые пальмы, и тучные стада паслись на цветущих лугах по окрестным холмам. Ее кровожадная жажда жизни иссушила землю вокруг, сохранив только долину, в которой расположен Ахлат, потому что эта безжизненная оболочка, питающаяся чужими жизненными соками, не может удержаться в мире сущего без его обитателей.

— Кром! — прошептал Конан, оторвавшись от своей чаши с вином.

— За прошедшие века эта земля превратилась в мертвую безжизненную пустыню,— продолжал Енош.— Наша молодежь, так же как и домашний скот, идет на утоление жуткой жажды богини. Она кормится ежедневно. Она выбирает жертвы каждый день, и каждый день сокращается их число, и все вокруг вырождается. Когда она атакует неизвестного избранника непрестанно день за днем, тот может выдержать это не больше нескольких суток, в крайнем случае — протянуть с полмесяца. Самые сильные и храбрые выносили и целый месяц, пока она не истощала весь запас их жизненных сил и не принималась за очередную жертву.

Конан любовно погладил рукоять своего меча:

— Кром и Митра, старик, почему вы до сих пор не убили это чудовище?

В ответ тот слабо покачал головой.

— Она неуязвима и бессмертна,— с грустью сказал он.— Ее тело состоит из вещества, созданного и удерживаемого неизменным непобедимой волей богини. Стрела или меч бессильны и могут только поранить эту плоть, а для нее сущие пустяки устранить повреждение. Жизненная сила, которую она пьет из других, оставляя от них только сухую оболочку, является жутким источником внутренней энергии, с помощью которой она может сформировать свое тело заново сколько угодно раз.

— Спалите ее,— прорычал Конан.— Сожгите дворец, чтобы он рухнул ей на голову, или разрубите ее на мелкие куски и бросьте в пламя костра, чтобы он пожрал ее, не оставив и следа!

— Нет, невозможно. Она оберегает себя, используя темные силы дьявольской магии. Один ее взгляд пронзает и парализует. Около сотни воинов прокрались однажды в Черный храм, решившись положить конец ужасной тирании. От них ничего не осталось, кроме живого леса неподвижных мужских фигур, которые сами послужили угощением на этом леденящем кровь пиршестве ненасытного чудовища.

Конана била дрожь.

— Удивляюсь, что кто-то вообще выжил на этой проклятой земле! — воскликнул он.— И как это мерзкая кровопийца не высосала жизнь из каждого человеческого существа в вашей долине за такое долгое время? И почему вы не сложили пожитки и не подались из этих мест, ставших обиталищем дьявола?

— На самом деле нас осталось совсем немного. Она пожирает нас и наших животных быстрее, чем естественный прирост может восполнить потери. В течение веков демонесса удовлетворяла свое вожделение, довольствуясь жизненной энергией растений. Людей она щадила до поры до времени. Когда земля опустела, она вначале питалась скотом, потом нашими рабами и наконец добралась до самих ахлатцев. Скоро и нам придет конец, и Ахлат будет одним обширным могильником. Оставить это место мы также не можем из-за того, что богиня удерживает нас своей колдовской силой в довольно узких пределах. Выйти за границу ее влияния невозможно.

Конан замотал головой так, что его нестриженая грива разметалась по бронзовым плечам.

— То, что ты рассказал мне, старик, трагично, но почему ты выкладываешь это мне?

— Из-за древнего пророчества,— тихо произнес Енош, приподняв потертый, измятый свиток с табурета.

— Какого еще пророчества?

Енош развернул часть свитка и ткнул в рукописные строки. Письмена были столь древними, что Конан не мог прочесть их, хотя шемитское письмо его времени ему было знакомо.

— «В свое время,— прочел Енош,— когда приблизится наш конец, неизвестные боги, от которых наши предки отреклись, чтобы поклоняться демонессе, смягчат свой гнев и пошлют освободителя, и тот свергнет богиню и разрушит ее злые чары». Ты, Конан из Киммерии, и есть этот спаситель.

7

ЗАЛ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Дни и ночи лежал Вардапес в промозглой подземной темнице под Черным храмом Ахлата. Он вопил и молил, рыдал, проклинал и молился, но стражи в медных шле-

мах, с каменными лицами и тусклыми, ничего не выражающими глазами, не обращали на него внимания, хотя на удивление хорошо заботились о его телесном благополучии, безупречно удовлетворяя его физические потребности. При этом они не отвечали на вопросы. Так же глухи они были, когда он пытался предлагать им деньги, что привело его в полное изумление. Как типичный заморанец, Варданес не мог себе представить, что существуют люди, равнодушные к ценностям. Это было не менее удивительно, чем их архаичная речь и старомодное вооружение. Эти странные существа были до такой степени равнодушны к серебру, которое он сумел вытрясти из туранцев в оплату за свое предательство, что даже не тронули набитые монетами седельные сумы, так и оставив их лежать в углу его камеры.

Опять же он не мог понять, почему они так ухаживали за ним, обмывая его изможденное тело и даже смазывая волдыри целебными мазями. Питание же было просто роскошным. Его кормили прекрасно зажаренной дичью, великолепными фруктами и сладостями. Они давали ему даже вино. Варданес, знавший в своей жизни и другие тюрьмы, в полной мере осознавал всю необычность своего настоящего положения. Ему неоднократно приходила пугающая мысль, не откармливают ли они его на убой.

Однажды стражники вошли в его камеру и повели его наружу. Он ожидал, что наконец попадет куда-нибудь вроде судилища, где ему должны предъявить обвинения, на которые он постарается ответить, какими бы абсурдными они ни оказались. Он воспрял духом, его самоуверенность вернулась к нему. На своем веку он не встречал судьи, чья милость не могла бы быть куплена. Вряд ли и эти останутся безучастными к серебру, да еще в таких количествах, как в этих набитых доверху седельных сумах.

Но вместо судьи его привели темными ходами, где гуляли сквозняки, к громадной двери из позеленевшей бронзы, которая вздымалась перед ним, подобно вратам ада. Дверь была замкнута на три замка и засов. Все вместе представлялось настолько мощным укреплением, что, казалось, было способно выдержать натиск целой армии. Торопливо и явно нервничая, что было заметно по трясущимся рукам и напряженным лицам, воины отомкнули запоры и втолкнули Варданеса внутрь.

Когда дверь за ним с лязгом захлопнулась, заморанец очутился в великолепном зале, отделанном полированным мра-

мором. Все было погружено в багровый полумрак и покрыто толстым слоем пыли. На всем лежала печать запустения и разрушения. Он двинулся вперед, с любопытством оглядываясь.

Был ли это торжественный тронный зал или неф какого-то колоссального храма — трудно было сказать. Самым поразительным было даже не запустение, по всей видимости царившее здесь веками, а скульптуры, которые стояли группами прямо на полу. Обрывки вопросов, от которых стыла кровь, возникали в цепенеющем от ужаса мозгу Варданеса.

Первое, что бросалось в глаза и казалось особенно загадочным, был необычный материал статуй. По контрасту с гладкими мраморными стенами статуи были выполнены из какого-то тусклого, серого, безжизненного пористого камня, никогда ранее им не виданного. Каков бы ни был этот материал, он производил исключительно отталкивающее впечатление и был похож на пепел сгоревшего дерева, хотя на ощупь был сухим и твердым как камень.

Вторая тайна заключалась в поразительном мастерстве неизвестного скульптора. Трудно было представить, что человеческие руки, какими бы талантливыми они ни были, могли отделать с такой тщательностью эти необычные образцы искусства. Они были совершенно подобны живым за счет удивительно реалистичного воспроизведения мельчайших деталей. Каждая складка одеяния или покрывала свисала, как настоящая одежда, любая самая тонкая прядь волос была видна. С той же поразительной точностью воспроизводились и позы фигур. Никаких героических группировок или монументальной величавости не было и в помине в расположении идолов из однообразно серого, напоминающего гипс материала. Они стояли в очень жизненных позах, десятками и сотнями, расставленные как попало — без какого бы то ни было порядка. Это были изваяния воинов и вельмож, молодых людей и девушек, согбенных старцев и дряхлых старух, цветущих детей и грудных младенцев на руках матерей.

Одна вызывающая тревогу черта была общей для всех фигур: это было выражение невыносимого ужаса на их лицах.

Уже давно Варданес слышал непонятный слабый шум, исходящий откуда-то из глубины этого затемненного помещения. Он был похож на звучание множества голосов, на-

столько слабых, что слов было не разобрать. Похоже, что таинственный шепот исходил от леса статуй. Приблизившись, Варданес действительно смог различить отдельные звуки: тихие душераздирающие рыдания, слабые мучительные стоны, неясный лепет молитв, даже скрипучий смех и монотонные проклятия. Эти звуки, казалось, исходили из полусотни глоток, но заморанец не мог понять, где находится их источник. Как он ни вглядывался, ему не удалось увидеть никого в этом зале, где был только он сам и тысячи статуй.

Пот стекал по его лбу и впалым щекам. Неизъяснимый страх поднимался в нем. Всеми фибрами своей вероломной души он желал бы очутиться за тысячу верст от этого проклятого храма, где стонали, рыдали, бормотали и истерично смеялись голоса невидимых существ.

Вдруг он увидел золотой трон, который стоял в середине зала, возвышаясь над головами статуй. Алчные глаза Варданеса жадно впились в любезный его сердцу блеск. Не помня себя, он стал пробираться по направлению к трону сквозь каменный лес.

Только сейчас он обратил внимание на что-то непонятное, громоздившееся там. Похоже, это была усохшая сморщенная мумия какого-то давно умершего царя. Плети рук были сложены на впалой груди. От горла до пят тощее тело окутывал пыльный саван. На месте головы была тонкая маска из кованого золота. Она изображала женское лицо неземной красоты.

От жадности у Варданеса перехватило дыхание. Он забыл про свои страхи, потому что между бровей золотой маски, подобно третьему глазу, сверкал огромный черный сапфир. Это было поразительное сокровище, достойное быть украшением царской персоны.

Стоя у подножия трона, Варданес не мог оторвать жадного взгляда от золотой маски. Ее глаза были прикрыты, красивые полные губы чудесного рисунка сложены, как во сне. Все дышало покоем в этом прекрасном золотом лице. Громадный черный сапфир вспыхнул зноиным пламенем, когда заморанец дотронулся до него.

Дрожащими пальцами Варданес стащил маску. Под ней было бурое ссохшееся лицо с запавшими щеками, твердое, сухое и жесткое. Его передернуло от злобного, злорадного выражения в чертах этой мертвой головы — головы самой смерти.

И вдруг она открыла глаза и посмотрела на него. Он отшатнулся с воплем, маска выпала из его помертвевших пальцев и со звоном ударилась о мраморные плиты. Мертвые глаза с похожего на череп лица впились в его собственные. И тут это нечто открыло свой третий глаз...

8

ЛИЦО ГОРГОНЫ

Конан двигался через зал серых статуй босиком, крадучись через пыльное убежище теней, как большой дикий кот. Тусклый свет скользил вдоль острого лезвия его палаша, который он сжимал в сокрушительно огромном кулаке. Он рыскал глазами из стороны в сторону, и грива у него на затылке поднималась дыбом. Это место смердело смертью. Тяжелый запах страха был настоен в затхлом воздухе.

Как он позволил старому Еношу заморочить себе голову настолько, чтобы ввязаться в эту дурацкую авантюру? Он не был ни спасителем, ни предназначенным роком освободителем, ни святым посланцем богов для избавления Ахлата от власти бессмертной демонессы. Единственной его целью была кровавая месть.

Но старый мудрый шейх говорил так много и складно, что своим красноречием убедил Конана взяться за выполнение этой рискованной миссии. Енош указал на два обстоятельства, которые убедили даже видавшего виды варвара. Первое заключалось в том, что, попав сюда, Конан уже был во власти черной магии и не смог бы покинуть этого места, пока богиня не была бы уничтожена. Второе относилось к предателю заморанцу, который был заточен в подземельях Черного храма богини. Вскоре он должен был умереть, что сулило им всем верную гибель, если не изменить хода событий.

Поэтому Конан пробрался сюда секретными подземными ходами, которые указал ему Енош. Он вовремя появился из скрытого прохода в стене этого огромного мрачного зала, так как Енош знал, когда Варданес должен был предстать перед богиней.

Как и заморанец, Конан отметил поразительный реализм серых статуй, но, в отличие от Варданеса, он знал ответ на эту загадку. Он старался не смотреть на ужасные выражения каменных лиц вокруг себя.

Он также слышал стоны, причитания и плач. Когда он продвинулся ближе к центру огромного зала, рыдающие голоса стали явственнее. Он увидел золотой трон и высохшее нечто на нем и стал бесшумно подкрадываться к сверкающему креслу.

Пока он пробирался туда, одна из статуй вдруг заговорила с ним, и он почти остолбенел от шока. Мурашки побежали по телу, и пот покатил градом со лба.

В этот момент он увидел источник криков, и его сердце замерло. Потому что все эти фигуры у трона не были еще мертвыми. Они окаменели до шеи, но головы еще жили. Полные страдания глаза двигались на искаженных гримасами отчаяния лицах, а сухие губы молили, чтобы он вонзил свой меч в их еще живой мозг и прекратил муку полусуществования.

Затем он внезапно услышал вопль и узнал хорошо знакомый голос Варданеса. Что, если богиня убьет его врага до того, как он осуществит свою месть? Он рванулся вперед к трону.

Ужасное зрелище открылось его взгляду. Варданес стоял перед троном с выкатившимися глазами и конвульсивно дергающимися губами. Скрежещущий звук трения камня о камень достиг слуха Конана. Он взглянул на ноги Варданеса. Там, где ступни заморанца касались пола, вверх от них медленно распространялась мертвенная бледность. На глазах изумленного Конана теплая плоть выцветала. Серая волна достигла колен Варданеса. Пока Конан наблюдал это, уже и верхняя часть ног превратилась в пепельно-серый камень. Варданес пытался сделать шаг, но не мог. Его голос взвился до визга, когда его глаза уперлись в Конана с выражением беспредельного ужаса, как у животного, попавшего в западню.

То, что было на троне, стало издавать низкие каркающие звуки, все больше напоминающие резкий смех. Конан видел, как мертвая, усохшая плоть ее скелетообразных рук и морщинистая шея расправлялись и разглаживались. Бурая сухая кожа приобретала тона теплого живого тела. С каждым глотком живой энергии, которую кровожадная Горгона высасывала из тела Варданеса, ее собственное тело наполнялось жизнью.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан.

Поглощенная каждой клеткой своего естества полуокаменевшим заморанцем, Горгона не обращала внимания на

Конана. Сейчас ее тело расправилось. Она расцвела, мягкие округлости боков и бедер разгладили саванообразное одеяние. Ее бюст наполнился, натянув тонкую ткань и придав ей черты женственности. Она вытянула упругие помолодевшие руки. Ее влажный алый рот открылся в новом взрыве смеха, но на этот раз это был музыкальный, чувственный смех привлекательной женщины.

Волна окаменения добралась до поясницы Варданеса. Конан не знал, сохранит ли она Варданеса на будущее полуживым подобно тем, кто стоял у трона, или выпьет до конца. Тот был молод и полон сил, его жизнь, должно быть, стала благотворным вливанием для восстановления богини-вампира.

Когда окаменение доползло до тяжело вздымающейся груди замораица, он издал другой вопль — самый жуткий звук, сорвавшийся с человеческих губ, когда-либо слышанный Конаном. Реакция Конана была инстинктивной. Как разъяренная пантера, он выпрыгнул из своего укрытия за троном. Свет блеснул на лезвии его меча, когда он взмахнул им. Голова Варданеса свалилась с плеч и тяжело шлепнулась на мраморный пол. Содрогнувшееся от толчка тело опрокинулось. Оно ударилось о пол, и Конан увидел, как треснули и раскололись окаменевшие ноги. Осколки бывшей плоти рассыпались, но еще кровоточили.

Так умер Варданес-предатель. Даже Конан не мог бы сказать, нанес ли он удар из жажды мести, или это был импульс милосердия, продиктованный желанием положить конец мучениям обреченной жертвы.

Конан повернулся к богине. Не осознавая последствий, инстинктивно он поднял глаза и встретил ее взгляд.

9

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Ее лицо было маской нечеловеческой красоты; мягкие влажные губы стали полными и алыми, как спелый плод. Блестящие черные волосы ниспадали на отливающие перламутром плечи и шелковый пеньюар, под которым вздымались округлости лунообразных грудей. Она была бы воплощением красоты, если бы не огромное черное око между бровей.

Третий глаз встретил взгляд Конана и сразу приковал его. Овальная орбита была больше, чем любой орган зрения человеческого существа. В нем нельзя было различить зрачок, радужную оболочку и белок — все оно было черным. Казалось, что взгляд Конана тонет в нем и теряется в бездонном море тьмы. Поглощенный этим, он не мог оторвать глаз, забыв, что держит в руке меч. Глаз был черен, как лишенные света пространства космоса между звездами.

Теперь ему представлялось, что он стоит на краю черного бездонного колодца. Он склонялся в него все дальше, пока не опрокинулся и не полетел. Он падал вниз, вниз сквозь черный туман, через безграничную, холодную бездну абсолютного мрака. Он знал, что если он сию же секунду не отведет свои глаза, то будет навеки потерян для мира.

Он собрал всю свою волю. Пот выступил у него на лице, мускулы под бронзовой кожей напряглись, как змеи перед броском, грудь учащенно вздымалась и опускалась.

Горгона засмеялась — низкий мелодичный звук с холодной жесткой издевкой. Кровь прилила к лицу Конана, ярость поднялась в нем.

Колоссальным усилием воли он оторвал свои глаза от черной орбиты и обнаружил, что упирается взглядом в пол. Он стоял, пошатываясь, ослабевший, с кружащейся головой. Поскольку ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы стоять прямо, первым делом он осмотрел свои ноги. Слава Крому, они были еще из теплой плоти, а не из холодного пепельного камня! То долгое, как ему представлялось, время, что он стоял, завороженный взглядом Горгоны, оказалось только мигом, слишком коротким, чтобы волна окаменения поднялась по его телу.

Горгона засмеялась снова. Отвернувшись и набычившись, Конан чувствовал силовой поток, исходящий от нее, который выворачивал и приподнимал его лохматую голову, вынуждая опять заглянуть в ее глаза. Мускулы на его жилистой шее взбухли от усилия противостоять этому.

Пока ему все еще удавалось смотреть вниз. Перед ним на мраморном полу лежала тонкая золотая маска с огромным драгоценным сапфиром, вделанным на месте третьего глаза. И внезапно Конана осенило.

На этот раз он вскинул глаза одновременно с мечом. Сверкающее лезвие взметнулось в пыльном воздухе и пало

на издевательски ухмыляющееся лицо богини, разрубив третий глаз пополам.

Некоторое время она не двигалась, молча глядя на разъяренного воина двумя нормальными глазами невыразимой красоты. Лицо ее было мертвенно-бледным. Затем что-то стало меняться в ней.

Из остатков третьего глаза Горгоны по нечеловечески прекрасному лицу потекла темная жидкость. Она напоминала черные слезы, медленно ползущие вниз.

Затем она начала стареть на глазах. По мере того как черная жидкость вытекала из разрушенной глазницы, жизненная сила, отнятая у других в течение многих веков, уходила из ее тела. Кожа потемнела и покрылась множеством морщин. Дряблые складки появились на шее. Блестящие глаза стали тусклыми и мутными.

Роскошная грудь опала и повисла. Обольстительные гладкие руки стали костлявыми. Медленно-медленно сократившиеся до карликовых размеров формы крошечной женщины на троне, неправдоподобно одряхлевшей в несколько минут, стали разрушаться. Плоть распадалась на обрывки, похожие на бумагу, обнажая рассыпающиеся кости. Тело рухнуло на пол, образовав кучу сухого мусора, который тут же превращался в бесцветную пеплоподобную пыль.

Долгий вздох пронесся по залу. На короткое время потемнело, как будто полупрозрачные крылья закрыли тусклый свет. Потом все успокоилось, и вместе с тем ушло ощущение угрозы, настоенное в этом воздухе веками. Осталось просто пыльное, давно запущенное помещение, от сверхъестественного ужаса не сохранилось и следа.

Статуи уснули теперь навсегда, остались лишь вечные каменные надгробья. Так как Горгона исчезла из этого мира, ее чары распались, в том числе и те, что удерживали живых мертвецов в состоянии ужасного подобия жизни. Конан повернулся, чтобы уйти, оставив пустой трон с кучкой пыли и разбитую безголовую статую — все, что осталось от самоуверенного и веселого заморанского воина.

— Оставайся с нами, Конан! — просила Зиллах своим низким тихим голосом.— Ты, освободивший Ахлат от проклятия, будешь занимать высокие посты, и тебе будут воздаваться достойные почести.

Он слегка усмехнулся, чувствуя в ее интонациях оттенок личной заинтересованности, помимо простого желания

хорошей гражданки включить достойного пришельца в дело возрождения города. Под испытующим взглядом горячих мужских глаз она залилась краской смущения.

Господин Енош присоединил свой мягкий голос к просьбам дочери. Победа Конана придала этому пожилому человеку живости, он помолодел в последние дни, став даже выше и стройнее. В его походке появилась твердость, а в голосе — властная уверенность. Он предложил киммерийцу богатство, почет и положение, обеспечивающее ему право на власть в возрожденном городе. Енош даже дал понять, что не прочь был бы видеть Конана своим зятем.

Но Конан, зная, что спокойная респектабельная жизнь без треволнений, в которую они его втягивали, совершенно не для него, отказался от всех предложений. Язык того, кто провел годы в битвах, винных лавках и домах иных развлечений почти всех городов мира, не был приспособлен к изысканным речам. Однако он отклонил просьбы своих хозяев со всем тактом, на который была способна его прямая варварская натура.

— Нет уж, друзья,— сказал он.— Мирная жизнь не для Конана из Киммерии. Слишком скоро это мне прискучит, а когда наваливается скука, я не знаю других лекарств, кроме как напиться, затеять драку или украсть девчонку. Хорошим же гражданином был бы я для города, который жаждет мира и покоя, чтобы восстановить свою силу!

— Куда же ты хочешь идти теперь, о Конан, когда колдовской барьер разрушен? — спросил Енош.

Конан пожал плечами, запустил руку в свою черную гриву и рассмеялся:

— Кром благослови нас, мой дорогой господин, я не знаю! Удачно, что слуги богини кормили и поили коня Варданеса. В Ахлате, я вижу, нет лошадей, только ослы. Дурацкий же был бы вид у такого верзилы, как я, если бы я трясся на маленьком сонном ослике, волоча ноги в пыли! Я думаю двинуться на юго-восток. Где-то там лежит город Замбула, в котором я никогда не бывал. Говорят, это богатый город, который славится злачными местами и пирушками, где вино течет почти рекой. Я хочу отведать развлечений Замбулы и убедиться самому, какие радости они могут предоставить.

— Но ты не должен покидать нас, как бродяга! — запротестовал Енош.— Слишком многим мы тебе обязаны. По-

зволь отдать тебе за твои труды то немногое золото и серебро, которое у нас есть.

Конан отрицательно покачал головой:

— Придержи свои сокровища, шейх. Ахлат не богатая метрополия, и вам понадобятся ваши деньги, когда купеческие караваны снова начнут добираться до вас через Красную Пустыню. А теперь, когда мои бурдюки полны водой и вы щедро снабдили меня провизией, я должен отправляться. На этот раз мое путешествие через Шан-и-Сорх будет более комфортабельным.

Коротко попрощавшись напоследок, он вскочил в седло и легким галопом поскакал из долины. Они стояли, смотря ему вслед: Енош — с гордо поднятой головой, а Зиллах — со слезами на щеках. Вскоре он исчез из виду.

Достигнув вершины холма, Конан придержал черную кобылу, чтобы бросить последний взгляд на Ахлат. Затем он направил лошадь в пустыню. Возможно, он и свалял дурака, не приняв их скромных ценностей. Но за ним бились о седло набитые сумы Варданеса. Конан ухмыльнулся с лукавством. Только жалкий торгаш сожалеет о нескольких шекелях. Иногда можно себе позволить быть добродетельным. Это приятно даже киммерийцу!

Но город Замбула славился не только притонами и пирушками, когда киммериец прибыл туда. В нем хозяйничали чернокожие людоеды, рыскающие ночью по улицам в поисках жертв.

Ускользнув от подпиленных клыков чернокожих каннибалов, Конан покинул Замбулу и направился на восток. Без особых трудностей он добрался до подножия Химелийских гор, где жили грозные афгулы. Обосновавшись среди горцев, варвар сумел подружиться с их вождями. Здесь же, среди заснеженных вершин, Конану пришлось померяться силами с черными колдунами с горы Имш и помочь афгулам в битве с туранцами. Но потом счастье отвернулось от варвара.

Вернувшись в хайборийские королевства, он присоединился к воинам королевства Коф, сражавшимся против Стигии и Куша, но кофское войско было безжалостно истреблено.

Барабаны Томбалку

1

Трое мужчин сидели на корточках у колодца. Закатное небо окрашивало мир охрой и багрянцем. Один из мужчин был белым, и звали его Эмерик. Двое других, в лохмотьях, жилистые, чернокожие, были ганатами. Их звали Гобир и Саиду. Скорчившиеся у ямы в земле, сейчас они больше всего напоминали стервятников.

Неподалеку тощий верблюд шумно чавкал, перемалывая жвачку, а две заморенные клячи тщетно тыкались носом в песок в поисках корма. Мужчины утрюмо жевали финики. Внимание чернокожих без остатка было поглощено едой, но белый то и дело косился на алеющее небо или вдаль на равнину, где уже сгущались тени. Он первым заметил всадника на холме. Тот натянул поводья так резко, что лошадь его невольно попятилась.

Этот незнакомец был огромного роста. Кожа его, более темная, чем у спутников Эмерика, полные губы и вывернутые ноздри говорили о преобладании негритянской крови. На нем были широкие шелковые штаны, собранные у лодыжек, прихваченные кушаком на толстом животе. На поясе красовался отточенный ятаган, столь тяжелый, что немногие смогли бы удержать его одной рукой. Ятаган этот лучше вся-

© R. Howard, L. Sprague De Camp.

ких слов говорил темнокожим сынам пустыни о том, кто перед ними. Это был Тилутан, краса и гордость ганатов.

Через седло у всадника был небрежно переброшен какой-то куль. Ганаты присвистнули сквозь зубы, заметив мелькнувшую в прорезях ткани бледную кожу. Пленницей Тилутана была белая девушка. Она висела вниз головой, и волосы ее ниспадали до земли блестящей черной волной.

Сверкнув в ухмылке белыми зубами, здоровяк бросил свою ношу на песок, и она упала безвольно, распластавшись на земле. Не задумываясь, Гобир с Саиду повернулись к Эмерику, и Тилутан также не сводил с него глаз: трое черных против одного белого. С появлением белой женщины что-то изменилось между ними.

Эмерик, единственный, казалось, не заметил внезапно возникшего напряжения. Он рассеянным жестом откинул назад свои русые волосы, безучастно скользнув взглядом по неподвижному телу девушки. Если отблеск какого-то чувства и блеснул в его серых глазах, никто не заметил этого.

Тилутан соскочил с седла, презрительно бросив поводья Эмерику.

— Займись моей лошадью,— велел он.— Джил побери, хоть антилопы мне не попалось, зато нашел эту красотку! Брела по пустыне куда глаза глядят и свалилась, как раз когда я появился. Видать, от жажды и усталости. Эй вы, шакалы, а ну вон отсюда! Я дам ей напиться.

Чернокожий гигант уложил девушку у колодца, смочил ей лицо и запястья и брызнул водой на пересохшие губы. Она застонала и шевельнулась. Гобир с Саиду присели на корточки, упираясь ладонями в колени, с любопытством наблюдая за ней из-за могучего плеча Тилутана. Эмерик стоял поодаль и, казалось, не проявлял к происходящему интереса.

— Сейчас придет в себя,— заявил Гобир.

Саиду ничего не сказал, лишь облизал толстые губы.

Взгляд Эмерика безучастно скользил по распростертому на песке телу, не задерживаясь ни на порванных сандалиях, ни на пышной гриве черных волос. Из одежды на девушке не было ничего, кроме короткого платья, присобранного на поясе. Руки и плечи ее были обнажены, а юбка на добрую ладонь не доходила до колен. Взгляды ганатов с жадностью ласкали обнаженную плоть, впитывая нежные очертания, по-детски пухлые, но по-женски округлые и соблазнительные.

Эмерик пожал плечами.

— Кто после Тилутана? — спросил он небрежно.

Негры повернулись к нему, налитые кровью глаза округлились. Затем они уставились друг на друга. Ненависть вспыхнула между ними разрядом молнии.

— Драться ни к чему,— остановил их Эмерик.— Бросим кости.

Он сунул руку под тунику и швырнул на землю два кубика. Когтистая черная рука мгновенно схватила их.

— Пойдет! — кивнул Гобир.— Бросим жребий — после Тилутана, победителя!

Эмерик метнул взгляд на чернокожего гиганта, склонившегося над девушкой; мало-помалу жизнь возвращалась в ее измученное тело. Наконец веки пленницы приоткрылись, и темно-фиалковые глаза изумленно уставились на похотливую черную физиономию. Тилутан довольно хохотнул. Сняв с пояса флягу, он поднес ее к губам пленницы. Она машинально глотнула вина. Эмерик старательно избегал ее блуждающего взгляда; он был здесь один белый против троих чернокожих, каждый из которых без труда мог бы совладать с ним.

Гобир с Саиду склонились над костями. Саиду сгреб их в горсть, дохнул на удачу, встряхнул и бросил. Две головы, как у стервятников, повернулись, следя за кружащимися в воздухе кубиками. И в тот же миг Эмерик обнажил сталь и нанес удар. Лезвие скользнуло по тощей шее, рассекая гортань. Гобир, голова которого повисла на одном лоскуте кожи, рухнул поверх костей, заливая песок кровью.

Саиду мгновенно, с отчаянной ловкостью жителя пустыни вскочил на ноги, выхватил меч и замахнулся. Эмерик с трудом успел вскинуть клинок, чтобы отразить атаку. Ятаган со свистом плашмя обрушился на голову белого, оглушив его так, что тот выронил меч. Оправившись от потрясения, он с голыми руками набросился на Саиду, столкнувшись с ним лицом к лицу, чтобы не дать больше воспользоваться ятаганом. Жилистое тело под лохмотьями кочевника было подобно стали, обтянутой дубленой кожей.

Тилутан, мгновенно сообразив, что происходит, отшвырнул девушку и вскочил с диким ревом. Точно ослепленный яростью бык, ринулся он на дерущихся. Эмерик похолодел. Саиду отчаянно вырывался из его стальных объятий, но движения его стеснял бесполезный ятаган, которым негр тщетно пытался достать своего противника. Ноги их путались и увязали в песке, тела точно слиплись между

собой. Эмерик каблуком ударил по голой ноге врага, чувствуя, как хрустнула кость. Саиду скрючился с диким воплем. Белый приготовился атаковать вновь, но в этот миг Тилутан нанес удар. Эмерик почувствовал, как острая сталь рассекла предплечье и глубоко впилась в тело Саиду. Ганат, истошно взвизгнув, отлетел в сторону.

Изрыгая ругательства, Тилутан отшвырнул прочь умирающего, высвобождая клинок. Но не успел он нанести новый удар, как Эмерик, трясясь от страха, сам напал на него.

Отчаяние охватило его, когда он ощутил силу чернокожего. Тилутан был умнее Саиду. Он сразу отбросил бесполезный в ближнем бою ятаган и с ревом вцепился врагу в горло. Толстые черные пальцы сомкнулись, как стальные оковы. Как ни старался Эмерик, он не мог разжать их хватку, и массивный ганат неуклонно прижимал его к земле. Как будто пес давил крысу! Голова Эмерика ударилась о песок. Сквозь алую пелену видел он перед собой лицо чернокожего, искаженное от бешенства, с оскаленными зубами.

— Ты хочешь ее, белая собака! — прорычал ганат в ярости.— Я сверну тебе шею! Разорву глотку! Я... где мой ятаган? Я отрублю тебе башку и швырну ей под ноги!

Обезумевший от гнева, Тилутан схватил противника, поднял в воздух и вновь швырнул оземь. Затем, нагнувшись, он подобрал ятаган, стальным полумесяцем сверкавший в песке. Восторженно рыча, он бросился на врага, размахивая мечом. Оглушенный, Эмерик, шатаясь, поднялся ему навстречу.

Пояс Тилутана развязался во время схватки, и длинный конец его волочился по песку. Негр наступил на него, потерял равновесие и рухнул плашмя, выбрасывая вперед руки. Ятаган отлетел в сторону.

Мигом придя в себя, Эмерик схватил клинок в обе руки и неуверенно двинулся вперед. Пески пустыни плыли у него перед глазами. В подступающем сумраке он видел, как перекосилось от страха лицо Тилутана. Огромный рот раскрылся, глаза закатились, сверкая белками. Чернокожий застыл на одном колене, опираясь на руку, словно был неспособен шевельнуться. И ятаган обрушился вниз, рассекая круглую голову от макушки до подбородка. Эмерик смутно видел, как алая полоса прочертила черное лицо, сделалась шире — а затем мгла окутала все и вся.

Что-то влажное и мягкое коснулось лица Эмерика. Он потянулся вслепую, и пальцы его ощутили упругую нежную теплую кожу. В глазах у него прояснилось, и он взглянул в очаровательное лицо, обрамленное копной пышных темных волос. Словно зачарованный, он безмолвно смотрел на нее, наслаждаясь видом полных алых губ, зовущих фиалковых глаз и белоснежной шеи. И вдруг осознал, что видение что-то говорит ему. Слова звучали странно, однако в них чудилось что-то знакомое. Маленькая белая ручка провела по его лицу влажной шелковой тряпицей, и гул в голове слегка утих. Он неуверенно сел на песок.

Ночь заткала пустыню звездчатым пологом. Верблюд все еще пережевывал жвачку, тихонько ржала лошадь; неподалеку лежало изуродованное тело, уткнувшись лицом в лужу крови и мозгов.

Эмерик перевел взгляд на девушку, продолжавшую ворковать что-то на своем непонятном языке. Когда туман в голове рассеялся, к нему пришло понимание. Порывшись в памяти среди полузабытых наречий, которые учил в прошлом, он вспомнил одно, на котором говорило сословие мудрецов в Южном Кофе.

— Кто ты? Кто ты, девушка? — спросил он неуверенно, взяв ее маленькую ручку в свои.

— Мое имя Лисса,— пролепетала она в ответ, так, словно прожурчал ручеек.— Я рада, что ты очнулся. Я боялась, жизнь оставила тебя.

— Я и сам того боялся,— проворчал он, оглядываясь на недвижимого Тилутана. Девушка содрогнулась, но не повернула головы. Рука ее затрепетала, и Эмерику показалось, он чувствует биение ее сердца.

— Какой ужас...— Голос ее дрогнул.— Точно дурной сон! Ярость — удары — кровь...

— Могло быть и хуже,— буркнул он.

Она, похоже, чувствовала малейшие изменения в его тоне и настроении. Свободная рука ее робко скользнула по его пальцам.

— Я не желала обидеть тебя. Ты проявил отвагу, рискуя жизнью ради незнакомки. Ты столь же благороден, как рыцари с севера, о которых я читала.

Он покосился на нее. В ее огромных чистых глазах не было и тени лукавства. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, спохватившись, заговорил о другом.

— Как ты оказалась в пустыне? Откуда ты?

— Из Газаля,— отозвалась она.— Я... я сбежала. Не могла больше вынести это... Но было так жарко, одиноко, и я быстро устала. Куда ни глянь — только песок кругом... и синее небо. Песок опалил мне ноги, и сандалии быстро порвались, а во фляге не осталось воды. Тогда я хотела вернуться в Газаль, но заблудилась. Везде все одинаковое, я не знала, куда идти. Я очень испугалась и побежала туда, откуда, мне казалось, я пришла. Больше я почти ничего не помню. Я бежала, пока несли ноги. Должно быть, я долго лежала на раскаленном песке. Помню, как встала и пыталась брести вперед, а потом мне почудилось, кто-то зовет меня, и я увидела чернокожего на черной лошади, который скакал мне навстречу. Я лишилась чувств. А очнувшись, увидела, что голова моя покоится у этого человека на коленях и он поит меня вином. Потом кто-то кричал, дрался на мечах...— Она содрогнулась.— А когда все стихло, я подползла к тебе и попыталась вернуть к жизни.

— Зачем? — спросил он ее.

Было видно, что она растерялась.

— Зачем? — Вопрос смутил ее.— Но... ты же был ранен. Любой сделал бы то же самое. И... я поняла, что ты дрался с теми черными, чтобы защитить меня. В Газале говорят, что негры злые и безжалостны к тем, кто слабее.

— Это относится не только к темнокожим,— пробормотал Эмерик.— А где он, этот твой Газаль?

— Думаю, недалеко,— ответила девушка.— Я шла весь день пешком — правда, не знаю, как далеко увез меня этот разбойник на лошади. Но он нашел меня уже под вечер, а значит, это было где-то поблизости.

— В какой стороне?

— Не знаю. Выйдя из города, я отправилась на восток.

— Город? — Он покачал головой.— В одном дне пути отсюда? Я думал, там пустыня... пустыня, что тянется до самого края мира.

— Газаль находится в пустыне,— пояснила она.— Он стоит в оазисе.

Отстранившись от девушки, Эмерик поднялся на ноги и негромко выругался, ощупывая больное горло, все в ссадинах и синяках. Затем осмотрел все три трупа, убедившись, что чернокожие мертвы. Одного за другим он оттащил их за ближайший бархан. Вдалеке затявкали шакалы. Вернувшись к колодцу, где терпеливо дожидалась девушка, Эмерик выругался вновь. У них остался лишь верблюд и черный же-

ребец Тилутана. Остальные две лошади ускакали, порвав путы.

Повернувшись к девушке, Эмерик протянул ей горсть фиников. Она с жадностью накинулась на еду, а он молча смотрел на нее, чувствуя, как нетерпение огнем разливается по жилам.

— Почему ты сбежала? — спросил он вдруг.— Ты что, рабыня?

— В Газале нет рабов,— ответила она.— Но я устала... о, так устала от этого бесконечного однообразия. Мне хотелось хоть одним глазком взглянуть на мир снаружи. Скажи, откуда ты родом?

— С запада Аквилонии,— отозвался Эмерик.

Она всплеснула руками, точно восторженное дитя.

— Я знаю, где это! Я видела на карте. Это крайняя оконечность Хайбории, а правит там Эпей-меченосец.

Эмерик дернулся.

— Какой Эпей? Эпей мертв вот уже девять веков. Наш король — Вилер!

— Да, конечно,— девушка зарделась от смущения.— Какая я глупая. Конечно, Эпей правил девятьсот лет назад, как ты сказал. Но расскажи... расскажи мне о мире!

— Ну, это не так-то просто.— Он был озадачен.— Ты разве никогда не путешествовала?

— Сегодня я впервые оказалась за стенами Газаля!

Взгляд его задержался на нежной округлости ее груди. Сейчас приключения девушки интересовали Эмерика меньше всего, и до Газаля ему не было ровным счетом никакого дела, будь тот хоть в аду.

Он хотел что-то сказать, но, раздумав, сгреб ее в объятия, напрягшись в ожидании борьбы. Но не встретил сопротивления. Гибкое податливое тело девушки опустилось ему на колени, и она взглянула на него удивленно, но без тени страха или смущения. Точно ребенок, которому предложили новую игру. Что-то в ее прямом взгляде смутило его. Если бы она закричала, разрыдалась, принялась отбиваться или улыбнулась понимающе, он знал бы, как обойтись с ней.

— Во имя Митры, девочка, кто ты такая? — воскликнул он со злостью.— Ты не дурочка и не играешь со мной. И по разговору тебя не примешь за простушку, невежественную и невинную. И все же тебе как будто неведом мир с его пороками.

— Я дочь Газаля,— отозвалась она беспомощно.— Если бы ты увидел Газаль, возможно, ты бы понял меня.

Он взял ее на руки и опустил на песок. И, поднявшись, набросил на нее попону.

— Спи, Лисса.— Голос его прозвучал резко, ибо он не мог совладать со своими чувствами.— Я увижу Газаль завтра.

На рассвете они двинулись на запад. Эмерик посадил Лиссу на верблюда, показав ей, как держаться верхом на животном. Она вцепилась обеими руками в седло, и он понял, что прежде она никогда не видела верблюдов. Это также поразило молодого аквилонца. Это было невероятно для девушки, выросшей в пустыне. И до вчерашнего дня ей никогда не доводилось ездить на лошади.

Эмерик соорудил для девушки нечто вроде накидки. Она надела ее, ни о чем не спрашивая, как принимала все, что он делал для нее,— благодарно, но слепо, не доискиваясь причин. Эмерик не стал говорить ей, что шелк, который укрывал ее от солнца, носил прежде ее похититель.

Они двинулись в путь, и Лисса вновь принялась упрашивать его рассказать ей о мире, как ребенок, вымаливающий на ночь сказку.

— Я знаю, что Аквилония лежит вдали от пустыни,— сказала она.— Между ними есть еще Стигия, и Шем, и другие страны. Но как же ты очутился здесь, вдали от родных краев?

Какое-то время он ехал молча, ведя верблюда в поводу.

— Аргос и Стигия воюют,— произнес он наконец.— Коф тоже вмешался в это дело. Кофийцы настаивали на том, чтобы напасть на Стигию одновременно. Аргос отправил наемников на кораблях на юг, вдоль побережья. А армия Кофа должна была напасть с суши. Я был аргосским наемником. Мы встретили стигийский флот и разбили его, заставив их отступить в Кеми. Нам надо было сразу высадиться, разграбить город и двинуться вдоль русла Стикса, но наш адмирал оказался слишком осторожен. Нас вел зингарец, принц Запайо да Кова.

Мы поплыли на юг, пока не достигли кушитских джунглей. Там наконец причалили, корабли бросили якорь, и армия двинулась на восток, вдоль стигийской границы, разоряя и грабя все на своем пути. Затем мы собирались повернуть на север, нанести удар в самое сердце Стигии и соединиться с идущими с севера кофийцами.

Но тут дошли вести, что нас предали: Коф заключил со Стигией сепаратный мир. И стигийская армия уже шла нам навстречу, тогда как другие их войска отрезали нас от побережья.

В отчаянии принц Запайо решился совершить бросок на восток, в надежде обогнуть стигийскую границу и достичь восточной оконечности Шема. Но армия с севера перехватила нас. Мы развернулись и вступили в бой.

Мы сражались целый день и обратили стигийцев в бегство, но на другой день подошла армия с запада. Мы оказались между молотом и наковальней, без единого шанса на спасение. Мы были разбиты наголову, смяты, уничтожены! Почти никто не уцелел. С приходом ночи нам удалось вырваться из окружения. Со мной был киммериец по имени Конан, здоровяк, сильный, как бык.

Мы двинулись на юг, в пустыню, потому что больше идти было некуда. Конану доводилось бывать в этих местах и прежде, и он считал, что у нас есть шанс выбраться. К югу мы наткнулись на оазис, но стигийцы выследили нас. Нам вновь пришлось бежать, от оазиса к оазису, изнемогая от голода и жажды, покуда мы не оказались в пустынном бесплодном крае, где не было ничего, кроме палящего солнца и раскаленного песка. Лошади наши совсем ослабли, да и сами мы наполовину обезумели.

Затем как-то ночью мы заметили огни и поскакали туда, в отчаянной надежде, что те люди отнесутся к нам по-дружески. Но как только мы подъехали ближе, нас встретил град стрел. Лошадь Конана зацепило, она встала на дыбы и сбросила всадника. Должно быть, он сломал шею, поскольку больше не шевельнулся. А мне удалось ускользнуть в темноте, хотя лошадь издохла подо мной. Я лишь краем глаза видел нападавших. Они были худощавыми, высокими, меднокожими, в странных варварских одеяниях.

Пешком я брел по пустыне, пока не наткнулся на троих стервятников, которых ты видела вчера. Настоящие шакалы — ганаты, из племени грабителей-полукровок. Наполовину негры, наполовину Митра ведает кто! Не расправились они со мной лишь потому, что у меня ничего не было, ради чего стоит убивать. Целый месяц я был с ними и грабил вместе с ними, ибо больше мне ничего не оставалось.

— Я и не знала, что такое бывает,— пробормотала девушка задумчиво.— Мне говорили, что в мире существуют войны и жестокость, но все это казалось так призрачно и

далеко... А когда ты говоришь о битвах и предательстве, я словно вижу все своими глазами.

— Неужели враги никогда не нападали на Газаль? — Эмерик был удивлен.

Она покачала головой:

— Люди обходят Газаль стороной. Порой я видела черные точки на горизонте, и старики говорили, что это армии идут на войну, но они никогда не приближались к Газалю.

Эмерик ощутил смутную неловкость. Пустыня эта, внешне столь безжизненная, была обиталищем многих воинственных племен. Владения ганатов простирались на востоке, на юге селились тибу, никогда не снимавшие масок, а где-то к юго-западу лежало полумифическое царство Томбалку, где правили беспощадные дикари. Как же мог уцелеть город в этих местах, так что жители его даже не ведали, что такое война?

Когда он не смотрел на нее, тревожные мысли одолевали Эмерика. Может, девушка безумна? Или это демон в женском обличье, явившийся очаровать его и навлечь погибель? Но стоило лишь взглянуть на нее, хрупкую, по-детски цепляющуюся за верблюжью шею, как мрачные подозрения вмиг рассеивались. Но затем сомнения вновь настигали его. А может, он околдован? И она наслала на него чары?

Они уверенно двигались на запад, сделав привал лишь в полдень, чтобы поесть фиников и глотнуть воды. Чтобы укрыть ее от солнца, Эмерик соорудил подобие навеса с помощью своего меча, ножен и попоны. Неровный тряский ход верблюда так измотал девушку, что ему пришлось снять ее на руках. Он вновь ощутил сладкий призыв ее нежного тела, и страсть забурлила в его венах. На мгновение Эмерик застыл, зачарованный ее близостью, и лишь усилием воли заставил себя опустить девушку на землю.

Он ощутил прилив гнева, вновь наткнувшись на ее ясный взгляд и вспомнив покорность, с какой она подчинялась его воле. Словно и не подозревала, что кто-то способен причинить ей зло. Невинная доверчивость девушки заставила его устыдиться, и он подавил бессильную злость.

Они принялись за еду, но юноша почти не ощущал вкуса фиников. Он не мог отвести горящих глаз от Лиссы, пожирая взглядом ее гибкую фигурку. Как дитя, она словно и не замечала этого. Когда он поднял ее, чтобы вновь усадить

на верблюда, девушка обняла его за шею руками, и он не мог сдержать дрожи. Но все же посадил ее в седло, и они продолжили путь.

2

Незадолго до заката Лисса вдруг вытянула вперед руку и воскликнула:

— Смотри! Башни Газаля!

На краю пустыни он увидел их — шпили и минареты, нефритовой зеленью отливающие на сини небес. Не будь рядом девушки, он счел бы это за мираж. Он с любопытством покосился на Лиссу, но та не выказывала радости оттого, что наконец вернулась домой. Напротив, она вздохнула, и хрупкие плечи ее опустились.

Они приблизились, и Эмерик смог разглядеть город получше. Стены его вздымались прямо из песка, и аквилонец увидел, что крепостной вал во многих местах обрушился. Башни также пребывали в запустении: провисла крыша, щерились обвалившиеся укрепления, шпили кренились, как пьяные. Страх объял его. Неужто он попал в город мертвых и упырь ведет его вперед? Он взглянул на девушку, и паника улеглась. Никакой демон не мог бы выглядеть столь божественно! Она бросила на него странный вопрошающий взгляд, нерешительно обернулась, глядя на пустыню, а затем, обреченно вздохнув, вновь двинулась в сторону города.

Миновав пролом в зеленой стене, Эмерик заметил на улицах людей. Никто не окликнул их, когда они выехали на широкий тракт, никто даже не взглянул им вслед. Вблизи, под угасающим солнцем, обветшание сделалось еще более очевидным. Улицы там и тут поросли травой, пробивавшейся сквозь разломы в мостовой, поросли травой и площади. Дороги и дворы усыпал слой хлама и песка. Там и тут на месте рухнувших домов были разбиты огороды.

Купола выцвели и растрескались, дверные проемы зияли пустотой. Эмерик узрел единственный уцелевший шпиль, венчавший круглую красную башню на юго-восточной оконечности города. Она сияла среди руин. Эмерик указал на нее рукой.

— Почему эта башня лучше сохранилась, чем прочие? — удивился он.

Побледневшая Лисса, вся дрожа, перехватила его руку.

— Не спрашивай об этом! — прошептала она торопливо.— Не смотри, не смей даже думать о ней!

Эмерик нахмурился. Неприкрытый страх девушки каким-то образом изменил его восприятие таинственной башни. Теперь она представлялась головой алой змеи, вздымающейся среди запустения и развалин. Рой черных точек — это были летучие мыши — вылетел из высоких черных окон.

Молодой аквилонец с опаской огляделся по сторонам. В конце концов, с чего он взял, что газальцы отнесутся к нему дружески? Он смотрел, как неспешно идут по улице люди. Когда они останавливались взглянуть на него, по коже у него почему-то бежали мурашки. Лица мужчин и женщин были красивы, а взгляды ласковы, но интерес их казался таким небрежным, таким расплывчатым и безличным... Они даже не пытались подойти ближе, заговорить с ним. Точно им не в диковинку было видеть на улицах города вооруженных всадников из пустыни! Однако Эмерик точно знал, что это не так, и от равнодушия, с которым приняли его появление газальцы, ему делалось не по себе.

Лисса обратилась к ним, взяв Эмерика за руку, точно привязчивый ребенок.

— Это Эмерик из Аквилонии, он спас меня от чернокожих бандитов и привез домой.

Вежливый приветственный шепоток донесся до него, и несколько человек приблизились, протягивая руку. Эмерику никогда прежде не доводилось видеть таких невыразительных благожелательных лиц. Глаза у этих людей были ласковыми и нежными, не знающими ни страха, ни удивления, но не как у тупых быков, а скорее, как у людей, погруженных в видения.

Взгляды их создавали ощущение нереальности; он почти не слышал, что ему говорят. Эмерик не мог понять, что за странности творятся вокруг, что это за грезящие люди-тени скользят задумчиво в развалинах древнего города. Лотосовый рай иллюзий? Но зловещая алая башня не давала ему покоя.

Какой-то мужчина, совершенно седой, но без единой морщины, заметил:

— Аквилония? Мы слышали, на вас напали... король Брагор Немедийский, если не ошибаюсь. Чем окончилась война?

— Мы победили,— отозвался Эмерик коротко, пытаясь сдержать дрожь. Девять веков прошло с той поры, как Брагор двинул своих копейщиков на Аквилонию.

Мужчина ни о чем больше не спрашивал; люди разошлись, и Лисса потянула его за рукав. В мире грез и иллюзий она была единственным, что возвращало его к реальности. Она не была видением, тело ее было нежным и сладким, как мед и сливки.

— Пойдем,— сказала она,— нам нужно поесть и отдохнуть.

— А все эти люди? — удивился он.— Разве ты не собираешься рассказать им, что случилось с тобой?

— Они не станут слушать,— отозвалась Лисса.— Разве что мгновение. Послушают, а затем двинутся прочь. Они едва ли заметили даже, что я уходила. Пойдем!

Эмерик завел лошадь и верблюда в закрытый дворик, где росла высокая трава, а из разбитого мраморного фонтанчика струилась вода. Там он привязал животных, а сам двинулся следом за Лиссой. Она взяла его за руку и повела через двор, в сводчатый проход. Наступила ночь. В небе гроздьями висели звезды, обрамляя щербатые бельведеры.

Лисса вела его через анфиладу темных комнат с уверенностью, говорившей о давней привычке. Эмерик ощупью шел за ней, не выпуская ладошки девушки. Приключение это с каждым мгновением нравилось ему все меньше. Запах пыли и тлена витал в густой тьме. Ноги его ступали то по разбитым плиткам, то по вытертым коврам. Свободной рукой он касался дверных проемов, украшенных лепниной и резьбой. Затем сквозь полуразрушенную крышу блеснули звезды, и он увидел, что находится в просторном зале, с истлевшими гобеленами на стенах. Они чуть слышно шуршали на ветру, точно ведьмы шептались в тени, и от их шепота у него мурашки бежали по коже.

Затем они оказались в комнате, тускло освещенной струившимся в окна светом звезд, и Лисса отпустила его руку. В темноте он не мог видеть, что она делает, но вдруг в комнате стало светлее: девушка держала стеклянный шар, окруженный янтарным сиянием. Она поставила светильник на мраморный стол и жестом указала Эмерику на ложе, где ворохом были свалены шелка. Порывшись где-то в углу, она извлекла кувшин золотистого вина и блюдо с сдой. Там нашлись финики, но прочие фрукты и овощи, бледные и безвкусные, были Эмерику незнакомы. Вино оказалось приятным на вкус, но пьянило не больше, чем ключевая вода.

Опустившись на мраморный табурет напротив него, Лиса рассеянно принялась за еду.

— Что за странное место? — спросил ее наконец Эмерик.— В тебе есть что-то от этих людей, но в то же время ты совсем не такая, как они.

— Они говорят, я похожа на наших предков,— отозвалась Лисса.— Давным-давно они пришли в пустыню и возвели этот город на месте оазиса с множеством источников. Камень для строительства они взяли с развалин еще более древнего поселения. И лишь Красная Башня...— она невольно понизила голос,— только башня сохранилась с тех времен. Она была пуста... тогда.

Предки наши, газали, некогда обитали на юге Кофа. Они славились мудростью и ученостью. Но они стремились восстановить культ Митры, давно забытый кофийцами, и король изгнал их из страны. Они отправились на юг — жрецы, ученые и учителя, а с ними и их рабы шемиты.

Они возвели Газаль посреди пустыни, но рабы вскоре взбунтовались и бежали, смешавшись с дикими племенами кочевников. С ними здесь хорошо обращались, однако до них дошли странные вести, и, получив их, они, подобно безумцам, устремились в пустыню.

А мой народ остался. Они учились добывать пищу и питье из того, что было под рукой. Знания стали их единственным спасением, ибо, когда рабы бежали, они увели с собой всех до единого верблюдов, ослов и лошадей, и всякие сношения с внешним миром оказались прерваны. В Газале есть целые залы, полные карт, книг и летописей, но все они устарели по меньшей мере на девять веков, когда предки наши покинули Коф. И никогда с тех пор нога чужестранца не ступала на улицы Газаля. И люди словно стали таять. Они грезят и настолько погружены в себя, что утратили все человеческие страсти и устремления. Город рушится на глазах, но никто и пальцем не шевельнет, чтобы поправить хоть что-то. Ужас...— Она запнулась и вздрогнула.— И когда ужас пришел, они не могли ни воспротивиться, ни обратиться в бегство.

— О чем ты говоришь? — прошептал он, чувствуя, как мороз прошел по спине. Шуршание истлевших занавесей в черных безымянных коридорах будило в душе потаенные страхи.

Девушка покачала головой. Затем поднялась, обошла мраморный столик и положила руки ему на плечи. Глаза ее

были влажными, и страх застыл в них, и отчаяние, от которого у Эмерика комок застрял в горле. Он обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

— Не отпускай меня! — взмолилась она.— Мне так страшно! О, я мечтала, чтобы пришел такой мужчина, как ты. Я непохожа на остальных! Они лишь мертвецы, вслепую бродящие по забытым улицам, но я-то жива! Кровь моя горяча, и чувства бурлят в ней. Мне ведомы голод, и жажда, и страсть к жизни. Мне невыносимо безмолвие этих улиц, упадок и разрушение, и бесцветные обитатели Газаля, хотя я никогда не видела ничего иного. Поэтому я сбежала, мне так хотелось жить...

Она безутешно рыдала в его объятиях. Волосы струились по точеному лицу, и аромат их кружил ему голову. Девушка прижималась к нему всем телом, обнимая Эмерика за шею. Крепче стиснув ее в объятиях, он поцеловал ее в губы, затем принялся осыпать жгучими поцелуями ее глаза, щеки, волосы, шею, грудь, пока рыдания ее не стихли, сменившись страстными стонами. Но страсть его не была страстью насильника; чувства девушки пробудились в ответ, захлестнув ее горячей волной желания. Сияющий янтарный шар, задетый неосторожной рукой, скатился на пол и погас. Лишь звездный свет сочился в окна.

Лисса лежала в объятиях Эмерика на устланном шелками ложе, жарким шепотом поверяя ему все свои тайны, надежды и упования — детские, трогательные, ужасные.

— Я увезу тебя отсюда,— пробормотал он.— Завтра же! Ты права, Газаль — это город мертвых. Ты должна вернуться в мир. Он может быть жестоким, грубым, отвратительным, но это лучше, чем гнить здесь заживо...

Ночь внезапно взорвалась истошным криком, полным ужаса и отчаяния. Ледяной пот выступил у Эмерика на висках. Он пытался вскочить, но Лисса вцепилась в него.

— Нет, нет, не надо! — послышался ее испуганный шепот.— Не ходи туда! Останься!

— Да ведь там кого-то убивают!

Он на ощупь пытался отыскать меч. Крики доносились, кажется, с соседнего дворика. Они становились все громче и пронзительнее. И мука, заключенная в них, была невыносима. Наконец крик захлебнулся долгим хрипящим рыданием.

— Так же кричали умирающие на дыбе, я слышал,— пробормотал Эмерик, тщась подавить дрожь.— Что за демоны орудуют тут в ночи?

Лисса трепетала в его объятиях, охваченная безудержным страхом. Он чувствовал, как колотится ее сердце.

— Это и есть тот ужас, о котором я говорила тебе! — прошептала она.— Ужас, обитающий в Красной Башне. Он пришел давно; иные говорят, он был там и прежде, и вернулся, когда был построен Газаль. Он пожирает людей. Что он такое, никому не ведомо, ибо никто из тех, кто видел его, не уцелел, чтобы рассказать об этом. Возможно, это бог или демон. Поэтому отсюда бежали рабы; поэтому племена кочевников обходят город стороной. Многие были погублены чудовищем. Рано или поздно оно разделается со всеми нами и будет владеть опустевшим городом, как, сказывают, владело руинами, бывшими прежде на месте Газаля...

— Но почему же люди остались здесь и не бежали прочь?

— Не знаю,— прошептала Лисса.— Они грезят...

— Колдовские чары,— протянул Эмерик.— Чары и пустота. Я видел это в их глазах. Демон околдовал их. Митра, что за гнусная тайна!

Лисса уткнулась лицом ему в грудь, крепче цепляясь за юношу.

— Но что же нам делать теперь? — Эмерик поежился.

— Ничего,— отозвалась она.— Твой меч бессилен против чудовища. Может быть, оно нас не тронет. Сегодня ночью оно уже схватило одну жертву. А нам остается лишь ждать, как овцам на заклание.

— Да будь я проклят, если допущу такое! — воскликнул аквилонец.— Мы не станем дожидаться утра, поедем немедленно. Собери еды и питья. А я выведу коня и верблюда наружу, к выходу. Встретимся там!

Зная, что неведомое чудовище уже нанесло удар, Эмерик не боялся оставить девушку на несколько минут в одиночестве. Но мурашки бежали у него по коже, когда он шел наружу по изгибающимся коридорам, через черные залы, где шептались гобелены. Животных он нашел в том же дворе, где оставил их. Они нервно перебирали ногами и всхрапывали. Лошадь при виде хозяина тоненько заржала и ткнулась мордой ему в плечо, словно чуя опасность, таящуюся в ночи.

Эмерик оседлал и взнуздал животных, а затем через узкие ворота вывел их на улицу. Несколько минут спустя он оказался в залитом звездным светом дворе. И в тот же миг ужасающий вопль огласил звенящую тишину. Он доносился из той самой комнаты, где он оставил Лиссу.

Эмерик взревел и, на ходу обнажая сталь, бросился к окну. Янтарный шар горел, отбрасывая густые черные тени. Шелковые покрывала грудой лежали на полу. Мраморный табурет перевернут. Но комната была пуста.

Тошнота подкатила Эмерику к горлу. Он пошатнулся, на миг прикрыв глаза. Ярость охватила его. Красная Башня! Должно быть, чудовище уволокло свою жертву туда!

Он метнулся через двор, по улице, к башне, зловеще сияющей в ночи. Улицы изгибались и сворачивали в сторону, и он побежал наперерез, через безмолвные темные дома и дворы, заросшие травой, дрожавшей на ночном ветру.

Впереди вокруг багровой башни виднелись какие-то развалины. Следы разрушения там были даже заметнее, чем в самом городе. Там явно никто не жил. И среди грязи, камней и хлама красная башня вздымалась подобно ядовитому цветку в руинах склепа.

Чтобы попасть в башню, он должен был перебраться через развалины. Эмерик бесстрашно двинулся вперед, отыскивая дверь. Распахнув ее, он вошел, держа наизготовку меч. И тогда глазам его открылось зрелище, какое может явиться человеку лишь во сне.

Перед ним простирался длинный коридор, озаренный тусклым сиянием, на стенах висели странные, вызывающие дрожь гобелены. Далеко внизу он заметил ковыляющую фигуру — белую, обнаженную, что-то тащившую следом,— и от ужаса пот выступил у него на лбу. Затем существо исчезло, а с ним погас и призрачный свет. Эмерик оказался в кромешной тьме, лишенный зрения, лишенный слуха, а перед внутренним взором его все так же стояла согбенная белая фигура, волочащая за собой бездыханное тело по бесконечному черному коридору.

Он ощупью двинулся вперед, пытаясь припомнить: мрачная легенда, рассказанная свистящим шепотом у умирающего костра, в похожей на череп хижине чернокожего колдуна,— легенда о божестве, обитающем в багровом доме, в забытом городе, о темном божестве, которому поклонялись в жарких влажных джунглях и по берегам медленных печальных рек. И вспомнилось ему заклинание, произнесенное на ухо дрожащим от страха и благоговения голосом, перед которым сама ночь затаила дыхание, притихли львы у реки и даже листва замерла, не смея шелестом нарушить безмолвие.

«Оллам-онга»,— шептал черный ветер в невидимом коридоре. «Оллам-онга»,— шептала пыль у него под ногами. Пот леденил кожу, и клинок дрожал у него в руке. Он проник в дом бога, и страх стиснул его душу в костлявом кулаке. «Дом бога» — весь ужас этих слов вдруг дошел до него. Все страхи предков и страхи еще более древние, дочеловеческие, изначальные, восстали в душе его, ужас, всеобъемлющий и необъяснимый, охватил его. Сознание своей хрупкой человечности давило на него в этом доме, который был домом бога.

Вокруг него дрожало едва различимое сияние. Кажется, он приближался уже к самой башне. Еще мгновение, и он прошел в высокую арку и принялся подниматься по непривычно широким ступеням. Все выше и выше. И чем дальше шел Эмерик, тем сильнее охватывала его слепая ярость, последняя защита человека от всяческой дьявольщины. Он позабыл страх. Сгорая от нетерпения, он пробирался сквозь густую недобрую тьму, пока не оказался в комнате, залитой золотистым светом.

В дальнем конце комнаты широкие ступени вели к помосту, заставленному каменными сооружениями. Изуродованные останки предыдущей жертвы еще оставались на возвышении. Рука безвольно свисала на ступени. Мраморные ступени были все в потеках крови, подобных сталактитам, что вырастают вокруг горячего источника. Часть потеков были давними, высохшими, побуревшими; но была там и свежая кровь, еще влажная, сверкавшая во тьме.

У подножия лестницы возвышалась недвижимая нагая фигура. Эмерик застыл, язык его присох к гортани. Сперва ему показалось, что перед ним человек, белый гигант, стоящий, скрестив мощные руки на алебастровой груди. Но огненные шары вместо глаз не могли принадлежать человеку! В глазах этих Эмерик узрел отблески адского пламени, приглушенные последней из теней.

Фигура внезапно начала терять четкость, контуры ее принялись дрожать... расплываться. С невероятным усилием аквилонцу удалось разорвать путы безмолвия и выдавить ужасное загадочное заклинание. И в тот же миг, как пугающие слова пронзили тишину, белый гигант замер. Застыл. И очертания его фигуры вновь сделались ясными и четкими на золотистом фоне.

— Ну, давай же, и будь ты проклят! — истошно возопил Эмерик.— Я замкнул тебя в человеческом обличье! Правду сказал черный колдун! Это он дал мне заклинание! Да-

вай, Оллам-онга! Пока ты не разрушил чары, сожрав мое сердце, ты такой же человек, как и я!

С ревом, подобным вою урагана, тварь бросилась вперед. Эмерик отскочил, уворачиваясь от протянувшихся к нему когтей, сила которых во много раз превосходила силу смерча. Отставленный в сторону коготь зацепил его тунику, с легкостью распарывая ткань, точно истлевшее тряпье. Но Эмерик, которому страх придал сил и подвижности, успел развернуться и вонзить меч в спину чудовища, так что клинок на локоть вышел у того из груди.

Жуткий вой, полный муки и нечеловеческой злобы, потряс башню. Тварь развернулась и бросилась на Эмерика, юноша увернулся и кинулся вверх по ступеням на возвышение. Ухватив мраморный табурет, он с силой швырнул его в чудовище, карабкающееся по лестнице. Тяжелый снаряд ударил тварь прямо в голову, увлекая ее вниз, но та встала вновь. То было жуткое зрелище. Обливаясь кровью, чудище продолжало ползти по ступеням. В отчаянии Эмерик схватил нефритовую скамью и, застонав от непосильного напряжения, швырнул ее вниз.

Вес каменной громады пригвоздил Оллам-онга к полу, и он рухнул среди осколков, в луже дымящейся крови. В последнем исступленном усилии чудовище приподнялось на руках, глаза его остекленели. И наконец оно разразилось протяжным жутким воем.

Эмерик содрогнулся от ужаса, ибо дикий вопль твари не остался без ответа. Откуда-то свысока демоническим эхом отозвались бесчисленные голоса, и изуродованная туша рухнула на залитый кровью пол. Так ушел один из богов Куша. Мысль эта внушила Эмерику безотчетный, необъяснимый ужас.

Объятый паникой, он кинулся вниз с возвышения, отпрянув от трупа чудовища. Казалось, сама ночь кричит, обвиняя его, потрясенная свершившимся святотатством. Первобытный космический страх затмил торжествовавший победу разум.

У самой лестницы он застыл, пораженный. Из темноты, протягивая белые руки, к нему вышла Лисса. Глаза ее были заводями страха.

— Эмерик! — воскликнула она дрогнувшим голосом.

Он сжал ее в объятиях.

— Я видела,— прошептала она,— как чудовище поволокло по коридору труп. Я вскрикнула и бросилась бежать.

А когда возвращалась, услышала твой крик, и поняла, что ты отправился за мной в Красную Башню...

— И пришла разделить мою судьбу,— вымолвил он через силу.

Она попыталась заглянуть ему через плечо, но он прикрыл ей глаза и заставил отвернуться. Ни к чему ей видеть тело на багряном полу. Он поправил порванную тунику, однако не решился вернуться за мечом. Эмерик повел трепещущую Лиссу прочь, но, когда оглянулся, увидел, что труп поверженного божества уже не белеет среди мраморных осколков. Заклинание, заключившее Оллам-онга в человеческом обличье, действовало при его жизни, но не после смерти. У Эмерика потемнело в глазах, и все же он взял себя в руки и поторопился спуститься с девушкой по лестнице и скорее убраться из зловещих развалин.

Он не замедлил шага, пока они не оказались на улице, где жались друг к другу дрожащие верблюд с лошадью. Он второпях усадил девушку в седло и сам вскочил на жеребца, затем направился прямиком к пролому в стене. Ему не хватало воздуха, он дышал прерывисто и жадно, но ночная прохлада пустыни остудила разгоряченную кровь; здесь хотя бы не пахло затхлостью и тленом.

К луке его седла был приторочен небольшой бурдюк с водой. Еды не было, а меч его остался в Красной Башне. Без пищи и оружия им предстояло пересечь пустыню, однако любые опасности меркли перед тем, что довелось им пережить в городе, оставшемся за спиной.

Без слов они тронулись в путь. Эмерик взял курс на юг; где-то там, по его расчетам, должен был найтись колодец. Рассвет они встретили, поднявшись на гребень дюны; аквилонец обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на Газаль, омытый розовым сиянием, и застыл, как громом пораженный. Лисса вскрикнула. Из бреши в стене выезжали семеро всадников; лошади их были чернее ночи, и сами они с головы до пят были закутаны в черные плащи. Но в Газале не было лошадей! Ужас объял Эмерика, и, отвернувшись поспешно, он принялся нахлестывать своего скакуна.

Поднялось солнце, сперва алое, затем золотое и наконец белое, раскаленное и не знающее пощады. Беглецы ехали, изнемогая от жары и усталости, ослепленные безжалостным сиянием. Несколько раз они позволили себе смочить губы водой. А за спиной, не сбавляя хода, скакали семеро всадников в черном.

Наступил вечер; солнце, багровое и распухшее, склонилось к кромке окоема. Ледяной рукой страх стиснул сердце Эмерика. Преследователи настигали их.

Тьма наступила, и черные всадники приблизились. Эмерик взглянул на Лиссу, не в силах сдержать стона. Жеребец его оступился и рухнул на песок. Солнце опустилось; луну заслонила тень огромной летучей мыши. В кромешной тьме звезды багровели, точно тлеющие угли, и за спиной Эмерик услышал шорох, словно налетел ветер. Черная тень вырвалась из чрева ночи, сверкнули искры адского огня.

— Беги, девочка! — выкрикнул он в отчаянии.— Беги, спасайся! Им нужен только я!

Вместо ответа она соскочила с седла и крепко обняла его, прижавшись всем телом.

— Я умру вместе с тобой!

Семь черных теней выросли, затмив собой звезды, и понеслись на них, точно ветер. Зловещий огонь полыхал в пустых глазницах, стучали лишенные плоти челюсти.

Но что-то прервало их стремительный бег. Лошадь пронеслась мимо Эмерика, едва не задев его. Послышался глухой звук удара — это таинственный всадник врезался в гущу нападающих. Пронзительно заржал жеребец, и трубный голос разразился ругательствами на неизвестном аквилонцу языке. В ответ из темноты донеслись встревоженные голоса.

Впереди, похоже, завязалась драка; слышался топот копыт, звуки ударов, лязг стали, а громоподобный голос от души сыпал проклятиями. Вдруг из-за облаков появилась луна, высветив совершенно фантастическую сцену.

Всадник на гигантском жеребце кружился, рубил и колол пустой воздух, а навстречу, сверкая ятаганами, летела дикая орда. Вдали, на гребне холма, еще мелькнули фигуры семерых черных всадников — и растворились; лишь плащи взметнулись в последний раз, подобно крыльям летучей мыши.

Дикари, окружившие Эмерика, попрыгали на землю и взяли его в кольцо. Жилистые руки схватили беглецов, худые смуглые лица злобно скалились. Лисса, не выдержав, закричала.

Но чья-то мощная длань раскидала нападавших, и человек на огромном жеребце пробился через толпу. Нагнувшись с седла, он в изумлении уставился на Эмерика.

— Чтоб я сдох! — зарычал он.— Эмерик-аквилонец!

— Конан! — Эмерик был потрясен.— Конан! Живой!

— Да, кажется, поживее твоего,— раздался ответ.— Клянусь Кромом, парень, вид у тебя такой, словно все демоны пустыни охотились за тобой этой ночью! Что это за твари? Я объезжал лагерь, чтоб проверить, нет ли где засады, как вдруг луна погасла, точно свечка, и я услышал странный шум. Конечно, я поскакал взглянуть, в чем дело, и не успел опомниться, как нарвался на этих демонов. Я бросился на них с мечом... Кром, глаза у них горели в темноте, как огонь! Я уверен, что зацепил одного, но, когда появилась луна, они исчезли, точно их ветром сдуло. Люди то были или демоны?

— Твари из самого ада! — Эмерик не мог сдержать дрожи.— И не спрашивай меня ни о чем больше. Есть вещи, о которых лучше не говорить вслух.

Конан не стал настаивать и не выказал недоверия. Он верил не только в ночную нежить, но и в духов, леших и гномов.

— Да я гляжу, ты и посреди пустыни себе красотку найдешь,— заметил он и улыбнулся Лиссе.

Та еще теснее прижалась к Эмерику, со страхом поглядывая на маячивших во тьме дикарей.

— Вина! — воскликнул Конан.— Давайте сюда бурдюк!

Схватив протянутую ему кожаную флягу, он сунул ее Эмерику.

— Дай глотнуть девочке и выпей сам,— велел киммериец.— Потом возьмем вас в седло и — в лагерь! Вам надо поесть, передохнуть и выспаться как следует. Я вижу, вы едва держитесь на ногах.

Им подвели лошадь в богатой сбруе, и услужливые руки помогли Эмерику забраться в седло. Затем он поднял Лиссу, и они двинулись к югу, окруженные татуированными смуглокожими дикарями. У многих лицо до самых глаз было скрыто повязкой.

— Кто он такой? — тихонько спросила девушка, обнимая возлюбленного.

— Конан, киммериец,— отозвался тот.— Парень, с которым мы плутали по пустыне после разгрома войска. А с ним те самые дикари, что его подстрелили. Я был уверен, что он мертв, когда оставил его, что он пал под их копьями. А теперь вижу, что он цел и невредим и, похоже, встал во главе племени.

— Страшный человек...— прошептала она.

Он улыбнулся.

— Просто тебе раньше никогда не доводилось видеть бледнолицых варваров. Он бродяга, разбойник и убийца, но у него есть свой кодекс чести. Думаю, нам нечего бояться.

Но в душе Эмерик отнюдь не был в этом уверен; в какой-то мере он предал киммерийца, когда бросил его в пустыне на произвол судьбы. Но ведь он не знал, что Конан жив! Сомнения терзали аквилонца. Северянин всегда был предан друзьям, однако к остальному миру не питал и тени жалости; это был воин и дикарь. И Эмерик страшился и подумать, что будет, если Конан возжелает его Лиссу.

Позже, вдосталь наевшись и выпив в лагере, разбитом дикарями, Эмерик сидел у костра перед палаткой Конана; Лисса, закутавшись в шелковое покрывало, устроилась рядом, опустив голову ему на колени. Сам Конан сидел напротив, и отсветы костра играли на его суровом лице.

— Кто эти люди? — спросил его аквилонец.

— Воины Томбалку,— ответил варвар.

— Томбалку! — воскликнул Эмерик.— Так это не легенда?

— Как видишь, нет,— кивнул Конан.— Когда пала моя проклятая кобыла, я от удара лишился чувств. А когда очнулся, эти негодяи уже связали меня по рукам и ногам. Это меня разозлило, и пару веревок я порвал, но они связали их еще быстрее, так что мне даже руку высвободить не удалось. И все же моя сила их поразила...

Эмерик молча уставился на киммерийца. Тот был высок ростом и широк в плечах, как Тилутан, но у него не было ни унции жира. Доведись им с ганатом встретиться в бою, он голыми руками свернул бы чернокожему шею.

— Они решили не убивать меня на месте, а отвести в город,— продолжил тем временем Конан.— Подумали, что такой здоровяк будет долго мучиться под пыткой, чтобы доставить им удовольствие. Короче, привязали меня к лошади без седла и отправились в Томбалку.

Надо сказать, в Томбалку правят два короля. Они приволокли меня к ним. Один — тощий смуглый мерзавец по имени Зехбех, а другой — толстый негр, который в это время спал. Зехбех спросил своего жреца, Даура, что со мной делать. Даур бросил кости из овечьей лопатки и объявил, что меня надлежит засечь до смерти на алтаре Джила. Все вокруг так радовались, что разбудили черного короля.

Я плюнул этому Дауру в рожу, обругал его по-всякому, а заодно и обоих королей. И сказал, что если уж с меня собрались содрать шкуру, так пусть сперва хоть вина дадут, и принялся их клясть последними словами: и ворами, и трусами, и сучьими детьми.

Тут вдруг черный король поднимает голову, садится на троне и на меня смотрит. А затем вскакивает и кричит: «Амра!» Вот тогда я его узнал — это оказался Сакумбе, суба с Черного побережья, толстый бродяга, с которым мы знались, еще когда я пиратствовал у тех берегов. Он приторговывал слоновой костью, золотым песком, рабами и собственную мать продал бы за хороший барыш. В общем, этот старый подлец меня узнал, спрыгнул с трона, обнял меня и своими руками обрезал веревки. И объявил всем, что я Амра-Лев, его друг, и он не позволит меня и пальцем тронуть.

Тут начались споры. Зехбеху с Дауром не терпелось заполучить мою шкуру, и тогда Сакумбе призвал своего шамана, Аскию. Это надо видеть: сплошные перья, колокольца, змеиные шкурки — самый настоящий колдун с Черного побережья!

Аския принялся танцевать и бормотать заклинания, а потом объявил, что Сакумбе — избранник Аджуджи, темного бога, и как он велит, так все и должны делать. Все негры в Томбалку подняли вой, и Зехбеху пришлось уступить.

Потому что черным в Томбалку принадлежит вся реальная власть. Несколько веков назад афаки, семитская раса, двинулись на юг и основали Томбалку. Они смешались с неграми, и получился смуглокожий народ с черными прямыми волосами, но от белых у них все равно больше, чем от негров. Они считаются в Томбалку правящей расой, но их куда меньше, и потому рядом с афакским королем на троне всегда сидит негритянский.

Афаки завоевали кочевые племена на юго-западе и покорили негров, обитавших южнее. К примеру, из моего отряда большинство — тибу, помесь стигийцев с неграми. А есть еще бигзармцы, минданги и борни.

Короче говоря, через Аскию Сакумбе держит в своих руках всю реальную власть в Томбалку. Афаки поклоняются Джилу, а черные — Аджудже Темному и его сородичам. Аския пришел в Томбалку вместе с Сакумбе и возродил забытый культ Аджуджи. Кроме того, у него есть и свои боги, которым он поклоняется, но что это за чудовища, никому

не ведомо. Черная магия Аскии оказалась сильнее колдовства афаков, и черные провозгласили его пророком, которого им прислали темные боги. Так что сейчас слава Сакумбе с Аскией растет, затмевая Зехбеха с Даурой.

А поскольку я оказался приятелем Сакумбе и Аския поручился за меня, негры приняли меня со всеми почестями. Сакумбе велел отравить Кордофо, вождя конницы, и поставил меня на его место, к вящей радости черных и негодованию афаков.

Тебе понравится в Томбалку! Местечко как раз для таких парней, как мы, для тех, кто не боится ввязаться в драку ради поживы. Там с полдюжины шаек только и занимаются тем, что копают друг под друга. На улицах и в кабаках — сплошные драки и поединки, убийства исподтишка, казни и похищения. И вдосталь вина, женщин и золота! Чего еще желать наемнику? А я там в чести! Клянусь Кромом, Эмерик, ты удачно выбрал время! Эй, послушай, в чем дело? Что-то я не вижу в тебе былого пыла.

— Не держи на меня зла, Конан,— отозвался Эмерик.— Мне очень интересно то, что ты говоришь, но усталость берет верх, я засыпаю на ходу.

Однако аквилонец думал отнюдь не о золоте, женщинах и интригах, но о девушке, дремавшей у него на коленях. Ему вовсе не улыбалось тащить ее в такой вертеп убийств и разврата, каким представал Томбалку из рассказов Конана. Во многом, сам того не замечая, Эмерик изменился за последние дни. И осторожно заметил:

— Ты спас нам жизнь сегодня, и я никогда тебе этого не забуду, но у меня нет права рассчитывать на твою щедрость, ведь я бросил тебя одного, на милость афаков. Правда, я был уверен, что ты мертв, однако...

Запрокинув голову, Конан звучно и раскатисто расхохотался. А затем хлопнул аквилонца по плечу с такой силой, что тот едва не упал.

— Забудь об этом! Я уцелел лишь чудом, а тебя они точно проткнули бы копьем, как лягушку, вздумай ты вернуться мне на помощь. Поехали с нами в Томбалку, там мы найдем тебе дело по душе! Ты же командовал отрядом конницы у Запайо?

— Верно.

— А мне нужен помощник, чтобы как следует вымуштровать этих молодцов. Дерутся они как бешеные псы, но о

дисциплине не имеют никакого понятия, каждый сам за себя. А вдвоем мы сделаем из них настоящих солдат. Эй, еще вина! — заорал он во тьму.

3

На третий день после встречи с Конаном Эмерик оказался в Томбалку. Он ехал рядом с киммерийцем во главе колонны, а Лисса следовала за ним, верхом на смирной кобыле. Позади, построившись по двое, ехал отряд конников. Просторные белые одеяния развевались на ветру, звенели уздечки, скрипели седла, заходящее солнце отражалось в наконечниках копий. Большинство всадников были из племени тибу, но попадались и воины из других, более малочисленных родов.

Все они, помимо собственного языка, говорили на упрощенном шемитском диалекте, которым владели все чернокожие племена от Куша до Зембабве и от Стигии до полумифических Черных Королевств на юге. Много веков назад шемитские купцы прошили бесконечное полотно пустыни стежками своих караванных дорог, и язык их прижился в этих местах наравне с товарами, которые они везли. А Эмерик достаточно владел шемитским, чтобы без труда общаться с грозными воинами этих диких земель.

Когда солнце, подобное огромной капле крови, скользнуло по небосводу за горизонт, впереди появились огоньки. Земля пошла под уклон, затем вновь выровнялась. В низине лежал большой город, застроенный невысокими домами. Все они были сложены из бурого кирпича, так что сперва Эмерику показалось, что впереди нет ничего, кроме камней и глины,— лабиринт утесов, ущелий и валунов вместо города; но вскоре он понял свою ошибку.

Окружала город приземистая глинобитная стена, из-за которой виднелись крыши домов. Огни горели в центре, на площади, оттуда же доносился какой-то странный шум.

— Томбалку,— объявил Конан коротко и склонил голову, прислушиваясь.— Кром! Что-то там неладно! Давайте живее!

Он пришпорил лошадь, и колонна всадников устремилась следом за вождем к городу.

Рощи пальм и заросли колючей мимозы окружали его; внизу текла речушка, отражавшая синеву ночного неба. За рекой простиралась зеленеющая саванна.

— Что это за река? — поинтересовался Эмерик.

— Джелуба,— ответил Конан.— Отсюда она течет на восток. Кто-то говорит, она течет через весь Дарфар и Кешан и впадает в Стикс; а другие — что она сворачивает на юг и сливается с Зархебой. Может, надо будет однажды пройти по течению и проверить.

Массивные деревянные ворота стояли открытыми, и колонна влетела в город, не останавливаясь. За воротами по узким кривым улочкам сновали фигуры в белых бурнусах. Всадники из отряда Конана поспешили приветствовать знакомцев, похваляясь боевыми заслугами.

Повернувшись в седле, Конан рявкнул приказ смуглому воину, который повел колонну к баракам. Киммериец вместе с Эмериком и Лиссой уверенно направился к центральной площади.

Томбалку пробуждался от послеполуденной дремы; всюду появлялись темнокожие люди в белых одеждах. Эмерик был поражен размерами города в пустыне и этой странной смесью культуры и варварства, сквозившей здесь повсюду. В просторных дворах святилищ раскрашенные шаманы в перьях плясали и трясли священными костями, рядом сумрачные жрецы пели легенды своих народов, а угрюмые философы спорили о природе богов и человека.

Чем ближе подъезжали всадники к центральной площади, тем больше народа становилось вокруг, и все они, казалось, торопились в том же направлении. Вскоре улицы оказались запружены людьми, и Конану пришлось криком расчищать дорогу.

На краю площади они спешились, и киммериец бросил поводья лошадей человеку, которого подозвал из толпы, а затем принялся проталкиваться вперед, к двум тронам, стоявшим на другом конце площади. Лисса уцепилась за Эмерика, и они последовали за варваром.

Вокруг площади чернокожие копейщики выстроились в каре. Костры, разведенные по четырем углам, высвечивали их большие овальные щиты, обтянутые слоновьей кожей, длинные лезвия копий, страусиные перья и львиные гривы, украшавшие их прическу; белки глаз и зубы сверкали на лоснящихся черных лицах.

В центре площади к столбу был привязан человек. Он был обнажен до набедренной повязки — крепкий, мускулистый и смуглокожий, с грубыми чертами лица. Перед ним танцевал шаман. Черная кожа едва угадывалась под разноцветной раскраской, лысая голова напоминала череп. Перья и обезьяньи шкурки мотались туда-сюда, в то время как он отплясывал перед небольшим треножником, под которым теплился огонь, и дым возносился к небу тонкой струйкой.

Позади столба стояли два трона, сложенные из кирпича, украшенные осколками цветного стекла, с поручнями из цельных слоновьих бивней. Оба трона стояли на едином помосте, к которому вели широкие ступени. На правом восседал огромный толстый негр в длинном белом бурнусе и в странном головном уборе, куда был вделан львиный череп и страусиные перья.

Другой трон был не занят, владелец его стоял рядом, худощавый, смуглокожий, с ястребиным профилем. На нем также было белое одеяние, а на голове красовался украшенный самоцветами тюрбан. Потрясая кулаками, он выкрикивал проклятия в сторону толстяка, а стражники за троном смущенно наблюдали за происходящим. Эмерик, подойдя ближе вслед за Конаном, услышал:

— Ты лжешь! Аския сам прислал этих змей, чтобы найти повод уничтожить Дауру! Если ты не прекратишь это издевательство, клянусь, будет война! Проклятые дикари, мы перебьем вас всех до единого! — Голос его поднялся до визга.— Немедленно сделай, как я сказал! Останови Аскию, а не то, клянусь Джилом Беспощадным...

Он потянулся за ятаганом, стражники взяли копья на изготовку. Толстый негр расхохотался, глядя на разъяренного соперника.

Конан, протолкавшись через ряды копейщиков, взбежал по кирпичным ступеням и встал между двумя монархами.

— Лучше держи руки подальше от меча, Зехбех,— проворчал он и повернулся к другому.— Что тут происходит, Сакумбе?

Чернокожий король хмыкнул.

— Даура рассчитывал отделаться от меня и подослал ко мне змей. Бр-р! Гадюки в постели, аспиды в одежде, мамбы, падающие с перекрытий... Три мои жены погибли от укусов, не считая рабов и прислуги. Аския с помощью колдовства узнал, что повинен в этом Даура, а мои люди застали

его с поличным. Смотри, Конан, Аския уже забил козла. Скоро появятся его демоны.

Обернувшись вслед за Конаном, Эмерик взглянул на привязанную к столбу жертву, перед которой истекал кровью козел. Аския читал последнее заклинание. Он визжал, метался из стороны в сторону, кружился на месте и тряс костями. Дым от треножника сгустился и излучал призрачное сияние.

Наступила ночь. Звезды, ярко вспыхнувшие на небосводе, сделались тускло-багровыми, на лик луны словно набросили алый покров. Костры едва тлели по углам площади. Трескучий голос донесся откуда-то сверху, и язык его не был известен никому из простых смертных. Затем раздался звук, похожий на хлопанье кожистых крыльев.

Аския застыл, выпрямившись, протянув руки и запрокинув украшенную перьями голову, а затем затянул долгое заклинание, состоявшее из вереницы имен. У Эмерика волосы встали дыбом, ибо среди прочих бессмысленных звуков он явственно различил имя «Оллам-онга», повторенное трижды.

Даура завопил так громко, что почти заглушил заклятья Аскии. В мерцающем свете костров, в дыму, валившем от треножника, Эмерик почти не видел, что происходит. Кажется, кто-то нападал на Дауру, а тот отбивался и кричал.

У основания столба, к которому был привязан колдун, появилась и стала расти лужа крови. Страшные раны покрыли его тело, хотя не было видно никого, кто мог бы их нанести. Вопли его стихли до всхлипов, а затем и вовсе прекратились, но тело все так же дергалось в путах, словно с ним играла некая незримая сила. Что-то белое сверкнуло на трупе Дауры, затем еще и еще. С ужасом Эмерик осознал, что это были кости...

Луна вновь стала серебристой, звезды на небе засияли, подобно самоцветам, вспыхнули костры по углам площади. При свете стал виден скелет, привязанный к столбу, в луже собственной крови. Король Сакумбе произнес звучным мелодичным голосом:

— Вот и нет больше предателя Дауры. Так, а теперь Зехбех... Клянусь Аджуджо, куда подевался этот негодяй?

Зехбех исчез, пока все взоры были прикованы к происходящему на площади.

— Конан,— обернулся к варвару Сакумбе,— думаю, тебе лучше собрать воинов. Едва ли мой собрат-король просидит эту ночь сложа руки.

Конан подтолкнул Эмерика вперед.

— Король Сакумбе, это Эмерик из Аквилонии, мой бывший соратник по оружию. Пусть он будет моим помощником. Эмерик, вам с девушкой лучше оставаться пока при короле, поскольку города вы не знаете. Убьют вас чего доброго, если влезете в драку.

— Я рад знакомству с другом доблестного Амры,— провозгласил Сакумбе.— Зачисли его на довольствие, Конан, и поднимай воинов... клянусь Деркето, этот негодяй не терял даром времени! Смотри!

Откуда-то издалека донесся странный шум. Соскочив с помоста, Конан бросился отдавать приказания чернокожим командирам. Гонцы его бросились врассыпную. Вдали послышался рокот барабанов, по которым отбивали дробь коричневые ладони.

На другом конце площади возник отряд обряженных в белое всадников. Размахивая копьями и ятаганами, они принялись теснить чернокожих. Не устояв перед их натиском, негры-копейщики дрогнули, ряды их смешались, один за другим падали они под ударами клинков. Стражи Сакумбе сплотились вокруг помоста с двумя тронами.

Вся дрожа, Лисса прижалась к Эмерику.

— Кто с кем сражается? — шепотом спросила она.

— Это афаки Зехбеха,— пояснил юноша.— Они пытаются убить черного короля, чтобы их вождь стал единственным правителем.

— Они пробьются к трону? — Она указала на людей, яростно дерущихся на площади.

Пожав плечами, Эмерик покосился на Сакумбе. Негритянский король раскачивался на троне, немало не встревоженный происходящим. Подняв к губам золотой кубок, он отхлебнул вина. Затем протянул второй кубок Эмерику.

— Должно быть, ты умираешь от жажды, белый, ведь после долгой дороги у тебя не было времени передохнуть,— сказал он.— Пей!

Эмерик поделился питьем с Лиссой. Лошадиное ржание, стук копыт, лязг оружия и крики раненых сливались в чудовищную какофонию. Повысив голос, чтобы перекричать шум, Эмерик заметил:

— Ты, владыка, должно быть, отважный человек, если можешь оставаться столь безучастным ко всему. Или же...— Эмерик осекся, не договорив.

— Или же глупец,— закончил за него король, рассмеявшись.— Нет, я просто трезво смотрю на вещи. Я слишком толст, чтобы скрыться от солдат, тем более от всадников. Так что стоит мне обратиться в бегство, как мой народ закричит, что все пропало, и бросит меня на произвол судьбы. Но если я останусь здесь, есть шанс, что... А, вот и они!

Черные воины хлынули на площадь, и ход сражения изменился. Там и тут конники-афаки начали отступать. Раненые лошади вставали на дыбы и падали, погребая под собой всадников, других стаскивали на землю мощные черные руки или выбивали из седла копьями. Вскоре хрипло запела труба. Оставшиеся афаки развернули коней и поскакали прочь. Шум битвы стих.

Наступило безмолвие, если не считать стонов раненых. С боковых улиц вышли темнокожие женщины в поисках родни, чтобы унести уцелевших и оплакать погибших.

Сакумбе невозмутимо восседал на троне, потягивая вино, когда появился Конан с окровавленным мечом в руке, в сопровождении черных воинов.

— Зехбеху удалось бежать с большинством афаков,— объявил он.— Мне пришлось слегка остудить пыл твоих парней, чтобы они не перебили жен и детей афаков. Они могут нам понадобиться в качестве заложников.

— Хорошо,— произнес Сакумбе.— Выпей!

— Отличная мысль!

Большими глотками Конан осушил чашу. Затем покосился на пустой трон рядом с Сакумбе. Черный король проследил за его взглядом и ухмыльнулся.

— Ну? — спросил Конан.— Что скажешь? Получу я его?

Сакумбе тоненько хихикнул.

— Да уж, ты всегда готов ковать железо, пока горячо. Ты не изменился, киммериец.

Затем король произнес несколько слов на языке, которого Эмерик не знал. Конан бросил что-то в ответ, кажется, они принялись спорить. В этот момент по ступеням взобрался Аския и поспешил присоединиться к спору. Он велеречиво доказывал что-то, бросая недобрые взгляды на Конана и Эмерика.

Наконец Сакумбе заткнул рот колдуну единственным хлестким словцом и поднял свою массивную тушу с трона.

— Народ Томбалку! — призвал он.

Люди со всей площади повернулись к помосту. Сакумбе продолжил:

— Негодяй и предатель Зехбех бежал из города, и один из двух тронов Томбалку опустел. Вы видели Конана, он могучий воин. Достоин ли он быть вашим королем?

После нескольких мгновений молчания раздались одобрительные выкрики. Эмерику показалось, кричали в основном воины племени тибу, из отряда Конана, но вскоре к ним присоединились и другие. Сакумбе подтолкнул Конана к пустующему трону. Народ разразился ликующими воплями. На площади, откуда уже были убраны трупы и тела раненых, вспыхнули костры. И вновь застучали барабаны, на сей раз созывая людей не на битву, но на торжество.

Много позже Конан вел Эмерика с Лиссой, шатающихся от вина и усталости, к скромному жилищу, что он подыскал для них. Перед тем как проститься, Эмерик спросил его:

— Что это за язык, на котором вы говорили с Сакумбе? И о чем вы спорили с ним?

Конан расхохотался.

— Это прибрежное наречие, которого здесь никто не знает. И мы с ним не спорили — Сакумбе говорил, что мы неплохо поладим как короли, если только я не забуду, какого цвета у меня кожа.

— Что он хотел этим сказать?

— Что мне нет смысла пытаться лишить его власти и интриговать против него, потому что черных теперь здесь подавляющее большинство и они никогда не пойдут за белым королем.

— Почему же?

— Да потому, что их слишком часто грабили, резали и продавали в рабство белые бандиты из Стигии и Шема, я думаю.

— А этот колдун, Аския? Чем он был недоволен?

— Предупреждал короля, что нам нельзя доверять. Будто бы духи сказали ему, что мы уничтожим Томбалку. Но Сакумбе велел ему заткнуться и заявил, что слишком хорошо меня знает и доверяет куда больше, чем какому-то шама-

ну.— Конан зевнул, точно сонный лев.— Ладно, ступай уложи свою девочку в постель, пока она не заснула стоя.

— А ты?

— Я? Пойду назад. Праздник еще только начался!

4

Месяцем позже Эмерик, весь в поту и в пыли, натянул поводья лошади, глядя, как проносятся мимо его эскадроны. Все утро, как и многие дни до того, он раз за разом пытался вбить в них азы кавалерийской науки: «Вперед шагом!», «Вперед рысью!», «Вперед галопом!», «В атаку!», «Стой!», «Назад!», «Вперед шагом!» И так без конца.

И хотя результат был еще далек от совершенства, черные ястребы пустыни, похоже, наконец поняли, чего от них хотят. Сперва они ворчали и изо всех сил противились чужеземной науке, но Эмерику, с помощью Конана, удалось установить суровую дисциплину, и теперь войско превращалось в силу, с которой нельзя было не считаться.

— Дай сигнал построения,— велел он трубачу, дожидавшемуся рядом.

Заслышав горн, всадники натянули поводья и, толкаясь и переругиваясь, выстроились в колонну. Рысью конники двинулись к городу, мимо полей, где трудились полуголые черные женщины, провожавшие войско взглядами.

Вернувшись в Томбалку, Эмерик оставил лошадь на конюшне в казарме и отправился домой. Каково же было его удивление, когда на пороге он увидел колдуна Аскию, о чем-то беседующего с Лиссой. Ее служанка стояла неподалеку, прислушиваясь к разговору.

— А, Аския,— не слишком дружелюбно приветствовал его Эмерик.— Что ты здесь делаешь?

— Я ведаю благополучием Томбалку. А для того мне необходимо задавать вопросы.

— Мне не нравится, когда посторонние задают вопросы моей жене в мое отсутствие.

Аския усмехнулся кривой недоброй ухмылкой.

— Судьба города превыше того, что тебе нравится или нет, белый человек. Прощай, и до встречи!

Колдун двинулся по улице, покачивая перьями. Нахмурившись, Эмерик прошел вслед за Лиссой в дом.

— О чем вы разговаривали? — спросил он.

— О жизни в Газале и как мы познакомились с тобой.

— И что ты ему рассказала?

— Я рассказала, какой ты герой и как ты убил бога Красной Башни.

Эмерик сдвинул брови в задумчивости.

— Лучше бы ты этого не говорила. Не знаю почему, но я уверен, что он желает нам зла. Надо побыстрее найти Конана... Что такое, Лисса, ты плачешь?

— Я... Это от счастья!

— От счастья?

— Ты сказал, что я твоя жена! — Она обняла его, шепча ласковые слова.

— Ну, будет тебе,— произнес он.— Мне следовало подумать об этом раньше.

— Тогда нужно сегодня вечером устроить свадебный пир!

— Обязательно! Но сперва я должен повидать Конана...

— Это подождет! К тому же ты весь грязный и уставший. Сперва поешь, выпей, отдохни, а потом уже пойдешь.

Здравый смысл говорил Эмерику, что пойти надо немедленно. Но он не знал, о чем говорить с Конаном. Несмотря на всю его уверенность, что Аския затевает недоброе, доказательств у него не было никаких. И он поддался на уговоры Лиссы. Пока он ел, пил, принимал ванну и занимался любовью, день подошел к концу. Солнце клонилось уже к закату, когда Эмерик наконец отправился во дворец.

Дворец короля Сакумбе представлял собой просторное строение из необожженного кирпича, из какого сложены все дома в Томбалку, и стоял неподалеку от главной площади. Охрана Сакумбе, знавшая Эмерика в лицо, без слов пропустила его внутрь, в покои, где тонкие листы сусального золота закрывали кирпичные стены и алое солнце отражалось в золоте, слепя глаза. Он пересек обширный двор, где гуляли бесчисленные жены и дети короля, и вошел в личные апартаменты правителя.

Когда он появился там, оба короля Томбалку, черный и белый, возлежали, опираясь на подушки, на широком бакхарийском ковре, покрывавшем мозаичный пол. Перед каждым лежала горсть монет самых разных стран, а у локтя стояла чаша с вином. Раб держался неподалеку, готовый в любой миг вновь наполнить кубки.

Оба правителя выглядели уставшими, глаза у них налились кровью. Похоже, они пили уже не первый час. На ковре перед ними валялась пара игральных костей.

Эмерик церемонно поклонился.

— Государи...

Конан сумрачно покосился на вошедшего. На голове у него был изукрашенный драгоценностями тюрбан, подобный тому, что носил Зехбех.

— Эмерик! Садись и побросай с нами кости. Мне что-то не везет сегодня, может, хоть тебе удача улыбнется!

— Государь, я, право, не могу...

— Брось! Вот тебе ставка!

Ухватив горсть монет, Конан небрежно швырнул их приятелю. Эмерик опустился на ковер, а Конан вдруг вскинул голову, точно его осенила внезапная мысль, и пристально взглянул на Сакумбе.

— Вот что я тебе скажу, брат король,— заявил он.— Бросим каждый по разу кости. Если я выиграю, ты прикажешь армии двинуться на Куш.

— А если выиграю я? — поинтересовался Сакумбе.

— Тогда воины никуда не пойдут, как ты и хотел.

Сакумбе потряс головой и хмыкнул.

— Нет, брат король, тебе меня так просто не поймать. Когда будем готовы, тогда и выступим, но не раньше.

Конан впечатал кулак в ковер.

— Да что с тобой сталось, Сакумбе, дьявол бы тебя побрал! Ты уже не тот, что прежде. Тогда ты был готов на любые приключения, а теперь думаешь только о жратве, женщинах и выпивке. Что тебя так изменило?

Сакумбе икнул.

— В былые времена, брат король, я мечтал стать королем, чтобы у меня было много подданных и вдосталь жратвы, женщин и вина. Теперь у меня все это есть. Зачем же рисковать нажитым ради безумных затей?

— Но нам нужно расширить границы до Западного океана, чтобы получить власть над торговыми путями, идущими с побережья. Ты не хуже меня знаешь, что все богатство Томбалку идет от этих караванов.

— А когда мы разобьем кушитского короля и выйдем к морю, что тогда?

— Тогда? Повернем на восток, покорим ганатские племена и положим конец их разбою.

— После чего, полагаю, ты захочешь двинуться на север или на юг, и так до бесконечности. Скажи мне, приятель, предположим, мы покорили все страны на сто дней пути вокруг Томбалку и собрали богатства больше, чем у стигийских королей. Что мы будем делать потом?

Конан зевнул и потянулся.

— Ну, наслаждаться жизнью, наверное. Рядиться в золото, охотиться и пировать весь день напролет, пить, а по ночам развлекаться с красотками. А в перерывах рассказывать друг дружке байки о своих похождениях.

Сакумбе вновь рассмеялся.

— Если ты и впрямь этого хочешь, так ты уже сейчас так живешь! А если хочешь больше золота, еды, вина или женщин — только скажи мне, и получишь все, чего душа пожелает.

Конан нахмурился и тряхнул головой, бормоча что-то нечленораздельное с озадаченным видом. Сакумбе обернулся к Эмерику.

— А ты, наш юный друг? Ты хотел нам что-то сказать?

— Государь, я пришел просить государя Конана, чтобы он посетил мой дом и подтвердил наш брак с Лиссой. Потом, я надеялся, он согласится побыть на нашем скромном празднестве.

— На скромном празднестве? — переспросил Сакумбе.— Нет, клянусь носом Аджуджо! Мы устроим целый пир, с жареными быками, реками вина, барабанщиками и танцорами! Что скажешь, брат король?

Конан звучно рыгнул и ухмыльнулся.

— Согласен, брат король. Закатим Эмерику такой свадебный пир, чтобы он потом три дня отсыпался!

— Есть еще один вопрос,— заметил Эмерик, слегка напуганный перспективой очередного празднества того же размаха, что так нравился этим королям-варварам, но не зная, как отказаться. Он поведал им о том, как Аския расспрашивал Лиссу.

Оба правителя нахмурились, выслушав рассказ. Наконец Сакумбе сказал:

— Не бойся Аскии, Эмерик. За любым колдуном нужно присматривать, но этот — мой преданный слуга. Да без его колдовства...— Сакумбе обернулся к дверям: — Чего тебе?

Вошедший в покои стражник поклонился:

— Государи, лазутчик из племени тибу просит позволения говорить с вами.

— Давай его сюда,— велел Конан.

Тощий негр в рваном белом бурнусе повалился на пол, едва войдя в комнату. Когда он пал ниц, от одежды его поднялось облачко пыли.

— Государи! — прокаркал он, задыхаясь.— Зехбех ведет на нас афаков! Я заметил их вчера у оазиса Кидесса и скакал всю ночь, чтобы доставить вам эту весть.

Конан и Сакумбе, оба враз протрезвев, вскочили на ноги. Конан обернулся к черному правителю.

— Брат король, это означает, что завтра Зехбех будет здесь. Прикажи, чтобы барабанщики играли сбор.— Сакумбе поспешил позвать стражника и отдать приказ, а Конан обернулся к Эмерику.— А ты бы смог подстеречь афаков на полпути и разбить их?

— Возможно,— осторожно отозвался Эмерик.— У них большое численное превосходство, но пара ущелий к северу вполне годятся для засады...

5

Часом позже, когда солнце уже спустилось над глинобитными стенами Томбалку, Конан и Сакумбе взошли на свои троны, что стояли на помосте на площади. Барабаны отбили призывную дробь, и чернокожие бойцы устремились к месту сбора. Загорелись сигнальные костры. Сотники, украшенные перьями, растолкали простых воинов по шеренгам и собственноручно проверили остроту копья у каждого.

Эмерик, перейдя через площадь, доложил королям, что конница готова выступать к полуночи. Мозг его был полон планов атаки и всевозможных предположений: если афаки не отступят после первого натиска, отступить ли ему, чтобы затем напасть вновь, когда они рассредоточатся для осады, или же...

Он поднялся по ступеням, минуя чернокожих сотников, принимавших королевские распоряжения, и поклонился.

— Государи...— начал он.

Внезапный вопль не дал ему договорить. Аския вскочил на помост и, тыча пальцем в Эмерика, стал кричать королям:

— Это он! Он! Человек, который убил бога! Он убил одного из моих богов!

Негры в изумлении уставились на Эмерика. Белки глаз зловеще засверкали. На лицах были написаны страх и недоумение. Как мог обычный человек убить божество? Тогда он и сам должен быть богом!

— Я требую самого жестокого наказания за святотатство! — продолжал надрываться Аския.— Убийца Оллам-онга

и его девка поплатятся за то, что сотворили! Я подвергну их пыткам столь мучительным, каких еще не видело небо...

— Заткнись! — воскликнул Конан.— Эмерик правильно сделал, что расправился с газальской нечистью, мир от этого стал только почище. А теперь пошел вон! У нас и без того дел хватает.

— Но, Конан,— начал Сакумбе.

— Эти белолицые демоны всегда стоят друг за дружку! — взвизгнул Аския.— Или ты не король больше, Сакумбе? А если король, так прикажи, чтобы их схватили и повязали! Я сам расправлюсь с ними.

— Ну...— Сакумбе был в смятении.

— Послушай! — не выдержал Конан.— Раз в Газале не правит больше этот божок, значит, можно захватить город, заставить жителей работать на нас, использовать их знания. Но сперва убери от меня этого бесноватого, пока я не испробовал на нем остроту клинка!

— Я требую...— выкрикнул Аския.

— Пошел прочь! — взревел киммериец.— Клянусь Кромом, неужто ты думаешь, я отдам старого товарища по оружию на растерзание безумцу?!

Сакумбе наконец приподнялся на троне.

— Ступай, Аския,— повелел он.— Эмерик — добрый воин, и ты его не получишь. Придумай лучше какое-нибудь колдовство, чтобы одолеть Зехбеха.

— Но я...

— Ступай,— повторил король, делая повелительный жест.

От ярости у Аскии на губах выступила пена.

— Хорошо же, я уйду! — выкрикнул он пронзительно.— Но вы двое обо мне еще услышите! — И колдун ринулся прочь.

Эмерик продолжил свой доклад о состоянии конницы. Их постоянно прерывали то гонцы, сновавшие туда-сюда, то явившиеся за распоряжениями сотники, и потому прошло немало времени, прежде чем аквилонец смог изложить королю свой план. Конан сделал пару поправок и заметил:

— По-моему, неплохо, а, Сакумбе?

— Если тебе этот план по душе, брат король, значит, он и вправду хорош. Ступай, Эмерик, и собирай конницу... Ай-е-е-е-е! — Ужасающий вопль вырвался вдруг из глотки Сакумбе, глаза вылезли у него из орбит. Он встал с трона, хватаясь за горло.— Я горю! Горю! Помогите!

Нечто страшное творилось с телом Сакумбе. Хотя не было заметно и следов огня, не было ощущения жара, но

чернокожий и впрямь горел, не хуже, чем если бы его привязали к столбу и разожгли костер. Кожа его покрылась волдырями, затем обуглилась и потрескалась, и вонь горящей плоти наполнила воздух.

— Лейте на него воду! — закричал Эмерик.— Или вино! Что есть под рукой!

Истошные крики рвались из глотки черного короля. Кто-то плеснул на него водой, раздалось шипение, но крики тут же возобновились.

— Кром и Ишгар! — выругался Конан, в ярости озираясь по сторонам.— Надо мне было прибить этого пляшущего демона, не давать ему уйти!

Вопли понемногу прекратились. Останки короля — обугливший ся, искореженный остов, в котором не осталось ничего от Сакумбе,— лежали на помосте в луже расплавленного человеческого жира. Часть сотников в панике бежала, другие рухнули ниц, взывая к многочисленным богам.

Конан схватил Эмерика за запястье с такой силой, что едва не сломал ему руку.

— Надо уходить отсюда, скорее! — вымолвил он негромким напряженным голосом.— Пойдем!

Эмерик не сомневался, что Конан трезво оценивает опасность, которой они подвергались. Вслед за киммерийцем он спустился с помоста. На площади царило всеобщее смятение. Украшенные перьями воины кричали и размахивали руками. То и дело вспыхивали драки.

— Умри, убийца Кордофо! — Пронзительный голос на миг заглушил гомон.

Высокий смуглокожий воин подскочил к Конану, занося для удара короткое копье. Лишь быстрота и ловкость спасли варвара. Киммериец развернулся, пригнулся, и смертоносное копье пролетело над ним, совсем рядом с головой Эмерика, и вонзилось в грудь другого воина.

Нападающий потянулся за вторым копьем, но не успел он метнуть его, как меч Конана вылетел из ножен, блеснул алым в отблесках костра и нашел цель. Негр рухнул наземь с рассеченной грудной клеткой.

— Беги! — выкрикнул Конан.

Эмерик бросился бежать, расталкивая мятущуюся толпу на площади. Кто-то кричал им вслед, кто-то пытался задержать, кто-то бросился в погоню.

Задыхаясь, на подкашивающихся ногах, Эмерик с трудом поспевал за киммерийцем, углубившимся в лабиринт

темных улочек. Позади звуки погони доносились все громче. Переулок, по которому они бежали, совсем сузился. Повернув за угол, Конан внезапно исчез.

— Сюда! Скорее! — донесся до Эмерика его голос. Оказалось, он укрылся в крохотном проеме между домами.

Эмерик скользнул следом и застыл, пытаясь отдышаться, в то время как преследователи с топотом и криками пронеслись мимо.

— Родичи Кордофо,— пробормотал киммериец во тьме.— Они точили на меня зуб еще с тех пор, как Сакумбе разделался с ним.

— И что теперь? — спросил Эмерик.

Конан поднял голову, вглядываясь в узкую полоску ночного неба у них над головой.

— Думаю, мы сможем забраться на крышу,— промолвил он наконец.

— Как?

— Так же, как я взбирался по расселинам в скалах, когда был ребенком. Еще в Киммерии. А ну-ка, держи копье.

Конан протянул Эмерику оружие, и аквилонец догадался, что варвар взял его у убитого им воина. У копья был длинный узкий наконечник в локоть длиной, из мягкой стали, зазубренный к концу. Тонкий стальной отрог под рукоятью уравновешивал оружие.

Негромко крякнув, Конан уперся спиной в одну стену, ногами в другую и потихоньку стал карабкаться вверх. Вскоре сверху донесся его голос:

— Давай сюда копье и подымайся сам.

Эмерик протянул оружие и полез наверх. Крыши были сложены из деревянных брусьев, густо уложенных пальмовыми листьями, а поверх — слоем глины. Порой глина под ногами у них слегка поддавалась, и снизу слышно было, как трещат перекрытия.

Вслед за Конаном Эмерик прошел по крышам, перескакивая через проемы между ними. Наконец они приблизились к большому строению на краю площади.

— Мне нужно вернуться за Лиссой! — взмолился Эмерик в тревоге.

— Не все сразу,— проворчал Конан.— Сперва надо выяснить, что происходит.

Смятение на площади слегка улеглось, сотники вновь выстраивали солдат в шеренги. На помосте перед двумя тронами стоял Аския в полном шаманском облачении и что-то

говорил. Слов Эмерик не расслышал, но был уверен, что тот вещает жителям Томбалку о том, каким он станет хорошим королем.

Шум слева привлек внимание аквилонца. Сперва это был лишь шепот, не громче гула на площади, но вскоре он перерос в оглушительный гомон. Человек, выбежавший на площадь, прокричал Аскии:

— Афаки атакуют восточную стену!

И вновь воцарился хаос. Загрохотали барабаны. Аския принялся отдавать приказы направо и налево. Отряд черных копьеносцев устремился с площади.

Конан обернулся к Эмерику:

— Нам нужно выбираться из Томбалку. Какая бы сторона ни одержала победу, они все равно сдерут с нас шкуру. Прав был Сакумбе, эти люди никогда не пойдут за белым человеком. Беги к себе домой, к Лиссе, и готовьтесь бежать. Натрите руки и лицо золой из очага, чтобы белая кожа не бросалась в глаза в темноте. Бери все деньги, сколько найдешь. А я пока раздобуду лошадей. Если поторопимся, выйдем к воротам, прежде чем их закроют. Надо успеть до того, как Зехбех начнет осаждать город. Только прежде, чем мы уйдем, мне нужно еще кое-что сделать.

Конан уставился вдаль, туда, где перед помостом на площади теснились ряды чернокожих воинов, внимавших воплям обезумевшего Аскии. И поднял копье.

— Далековато, но думаю, что смогу,— проворчал он.

Киммериец медленно отошел к дальнему концу крыши, затем побежал к краю, выходившему на площадь. Не добежав несколько шагов, он размахнулся и мощным броском послал копье вперед. Снаряд растворился во тьме. Три удара сердца Эмерик стоял, застыв в напряженном ожидании.

Аския внезапно вскрикнул и пошатнулся, ухватившись за копье, торчащее у него из груди, затем судорожно замолотил руками по воздуху. Когда колдун осел на землю, Конан прорычал:

— Скорее!

Эмерик бросился бежать, перепрыгивая с крыши на крышу. С востока до них донесся шум битвы, перемежаемый звоном стали, боем барабанов и отчаянными воплями воинов.

Время близилось к полуночи, когда Эмерик, Лисса и Конан остановили лошадей на вершине холма в миле к западу от Томбалку. Они оглянулись на город, освещенный

заревом пожарища. Огонь пришел с востока, там, где афаки проломили городскую стену и схлестнулись в битве с чернокожими копейщиками. Хотя негры значительно превосходили врага числом, у них не было вождя, который мог бы повести их в бой, и потому весь их воинский пыл и отвага пропали втуне. Афаки теснили чернокожих, а пожар тем временем разрастался, охватывая город.

До всадников же шум битвы почти не доносился. Конан хмыкнул:

— Вот и нет больше Томбалку! Не знаю, кто из них победит, но нам придется поискать счастья в другом месте. Я лично двинусь на побережье Куша, у меня там остались друзья,— правда, и враги тоже,— и сяду на корабль в Аргос. А вы?

— Пока не думал об этом,— отозвался Эмерик.

— Девочка у тебя славная.— Конан ухмыльнулся. Лунный свет блеснул на зубах, неестественно ярких на фоне измазанной сажей кожи.— Не можешь же ты таскать ее за собой по всему свету.

Эмерик ощерился, почуяв насмешку в словах Конана. Он притянул Лиссу к себе и обнял за талию, свободную руку демонстративно опуская на рукоять меча. Конан усмехнулся еще шире.

— Не бойся,— бросил он,— у меня никогда не было такой нужды в женщинах, чтобы отбивать их у друзей. Если вы вдвоем отправитесь со мной, то сможете вернуться в Аквилонию.

— Я не могу вернуться в Аквилонию,— ответил Эмерик с грустью.

— Почему?

— Мой отец погиб с стычке с графом Терентием, любимцем короля Вилера, и всем нашим родичам пришлось отправиться в изгнание, чтобы подручные Терентия не расправились и с нами.

— А ты разве не слышал? — удивился Конан.— Вилер умер полгода назад, и теперь королем стал Нумедидес, его племянник. Говорят, он дал отставку всем прихлебателям прежнего короля и призвал на родину изгнанников. Я это слышал от шемитского купца. На твоем месте я бы поспешил домой. Новый король наверняка найдет для тебя теплое местечко. Забирай с собой Лиссу, сделаешь ее графиней! А я опять выйду в море.

Эмерик обернулся, глядя на зарево пожара, поглотившего Томбалку.

— Конан,— спросил он,— но почему Аския убил Сакумбе, а не нас с тобой? Ведь это наша шкура была ему нужна.

Конан повел мощными плечами.

— Может, у него были обрезки ногтей и все прочее только Сакумбе, а не наши. И он вызвал те чары, какие смог. Никогда не мог понять колдунов.

— А стоило ли задерживаться в городе, чтобы его убить? Ведь его прикончили бы и без нас... Все же был очень большой риск!

Конан в недоумении воззрился на аквилонца.

— Ты что, шутишь, Эмерик? Чтобы я оставил смерть товарища неотомщенной? Сакумбе, этот толстый черный плут, был моим другом. И пусть к старости он стал жирным и ленивым, но он был куда лучше многих белых, с кем мне приходилось иметь дело.— Киммериец шумно вздохнул и покачал головой, как лев встряхивает гривой.— Ладно! Он умер, а мы еще живы. И если хотим и дальше оставаться в живых, пора нам трогаться в путь, пока Зехбех не выслал за нами погоню. Поехали!

Трое всадников спустились по песчаному склону холма и рысью двинулись к западу.

Когда Конан добрался до портового города на побережье Куша, там случайно оказался корабль пиратов с Барахских островов, что лежат к юго-западу от Зингары. Морские разбойники охотно приняли опытного воина в свои ряды.

Конан-корсар

Пролог

КРОВАВОЕ ВИДЕНИЕ

За два часа до полуночи дочь зингарского короля Фердруго принцесса Хабела проснулась. Прикрытое тончайшей тканью ее тело дрожало, как в лихорадке. Взгляд принцессы был устремлен в ночную мглу, сердце терзалось мрачными предчувствиями. За окном по крышам дворца барабанил дождь.

О чем же был этот сон, из страшных объятий которого душа принцессы едва смогла вырваться?

Теперь, когда это мрачное видение оставило ее, она с трудом могла припомнить его детали. Отчетливо помнился только мрак, в котором вдруг засверкали полные злобы глаза и заблистали клинки, и тут — тут все обагрилось кровью. Кровь была повсюду: на простынях, на каменных плитах пола, она ползла из-под двери — темная, липкая, густая кровь!

Хабела вздрогнула и стала озираться по сторонам. Ее внимание привлекла свеча, горевшая на невысоком, богато украшенном домашнем алтаре, что стоял у противоположной стены. Пламя освещало изображение Митры, Владыки Света, главного божества кордавского пантеона. Принцесса замерла: божественный промысел — вот что ей нужно. За-

© L. Sprague De Camp.

кутав свое пышное смуглое тело в кружевное покрывало, она направилась к алтарю. Черные как смоль волосы падали на ее плечи полуночным водопадом.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с благовониями. Раскрыв сосуд, принцесса извлекла из него несколько смолистых крупинок и бросила их в пламя. В комнате запахло миррой и нардом.

Хабела воздела руки и склонилась так, словно собиралась молиться, однако с уст ее не слетело ни слова. Душа ее была охвачена смятением столь сильным, что — как ни пыталась принцесса — молиться она не могла.

Она вдруг поняла, что мрак и ужас поселились во дворце не сегодня и не вчера. Старый король неожиданно стал черствым и странным, его занимали только ему одному ведомые мысли. Он стал стареть так быстро, словно им завладел некий призрачный вампир, сосущий сок жизни. Иные из королевских указов, казалось, были написаны под чужую диктовку — они противоречили всему тому, что делалось королем прежде. Кто-то другой смотрел его выцветшими глазами, говорил его хриплым голосом, скреплял подписью указы. Мысль эта при всей ее дикости то и дело приходила принцессе на ум.

Призрак, что внимательно следил за происходящим, казалось, стал уплотняться, стал обретать реальность — и вот дело дошло до видений.

И тут сознание ее проснулось, морок, наполнявший его, внезапно развеялся. Принцесса вдруг поняла, что же так мучало и ужасало ее. Она ясно увидела, что темная сила, обступавшая ее со всех сторон, теперь пыталась завладеть ее душой.

Ужас овладел ею, она содрогнулась от отвращения. Принцесса пала ниц пред алтарем; по каменным плитам разметались ее черные блестящие локоны.

— О Митра, защитник дома Рамиро, милосердный и справедливый, враг зла и порока, молю тебя, помоги мне! Заклинаю тебя, о Владыка Света, скажи — что мне делать?

Поднявшись, она открыла золотой ларец, что стоял рядом с сосудом для благовоний, и вынула из него горсть тонких прутиков сандалового дерева. Одни прутики были длиннее, другие — короче; одни были изогнутыми и разветвленными, другие — прямыми.

Она бросила их перед алтарем. Раздался неожиданно громкий стук. Принцесса склонилась над разбросанными прутиками, и глаза ее округлились от изумления.

Перед собой она увидела ясное *ТОВАРРО.*

— Товарро,— произнесла принцесса вслух,— я должна отправиться к Товарро.— Глаза ее загорелись решимостью.— Клянусь, что я отправлюсь туда сегодня же ночью. Я разбужу капитана Капеллеса.

Бушевала гроза; покои, по которым шла принцесса, то и дело озарялись вспышками молний. В спешке одевшись, она прикрепила к поясу шпагу и накинула на плечи теплый плащ. Движения ее были грациозны и стремительны.

Митра смотрел на нее своими бесстрастными глазами. Но так ли бесстрастен был его взор? Не вплетал ли Митра и свой голос в раскаты грома? Кто знает...

Не прошло и часа, как дочь Фердруго покинула дворец. И это послужило началом целой цепи фантастических событий, в которых странным образом сплелись судьбы могучего воина, страшного колдуна, гордой принцессы и древних богов, что сошлись в смертельной схватке на краю мира.

1

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Дождь лил как из ведра. На мощенных булыжником улочках, что вели к гавани, завывал ветер; он раскачивал вывески гостиниц и таверн. Тощие псы жались к дверным проемам, пытаясь укрыться от дождя и ветра.

Город был погружен во тьму. Лишь несколько окон горело в домах зингарской столицы Кордавы, стоявшей на берегу Западного моря. Луна скрылась за тяжелыми тучами, по небу неслись призрачные рваные облака. То был самый темный час,— час, когда говорят об измене и разбое, когда убийцы в масках и черных перчатках крадутся по темным комнатам, сжимая отравленные ножи. То было время убийств и заговоров.

Сквозь шум дождя и завыванье ветра слышались звуки шагов и бряцанье оружия. На темных улицах несла дозор ночная стража — шестеро вооруженных пиками и алебардами мужчин в плащах и низко надвинутых шляпах. Они старались идти тихо, лишь изредка тишину нарушала певучая зингарская речь. Дозорные внимательно всматривались и вслушивались, однако мысленно они были уже дома, за бутылкой вина...

Стоило дозорным миновать заброшенное стойло с проваленной крышей, как две темные фигуры, таившиеся внутри, ожили. Движения этих людей были бесшумны; один из них вытащил из-под плаща маленький фонарь и осветил им пол конюшни.

Человек с фонарем нагнулся и стал разметать сор. К одной из каменных плит была прикреплена короткая цепочка, заканчивавшаяся бронзовым кольцом. Взявшись за кольцо, неизвестные потянули цепочку на себя. Раздался скрип ржавых петель — каменная дверца открылась. Неизвестные скрылись в подземелье, и плита с глухим ударом вернулась на старое место.

Узкая винтовая лестница круто уходила вниз, в кромешную мглу. Древние истертые ступени были покрыты плесенью, все дышало гниением и упадком.

Люди в черных плащах не спешили — шаги их были бесшумны и осторожны. Лица были скрыты шелковыми масками. Казалось, что по лестнице крадутся привидения; тайные туннели соединяли подземный ход с морем, свежий морской ветерок, гулявший по подземелью, развевал плащи незнакомцев, делая их похожими на огромных летучих мышей.

Над уснувшим городом возвышались башни замка Вилагро, герцога Кордавского. Свет горел только в нескольких узких оконцах — почти все обитатели замка спали.

В нижнем этаже замка горел высокий золотой светильник, напоминавший перевившихся змей; здесь сидел человек, изучавший пергаменты.

Владелец замка не поскупился на украшение каменных сводов. Сырые стены были завешены яркими гобеленами. На холодном каменном полу лежал толстый мягкий ковер, узорчатый и многоцветный; его ткали в далекой Вендии.

На низком столике, украшенном искуснейшей резьбой, стоял большой серебряный поднос с вином из Кироса, фруктами и сластями.

И стол, за которым читал человек, был тоже привезен издалека — резьба на нем ясно указывала на школу мастеров Аквилона, страны, лежавшей к северо-востоку от Зингары. Письменный прибор с павлиньим пером был выполнен из хрусталя и золота. Прессом для бумаг служил тонкий клинок.

За столом сидел человек лет пятидесяти, худощавый и изящный. Одет он был необычайно изысканно: бирюзовый вельветовый камзол не скрывал белья тончайшего полотна нежно-абрикосового цвета, пена кружев на запястьях отте-

няла громадные бриллианты, сверкавшие на каждом из холеных, длинных пальцев. На ногах, обтянутых черным шелковым трико, красовались искусно отделанные драгоценными камнями мягкие сапожки из кордавской кожи.

Его возраст выдавали обвислые щеки и темные мешки под быстрыми холодными глазами. Поэтому ни окрашенные волосы, ни слой пудры на лице никак не молодили его.

Его рука, сверкавшая изумрудами, небрежно играла с пергаментами, испещренными тонкими письменами и скрепленными алыми печатями. Он нетерпеливо постукивал носком правой ноги и беспрестанно взглядывал на клепсидру — старинные водяные часы, украшавшие стол. Время от времени он оглядывался на тяжелую шпалеру, прикрывавшую угол комнаты.

Здесь же, у стола, неподвижно застыл чернокожий раб со сложенными на груди мускулистыми руками. Огни светильника поблескивали, отражаясь на выпуклых мышцах черного тела и тяжелых золотых серьгах, украшавших вытянутые мочки ушей. Раб был вооружен кривой саблей, выглядывавшей из-под его алого кушака.

Часы пробили два часа пополуночи.

Со сдавленным проклятием человек отбросил от себя хрустящий пергамент. И в тот же миг гобелен был откинут в сторону невидимой рукой; за ним открылся потайной ход. Из темноты появились два человека в черных масках и черных плащах. Один из них держал в руке небольшой фонарь. С промокших насквозь одежд вошедших стекала вода.

Человек, сидевший за столом, положил ладонь на рукоять кинжала, лежавшего на столе; раб, уроженец страны Куш, схватился за саблю. Однако когда гости вошли в комнату и сняли маски, хозяин комнаты успокоился.

— Все в порядке, Гомани,— сказал он негру, и тот, сложив руки на груди, вновь замер.

Сбросив плащи на пол, гости низко поклонились. Голова первого была гладко выбрита. Молитвенно сложив руки, он поклонился вторично.

Второй отвесил изысканный придворный поклон и внятно прошептал:

— О мой герцог!

Выпрямившись, он небрежно положил руку на драгоценный эфес своего длинного меча. Это был высокий темноволосый человек; хищное лицо его имело болезненный цвет. Его тонкие черные усики казались нарисованными.

В движениях чувствовались манерность и вычурность — он походил скорее на пирата, чем на придворного вельможу.

Вилагро, герцог Кордавы, смерил высокого зингарца ледяным взглядом.

— Мастер Зароно, я не привык ждать,— процедил он сквозь зубы.

Вновь последовал вычурный поклон.

— Тысяча извинений, ваша милость! Поверьте, я ни за что не стал бы вас тревожить!

— Тогда почему же ты опоздал на целых полчаса, сударь?

— Пустяк, абсолютная глупость.

Человек с выбритым по-монашески черепом вставил:

— У нас вышел скандал в таверне, мой герцог.

— Что? Скандал в питейной лавке?! Бездельники, вы что, с ума посходили? Как это вышло?

Щеки Зароно порозовели, он метнул на монашка взгляд, полный ненависти, тот же смотрел на него совершенно невозмутимо.

— Сущие пустяки, ваша светлость! Дело таково, что совершенно не стоит вашего внимания.

— Мне это решать, Зароно,— ответил герцог.— Не исключено, что наш план раскрыт. Ты уверен в том, что эта... эта неприятность... не была подстроена? — Герцог нервно сжал руки, костяшки его пальцев побелели.

Зароно хмыкнул.

— Ну что вы, мой герцог. Вы, наверное, слышали об этом болване по имени Конан — он командует зингарским капером, похоже, забыв о том, что его родила киммерийская шлюха.

— Никогда не слышал об этом мошеннике. Продолжай.

— Я же сказал вам, все это пустяки. Я пришел в гостиницу «Девять Обнаженных Мечей», для того чтобы встретиться с праведным Менкарой. Заметив отменный кусок мяса, жарившийся на вертеле, я решил убить сразу двух зайцев. Как вы, наверное, знаете, я не привык попусту тратить время и потому тут же подозвал к себе Сабрала, хозяина таверны, и приказал ему подать мне жаркое. И тут этот гнусный киммериец посмел заявить, что это, мол, его ужин. Если в человеке есть хоть капля благородства, он не станет терпеть...

— Говори короче! Что у вас там случилось?

— Сначала мы спорили, ну а затем от слов мы перешли к делу.— Зароно пощупал синяк, вздувшийся под глазом, и довольно хмыкнул: — Этот парень здоров как бык, но, ду-

маю, и ему от меня перепало. Только я хотел преподать этому деревенщине урок фехтования, как хозяин вместе с посетителями разняли нас и растащили по сторонам — каждого из нас держало человек пять. И тут в таверне появился святой отец Менкара — он-то нас и успокоил. Так что, как видите...

— Я все понял. Похоже, это действительно случайность. И все же на твоем месте я бы избегал запаха жареного. Подобного я больше не потерплю! Ну да ладно, теперь к делу. Насколько я понимаю, рядом с тобой...

Зингарец стал теребить усы.

— Простите мне мои дурные манеры, ваша светлость. Позвольте представить вам праведного Менкару, жреца Сета, ставшего нашим активным сторонником,— и это, позвольте заметить, всецело моя заслуга.

Человек с выбритой головой вновь поклонился. Вилагро ответил ему легким кивком головы.

— Почему вы так настаивали на личной встрече, святой отец? — спросил герцог.— Я предпочитаю работать через моих агентов, таких, как Зароно. Может быть, вас что-то не устраивает? Вы хотите большего вознаграждения?

Взгляд лысого стигийца оставался недвижным.

— Золото — ничто, хотя в этом низменном плане бытия оно и потребно для поддержания бренной человеческой оболочки. В согласии с нашей верой этот мир является иллюзией — маской, скрывающей лик хаоса... Впрочем, я зря говорю все это, мой герцог. Теологическими штудиями я мог бы заниматься у себя на родине, здесь же я не для этого, не так ли? — Стигиец изобразил на лице некое подобие улыбки.

Герцог Вилагро испытующе посмотрел на него.

Менкара продолжал:

— Я говорю о вашем намерении склонить старого короля Фердруго к тому, чтобы он отдал свою дочь, принцессу Хабелу, за вашу светлость. И в этой связи мне на ум приходит речение: «Заговор и предательство в крови у зингарцев».

Шутка эта не показалась Вилагро уместной.

— Да, да, все это я уже слышал. Лучше скажи, как идут наши дела? Как настроены наши жертвы?

Стигиец пожал плечами.

— Хвастаться мне особенно нечем. Управлять Фердруго несложно, ибо он стар и дряхл. Я столкнулся с препятствием совсем иного рода.

— Хотелось бы узнать, каким именно?

— Король полностью подвластен моей воле: стоит мне захотеть, и он отдаст свою дочь за вас; но вот только принцесса — видимо, памятуя о том, что вы много старше ее,— отказывается от этого.

— Так возьми же под свой контроль и ее разум, скотина лысая! — заорал Вилагро, явно задетый тем, что был упомянут его возраст.

Холодные искры вспыхнули в тусклых глазах стигийца, но он тут же отвел взгляд в сторону.

— Сегодня ночью именно этим я и занимался,— пробормотал он.— Когда принцесса заснула, я вошел в ее сны. Она молода и сильна. Взять ее мозг под контроль было очень непросто. Когда же я наконец смог обратиться к ее спящей душе, неожиданно для самого себя я стал терять контроль над разумом короля. Я тут же оставил девушку и вернулся к ее отцу. Она проснулась в ужасе и — хотя она ничего не помнит — в тревоге. В этом-то и состоит названное препятствие. Я не могу управлять и королем, и принцессой одновременно.

Жрец внезапно замолчал, заметив гневный взгляд герцога.

— Так это был ты, паршивый пес! — закричал Вилагро.

Глаза стигийца наполнились удивлением и тревогой.

— Что вы хотите этим сказать, ваша светлость? — пробормотал он. Зароно был удивлен не меньше жреца.

Герцог еле слышно выругался.

— Как могло случиться, что мой коварный агент и мой велемудрый маг не знают того, о чем говорит уже весь город? — Герцог вновь перешел на крик: — Идиоты, неужели вы не знаете о том, что принцесса исчезла?

План Вилагро был прост. Король Фердруго был уже слишком стар и немощен для того, чтобы править страной; преемником его должен был стать супруг принцессы Хабелы. Кто же, как не Вилагро, должен был стать им — во всей Зингаре не было равных ему в богатстве и влиянии.

Своим подручным Вилагро сделал капитана капера Зароно, человека благородного происхождения, репутация которого была подпорчена темным прошлым. Он поручил Зароно отыскать колдуна, который смог бы управлять мыслями и поступками стареющего монарха. Коварный Зароно остановил свой выбор на Менкаре, последователе запрещенного законом стигийского культа Сета. Однако побег Хабелы со-

рвал все планы герцога. Какой толк управлять королем, если дочери его, с которой Вилагро должен был обручиться, нет?

Собрав всю свою волю, Менкара обратился к герцогу:

— Если вашей светлости будет так угодно, я, используя свои скромные познания в оккультных науках, смогу узнать, где сейчас находится принцесса.

— Чего же ты ждешь, действуй,— угрюмо буркнул герцог.

Повинуясь жрецу, Гомани принес из камеры пыток бронзовую треногу и уголь. Ковер был убран. Из-под своей мантии стигиец извлек большую сумку, в которой было множество отделений. Из нее он достал светящийся зеленоватый мелок и стремительными движениями нарисовал на полу змея, кусающего собственный хвост. В это же время раб развел на треноге огонь. Через несколько минут угли, лежавшие на ней, раскалились докрасна.

Жрец достал из сумки хрустальный фиал с ароматной зеленой жидкостью и облил ею раскаленные угли. Угли зашипели подобно змеям, и резкий пряный запах наполнил комнату. Бледно-зеленые струйки дыма, извиваясь, поползли к потолку.

Скрестив ноги, жрец сел внутрь зеленого круга. Раб загасил светильник, и комната погрузилась в полумрак. Видны были только раскаленные угли, светящийся круг и желтые глаза колдуна, походившие на глаза ночного зверя.

Стигиец заговорил, сначала тихо, затем — все громче и громче.

— Яо, Сетеш... Сетеш, Яо! Абратакс кураим мизраэт, Сетеш!

Резкие шипящие звуки потонули в неясном бормотании, и наконец все звуки смолкли. Слышно было только дыхание стигийца. Жрец впал в транс, его желтые глаза медленно закрылись.

— Митра! — воскликнул Зароно и тут же замолчал, почувствовав, что герцог схватил его за руку.

Дым висел над комнатой светящимся зеленоватым облаком. Он стал менять яркость — то тут, то там появлялись и гасли светлые и темные пятна. И тут Вилагро и Зароно увидели прямо перед собой ночное море, по которому плыло небольшое суденышко. На палубе корабля стояла юная дева. Ветер развевал ее длинный плащ...

— Хабела! — воскликнул Вилагро.

Возглас его, похоже, разрушил чары — картина тут же стала блекнуть. Угольки зашипели и погасли. Жрец рухнул на пол.

Глоток вина вернул Менкаре силы.

— Куда же она направляется? — спросил Вилагро.

Стигиец задумался.

— Она думала об Асгалуне. Может быть, вы, ваша светлость, понимаете, в чем тут дело?

— Это земля, которой ныне правит брат короля Товарро. Некогда он был королевским посланником и мотался по всему Шему, ну а затем...— Герцог на миг задумался, но тут же продолжил: — Кажется, я понимаю, в чем дело. Она убедит Товарро в том, что ему необходимо вернуться в Кордаву. Если же этот выскочка окажется здесь, всем нашим планам придет конец... Послушай меня, святой отец, контролировать короля и принцессу ты не в силах, верно? Тогда скажи мне, что же нам делать?

Зароно протянул руку к серебряному подносу.

— Ваша светлость позволит?

Вилагро кивнул. Взяв с подноса яблоко, Зароно усмехнулся и сказал:

— Я думаю, нам следует найти другого мага.

— Похоже, ты прав,— согласился герцог.— Ты можешь кого-нибудь порекомендовать, жрец?

Стигиец надолго погрузился в молчание. Наконец он поднял глаза и заговорил:

— Глава моего ордена, величайший из всех воплощенных в мире магов, великий Тот-Амон сможет помочь вам.

— Где он находится сейчас?

— Он живет у себя на родине в Стигии, в маленьком местечке, называемом Оазис Хаджар. Но должен предупредить вас, ваша светлость, таланты Тот-Амона столь велики, что обычная плата ему не подходит.— Жрец криво улыбнулся.— Людишки, подобные мне, страждут золота, он же куда выше всех нас — Тот-Амон владеет и своими страстями, и всеми тайнами мира. Тому, кто повелевает духами Земли, богатство ни к чему.

— Что же может соблазнить его?

— Одна-единственная мечта владеет сердцем Тот-Амона,— продолжил жрец вкрадчивым голосом.— Несколько столетий тому назад на этих землях сошлись последователи двух культов — культа презренного Митры и культа великого Сета. Так уж было угодно судьбе, чтобы наш культ пал —

митраиты восторжествовали над нами. Поклонение Змею было объявлено противозаконным, а людям нашего ордена пришлось отправиться в изгнание. Если ваша светлость поклянется в том, что он повергнет все храмы Митры и выстроит на их месте храмы Сета, так что Сет будет назван величайшим из богов, Тот-Амон станет вашим союзником.

Герцог стал покусывать губы. Боги, храмы и жрецы существовали для него постольку, поскольку храмовые власти должны были платить ему дань.

— Да будет так,— наконец сказал он.— Я могу поклясться в этом именем любых богов и демонов, ведомых твоему хозяину. Теперь слушайте меня внимательно. На рассвете вы отправитесь в плавание. Ваш корабль возьмет курс на юго-восток и догонит корабль принцессы. Ее вы должны будете схватить, корабль же должен быть потоплен вместе с командой — свидетели нам не нужны. Твой «Петрель», Зароно, легко нагонит «Королеву Морей». Захватив принцессу, вы отправитесь в Стигию. Ты, Менкара, отведешь людей в твердыню Тот-Амона и выступишь в роли моего посланника. Посвятив его в наши планы, ты вернешься в Кордаву вместе с ним и принцессой. Вам все понятно? Тогда — за дело!

2

КЛИНОК ВО ТЬМЕ

Уже начинало светать. Дождь прекратился. По небу неслись рваные облака. Звездочки, еще видневшиеся на западе, отражались в грязных лужах.

Зароно, капитан капера «Петрель» и тайный агент герцога Кордавы, угрюмо брел по темной улочке. Драка с могучим киммерийским пиратом, помимо прочего, лишила Зароно и ужина. Не улучшила ему настроения и беседа с хозяином, чертыхавшимся через каждое слово. И наконец, ему просто хотелось спать. Капли, срывавшиеся с крыш, то и дело падали за шиворот. Подняв полы плаща, Зароно обходил бесчисленные лужи, думая о том, на ком бы сорвать свою ярость. Рядом с ним брел безмолвный Менкара.

Тощий человечек, из-под обтрепанной рясы которого виднелись голые ноги, бежал по бесконечным улицам, едва удерживая равновесие на мокрых булыжниках мостовой. Его

сандалии громко шлепали по лужам. Одной рукой он прижимал к тощей груди заплатанный платок, в другой держал горящую просмоленную веревку, заменявшую ему фонарь.

На ходу он читал утреннюю молитву, обращенную к Митре. О смысле ее он не думал — голова его была занята чем-то иным. Нинус, младший служитель храма Митры, спешил по темным улицам навстречу своей судьбе.

Он проснулся задолго до рассвета и, проскользнув мимо наставника, сбежал из храма. Нинус спешил к кордавской гавани, где его ждал иноземный корсар Конан-киммериец.

Нинус выглядел весьма неприятно: ноги были тонкими как спички, нос — непомерно велик. Обтрепанная митраитская мантия, похоже, никогда не стиралась, помимо прочего, она была залита и вином, пить которое монахам строго-настрого запрещалось. Когда-то — еще до того, как Нинус узрел свет Митры,— он был одним из самых искусных воров Хайборийских земель, именно тогда он и познакомился с Конаном. Этот гигант, никогда не отличавшийся особенной набожностью, в свое время тоже был вором, и потому Нинус прекрасно ладил с ним. Нинус добровольно принял монашеский сан, однако совладать со своей плотью ему было сложно — уж слишком весела была прежняя жизнь.

Монашек прижимал к груди свиток, который должен был сделать его богатым. Корсар искал сокровища, Нинусу же нужны были деньги. Картой этой Нинус владел издавна. Когда-то, глядя на нее, он мечтал о том, что проследует указанным на карте путем и станет сказочно богатым; однако с той поры много воды утекло, и сам он стал не таким, как прежде,— не к лицу монаху гоняться за сокровищами...

Картины, одна соблазнительней другой, представлялись его сознанию: вино, пиры, женщины,— и все это в обмен на клочок истлевшего пергамента; с этими мыслями он свернул за угол и столкнулся с двумя незнакомцами в черных плащах. Он смущенно извинился перед высоким сухопарым человеком, плащ которого оказался втоптанным в грязь, и перевел глаза на его спутника.

— Менкара, слуга Сета,— изумленно воскликнул Нинус,— как посмел ты, змеиное отродье, прийти в этот город?! — Исполнившись праведного гнева, монашек принялся звать стражников.

Зароно выругался и хотел было ускорить шаг, но стигиец остановился как вкопанный.

— Этот выродок узнал меня! — зашипел Менкара.— Убей его, иначе не миновать беды!

Зароно на мгновенье замешкался, но тут же вынул кинжал. Служку ему жалко не было, отвечать же на вопросы стражей как-то не хотелось.

Клинок блеснул в занимавшемся свете утра. Нинус охнул и повалился на мостовую. Изо рта его сочилась кровь.

Стигиец сплюнул.

— Скоро мы разделаемся с вашим проклятым племенем!

Дрожащими руками Зароно вытер клинок о мантию монашка.

— Бежим! — прохрипел он.

Но тут стигиец заметил, что ряса монашка странно топорщится. Склонившись над неподвижным телом, он достал из-под рясы пергаментный свиток и развернул его.

— Какая-то карта,— изумился маг.— Похоже, я смог бы разгадать...

— Потом, потом! — зашипел Зароно.— Того и гляди стражники припрутся!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Через минуту их уже и след простыл. Небо начинало розоветь.

Конан чувствовал себя не в своей тарелке: вино было дрянным, драка с Зароно ничем не закончилась, теперь еще и Нинус куда-то запропастился. Он мерил шагами продымленную гостиничную комнатку с низкими потолками. С вечера в «Девяти Обнаженных Мечах» было людно, теперь же здесь оставалось всего несколько посетителей. В углу сидело трое пьяных матросов — один из них спал, двое же других распевали на удивление нескладную песню.

Свеча догорала. Нинус опаздывал уже на несколько часов. Похоже, с монашком стряслось что-то неладное: к чему к чему, а к деньгам он никогда не опаздывал. Конан разыскал хозяина и проревел ему на ухо:

— Сабрал! Подышу-ка я свежим воздухом. Если меня будут спрашивать, скажи, что я скоро буду.

Дождь закончился, время от времени с крыш срывались крупные капли. Облачный покров, что совсем недавно казался сплошным, уже рассеивался. Показалась луна; лунный диск был уже бледен — начинался рассвет. Над лужами висели облачка пара.

Гневно ругаясь, Конан зашагал по мостовой — он решил обойти квартал, примыкающий к гостинице. Конан честил Нинуса на чем свет стоит. Из-за этого обормота он пропустил утренний бриз, с которым намеревался покинуть на

своем «Вастреле» кордавскую бухту. Теперь придется выводить корабль на веслах.

Внезапно Конан замер. На мокрой от дождя мостовой он увидел распластанное тело.

Он огляделся по сторонам в надежде увидеть преступников, но улицы были пустынны. Конан раздвинул полы плаща и расстегнул ножны. В этой части старого города убийства были привычным делом. Полуразрушенные лачуги узких улочек были населены ворами, убийцами и прочим сбродом. Если ты видишь труп, значит, рядом может быть и убийца — этому Конана научила жизнь, и потому в подобных случаях он был особенно осторожным.

Крадучись, подобно леопарду, Конан приблизился к неподвижному телу и опустился на колени. Осторожно взяв человека за плечо, киммериец перевернул его на спину. Одежды человека были залиты кровью. Капюшон рясы открылся, и Конан увидел лицо монаха.

— Кром! — воскликнул киммериец.

Да, это был ставший монахом уроженец Мессантии Нинус.

Быстрыми движениями киммериец обыскал распластанное перед ним тело. Карта, которую Нинус собирался продать ему, бесследно исчезла.

Конан сел на корточки и задумался; чело его нахмурилось. Кому помешал этот жалкий монашек, у которого и взять-то нечего? Вряд ли у него могло быть что-либо, кроме карты. Поскольку карта исчезла, неведомый убийца мог совершить свое преступление именно для того, чтобы овладеть ею.

Солнце вышло из-за горизонта, осветив башни древней Кордавы. Глаза Конана загорелись синевою. Крепко сжав покрытый шрамами кулак, огромный киммериец поклялся отомстить неведомому убийце.

Бережно подняв крохотное тело Нинуса, киммериец взвалил его себе на плечи и огромными скачками понесся к гостинице. Ворвавшись в залу, Конан заорал:

— Сабрал! Комнату и врача! И быстро!!!

Хозяин гостиницы знал, что киммериец ждать не любит. Без лишних слов хозяин поспешил вверх по шаткой лестнице, пригласив Конана следовать за ним.

Сидевшие в зале проводили киммерийца изумленными взглядами. Он был настолько огромен, что походил на великана. Длинная грива черных грубых волос оттеняла смуглое, покрытое шрамами лицо. Щеки были гладко выбриты. Из-

под видавшей виды матросской шапки глядели пронзительно-синие глаза. Пират нес тело взрослого человека с такой легкостью, словно тот был младенцем.

В таверне не было ни одного матроса с корабля киммерийца. Об этом Конан позаботился заранее — еще тогда, когда договаривался с Нинусом о встрече. Киммерийцу не хотелось, чтобы команда до срока узнала о существовании карты.

Сабрал отвел Конана в комнату, предназначавшуюся для приема знатных гостей. Конан хотел было положить тело Нинуса на кровать, но тут хозяин ойкнул и, извинившись, снял с постели покрывало.

— Ни к чему пачкать кровью мое лучшее покрывало! — сказал он.

— К черту покрывало! — проревел Конан и бережно положил тело на кровать.

Сабрал стал складывать покрывало, киммериец же занялся Нинусом. Монашек едва заметно дышал, сердце его билось неровно.

— Уф, он все-таки жив,— с облегчением вздохнул Конан.— Слушай, хозяин, слетал бы ты за пиявками! Ну чего ты пялишься на меня, как идиот,— тебе еще раз все объяснить?

Сабрала как ветром сдуло. Конан раздел Нинуса до пояса и, как мог, перевязал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Сабрал появился в комнате в сопровождении позевывающего врача, одетого в ночную рубашку; из-под его ночного колпака выбивались вихры седых волос.

— Преискуснейший доктор Кратос! — представил врача Сабрал.

Доктор снял повязку, наложенную Конаном, прочистил рану и вновь перевязал ее чистой тканью.

— К счастью, нож прошел мимо сердца и не задел артерии, повреждено только легкое. При надлежащем уходе больной быстро встанет на ноги,— сказал доктор.— Кто мне заплатит за него, капитан,— я полагаю, вы?

Конан утвердительно хмыкнул. Несколько глотков вина вернули Нинуса в сознание. Он был очень слаб и потому говорил еле слышно:

— Я бежал — и наткнулся на них. Один из них — Менкара, служитель бога Сета. Я стал звать стражников, и тогда Менкара сказал тому, другому: убей его, убей...

— Скажи мне, кто был с Менкарой? — спросил Конан.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это был капитан Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Это тот самый наглец, с которым пару часов назад они едва не сцепились. Может быть, Зароно знал о его встрече с Нинусом и о том, что монашек принесет с собою карту? Все указывало на коварный заговор, имевший целью выведать тайну клада.

Конан встал, лицо его пылало гневом.

— Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет! — проревел он.

Киммериец достал из кошелька полную горсть монет и высыпал в ладони доктору. Другая горсть досталась Сабралу.

— А теперь послушайте меня! — сказал Конан.— Ему нужен настоящий уход, и ухаживать за ним я попрошу именно вас. Все ваши расходы я оплачу по возвращении; если же я узнаю, что вы относились к нему без должного внимания, то пеняйте на себя! Да, если вдруг Нинус умрет, похороните его как подобает — со всеми церемониями и обрядами. Ну а теперь я покидаю вас.

Он бесшумно выскользнул из комнаты, сбежал по лесенке вниз и, легко распахнув тяжелую входную дверь гостиницы «Девять Обнаженных Мечей», вышел на улицу. Шаг его был стремителен; тяжелый черный плащ хлопал на ветру.

Когда солнце позолотило мачты и реи кораблей, гавань уже не спала. Матросы карабкались по такелажу, офицеры орали в свои пергаментные рупоры, скрипучие деревянные подъемники, приводимые в действие мускулистыми руками портовых рабочих, сгрудившихся у ворот, переносили грузы с пирса на палубы.

Конан вышел на берег. В ответ на его вопрос капитан портовой охраны сообщил ему, что корабль Зароно «Петрель» покинул гавань еще до того, как солнце вышло из-за горизонта,— «Петрель» обогнул восточный рог бухты и исчез из виду. Киммериец достаточно неучтиво поблагодарил стражника, резко развернулся и понесся к трапу своего галеона, носившего имя «Вастрель».

— Зельтран! — заорал киммериец.

— Слушаюсь, капитан! — тут же отозвался его помощник, который в это время командовал загрузкой провианта в трюм. Зельтран был невысок и полон; как истинный зингарец, он носил роскошные черные усы. Несмотря на полноту, двигался он с легкостью кошки.

— Построй наших бездельников на палубе и объяви перекличку! — приказал Конан.— Мы отчаливаем!

Вскоре на шкафуте собралась почти вся команда. По большей части это были смуглые зингарцы, иностранцев почти не было. Отсутствовало трое. Конан приказал юнге обойти все близлежащие притоны и во что бы то ни стало привести нарушителей на борт. Все же остальные занялись погрузкой, которая пошла куда живее, ибо руководил ею сам Конан.

Вскоре отсутствовавшие взошли на палубу; тогда же закончилась и погрузка. Галеон отдал швартовы и отвалил от пристани. Шлюп, в который сели восемь гребцов, повел галеон в открытое море. Стоило парусам наполниться ветром, как шлюп был поднят на борт.

Поймав ветер, паруса «Вастреля» надулись; галеон уверенно набирал скорость. Корабль плавно и ритмично покачивался на морских волнах; крик чаек мешался с плеском волн, скрипом снастей и шумом ветра.

Конан стоял на шканцах, угрюмо созерцая горизонт. Положив галеон на курс, заданный Конаном, и организовав вахту, Зельтран поднялся к киммерийцу.

— Итак, мой капитан,— вымолвил он,— куда лежит наш путь на этот раз?

— Тебе знаком корабль Черного Зароно? — спросил Конан.

— Вы говорите о том корыте, что отчалило еще до рассвета? Ну как же мне его не знать. Говорят, что капитан «Петреля» Зароно — искусный мореход, но подлец, каких поискать. Происхождения он благородного, но об этом люди стараются не вспоминать — уж больно много на его счету грязных дел; что до людей благородных, то те попросту сторонятся его. Вот он и стал пиратом. Скажите, капитан, вы что, поссорились с ним? С Зароно так просто не сладишь...

— Если ты прикусишь свой язык, пустомеля, я расскажу тебе все.

Конан рассказал Зельтрану о событиях прошедшей ночи — о Нинусе, карте и Зароно.

— Если я смогу нагнать его в открытом море,— продолжил киммериец,— сладко ему не придется. «Петрель» побольше «Вастреля», но и ход у него потяжелее.

— В том, что мы сможем его догнать, я нисколько не сомневаюсь,— сказал Зельтран, молодецки закрутив ус.— Что до меня, то я могу уложить шестерых одним ударом. Но послушайте меня, капитан, не лучше ли будет, если мы

будем следить за ними, держась поодаль,— Зароно, сам не зная того, приведет нас к цели, верно?

Конан метнул на своего помощника взгляд, полный гнева. Но тут же сменил гнев на милость и, улыбнувшись, похлопал Зельтрана по плечу.

— Клянусь Кромом и Мананнаном, крошка,— довольно проревел киммериец,— ты не зря получаешь свое жалованье! — Конан посмотрел наверх, туда, где группа матросов застыла в ожидании команды поднять марсель.— Отставить! — закричал киммериец.— Спускайтесь вниз! — Он вновь повернулся к Зельтрану.— Мы нагоним их и без марселя, Зароно же может его заметить. Помнится, ты говорил мне о человеке с орлиным зрением — кто это?

— Риего из Хериды.

— Точно. Пусть он взберется на марс и расскажет нам о том, что увидит.

Вскоре юный зингарский матрос уже стоял на марсе, обратившись лицом на юго-восток.

— Прямо по курсу вижу галеон. Виден только марсель, когда же корабль поднимается на волне, открывается и сам корабль — он выкрашен в черный цвет.

— Это «Петрель»,— удовлетворенно заметил Конан.— Так держать, рулевой! — Он повернулся к Зельтрану, продолжавшему крутить свой ус.— Днем мы будем держаться на приличном расстоянии, ночью подплывем поближе — так, чтобы были видны бортовые огни «Петреля». Если нам повезет, Зароно нас не заметит.

Конан улыбнулся, в глазах его зажглись веселые искорки. Киммериец облегченно вздохнул. Вот она, жизнь: под тобою палуба, рядом с тобой полсотни преданных тебе проходимцев, вокруг море, а впереди — враг!

На всех парусах «Вастрель» шел по следу «Петреля» — не был поднят лишь марсель. Солнце стояло уже высоко. Средь бирюзовых волн резвились игривые дельфины.

3

ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЕЙ»

Каравелла «Королева Морей», королевское прогулочное судно, вышла из пролива, отделявшего берега Зингары от Барахских островов. Барахский архипелаг был известен сво-

ими пиратами — по большей части уроженцами Аргоса; однако на сей раз Западное море было пустынным. Позади осталась и граница, разделявшая земли Зингары и Аргоса.

Они плыли все дальше на восток, стараясь не терять из виду берега Аргоса. Следуя указаниям Хабелы, капитан Капеллес взял курс на порт, но решил не отслеживать береговую линию.

На это было две причины. Во-первых, они должны были как можно быстрее достичь берегов Шема, на которых стоял Асгалун. Во-вторых, так они не подвергали себя риску оказаться замеченными с берегов Аргоса, так же как и с Барахских островов, кишевших пиратами.

Ближе к полудню у горизонта появилось темное судно, следовавшее за ними. Через пару часов оно приблизилось достаточно близко для того, чтобы один из матросов, известный своей зоркостью, смог разглядеть его.

— Бояться нечего, моя госпожа,— сказал капитан Капеллес.— Это капер, состоящий на службе у нашего короля. По всей видимости, это «Петрель» — корабль капитана Зароно.

Хабелу, однако, это не успокоило. Казалось, от этого черного массивного галеона, что становился все ближе и ближе, исходит нечто зловещее. Впрочем, то, что этот корабль следовал тем же курсом, что и «Королева Морей», могло быть и простым совпадением.

То, что кораблем командовал Зароно, принцессе тоже не понравилось. Она была практически не знакома с этим человеком и видела его лишь во время дворцовых церемоний, однако она не единожды слышала о его зловещих деяниях. Одна из ее подруг, Эстреллада, говорила принцессе о том, что Зароно безумно влюблен в Хабелу. Тогда Хабела не придала ее словам никакого значения, ибо в кого же еще, как не в свою принцессу, могут влюбляться придворные? Разве найдется среди них хоть один, кто не желал бы стать королем?

Хабела окончательно укрепилась в своих подозрениях. Шел уже третий день плавания, и ее исчезновение наверняка было известно всем. Можно было представить, какая суматоха стоит сейчас во дворце.

Хабела поплыла на королевском корабле, пропажу которого нельзя было не заметить, и тем выдала себя с головой. Поскольку она не могла отправиться ни на север, к пустынным диким берегам страны пиктов, ни на запад, где рас-

стилалась безбрежная океанская ширь, она могла поплыть только на юго-восток, к Аргосу, к городам-государствам Шема, к зловещему Стигийскому царству, за которым начинались земли, населенные людьми с черной кожей.

Паника, вызванная ее исчезновением, могла пробудить от долгого летаргического сна и ее отца, короля Фердруго. Король мог послать Зароно ей вослед, с тем чтобы вернуть свою дочь-беглянку домой.

Хабела пробормотала что-то невнятное и отвернулась от капитана. Какое-то время она расхаживала по палубе, затем, опершись на перила, покрытые изображениями дельфинов и тритонов, потрясающих трезубцами, стала смотреть на преследовавший их корабль. Она боялась оторвать от него взгляд, словно подпав под неведомые чары.

«Петрель» постепенно приближался, рассекая своим тупым носом морские валы. «Если он не замедлит ход,— подумала Хабела,— через полчаса он сравняется с нами и отнимет у "Королевы Морей" ветер».

Принцесса неплохо разбиралась в морском деле. В отличие от своего отца, который питал к морю отвращение и никогда не приближался к «Королеве Морей», она провела на ее борту все свое детство. Лишь в последние годы, когда она уже стала девушкой, отец запретил ей надевать матросскую одежду и лазать по такелажу.

Принцесса сперва задрожала, но тут же справилась с собой и успокоилась. Пока намерения капитана были неясны. Вряд ли этот зингарец безумен настолько, чтобы напасть на корабль самого зингарского короля.

И тут на залитую солнцем палубу легла тень. Она имела странный темно-зеленый цвет — все вокруг погрузилось в жутковатую изумрудную дымку.

Принцесса подняла голову, но не увидела над «Королевой Морей» ничего необычного: небо было совершенно ясным, и не было в нем ни демонов, ни крылатых чудовищ. И все же туман, окутывавший «Королеву Морей», с каждой минутой становился гуще — он был плотен и в то же время странно неосязаем, призрачен. Лица людей побледнели, глаза наполнились ужасом.

И ужас не заставил себя ждать. Зеленоватые щупальца обвились вокруг матроса, стоявшего рядом с Хабелой,— бедняга завопил не своим голосом. Казалось, холодные щупальца глубоководного кракена свивали кольца вдоль его тела. Принцесса изумленно смотрела на его лицо, на его

сведенное болью тело. И тут зеленые кольца исчезли, как будто погрузившись в тело матроса. Дородный матрос словно окаменел. Его кожа покрылась странным зеленоватым налетом, позеленели и его одежды. Он стал походить на статую, вырезанную из жадеита.

Хабела в ужасе воззвала к Митре. Палубу оглашали крики людей, пытавшихся как-то воспротивиться щупальцам изумрудного тумана, свивавшимся вокруг них и заползавшим им в нутро, отчего люди обращались в камень, в неподвижные зеленые изваяния.

Липкие зеленые щупальца стали обвиваться вокруг принцессы. Леденящий ужас сковал ее члены, когда она почувствовала их холодные прикосновения. Ей казалось, что она обратилась в кусок льда. Щупальца вошли вовнутрь, и сознание принцессы помутилось, утонув в холодных беспросветных пространствах. Хабела лишилась чувств.

Зароно, капитан «Петреля», стоял на шканцах и с нескрываемым изумлением наблюдал за манипуляциями стигийского колдуна. Неподвижный, словно мумия, Менкара сидел на корточках перед устройством, собранным им за время плавания. Устройство представляло собой маленький алтарь черного дерева, на верхней плите которого был закреплен небольшой конический кристалл серого цвета. Алтарь поражал своей древностью. От резьбы, некогда покрывавшей его, сохранилось лишь несколько фрагментов, по которым, однако, можно было восстановить всю картину, изображавшую нагих людей, пытающихся скрыться от гигантского змея. У змея был всего один глаз — второй глаз опал, похоже, был давно потерян.

Менкара прошептал заклинание, и конус осветился изнутри странным призрачным светом. Вершина конуса вспыхнула пульсирующим изумрудным огнем, в свете которого голова Менкары стала казаться облезлым черепом трупа.

Изумрудное пламя разгоралось все ярче и ярче. Стигиец поднес к лицу зеркало, сделанное из неведомого черного металла и вставленное в стальную витую оправу. К изумлению Зароно, изумрудное сияние притянулось к поверхности зеркала и, отразившись от него, озарило «Королеву Морей». В ярком солнечном свете зеленый луч казался бледным — едва заметная изумрудная нить связала собой два корабля. На каравелле происходило что-то непонятное — расстояние до нее было еще немалым, и Зароно, сколько ни вглядывался, так ничего и не увидел.

«Королева Морей» внезапно потеряла управление и тяжело закачалась на волнах, паруса ее опали. Зароно подвел свой галеон к каравелле и встал с ней борт о борт. Стигиец вышел из транса и устало прислонился к поручню. Его безмятежное лицо побледнело и осунулось, на лбу блестели капельки холодного пота.

— Я выдохся,— пробормотал Менкара.— Это заклинание забирает все силы без остатка. И все же оно не всесильно — тот, кто знает, как с ним бороться, легко уходит из-под его власти... Но, похоже, ни один из этих болванов ничего не смыслит в магии. Можешь отправляться туда — в течение часа они тебе мешать не будут.

— Выходит, они умерли?

— Нет, скорее это похоже на сон. Помоги мне добраться до каюты.

Зароно помог обессилевшему колдуну подняться на ноги и повел его к каюте, боцман шел следом, держа в руках черный алтарь с серым кристаллом.

Закрыв дверь за изнемогшим стигийцем, Зароно вытер кружевным платочком бисеринки пота, выступившие на лбу. Колдовство пугало его. Черный Зароно предпочитал иное оружие — куда милее его сердцу были звон сабель, свист стрел, грохот ядер, выпущенных из катапульты, удары бронзового тарана по борту неприятельского судна. Немало злодейств было на его совести, но все они были грехами обычными, человеческими; теперь же он связал свою жизнь с темными и, возможно, неуправляемыми силами, принадлежащими другим планам и измерениям.

— Эрнандо! — окликнул он повара.— Пару бутылок вина, да покрепче!

Так была взята и так вскоре погибла «Королева Морей».

Матросы «Петреля» перебрались на ее борт. Они быстро отыскали принцессу и отнесли ее застывшее тело на шканцы галеона. Облив основания мачт и палубу маслом, они вернулись на свой корабль и убрали абордажные крюки и багры.

Когда расстояние между двумя кораблями стало достаточно большим, на палубу «Королевы Морей» было пущено несколько стрел с горящими наконечниками. Пламя тут же охватило каравеллу. Огонь с ревом поднимался вверх, переходя с паруса на парус. Матросы «Королевы Морей» стояли все так же неподвижно.

Галеон поднял паруса и взял курс к берегам Шема.

Стоя на марсе своего галеона, Конан с удивлением взирал на черный дым, поднимавшийся над морем; то и дело он поминал вслух имя Крома, мрачного киммерийского бога. «Вастрель» держался на приличном расстоянии от «Петреля», разглядеть его оттуда можно было, лишь поднявшись на марс,— но людям Зароно вряд ли могло прийти в голову изучать северо-западную часть горизонта.

Конан наблюдал за тем, как погибает королевский корабль Зингары. Он никак не мог взять в толк, для чего Зароно нужно было уничтожать корабль своей собственной страны. Похоже, решил киммериец, дела обстоят не столь просто, как он полагал прежде. Впрочем, Конан давно приобрел привычку не ломать себе голову зря, не узнав всего относящегося к делу.

Кем бы ни были неведомые жертвы, он отомстит и за них, когда будет сводить с Зароно свои счеты,— так решил Конан. Кто знает, быть может, судьба дарует ему такую возможность уже в ближайшие дни.

4

БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Солнце клонилось к закату. Унылый облачный покров чудесным образом преобразился, запылав всеми оттенками красного. По темным волнам, расцвеченным алыми отблесками, несся зловещий «Петрель». Вслед за ним, держась на приличном расстоянии, крался галеон Конана «Вастрель».

Капитан «Петреля» Зароно сидел развалясь в своем огромном кресле, в руке он держал серебряный кубок, украшенный изумрудами. В каюте капитана стоял запах крепкого шемского вина. Качающиеся на цепочках лампы освещали своим неверным светом пергаментные свитки, развешенные между пиллерсами. То и дело поблескивали самоцветы на эфесах и ножнах мечей и кинжалов, висевших на стенах.

Зароно был настроен крайне мрачно, взгляд его был устремлен в никуда. Белая шелковая, отделанная кружевами рубаха была перепачкана, густые черные волосы взъерошены. Зароно был сильно пьян.

В дверь постучали. Зароно грязно выругался, но тут же пригласил незваного гостя в каюту. Гостем этим оказался Менкара, в руке он держал свернутый свиток. Чопорный

стигиец смотрел на хмельного капитана с явным неодобрением.

— Поколдовать пришел? — усмехнулся Зароно.— Неужели ты не можешь оставить простого смертного, что решил немножко порадовать себя вином, неужели ты так и будешь совать свой вонючий нос в чужие дела? Скажи мне, Менкара, мне важно это знать.

Пропустив слова капитана мимо ушей, Менкара развернул на столе загадочную карту и указал тонким пальцем на непонятные значки, которые, по всей видимости, призваны были раскрыть ее секрет.

— С той самой поры, как эта карта попала нам в руки, я пытаюсь разгадать ее смысл,— сказал стигиец неожиданно живо.— Этой линией обозначено южное побережье Стигии, в этом нет сомнений. И хотя язык, на котором сделана надпись, мне неведом, некоторые из знаков показались мне удивительно знакомыми. Пока ты, как последний идиот, предавался тоске, я был занят их расшифровкой...

Зароно побагровел и схватился за рукоять своего меча.

Менкара жестом руки остановил его.

— Приятель, веди себя поспокойнее. То, о чем я говорю, куда значимее, чем тебе это кажется. Обучаясь магии, я изучил несколько языков. Помимо прочего, я знаю и о том, что древний валузский язык, подобно языкам древней Стигии и Ахерона, не был иероглифическим — в письме каждый знак соответствует определенному звуку. Поскольку у меня нет сомнений в том, что эти страны суть Шем и Стигия, а эти города — Асгалун и Кеми, я могу установить значение отдельных знаков в словах, занимающих соответствующее место на карте. Прочие же надписи, как я полагаю, указывают местоположение городов, исчезнувших с лица земли за то время, какое существует эта карта. Я говорю о таких городах, как Камула или Пифон.

Эти зловещие имена заставили Зароно вздрогнуть. Хмель его тут же прошел. Он нахмурился и уставился на карту. Менкара продолжал:

— Таким образом, благодаря тому, что я знаком с древними языками и знаю, как звучат некоторые названия из числа приведенных на этой карте, я могу прочесть не только их, но и все прочие! Соответственно, мне удалось прочесть и надпись, относящуюся к этому островку, о существовании которого я, честно говоря, прежде не знал.

Менкара ткнул пальцем в маленький черный кружок. Зароно нахмурился.

— Можешь особенно не расстраиваться по этому поводу. Я и сам о нем никогда не слышал.

Стигиец продолжил свой рассказ:

— Надпись, сделанная здесь, гласит: «сайджина-кисуа». На древнестигийском слово «сайджина» означает «то, что не имеет имени».

Зароно протрезвел окончательно; черные глаза его беспокойно забегали.

— Безымянный остров...— прошептал он.

— Да,— прошипел Менкара и удовлетворенно кивнул.— В том, что слово кисуа переводится как «остров», мы можем быть уверены, ибо слово это фигурирует в названиях ряда островов.— Маг продемонстрировал сказанное, ткнув пальцем в несколько точек.— Я полагаю, что это название известно вам, пиратам. Безымянный остров, последняя твердыня древней Валузии, населенной полулюдьми-полузмеями.

— О Безымянном острове мне доводилось слышать только одно: на нем сокрыты сокровища, равных которым в этом мире нет.

— Это действительно так,— кивнул Менкара.— Но я думаю, и здесь ты всего не знаешь. Там действительно полно золота, изумрудов и прочей мишуры. Но помимо этого, там хранится и подлинное сокровище, сокровище магическое,— копия великой «Книги Скелоса».

— Вот уж что мне не нужно! Только золото — все остальное блажь!

Менкара усмехнулся:

— Прежде чем говорить, лишний раз подумай. Ты, похоже, забыл, что мы направляемся к величайшему чародею мира, который поможет нашему хозяину Вилагро подняться на трон Зингары. Разумеется, низвержение культа Митры и восстановление культа Сета придутся ему по душе. Но, боюсь, этого будет недостаточно. Если же мы одарим его столь великим магическим сокровищем, он наверняка станет покровительствовать нам. То, что столь значимый труд исчез из мира, сделало магию вдвое слабее. Считается, что сохранились лишь три копии «Книги Скелоса»: одна хранится в Тарантии, в тайнике, находящемся глубоко под землей, где-то близ Королевского книгохранилища Аквилонии; вторая находится в тайном храме, стоящем на землях Вендии; третья же — здесь.— Стигиец постучал пальцем по карте.

Зароно изумился.

— Если эта треклятая книга так драгоценна, то почему же никто не завладел той копией, что хранится на Безымянном острове?

— Потому что до той минуты, как я увидел эту карту, ни я, ни все прочие искатели высших истин не знали, где находится этот самый Безымянный остров. Как видишь, он лежит в стороне и от известных людям островов, и от земель, населенных чернокожими. Сотни лиг отделяют остров от других земель, ни один из морских путей не проходит рядом с ним. Искать его наугад — все равно что черпать воду решетом; на подобные поиски уйдет слишком много времени — на это не хватит никаких запасов воды и провианта, которые, как ты, надеюсь, понимаешь, пополнять негде. Помимо прочего, ты должен вспомнить и о том, что моряки — народ крайне суеверный. Они считают, что южные моря кишат чудищами и подводными рифами. Нет, люди не случайно забыли о Безымянном острове.

— Даже при попутном ветре мы смогли бы добраться туда лишь за несколько дней,— задумчиво произнес Зароно, подперев голову рукой.

— Что это меняет? Девушка уже в наших руках. Какая разница, когда мы прибудем в Кордаву — неделей раньше или неделей позже? Если мы сможем поднести Тот-Амону «Книгу Скелоса», дело можно будет считать сделанным, если же нет — всякое может случиться. К тому же я как-то не верю в то, что ты равнодушен к золоту.— Обычно бесстрастные глаза Менкары истово горели.

Зароно почесал щеку. Магия магией, но Менкара, похоже, прав: они должны сделать все возможное для того, чтобы заручиться поддержкой повелителя магов. К тому же он, Зароно, не просто разбогатеет, но и вернет себе почет и уважение сограждан.

Темные глаза зингарца загорелись решимостью. Он вскочил на ноги и, выбежав из каюты, заорал:

— Ванчо!

— Да, капитан,— отозвался помощник.

— Мы меняем курс. Полярная звезда должна остаться за нашей кормой, мы идем на юг!

— В открытое море, сэр?! — с сомнением в голосе переспросил помощник.

— Тебе что, два раза надо повторять? Я же сказал — мы идем на юг!

Заскрипели блоки, зазвенели снасти,— галеон резко менял курс.

Менкара вернулся в свою каюту и вновь принялся изучать карту. Древнее зловещее знание влекло его, как никогда прежде. Получив «Книгу Скелоса», Тот-Амон станет всемогущим. При желании великий стигийский маг сможет завладеть всем миром, об исполнении желания какого-то Вилагро можно и не говорить. Если же сыны Сета завладеют всем миром, то разве не вспомнят они о том, что обязаны этим ему, Менкаре?

Конан, неотрывно следивший за огнями «Петреля», понял, что галеон внезапно изменил свой курс — теперь он шел не на юго-восток, а прямо на юг. Киммериец не знал ни о планах Вилагро, ни о притязаниях Менкары, ни о том, что на борту «Петреля» находилась принцесса Зингары Хабела. Ему было ведомо лишь одно: Зароно, похитивший карту у Нинуса, направлялся к Безымянному острову, с тем чтобы завладеть сокровищами. Причины, побудившие капитана «Петреля» резко изменить курс, Конана интересовали мало.

Огромный киммериец сбежал по вантам на палубу — ловкости его могли позавидовать и обезьяны.

— Зельтран!

— Слушаюсь, капитан!

— Шесть румбов вправо! Не отстань от «Петреля»!

— Слушаюсь, сэр. Брасопить реи! Право руля!.. Левый борт — грузите брасы!.. Лево руля... Так, так... теперь не спешите...

Конан стоял на шканцах, размышляя о том, что ждет их впереди. Теперь, когда берег остался позади, единственным ориентиром становилась Полярная звезда, по положению которой можно было судить о том, насколько далеко на юг или на север они продвинулись. Зароно, похоже, пока уверен в избранном курсе. Если же он заблудится в бескрайних просторах океана, та же участь будет ожидать и его, Конана, галеон.

Насколько было известно Конану, пустынные воды простирались на юг до самого края света. О том же, что лежит за ними, он и не думал гадать. В древних легендах говорилось о таинственных землях, неведомых материках, загадочных народах и странных чудищах.

Кто знает, быть может, многое в этих легендах было правдой. Меньше года прошло с той поры, как «Вастрель», которым тогда командовал угрюмый Запораво, обнаружил

в западных морях неведомый остров, где сложили головы и капитан, и добрая половина экипажа «Вастреля». В своей богатой приключениями жизни Конан вряд ли мог припомнить что-либо более зловещее и странное, чем Пруд Черного Владыки и козни его, Владыки, диковинных слуг. Впереди же, похоже, киммерийца ждали опасности куда большие.

Конан вздохнул, но тут же рассмеялся. Кром! Человек умирает только раз — кой толк рассуждать о том, что может случиться с ним в этой жизни? Если на пути твоем возникнет что-то ужасное, ты оголишь клинок и встретишь опасность лицом к лицу. Заранее готовить себя к этой встрече глупо. Там, на краю света, лежит Безымянный остров — ветры судьбы несут к нему галеон.

5

НА КРАЮ СВЕТА

Галеоны шли все дальше и дальше на юг. На рассвете «Вастрель» стал сбавлять ход, чтобы отойти от «Петреля» на расстояние, позволявшее ему оставаться невидимым для противника. Вот уже пять дней минуло с той поры, как «Петрель» взял курс на юг. С наступлением ночи расстояние между галеонами уменьшалось: «Вастрель» был легче и маневреннее и потому легко нагонял галеон Зароно.

«Вастрель» горделиво рассекал своим форштевнем теплые лазурные воды. То и дело над поверхностью моря появлялись стайки летучих рыб. Море было совершенно пустынно — за все время путешествия матросы не видели ни кораблей, ни лодок.

У горизонта появились облака. «Петрель» взял вправо, и через несколько часов моряки увидели на горизонте землю.

Забравшись на полубак «Петреля», Зароно стал разглядывать неведомый остров. Остров выглядел достаточно безобидно: темно-желтые пляжи, высокие пальмы с изумрудными листьями. О том же, что находилось за пальмами, можно было только гадать.

Вскоре к Зароно присоединился и Менкара. На его узкие плечи была накинута черная ряса.

— Вот мы и приплыли,— сказал он бесстрастно.

Зароно широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Да, жрец, кажется, ты прав. Нам осталось понять, где находятся сокровища и кто их охраняет — духи, демоны или парочка драконов... Надеюсь, ты сможешь отвести от нас беды, пока мы будем выносить сокровища из гробницы, или из тайника, или еще откуда-нибудь. Ванчо! Иди к тому заливу — там, похоже, достаточно глубоко...

Через четверть часа Зароно скомандовал:

— Бросить якорь! Убрать все паруса! Ванчо, спускай шлюпку за борт и подбери людей покрепче — мы высаживаемся на берег.

Команда засуетилась, и вскоре шлюп уже качался на волнах. Дюжина вооруженных до зубов зингарцев спустилась в лодку и заняла места на банках. Шлюпка пошла к берегу. Вскоре нос шлюпки завяз в песке у кромки прибоя. Матросы покинули лодку и потащили ее в глубь берега, подальше от набегающих пенистых волн. Боцман приказал людям рассредоточиться, и те, взяв в руки мечи и арбалеты, разошлись вдоль берега, встав лицом к пальмам. Несколько человек углубилось в заросли, но вскоре послышался крик, извещавший о том, что ничего опасного на берегу нет.

— Спускайте вторую лодку,— приказал Зароно.

В эту лодку сел сам Зароно; кроме Менкары здесь были еще восемь матросов. Ванчо остался на берегу «Петреля».

Вторая лодка достигла берега так же быстро. Зароно подозвал людей к себе. Через несколько минут он, Менкара и большая часть матросов скрылись за пальмами. Трое пиратов были оставлены на берегу для охраны шлюпок: смуглый уроженец Шема с орлиным носом, черный великан из Куша и плешивый краснолицый зингарец.

Конан с интересом наблюдал за происходящим с марса «Вастреля». Его корабль так и остался незамеченным, хотя расстояние до «Петреля» было не слишком уж велико.

Какое-то время отряд Зароно молча продирался через густые прибрежные заросли. Слышно было лишь тяжелое дыхание людей, шелест листвы, удары сабель и мечей, перерубавших спутанные лианы.

Было жарко и душно. Пот тек с пиратов рекой. Запах гниющих растений смешивался с экзотическими ароматами диковинных цветов, сиявших белым и алым среди темной зелени джунглей.

Зароно почувствовал и другой запах. Узнал он его не сразу. Волна отвращения обдала его, когда он понял природу

этого запаха: так пахнут змеи. Выругавшись, он поднес к носу позолоченную шкатулку с ароматическими шариками, скатанными из лимонной цедры и корицы. Однако даже этот благоуханный аромат не смог заглушить резкого мускусного запаха. Немного поразмыслив, Зароно немало удивился этому обстоятельству. За время своих плаваний он посетил не один остров, но ни разу не видел там змей.

Зной стал неимоверным — стволы пальм, перевитые цветущими лианами, стояли так плотно, что с моря к ним не долетало ни ветерка. Одежды Зароно потемнели от пота. Глядя на пышную зелень, окружавшую их со всех сторон, капитан обратился к Менкаре:

— Похоже, на твоем Безымянном острове, стигиец, нам ничто не угрожает, вот только запахи здешние мне не нравятся.

Менкара растерянно улыбнулся.

— Ты что, действительно ничего не замечаешь, Зароно?

Зароно пожал плечами.

— Жара здесь стоит несусветная да пахнет премерзко — вот и все. Признаться, я ожидал встретить здесь что-нибудь эдакое, с когтями и рогами. Ни тебе духов, ни привидений.— Зароно смачно сплюнул.

Менкара посмотрел на него испытующим взглядом.

— Как вы, северяне, глупы! А тебе не кажется, что на острове слишком уж тихо?

— Хм,— задумался Зароно.— Наверное, в твоих словах есть резон...

Зингарца неожиданно бросило в дрожь. Джунгли действительно были подозрительно тихи. На таком маленьком острове вряд ли могли обитать крупные животные, но куда же могли деться птицы, ящерицы и крабы? И почему не слышно шелеста пальм? Нет, все действительно молчало, словно некто незримый, затаившись, наблюдал за ними.

Зароно выругался, но тут же взял себя в руки. Его люди были слишком заняты, для того чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Знаком приказав Менкаре держать язык за зубами, Зароно последовал за людьми, торившими путь по непролазным джунглям. Ощущение того, что кто-то следит за ними, не покидало его ни на минуту.

К полудню пираты достигли своей цели. Это казалось им странным: только что они были окружены непроходимыми джунглями — и вот они уже на совершенно открытом

месте. Джунгли обрывались разом — казалось, некая незримая граница была поставлена им пределом. Внутри этой незримой границы, имевшей очертания круга, растительности практически не было, лишь несколько чахлых кустиков засохшей травы возвышалось над песчаной равниной. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

Посреди этой мертвой пустоши возвышалось таинственное сооружение, которое, судя по всему, и было целью их похода. Сооружение это могло быть чем угодно: могильником, усыпальницей, храмом, сокровищницей. Приземистое тяжелое строение было сложено из черного матового камня, который, казалось, поглощал все падавшие на него лучи, отчего трудно было разглядеть очертания этого сооружения.

Строение походило на огромный куб, стороны которого были образованы пересечением множества плоскостей и искривленных поверхностей. О симметрии говорить не приходилось, казалось, что зодчим этого странного куба был сам хаос: здесь не было ни одного одинакового элемента, более того, все сооружение казалось случайным собранием того, что было присуще разным странам в разные эпохи.

Черный храм — если только это было храмом — стоял перед ними, то и дело меняя свои очертания в колышущемся горячем воздухе. Смертельный, леденящий ужас охватил Зароно. Вид черного куба повергал в такое смятенье, что с ним не мог совладать и такой видавший виды разбойник, как Зароно. Пират застыл, пытаясь взять себя в руки, он силился понять: что же так испугало его, отчего сердце стало биться так часто и отчего так трудно дышать?

В черном храме было что-то странное. Никогда прежде Зароно не видел подобных строений. Даже населенные привидениями стигийские могильники не выглядели столь зловеще, как этот чудовищный черный куб. Строители храма создавали его по каким-то своим, отличным от земных канонов правилам, они использовали странные пропорции, достигая ведомых лишь им одним целей.

Лицо Менкары посерело — было видно, что он чрезвычайно озабочен. Жрец еле слышно забормотал:

— Так я и думал. Здесь совершалось страшное З'фаим.— Монах поежился.— Кто бы мог подумать, что это зловещее действо создаст чары, которые сохранят силу и через три тысячи лет...

— Что ты хочешь этим сказать, пес смердящий?! — Страх сделал Зароно грубым.

Стигиец перевел взгляд на капитана.

— Защитные чары,— прошептал он,— чары по-настоящему грозные. Если человек приблизится к храму, не прибегнув к чарам иного рода, своим присутствием он пробудит ту силу, что до времени спит в этом храме.

— Все понятно. Ну а теперь скажи мне: что это за чары иного рода и, главное, владеешь ли ты ими?

— Благодаренье Отцу Сету — да, я владею ими. Об обитателях Валузии, полулюдях-полузмеях, почти ничего не известно. И все же того, что знаю я, достаточно. Но помни, сил моих надолго не хватит.

— Чего-чего, а этого можешь не бояться, за это время мы успеем и всю черную штуковину на корабль утащить,— прорычал Зароно.— Так что можешь приступать к делу.

— Тогда я попрошу вас — тебя и матросов — вернуться в лес и не смотреть в мою сторону,— сказал Менкара.

Зароно повел пиратов обратно в чашу. Войдя в лес, они остановились, став спиной к прогалине. Менкара запел, однако ни один из пиратов не понимал этой странной песни. О том, что происходило на поляне, они могли только догадываться. Свет, проникавший сквозь листву, становился то тусклее, то ярче,— казалось, что над ними кружатся огромные тени. Голосу стигийца стали вторить другие, нечеловеческие голоса, что звучали откуда-то сверху. Существам, которым эти голоса могли принадлежать, человеческая речь была явно чужда. Земля неожиданно сотряслась, и свет померк так, будто тяжелая туча заслонила собою солнце...

Раздался слабый голос Менкары:

— Идите!

Выйдя на прогалину, Зароно вздрогнул: стигиец явно постарел.

— Быстрее,— пробормотал Менкара.— Мои чары будут действовать недолго.

Обливаясь потом, Зароно и Менкара вошли в храм. В огромной зале, открывшейся их взорам, стоял полумрак — единственным источником света были распахнутые настежь храмовые врата.

В дальнем конце залы стоял огромный черный алтарь, над которым возвышался идол, выточенный из цельного серого камня. Идол этот походил одновременно и на человека, и на жабу; он сидел на алтаре подобно жабе, его обрюзгшее тело было покрыто бородавками.

Рот идола был полуоткрыт в безрадостной улыбке. Над двумя ноздрями-ямками был выложен полукруг, состояв-

ший из семи круглых алмазов. Семь алмазных глаз идола слабо светились, отражая свет, проникавший в храм через врата.

Существо это показалось Зароно воплощением космического зла, он с трудом заставил себя отвести от него глаза. Перед алтарем лежало два полуистлевших кожаных мешочка. Сквозь прорехи одного из них что-то слабо мерцало — очевидно, это были драгоценные каменья. Присмотревшись, Зароно увидел, что каменья просыпались и на каменные плиты пола — они поблескивали чудесным созвездьем.

Под мешками лежала огромная книга, переплет которой был обтянут змеиной кожей; размеры змея, которому эта кожа могла принадлежать, трудно было себе представить.

Люди обменялись взглядами, исполненными торжества. Зароно осторожно поднял надорванный мешок и левой рукой крепко прижал его к груди; в правую руку он взял второй мешок. Менкара, кряхтя, поднял книгу и благоговейно прижал ее к себе. Глаза его засверкали. Стараясь не шуметь, они вышли из храма, едва ли не бегом пересекли прогалину и наконец присоединились к людям, с нетерпением ожидавшим их в лесу.

— Скорее на корабль! — приказал Зароно.

Отряд заспешил к берегу по свежей просеке. Людям не терпелось поскорее покинуть эту цитадель древнего зла, чья тень все еще парила над островом; люди спешили к ясному свету и свежему дыханию открытого моря.

6

ОГНЕННЫЕ ГЛАЗА

Страх и чувство гнева, владевшие душой принцессы Хабелы, сменились покоем. Она не понимала ни того, почему предатель Зароно восстал против своего короля и сжег его каравеллу, ни того, зачем он пленил ее. Ушел не только страх, теперь свободны были и ее руки.

Зароно запер ее в маленькой каюте, предварительно связав ее руки шелковым шарфиком. Казалось, что тонкая полоска алого шелка для этих целей не подходит, однако Зароно, научившийся искусству вязания узлов у бродячего вендийского фокусника, умудрился связать руки так, что самые искусные пальцы вряд ли смогли бы освободить за-

тянутые узлы; сам же шелк, несмотря на всю свою легкость, был не менее прочен, чем сыромятная кожа. В обеденное время Зароно развязывал шарфик, но стоило принцессе покончить с трапезой, как руки ее вновь связывались. Отвечать на вопросы Хабелы Зароно отказался.

Никто даже не догадывался о том, что широкий пояс принцессы скрывал от посторонних глаз небольшой нож. В обычае знатных дам Зингары было постоянно иметь при себе клинок, с помощью которого в случае угрозы ее чести дама могла умертвить себя.

Находчивая принцесса распорядилась своей судьбой иначе. Превозмогая боль в запястьях, она умудрилась извлечь нож из тайника. Вставив рукоять ножа в паз, вырезанный под иллюминатором, она сняла ножны и, сев к ножу спиной, принялась перерезать шелковые путы.

Сделать это оказалось не так-то просто, ибо, подходя к стене, она переставала видеть нож и потому то и дело резала себе руки. К тому времени, когда путы с ее рук спали, все они были залиты кровью. Но как бы то ни было, руки наконец были свободны.

Хабела извлекла нож из паза и, вложив в ножны, вновь спрятала его под поясом. Окровавленными шелковыми лентами она перевязала кровоточащие запястья.

Но как же сможет она воспользоваться вновь обретенной свободой? Она знала о том, что Зароно покинул корабль, ибо слышала команды, отдававшиеся им. На корабле оставалось всего несколько человек, но что она могла сделать, если дверь каюты была заперта снаружи, а охранял ее дородный детина?

Хабела подошла к иллюминатору, за которым плескались лазурные волны; вдали виднелись песчаный пляж и зеленые опахала пальм.

К счастью для принцессы, она не была избалована настолько, насколько бывают избалованы дети знатных вельмож. То, на что она решилась, вряд ли могло прийти в голову девушкам ее возраста. Открыв оконную створку, принцесса подобрала края своего платья и заткнула их за пояс, обнажив колени. Внизу лениво колыхалось море, от иллюминатора до поверхности воды было никак не меньше четырех метров.

Хабела осторожно выбралась наружу, свесила ноги вниз и наконец разжала руки. В воду она вошла почти бесшумно. После духоты и зноя, стоявших в каюте, вода показалась ледяной. Почти тут же заныли раны на запястьях.

Хабеле нельзя было медлить. В любую минуту праздные матросы могли подойти к борту корабля и увидеть ее. Прямо над собою принцесса видела высокую корму галеона, поблескивавшую стеклами иллюминаторов, еще выше виднелись вершины мачт, тихо покачивавшиеся на фоне безмятежно-голубого неба.

У поручней не было ни души. Принцесса поняла, что держаться ей следует за кормой; если же она поплывет к носу, ее тут же заметят со шкафута.

Плыть ей пришлось долго. Хабела поплыла на спине, считая, что так ее труднее будет заметить. Помня о том, что ей следует оставаться за кормой, она поплыла вдоль берега, время от времени отдыхая, лежа на воде.

Отдалившись от «Петреля» на приличное расстояние, она перевернулась на живот и быстро поплыла к берегу.

К тому времени, когда она почувствовала под ногами песчаное дно, ее уже била крупная дрожь. Собрав остаток сил, она вышла на берег и, оставив позади узкую полоску пляжа, рухнула наземь.

Кто знает, думала принцесса, быть может, ей лучше было оставаться на корабле, ведь об острове этом она ничего не знает. В любую минуту Хабела могла вернуться к Зароно, отдав тем самым предпочтение злу более-менее знакомому. Однако поступать так было не в ее правилах. Принцесса решила препоручить свою судьбу Митре, а там — будь что будет.

Восстановив силы, она поднялась на ноги и побрела вдоль берега. Ходить босиком ей почти не доводилось, и потому каждый шаг давался с трудом. С моря дул свежий ветерок; мокрое, тяжелое платье обжигало принцессу холодом. Хабела сняла пояс и сбросила с себя одежды. Хорошенько отжав платье, она разложила его на папоротниках. С помощью ножа она оторвала от платья узкую полоску ткани и, разрезав ее пополам, обмотала ступни.

Платье быстро высохло. Одевшись и взяв в руку нож, принцесса направилась в глубь острова.

Зеленый свод сомкнулся у нее над головой. Приторный запах гниющих листьев и аромат тропических цветов щекотали ей ноздри. Шершавые стволы пальм и колючие лианы больно ранили ее, оставляя на руках и ногах длинные царапины.

Чем дальше в глубь острова шла Хабела, тем реже становились заросли. Ветерок сюда уже не долетал. Не было слыш-

но ни звука, и эта тишина почему-то казалась принцессе зловещей. Сердце забилось чаще.

Споткнувшись о корень, принцесса упала. Она попыталась было подняться на ноги, но тут же поняла, что на это у нее не хватит сил — тело отказывалось подчиняться. Собрав все силы, Хабела заставила себя встать и тут же увидела прямо перед собой массивную темную фигуру человека, глаза которого горели огнем. Она вскрикнула, попятилась назад и тут же вновь упала наземь. Незнакомец ринулся к ней.

Конан задумчиво смотрел вдаль. Далеко впереди, у самого острова, покачивался на волнах «Петрель», галеон Зароно. Киммериец повернулся к Зельтрану:

— На борту осталась только часть экипажа — мы можем захватить вражеский галеон и тем отрезать Зароно путь к отступлению. Что ты на это скажешь, а? — Киммериец торжественно улыбнулся, словно уже стоял на борту вражеского корабля.

Зельтран покачал головой.

— Нет, капитан, мне ваша идея не очень нравится.

— Но почему?! — недоуменно воскликнул Конан.

Его варварская натура жаждала боя, атаки; долгие годы скитаний так и не приучили его к осторожности. Маленький же зингарец был осторожен, расчетлив и прозорлив,— советам его цены не было.

Живые глаза Зельтрана посмотрели на Конана в упор.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем, сколько людей Зароно оставил на галеоне. Его команда куда больше нашей.

— Клянусь Кромом, я собственноручно справился бы с половиной этих вояк! — воскликнул Конан.

Помощник принялся пощипывать скудную бороденку.

— Так-то оно так, сэр, вы действительно стоите дюжины воинов. Да вот только все остальные вряд ли станут сражаться с такой же решимостью.

— Да почему же?

— Обе команды занимаются пиратством, верно? Более того, обе команды в основном состоят из зингарцев. Так зачем же наши люди будут проливать кровь своих братьев, если у них нет на то особой причины? «Петрель» куда выше «Вастреля», и потому команда Зароно легко сможет отбить все наши атаки. Вы забываете еще об одном немаловажном моменте: помните ту катапульту, что стоит на полубаке?

И еще, насколько я помню, мы отправились в плавание с тем, чтобы завладеть сокровищами, а вовсе не для того, чтобы услаждать себя потасовками, исход которых более чем сомнителен. Я предлагаю обогнуть остров и высадиться на нем с противоположной стороны. Тогда мы сможем опередить Зароно и отыскать сокровища прежде, чем это сделают его люди. Если же они обгонят нас, мы сможем напасть на них и завладеть их добычей...

Конан вздохнул и нехотя согласился со своим помощником:

— Брасопить реи! Мы идем к северной оконечности острова! — мрачно скомандовал он.

В конце концов, он был на корабле не один; под его началом были люди, о которых ему надлежало заботиться не меньше, чем о самом себе. О, как хотелось ему вновь стать вольным искателем приключений!

Через несколько часов «Вастрель» бросил якорь у восточного берега Безымянного острова. На воду были спущены две шлюпки, и вскоре люди Конана были уже на берегу.

Покачивая саблей, огромный киммериец рассматривал пустынные пляжи и вставшую за ними стену деревьев. Остров производил крайне мрачное впечатление: повсюду сверкало солнце, однако казалось, что остров погружен в тень.

Оставив на берегу двух пиратов, Конан повел свой отряд в глубь острова.

Вскоре отряд уже был на круглой прогалине. Взглядам людей открылась пустошь, кое-где поросшая жухлой травой. Стоя на опушке леса, Конан внимательно осмотрел поляну. Он не заметил никаких признаков жизни; если враг и поджидал их, то таиться он мог только в джунглях или в черном приземистом храме, стоявшем посреди прогалины.

Вид храма Конану сразу же не понравился. От этого странного черного строения исходило нечто настолько зловещее, что даже ему, Конану, стало не по себе. Он вдруг почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Теперь он нисколько не сомневался в том, что храм этот строился не людьми, но неведомыми темными силами.

Возможно, его создали легендарные жители Валузии — полулюди-полузмеи, подумал киммериец. Странные очертания, непонятные украшения, голая земля вокруг храма — все это напомнило храм, виденный им много лет назад в

стране Куш. Считалось, что строили тот храм не люди, но те, кто жил на земле задолго до них.

Ему хотелось поскорее покинуть это страшное место, но он помнил о том, что там, в храме, находится то, ради чего он приплыл сюда. Конан обратился к своим людям:

— Спрячьтесь в лесу и смотрите в оба — в таком месте всякого можно ожидать.

Сжав в руке эфес меча, Конан стремительным шагом пересек прогалину и исчез в храме.

Из врат храма веяло могильным холодом. Конан вынул меч из ножен и осторожно вошел внутрь. Окинув взглядом идола, по-жабьи восседавшего на огромном алтаре, Конан перевел глаза на пол и на мгновенье замер.

Если сокровища здесь и были, то Зароно уже завладел ими. На пыльном полу храма ясно были видны следы двух людей. Один из людей был обут в матросские ботинки, второй — в сандалии.

«Зароно и его спутник»,— подумал Конан.

Часть пола перед алтарем была свободна от пыли, здесь же поблескивало несколько камешков, оброненных Зароно.

Вслух выругавшись, Конан решил подобрать эти камешки. Кто бы мог подумать: Конан, подобно шакалу, подбирает объедки, оставленные львом Зароно! Еще раз выругавшись, киммериец уже было наклонился за камешками, но тут что-то заставило его посмотреть наверх.

Каменный идол ожил. Семь алмазных глаз его вспыхнули зеленым пламенем. Повернув голову, чудовище уставилось на Конана.

7

КАМЕННАЯ ЖАБА

— Клянусь Кромом! Он живой! — воскликнул Конан, не в силах скрыть своего изумления.

Казалось, что покрытое бородавками каменное чудище только что пробудилось ото сна,— потягиваясь, оно двигало своими пухлыми конечностями.

Не отрывая глаз от жертвы, идол подполз к переднему краю алтаря и с грохотом сверзился вниз, туда, где поблескивали оброненные Зароно изумруды.

Приземлившись на четырехпалые лапы, чудище тут же двинулось на Конана — неуклюжим оно только казалось,

движения же его были на удивление проворны. Огромное, словно буйвол, чудище приближалось; горящие зеленым пламенем глаза его были на одном уровне с глазами Конана.

Киммериец было поднял меч, но тут же одумался. Судя по тяжести шагов идола, он действительно был сложен из камня, пусть камень этот и ожил. Стальной клинок не причинил бы ему никакого вреда; сражаться с этим каменным зверем было бы бессмысленно.

Поняв, что мешкать больше нельзя, Конан отскочил назад и выбежал на прогалину. Уже не таясь, он закричал:

— Бегите! Бегите к кораблю!

Крики, полные изумления и ужаса, огласили поляну, когда люди увидели, что из храма выскочила гигантская каменная жаба, преследовавшая их капитана. Повторять команду Конану не пришлось. Зашуршали листья пальм, затрещали ветви,— пираты помчались назад, к берегу. Каменное чудище ринулось за ними, ничуть не уступая людям в скорости. Конан приостановился и, завладев вниманием идола, побежал в другую сторону.

— Что я вижу? Откуда здесь эта девица? Клянусь грудью Иштар и брюхом Дагона, на этом треклятом острове не соскучишься!

Незнакомец говорил хриплым, грубым голосом; судя по произношению, он был уроженцем Аргоса. Хабела очнулась — как ни странно, человеческий голос подействовал на нее успокаивающе. Затаив дыхание, она приняла руку высокого незнакомца и, как ни силен был страх, позволила ему помочь ей подняться на ноги. Незнакомец заговорил вновь:

— Деточка, неужели я тебя испугал? Разрази меня гром, если у меня в мыслях было хоть что-то дурное. А теперь скажи мне: как ты оказалась на этом забытом богом острове?

Когда первый страх поутих, Хабела разглядела незнакомца получше. Это был юный рыжеволосый гигант, одетый в видавшее виды матросское платье. Он ничуть не походил на тех головорезов, которыми командовал Зароно: кожа его была очень светлой, ясные голубые глаза смотрели прямо, волосы и борода отливали золотом. Хабела решила, что перед ней северянин.

— Зароно,— едва выговорила принцесса, не в силах совладать с усталостью. Ее покачивало — если бы не сильная рука рыжеволосого моряка, Хабела вряд ли устояла бы на ногах.

— Зароно? Эта грязная свинья? Выходит, он уже девиц стал воровать? Ох и мерзавец же он! Теперь ты можешь его не бояться — клянусь рогом Хеймдаля и мечом Митры, я помогу тебе. Тебя защитят мои люди.

Из-за кустов внезапно послышался треск; северянин резко развернулся и схватился за эфес своего огромного меча. Детина, выскочивший из подлеска, сделал несколько шагов, но, заметив людей, застыл. К изумлению Хабелы, человек этот был ей знаком.

— Капитан Конан! — закричала принцесса.

Конан пригляделся получше. В нескольких шагах от него стояли дюжий рыжеволосый моряк, сжимавший в руке меч, и темноволосая девушка в изодранном платье. Девушку эту он где-то уже видел, но сейчас ему было явно не до нее.

— Бегите! — закричал Конан.— За мной гонится чудище из храма! Сейчас не до разговоров!

И тут же, словно в подтверждение его слов, из-за кустов вновь послышался треск, но на сей раз он был куда громче.

— Живее! — закричал Конан и, схватив принцессу за руку, побежал по тропке. Северянин поспешил вслед за ними. Вскоре чудище, преследовавшее их, осталось далеко позади. Когда люди остановились для того, чтобы отдышаться, Конан спросил у северянина:

— Неужели на этом проклятом острове нет ни холмов, ни скал? Каменная жаба вряд ли умеет лазать по горам.

— Клянусь Копьем Одина, капитан, чего-чего, а холмов здесь нет,— ответил раскрасневшийся и запыхавшийся юноша.— Всюду одно и то же. Северо-восточный мыс заканчивается утесом, но он нам вряд ли подходит — со стороны острова склоны у него слишком уж пологие. Туда не то что жаба, туда и младенец подняться сможет... Смотрите, этот истукан уже совсем рядом!

— Веди нас на свой утес,— приказал Конан.— Похоже, я кое-что придумал.

Северянин пожал плечами и побежал первым. Вскоре принцесса ослабла настолько, что не могла уже не то что бежать, но и идти. Конан взвалил ее себе на плечи и, не сбавляя шага, стал догонять северянина. Позади слышался треск ломающихся деревьев.

Примерно через час, когда солнце уже клонилось к горизонту, они почувствовали, что начался подъем. Вскоре стал виден и сам мыс, напоминавший нос корабля. Конан вспомнил о том, что видел этот утес с палубы «Вастреля», когда тот огибал северную оконечность острова.

Теперь девушку нес северянин. Он бежал бок о бок с киммерийцем и, похоже, ничуть не уступал ему ни в силе, ни в выносливости. Джунгли остались позади, теперь беглецы поднимались по голому склону утеса. Одолев половину пути до вершины, северянин опустил Хабелу на землю и на минуту остановился, чтобы хоть немного перевести дух. Он и Конан обернулись, пытаясь понять, насколько отстала от них каменная жаба.

Судя по треску и по тому, как неистово раскачивались вершины деревьев, каменный демон был совсем рядом.

— Именем Крома и Митры, скажи мне, в чем состоит твой план? — с трудом выговорил рыжеволосый моряк, который никак не мог отдышаться.

— К вершине! — проревел Конан и заспешил вверх по склону. Он добежал до самого края утеса и посмотрел с его вершины вниз, где ревело и ярилось среди черных остроконечных скал беспокойное море. Меж черными каменными зубьями поблескивала вода.

Хабела обернулась назад и вскрикнула: каменная жаба выбралась из джунглей и тут же, увидев тройку беглецов, стала быстро взбираться по склону.

— Теперь мы загнаны в угол,— пробормотал северянин.— Похоже, мы свое отплавали.

— Не спеши,— буркнул Конан и изложил суть своего плана.

Тем временем каменная жаба подбиралась все ближе, семь круглых глаз ее ярко сверкали в лучах заходящего солнца. Если раньше чудище ползло, то теперь оно прыгало по-жабьи. От каждого прыжка сотрясалась земля. Жаба была уже совсем близко; в предвкушении добычи рот ее осклабился.

Конан поднял с земли несколько камней.

— Пора! — закричал он.

По этой команде Хабела побежала вдоль обрыва в одну сторону, а рыжеволосый моряк — в другую. Конан же продолжал стоять на вершине утеса.

Жаба замерла и принялась водить своими круглыми зелеными глазами, выбирая жертву.

— Давай! — закричал Конан и метнул камень. Булыжник с сухим треском отскочил от жабьей головы. За первым камнем последовал второй — он угодил прямо в зеленый глаз чудища и отлетел высоко вверх. Зеленое пламя, освещавшее этот глаз изнутри, тут же погасло.

Не успел Конан метнуть третий камень, как чудище ринулось к нему. Один-единственный прыжок отделял каменную жабу от вершины утеса. Каменная жаба раскрыла свою ужасную пасть еще шире.

Как только жаба изготовилась для прыжка, Конан развернулся лицом к морю и головою вперед прыгнул с утеса. Прыжок этот был выполнен безукоризненно — тело киммерийца вошло в прохладные воды крошечной лагуны, окруженной со всех сторон щерящимися зубцами черных скал. Вынырнув, Конан посмотрел наверх.

Чудище тяжело плюхнулось на самый край утеса, в то самое место, где только что стоял Конан. Вниз сорвался град каменьев. Вершина стала обсыпаться; передние лапы жабы съезжали все ниже и ниже. Какое-то время жаба еще удерживалась на кромке обрыва, пытаясь отползти назад, но тут камни под ней рухнули, и она сорвалась вниз. Со страшным грохотом каменное тело упало к самому подножию утеса.

Конан вышел из воды и, взмахнув головой, отбросил назад мокрые волосы, лезшие в глаза. Из бока и бедра его сочилась кровь — попасть точно в центр лагуны ему все же не удалось, и он содрал кожу о подводные камни. Не обращая внимания на боль, киммериец пытался отыскать взглядом останки каменного чудища.

Камень, даже ожив, остается камнем. Жаба разбилась на сотню кусков, разлетевшихся далеко вокруг. В одном из камней Конан признал ногу чудища, в другом — голову. Прочие же камни были настолько похожи друг на друга, что казалось, они лежат здесь уже вечность.

Прыгая со скалы на скалу, Конан добрался до подножия утеса и полез наверх, выбирая себе путь поудобнее. Наконец он вновь оказался наверху, рядом со своими нежданными спутниками. Рыжеволосый моряк задумчиво смотрел вниз, на останки чудовищной жабы.

— Клянусь когтями Нергала и нутром Мардука, чисто сработано! Думаю, теперь, когда все опасности позади, настало время и познакомиться. Я — Сигурд из Ванахейма, честный моряк, оказавшийся на этом острове волею судеб. Наш корабль разбился о прибрежные рифы, команде же моей, благодарение богу, удалось спастись. Теперь говорите, кто вы?

Конан, прищурившись, разглядывал принцессу.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он вдруг.— Неужто ты — Хабела? Дочь Фердруго?

— Да,— ответила принцесса,— и тебя я тоже знаю. Ты — капитан Конан.

Там, в лесной чаще, она уже называла его по имени, теперь же у нее не оставалось никаких сомнений в том, что перед нею именно он, капитан Конан. Только не подумайте, что в Зингаре капитаны пиратских галеонов запросто общались с принцессами,— нет, просто Конан был фигурой слишком уж заметной. Хабелу же киммериец видел разве что во время празднеств, парадов и прочих торжественных церемоний, которые проводились в Кордаве едва ли не каждый день.

Большая часть добытого Конаном за время путешествий попадала в королевскую казну, и потому Фердруго не мог не принимать у себя бравого капитана. Длинноногий, широкоплечий бесстрастный киммериец запомнился принцессе; да и он признал ее едва ли не сразу, несмотря на то что одежда принцессы была изорвана, волосы растрепаны, а лицо исцарапано.

— Принцесса, бога ради, скажи мне, что ты здесь делаешь? — спросил недоумевающий Конан.

— Принцесса?! — воскликнул изумленно Сигурд. Румянец на его лице стал еще гуще; он потрясенно разглядывал полуголую девушку, с которой был так неучтив и груб.— Клянусь бородой Имира и огнем Ваала, ваше высочество, знал бы, с кем имею дело, я вел бы себя совершенно иначе! Я-то, помнится, деткой вас назвал, а вы, оказывается, вон каких кровей будете...— Сигурд опустился перед принцессой на колено и взглянул на Конана, который, улыбаясь, следил за происходящим.

Хабела ответствовала:

— Встань, капитан Сигурд, и больше не вспоминай об этом. О каком этикете сейчас можно говорить? Лучше скажи, знаком ли ты с капитаном Конаном, вторым моим спасителем?

— Конан... Конан...— задумался Сигурд.— Конан-киммериец?

— Верно,— пробурчал Конан.— Ты что, слышал обо мне?

— Да. Многое рассказывали о тебе в Тор...— Сигурд замолчал на полуслове.

— Ты хотел сказать — в Тортаге? — спросил Конан.— Я сразу понял, что в тебе есть что-то барахское. Когда-то я тоже входил в Братство, но потом вышел из него — уж слишком сомнительными делами оно стало заниматься.

Теперь я капитан «Вастреля», капера, состоящего на службе у короля Зингары. Как ты считаешь, сможем мы сойтись?

— Клянусь рыбьим хвостом Ллира и молотом Тора! Мы будем друзьями! — сказал ванир, пожимая Конану руку.— Куда труднее будет удержать от ссоры наших людей. Большинство моих людей — аргосцы, твои же люди, судя по всему,— зингарцы, они в один миг перегрызут друг другу глотки. Ни ты, ни я не принадлежим к этим народам, потому и упрекать нам друг друга не в чем.

— Это верно,— согласился Конан.— Но скажи, как же вас занесло сюда?

— У южного берега этого треклятого острова мы напоролись на рифы. Нам удалось спасти почти все имущество и провиант, но капитан наш заболел и вскоре умер. Я был его помощником и потому вот уже месяц выполняю его обязанности. И все это время мы занимались одним-единственным делом — сколачивали такой плот, что мог бы доплыть до большой земли.

— Ты что-нибудь знаешь о черном храме?

— Конечно, знаю. И я, и мои люди видели его не раз. От него веет таким злом, что мы туда и близко не подходим.— Сигурд посмотрел на запад — красный диск солнца уже касался края синих вод.— Можете считать меня кем угодно, но все эти прогулки по джунглям и сражения с чудищами вызывают у меня только одно желание — желание выпить. Позвольте пригласить вас в наш лагерь — надеюсь, там найдется то, чего так страждут наши истомившиеся души,— я говорю о вине. Его осталось немного, но, думаю, сегодня мы его заслужили.

8

КОРОНА КОБРЫ

Зароно был вне себя от ярости, когда, вернувшись на борт «Петреля», он услышал о том, что Хабела исчезла. Он приказал протащить под килем судна тех матросов, что несли вахту на юте и у каюты принцессы.

На следующее утро еще до рассвета почти все его люди вновь высадились на берег. Целый день команда Зароно прочесывала остров, пытаясь отыскать принцессу, без которой

планы заговорщиков теряли какой-либо смысл. Пиратам удалось обнаружить лишь несколько клочков ткани, свидетельствующих о том, что принцесса побывала на острове, однако ее самой, похоже, здесь уже не было.

Была обнаружена и стоянка людей Сигурда, но, опять-таки, стоянка была, а люди отсутствовали — барахских пиратов и след простыл.

На исходе дня сбитый с толку и злой, как никогда, Зароно вернулся на «Петрель».

— Менкара! — заорал он.

— Слушаю тебя, Зароно.

— Если твое колдовство хоть чего-то стоит, пришло время к нему прибегнуть. Покажи-ка мне, где теперь эта проклятая девчонка!

Вскоре уже сидел в своей каюте и смотрел на то, как стигиец проделывает уже знакомые ему процедуры. Угли в жаровне зашипели, и колдун запел:

— Яо, Сетеш...

Облако зеленого дыма стало уплотняться, и через несколько мгновений Зароно увидел перед собой морскую ширь. По спокойному морю тихо плыл небольшой изящный галеон. Все паруса его были подняты, но ветер был настолько слаб, что судно почти не двигалось.

— Конановский «Вастрель» попал в штиль,— сказал Зароно, когда видение померкло.— Хотел бы я знать, куда же он направляется?

Менкара развел руками.

— Для этого моего умения недостаточно. Если бы солнце стояло над горизонтом, я мог бы понять хотя бы то, в каком направлении движется галеон. Сейчас же, увы...

— Ты хочешь сказать,— взорвался Зароно,— что мы не сможем узнать даже этого?!

— К сожалению, я не Тот-Амон. Все, что мог, я уже сделал.

— Тогда скажи мне, видел ли ты принцессу?

— Нет. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что и она на «Вастреле», иначе мы его не увидели бы. Скорее всего, она спит в одной из кают.

— Знать бы об этом наперед, я бы вел себя с ней иначе,— проворчал Зароно.— И что же мы теперь будем делать?

— «Вастрель» мог пойти к берегам Куша, но скорее всего он направился назад, в Кордаву. Этот самый капитан Конан явно захочет доставить ее туда побыстрее — можно себе представить, сколько ему за это отвалит король.

— Если мы пойдем прямо на север, мы успеем перехватить их — или нет? А, Менкара?

— Думаю, что не успеем. Океан слишком велик. Помимо прочего, мы точно так же можем попасть в штиль, верно? И еще: они могут поплыть и к Шему, ведь Асгалуном правит брат короля Товарро. Мы слишком мало знаем о них. И ты, Зароно, забываешь о главной нашей цели.

— Девка и сокровища — вот и все наши цели!

— Ты забыл о великом Тот-Амоне. Если мы заручимся его поддержкой, нас уже не будет волновать то, вернется принцесса в дом отца или не вернется. Король магов управляет событиями так же легко, как кукольник управляет своими марионетками. Нам следует плыть на северо-восток, к берегам Стигии. Если при этом мы нагоним корабль Конана, будем считать, что нам повезло, если нет — расстраиваться не стоит.

Бросив якорь у берегов Стигии, Зароно отправился в глубь этой пустынной страны. Половина команды была оставлена на «Петреле», вторая половина, вооружившись до зубов, сошла на берег вместе со своим капитаном. Караванщики заломили такую цену, что у скупого Зароно глаза на лоб полезли,— но что было делать, иначе он не смог бы попасть к Тот-Амону.

Как и большинство моряков, Зароно крайне неуютно чувствовал себя на берегу. Он казался себе беззащитным, ему постоянно чего-то не хватало. Пустыня напоминает море, как ничто другое на земле; но и она была совершенно чужда Зароно. Ему не нравились ни мерная покачивающаяся походка своенравных верблюдов, ни сухой воздух, от которого пересыхала глотка.

Но что делать, он должен был все это терпеть. На третий день пути на горизонте появился оазис Хаджар. Вокруг странного черного озерца недвижно стояли темные пальмы. За ними угадывались очертания сооружения, имевшего весьма внушительные размеры.

Путники осторожно приблизились к оазису. Возглавлял процессию Менкара, ряса которого ясно указывала на его принадлежность к храму Сета.

Оазис казался совершенно мертвым. Странников никто не встречал, более того — не было слышно и птичьего пения. На краю оазиса путники остановились. Послушные погонщикам верблюды легли на песок. Зароно обратился к боцману:

— Следи за погонщиками. Эти псы, похоже, чем-то напуганы — как бы они от нас не удрали.

Дальше Зароно и Менкара шли уже пешком. Они обогнули мрачное черное озеро и подошли к большому строению. Озеро показалось Зароно зловещим. Его черные, словно уголь, воды поблескивали в лучах полуденного солнца. Местами поверхность озера была покрыта маслянистой радужной пленкой, постоянно менявшей свой цвет. На берегу стоял большой красноватый камень, формой своей напоминавший алтарь. Верхушка камня была покрыта бурыми пятнами. Зароно побледнел: похоже, из этого черного озера время от времени выходит тот, кому приносятся кровавые жертвы! Зароно был не робкого десятка, но от этой мысли ему стало страшно.

Озеро осталось у них за спиной. Они стояли перед входом в здание, сложенное из массивных блоков красноватого песчаника. Скорее это был не дом, но дворец,— уж слишком велик он был. Судя по тому, как были источены ветром его стены, можно было понять, что здание это простояло уже не одну сотню лет.

Для чего воздвигалось это сооружение, сказать было невозможно. Зароно, объехавший едва ли не весь свет, никогда не видел иероглифов, подобных тем, что украшали арку над вратами. Здание выглядело донельзя просто и строго, если оно на что-то и походило, то разве что на пирамиды близ затерянного в пустыне Кеми. Жилым его назвать было невозможно, скорее оно напоминало усыпальницу.

Раскрытые врата походили на разверстую пасть угрюмого чудища, затаившегося среди песков. Ни минуты не колеблясь, Менкара шагнул внутрь и рукою начертал в воздухе таинственные знаки. К ужасу Зароно, неосязаемые линии, проведенные перстами жреца, на мгновенье вспыхнули зеленоватым призрачным пламенем.

Тишину, стоявшую в здании, не нарушал ни единый звук — здесь не было ни стражей, ни слуг. Менкара осторожно двинулся вперед, Зароно не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним.

Коридор заканчивался ведшим вниз лестничным маршем, ступени которого были истерты до такой степени, что на них почти невозможно было удержаться. Вскоре спуск закончился; миновав небольшой коридор, путники вошли в просторную залу.

Зловещий зеленоватый свет лился от ламп, поддерживаемых медными змеями. В этом неверном изумрудном свете можно было разглядеть два ряда могучих колонн, украшен-

ных теми же знаками, что были начертаны на надвратной арке. Колоннада вела к трону, выточенному из черного блестящего камня, на котором сидел человек. Вскоре путники уже стояли перед ним.

На троне восседал смуглый широкоплечий великан, надменно смотревший на нежданных гостей. Голова его была обрита наголо. Темные глаза странно поблескивали. Он был одет в простую белую рясу, сшитую из грубой парусины. Единственным украшением этого человека было кольцо, надетое на один из пальцев правой руки,— медная змейка, трижды обвивавшая палец, кусала себя за хвост.

Строгая простота здания и отсутствие украшений на одеяниях великого мага как нельзя лучше раскрывали натуру Тот-Амона. Для этого человека мирские богатства и красоты были чем-то ничего не значащим. Он желал и искал только одного — власти над людьми.

В нескольких шагах от трона они остановились.

— Приветствую тебя, Менкара! — зычным голосом обратился к жрецу маг.

Менкара стал на колени и поклонился, коснувшись лбом темных каменных плит пола.

— По милости Отца Сета я прибыл сюда, о владыка! — еле слышно пробормотал жрец.

Тот-Амон страшил не только Зароно, жрец тоже трепетал перед ним. От этой мысли пирата бросило в пот.

— Что за зингарец стоит рядом с тобой? — спросил Тот-Амон.

— Это капитан пиратского галеона Зароно, о владыка. Он прибыл сюда как посланник Вилагро, герцога Кордавского.

Холодные змеиные глаза посмотрели на Зароно в упор. Зароно показалось вдруг, что разум этого человека настолько далек от всего земного, что людская суета может разве что раздражать его.

— И что же нужно Зингаре от меня, а мне от Зингары? — вкрадчивым голосом спросил Тот-Амон.

Менкара открыл уже было рот, но тут Зароно решил, что пришло время брать дело в свои руки. Он сделал шаг вперед и опустился перед троном на колено. Достав из кармана камзола письмо Вилагро, Зароно передал его Тот-Амону. Маг положил письмо себе на колени, так и не взглянув на него.

— О величайший из магов,— начал Зароно,— я пришел сюда, с тем чтобы от лица герцога Кордавского выразить

вам всяческое почтение и нижайше попросить вас о небольшой услуге, за которую герцог готов щедро расплатиться. О том же, в чем именно состоит эта услуга, вы сможете узнать из письма.

Тот-Амон так и не развернул пергаментного свитка — казалось, он уже был знаком с его содержанием. Презрительная улыбка заиграла на его губах.

— Я занимаюсь серьезной магией,— процедил маг сквозь зубы.— Золото Вилагро меня нисколько не интересует. Что же касается низвержения культа Митры и восстановления веры Отца нашего Сета, то это мне по душе.

— Это еще не все, о владыка! — сказал Менкара, доставая из-под рясы «Книгу Скелоса».— В знак серьезности намерений герцога мы просим вас принять из наших рук сей дар.— Он возложил древний манускрипт к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга, взлетев в воздух, раскрылась и мягко легла ему на колени. Маг лениво перевернул несколько страниц и вновь обратил свой взор на Менкару.

— Подарок действительно редкостный,— сказал он.— Я и не думал, что существует третья копия. Впрочем, быть может, вы ограбили Аквилонское книгохранилище?

— Нет, о владыка,— ответствовал Менкара.— Нам посчастливилось найти эту книгу в западных морях, на Безымянном острове...

Менкара неожиданно замолк, почувствовав, что мрачный гигант, восседавший перед ними, внутренне напрягся. Холодное пламя заплясало в его черных змеиных глазах. От трона повеяло лютым холодом. Зароно никак не мог взять в толк, чем же они разгневали великого мага.

— Что еще взяли вы у алтаря Цатогуа, бога-жабы? — спросил Тот-Амон. Слова его были мягки и вкрадчивы, словно меч, вынимаемый из ножен.

Менкара смутился.

— Ничего, о ужасный владыка,— книгу да пару мешочков с каменьями...

— Ты говоришь о тех мешочках, что лежали на книге?

Менкара кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Тот-Амон поднялся на ноги; глаза его заблистали адским огнем. Зала озарилась ярким сиянием. Громовым голосом маг произнес:

— Вы, жалкие черви! И эти идиоты служат мне, Тот-Амону! О Сет, дай мне слуг не столь глупых! Аи кан-фог, яаа!

— О великий! О повелитель магов! Чем же мы могли тебя разгневать? — запричитал Менкара, пав ниц перед своим господином.

Могучий стигиец устремил на гостей взор, исполненный гнева. Громоподобный голос сменился змеиным шипением.

— Знайте, глупцы, что под каменным идолом было сокрыто то, что куда дороже всех земных богатств, то, в сравнении с чем «Книга Скелоса» — жалкий клочок бумаги! Я говорю о Короне Кобры!

Зароно вздрогнул. Не единожды он слышал истории об этом священном талисмане жителей Валузии, равного которому не было на всей земле,— эта корона змеиных королей некогда позволила им захватить всю Землю. Они взяли лишь книгу и каменья, главное же сокровище осталось на острове!

9

И СНОВА ВЕТЕР

Штиль, застигший «Вастрель» неподалеку от Безымянного острова, казался нескончаемым. Моряки сидели вдоль борта и от нечего делать ловили рыбу. В полукабельтове от «Вастреля» гребцы шлюпа, связанного с галеоном тросом, потели на веслах, пытаясь вывести корабль из мертвой зоны.

Конан ругался на чем свет стоит и призывал своих свирепых киммерийских богов, однако и это ему не помогало — паруса так и оставались безжизненными. Южная часть горизонта была затянута тучами, по ночам там сверкали молнии; здесь же небо было совершенно ясным, а воздух — недвижным.

Огромный киммериец уже начинал волноваться. Теперь его мог нагнать корабль Зароно, если только ему больше повезло с ветром. Впрочем, зингарец мог поплыть и совсем в ином направлении — этого тоже нельзя было исключить.

Проблем на «Вастреле» хватало и без Зароно. С одной стороны, подходил к концу запас провианта и пресной воды. С другой — на корабле кроме его команды была и команда Сигурда. Конану нравился отважный рыжебородый юноша из Ванахейма, и потому он позволил барахцам делить каюты с его собственными людьми. Он знал, что это может привести к неприятностям, и в ожиданиях своих не обманулся.

Пираты Зингары и пираты Аргоса издавна соперничали друг с другом. Им приходилось сражаться слишком часто, для того чтобы хоть на время установить перемирие.

Но моряки есть моряки, и закон у них один. Конан не мог сняться с якоря, оставив на берегу таких же, как он сам, моряков, пусть поступок его и казался совершенно безрассудным. С Сигурдом они ладили, но этого, к сожалению, нельзя было сказать об их командах. Зингарцы постоянно изводили насмешками злосчастных аргосцев, пока наконец не вспыхнула драка. Тогда Конану и Сигурду удалось разнять потерявших голову морских волков, но было понятно, что вот-вот — и случится новая драка.

Штиль только подливал масла в огонь. Конан выругался и крепко сжал поручень: если бы ветер задул вновь, моряки были бы слишком заняты, для того чтобы разбираться, кто из них прав, а кто виноват.

Конану не давала покоя и другая проблема. Хабела поведала ему все, что она знала о Зароно и его спутнике — стигийском маге со змеиным взглядом. О чем-то они проговорились, что-то она подслушала, к чему-то она пришла сама. Все говорило о том, что маг и Зароно готовили заговор, направленный против короля.

Киммериец оказался перед дилеммой. Для простого пирата придворные интриги не значат ровным счетом ничего, к тому же Фердруго Зингарскому он был обязан немногим. Старый король дозволил ему командовать капером, состоящим на службе у Зингары, и пользоваться кордавской гаванью. Но скорее всего, Конану не отказал бы в этом и любой другой правитель Зингары. Более того, вряд ли кто-то другой запросил бы с него столь высокий процент, как это сделал король Фердруго.

Впрочем, в подобных ситуациях примитивное рыцарство, присущее киммерийцам, всегда брало верх над соображениями выгоды. Конан, этот грубый варвар, не мог бесстрастно наблюдать за тем, как отец прекрасной Хабелы слабеет и хиреет день ото дня, преследуемый коварными заговорщиками и стигийскими магами. Даже не понимая того, во что он вмешивается, Конан решил принять сторону принцессы.

Вряд ли в этом он был совершенно бескорыстен. У пирата тоже были свои амбиции. Киммериец никоим образом не желал заниматься пиратским ремеслом до конца своих дней. Если же он спасет короля и принцессу от тенет, сплетенных предателями и заговорщиками, если он поддержит

пошатнувшийся трон, разве он не вправе будет требовать вознаграждения? Разве после этого он не может стать герцогом или адмиралом?

Конан стал подумывать даже о том, чтобы связать свою жизнь с принцессой Хабелой и со временем занять место стареющего монарха. За недолгую, но бурную его жизнь множество женщин оказывали ему знаки внимания. Киммериец неизменно вел себя благородно, но никогда не подумывал о том, чтобы связать себя узами законного брака. Он не мог изменить себе — кровь его жаждала путешествий, приключений и битв; мысль же о том, что он будет привязан к семейному очагу, будет исполнять обязанности главы семьи, его просто пугала.

Ему исполнилось уже тридцать пять. И хотя прожитые годы не оставили на нем и следа,— если не считать бесчисленных шрамов, покрывавших его тело,— он понимал, что его нынешняя бурная жизнь когда-то должна кончиться. Теперь ему надлежало задуматься о будущем. Хабела была красива и мила, сильна и умна, кроме того, он, Конан, судя по всему, нравился ей. Кто знает, что ему сулит будущее...

Поморщившись, Конан покинул палубу и направился к себе в каюту. Едва он сел в кресло, как вниманием его завладел блеск алмазов. Конан улыбнулся: по крайней мере, сплавали они не зря. На столе в лучах полуденного солнца поблескивали бесчисленные каменья, украшавшие собой Корону Кобры.

После того как разбился каменный идол и путники спустились с утеса, дорога вновь привела их к черному храму. Злые чары, окутывавшие его, совершенно рассеялись. Таинственное сооружение поблескивало на солнце. Оно уже не ужасало так, как прежде, и вызывало скорее любопытство, чем страх.

Конан вновь осторожно вступил под своды храма. На том месте, где не одно столетие просидел похожий на жабу идол, зияла черная дыра. Конан заглянул в нее и заметил какое-то поблескивание. Неужели Зароно что-то оставил? Киммериец сунул в дыру руку и достал оттуда Корону Кобры.

Золотая корона была инкрустирована тысячами искрящихся алмазов. Конан понимал, что камни эти разрезаны и ограпены, хотя знал и о том, что гранить алмазы люди не могут (в те дни это искусство людям было неведомо). Ряд сужающихся к вершине колец образовывал конус, из вер-

шины которого изогнутая золотая змейка свешивала свою голову так, что та оказывалась в межбровье того, кто надевал корону. Стоимость украшавших корону алмазов трудно было даже представить. Поход на Безымянный остров увенчался успехом.

От невеселых мыслей Конана отвлек громоподобный рев: «Клянусь грудью Фригги и фаллосом Шайтана!»

Конан заулыбался, узнав голос ванира Сигурда. В следующее мгновенье рыжебородый, раскрасневшийся от возбуждения северянин уже стоял у него в дверях. Прежде чем Сигурд успел что-то сказать, Конан понял, что же вызвало у него столь бурный восторг: ветер вновь запел свою песнь, ветер вновь был с ними.

И что это был за ветер! Два дня и ночь ураган носил «Вастрель» по волнам, грозившим перевернуть его, два дня и ночь матросы не сходили с вахты. Нет, не случайно моряки Хайборийских стран избегали этих гибельных вод.

Когда ветер утих, «Вастрель» бросил якорь в неведомой бухточке. Где именно они находились, Конан не знал, потому что небо и днем и ночью было затянуто непроницаемой облачной завесой; ясно было только одно: они вновь подошли к большой земле. Судя по всему, ветер унес их далеко на восток. Пышные тропические заросли подступали к самому берегу, и это значило, что луга Шема остались где-то на севере. Это могла быть и Стигия, и царство Куш, и неведомые страны, населенные чернокожими людьми.

— Что-то я никак не возьму в толк — куда это нас занесло? — ворчал помощник капитана Зельтран.

— Черт его знает, ведь он нас сюда и занес,— отвечал ему Конан.— Для нас главное — найти воду. В бочках нет ничего, кроме ила. Подбери людей, которые смогут отправиться на берег, и загрузи в шлюп бочки. Да только не мешкай!

Зельтран поспешил на главную палубу. Через несколько минут, когда люди уже сидели в лодке, Сигурд, хмуро посмотрев на берег, смачно выругался. К груди ванир пристегнул широкую кожаную перевязь.

— Что тебе так не понравилось? — спросил Конан.

Сигурд пожал плечами.

— Да это я так, приятель, просто берег этот мне не нравится — похоже, это какой-нибудь Куш.

— Ну и что из этого? Если нас относило на восток, то мы и должны были оказаться в Куше.

— Ну а если это так, то честным морякам здесь делать нечего. Этим черным демонам ничего не стоит съесть нас вместе с потрохами. Ну а чуть подальше — если верить моряцким рассказам — живет племя, состоящее из одних женщин, столь искусных в ратном деле, что против них не устоит ни один мужчина.

Конан смотрел на шлюп, быстро удалявшийся от корабля.

— Возможно, ты и прав, но без воды нам тоже не обойтись, да и провианта у нас маловато. Вот только загрузимся — и сразу пойдем на север, к Кордаве.

10

ЧЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Гавань, в которую они заплыли, лежала в устье небольшой илистой реки — по берегам вставал лес высоких пальм, стволы которых были скрыты густым подлеском. Шлюпка вышла на мелководье, и пираты, сойдя с нее, потащили ее на берег. По берегу были выставлены лучники, остальные же, взяв пустые бочки, направились к реке. Они шли все дальше и дальше, время от времени пробуя воду на вкус, и вскоре скрылись из виду.

Конан, отправившийся на берег со второй шлюпкой, скрестив руки стоял на корме и хмуро рассматривал берег. Очертания берегов казались ему странно знакомыми, в памяти всплыло и название реки — Зикамба. Возможно, это место было знакомо ему по картам; возможно, он уже и бывал здесь в ту пору, когда они путешествовали вместе с Белит. Он заулыбался, вспомнив о том, как сражались бок о бок он и Белит, о том, как преследовали их орды чернокожих пиратов. Белит — смуглая и томная, словно пантера, чьи глаза казались темными звездами, Белит — его первая и последняя любовь...

С внезапностью тропического урагана из подлеска выскочила банда нагих чернокожих головорезов, с телами, раскрашенными яркими красками, расцвеченными пестрыми бусами и перьями. Их набедренные повязки были сшиты из шкур диких зверей, в руках они сжимали копья с пышным опереньем.

Вскрикнув от неожиданности, Конан выхватил из ножен свою огромную саблю и закричал:

— Пираты, ко мне! К оружию! К оружию!!!

Предводителем черных воинов был рослый детина, чье тело казалось выточенной из черного мрамора скульптурой гладиатора. Чресла его были прикрыты шкурой леопарда, на щиколотках и запястьях позвякивали браслеты. Голова его была украшена султаном из павлиньих перьев, взгляд умных темных глаз исполнен царского достоинства.

Вождь тоже показался Конану удивительно знакомым. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Он отбежал от берега и присоединился к своим товарищам, изготовившимся встретить неприятеля лицом к лицу.

Внезапно вождь дикарей замер и, подняв свои длинные могучие руки, прокричал:

— Симамани, воте!

Услышав окрик вождя, чернокожие воины замерли, лишь один из них — тот, что стоял рядом с вождем,— продолжал раскручивать страшный ассегай, метя им в Конана. Но стоило руке воина пойти вперед, как вождь стремительным движением сбил его с ног страшным ударом своего кирри. Воин упал на желтый песок.

Конан приказал своим людям повременить с атакой. Какое-то время противники стояли друг против друга, держа наготове отравленные копья и луки. Конан и черный великан, тяжело дыша, стояли лицом к лицу. И тут вождь заулыбался, блеснув белоснежными зубами.

— Конан! — сказал он на гирканском языке.— Как ты мог забыть своего старого товарища?

Только теперь Конан вспомнил, где же он видел этого воина.

— Юма! Клянусь Кромом и Митрой, да это же Юма! — закричал он.

Отбросив саблю в сторону, он подбежал к вождю и заключил его в объятия. Пираты изумленно смотрели на гигантов, дружески похлопывающих друг друга по спине и пожимающих друг другу руки.

Некогда Конану привелось служить в легионе царя Илдиза Туранского, чье царство находилось далеко на востоке. Юма из Куша был в легионе таким же наемником, как и он сам. Во время похода в далекую Гирканию Юма и Конан охраняли одну из дочерей Илдиза, которая должна была обручиться с предводителем степных кочевников.

— Ты помнишь сражение в снегах Талакмаса? — спрашивал Юма.— А помнишь этого страшного маленького то ли царька, то ли божка? Кажется, его звали Джалунг Тхонгпа*.

— Конечно, помню! А помнишь, как ожил тот зеленый идол царя демонов Ямы, что был размером с лошадь? Он раздавил единственного сына Джалунга так, словно тот был клопом! — Конан радовался, как маленький ребенок.— Клянусь Кромом, хорошее это было времечко! Но ответь мне именем девяти алых царств ада, какого черта ты здесь делаешь? И как ты стал вождем этих воинов?

Юма рассмеялся:

— Где же еще, как не на Черном побережье, должен быть черный воин? И если я родился в Куше, разве я не могу жить в Куше? Но я хочу задать тот же вопрос и тебе, Конан. С каких это пор ты стал пиратом?

Конан пожал плечами.

— Я человек, и мне надо на что-то жить. К тому же я занимаюсь не пиратством, а честным каперством и нахожусь на службе у короля Зингары. Это совсем разные вещи, как ты понимаешь. Но расскажи мне о том, что ты делал все это время. И почему же ты оставил Туран?

— Джунгли и саванны мне куда привычней, Конан,— я ведь не северянин, как ты. Мне в конце концов надоели постоянные простуды. После того как ты ушел на запад, нашим приключениям пришел конец. Я мечтал только о том, чтобы еще хоть разок увидеть пальму да переспать с чернокожей красоткой где-нибудь под кустами гибискуса. И тогда я оставил службу и отправился на юг, к Черным Королевствам. Теперь же я и сам — царь!

— Царь? — недоверчиво переспросил Конан.— Царь чего? Мне казалось, что здесь нет ничего, кроме банд голозадых дикарей.

Лукавая улыбка заиграла на лице Юмы.

— Ты прав, и так оно и есть, или, точнее, так все и было, пока Юма не пришел и не научил их искусству войны.— Юма повернулся к своим воинам, озадаченным тем, что их вождь говорит с чужим вождем на непонятном им языке.— Рахиси! — сказал Юма.

---

* См. «Город черепов».

Негры тут же успокоились и расселись на песке. Пираты сделали то же самое, хотя и продолжали смотреть на негров с недоверием. Юма продолжил свой рассказ:

— Наше племя долгое время враждовало с соседями. Мы завоевали их земли, и тогда это соседнее племя слилось с нашим, я же стал их вождем. Затем мы смогли покорить еще два племени, и тогда я стал правителем. Теперь же я владею всем этим берегом, и владения мои простираются на пятьдесят лиг. У нас больше нет отдельных племен, мы стали народом. Сейчас я мечтаю о столице, которая смогла бы достойно представлять нас.

— Черт возьми, Юма,— поразился Конан,— похоже, у этой самой цивилизации ты смог научиться куда большему, чем я,— только подумать, как ты преуспел в этой жизни. Ну что ж, удачи тебе! Когда твои головорезы полезли из кустов, я уж было решил, что богам наскучило возиться с нами и они решили смахнуть нас с доски, чтобы начать новую партию. Мы высадились на этот берег, с тем чтобы пополнить запасы воды, а принес нас сюда ураган, которому предшествовал затяжной штиль, ну а перед этим нам привелось побывать на острове, по которому шастают духи змей и каменные статуи.

— Водою теперь ты можешь залиться,— пообещал Юма.— После того как вы погрузите на борт все необходимое, вы станете моими гостями. Я устрою такой праздник, с которого уйти вам будет непросто. У меня только что созрело банановое вино, которого хватит даже на то, чтобы утолить вашу жажду!

Эту ночь почти вся команда Конана провела на ратановых матах деревни Кулало; аргосцы остались на борту «Вастреля». Кулало, которое по размерам своим скорее было городом, представляло собой три кольца конических хижин, сложенных из бамбука и пальмовых листьев; снаружи деревня была огорожена высокой изгородью и плотно посаженными кустами колючего кустарника.

В самом центре поселка была вырыта огромная яма, наполненная дровами. На огромных вертелах жарились туши быков, антилоп и свиней. Резные деревянные ведра были доверху наполнены сладковатым, обманчиво легким банановым вином. Ведра стремительно опустошались, но их наполняли вновь и вновь. Черные музыканты выстукивали сложные ритмы на своих огромных барабанах, звучали флейты и

инструменты, отдаленно напоминавшие лиру. Юные негритянки, напрочь лишенные одежды, танцевали у костра, звеня браслетами, хлопая в ладоши и услаждая собравшихся пением. Матросы тем временем пожирали жаркое, лакомились просяными пирогами, политыми сиропом из сорго, и диковинными тропическими фруктами.

Вскоре на берег прибыли и люди Сигурда. Увиденное поразило аргосцев. Обилие еды, питья и развлечений тут же заставило их забыть о недавних сварах с зингарцами. Прелестницы, плясавшие у костра, то и дело оказывались в объятиях матросов где-нибудь за ближайшей хижиной, чтобы через какое-то время вновь появиться в круге подруг.

Конан не на шутку испугался: пираты не видели женщин уже несколько недель, и совладать с ними было невозможно. К его изумлению, черные воины царя Юмы ничуть не возражали против того, что их женщины спали с чужеземцами, напротив — похоже, они даже принимали это за известный комплимент им, мужчинам. Вздохнув с облегчением, Конан подумал, что у варварства есть и несомненные преимущества перед тем образом жизни, который принято величать цивилизованным.

Однако принцесса Хабела нашла такое поведение недостойным, о чем не замедлила сказать вслух. Она сидела между Конаном и Юмой. Вождь и капитан вели бесконечную беседу, вспоминая былые подвиги и приключения, выпавшие на их долю в далеком Туране. То и дело Конан изумленно поглядывал на Хабелу, с неприязнью взиравшую на происходящее.

Конан несколько побаивался того, что Юма в обмен на оказанное им гостеприимство может возжелать объятий Хабелы. Для уроженца Куша подобное желание было бы не просто прихотью, но, скорее, проявлением учтивости. Пока Конан ломал себе голову над тем, как же выйти из этого затруднительного положения, Юма сам разрешил все его сомнения, сказав, что понимает, чем отличаются варвары от людей цивилизованных, и гордо отказался от права обладать Хабелой.

Конан рыгнул.

— Клянусь Кромом, приятель! Вот это жизнь! Мне ни разу не удалось взглянуть на эти треклятые звезды, вот нас и занесло так далеко на юг. Такое ощущение, что мы оказались в легендарной стране амазонок.

Киммериец вновь приложился к бочонку с вином.

Юма заметно протрезвел.

— Если ты хочешь знать, то в каком-то смысле так оно и есть. По крайней мере, воительницы из Гамбуру — их столицы — утверждают, что этот берег принадлежит им. Пока у них не хватает сил на то, чтобы доказать это оружием, ведь между моими землями и землями амазонок живут и другие племена.

— Да? Говорят, что эти девицы здорово сражаются, верно? Я рад, что мне не пришлось испытать этого на собственной шкуре,— сражаться с женщиной не в моих правилах. У тебя были какие-нибудь проблемы с ними?

— Немного, да и то в самом начале. Я пытаюсь научить своих ребят стрельбе, я хочу, чтобы они делали это не хуже туранцев.— Юма сокрушенно покачал головой.— Но это дело непростое. Из того, что здесь растет, луков не сделаешь, мои же красавцы отказываются ставить оперение на стрелы. Они становятся упрямыми как ослы и говорят мне, что с тех самых пор, как Дамбалла сотворил мир, стрелы делаются так-то и так-то, а значит, они и должны так делаться. Иногда мне кажется, что легче научить зебру игре на кифаре. И все же, как бы то ни было, мои люди — лучшие лучники во всем Куше. Когда амазонки предприняли последнее свое наступление, иные из тех, что остались на поле боя, были так истыканы стрелами, что походили на дикобразов.

Конан было засмеялся, но тут же осекся и приложил ладонь к горящему лбу. Сладковатое винцо действительно было обманчиво. Смущенно извинившись, Конан пошатываясь побрел за соседнюю хижину. Пора было объявлять отбой. Он вернулся к костру и, усевшись на царские маты, взял в руки мешок, прихваченный им с собой. В мешке лежала завернутая в одеяло Корона Кобры. Он решил не оставлять ее на «Вастреле», ибо вид алмазов мог смутить и самого честного и преданного человека. Он привык гордиться своими людьми и потому старался не вводить их в соблазн.

Пожелав спокойной ночи Сигурду, Зельтрану, Юме и чопорной принцессе, Конан побрел к хижине, отведенной специально для него. Вскоре из хижины раздался громоподобный храп.

Захмелевший Конан не заметил того угрюмого взгляда, которым проводил его один из воинов Юмы, коварный Бвату. Именно он хотел метнуть в Конана ассегай, именно его

Юма сбил с ног. Сердце Бвату терзалось обидой. Бвату был одним из лучших воинов Юмы и входил в военный совет, с ним же обошлись как с мальчишкой. Пока шел пир, Бвату, не выпивший ни капли вина, то и дело посматривал на сверток, лежавший возле Конана. Внимание, которое белый капитан уделял свертку, ясно указывало на то, что в нем находится нечто в высшей степени ценное.

Бвату запомнил и хижину, в которую вошел Конан. Пиршество все еще было в разгаре, когда он, пошатываясь, словно пьяный, отошел от костра и исчез в тени. Как только Бвату скрылся от посторонних взоров, он направился одной из тенистых улочек к той самой хижине, в которой спал Конан. В призрачном лунном свете блеснул кинжал, только что полученный Бвату от пирата, переспавшего с одной из его жен.

Далеко на севере, в стигийском оазисе Хаджар, Тот-Амон занимался изысканиями в астральном плане в надежде обнаружить хоть какие-то следы древней реликвии народа Валузии. Менкара и Зароно спали в кельях, расположенных за стенами святая святых его дома — его лаборатории. Вскоре всесильный стигиец понял, что все старания его напрасны,— корона бесследно исчезла. Он сидел совершенно недвижно, глядя в никуда.

В огромной хрустальной сфере, возникшей словно ниоткуда перед его троном всевластия, кружили и сменяли друг друга тени. Бледное изменчивое сияние, исходившее от фигур, двигавшихся по сфере, освещало резные своды залы.

Теперь Тот-Амон знал, что тайник, находившийся под каменным идолом Цатогуа, богом-жабой, был пуст. Корону могли похитить какие-то другие мореплаватели, оказавшиеся на Безымянном острове случайно или, быть может, намеренно. С помощью магической сферы Тот-Амон осмотрел весь остров. Там не было не только Короны, но и ни единого человека. Не было здесь и Хабелы, о бегстве которой поведал ему Зароно. Исчезновение Короны и Хабелы, а также гибель каменного идола говорили о том, что в дело вмешались неведомые ему силы.

В зале стояла полнейшая тишина. По резным каменным стенам плыли тени; фигура, недвижно сидевшая на троне, тоже казалась изваянной из камня.

11

ТЕНЕТА СУДЬБЫ

Застать Конана-киммерийца врасплох было почти невозможно, однако на сей раз произошло именно это. Легкий на вкус, но крепко ударявший в голову напиток буквально свалил его с ног. Конан безмятежно спал, пока смутное чувство опасности не заставило его проснуться. Он неспешно поднялся с ложа и тут же почувствовал, что произошло нечто непредвиденное. Он стал оглядывать хижину, не понимая, в чем же дело.

И тут его словно громом поразило. В тростниковой стене был сделан длинный разрез, через который можно было проникнуть внутрь хижины. От прорехи в стене веяло холодом.

Конан перевел взгляд на ложе, туда, где должен был лежать сверток. Чертыхнувшись, он выскочил из хижины и стал вглядываться в непроглядную темень, в надежде увидеть вора. Корона Кобры исчезла.

Ярость охватила его. Зарычав, словно зверь, киммериец выхватил саблю из ножен и побежал к центру деревни, извергая на ходу немыслимые проклятья.

Праздник все еще продолжался, хотя практически никто уже не держался на ногах. Гигантский костер, разведенный с вечера, догорал. Над кронами пальм ярко блистали звезды. Среди тех, кто все еще бодрствовал, Конан увидел Юму и Сигурда. Его крик заставил их вскочить на ноги.

Стараясь быть кратким, киммериец поведал им о происшедшем. Корона была единственной их добычей, и потому Конан был вне себя от ярости.

Вскоре о происшедшем знали уже все. Через несколько минут люди Кулало обнаружили, что один из их людей бесследно пропал.

— Бвату! Пусть же Дамбалла сожжет его черную душу! — гневно вскричал Юма, пришедший в страшный гнев оттого, что его люди посмели ограбить гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заревел Конан.

Юма угрюмо кивнул и описал внешность преступника.

— Так это тот самый негодяй, которого ты едва не зашиб на берегу? — спросил Конан.

— Да, это он и есть. Тогда-то он на нас обиду и затаил.

— И как это он сообразил? — вступил в разговор Сигурд.— Что же теперь делать? Скажи-ка, царь Юма, куда он мог побежать? Клянусь кишками Аримана и огненными когтями Шайтана, мы должны отправиться вдогонку за ним, пока этот мерзавец не ушел далеко!

— Скорее всего он направился к землям наших врагов матамба.— Юма показал на северо-восток.— Дальше на север он не пойдет — там он может попасть в руки гханатов, промышляющих торговлей рабами. На юго-восток идти тоже опасно — там лежит...

Выслушивать неспешные рассуждения Юмы, в то время как сказочное богатство уходит все дальше и дальше, Конан был не в силах. Он грубо перебил царя:

— Я чувствую, ты будешь рассуждать еще долго! Покажи мне тропу, что ведет в земли матамба.

— Дорога, идущая от Восточных ворот, разветвляется, тропа, о которой ты спрашиваешь, идет на северо-восток.

Не слушая дальнейшего, Конан побежал к своей хижине. По пути он схватил кувшин с водой и выплеснул его содержимое себе на голову. Он стал походить на морское чудище, однако вялость и головная боль тут же оставили его.

Отбросив назад гриву черных волос, Конан увидел перед собой закутавшуюся в одеяло принцессу.

— Капитан Конан! — закричала она.— Что случилось? На нас напали?

Он покачал головой.

— Нет, детка. Пока я храпел, у меня из-под носа увели золотую корону, расцвеченную тысячами алмазов. Ступайка ты баиньки, деточка, у меня нет времени на разговоры!

К киммерийцу подбежал запыхавшийся Сигурд.

— Послушай-ка меня, Конан! Юма сейчас поднимет самых быстрых своих воинов. Одному соваться в джунгли нельзя. Бог его знает, что там за звери,— ты уж лучше подожди Юму.

— Да идите вы все к черту! — взревел Конан и свирепо завращал глазами.— Я не стану ждать, пока след Бвату остынет; если же на моем пути и попадется какой-то зверь, что ж, тем хуже для него!

Не вступая в дальнейшие споры, Конан помчался дальше. Словно разъяренный буйвол, он пронесся мимо Восточных ворот и вскоре исчез из виду.

— Ну и характер у киммерийцев! — выругался Сигурд. Северянин посмотрел на принцессу, пожал плечами и пус-

тился вслед за своим товарищем, крича на бегу: — Подожди меня! Один ты ничего не сделаешь!

В деревне поднялась страшная суматоха. Юма вместе со своими военачальниками носился по улочкам, пытаясь привести в чувство воинов.

Хабела вернулась в свою хижину и облачилась в грубое матросское платье, выданное ей Конаном,— брюки, ботинки и куртку. Стараясь держаться в тени, принцесса побежала к Восточным воротам.

— Если этот пьяный олух думает, что вправе командовать принцессой Дома Рамиро, то он сильно ошибается! — зло бормотала Хабела.

Однако никак не уязвленное самолюбие заставило ее покинуть Кулало и в одиночку последовать вслед за Конаном. Нет, на то была причина куда более серьезная. Несмотря на всю видимую грубость киммерийца, он всячески пекся о принцессе и был полон решимости защищать ее. Он пообещал доставить ее к отцу в целости и сохранности, и, похоже, этим словам можно было верить. В киммерийце Хабела была уверена куда больше, чем в его команде; кроме того, здесь кроме пиратов были и чернокожие варвары, которыми командовал Юма. С этими мыслями принцесса вошла в джунгли. Где-то вдали раздался рев леопарда.

Вот уже несколько часов Конан бежал по тропе, ведущей в земли матамба; Сигурд остался где-то далеко позади. Киммериец остановился, чтобы перевести дух, и стал подумывать о том, чтобы дождаться северянина. Но тут в его сознании вновь блеснула мысль о том, что, пока он медлит, коварный кушит уходит от него все дальше и дальше; гнев вновь овладел Конаном, и он с удвоенной силой понесся вперед.

Джунгли Куша были хорошо знакомы ему — лет десять тому назад он командовал воинами племени Бамула, что жило несколько севернее. Человек не столь опытный не пойдет в одиночку по джунглям, убоявшись диких зверей, живущих в них. Конану же повадки леопардов были известны,— при всем их коварстве звери эти не отличаются особенной смелостью. На людей они нападают редко, да и то только на старых или больных, предпочитая им добычу поскромнее. Страшный шум, с которым Конан несся по извилистой тропке, был лучшей защитой от хищников.

Вне всяких сомнений, в джунглях живут не только огромные кошки, но и другие, куда более опасные звери: громадные гориллы, тяжеловесные носороги, огромные буйволы, гигантские слоны. Но все эти животные питаются травой и на человека нападают лишь тогда, когда он разгневает их или окажется на их тропе. Конану посчастливилось избежать встречи с ними.

Небо начинало светлеть. Конан остановился у родника, чтобы утолить жажду и омыть холодной водой разгоряченное тело. Вся его рубаха была изорвана колючими лианами, грудь и плечи были покрыты глубокими ссадинами, разъедаемыми потом.

Выругавшись, Конан пригладил волосы, смахнул пот со лба и ненадолго застыл, пытаясь собраться с силами. Отдых его был недолгим — киммериец заставил себя подняться и вновь пустился в погоню, чертыхаясь на каждом шагу. Не единожды ему приходилось испытывать себя на прочность, и он знал, что не найдется такого человека, которому бы он, Конан, уступал в выносливости.

Над джунглями Куша всходило солнце. Леопарды возвращались с охоты — кто голодный, кто сытый,— чтобы забыться сном и так переждать жару.

Становилось все светлее; теперь Конан видел на тропе следы голых человеческих ног: судя по всему, человек этот пробегал здесь совсем недавно. Вне всяких сомнений, это были следы Бвату. Другой человек давно бы уже лежал бездыханным, Конан же только прибавлял и прибавлял скорость — он несся вперед, словно зверь, учуявший добычу.

Прошло совсем немного времени, а Хабела уже сожалела о том, что решила пойти вслед за Конаном. Ни Конан, ни Сигурд не знали, что она идет за ними; о том же, чтобы догнать их, не могло быть и речи. Тропинка все время петляла. Хабела даже не заметила, когда она сошла с нее, и вскоре окончательно сбилась с пути. Луна уже села, и джунгли погрузились в совершенную мглу. Кроны деревьев сходились, образовывая плотный полог, затмевавший собою звезды, и потому принцесса не знала даже того, в каком направлении она движется. Она беспомощно брела по лесу, то и дело натыкаясь на стволы деревьев, спотыкаясь о корни и борясь с густыми зарослями колючего кустарника.

Отовсюду слышалось стрекотание и жужжание ночных насекомых. Хабела ужасно боялась лесных зверей и потому

озиралась на каждом шагу. Время от времени из джунглей слышались тяжелые шаги и треск сучьев — от этих звуков принцессе становилось не по себе.

Ближе к рассвету дрожащая от страха и усталости девушка вышла на мшистую прогалину. Дальше идти она уже не могла. Как она могла совершить такую глупость, как она могла сойти с тропинки? Хабелу стало клонить в сон.

Она проснулась оттого, что сильные черные руки схватили ее под локти и заставили подняться на ноги. Ее окружали худые чернокожие люди в тюрбанах и изодранных накидках. Принцессе связали руки; крики ее тонули в хохоте дикарей.

Конан нисколько не сомневался в том, что он догонит Бвату, и вскоре он действительно догнал его. Однако Бвату не мог вернуть киммерийцу украденную корону. Он был мертв, и руки его были пусты.

Вор лежал на тропе, уткнувшись лицом в землю, обильно политую кровью. Тело его было изрублено в клочья. Склонившись над телом, Конан стал изучать раны. Похоже, Бвату был убит стальным клинком, а не копьем с бронзовым или кремневым наконечником, какие были в ходу в этих землях. Бронзовые лезвия легко тупятся и потому оставляют рваные раны; судя же по тому, что видел перед собой Конан, убийца Бвату орудовал клинком из превосходной стали. Черные племена Куша не знают стали и не умеют плавить железо; те немногие клинки, что оказались в этих землях, попали сюда с севера, населенного народами более цивилизованными,— из царства Куш, из Дарфара и Кешана.

Неужели это сделали черные амазонки? Неужели это они убили вора и похитили корону, лишив его как собственности, так и возможности отомстить подлому врагу? Конан поднялся, и в тот же миг с дерева, стоявшего рядом, ему на плечи упала тяжелая сеть. Она тут же спеленала его по рукам и ногам. Конан зарычал и, выхватив саблю, хотел уже было разрубить тонкие тенета, но те стягивались все туже и туже, не давая ему произвести замах.

Ему казалось, что он попал в тенета огромного паука; каждое его движение приводило лишь к тому, что он увязал в сети все больше и больше. Из-за кустов появились чернокожие люди в тюрбанах, что привычно натягивали веревки, оплетавшие киммерийца, похожего теперь на кокон огром-

ной бабочки. С дерева слезло еще несколько человек; сильными точными ударами они быстро оглушили свою жертву.

Прежде чем забыться, Конан выругался, назвав себя последним идиотом. Ничего подобного с ним еще не случалось — эти дикари пленили его так легко и просто, словно он был дикой свиньей. Но сетовать уже было поздно...

12

ГОРОД АМАЗОНОК

Оазис Хаджар был погружен во тьму. О положении луны, сокрытой плотным облачным покровом, можно было судить лишь по призрачному, едва заметному пятнышку.

В тронной зале Тот-Амона стояла такая же темень. Зеленые огоньки в настенных светильниках едва теплились, мерцая подобно светлячкам. Стигийский маг сидел на своем резном троне так недвижно, что казалось, он спит. Будь рядом с ним другие люди, они заметили бы и то, что мускулистая грудь мага так же недвижна, как и все его тело. Мрачный лик казался совершенно безжизненным и скорее походил на страшную маску. Можно было решить, что жизнь покинула тело Тот-Амона.

В действительности так оно и было. Не сумев отыскать Корону Кобры в астральном плане, Тот-Амон высвободил свою «Ка» из темницы плоти и поднялся в более высокий план — план акаши. В этом бесплотном и зыбком мире законы времени не действуют. Прошлое, настоящее и даже туманное будущее предстают перед магом в виде четырехмерной карты. Здесь Тот-Амон смог «увидеть» прибытие к берегам Безымянного острова «Петреля», высадку команды Конана на берег, пробуждение бога-жабы, его гибель, похищение Короны Кобры и появление Конана на Черном побережье. Увидев все это, Тот-Амон дозволил своей «Ка» вернуться в низкие космические планы. «Ка» необходимо вернуть, прежде чем она потеряет какую-либо связь с материальным телом.

Тот-Амон вновь вошел в свое тело и почувствовал, как инертная плоть вновь наполняется жизнью. Ощущение это походило на колотье в конечностях, возникающее при восстановлении в них нормальной циркуляции крови, разница состояла лишь в том, что охвачено им было все тело. Затем:

— Зароно! Менкара! — Голос Тот-Амона прогрохотал, словно гром.

— Что? — Зароно выскочил из своей кельи, на ходу надевая камзол.— Что случилось, мой повелитель?

За ним в комнату беззвучно вошел Менкара.

— Готовьтесь к походу. Вас ждет Черное побережье. Я смог узнать, где сейчас находится Корона Кобры и ваша принцесса. Они в Кулало — главном городе племен Юмы из Куша.

— Как они могли там оказаться? — поразился Зароно.

— Они оказались там благодаря твоему старому знакомому, Конану-киммерийцу.

— Опять этот проклятый варвар! Да я его...

— Если ты найдешь его, делай с ним что хочешь. Он мне не нравится — своей страстью к приключениям он мне немало крови попортил. И все же это не главное; главное для вас — захватить принцессу. На таком большом расстоянии управлять ее сознанием не могу даже я.

— А как же Корона?

— Корону предоставьте мне.

— Вы решили отправиться с нами?

Тот-Амон презрительно улыбнулся.

— Да, но только не во плоти. Немногие маги способны на это, да и от меня это потребует отдачи всех сил. Но как бы то ни было, я окажусь там куда раньше вас. Ну а теперь к делу, у нас нет времени! Собирайте вещи и отправляйтесь, не дожидаясь рассвета!

Конан чувствовал себя прескверно. Голова раскалывалась и от бананового ликера Юмы, и от тех ударов, которыми его свалили с ног. Он, безоружный и беспомощный, оказался в руках у работорговцев. Подобное бывало с ним и прежде, но никогда еще он не впадал от этого в такую ярость.

Судя по положению солнца, он не приходил в себя несколько часов. Кожа на руках и ногах его была содрана, видимо, тело его тащили прямо по земле. Руки Конана были скованы тяжелыми кандалами. Сквозь разметавшиеся пряди волос он стал осматриваться, обращая особое внимание на количество и расстановку стражей.

К своему изумлению, среди снедаемых печалью чернокожих пленников он заметил и Хабелу. Как ни силился Конан понять, как здесь могла оказаться принцесса, это ему не удалось. Сигурда среди пленников не было. Хорошо это или плохо, Конан пока не знал.

Вскоре на поляне появился высокий негр в серых одеждах работорговца, он сидел верхом на тощей кобыле. Жилистый и тощий, он походил на стражей, охранявших пленников, однако резкие черты лица говорили о том, что он для них чужеземец; Конан вспомнил о том, что говорил ему Юма о гханатах, племени, занимавшемся торговлей рабами. Гханаты были кочевым народом, живущим в пустынях у южных границ Стигии. Жители Шема и стигийцы часто угоняли в рабство гханатов и других людей, живших в Куше и Дарфаре; те же, в свою очередь, занялись тем же промыслом, избрав местом охоты экваториальные джунгли.

Наездник остановил коня и обменялся несколькими фразами с человеком, возглавлявшим отряд, пленивший Конана. Охранник повернулся к своим людям, щелкнул кнутом и приказал поднять пленников.

Пленников выстроили в колонну по двое. Кандалы каждой пары скреплялись друг с другом так, чтобы никто не пытался бежать. Огромный киммериец, возвышавшийся над другими, глядел на стражей лютым зверем. Наездник обвел взглядом колонну пленных.

— Клянусь Замби,— проворчал он и смачно сплюнул,— за это дерьмо в Гамбуру мы вряд ли много выручим!

Его помошник согласно кивнул.

— Да, владыка Мбонани. Они вырождаются год от года. Видать, скоро совсем вымрут...

В тот же миг работорговец взмахнул плетью и опустил ее на плечо Конана. Стоило хлысту коснуться его кожи, как Конан молниеносным движением скованных кандалами рук схватил его и что было сил потянул на себя.

Потеряв равновесие, работорговец свалился к ногам Конана. Изрыгая проклятия, он вскочил на ноги и схватился за рукоять острого как бритва гханатского кинжала, больше походившего на небольшой меч.

Не успело оружие выйти из ножен, как Конан ударил работорговца в лицо, вновь повалив того наземь. Конан резко нагнулся, свалив с ног прикованного к нему черного пленника, и взял нож в руку. На него тут же набросился другой гханата, размахивавший над головой топором. Прежде чем топор опустился, киммериец вогнал кинжал в живот разбойника, пронзив его насквозь.

Выпучив глаза, охранник рухнул на землю. Поляна внезапно пришла в движение — со всех концов ее к Конану неслись воины в тюрбанах. Совладать с ними закованный в

кандалы Конан уже не мог. Пятеро схватили его за руки, а трое стали лупить его по голове тяжелыми дубинками. Конан вновь потерял сознание.

Мбонани, с трудом сдерживавший обезумевшую от страха кобылу, смотрел на происходящее с нескрываемым интересом.

— Ну и ну! — довольно заметил он.— Такие парни, как этот, на дороге не валяются. И это тоже белый. Хотел бы я знать, какого черта им здесь нужно?

— Я уже говорил вам о нем,— заговорил помощник.— Здесь есть и белая женщина, вон она стоит, видите?

— Да, эти двое стоят всех остальных,— ответил наездник.— Береги их как зеницу ока, Зуру, не то я с тебя шкуру спущу!

Конан с трудом поднялся на ноги, лицо его превратилось в кровавую маску. Мбонани подвел к нему коня и, дождавшись, когда Конан поднимет глаза, изо всех сил хлестнул его по щеке плетью.

— Это тебе за то, что ты убил моих людей, белый человек! — прокричал Мбонани.

От удара на лице остался рубец, но киммериец при этом даже не вздрогнул. Он смотрел на предводителя работорговцев недвижным, полным ненависти взглядом. Мбонани улыбнулся по-волчьи, оскалив свои белые зубы.

— Да, ты парень что надо! — довольно сказал он.— Если ты и дальше будешь так держаться, амазонки за тебя любые деньги дадут. Ну а теперь в путь!

Позвякивая кандалами, колонна пленников вышла на тропу, ведущую к Гамбуру.

Конан шел вместе со всеми. Железо, раскалившееся на солнце, жгло ему руки, его мучала жажда и донимали комары. «Интересно, куда же исчезла Корона Кобры»,— подумал было киммериец, но тут же отогнал эту мысль прочь. Когда твоей жизни что-то угрожает, сокровища отходят на задний план — это он усвоил твердо.

Он заметил, что один из подсумков Зуру странно топорщится. Глаза Конана заблестели. Этот гханата, что так пресмыкался перед Мбонани, оказывается, себе на уме.

Колонна вышла из джунглей и шла теперь по поросшему разнотравьем вельду. К вечеру следующего дня на горизонте показались каменные стены Гамбуру.

Конан с интересом рассматривал город. По сравнению с блистательным Аграпуром, столицей Турана, или даже

Мероэ, столицей царства Куш, Гамбуру выглядел достаточно жалко. Однако в землях, где дома возводятся из глины и соломы, а городская ограда набирается из кольев, где города скорее походят на разросшиеся деревни, а деревни и вовсе неизвестно на что, Гамбуру казался чем-то выдающимся.

Вокруг города была сложена невысокая — в два человеческих роста — стена. Внутрь каменного кольца можно было попасть через одни из четырех ворот, каждые из которых были оснащены сторожевыми башнями с бойницами для лучников. Створки ворот были сколочены из массивных бревен.

Конан обратил внимание на кладку. Некоторые камни совсем не обрабатывались, другие же были искусно обтесаны и покрыты затейливой резьбой, правда, выглядели они так, словно тесали их не одну сотню лет назад. Звеня кандалами, колонна прошествовала в город через западные врата. Дома были сложены так же странно, как и городские стены. Строения по большей части были одно- и двухэтажные, крытые соломой. Нижние этажи в большинстве случаев были сложены из старинного резного камня, верхние же выглядели убого, ибо свидетельствовали о явном упадке строительного искусства. На древних камнях то и дело появлялись схожие изображения — злобно ухмыляющиеся демонические лики,— правда, камни с этими изображениями могли лежать как попало: и на боку, и вверх ногами.

В древних городах Конан бывал не раз, и потому на сей счет у него были свои идеи. Некий народ — возможно, и не люди — некогда отстроил этот город. Через несколько веков городом завладели предки нынешних его обитателей. Он стал расстраиваться и перестраиваться, при этом в дело пошли не только новые, но и старые, уже использовавшиеся камни. Способ же их укладки новые строители пытались позаимствовать у прежних, древних каменщиков.

Из-под копыт кобылы Мбонани поднимались облака пыли — мостовых в городе не было. Колонна вышла на главную улицу Гамбуру, по обе стороны которой стояли толпы народа, с интересом разглядывавшего рабов.

Конан изумленно смотрел то в одну, то в другую сторону. Как женщины, так и мужчины этого города выглядели весьма необычно. Женщины были высоки и хорошо сложены, повадкою своей они походили на пантер; более того, на

нагих их бедрах поблескивали бронзовые мечи. Головы их были украшены павлиньими перьями, на ногах и руках сверкали браслеты.

Мужчины являли собой нечто донельзя жалкое — все они были куда ниже женщин и, похоже, занимались исключительно грязной работой: уборкой улиц, переноской тяжестей и тому подобное. Конану, который был высоким даже по киммерийским меркам, они казались детьми.

Колонна миновала базар, пестревший яркими тентами, и по широкой улице вышла на главную площадь. За этим огромным открытым пространством на расстоянии полета стрелы стоял изрядно обветшавший и все же впечатляющий королевский дворец, сложенный из бурого песчаника. По обе стороны от его центральных врат стояли массивные приземистые скульптуры, выполненные из того же материала. Судя по пропорциям, статуи эти изображали не людей, но нечто совершенно иное — они обветшали настолько, что об этом можно было лишь гадать. Это могли быть и совы, и обезьяны, и неведомые доисторические чудища.

Внимание Конана привлекла странная яма, расположенная в самом центре площади. Эта достаточно неглубокая впадина имела в ширину не меньше ста футов. Края ямы были образованы рядом концентрических колец, напоминавших каменные скамьи амфитеатра. Дно ямы было посыпано песком, кое-где поблескивали оставшиеся от недавнего дождя лужи. В самом центре песчаного круга стояла небольшая группа деревьев.

Подобную арену Конану еще не доводилось видеть. Он еще не успел толком рассмотреть ее, как его вместе с остальными пленниками затолкали в загон для рабов. Здесь пленники и провели ночь.

Даже то немногое, что успел увидеть Конан, его изрядно смутило. Песок вокруг странных деревьев был усыпан костями — и не просто костями, а костями людей,— отчего место это походило на лежбище льва-людоеда.

Увиденное настолько поразило Конана, что думать о чем-то ином он уже не мог. Он слышал о том, что жители Аргоса иногда отдают преступников на съедение львам; однако там, в Мессантии, арена устроена таким образом, что хищники не могут перепрыгнуть через стену, отделяющую их от трибун, на которых находятся зрители. Здесь же все устроено совершенно иначе: льву ничего не стоит выбраться из ямы.

Чем дольше Конан думал об этом странном обстоятельстве, тем тяжелее становилось у него на душе.

13

КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Над приземистыми каменными башнями города амазонок вставало солнце. Торги не заставили себя ждать, ибо в этих тропических широтах солнце поднимается быстро. Едва солнце показалось над горизонтом, Конана, Хабелу и других пленников вывели из загона и погнали на базар. Пленников по очереди раздевали и ставили у стены, возле которой и происходили торги. Затем рабов уводили их хозяева.

Все покупатели были женщинами, ибо, как уже успел заметить Конан, в Гамбуру вся власть принадлежала им. Высокий худой Мбонани бесстрастно наблюдал за тем, как торгуется с покупателями его помощник Зуру. Женщины относились к гханатам с куда большим почтением, нежели к собственным мужчинам,— они уважали их за ту искусность, с которой те излавливали рабов.

Настал черед Хабелы. Несчастная принцесса пыталась прикрыть руками свое нагое тело. Зуру попросил присутствующих называть цену.

— Пять квиллов,— раздался голос из-за задернутых занавесок паланкина.

Зуру оглядел присутствующих и провозгласил:

— Продано!

Поскольку и торговцы, и покупатели говорили на общепринятом для южных стран жаргоне, Конан прекрасно понимал их. Его поразило то, что никто не стал повышать столь низкую цену. Квиллами назывались перья из хвоста тропических птиц, которые, казалось, были усыпаны золотой пылью. В стране амазонок деньги были чем-то неведомым. Конан нисколько не сомневался в том, что прекрасная принцесса должна была стоить много дороже. Видимо, лицо, скрывавшееся в паланкине, было настолько влиятельным, что никто попросту не осмеливался торговаться с ним или, точнее, с ней,— поправил себя Конан.

Киммериец едва держался на ногах, он был голоден и зол. Вся голова его была покрыта шишками и ссадинами. Целый день его заставляли идти под палящим солнцем; ни еды, ни питья, ни сна толком не было. Конан походил на льва, у которого разнылись зубы,— так он был взвинчен. Когда один из работорговцев дернул его за цепь, предлагая тем самым подняться на помост для всеобщего обозрения, киммериец едва не сорвался.

Еще пару лет назад Конан не стал бы думать о последствиях, он без лишних мыслей свернул бы этому человеку голову. Но со временем жизнь его от этого отучила. Разумеется, он мог убить и этого стража, и тех, кто придет к нему на помощь, но со всеми, конечно, ему было не совладать. Встречаться с непокорным рабом этим мародерам было не впервой. Оружием же они владели столь искусно, что почти каждый из них мог с десяти шагов метнуть копье так, чтобы оно пролетело сквозь кольцо, образованное большим и указательным пальцами, даже не оцарапав кожи.

Конан успел бы расправиться с двумя-тремя воинами, на большее же у него попросту не хватило бы времени, он не успел бы издать даже боевой клич. Кто же в таком случае будет заботиться о Хабеле? Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но он чувствовал себя ответственным за нее, и с этим он ничего не мог поделать. Ему не оставалось ничего другого, как только жить.

Киммериец сощурил глаза и плотно сжал губы, пытаясь сдержать себя; в висках у него стучало. Он поднялся на помост, дрожа от ярости. Стоявший неподалеку гханата решил, что дрожь эта вызвана страхом, и что-то зашептал на ухо своему товарищу, улыбаясь все шире и шире. Конан смерил его таким взглядом, что улыбка тут же слетела с его лица.

— Давай раздевайся! — скомандовал Зуру.

— Без твоей помощи я не смогу снять свои ботинки,— спокойно произнес Конан.— Мои ноги онемели.— Киммериец сел на край помоста и протянул ногу Зуру.

Зуру злобно заворчал и схватился за ботинок. Тот никак не подавался. Второй ногой Конан уперся в зад Зуру и, расслабив ту ногу, за которую его держал гханата, неожиданно толкнул его с такой силой, что тот вместе с ботинком плюхнулся в лужу.

Завопив от злости, гханата вскочил на ноги. Выхватив кнут из рук одного из стражей, он понесся на Конана, сидевшего как ни в чем не бывало на краю помоста.

— Ну, белый пес, погоди! Сейчас я до тебя доберусь! — закричал Зуру, неистово размахивавший кнутом.

Однако стоило бедняге приблизиться к Конану, как тот тут же поймал кончик кнута и, не вставая с помоста, с силой потянул кнут, а вместе с ним и Зуру, на себя.

— Ты бы, крошка, поумерил свой пыл — того и гляди, товар испортишь!

Вожак работорговцев так же спокойно наблюдал за происходящим. Едва сдерживая улыбку, он обратился к Зуру:

— Зуру, белый пес прав. Хорошим манерам его теперь будет учить новый хозяин.

Зуру, совершенно потерявший от ярости голову, не услышал даже своего господина. Издав пронзительный вопль, он выхватил из-за пояса нож. Конан поднялся на ноги и изготовился ко встрече с противником, решив использовать в качестве оружия кандалы.

— Стойте! — раздался властный голос, принадлежавший амазонке, купившей Хабелу. Голос этот был исполнен такой силы, что замер даже совершенно ошалевший Зуру.

Блеснув перстнями, черная рука раздвинула муслиновые занавески, скрывавшие всемогущую особу от глаз простолюдинов. Черная женщина сошла с паланкина на землю. Конан замер от восхищения.

Женщина эта была почти такого же роста, как и сам Конан, она вряд ли уступала ему и в силе. Она была черной, как жженая слоновая кость, а кожа ее была нежной, как шелк, и так же нежно, как шелк, отсвечивала она на солнце, ласкавшем ее упругую грудь и гладкие бедра. Украшенная драгоценными каменьями шапочка несла на себе плюмаж из страусиных перьев, выкрашенных в персиковый, розовый и изумрудный цвета. Огромные рубины поблескивали у нее в ушах; шея же ее была украшена жемчужными ожерельями. Мягко позванивали золотые браслеты на ее руках и ногах. Единственным ее одеянием была короткая юбка, сшитая из шкуры леопарда и едва прикрывавшая ее чресла.

Нзинга, королева амазонок, не отрывала от Конана глаз. Базар затих. Губы королевы раздвинулись в томной улыбке.

— Десять квиллов за белого великана.

Иных ставок сделано не было.

Рабская участь, выпавшая на долю принцессы, была невыносима ей. Достаточно скверным было хотя бы то, что она, избалованная дочь могущественного монарха, теперь должна была исполнять все желания черной королевы. Еще больше ужасало ее то, что рабы не могли носить одежду,— этим правом обладали только свободные люди.

Она спала в комнате для прислуги, на соломенном тюфяке, кишевшем блохами. С первыми лучами солнца грубая женщина-надсмотрщик будила рабынь, и те тут же приступали к трудам — они готовили пищу и убирали комнаты,

мели дорожки и мыли полы, стирали и накрывали на стол. Конан, некогда плававший под флагом Зингары, был непременным участником всех пиров,— развалясь на плоских матах, он попивал банановое вино и лакомился пирогами с рыбой и всевозможными сладостями, что чрезвычайно раздражало Хабелу.

От ее былого уважения к доблестному киммерийцу не осталось и следа. Слово «жиголо» было ей неведомо, но она прекрасно понимала, в чем тут дело. Конан согласился принять роль первого любовника королевы и потому вызывал у Хабелы разве что презрение. «Ни один сколь-нибудь достойный мужчина,— говорила она себе,— не падет столь низко, не станет услаждать себя этой позорной службой». Жизнь пока не научила принцессу тому, что в совершенстве освоил Конан: в некоторых случаях приходится мириться с тем, что есть, ибо другого не дано.

В этом страшном городе Конан был единственным, кого она могла назвать своим другом; у нее были все основания для того, чтобы относиться к нему иначе, но иногда — в те минуты, когда их никто не видел,— Конан таинственно подмигивал ей и едва заметно кивал головой, словно пытаясь ободрить и как-то поддержать ее. Он словно хотел сказать ей: «Не печалься, девочка. Как только представится случай, мы сбежим отсюда».

Впрочем, даже Хабела не могла не согласиться с тем, что королева Нзинга была женщиной замечательной. Девушка пыталась представить себе, что же делают любовники в постели, но об этой стороне человеческой жизни она пока ничего не знала, и потому вставшие в ее сознании образы были весьма далеки от реальности. Она не понимала и того, что в спальне властвует не эта блистательная черная львица, но он — Конан-киммериец.

Подобные отношения были внове и для королевы Нзинги. Ее собственный житейский опыт и весь уклад жизни в ее королевстве приучили королеву к тому, что женщины стоят куда выше мужчин. Трон из слоновой кости неизменно принадлежал женщинам — до Нзинги страною правили сто королев. И все они относились к мужчинам с крайним презрением, используя их только как слуг или любовников и избавляясь от них, стоило тем обессилеть или надоесть. Нзинга относилась к мужчинам точно так же.

До того как во дворце появился этот огромный киммериец, она легко управлялась с мужчинами. С Конаном же совладать было невозможно — воля его была тверда как

сталь, сам же он был рослее и сильнее ее. То, что испытывала в его объятиях черная амазонка, сравнить с чем-либо было невозможно. День ото дня страсть ее разгоралась со все новой и новой силой.

Теперь она ревновала его ко всем женщинам, с которыми его могла связывать близость. Киммериец отказывался говорить с королевой на эту тему и только улыбался, выслушивая ее расспросы.

— А эта белая девка, которую гханаты привели сюда вместе с тобой? Наверное, ты и с ней спал? Она ведь такая пышная, такая мягкая! Вряд ли ты прошел бы мимо нее! Ты скорее на меня бы не посмотрел!

Глядя на то, как сверкают глаза и сотрясается тяжелая грудь черной королевы, Конан мысленно согласился с тем, что с тех пор, как ушла его первая любовь, черная пиратка Белит, он никогда не встречал женщины более замечательной, чем эта. Он знал теперь и о том, что королева ревнует его к Хабеле,— и потому он должен был вести себя крайне осмотрительно. Если ему не удастся развеять подозрения Нзинги, принцесса непременно пострадает. Королеве ничего не стоило уничтожить того, кто — как ей казалось — хоть как-то мешал ей.

С этих пор Конан думал только о судьбе принцессы. Неосторожное слово или необдуманный поступок могли привести к беде.

Когда королева вновь завела речь о принцессе, Конан зевнул и с видимой скукой в голосе сказал:

— Хабела? Я эту девочку почти не знаю. Она из благородных, а у благородных свои понятия о чести. Только подойди я к ней, и ее бы уже не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она бы убила себя — их к этой мысли с детства приучают.

— Я тебе не верю. Ты, наверное, хочешь ее защитить!

Конан обнял Нзингу и повалил ее на мягкое ложе. Развеять ее подозрения он мог только так...

14

ПОД ПЛЕТЬЮ

Прошло еще несколько дней. И затем...

Нзинга восседала на подушках в своем серале. Вот уже два дня белая рабыня Хабела Зингарская исполняла самую

тяжелую и грязную работу. Нзинга устроила так, что все это происходило на глазах у киммерийца.

Понимая, что королева внимательно наблюдает за ним, Конан старался казаться безразличным, хотя то и дело его подмывало вступиться за несчастную принцессу.

Так и не сумев добиться от киммерийца определенной реакции, черная королева решила прибегнуть к последнему средству, которое должно было открыть его истинные чувства. Она объявила о том, что устраивает пир для амазонок-офицеров — огромных, покрытых шрамами суровых женщин, в которых, на взгляд Конана, женственности было не больше, чем в боевом топоре.

Во время пира зингарская девушка должна была прислуживать и своей госпоже, и ее избраннику. Хабела стала ходить вокруг стола, разливая вино, и тут одна из амазонок подставила ей подножку.

Вскрикнув, девушка потеряла равновесие — несколько гостей оказались облитыми вином. Одна из них, дородная амазонка по имени Тута, изрыгнув проклятия, вскочила на ноги и что было сил ударила Хабелу в лицо. Девушка упала на земляной пол.

Глаза амазонки загорелись хищным огнем — вид лежащей перед ней нагой белой рабыни привел ее в ярость. В звенящей тишине она, словно пантера, метнулась к своей жертве. Грубая мускулистая рука выхватила из ножен тонкий бронзовый кинжал.

В комнате стояла полная тишина. Тута, лицо которой горело жаждой крови, склонилась над рабыней и занесла над ней смертоносный клинок.

Хабела замерла, ожидая удара. Она понимала, что спастись она может только бегством, но на это у нее уже не было сил — страх и беспросветность ее нынешней жизни лишили ее желания жить. Она могла лишь беспомощно наблюдать за происходящим. Миг — и клинок вонзится в ее грудь...

Но тут амазонка застыла: кто-то железной хваткой схватил ее за запястье и шею. Сила, с которою чудовищные руки сжимали ее, сковала ее движения так же, как вид клинка сковал белую рабыню. Тихо звякнув, кинжал упал на землю. Легко оторвав амазонку от земли, Конан швырнул ее через всю комнату так, что та распласталась у дальней стены.

Конан прекрасно понимал, чем это может для него закончиться, и тем не менее не мог поступить иначе. Расчет

Нзинги оказался верным. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как убивают дочь короля Фердруго, пусть Нзинга и рассматривала его поступок как доказательство того, что белая рабыня была ее соперницей, и королевский гнев теперь должен был пасть на них обоих. Он заставил себя рассмеяться.

— *Вряд ли королева Гамбуру столь расточительна*, чтобы расставаться с рабами из-за нескольких капель пролитого вина! — громко сказал киммериец, пытаясь казаться веселым.

Королева Нзинга смерила его ледяным взглядом. Взмахнув рукой, она приказала Хабеле покинуть комнату. Напряжение спало. Конан вернулся на прежнее место. Кувшины с вином вновь пошли по кругу, и вскоре за столом было так же шумно, как и прежде.

Конан надеялся на то, что все самое страшное позади. То и дело он подливал вина в бокал, стараясь как-то отвлечься. Но он не мог не заметить того, что время от времени королева бросала на него взгляды, полные ненависти и презренья.

Стоило Хабеле покинуть королевские покои, как вокруг нее обвились черные руки. Не успела она вскрикнуть, как рот ее был заткнут кляпом. Тут же ей завязали глаза и накинули на голову мешок, руки завели за спину и туго стянули кожаными ремнями. Чьи-то крепкие мускулы оторвали ее от земли и понесли по извилистым коридорам и крутым лестницам в ту часть дворца, в которой она не бывала ни разу. Здесь ей развязали руки, для того чтобы тут же связать их снова, на этот раз над головой,— их привязали к медному кольцу, висевшему на тяжелой, спускающейся с потолка цепи. Принцесса осталась одна.

Ремни туго стягивали запястья, и оттого руки ее совершенно онемели. Тело Хабелы легонько покачивалось. Теперь она молила бога об одном — чтобы Конан как-то узнал о ее бедственном положении.

Конан был так же беспомощен, как и принцесса. Он лежал на подушках возле обеденного стола. Глаза его были закрыты, голова откинута назад. Его храп походил на рокот далекого грома. Несмотря на то что выпил он не так уж много, им вдруг овладела странная усталость. Ему на ум пришла мысль о том, что Нзинга отравила его, и с этой мыслью он забылся таким крепким сном, что его не пробудило бы и землетрясение.

Взглянув на него, Нзинга приказала вынести его из комнаты. Сама же она направилась к той камере, где висела подвешенная к потолку Хабела. Чем дальше она шла, тем сильнее разгоралось в ней пламя гнева, глаза ее сверкали нетерпением и злорадством.

Королева сорвала мешок с головы Хабелы и вынула из ее рта кляп. Принцесса увидела перед собой сверкающие глаза и кровожадную улыбку королевы. Хабела завизжала, не в силах совладать со страхом.

Черная амазонка рассмеялась:

— Все белые так кричат, когда меня видят! Зря стараешься, тебе это не поможет.

Нзинга сладострастно посмотрела на нежное тело своей жертвы. На крюках, вбитых в стену, висели разнообразные орудия пыток. Королева остановилась на плетке, вырезанной из упругой кожи бегемота. Округлившимися от ужаса глазами принцесса смотрела на длинную плеть, подобно змее легшей кольцами у ног королевы. Королева вновь засмеялась:

— Губы Конана тебя не коснутся — целовать тебя будет моя плетка. И ласкать тебя будет тоже она, а не его руки!

— Что я вам сделала? За что вы меня так мучаете?

— Прежде чем встретиться со мной, Конан любил тебя! — зарычала Нзинга.— Никогда у меня не было такого мужчины. Но он обнимал и тебя, и твою белую грудь он покрывал поцелуями! В этом я уверена, и знание это не дает мне покоя... Когда тебя не станет, вся его любовь будет принадлежать мне! Я сделаю его королем Гамбуру — этой чести вот уже тысячу лет не удостаивался ни один мужчина! — Нзинга расправила хлыст.

— Но ведь это неправда,— застонала Хабела.— Он никогда даже не касался меня!

— Ты лжешь! Когда тебя поцелует плеть, ты скажешь мне всю правду!

Нзинга взмахнула рукой, и плеть обвилась вокруг талии Хабелы. Девушка закричала, пронзенная болью. На теле ее остался алый рубец, из которого тут же проступила кровь.

Нзинга неспешно завела руку за спину, готовясь нанести следующий удар. Слышно было только хриплое дыхание принцессы.

Вновь запела плеть; истошный крик вырвался из уст девушки, когда кожаная змея обожгла ее чресла. Нзинга сла-

дострастно наблюдала за тем, как корчится перед нею белая рабыня. Она ударила еще раз; на темном ее теле выступили капельки пота. И вновь камера огласилась истошным криком. Королева засмеялась и облизнула свои полные губы.

— Вам бы все визжать да хныкать? Никто тебя не услышит! А если и услышат, то вряд ли осмелятся помочь тебе! Я усыпила Конана, он будет спать еще несколько часов. Так что не надейся!

Лицо Нзинги горело дьявольской страстью. Огромная амазонка любовалась кровавыми рубцами, покрывавшими тело рабыни. Она вновь взмахнула плетью, желая излить всю свою извращенную страсть, пока эта белая рабыня не испустит последнего вздоха.

Хабела не могла и вообразить, что тело ее способно вынести такие пытки. Привыкшая к роскоши и праздности принцесса никогда еще не испытывала настоящей боли. Не только боль, но и стыд мучил ее. Единственная дочь гордого старого короля, она привыкла слушать только себя и ни перед кем не склоняла головы. Подобно тому как плоть ее терзалась ударами хлыста, душа ее страдала от унижения.

Зингарская знать обычно держала черных рабов, привезенных с юга работорговцами Стигии и Шема; Хабела знала, что их наказывают так же сурово и зачастую так же несправедливо. Но никогда ей в голову не приходило, что когда-нибудь господа могут поменяться с рабами местами,— эта черная женщина обращалась с ней так, словно принцесса была последней рабыней на какой-нибудь зингарской плантации.

Удар следовал за ударом. Кровавый морок встал перед глазами Хабелы, и тут вдруг она увидела какой-то сверкающий предмет, что лежал на маленьком стульчике, стоявшем у стены. Это была золотая корона, инкрустированная тысячами каменьев, походившая на свернувшуюся кольцами змею. Ну конечно! Перед ней была Корона Кобры, которую Конан нашел в черном храме, стоявшем посередь Безымянного острова. Она попыталась сосредоточиться на Короне и тем облегчить страдания...

Она вспомнила о том, что Корона была похищена у Конана в Кулало. Но когда же это было? Ей казалось, что с той поры прошли годы. Непонятно только, как Корона оказалась здесь. Работорговцы, пленившие ее и Конана, должны были забрать ее у вора.

Нзинга прервала экзекуцию, для того чтобы немного передохнуть и выпить вина. Не прошло и минуты, как она снова взялась за плеть. Хабела приготовилась к новому удару и широко открыла глаза. И тут она увидела нечто в высшей степени странное.

За полуголой Нзингой возникло какое-то свечение. Оно походило на блуждающие огоньки, что порой загораются на пустынных, населенных духами болотах.

Светящееся пятно увеличивалось в размерах и горело все ярче. Через несколько секунд оно приняло форму веретена высотою в человеческий рост.

От изумления Хабела открыла рот. Нзинга, заметив, что рабыня изумленно уставилась на что-то находящееся у нее за спиной, резко развернулась. В тот же миг веретено вспыхнуло изумрудным пламенем и исчезло. На его месте стоял человек.

Человек этот был высок и статен; лицо его было смуглым и походило на бронзовую маску. Над орлиным носом поблескивали живые темные глаза. Похоже, что недавно он был обрит наголо, из-под коротких черных волос виднелась кожа. Человек был одет в простую белую мантию, сшитую из полотна, что оставляла открытыми его мускулистые руки.

Тот-Амон выглядел куда старше, чем в ту пору, когда Зароно и Менкара появились в его дворце. Смуглый лоб его был покрыт капельками пота — магическая процедура, позволившая ему перенестись из оазиса Хаджар в Гамбуру, отличалась особой сложностью, она была доступна лишь избранным членам братства магов. Ментальное усилие, необходимое для такого переноса, требовало полной отдачи всех сил даже от такого великого мага, каким был Тот-Амон.

Нзингу поразило то, что незнакомец, принадлежавший к презренному племени мужчин, появился в камере пыток без объявления. Подобная наглость потрясла Нзингу, и она тут же решила казнить непрошеного гостя. Замахнувшись на него плетью, она собралась звать стражу.

Стигиец наблюдал за ней с загадочной улыбкой на устах. Стоило плети взмыть в воздух, как он простер руку в направлении королевы. Яркие изумрудные лучи вырвались из его пальцев, залив своим сиянием черное тело Нзинги Гамбурской.

Королева пронзительно закричала, скорчилась, словно от удара, и повалилась на земляной пол. Лучи тут же поблекли и исчезли.

Хабела сделала вид, что падает в обморок,— голова ее упала на грудь, и густые черные волосы прикрыли ее лицо.

Тот-Амон даже не посмотрел на нее. Он подумал, что видит перед собой обычную белую рабыню, которую хозяйка решила наказать за некую провинность, и потому счел излишним интересоваться ею. Он никогда не видел Хабелу во плоти и вряд ли бы смог узнать ее. Знал бы он, что перед ним находится та самая принцесса, за которой Менкара и Зароно охотились по всему Черному побережью! Маги совершают ошибки ничуть не реже, чем самые обычные люди.

Когда Тот-Амон послал свою «Ка» в мир акаши, Конан и Хабела были еще в Кулало, а Бвату еще не похитил Корону Кобры. Будущее же представлялось достаточно неясным, ибо вариантов развития событий было слишком много даже для его, Тот-Амона, пытливого ума.

После того как его добровольные слуги отправились на поиски принцессы, Тот-Амон решил еще раз взглянуть в магический кристалл. Ему необходимо было знать точное местонахождение Короны Кобры еще до начала магического действа, которое позволило бы ему перенестись в пространстве. Поскольку в конечной точке он мог пробыть достаточно недолго, он хотел оказаться как можно ближе к столь вожделенной им Короне.

В то же самое время Бвату выкрал Корону и был убит работорговцами. Зуру спрятал Корону и вместе с ней появился в Гамбуру, где королева Нзинга отвалила ему за нее столько квиллов, что их хватило бы ему до скончания лет. Так — к собственному изумлению — Тот-Амон обнаружил, что Корона находится не в Кулало, но в Гамбуру.

Все это время он не вспоминал ни о Конане, ни о Хабеле. Он нисколько не сомневался в том, что принцесса находится в Кулало и поныне и что Зароно и Менкара легко найдут ее. Впрочем, как бы то ни было, чары, перенесшие его в Гамбуру, не позволяли ему прихватить с собой еще одно одушевленное существо.

Что касается Конана, то маг и вовсе не принимал его всерьез — киммериец представлялся ему чем-то вроде назойливого москита. Окажись Конан на его пути, Тот-Амон раздавил бы его, словно насекомое, заниматься же его поис-

ками сознательно магу и в голову не приходило. В его игре были куда большие ставки, чем жизнь какого-то пирата.

Сосредоточь Тот-Амон свое внимание на Хабеле, он тут же признал бы ее в белой рабыне. Но сейчас он думал только о Короне Кобры. Лицо его озарилось радостью, когда он узрел вожделенный предмет на стульчике. Перешагнув через бесчувственное тело королевы амазонок, маг приблизился к Короне. Осторожно взяв ее в руки, он поднес ее к лицу и стал рассматривать, любуясь тем, как играет на гранях бесчисленных кристаллов свет факела, нежно ощупывая плавно переходящие одно в другое змеиные кольца.

— Ну наконец! — с облегчением выдохнул маг, в глазах его заплясали алчные огоньки.— Теперь весь мир будет у моих ног! Священный завет великого Сета будет единственным законом этого мира!

Зловеще улыбнувшись, Тот-Амон произнес тайное слово и сделал странный жест. Ярко вспыхнул изумрудный огонь, и маг тут же исчез. Свет померк, сменившись едва заметным призрачным свечением, но вскоре погасло и оно.

На земляном полу возле ног Хабелы лежало бездыханное тело черной королевы. Принцесса потихоньку приходила в себя. Оказалось, что она может стоять на цыпочках, при этом боль в запястьях стихала. Ремни были затянуты туго, но покрывшиеся обильным потом запястья теперь могли скользить в них. Хабела попыталась высвободить сначала одну руку, затем — другую, но у нее ничего не получалось. Прошло бесконечно много времени, прежде чем рука выскользнула из пут; освободить вторую руку было уже несложно.

Обессилевшая Хабела повалилась на пол. Руки ее так затекли, что она не могла пошевелить пальцами. Однако вскоре она почувствовала, как в руки ее вонзились тысячи раскаленных игл. Принцесса стала постанывать от боли, но тут же заставила себя замолчать — ее стоны могли разбудить черную королеву.

Вскоре руки стали слушаться ее. Хабела встала и посмотрела на простершееся у ее ног тело Нзинги. Грудь королевы то вздымалась, то опадала — казалось, что она спит.

Хабела подошла к стене, возле которой стоял кувшин с вином, поставленный сюда Нзингой. Она стала жадно пить сладковатую прохладную жидкость, и каждый глоток придавал ей сил.

Она вновь посмотрела на бесчувственное тело королевы, ища глазами кинжал. Ничего не хотелось ей так сильно, как вонзить клинок в эту роскошную грудь. Принцесса дрожала от ненависти: чувство ее было так сильно, что казалось, одно оно способно лишить жизни это чудовище.

Но тут Хабела задумалась. Во-первых, она не знала, насколько крепок сон Нзинги. Если она попытается достать кинжал из ножен, сильная и ловкая Нзинга, проснувшись, заколет этим кинжалом ее, принцессу, или же призовет на помощь стражниц. Но даже если Нзинга и не проснется, принцесса сможет нанести ей только один удар, если же он не будет смертельным, на крик своей королевы сюда сбегутся амазонки.

Удерживало ее от убийства не только это. Рыцарский кодекс Зингары, который она впитала с молоком матери, запрещал убивать спящего неприятеля. Разумеется, зингарцы нарушали свой кодекс чести не реже, чем выходцы из других народов, но Хабела тем не менее старалась всегда следовать ему, тем более что она принадлежала к королевскому роду. Если бы попытка убить королеву не была связана с опасностью для ее собственной жизни, принцесса могла бы поддаться чувству и преступить закон, но вот сейчас...

Быстрыми шагами принцесса подошла к шторе, скрывавшей выход из камеры. Собравшись с духом, она ступила в обступавшую ее со всех сторон тьму.

Факелы, освещавшие камеру, догорали. Их красноватый свет освещал пустое кольцо, подвешенное к потолку, окровавленный хлыст и раскинувшееся на полу грузное черное тело.

15

ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Стоило Хабеле покинуть камеру пыток, как она в растерянности остановилась. В этой части дворца она никогда не бывала и потому не имела ни малейшего представления, куда же ей следует двигаться,— менее всего она хотела вновь оказаться в руках королевы.

Глядя на пустой, вымощенный камнем коридор, принцесса решила, что она, скорее всего, оказалась в подземном лабиринте, который, по слухам, находился прямо под двор-

цом королевы амазонок. По всей видимости, вход в эту часть замка усиленно охранялся, и потому принцесса в любую минуту могла наткнуться на стражниц. Выбрав путь, который вроде бы вел вверх, она зашагала по нему скорым шагом.

В подземелье было тихо: где-то далеко капала вода, время от времени под ногами раздавался едва слышный шорох — это разбегались мыши. Кое-где на стенах были развешаны бронзовые светильники, наполнявшие коридор мерцающим желтоватым светом. Светильники эти находились так далеко друг от друга, что подолгу приходилось идти едва ли не в полной темноте. На этих темных переходах принцессу то и дело встречали красные бусинки мышиных глаз, удивленно взиравших на нее.

В этой зловещей тишине и темени принцесса казалась себе белесым привидением; ей было страшно, нервы ее были напряжены до предела. Хабеле казалось, что незримые глаза постоянно следят за нею; как она ни старалась, это неприятное ощущение не покидало ее ни на минуту.

Коридор то искривлялся, то раздваивался, то резко уходил в сторону. Какое-то время принцесса пыталась осознанно выбирать тот или иной путь, но вскоре она поняла, что уже давно бредет наугад. Разумеется, назад она пока могла вернуться, но встретиться с Нзингой вновь было выше ее сил. Оставалось одно — идти вперед наудачу, моля Митру о том, чтобы он вывел ее под открытое небо.

Проплутав какое-то время, Хабела вышла к подземным застенкам. По обеим сторонам прохода виднелись медные решетки, за которыми можно было разглядеть пленников. Некоторые из них рыдали, некоторые постанывали, но по большей части они не издавали ни звука.

Девушка заглянула в несколько камер. Увиденное подействовало на нее так сильно, что дальше она шла, глядя в землю, и старалась не смотреть по сторонам. Иные пленники исхудали настолько, что стали походить на живые скелеты. Иные смотрели на нее горящими безумными глазами. Грязные их тела были покрыты бесчисленными язвами. Тела умерших обгладывали крысы, жившие здесь во множестве.

Свернув за угол, Хабела замерла от изумления: она стояла перед камерой, в которую был заключен Конан-киммериец. Тело его лежало на ворохе сена. «Одно из двух,—

подумала Хабела.— Либо я схожу с ума, либо это действительно он, пират-великан».

Да, это действительно был киммериец. Он лежал так тихо, что казался мертвым. Однако, присмотревшись, принцесса увидела, как вздымается его грудь. Похоже, Конан находился в глубоком забытьи.

Хабела тихо позвала его по имени, но в ответ услышала только храп. Она дернула на себя решетчатую дверь — та была заперта.

Что же ей теперь делать? В любой момент сюда могут нагрянуть стражницы Нзинги, которые тут же заметят ее. Хабела вспомнила, как этот отважный пират спас ее там, на Безымянном острове, и решила попытать счастья еще раз.

Она вновь назвала его по имени. И тут взгляд ее упал на глиняный кувшин, стоявший у стены. В кувшине была вода, предназначавшаяся, судя по всему, для заключенных.

Хабела приподняла кувшин и подтащила его к камере киммерийца. К счастью, Конан лежал так, что голова его находилась прямо возле решетки.

Зингарская принцесса могла вылить содержимое кувшина прямо на лицо спящего киммерийца, что она не замедлила сделать. Конан стал кашлять и наконец чертыхнулся. Он застонал и сел, глядя по сторонам ничего не понимающим взглядом.

— Клянусь ледяными адами Имира,— начал было он, но тут заметил бледное испуганное лицо нагой зингарской принцессы. Конан тут же пришел в себя.— Ты? Во имя Крома, скажи мне, что происходит? — Изумленно посмотрев по сторонам, Конан продолжил: — Как это меня угораздило попасть в этот ад? Где мы? Что происходит? Моя голова раскалывается так, словно все демоны преисподней пинают ее ногами...

Девушка кратко поведала киммерийцу о всех ее злоключениях. Конан внимательно слушал ее, потирая рукой подбородок и недовольно щурясь.

— Стало быть, Нзинга отравила меня? Как же я об этом не подумал, разрази гром ее черное ревнивое сердце! Она хотела, чтобы я спал все то время, пока она будет разбираться с тобой. Видно, она решила, что королевские покои меня вряд ли смогут удержать,— подземелье, оно как-то надежней...— Киммериец ткнул пальцем в сено, на котором он

только что лежал, и засмеялся: — По здешним меркам это роскошь. Похоже, Нзинга решила так: с тобой она расправится, ну а я останусь с ней в прежней роли,— отсюда и эта трогательная забота.

— Что же нам теперь делать, капитан Конан? — спросила принцесса, едва не плача. Запас ее храбрости уже подходил к концу.

— Что делать? — Конан что-то проворчал себе под нос и сплюнул.— Пора мне отсюда выходить. Отойди-ка от двери.

— Что ты говоришь? У меня ведь нет ключа!

— К черту ключи! — проревел киммериец, схватившись своими ручищами за один из прутьев решетки.— Эти прутья сделаны из мягкого металла, да и лет им немало. За то время, что они здесь простояли, они прогнили наполовину. Так что ключи мне ни к чему. Отойди от решетки!

Уперевшись ногой в решетку, Конан напрягся и потянул на себя прут, изъеденный временем. Страшная сила, дремавшая до времени в его плечах, спине и руках, наконец нашла себе применение. Дыхание его стало хриплым; лицо потемнело. Капельки пота, выступившие у него на лбу, засверкали в свете факелов. Мускулы киммерийца казались отлитыми из бронзы.

Хабела глубоко вздохнула и прикусила губу.

Прут со скрипом вышел из паза дверной рамы и изогнулся. Киммериец потянул его на себя с удвоенной силой, и тут же со страшным треском прут лопнул — звук этот походил на щелчок огромного кнута.

Конан швырнул его в ворох сена и, прислонившись к стене, перевел дух. Он протиснулся боком через образовавшийся пролом и оказался в тюремном коридоре.

Хабела смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ну и силища у тебя! — едва выговорила она.

Конан принялся массировать руки.

— К счастью, такое мне не каждый день приходится делать,— сказал он с усмешкой. Посмотрев в глубь коридора, киммериец недоуменно спросил: — И куда же нам теперь идти? Где здесь выход? Слушай, а кто это тебя так отхлестал? Неужели Нзинга?

Хабела кивнула и стала рассказывать о том, что произошло после того, как она вышла из гостиной. Глаза Конана наполнились блеском.

— Странная история,— сказал он,— и самое странное в ней — появление стигийского мага; в том, что это был имен-

но маг, я нисколько не сомневаюсь. Колдунов этих мне доводилось встречать и прежде. Хотелось бы знать, кто же именно завладел Короной Кобры. Ты уверена, что это был не Менкара? Тот монах, что таскался повсюду вместе с Зароно?

Хабела покачала головой.

— Нет. Пока я была на «Петреле», я видела его не раз. Менкара невысок и худ, говорит же он словно нехотя. Этот же человек выглядел совсем иначе, хотя, похоже, они оба принадлежат к одному народу,— он был высок и статен, в облике же его чувствовалось что-то очень властное.

Конан делал вид, что внимательно слушает принцессу, сам же в это время разглядывал коридор. Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Если им и суждено покинуть город амазонок, то сделать это они могут только сейчас, когда королева Нзинга лишена чувств. Сколь долгим будет ее сон, вызванный чарами стигийца, киммериец не знал.

Извилистый ход вел вниз. Конан снял со стены тяжелый факел и довольно хмыкнул — теперь у него было хоть какое-то оружие. Факел представлял собой здоровенную дубину, к верхнему концу которой был прикреплен кусок промасленной тряпки. Желтоватое пламя нещадно чадило. Кстати говоря, следить за состоянием факелов и вовремя менять на них тряпки было обязанностью Хабелы.

Тоннель неожиданно пошел в сторону. Конан и принцесса повернули за угол и — оказались лицом к лицу с отрядом стражниц. Воительницы эти были одна другой больше, на их скуластых некрасивых лицах поблескивали узенькие глазки. Они были одеты в кожаные юбки и нагрудники, на которых были закреплены бронзовые пластины. В руках амазонки держали копья и короткие бронзовые мечи.

— Поймать их! — раздался хриплый голос Нзинги, стоявшей за спинами амазонок. Красивое лицо королевы исказилось гримасой гнева. Конан холодно улыбнулся — он должен был сражаться, иного выхода у него попросту не было.

Конан был выходцем из Киммерии и потому считался варваром. Южане казались ему изнеженными и ненадежными. Но и у него, варвара, были свои понятия о чести, и потому менее всего ему хотелось сражаться с женщинами, не говоря уже о том, чтобы убивать их. Теперь он должен был забыть об этом.

Не дожидаясь атаки амазонок, он метнулся вперед, размахивая горящим факелом. В одно мгновение он уложил

двух стражниц, проломив им черепа. Огромная амазонка зарычала и хотела было нанести ему удар мечом, но он ткнул ей в лицо горящим факелом. Волосы ее вспыхнули, и она, завизжав, стала кататься по полу. Он выхватил ассегай из рук воительницы, метившей ему в живот, и отшвырнул его к стене. Стремительный, словно пантера, он вновь занес факел над головой, но тут же замер.

Проскользнув мимо сражающихся, Нзинга подбежала к принцессе и, схватив ее своей огромной черной ручищей, приставила ей к горлу остро заточенный кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сучка захлебнется собственной кровью! — ледяным голосом приказала королева.

Конан ругнулся, поняв, что Нзинга вновь провела его. Факел упал на каменные плиты.

Амазонки тут же окружили киммерийца. Толстой веревкой они связали ему руки так, что Конан не мог и пошевелить ими. Похоже, лить из металла кандалы в стране амазонок еще не умели, решетки же, виденные Конаном в подземелье, скорее всего были поставлены прежними обитателями города.

— Дело сделано, королева,— пробасила огромная стражница.— Почему бы его прямо здесь и не заколоть?

Нзинга оценивающе посмотрела на сверкающий потом торс Конана.

— Нет,— наконец сказала она.— Этому предателю уготована иная судьба. Тот, кто пренебрег моей любовью, не сможет устоять перед моей ненавистью. Отведите их в загон для рабов, там они пробудут до рассвета. Утром мы отдадим их деревьям куламту!

Конану показалось, что, услышав это непонятное слово, амазонки вздрогнули. Он никак не мог взять в толк, чем же могут быть страшны деревья?

16

АЛЧНОЕ ДЕРЕВО

Конан, прищурившись, посмотрел на солнце, поднимавшееся за далеким лесом. Он стал с интересом осматриваться вокруг.

Его и зингарскую принцессу привели на центральную площадь Гамбуру. С одной стороны площади возвышался древний дворец, у ворот которого стояли две источенные временем загадочные скульптуры. Конан лежал в широкой яме, находившейся в самом центре площади. Дно ямы было песчаным. Оказавшись в Гамбуру, Конан тут же подметил сходство этой ямы с ареной, виденной им в аргосской Мессантии. Правда, там, в Мессантии, арена была оснащена воротами, через которые на нее выходили гладиаторы и дикие звери, здесь же никаких ворот не было.

Странным казалось и то, что в самом центре арены растут деревья. По всей видимости, это и были куламту, о которых говорила Нзинга. Внимательно посмотрев на ближайшее дерево, киммериец понял, что ничего подобного он в своей жизни еще не видел, хотя дерево это отдаленно напоминало банан. Ствол его был губчатым и казался мягким; он походил на колонну, заканчивавшуюся на вершине круглой сырой дырой, напоминавшей рот. Под этой дырой располагались кругом огромные, в рост человека, листья — длинные, широкие и толстые. Наружная поверхность листьев была покрыта толстым, в палец толщиной, волосом.

Каменные трибуны медленно заполнялись празднично одетыми амазонками — их бедра были прикрыты леопардовыми шкурами, на головах покачивались перья, шеи были украшены пестрыми варварскими ожерельями. Среди пришедших было много знатных персон, знакомых Конану по пирам, устраивавшимся Нзингой.

Конан решил испытать свои путы на прочность. Мышцы на его руках вздулись от напряжения, но веревки ему не поддавались, хотя и были сплетены из растительных волокон. Связаны были и его лодыжки. Ну и дела, подумал киммериец, в свое время ему доводилось рвать цепи, а тут он не может справиться с какой-то жалкой веревкой! Связавшие его стражницы, похоже, хорошо знали свое дело.

Трибуны заполнились. По команде Нзинги, сидевшей в окружении вельмож, стражницы подтащили тела Конана и Хабелы поближе к деревьям. Амазонки поспешно отступили назад, оставив беспомощных людей на песке.

Сидевшие на трибунах амазонки чему-то радовались, весело визжали и то и дело показывали пальцами на что-то находящееся над головами пленников.

Хабела завопила. В тот же миг Конан почувствовал, как нечто коснулось его ноги. Он приподнял голову и изумленно воскликнул:

— Кром!

Один из гигантских листьев дерева куламту пригнулся к земле и теперь медленно обвивался вокруг его лодыжки.

Хабела завопила вновь — вокруг ее тела обвивались листы другого дерева.

Конан сжал зубы. Эта часть Куша была неизвестна ему. Правда, в ту пору, когда он и Белит пиратствовали на Черном побережье, он не раз слышал о страшных деревьях-людоедах, которые растут в глубине континента. Киммериец относился к этим рассказам как к нелепым россказням, порожденным варварскими суевериями.

Конан побледнел: теперь ему было понятно, почему вокруг деревьев разбросаны человеческие кости. Ворсистые огромные листья обовьются вокруг его тела, поднимут его вверх и сбросят в смрадную дыру. Это дьявольское дерево проглотит его целиком. Едкие соки, выделяемые волокнами ствола, растворят его плоть, костяк же дерево изрыгнет назад.

Теперь вокруг него обвивалось уже три листа; киммериец попытался откатиться в сторону, но не тут-то было: листья крепко держали его. Они стали поднимать его вверх. Каждое прикосновение ворсинок отзывалось в его теле жгучей болью — листья жалили его, словно шершни. Отвращение и ужас, овладевшие Конаном, придали ему сил.

Трибуны неистовствовали. И тут Конан услышал слабый звук — это лопнуло одно из волокон веревки. Тут же лопнуло еще несколько волокон.

Конан сообразил, что едкую жидкость выделяет не только ствол,— она питала собой и листья. Конан напрягся изо всех сил и вскоре смог высвободить руку. Отодрав лист от лица, он принялся рвать волокна, стягивавшие его вторую руку, и вскоре уже лежал на песке. Тело его было покрыто зудящими красными пятнами.

На трибунах раздался вой, из чего Конан заключил, что подобного прежде не случалось. Судя по всему, обычно амазонки приносили в жертву своим деревьям-людоедам людей, измученных пытками и длительным заключением в подземных застенках. Такие великаны, как он, деревьям были явно не по зубам. Отодрав последний цеплявшийся за него лист, Конан решил воздать амазонкам сполна.

Хабела, спеленутая, словно мумия, толстыми листьями, была уже над стволом. Подпрыгнув, Конан схватился за листья, тащившие ее вверх. Его веса листья уже не выдержали. Часть листьев оторвалась от ствола, другие разорвались пополам, выпустив из своих хищных объятий несчастную принцессу. Конан вновь стоял на горячем песке, держа девушку в руках. Он тут же сорвал с ее тела обрывки листьев, корчившиеся, словно от боли. Все тело принцессы было усеяно такими же, как у него, красными пятнами. Конан легко разорвал связывавшие принцессу путы, что были наполовину разъедены соком куламту.

Амазонки заволновались. Несколько стражниц спрыгнули на арену и понеслись к белым пленникам. Сорвав остатки зеленой пленки с лица Хабелы, Конан приготовился ко встрече с этими врагами рода человеческого.

Амазонки, однако, не спешили приближаться к нему. Остановившись в нескольких метрах от киммерийца, они принялись всячески угрожать ему, потрясая при этом своим оружием. Неожиданно Конан понял, что они боятся не нагого безоружного человека, но деревьев, стоящих у него за спиной. Похоже, эти адские прожорливые деревья представлялись амазонкам всесильными, как боги. И тут ему в голову пришла замечательная идея.

Повернувшись назад, он уперся плечом в дерево, только что собиравшееся полакомиться им. Дерево корчилось и раскачивало своей изуродованной кроной, совершенно забыв о Конане. Пористый его ствол казался достаточно хрупким.

Надавив на ствол, Конан услышал слабый скрип и почувствовал, что дерево подается вперед. Собравшись с силами, он приложился к стволу еще раз, и дерево, неожиданно для него, упало наземь — в песке оно удерживалось лишь несколькими белыми усиками, служившими этому дереву-каннибалу корнями.

На трибунах раздавались крики, полные негодования. Конан взял ствол так, словно тот был тараном. В длину он имел футов десять, в толщину — не меньше фута. Несмотря на внушительные размеры, ствол был на удивление легким.

С бревном наперевес Конан пошел в атаку. Амазонки стали с визгом разбегаться. Киммериец довольно усмехнулся. Стражницы ужасно боялись своего священного дерева и

старались держаться от него подальше. Взмахнув бревном, Конан уложил сразу двух амазонок. Остальные побежали к трибунам.

На пленников тут же посыпался целый дождь дротиков.

Одно из копий вонзилось в бревно рядом с его рукой. Несколько изогнутых метательных ножей просвистели у него над головой.

— Хабела,— приказал Конан,— хватай копье и иди за мной!

Они устремились к трибунам — Конан впереди, принцесса за ним. Стоило киммерийцу взмахнуть исходящим едким соком бревном, как кольцо амазонок распалось. Выскочив из ямы, пленники побежали к улочке, ведущей к Западным воротам.

Конан полагал, что по крайней мере половина воинства Гамбуру набросится на беглецов, стоит только им выйти из ямы. Но происходило что-то совсем иное. В воздухе мелькали огненные стрелы, крыши многих домов уже были объяты пламенем. На площади в лужах крови лежало с дюжину трупов амазонок, пронзенных копьями. Воздух оглашался неистовыми грозными криками. На город амазонок кто-то напал.

Он увидел, как на площади появилось целое воинство чернокожих мужчин. Двигаясь стройными рядами, они разили направо и налево мечущихся амазонок.

Среди лучников Конан заметил своего старого приятеля Юму и выкрикнул его имя. Увидев его, Юма заулыбался и что-то скомандовал своим воинам. Ряд воинов расступился, пропустив зингарскую принцессу и Конана, и тут же сомкнулся вновь. Конан отбросил бревно в сторону. Тут же отряд стал отступать к улочке, ведшей к воротам.

Конан захохотал и дружески огрел Юму.

— А я-то думаю, кто это еще на мою голову свалился! Ничего не скажешь, ты поспел вовремя!

Юма засмеялся и выдернул стрелу, пущенную амазонкой, из своего щита, обтянутого кожей носорога.

— Думаю, ты и без меня смог бы с ними справиться!

Пока отряд пробивался к Западным воротам, Юма рассказал о том, как его людям в конце концов удалось найти след работорговцев, что вел в Гамбуру. Тогда же, собрав всех своих воинов, Юма и пошел в поход на столицу амазонок.

— Я боялся, что тебя уже нет в живых,— закончил свой рассказ черный царь.— Я совсем забыл о том, что подобные приключения для тебя стали делом привычным и побороть всех амазонок разом тебе ничего не стоит.

Приблизившись к воротам, Конан заметил голубоглазого рыжебородого Сигурда, возглавлявшего отряд пиратов, прикрывавших черных воинов с тыла. Северяне поприветствовали друг друга криками — для разговоров время еще не настало.

Выйдя из ворот города, которым правила Нзинга, Конан с облегчением вздохнул. Да, королева была женщиной незаурядной и страстной, но роль любовника монаршей особы явно не устраивала Конана. К тому же она могла и устать от его объятий — и тогда его кости белели бы рядом с костями его предшественников.

— Теперь я понял, что значит стрелять по-турански,— сказал Конан, обратившись к Юме. Амазонки вышли было из ворот, но люди Юмы сомкнули свои ряды и осыпали их таким градом стрел, что те тут же скрылись за стенами города.

Вскоре отряд въехал под полог леса. Лишь теперь Конан и Сигурд смогли обнять друг друга. Взглянув на Хабелу, Сигурд встал перед ней на колено.

— Принцесса,— сказал он изумленно,— клянусь грудью Иштар и огненным брюхом Молоха, вам надо что-нибудь надеть на себя! Что о вас подумает ваш батюшка? Возьмите хотя бы это!

Ванир снял с себя рубаху и накинул ее на плечи принцессе. Та надела ее, высоко закатав рукава. Сигурд был рослым малым, рубаха его доходила Хабеле до колен.

— Благодарю вас, Сигурд! — ответствовала принцесса.— Вы безусловно правы. Я столько времени провела среди нагих людей, что даже привыкла к собственной наготе.

— Ну и куда теперь, Конан? — спросил Сигурд.— Не знаю, как ты, но я-то этими самыми джунглями сыт по горло. Если тебя не съедят заживо москиты и пиявки, то, что от тебя останется, с удовольствием доедят львы.

— Мы возвращаемся в Кулало,— ответил Конан,— и сразу же отправляемся на борт «Вастреля». Если наши люди уплыли, не дожидаясь нас, я все равно разыщу их и спущу с них шкуру!

— Но ведь сначала нам нужно отпраздновать победу! — возмутился Юма.— Теперь, когда мои люди превзошли ама-

зонок Гамбуру, они полны решимости сразиться с ними снова и захватить все их земли! Самое время пить вино...

Конан покачал головой.

— Благодарю тебя, но боюсь, дружище, у нас нет на это времени. Нам пора возвращаться в Зингару. Против отца принцессы Хабелы короля Фердруго готовится какой-то заговор, и потому, чем быстрее мы окажемся в Кордаве, тем лучше. Похоже, в заговоре этом участвует добрая половина стигийских магов, так что праздновать победу еще рано. Сначала нам надо победить.

17

ГИБЕЛЬ «ВАСТРЕЛЯ»

Путь из Гамбуру в столицу царя Юмы Кулало и далее, к устью реки Зикамба, в котором и был оставлен «Вастрель», занял не один день. Хабела слишком ослабла для того, чтобы идти пешком. Черные воины соорудили для нее бамбуковые носилки, и потому путешествие для нее было необременительным.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка бананового вина и гигантский кусок жареного мяса восстановили его силы сполна. Как и прежде, Конан был куда сильнее и выносливее всех тех, с кем ему доводилось встречаться. Особой гордости от этого он не испытывал, считая это качество то ли доставшимся ему от предков, то ли ниспосланным ему богами,— и в том и в другом случае он был здесь ни при чем.

Солнце уже заходило, когда они вышли на поросший пальмами берег Зикамбы. К тому времени, когда они достигли ее устья, на небосклоне уже появилась луна. В дельте реки вода была грязной — морские волны поднимали с речного дна тучи ила. Пираты вышли к морю — и замерли, потрясенные увиденным.

Сигурд ахнул и разразился градом проклятий. Конан молчал, однако лицо его потемнело от гнева.

«Вастрель» лежал на мелководье, на палубах его играли волны. Вместо мачт торчали головешки, огонь изрядно подпортил и палубу. На берегу, у края леса, виднелось с десяток холмиков земли, которая не успела даже просохнуть.

Все это говорило о том, что недавно здесь произошел бой, в котором «Вастрель» потерпел поражение.

Звук шагов отряда Конана и Юмы пробудил караульных. Послышались крики и топот. Вспыхнувшие факелы осветили небольшой отряд матросов, державших свои сабли наголо. Конан приказал своим спутникам стоять на месте, сам же поспешил вперед.

Это были его люди, но выглядели они так жалко, что их трудно было узнать. У большинства руки и ноги были перебинтованы, некоторые опирались на костыли. Его помощник Зельтран поспешил вперед. Он держал саблю в левой руке, правая рука была перевязана.

— Капитан! — воскликнул он.— А мы уж и не чаяли вас увидеть! Джунгли вас словно заглотили!

— Как видишь, Зельтран, я жив,— спокойно ответил Конан.— Но скажи мне, что здесь произошло? Я понимаю, что на вас напали, но кто мог это сделать?

Зельтран печально кивнул. Только теперь Конан заметил, как осунулось лицо помощника.

— Это сделал грязный пес Зароно! — заговорил Зельтран хриплым голосом.— Три дня тому назад «Петрель» застал нас врасплох...

— Врасплох? — зарычал Конан.— Что это означает? Вы что, не выставили дозорных?

Зельтран чертыхнулся.

— Как же не выставили... Даже если бы все мы стояли в дозоре, ни один из нас не смог бы заметить его! Нас окутал такой туманище, какого я отродясь не видел! Смотреть сквозь него — все равно что смотреть сквозь каменную стену!

— Что верно, то верно, капитан! — поддержал помощника матрос.— Капитан Конан, тут без волшебства не обошлось! Это все магия, провались я на этом самом месте!

— И вы хотите сказать, что «Петрель» смог подойти к вам в таком тумане?! — повысил голос Конан.

Зельтран кивнул.

— Да, сэр. Именно так все и произошло. Сначала мы услышали скрип оттого, что наши галеоны сошлись бортами, и в тот же миг головорезы Зароно появились на нашей палубе. Мы сражались — боги тому свидетели,— вы и сами видите наши раны; но неприятель превосходил нас числом, к тому же появление его было для нас совершенной неожиданностью. В конце концов они оттеснили нас за борт. Я пытался прикрыть своих ребят.

— Послушайте, капитан,— вмешался в разговор матрос,— клянусь вам, он сражался за троих!

— Но тут что-то случилось с моей головой,— продолжал Зельтран.— Когда я пришел в себя, я уже был привязан к мачте, а вокруг скалили зубы эти псы. Потом появился сам Черный Зароно — кружевная рубашка и все такое прочее,— ну а рядом с ним был жрец Менкара — змея змеей.

«Так-так, дружище,— обратился ко мне Зароно,— а где же твой хозяин, этот увалень Конан?»

«Он ушел на берег»,— ответил я ему.

Зароно дал мне пощечину и сказал: «Я и сам это вижу, скотина. Куда именно он пошел?»

«Понятия не имею, сэр,— отвечал я ему, понимая, что бесить его не стоит.— Где-то там живут его друзья — к ним он и пошел».

«А была ли с ним эта зингарская девка?» — спросил Зароно.

«Кажется, она ушла вместе с ним»,— ответил я.

«Ну а теперь говори, в какую сторону они пошли. Говори же, ну!» — настаивал на своем Зароно.

Я сделал вид, что не имею ни малейшего понятия о том, где живет царь Юма, и тогда они стали жечь мою правую руку раскаленными угольями. Я как-нибудь покажу вам эти раны, капитан,— пусть только они немножко подзаживут. Тогда Зароно и стигийский жрец отошли в сторону и стали о чем-то шептаться. Жрец вытащил на палубу какую-то странную штуковину, сел перед ней и стал что-то такое бормотать, пока от этой самой штуковины не пошел свет. Он сказал Зароно: «Я вижу, как черные воины несут ее на носилках по лесной тропе. Воинов там много. Большего я сказать не могу».

От этих слов Зароно пришел в страшную ярость. Для того чтобы хоть как-то излить свой гнев, он стал бить меня по лицу. «Скажи мне на милость,— закричал он, обращаясь к Менкаре,— как я буду искать ее в этих проклятых джунглях, какими силами я буду воевать с этими варварами? С тем же успехом я мог бы запрыгнуть на луну!»

Посовещавшись, Зароно и Менкара решили уничтожить «Вастрель» и тут же отправиться в Кордаву. По пути они должны были зайти в Стигию, где их ожидал сообщник. Имя его — если я правильно все услышал — Тот-Амон.

— Тот-Амон? — удивился Конан.— О нем мне ужс доводилось слышать. Насколько я знаю, это враг опасный. Но продолжай. Похоже, эти псы от тебя особенно не таились.

— Что вы, капитан! Разве они думали, что я останусь жив. Зароно приказал своим людям спуститься на шлюпку и проломить борт нашего галеона ниже ватерлинии. Другим он приказал облить мачты маслом и поджечь корабль.

— Кажется, к одной из мачт был привязан и ты?

— Совершенно верно. Если быть точным, меня привязали к грот-мачте. Разумеется, я нисколько не хотел быть поджаренным заживо, поэтому, стоило людям Зароно покинуть наш корабль и оттолкнуть «Петрель» от его борта, я помолился Митре, Иштар и Асуре, я помянул всех богов, о которых мне доводилось слышать. Просил же я у них только одно — как-то спасти меня. И что вы думаете, капитан? Стоило «Петрелю» скрыться в тумане, как пошел дождь! «Вастрель» стал тонуть, пока не сел на дно. Я стал крутиться, как уж, и в конце концов освободил руки — они совсем не знают, что такое настоящие морские узлы. Когда наконец я освободился, я принялся тушить огонь, и в этом мне здорово помогал дождь. И все же я не смог спасти ни мачты, ни такелаж. Вот и вся моя история.

Конан проворчал:

— Если бы он был поумнее, он не стал бы одновременно поджигать и топить корабль. Либо одно, либо другое.— Он похлопал помощника по плечу, и тот скорчился от боли в руке.— Я знаю, что и ты, и ребята вели себя достойно. Теперь же нам надо понять, сколько времени потребуется для того, чтобы привести «Вестрель» в порядок.

Лицо Зельтрана приняло скорбное выражение.

— Боюсь, капитан, что работы займут у нас несколько месяцев. У нас нет ни дока, ни настоящих корабелов — поди-ка сыщи их в джунглях!

Юма выступил вперед.

— Мои люди помогут вам в ремонте корабля,— сказал он.— Если работать вместе, мы сделаем эту работу куда быстрее.

— Возможно, ты и прав, Юма. Спасибо тебе за это,— сказал киммериец.— Но разве твои люди что-нибудь смыслят в корабельном деле?

— Ничего они в этом не смыслят — мои люди привыкли жить на суше. Но нас много, и силы нам не занимать. Плотников же мы найдем столько, сколько нужно. Если ваши люди покажут им, что нужно делать, они не уйдут отсюда, пока не закончат работу.

— Прекрасно! — сказал Конан. Повысив голос, он обратился к приунывшим матросам: — Ребята, мы проиграли

эту битву, но война еще не закончена! Черный Зароно, одолевший вас с помощью колдовства, спешит к берегам Зингары в надежде свергнуть нашего господина, старого короля Фердруго! Люди царя Юмы помогут нам исправить корабль. Мы вновь пойдем под парусами на нашем старом добром «Вастреле», мы отомстим этому подлецу и сорвем его коварные замыслы! Что ты сказал?

— Мы потеряли много людей,— печально ответил боцман, кивком головы указав на ряд могил.

— Ты забываешь о том, что вместе с нами плывут аргосцы Сигурда! Если мы сколотим одну команду и забудем обо всех прежних обидах, люди нам не понадобятся. Люди, что вы скажете мне на это? Только отвечайте честно!

Моряки согласно заревели; в свете луны заблистали поднятые сабли.

Никогда еще Конан не видел, чтобы люди работали так дружно. Зацепив тросами обрубки мачт, они выправили корабль. Они вытащили из заполненного водой трюма все инструменты. Из стволов поваленных деревьев они напилили досок и ими залатали прореху в борту. Они выкачали из трюма воду, и «Вастрель» вновь легко закачался на волнах.

Вскоре на корабле появились новые мачты и рангоуты, сделанные из тесаного дерева. В столице Юмы женщины ткали новые паруса, мужчины же разводили огромные костры из смолистых дров и собирали вытекавший из-под них деготь. Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Мальчишки из племени Юмы освещали стапель самодельными факелами.

И вот настал день отплытия. Пираты едва держались на ногах от усталости и неимоверного количества выпитого, но «Вастрель» уже готов был поймать своими парусами утренний бриз.

Всю ночь люди Юмы, выстроившиеся в длинную цепочку, грузили на борт провиант: бочки с водой и просяной мукой, корзины с фруктами, копченую свиную грудинку, горы батата и других овощей. С таким запасом провизии пираты могли смело отправляться и на край света.

Едва стало светать, Конан стал прощаться с Юмой. Некогда они воевали бок о бок в легионах туранского царя Илдиза, преодолевали крутые перевалы Талакмаса, боролись

с узкоглазыми низкорослыми всадниками, чьи одежды были сшиты из блестящей кожи, сражались с каменным идолом, напавшим на них в затерянной среди снегов долине Меру. Теперь судьба свела их в знойных джунглях Куша.

Они молча пожали друг другу руки, растерянно улыбаясь и стараясь не смотреть друг другу в глаза. И тот и другой понимали, что в этой жизни они, скорее всего, больше не свидятся.

«Вастрель» поднял паруса. Парусина тотчас же натянулась так, что снасти зазвенели. Черные воины стояли на берегу вместе со своими женами и голыми детьми. «Вастрель» вышел в открытое море и взял курс на Зингару.

18

КОРОЛЕВСТВО В ОПАСНОСТИ

Солнце уже заходило, когда Конан завел «Вастрель» в гавань Кордавы. Все небо было затянуто облаками.

Немногие заметили этот изящный галеон, когда он бесшумно вошел в гавань и тихо ткнулся носом в дальний причал. Конан решил войти в город как можно незаметнее, ибо не знал ни того, кто сейчас царствует в Зингаре, ни того, сколь давно прибыли в город Зароно и Тот-Амон. В том, что они опередили его, киммериец нисколько не сомневался. Зельтран коснулся его руки и указал на один из причалов.

— Это — «Петрель»,— прошептал помощник.— Капитан, может, стоит поджечь его, пока здесь никого нет?

Конан заулыбался:

— Что-то ты сегодня больно горяч, Зельтран, не мешало бы взять себя в руки. Ты ведь не любишь спешить, верно? В нашей игре ставки куда как серьезнее. Скорее всего, наши приятели находятся не здесь, они плетут свои тенета где-нибудь в королевском дворце.

Принцесса нетерпеливо схватила Конана за руку.

— Капитан Конан, почему мы не идем во дворец? Ваши люди могут и подождать. Надо предупредить моего отца, что эти предатели Вилагро и Зароно могут...

— Да замолчите вы! — вновь усмехнулся Конан.— Не надо так спешить, девочка, неужели жизнь тебя этому еще не

научила? Вполне возможно, что предатель-герцог и колдун Тот-Амон уже захватили власть, и тогда мы попадем в их паутину, словно глупые мухи. Нет, я хочу поступить иначе.

— Иначе? Как же именно? — не унималась принцесса.

Конан мрачно улыбнулся:

— Сначала мы отправимся в то место, где я чувствую себя в безопасности,— я говорю о «Девяти Обнаженных Мечах».

— «Девяти Обнаженных Мечах?» — недоуменно переспросила принцесса.

— О местечках такого рода знатные господа и не слыхивали; но поверь мне, девочка, это как раз то, что нам нужно. Зельтран, я возьму с собой десять человек. Приготовь плащи и фонари, да не забудь об оружии!

Улицы были пустынны; казалось, что они идут по некрополю. Сигурд, суеверный, как и все моряки, то и дело вздрагивал и начинал озираться по сторонам, не выпуская из рук эфеса своей сабли.

— Дело ясное — или все они умерли, или их кто-то проклял,— бормотал он, вглядываясь во тьму.

Конан попросил его попридержать язык.

Одни только кордавские кошки видели этот небольшой отряд, бесшумно проследовавший к двери таверны «Девять Обнаженных Мечей». Стоило им войти внутрь, как в прихожую выскочил хозяин таверны Сабрал, на ходу вытиравший о халат руки.

— Я очень сожалею, но сегодня ночью наше заведение закрыто,— забормотал хозяин,— в согласии с правительственным указом сегодня все таверны города работали только до захода солнца. Соответственно, я попрошу вас...

Конан снял шляпу, сбросил плащ на пол и испытующе посмотрел на хозяина.

— Что это с тобой, приятель? — спросил он тихим голосом.

— Ах, да я же вас просто не узнал! Разумеется, разумеется, для капитана Конана двери моей таверны всегда открыты! Заходите, ребята, черт с ним, с законом! Пока я зажгу свечи и найду для вас что-нибудь покрепче, пройдет какое-то время, но вы не волнуйтесь, все будет так, как вы захотите.

— Странный указ! Почему это питейные заведения должны быть закрыты именно этой ночью? — спросил Конан, встав так, чтобы видна была дверь.

Держатель таверны пожал плечами:

— Наверное, кроме Митры, об этом никто не знает, капитан. Указ этот был подписан вчера вечером. Похоже, здесь начинает происходить что-то странное, знаете ли, что-то такое... Вначале в Кордаве появился капитан Зароно, плававший неведомо где. Вместе с ним приплыли и какие-то стигийцы. Этот самый Зароно тут же направился во дворец короля Фердруго, так, словно этот дворец принадлежит ему. И заметьте, ни один стражник не сказал ему ни слова,— людей короля словно околдовали. Ну а потом начались эти новые указы: и городские ворота теперь на ночь закрываются, и остальное все изменилось... Герцог Вилагро стал начальником охраны и тут же издал указ о введении в городе военного положения. Странные вещи, капитан, здесь происходят! Ох, странные! Как бы беды какой не случилось!

— Удивительно! — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — не понял Конан.

— Неужели не понятно? Клянусь глазом Дагды и пальцем Орванделя! Твой приятель Сабрал говорит тебе о том, что город заперт на замок, а мы вошли в городскую гавань совершенно спокойно! Почему это Вилагро не заставил своих головорезов охранять и пристань?

— Похоже, они считают, что «Вастрель» и поныне находится в устье Зикамбы,— ответил Конан.

— Что верно, то верно! — обрадованно сказал Сигурд.— Как-то я об этом не подумал. Зароно никогда не поверит, что мы смогли починить корабль так быстро. Ему-то и в голову не придет, что люди Юмы могли помочь нам.

Конан кивнул:

— Правильно говоришь, рыжая борода. Если все кончится хорошо, король Фердруго окажется в долгу у черного воина, о котором он никогда не слышал и которого он никогда не увидит!

— Раньше к черным я относился иначе,— сказал Сигурд.— Они казались мне суеверными примитивными варварами. Но твой друг Юма открыл мне глаза. Наверное, в каждом народе есть свои герои и в каждом — свои подлецы.

Однако не время было вести праздные разговоры. Конан принялся расспрашивать Сабрала о том, что же происходит в городе, и тот смог прояснить для него многое. Ви-

лагро пока не занял трон, но теперь это могло произойти в любой момент. Верные королю гарнизоны были посланы на охрану далеких границ. Офицеров же, преданных Фердруго, либо высылали за границу, либо смещали с должности; иным из них были предъявлены сфабрикованные обвинения, на основании которых они были посажены в тюрьму. Вечером этого дня ворота дворца были наглухо заперты. Ключниками теперь были люди Вилагро. Во дворце должна была состояться какая-то церемония, но что это за церемония, Сабрал не знал.

— Я думаю, речь идет об отречении от престола,— сказал Конан, меряя комнату шагами.— Мы должны попасть во дворец. Но как это сделать? Вилагро и Зароно заперли все его двери. Тот-Амон наверняка держит Фердруго под контролем. Чары могут развеяться, если король увидит свою дочь... Тогда-то мы и займемся предателями. Где этот проклятый Нинус? Он давно должен быть здесь...

Сигурд нахмурил брови. С час тому назад Конан осведомился у Сабрала о здоровье своего товарища, ставшего монашком. Хозяин таверны ответил, что Нинус давно поправился и вновь вернулся в монастырь при храме. Тогда Конан послал за ним одного из своих матросов.

— Кто такой этот Нинус? — поинтересовался Сигурд.

Конан передернул плечами.

— Я знаю его еще с тех времен, когда мы промышляли воровством в Заморе. Он вернулся в родную Зингару, когда краснокаменная Замора показалась ему слишком уж неспокойным местом. Здесь он встретился со сладкоречивым миссионером из храма Митры, который смог убедить Нинуса в том, что монахи могут жить припеваючи, играя на страхах и суевериях законопослушных горожан и скучающих домохозяек. Нинус всегда был себе на уме — так случилось и на сей раз,— он вдруг возьми и действительно стань монахом! Если и существует тайный ход, ведущий в королевский дворец, то о нем наверняка будет знать Нинус. Лучше, чем он, вора не было, перед ним и Таурус Немедийский, которого люди называли королем воров, кажется мальчишкой. Он всегда знал все ходы-выходы...

Торжественный звук колокола резанул Конана по сердцу. Хабела замерла и крепко сжала его руку.

— Это звонят в храме всех богов! — воскликнула она.— Конан, мы опоздали!

Киммериец посмотрел на ее внезапно побледневшее лицо.

— Что это означает? Говори же, ну!

— Звон этих колоколов возвещает о начале аудиенции! Мы опоздали — она уже началась!

Конан и Сигурд обменялись взглядами и бросились к окну, из которого был виден стоявший на вершине холма дворец.

В тронной зале горели огни. Хабела была права: аудиенция уже началась.

19

КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

То, что происходило в тронном зале короля Фердруго, больше всего напоминало спектакль. За изумрудными стеклами его высоких окон то и дело сверкали молнии, наполнявшие залу мертвенным серо-голубым светом.

Он был огромен. Покатые стены и кольцо мощных тяжеловесных гранитных колонн, отделанных полированным мрамором, поддерживали свод, паривший где-то в вышине. Этот зал был величайшим чудом королевства Фердруго.

Огромные, в руку толщиной, свечи горели в массивных золотых светильниках. Их свет и вспышки молний отражались отполированными до зеркального блеска щитами и шлемами стражей, стоявших у стен зала.

На сей раз воинов было куда больше, чем обычно. Это обстоятельство смущало и настораживало придворных вельмож, созванных во дворец королевским глашатаем. Им было приказано собраться в тронном зале, дабы монарх смог обратиться к ним с важной речью.

Ливреи стражников тоже вызывали подозрение. Лишь немногие были одеты в форму Тронного легиона, призванного охранять его величество, все же прочие носили одеяния цветов дома Вилагро, герцога Кордавского.

В центре зала на возвышении, сложенном из зеленого с темными прожилками малахита, стоял трон, вырезанный из розового мрамора. Это был трон династии Рамиро, и сидел на нем сам Фердруго Третий.

Собравшейся в зале знати в последнее время почти не доводилось видеть своего монарха. Люди изумленно смот-

рели на короля, ибо он состарился так, словно со времени их последней встречи прошли многие годы. Тело его усохло, щеки ввалились, члены ослабли. Глубокие тени легли на его лицо, глаза же утратили прежний блеск. В свете молний немощный старец походил на скелет.

На голове, что казалась слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, поблескивала древняя корона основателя династии короля-героя Рамиро. Верхнее кольцо этой безыскусной золотой короны было покрыто вырезами, делавшими его похожим на верх крепостной стены с зубцами и амбразурами.

Своими восковыми ссохшимися руками король развернул огромный свиток, скрепленный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом Фердруго стал зачитывать сей странный документ. Вначале шла привычно долгая преамбула, перечислялись всевозможные титулы и звания, звучали тяжеловесные фразы, лишенные какого бы то ни было смысла, но имевшие юридическое значение. Присутствующие стали нервничать: ничего хорошего подобное начало не предвещало.

У возвышения, на котором был установлен трон, стояло двое. Одним из этих людей был герцог Вилагро. В отсутствие принца Товарро, родного брата короля, герцог был вторым лицом в государстве. По выражению его лица можно было сказать, что он с нетерпением чего-то ждет.

Рядом с Вилагро стоял человек, не знакомый ни одному из присутствующих. Голова этого высокого широкоплечего человека была обрита наголо, кожа его была смуглой, а лицо — хищным. Судя по всему, он был уроженцем Стигии. Тело его было покрыто тяжелой длинной мантией, доходящей до пола.

На его выбритую голову был надет странный убор — корона, сделанная в форме золотой змеи, обвившейся кольцами вокруг головы; на странной этой короне сверкали тысячи граненых камней. Люди закачали головами и стали перешептываться, говоря исключительно о короне и граненых алмазах,— если это действительно алмазы, то короне этой цены нет. Стоило незнакомцу шевельнуться, как бриллианты тут же начинали сверкать всеми цветами радуги, отражая свет факелов и свечей.

Темнолицый человек казался ушедшим в себя — он едва ли видел стоявших перед ним людей и вряд ли слышал то,

что говорилось королем. Казалось, что стигиец сосредоточил все свое внимание и все свои силы на чем-то никому не ведомом.

За спиной герцога Вилагро угадывались темные фигуры злокозненного пирата Зароно и жреца храма Сета Менкары, о котором людям было известно лишь одно: так же, как Зароно, он был приспешником герцога.

Фердруго продолжал чтение, теперь документ уже близился к концу. И тут собравшиеся замерли от изумления, ибо вот что они услышали:

— «Настоящим мы, Фердруго Зингарский, оставляем трон в пользу нашей дочери и наследницы принцессы Хабелы и тем самым в пользу помолвленного с нею в ее отсутствие великого принца Тот-Амона Стигийского! Да здравствуют король и королева! Да здравствуют Хабела и Тот-Амон — новые правители древней зингарской земли!»

У гостей от изумления раскрылись рты. Но более всех был ошарашен Вилагро, герцог Кордавский.

Он выпучил глаза на старого короля Фердруго; лицо герцога стала заливать мертвенная бледность, губы затряслись, силясь что-то произнести.

Гул голосов был прерван хриплым возгласом короля:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец встал напротив трона и опустился на колено. Сняв с головы Корону Кобры, он бережно положил ее на малахитовую ступень.

Фердруго поднялся с трона и снял древнюю корону короля-героя Рамиро. Трясущимися руками он возложил ее на обритую голову Тот-Амона.

Только теперь Вилагро смог оценить все коварство своего союзника; рука его непроизвольно схватилась за резную рукоять кинжала, висевшего у него на поясе. Он хотел уже было вонзить кинжал в спину великого мага, но тут взгляд его упал на Корону Кобры, лежавшую подле Тот-Амона. Он знал о ее чудесных свойствах. Вернувшись в Кордаву, Зароно рассказал ему о ней:

«Из того, что говорил мне Менкара, и из того, что я видел собственными глазами во время нашего плавания, ваша милость, я понял следующее. Корона позволяет своему носителю управлять сознанием других людей. Менкара, маг средней руки, может управлять только одним человеком. Тот-Амон, величайший из магов, способен владеть сознанием нескольких людей. Тот же, кто наденет Корону, смо-

жет управлять тысячами — для этого достаточно знать, как это делается. Он сможет послать на верную смерть полк неугодных ему солдат. Может приказать змее или льву убить своего врага.

Никто не может противостоять воле надевшего Корону Кобры. Ее хозяина нельзя застать врасплох или обмануть, ибо ему ведомы мысли всех. Приблизиться же к нему сможет лишь тот, кому это будет приказано. Смертные, подобные вам и мне, мой господин, часто страдают оттого, что их приказы выполняются скверно,— вспомните, как улизнула от нас принцесса. Однако великий Тот-Амон может не опасаться неудач, ему достаточно приказать, и приказ его тут же будет в точности выполнен, пусть даже его слуге для этого придется пожертвовать жизнью».

И вот уже старый Фердруго возлагает древнюю зингарскую корону на лысый череп этого подлого стигийца. Впрочем, для этого Тот-Амону пришлось снять Корону Кобры... Герцог Вилагро решил действовать.

С поразительной для его лет быстротой герцог взбежал на малахитовый помост. Ничего не подозревавший Тот-Амон обернулся, когда Корона Кобры была уже на голове у герцога.

Герцог двинулся вперед и тут же услышал сдавленное проклятье — по голосу он узнал Менкару. Вилагро резко обернулся и увидел, что маг несется на него с кинжалом в руке.

Стоило Вилагро надеть Корону Кобры на свою голову, как сознание его наполнилось массой необычных ощущений. Ему казалось, что он слышит мысли всех людей, смотревших на него из зала; мысли эти сливались в неумолчный нечленораздельный гул. Вилагро не был магом и потому не мог от них отвлечься.

Менкара был уже совсем близко. Отчаянным усилием герцог сосредоточил на нем свое внимание и, выставив вперед руку, представил, что Менкара летит со ступеней вниз, словно кто-то могучий нанес ему сокрушительный удар.

Менкара замер, так и не поднявшись на ступени. Он вдруг отшатнулся и выронил кинжал из рук.

За спиной Вилагро раздался львиный рев, на сей раз голос принадлежал Тот-Амону.

— Пес! За это ты поплатишься жизнью! — закричал стигиец, коверкая слова зингарского языка.

— Умри же сам! — воскликнул Вилагро и простер руку к Тот-Амону.

Однако великого мага не могла одолеть даже Корона Кобры, ибо нынешний ее владелец не умел правильно пользоваться ею и был лишен должной сосредоточенности. На мгновенье противники замерли, пытаясь сразить волей один другого. Даже надев Корону, Вилагро вряд ли мог соперничать с великим Тот-Амоном. Слегка покачиваясь от напряжения, они смотрели друг другу в глаза.

Люди, стоявшие внизу, изумленно следили за происходящим. Среди них было немало смелых воинов, готовых с оружием в руках отстоять правое дело, но в этой сумятице никто уже не понимал, что же именно здесь происходит. Король дошел до полного идиотизма, герцог известен своей беспринципностью, страшный чужеземец и вовсе никому не ведом,— кто здесь прав и кто здесь виноват?

Вилагро услышал бормотание Менкары — тот читал заклинание. Он почувствовал, что его силы слабнут. Тот-Амон грозно надвигался на него...

И тут зала наполнилась шумом. С балкона спускался целый отряд оборванных моряков, возглавляемый бронзоволицым гигантом с гривой нечесаных черных волос и горящим взором. В руке гигант сжимал огромную саблю.

Зароно изумленно воскликнул:

— Конан! Тысяча чертей, откуда только он взялся?!

Желтолицый пират побледнел, ошеломленный появлением огромного варвара. Но тут же глаза его гневно засверкали, а лицо приняло решительное выражение. Он вынул из ножен рапиру.

Внезапное вторжение привлекло и внимание Тот-Амона. Будь на его голове не древняя зингарская корона, а Корона Кобры, он почувствовал бы приближение Конана заранее, но мистический убор давно уже был не у него.

Покосившись на нежданных гостей, Вилагро вновь устремил свой взор на Тот-Амона. Он понимал, что стигиец — враг куда более опасный. Если он, впервые надев корону, может противостоять самому Тот-Амону, то уж с Конаном-то он легко справится. Если же он отвлечется на Конана сейчас, стигиец раздавит его, словно жука.

Конан замахал руками, прося внимания.

— Слушайте, властители Зингары! — проревел он.— Изменив вашему монарху, эти люди заколдовали его! — Смут-

лая ручища указала на недвижно стоявшего стигийца.— Это не принц Стигии, но настоящее исчадие ада! Это колдун, пришедший из нечестивой Стигии, с тем чтобы присвоить себе древний трон Зингары. Земля еще не рождала большего злодея, чем Тот-Амон! Околдовав короля, он лишил его разума — король не понимает того, что он делает, он лишь выполняет то, чего требует от него этот негодяй!

Собравшиеся заволновались; одни тут же поверили Конану, другие были полны сомнений. Какой-то толстяк закричал:

— А разве не безумие то, что происходит сейчас? Орда пиратов врывается во дворец во время священной церемонии, а их вожак начинает нести какой-то бред! Стражники, арестуйте этих мошенников!

Шум в зале усилился. Стараясь перекричать толпу, Конан заорал что было сил:

— Глупцы, посмотрите на своего короля, и вы убедитесь в правдивости моих слов!

Побледневший Фердруго в растерянности стоял у трона.

— Господа, господа, что здесь происходит? — бормотал он, глядя в лица собравшимся. Неожиданно для самого себя он обнаружил в своей руке свиток.— Что это? Неужели я это читал? Ведь это какая-то бессмыслица...

Стало понятно, что король Фердруго не узнает указа, только что зачитанного им. Тот-Амон, вынужденный отвлечься на Вилагро, выпустил из-под своего контроля сознание короля. И тут же магу пришлось вновь обратить все свое внимание на герцога.

Стоило Тот-Амону обернуться к Конану, как Вилагро, собрав всю свою волю, тысячекратно усиленную Короной Кобры, устремил на него полный ненависти взгляд. Тот-Амон зашатался и не упал только потому, что успел схватиться за спинку трона. Зингарская корона, что была явно мала ему, слетев с его головы, со звоном покатилась по ступеням.

Овладев собой, маг нанес Вилагро такой мысленный удар, что тот едва смог устоять на ногах.

— Идиот, отдай мне Корону Кобры! — закричал Тот-Амон.

— Ни за что! — завизжал в ответ Вилагро.

Герцог почувствовал, что теперь ему противостоит куда бóльшая сила. Он чувствовал, что Тот-Амону помогает его

верный слуга Менкара. Вилагро стал стремительно терять силы. Еще немного — и он должен был погибнуть.

Он перевел взгляд туда, где стоял Конан. Казалось, что сейчас, не выдержав напряжения, рухнут дворцовые своды. В этот миг решалась судьба целого народа, одного слова, жеста или взгляда было достаточно для того, чтобы повернуть ход событий тем или иным образом.

И тут слово это прозвучало. Рядом с Конаном появилась фигурка девушки, черные как смоль волосы которой сбегали на плечи шелковистым водопадом. Глаза девушки блистали. Несмотря на то что одета она была в грубое матросское платье, в ней нельзя было не узнать принцессу Зингары.

— Принцесса! — воскликнул барон.

— Что? Хабела? — стал озираться по сторонам Фердруго.

Да, теперь уже никто не сомневался в том, что это была именно она. Хабела заговорила:

— Граждане Зингары, капитан Конан сказал правду! Этот коварный стигиец смог околдовать моего отца. Конан спас меня, и мы тут же поспешили в Кордаву, чтобы не дать ему взойти на трон! Стража, взять его!

Капитан королевской гвардии выхватил саблю из ножен и приказал воинам следовать за ним. Конан и девять его матросов сбежали с балконной лестницы; в их руках поблескивали клинки. Хабела и жрец храма Митры Нинус оставались наверху. Маленький монашек упал на колени и стал молиться:

— О бог Митра, о Владыка Света! Будь с нами в этот час, когда угрожает нам темная сила Сета! Во имя божественной Сраоши и того, чье имя заповедано, помоги нам, Зурван, Владыка Вечности! Запылай же святым своим пламенем, дабы повергнуть Древнего Змея с трона его!

То ли Тот-Амон стал уставать, то ли Вилагро научился пользоваться Короной Кобры, то ли Митра действительно решил помочь людям, но Тот-Амон вдруг побледнел и сгорбился. Он сделал шаг назад. Вилагро уже был готов издать победный крик.

Но не успел он и рта открыть, как Тот-Амон прибег к последнему своему средству. Маг выбросил руку вперед, и зал озарился изумрудным сиянием. Из указательного пальца мага выходил тонкий зеленый луч.

Корона Кобры засверкала изумрудными огнями, золото же ее неожиданно заалело.

Вилагро издал пронзительный крик. Схватившись за голову, он отступил назад — казалось, он хочет сбросить с себя Корону. В воздухе запахло паленым.

И тут же зал озарился ослепительным голубым сиянием, словно одна из гневливых молний заглянула в его высокие окна. Одно из оконных стекол разлетелось вдребезги. Люди, полуослепленные яркой вспышкой и оглушенные последовавшим за ней громовым раскатом, увидели, как ослепительная голубая молния, словно космическая плеть, поразила герцога Кордавского.

Вилагро упал лицом вниз. Корона Кобры слетела с его головы и покатилась по мраморному полу. Волосы на голове герцога сгорели, обнажив обожженный скальп с черной полоской на том месте, где Корона касалась головы.

Так бесславно закончил свою жизнь герцог, возжаждавший трона и короны, так он был погублен своими неуемными желаниями.

20

АЛАЯ КРОВЬ И ХЛАДНАЯ СТАЛЬ

На мгновение все замерли. Тот-Амон пришел в себя первым.

— Менкара! Зароно! — закричал он.— Ко мне! — Как только жрец Сета и пират, сжимавший в руках рапиру, приблизились к магу, тот приказал им: — Срочно собирайте людей — и наших, и слуг Вилагро. Бейтесь до последнего! За исход боя вы отвечаете головой! Пока Конан на стороне короля, мы можем надеяться только на силу!

— А как же колдовство? — прорычал Зароно.— Разве вы не можете смести всех наших врагов одним взмахом руки?

— Я сделаю все, что в моих силах, но и у магии есть свои пределы. К оружию!

— Вы правы,— согласился Зароно и тут же повернулся на каблуках лицом к залу.— Люди! — закричал он.— Герцог мертв, но стигийский принц на нашей стороне! Если мы поможем ему взойти на трон, мы будем править этой страной вместе с ним! Ко мне, люди!

— Ко мне, честные люди Зингары! — тут же проревел Конан.— Мы обязаны защитить короля и принцессу и спасти Зингару от стигийского дьявола!

Люди разделились на два лагеря. Большая часть сторонников Вилагро приняла сторону Зароно, дворяне же встали рядом с Конаном и его матросами. Трусливые и колеблющиеся немедленно покинули зал.

Большинство встали на сторону Зароно. Почти все воины, охранявшие дворец и залу, были людьми Вилагро. Они превосходили противника не только числом, но и своим оружием.

— Вы в меньшинстве! — прокричал Тот-Амон с помоста.— Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Конан грубо послал к черту и Тот-Амона, и его предложение.

— Да здравствует Тот-Амон, правитель Зингары! — закричал Зароно, напав на одного из воинов, принявших сторону Конана.

Засверкали мечи. Противники сошлись, наполнив зал звоном клинков и криком. То здесь, то там падали люди, сраженные неприятелем. Алая кровь заливала мрамор, отовсюду слышались предсмертные хрипы и стоны.

Конан бесстрашно улыбался; белоснежные зубы сверкали на его смуглом лице. Настало время действовать. Жизнь научила его известной осторожности и осмотрительности, но в такие минуты он, словно мальчишка, забывал обо всем — он был все тем же неистовым варваром, для которого сраженья были единственной усладой. Таких же босв, как этот, он уже и не помнил.

Он набросился на одного из людей Зароно. Сбив его с ног, он ударил его в живот пяткой, одновременно сбив с ног другого противника и поразив клинком третьего, спешившего на подмогу.

Несмотря на свой огромный рост, киммериец двигался стремительно и легко, словно пантера, скашивая неприятеля слева и справа. Низкорослые зингарцы казались рядом с ним детьми. От ударов его огромной сабли ломались их мечи; Конан рубил врага, как капусту.

Повсюду шел бой, повсюду лилась кровь.

Зингарцы были прекрасными фехтовальщиками, превратившими фехтование в подлинное искусство. Однако Конан, пусть он и рос среди варваров, так освоил за долгие годы беспрестанных сражений воинские искусства, что равных ему здесь не было. Помимо прочего, он провел не один месяц в школе фехтования, где давал свои уроки великий мастер Валерио, слава о котором шла по всему миру.

Молодые дворяне, ставшие на сторону Вилагро, поначалу относились к Конану как к неуклюжему увальню. Каково же было их изумление, когда они увидели перед собой превосходного фехтовальщика! Несмотря на то что клинок его был так тяжел, а рост так велик, он легко отражал все их атаки, разгадывая самые хитроумные уловки и отвечая приемом на прием. Киммериец разил врага за врагом, продвигаясь все дальше и дальше вперед.

И тут он увидел перед собой высокого человека в черном вельветовом камзоле. Это был Черный Зароно.

Зароно не был трусом, напротив — выдержке и отваге его многие могли позавидовать. Да, он привык действовать исподтишка, но вызвано это было никак не трусостью, а скорее беспринципностью и расчетливостью. Он всегда думал только о цели, оправдывая ею любые средства. Решение сразиться с Конаном казалось безрассудством, но уж слишком велика была ненависть Зароно, которому Конан представлялся источником всех его бед — как былых, так и нынешних. Он мечтал о мести с тех самых пор, как они подрались в таверне. Тогда Конан огрел его так, что голова у Зароно едва не слетела с плеч.

Зароно понимал, что ждать за это какой-то благодарности от Тот-Амона не приходится. Если Тот-Амон действительно станет королем, то все посты в государстве тут же отойдут стигийцам, жрецам храма Сета. Впрочем, может статься, Тот-Амон и назначит его на какую-нибудь должность и уж во всяком случае не станет казнить его; если же верх одержат сторонники прежней династии, то его, Зароно, вне всяких сомнений ждет плаха.

Рапира Зароно скрестилась с саблей Конана. Зароно сделал стремительный выпад, но киммериец отразил этот удар и тут же нанес ответный, целя Зароно в голову. Зингарец ушел в сторону, и сабля со звоном ударила по его рапире.

Повсюду кипела битва. Повсюду валялись трупы, отчего тронный зал стал походить на бойню. Численное преимущество сторонников Зароно уже начинало сказываться. Противника удалось разделить на две группы: первую группу теснили к лестнице, с которой появился Конан, вторую, тесным кругом обступившую короля,— к дальнему углу зала.

Конан и Зароно продолжали свой поединок. Теперь зингарцу уже казалось, что он погорячился, решив сразиться со своим заклятым врагом. В искусстве фехтования он ни-

сколько не уступал Конану, но тот явно превосходил его и в силе, и в выносливости. Зингарец стал потихоньку сдавать, однако отступать он и не думал. Либо он убьет этого варвара, либо сам погибнет в бою.

Тот-Амон невозмутимо сошел с помоста. Обходя сражающихся воинов, он неспешно направился по залитым кровью плитам к Короне Кобры, что так и лежала на полу зала. Воины Конана легко могли поразить его, но они даже не пытались сделать этого. Казалось, что они не видят мага.

На самом деле они видели его ясно, однако маг волевым усилием смог внушить им, что его, Тот-Амона, они трогать не должны. Это внушение требовало от него такой сосредоточенности, что он и не пытался как-то воздействовать на Конана. Для того чтобы совершать нечто большее, он нуждался как в покое, так и в своем магическом приборе. Изумрудный луч был уже использован, вновь воспользоваться им он мог только через несколько часов.

Тот-Амон спокойно перешагнул через тело Менкары, сраженного случайным ударом чьей-то руки. Стигиец нагнулся и поднял Корону с пола. Она все еще была горячей, но он держал ее так, словно не чувствовал боли. Маг принялся осматривать ее и вдруг, негромко выругавшись, отбросил ее в сторону так, словно она была никчемной безделушкой.

В тот же миг из-за стен дворца послышались какие-то крики. Уже через минуту в зале появилась вся команда Конана, возглавляемая Зельтраном и Сигурдом. Матросы были вооружены пиками и саблями. Дождавшись Нинуса и отправившись вместе с ним во дворец, Конан послал Сигурда на корабль за подмогой. Матросы должны были незаметно покинуть галеон и проникнуть во дворец тем же тайным ходом, по которому в него пробрался Конан.

Битва стала принимать совсем иной оборот. Отряд людей, верных королю, пошел в наступление. Ряды мятежников дрогнули, не устояв перед натиском противника. Хлынувшая назад толпа растащила Конана и Зароно в разные стороны.

Полный решимости продолжать поединок, Зароно принялся расталкивать своих людей, но тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он хотел было сбросить ее, но тут неожиданно понял, что это — рука Тот-Амона.

— Настало время подсчитывать потери,— угрюмо произнес стигиец.— Короны больше нет — она сгорела...

— Отпустите меня! — неожиданно зло закричал Зароно.— Мы еще можем победить, и я еще не прикончил этого борова!

— Богам угодно, чтобы в этом бою победил Конан.

— Откуда вы это знаете?

Тот-Амон пожал плечами.

— Я знаю не только это. Я ухожу; если хочешь, идем вместе.

Стигиец отвернулся и направился к выходу. Зароно как зачарованный шел вслед за ним.

— Стой! — послышался крик Конана.— Эй вы, псы, так легко уйти вам не удастся!

Неистово размахивая своей страшной саблей, Конан стал пробиваться к двери.

Тот-Амон удивленно поднял брови.

— Варвар, ты начинаешь утомлять меня! — Средним пальцем левой руки, на который было надето массивное медное кольцо в форме змеи, кусающей себя за хвост, стигиец указал на гобелен, висевший меж двумя узкими окнами.— Н'гхокх-гха нафаяк фтангуг! Вгох ньекх!

Гобелен внезапно ожил. Он заволновался, изогнулся и с треском оторвался от стены. Словно огромная летучая мышь, он полетел над головами сражающихся воинов. На миг зависнув над головой Конана, гобелен камнем упал на него, укрыв его с головы до ног.

— Иди быстрее, если хочешь сохранить голову! — приказал Тот-Амон Зароно.

На то, чтобы выбраться из-под гобелена, у Конана ушло всего несколько секунд, но к этому времени в зале уже не было ни Тот-Амона, ни Зароно. Их сторонники, покинутые своими предводителями, бросили оружие, сдаваясь на милость победителей.

Держа саблю над головой, Конан выбежал из двери и понесся к парадной лестнице. Он выбежал из дворца и услышал далекий стук копыт, что становился все тише и тише...

Утренний ветерок весело посвистывал в снастях. Поймав ветер, паруса «Вастреля» загудели, и он наконец вышел в открытое море.

На шканцах стоял подстриженный и гладко выбритый киммериец, с головы до пят одетый во все новое — от шляпы с пером до блестящих ботинок. Конан довольно вздохнул. Хватит с него и заклинаний, и магов, надоело сра-

жаться с тенями! Все, что ему нужно,— крепкий корабль, надежная команда, меч на боку да цель впереди!

— Приятель, клянусь грудью Иштар и срамным удом Нергала, я уж было решил, что ты совсем сумасшедший! — проревел Сигурд-ванир под самым его ухом.

— Это почему же? Из-за того, что я отверг предложение Хабелы? — заулыбался Конан.

Рыжебородый северянин кивнул.

— Она ведь такая красивая, такая пышная, она нарожала бы тебе крепких сыновей. Мало того, при желании ты мог бы получить и трон Зингары. После всех этих треволнений король Фердруго вряд ли долго протянет, корона и королевство тут же перейдут к его дочери!

— Нет уж, спасибо. Однажды я уже был наложником королевы. Нзинга была женщиной взрослой и страстной, Хабела же еще сущий ребенок — в голове у нее невесть что. К тому же Фердруго может протянуть куда дольше, чем ты думаешь. Теперь, когда никто его не дурачит, он выглядит лет на десять моложе. Ты только вспомни, как он приосанился! Как только Фердруго пришел в себя, он тут же объявил недействительным этот безумный указ, в котором Хабела называет супругом Тот-Амона,— так что, как видишь, и мозги у него еще варят. Что касается Хабелы, то она мне нравилась. Я ее даже любил по-отцовски. Говоря между нами, я принял бы ее предложение, если бы только не то будущее, которое оно сулит.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока мои раны заживали, я имел честь обедать с королем и принцессой. За это время Хабела мне все уши прожужжала о том, что я должен буду делать. Изменить речь, изменить платье, изменить манеры и все такое прочее. Короче говоря, я должен был стать идеально воспитанным и благонравным зингарцем, который с надушенным платочком в руке и со слезами на глазах смотрит на то, как крутятся балерины из королевской труппы. Может быть, я и глупее придворного философа Годриго, но я точно знаю, чего я хочу и чего не хочу. Нет, Сигурд, если Крому будет так угодно, когда-нибудь я и окажусь на троне. Но это будет не свадебный подарок, ты понимаешь? И еще: Фердруго был уж слишком щедр. Он отдал мне Корону Кобры, которую я тут же снес к златокузнецу Хулио. Ты никогда не задумывался, почему это у нас на корабле все новое: и такелаж, и одежда, и прочее? Мне нет еще и сорока, а я уже

стал богатеем! Нет, Сигурд, не по мне все это! Спасать королей не наше дело, ты уж поверь мне, у нас и без того забот по горло — кто же станет грабить всех этих купцов из Аргоса и Шема? Оставь ты в покое эту полоумную принцессу, пора бы нам и делом заняться! Идем, взглянем на карту.— Конан повысил голос: — Зельтран! Мы ждем тебя у меня в каюте!

Конан сошел со шканцев. Рыжебородый гигант изумленно посмотрел ему вслед и, всплеснув руками, поспешил за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Ллира и молотом Тора! — проворчал он.— С этими киммерийцами спорить невозможно!

Снасти поскрипывали, над галеоном крича парили чайки. «Вастрель» на всех парусах шел на юг, навстречу новым приключениям.

Конан давно собирался порвать с пиратами и вернуться в хайборийские земли, но судьба позволяла ему только сменить одну шайку на другую. И лишь когда его корабль пошел на дно, варвар вернулся на берег и какое-то время странствовал по свету, а затем снова вернулся в Киммерию. Там до него дошла весть, что аквилонцы опять расширяют свои владения к западу, вторгаясь на территории, населенные племенами пиктов, или, как их еще называли, Пустоши Пиктов. Значит, впереди снова ждало кровопролитие и много работы для таких искусных воинов, как Конан. И варвар поступает на службу к королю Аквилонии Немедису. После победы над пиктами киммериец становится самым знаменитым аквилонским полководцем. Слава его растет с каждым днем... но Нумедис по ложному обвинению бросает варвара в темницу. Вырвавшись на волю, Конан бежит в Пустоши Пиктов.

Черный незнакомец

1

ОХОТА

Стая птиц с испуганным криком взметнулась над деревьями: из зарослей кустарника на поляну вынырнул человек. С досадой глянув на галдящих птиц, человек настороженно прислушался, огляделся — и бесшумным кошачьим шагом заскользил по траве, стараясь как можно быстрее миновать открытое место. Преследователи его были не столь осторожны: по всему лесу раздавался треск, словно семья медведей ломилась сквозь кусты, а время от времени к нему добавлялся леденящий душу вой и клекот — боевой клич Потомков Орла.

Беглец был измучен и бледен от усталости, но двигался с ловкостью и грацией, какую трудно было предположить, глядя на его высокий рост и мощную фигуру. Всю его одежду составляла изодранная колючим кустарником набедренная повязка, и нагое тело сплошь покрывали ссадины и царапины. Правое запястье перетягивала тряпица, серо-коричневая от грязи и запекшейся крови. Он заметно хромал, но синие глаза из-под гривы черных волос горели яростным волчьим огнем.

© R. Howard, L. Sprague De Camp.

Уже три дня пикты гнали его впереди себя, как свора псов гонит оленя. Будь на его месте любая другая дичь, лесные охотники давно бы бросили погоню, но кому, как не ему, было знать, что ворон не оставит свежей падали, а пикт — кровавого следа киммерийца. Особенно если этот киммериец убил при побеге пятерых воинов, и среди них — военного вождя клана, увеличив свой и без того немалый долг крови. А долг был поистине велик, ибо киммериец этот был — Конан. Вой раздавался все ближе. Пригнувшись, поминутно оборачиваясь, неслышной тенью скользил Конан вдоль края прогалины, следуя едва заметной звериной тропой. Птицы угомонились, и теперь его могла выдать только собственная неосторожность — или усталость.

Поперек тропы, скрываясь иссохшим комлем в зарослях ежевики, лежало поваленное дерево. Перескочив его, варвар сошел с тропы и помчался через прогалину, нарочито грубо приминая траву. Добежав до края леса, он повернул, стараясь ступать по голой земле и камням, и по тропе вернулся к сухому стволу. С довольной ухмылкой, увидев которую пикты, наверное, тотчас же оставили бы погоню, Конан с ловкостью канатоходца пробежал по дереву и исчез в кустах. Дожди и солнце давно оголили и отполировали мертвую древесину, так что следов на ней оставалось не больше, чем на поверхности воды. Беглец затаился и принялся ждать.

Пикты приближались с воем и топотом, как и полагалось загонщикам, и тревожный вороний грай вновь взлетел над прогалиной задолго до их появления. Сдерживая дыхание, Конан видел, как один за другим из леса вышли, щурясь на солнце, трое низкорослых меднокожих воинов в одежде из волчьих шкур — и остановились, прислушиваясь и изучая след, оставленный киммерийцем. Они не торопились. Они были уверены, что рано или поздно загнанная жертва окажется у них в руках. При этой мысли Конан снова нехорошо улыбнулся.

Деревня отрядила в погоню за ним лучших воинов — Конан определил это по ожерельям из медвежьих когтей и обилию горностаевых хвостов, нашитых на одежду. Черные жесткие волосы и бороды были заплетены во множество кос, с левого плеча у каждого свисало пришитое к рубахе длинное орлиное перо, а лица были раскрашены черным и синим цветом — знаки клана. Оружие их было незамысловато — копья и стрелы с кремневыми наконечниками, но и сам

Конан располагал лишь тем, что сумел добыть в деревне. Узнав сталь, он брезговал даже бронзой, но на этот раз выбирать не приходилось.

Не хуже вышколенных ищеек шли они по следу Конана, читая знаки на траве и земле так же ясно, как и он сам. Один из пиктов, перескочив через ствол, испустил вдруг радостный вопль и указал копьем на примятую траву. Проследив сумасшедшие прыжки киммерийца, пикты заулюлюкали торжествующе и насмешливо: похоже, их жертва, выбившись из сил, потеряла всякую осторожность. Придумывая Конану разнообразные унизительные прозвища, они принялись обшаривать прогалину пядь за пядью, пытаясь угадать, где киммериец свернул в лес. Охотничий азарт совершенно ослепил их. Конан ящерицей прополз сквозь колючки к самому краю зарослей, дождался, пока они пройдут,— и выскочил на тропу позади них.

Словно из-под земли возникла у них за спиной огромная фигура киммерийца. В левой руке он сжимал нож, в правой — цельту, тяжелый каменный топор. В тот миг он был истинным воплощением духа войны — нагой, окровавленный, с безумными глазами берсерка.

— Кром! — выдохнул Конан, вонзая узкое кремниевое лезвие под лопатку ближайшему к нему пикту. Тот не успел ни обернуться, ни вскрикнуть. Вряд ли он понял даже, что именно его убило. Двое других развернулись в тот самый миг, когда Конан, одним рывком выдернув нож из мертвого тела, замахнулся топором. Описав широкую дугу, каменная глыба всей тяжестью обрушилась на голову второго воина. Так же молча и с той же гримасой недоумения на лице он повалился в траву с раскроенным черепом. Но цельта, не выдержав такого удара, раскололась сама и слетела с топорища.

Отшвырнув бесполезную деревяшку, Конан кинулся на последнего преследователя. И едва успел уклониться от короткого копья, летящего прямо ему в грудь. Метнувшись одновременно влево и вперед, он точным ударом вонзил нож снизу вверх в незащищенный живот пикта — и тотчас отскочил, выжидая. Воин согнулся, зажимая руками рану, и прохрипел неразборчивое проклятие. Конан подобрался для прыжка, но пикт уже рухнул на колени, корчась в предсмертной судороге. Последним усилием он задрал голову и испустил нечеловеческий вопль, от которого снова взвились над деревьями птицы. Это был крик ярости и боли и жалоба на бесславную смерть.

Но прежде всего это был призыв. Конан понял это, едва услышав ответный звериный вой по меньшей мере дюжины здоровых глоток. Он донесся как раз с той стороны леса, куда упорно гнали Конана трое теперь уже мертвых охотников. Там его ждала засада. Не успеют тени удлиниться и на палец, как эта орава будет здесь, подумал Конан, и глухое рычание вырвалось у него из горла. Все тело ныло, в висках тяжело стучала кровь. От резких движений рана на руке снова начала кровоточить.

Красные капли пометят его путь так, что сбиться со следа не сможет и слепой. Конан развернулся и помчался сквозь чащу, уже не заботясь о том, чтобы не оставлять следов. С этой секунды спасение его было только в одном — в скорости и силе. Но он хромал, а преследовавший его теперь большой отряд был только рад размять затекшие ноги.

Ветви хлестали его по лицу и голой груди, но он мчался, не замедлив бега даже тогда, когда позади раздались дикие крики ярости и злобы: отряд вышел на прогалину и обнаружил трупы. Конан только оскалил зубы в волчьей усмешке, слыша невнятные проклятия пиктов. Замешательство длилось недолго: вскоре волна птичьего гомона, поднявшаяся впереди отряда, сказала Конану, что они напали на его след и начали погоню. Вой и клекот снова взвились над лесом.

Порыв ветра донес до него запах гниющих водорослей. Киммериец удивленно втянул ноздрями воздух. Запах означал, что близко взморье и что отлив начался по меньшей мере четыре часа назад. Конан и не подозревал, что они зашли так далеко. Его явно теснят к морю, а прибрежные скалы в этих местах — он это знал — высоки и обрывисты. Вода ушла с отливом, поэтому он очень скоро окажется перед выбором: либо прыгать в мелководье с тем, чтобы разбить себе голову о камни, либо принимать бой с одним только ножом против хорошо вооруженного отряда. Беглец был в ловушке, и она должна была вот-вот захлопнуться.

Конан глухо застонал сквозь стиснутые зубы. Боль в ноге становилась невыносимой, силы его были на исходе. До сих пор единственной целью его было выжить и спастись от погони. Теперь, похоже, стоило подумать о том, чтобы привести с собой в Серые Равнины как можно больше меднокожих воинов. Нергал зачтет ему их души.

Если бы не капли крови на земле, отмечающие его путь словно зарубки на деревьях, он, вероятно, мог бы скрыться

в чаще. Но у него не было ни времени, ни сил на то, чтобы унять кровь или хотя бы перевязать рану потуже. Дыхание с хрипом вырывалось из пересохшего горла, глаза застилала кровавая пелена. Еще немного, и он не сможет не только драться, но и держаться на ногах.

Не пытаясь больше свернуть с тропы, по которой его гнали, Конан начал высматривать подходящее место для последнего боя.

Неожиданно тропинка вильнула влево, огибая до тех пор невидимую за деревьями почти отвесную каменную стену. Быстро оглядев ее, Конан понял, что перед ним одинокий уступ, гранитной башней возвышающийся над лесом. В детстве Конан, как и все мальчишки его деревни, пас коз в горах, и не было такой скалы, на которую он не мог бы вскарабкаться. Он перешел на шаг и попытался выровнять дыхание. Но даже если он, несмотря на боль и усталость, сможет влезть на эту стену, пикты настигнут его и расстреляют из своих тисовых луков прежде, чем он доберется до вершины. Должен быть другой путь, подумал Конан и двинулся вперед по тропе в обход скалы.

Ему следовало поспешить. Вой приближался.

С трех сторон утес окружала сплошная стена деревьев, но с севера лес отступал, полого спускаясь к морю, и влажные морские ветра год за годом беспрепятственно разрушали камень. Здесь у подножия лежало несколько крупных гранитных глыб, когда-то, вероятно, отломившихся от монолита. Подняв глаза, Конан увидел место разлома: почти поперек скалы шла глубокая расселина. Верхний край ее обвалился, а нижний образовывал небольшую площадку, где могло уместиться трое или четверо человек.

До площадки было не более пятнадцати локтей, и он решился. Зажав нож в зубах, он принялся карабкаться вверх — сначала по растрескавшимся уступам, а затем по отвесной стене. Завывание пиктов послышалось совсем рядом. Мгновение спустя они столпились под скалой и принялись осыпать насмешками свою жертву, не успевшую еще подняться и на два собственных роста. Не обращая внимания на их брань и вопли, Конан упорно продвигался вперед. Старший в отряде что-то гортанно выкрикнул, и вокруг киммерийца засвистели стрелы. Листва и солнце, стоящее в зените, мешали лучникам, и большей частью их выстрелы не причиняли Конану вреда, лишь высекали из гранита горячие искры. Несколько стрел оцарапали ему кожу, одна ткнулась в скалу прямо между его скрюченных пальцев,

вцепившихся в камень. Но тут вождь, разъяренный бессилием своих воинов, взялся за дротик сам — и острие глубоко вонзилось в икру раненой ноги. Боль подхлестнула Конана, он птицей взлетел на край площадки и рухнул на спасительный камень.

Рыча от боли, он вырвал костяной дротик из ноги и, не целясь, швырнул вниз. Внизу раздался крик раненого, тут же потонувший в злобном вое остальных. Стрелы градом посыпались на улизнувшую добычу, но уже не могли достать ее. Ничком распластавшись на камне, Конан шумно переводил дыхание. Скоро они убедятся, что стрелять теперь бесполезно, и полезут наверх, а до той поры у него было время немного прийти в себя.

Отдышавшись и уняв дрожь в руках, Конан осторожно подполз к краю площадки и выглянул. Ему пришлось поспешно убрать голову — стрела просвистела у самого его уха,— но он увидел достаточно. Пятеро самых нетерпеливых уже карабкались по камням с ловкостью бронзовых ящериц. Впереди всех лез, сжимая в зубах длинный узкий нож, тот самый пикт, который только что ранил беглеца. Белые полукружья под глазами и нижней губой превращали его лицо в жуткую маску; орлиные перья, украшенные пухом розовой чайки, грозно топорщились над плечами, кожаный ремешок на лбу украшал птичий череп с распахнутым хищным клювом. Это был, несомненно, сын убитого Конаном вождя клана.

Весь подобравшись, стиснув в здоровой руке нож, ждал киммериец появления врага. Он уже мог слышать кисловатый запах плохо выделанных шкур, влажных от пота юноши. Смуглые пальцы вцепились в край площадки. Рывком подтянувшись, молодой воин оперся о камень коленом. Еще миг — и он вскочил бы на ноги, как вдруг лицо его исказилось выражением — не страха, нет,— панического ужаса. Конан в изумлении смотрел прямо в расширившиеся глаза пикта. Не может же он так страшно выглядеть, в самом-то деле, мелькнуло в голове у киммерийца. С невнятным криком юноша кубарем скатился вниз. Конан, крадясь на четвереньках, снова осторожно выглянул за край. Пикты, отчаянно жестикулируя, спорили о чем-то, время от времени указывая на него. Нет, понял наконец Конан, не на него, а на скалу у него за спиной. Из всего их испуганно-приглушенного бормотания он уловил только многократно повторявшееся «дверь» и «дом духа». Похоже, с этим утесом было связано какое-то мистическое таинство или событие, и взбираться

на него считалось святотатством. Что ж, очень кстати. Конан ухмыльнулся и, уже не таясь, наблюдал за тем, как отряд поспешно и бесшумно исчезает в лесу.

Конан был спасен. Он хорошо знал обычаи пиктов и потому был уверен, что погоня больше не возобновится. Отряд вернется в свою деревню, что лежит в четырех днях пути к юго-востоку от побережья, и ни сегодня, ни завтра не выпрыгнет из кустов Конану на плечи пикт с орлиными перьями. Эти земли принадлежали другому клану, и преследователи Конана сильно рисковали, вторгшись в чужие леса.

Все еще не оправившись от неожиданной развязки, Конан сел на камень и встряхнул головой. Конечно, если эта скала считается священной, то совершено необязательно об этом должны знать все кланы, живущие на Пустошах Пиктов! У каждого клана — да что там, у каждой деревни — непременно было свое священное место: старое дерево, родник или скала. Но Конану ни разу не доводилось слышать о скале, священной для всех кланов Пустошей. Что же тогда заставило пиктов отказаться от драгоценной добычи?

А Конан несомненно был драгоценной добычей. После своего бесславного бегства из Аквилонии он несколько месяцев скитался в лесах, ведя жизнь отшельника. Случалось ему и драться — большей частью не по собственному желанию. Клан Орла нес от него самые большие потери, поскольку донимал его чаще других. Конан уже подумывал, не податься ли ему к исходу лета в более спокойные земли, как был сонным схвачен и связан Детьми Волка. С ними он не враждовал никогда — в память о сероглазом Тампоате, сыне одного из военных вождей Детей Волка и плененной киммерийской женщины. Конан и Тампоата провели много дней бок о бок на пути к Ванахейму, вместе ища погибели стигийскому колдуну, засевшему в северном замке Кро-Ганбор. Начинали они путь как враги, к концу странствия пришли бы, верно, побратимами, но до Ванахейма Тампоата не дошел... Много воды утекло с тех пор, погиб Декаванатха, верховный вождь Волков, венчанный дубом и омелой; покинул эти земли старый друид Девиатрикс, великий колдун, избранник Гулла. Вместе они держали в своих руках весь север Пустошей. После их ухода земли клана сократились, пора расцвета и благоденствия прошла, но все же это был по-прежнему самый большой и влиятельный клан на побережье. Конан поддерживал с ними негласное перемирие: он не трогал их, а они — его. И потому он чувствовал

себя в их землях почти желанным гостем. Он не ожидал подвоха, но был кругом виноват сам: какой мир может быть между пиктом и киммерийцем? В один из набегов Потомки Орла захватили в плен малолетнего сына верховного вождя Волков. Спору нет, предложить им в обмен беспомощного Конана было удачной мыслью. К позору своему, носящие орлиные черепа не только не усторожили пленника, но и лишились пяти лучших воинов. Неудивительно, что, горя жаждой мести, они неслись за беглецом через чужие земли трое суток напролет, забыв об опасности со стороны своих же сородичей.

Тем непонятней была Конану та легкость, с какой они отказались от боя, хотя, Митра свидетель, сил у их жертвы не достало бы и на троих.

Конан пожал плечами и выкинул это из головы. Разодрав на тонкие полосы остатки набедренной повязки, он занялся ранами. Голова у него все еще кружилась, все тело ныло после сумасшедшей гонки. Поэтому он устроился поудобнее, слизал запекшуюся кровь и, помогая иногда зубами, не спеша перетянул обе раны. Ему повезло: окажись дротик не выточенным из цельного оленьего рога, а деревянным, с наконечником из того же кремния, киммериец потерял бы ногу. Дробясь о кость, кремень застревал в ране и вызывал нагноение, от которого не спасала уже никакая трава. А так рана была чиста, только крови вышло порядком... Ушибы и царапины были не в счет. Теперь следовало всласть напиться и выспаться, а потом подумать о какой-нибудь одежде.

Но вместе с силами к нему возвращалось и любопытство.

Убедившись, что кровь больше не сочится из-под повязок, он встал, решив сперва оглядеться, а уж потом идти искать родник. Соленый ветер пахнул ему в лицо, шевельнул спутанные волосы. Конан улыбнулся. Жизнь продолжалась.

От площадки вверх вели небольшие углубления, напоминавшие ступени, выбитые явно человеческой рукой. Конан проследил их взглядом. Они упирались в новую площадку на высоте не более его роста. Недолго думая, киммериец полез наверх. От верхней, гораздо меньшей площадки внутрь скалы открывался ход: узкая расселина, в которую вполне мог протиснуться человек. «Добро пожаловать в царство Нергала»,— проворчал Конан, но тем не менее сунулся в расселину, на всякий случай выставив перед собою нож. С пер-

выми же шагами, гулким эхом отразившимися от стен, его буквально оглушили писк и хлопанье бесчисленных крыльев. Стая летучих мышей заметалась под потолком туннеля, задевая Конана по голове и плечам.

— Ах, чтоб вас...— беззлобно сказал Конан и замер, давая им успокоиться, а своим глазам — привыкнуть к полумраку.

То, что он увидел, возбудило его любопытство еще больше, чем бегство пиктов. Туннель хорошо проветривался, откуда-то сбоку пробивался снаружи узкий луч света, выхватывая из мрака обитую кованым железом дверь в дальнем конце. Вдоль стен рядами стояли тяжелые резные лари, наподобие тех, в которых аквилонские невесты увозят из отчего дома приданое.

Пустоши Пиктов были самым глухим и варварским местом на всем Туранском континенте, здесь не проходили торговые и морские пути, не строились города, не возделывались сады. Это были земли лесных охотников и рыбаков, не знавших бронзы и железа. Зингара лежала в двадцати днях езды южнее, Аквилония — в пятнадцати восточнее. Ближайшие поселения людей с белой кожей были только у истоков Громовой, на границе Боссона. Кому могло понадобиться свозить скарб в пещеру среди лесной глуши? До сих пор он был уверен, что чужаком на вересковых пустошах пиктов скитается он один. Приглядевшись, Конан увидел, что медные пластины на ларях сплошь покрыты сложной и изящной чеканкой. Плеть, скарабей, змея с огромным глазом над рогатой головой, коленопреклоненный раб... Иероглифы! Откуда в этом краю стигийское добро?

Зная козни стигийских магов, он не стал трогать сундуки, а осторожно приблизился к двери. Странное дело, на ней вместо иероглифов оказались вырезаны привычные письмена, в основном руны. Кос-какие из них Конану были знакомы: заклятия против воров и охранные чары. Похоже, только сам клад был с берегов Стикса, прятали его здесь, скорее всего, обычные разбойники...

Он нажал на дверь плечом, и та легко подалась. В пещере за нею было гораздо более темно и сыро, чем в туннеле, но зато источник ее слабого, призрачного света Конан разглядел сразу: огромный, величиной в женский кулак, ясный как звезда белый камень, покоящийся на подставке посреди круглого стола. Заглядевшись на камень, Конан не сразу заметил темные фигуры, сидящие вокруг. Он выставил вперед нож и шагнул назад за дверь — но уже в

следующий миг сообразил, что за все это время никто из сидящих даже не пошевельнулся. Зато шевельнулась голубоватая дымка, парящая над камнем. Конан сузил глаза, силясь хоть что-нибудь толком рассмотреть. Танец пылинок, словно притянутых лунным светом кристалла, завораживал, как чары стигийских жрецов...

Но тут Конан заметил на столе нечто очень напоминающее бутыль с вином и шагнул через порог.

— Призраки вы или мумии, я все же воспользуюсь вашим гостеприимством,— произнес он вместо приветствия.

От звука его голоса один из сидящих рухнул на каменный пол бесформенной грудой трухи и пыли. Дымка над камнем всколыхнулась, как ряска на болоте, потревоженная брошенным камнем.

Конан не обратил на все это ни малейшего внимания. Взор его притягивала бутыль на столе.

Удача сопутствовала ему и здесь. Заткнутая плотной пробкой, бутыль была наполовину полна. Судя по толстому слою пыли на ней и на стаканах, стоящих перед безмолвными стражами, к ней не прикладывались уже очень давно. Выложив нож на стол, Конан выдернул пробку и принялся с жадностью пить...

Голубоватая дымка уплотнилась, из нее вынырнули два красных глаза, горящие как уголья.

Вино застряло у Конана в горле, когда, пресекая дыхание, ему сдавили шею чьи-то огромные черные руки.

2

КОРАБЛЬ

Домья Белеза, единственная наследница знатного зингарского рода, дочь двенадцати поколений грандов, одна из самых богатых и прелестных невест Кордавы, томилась скукой. Бездумно глядя на маслянисто переливающуюся гладь моря, она сидела на теплом песке, обхватив рукой колени, и швыряла мелкие камешки в ленивую, едва накатывающую утреннюю волну.

Солнце только-только поднялось из-за прибрежных скал, утренняя дымка, нежно-розовая, как край раковины рапана, еще не истаяла, мир казался призрачным и волшебным. Можно было вообразить, что ты на прекрасном острове фей, перенесенная сюда чарами доброй колдуньи, которая

вызволила тебя из лап жестокого отчима и пообещала руку и сердце самого знатного и красивого гранда Зингары. И вот-вот появится на горизонте белый парус...

Белеза вздохнула. Когда-то она любила сидеть так у кромки воды и мечтать о сказочном принце. Но вместо доброй феи ее опекал на этом пустынном берегу ее дядя, граф Валенсо. Он заменил ей рано умерших отца и мать и души не чаял в племяннице, но на все ее просьбы уехать куда-нибудь из опостылевшей бухты только печально качал головой. Куда мог податься изгнанник?

Ибо их поспешный отъезд из Кордавы, где граф занимал при дворе блестящее положение и был одним из десяти грандов, имевших право голоса на королевском совете,— их отъезд, больше напоминавший бегство, мог быть объяснен только внезапной королевской опалой. Это было, впрочем, не так уж удивительно, ибо король Зингары нрав имел вспыльчивый и жестокий. А как известно, чем выше ты стоишь, тем ниже падаешь...

Из-за гребня невысокой скалы донесся звук рога — и Белеза невольно обернулась, хотя знала, что это значит всего лишь, что дядя ее проснулся и в форте начался новый день трудов, которые ей, немного избалованной девушке, виделись унылой и бесполезной работой. У нее, в отличие от всех остальных обитателей форта, не было никаких особенных обязанностей. Обычные девичьи занятия — шитье, рукоделие... Постылые, как свинцовая гладь моря.

Поднявшись на скалу, Белеза задумчиво смотрела на грубое, на ее вкус, сооружение, вот уже полтора года именовавшееся ее домом. При всем желании она не могла оценить его по достоинству. Единственным признаком жилья знатного гранда было знамя с гербом ее рода — красный сокол на золотом фоне, гордо реявший на самой высокой башне форта. Юной девушке были безразличны прочность постройки, удачное местоположение — на высоком холме, одной стороной отвесно обрывавшемся в море. Чьи осады здесь выдерживать, с кем воевать? Первые несколько месяцев пикты, конечно, беспокоили их, но на форт нападали лишь дважды, предпочитая засады в лесу. Но граф Валенсо да Корзетта быстро дал понять этим полуголым дикарям, что с ним лучше жить в мире. Несколько решительных вылазок — и пикты сами прислали своих друидов просить мира...

С гребня своего утеса Белеза могла видеть, как выходят из форта люди на работы в лесу, в поле или в море. Несмот-

ря на все лишения жизни на берегу южной границы Пустошей Пиктов, в глухомани и безлюдье, люди весело болтали, слышался смех. Этого Белеза понять не могла. Чему можно радоваться, влача жалкое, полунищенское существование?

Но жалкой такая жизнь казалась одной лишь ей, привыкшей к столичной роскоши. Валенсо взял с собой в изгнание только тех из челяди и рабов, кто сам захотел разделить с ним его судьбу. А поскольку хозяин он был справедливый и щедрый, люди любили его, и всех желающих отправиться со своим сюзереном просто не вместил корабль. Конечно, первая зима, когда еще не были окончены постройки и снят только один урожай, далась тяжело всем, а не одной Белезе. Но вскоре дела пошли на лад, скот дал обильный приплод, земля стала отзывчивее к упорным трудам, и на весенний праздник Митры был устроен настоящий пир. За полтора года в форте было сыграно три свадьбы и появилось пятеро детей.

Но домья Белеза была равнодушна к радостям крестьянской жизни. С тоской вспоминала она родовой замок, дворец в Кордаве с двумя сотнями слуг, балы, пиры на частых празднествах, маленькие знаки внимания со стороны инфанта, от которых мгновенно вспыхивали щеки и становилось так томительно-сладко на сердце... Белезе было всего семнадцать лет, а чувствовала она себя в этой глуши несчастной тридцатилетней вдовой, у которой все уже в прошлом.

Снова и снова спрашивала она себя, только ли королевская опала заставила графа Валенсо оставить родовые поместья побочным отпрыскам рода Корзетты и удалиться почти на край света. Если да, то ведь король может когда-нибудь смилостивиться. Если попробовать написать влиятельным родственникам и уговорить верного человека довезти письмо...

Тонкий детский голос вывел ее из задумчивости. Белеза улыбнулась. С легкостью молодой козочки перепрыгивая с камня на камень, к ней бежала девочка лет семи, смуглая, тонконогая и худенькая, с волосами, мокрыми после недавнего купания. Она бежала нагишом, не боясь наколоться на каменном крошеве босой ногой. Свои платье и сандалии она держала в руках.

— Кара Белеза! — выкрикивала она на бегу.— О, кара Белеза!

Слова зингарской речи звучали странно в ее произношении — словно сглатывались и приглушались все звонкие и

раскатистые звуки этого языка. Неудивительно, подумала Белеза, глядя на воспитанницу с нежностью почти материнской, ведь она только полгода назад начала действительно говорить по-зингарски, а не отвечать односложными, неправильными фразами. Белеза сама занималась с нею и поражалась, с какой легкостью и удовольствием впитывает девочка знания, будь то язык или те начатки географии и истории, которыми владела Белеза.

А ведь когда дядя, уступая ее капризу, купил племяннице Тхемнетх на невольничьем рынке Кордавы, это был самый угрюмый и неразговорчивый ребенок, какого только можно представить. Скорчившись, сидела она под соломенным навесом, равнодушная ко всему, и ее поза и медный ошейник с цепью, прикрепленной к стене, делали ее похожей на маленькую больную обезьянку. Тхемнетх была родом из Стигии, страны черных магов, и напряженный взгляд ее огромных кошачьих глаз внушал безотчетный страх всем прежним владельцам. Она сменила уже троих хозяев к тому времени, когда ее купил Валенсо. Но два года, проведенных бок о бок с Белезой, волшебно преобразили малышку. Ее скуластое личико не стало округло-умильным, а черные как смоль прямые волосы не посветлели и не завились в локоны, но она похорошела, начала понемногу улыбаться, стала оживленнее и общительнее. Всю неистраченную любовь рано осиротевшего ребенка она отдала Белезе, и та тоже искренне привязалась к маленькой стигийке, правда, переименовала ее на свой лад — в Тину.

— Что случилось, детка? Успокойся и расскажи.

Синие глаза Тины горели радостным возбуждением.

— Корабль! — выдохнула девочка, указывая на море.— Корабль! Он плывет с юга, я видела, как он огибает мыс Кораблекрушения!

Мысом Кораблекрушения граф в сердцах назвал южный мыс, закрывающий бухту от яростных зимних ветров. Именно о его скалы разбился в шторм корабль изгнанников, когда они приплыли сюда с юга. Бухта оказалась вполне удобным для форта местом, и другого пристанища искать не стали.

Тина, пританцовывая на месте, тянула Белезу за руку. Вместе они взбежали на самый гребень утеса, и Тина ткнула смуглым пальчиком в горизонт:

— Смотрите, вот он, кара Белеза!

Белеза ждала увидеть белый парус, наполненный ветром, изящные очертания корабля, золотого на фоне синевы моря.

Но из-за мыса Кораблекрушения разворачивалась против ветра галера с черными как сажа парусами. На черном полотнище, едва колышимом утренним бризом, красовался красный контур: ладонь с пальцами, сложенными вместе, словно великан приложил и обвел гигантской кистью свою руку. Было в этом знаке что-то неприятное, даже пугающее.

Но что бы ни нес с собою этот парус, его появление было событием, выбивающимся из однообразия тусклых будней. С замирающим сердцем смотрела девушка, как, вспенивая морскую гладь, идет корабль к бухте со всей скоростью, на какую способны гребцы.

— Они приближаются,— угрюмо сказала Тина.— Там нет человека, которого боится граф, но это — плохие люди.

Каждый раз, когда Тина говорила вещи, которые не могла знать заранее, Белезе становилось не по себе. Этот дар девочки иногда бывал полезен — когда пропадало любимое кольцо или терялся в лесу человек,— но чаще просто пугал. Вот и сейчас Белеза вздрогнула и, развернув Тину к себе, легонько встряхнула ее за плечи.

— Что ты такое говоришь, маленькая ведунья! С чего ты взяла, что мой дядя кого-то боится?

Девочка отрешенно пожала плечами. Глаза ее смотрели растерянно: подчас она сама не понимала вырвавшихся у нее слов.

— Не знаю... Но они — плохие, они желают нам зла!

С этим Белеза не спорила. У нее тоже было предчувствие, что не просто так проделал этот корабль долгий путь, чтобы зайти в бухту Корвелы — так, по имени своего родового поместья, граф назвал эту местность. На всем побережье Пустошей Пиктов не было ни одного порта, здесь не проходили торговые пути, с которых можно было сбиться, штормов не было уже полторы луны. Зачем-то галере нужна была именно эта бухта.

— Надо сообщить дяде,— пробормотала Белеза, разглядывая черный парус.— Рыбаки еще не вышли в море, кроме нас галеру, должно быть, пока никто не видел. Одевайся скорее, и побежали.

Белеза еще раз озабоченно посмотрела на корабль, потом взяла Тину за руку, и они поспешно спустились с гребня. Едва они миновали ворота форта, по всей бухте прокатился тревожный сигнал рога, и все, за каким бы делом ни застал их трубный зов, бросили начатую работу и помчались к частоколу. Мир с пиктами был зыбок, и все присные

Валенсо были в любой миг готовы к нападению. Женщины подхватывали детей и скрывались в домах, мужчины разбирали оружие и занимали свои места на помосте и под помостом у частокола. По цепочке людей бежал к дежурным стражникам у ворот один и тот же вопрос:

— Что случилось? Пикты?

Но очень скоро корабль, входящий в бухту, стал виден всем жителям форта. Каждый понимал, даже не обладая, как Тина, даром ясновидения, что ничего хорошего появление в бухте чужих изгнанникам не сулит. Если бы это — вдруг — была долгожданная весть из Кордавы, на мачте реял бы королевский флаг. Все же остальные были — враги.

С площадки дозорной башни, на мачте которой плескал на ветру герб Корзетты, смотрел, как огибают мыс и входят в бухту незваные гости, граф Валенсо-и-Медозо-и-Лусия. Это был пятидесятилетний мужчина, выглядевший лет на сорок пять, худощавый, широкоплечий, с лицом властным и суровым, с профилем хищной птицы и осанкой настоящего аристократа. С тех пор как умер отец Белезы, его старший брат, он не снимал траура, и черный наряд его, нарушаемый лишь белоснежным кружевом ворота и манжет, еще более оттенял его смуглую, словно навеки сожженную загаром кожу. В волосах графа давно пробилась седина, а у крыльев горбатого носа легли глубокие морщины, но темные глаза смотрели остро и ясно, как у юноши. Рядом с ним на площадке стоял Гальборо, домоправитель и правая рука графа. Отплывая из Зингары, Валенсо нанял его и его приятеля, раскаявшегося капера Зингелито. Им нужно было как можно скорее спасти шеи от топора палача, а Валенсо нуждался в опытном кормчем. Гальборо и Зингелито, несомненно, знали западные моря как свои пять пальцев, что и доказали во время плавания. Оба сначала казались графу изрядными мошенниками, но, видимо искренне благодарные за спасение голов, бывшие головорезы выказывали ему преданность и услужливость, сравнимую только с собачьей. И если Зингелито был просто вздорным драчливым петухом, то Гальборо отличался умом, отвагой, житейской мудростью и хваткой прирожденного руководителя. Никто лучше его не умел распределить людей на те или иные работы, погасить возникшую ссору, подбодрить отчаявшегося. Очень скоро он сделался незаменим и постепенно вошел в доверие к графу. И еще ни разу Валенсо не обманулся в своем домоправителе.

— Что скажете, Гальборо?

— Это — барахская карака, боевая галера на сто весел, ваша светлость. Если я не ошибаюсь...— Он сощурил глаза, вглядываясь. Корабль уже обогнул мыс и плыл наискось через бухту ритмичными рывками. Парус обвис, но Гальборо все же разглядел рисунок на черном полотнище.— Да, если не ошибаюсь, это — «Красная Рука» Строма по прозвищу Заячья Губа. Что ему, интересно, здесь понадобилось?

— Кто он такой? — резко спросил граф.

— Пират, как все барахцы,— пожал плечами Гальборо.— На какую поживу он здесь надеется?

— На что бы он ни надеялся, у нас, судя по всему, нынче будет жаркий день,— проворчал старый воин.

Внизу раздавались команды офицеров, расставляющих людей к бойницам. Массивные ворота были крепко заперты, под них навалили поперек огромные стволы — на случай штурма. Домочадцы графа действовали быстро и слаженно, что говорило о долгой практике. Форт мог выдержать не одну неделю пиктской осады, с расчетом на это он и строился. Но еще ни разу надежность маленькой крепости не проверялась штурмом барахтских головорезов, вооруженных, несомненно, гораздо лучше, чем пикты с их кремниевыми стрелами и топорами. Сто человек гарнизона форта, невольно затаив дыхание, следили за маневрами корабля. Не пожелав расстаться со своим господином, они испытали все тяготы жизни в глуши и немалому научились за эти полтора года. Настоящих воинов, в кольчугах и кирасах, хорошо владеющих мечом, среди них было немного, но за прошедшие месяцы, постоянно охотясь и обороняясь, все мужчины форта стали великолепными лучниками. На скорое возвращение домой никто не рассчитывал, их домом ныне и впредь был форт. Здесь жили их жены и дети, здесь жил человек, которого они почитали как родного отца, а известно, что для любого зингарца, будь он побиль или простой землепашец, нет ничего дороже чести и ничего страшнее проклятия родителей. Известие, что приближающийся корабль — барахский, еще подлило масла в огонь. Пираты Барахских островов, совершающие регулярные грабительские рейды на всем побережье Зингары, издавна считались самыми заклятыми врагами зингарцев.

Галера подплывала все ближе. Уже можно было различить отдельные фигуры на палубе. Солнце сияло на стальных кирасах пиратов, тонко взблескивали обнаженные мечи у

них в руках. Велев племяннице, стоявшей здесь же рядом с ним на площадке, немедленно идти в дом, граф Валенсо спустился к частоколу. Он не стал надевать доспехов, и его непокрытая седая голова издали была видна защитникам форта. Они встретили хозяина приветственными криками. Подойдя к одной из бойниц, граф следил за барахцем, осторожно продвигающимся в незнакомой бухте.

Белеза и Тина поднялись на крышу Главного дома, выше которого во всем форте была только дозорная площадка. Девочка дрожала от возбуждения, и Белеза крепко держала ее за плечи, боясь, что малышка, увлекшись происходящим, неловко ступит и упадет вниз.

— Они бросают якорь, дальше им не пройти! — воскликнула Белеза, увидев, что галера остановилась.— До берега довольно далеко, им придется спускать шлюпки... Да, вот они уже и начали. Не бойся, моя маленькая, им не под силу штурмовать наш форт. Смотри-ка, в шлюпку высаживаются только пять или шесть человек! Может быть, им всего лишь нужна питьевая вода, и мы напрасно испугались?

— Плывут к берегу! — возбужденно выкрикивала Тина.— Плывут к берегу! Как быстро! Кара Белеза, я боюсь! Неужели они нас и в самом деле съедят?

Мысль эта была столь нелепа, что Белеза, несмотря на собственные тревогу и страх, от души расхохоталась.

— Конечно, нет! Кто тебе только сказал такое!

— Зингелито,— серьезно ответила Тина.— Он рассказывал, что барахцы везде хватают женщин, чтобы сварить и съесть, а маленькие девочки у них — самое изысканное лакомство.

— Что за глупая шутка! Барахцы не более чем пираты — алчные, жестокие, конечно, но не людоеды. Зингелито и сам был капером, а зингарские каперы мало чем отличаются от барахских пиратов.

Тина обиженно насупилась.

— Хорошо, что пикты продырявили ему его глупую башку,— проворчала она сердито.— Так ему и надо, вперед будет знать.

Но Белеза не слушала ее — она жадно рассматривала новые лица. Пусть это были лица пиратов, «алчных и жестоких», но их появление вносило хоть какое-то разнообразие в ее унылое существование. К тому же до сих пор Белеза не видела столько барахских пиратов разом и живьем — обычно они встречались ей поодиночке на плахе на дворцовой площади.

— Смотри, Тина, они уже высадились на берег. Вон тот, высокий, что идет к воротам, должно быть, сам капитан Стром.

К частоколу приближался молодой человек огромного роста, могучего сложения, с развевающимися по ветру длинными золотыми волосами, одетый богато и причудливо. Он был бы, вероятно, даже красив, если бы не шрам, пересекавший его верхнюю губу, за что пират и получил свое прозвище. Прямой нос и синие глаза выдавали в нем примесь аргосской крови. Среди Островного братства, как называли себя барахские пираты, не было разбойника более отчаянного и более удачливого, чем он.

Не дойдя до ворот примерно одного полета копья, гигант проревел:

— Эй, в форте! Я пришел без оружия. Соизволит ли его светлость поговорить со мной?

Над частоколом появилась седая голова графа Валенсо.

— Я готов выслушать, зачем вам понадобилось высаживать вооруженный отряд в моей бухте, только будьте кратки и после этого извольте убраться отсюда!

Уперев руки в бока, Стром расхохотался, словно над удачной шуткой.

— Вашей бухте! Клянусь тринадцатью рогами Нергала, хорошо сказано! В прошлом году, Валенсо, шторм помешал мне последовать за вашим кораблем, и все это время я потратил на поиски. Я уже отчаялся, когда нынче утром увидел наконец вашего сокола над фортом. Все сходится! Пустоши Пиктов, уединенная бухта, обращенная на юго-запад. Вы ловкий человек, ваша светлость! Но я оказался ловчее, как видите.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, капитан,— высокомерно ответил Валенсо.— Объяснитесь толком, что вам здесь понадобилось?

— То же, что и вам,— перестав наконец смеяться, заявил Стром.— Неужели вы в самом деле считаете меня таким наивным дурачком, граф? На кой же пес тогда вы брали с собой этого негодяя Зингелито?

— Зингелито спасал свою шкуру от королевского правосудия и готов был жить где угодно, лишь бы не в Серых Равнинах,— заметил Валенсо.— Капитан Стром, я теряю терпение.

Пират, склонив голову на бок, посмотрел на графа с веселым любопытством.

— Был? — многозначительно переспросил он, вздернув светлые брови.

— Был,— кивнул Валенсо.— Его убили пикты в первый же день. Примите мои соболезнования, он, кажется, был вашим другом.

Краска бросилась в лицо капитану.

— Это вонючее отродье Нергала...— зашипел он, но сдержался. Секунду спустя он расхохотался снова.— А вы не так просты, как кажетесь, граф! Значит, пикты и в первый же день, вот оно как! Что ж, из уважения к вам я предлагаю честный дележ: все пополам. И я не трону вас и пальцем. Кстати, граф, а где ваш корабль?

Дом Валенсо начинал злиться. Глаза его сверкнули, губы исказила ядовитая улыбка.

— Как же вы, капитан, просмотрели его, когда входили в бухту?

— Какой я болван! Ваше знамя развевается как раз на обломке мачты! — В голосе Строма сквозила неподдельная радость.— Послушайте, граф, я предлагаю вам сделку: сокровища в обмен на мой корабль. Я довезу вас туда, куда вам заблагорассудится, и если...

— Капитан, терпение мое лопнуло,— холодно оборвал его Валенсо. И продолжал ледяным тоном, каким говорил только в минуты крайнего гнева: — Я не понял ни слова из ваших речей. Уезжать отсюда я не собираюсь. Что касается сокровищ, то если вы готовы заплатить жизнями своих людей за ларчик с побрякушками моей племянницы и пригоршню рубинов из эфеса моего меча — прошу вас, не стесняйтесь. А теперь убирайтесь отсюда, иначе я велю прострелить вам ноги.

Все напускное благодушие и веселость мигом слетели с капитана Строма.

— Я сожгу твой форт дотла, кичливый зингарский павлин! — прошипел пират.— Ты на коленях будешь умолять меня о милости, ты собственными руками притащишь все до последней золотой монеты, и я еще посмотрю, сразу мне вздернуть тебя на рее или сначала спустить с тебя шкуру! В последний раз спрашиваю, отдашь ты мне сокровища добровольно? У меня на корабле сто пятьдесят человек, и всем им не терпится сойти на берег размять кости!

Даже не глянув в его сторону, Валенсо махнул кому-то рукой и исчез за частоколом. Тренькнула тетива, и капитан поспешно и неуклюже отскочил: короткая арбалетная стре-

ла воткнулась в землю у самых его ног. За частоколом послышался смех.

— Зингарские ублюдки! — крикнул взбешенный Стром.— Я с вами посчитаюсь! Этим же вечером вы будете на пути к Серым Равнинам, а те, кто уцелеет, позавидуют мертвым!

Бранясь и изрыгая проклятия, пират помчался назад к своим людям. Из бойницы вылетела вторая стрела — и насквозь продырявила широкий рукав шелковой рубахи капитана. Тот, обернувшись, в бессильной ярости погрозил кулаком сосновым, обитым железом воротам. Из-за них снова послышался смех.

— Надо было все-таки пристрелить его, господин мой,— озабоченно сказал один из солдат, укладывая в ствол арбалета новую стрелу.

Граф смотрел вслед капитану, хохоча, как мальчишка. На замечание солдата он возразил, сразу посерьезнев:

— Нет. Мы не пираты, чтобы убивать парламентеров.— Возвысив голос так, чтобы его услышали все стоящие вдоль частокола, граф крикнул: — Готовьтесь, дети мои! Сейчас они нападут! Цельтесь тщательнее, не тратьте стрел понапрасну, их могут употребить против нас же! Ну, во имя Митры!

Тем временем шлюпка снова отправилась к галере, и на этот раз из нее высадилось не менее двадцати пиратов. С растущим беспокойством защитники форта наблюдали, как проделывала шлюпка рейды к кораблю и обратно. Стром Заячья Губа не солгал, заявив, что у него полторы сотни человек. А все население форта составляло чуть более сотни — вместе с женщинами и детьми.

— Следовало бы, ваша светлость, велеть женщинам укрыться в Главном доме,— озабоченно глядя на приготовления врагов, сказал Гальборо.— И заодно пусть снесут туда все самое ценное. Если они прорвутся, мы еще сможем какое-то время отбиваться оттуда, пока не дойдет до рукопашного боя.

Главный дом, помимо жилища графа и Белезы, представлял собой крепость в крепости. За его внешней стеной, прорезанной узкими бойницами, могло разместиться до тридцати лучников, а внутри — укрыться все население форта.

— Весьма разумно, Гальборо,— кивнул граф.— Распорядитесь.

Высадившись, пираты растянулись в длинную цепочку и осторожно двинулись на форт, используя малейшее укрытие и непрерывно стреляя из луков. Барахские лучники сла-

вились непревзойденной меткостью, и зингарцам пришлось бы туго, если бы не полтора года лесной жизни. К тому же арбалеты стреляли дальше, чем длинные луки атакующих. Барахцы могли достать защитников форта только у нижних бойниц, стреляя по большой дуге, на самом излете. Пятеро из лучников, стоявших на земле, было уже ранено, тогда как на помосте не был задет ни один. Заметив это, граф велел отойти от нижних бойниц и продолжать стрельбу с верхнего уровня. Каждый раз, когда пират привставал над травой или камнем, в него летела короткая арбалетная стрела. Вскоре треть барахцев были уже убиты, не менее половины получили ранения.

Еще после первого нападения пиктов граф Валенсо распорядился расчистить землю вокруг форта на расстояние полета стрелы. Зингарцы не оставили ни куста, ни камня, ни рытвины, в которой мог бы укрыться человек. Теперь, добравшись до границы расчищенного пространства, пираты не могли сделать и шагу. На какое-то время продвижение вперед прекратилось — пока Стром не убедился, что оно невозможно,— а затем цепь наступавших отхлынула, словно морская волна.

Капитан Стром решил сменить тактику. Отойдя к берегу, где в деревянном сарае хранились лодочки рыбаков, пираты принялись за работу.

— Проклятье! — воскликнул граф, догадавшись, что они сооружают из досок большой передвижной щит.— Теперь они пойдут на штурм! Алохо, беги в дом и скажи, чтобы женщины ставили на огонь все котлы, какие есть! Я покажу этим псам, как соваться в крепость Валенсо да Корзетта!

Граф не ошибся. Ободрав сарай и разрушив несколько лодок, пираты соорудили неуклюжее приспособление, вполне, впрочем, пригодное для их целей. Они даже догадались снять для щита два колеса с телеги, оставленной у покоса. Построив за щитом пятьдесят лучших воинов, Стром велел начать штурм форта.

Расчет пиратов был прост: под прикрытием щита пробиться в «слепое» пространство у самых ворот, где их не могли бы уже достать арбалеты защитников, и, разбив ворота, ворваться в форт. Но они не знали о толстых сосновых стволах, наваленных за воротами во всю их высоту и удерживаемых прочными подпорками. Ветеран многих военных кампаний, граф до тонкостей знал искусство обороны. У защитников форта все еще были немалые шансы разбить противника до того, как он ворвется в крепость.

— Стреляйте по ногам! — велел граф.— Стреляйте по ногам, пока они не подойдут вплотную! После этого всем лучникам укрыться в Главном доме, у ворот остается только гвардия! И да поможет нам Митра!

Передав командование одному из гвардейцев, Валенсо ушел облачаться в доспехи. К его возвращению щит был почти у самых ворот, похожий на спину дикобраза — так густо был он истыкан стрелами. Арбалетчики знали свое дело: путь пиратов можно было проследить по цепочке трупов, растянувшейся по всему вычищенному полю. За щитом оставалось не более тридцати пиратов, остальные оставшиеся в живых выжидали вне досягаемости.

Добравшись до ворот, пираты начали отстреливаться с близкого расстояния — куда успешнее, чем прежде. Двое или трое стрелков с криками упали у бойниц замертво. В то время как большая часть нападавших продолжала стрелять, десяток пиратов, вооружившись боевыми топорами, принялись ломать ворота.

— Всем отойти от бойниц! — распорядился граф.— Кипяток сюда!

Выстроившись попарно, зингарцы подняли на веревках только что снятый с огня первый большой котел. Женщины в изощренной жестокости добавили в воду изрядное количество бараньего сала, ибо всем известно, что нет супа горячее, чем из баранины. Обжигающая жижа потекла на головы штурмующих ворота. Нечеловеческий вой едва не оглушил хохочущих зингарцев. Дав пиратам немного оправиться, они вылили на них второй котел, чуть поменьше.

— Ломайте ворота! — слышался яростный рев Строма.— Ублюдки Нергала, ленивые ослы! Ломайте во имя Митры, пока вас не сварили заживо!

Обезумев от ярости и боли, пираты удвоили усилия. Стром распорядился, чтобы рубили у самых петель, сверху и снизу. Жалобный треск дерева говорил, что долго ворота не выстоят.

Услышав, как граф отзывает стрелков, капитан Стром в открытую согнал к воротам всех оставшихся пиратов. В ответ на это Валенсо выстроил перед заграждением своих солдат, вооруженных мечами и пиками, в прочных доспехах и кирасах, и приготовился к рукопашному бою.

Внезапно в поток проклятий, грохот ударов и треск дерева ворвался новый звук: на корабле, оставленном на якоре у берега, взревела труба.

— Стойте! Стойте, идиоты! — услышали зингарцы вопль Строма.

Сигнал прозвучал второй раз. Граф, недоумевая, обернулся на выкрик дозорного на башне. Но что тот кричал, разобрать было невозможно.

Брань и пыхтение за воротами смолкли. Осененный внезапной мыслью, граф бросился к бойнице — и увидел, как, подхватив раненых, еще подававших признаки жизни, поспешно отступают барахыцы. Выхватив взведенный арбалет из рук мертвого зингарца, упавшего у бойницы, Валенсо послал убегающим вслед последнюю стрелу. Один из пиратов рухнул на землю; убедившись, что он мертв, остальные спаслись бегством.

— Они бегут! — кричала Тина с крыши Главного дома. В суматохе никто не заметил, что она и Белеза остались на виду, где их могли бы достать стрелы, если бы пираты прорвались в форт.— Они удирают! Да здравствует Зингара! Да здравствует благородный дом Валенсо!

— Корабль! — В наступившей тишине граф наконец расслышал крики дозорного.— Новый корабль!

Валенсо, словно юноша, взлетел на дозорную площадку. Огибая мыс Кораблекрушения, с полными ветра белоснежными парусами, неторопливо входил в бухту Корвелы второй корабль. Вверх по его мачте скользнул флаг, ветер развернул его — и в форте послышались радостные крики: это был флаг Зингары. Рискуя потопить перегруженную шлюпку, пираты Строма молниеносно перевезли и подняли на борт всех раненых и уцелевших. Прежде чем новый корабль смог приблизиться на расстояние выстрела, галера подняла якорь и исчезла за северным мысом бухты.

— Из драконьего логова да в стигийский храм,— пробормотал граф, напряженно всматриваясь в приближающийся парусник.

3

ЗОЛОТО ТРАНИКОСА

Едва не захлебнувшись попавшим не в то горло вином, Конан извернулся и со всей силы хватил неизвестно кого бутылью по голове. Стекло оказалось на диво прочным, бутыль уцелела, даже сохранила на дне остатки вина. Хватка ослабла, и Конан ужом выскользнул из черных когтистых

лап. Шарахаясь в сторону, он мельком увидел гигантскую дымную прозрачную тень с получеловеческим, полузвериным обликом. Призрачное существо имело две руки, мощный торс, косматую голову и две пары рогов. Реальнее всего были глаза, красными раскаленными угольями горящие на темном лице. Чудовищный призрак покачался под потолком из стороны в сторону, словно раздумывая над чем-то важным, а затем снова двинулся на грабителя.

Киммериец как раз успел немного отдышаться. Из опыта прошлых схваток с призраками он знал, что ранить порождения темных дум Нергала можно только волшебным или специально заговоренным оружием, а его каменный нож не являлся ни тем ни другим. Сказать по правде, он и оружием-то не являлся. А демон тем временем снова тянул к шее Конана огромные руки. Но движения его были медленны и неловки, словно скованны. Он напоминал старую скрипучую осадную машину, ржавевшую без дела много лет и вдруг пущенную в ход. Конан легко уклонился и отскочил к двери. Он был уверен, что в случае серьезной опасности всегда сможет убежать от этого неповоротливого стража сокровищницы.

Демон схватил руками воздух и сжал все четырнадцать пальцев на шее, по его представлениям, находящейся прямо перед ним. На его уродливом лице отразилось искреннее недоумение. Конан не удержался и фыркнул.

— Аргх! — рявкнул демон, оглядываясь. Увидев наконец киммерийца, он оскалил два ряда острых, как иглы, зубов и двинулся на врага.

Конан решил выяснить, как долго может продолжаться эта игра в кошки-мышки. Если он заманит демона в лес, то там можно будет, вооружившись омелой, попытаться расправиться с ним. Поэтому он шагнул еще назад, очутившись за порогом.

К его изумлению, глаза-уголья, до того буквально прожигавшие его насквозь, притухли; очертания огромной фигуры начали расплываться, теряя четкость. Через какое-то время от грозного стража осталось только облачко голубоватой дымки под потолком.

— Да ты, охвостье Нергала, похоже, не можешь выйти,— пробормотал Конан и переступил порог, снова входя в пещеру. Облачко тут же начало плотнеть и наливаться дымной мглой. Конан расхохотался и, прежде чем в густеющем облаке проступили глаза, схватил со стола нож и выскочил за дверь. Оказавшись в туннеле, он с силой потянул за мед-

ное кольцо, плотно закрывая дверь за собой. Еще немного выждал, опасаясь, что призрак все же выйдет и попытается расправиться с грабителем. Но дымный демон не появлялся. Конан допил вино и принялся осматривать сундуки.

Далеко не все они были творением стигийских мастеров. Четыре больших деревянных ларя были явно аргосской работы, еще два — зингарской. Выяснив это, Конан решил первыми взломать стигийские сундуки, рассудив, что если здесь и кроется новый подвох, то, вероятнее всего, именно в них. Но откинув одну за другой деревянные позолоченные крышки, киммериец позабыл и о возможной ловушке, и о демоне, оставшемся в пещере.

Переложенные льняными полотнищами и тонкой золотой фольгой, лежали в них бесценные сокровища. Золотые гривны в виде змей с простертыми крыльями, жезлы, инкрустированные бирюзой и перламутром, ожерелья из резного сердолика и бирюзы, искусно оправленных в золото, перстни с темными сапфировыми скарабеями с глазами-гранатами. Затканная золотом парча церемониальных одежд, тончайший лен, ценившийся на вес золота. Золотые и нефритовые статуэтки, браслеты, серьги, наборные пояса, просто россыпи оплавленных драгоценных камней... Названия и назначения иных предметов Конан даже не знал, но видел их неоспоримую ценность. Аккуратно уложив все так, как было, он закрыл эти сундуки и перешел к следующим.

Аргосские и зингарские лари хранили ценности поскромнее. В первом же ларе, узком и длинном, Конан нашел оружие. Может быть, Кром все-таки не так равнодушен к своим детям, как утверждают наши старики, подумалось ему. Во всяком случае, к детям достаточно отважным, чтобы спасаться от пиктов в пещере со злым демоном. Киммериец довольно быстро подобрал себе зингарский узкий меч и парный к нему кинжал-дагу. Как все оружие, сделанное прославленными мастерами Зингары, эта пара отличалась великолепной сталью, изяществом форм и роскошью отделки. Рукояти меча и даги были украшены тщательно подобранными по величине и цвету камнями, золотые насечки вдоль клинков сплетались в сложный узор. Впрочем, убедился Конан, все оружие, лежащее в сундуке, отбиралось именно по богатству отделки. Были там, к примеру, два парадных меча, никудышных в бою, зато щедро усыпанных драгоценными камнями. Каждый клинок был завернут в промасленную кожу, отдельно — в кусках чистой ткани — лежали

ножны. Оружие выглядело старым, но было в прекрасном состоянии.

В следующем сундуке оказалась одежда, и Конан окончательно убедился в том, что клад был запрятан в утесе очень давно. Тонкое кружево пожелтело от времени, меха истерлись и вылезли. Киммерийцу не хотелось рядиться павлином, но он был совершенно наг, и пришлось смириться с бархатом и шелком. Платье выглядело весьма вычурно и старомодно, но Конан постарался подобрать себе что-нибудь попроще. Вот бы обрадовалась Дайома, хмыкнул он, пытаясь оглядеть себя через плечо. Владычица острова Снов была просто помешана на роскошных нарядах и желала видеть возлюбленного в золотой парче и бриллиантовой пыли с головы до ног. Надо ли удивляться тому, что Конан удрал от нее, едва народилась новая луна? А вот сапоги ему пришлись по нраву — высокие мягкие сапоги зингарской кожи, обтягивающие ногу, как перчатка.

Разбирая сундуки, он заметил, что большая часть добра — из Зингары, и в последнем ларе, ближнем к выходу, этому нашлось объяснение.

Четыре аргосских ларя были по самые крышки забиты золотом. Здесь лежали монеты со всего Туранского материка, но больше всего было опять-таки зингарских. Один из ларей был разделен перегородками натрое: пополам, и половина еще пополам. Бóльшая часть была заполнена все теми же монетами, в двух других лежали крупные слитки золота и груда драгоценных камней.

— О великий Бел, нынче я взыскан твоею милостью! — в восхищении воскликнул Конан.— Клянусь, самый крупный из этих слитков будет лежать в твоем храме в Заморе, щедрый покровитель воров!

На груде золотых монет лежал клочок пергамента. С трудом продираясь сквозь полузнакомые зингарские письмена, к тому же немного выцветшие, удачливый кладоискатель прочел следующее:

«Я, Траникос, прозванный Кровавым, предводитель Островного братства, оставляю здесь свое золото, добытое во многих походах к зингарскому берегу, и собственноручно делаю эту запись, дабы всякий, кто осмелится прикоснуться к моему добру, знал, какая кара его постигнет. Писано в третий день месяца штормов, в год тридцать первый с начала правления милостью Митры короля Лоранзо Пятого».

В качестве подписи в нижнем правом углу красовался бурый отпечаток большого мозолистого пальца.

4

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Быстрее, друзья мои! — крикнул Валенсо и рванул веревку, удерживающую сложную систему подпорок.— Оттаскивайте бревна! Надо успеть втащить щит в форт, прежде чем вновь прибывшие высадятся на берег!

— Но, ваша светлость! — удивленно возразил один из солдат.— Корабль идет под зингарским флагом!

Граф кинул на него насмешливый взгляд.

— Мой добрый Энрике, ты не привык еще не верить своим глазам? Когда тебе будет столько же лет, сколько мне, ты научишься осторожности. Если это посланцы короля, мы всегда успеем открыть ворота. Если новый враг — он окажется в форте быстрее, чем нам бы хотелось, если мы не втащим щит. Шевелись же!

Гальборо с четырьмя гвардейцами уже раскидывали бревна. Арбалетчики вновь заняли свои места у бойниц, раненых и убитых внесли в Главный дом. Зингарцы, облепив тяжелый щит, как муравьи — гусеницу, вкатили его в ворота и развернули напротив них. Ворота были изрядно побиты, но еще держались и вкупе со щитом представляли серьезное препятствие.

Тина, обернувшись к Белезе, серьезно спросила:

— Почему это граф видит врага в каждом корабле, плывущем сюда? Он уже не надеется на помилование короля? Или кого-то ждет?

— Не знаю, девочка,— вздохнула Белеза.— Я ничего не понимаю. Я никогда не спрашивала, сколь тяжко преступление, за которое его изгнали. И вряд ли когда-нибудь осмелюсь спросить. Я только надеюсь, что старый король умрет раньше, чем мы.

— О,— воскликнула Тина, не слушая ее,— новая шлюпка! Они не стали преследовать Заячью Губу, они плывут сюда! Смотрите, кара миа, какой красивый наряд у того человека на носу шлюпки! И какая гордая осанка! Может, это все-таки послы короля?

Белеза, сощурясь, и сама с большим интересом всматривалась в фигуру в темно-бордовом, расшитом золотом платье, поверх которого был небрежно накинут черный бархатный плащ. Кирасу незнакомца венчал пышный плюмаж из темных фазаньих перьев, узкая талия была перевязана поверх портупеи драгоценной туранской шалью, какой не было даже

у самой Белезы. Вид нового гостя ясно говорил о его благородном происхождении.

Он соскочил на берег, едва нос лодки ткнулся в песок. Гребцы остались на своих местах, к форту же направилось, считая вельможу, всего трое человек. Его спутники выглядели менее внушительно, чем он сам, но куда пристойнее головорезов Строма.

Несомненно, все они были зингарцы.

Не дойдя до ворот форта десяти шагов, вельможа выжидающе остановился. Он был высок, строен и немолод. Темные глаза смотрели насмешливо и зло.

— Что угодно от меня? — холодно спросил Валенсо, появляясь над частоколом.

Словно проверяя, туда ли он попал, незнакомец глянул на развевающийся над фортом флаг. Затем снял кирасу и церемонно поклонился.

— Я имею честь говорить с его светлостью графом Валенсо-и-Медозо-и-Лусия да Корзетта? — осведомился он.

— Да, это мой титул. Удивляюсь, что вы его так хорошо знаете, ибо вас я вижу впервые.— Глаза графа по-прежнему настороженно изучали незнакомца.

— Мало найдется в Зингаре людей, не знающих красного сокола Корзетты! — тонко усмехнулся тот.— Что же до моего имени, то я — Зароно Альварес дель Торрес, известный также под именем Черного Зароно.— Он снова поклонился, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

Зароно дель Торрес был известнейшим авантюристом своего времени. Разорившийся мелкий дворянин, он участвовал в так называемом заговоре «Белой Розы», забросившем на зингарский трон благородного дома Сантидио юношу не самого высокого происхождения, но решительного, пылкого и честного. Король Сантидио Первый недолго продержался у власти, и вступивший за ним на престол Горалес жестоко расправился с заговорщиками. Зароно пришлось бежать из страны. В западные моря он возвратился на лучшей галере, какую видела когда-либо Кордава или Мессантия. Несколько удачливых пиратских набегов принесли Зароно золото и некоторую благосклонность короля — но не прощение. Бывший гранд остался капером, и постепенно король смирился с его существованием, ибо набеги Зароно были по-прежнему удачливы, пополняя королевскую казну, и одной тени его «Славы Зингары» доставало, чтобы разогнать барахских пиратов на тысячу полетов стрелы вокруг.

— Похоже, моя бухта сделалась местом встречи всех негодяев западных морей,— усмехнулся граф.— Только что здесь побывал капитан Стром — и ушел не слишком довольный. Что же угодно вам от графа Валенсо?

Зароно высоко вздернул изящные брови:

— Какой, однако, нелюбезный прием оказываете вы соотечественникам, граф! К тому же, полагаю,— тут он насмешливо взглянул на побитые ворота,— мое прибытие было как раз вовремя, чтобы этот аргосский пес не ворвался в вашу крепость. «Славу Зингары» знает каждый барахец. Я даже рассчитывал на некоторую благодарность с вашей стороны... Но впрочем, я пришел, конечно, не за тем, чтобы отгонять стервятников от легкой добычи. У нас кончается запас питьевой воды, моя команда давно не сходила на берег, я уже не говорю о такой роскоши, как жареная оленина,— мяса мы не видели не менее двух лун. Шторм забросил нас далеко в море, мы едва выбрались... Поверьте, граф, все, что нам нужно от вас,— лишь дозволение бросить якорь и поохотиться в вашем лесу.— Он снова поклонился, на этот раз — без насмешки.

Граф, нахмурившийся было при словах о стервятниках и легкой добыче, кивнул несколько успокоенно.

— Дозволение вы мое получите. Но при условии, что в форт не войдет ни один из ваших людей, дель Торрес. Я готов дать вам двух быков на мясо и фруктов из моего сада, но попробуйте только взять что-нибудь самовольно — и получите каждый по стреле в горло!

Казалось, суровый тон графа только развеселил Зароно. Сверкнув темными глазами и закрутив тонкий ус, он поинтересовался:

— Что же, Стром захотел разом все яблоки вашего урожая? Как бы теперь у него не разболелся живот! — и, не дожидаясь ответа, совершенно другим тоном добавил: — Слово чести, граф, мои разбойники будут вести себя пристойно. Весьма вам благодарен за предложенное угощение.

Поклонившись в последний раз, Черный Зароно удалился.

— Немедленно заняться починкой ворот и выставить усиленную охрану,— распорядился Валенсо.— У этого негодяя чести не больше, чем у портовой шлюхи.

— Мне известно другое, ваша светлость,— негромко обронил Гальборо, глядя в спину уходящему к шлюпке капитану.

— Да? — резко обернулся к нему граф.— Что именно?

— Он действительно человек чести. Он хитер, жесток и опасен, но еще никто не мог обвинить его в том, что он нарушил данное слово. В его команде нет случайных людей, он набирал их годами. И все они готовы перегрызть глотку самому Нергалу за своего капитана.

— Вы думаете, Гальборо, он сказал правду?

— Нет, ваша светлость,— уверенно ответил бывший пират.— Конечно, он здесь не за водой и мясом. Да и штормов не было уже две луны. Но раз он обещал порядок, так и будет. Скорее всего, вечером он придет к вам и тогда скажет, что ему здесь понадобилось в действительности.

— Посмотрим,— бросил граф и ушел в дом.

Тем временем матросы высаживались на берег. Ни один из них даже не глянул в сторону форта. С потоком цветистых благодарностей приняли они три корзины фруктов и двух быков из стада Корвелы и принялись разбивать лагерь. Шлюпка еще совершила несколько рейдов, отвозя на галеру бочки с пресной водой из источника на краю леса, затем успокоенно ткнулась в песок. Полторы сотни человек ставили шатры, разводили костры, откупоривали бочки с вином и разделывали мясо. Валенсо позволил им разобрать на дрова то, что осталось от лодочного сарая,— ни на что иное он уже не годился,— но когда он увидел, что матросы направляются к лесу с топорами, граф счел своим долгом подойти и предупредить Зароно:

— Отзовите своих людей, дель Торрес. Я не просто так предложил вам мясо. Не заходите в лес больше чем на десять шагов, не рубите деревьев, особенно дуба и остролиста. Вон там над обрывом в сосняке достаточно сухостоя, не поленитесь сходить туда.

— Пикты? — полуутвердительно спросил капитан.— И как близко?

— За каждым кустом,— усмехнулся Валенсо.— Я уверен, что сейчас за нами наблюдают двое или трое. Я достаточно изучил их обычаи, чтобы поддерживать мир. Сделайте, как я сказал, иначе утром окажетесь с перерезанными горлами все до единого.

— Благодарю за предупреждение, благородный дом,— несколько хрипло ответил Зароно и быстрым шагом ушел распорядиться.

К вечеру с моря пополз на берег туман, мглистая дымка заволокла костры лагеря и огни форта. Каждый лист копил морось, воздух был влажен и холоден. Матросы Зароно,

разомлевшие от вина и обильной еды, что-то негромко пели у огня. Их капитан тем временем отправился в форт с визитом и волей-неволей был приглашен на ужин.

Удовлетворенный скромным поведением матросов, граф разговаривал с гостем куда приветливее, чем утром. Зароно восседал на почетном месте, по левую руку от хозяина, сидевшего во главе стола. Прямо напротив капитана оказалась Белеза, и весь ужин он буквально пожирал ее глазами. Она не знала, радоваться этому или сердиться: с одной стороны, она совершенно отвыкла от общества высокородных кавалеров и была рада гостю, с другой — Зароно дель Торрес был красив и, несомненно, избалован женским вниманием. Его взгляд говорил девушке, что она не потеряла ни грана своей привлекательности, но было в нем нечто такое, что заставляло ее краснеть и опускать глаза.

— Ваше здоровье, прекрасная домья.— Гость осушил бокал, и слуга тотчас наполнил его вновь.— Великолепное вино. И великолепный зал. Я просто поражен, дом Валенсо. Как вам удалось воссоздать в этой глуши уголок королевского дворца?

— Мои люди трудились день и ночь,— не без гордости ответил граф.— Но многое я привез из своего дома в Кордаве — я ведь знал, что меня ждет.

Снаружи Главный дом выглядел как все постройки: цельные отесанные бревна, кровля из самодельной черепицы. Но личные покои графа и Белезы, а также Большой зал, где проводились все праздники, от свадьбы до Урожайного полнолуния, были отделаны со всею возможной роскошью. С резных балок потолка свешивались стосвечные люстры цветного аргосского стекла, в закрытые тяжелыми ставнями окна вставлены витражи в свинцовых переплетах. Огромный камин был обшит панелями резного черного дерева, прекрасные мильфлоры аквилонской работы со сценами охоты и балов висели по стенам. Дубовый стол, тянувшийся на всю длину зала, украшали семисвечия черненого серебра. Весь зал опоясывала поверху маленькая галерея, балюстрада ее была сделана из перил и балюстрады капитанского мостика галеры, привезшей сюда изгнанников.

— Я рад, что мои странствия, даже, можно сказать, моя охота завершилась наконец удачей именно здесь,— продолжал Зароно и при этом так посмотрел на племянницу хозяина, что она густо покраснела. Но граф понял его правильно.

— Так вы следовали за Стромом? Пресветлый Митра, что могло понадобиться в этой глуши двум самым отчаянным авантюристам Запада?

— Что могло понадобиться в этой глуши графу Зингары? — невозмутимо парировал Зароно.

— Я здесь не по своей воле,— просто ответил Валенсо.— А именно в этой бухте я оказался по чистой случайности, уверяю вас. С тем же успехом я мог высадиться в Вендии или Кхитае. Но теперь, когда столица для меня закрыта, мне равно постылы все страны. Эта обладает тем преимуществом, что безлюдна. Во всяком случае, была до недавнего времени,— рассмеялся он, показав белые зубы.

Зароно кинул на него испытующий взгляд из-под длинных ресниц.

— Отошлите слуг, благородный дом, и мы поговорим о том, что же на самом деле заставило вас бежать из Кордавы,— тихо сказал он.

Граф побледнел.

— Что вы можете знать об этом,— произнес он как мог небрежно.— Но впрочем...— Он возвысил голос: — Ступайте, друзья мои, у вас был нынче тяжелый день. Мы справимся сами.

Поблагодарив графа и оставив достаточное количество вина и фруктов в качестве десерта, слуги ушли. Зароно встал, налил вина Белезе, графу, Гальборо и в последнюю очередь — себе, затем сел на прежнее место и, сощурясь, начал рассматривать рубиново-красный напиток на свет, словно важнее этого ничего не было.

— Ну,— теряя терпение, сказал граф ледяным тоном,— что же, по-вашему, заставило меня уехать?

— Только не королевская опала. Я не знаю, чем вы это ему объяснили, но знаю, что его величество очень сожалел о вашем отъезде. Он был бы счастлив снова видеть вас при дворе, это его собственные слова.

Белеза смотрела на дядю широко раскрытыми глазами. Так значит, Тина была права, когда говорила, что он скрывается от кого-то!

— Почему я оставил Зингару, это дело только мое, и ничье больше,— жестко сказал Валенсо. Он все еще был бледен.

— И именно ради этой бухты? — невинно спросил Зароно.— Странный выбор для зингарского гранда.

— О, это как раз чистая случайность,— с облегчением ответил граф.— В Кордаве я подобрал одного кормчего,

Зингелито. Он почему-то настаивал на том, чтобы мы высадились именно здесь. Корабль наш разбился у южного мыса, поэтому выбора, в сущности, не было. Зингелито обещал мне объяснить все после того, как мы разобьем лагерь, сулил какие-то блага и прочее. Но едва он сошел на берег, тотчас ушел в лес. Видимо, слишком далеко, потому что в тот же день его убили пикты.

— Да, зачем-то ему нужна была эта бухта,— кивнул Гальборо.— Но зачем, он не сказал даже мне.

— Вам не слишком скучно здесь, кара домья? — обернулся вдруг Зароно к Белезе.— Будь у вашего дяди корабль, вы уплыли бы отсюда?

— О да! — с жаром ответила Белеза и снова покраснела.— Только к чему все эти разговоры, у нас ведь нет корабля,— поспешно добавила она, взглянув на дядю.

— Корабль есть у меня,— с расстановкой сказал Зароно.— И если мы договоримся...

— Кажется, мы подходим к самому интересному,— сощурив глаза, обронил Валенсо.— Капитан Стром тоже пытался со мной о чем-то договориться, но я, право, ничего не понял. Не идет ли речь об одном и том же?

— Вполне возможно, благородный дом, вполне возможно. Я удовлетворюсь меньшей долей, чем Стром, так что союз со мною будет вам выгоднее и — безопасней.

— Во имя пресветлого Митры, какой долей? — вспылил Валенсо.— Я не стал брать с собой ни золота, ни фамильных ценностей. Что вы собираетесь делить, дель Торрес?

Зароно поджал тонкие губы.

— Дайте мне слово, граф, что вы действительно случайно оказались в этой бухте! — потребовал вдруг он.

— Я уже сказал вам,— несколько раздраженно отозвался граф.— Зингелито собирался изложить мне свои, как он выразился, «особые соображения», но не успел. А в следующую ночь наш корабль разбило о скалы южного мыса бухты.

— Я вам верю,— заявил Зароно после недолгого молчания.— Да, я вам верю. Плывя за каракой Строма, я никак не рассчитывал наткнуться здесь на соотечественников, а уж тем более на вас, граф. И уж тем более не мечтал встретить в этой глуши столь прекрасное создание, как вы, моя домья.— Он снова восхищенно-насмешливо посмотрел на Белезу.— Но раз это произошло, давайте объединим усилия, чтобы сокровища не достались этой аргосской собаке.

— Если я правильно вас понял,— протянул граф, проявляя все большую заинтересованность,— где-то поблизости есть клад, о котором знает Стром и знаете вы, но не знаем мы. И этот урод полагал, что я давно нашел сокровища и спрятал в форте? Во имя этого он собирался сровнять мой форт с землей?

— Ну, будь на вашем месте, скажем, колония барахцев, я попытался бы сделать то же самое,— резонно возразил Зароно.— И уж конечно не поверил бы ни слову из вашего рассказа. Я тоже в первый момент был склонен думать, что сокровища у вас, и уже прикидывал, признаюсь, как захватить форт. Но прекрасные глаза домьи Белезы совершенно изменили мои планы. К тому же вы дали слово.

— Я могу поклясться, что слышу об этом в первый раз,— сурово кивнул Валенсо.— А захватить форт вам было бы не так-то просто.

— Да, я заметил,— усмехнулся Зароно.— Так вот, о сокровищах... Слышали вы когда-нибудь о Траникосе Кровавом?

— Думаю, из всех присутствующих о нем знаю только я,— ответил Гальборо. И пояснил, обращаясь к графу: — Это был величайший пират за всю историю Островного братства. Прославился он после того, как ограбил Тотмеркиса, стигийского принца. Принц слишком преуспел в чародействе и был изгнан жрецами Черного Круга. Он выстроил себе крепость на далеком безымянном острове к западу от Сипатхи и жил там с семьей и челядью. Траникос ворвался в крепость и перебил всех его людей. В том походе он добыл Око Змея, камень дивной чистоты и величины. Но что с этим камнем сталось, теперь уже никто не знает.

— Как давно все это было? — спросил Валенсо.

— Почти сто лет назад,— ответил Зароно.— Этот камень Траникос долго держал при себе, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью, но слишком многих прельщал его лунный блеск. А потому пират решил спрятать его — и многое другое — в надежном месте, известном ему одному. Он погрузил сундуки на небольшой корабль и отправился на север, к Пустошам Пиктов. Больше его никто никогда не видел. Один-единственный человек вернулся из этого плавания — но у него был вырезан язык. Подозреваю, что Траникос проделал эту операцию над всей командой. Писать спасшийся матрос не умел. И упорно не хотел возвращаться на то место, но, конечно, не мог сказать почему. В конце

концов его вздернули на рее, но до того он нарисовал собственной кровью карту, где пометил крестом скалу на берегу среди леса. Однажды мне посчастливилось мельком взглянуть на эту драгоценную карту. Тогда со мною были Стром и Зингелито. Мы пировали в одном портовом кабаке в Мессантии, и вдруг к нам подсел какой-то пропойца и принялся лепетать что-то о несметных сокровищах, которые он готов уступить нам за один только кувшин доброго вина. Мы бы угостили его и отослали прочь, как это делали все, кому надоедал нищий старик, но он упомянул имя Траникоса и заявил, что у него имеется карта. Как она оказалась в руках портового пьяницы — для меня остается загадкой. Но, взглянув на грязный обрывок пергамента, который он извлек из своих лохмотьев, мы трое почему-то сразу ему поверили. Карта была, несомненно, очень старой и действительно нарисована кровью. На нашем столе была только коптящая лампа, и мне не удалось как следует рассмотреть эту карту. Едва мы всерьез заинтересовались, как чья-то рука опрокинула лампу, послышалась возня, короткий вскрик — и старик упал на стол мертвым. Карта пропала. На крик начали оборачиваться люди, а менее всего нам хотелось огласки. Мы поспешили уйти оттуда — каждый своей дорогой. Все это произошло около двух лет назад. И два года мы пытаемся найти сокровища — каждый по-своему. Подозреваю, что карта находится теперь у Строма, он очень уверенно шел к этой бухте — я ведь шел за ним по пятам. Но вы, граф, сильно уменьшили его команду, к тому же он уверен, что драгоценности уже у вас — коль скоро вашим кормчим был Зингелито. Объединив силы, мы сумеем разыскать сокровища. Мой корабль вместит всех ваших людей, граф. Вы вернетесь в Кордаву, золотом искупите все прегрешения, какие держат вас здесь. Я же получу сокровища и окончательное помилование короля. И быть может, представлю двору свою молодую жену?

Он поклонился Белезе. Та окончательно смутилась.

— Я надеюсь, вы шутите, Зароно дель Торрес,— холодно сказал граф.— Потому что в противном случае мне придется убить вас. Вы в моем доме, за моим столом, и имеете наглость говорить такие вещи!

— Прошу прощения, граф,— невозмутимо улыбнулся Зароно.— Но я и в самом деле подумываю жениться и оставить каперство. Что же в этом оскорбительного? Я, разумеется, был бы счастлив породниться с соколом Корзетты, и

еще более был бы рад этому его величество, ибо при последней встрече он ясно дал мне понять, что желает видеть меня при дворе. Во имя Митры! Неужели род мой столь ничтожен для вас?

— В роду вашем, Зароно, было немало достойных людей. Но ни один из них не запятнал себя каперством,— ответил Валенсо уже спокойнее.— Поэтому сейчас мы ведем пустые разговоры. Тем паче что я обещал Белезе выдать ее за того, кто будет ей по нраву.

— Только на это я и надеюсь,— тихо сказал Зароно.— Но более меня сейчас интересует другое: вы согласны на сделку?

— Пожалуй, да,— ответил граф.— Я...

Но его прервал тонкий женский крик. В зал, протягивая руки к Белезе, с глазами, полными ужаса, вбежала Тина. За нею, пытаясь ее удержать, бежала, крича что-то бессвязное, одна из служанок Белезы. Увидев графа, Тина замерла на месте, уставилась на него диким взором и крикнула:

— Тха омрани Сет-ра ош пхутхум!

Граф вскочил так резко, что чуть не уронил стул.

— Что с тобой, девочка? Что ты такое говоришь? Какой еще посланец Сета?

Тину трясло, она была бледна и готова вот-вот потерять сознание.

— Тот-Амон! Тот-Амон! Тха омрани Тот-Амон! Скажи ему, что я здесь! Скажи ему, что я уже близко, совсем близко!

Белеза, смотревшая на это с изумлением и ужасом, накинулась на служанку:

— Что все это значит? Я велела тебе присматривать за ней!

Девушка чуть не плакала, прижимая к груди стиснутые руки.

— Я не виновата, госпожа! Эта негодница улизнула на взморье, что-то ей там понадобилось. И пришла оттуда вот такая! Все бормотала на своем языке. А потом как закричит: «Кара Белеза, кара Белеза!» Я говорю, она в зале с дядюшкой, туда теперь нельзя. А она как сорвется с места да как припустит! Только у дверей я ее и нагнала.

— На взморье? — глухо повторил граф. Он шагнул к девочке, все еще выкрикивающей надрывно: «Скажи ему!..» Белеза ахнула: она подумала, что Валенсо сейчас прибьет Тину на месте, такое у него было лицо. Но граф присел перед девочкой на корточки, правой рукой взял ее за плечо,

а левой ударил по щеке — так, что темная головка мотнулась в сторону.

— Не смейте!..— завизжала Белеза, но тут же осеклась, прикусив язык, потому что пощечина возымела действие: взгляд Тины прояснился, она тихонько всхлипнула.

Граф отпустил ее, и девочка на негнущихся ногах подошла к Белезе и ткнулась ей в колени.

— Забери ее,— тихо велел граф.— Умой, напои горячим вином и уложи спать. А завтра пусть придет ко мне и объяснит свои слова.

Белеза, без сил осевшая на стул, только кивнула. А Тина вдруг подняла на графа мокрое личико и, всхлипывая, сказала:

— Это был он, убийца моего отца! В черной лодке приплыл он, и молнии змеились вокруг его головы! Он ищет вашей смерти, добрый мой господин! Черный человек идет сюда, он скоро будет здесь...

— Нет,— мягко успокоил ее Валенсо.— Стража не впустит его. Да и не пойдет он в дом, полный огней и народу. Спи нынче спокойно, девочка. Уведи ее, Белеза.

Шепча что-то невнятное, но ласковое, Белеза потянула Тину наверх, в свою комнату. Но, выходя из зала, вздрогнула и остановилась, услышав:

— Вы, кажется, почти попросили у меня руки моей племянницы, дель Торрес?

— Это было бы для меня большой честью...— забормотал несколько опешивший от такого крутого поворота Зароно.

— Так вы ее получите. При условии, что увезете ее — и всех моих людей — как можно скорее отсюда. Во имя Митры, мы разыщем эти сокровища, и моя девочка будет с хорошим приданым!

Белеза онемела от ярости и изумления. Но рядом с нею всхлипывала Тина, и, как ни желала девушка немедленно получить объяснение невероятным словам своего дяди, она ушла из зала, уведя с собою воспитанницу.

Очень скоро обессилевшая Тина, усыпленная пролитыми слезами и теплым вином, задремала, а Белеза в темноте без сна сидела на кровати, охваченная каким-то странным оцепенением. Нельзя сказать, что Зароно был ей противен, скорее даже наоборот, но только она представляла себе будущего мужа совершенно иным. К тому же она была знакома с капитаном не более нескольких часов, и нельзя же вот

так отдавать ее первому встречному! Что за затмение нашло на се дядю? Она всегда относилась к нему как к родному отцу, от него ждала защиты и заботы, от него, и только от него, ожидала выбора своей судьбы. Но она была уверена, что граф найдет ей блестящую партию! Спору нет, дель Торрес великолепен, у него манеры настоящего гранда, и род его, хоть и небогат, но древен и славен. Но каперство, фи!.. И все же какое восхищение читалось в его глазах, когда он смотрел на нее...

Мысли Белезы скакали, как озорные бельчата. Кого увидела Тина? Что это за черный человек, убийца ее отца? И загадочные угрозы графу?.. Уж не от этого ли человека бежал Валенсо да Корзетта из Зингары?..

Тихо скрипнула открывшаяся дверь. Белеза вскочила, сердце ее бешено колотилось. На пороге стоял граф, заслоняя ладонью трепещущий огонек свечи.

— Я удивлена, ваша светлость,— холодно сказала Белеза.— Не такого мужа ожидала я от вас.

— Девочка моя,— сказал граф таким голосом, что у Белезы едва слезы не брызнули из глаз.— Теперь у меня нет иного выхода. Ты должна как можно скорее уехать отсюда, и если это возможно единственно этим способом, так и будет.

— А вы? — тихо сказала Белеза. Она начинала понимать, что задумал граф.— Зачем вы отсылаете всех? Чтобы остаться один на один с вашим черным человеком?

— Пусть это тебя не беспокоит. У меня с ним свои счеты. Но я никогда себе не прощу, если эта тень коснется и тебя. Поэтому ты сделаешь так, как я сказал. И довольно об этом. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— машинально ответила Белеза закрывшейся за дядей двери.— Спокойной... О матерь Иштар, жизнеподательница, защити и сохрани меня!..

Сотрясаясь от бурных рыданий, Белеза упала лицом в подушку. И не заметила, как уснула.

5

ШТОРМ

Проснулась она как от толчка. Рядом с ней всхлипывала Тина. Нагнувшись к девочке, Белеза почувствовала, как в лицо ей пахнуло жаром от лица Тины. Девочка сжимала горячие кулачки и бормотала что-то быстрое и неразборчи-

вое на жуткой смеси зингарского и стигийского языков. Чаще всего в ее бреду повторялось имя «Тот-Амон». Белеза не знала, кто это такой, понимала лишь, что он стигиец и, вероятно, черный маг. Какое отношение имел он к ее дяде, никогда не бывавшему в Стигии, Белеза не представляла. Сейчас же ее больше заботила Тина, мечущаяся в жару и бреду.

Полночи просидела она над девочкой, кутая ее в одеяла из волчьих шкур, меняя компрессы и отирая холодной водой лицо и руки. Под утро Тина затихла, забывшись сном, заснула и Белеза.

В окне уже занимался рассвет, когда она проснулась второй раз за эту ночь — с острым чувством беды. Тина сидела в постели, таращась в темноту, как сова. В огромных ее глазах были напряжение и страх. Какой-то мерный звук доносился в комнату извне, но спросонья Белеза не могла понять, что это такое.

— Что ты, малышка? — Она слегка тряхнула Тину за плечо.— Что с тобой?

— Черный человек,— монотонно, как заклинание, произнесла Тина.— Черный человек бьет в черный барабан в черном лесу. Бум-бум-бум. Он высвистит ветер, и нас поглотит море. Он поднимет на нас волны, морские чудища и подземные твари выйдут все из нор своих — на нас, на нас, на нас...

— Тина, опомнись! — зашептала Белеза в ужасе. Она никогда не видела у своей воспитанницы такого лица.

А девочка меж тем говорила, все так же невидяще уставясь в ночь кошачьими глазами:

— Слушайте, о, слушайте, кара миа, я расскажу вам одну историю. Жила была на свете девочка, и звали ее Тхемнетх, что значит «обещание», и кто была ее мать, не помнил никто, ибо женщины в Стигии дешевле камешков на морском берегу, и каждый может купить себе какую пожелает, а получив сына, выгнать ее из дома. Если рождается девочка, мать забирает ее с собой, и отцу нет до нее никакого дела. Но когда родилась Тхемнетх, звезды особенно ярко светили над Стиксом, и все черные кошки Луксура собрались на ступенях дворца ее родителя, и все белые совы расселись на крыше. И слышно было во всем городе, как ухают совы и мурлычут кошки. Мать оставила ее на мраморных ступенях, на мраморных ступенях дворца оставила она ее и ушла, и черные кошки и белые совы пришли посмотреть на

Тхемнетх. Отец ее был великий маг, и той ночью он проснулся и вышел, ибо ночь была полна волшебством. Он увидел ребенка и кошек, черных кошек богини Сохмет, и понял, что не обычную девочку родила ему женщина, чье имя он забыл, едва она ушла, а верховную жрицу храма Сохмет Львиноголовой. Жрицы богини — не женщины, их никогда не узнал ни один мужчина, а если отважится на это какой-нибудь безумец, перестанет быть мужчиной навсегда. Раз в столетие рождается в безлунную полночь новая верховная жрица, и всегда об этом знают звезды, совы и кошки. И отец Тхемнетх взял девочку в дом и стал воспитывать ее, как подобает воспитывать будущую великую жрицу. Великая радость царила в луксурском храме Сохмет, ибо прежняя верховная жрица дряхлела и некому было передать ей свою душу. Когда Тхемнетх исполнилось два года, ее посвятили Львиноголовой, и через десять лет она должна была надеть белые одежды верховной жрицы. День в день в Посвящение прежняя жрица умерла, и у Тхемнетх стало две души. Душа старой жрицы несла в себе души всех прежних жриц, и все они поселились в Тхемнетх, и поначалу она хотела вырвать себе сердце, так это было страшно. Вы слушаете меня, госпожа моя?

— Да,— еле слышно прошептала Белеза, завороженная рассказом и недетским взглядом девочки.

— Прошло четыре года из десяти, и старый царь Стигии умер. Среди жрецов Черного Круга отец Тхемнетх был одним из первых. Он мог заморозить солнечный свет и превратить воду в песок, сровнять с землей горы и воздвигнуть за ночь пышные дворцы. Ему служили многие демоны, дети Нергала. С юных лет у него был соперник — не по умению и искусству, а по жажде власти. Звали этого мага Тот-Амон. Был он зол, жесток и неуемен втрое против всех остальных ревнителей Круга. Он был могущественным магом и главой Круга, но все же не столь могущественным, как отец Тхемнетх. И не желал мириться с тем, что кто-то превосходит его, повелителя Темных Сил. Их соперничество переросло в настоящую вражду, и в конце концов, не в силах совладать с моим отцом магическими средствами, он подослал к нему обычных убийц с заговоренной сталью. Но мало радости доставило ему это убийство. Ревнители Круга были так возмущены, что объединились против него и изгнали из страны. А Тхемнетх поклялась отомстить за отца... Тот-Амон знал, что не сможет вернуться в Стигию, пока дочь его уби-

того врага стоит перед престолом Львиноголовой в луксурском храме, ибо даже Сет, Владыка Мрака, избегаст гневить свою грозную мать. И однажды ночью он выкрал маленькую Тхемнетх из дома, в котором она жила, умертвив ее служанок и евнухов. Он лишил ее девственности, чтобы больше никогда не смогла она стать жрицей, и продал шемитам. Тхемнетх истекала кровью целую луну, но выжила. Но кому нужна женщина шести лет, с душой тысячи старых жриц? Ее продавали за все меньшую и меньшую цену, пока не купила ее домья Белеза из Зингары и не сделала родной дочерью. Понравилась вам моя история, кара миа?

— Девочка, бедная моя девочка,— только и смогла сказать Белеза, обнимая ее напряженные плечи.— Забудь все это, забудь, как дурной сон!

Тина наконец взглянула на заплаканное лицо Белезы.

— Я хотела забыть. Что я могу теперь, где моя сила? Все сгорело. Я почти забыла. Но он пришел. Он снова пришел в мою жизнь и снова рушит ее. Слышите?

Белеза прислушалась. Монотонный звук, который она вначале приняла за шум дождя за окном, доносился все отчетливее. Как будто где-то далеко били в гулкий барабан. Ритм то нарастал, то замедлялся, складываясь в подобие мелодии.

— Черный человек творит черное колдовство в черном лесу. Скоро волны и камни обрушатся на нас,— сказала Тина очень спокойно.

Белеза выглянула в окно. Светлеющее небо заволакивали тучи. Они шли словно со всех сторон, сталкиваясь и перемешиваясь, набухая бурей. Первая молния блеснула в небе, и Белеза не успела сосчитать до трех, как оглушительный раскат грома накрыл форт.

— Корабль! — дико закричала Белеза.— В бухте на рейде стоит корабль! Его разобьет о скалы, и мы никогда не выберемся отсюда!

— Я думаю, того ему и нужно,— мрачно сказала Тина.— Тогда, на берегу, он узнал меня, но теперь, как он думает, я — ничто, и не против меня его чародейство. Но он будет рад погубить вместе с графом и всех, кто окажется поблизости.

— Но нельзя же так сидеть, надо что-то делать!

— Что? — обреченно спросила девочка. Теперь она снова выглядела той старой больной обезьянкой, какой ее впервые увидела Белеза.

— Я пойду подниму Зароно! Пусть спасает свой корабль!

Белеза решительно распахнула дверь.

— Стойте! Стойте, моя домья, я с вами! — закричала девочка.

Это был крик самого обыкновенного ребенка, который боится остаться один в темноте в штормовую ночь. Белеза облегченно вздохнула. Она уже начинала побаиваться своей воспитанницы, но теперь перед ней была прежняя Тина.

— Тогда одевайся скорее.

— Вам тоже надо надеть что-нибудь теплое,— заявила девочка, натягивая свое шерстяное платье.

— Да, я возьму меховой плащ.

Прикрыв дверь, Белеза направилась было к нише с одеждой, но замерла на полушаге.

— Кто это? — прошептала она.

По коридору жилого крыла кто-то шел. Половицы не скрипели у него под ногами, шорох шагов был едва слышен, словно шепот в осенней листве. Тяжелые сапоги солдат стучали гораздо громче, да и не мог идти в такой час по жилому крылу ни один солдат. Комната Гальборо находилась в другом конце коридора, шаги дяди Белеза знала наизусть. Судя по размеренности походки, это был все-таки мужчина, но мужчина совершенно невесомый. Белеза попыталась заглянуть в замочную скважину, и в этот миг черная тень проскользила мимо ее двери. Девушка буквально примерзла к полу, не в силах ни пошевельнуться, ни вздохнуть. Тина скрючилась на кровати, держа башмак в руке.

— Это он! — одними губами прошептала она.

Шаги удалялись в сторону спальни графа. Белеза собрала все силы, чтобы крикнуть, как-то предупредить, но не смогла выдавить из себя даже мышиного писка. В полном оцепенении слышала она, как черный человек тихо смеется под дверью графа, а затем уходит — так же неслышно, как и пришел. Глаза Белезы стали совершенно круглыми от ужаса, холодный пот выступил на лбу. За этим призраком, как шлейф за модным платьем, тянулся страх — страх, леденящий кровь и душу, страх изначальный, могильный.

Опомнившись, Белеза бросилась вон. Осторожно подергала ручку двери дядиной комнаты: заперта. «Надеюсь, он не может ходить сквозь стены»,— прошептала Белеза. Пережитый ужас рвался наружу желанием немедленно что-нибудь предпринять. Новая молния перечертила небо. В коридор выскочила уже совершенно одетая Тина, в руках у нее был теплый меховой плащ.

— Вот, наденьте, кара миа.

Надев плащ и взяв девочку за руку, Белеза решительно зашагала по коридору к «гостевой» комнате. На самом деле комната эта делалась на случай появления тяжелобольных, за которыми нужен ежечасный уход. Но годилась вполне и для гостя. У двери Белеза глубоко вдохнула и постучала — с видом человека, ныряющего в холодную воду.

Никто не отозвался, и Белеза постучала сильнее. За дверью послышалось ворчание, затем Белеза услыхала довольно внятное раздраженное «Да!».

— Вставайте, дом Зароно! Вставайте, иначе лишитесь корабля! — крикнула Белеза срывающимся голосом.

Не укоротился огарок ее свечи и на палец, как Зароно был уже на ногах и одет.

— Что происходит? — воскликнул он, выскакивая за дверь.— Это вы, домья Белеза?

— Да, скорее, капитан! Посмотрите, что творится на море! Это не простая гроза, надо немедленно отвести корабль от берега, иначе его разобьет, как разбило нашу галеру!

— Клянусь огненной колесницей Митры, вы правы! Что за шутки шутит Нергал с вашим дядей? Бегите скорее к себе, я немедленно иду на берег.

— Скорее Сет, чем Нергал,— возразила Белеза.— Капитан, я никуда не пойду. Вы возьмете меня с собой. Я не такая избалованная дурочка, какой кажусь на первый взгляд. Но я не могу оставаться в этом доме, это выше моих сил. Уж лучше утонуть в море!

У Зароно от изумления округлились глаза.

— Да вы с ума сошли, дорогая моя домья Белеза! Об этом не может быть и речи...

— Иначе я сброшусь вниз головой со сторожевой башни,— твердо сказала девушка, и, взглянув ей в лицо, капитан понял, что она не шутит.

— Тогда не стоит терять времени,— просто сказал он и, не оборачиваясь, помчался вниз по лестнице. Белеза и Тина не отставали от него ни на шаг.

Грохот черного барабана слышался теперь отовсюду. Туча, пожирающая самое себя, ярилась над фортом клубящейся тьмой. Ветер упал, воздух словно сгустился, еле проходя в горло. Но форт спал, словно зачарованный. Не горел ни один фонарь, спала, опираясь на копья, стража у ворот. Белеза ахнула, когда увидела створки распахнутыми настежь.

— Да что же здесь такое происходит, тысяча саблезубых акул?! — пробормотал в недоумении Зароно.— Конец света?

Новый раскат грома поглотил его последние слова.

— Скорее! — прокричала, задыхаясь, Белеза.— У вас на корабле наверняка творится то же самое! — Она махнула рукой в сторону лагеря на берегу. Оттуда не доносилось ни звука, всех охватил колдовской сон. Даже уголья в костре перестали мерцать, словно тоже оцепенели.

Толкнув в воду шлюпку, Зароно помог Белезе и Тине сесть, вскочил сам и сел на весла. От разряженного надменного гранда не осталось и следа. Перед Белезой сидел решительный, сильный мужчина, уверенно ведущий тяжелую шлюпку наперерез поднимающимся волнам. Темные его глаза горели упрямством, поднявшийся ветер трепал черные волосы. Такой Зароно нравился Белезе гораздо больше, чем изящный насмешник. Шлюпка стукнулась о борт галеры.

— Благодарение Митре, что спущен трап,— заметил Зароно зло.— Моих бездельников мы бы не докричались до Судного дня. Прошу вас, юные девицы, добро пожаловать на «Славу Зингары».

Оказавшись на палубе, Зароно велел им уйти в его каюту, а сам бросился разыскивать оставленных на судне матросов. Белеза еще успела услышать залп отборнейшей ругани, с которым капитан спускался на гребную палубу. Галера ходила ходуном на волнах, так что Тина и Белеза поспешили сесть и вцепиться во что-нибудь руками.

И тут разразилась буря неведомой силы. Растолкав пинками и проклятиями спящих матросов, Зароно успел поднять якорь прежде, чем нос галеры ушел под воду, когда она взвилась вверх на гребне первой волны, обрушившейся на берег. Раздавая пинки и команды, сдобренные лавиной брани, Зароно развернул галеру к ветру, и она нехотя, то и дело взлетая на исполинских волнах, пошла прочь из заколдованной бухты.

— Шевелитесь, ослы, если не хотите завтракать нынче с Нергалом! — ревел капитан, навалившись с еще одним матросом на руль.— Вытравить большой парус! Косые долой! Вы, шестеро, не спите на веслах, вы не в гареме Имрехана!

Словно сквозь пелену тумана, глушащую все звуки, слышала Белеза его гортанные крики. Когда галера вознеслась и провалилась на второй волне, она, не удержавшись, упала, стукнулась обо что-то виском — и больше уже ничего не помнила.

Очнулась она от вкуса вина на губах.

Белеза открыла глаза.

Первые лучи солнца озаряли верхнюю палубу «Славы Зингары». Белеза лежала на горе шелковых подушек, перед ней, коленопреклоненный, стоял Зароно с бокалом в руке.

— Вам лучше? Ну и напугали же вы меня, бесстрашная домья!

— Должно быть, просто ударилась обо что-то. Где мы?

— Всего лишь в сотне полетов стрелы от бухты Корвеллы,— ответил Зароно, помогая ей встать.— Взгляните.

Корабль едва покачивался на легкой утренней волне, теплый ветерок шевелил волосы. Тем ужаснее и неестественнее выглядело то, что творилось в бухте. Огромная туча висела над берегом, меж кипящим небом и обезумевшим морем метались молнии. Грохот громовых раскатов слышался в отдалении.

— Какой ужас,— потрясенно вымолвила Белеза.— Мы ведь могли сейчас быть там..

— Но мы здесь — благодаря вам,— поклонился ей капитан.— Примите мое восхищение, домья Белеза. А, вот и наша маленькая обезьянка!

Сияющая Тина подбежала и привычно ткнулась в бок хозяйке. Белеза обняла ее за плечи.

— Барабан смолк! — радостно объявила девочка.— Не пройдет и утро, как буря стихнет!

6

КАРТА

Скинув рубашку, пояс и штаны, рулевой «Красной Руки» плескался в ручье, поливая ледяной водой горячую голову. Странная буря, разразившаяся над бухтой Корвелы, прошла над соседним заливом небольшим дождичком, и капли воды уже высохли на траве и листьях. Солнце стояло в зените, было душно и жарко. Немудрено, что ему захотелось пить после трехчасовой прогулки вдоль берега. Сколько ему еще топать? Нету здесь ничего похожего на скалу среди леса, ну хоть ты тресни, а нету. Капитан просто свихнулся на этом грязном клочке пергамента. Что можно разобрать среди этих загогулин? И даже если — если — все это не чей-то дурацкий розыгрыш, то кто поручится, что сокровища все еще лежат в этой треклятой пещере, а не в чьих-нибудь карманах? Выходя из лагеря, Гоэрций был полон энтузиазма, но за

три часа бестолкового блуждания в самый солнцепек пыл его заметно угас.

Наконец он вылез из ручья, отфыркиваясь и тряся головой. Вода текла с волос тонкими струйками по голой спине, приятно холодя кожу. Не открывая залепленных мокрыми волосами глаз, он вслепую потянулся за рубашкой — и обнаружил, что на ней кто-то стоит. Он отскочил, как отскакивает мирно спящая на дороге собака, едва ее бока коснется колесо телеги. Резким жестом откинув волосы, он воззрился на призрак Траникоса, носком сапога попирающий его одежду.

— Чур меня,— пробормотал Гоэрций, складывая пальцы в знак, оберегающий от зла.— Сгинь, пропади! Мне не надо твоего золота! Убирайся обратно в пасть Нергалу, скройся!

— Что это ты, аргосский пес, и разум потерял вместе со штанами? — насмешливо поинтересовался призрак.

Этот низкий голос, выговаривающий зингарские слова с мягким северным акцентом, пират не мог спутать ни с чьим другим.

— Эк ты вырядился, киммерийский козел,— протянул он, растягивая губы в гнусную ухмылку.— Раскопал приданое своей прабабушки?

Наряд «киммерийского козла» и в самом деле выглядел несколько старомодно: широкие бархатные штаны с обилием золотого галуна, высокие сапоги с отворотами, красный кушак, шелковая, сплошь в кружеве и вышивке, рубашка.

— Да, одна из моих прабабок поплавала капитаном на барахской галере. Кажется, как раз у нее твой дед на корме нужники чистил,— невозмутимо ответил киммериец и вынул из ножен меч.— Смотри-ка, какая славная безделушка сыскалась в ее девичьем сундуке! Не пора ли нам свести счеты, вонючая отрыжка Нергала?

Побагровев от ярости, кормчий метнулся к вороху одежды и выхватил собственный меч.

— Твоя прабабка спала в пещере с горным козлом, когда мой дед был капитаном! — прошипел он.— И мне не терпится унюхать, так ли противно воняют твои кишки, как семя того козла!

Этого ему говорить не стоило. Конан, сведя брови, сделал один-единственный выпад — и получил удовольствие наблюдать, как Гоэрций, выпустив из ослабевшей руки меч, падает на колени, зажимая локтем живот.

— Добрая сталь, клянусь печенью Крома и твоей, вываливающейся сейчас на песок. Ведомо ли тебе, непочти-

тельный аргосский пес, что кхитайский воин, получив на совершеннолетие меч, пробует его на первом же крестьянине, и тот, умирая со вспоротым животом, обязан поблагодарить небеснорожденного за то, что именно его он выбрал для проверки своего оружия? — наставительно изрек Конан, вытирая клинок рубашкой Гоэрция.— Не худо было бы и тебе поблагодарить меня — твоя кровь первая на этом мече! Что ты там хрипишь, ничего не пойму.

Рулевой «Красной Руки» силился что-то сказать, но из горла у него вырывались только невнятные сиплые звуки. Наконец он дотянулся до своей одежды, выхватил из тряпок какой-то клочок и попытался засунуть себе в рот. Но до рта он его не донес. Кровь хлынула у него горлом, и пират боком повалился на горячий песок.

— Ну-ка, что это ты попытался сожрать под конец,— пробормотал Конан, разжимая пальцы мертвеца.

— Благодарение великому Митре, ты жива и невредима! — уже в третий раз восклицал граф, оглядываясь на Белезу. Они сидели в Большом зале за поздним обедом, но граф почти ничего не ел. Если не считать нескольких сорванных крыш, буря не нанесла форту урона,— он стоял высоко над морем, и волны, как ни были огромны, его не достали. Корабль граф счел, конечно, разбившимся, и был очень огорчен этим обстоятельством, но он едва не сошел с ума от горя, когда служанка сообщила ему, что Белеза исчезла, и вместе с нею исчезли Тина и Зароно. И каковы же были всеобщее изумление и восторг, когда «Слава Зингары» показалась на горизонте как ни в чем не бывало! Зароно немедленно рассказал графу о том, какую роль сыграла Белеза в спасении корабля, и Валенсо только головой качал: он никак не ожидал в своей хрупкой воспитаннице такой решительности и отваги.

— Правда, большей частью парусов и мачтой пришлось пожертвовать,— заключил Зароно свой рассказ.— Теперь мы еще задержимся на какое-то время для ремонта.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Мои люди в вашем распоряжении, Зароно. А теперь, Белеза, не хочешь ли ты немного отдохнуть после подобных приключений?

— Это означает, что вам нужно поговорить с Зароно наедине, да, дядюшка? — улыбнулась Белеза.— Но я пойду. Это все для меня и в самом деле оказалось... немного слишком.— Кивнув мужчинам, она удалилась к себе.

— Пойдемте выйдем на берег,— предложил Зароно.— У меня действительно есть что сказать вам.

В бухте кипела работа. Под несколько потрепанную галеру подкладывали бревна, вытаскивая ее на берег для ремонта. Теперь уже было не различить, где люди графа, а где — матросы Зароно. Глядя на эту суету и оживление, Зароно проговорил:

— Я восхищен вашей племянницей, граф. Удивительная девушка. Скажите, вы не смеялись надо мной вчера, когда заявили, что я могу рассчитывать на ваше согласие, если попрошу ее руки?

— Нет, не смеялся,— мрачно ответил Валенсо.— Ей — да и всем моим людям — нужно как можно скорее уехать отсюда. Вы ей, похоже, нравитесь, особенно после вчерашней бури. Она просто глаз с вас не спускает.

Зароно с беспокойством взглянул графу в лицо — тот не шутил.

— Тогда еще один щекотливый вопрос, благородный дон. Если угодно, на правах будущего родственника.— Валенсо поморщился, но смолчал.— Почему вы так упорно хотите остаться здесь один — без рабочих, без защитников, без слуг? Что это была за невиданная буря, обрушившаяся только на вашу бухту? О каком черном человеке говорила вчера эта обезьянка, любимица Белезы?

— Это целых три вопроса,— усмехнулся Валенсо краем рта.— Но вы правы, ответ на них один. И он очень прост. У меня старые счеты с одним стигийским колдуном, Тот-Амоном. Он, как вы уже могли убедиться, могущественнейший маг. Когда-то давно мы повздорили, и он поклялся отомстить. Я надеялся, что на море он не сможет меня выследить в облике призрака: духи не могут путешествовать по воде, а сам он пуститься за мною в погоню не захочет. Но, видно, его жажда мести сильнее, чем я думал. Он здесь, и нынешняя ночь тому доказательство. Довольно мне бегать от него, я встречу наконец свою судьбу, какою бы она ни была... Но мои домашние не должны пострадать,— твердо заключил он.

— Но у нас с вами в общей сложности двести с лишним человек! — воскликнул Зароно.— Неужели мы все не сможем справиться с каким-то колдуном...

— Бросьте, дель Торрес. Вы не помните, что было ночью? Все спали, как младенцы. Все до единого, и ваши бойцы также. За что тут можно ручаться, на что положиться?

Что мы против волн и ветра? Против изощренной магии? — Он помолчал и тихо проговорил: — Признаться вам, я безумно боюсь. Но это еще не значит, что меня заставят праздновать труса и прятаться за чужие спины.

Зароно не нашелся с ответом.

— Смотрите-ка! — воскликнул вдруг граф, указывая на горизонт.— «Красная Рука» Строма! Отзовем людей? — Дель Торрес сощурился, разглядывая входящий в бухту корабль.

— Он почти не поврежден,— процедил капитан сквозь зубы.

— Везет мерзавцу! Нет, людей мы отзывать не будем. Нас сейчас втрое больше, вряд ли он осмелится атаковать. Пойдемте узнаем, что ему надо!

Светловолосый гигант спрыгнул на песок и уверенно зашагал к зингарцам.

— Эй, гранды! Как насчет еще раз попробовать договориться? — окликнул он хозяев.

— Если договориться — милости просим,— насмешливо ответил Зароно.— А если получить стрелу в голову, так лучше и не пробовать, по-моему.

— Ну, во всяком случае, я безоружен, если не считать меча. Но с ним я не расстанусь даже перед рогатой мордой Нергала!

— Что вам угодно на этот раз, капитан Стром? — холодно спросил граф, прерывая обмен любезностями.

— То же, что и раньше, но с некоторыми изменениями! — расхохотался аргосец.— В последнюю нашу встречу, граф, я полагал, что у вас нет корабля, зато есть сокровища. Теперь я думаю, что у вас есть корабль и карта, но все еще нет сокровищ. У меня же есть лишь сотня головорезов, которая устроит вам кучу неприятностей, едва вы выйдете в море. Разумеется, при честном дележе ничего подобного не случится.

— Карта? — удивленно переспросил граф и взглянул на Зароно.

— Ну разумеется, карта! Пикты, как известно, не носят сапог! — Стром снова расхохотался.— Прямо сейчас я предлагаю следующее: впустить меня в дом и угостить стаканом вина. Мне плохо даются обсуждения при пересохшей глотке.

— Но твои люди останутся в шлюпке,— быстро проговорил Зароно.— Ты пойдешь один.

— Ну разумеется! Если граф Валенсо даст мне слово, что я выйду из форта таким, как вошел, ни один из моих людей не ступит на берег.

— Это в их же интересах,— предупредил Валенсо.— Я даю вам слово, капитан.

В напряженном молчании троица проследовала все в тот же Большой зал. Здесь к ним присоединился Гальборо. Граф распорядился принести вина и с мрачным видом сел в свое кресло. На галерею тихонько пробрались Белеза и Тина, сев так, чтобы все видеть и слышать, но самим при этом оставаться невидимыми.

Стром, залпом осушив свой кубок, немедленно перешел к делу.

— Насколько я понимаю, уже все знают о драгоценностях старого Траникоса,— заявил он.— Более того, ты, Зароно, завладел моей картой. Все мы хотим получить часть золота, причем каждый, разумеется, рассчитывает на большую часть...— Он обвел собравшихся насмешливым взглядом.

— Не объяснишь ли ты мне вот какую вещь,— щуря темные глаза, сказал Зароно.— Если у тебя все это время была карта, во имя каких милостей Митры ты тянул столько времени?

— А у меня ее и не было! — радостно сообщил Стром.— Старика-то, как выяснилось, подколол Зингелито. Но у него не было ни корабля, ни команды, пока он наконец не сманил в эту бухту графа. Но к тому времени один из моих людей выкрал карту и принес ее мне. Это было как раз на исходе лета, так что я еще ждал всю осень, зиму и весну, пока не кончатся шторма. И вот я наконец высаживаюсь здесь — и обнаруживаю форт графа Валенсо! Ну что я мог еще подумать? Разумеется, я стал требовать доли.

— А что заставляет тебя думать, что сокровища все еще в пещере? — все так же щурясь, спросил Зароно.

— То, что вам все-таки нужна карта, чтобы до них добраться! — ответил капитан «Красной Руки», по-видимому очень довольный своей прозорливостью.— Иначе зачем вам понадобилось выслеживать и убивать Гоэрция, моего рулевого? Я послал его просто на всякий случай, найти отмеченное место, а в два часа пополудни нашел его труп, почти перерубленный пополам и раздетый до последней нитки! Не пикты же это сделали, там поработала добрая сталь и хорошая выучка. Итак,— заключил он,— у вас есть карта, но нет сокровищ. Лохань Зароно не один месяц простоит в ремонте после этой бури. Так что у меня есть корабль, которого — почти — нет у вас. Валенсо располагает припасами и лагерем. Я предлагаю объединить все это и разыскать наконец сокровища!

— Но все население форта и люди Зароно не поместятся на вашем корабле, капитан Стром,— возразил Валенсо.

Стром расхохотался.

— За кого вы меня принимаете? Тысяча хвостов Нергала! Чтобы я, располагая силами в сто человек, пустил к себе на борт двести пятьдесят зингарцев? Я еще не сошел с ума. Отсюда уедут лишь граф с племянницей и Зароно с двадцатью наиболее дорогими ему людьми. Не более того.— Широкая ладонь капитана хлопнула по столу.— Ни одним человеком больше.

— Это исключено,— отрезал граф.

— Ну, в таком случае,— осклабился Стром,— остается в силе мое прежнее предложение. Если мне выделяют часть сокровищ, я позволяю всем, кто пожелает, беспрепятственно уйти отсюда. Если нет — пойдете на дно вместе со своим золотом.

— Как ты думаешь,— вкрадчиво проговорил Зароно,— что помещает нам сейчас захватить тебя как заложника и держать на нижней палубе, пока мы не уйдем достаточно далеко?

— Честное слово графа Корзетты,— широко улыбнулся великан.— Кроме того, мои ребята предупреждены именно на этот случай. Если я не вернусь в положенный срок, они снимутся с якоря — и поминай как звали. А потом непременно подстерегут вас.

— Кажется, я поторопился обещать этому негодяю неприкосновенность,— проворчал Валенсо из своего кресла.

— Да, ваша светлость, это вы дали маху,— кивнул Стром с довольной ухмылкой.

— Да уж, пожалуй, клянусь Кромом!

Этот голос раздался прямо под галереей, и Белеза, рискуя привлечь внимание, невольно вскочила, чтобы увидеть его обладателя. Незнакомец был одет странно, но удобно, Белеза отметила богатство ткани и полное небрежение хозяина своим костюмом. Вошедший был черноволос, синеглаз и просто огромен. Ширина его плеч поражала, но еще больше поражала в нем грация огромной кошки, что скользит неслышной тенью в желтой траве.

«Он пришел со стороны жилых покоев, как он попал туда? — в смятении подумала Белеза.— И вообще, как он попал в форт?» Она крепче прижала к себе Тину, глядя на незнакомца во все глаза.

Первым очнулся Зароно.

— Амра! — закричал он.— Ах ты, акулий корм! А мы оплакивали тебя всей «Розой», когда Ромеро выловил в южных морях хвост и лапы твоей тигрицы. Ты баловень Бела, старый мерзавец!

Хохоча, эти двое отвесили друг другу по хорошему тумаку. С Зароно мигом слетела вся его чопорность, он с мальчишеской улыбкой обернулся к остальным.

— Господа, позвольте вам представить самого прославленного воина всего Туранского материка, Конана из Киммерии, моего злейшего друга и лучшего врага.— При этих словах оба расхохотались, припомнив историю их знакомства. Исполнив долг вежливости, Зароно принялся тормошить «злейшего друга», желая немедленно знать все, что произошло с Конаном за истекшие три года:

— Где ты был? Куда девалась твоя «Тигрица»? И команда, которую ты так долго набирал? Почему ты не объявлялся в море? Мы считали тебя погибшим! Если бы ты видел, нечестивец, какую тризну мы тебе устроили!

— Надо думать, не худшую, чем я по своей команде — по кувшину барахского за каждого! — отозвался Конан.— Спасся я тогда один из всей сотни, а «Тигрицу» разбило в щепы. Прах и пепел! Сам не знаю, как я выплыл. Но об этом после. Что это у вас тут происходит, Зароно? Делите шкуру неубитого медведя? Не худо бы и мне налить того прекрасного вина, что у вас на столе.

Зароно тотчас наполнил опустевшие кубки.

— Видишь ли, мы тут приятно проводим время...

Но его оборвал резкий голос графа:

— Как вы сюда вошли? Разве вы не понимаете, Зароно, там, где прошел он, могут пройти и пикты...

— О нет, уверяю вас! — отозвался дель Торрес.— Ни один пикт не обладает ростом достаточным, чтобы перелезть через частокол. Нет, там, где прошел Конан, вряд ли пройдет кто-нибудь, кроме него.

Белеза, затаясь на галерее, буквально пожирала глазами огромного киммерийца. Она, конечно, была наслышана о бесчисленных и фантастических подвигах этого человека, и даже если эти истории были правдивы хотя бы наполовину, перед ней, лениво развалясь в кресле, сидела живая легенда. Не так давно в Зингаре часто упоминали это имя, называя его еще Амрой, что значит Лев. Заговор «Белой Розы» еще был жив в людской памяти, а Конан принимал в тех событиях самое непосредственное участие.

— Так что вам здесь надо? — все так же холодно спросил Валенсо. Он не одобрял вооруженных переворотов.— Вы пришли с моря?

— Нет, я шел через все Пустоши. Так получилось, что я вдруг перестал быть нужен королю Нумедидесу, и мне пришлось бежать из Аквилонии. И всю весну и начало лета я провел в вересковых пустошах.

— Среди пиктов? — ужаснулся Зароно. Как все зингарцы, он не понимал и боялся этого низкорослого народа, умеющего слышать, как растет трава и шевелится ветер в своей берлоге.

— Это не так трудно, как кажется, хотя мне, киммерийцу, приходилось порой несладко. Но если ты их не трогаешь и соблюдаешь простейшие правила чужака, они обычно не трогают тебя.

— Это правда,— заметил Валенсо тоном ниже.— И все же, зачем вы здесь?

Киммериец пожал плечами:

— Прах и пепел! Да просто у меня, кажется, та самая карта, о которой вы все это время спорили.

Он запустил руку в карман и извлек обрывок пергамента, испещренный непонятными линиями и крестиками.

— Моя карта! — взревел Стром.— Откуда она у тебя?!

— Случайно. Я убил твоего рулевого, у меня с ним старые счеты,— широко ухмыльнулся Конан.

— Ах ты, зингарский петух! — накинулся Стром на Зароно.— Так ты мне лгал, у тебя ее никогда и не было!

Зароно Альварес дель Торрес высокомерно вскинул брови.

— Кажется, вы обвиняете меня во лжи? Потрудитесь припомнить, мой капитан, что идея, будто бы у нас есть карта, принадлежит полностью вам.

— Ну, чтобы пресечь все ваши споры...— Быстрым движением Конан скомкал пергамент и кинул его в горящий камин. Все повскакали с мест, невозмутим остался один Зароно. Он хорошо знал своего приятеля и только улыбался в усы. Отшвырнув навалившегося на него Строма, киммериец с грохотом выложил на стол ножны с мечом.

— А ну сидеть! — рявкнул он.— Я еще не договорил. И ты сиди на месте, помесь паука и ехидны! Думаешь, я не узнал тебя? Ты — Гальборо, приятель Зингелито. Это ведь вы вдвоем три года назад послали королю Боссона сердца пяти его дочерей, когда он сказал, что не в силах заплатить тот выкуп, который вы требуете.

Валенсо в изумлении переводил взгляд с Конана на своего домоправителя.

— По какому праву...— начал было он, но осекся. Побледневшее, испуганное лицо Гальборо без слов свидетельствовало, что сказанное пришельцем — правда.

— У тебя ведь есть какой-то план, верно? — весело поинтересовался Зароно, наблюдая за всем этим с явным удовольствием.

— Нет, никакого плана у меня нет, у меня есть только вот это! — так же весело ответил Конан и продемонстрировал собравшимся свой пергамент, извлеченный им из последнего сундука.— Кром свидетель, это был конец нелегкого пути! — И, пока собравшиеся жадно изучали собственноручную запись Траникоса, он вкратце рассказал, в основном обращаясь к Зароно, о том, как его пленили пикты, как он бежал и как его гнали трое суток, пока не загнали на скалу. Умолчал он только о демоне, стерегущем камень.

— Это самый красивый алмаз, какой я когда-либо видел,— сказал он под конец.— Наверное, поэтому старый Траникос до сих пор не в силах уйти оттуда. Да, да, клянусь молниями Митры, так они и сидят там за круглым столом, словно вчера умерли. Они даже не допили бутылку, ее прикончил я. Порывшись в сундуках, я нашел, как видите, кой-какую одежонку и дня три после этой скачки только ел и спал, больше не делал ничего. Потом стал понемногу выбираться к морю, а после вчерашней бури увидел в своей бухте караку Строма. Я решил подобраться поближе к лагерю — и столкнулся нос к носу с Гоэрцием. Он явно не ждал меня увидеть, сперва даже принял за призрака. Ну, там у родничка мы и решили, кому из нас быть призраком.

— Что вы не поделили? — мрачно поинтересовался Стром.

— Одну девушку,— коротко ответил варвар и жутковато улыбнулся.— Карту я, наверное, и не заметил бы, если бы он не попытался ее съесть перед смертью. Трудновато было опознать на ней мое убежище, но я рассудил, что это и должна быть карта сокровищницы Траникоса, вряд ли их тут две. Я подобрался к лагерю и был очень обрадован тем, что где-то поблизости находится Зароно. А потом я услышал Строма, обещавшего вырезать Зароно глаза за то, что он убил его кормчего и завладел картой. И я понял, что здесь будет полезно мое присутствие. Так что, похоже, добычу придется все-таки делить на четыре части,— весело заключил он.

— Я отказываюсь от своей доли в пользу Зароно,— вставил граф.— Мне золото уже не понадобится.

— Думаю, будет справедливо заметить, что мы его еще не нашли и не перенесли в форт,— сказал Зароно.— Делить, в сущности, еще нечего. Мы доставим сокровища в форт и тогда посмотрим, кому сколько причитается. Вы согласны со мной, граф?

— Наиболее разумное предложение из всех,— кивнул Валенсо.

— А ты, Стром?

— Согласен. Поскольку вы занимаете форт, мы разобьем лагерь на берегу. Я могу хоть сейчас взять дюжину человек и отправиться за золотом.

Зароно бросил быстрый взгляд на киммерийца. Губы Конана улыбались, но в синих глазах притаилось напряженное внимание. «Он рассказал не все»,— подумал зингарец и заявил как мог небрежно:

— Не думаю, что вот так сразу следует идти туда большим отрядом. Сначала надо осмотреть скалу, определить, как оттуда все вынуть... Амра сказал, что щель при входе очень узка — быть может, в нее не пройдет ни один сундук.

— Кром! — воскликнул Конан.— А ведь верно, приятель! Об этом я не подумал.

— Ну, вы можете идти вдвоем, а я шагу не сделаю без своих людей,— заявил капитан Стром.

Скосив глаза, Зароно увидел едва заметный кивок Конана и пожал плечами:

— Пожалуйста, бери хоть две дюжины.

— На том и договоримся.

— А есть ли в этом доме еще вино? Клянусь Митрой, я пил одну воду, пока скитался в лесах.

Валенсо распорядился принести еще вина и поднялся.

— Что ж, пожелаю вам удачи. У меня много дел в форте, поэтому с вами я не пойду. Но с удовольствием посмотрю на золотые безделушки и Око Змея — когда вы их принесете.— Отдав общий поклон, он вышел.

— Так тот сверкающий камень зовется Око Змея? — негромко спросил Конан у Зароно.

— Да, и, говорят, обладает большой магической силой.

— Подавись им Нергал. Самое по нему имечко.

Допив вино, мужчины ушли. Белеза встала, чтобы тоже идти,— и вдруг заметила, как Гальборо юркнул обратно в зал, плотно прикрыв за собою дубовую дверь. Воровски оглядевшись, он бросился к камину и принялся шарить в золе. Найдя брошенный Конаном кусок пергамента, теперь съежившийся и обугленный, он аккуратно разгладил его,

внимательно изучил, а затем, растерев хрупкий лист меж пальцев, выскользнул из зала. Никто, кроме Белезы и Тины, его не видел.

— Кто мог подумать, что он окажется такой дрянью! — в сердцах сказала Белеза.— Ведь он знал об этом кладе!

С самого начала их пребывания в бухте Корвелы Гальборо был единственным человеком, который отваживался уходить в лес на сутки или двое. Домоправитель утверждал, что изучает расположение деревень пиктов.

7

ПЕЩЕРА И ДЕМОН

Послеполуденный зной заставил всех бросить работу и забраться в тень. Суета на берегу стихла, женщины разошлись по домам, забрав сонных детей, мужчины дремали подле огромного корабля Зароно. Даже стража у ворот сняла шлемы и отставила в сторону тяжелые копья.

В двадцати полетах стрелы от берега покачивалась на мелкой волне «Красная Рука». Зловещие ее паруса были убраны, и даже она в мареве летнего зноя выглядела мирно, как галера какого-нибудь мессантийского купца. Капитан Стром отобрал из команды пятнадцать человек, которым не доверял менее, чем всем остальным, и отправился по берегу на поиски клада — вместе с Конаном и Зароно. Ему пришлось выдержать немало упреков со стороны своих людей после неудачной атаки форта и потери карты, но близкая пожива примирила команду с большими потерями. И все же пираты были очень близки к бунту, и Стром Заячья Губа это знал. Знал это и Конан, подслушавший несколько разговоров в лагере, и не замедлил рассказать об этом Зароно, пока Стром отбирал людей для похода.

— Быть может, этим следует воспользоваться,— кивнул дель Торрес, выслушав друга.— Только прежде надо убрать самого Строма.

— Кром! Это произойдет быстрее, чем ты думаешь! — усмехнулся Конан.— Не спеши входить в пещеру первым, а то мне придется и за твою голову вылить в себя кувшин барахского, а где я его здесь найду?

Зароно потребовал было объяснений, но тут приплыла шлюпка Строма, и разговор пришлось оборвать. Из окна

кабинета графа Белеза смотрела, как исчезает в лесу маленький отряд.

— Как вы думаете, они вернутся? — спросила она у дяди, не оборачиваясь. Последнее время ей боязно было смотреть на него: за эти два дня граф словно постарел на десять лет. Он старался держаться как ни в чем не бывало, а Белеза, мало что понимая, но ничем не в силах помочь, старалась делать вид, что ничего не замечает. Но, видит Митра, ей это нелегко давалось!

— Думаю, да,— ответил Валенсо, рассматривая чертеж новой мачты для «Славы Зингары».— Стром все-таки очень рассчитывает получить свою долю. Он побоится выступить против наших объединенных сил на суше. Но конечно, следует выждать не менее дня, прежде чем отправляться вслед за ним в море. Худо только, что у нас может не быть этого дня...

— А что будет со мной? — спросила Белеза.

— С тобой, дитя мое? О чем ты? Мое решение не изменилось.— Он взглянул на Белезу неожиданно лукаво.— А твое? Тебе по-прежнему не нравится Зароно дель Торрес?

— Ах, дядя, не дразните меня,— сказала Белеза тоном капризной девочки, и граф усмехнулся.— Скажите мне лучше, какое отношение вы имеете к Тот-Амону?

Валенсо вздрогнул. Встал из-за стола, подошел к племяннице.

— Ты что-то о нем знаешь. Что?

Взгляд и тон его были так настойчивы, что Белеза, не удержавшись, рассказала ему о страшной ночи, которую пережили они с Тиной. Вспоминая ледяной холод темной тени, прошедшей по коридору, Белеза всхлипнула и расплакалась. В конце концов, она была еще совсем девочка.

— Что ему от нас надо? — повторяла она.— Почему он не хочет оставить вас в покое?

Граф, обняв ее за плечи, ласково гладил затылок девушки.

— Какими только грехами не отмечена юность! Когда я был молод и глуп, меня снедали гордыня и жажда власти. Твой отец был старшим в семье, и майорат отходил ему, я же, как все младшие сыновья, мог рассчитывать только на свои силы. И я решил, что сам завоюю себе свое маленькое графство, пусть его подарит мне сам король за военные и иные подвиги. Я был молод и глуп, повторяю, и все средства казались мне тогда хороши, если хороша цель. Для

того чтобы начать свое стремительное продвижение вверх, мне нужно было убрать с дороги одного-единственного человека. Но этот человек был влиятелен и известен, я не мог просто зарубить его мечом на темной улице. И я, глупец, обратился к Тот-Амону, который тогда был чем-то средним между магом и шутом при дворе зингарского короля. Он согласился помочь — за большие деньги, разумеется. Он вызвал демона, смердящее дыхание Нергала, и это чудовище истребило всю семью знатного гранда, истребило с бессмысленной жестокостью. Я, хотевший совершенно другого — скажем, хорошо подстроенного несчастного случая, ужаснулся, когда узнал, что по моей вине погибли женщины и дети. Может быть, именно за этот грех наказал меня Митра, не дав своей семьи... Разыскав Тот-Амона, я обрушил на него град упреков и заявил, что, если он немедленно не уберется из страны, я так или иначе с ним разделаюсь. Его золото я швырнул ему под ноги. Он зашипел, как тысяча змей, но ничего не сказал. А я все же добился, чтобы его выслали из страны,— со смертью соперника я быстро оказался в милости у короля. Тот-Амон уехал, но поклялся отомстить мне за дерзость и свое изгнание.

Граф вздохнул.

— Что же дальше? — спросила Белеза.

— Дальше? Дальше он начал мучать меня — не сразу, нет. Сперва он возвратился на родину — почему, ты уже и сама знаешь — и снова стал там могущественным колдуном, первым в Черном Круге. Лет семь назад я в первый раз увидел его призрак — в своем доме, в углу спальни. С тех пор не проходило и года, чтобы он не явился мне в самый неподходящий момент. Он виделся мне всюду: в горящем камине, в блеске алмазов, в полированной стали, в каплях росы. И меня перестали радовать веселые язычки огня, сияние драгоценностей, добрая сталь и утренняя роса... В конце концов я узнал, что призраки не в силах путешествовать по воде, и на водной глади ни один маг не прочтет оставленных следов. И тогда я решил уплыть куда-нибудь как можно дальше из Зингары. Но он все же выследил меня. Остальное ты знаешь.

— Он опасен? — испуганно прижимаясь к широкому плечу дяди, спросила Белеза.

— А ты забыла вчерашнюю бурю? Он опасен, как клубок ядовитых кобр, ночью забравшихся под твое одеяло.

Узкая звериная тропа, по которой вел их Конан, извивалась и петляла, так что вскоре матросы, непривычные к лесу, потеряли всякое понятие о направлении.

— Проклятый киммериец! — проворчал Стром, но так тихо, что его услышал только идущий рядом Форст, его старший помощник и лучший стрелок в отряде.— Нарочно петляет, чтобы нам потом было без него не выбраться!

Конан вдруг резко остановился и нагнулся к самой земле.

— Видишь этот след, Зароно? — спросил он, указывая на четкий отпечаток подкованного сапога на влажной земле.— Кто-то побывал здесь часа за два до нас! Может, твою карту. Рваная Губа, видел кто-нибудь еще, кроме кормчего? — Стром в ответ на это только что-то прорычал.

— Пойдемте быстрее,— сказал Зароно.— Выясним все на месте.

Тропа становилась все уже, кусты ежевики и лещины тесно смыкались по обеим ее сторонам. Ветви хлестали пиратов по лицу, колючки впивались в руки и цеплялись за одежду. Все были уже вконец вымотаны и злы, когда лес вдруг расступился и перед ними вырос гранитный утес, на первый взгляд совершенно неприступный.

— Вот тут начинается тропа, по которой я мчался, когда меня гнали пикты,— сказал Конан, указывая, по мнению пиратов, на сплошную стену леса с другой стороны прогалины.— Они не так уж далеко, поэтому ведите себя потише. А вот здесь,— он ткнул пальцем вверх,— подъем к пещере с сокровищами. Наверх пойдем только Стром и мы с Зароно. Нас троих вполне хватит, чтобы поосмотреться и выяснить, какие сундуки пройдут в лаз, а какие — нет.

— Еще чего! — крикнул Стром, немедленно ощетиниваясь.— Вас двое на меня одного! Клянусь кишками морского змея, неплохо придумано! Нет уж, я возьму Форста!

— Бери,— усмехнулся киммериец.— Веселее будет.

Один за другим они вскарабкались на гранитный карниз и вверх по ступеням. Конан пропустил вперед Зароно, проскользнул сам — а вслед за ним протиснулись в щель барахцы.

— Ну вот,— сказал Конан с хозяйским жестом, когда успокоились мыши.— Здесь стоят сундуки с одеждой, золотом и оружием, а главные ценности и камень — за той дверью.

Дверь в пещеру была приоткрыта, и Конан невольно нахмурился: он хорошо помнил, что плотно запер ее за собой. Стром и его помощник деловито направились к двери, а Зароно вдруг очень заинтересовался сундуком с оружием.

— Великий Митра и все демоны утробы Нергала! — ахнул Стром, увидев сияющий камень. Он огляделся, равнодушным взглядом скользнув по сидящей вокруг стола шайке Траникоса.— Мертвецы... Эй, а это что такое?

Зароно поднял голову от сундука, у Конана в глазах загорелся тревожный огонек.

— Гальборо, клянусь морскими сиренами! Еще теплый! Что здесь, Нергал побери, происходит?

Не теряя времени, Конан втолкнул в пещеру Форста, с порога глазевшего на камень, и захлопнул за ним дверь. Зароно подскочил к нему, и вдвоем они вцепились в медное кольцо, удерживая барахцев внутри. Какое-то время спустя по пещере прокатился могучий рев, словно вздохнул вулкан, и все стихло.

— Открой дверь,— велел Конан приятелю.— Только не входи.

На полу пещеры лежали Стром и Форст, посиневшие, с вывалившимися языками. Чуть поодаль лежал Гальборо. Очертания демона еще держались в воздухе, и Зароно успел увидеть, как угасают его красные глаза.

— Что это было? — содрогнувшись, спросил он.

— Кром побери! Конечно, хранитель камня! Какой-нибудь старый-старый стигийский демон, специально к нему приставленный. Видно, пока камешек был у принца, в демоне не было надобности, а как Траникос украл его да положил в пещеру, так он сразу и объявился. Ты же знаешь поговорку: спрячь в скале клад, и лет через двести непременно найдешь на нем дракона!

— Да-а,— протянул Зароно.— Не спорю, камень прекрасен. Но пусть, пожалуй, лежит на прежнем месте. Как ты думаешь, Амра?

— Точь-в-точь так же.

— Ладно. Со Стромом расправился демон, что теперь будем делать мы?

— Выскочим наружу, крикнем: «Спасайтесь!» — и убежим в форт. Эти выродки морского змея совсем не знают леса, и те, что спасутся от пиктов, выдут к форту нескоро. А мы вернемся с людьми и понемногу перетащим то золото, что в сундуках.

— А что делать с «Красной Рукой»?

— Я заберу ее себе,— широко ухмыльнулся Конан.— Вместе с остатками команды. Я уже давно подумывал вернуться в море.

Зароно расхохотался.

— И ты еще говорил, что у тебя нет плана! Клянусь молоком Иштар, ты продумал каждую мелочь! Ну хорошо, давай так и сделаем. Только постарайся изобразить хоть какой испуг вместо улыбки сытого тигра!

С воплями «Демон в пещере! Стром убит! Спасайтесь! Демон!» старые друзья выскочили на карниз, кубарем скатились с утеса и умчались по той тропе, которой пришел отряд. Барахцы застыли, ничего не соображая. Кто-то кинулся вслед за убежавшими, но большая часть отряда осталась и полезла в пещеру. Увидев задушенного капитана и сотника лучников с распухшими, посиневшими лицами, с глазами, вылезшими из орбит, пираты отшатнулись назад и покинули скалу так же поспешно, как до них Конан с Зароно.

Но никто из них не имел ни малейшего представления, в какой стороне находится форт или хотя бы берег.

Солнце садилось.

Белеза шила, Тина задумчиво смотрела, как погружается в море кроваво-красный диск и тянется к берегу золотая дорожка. «Красная Рука» казалась совсем черной на ее сияющем фоне. И вдруг на золотой глади появилась еще одна точка. Она росла, стремительно приближаясь, и уже можно было разглядеть стоящего в ней человека. У него не было ни весла, ни паруса, но лодка неслась по лазурной воде, разбивая золото солнечной дорожки, словно невидимая сила подгоняла суденышко. Край черного одеяния незнакомца летел по ветру.

— Кара Белеза! — испуганно вскрикнула Тина.— Вот он! Черный человек! Он плывет прямо к форту!

— Надо предупредить дядю!

Белеза вскочила и бросилась вон, но у порога оглянулась:

— Сиди здесь, ни в коем случае не выходи!

Лодочка не ткнулась в песок, а замерла неподвижно у самой кромки воды. Услышав новость Белезы, граф распорядился немедленно отозвать всех в форт и запереть ворота.

— Он может сжечь нам корабль,— пробормотал Валенсо.— Ну да пусть. Жизни моих людей мне дороже.

Но черный незнакомец неподвижно стоял в своей лодке, не пытаясь выйти на берег, словно дожидался, пока уляжется суета и все крысы затаятся в своей крысоловке.

Наконец над фортом прозвучал его низкий, немного звенящий голос:

— Валенсо-и-Медозо-и-Лусия да Корзетта! Ты хорошо меня слышишь?

— Прекрасно, Нергал тебя побери,— проворчал себе под нос граф. Негромкий голос черного мага эхом отдавался в каждом уголке форта, его слышали все до единого.

Послышался мелодичный смех, словно колдун услышал ворчание графа.

— Это хорошо! Тебе нет нужды напоминать, кто говорит с тобою? Отвечай!

— Нет,— буркнул граф, и снова услышал его черный маг, стоящий в лодке у самого края берега.

— И это хорошо. Ты, как я узнал, подбираешься к сокровищам Траникоса? Думаю, тебе следует сначала познакомиться с их стражем! Я пошлю его к тебе, очень скоро. Но пикты будут здесь еще скорее. Какой-то отряд барахцев напал на их деревню. Наверное, пираты сошли с ума! Убивать без разбора детей и женщин, как нехорошо! Они сослужили мне службу и теперь мертвы, утыканные каменными стрелами, но вся деревня идет на форт. Готовьтесь! Они близко!

Снова прозвучал его смех, и лодочка медленно отчалила. И тотчас из леса донесся вой и выкрики.

На расчищенное пространство перед фортом выбежал человек. За ним, отставая шагов на десять, выскочил из леса другой. Со всей скоростью, на какую способны сильные мужчины, бегущие не первый час, эти двое мчались прямо к форту.

— Это Зароно и Конан! — узнала их Белеза.— Дядя, скорее вели открыть ворота!

Двое беглецов влетели в форт и повалились на землю, задыхаясь.

— Пикты! — хрипло вымолвил наконец Зароно.— Огромный отряд пиктов прямо у нас на плечах! Они словно взбесились!

— Много их? — озабоченно спросил граф.

— Более чем достаточно, чтобы мы все оказались в утробе Нергала нынче же ночью! — ответил Конан.— Людей к бойницам! Зажечь все факелы! Мы не сможем драться в темноте!

Валенсо поморщился: этот пришелец отдавал команды, словно форт принадлежал ему. Но команды были верные, и он начал распоряжаться.

Вскоре форт был уже готов к любому штурму. Быстро темнело. Лес превращался в сплошную черную полосу на гребне утесов. Люди напряженно ждали. Вой погони слышался все ближе.

И вдруг стена леса словно зашевелилась. Из нее с криками и угрозами высыпала огромная толпа дикарей. Туча

стрел обрушилась на частокол. Защитники форта ответили дружным залпом, и первая кровь хлынула из ран на землю. Этой ночью песку бухты Корвелы предстояло побуреть от крови.

Солнце последний раз взблеснуло над горизонтом и скрылось в море. «Красная Рука», двинувшаяся было к берегу при появлении Конана и Зароно, быстро развернулась и скрылась за мысом.

8

СНОВА КОРАБЛЬ

Стремительно сгущались сумерки. Мерцающий свет сотни с лишним факелов озарял побоище. На частокол, как волна на берег, шла бесконечная лавина бородатых полуголых воинов с горящими как у волков глазами. Здесь была не одна деревня, похоже, все побережье Пустошей ополчилось на чужестранцев, твердо вознамерившись стереть ненавистный форт с лица земли.

Раз за разом накатывала на крепость волна маслянисто блестящих в свете факелов тел — и отступала, оставив позади убитых, чтобы снова нахлынуть с еще большей яростью.

Защитники форта отвечали слаженными залпами и пока несли очень небольшие потери, но люди начинали уставать, к тому же стрелять в темноте становилось все труднее. На помосте у ворот все чаще приходилось мечами отбрасывать самых проворных, уже карабкавшихся на частокол.

Зароно и Конан сражались плечом к плечу слева от ворот, и остро стесанные стволы перед ними были уже черны от крови. Гора трупов таращилась на них от подножия частокола, по ней, как по лестнице, взбирались живые.

— Как долго это еще может продолжаться, Амра? — крикнул Зароно в минутной передышке между атаками.

— Если мы удержим форт до утра, мы выиграли,— ответил Конан, отсекая чью-то смуглую руку, вцепившуюся в частокол.— Смотри, что это? Они бегут! Клянусь Кромом! Они бегут, словно увидели...

— Нашего знакомого демона,— договорил Зароно голосом, в котором жизни было не больше, чем в желтом осеннем листе. Никто, кроме них, не заметил во тьме наплыва-

ющую дымную фигуру. Только глаза-уголья горели двумя бешеными огнями, отмечая путь призрака.

— Что здесь надо этому ублюдку Сета? — выругался Конан.— Чтоб его придушил его же родитель! Как он вырвался из пещеры, дохлого волка ему в пасть?

— Ему нужен Валенсо. Ты разве не слышал, что мне рассказал солдат у ворот? Его вызвал Тот-Амон. Вон, смотри, граф увидел его и уходит в Главный дом. Он обречен, я думаю... Эй, берегись!

Пропустив призрака пещеры, пикты с радостными воплями снова бросились на частокол. Конан одним быстрым ударом отсек голову воину, уже занесшему над ним свой топор.

— Но ведь, разделавшись с грандом, он, чего доброго, полезет и на нас! — прокричал киммериец, рубя мечом направо и налево.

— Это потом, сейчас и так есть чем заняться,— пропыхтел Зароно, не отставая от друга. Пикты сыпались с частокола, как спелые яблоки с веток.

— Белеза! — выкрикивал граф.— Белеза!

Девушка выбежала ему навстречу.

— Белеза, девочка моя, час мой близок. Благослови тебя Митра. Забирай свою Тину и уходите отсюда скорее. И посмотри, чтобы никого не было в Главном доме, пока ЭТО не уйдет.

— Что — это? — не поняла Белеза. Слезы стояли у нее в глазах, она смотрела на все происходящее словно со стороны или во сне, плохо соображая, что же именно происходит.

— Беги, родная моя!

Девушка кивнула, но явно не поняла ничего. Все же она отправилась в свою комнату и нашла там Тину, во все глаза глядящую на бой у ворот.

— Такого еще не бывало! — возбужденно воскликнула она, увидев госпожу.— Поднимемся на крышу, кара миа! Оттуда будет гораздо лучше видно!

Белеза была словно окутана какими-то липкими нитями. Постепенно от всего виденного ею за этот день осталось одно: она должна в полночь спуститься в Большой зал и встретиться с посланцем черного мага, чего бы ей это ни стоило. Она не знала, откуда в ней это желание, не понимала, почему ей вдруг стало безразлично все остальное —

даже Тина, даже смерть родного дяди. Но до полуночи было еще время, и она ответила девочке, упорно тянущей ее за руку:

— Давай.— И добавила, неожиданно для самой себя: — Дядя ушел в Большой зал, в доме никого нет, никто не помешает.

Они поднялись наверх. Отсюда весь форт был виден как на ладони. Тина, чуть ли не поскуливая от возбуждения и азарта, прыгала на самом краю.

— Так их! Задай им! У-у, гадкие пикты!

Между тем атаки дикарей начинали ослабевать. Наконец все пикты до единого отступили и затаились. Обе стороны переводили дыхание и подсчитывали убитых. И вдруг Тина, заскучавшая без событий, вгляделась во тьму и дернула Белезу за рукав:

— Кара миа, смотрите, что это там такое?

Обойдя форт со стороны моря, отряд пиктов каким-то чудом вскарабкался по скале, почти отвесно возвышавшейся над песчаным берегом, и короткими перебежками приближался к не охраняемой части частокола.

— Они сейчас ворвутся в форт! — завизжала девочка.— Надо предупредить!

И в этот миг пикты у ворот с новыми силами бросились на врага. Снова закипел бой, защитники не видели и не слышали ничего, кроме звона стали и воплей пиктов.

— Где сейчас может быть дядя? — задумчиво, словно в пространство, спросила Белеза.

— Вы сами сказали, моя домья,— удивленно ответила Тина.— В Большом зале.

— Ах да. Ну так беги, скажи ему, что пикты заходят с тыла.

Тина, ни секунды не медля, помчалась вниз. Белеза подумала, что ее час уже близок, и тоже направилась к Большому залу. Она шла медленно, откинув назад гордую голову и прикрыв глаза. Так идут обкуренные ядовитыми травами девушки, предназначенные в жертву Сету, когда в сопровождении жрецов они выходят из храма и приближаются к жертвенному костру, горящему на главной площади Луксура.

Внизу раздался пронзительный крик Тины. Белеза вздрогнула, словно очнулась от сна, и пошла быстрее. Тина закричала еще раз, пронзительно и страшно, и Белеза по-

бежала. Как могла она отправить девочку прямо в пасть чудища, поджидающего в зале последних отпрысков рода Корзетты?

Яростный вал пиктов удалось наконец отбросить назад. И тогда Конан и Зароно услышали пронзительный детский крик, донесшийся из Главного дома.

— Они прорвались с тыла! — взревел Конан.— Туда, гвардейцы! Если они подожгут форт, всем нам конец!

Два десятка хорошо вооруженных гвардейцев и десяток лучников помчались на западный край форта. Из Главного дома выбежала Белеза — растрепанная, с порванной юбкой, на оборку которой она впопыхах наступила, с круглыми от ужаса глазами и смертельно бледным лицом.

— Зароно! — кричала она.— На помощь!

Зингарец немедленно сорвался с места и побежал ей навстречу. Конан выругался и спрыгнул вслед за ним с помоста.

— На помощь! — задыхалась Белеза.— Мой дядя... Тина... О, великий Митра!..

Мужчины, догадавшись, что демон добрался до графа и вскоре примется за всех остальных, ринулись в дом. За ними, всхлипывая, поплелась Белеза.

Пробежав по узким коридорам, Зароно и Конан оказались в Большом зале. И замерли, пораженные.

На полу зала, скорчившись и держась руками за горло, хрипел граф Валенсо. У дальней двери, ведущей к лестнице на второй этаж, стояла Тина. Но нет, это была не Тина, это была Тхемнетх, Великая Жрица, Несущая Тысячи Душ. Она была бледна, по подбородку у нее текла струйка крови из прокушенной губы. Повелительно вытянув тонкие руки с растопыренными пальчиками, она выкрикивала слова стигийского языка, а в центре зала, у камина, извивался в невидимых путах демон. Силясь пробить магическую паутину, он метался из стороны в сторону, выл и расшвыривал кресла.

— Малышке не справиться одной! — крикнул Зароно, но Конан успел ухватить его за руку.

— Стой, зингарский глупец! Сталь это чудище не берет!

— А что его берет?

— Серебро! — то ли ответил, то ли выкрикнул Конан и, подскочив к столу, ухватил огромный семисвечник.— Получи, Сетово отродье!

Со всей силы он швырнул литой шандал прямо в голову демону. Дымное чудовище пошатнулось, теряя равновесие,— и тут же его в грудь ударил второй семисвечник, пушенный Зароно.

С оглушительным ревом, корчась и извиваясь, демон, опрокинувшись на спину, рухнул прямо в камин, на горящие угольях.

— Серебро и огонь! — триумфально проревел Конан.— Этим ты подавился, выродок!

Демон, теряя форму, рванулся из сети последним усилием — и обрушил на себя камин, проломив прочную каменную кладку. Посыпался щебень, покатились камни, в последний раз сотряс стены рев чудовища — и все стихло.

Граф, еще не вполне оправившийся, встал на четвереньки, мотая головой. Зароно помог ему подняться на ноги.

— Вы спасли мне жизнь, господа,— прохрипел он.

— Не мы, а вот эта маленькая обезьянка,— сказал Зароно, подходя к девочке, без сил осевшей на пол. Дель Торрес взял ее на руки.— Что за сила таится в тебе, малышка?

Тина молчала, только помотала головой.

— Отдайте ее мне,— потребовала подошедшая Белеза.— Я вам, конечно, очень благодарна обоим, но на ребенке лица нет.

Зароно без возражений отдал ей Тину, и Белеза ушла, крепко прижимая к себе свое сокровище и бормоча что-то о теплой ванне и мягкой постели.

— Что творится в форте? — спросил граф уже почти своим голосом.

— Пикты! — расхохотался Конан.— Творятся и множатся! Когда мы уходили, они пытались прорваться с моря. Я отослал туда отряд, но чем кончилось дело, Нергал его знает.

Когда они вышли во двор, оказалось, что бой окончен. Зашедшие с тыла пикты не успели опомниться, как на них вылетел отряд воинов с мечами и в надежной броне. Очень скоро они были перебиты. Видя такой оборот, оставшиеся в живых предпочли скрыться в лесу. Форт устоял. Можно было наконец вздохнуть и заняться ранами.

Наутро зингарцы, к своему удивлению, не обнаружили вокруг форта ни одного мертвого тела. Пикты за ночь успели бесшумно собрать убитых. Двадцать искалеченных трупов тех воинов, которые приняли смерть внутри частокола, Валенсо велел вынести к краю леса и положить на чистых

холстах. Там же зингарцы оставили две корзины яиц, корзину фруктов и тушу быка.

— В стычке были виноваты не они,— заявил Валенсо.— Я чувствую себя обязанным хоть как-то извиниться.

Зароно презрительно фыркнул, но Конан буркнул:

— Правильно, клянусь Кромом! — и зингарец промолчал.

Утро было в самом разгаре, когда дозорный на башне вдруг закричал, указывая в море:

— Корабль! Корабль!

— «Красная Рука»? — удивленно вздернул брови Зароно.— Я думал, что пикты нагнали на них довольно страху.

Но показавшийся на горизонте корабль шел под белоснежным парусом, и ярко горела на солнце позолота его ростры. Валенсо, Конан и Зароно поднялись на смотровую площадку.

— Прах и пепел! — вскричал киммериец, у которого были самые острые глаза.— Аквилонец!

— Кажется, здесь пора закладывать город-порт,— проворчал Валенсо.— Корабли слетаются в эту бухту, как пчелы на мед.

— А кстати, Амра,— спросил Зароно,— ты так и не рассказал, что делал у Нумедидеса. Вы, кажется, не поладили?

— Ну,— с неохотой протянул Конан.— После нескольких побед моего отряда над пиктами меня заметили в Пуантсне. Потом я очень скоро оказался при дворе. Нумедидес сделал меня военачальником и всячески отличал. А потом вдруг, после боя под Велитриумом, мне подсыпали сонное зелье на победном пиру. Клянусь Кромом, я ни разу еще не оказывался в такой дурацкой ловушке! Алкимедис, книжник, подошел ко мне тогда и попросил высказать свои соображения по поводу... как же это он сказал, старая чернильница... а, «необдуманности действий в качестве способа правления государством». Можно было догадаться, что он пытался предупредить. Но к тому времени я был уже слишком пьян. И проснулся в цепях в каменном мешке!

— И бежал, конечно,— усмехнулся Зароно.

— Конечно, бежал. Но кроме как в вересковые пустоши, бежать было некуда. Друзья позаботились, чтобы у меня были и оружие, и добрый конь, но пикты позаботились обо мне еще лучше! — заключил он со смехом.

Тем временем корабль уже входил в бухту. На мачте его взвился флаг, и Конан присвистнул:

— Клянусь печенью Крома! Это не просто аквилонец, это корабль из Пуантена!

Они спустились вниз и вышли на берег. К ним присоединились неразлучные Белеза и Тина, увидевшие корабль из окна Главного дома. Тина снова превратилась в обычную девчушку, и ничто в ее облике не говорило о той силе, которая дремала где-то на дне ее детского существа.

Тридцативесельная галера аквилонцев была гораздо меньше и подвижнее больших зингарских или барахских кораблей и потому спокойно подошла к берегу, ткнувшись в песок носом с изящной рострой в виде единорога. На лодочную пристань зингарцев по спущенным сходням сошли четверо мужчин.

— Граф Просперо! — взревел Конан, устремляясь к ним.— И ты, Троцеро! Прах и пепел! Как вы здесь оказались?

На палубе галеры стоял высокий человек в развевающемся одеянии священника Митры. Тот, кого Конан назвал Просперо, указал на него и торжественно ответил:

— Тебя нашел Дектисиус. Он уверил нас, что ты жив и невредим, и привел прямо сюда!

Священник поклонился:

— Вся Аквилония призывает тебя, Конан из Киммерии! Народ восстал против деспота-короля! Во имя Митры, приди и возглавь народное воинство!

— Кром-воитель! Много же переменилось у вас за это лето! — Он обернулся к зингарцам.— Что ж, это только к лучшему, раз уж мне не досталась «Красная Рука» Строма! Золото Траникоса пойдет на служение Митре и народу Аквилонии. А что будет с вами?

— А мы, видимо, вернемся в Кордаву,— ответил Валенсо.— Довольно таиться. Да и Белезе давно пора вернуться в свет.

Девушка покачала головой.

— Нет, я выйду замуж за Зароно. Мы все решили нынче утром. Пусть моим детям не достанется майорат Корзетты, но у нас ведь остаются сокровища Траникоса.

Валенсо вдруг расхохотался.

— За три дня! Кто бы мог подумать! А как же каперство, моя девочка?

— Я убедилась, дядя, что даже самый благородный гранд не в силах избежать ошибок молодости,— лукаво ответила Белеза, вызвав всеобщий смех.— Мы ведь сможем и дальше жить одной семьей, правда? — умоляюще добавила она.

— Но Тот-Амон еще жив,— возразил серьезно Валенсо.

— Пусть только сунется, я ему задам! — встряла Тина, состроив свирепую рожицу.

Все засмеялись еще громче.

— Что ж,— заключил Зароно, отойдя с Конаном в сторонку,— все возвращаются. Я и в самом деле буду рад домашнему очагу и уюту...

— Ночному колпаку,— поддакнул Конан.

— Пусть и ночному колпаку. Мне уже тридцать пять, пора обзаводиться семьей. А ты, глава восстаний и вершитель судеб королей, когда наконец осядешь и заведешь жену и детей?

— Скажу тебе по секрету,— сказал Конан, воспользовавшись тем, что все тормошат и дразнят Тину, а Белеза сердито отбивается за обеих,— осесть я намерен на троне Аквилонии. Ни больше, ни меньше. Король Конан! Звучит, клянусь Кромом!

Волчий рубеж

1

Далекий тревожный рокот барабанов пробудил меня. Не двигаясь, я лежал в кустах, выбранных мной для ночлега прошлым вечером. Затаившись от постороннего глаза, я напрягал слух, соображая, откуда доносятся рокочущие удары,— в этом густом лесу было нелегко определить направление по отдаленным звукам.

Лишь мерный барабанный бой нарушал лесную тишину. Колючие ветви кустарника, оплетенные вдобавок вьющимися растениями, создавали надо мной непроницаемый темный свод. Из своего убежища я не мог видеть ни звезд, ни луны — вокруг простиралась сплошная тьма, черная и глухая, как ненависть врага. Но это вполне устраивало меня: если я почти ничего не вижу, то и сам остаюсь невидимым для чужих глаз.

Ритмичные барабанные удары начинали действовать мне на нервы; они продолжали звучать непрерывно, гулко и угрожающе: бух-бух-бух! — и снова: бух-бух-бух! Не приходилось сомневаться, что этот глухой тревожный рокот предвещает нечто ужасное. Ведь только один инструмент на свете мог издавать эти низкие мерные звуки — боевой барабан пиктов, в который колотят размалеванные дикари в набедренных повязках, варвары, из-за которых дремучие леса по ту сторону границы были полны смертельной угрозы.

© R. Howard, L. Sprague De Camp.

По ту сторону был сейчас и я. Один, без всякой надежды на помощь, укрывшись под колючими ветвями густого кустарника, я находился в чужом враждебном лесу, кишевшем полуголыми воинами; испокон веков они чувствовали себя хозяевами этих непроходимых джунглей.

Так! Наконец-то я разобрался, откуда доносятся ритмичные удары! Барабан бил на западе, и я решил, что расстояние до него было не таким уж большим.

Я внимательно проверил свое боевое снаряжение: потуже затянул пояс, на котором висело оружие, попробовал, легко ли выходит из расшитых стеклянным бисером ножен короткий кинжал; затем, убедившись, что все в порядке, я, извиваясь ужом и стараясь двигаться совершенно бесшумно, начал пробираться между колючками и острыми шипами кустарника в сторону неумолкающего барабанного боя.

Я был уверен, что этот ритмичный глухой стук означает что-то определенное, но вряд ли он возвещал о моем присутствии — меня обнаружить пикты еще не могли. И тем не менее зловещее «бух-бух-бух» несло угрозу и предвестие беды всем незваным пришельцам, осмелившимся вторгнуться на территорию дикарей, где на редких лесных полянах стояли их немногочисленные хижины. В рокочущих глухих ударах явственно слышались рев всепожирающего огня и шипенье градом сыпавшихся пылающих пиктских стрел, вопли, исторгаемые нечеловеческими пытками, и свист окровавленных боевых топоров, раскалывающих без разбора головы и воинов, и женщин, и детей. Это было поистине страшно!

Выбравшись из-под колючих ветвей, я в полной темноте осторожно пробирался между стволами гигантских деревьев. Время от времени, когда моего лица или напряженно вытянутых рук касалась какая-нибудь тонкая ветка, мне чудилось, что это хвост одной из тех огромных змей, смертельно опасных для человека, что обитают в этом лесу и, притаившись в древесных кронах, дожидаются добычи; эти твари молниеносно падали вниз и обвивались вокруг тела жертвы.

Но создания, которых выслеживал я, были куда опаснее самых смертоносных гадов. Я шел по верному пути: барабанный бой приближался, и теперь мне приходилось красться все осторожнее — как по острому лезвию ножа. Наконец в просвете между деревьями мелькнул красноватый отблеск, и сквозь грохот размеренных низких ударов я смог

различить приглушенное бормотание собравшихся у костра дикарей.

Там, на поляне, окруженной вековыми деревьями, происходила какая-то варварская церемония — значит, скорее всего, вокруг расставлены многочисленные дозорные. Я знал, как пиктские стражи умели сливаться с темнотой окружающей чащи,— их было невозможно заметить до того страшного мига, когда клинок или стрела вонзались в сердце незваного пришельца. При мысли, что я могу наткнуться на притаившегося часового, меня пронизала холодная дрожь. Однако я был уверен и в том, что, если не допущу неосторожности, ни один пикт не сможет разглядеть меня в царящей вокруг непроницаемой тьме: даже если б небо не было затянуто низкими облаками, свет луны и звезд не смог бы проникнуть сквозь густой шатер переплетенных ветвей.

Я спрятался за стволом гигантской лиственницы и всмотрелся в происходящее на поляне действо. Вокруг костра сидело около полусотни пиктов — мне были видны лишь неясные очертания их фигур. Их обнаженные — не считая набедренных повязок — тела были покрыты боевой раскраской. Мне удалось рассмотреть торчавшие в густых черных волосах соколиные перья, и по этому признаку я догадался, что дикари принадлежат к клану Сокола.

В центре поляны темнел грубо отесанный камень — примитивный пиктский алтарь. При виде его у меня прошел мороз по коже: однажды я уже лицезрел такой же камень, жирный от копоти и орошенный кровью. Тогда его не окружали люди, и мне еще не приходилось быть свидетелем тайного варварского ритуала, совершаемого вокруг подобных алтарей. Но я слышал о нем от тех немногочисленных счастливцев, коим удалось бежать из пиктского плена, и, когда я вспомнил их жуткие сбивчивые рассказы, меня снова пронизала неудержимая дрожь.

Между костром и алтарем извивался в причудливом танце шаман, в ритуальном одеянии из перьев, которые колыхались в такт его движениям. Лицо шамана прикрывала зловеще ухмыляющаяся маска, похожая на отвратительную морду лесного демона. У самого костра, в центре людского полукруга, сидел дикарь с зажатым между колен огромным барабаном. Он размеренно бил в него кулаком, извлекая из натянутой кожи тот мерный рокот, который был причиной моего пробуждения.

Между сидевшими вокруг костра воинами и дергающимся в танце шаманом стояла еще одна странная фигура — этот человек, конечно же, не принадлежал ни к одному из племен пиктов. Он был значительно выше любого из них, ростом примерно с меня, и кожа его, насколько я мог рассмотреть в неверном свете костра, казалась светлой. Но одет он был так же, как окружающие его дикари, в набедренную повязку и мокасины. Тело размалевано, в волосах — соколиное перо. Наверное, он был лигурийцем — одним из тех светлокожих дикарей, что немногочисленными племенами обитают в пиктских лесах и то воюют с ними, то заключают недолгий мир.

Кожа лигурийцев даже светлее, чем у аквилонцев, да и самих пиктов вообще-то нельзя назвать чернокожими — просто они смуглы, черноглазы и черноволосы. Однако народы, обитающие к востоку от Пустошей Пиктов, не считают белыми ни тех ни других — там принято думать, что истинно белым может называться только тот человек, в чьих жилах течет хайборийская кровь.

Пока я, затаив дыхание, наблюдал за происходящим у костра, дикари подтащили к огню еще одного человека — обнаженного окровавленного пикта, в растрепанные волосы которого было воткнуто сломанное перо, по которому я определил, что несчастный принадлежит к племени Ворона, находившемуся в смертельной вражде с племенем Сокола. Связав пленника по рукам и ногам, воины бросили его на алтарь. Я видел, как мышцы Ворона напряглись в тщетном усилии разорвать кожаные путы и опали: ремни были крепки.

Шаман продолжал свой дикий перепляс, одновременно производя руками затейливые жесты над алтарем с лежащим на нем обреченным человеком. Барабанщик еще яростнее заколотил в барабан, впав в настоящий транс. И тут с ветки стоявшего на краю поляны дерева в освещенный круг упала огромная змея — из тех, возможная встреча с которыми приводила меня еще недавно в такой ужас.

Извиваясь, она поползла прямо к алтарю; на ее чешуе играли отблески костра, холодно посверкивали бусинки глаз, длинный раздвоенный язык быстро сновал в узкой змеиной пасти. На сидевших вокруг костра воинов она, казалось, не обращала никакого внимания, они же оставались совершенно спокойны, что немало удивило меня, поскольку уж если пикты и боялись чего-то на этом свете, так только змей.

Добравшись до алтаря, гадина вползла на него и замерла, приподняв узкую голову. Движения пиктского колдуна замедлились — и тут, в такт с ним, затанцевала змея. Шаман издал жуткий сдавленный вой, напоминающий шум ветра, проносящегося сквозь заросли бамбука, а змея, поднимаясь все выше и выше над алтарем, внезапно начала обвиваться вокруг брошенного на камень пленника, причем размеры ее были столь велики, что сверкающие кольца полностью скрыли тело человека. На виду оставалась только его слабо подергивающаяся голова с переполненными смертным ужасом глазами.

Вой шамана сорвался на истерический визг, он сделал резкое движение рукой и бросил что-то в костер.

Огонь стремительно взметнулся вверх, из пламени взвилось и заклубилось над жертвенником причудливое облако, скрывшее на мгновение происходившую на алтаре отвратительную сцену. Потом очертания каменной глыбы словно дрогнули, поплыли, и я уже не мог разобрать в этих непостижимых изменениях, что же было змеей, а что — человеком.

Из груди собравшихся возле костра пиктов вырвался единый, полный благоговейного ужаса вздох, прозвучавший как легкое дуновение ветра в ветвях деревьев.

Дым постепенно начал рассеиваться. Змея теперь неподвижно лежала на алтаре рядом с пленником — почему-то я посчитал их обоих мертвыми. Шаман с усилием схватил гадину и сбросил ее на землю, потом стащил с алтаря и тело человека. Тот безвольно упал рядом со змеей, и колдун перерезал ножом кожаные ремни, после чего снова задергался в танце, плетя руками в воздухе причудливые узоры.

И тут пленник начал проявлять признаки жизни. Он попытался приподняться с земли — и не смог. Голова его судорожно подергивалась и безвольно перекатывалась из стороны в сторону, между полураскрытыми губами то появлялся, то исчезал язык. Потом — я непроизвольно вздрогнул от ужаса — он пополз в сторону, извиваясь всем телом, словно превратился в змею.

Гадина же, лежащая рядом с ним, содрогалась в резких конвульсиях. Она тоже попыталась приподняться с земли, но рухнула обратно. Снова и снова она безо всякого успеха порывалась встать на хвост, напоминая обезноженного человека, который, не осознавая этого, отчаянно желает подняться.

Тишину ночного леса разорвал дикий вой пиктов. Меня колотило от ужаса, к горлу неудержимо подкатывала тошнота. Теперь-то я до конца понял смысл кошмарного первобытного обряда, о котором раньше мне приходилось только слышать: шаман племени Сокола поместил душу плененного врага в тело змеи, а душу отвратительной гадины — в его тело! Такая месть была достойна всех демонов преисподней! А сидящие вокруг костра пикты испытывали истинное наслаждение от этого омерзительного действа!

Обе жертвы ужасного колдовства — человек и змея — беспомощно корчились на земле.

Затем в свете костра коротко блеснул зажатый в руке шамана клинок, и по земле покатились две головы. И — я не мог поверить своим глазам! — рептилия дернулась и затихла, тело же человека перевернулось на бок и начало судорожно извиваться, как будто это на самом деле была обезглавленная змея.

Глаза мои видели многое, но сейчас на меня накатила волна слабости; я чуть не потерял сознание. Неудивительно: какой нормальный человек может вынести столь устрашающее зрелище кошмарного первобытного колдовства?!

Другое дело пикты: ужасная сцена привела их в такой дикий восторг, что они показались мне в этот момент не людьми, а мерзкими порождениями мрака.

Шаман продолжал свой танец. Высоко подпрыгнув, он остановился перед полукругом воинов, сорвал с лица маску, запрокинул назад голову и завыл, словно голодный волк. Красноватый отблеск огня упал на лицо колдуна — и в этот момент я его узнал! Весь перенесенный только что кошмарный ужас, все вызывающее тошноту отвращение переродилось в жгучую ярость — и одновременно с этим как туман испарился мой здравый смысл, все разумные мысли о собственной безопасности, о моей миссии и долге перед своей страной. Потому что шаманом был старый Тейанога — давний и заклятый враг, предавший мучительной смерти множество наших людей. А кроме того, он сжег живьем на костре моего лучшего друга — Джота, сына Гальтера.

Всепоглощающая ненависть заставила меня действовать едва ли не инстинктивно, без участия сознания. Я вскинул лук и, наложив стрелу на тетиву, выстрелил, почти не целясь,— все произошло почти мгновенно. Свет костра был обманчив, но на таком расстоянии промахнуться я не мог —

у нас на Западной границе жизнь во многом зависит от того, насколько хорошо ты умеешь натягивать лук.

Тонко свистнула в ночном воздухе стрела, старый Тейанога взвыл, как гиена, и, зашатавшись, рухнул навзничь. Из груди шамана торчало оперенное древко стрелы. Моей стрелы! Пикты завопили от неожиданности, сидящий у костра светлокожий высокий человек стремительным движением вскочил на ноги, впервые повернувшись ко мне лицом. И тут — о Митра! — я понял, что то был хайбориец!

На какое-то мгновение я застыл, парализованный шоком, и это едва не стоило мне жизни. Все пиктские воины, как дикие кошки, ринулись ко мне, чтобы найти и покарать врага, выпустившего смертоносную стрелу. Они уже достигли края поляны, когда я пришел в себя и стремглав бросился в темноту, огибая стволы деревьев и уклоняясь от хлещущих по лицу ветвей, причем полагаться приходилось только на инстинкт и милость Светлого Митры, поскольку разглядеть в таком мраке я не мог ничего. Единственное, что давало мне надежду на спасение, это то, что выскочившие со света пикты не могли видеть во тьме оставляемые мной следы и вынуждены были преследовать меня так же вслепую, как я пытался от них убежать. Но я знал, что охотиться за мной они будут подобно стае волков — до тех пор, пока не настигнут добычу.

Я мчался по ночному лесу, сердце колотилось где-то под горлом от страха и возбуждения, да еще давали о себе знать впечатления от той кошмарной сцены, невольным свидетелем которой я был только что. И этот хайбориец... Его присутствие во время ритуала потрясло меня самым невероятным образом, ведь человек белой расы не может наблюдать за тайными обрядами пиктов и уйти живым, разве что ему посчастливится остаться незамеченным. Но тот, кого я видел, был вооружен — я заметил на его поясе кинжал и топор! Это совершенно не укладывалось у меня в голове и вызывало самые мрачные предчувствия.

При всем моем желании производить как можно меньше шума я, разумеется, время от времени все же натыкался на деревья; в непроглядной тьме и непролазной чаще избежать этого было невозможно, и мои преследователи ориентировались на эти звуки, поскольку видеть могли не больше моего. Я несколько опередил дикарей — сзади уже не слышались их дикие воинственные вопли, однако я знал, что

пиктские воины с горящими, как у волков, глазами сейчас растянулись широкой цепью и тщательно прочесывают лесные заросли. На мой след они пока еще не напали: если бы дикари почуяли, что жертва находится в пределах их досягаемости, из их глоток немедленно бы вырвался обычный боевой клич.

И тем не менее я чуть было не попался. Воин, заметивший меня, явно не был у костра на поляне — слишком намного он опередил своих собратьев. Скорей всего он был послан в дозор и рыскал по лесу, чтобы не допустить неожиданного появления врагов с севера. Дикарь мгновенно бросился за мной; видеть его я не мог, но явственно слышал приближающиеся стремительные шаги босых ног. Еще немного, и ему удалось настичь меня. Я выхватил кинжал, наугад взмахнул топором, он ударился о нож пикта... И тут мне неслыханно повезло: ринувшись вперед, мой соперник напоролся на выставленный клинок. Предсмертный вопль дикаря разорвал ночную тишину, и ответом на него был яростный рев его сородичей совсем неподалеку от места нашей быстротечной схватки. Теперь пикты завывали, как волки, нагоняющие свою добычу,— они наконец-то догадались, где она.

Мне пришлось совершенно забыть об осторожности. Спасти меня сейчас могли только быстрые ноги, а разобью я голову о ближайший ствол или нет, зависело лишь от милости Митры. Однако мне повезло: лес немного поредел, толстые деревья почти не попадались. Исчез и подлесок; сквозь ветви просачивался слабый лунный свет — видимо, ветер разогнал облака.

Митра, Податель Жизни, не оставил меня — охотничий рев моих преследователей, только что такой кровожадный и торжествующий, начал понемногу отдаляться. Пикты отставали; ни один из них не мог соперничать с белым в беге на большое расстояние. Неужели я спасен?! — промелькнуло в голове. Конечно, оставался риск, что я наткнусь на еще одного разведчика или дозорного дикарей, но ни один размалеванный воин так и не прыгнул на меня из темноты.

И вот наконец, продираясь сквозь густые колючие кусты опушки, я увидел впереди яркие огни — то была хорошо укрепленная цитадель Кваниара, южный рубеж обороны Шохиры.

2

Прежде чем продолжить рассказ о последующих кровавых событиях, я поведаю о себе и о том, почему той ночью я находился один в лесу пиктов, по ту сторону границы.

Мое имя Голт, сын Хагара, и я родился в аквилонской провинции Конаджохара. Два года назад пикты пересекли Черную реку и, напав на крепостцу Тускелан, охранявшую южный рубеж, вырезали там всех до единого, после чего начали охоту за поселенцами в долине Громовой реки. После этого Конаджохара снова превратилась в глушь, где обитали дикие люди, дикие звери и царили столь же дикие обычаи. Люди, ранее ее населявшие, вынуждены были бежать к западной границе — в Шохиру, Конавагу и Орисконию, или же еще дальше, на юг — к крепости Тандар, форпосту на реке Боевого Скакуна. Позже к ним присоединились те, кого перестала устраивать перенаселенность и условия жизни в их землях, и со временем здесь образовалась новая провинция — Тандар. Здесь ничто не напоминало размеренного и неторопливого существования во владениях короля и его баронов, что раскинулись на благодатных и плодородных Восточных Землях Аквилонии, Эти новые дикие места осваивали простые люди, они обходились без помощи нобилей и не терпели их вмешательства. И податей мы тоже не платили никому. Жители провинции сами выбирали Земельный совет, строили все новые укрепленные поселки и сами решали, когда объявить войну, а когда заключить мир. Угроза же вражеского нашествия была почти постоянной, поскольку прочного мира между нами и соседними пиктскими племенами Пантеры, Речного Крокодила и Змеи никогда не было.

Несмотря на тяжелые условия, наша маленькая провинция развивалась и процветала, и нас не очень-то интересовало, какие события происходят в плодородных Восточных Землях. Только случайно мы узнали, что в Аквилонии вспыхнула междоусобная война, что один из наемников поднял мятеж, желая свергнуть короля и захватить трон древней династии; искры этого пожара зажгли огонь и на границе, и теперь у нас сосед тоже выступал против соседа, брат — против брата, и сын — против отца. Аквилонские рыцари в блестящих доспехах сражались и погибали на равнинах королевства, а мне пришлось в одиночку пробираться че-

рез лесную глушь в Шохиру с известием, способным определить судьбу всего западного рубежа. И вот я наконец-то достиг своей цели!

Кваниара была небольшой крепостью — всего-навсего окруженной невысокой стеной деревянной казармой на берегу Кинжальной реки. В утреннем небе плескалось пурпурное знамя провинции Шохира, и я с удивлением заметил, что рядом с ним нет королевского стяга с изображением золотой змеи. Что бы это могло означать? Вообще-то очень многое или вовсе ничего: нам на границе всегда было не до соблюдения этикета, столь дорогого праздному люду с Восточных Земель.

Пересечь вброд Кинжальную было совсем нетрудно — в самом глубоком месте вода едва достигала пояса. Когда я вошел в поток, с противоположного берега меня окликнул дозорный в кожаной одежде лесного стража. Я ответил, что иду из Тандара.

Воин несказанно удивился.

— Клянусь Нергалом, ты, видно, сошел с ума! Какие демоны понесли тебя через лес? Или дело, приведшее тебя в Шохиру, столь неотложно?

Тандар находится в стороне от других провинций, и между нами и этой боссонийской землей лежат обширные густые леса. Помимо пути через лес существует и другая, значительно более безопасная дорога, но она идет в обход через несколько провинций и куда более длинна и утомительна.

Потом дозорный поинтересовался, что нового у нас в Тандаре. Я ответил, что и сам не знаю, потому что мне долгое время пришлось провести в разведке в лесах, где обитает племя Змеи. Это не было истиной, но я не имел точных сведений, на чьей стороне выступает в этой войне Шохира, и до поры до времени решил держать язык за зубами. В свою очередь я спросил стража, смогу ли увидеть в крепости Кваниара Хакона, сына Строма, и узнал, что тот, кого я ищу, отсутствует — отправился в город Тенитея, расположенный далеко на восток отсюда.

И тут дозорный разрешил мои сомнения.

— Надеюсь, Тандар так же, как и мы, держит сторону Конана-киммерийца? — спросил он.— Видишь, в крепости почти не осталось бойцов, и теперь приходится охранять границу лишь с горсткой лесных стражей. Что бы я ни отдал, только бы очутиться сейчас в нашем воинстве! Оно стоит

под Тенитеей, у ручья Огаха, и вскоре ожидается крупное сражение с войском Брокаса из Торха и его презренными приспешниками.

Я удивленно вытаращил глаза. Ведь барон из Торха был повелителем Конаваги, а никак не Шохиры, которой управлял граф Тасперас из Кормона.

— А где же Тасперас? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Наш владыка сражается за Конана! — Ответ лесного стража на этот раз был резким, и он посмотрел на меня подозрительным взглядом, как будто ему только что пришло в голову, что я могу оказаться шпионом.

Но мне хотелось выяснить еще один мучивший меня вопрос.

— Скажи, приятель, может ли в Шохире найтись хоть один человек, настолько связанный с пиктами, что принимает участие в их тайных церемониях? Да еще размалеванный, как они сами, и...

Я не успел договорить, увидев, что лицо лесного стража исказилось от ярости.

— Будь ты проклят! — едва владея собой, выкрикнул он.— Ты проделал этот путь лишь затем, чтобы нанести нам такое оскорбление?

Вообще-то он был прав: на западной границе нельзя было сильнее оскорбить человека, чем назвав его предателем. С моей стороны было не очень разумно задавать подобный вопрос, но, так или иначе, мне стало ясно, что страж ничего не знает о том светлокожем хайборийце, которого я видел у дикарского костра. Поэтому я поспешил заверить дозорного, что он неверно меня понял.

Успокоить его оказалось, однако, не так-то легко.

— Чего уж тут не понять,— буркнул он все еще дрожащим от гнева голосом.— Если бы не твоя темная кожа и южный акцент, я принял бы тебя за шпиона из Конаваги, и тебе пришлось бы держать ответ, приятель! Но даже если ты и не шпион, никто не давал тебе права так оскорблять людей Шохиры. Если бы я не стоял сейчас на посту, я сумел бы доказать тебе в достойном поединке, что в Шохире нет ни предателей, ни трусов.

— Я не ищу ссоры,— ответил я.— Но если тебе так уж неймется, то я еще некоторое время пробуду в Шохире, и ты, если пожелаешь, сможешь меня найти. Меня зовут Голт, сын Хагара.

— Не сомневайся, мы еще встретимся! — яростно выдохнул дозорный.— Запомни: я — Отхо, сын Корма! Меня знает каждый в Шохире!

С этими словами страж презрительно отвернулся и зашагал в сторону, продолжая свой обход. Одна его рука лежала на рукояти меча, другая крепко сжимала рукоятку боевого топора, словно он недвусмысленно давал мне понять, что прекрасно владеет обоими видами оружия. Я также продолжил свой путь, предусмотрительно огибая крепость, ибо мне не хотелось больше встречаться ни с дозорными, ни с разведчиками: никому неизвестного человека, в одиночку пробирающегося в город, действительно могли принять за шпиона. Конечно, в мирное время никому и в голову бы не пришло задерживать хайборийца, пересекшего границу, но теперь повсюду царит междоусобная вражда, и вполне возможно, что владетель Конаваги вторгся на земли своих соседей.

Перед фортом простиралось открытое пространство, ограниченное лесом, который стоял высокой зеленой стеной. Я придерживался опушки, и по пути в город мне удалось избежать нежелательных встреч, хотя я и пересек не одну тропинку, ведущую к нему. Наконец я увидел перед собой первые крыши домов Шохиры.

Этот пограничный город оказался на редкость красив; бревенчатые дома были выстроены добротно и со вкусом, встречались среди них и каменные, что у нас в Тандаре было большой редкостью. Однако меня удивило то, что вокруг Шохиры не было ни защитного рва, ни стены. В Тандаре мы строим дома, руководствуясь не столько соображениями удобства, сколько безопасности: все наши жилища надежно защищены, и каждое из них является небольшой цитаделью.

С правой стороны от города была выстроена еще одна крепость, уже более привычная для моих глаз,— окруженная рвом и защитной стеной. На высокой платформе стояла поворотная баллиста. Эта цитадель была заметно больше Кваниара, но, видно, людей не хватало и здесь: над стеной я увидел всего лишь несколько солдатских голов, причем шлемы были только на двоих-троих. На флагштоке беспокойно трепетало на полуденном ветру знамя с соколом — гербом Шохиры.

Несмотря на слова Отхо, сына Корма, у меня вновь возникли сомнения: встала ли Шохира на сторону Конана? Ведь

рядом с соколом не было золотого льва на черном фоне — знамени того отряда, которым в Аквилонии командовал Конан.

Слева, на краю леса, окруженный фруктовым садом, стоял богатый каменный дом. Похоже, то было жилище нобиля Валериана — я слышал, что он считался самым знатным землевладельцем Шохиры, сильным и могущественным человеком, имевшим значительное влияние в городе. Но мне почему-то показалось, что в доме сейчас никто не живет.

Странное впечатление произвел на меня и сам город, вероятно потому, что на его улицах почти не было видно мужчин. Я опять вспомнил слова дозорного о нехватке воинов. Зато женщин и детей было вокруг полным-полно. Когда я поднимался по вымощенной камнем дороге, меня провожало множество настороженных и любопытных глаз, однако заговорить со мной никто не пытался, а на мои вопросы отвечали сухо и коротко.

Почувствовав нестерпимую жажду, я завернул в попавшуюся по пути маленькую таверну. Народу там было немного — двое стариков и несколько калек, ни одного взрослого здорового мужчины. Как только я вошел, тихий разговор мгновенно смолк, и все глаза выжидательно обратились в мою сторону.

Я осведомился, где я могу найти Хакона, сына Строма. После некоторой паузы хозяин таверны сказал, что сегодня на рассвете Хакон направился в Тенитею, где размещены войска, но скоро должен вернуться. Помимо желания утолить голод и жажду, я почувствовал смертельную усталость — давали о себе знать ночные злоключения. Передо мной поставили тарелки с едой и кувшин пива, и, пока я ел, я продолжал ощущать на себе настороженные вопросительные взгляды. Потом я упал на медвежью шкуру, любезно предоставленную мне хозяином таверны, и мгновенно заснул.

Когда незадолго до заката солнца вернулся Хакон, сын Строма, я все еще спал крепким сном. Этот воин был крупным и мощным человеком, длинноногим и длинноруким, с широкими плечами. На нем была такая же, как и на мне, обычная одежда охотника — кожаные куртка и штаны, украшенные бахромой, и мягкие мокасины. Хакон появился в таверне в сопровождении шести лесных стражей, которые, усевшись за стол и потягивая из больших кружек пиво, внимательно наблюдали за мной.

Когда я назвал Хакону свое имя и сказал, что у меня есть для него важное сообщение, он пригласил меня устроиться рядом с ним за маленьким столиком в углу и выжидательно посмотрел на меня.

— Ваши люди представляют, что творится в Тандаре? — спросил я его первым делом.

— До нас доходят только слухи,— ответил Хакон.

— То, что я хочу сообщить, передает вам Брант, сын Драго, из Земельного совета Тандара и Совета нобилей. Сейчас ты поймешь, что я действительно тот, за кого себя выдаю.— С этими словами я обмакнул палец в кружку с пивом, быстро нарисовал на столе знак и тут же его стер.

Хакон удовлетворенно кивнул, его глаза загорелись неподдельным интересом.

— Вот это сообщение,— сказал я и после небольшой паузы продолжил: — Наша провинция решила выступить на стороне Конана, а наше войско готово сражаться с его врагами.

Хакон облегченно улыбнулся и радостно пожал мне руку.

— Я надеялся на это! — воскликнул он.— Помощь Тандара будет нам сейчас очень кстати.

— Мы не могли поступить иначе,— отозвался я.— Многие в Тандаре помнят такого знаменитого следопыта и разведчика, каким был Конан,— даже я, хотя в те времена был еще ребенком. Его посланцы прибыли в Тандар с сообщением, что Пуантен повержен и Конан теперь претендует на трон Аквилонии. Люди эти не вербовали добровольцев, а только просили, чтобы наша провинция не выступала против него. Ответ же был единодушным: «Мы не забыли Конаджохары!» После этого против нас выступил барон Ателиус, но нам удалось подстроить ему засаду в Малой чаще и разбить его войско. Теперь мы должны опасаться только нападения диких племен.

— Если бы то же самое можно было сказать о Шохире! — с горечью ответил Хакон.— Барон Тасперас заявил, что присоединяется к армии мятежников Конана, и мы поддержали его решение. Наш владыка прекрасно знает, что здесь, на западе, каждый человек на счету — нам и так с трудом удается отстаивать границу.— Он отхлебнул из кружки.— Но Тасперас все же отозвал свой отряд из крепости, и мы пополнили наши ряды лесными стражами. После этого у нас возникли серьезные разногласия с землевладельцами из Койяги, поскольку большинство из них поддерживает ко-

роля Нумедидеса. Некоторые из них бежали со своими отрядами в Конавагу, а кое-кто из оставшихся обещал не выступать ни на чьей стороне, как, скажем, владетельный Валериан из Шохиры. Так вот, бежавшие королевские прихвостни угрожают вернуться и перерезать нам глотки. Как раз сейчас в сторону Шохиры направляются войска лорда Брокаса — и до нас уже доходят известия об их жестокости к простым поселянам, которые поддерживают Конана.

Слова Хакона не были для меня новостью. Конавага — самая крупная и богатая провинция в западной части страны, там много могущественных и влиятельных землевладельцев, состоящих в родстве со знатью королевства,— не то что в Тандаре. Сражаться с их войсками будет очень нелегко.

— Брокас не столько держит сторону Нумедидеса,— продолжал Хакон,— сколько хочет под шумок подчинить своей власти всю западную часть страны. Старый король, как всем известно, давно уже не в себе, вот Брокас и надеется, наверное, править нами как его наместник. В его армии сейчас — оставшиеся верными присяге аквилонские солдаты, боссонские лучники, дружины королевских приспешников из Конаваги и предателей из Шохиры. Все это воинство остановилось под Койягой, в десяти поприщах от реки Огаха. Солдаты Брокаса буквально опустошили весь восток страны, и в Тенитее полно бежавшего от их зверств люда. Брокас намного превосходит нас силой, но мы не сдадимся без боя! Уже приняты все возможные меры: укреплен берег Огахи, которую ему придется форсировать, прежде чем выступить против нас, и блокированы все дороги, чтобы не пропустить его кавалерию,— словом, мы готовы к сражению.

— А мы готовы заключить с вами договор,— сказал я.— Наша провинция пошлет в ваши ряды полторы сотни лесных стражей, ибо мы в Тандаре все на стороне Конана-киммерийца, и междоусобицы среди нас нет. В стычках же с пиктами мы сможем обойтись без этих людей — вам они нужнее.

— Командир крепостного гарнизона будет немало обрадован этим сообщением! — с энтузиазмом воскликнул Хакон.

— Как?! — вырвалось у меня.— А разве гарнизоном командуешь не ты? Ведь именно так считал Брант, сын Драго!

— Нет, старший над Кваниаром мой брат Дирк. Если не возражаешь, мы выпьем еще по кружке пива, а потом

отправимся в крепость, дабы брат мог сам выслушать тебя. Я как раз направлялся туда со своими людьми.

Из короткого разговора с Хаконом я понял, что он, несмотря на свойственную ему отвагу и храбрость, на самом деле не очень подходил для роли командующего крепостью — было видно, что он привык действовать без долгих раздумий. Однако этот воин сразу понравился мне: человек он был порядочный и преданный делу.

— Ты сказал, что для охраны границы у вас осталось совсем немного людей,— заметил я.— А если нападут пикты?

— Между нами заключен мир,— ответил Хакон.— К счастью, вот уже несколько месяцев на рубеже все спокойно... Ну, разве что пара-другая мелких стычек в месяц.

— А владетельный Валериан? Его поместье показалось мне покинутым.

— Он некоторое время назад отослал всех своих воинов и сейчас живет в доме один, не считая нескольких слуг. Где его люди, никому неизвестно. Он обещал нам держать нейтралитет и пока не был замечен в нарушении слова. Хотя, откровенно говоря, я не очень-то доверяю ему. Валериан — один из тех немногих хайборийцев, которые пользуются уважением у пиктских племен. Представляешь, в какой костер мы бы попали, если б ему пришло в голову натравить на нас пиктов? С одной стороны — лесные дикари, с другой — армия Брокаса...

Тут Хакон поднял взгляд и едва не поперхнулся от удивления. К стойке подошел высокий мужчина в богатой одежде нобиля — в обтягивающих узких штанах, высоких сапогах и расшитой алой накидке.

— Это как раз и есть владетельный Валериан,— прошептал он, толкнув меня в бок.

Я присмотрелся к вошедшему повнимательнее — и, вздрогнув от неожиданности, вскочил на ноги.

— Валериан?! Но я видел этого человека прошлой ночью по ту сторону границы... Он присутствовал при чудовищном пиктском обряде Превращения Змеи!

Валериан резко повернулся ко мне. Был он бледен, как смерть, а глаза пылали, словно у разъяренного зверя.

Хакон тоже вскочил с места.

— О чем ты говоришь?! Это невозможно! Владетельный Валериан — один из знатнейших наших людей, и он дал слово чести...

— Может быть, и так,— запальчиво крикнул я,— но кто сказал, что он его держит? Ошибиться невозможно, я был

очень близко от жертвенной поляны и хорошо запомнил это лицо! Повторяю: это был он — в набедренной повязке и размалеванный, как дикий пикт!

— Ты лжешь, гнусный мерзавец! — взревел нобиль, отбрасывая в сторону свою накидку и хватаясь за рукоять меча.

Но прежде чем он успел обнажить его, я прыгнул и сбил его с ног. Мы покатились по полу, но в этот момент чьи-то крепкие руки схватили нас и оторвали друг от друга. Нобиль стоял напротив меня, бледный и задыхающийся; в кулаке он сжимал мою перевязь, которую ему удалось сорвать во время схватки.

— Это грязная клевета! — прохрипел он.— Неужели вы поверите этому неизвестно откуда взявшемуся проходимцу?

— Я говорю правду,— сказал я, пытаясь успокоить сбившееся дыхание.— Этой ночью я прятался под лиственницей у поляны, на которой стоит алтарь пиктов, и наблюдал, как шаман Соколов переместил душу воина племени Ворона в тело огромной змеи. Ужасающее зрелище! Я убил колдуна — моя стрела попала ему в сердце. И я видел там именно тебя — ты, хайбориец, стоял на этой поляне, словно один из дикарей!

— Если это так...— начал было Хакон.

Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Это легко доказать! — воскликнул я.— Посмотрите на его грудь! На кожу!

Я подскочил к нему и рванул ворот его рубахи. Все верно: на груди Валериана остались хорошо заметные следы — изображение белого черепа, того самого знака, который лесные пикты рисовали на своих телах, выходя на тропу войны с хайборийцами. Нобиль, конечно, пытался смыть рисунок, но краски пиктов глубоко въедаются в кожу. Сомнений больше ни у кого не оставалось.

— Разоружить его! — отдал короткий приказ Хакон с побагровевшим от ярости лицом.

— И отдай мою перевязь! — потребовал я, заметив, что Валериан все еще сжимает ее в кулаке. Но он лишь бросил на меня злобный взгляд и засунул тонкую, похожую на ленту полоску кожи в карман.

— Ты получишь ее назад,— прохрипел он, задыхаясь от ярости,— но она затянется вокруг твоей шеи, грязный пес!

Я не совсем понял его слова, но решил не спорить больше по этому не столь уж значительному поводу. Важнее было

другое — что теперь делать с предателем. Хакон, казалось, пребывал в растерянности.

— Мне кажется, его нужно немедленно взять под стражу и отвести в форт,— сказал я.— Он предал вас, и сейчас можно ожидать самого худшего. Пикты племени Сокола были в боевой раскраске, а череп на его груди указывает, что и он собирается принять участие в этой войне.

— Великий Митра! — побелевшими губами выдохнул Хакон.— Невероятно! Хайбориец, выступающий с пиктскими демонами против своих!

Валериан молчал. Его держали за руки двое крепких стражей, он был по-прежнему бледен как полотно, тонкие губы кривились в злобной усмешке, глаза горели яростным желтым огнем, в котором мне почудилось сумасшествие.

Хакона беспокоило, как жители Шохиры отнесутся к тому, что самого знатного ее нобиля ведут в крепость под стражей. В то же время он понимал, разумеется, что оставлять Валериана на свободе нельзя.

— Люди захотят знать, в чем мы его обвиняем,— поделился он с нами своими сомнениями.— И когда станет известно, что он предал нас и снюхался с пиктами, может начаться паника. Я думаю, лучше избежать этого и запереть его здесь, в местной тюрьме, а потом прислать сюда Дирка, чтобы он сам перевел его в цитадель.

Я не был согласен с этим решением, ибо вряд ли в Шохире могло сыскаться достаточно надежное узилище, но командовал, в конце концов, здесь не я.

По указанию Хакона предателя скрытно вывели через заднюю дверь таверны. К тому времени уже стемнело, и мы, не привлекая внимания, благополучно достигли тюрьмы.

Как я и предполагал, ею оказалась обыкновенная бревенчатая хижина на самой окраине городка. Она была разделена на четыре камеры, причем лишь в одной из них сидел какой-то пьяница, страшно буянивший и оравший непотребные песни. Однако он тут же утих, увидев, кто стал его товарищем по несчастью. Когда Хакон запер за Валерианом дверь, тот по-прежнему молчал, лишь глаза продолжали гореть безумным огнем.

Я удивился, что тюрьму охраняет всего один человек, но Хакон посчитал, что этого вполне достаточно, поскольку выбраться наружу Валериан не сумеет, а в городе нет никого, кто пожелал бы оказать ему помощь. Не скажу, чтобы

меня убедили его доводы, но, в конце концов, это не было моим делом, поэтому я не стал продолжать спора, и мы с Хаконом направились в крепость, где я и встретился с Дирком, сыном Строма. Он был не только старшим над Квариаром, но и заместителем Джена, сына Маркоса. Джен, которого лорд Тасперас назначил своим наместником, командовал сейчас военными силами, расположенными под Тенитеей.

К моему облегчению, Дирк весьма серьезно отнесся к рассказу об этом происшествии и решил, как только станет возможно, сам побывать в тюрьме и допросить Валериана, хотя и не рассчитывал узнать от него что-либо существенное: нобиль, подобно всем знатным, был невероятно высокомерен. Предложение Тандары предоставить в его распоряжение полторы сотни чловск весьма обрадовало Дирка. Он спросил, нет ли у меня желания остаться еще на некоторое время в Шохире — в этом случае он был готов послать в Тандару гонца, который передаст Бранту, сыну Драго, его благодарность и признательность. Я тотчас согласился, поскольку прекрасно понимал, что события, происходящие здесь, могут принять серьезный оборот, и был не прочь присутствовать при этом.

После аудиенции у Дирка мы с Хаконом вернулись в ту же таверну, где собирались переночевать, чтобы ранним утром отправиться в Тенитею.

Разведчики сообщили в Шохиру, что армия Брокаса уже близко, но Хакон, который только что вернулся из тенитейского лагеря, знал, что попыток выступить против них нобиль не предпринимал. Мне подумалось, что, возможно, Брокас, которому, разумеется, известно о предательстве Валериана, ждет, когда пикты подтянутся к границе, чтобы ударить на Шохиру одновременно с двух сторон. Я поделился своими мыслями с Хаконом.

Но, как ни странно, несмотря на все факты, тот почему-то по-прежнему считал, что присутствие Валериана на жертвенной поляне не имеет большого значения: владетель, как известно, знался с пиктами и мог быть в лесу по какому-то делу, а на тайной церемонии присутствовал случайно. Я только покачал головой. Непростительное легкомыслие! Столь опытный, много лет проживший на границе человек должен был понимать, что пикты никогда не допустили бы чужого к своим обрядам. Только того, кто был принят в племя!

3

В ту ночь я спал плохо, меня мучили кошмары. Внезапно, словно от толчка, я проснулся и резко сел на своей растерзанной постели. Окно в комнате было распахнуто настежь, чтобы впустить внутрь хоть чуточку ночной прохлады. Оглядевшись, я увидел на фоне темно-синего звездного неба расплывчатый силуэт настолько огромных размеров, что он закрывал собой почти весь оконный проем. Я стремительно рванулся к своему боевому топору, но неизвестный оказался проворнее. Прежде чем я успел встать, он длинным прыжком покрыл разделявшее нас расстояние, затем мою шею обхватили и со страшной силой сжали грубые пальцы. В темноте я не мог разглядеть ничего, кроме пылающих прямо передо мной багровых глаз на продолговатом черепе. В ноздри мне ударил резкий звериный запах.

Я схватил за запястье огромную лапу — она была волосатой, как у обезьяны, вся перевитая буграми железных мышц. И в этот момент другой рукой мне удалось нащупать топор — я поднял его и, уворачиваясь от смертельного захвата великана, одним ударом раскроил ему череп.

Захват на моей шее ослабел, и тело нападавшего безжизненно скатилось на пол. С трудом переведя дыхание, я вскочил на ноги и, найдя огниво, кремень и трут, зажег свечу. Передо мной лежал нечеловек.

Фигура монстра была похожей на человеческую, но значительно более крупной, мощной и полностью заросшей волосами. Когти были как у хищного зверя, длинные и острые, а череп своим скошенным подбородком и низким лбом напоминал обезьяний. Это был чакан — одно из чудовищ, обитающих в пиктских лесах, нечто среднее между обезьяной и человеком.

В дверь настойчиво застучали, и я услышал встревоженный голос Хакона, спрашивающий, что случилось. Я отпер дверь, и мой новый товарищ с боевым топором в руке ворвался в комнату. При виде лежавшего на полу монстра он присвистнул от изумления.

— Это же чакан! — воскликнул он взволнованно.— Я никогда не видел их в наших краях, только далеко на западе. Эти твари невероятно опасны! А что это у него в лапе?

Я взглянул, и по коже у меня пробежал мороз: в намертво сжатых когтях чудовища была моя узкая, похожая на ленту оружейная перевязь. Видимо, чакан собирался использо-

вать ее как удавку. В моей памяти тотчас всплыли слова Валериана. Судя по всему, вспомнил о них и Хакон.

— Я слышал, что шаманы пиктов умеют укрощать этих чудовищ и потом, как собак, натравливают на своих врагов,— задумчиво произнес он.— Но как это удалось сделать Валериану?

— Откуда мне знать? — пробормотал я.— Мы даже не можем быть уверены, имеет ли он к этому отношение. Хотя кто еще мог дать чакану мою перевязь? Так что, по-моему, сейчас самое время проверить, как обстоят дела в тюрьме.

Хакон разбудил своих людей, и мы не мешкая направились к окраине города. Перед хижиной, что служила тюрьмой, нашим глазам открылась страшная картина: человек, которого оставили охранять Валериана, лежал с перерезанным горлом перед открытой дверью камеры сбежавшего нобиля.

Из соседней камеры на нас глядели безумные глаза сидящего там пьяницы — впрочем, было видно, что он уже успел протрезветь.

— Ушел,— проговорил он, запинаясь,— он просто взял и ушел! Вот как все было: посреди ночи меня разбудили чьи-то голоса, я посмотрел в окошко и увидел, что рядом с охранником стоит какая-то женщина. Дозорный велел ей убираться, на что она дерзко рассмеялась и взглянула ему прямо в лицо. О Митра! Мне показалось, что воин моментально сошел с ума! Уставившись перед собой, он застыл на месте, а женщина вытащила у него из-за пояса кинжал и одним движением перерезала глотку! А потом нагнулась, достала ключи и отперла дверь камеры. Валериан вышел оттуда, торжествующе улыбаясь, поцеловал женщину, после чего они принялись о чем-то шептаться. Только теперь, в тенях за спиной этой ведьмы, я различил какую-то огромную безобразную фигуру. К свету фонаря над дверью великан не приближался, и я так и не понял, кто он.

Издав судорожный всхлип, пьяница продолжал:

— А потом я услышал, как ведьма сказала, что лучше избавиться и от этого бурдюка с вином — она говорила про меня. Я чуть сам не умер со страху, но Валериан, видно, торопился и возразил, что делать этого не стоит: я все равно, мол, в стельку пьян и дрыхну без задних ног. Так что они ушли, но я еще успел разобрать, как Валериан сказал, что он должен поскорее послать кое-куда своего слугу, а

потом они все вместе отправятся к хижине у Рысьей реки, где дожидаются его люди. Лорд добавил, что туда же придет и шаман Тейанога, после чего они направятся к границе, встретят пиктов, вернутся сюда — и вот тут-то они повеселятся!

Лицо Хакона побелело.

— Ты знаешь, кто была эта женщина? — спросил я.

— Наложница Валериана, само собой! Ее отец был пиктом из племени Сокола, а мать — лигурийка. Пикты называют ее колдуньей из Скандаги. О ней болтали у нас много невероятных вещей, но я никогда ее раньше не видел и не очень-то верил этим россказням. Похоже, зря!

— А Тейанога? — продолжал я.— Клянусь копытами Нергала, я точно видел, как он свалился замертво, а моя стрела торчала у него прямо из сердца! Значит, они все же собираются напасть на Шохиру! Как мы можем им помешать?

— Мы должны успеть к Рысьей реке и перебить их там,— решительно сказал Хакон.— Если пикты перейдут границу, мы позавидуем тем, кто попал уже на Серые Равнины! Но нам придется рассчитывать только на свои силы — ни из города, ни из крепости нельзя забирать людей. Сколько бы их ни было там, на берегу, нам придется справляться самим... И хорошо хоть,— добавил он,— что мерзавцы не догадываются, что нам известны их планы!

Мы выпустили из камеры полностью протрезвевшего пьяницу и отправили его в крепость сообщить о случившемся, после чего немедленно двинулись в путь. На бархатном ночном небе мерцали звезды, вокруг было тихо и спокойно, но на западе, как затаившийся зверь, поднимался темный и мрачный лес пиктов, смертельно опасный для каждого осмелившегося войти в него чужака.

Углубившись в заросли, мы шли след в след друг за другом, стараясь не производить ни малейшего шума и держа наготове боевые топоры. Впереди нашего маленького отряда шел Хакон.

По вьющейся между приземистыми дубами тропе мы достигли неглубокой травянистой низины, цели нашего пути. На речном берегу стояла та самая хижина, и сквозь неплотно прикрытые ставни одного из окон пробивался слабый свет.

Наш командир сделал знак своим людям оставаться на месте, а мы с ним подкрались поближе к хижине. Разумеется, Валериан не забыл выставить дозорного, но он, на

наше счастье, был настолько невнимателен, что снять его не представляло большого труда. Затем мы подошли к окну и заглянули внутрь в щель между ставнями.

В хижине находились владетельный Валериан, глаза которого по-прежнему горели мрачным безумным огнем, и девушка, поразившая меня своей дикой красотой. На ней не было никакой одежды, кроме узкой набедренной повязки и украшенных бисером мягких мокасин, а также многочисленных ожерелий. Ее черные густые волосы перехватывал обруч тонкой работы, блестевший чистым золотом.

Кроме них в хижине было еще человек десять предателей из Шохиры: три лесных стража в своей обычной кожаной одежде и разбойничьего вида мужчины в суконных штанах и простых крестьянских куртках, а также шестеро гандерландских наемников — высоких светловолосых солдат, одетых в тяжелые кольчуги и железные шлемы. Вооружены они были мечами и кинжалами. Гандерландцев — храбрых, опытных воинов — часто нанимали для охраны своих поместий землевладельцы вдоль всей западной границы.

Люди эти, судя по всему, пребывали в отличном настроении, возбужденно смеялись и вели громкие разговоры. Валериан рассказывал о своем удачном побеге, предатели на чем свет стоит поносили своих бывших друзей; лесные стражи, правда, больше помалкивали, гандерландцы тоже лишь изредка вставляли пару слов. Выглядели они безразличными и невозмутимыми, но я прекрасно знал, что за их видимым спокойствием скрывается абсолютная безжалостность. Красавица, которую остальные называли Кварада, весело хохотала и прижималась к своему господину.

Хакон прямо затрясся от ярости, когда услышал хвастливые слова Валериана:

— Освободиться было до смешного легко. А этому тандарскому выскочке я приготовил приятный сюрприз — не думаю, чтобы он и дальше путался у нас под ногами. Когда у меня будут пиктские воины, я приведу их на границу, и мы нападем с запада, а Брокас ударит от Койяги. Вряд ли эти олухи ожидают чего-либо подобного — город свалится к нам в руки, словно перезрелый плод. Мы наконец получим то, что заслужили!

Вдруг мы услышали легкие шаги и, чтобы остаться незамеченными, бросились на землю. Дверь в хижину распахнулась, и когда мы через некоторое время снова приникли

к щели в ставнях, то увидели, что к предателям присоединились семеро пиктов, украшенных перьями и покрытых боевой раскраской. Среди них был и старый Тейанога с туго перетянутой голой грудью.

Значит, мне не почудилось и моя стрела действительно пронзила навылет сердце старого шамана... Но человек не может выжить после такого ранения! Не оборотень ли сейчас перед нами? Я почему-то вдруг начал верить в сверхъестественные способности пиктских колдунов.

По-прежнему незамеченные, мы услышали, как Тейанога сказал на ломаном аквилонском, обращаясь к Валериану:

— Ты хотеть, чтоб Соколы, Пантеры и Черепахи вышли к границе. Но если мы сделать так, на нас напасть племя Волка. И пока мы сражаться с Шохирой, они опустошить наши земли. Поэтому прежде, чем выступать в поход, нашим племенам надо заключить мир с Волками.

— Не имею ничего против,— сказал нобиль.— Когда вы сможете это сделать?

— Сегодня ночью вожди всех племен собираться около болота Призраков. Там они говорить с Болотным колдуном — и все вожди сделать так, как сказать колдун.

— Ну что ж,— пробормотал Валериан,— скоро наступит полночь. Если отправиться прямо сейчас, мы дойдем до болота Призраков часа за три. Возможно, мы сможем убедить Болотного колдуна в необходимости этого шага.

— Быстро позови наших,— прошептал мне на ухо Хакон.— Скажи, чтобы они незаметно окружили хижину и подожгли ее!

Нас было почти в три раза меньше, но я, разъяренный происходившим у нас на глазах гнусным заговором, так же, как и Хакон, был готов на самые безрассудные поступки, только бы остановить предателей.

Прокравшись к нашим людям, я привел их к хижине. По дороге мы собрали несколько охапок сухих веток и разложили их под окнами, у которых разместились попарно. Одни держали наготове натянутые луки с наложенными на тетиву стрелами, другие — поднятые боевые топоры, чтобы разбить ставни. Я приготовился поджечь хворост. Мешкать было нельзя: изнутри раздался голос Валериана:

— Немедленно собирайтесь, мы выходим прямо сейчас! — после чего послышались шаги и лязг металла: воины разбирали свое оружие.

Хакона трясло от возбуждения, он не мог дождаться начала атаки.

Я высек огонь, и пламя тотчас охватило сухие ветки. Пока оно не успело взметнуться слишком высоко и не перекинулось на стены хижины, наши люди разом обрушили свои топоры на ставни. В это же мгновение Хакон мощным ударом выбил дверь. Ставни разлетелись, и внутрь хижины полетели наши стрелы, поражая противников.

В первый момент люди Валериана от неожиданности даже не могли оказать сопротивления, но, опомнившись, бросились к выходу, где их уже ждали мы с Хаконом. Несколько врагов были убиты на месте, с остальными мы вступили в рукопашную схватку.

На меня сразу же напал коренастый гандерландец. Из-за жары он снял шлем, и его вспотевшая лысина блестела в неверных сполохах огня как огромное яйцо, однако тело было защищено длинной кольчугой. Я успел перехватить его руку с зажатым в ней коротким мечом. Впрочем, он тоже не стал мешкать, и мой тяжелый боевой топор оказался выведенным из игры тем же простым, но действенным способом. Мы топтались по кругу, словно два борца, шатаясь и пыхтя, стараясь освободить свое оружие или хотя бы вывести противника из равновесия. Удача улыбнулась мне первому — противник повалился на землю, я упал на него, но стоило чуть ослабить хватку, как мой топор оказался у него в руке.

Я всеми силами старался сковать его движения, в то время как моя свободная рука шарила по земле в поисках чего-либо хоть отдаленно напоминающего оружие. Внезапно я нащупал вросший в землю булыжник. Схватив его, я что было сил ударил по блестящей лысине. Тело подо мной слегка обмякло, и я, закрепляя победу, двинул еще раз, но уже схватив камень двумя руками. Гандерландец дернулся несколько раз и затих.

Я вскочил и огляделся в поисках новых противников, но все уже было кончено. Вокруг валялись трупы — и, к сожалению, среди них я увидел и нескольких наших людей. Оставшиеся в живых враги, петляя, бежали к лесу, пытаясь избежать наших стрел, хотя в такой темноте было чрезвычайно сложно поразить цель.

Наши люди постепенно собирались вокруг командира.

Внезапно один из них крикнул:

— Хижина! Валериан еще там!

Я кинулся к двери, находившейся буквально в пяти шагах, но было поздно: владетель и его женщина уже появились в проеме. Только наши руки потянулись к оружию, как колдунья, усмехнувшись, бросила что-то нам навстречу. Раздался взрыв, и всех ослепило нестерпимой яркости пламя. Нас окружило едкое зловоние, и мы невольно отступили, задыхаясь. Когда мы вновь обрели способность что-то видеть, оказалось, что парочка успела скрыться.

Мы лишили жизни около десятка врагов, большинство еще в начале атаки — стрелами. Еще несколько человек не слишком отличались от мертвых. Наши потери оказались скромнее: двое убитых и двое раненых. Раненого в ногу пришлось оставить на поле боя, в расчете на то, что люди из города перенесут его в крепость. Второму раненому перевязали руку, после чего Хакон сказал:

— Беги назад и предупреди Дирка, чтобы он перевел всех людей в цитадель и прислал кого-нибудь за Карлусом. Пусть поторопится, ибо пикты уже рядом! Мы постараемся задержать их у болота Призраков. Если не вернемся...

После того как лесной страж отправился в крепость, мы проверили свое снаряжение. Вместо топора я взял меч гандерландца и лук убитого стража — взамен того, который я потерял днем раньше. Было бы более разумным дождаться подкрепления, однако я прекрасно понимал, что нам нельзя терять ни мгновения.

Дорога была хорошо известна Хакону и одному из стражей, неоднократно ходившим к болоту на разведку. Яркие звезды давали достаточно света, чтобы не сбиться с пути. Вскоре мы оказались под густым пологом леса и растворились в сумерках.

4

Мы осторожно пробирались вперед, соревнуясь с пиктами в искусстве красться по ночам. Нас вела тропа, проложенная от хижины прямо на юг.

Поход обещал быть сложным, ибо страна пиктов — не самое безопасное место даже в отсутствии рядом дикарей. Многочисленные хищные твари яро защищали свои владения от чужаков. Кроме волков, пантер, змей — а ведь и в них мало приятного! — здесь водились и другие чудища, которые в иных местах уже вымерли совсем. Как, например, вам

понравилась бы встреча с саблезубым тигром или мастодонтом?

Сам я никогда не видел этих чудовищ, но мой брат, будучи в Тарантии, побывал в зверинце короля, где содержалась пара мастодонтов, и по его рассказам я примерно представлял себе, что можно ожидать от этих гигантов.

Еще более опасны болотные демоны или лесные бестии — называют их по-разному. Они в бесчисленном количестве обитали в том самом месте, куда мы направлялись. Днем их не видно, и никто не может сказать, где они таятся, а по ночам... От одного только их воя кровь стынет в жилах, но это еще не все: стоит подойти к ним поближе, как горло неосторожного моментально разрывают острые когти. Неудивительно, что Болотный колдун живет именно там — это самое впечатляющее доказательство его сверхъестественной силы.

Постепенно продвигаясь вперед, мы вышли к ручью Тулиана, названному по имени одного из воинов, геройски погибшего в сражении с отрядом пиктов. Ручей служил границей между Шохирой и страной пиктов — во всяком случае, так было обозначено в соглашении между ними. Достаточно трудно и тем и другим соблюдать границу, если на вражеской стороне будет замечено что-либо полезное или соблазнительное.

После того как мы, прыгая с камня на камень, пересекли ручей, Хакон остановился и начал шепотом советоваться с лесным стражем, которому была лучше известна дальнейшая дорога. Посовещавшись, они принялись внимательно осматривать кусты и подлесок, пока не нашли развилку тропы, после которой мы двинулись налево. Едва видимая дорожка, петляя между мрачными стволами дубов, вела, судя по всему, прямо к болоту.

Хакон предупредил, чтобы мы удвоили осторожность, но в то же время особо не мешкали — надо было миновать лагерь пиктов до рассвета. Было очень трудно соблюдать одновременно оба этих условия, и тем не менее наш маленький отряд быстро и бесшумно продвигался к цели.

Минуло изрядное время. Лес немного поредел, и я озабоченно посматривал на восток, но, к счастью, еще не было заметно никаких признаков рассвета; звезды по-прежнему усеивали небесный шатер. Внезапно лесной страж остановился и прислушался. Мы замерли. Заглушая стрекот

ночных цикад, послышались звуки, отдаленно похожие на кашель. Но Хакон успокоил нас: поблизости охотилась пантера, а эти хищники в одиночку никогда не нападают на группу вооруженных людей. Мы двинулись дальше и постепенно перешли на бег: с каждым мгновением увеличивалась вероятность встречи с пиктами.

Через некоторое время командир снова остановил отряд; теперь вдали послышался слабый шум, который не могло издавать никакое животное. Мы с тревогой вглядывались в сторону, откуда раздавалось тихое бормотание — в более спокойной обстановке я мог бы принять его за шелест дождя. Мое обострившееся в темноте зрение позволило различить слабый свет и еле заметные красноватые отблески на стволах деревьев.

Мы осторожно двинулись в ту сторону и, прислушиваясь к шелестящим звукам, углубились в лес, перебегая между деревьями и переползая небольшие поляны. Вскоре в неясном бормотании мне удалось различить гортанную речь пиктов. Хакон, подняв руку, призвал нас к бдительности. Буквально через несколько шагов мы увидели, что посреди хорошо протоптанной тропы сидят три дикаря. Это были дозорные, но к своим обязанностям они относились достаточно небрежно — коротали время за незатейливой игрой, подбрасывая вверх кусочек дерева и наблюдая, какой стороной он упадет на землю.

Я подполз к Хакону.

— Нападем на них?

— Нельзя,— прошептал он,— их вопли наведут на нас весь лагерь. Подожди, может быть, услышим что-нибудь интересное.

Мы замерли, напряженно вслушиваясь. Я, хотя и разобрал несколько знакомых слов, смог понять смысл только отдельных фраз, но меня сразу же насторожило имя Валериана, хотя и произнесенное на пиктский манер. Хакон, удовлетворенно кивнув,— видимо, он узнал все, что хотел,— пополз в сторону. Мы последовали за ним, но не успели мы преодолеть нескольких локтей и подняться, как раздался ужасающий рев. Я вздрогнул: впечатление было такое, словно какой-то великан трубит в огромный рог, скликая своих сородичей. Звук повторялся снова и снова, но — слава Митре! — постепенно отдалялся. Однако я успел заметить между стволами деревьев одного из тех монстров, о которых вспоминал так недавно. Это был мастодонт! Будучи высо-

той в два человеческих роста, длинными изогнутыми бивнями он едва не царапал землю, и, если я не ошибся (все-таки света звезд было недостаточно), его бока были покрыты густой короткой шерстью.

Эта встреча повлекла за собой крайне неприятные последствия. От неожиданности Хакон непроизвольно сделал шаг назад и толкнул стоящего рядом лесного стража, причем так неудачно, что тот, как подкошенный, рухнул на землю. Я успел отпрыгнуть, но все равно мы наделали столько шума, что пикты не могли нас не заметить. Тут же послышался свист стрелы Хакона, ушедшей в темноту над моим плечом.

Резко обернувшись, я увидел пиктов, которые, на ходу выхватывая оружие, мчались в нашу сторону. Правда, их было всего двое — один уже лежал со стрелой Хакона в горле. Бежавший впереди дикарь метнул копье и с топором в руке ринулся на меня. Не успел я вытащить стрелу, как он оказался так близко, что мне ничего не оставалось, как схватить лук обеими руками и обрушить его на голову врага. Оглушенный пикт пошатнулся, и я сумел, отбросив в сторону лук, обнажить клинок. Когда мой противник взмахнул топором, мне удалось перехватить его руку и вонзить меч под ребра дикаря. Третий удар, почти отделивший голову пикта от туловища, поверг его на землю.

Я осмотрелся по сторонам: схватка завершилась, все трое дикарей были мертвы, но и мы понесли серьезные потери. Рядом со мной стоял только Хакон, поразивший своего противника ударом топора. Один лесной страж лежал с разбитой головой, а другой, словно бабочка, был приколот к стволу дерева копьем, пронзившим ему живот. Но нам еще повезло: пикты напали на нас, не издав своего обычного боевого клича. В их лагере наверняка слышали рев мастодонта и весь последующий шум могли отнести на его счет. Во всяком случае, больше никто из дикарей не появился.

— Теперь нас двое,— сказал Хакон.— Мы должны сделать все, чтобы отправить к Нергалу проклятого нобиля и колдуна, даже если придется умереть самим! Дозорные болтали, что Валериан отправился к колдуну с небольшим отрядом, бóльшая часть его людей осталась в лагере. Мы обойдем лагерь, и ты засядешь у тропы, на случай если Валериан вернется, а я пойду к болоту и постараюсь прикончить их там.

Мне не понравился план Хакона; эта трясина была гиблым местом, где кроме дикарей можно было столкнуться с куда более опасными тварями, например с теми же болотными демонами.

— Хакон,— возразил я,— ты опытный человек и потому твоя жизнь куда более ценна, чем моя. Будет лучше, если ты останешься в засаде, а на болото пойду я.

Однако переубедить командира мне так и не удалось. В конце концов он напомнил мне, кто здесь отдает приказы. Внезапно мы услышали слабый стон: пораженный в живот лесной страж был еще жив. Преодолевая чудовищную боль, он прохрипел:

— Не дайте мне попасть в лапы дикарей... они отомстят за своих...

— Но нам тебя не донести, мы...

Умирающий прервал Хакона:

— Я не прошу об этом... лучше легкая смерть... сразу...

Командир молча вытащил кинжал. Я отвернулся. Нашего товарища, попади он к пиктам, несомненно ждали бы жестокие пытки, но все равно я не мог спокойно наблюдать за подобным милосердием.

5

Мы пробирались лесом вокруг стана пиктов. Было видно, что скорого набега на Шохиру не предвидится: одни воины неторопливо возводили навесы, другие бездельничали, лежа на охапках свеженарубленных ветвей. Посреди поляны горел небольшой костер.

В лагере находились только воины, ни женщин, ни детей там не было. Все четыре племени расположились отдельными стойбищами — Соколы, Пантеры, Черепахи и, самое многочисленное, племя Волка. Несколько раз мы чуть было не наткнулись на бродивших по лесу дикарей. В конце концов мы опять оказались на тропе, ведущей к болоту Призраков.

Лагерь пиктов был разбит достаточно далеко от болота — видимо, дикари сами опасались обитающих там тварей. Прошло довольно много времени, прежде чем мы обнаружили подходящее место для засады — густые заросли папоротника, посреди которых торчало несколько разлапистых елей. Я взял на изготовку лук и улегся на землю, а Хакон начал

осторожно спускаться вниз. В той стороне, куда он ушел, в просветах между деревьями виднелось небольшое озеро.

Мы были в пути уже достаточно долго, и мной снова овладело беспокойство, что нам может помешать наступающий рассвет. Но небеса все еще были темными. Вокруг царила тишина, и я, как ни напрягал слух, не мог различить никаких звуков, кроме тонкого гудения комаров. Усталость брала свое, все-таки за плечами был напряженный переход и две жестокие схватки. Мое внимание ослабло, и глаза стали закрываться сами собой. Это длилось мгновение, не больше; во всяком случае, именно так мне показалось. Вдруг я почувствовал, что на меня навалилось что-то тяжелое, и тут же услышал оглушающий дикий вой.

Спросонья я сопротивлялся вяло, да и силы были слишком неравны: мои руки и ноги крепко держали четверо дикарей, а пятый прижимал меня к земле. В одно мгновение я был крепко связан. Взглянув на небо, я ужаснулся: оно уже светлело. Великие боги, сколько же я спал?!

Пикты тем временем срубили молодое деревце, подвесили меня к нему, пропустив ствол между руками и ногами, и потащили в направлении болота. Болтаясь над землей, я только и мог что в бессильной ярости наблюдать, как идущие за нами что-то оживленно обсуждают со злорадными усмешками. Я поразился: пикты, которые считали себя великими воинами, полагали смех недостойным себя, разве что кроме исключительных случаев, например пыток пленных.

Я попытался взять себя в руки. Конечно, захвачен я был самым глупым образом, и впереди меня не ждало ничего хорошего. Но я был еще жив — значит, следовало подумать о побеге. Когда мы достигли болота, уже достаточно рассвело, чтобы можно было увидеть поверхность воды с клубящимся над ней туманом, который скрывал выступавшие камни, мертвые, словно обглоданные, деревья и заросли болотной травы. Меня тащили по травянистой косе, узкому языку суши, вдававшемуся далеко в болото. Потом дикари зашли в воду, которая, видимо, скрывала дорогу из камней, и, с трудом сохраняя равновесие, наконец добрались до логова колдуна. Оно находилось на островке, между деревьями которого виднелись небольшие хижины, расположенные, как это принято у пиктов, полукругом. Нас вышло встречать не так уж много народу: среди них были Болотный колдун, Валериан с несколькими своими людьми, Кварада

и старый Тейанога. Дикари, если судить по тому, как они были размалеваны, являлись вождями и воинами племен Черепахи, Сокола, Пантеры и Волка.

Увидев меня, нобиль злорадно оскалил зубы.

— Какая приятная встреча! — воскликнул он с издевательской усмешкой.— Это ведь жалкий мятежник из Тандара! Кто бы мог подумать, что ты окажешься настолько упорным! Я был бы на вершине успеха, если б мне удалось столь же преуспеть в величии и добродетели, сколь тебе — в бунтах и богомерзких поступках! Ну что ж, тебя, как и твоего дружка-предателя, за. ваши гнусные деяния ждет достойная награда!

Он сделал знак рукой, и меня, сняв с шеста, бросили на землю. Напрягая затекшие мышцы, я с трудом перевернулся. Увиденное не обрадовало меня: в центре площадки, окруженной хижинами, стоял столб, к которому был крепко привязан мой командир.

Валериан насмешливо кивнул в его сторону.

— Твой товарищ думал, что он хитрее колдуна и болотных демонов. Большое заблуждение!

Мы с Хаконом только и могли что угрюмо обмениваться взглядами, покуда дикари принялись копать яму под его ногами, по приказу колдуна. Колдун оказался очень старым, буквально высохшим, сгорбленным человеком. Его темно-коричневая кожа напоминала пергамент, хотя седые волосы были все еще густыми.

Когда я на западной границе слышал рассказы об этом человеке, в них упоминалось, что он был последним из Древних, которые населяли эти земли задолго до пиктов. И действительно, черты его лица были весьма необычны: широкий и плоский нос, сильно скошенный лоб, глубоко спрятанные под надбровными дугами маленькие глазки. Как и все пикты, колдун был в одной набедренной повязке, однако вместо обычной раскраски его грудь украшал затейливый узор из шрамов. Он что-то прокаркал, и меня, поспешно подняв с земли, поставили на ноги. После этого Колдун, приблизившись, стал внимательно рассматривать меня, сверля своими черными острыми глазами. Наконец он отвернулся и отдал несколько новых приказаний.

Пикты бросились копать еще одну яму, в которую вставили ствол дерева и тщательно утрамбовали землю вокруг него. Теперь на площади стояли два столба: к одному был привязан Хакон, а к другому потащили меня. Дикари пе-

перезали мои путы, сорвали всю одежду и начали привязывать к столбу длинными кожаными ремнями.

Я не мог особенно сопротивляться, так как меня держало несколько человек, но попытался как можно сильнее напрячь мышцы: когда я их расслаблю, это поможет освободиться. Мысли о побеге не оставляли меня даже в этом отчаянном положении.

Колдун вел неторопливую беседу с Валерианом и вождями. Внезапно один из них, предводитель племени Черепах, со злобной ухмылкой направился в мою сторону. Он выхватил из-за пояса боевой топор и, почти не прицеливаясь, метнул в мою сторону. Я приготовился свести последние счеты с жизнью, но топор, перевернувшись в воздухе несколько раз, вонзился глубоко в дерево над моей головой, а его рукоятка ударила меня в лоб. Раздались торжествующие вопли — видимо, собравшихся обрадовало то, что я вздрогнул. С этого обычно и начиналось: пикты стреляли в жертву из луков, в нее метали топоры и ножи и получали тем большее удовольствие, чем больше страха она выказывала. Я знал об этом и старался оставаться невозмутимым.

Внезапно среди дикарей разразилась бурная ссора. Даже при моем слабом знании пиктского наречия мне удалось понять, что одни кричат «сейчас», другие — «потом». Впрочем, этот спор не мешал одному из воинов старательно строгать небольшой кусочек дерева, явно предназначенный для того, чтобы воткнуть в мое тело и поджечь. Когда выяснилось, что колдун хочет «потом», крики прекратились. Я воспользовался тем, что пикты не заткнули мне рот, и тихо спросил Хакона:

— О чем они спорят? Когда начинать пытки?

— Да,— подтвердил мой товарищ по несчастью.— Главный из Черепах и те, кто с ним, желают немедленно поупражняться в меткости, а остальные предпочитают отметить этим поражение Шохиры. Колдун же утверждает, что мы принадлежим ему и только он может решить, когда остальные смогут начать наслаждаться нашими муками.

Я с содроганием вспомнил о ритуале Превращения Змеи и подумал, что бывают вещи и пострашнее пыток...

Болотный колдун отослал воинов обратно в лагерь и удалился в свою хижину. За ним разошлись вожди; ушли и Валериан с Кварадой. Рядом с нами остались только два дикаря.

— Сейчас они отдохнут, а потом отправятся в набег на Шохиру,— объяснил Хакон.— Это будет после полудня, им как раз хватит времени, чтобы оказаться под стенами перед самым наступлением темноты.

— Понятно, почему они боятся идти днем,— сказал я.— Никому не хочется получить в брюхо стрелу из баллисты.

— Я понял еще кое-что,— продолжал мой товарищ.— Колдун обещал дать им какое-то особенное оружие. Нечто магическое, я думаю.

Он повернулся к стражам и крикнул по-аквилонски:

— Эй! А почему бы вам не поделиться с нами тем пивом, которое только что хлебали ваши вожди?

Оба охранника, непонимающе взглянув друг на друга, снова отвернулись.

Хакон повторил эту же фразу на пиктском языке. Реакция дикарей последовала немедленно: один из них что-то гневно рявкнул, а другой сплюнул в нашу сторону.

Командир удовлетворенно кивнул:

— Теперь хоть ясно, что они понимают только свое карканье. Слушай, тебе еще не пришло в голову, как нам сбежать отсюда?

— Пока нет, но я надеюсь что-нибудь придумать, когда вожди со своими людьми уберутся отсюда. Давай пока помолчим, чтобы не привлекать их внимания.

Так мы стояли под палящим солнцем, уже начавшим склоняться к западу, мучаясь от жажды и укусов насекомых. К нашим полученным во время ночных схваток ранам прибавились многочисленные порезы от кожаных ремней, которые буквально впивались в тело. Хакон сильнее меня страдал от жарких солнечных лучей, так как я от природы обладал более смуглой кожей.

Храп, все это время раздававшийся со стороны хижин, понемногу стих. Послышались хриплые спросонья голоса — стойбище постепенно просыпалось. Наконец из хижины вышел колдун. Оглянувшись вокруг и посмотрев на солнце, он дунул в костяной свисток, висевший у него на груди.

На площади появился лорд Валериан в сопровождении дикарей, большая часть которых сразу же принялась править оружие. Тем временем колдун вернулся в хижину и вытащил из нее огромный, около двенадцати футов длиной, кожаный мешок, чем-то до отказа набитый и крепко перевязанный. Вряд ли он был тяжелым, судя по тому, что немощ-

ный старик нес его без усилий; у меня сложилось впечатление, что мешок был просто хорошенько надут. По приказу колдуна пикты привязали этот мешок к раздвоенному шесту и наконец тронулись в путь.

Судя по выражениям лиц и гневному ворчанию наших стражей, они были страшно недовольны тем, что оставлены охранять нас и лишены возможности участвовать в набеге.

Колдун смотрел вслед удалявшемуся отряду до тех пор, пока тот не скрылся в лесу. Затем он поочередно проверил крепость наших пут, при этом внимательно вглядываясь в лица. Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы выдержать его пронизывающий взгляд. После этого старик отошел в сторону, уселся, скрестив ноги, и принялся за свое варварское гадание, подбрасывая кости и наблюдая, в каком сочетании они упадут на землю. Первоначальный результат явно его не удовлетворил, и, повторив попытку, колдун дребезжащим старческим голосом затянул какую-то песню на незнакомом мне языке.

Охранники, не сомневающиеся в крепости наших пут, похоже, потеряли всякий интерес к выполнению своих обязанностей. Один вообще отошел в сторону, опустился в траву и задремал, прислонившись к стене хижины, другой же начал упражняться с оружием, демонстрируя все известные ему приемы боевого искусства. Внезапно он остановился и, разбудив напарника, показал рукой в сторону колдуна. Тот сидел неподвижно, буквально окаменев и устремив отсутствующий взгляд в сторону болота. Дикари с осторожностью и почтением приблизились к старику, и один из них, вероятно более смелый, заглянув колдуну в лицо, пощелкал перед ним пальцами. Тот даже не шелохнулся. Создавалось впечатление, что его дух пребывает сейчас где-то очень далеко.

Пикты начали о чем-то переговариваться между собой, поглядывая то на старика, то на нас с Хаконом. Из их слов мне удалось разобрать, что они решили отправиться вдогонку за ушедшим отрядом, пока колдун, находящийся в трансе, не может их остановить. Один из дикарей, вытащив топор, направился в мою сторону. Его намерения были более чем ясны. Я, напрягая легкие, изо всех сил закричал, пытаясь вывести колдуна из оцепенения.

Мой вопль остановил пиктов. Еще раз посовещавшись и, видимо, решив не искушать судьбу, они покинули ост-

ров, прыгая по дороге из камней. После того как дикари исчезли из виду, Хакон пробормотал:

— Хвала Митре, все-таки две пары глаз долой. Но чем это нам поможет? Я связан так крепко, что мне не понять, где у меня руки, а где — ноги!

— Об этом мне удалось позаботиться,— отозвался я и принялся за дело. Расслабив напряженные мускулы, я почувствовал, что ремни уже не так впиваются в тело. Поочередно приподнимая, насколько это было возможно, и опуская плечи, я попытался освободить кисти рук. Постепенно стягивающие их петли начали соскальзывать, и через некоторое время я освободил правую ладонь. С неимоверным напряжением выворачивая кисть, я принялся просовывать кончики пальцев под петлю на предплечье, и наконец мне это удалось.

Колдун все еще был в трансе, а я, обливаясь потом, продолжал трудиться над своим ремнями.

День приближался к закату. После того как я освободил правое предплечье, петли ослабли настолько, что вытащить левую руку не представляло труда. Остальное было еще легче: ремни, стягивающие грудь, я сдвинул вверх и освободил туловище, а затем и ноги.

Взглянув на колдуна — тот все еще сидел неподвижно,— я попытался тронуться с места. Острая боль пронзила все мускулы, казалось, в них как будто всадили тысячи иголок. На подгибающихся ногах я подошел к своему товарищу.

Пикты, безусловно, хорошо постарались, привязывая Хакона к столбу, и высвободить его из пут без ножа было почти безнадежным делом.

— Поищи лучше что-нибудь острое,— посоветовал командир,— а то провозишься до рассвета.

Я не хотел терять времени и пустил в ход зубы. Но так как результат оставлял желать лучшего, пришлось последовать совету и осмотреть хижины. К несчастью, пикты, уходя, унесли с собой все оружие, и я нашел только лук необычной формы, висевший на стене в хижине колдуна, забитой кучами различного хлама, копившегося, вероятно, не одно десятилетие. Здесь же был и колчан, заполненный короткими стрелами, годными для охоты на дичь не крупнее дикой утки, но их костяные наконечники не могли послужить для моей цели.

Таким образом, единственным доступным мне оружием был нож, висевший на поясе колдуна. Я осторожно под-

крался к старику, до сих пор находившемуся в прежнем положении, и, схватив его за волосы, изо всех сил нанес удар в челюсть.

Тело колдуна отбросило на несколько локтей, и он безвольно растянулся на земле. Казалось, все кончено, но вдруг старик вздрогнул и попытался подняться. Я догадался, что дух, покидавший его тело, вернулся в свою оболочку. Не теряя ни мгновения, я навалился на колдуна и стиснул пальцы на тощем горле. Но, невероятное дело, он стал сопротивляться с силой, которую было невозможно представить в его немощном теле. Под сухой кожей внезапно напряглись железные мышцы. Старик, несколько раз ударив меня ногами, попытался вцепиться в мои глаза таким быстрым движением, что я едва успел отклониться в сторону. Случайно поймав его взгляд, я вдруг почувствовал, как ослабевает моя воля. Я начал осознавать, что этот старик — мой повелитель, мой владыка и, если он захочет забрать мою жизнь, я покорно преподнесу ему этот скромный подарок. С чудовищным трудом я прикрыл веки; это помогло мне избавиться от наваждения, позволив не ослабить хватку.

Но дело осложнялось тем, что я не мог отпустить горло старика: произнеси он заклинание, мой дух навсегда покинул бы бренную плоть. И тем не менее сопротивление колдуна ослабевало; хоть он ухитрился вытащить кинжал из висевших на поясе ножен, сил старика хватило лишь на то, чтобы поцарапать мне кожу. Постепенно его движения становились все более беспорядочными и вялыми, но я не отпускал его до тех пор, пока он не перестал подавать последних признаков жизни. Сердце старика остановилось, но я, не желая рисковать, выхватил из его рук кинжал и перерезал горло последнего из Древних.

С трудом поднявшись, я подошел к Хакону и освободил его от пут. Командир, как подкошенный, рухнул на землю и, шипя и кривясь от боли, принялся растирать затекшие члены. Когда он наконец обрел способность двигаться, я спросил:

— Хакон, зачем они взяли с собой мешок?

— В этом мешке — болотные демоны,— ответил командир.— Перед штурмом пикты поднимут его над стеной форта и откроют. Чудовища не успокоятся, пока не перебьют всех, кто попадется им на пути. Колдун наложил на демонов заклятье — все легенды говорят об этом,— и спастись можно, только бросившись на землю. Дикари, открывшие мешок,

будут лежать до тех пор, пока демоны, завершив свое дело, не канут в ту преисподнюю, откуда явились.

— Тогда нам нужно поторопиться, чтобы остановить их,— сказал я,— но в нашем распоряжении только кинжал и лук, да и то охотничий.

— Это все же лучше, чем ничего,— ответил Хакон.— Он тоже может пригодиться, если выпустить стрелу с близкого расстояния. Только действовать придется тебе одному: пикты в свалке выбили мне руку. Так что натянуть лук я теперь не смогу.

Итак, мы вдвоем с Хаконом отправились вслед за войском дикарей, ведомых владетелем Валерианом. Я нес лук колдуна, Хакон держал здоровую руку на рукояти кинжала, отнятого мной у старика.

Мы предполагали, что пикты могли разместить где-то вблизи ручья Тулиана несколько постов, поэтому переходили его с величайшей осторожностью. Затем, скрываясь еще тщательнее, перебрались через Рысью реку. Попавшееся нам на глаза перо из головного убора пикта указывало на то, что дикари проходили по этой дороге, но сейчас их нигде не было видно.

Заметили мы их только после захода солнца, окрасившего в багровый цвет небо на западе. Мы почти уже достигли полей, окружавших Шохиру. Пикты, растянувшись широким полукругом, залегли на краю опушки. Среди них были Валериан и его любовница-колдунья. Вожди дикарей сгруппировались вокруг странного мешка, привязанного к шесту.

В Шохире не замечалось ни одного огня — значит, гонец успел предупредить о готовящемся набеге. Крепость Кваниара, в отличие от города, была ярко освещена, и оттуда доносился неясный гул голосов, а также блеяние, мычание и рев согнанных из Шохиры домашних животных. Пикты значительно превосходили числом защитников крепости, но те были готовы дать дикарям достойный отпор. И если бы не эти ужасные твари с болота Призраков...

Наступала ночь; на темно-синем бархате небосвода высыпали многочисленные звезды. Сквозь просветы в листьях папоротника мы увидели узкий серебристый серп луны.

— Они будут ждать, пока окончательно не стемнеет,— еле слышно прошептал Хакон.— Может, нам удастся сейчас подобраться поближе к этому проклятому мешку?

Тут я наконец понял отчаянный план своего товарища. Ну что ж, ничего больше нам не оставалось, и, плотно при-

жимаясь к земле, мы поползли к стоявшему неподалеку огромному старому дубу. Прячась за его мощным стволом, мы с чрезвычайной осторожностью поднялись на ноги — кусты, в которых залегли дикари, теперь были не более чем в двадцати шагах от этого места.

Я наложил стрелу на тетиву. В этот момент послышался размеренный бой пиктского барабана, и сразу же за ним звонкие удары в гонг — в крепости забили тревогу.

Потом барабанный бой резко сменил темп на быстрое «раз-два, раз-два». Два пикта подошли к шесту и подняли его так, что мешок как бы парил над их головами.

— Пора! — раздался свистящий шепот Хакона.

Я прицелился как можно тщательнее, не забыв вознести молитву Митре: моя задача была явно не из легких. Лук, который я сжимал напряженными руками, не был привычен для меня; узкий серп луны и тусклые звезды давали слишком мало света, к тому же проклятый мешок все время раскачивался на ветру... а я не имел права промахнуться!

Темп барабанного боя еще более ускорился. Послышался свист, звон оружия, приглушенные слова приказов. С ужасающим воинственным воем пикты высыпали из укрытия и бросились к форту.

Я спустил тетиву и тут же понял, что промахнулся. Неужели не успею?! Стремительным движением я натянул лук еще раз. И тут Митра не оставил меня своей милостью: стрела попала в раскачивающуюся на фоне звездного неба цель! Раздался резкий звук, словно лопнула туго натянутая струна.

Два дикаря, которые несли мешок, взглянули вверх и в ужасе застыли. Из лопнувшего мешка начало выплывать наружу какое-то клубящееся облако.

— На землю, живо! — скомандовал Хакон и ничком упал, уткнувшись лицом в сырой мох. Не мешкая, я последовал его примеру.

Пронзенный моей стрелой мешок утратил свою округлую форму и мятой тряпкой болтался на шесте. Похожее на густой дым облако, постепенно расширяясь, окутало ряды пиктов. Затем оно стало распадаться на отдельные части — и каждая из них обратилось в ужасное существо. Эти твари были человеческого роста, с хвостом и крыльями, как у птиц, и большой круглой головой, а также длинными руками и ногами с тонкими когтистыми пальцами.

Хотя я как можно плотнее вжимался лицом в землю, чтобы не привлечь внимание демонов, все же мне удалось заметить, что их было никак не менее нескольких сотен. Протяжно завывая и визжа, они носились над воинством пиктов, которые, совершенно обезумев от ужаса, беспорядочно метались по полю, наталкиваясь друг на друга. Как только из мешка появились эти жуткие твари, один из вождей громким криком приказал своим людям лечь на землю, но только несколько дикарей выполнили приказ. Вой пиктов перекрывал даже визг болотных демонов, но все попытки спастись были тщетны; их неотвратимо настигал летающий кошмар. Совсем близко от нас жуткая тварь одним движением оторвала голову какому-то дикарю, причем его тело с хлещущей из разорванных артерий кровью успело пробежать еще несколько шагов, пока наконец не рухнуло, с треском ломая кусты.

Охваченные безумной паникой пикты носились взад и вперед по полю, и везде их настигали когти кошмарных летающих тварей. Буквально через два десятка вздохов все было кончено. Не находя больше жертв, болотные демоны один за другим скрывались в лесу, и скоро вокруг нас не осталось ни одного живого существа.

Внимательно оглядевшись, мы с Хаконом поднялись и пошли по направлению к крепости. Внезапно перед нами с земли, как вспугнутый перепел, вскочил один из уцелевших дикарей — и, вместо того чтобы с воинственным воплем ринуться на врага, резко развернулся и бросился обратно в лес. Видно, только что происшедшего кровавого побоища оказалось более чем достаточно, чтобы надолго отбить охоту к сражению даже у такого храброго и мужественного воина, каким считал себя каждый пикт.

Подойдя к брошенному шесту с пустым теперь мешком, мы обнаружили около него жалкие останки того, кто был совсем еще недавно могущественным владетелем Валерианом,— голову, оторванную левую руку и растерзанное страшными когтями туловище. Мы прихватили с собой голову нобиля как доказательство того, что произошло. Кварады — ни живой, ни мертвой — нигде не было видно, и никто из нас так и не узнал, удалось ли колдунье избежать ужасной участи своих соплеменников.

Из цитадели навстречу нам уже бежали люди, посланные на разведку Дирком, сыном Строма. Услышав наш рассказ, они кинулись обратно, чтобы сообщить командую-

щему хорошие вести. Из-за стен крепости выплеснулась ликующая и вопящая от радости толпа, нас подхватили на руки и внесли под арку ворот.

Что касается меня, то самым приятным было видеть изумление и растерянность Отхо, сына Корма, моего недавнего знакомца. Он приходил в Шохиру, чтобы расквитаться со мной за слова, которые он посчитал оскорблением, и теперь наблюдал за нами с таким глупым выражением лица, что я не мог не расхохотаться. Что ж, вряд ли у него теперь возникнет желание проучить одного из спасителей своего города!

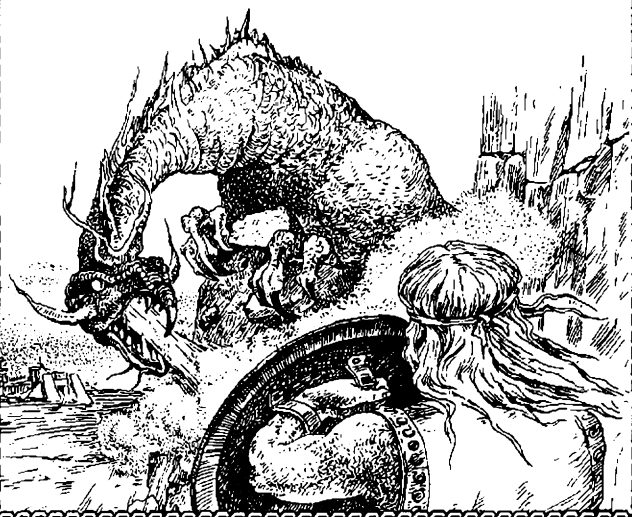
Я вернулся в Тандар. Скоро мы узнали, что прежний правитель Нумедидес умер и королем Аквилонии стал Конан. Конан-киммериец!

С этих времен — впервые на человеческой памяти — стычки на границе прекратились. Ведь по обе ее стороны прекрасно знали, что новый король грозен и крут и не потерпит ни малейшего нарушения заключенного договора. Мой Тандар благоденствовал, как и все остальные провинции; всюду строились новые деревни, крепости и города, расцветали ремесла и торговля. Мы добились того, о чем мечтали,— долгожданного мира.

Жестокость и полная бездарность короля Нумедидеса вызывали всеобщее недовольство, приведшее к серии заговоров и наконец открытому бунту, во главе которого стал Конан. Он собственными руками задушил короля Нумедидеса прямо на троне и возложил себе на голову корону.

Конан со всей своей бешеной энергией занялся восстановлением разрушенного. Он сколачивал мощную армию и строил в своем королевстве дороги, он заключал союзы и налаживал торговлю с соседями. Но его Аквилония — самое цивилизованное среди хайборийских королевств — была слишком лакомым куском для алчных королей сопредельных государств, чтобы они согласились без боя уступить ее какому-то варвару.

И вот на Аквилонию напали немедийцы в союзе с древним магом Ксальтотулом. Обретя могущественный талисман «Сердце Аримана», Конан одержал победу у города Танасул.



Возвращение Конана

«...Знай же, о принц, целых два месяца после битвы у города Танасул Конан трудился без сна и без отдыха, приводя в порядок свое королевство, залечивая раны, нанесенные стране захватчиками.

Потом Конан засобирался в Немедию сам. Ему предстояло вернуть на родину плененного короля Тараска и забрать к себе в Аквилонию девушку по имени Зенобия — ту самую, что спасла ему жизнь, когда он был брошен в дворцовые подземелья Бельверуса, немедийской столицы.

Поездка в Немедию и обратно превратилась в триумфальное шествие. Вернувшись в Тарантию, Конан отпраздновал свою свадьбу с Зенобией со всем блеском и пышностью, на которые только было способно богатое древнее королевство.

Последующие несколько месяцев пролетели для Конана незаметно — так поглотили его государственные дела и обретенное наконец семейное счастье.

Однако потом произошло непредвиденное...»

Немедийская хроника

Пролог

...Густая тьма царила меж каменных стен. Тонкие длинные свечи, горевшие в железных скобах, тщетно силились ее разогнать. Посреди зловещего покоя стоял ничем не укра-

© B. Nyberg, L. Sprague De Camp.

шенный стол, а за ним сидел некто в широкой мантии с капюшоном — некто едва различимый в окружающей мгле. Он был не один, но того, с кем он, казалось, молча беседовал, взгляд различал еще с большим трудом — просто неясная тень, скорчившаяся в темном углу...

А потом по комнате пронесся вихрь, словно бы поднятый взмахом огромных крыльев. Заметалось пламя свечей — и сидевший за столом остался в одиночестве...

1

КРЫЛЬЯ В НОЧИ

Неприступные стены королевского дворца в Тарантии чеканным силуэтом выделялись на темнеющем небе. По бастионам взад и вперед прохаживались часовые — каждый с мечом у бедра и с алебардой, вскинутой на плечо. Впрочем, сегодня никто особо не нуждался в их бдительности. Подъемный мост был опущен, а решетки ворот — подняты. Во дворец съезжались гости — нарядные рыцари и дворяне со своими дамами.

Острый глаз тотчас выделил бы Просперо — полководца короля Конана и его правую руку. Просперо шел неторопливой походкой, разодетый в малиновый бархат с золотыми леопардами Пуантена, вышитыми на груди. На ногах его красовались высокие сапоги из великолепной кожи, выделанной в Кордаве. Был там и Паллантид, командир Черных Драконов, не успевший снять легкой кольчуги. Вот показался Троцеро, наследный граф Пуантена, прямой и страстный по-юному, несмотря на серебряную седину в волосах. Пришли графы Манары и Кутена, бароны Лора и Имируса и еще многие, и каждый вел под руку красавицу в шелках и атласе, а слуги едва поспевали убирать прочь носилки и золоченые колесницы, доставившие вельмож.

В Аквилонии царил мир. Вот уже более года прошло с той поры, как немедийский король, оживив ахеронского чародея Ксальтотуна, попытался отнять у Конана его королевство и корону, которую за несколько лет перед тем киммериец сорвал с окровавленной головы тирана Нумедидеса, павшего от его руки прямо на троне.

Тогда, год назад, немедийцы потерпели полное поражение. С них взыскали немалый выкуп, заставив возместить причиненный Аквилонии ущерб, а иссохшая мумия Ксаль-

тотуна унеслась на таинственной колеснице обратно в неведомое логово мрака. Власть короля Конана крепла день ото дня, ибо правил он мудро и справедливо, и народ отвечал ему преданностью и любовью. Единственным источником беспокойства были непрекращающиеся набеги пиктов на западной границе. Однако пиктов сдерживали закаленные войска, стоявшие на Громовой реке.

Сегодня Тарантия праздновала и веселилась. Сотни факелов, укрепленных рядами, озаряли дворцовые ворота. Многоцветные туранские ковры укрыли грубые каменные плиты двора. Нарядные слуги опрометью носились туда-сюда, направляемые и подгоняемые окликами дворецких. Король Конан давал бал в честь своей супруги Зенобии, некогда рабыни из сераля короля Немедии. Когда плененный Конан был брошен в подземные темницы Бельверуса, она помогла ему бежать — и за то удостоилась величайшей чести, которая только могла достаться женщине в западных странах: Конан сделал ее королевой Аквилонии, самой могущественной державы западнее Турана.

От взоров гостей не укрылось пылкое чувство, связывавшее венценосных супругов. Выражение лиц, жесты, взгляды — все было достаточно красноречиво. Казалось даже, Конан вот-вот отбросит лицемерную сдержанность, предписываемую цивилизацией, и, подчинившись зову своей варварской крови, могучими руками прижмет к сердцу милую королеву. Но нет, он стоял на расстоянии вытянутой руки от нее, отвечая на поклоны и реверансы гостей. Делал он это с изяществом, которое казалось врожденным, но которое он на самом деле усвоил совсем недавно.

Время от времени король поглядывал на дальнюю стену, туда, где было развешано множество замечательного оружия — мечей, копий, боевых топоров, палиц и дротиков. Король рад был видеть своих подданных, занятых мирным трудом, но варвар в нем тосковал по льющейся крови, по хрусту вражеских лат и костей под ударом меча. Сегодня, конечно, подобные мысли были совсем ни к чему. Конан отвел глаза от оружия и любезно кивнул прелестной графине, склонившейся перед ним.

Множество прекрасных женщин съехалось в ту ночь во дворец. Любой ценитель поневоле призадумался бы, доведись ему избирать красивейшую,— во всяком случае, среди приглашенных. Ибо с молодой королевой не мог сравниться никто. Облегающее, с глубоким вырезом платье подчеркивало совершенство ее тела; серебряный обруч едва удержи-

вал массу роскошных, волнистых черных волос. Но всего более красили королеву врожденное благородство и доброта, которыми лучилось ее лицо,— качества, столь редкие в те времена.

Но если мужчины единодушно считали, что королю повезло, то и у женщин было не меньше причин завидовать королеве Зенобии. Одетый в простую черную рубаху, черные штаны и мягкие черные сапоги, Конан невольно приковывал к себе взгляд. Золотой лев Аквилонии сверкал на его груди. Кроме льва, единственным украшением был тонкий золотой обруч, поблескивавший в его черной гриве, подстриженной чуть выше бровей. И довольно было один раз взглянуть на могучий разворот его мускулистых плеч, на узкие бедра и наделенные тигриной силой ноги, чтобы понять: этот человек родился не для цивилизованной жизни.

Однако самой поразительной чертой Конана были его глаза, горевшие голубым огнем на темном, покрытом шрамами лице. Непостижимые глаза, чью загадочную глубину никто не пытался измерить. Эти глаза видели такое, что и присниться не могло веселым гостям; им случалось смотреть на поля битв, усеянные изуродованными телами, на палубы кораблей, залитые потоками крови, на дикарские казни и тайные обряды у алтарей чудовищных божеств. А руки короля в свое время сжимали и меч западных стран, и кривую зуагирскую саблю, и жайбарский нож, и туранский ятаган, и топор жителей леса — и с неизменным искусством и разрушительной мощью обрушивали это оружие равно на людей всех мыслимых рас и на нечеловеческие существа — темные порождения неназываемых царств. Да, поистине тонок был налет цивилизованности, укрывавший эту душу варвара!

И вот бал начался. Король Конан самолично открыл его, уверенно ведя свою королеву сквозь лабиринт сложных па аквилонского менуэта. Правду сказать, танцором Конан был очень неопытным, но первобытное чувство ритма помогло ему легко схватить мелодию и весьма преуспеть после считанных уроков, торопливо преподанных ему на той неделе взмокшим от усердия придворным церемониймейстером... Толпа нарядных гостей по очереди последовала примеру царственной четы. Вскоре разноцветные пары весело закружились по всему залу с его мозаичным полом, искрившимся в теплом сиянии множества свечей.

И никто не заметил легкого сквозняка, от которого чуть встрепенулось пламя на фитильках в одном-единственном

канделябре. Никто не заметил светящихся глаз, окинувших танцующую толпу жадным и злобным взором из темной ниши окна. Между тем этот взгляд остановился на тоненькой фигурке в серебряном платье, которую король бережно держал в кольце своих рук. Еле слышный злорадный смешок раздался во тьме, и глаза исчезли. Тихо-тихо сомкнулись створки окна.

Но вот в конце зала пропел огромный бронзовый гонг, знаменуя перерыв в танцах. Разгоряченные гости потянулись к столам освежиться туранским шербетом и вином, выдержанным во льду.

— Я совсем запыхалась, Конан,— пожаловалась королева.— Пойду вдохну свежего воздуха!

И направилась к дверям, настежь распахнутым на широкий балкон. Король двинулся было следом, но тотчас попал в окружение дам и вынужден был задержаться. Пользуясь случаем, прекрасные гостьи засыпали Конана вопросами о его прежней жизни:

— Правду ли говорят, ваше величество, будто вы некогда были вождем диких орд в сказочном Гулистане, что в Химелийских горах?

— А верно ли, что это вы дерзким ударом спасли королевство Хауран от шемитских грабителей наемника Констанция?

— Государь, вы в самом деле были пиратом?

Вопросы так и сыпались. Конан отвечал уклончиво и кратко. Недреманый инстинкт варвара смутно предостерегал его, подталкивая вслед за Зенобией на балкон. Ему следовало защищать ее — хотя, если подумать, какая опасность могла угрожать его возлюбленной супруге здесь, в его столице, в его собственном замке, в окружении друзей и сотен верных солдат?

И все же он чувствовал беспокойство. Некое смущение в крови, говорившее о близкой опасности и неминуемом роке. Он решил довериться этому животному инстинкту и стал пробираться к балконным дверям, невзирая на мольбы и упреки прекрасных слушательниц.

Проталкиваясь вперед (чуть более бесцеремонно, нежели пристало монарху), Конан разглядел наконец серебряную фигурку Зенобии. Она стояла к нему спиной, легкий, прохладный ветерок шевелил ее волосы. Король вздохнул с облегчением. Похоже, на сей раз обостренный нюх на опасность сыграл с ним шутку. Тем не менее он продолжал идти вперед, к ней.

И вдруг тонкий силуэт королевы исчез, окутанный мраком. Зловещая черная пелена распростерлась над головами гостей; накрашенные женские губки и мужские бородатые рты с равным ужасом зашептали тайные, оберегающие слова. Ледяное дыхание Судьбы коснулось собравшихся. Земля под ногами содрогнулась от громового раската. Отчаянно вскрикнула королева...

В воцарившейся тьме Конан пантерой метнулся к балконной двери, расшвыривая с дороги знатных гостей и уставленные яствами столы. Снова послышался крик, он удалялся, как будто неведомая сила несла Зенобию прочь. Король добрался до балкона и обнаружил, что там пусто...

Конан окинул взглядом неприступные стены дворца. Никого и ничего! Тогда он поднял голову вверх — и вот высоко-высоко в лунном свете мелькнула жуткая тень, кошмарное крылатое существо, отдаленно похожее на человека. Оно держало в когтях серебристую звездочку — его жену и подругу. Несколько взмахов могучих перепончатых крыл, и тварь превратилась в точку у восточного горизонта...

Какое-то мгновение Конан стоял неподвижно, точно статуя из вороненой стали. Жили только глаза, и в них билась ледяная ярость и безысходное отчаяние. И когда он вновь повернулся к гостям, они отшатнулись так, словно он был тем самым чудовищем, что умчало прочь его королеву. Он молча пошел напрямик через зал к выходу. Он налетал на столы и стулья и опрокидывал их, сам не замечая того. Люди перед ним расступались.

У самого выхода он задержался подле увешанной оружием стены и сорвал с нее простой, тяжелый прямой меч, славно послуживший ему во множестве битв. Поднял вверх блестящий клинок и хрипло промолвил:

— Отныне я вам не король! Отныне — и до того часа, пока не вернусь и не привезу назад свою украденную королеву! Какой из меня правитель, если я не способен отстоять собственную жену? Но клянусь Кромом, я разыщу этого похитителя, и он не уйдет от моей мести, хотя бы его с оружием в руках защищали все армии мира!

И, набрав воздуху в грудь, король издал грозный и страшный клич, эхом раскатившийся под сводами зала. Все содрогнулись: казалось, это был заунывный и мрачный крик гибнущих душ. Многие в толпе притихших гостей побледнели, охваченные суеверным ужасом.

Король вышел из зала.

Просперо вышел следом за Конаном. Троцеро на миг задержался, обводя взглядом зал, и тоже исчез.

Дрожавшая пуантенская графиня первой набралась смелости произнести вслух вопрос, которым про себя задавались многие вокруг:

— Скажите же хоть кто-нибудь, что за ужасный клич здесь прозвучал? У меня так прямо кровь в жилах застыла! Мне казалось, черный рок готов был свершиться над моей головой! Поистине, так кричат мстящие души, что возвращаются из Темной Страны и носятся над бесплодными пустошами в поисках жертв...

И седовласый граф Роман, ветеран пограничных войск, ответил:

— Вы почти угадали, любезная госпожа. Это был боевой клич киммерийских племен. Но он звучит лишь тогда, когда воины бросаются в битву, не заботясь о сохранении жизни и помышляя только об одном — убить врага.— Он помолчал и добавил: — Я всего один раз слышал его прежде. Это было во время кровавого штурма Венариума, когда, невзирая на ливень наших стрел, черноволосые варвары кинулись на стены и зарубили всех... всех...

Мертвая тишина сопроводила эти слова.

— Нет, Просперо! Я сказал: нет! — Тяжелый кулак Конана с грохотом обрушился на стол.— Я поеду один. Отправить вооруженные легионы за пределы страны — значит наверняка разжечь алчность какого-нибудь затаившегося врага. Думаешь, Тараск позабыл трепку, которую мы ему задали? Да и Коф с Офиром, как всегда, ненадежны. Вот почему я поеду не как Конан, король Аквилонии, окруженный блестящей свитой рыцарей и солдат. Я буду просто Конаном-киммерийцем, обычным искателем приключений.

— Но, Конан,— сказал Просперо с дружеской простотой, что давно уже установилась между ним и королем,— мы не можем позволить тебе рисковать жизнью в подобном предприятии. Как бы не вышло так, что ты... не доберешься до цели. Если же за твоей спиной будут пуантенские рыцари, никто не посмеет встать у тебя на пути. Позволь нам сопровождать тебя!

Угрюмые глаза Конана благодарно потеплели, но он отрицательно мотнул головой:

— Нет, дружище. Похоже, мне суждено одному вызволять мою королеву, и даже от верных рыцарей толку будет немного. Вот что: возглавь-ка в мое отсутствие армию, а

Троцеро пусть правит страной. И если я не вернусь через два года — выбирайте себе нового короля!

Он снял с головы тонкий золотой ободок и положил его на дубовый стол. И некоторое время молча стоял, сдвинув брови в тяжком раздумье.

Троцеро и Просперо не пытались нарушить молчание. Они давно привыкли к тому, что мысль Конана подчас летает странными путями. Разум варвара, не испорченный цивилизованной жизнью, порой устремлялся в глубины, неведомые обыкновенному рассудку. Да, перед ними стоял не просто король, чью подругу вырвали из его объятий темные, зловещие силы. Конан не тратился на крик и пустые угрозы, но в потаенной глубине его сердца ждала своего часа ужасная месть...

Наконец он расправил широкие плечи и заговорил:

— Коня, Просперо! Коня и обмундирование простого наемника! Я отправлюсь немедля.

— Куда хоть? — спросил полководец.

— К чародею Пелиасу из Кофа. Он теперь живет в Хорайе, в городе Ханарии. Я не очень-то жалую колдунов и предпочитаю обходиться без их помощи, но, чувствую, придется-таки с ним посоветоваться. Сдается мне, в нынешнем происшествии замешана черная магия. Летучая тварь, утащившая Зенобию, не была похожа ни на одну из земных птиц!

...Они и не подозревали, что все это время за тяжелой дубовой дверью, плотно приложив к ней ухо, стоял некий человек. При этих словах по его лицу зазмеилась улыбка. Торопливо оглядевшись, он скрылся за плотной занавесью в одной из ниш в стене коридора. Он слышал, как растворилась дверь. Конан и его друзья прошли мимо, их шаги постепенно стихли на лестнице.

Шпион терпеливо дождался, пока вновь не станет совсем тихо. Лишь тогда, оглядываясь налево и направо, он выбрался из своего тайника. Костюм дворцового слуги помог ему пересечь двор под равнодушными взглядами стражей. Вот он скрылся в помещении для слуг и вновь вышел наружу, кутаясь от ночного холода в толстый шерстяной плащ. Он назвал привратнику пароль, и ему было позволено выйти. Путь его лежал в западную часть города.

Никто не следил за ним. В боковых улочках и переулках было темно, как в дымоходе. Луна, подернутая облаками,

едва рассеивала кромешную темень. Стражники в остроконечных шлемах и с алебардами на плечах прохаживались парами, переговариваясь вполголоса. Блудницы высовывались из окошек, призывно окликая одинокого пешехода. Иные были красивы и старались подчеркнуть свою красоту откровенными вырезами и прозрачными шелками нарядов. У других были изможденные, усталые лица, густо покрытые пудрой и гирканскими румянами. Путник спешил мимо, не обращая на них внимания и не сворачивая со своего пути.

Наконец он подошел к богатому дому, стоявшему посреди сада, похожего больше на парк. Высокая стена окружала его; в одном месте зияла дверная ниша. Человек четырежды постучал. Дверь отворил темнокожий плечистый стигиец в белых одеждах. Они шепнули друг другу несколько слов, после чего тот, что был одет дворцовым слугой, торопливо пошел по дорожке к дому, окна которого были темны — все, кроме одного.

Этот дом принадлежал явно не уроженцу Аквилонии. Стены были украшены пышными коврами и многочисленными картинами, но все это убранство не имело ничего общего с западной цивилизацией. Картины изображали в основном высокие купола мраморных храмов, белые зиккураты и людей в тюрбанах, вооруженных кривыми клинками и одетых в просторные одеяния из атласа и шелка, затканные золотом и серебром. Овальные столики с инкрустацией, диваны, затянутые алыми и зелеными шелками, золотые вазы, полные заморских цветов,— все вместе безошибочно говорило об экзотическом и роскошном Востоке.

На одном из диванов возлежал крупный багроволицый мужчина, потягивавший вино из отделанного драгоценными камнями кубка. Он небрежно кивнул в ответ на «салам» дворцового слуги.

— Что привело тебя сюда, Маринус? — Голос прозвучал томно, и вместе с тем в нем слышались резкие нотки.— Или ты был недостаточно занят, исполняя мое задание на королевском балу? Ведь он должен был длиться до самого утра, если, конечно, Конан не надумал внезапно отменить все... что ж, от варвара вполне можно этого ожидать... Так что же случилось?

И вновь отхлебнул вина, впиваясь в Маринуса пристальным взглядом.

— Повелитель мой Гандар Чен! — ответствовал тот.— Аквилонскую королеву утащило немыслимое чудовище, ко-

торое схватило ее и взмыло с нею в небеса! Король принял решение нынче же ночью ехать на поиски, и притом в одиночку. Конечно, первым долгом он желает вызнать хоть что-то о том, откуда прилетел похититель. Он вознамерился посетить с этой целью кофского волшебника — Пелиаса из Ханарии.

— Клянусь Эрликом! Вот это новости! — Гандар Чен вскочил на ноги, глаза его загорелись.— Пятеро моих отравителей кормят стервятников на виселицах Холма Казней, ибо проклятые Черные Драконы действительно неподкупны. Но теперь — теперь Конан будет один! Один в чужих странах!

Он хлопнул в ладоши. Бесшумно появился стигиец и замер, ожидая приказа, смуглое лицо его было непроницаемо и бесстрастно. Гандар Чен сказал:

— Конан, король Аквилонии, отправляется в далекое путешествие. Он едет один, одетый обыкновенным наемником. Первым долгом он держит путь в город Ханарию, что в Хорайе, думая обратиться за помощью к колдуну Пелиасу. Скачи же к Бараккусу, что стоит лагерем на реке Йивге. Вели ему взять верных людей — столько, сколько понадобится,— и убить Конана в Ханарии. Киммериец не должен добраться до Пелиаса! Если этот некромант, да будет он проклят вовеки, возьмется ему помогать... как бы он не стер с лица земли всех наших людей простым взмахом руки!

В мрачных глазах стигийца вспыхнул огонь, обычно неподвижные черты исказились в жуткой ухмылке.

— О, я хорошо знаю Конана! — пробормотал он зловеще.— С тех самых пор, как у границ Хорайи он смешал с пылью войско принца Кутамуна. Я был одним из немногих, кто спасся тогда, но потом меня схватили работорговцы Кофа и продали — меня, благороднорожденного, привычного к войне и охоте! Я долго вынашивал эту месть! О боги, сделайте так, чтобы мне довелось самому убить киммерийца!..— Его рука легла на рукоять длинного кинжала.— Я еду тотчас же, повелитель!

Он низко поклонился и вышел.

Гандар Чен уселся за богато инкрустированный столик розового дерева. Вынул из ящичка золотое перо и пергамент и принялся писать:

«Королю Ездигерду, властелину Турана и всей Восточной Империи. Гандар Чен, твой верный слуга, рад приветствовать тебя, о король. Конан-киммериец, козак и пират, в одиночестве отправился в Ханарию. Я распорядился убить его там. Как только это будет исполнено, я немедля при-

шлю тебе его голову. Если же некое чудо все-таки сохранит ему жизнь, дальнейший его путь, вероятно, проляжет непосредственно через туранские земли. Писано в Год Коня, в третий день Золотого Месяца...»

Присыпав чернила песком, туранец поднялся и вручил пергамент Маринусу, успевшему развалиться в кресле поодаль.

— Выезжай немедля,— отрывисто приказал Гандар Чен.— Скачи на восток. Мои слуги дадут тебе оружие и коня. Доставишь это письмо в Аграпур и отдашь лично королю Ездигерду. Немалая награда ждет нас обоих. Спеши!

Когда за Маринусом закрылась дверь, Гандар Чен опустился на диван и вновь потянулся к кубку с вином. Довольная улыбка блуждала по его лицу...

2

КОЛЬЦО РАХАМОНА

Испепеляющее послеполуденное солнце хлестало пустыню огненными бичами. Далекие пальмовые рощи дрожали и плыли в раскаленной мгле. Стаи стервятников казались гроздьями спелых черных плодов в зелени крон. Бесконечные пространства желтых песков простирались, сколько хватал глаз. Иссушенные плоские равнины сменялись волнами дюн...

Одинокий всадник остановил коня в тени пальм, окружавших оазис. На нем был снежно-белый халат жителя пустыни, но черты лица явственно говорили о том, что этот человек принадлежал не Востоку. Он внимательно глядел вдаль из-под руки, приставив к глазам широкую, сильную, бугристую от шрамов ладонь. Кожа всадника казалась почти бурой, но это была не природная смуглость зуагира: лицо его отливало красноватой бронзой пропеченного солнцем выходца с Запада. Глаза же горели неукротимым голубым огнем — глубокие, загадочные глаза. В распахнувшемся рукаве поблескивал металл: просторное одеяние странника скрывало кольчугу.

А на боку висел длинный прямой меч в простых кожаных ножнах.

Конан ехал быстро и проделал уже немалый путь. Ничто не могло удержать его. Он загнал четырех лошадей, пока добрался до Кофа. Достигнув наконец границы пустынь,

занимавших восточную оконечность этого королевства, он дал себе короткую передышку в нищей захолустной деревушке, покупая халат и съестные припасы в дорогу. До сих пор никто не вставал у него на пути. Лишь нечесаные головы высовывались из дверей, изумленно провожая взглядами стремительного всадника, а вооруженные стражники задумчиво почесывали в бородах, размышляя, куда бы это мог торопиться одинокий наемник...

Немногие в королевстве Коф сумели бы опознать Конана, короля Аквилонии: аквилонцы и жители Кофа враждовали друг с другом и, как следствие, довольно редко общались.

Зоркие глаза Конана обшаривали горизонт. Жаркий воздух волнами наплывал из пустыни, но все-таки он разглядел вдалеке неясные очертания высоких куполов и зубчатых стен. Похоже, это и была Ханария — город в королевстве Хорайя. В этом городе он разыщет чародея Пелиаса и попросит его помочь найти свою похищенную королеву. У него были веские причины надеяться, что Пелиас ему не откажет. Пять лет назад, когда волшебник томился в подземельях Алой цитадели, в плену у своего врага Тзота-Ланти, Конан повстречал его там и выручил из беды.

Конан коснулся шпорами боков вороного жеребца, посылая его вперед, к далеким башням.

— Кром! — пробормотал он.— Надеюсь, Пелиас нынче в здравом рассудке! Чего доброго, насосался вина и валяется на своем золотом диване, наплевав на весь белый свет. Но даже если так — клянусь Бадбом, уж я его разыщу!

Пестрая толпа кружилась и перетекала по узким улочкам Ханарии и по мощеной рыночной площади. Кого там только не было! Зуагиры с северо-востока, из разбросанных по пустыне крохотных деревушек; развязные наемники с жадными глазами, не снимающие руки с рукояти меча; крикливые лотошники, нахваливающие свой товар; блудницы с накрашенными лицами, в пестрых юбчонках... цветистое, живописное зрелище!

Время от времени толпу раздвигали в стороны вооруженные слуги какого-нибудь богатого вельможи, восседающего в благоухающем паланкине, водруженном на лоснящиеся черные плечи мускулистых кушитских рабов. А то отряд стражников выезжал из казарм — цокали копыта скакунов, лязгала сбруя, развевались конские хвосты плюмажей...

Дородный Крассид, капитан стражи Западных ворот, гладил седеющую бороду и знай ворчал про себя. В город

нередко заглядывали чужестранцы, но таких необычных, как те, что явились сегодня, он, кажется, еще не видал. Вскоре после полудня в туче песчаной пыли из пустыни нагрянул отряд в семь человек. Предводитель был худощавым малым, чем-то смахивавшим на хищного зверя; под редкими усами виднелись плотно сжатые тонкие губы. Он был вооружен на манер рыцарей Запада, но кираса и шлем были гладкими, без герба. Бок о бок с ним ехал на черном коне здоровенный стигиец в просторном халате. Единственным видимым оружием его был тяжелый боевой лук.

Остальные пятеро были отменно вооружены: каждый вез у пояса меч и кинжал, в руках покачивались длинные пики. На вид — дерзкие негодяи, с одинаковой легкостью способные прижать в углу девушку или перерезать кому-нибудь глотку.

Ханарийская городская стража предпочитала не задерживать чужестранцев без веских на то причин. Восток и Запад встречались и смешивались здесь, торгуя и обмениваясь сплетнями. И тем не менее Крассид напряженно следил взглядом за этой семеркой, удалявшейся по направлению к северному кварталу, пока они не скрылись среди дымных таверн и не стих лай уличных дворняжек, мчавшихся следом.

Остаток дня прошел спокойно, но под вечер поток странноватых чужеземцев, казалось, возобновился. С последними лучами солнца у ворот, уже запертых на ночь, остановил коня рослый всадник в бурнусе и потребовал, чтобы его впустили.

Крассид, вызванный к воротам одним из дежурных стражников, явился как раз вовремя, чтобы услышать, как второй стражник кричал вниз:

— Чего тебе здесь надо, бродяга? Мы не впускаем после заката никаких чужаков, которые, того гляди, примутся резать нам глотки и обижать наших женщин! Назови-ка свое имя и скажи, куда едешь, пока не оказался в цепях!

Незнакомец смерил стражника ледяным взглядом голубых глаз, сверкнувших из-под головного платка жителя пустыни.

— Вот что, дружище,— проговорил он с варварским акцентом.— Мне случалось убивать людей и за меньшие оскорбления. А ну живо отопри ворота, не то, клянусь Кромом, я вернусь с войском и разграблю к дьяволам весь этот свинарник!

— Ну, ну, потише,— вмешался Крассид и отпихнул стражника в сторону.— Пошел вон отсюда, недоносок: я еще по-

учу тебя, как разговаривать с чужестранцами.— И обратился к всаднику: — Послушай, господин! Ты сам понимаешь, нам в Ханарии вовсе ни к чему забияки. Час уже поздний; если хочешь, чтобы я отпер ворота, будь добр назваться и объяснить, по какому ты делу.

— Зови меня Арусом,— буркнул приезжий.— Я хочу повидаться с волшебником Пелиасом.

— Впустите его,— велел Крассид.

Заскрипели тяжелые засовы, двое стражников что было сил налегли на бронзовые рукояти, и одна из створок ворот медленно отошла. Приезжий пустил коня легким галопом и удалился опять-таки в сторону северного квартала, даже взглядом не удостоив привратников. Когда цокот копыт его жеребца постепенно затих, молодой стражник обратился к своему капитану, с трудом сдерживая обиду и гнев:

— С какой стати впускать в город всякого наглеца, ведущего себя так, будто это он здесь правит! По мне, всадить бы ему стрелу между ребрами, и добро!

Крассид спрятал в бороде улыбку:

— Быть может, годы добавят тебе разума, сынок... хотя лично я не особенно на это надеюсь. Неужели ты не слыхал о том, как много лет назад военный предводитель одного из городов-государств Шема велел схватить и бросить в тюрьму какого-то северного варвара вроде того, что нынче пожаловал к нам? Так вот, тот малый сбежал, сколотил банду из беззаконных бродяг-зуагиров и вернулся назад, чтобы отомстить. Дикари штурмом взяли город, рубя налево и направо, с важных пленников живьем содрали на городской площади кожу, а затем сожгли все — кроме столба, на котором торчала голова того неразумного предводителя. Я думаю, наш друг сделан из такого же теста... Видишь ли, пока он один, он не доставит нам особых хлопот. А если он замышляет дурное — Пелиас живо разгадает его козни и примет меры, какие надлежит. Ну, дошло наконец?..

Конан хорошо знал, где жил чародей: в башне из золотистого камня у северной оконечности города. И он направил своего коня прямо туда, намереваясь перво-наперво свидеться с Пелиасом, а уж потом позаботиться об ужине и ночлеге. Каковы будут еда и ночлег, его заботило всего менее. Годы цивилизованной жизни не изменили его вкусов и не изнежили тела. Краюха хлеба, кусок мяса да кружка пенистого эля — вот все, что ему требовалось. А постель — если ничего лучшего не подвернется, он отлично выспится и на полу таверны.

Покои Пелиаса славились роскошью, но Конан не имел ни малейшего намерения оставаться у него на ночь. Больно уж много темных и безымянных созданий слонялось в темноте по дому волшебника...

Спереди вдруг послышалась приглушенная ругань, потом жалобный крик. По правую руку с треском растворилась дверь, и на улицу опрометью выскочила девушка. Споткнулась и растянулась в пыли.

Конан натянул поводья. Девчонка была сложена не хуже гурий, что населяют рай приверженцев Эрлика. Конан мигом оценил ее красоту, поскольку простое платьице девушки было изорвано в клочья и мало что прикрывало. Вот она отбросила с лица спутанные пряди иссиня-черных волос и с ужасом оглянулась на захлопнувшуюся дверь. Потом огромные глаза обратились на Конана, неподвижно сидевшего на коне. Испуганным жестом девушка прижала ладони ко рту...

— Что стряслось, малышка? — грубовато спросил киммериец, наклоняясь с седла.— Никак любовник поколотил?

Гибким движением девушка поднялась на ноги.

— Там... два пьяных солдата... хотели меня... обесчестить... Я пришла купить вина для отца, а они и деньги у меня отняли...

— Так,— сказал Конан, соскакивая с седла, и его глаза угрюмо сверкнули. У варвара были свои понятия о чести. В частности, он не выносил мужчин, способных применить к женщине силу.— Вот что, девочка,— продолжал он.— Я думаю, не помешало бы разок-другой дернуть их за бороды. Иди вперед, откроешь мне дверь. Там никого больше нет, кроме них?

Она кивнула, подарив ему взгляд, полный ужаса и надежды, и пошла с ним обратно к таверне. Чуть помедлила в нерешительности и распахнула дверь. Два широких шага — и Конан оказался внутри. И услышал, как щелкнул дверной замок у него за спиной.

А перед ним... ничего похожего на то, что он ожидал. Никаких пьяных солдат, которых он легко вразумил бы одним кулаком. Прижавшись к стенам, перед ним стояло семеро вооруженных людей, и в руках у них поблескивали наготове мечи и кинжалы. Не теряя даром ни мгновения, они кинулись к Конану. В их глазах горела яростная решимость: убить!

Цивилизованный человек, пожалуй, замер бы от неожиданности и был бы тотчас заколот. Гиганта киммерийца за-

стать врасплох было трудней. Первобытный нюх на опасность предостерег его еще на пороге, и закаленное тело отреагировало молниеносно.

Вытаскивать громадный меч не было времени: не успеет он его обнажить, как они налетят на него, точно стая волков. Нет, единственный шанс на спасение заключался в стремительной атаке. Любой ценой следовало ошеломить и смутить соперников прежде, чем они успеют взять его в кольцо.

Могучий пинок — и под ноги троим нападавшим полетела скамья. Они грохнулись на пол, послышался лязг металла, сдавленные проклятия. Конан увернулся от свистнувшего над головой клинка. Его тяжелый кулак обрушился врагу прямо в лицо, раздробив кости и отшвырнув его навстречу троим оставшимся.

Пользуясь некоторым замешательством убийц, киммериец вырвался из их кольца. Прыжок, достойный пантеры,— и он подхватил тяжелый дубовый стол и, ощерившись от напряжения, швырнул его во врагов. На пол полетело оружие, выбитое из рук, кто-то завопил от боли. И только теперь, получив короткую передышку, Конан вытащил из ножен длинный меч, одновременно левой рукой выхватывая кинжал.

Он не стал дожидаться, пока они нападут вновь. Вероломная засада привела его в бешенство, кровь варвара клокотала. Багровый туман взвился перед глазами, он хотел лишь одного — убивать! Конан ринулся вперед — один против шестерых уцелевших. Кто-то из негодяев еще стоял на четвереньках, не успев подняться. Ударом ноги Конан проломил ему ребра. Кинжал в левой руке отразил удар второго, между тем как тяжелый меч стремительным взмахом отсек правую руку третьего. Рука вместе с саблей полетела на пол, струей ударила кровь. Глаза воина остекленели, он скорчился в предсмертной муке, заходясь криком...

Осталось четверо. Они выстроились полукругом и двинулись вперед медленно, осторожно. Рослый вожак, чем-то похожий на волка, сделал ложный выпад и попытался ударить Конана по ногам. Но не вышло: ответным ударом Конан едва не снес ему голову. Вожак спасся лишь тем, что вовремя бросился на пол. Конану хватило мгновения, чтобы узнать его: это был Бараккус, аквилонский вельможа,— Конан в свое время выслал его из страны, уличив в сговоре с правителями Офира...

Трое кинулись на него. Чей-то клинок, занесенный в отчаянном ударе, обрушился на его шлем, смяв металл и почти оглушив киммерийца. Перед глазами вспыхнули звезды, но рука сама послала меч вверх; наградой Конану был хриплый, булькающий вопль. Острие кинжала, ударившего его в правый бок, сломалось, не пробив кольчуги, и почти одновременно сабля рассекла ему левую руку.

Торопливо смахнув с лица кровь, Конан заметил, что перед ним оставался всего один враг. Стигиец, чей кинжал сломался о его кольчугу, отскочил прочь и нагнулся к оружию, валявшемуся на полу. А рослый предводитель только еще поднимался на ноги.

Конан шагнул вперед, навстречу противнику... но неожиданно поскользнулся в луже крови и растянулся во всю длину.

Убийца, с которым он собирался сойтись, торжествующе закричал и прыгнул вперед, занося меч. Конан оказал ему достойный прием. Он так лягнул нападавшего, что тот не только промазал, но и свалился прямо на киммерийца, напоровшись на выставленный кинжал.

Отшвырнув безжизненное тело прочь, Конан с кошачьей ловкостью вскочил на ноги, встречая атаку вернувшегося стигийца. Тот ринулся на него без промедления: в глазах темнокожего гиганта бесновалось мрачное пламя, на губах пузырилась пена. Лютая ненависть направила его руку: увернувшись от меча киммерийца, он ухитрился накинуть на клинок врага свой белый плащ, опутав его тяжелыми складками. Подобранный стигийцем нож ударил Конана в бок с такой силой, что звенья кольчуги не выдержали и лопнули. Острие вонзилось в тело, но Конанов кинжал был не менее беспощаден и быстр: мгновение — и он по рукоятку вошел в смуглый торс. Рот стигийца широко раскрылся в немом крике боли. Его кинжал звякнул об пол, а следом, согнувшись вдвое, повалился и он сам.

Конан высвободил свой меч, запутавшийся в плаще стигийца, и направился к предводителю — кажется, единственному, кто еще не был ранен.

— Ну что, Бараккус? — прорычал он.— Я согнал тебя с земли, но ты, я смотрю, вместе с наделом оставил и свою рыцарскую присягу! Надо было сразу снять тебе голову, как только обнаружилась твоя измена. Что ж, придется сделать это теперь!

Конан являл собой жуткое зрелище. По мокрому от пота лицу текла кровь из-под пробитого шлема. Кольчуга на

правом боку была прорвана, по одежде расползалось багровое пятно,— но в страшных глазах его Бараккус явственно прочел свой приговор. Ему тотчас вспомнились кошмарные россказни о былых деяниях киммерийца. Струсив, Бараккус повернулся и кинулся наутек. Хрипло рассмеявшись, Конан подбросил свой меч, поймал его за лезвие — и метнул, как дротик. Конец меча проломил латы на спине у Бараккуса. Изменник подломился в колснях и рухнул лицом вниз. Меч торчал кверху из его неподвижного тела, по полу растекалась кровь...

Окруженный телами мертвых или потерявших сознание врагов, Конан позволил себе ненадолго расслабиться, но чуткое ухо почти тотчас уловило сзади какой-то звук, и киммериец стремительно обернулся, ожидая нового нападения.

Но это был всего лишь толстяк хозяин, вошедший через заднюю дверь. Он ахнул от ужаса при виде разгрома и горестно заломил пухлые ручки:

— Помилуй, добрый господин, что вы учинили в моем доме? Всюду кровь! И мебель поломана...

Конан в два широких шага оказался перед трактирщиком и ткнул его кинжалом под подбородок, рыча:

— Ты тоже приложил к этому руку, скулящая шавка? Без твоей помощи они не сумели бы устроить засаду!

— Пощади, господин! — заплакал хозяин.— Они пригрозили, что перережут мне глотку. Хотя, кажется, лучше бы уж перерезали... Они говорили, что разделаются с тобой тихо и быстро.

Конан дал ему оплеуху, отшвырнувшую трактирщика обратно к двери. Тот едва устоял на ногах, из прокушенной губы закапала кровь.

— Молчи, ничтожество! — слегка остывая, пророкотал киммериец.— Скажи спасибо, что я не вздумал содрать с тебя шкуру вершок за вершком!

— Да, да, господин...— пролепетал трактирщик, заливаясь слезами от ужаса.

— А теперь,— приказал Конан,— живо принеси бурдючок вина, лучшего, какое у тебя есть. Шевелись, пока я не раскроил тебе башку! Да захвати чистого полотна — перевязать эти царапины.

Подстегиваемый страхом расправы, хозяин со всех ног кинулся исполнять его волю. Конан пинком отшвырнул с дороги чье-то мертвое тело и тяжело опустился на лавку. Неожиданная мысль посетила его: а где, собственно, та смазливая девка, с которой все началось? В комнате ее не было...

Вернулся толстяк и, дрожа, подал Конану мех с вином и оловянный бокал. Досадливо выругавшись, Конан выхватил у него бурдюк и, запрокинув голову, вылил содержимое в свое пересохшее горло. Брови хозяина изумленно поползли вверх: Конан единым духом опорожнил мех и отбросил его прочь. Утерев рот окровавленным рукавом, Конан смерил трактирщика зорким взглядом прояснившихся голубых глаз.

— Всякий раз нападает жажда, когда приходится убивать,— сообщил он толстяку.— А теперь отвечай: куда делась девчонка, что была здесь с этими молодцами, прежде чем я вошел?

Хозяин таверны позеленел от страха и затряс головой:

— Благородный господин, я сам впервые увидел ее только вчера. Когда она явилась в гостиницу, на ней было дорогое, богатое платье. Потом она переоделась в своей комнате там, наверху. Я не знаю ее имени, я вообще ничего не знаю о ней...

Конан поднялся на ноги. Раны, которые он получил в этой схватке, обычного человека на много дней приковали бы к постели, но он их едва замечал. Он выдернул меч из тела Бараккуса и прогремел:

— Ну так веди меня туда, да поживей! И если там окажется еще одна западня, твоя паскудная душонка мигом отправится в преисподнюю!

Ханариец покорно засеменил вверх по лестнице; его жирные коленки тряслись. Конан шел следом, с волчьей подозрительностью оглядывая каждую трещину. Поднявшись на верхний этаж, хозяин остановился возле одной из дверей и разыскал нужный ключ в огромной связке, висевшей у него на поясе. Отперев дверь, он широко распахнул ее перед недоверчивым варваром, показывая, что никакой ловушки там нет.

Конану хватило одного взгляда, чтобы понять: в узенькой комнатке в самом деле невозможно было устроить засаду. Из мебели там были только стол и кровать. На кровати лежало шелковое зеленое платье, золотой пояс, полотнище тюрбана, снабженное изумрудной булавкой, и прозрачная кисея. Конану вдруг померещилось во всем этом нечто знакомое... Да, так одевались знатные гирканские дамы, уроженки громадной и неустанно разраставшейся Туранской империи — жительницы Акифа, Шахпура и самого Аграпура.

Конан круто повернулся и зашагал вниз, размышляя над этой новой загадкой.

Он вышел из таверны на темную улицу, настороженно раздувая ноздри и держа меч наготове. Однако все было тихо, и даже конь стоял на том самом месте, где он его оставил. Тело слегка онемело от ран, правый бок, пробитый кинжалом, пульсировал болью, но у Конана было еще вполне достаточно сил, чтобы вскочить в седло и взять в руки поводья.

Загадочное нападение не шло у него из головы. Что ж, он хорошо знал, сколь многие люди самого разного вероисповедания, общественного положения и цвета кожи жаждали его крови, сколь многие были бы счастливы поджарить его на медленном огне. Но в это путешествие он отправился тайно, ехал быстро и никому не открывал своего имени. Только Троцеро и Просперо знали, куда он направился, а уж их верность не вызывала сомнений. И вот вам пожалуйста: не успел приехать в Ханарию, как напоролся на вооруженную до зубов засаду. Кто-то — или что-то — свело Бараккуса, уроженца Запада, с этой дочерью Востока и надоумило их покончить с ним сообща..

Загадка выглядела неразрешимой, и с хладнокровным фатализмом истого варвара Конан в конце концов перестал думать о ней. Он подождет, пока выплывет что-нибудь новое и разрозненные части мозаики составят вразумительную картину.

Конь легким галопом нес его через ночной город. Зоркие глаза Конана подозрительно пронизывали каждую тень. Улицы были темны, лишь кое-где из окон домов проникал слабый свет. Конан снова вспомнил женщину, едва не заманившую его в зубы к смерти. А ведь как вспыхнула его кровь при виде ее точеной фигурки! Разделавшись с ее обидчиками, он собирался потребовать в награду самое меньшее поцелуй. Но она исчезла... исчезла, точно по волшебству.

Выбравшись на широкую безлюдную площадь, при свете подернутой облаками луны Конан разглядел впереди остроконечную башню, похожую на палец, указующий в небеса. Ночная тьма все больше сгущалась, но башня слабо мерцала, словно ее еще касался отблеск заката. Это была та самая башня, где укрывался от шумного людского общества Пелиас.

Золотистую башню окружали широкие лужайки и тщательно ухоженный сад. Не было ни стен, ни забора, ни наглухо закрытых ворот. Впрочем, их и не требовалось. Ханарийцы предпочитали держаться подальше от своего чародея: кто же не слышал историй, от которых волосы ше-

велились на голове, особенно под вечер,— историй о башнях волшебников, куда смелый воришка вполне может проникнуть, но назад нипочем не возвратится!

Конанов жеребец шарахнулся от края зелсной лужайки и заплясал, испуганно храпя и роняя пену с удил.

— Кром! — проворчал киммериец.— Не иначе у Пелиаса гости прямо из преисподней. Ладно, пойду пешком.

Он спрыгнул с коня и пошел по узкой мощеной дорожке, озираясь и на всякий случай держа руку на рукояти меча. Некромантические обряды, совершаемые в ночи, притягивали безымянных чудовищ, как падаль — стервятников. Конану не раз приходилось сталкиваться с существами, рожденными в иные времена и даже в иных мирах. Многих из них могло умертвить лишь заколдованное оружие или заклинание, почерпнутое в пыльных древних томах, начертанное на рассыпающихся от ветхости пергаментах... Конан, впрочем, всю жизнь старался поменьше связываться с колдовством, предпочитая всем на свете магическим ритуалам хорошо отточенный меч.

Но в эту ночь ни одно порождение темных миров не встало у него на пути. Он добрался до башни, так и не заметив ни малейшего признака жизни ни в кустах, ни среди цветников.

Тут луна выглянула из-за кисеи облаков, и Конан разглядел наконец, чем был вызван золотистый блеск башни: оказывается, в известковый раствор было вмуровано множество золотых монет. Конан пригляделся к тем, что были вровень с его глазами, не узнал ни одной и заподозрил, что мог бы облазить всю башню в тщетных поисках знакомой монетки. Все они выглядели ужасающе древними: с иных неумолимое время стерло все знаки и письмена, оставив лишь гладкие отполированные кружки.

Конан знал: золото, особенно в виде монет минувших эпох, считалось у волшебников немаловажным подспорьем в их ремесле. «Здесь собраны реликвии давно канувших в прошлое королевств,— подумалось Конану.— Королевств, которыми силой ужаса правили колдуны и жрецы. Кричащих девушек волокли в мрачные подземелья и совершали над ними омерзительные обряды. Тысячи пленников обезглавливали на городских площадях, и дымящаяся кровь ручьями бежала по сточным канавам...»

Конан содрогнулся: да, здесь в самом деле было собрано немалое зло. Он протянул руку к железной двери.

Тяжелая металлическая плита бесшумно отъехала внутрь. Конан обнажил меч и вошел. Все его чувства были до предела обострены, словно у охотящегося тигра. Слабый свет, проникавший в растворенную дверь, позволил ему разглядеть внутри башни две лестницы. Одна спирально поднималась вверх, другая пропадала во тьме подземелья, и тонкий нюх киммерийца уловил чуть заметный запах мускуса, долетавший оттуда. Должно быть, этот запах шел из лабиринта пещер, располагавшихся под башней. Глаза варвара нехорошо сузились: он вспомнил похожие запахи, носившиеся в посещаемых призраками катакомбах Птейона в Стигии, где в ночи бродили жуткие тени... Конан тряхнул головой — так трясут гривами разгневанные львы.

Он даже вздрогнул, когда послышался глубокий, рождающий эхо голос:

— Добро пожаловать, Конан! Поднимайся по ступеням наверх. Следуй за огоньком!

Конан сердито огляделся, но найти источник голоса так и не смог. Казалось, он шел отовсюду, отражаясь от стен, точно звук храмового гонга.

Потом перед самым носом Конана вспыхнул огненный шарик, да так неожиданно, что он инстинктивно отшатнулся прочь. Шарик ярко горел, вися в воздухе безо всякой видимой опоры. Только теперь Конан увидел, что стоит в большом зале, увешанном шпалерами со странным и явно очень древним узором. Одну стену сплошь занимали полки, уставленные сосудами разнообразных и удивительных форм из камня, серебра, золота и гагата. Сосуды стояли в полном беспорядке: украшенные драгоценными камнями соседствовали с простыми.

Светящийся шарик медленно поплыл над лестницей, и Конан последовал за ним без дальнейших колебаний. Никто не может заранее знать, что там на душе у чародея, но, кажется, Пелиас к Конану относился неплохо. Киммериец чувствовал себя чуть спокойнее прежнего, но меча из рук не выпускал, и ни одна ступенька не скрипнула под ним, пока он поднимался наверх.

Лестница привела его к двери, окованной медью. Тайные знаки усеивали красноватую поверхность металла, сплетаясь в прихотливый узор. В некоторых из них Конан, немало побродивший по свету, тотчас узнал могущественные волшебные символы, предметы тайного знания давно вымерших рас. Он нахмурился: все это не внушало ему доверия. Но тут дверь тихо отворилась, а светящийся шарик

погас. Он был больше не нужен — Конан вступил в большую, ярко освещенную комнату. Мебель и настенные украшения в ней были сплошь драгоценными произведениями искусства, доставленными из множества стран. Мягкие ковры устилали пол.

Посередине комнаты красовался огромный, заваленный подушками диван. На диване возлежал Пелиас — высокий, худой седовласый человек в одеждах ученого. У него были темные глаза мыслителя, узкая, прекрасной лепки голова и небольшие, изящные ступни и ладони. По всей видимости, Конан оторвал его от ученых занятий: на обширных книжных полках зияли пустые места, на полу возле дивана лежало несколько пухлых томов, а стоявший рядом большой стол был сплошь завален пергаментными свитками. Во всяком случае, пергаментными они казались: Конану было хорошо известно, что, по мнению волшебников, самые чудодейственные заклинания следовало записывать на выделанной человеческой коже... А еще на стене висело зеркало — ничем не примечательное зеркало в простой железной оправе.

Конан ничуть не удивился роскоши обстановки. В отличие от большинства других чародеев, Пелиас не был приверженцем аскетизма и знал толк в земных удовольствиях.

— Добро пожаловать, Конан! — воскликнул маг.— Друг мой, вот уже почти четыре года...— И осекся, заметив тяжелую поступь гостя и то, как он убрал в ножны меч.— Э, да ведь ты ранен! И недавно: кровь совсем свежая. Погодика, сейчас я подыщу для тебя кое-что покрепче вина...

Вскочив с дивана, Пелиас стремительно проследовал к резному деревянному шкафчику и открыл одну из множества крохотных дверок. На свет появился хрустальный флакон, до половины наполненный жидкостью дымчато-лилового цвета. Чародей щедрой рукой отмерил этой жидкости в чашу для вина и протянул Конану со словами:

— Выпей, друг мой. Это снадобье приготовлено из тайных трав Туманных островов, смешанных с зельями дальних стран за пределами Куша. Оно излечит твои раны и прогонит усталость.

Одним глотком Конан осушил чашу и на мгновение сморщился: голова закружилась, по жилам промчался огонь. Но эти ощущения тотчас сменились великолепным самочувствием и легкостью. Казалось, сто пудов свалилось с его плеч. Только теперь он как следует понял, до какой степени изнемог от застарелой усталости и от ран.

Стащив помятый шлем, Конан осторожно пощупал сквозь повязку рану на голове. В волосах было полно запекшейся крови, но его пальцы не нашли не только никакой раны — даже и шрама. Он прислушался к себе: и бок, и порезанная саблей рука тоже перестали болеть. Он сказал:

— Вот уж вправду волшебное снадобье, Пелиас!

— Да, в него многое вложено,— ответствовал маг.— Смешав чудесные ингредиенты, я прочел над ними множество заклинаний, дабы пробудить к жизни их полную силу.

Конан стащил с плеч кольчугу и проворчал:

— Сколько было у меня случаев в жизни, когда этот флакончик пришелся бы как раз к месту...

— Скажи лучше, что тебя сюда привело? — спросил Пелиас.— Почему ты приехал один, почему так поспешно? Что-то я не слыхал, чтобы на северо-западе затевались великие войны, в которых тебе могла бы пригодиться моя помощь...

— Будь это какая следует война, я вполне управился бы и без магии,— буркнул Конан.— Вся штука в том, что на меня ополчились какие-то потусторонние силы. Можешь ли ты указать мне злодея и объяснить, как до него добраться?

И он короткими, точными фразами, не тратя попусту слов, поведал чародею о происшедшем в Тарантии.

Молча выслушав гостя, Пелиас подпер рукой подбородок, прикрыл глаза и надолго задумался. Конан, однако, хорошо знал: несмотря на кажущееся спокойствие, мозг чародея работал с нечеловеческой проницательностью и быстротой. Но вот наконец Пелиас вновь открыл глаза и заговорил:

— Твою королеву утащил демон — порождение мрака, явившееся в наш мир из-за Гор Ночи. Я знаю, как вызвать подобную тварь. Однако до сих пор я полагал, что на всем Западе этим знанием обладаю лишь я.

— Ну так призови этого демона, и вытрясем из него правду!

— Не горячись, друг мой, не горячись. Прежде чем бросаться навстречу опасности, надо ее хорошенько разведать. Ясно, что демона использовал в своих целях необычайно могущественный маг. Если я сотворю заклинания и вызову сюда это крылатое существо, нам придется иметь дело не только с ним, но и с его хозяином, и я не уверен, сумеем ли мы справиться с обоими сразу. Нет, я знаю иной, более верный способ. Зеркало Лазбекри даст нам ответ!

Поднявшись, он вновь направился к шкафчику и извлек тускло поблескивавшую чашу, по краю которой были на-

несены какие-то странные письмена. В прежних своих странствиях Конан научился худо-бедно разбирать написанное на множестве языков, но эти буквы ему прежде не попадались.

Волшебник отсыпал в чашу красного порошка из небольшого кувшина. Поставив затем чашу на низкий эбеновый столик, стоявший против зеркала в железной раме, он засучил широкий шелковый рукав и начертал в воздухе таинственный знак.

Синий дым заструился из чаши. Он густел и густел, пока его клубы не заполнили весь покой. Конан смутно различал неподвижный силуэт чародея, замершего в трансе, в предельном сосредоточении. Казалось, минула вечность; ничего не происходило. Конан нетерпеливо заерзал, но в это время Пелиас прошептал:

— Наш враг надежно укрылся от посторонних глаз. Нам не совладать без помощи свыше. Какому богу поклоняется твое племя?

— Мой бог — Кром, угрюмый бог киммерийцев,— пробормотал Конан.— Хотя, если честно, я уже много лет не обращался к богам... Я не лезу в их дела и предпочитаю, чтобы они не лезли в мои.

— Помолись же своему Крому! Попроси его о помощи!

Конан послушно зажмурился и принялся молиться — в первый раз за несколько десятилетий: «О Отец Кром, дарующий нам бессмертные души, дарующий мужество жить, сражаться и убивать, не оставь своего сына в борьбе с демоном, похитившим его подругу...»

И ответ не заставил себя ждать. Прямо в мозгу прозвучал суровый, неласковый голос:

«Много, много лет ты не обращался ко мне, о Конан! Однако по делам своим ты достоин называться моим сыном. Гляди же!»

Конан открыл глаза. Дым начал рассеиваться, и, уставившись в зеркало, киммериец, к своему удивлению, не увидел в нем отражения Пелиаса. Оно вообще ничего не отражало. Его поверхность показалась Конану темно-серым занавесом, готовым вот-вот распахнуться в запретные измерения. Пелиас тихо и монотонно запел заклинание на языке, которым жрецы Стигии пользовались при своих церемониях, скрытых от мира темными стенами Кеми. Конану когда-то доводилось слышать его.

И вот — медленно, медленно, почти незаметно для глаза — в зеркале начало появляться изображение. Сперва оно

было расплывчатым и неясным, потом внезапно обрело невероятную четкость. Пелиас и Конан увидели комнату с голыми каменными стенами и человека в просторном одеянии с капюшоном, со свитком в руках сидевшего за низким столиком.

Изображение росло — они как будто придвигались все ближе к человеку в надвинутом капюшоне. И вдруг он вскинул голову и взглянул им прямо в лица. От резкого движения капюшон свалился с него, обнажив лысую, обтянутую желтой кожей макушку; их взгляды скрестились с холодным взглядом узких раскосых глаз. Потом тонкие бесцветные губы растянулись в жуткой усмешке. Рука желтокожего метнулась в складки одежд и извлекла сияющий шарик. Человек замахнулся, чтобы метнуть его...

Тяжелый меч Конана мелькнул с силой и скоростью молнии: по счастью, киммериец предвидел возможную опасность и на всякий случай взял его в руки. Свистящий удар рассек надвое железную раму, и Зеркало Лазбекри осыпалось на пол мириадами звенящих осколков.

Пелиас вздрогнул и встряхнулся, точно спросонья.

— Клянусь Иштар,— обратился он к Конану.— Друг мой, ты спас нас обоих! Та сверкающая штуковина была опасней целого гнезда кобр. Если бы он успел бросить ее сквозь зеркало, от нас не осталось бы ни клочка... да, пожалуй, и от половины города — тоже. А я не мог ничего сделать, ибо предельная концентрация налагает на тело оковы!

— Ну и дьявол с ним,— проворчал Конан, так и не выучившийся галантно принимать похвалы.— Скажи лучше, что все это значило? Какое отношение этот кхитаец имеет к моему путешествию?

Взгляд Пелиаса, обращенный на киммерийского великана, стал очень серьезен:

— Друг мой, дело куда значительнее, чем мне думалось поначалу... Не исключено, что от тебя зависит судьба всего мира.

За окнами башни простиралась тихая темная ночь. Подкрепившись вином, волшебник откинулся на подушки и продолжал:

— Видишь ли, мы, маги Запада, давно заметили, что иные заклятья постепенно слабеют, а иные совсем утратили силу. В последние годы это стало особенно заметно. Несколько месяцев я провел в напряженных исследованиях, пытаясь доискаться причины. И я нашел ее. Дело вот в

чем: близится новая эра, эра просвещения и разума. И главным ее поборником на Западе становится Аквилония, чья имперская мощь помножена ныне на природную силу здравого варварского рассудка, а именно твоего. Ты поистине омолодил нацию, и знай, что подобные силы уже начали свое дело в других королевствах. Они понемногу изменяют равновесие мира; вот от чего рвутся сети черной магии, незримо раскинутые повсюду. Слабеет паутина зла и интриг, сплетенная силами тьмы! Некоторые из самых зловещих заклятий уже сегодня почти не имеют силы в пределах западных королевств. И краеугольный камень крепости Света, воздвигнутый против сил Мрака,— это король-варвар на аквилонском престоле. Много лет подряд ты оказывался в самом центре всех великих дел в этих краях; благосклонное внимание богов пребывает с тобою. Теперь ты видишь, каким чередом должны развиваться события, покуда колесо Вселенной не завершит оборот и просвещение, в свою очередь, вновь не уступит первенство магии... Что же до меня — я немолод; признаться, на самом деле я старше любого из ныне живущих. Теперь я использую свои немалые познания лишь для того, чтобы обеспечить себе уют и комфорт, ну и, конечно, для научных исследований. Мне всегда были противны эти аскеты в рубищах, которые вызывают из темных бездн красноглазые когтистые существа с ощеренными слюнявыми пастями и напускают их на ни в чем не повинных людей. Однако между ними есть один, давно домогающийся безраздельной власти над миром и всем, что живет и дышит под небесами. С незапамятных пор подчинил он свою жизнь этой затее. Много лет закладывал он фундаменты грандиозных, катастрофических деяний черной магии, которые должны были до основания потрясти мир и поработить его обитателей. Вот что донесли мне мои незримые соглядатаи: однажды, вырвав живое сердце из груди девственницы на залитом лунным светом алтаре заброшенного храма, он произнес над ним чудовищное заклятие — и ничего не добился. Это было его первое серьезное покушение на нашу свободу; он чуть с ума не сошел, когда оно провалилось. Сперва его точно поразило громом, но потом на смену изумлению пришел гнев. День и ночь он трудился без сна и без отдыха, выведывая, кого же ему следовало винить в своем поражении. И наконец дознался: главное препятствие на его пути — ты, Конан. И кажется, я в общих чертах уловил план, порожденный чудовищным гением этого человека. Похитив твою супругу, тем самым он вынудил тебя пуститься в поис-

ки. Он не сомневается, что по дороге тебя прирежут какие-нибудь старые недруги, а если нет — ты непременно найдешь гибель среди никому не ведомых народов, живущих по ту сторону Химелийских гор. Если же удача и доблесть и там тебя сохранят, он рассчитывает сам прикончить тебя какой-нибудь дьявольской уловкой. И вот тогда-то уже ничто в мире не сможет противостоять его алчности, ибо новорожденные силы Запада еще не созрели для открытой схватки... к тому же их становой хребет будет сломлен с гибелью Конана, короля Аквилонии!

Столь долгая речь вконец иссушила горло Пелиаса. Умолкнув, волшебник потянулся к чаше с вином. Утолил жажду и продолжал говорить:

— Как ты знаешь, я считаюсь одним из сильнейших западных магов... хоть и редко теперь пускаю в ход свою полную силу. Но случись мне сойтись в поединке с тем, о ком я только что говорил,— шансов у меня было бы, как у овечки, брошенной в пруд с крокодилами. Колдуны Востока искони сильнее чародеев Запада, а он — сильнейший из всех. Это — Ях Чиенг из города Пайканга, что в Кхитае!

Конан молча переваривал услышанное. Взгляд его был угрюм, черты — неподвижны. Но наконец вновь прозвучал его низкий голос:

— Во имя Крома, Пелиас! Ты тут столько всего взвалил на мои плечи, прямо голова кругом идет... если, конечно, дело и впрямь обстоит так, как ты говоришь. Но знаешь, мне бы выручить мою Зенобию, а остальной мир пускай сам разбирается, как умеет!

— Ах, друг мой,— вздохнул Пелиас.— Твоя жизнь и жизнь твоей королевы слишком тесно переплетены с судьбами мира. Близятся великие перемены; сегодня решается будущность поколений и предназначение бессчетных веков... Ях Чиенг сделал великую ставку в своей битве за власть. И он уверен в успехе — этот змей подколодный ничего не делает наобум! Похищение Зенобии — всего лишь уловка, долженствующая выманить тебя из пределов Запада, который ты защищаешь от алчных поползновений магов Востока... Подумай же, подумай хорошенько, а потом сравни! Что важнее — одна-единственная женщина или жизнь миллионов?

— К дьяволу, Пелиас! — загремел Конан.— Ты что, в самом деле воображаешь, будто у меня можно вырвать женщину из объятий — и уговорить остаться дома по той про-

стой причине, что я — вроде ходячего амулета от какого-то там колдуна? Да пусть демоны Шагтали высосут мозг из моих костей, если я хоть медный грош дам за свою корону, власть, богатства и земли! Я хочу вернуть свою женщину — и я верну ее, хотя бы мне пришлось прорубать себе путь сквозь ряды сотен тысяч солдат! Я доберусь до этого плешивого стервеца...

Пелиас со вздохом пожал плечами, поняв, что стоявшего перед ним варвара в самом деле меньше всего трогали глубинные причины вещей, которые он ему только что приоткрыл. Единственной реальностью для Конана был сегодняшний день и наполнявшая его полнокровная жизнь, а будущее — будущее его не слишком заботило.

— Увы,— наконец сказал чародей.— Как видно, богини Судеб спрятали свою нить, и я уже не властен вмешаться. Слушай же. Ты должен добраться в Пайканг, что в Кхитае. Там высится пурпурная башня Ях Чиенга, а вокруг стоят на страже двести гигантов-кхитайцев, вооруженных саблями,— самые искусные на всем Востоке бойцы. Ях Чиенг захватил власть в Пайканге, низложив законных властителей. Правит он с помощью плетей и кнута. Берегись его черного искусства! Взмах руки некроманта способен стереть с лица земли целую армию. Я не знаю, смогу ли я хоть чем-то помочь тебе, но я попытаюсь. Идем со мной.

Поднявшись, сухощавый волшебник шагнул к маленькому, украшенному золотом письменному столу. Сделан он был из какого-то неизвестного Конану дерева; и еще сквозила в нем некая странность, немало озадачившая киммерийца,— как если бы искусные мастера, изготовившие столик, не принадлежали к роду людскому. Да, сколько ни странствовал Конан по белому свету, а такой мебели никогда еще не видел.

Между тем Пелиас надавил на какой-то выступ, затерянный среди замысловатой резьбы на ножке стола. Сам собой выдвинулся маленький ящик, и волшебник извлек оттуда кольцо. Конан пригляделся: в его блеске не было ни огненных отсветов золота, ни льдистого сияния серебра, ни темно-красных медных тонов. Это приглушенное голубое мерцание не было свойственно никакому земному металлу... По всему ободку виднелись старинные иероглифы. Нагнувшись поближе, Конан различил запретные символы, подобные которым можно было найти лишь на алтарных фризах в тайных храмах Стигии — в храмах, посвященных нечеловеческим божествам.

Печатка также выглядела достаточно странно. Кто-то придал ей ромбическую форму, причем верхний и нижний углы были сильно вытянуты и заострены: неосторожный человек легко мог уколоться.

Какое-то время Пелиас молча смотрел на кольцо, чей странный синеватый блеск был сродни холодному пламени или отсвету занесенного меча. Чуткий киммериец явственно ощущал магическую силу, исходившую из загадочного кольца... Наконец волшебник выпрямился и откинул со лба седую прядь.

— Много лун успело смениться с тех пор, когда я завоевал его,— задумчиво проговорил он.— Много дней и ночей длился мой поединок с его прежним обладателем, могущественным магом из Луксура. Мощь темных сил, которые мы метали друг в друга, наверняка опустошила бы всю землю окрест — но, по счастью, противодействовавшие заклятия уничтожали друг друга. Мне казалось, я сражался с ним целую вечность, мозг готов был расплавиться у меня в голове... я балансировал на краю черноты... я был близок к изнеможению, когда внезапно он сдался. Обернувшись ястребом, он попытался скрыться... Но победа придала мне сил: я превратился в орла и устремился в погоню. Я камнем пал из поднебесья и разорвал его в клочья! Я был молод тогда и упивался своей силой... Так вот, друг мой, я хочу, чтобы это кольцо было у тебя на руке. Оно станет тебе могущественным подспорьем в пути. Слышал ли ты когда-нибудь о Рахамоне?

Конан кивнул. Земли Юга изобиловали легендами о минувшем, но имя страшного чародея все еще произносили опасливым шепотом, хотя уже полных полтора века минуло с тех пор, как ему пришел конец, а гирканские захватчики полонили и сожгли город, где он лежал в беспомощном оцепенении, вызванном пыльцой черного лотоса...

Многие адепты магии пытались заполучить его тайные книги, написанные, по слухам, на высушенной коже, содранной с живых девушек,— но ни один не смог их отыскать. И если это кольцо действительно было наследием Рахамона, его сила должна была быть поистине велика...

— Да, это в самом деле кольцо Рахамона,— серьезно сказал Пелиас.— Видишь ли, некоторые существа, вызываемые из глубин тьмы, очень трудно затем удерживать обычными охранительными заклинаниями. Вот он и сделал это кольцо, а металл взял из осколка звезды, упавшего наземь: он нашел его, путешествуя по ледяному Северу. Он совер-

шил жуткие ритуалы, которым нет имени на человеческом языке. Кровь лилась в изобилии, а стенающие души жертв обрекались мрачнейшим и глубочайшим безднам преисподней. Но в результате кольцо получило невообразимую силу. Я и сам далеко не все знаю о нем. Скажу лишь одно: носящий его выстоит против любого порождения тьмы, вызываемого волшебным искусством! Не спрашивай меня, как им пользоваться,— этот секрет, вероятно, утерян вместе с колдовскими книгами Рахамона. Возьми его, Конан! Это, пожалуй, и вся помощь, которую я могу тебе предложить. Ни одно из известных мне заклинаний не годится против черной силы Ях Чиенга...

Конан взял протянутое кольцо. Сперва ему показалось, что оно было безнадежно мало для его пальцев, привыкших к оружию. Но стоило примерить его на средний палец левой руки — и оно наделось легко. Казалось, оно жило собственной жизнью. Конан повертел рукой: кольцо сидело, точно сделанное по мерке. Он пожал плечами. Опыт, накопленный в течение десятилетий, научил его не воспринимать всерьез уверения насчет силы магических предметов. Быть может, безделушка когда и сработает; если же нет — ну и шут с ней. По крайней мере, Пелиас искренне желал ему добра...

— Ладно,— сказал варвар.— Хватит об этом. Меня ждет неблизкий путь. Пожалуй, я бы съел что-нибудь, запил бурдюком вина и завалился спать! Не приютишь до утра?

— О чем речь, друг мой, о чем речь! Скажи лишь, какую постель ты предпочитаешь, и ты получишь ее тотчас. Мои слуги принесут еды и позаботятся о твоем коне.— Пелиас хлопнул в ладоши.

— Хорошо, что напомнил,— сказал Конан, зевая.— Завтра, прежде чем ехать, я должен принести Крому в жертву вола. Только, пожалуйста, не говори никому. Если мои люди пронюхают, они как пить дать примутся чесать языками: Конан состарился, Конан выжил из ума и шагу не может ступить без молитв!

3

МСТИТЕЛИ ЗНОЙНЫХ ПУСТЫНЬ

Солнце поблескивало на остроконечных шлемах и отточенных наконечниках копий. Звякали шпоры, яркими цветами переливались шелковые одежды. Трое вооруженных

всадников взбирались по длинному склону огромной песчаной дюны — одной из бессчетного множества в юго-западных пределах Турана. Шлемы были обмотаны алыми тюрбанами; такие же пояса перетягивали талии. Белые шелковые рубахи, просторные шаровары, заправленные в низкие черные сапожки, и посеребренные кольчужные безрукавки довершали одеяние всадников. Изогнутые сабли покачивались у бедер. Двое держали десятифутовые туранские пики, вставленные в особые упоры у стремени, а предводитель вез при седле тугой изогнутый лук в налуче и три десятка стрел в лакированном кожаном колчане.

Вслед за верховыми, спотыкаясь, брел человек со связанными руками: лучник тащил его на веревке. Глубокие борозды в песке говорили о том, что пленнику не всегда удавалось поспеть за конями. Его изорванная в клочья одежда когда-то была белым халатом пустынного зуагира. На темном, худом, с провалившимися щеками лице жили только глаза — воспаленные, неукротимо горевшие жаждой отмщения. Из последних сил, задыхаясь, брел он вверх по песчаному склону, но ни стона, ни жалобы не срывалось с его уст.

Туранские солдаты отбились от своих во время песчаной бури, длившейся два дня, и теперь пробирались назад в форт Ваклу — туранскую крепость, расположенную в глубине зуагирской пустыни. Накануне они повстречали одинокого всадника. Меткая стрела, пробившая сердце, свалила на песок его лошадь, а самого зуагира оглушили черенком копья. Теперь они вели его с собою в форт Ваклу, где пленника ждала виселица, а прежде того — долгий допрос с пытками. Везиз-шах, командующий фортом, разворачивал беспощадную войну против племен пустыни, слишком часто в последнее время беспокоивших туранские караваны.

Достигнув вершины дюны, всадники остановились передохнуть. Пленник подполз на четвереньках — его силы были на исходе. Солдаты утоляли жажду водой из бурдюков, оглядываясь по сторонам. Вокруг, насколько хватал глаз, высились песчаные дюны. Опытные воины, туранцы использовали передышку, чтобы ястребиным взором обшарить далекий горизонт и расстилавшееся вокруг желтое море песка. Никого и ничего: никаких признаков жизни.

Но вдруг что-то насторожило человека с луком, что вел пленника на веревке. Он подался вперед, пристально вглядываясь из-под руки: примерно в миле от них на вершине дюны показался еще один всадник, скакавший галопом.

Перевалив гребень, он пустил своего коня вниз — так, что позади тучей взвился песок.

Предводитель повернулся к солдатам:

— Клянусь алебастровыми бедрами Йенагры, нам прямо в руки бежит еще одна пустынная крыса! Приготовьтесь, ребята! Убьем его и привезем его голову в форт на кончике пики!

И он бросил наземь веревку, державшую пленника: он знал, что поймать его вновь после боя не составит никакого труда. Пришпорив коня, предводитель погнал его вниз по песчаному склону, имея в виду перехватить незнакомца и одновременно вынимая из чехла тугой боевой лук и прикладывая стрелу к тетиве. Солдаты с задорными криками последовали за ним, наставляя длинные пики,— ни дать ни взять псы, настигающие добычу.

Летя во весь опор, предводитель натянул лук и спустил тетиву за три сотни шагов: его движения дышали небрежным искусством, присущим туранским наездникам. Однако стрела в цель не попала. Незнакомец отреагировал молниеносно. Он заставил своего коня увернуться, рванув его в сторону с такой силой, что животное едва не упало. А потом быстрым движением откинул складки халата.

Туранцы недоуменно натянули поводья. Перед ними был не иссушенный вечным голодом волк пустыни, вооруженный лишь дротиком да ножом. Они напоролись на могучего рыцаря с Запада, в прочной кольчуге и стальном шлеме. Он выхватил из ножен длинный меч, сверкнувший на солнце, а в другой руке появился кинжал. Еще немного — и предводитель неожиданно узнал его, и узкие глаза воина округлились от изумления.

— Ты дерзнул вернуться в Туран, негодяй варвар!

Ибо сам предводитель был не кто иной, как Хамар Кур, некогда эмир кавалерийского отряда: много лет назад у реки Йелбы этот отряд угодил в засаду и был наголову разгромлен Конаном, тогдашним вожаком козаков. Чудом спасшийся Хамар Кур был разжалован в рядовые и отправлен на границу; мечта о мести не покидала его с тех пор ни на миг. Он мгновенно выхватил саблю:

— Вперед, парни! Это Конан, козак! Убейте его — и король доверху наполнит ваши шлемы золотыми монетами!

И все-таки туранские всадники призадумались. Каждому явились на ум страшные кровавые легенды, связанные с этим именем — Конан. Легенды, в частности, рассказывали

о том, как всего с двумя галерами пиратов он взял и снес до основания укрепленный порт Хоарезм, а потом прорвался сквозь строй шести королевских галер, явившихся его покарать: три корабля из шести отправились на морское дно, а палубы оставшихся насквозь промокли от крови. Легенды рассказывали и о том, как он сколотил отряд зуагиров и нападал на форты вдоль южных рубежей до тех пор, пока не вынудил Туранскую империю передвинуть границу. Легенды рассказывали, как дикие орды козаков под его водительством предали огню и мечу город Хоросун, обнесенный высокой стеной...

Конан не преминул воспользоваться их замешательством. Пришпорив могучего жеребца, он обрушился на них, подобно лавине. Длинный меч описывал сверкающие круги над его головой. Конь Хамара Кура взвился на дыбы, перепуганный столь сокрушительным натиском, и был тотчас сбит с ног, а всадник вылетел из седла.

Двое солдат опустили пики и яростно послали вперед своих скакунов, но не успели они взять разгон, как Конан налетел на них вихрем, беспощадно разя налево и направо. Миг — и голова одного из солдат отлетела прочь от туловища, и вслед ей взвился кровавый фонтан. Еще миг — и меч Конана в щепки разнес пику второго туранца. Солдат заслонился щитом, и следующий удар вышвырнул его из седла.

Тем временем Хамар Кур поднялся на ноги. Ему, искушенному воину, случалось бывать и на коне, и под конем. Кинувшись в сторону, он подхватил пику, оброненную убитым солдатом, и сунул длинное древко в ноги Конанову коню. И отскочил прочь, избегнув страшного меча варвара.

Конан рухнул наземь вместе с упавшим конем — песок пустыни тучей взлетел в небеса. Но киммериец не утратил ловкости и закалки наемника. Откатившись в сторону, он мигом вскочил, даже не выпустив меча из ладони. Холодно сощурив голубые глаза, он внимательно наблюдал за двоими уцелевшими врагами, что крадучись приближались к нему с разных сторон. Их замысел был очевиден: вынужденный драться с двоими, он должен был неминуемо подставить спину не одному, так другому.

Конан тигриным прыжком кинулся на солдата, находившегося по правую руку. Он знал, что Хамар Кур вполне способен всадить ему в спину ятаган, но не в его правилах было ждать, пока враги нападут. Туранец попытался отбить смертельный удар — безуспешно. Летящий меч киммерийца

перерубил его кривой клинок, а потом рассек шлем и череп под ним с такой легкостью, точно это была кожура перезрелого апельсина. Конан успел обернуться как раз вовремя, чтобы отбить рукоятью меча свистнувший ятаган Хамара Кура. Последовал быстрый обмен ударами: прямой западный меч и изогнутое восточное лезвие засверкали на солнце, мелькая в смертоносном, стремительном танце. Но вот быстрый выпад Конана достиг цели. Острие его меча разорвало тонкую туранскую кольчугу и пронзило тело бывшего эмира насквозь. Хамар Кур издал ужасающий предсмертный крик и тяжело осел наземь. Конан наклонился и высвободил окровавленный меч.

Киммериец вытирал лезвие о широкий кушак поверженного врага, когда сзади послышался какой-то сдавленный звук. Конан живо обернулся, готовый к схватке с новым противником, но его глазам предстал всего лишь истерзанный зуагир, неловко съезжавший по песчаному склону. Скатившись прямо под ноги Конану, зуагир поднялся на шаткие ноги и первым долгом плюнул на труп Хамара Кура. Потом перевел взгляд на Конана, и при виде исполина киммерийца в видавшей виды кольчуге ярость в его глазах сменилась радостным узнаванием. Он воздел к небесам связанные руки, воскликнув:

— Хвала Кемошу, ибо он услышал мои молитвы и отправил этих псов в адские бездны! И более того, он вернул великого вождя, когда-то водившего нас в набеги! Я приветствую тебя, Ястреб Пустыни! Праздник пришел в наши деревни! Трусливые туранские псы подожмут хвосты в своих башнях, когда по всей пустыне разнесется весть: «Йамад аль-Афта возвратился!»

Конан пожал широкими плечами и сунул меч в ножны. Поднявшийся жеребец подошел к хозяину, и киммериец отстегнул от седла мех с водой и переметные сумы. Освободив руки пленнику, он протянул ему мех:

— На-ка, хлебни, потрепанный волк. Промочи горло, только смотри не пей сразу слишком много.— Вытащив мясо и хлеб, он не скупясь поделился едой с зуагиром и наконец попросил: — А теперь расскажи мне, что творится нынче в пустыне? И как ты угодил в лапы гирканцев?

Торопливо жуя, кочевник ответил:

— Я — Яр Аллал из племени дуали. Я спешил назад в наш лагерь, я был один, когда напоролся на этих псов. Они застрелили подо мной коня, а меня оглушили ударом

по голове. Они тащили меня в форт Ваклу, чтобы пытать и казнить.

— Почему же ты спешил? — поинтересовался Конан.— И почему ты поехал один? Пески, я смотрю, нынче так и кишат туранскими разъездами...

Голос зуагира зазвенел от горя и ярости:

— Страшная беда постигла мой народ... Слушай, о вождь. Наши воины провели несколько дней в засаде у развалин Гхаратского храма, в пятидесяти милях к югу отсюда. Дело в том, что наших ушей достиг слух о богатом караване с запада. С этим караваном, сопровождая свои сокровища, якобы ехала сама госпожа Занара.

— Кто это?

— Знатная дама, йедка из Майпура, известная богатством и красотой. Более того, она обласкана милостями короля Ездигерда. Если бы нам удалось схватить ее, мы получили бы не только добычу, но и баснословный выкуп за женщину. О вождь, мы надели новые тетивы на луки и наточили ножи. Мы устали ждать, нам казалось — собаки-торговцы так никогда и не появятся. Но вот наконец настал день, когда вдалеке зазвенели колокольцы верблюдов, а потом показалась длинная вереница людей, повозок и вьючных животных. Мы дождались, чтобы они приблизились к нам вплотную, и с боевым кличем ринулись на них из засады. Мы рассчитывали легко одолеть купцов и их слуг, но они вдруг сбросили долгополые халаты, и вместо перепуганных торговцев перед нами оказались императорские стражи в кольчугах и белых тюрбанах, намотанных на шлемы! Они прятались в повозках; их было не менее сотни. Они опустошали наши ряды, точно жнецы — созревшее поле. Половина наших воинов полегла в первой же сшибке. Скоро они расчленили наш отряд, чтобы добить поодиночке... но как мы сражались в этом неравном бою! Много туранских псов осталось навек лежать на песке — кто с копьем в горле, кто с кривым ножом, всаженным в брюхо! Увы, скоро они окружили нас сплошной стеной стали, и мы были обречены. Я видел, как пал мой брат, сраженный ятаганом эмира. А потом Юн Аллал, мой отец, получил удар в голову и без чувств свалился с коня. Я не мог помочь ему. Я пришпорил коня, я отчаянно рубился и все-таки сумел вырваться из кольца. Несколько часов они гнались за мной по пятам, но мой конь оказался выносливее, и они бросили погоню. Я спешил поднять на ноги свое племя, но был схвачен, как ты уже зна-

ешь. Теперь слишком поздно: караван давно в безопасности за стенами форта Ваклы. Должно быть, туранцы ликуют: впервые за много десятилетий им удалось захватить живьем вождя зуагиров.

— Откуда тебе известно, что твой отец жив?

— Я оглянулся, уходя от погони, и увидел, как двое из них спешились и потащили его к повозкам. Он шевелился, хотя и слабо.

Конан молча переваривал услышанное. Он хорошо помнил Юн Аллала, вернейшего своего сподвижника минувших времен, когда он, Конан, был военным вождем трех объединенных зуагирских племен и водил их в дерзкие набеги против туранцев. Нынче ему, прямо скажем, было не до того, но бросить старого друга, угодившего в руки врага, Конан не мог. Он решительно поднялся.

— Поймай себе лошадь,— приказал он отрывисто,— и немедля едем в оазис Дуали: верно, мы прибудем туда к ночи. Если мое имя еще не совсем позабыто в здешних местах, я вновь подниму племена и вызволю Юн Аллала! Клянусь Кромом, мы еще оборвем бороды туранским собакам!

Засмеявшись, он вскочил в седло и жестом велел Яр Аллалу следовать за собой. Вороной жеребец ощутил укол шпор и понес его неистовым галопом, взвихривая пески.

Звезды драгоценными камнями сияли на черном бархате неба над оазисом Дуали. Кроны пальм, облитые холодным серебром лунного света, шевелил свежий ночной ветерок. Под сенью пальм виднелось множество шатров — крупный лагерь кочевого зуагирского племени.

Еще утром ничто не нарушало спокойствия. Яркое солнце пустыни щедро лило золотые лучи на крытые верблюжьей шерстью жилища. Сновали туда и сюда женщины в паранджах: одни таскали воду из колодца, другие жарили на углях полоски мяса на ужин. Мирное похрапывание неслось из палаток, чьи обитатели наслаждались послеполуденным сном...

Зато теперь в оазисе Дуали так и кипела неистовая деятельность. В самом центре появился новый шатер, размеры которого свидетельствовали о важности происходившего. Оттуда время от времени выходили воины с худыми ястребиными лицами жителей пустыни. Зуагиры в развевающихся халатах спешили к своим коням, вскакивали в седла и, точно безумные, уносились в пески. Другие, напротив, возвра-

шались из поездок, спрыгивали со взмыленных скакунов и немедля направлялись к большому шатру посередине. Целый день прибывали зуагиры из соседних оазисов — Харойя и Кирлата, так что серовато-коричневых палаток под пальмами сделалось втрое больше, нежели накануне. Люди шепотом совещались за дверными занавесками, мужчины входили и выходили, спеша по неотложным делам. Царила всеобщая суета, и вместе с тем в ней чувствовался строгий порядок — нечастое зрелище в лагере жителей пустыни...

Внутри же большого шатра собрались вожди зуагиров. Гордость и любовь переполняли сердца бородатых мужей, облаченных в просторные одеяния: исполин в потрепанной кольчуге, некогда посетивший их земли и ныне счастливо вернувшийся, давно уже успел стать персонажем легенд, героем, которому поклонялись. Много лет назад он объединил постоянно враждовавшие кланы и стал водить их в набеги столь дерзкие, удачливые и кровавые, что рассказы о них до сих пор звучали у зуагирских костров. Возвращение Конана казалось суеверным кочевникам доброй приметой. Не случайно же, в самом деле, оно последовало сразу за таким несчастьем, как разгром целого воинского отряда и пленение одного из славнейших вождей!

Стоило появиться Ястребу Пустыни, и мелкие межплеменные свары утихли сами собой. Темные глаза зуагиров светились яростным предвкушением, ибо Конан держал речь:

— Штурмовать форт Ваклу бессмысленно. У нас нет ни баллист, ни иных осадных машин. Если я что-нибудь понимаю в туранских фортах, у них там такой запас продовольствия, что они просидят в осаде хоть целый год. К тому же у них закаленная кавалерия, которая легко сможет сосредоточенным ударом расстроить наши ряды. Нет, мы должны вступить с ними в схватку внутри стен, где они не смогут использовать конницу, а у нас будет численный перевес. Надо применить хитрость! Давайте-ка используем добычу, хранящуюся в этом оазисе, и снарядим караван. Пятьдесят наших воинов пусть переоденутся купцами, слугами, рабами, погонщиками верблюдов — и, якобы направляясь в Хердпур, отведут караван в форт. В полночь мы перережем стражу ворот и впустим внутрь остальных. Перво-наперво надо будет захватить казармы, жилье офицеров и дворец правителя. Мы будем жечь, грабить и убивать, убивать до тех пор, пока туранская кровь не потечет по всем ули-

цам! — И киммериец поднялся, подтягивая пояс с кинжалом.— За дело, псы пустыни! Чтобы к рассвету снарядили мне караван, от которого потекут слюнки у любого зуагира!

Мерно позванивали колокольцы верблюдов. Караван втягивался в ворота форта Ваклы в облаке пыли, поднятой ногами людей и животных.

— Господин мой, я — Зеба, купец из города Анакии, что в Шеме,— объяснил капитану привратников сухопарый мужчина, приехавший во главе каравана.— Я везу товар из Юккуба в Хердпур.

— А это кто? — поинтересовался капитан, ткнув пальцем в сторону человека исполинского роста, закутанного в просторный халат. Головной платок скрывал нижнюю часть его лица, так что видны были лишь пронзительные голубые глаза.

— Это,— ответствовал Зеба,— мой телохранитель и слуга. Он стигиец. Прочие мои люди — наемные стражники, погонщики верблюдов, а также рабы. Клянусь Ашторет, как все-таки славно вновь оказаться под защитой крепостных стен! Я каждую минуту боялся, что на нас нападут зуагиры. Благородный капитан видит, что мои люди неплохо вооружены, но, по счастью, боги были к нам благосклонны, и нам так и не пришлось отбиваться от смердящих хищников пустыни.

Капитан усмехнулся.

— Добрый торговец, твои предосторожности поистине были излишни. Даже слабая женщина может сегодня путешествовать по караванной тропе в одиночку и ничего не страшиться. Только вчера отряд императорских стражей уничтожил целую стаю этих песчаных крыс и захватил вожака. Лишь один мерзавец как-то умудрился уйти...

— Право, я слышу добрую весть! — воскликнул шемит.

— Всего один день ратных трудов, но это, должно быть, надолго отобьет у них вкус к разбойным набегам,— скромно похвастался капитан.— Везиз-шах приказал убивать на месте всех зуагиров — мужчин, женщин, детей,— кто только попадется нашим разъездам. К тому времени, когда тебе придет пора возвращаться в Юккуб, мы надеемся полностью очистить от них пустыню, так что ты сможешь путешествовать без всякого страха!

— Я принесу жертву Белу, и пусть густой дым вознесет мою благодарность на небеса,— пообещал купец, между тем как последний верблюд каравана проплыл мимо них внутрь

крепости. Четверо стражников закрыли за ним ворота. Тяжелые, окованные железом створки медленно, со скрипом повернулись на петлях толщиною в человеческое бедро. Лег в проушины массивный запирающий брус...

Форт Вакла в действительности представлял собой небольшой город. Высокая зубчатая стена с башнями, на которых дежурили бдительные лучники, окружала целый лабиринт зданий и улочек, где вольготно чувствовали себя и торговцы, и воры. Отрезанный от остального мира, форт Вакла тем не менее содержал все необходимое для цивилизованной жизни, в том числе питейные заведения и игорные дома, где развлекались солдаты.

На широкой рыночной площади посередине крепости кого только не было: кружились в людском водовороте купцы в развевающихся одеждах, женщины с покрытыми лицами и воины в кольчугах и островерхих шлемах. Воздух сотрясался от криков проворных лотошников и торговцев, усердно набивавших цену. Рядом с площадью возвышалась могучая цитадель: дом правителя форта Вакла сам по себе был настоящей крепостью с серыми каменными стенами, узкими окнами-бойницами и тяжелыми дверями из кованой меди. Впрочем, те, кому довелось побывать внутри, рассказывали о роскоши, которой в угрюмой твердыне на первый взгляд и заподозрить было нельзя. По их словам, внутренние покои были битком набиты драгоценными произведениями искусства, уставлены уютной мебелью, а уж какие вина и яства там подавали...

Подошел вечер. Небо быстро померкло, там и сям в окнах стали зажигаться лампы и свечи. Взмокшие трактирщики потащили из подвалов наверх новые бочки вина, ожидая вечернего наплыва посетителей. Игроки в кости разминали руки, искусно подбрасывая и перемешивая фишки. Словом, начиналась ночная жизнь истинного гирканского города.

У западной стены, там, где обыкновенно размещались захожие караваны, люди Конана вполголоса спорили, рассевшись вокруг походных костров. Большинство было за то, чтобы тихо, не вызывая ничьих подозрений, сидеть здесь в ожидании назначенного срока. Конан, однако, не соглашался. В самом деле, впереди было добрых два часа: почему бы не выведать все, что возможно, о расположении и силах врага? То есть они уже знали, где находились жилища офицеров и казармы солдат — рядом с воротами, но вот сколько там было воинов, следовало уточнить.

— Хоть бы демоны оборвали ваши болтливые языки! — проворчал он наконец.— Сказал пойду, значит, пойду! По тавернам наверняка шляется немало пьяных солдат. Кто-нибудь из них выболтает то, что я желаю узнать, даже если придется отжать негодяя, точно мокрую тряпку!

Это было его последнее слово; все доводы зуагиров разбились о железную решимость киммерийца. Он завернулся в широкий халат и зашагал прочь, сколь возможно прикрыв лицо головным платком. Вовсе незачем, чтобы какой-нибудь памятливый туранец признал его и тем самым нарушил их тщательно разработанный план.

Войдя в первую же таверну, Конан застал веселье в полном разгаре: от запаха кислого вина, несвежего пива и потных людских тел на миг перехватило дыхание. Служанки бегом носились взад и вперед, разнося кружки пенящейся браги и бутылки с вином; накрашенные потаскушки хихикали на коленях у подвыпивших солдат, которые чашу за чашей вливали в себя вино и знай требовали еще. В общем, все то же самое, что и в тавернах западных городов, разве что гости были поярче одеты.

Облюбовав себе маленький, несколько удаленный столик в темноватом углу, Конан опустился на скрипнувший под его тяжестью стул и спросил пива. И внимательно огляделся вокруг, утоляя жажду неторопливыми глотками. Совсем рядом с ним, сцепившись в борьбе, два пьяных копейщика катались по полу под визг и хихиканье женщин. Напряженные мускулы перекатывались под смуглой кожей, лоснившейся от пота. За соседним столом шла игра в кости: сверкающие монеты и драгоценные камни путешествовали от владельца к владельцу по грубо оструганной, залитой вином столешнице... Конан почувствовал себя в привычной обстановке и немного расслабился. Нервы у него были крепкие, но, проведя весь день начеку, в самом логове неприятеля, поневоле устанешь...

— Эй, олух, ты что там заскучал? Как насчет выпить?..

Прямо к Конану, опрокидывая стулья, сквозь толпу пробирался великан воин — вслед ему сыпались проклятия и отборная ругань. Он плюхнулся на свободное место за столиком киммерийца. Его позолоченная кольчуга и шелковый кушак были заляпаны вином из чаши, которую он сжимал в кулаке. Во взгляде бродил воинственный хмель.

Глаза Конана сузились... Воин был облачен в алый плащ и белый тюрбан императорского стража. На тюрбане кра-

совалось павлинье перо — отличительный знак капитана этих отборнейших войск. Без сомнения, он принадлежал к тому самому отряду, что разгромил зуагиров и пленил Юн Аллала. Быть может, даже командовал этим отрядом. Поистине боги послали Конану удачу; оставалось ею воспользоваться.

Киммериец наклонился вперед, изображая притворное дружелюбие и в то же время стараясь держать лицо в тени.

— Ты прав, приятель, скучноватое местечко. Правда, я заглянул только так, горло промочить.— И он дружески ткнул солдата в плечо кулаком.— Вообще-то говоря, я держу путь в дом наслаждений: девушки там столь прекрасны, что, пожалуй, поспорят с куртизанками Шадизара.

Икнув, капитан тряхнул головой и не без усилия проморгался.

— Д-девушки? Отличная мысль... А ты сам-то откуда?

— Я — Хотеп из Кеми, телохранитель купца Зебы. Нет, правда, пошли вместе! Одно посещение этого дома — и тебе хватит впечатлений на месяц.

Обманщик из Конана был неуклюжий; его притворство наверняка вызвало бы подозрение у проницательного или хотя бы просто трезвого человека. Но в сознании хмельного туранца бодрствовали лишь самые низменные инстинкты. Похоть вмиг овладела им, он тяжело задышал и, громко рыгнув, оперся о стол.

— Ну так веди меня туда п-поскорее. Я так долго странствовал в проклятущей пустыне и не видел ни юбки.

— Так ты случаем не из того отряда, что устроил зуагирам засаду?

— Из отряда! Ха-ха! Да я им командовал!

— Что ж, поздравляю с удачей.

— О, это была отличная схватка. Беда только, единственной бабой во всем караване была благородная йедка Занара, да покроют боги мерзкими чирьями тело этой высокомерной!

— Как, она не пожелала тебя?

— Хуже, друг, хуже... Она влепила мне затрещину, когда я вошел к ней в шатер и попытался ее поцеловать!

— Какая наглость,— посочувствовал Конан.

— И это еще не все. Поверишь ли, она пригрозила, что с меня живьем сдерут кожу на главной площади Аграпура, если я от нее не отстану! Сдерут кожу — с меня, Ардашира из Акифа! Так вель и сказала: если я не отстану. Это

же надо быть евнухом, чтобы один раз взглянуть на нее и не возжелать...

— Стыд и срам,— сказал Конан,— терпеть такое от женщин.

— Ладно, хватит об этом... веди меня скорее в дом наслаждений, стигиец! Я хочу развеяться и позабыть.

Пошатываясь, туранец поднялся и начал проталкиваться сквозь толпу к выходу. Конан последовал за ним на улицу. После духоты, царившей в таверне, прохладный ночной воздух умывал лицо, точно влажное полотенце. Похоже, он отрезвляюще подействовал на капитана: тот начал с проснувшимся любопытством вглядываться в наполовину закутанное лицо своего спутника, молча шагавшего рядом.

— Постой-ка, приятель! — заявил он неожиданно.— Куда, собственно, ты меня тащишь? Я хорошо знаю форт Вакалу, но что-то не слыхал о доме с волшебными девушками, который ты так расписывал! Где он находится? А ну, снимика платок...

Ему пришлось умолкнуть на полуслове, ибо могучая рука стиснула его горло. В своем отряде Ардашир по праву считался сильнейшим, но человек, захвативший его врасплох, был силен попросту невообразимо. Ардашир бился в его тисках, беспомощный, как младенец. Он отчаянно пытался глотнуть воздуха, тщетно силясь разжать пальцы, сдавившие шею. Между тем киммериец, не тратя зря времени, затащил пленника в темный переулок и, когда Ардашир, теряя сознание, перестал сопротивляться, живо связал ему руки его же собственным кушаком. Потом Ардашир почувствовал, что его переворачивают на спину, и увидел над собой горящие голубые глаза.

— Ты хотел знать мое имя,— с ужасным акцентом прошипел киммериец по-гиркански.— Слышал ли ты, туранский пес, о Конане, которого зуагиры прозвали Йамад аль-Афта? О Конане, вожде козаков и пиратов моря Вилайет?

Из помятого горла Ардашира вырвался хриплый звук.

— Я вернулся с Запада,— продолжал Конан.— Я буду спрашивать, а ты будешь отвечать. Ты расскажешь мне все, что знаешь, или я выжгу тебе глаза и сниму кожу с твоих ступней...

Ардашир был закаленным и мужественным человеком, но в этот миг ужас буквально парализовал его. Смелость ни разу еще не изменяла ему в сражениях против обычных врагов, будь то отряды зуагиров, кшатрийские легионы Вендии или войска западных стран, куда случалось вторгаться

воинам короля Ездигерда. Но гигант варвар, стоявший над ним с кинжалом наготове, внушал Ардаширу, как и всякому туранцу, суеверный ужас. Рассказчики, повествовавшие у походных костров о деяниях киммерийца, приписывали ему волшебную силу; дошло до того, что само имя его произносили с опаской, точно имя какого-нибудь мифического людоеда.

Кроме того, Ардашир знал, что угрозы Конана — не пустые слова. Все слышанное об этом человеке свидетельствовало: он без зазрения совести учинит над ним самую зверскую пытку, чтобы добиться своего. И тем не менее вовсе не страх пытки развязал Ардаширу язык: перед ним в самом деле был Конан, и храброму капитану этого оказалось довольно.

Легонько покалывая его время от времени кинжалом, Конан выведал все, что хотел. Обычный гарнизон, состоявший из двенадцати сотен конников, был расквартирован в казармах у главных ворот, сотня же императорских стражей была временно расселена по всему городу. Пленный вождь зуагиров сидел на цепи в подземной тюрьме под башней правителя, в которой, кстати, гостила теперь высокородная Занара. А вот сколько было стражников при воротах — этого Ардашир, к сожалению, не знал.

Быстрый взгляд, брошенный на луну, сказал Конану, что близится полночь. Следовало поспешать. Он проверил надежность пут пленника и затолкал ему в рот кляп, сделанный из его же тюрбана. Потом оттащил Ардашира поглубже в темноту переулка и оставил там корчиться и злобно вращать глазами в бесплодных попытках освободиться.

«Я делаюсь мягкосердечен,— подумалось Конану.— Было же время, когда, расспросив подлеца, я бы без раздумий перерезал ему глотку. Ладно, пускай о нем позаботятся мои зуагиры, которые его рано или поздно найдут...»

В роскошном покое на втором этаже дворца правителя отдыхала на шелковом диване Занара, благородная йедка из Майпура. Возле дивана на толстом ковре стоял низенький столик и на нем ваза с фруктами. Лениво жуя, Занара поглядывала на мужчину, сидевшего против нее. Облегающие полупрозрачные одеяния едва прикрывали ее соблазнительное тело. Впрочем, мужчине было не до того.

Маленького роста, кривоногий, с кожей цвета ила и плоским морщинистым лицом, похожим на обезьянье, он был облачен в шкуры и кожу. Лицо украшали красно-черные

полосы и круги, грязные черные волосы были заплетены в косы, а на шее висело ожерелье из человеческих зубов. От него разило мокрыми кожами и немытым телом. Он был из племени вигуров, свирепых варваров, кочевавших вдоль северо-восточного берега моря Вилайет.

Человек этот сидел на полу, скрестив ноги и вперив взгляд в тонкие завитки дыма, поднимавшегося из жаровни. Колеблющаяся синяя струйка поднималась фута на два над жаровней и там, волнуясь, сплеталась в замысловатые арабески. Кончики пальцев вигура порхали по маленькому, не более фута в поперечнике, барабану, извлекая еле слышную, но очень частую дробь.

Наконец дробь оборвалась, и йедка спросила:

— Что ты видел, Татур?

— Он идет,— высоким голосом нараспев ответил шаман.— Тот, кого ты ищешь, недалеко...

— Как так? — воскликнула госпожа Занара.— Стража Везиз-шаха бдительна. Столь приметный человек никак не мог миновать ее тайно!

— И все-таки он приближается,— стоял на своем Татур.— Духи не лгут. Беги, или скоро окажешься с ним лицом к лицу.

— Должно быть, он въехал в Ваклу переодетым,— задумалась Занара.— Что же мне делать, если он в самом деле ворвется сюда? Не может ли твой хозяин, чье имя неназываемо, снабдить меня хоть каким-нибудь средством, дабы я могла справиться с ним?

В голосе Занары послышался ужас, а рука невольным движением прикрыла нежное горло.

— Тот, чье имя неназываемо, желает, чтобы ты преуспела,— промолвил вигур. Порылся в складках овчины и вытащил маленький пурпурный фиал.— Капля этого снадобья, добавленная в стакан вина, на три дня погрузит его в оцепенение, подобное смерти.

— Это хорошо, но варвар весьма осторожен,— сказала Занара.— Он распознает опасность в мгновение ока, как нам пришлось убедиться еще в Ханарии. Что, если он откажется пить?

Татур извлек из складок овчины мягкий кожаный мешочек:

— Уж это-то уложит его — стоит только вдохнуть.

— Что это?

— Пыльца желтого кхитайского лотоса. Используй ее лишь как последнее средство! Ибо, если дуновение воздуха

отнесет ее обратно к тебе, ты и сама свалишься без сознания. А если вдохнуть слишком глубоко, она может убить.

— Я учту это. Но если твой хозяин в самом деле желает, чтобы я померялась силами с киммерийцем, пусть он снабдит меня верным средством спасения на случай, если мне будет угрожать смерть. Кто-нибудь другой может недооценить варвара — но не я! Я-то знаю, на что он способен! И между прочим, твой хозяин в достаточной мере обязан мне за мою прежнюю службу.

На сморщенном лице Татура появилось подобие улыбки:

— Тот, чье имя неназываемо, говорил мне, что ты торгуешься до последнего... Вот, возьми,— и он протянул Занаре нечто напоминавшее прозрачное яйцо.— Раздави его в минуту опасности, и помощь придет к тебе из других измерений.

Занара внимательно осмотрела все три предмета и наконец произнесла:

— Хорошо. Езжай в Аграпур: скажи королю, я буду ждать Конана здесь. Если все пойдет так, как мы предполагаем, варвар очень скоро будет валяться в цепях у его ног. Если же нет... значит, ему понадобится новое доверенное лицо. Прощай же — и поспеши!

Шаман вышел. Несколькими минутами позже лохматый гирканский пони уже нес его неутомимой рысцой через ночную пустыню.

Прохладная ночь была тиха и спокойна. Капитан стражи у главных ворот потягивался и зевал. Из своей сторожки он хорошо видел двоих лучников, ходивших взад-вперед по стене над огромными воротами. Двое копейщиков у привратных столбов стояли неподвижно и прямо; лунный свет отражался от начищенных кольчуг и островерхих шлемов. Бояться было решительно нечего. Один удар гонга, висевшего под рукой у капитана,— и из ближних казарм бегом примчатся солдаты. С какой стати правителю форта понадобилось удваивать стражу да еще особо приказывать, чтобы держали ухо востро?

Туранский офицер недоумевал. Неужели Везиз-шах в самом деле боялся, как бы зуагиры не вздумали напасть на форт — отбить захваченного вождя? Что ж, пускай песчаные крысы попробуют сунуться. Пускай бьются головами о стены, пока лучники будут всаживать в них стрелу за стрелой. Должно быть, правитель состарился и страдает кошмарами. Пусть спит спокойно — на страже стоит его капитан Акеб Мен!

Но вот легкое облачко ненадолго скрыло луну... Акеб Мен моргнул и вгляделся. Что такое? Ему показалось, будто двое лучников на стене вздумали присесть отдохнуть. Вот поднялись и вновь размеренно зашагали. Да, надо будет присмотреть за лентяями. Пусть только попробуют отлынивать, он им устроит трехчасовую муштру в пустыне под полуденным солнцем!

Акеб Мен решил выйти наружу. Уже поднимаясь, он бросил еще один взгляд в окошко. Как раз в это время облачко отнесло прочь, и луна вновь засияла. И жуткое зрелище предстало глазам капитана: вместо плащей и остроконечных шлемов «лучники» были облачены в халаты и головные платки.

Зуагиры!..

Одному дьяволу известно, как они сумели проникнуть вовнутрь. Акеб Мен схватил молоточек, висевший рядом с гонгом, замахнулся, намереваясь поднять тревогу. Но опоздал.

Дверь сторожки не то что рухнула — разлетелась в щепы. Акеб Мен выронил молоточек и обернулся, хватаясь за ятаган, но вид представшего перед ним человека заставил его замереть от изумления. В дверях стоял не облаченный в белое зуагир из пустыни — это был западный воин, гигант в черной кольчуге, с обнаженным мечом в руке.

Туранец закричал от страха и ярости и ударил, метя в живот. Но великан оказался быстр как молния. Он ушел от удара. Его длинный прямой меч опустился со свистом, и Акеб Мен осел на пол, обливаясь кровью, разрубленный до середины груди.

Конану некогда было радоваться победе. Из окошка казармы в любое мгновение мог высунуться любопытствующий стражник. А если нелегкая принесет запоздалого горожанина?.. Между тем громадные, окованные железом ворота уже раскрывались, а внутрь крепости бесшумно и быстро просачивались воины-зуагиры.

Не теряя времени, Конан отдавал приказы. Он говорил тихо, но так, что слышали все:

— Двое с факелами — поджечь казармы. Три сотни лучников с хорошим запасом стрел пусть займутся солдатами, когда те побегут вон. Остальные — с факелами и мечами — вперед! Богатства и пленники принадлежат вам! Держитесь вместе, не менее чем по двадцать человек. Табит! Ты со своими пятьюдесятью — за мной! Я иду во дворец правителя.

Повелительным жестом Конан разослал по местам младших вождей и двинулся вперед во главе своей полусотни: его шаг был так широк, что зуагиры поспевали за ним рысцой. Вскоре площадь позади них озарило яркое пламя — это поджигатели, подкравшиеся к казармам стражников, взялись за работу. Остальные отряды исчезли кто куда. Хитрость, придуманная Конаном, вскоре должна была оставить форт без вооруженной защиты. Тощие волки пустыни облизывали губы, предвкушая добычу и месть. Городские улицы были все еще тихи, лишь стрелы подрагивали на тетивах да лунный свет играл на лезвиях ножей и наконечниках копий...

Конан вел своих людей кратчайшим путем. Перво-наперво он собирался вызволить Юн Аллала. Кроме того, он был весьма заинтригован рассказом о красавице йедке. Пожалуй, это будет добыча как раз в его вкусе! Прекрасные женщины всегда составляли его слабость. Стоило ему выслушать Ардашира, и воображение разыгралось. Он еще прибавил шагу, не забывая, впрочем, окидывать бдительным оком двери домов и залитые тьмой переулки, мимо которых лежал его путь.

Когда впереди показалась центральная площадь, у Конана вырвалось ругательство. Четверо стражей прогуливалось по двое у медной двери резиденции. Киммериец рассчитывал взять правителя врасплох, но это более не представлялось возможным. Что ж! Конан помчался вперед через мощеную рыночную площадь, размахивая огромным мечом. Его бег был стремителен: пока стражи соображали, в чем дело, один уже валялся с проломленным боком. Спутники Конана неслись в двадцати шагах позади — бешеная скорость киммерийца оказалась им не по силам.

Двое копейщиков нацелили свое оружие прямо в его широкую грудь, а третий поднес к губам рог. Рог взревел, но тотчас умолк: меткая стрела какого-то зуагира пробила голову трубача, и рог звякнул о камни.

Размашистым ударом Конан срубил наконечники обоих копий. В следующий миг один из туранцев повис на его длинном мече и отлетел, захлебываясь кровью, прямо на своего товарища. Тот промахнулся с ударом, нацеленным в голову киммерийца. Его сабля чиркнула по камням, брызнули искры. Нового удара ему не суждено было нанести. Изрешеченный зуагирскими стрелами, он поник наземь, успев лишь коротко простонать.

Конаном овладела свирепая жажда убийства. Прыгнув вперед, он налег плечом на медную дверь. Времени оста-

валось все меньше. Погибший трубач все-таки исполнил свой долг: из окон окрестных домов высовывались люди, кое-где на крышах появились лучники... Следовало проникнуть в башню прежде, чем враги успеют организовать оборону.

Дверь уступила удару его плеча. Оставив десятерых прикрывать вход на случай нападения, Конан повел остальных внутрь.

Вот спереди послышалось звяканье кольчуг, мелькнули обнаженные клинки, и не менее десятка солдат в белых тюрбанах императорской стражи вылетело навстречу Конану из какой-то двери. Боевой клич киммерийца эхом раскатился под сводами, и сражение закипело. Кривые ножи и короткие копья зуагиров находили жертву за жертвой, но и сверкающие ятаганы пожинали кровавую жатву. И все-таки двуручный меч Конана производил наибольшее опустошение. Он рубил, колол, уходил от ударов и прыгал вперед с яростью тигра и с такой немыслимой скоростью, что противники не успевали за ним уследить. Несколько минут — и десять туранцев остались лежать в лужах крови. Рядом с ними застыло восемь мертвых тел в окровавленных халатах — свидетельство отчаянного мужества защитников башни.

Прыгая через четыре ступеньки, Конан устремился по лестнице на второй этаж. Там, как он знал, находились покои правителя. Приостановившись, он отдал товарищам несколько быстрых приказов:

— Вы двое — раздобудьте ключи от подземелья и освободите Юн Аллала. Остальные — собирайте добычу, сколько сможете унести. А я навещу правителя...

Зуагиры со смехом и завываниями помчались кто вниз, кто вверх по ступеням. Конан пинком ноги разнес в щепы дверь сандалового дерева, перед которой стоял, и оказался в прихожей апартаментов правителя. Быстро пройдя ее по заглушавшему все звуки ковру, Конан остановился перед следующей дверью и прислушался. Оттуда слышался женский голос: женщина кого-то сердито увещевала.

Нахмурив брови, Конан подхватил тяжелый стол и с маху обрушил его на дверь. Высаженная дверь развалилась и рухнула. Конан отшвырнул обломки стола и шагнул внутрь.

Посредине комнаты стоял мужчина средних лет, высокий и крепкий. Приметы совпали: это был Везиз-шах. Пол комнаты был застелен коврами, вокруг стояли шелковые диваны и столики, уставленные изысканными яствами. Ря-

дом с Везиз-шахом на столе виднелась бутыль вина и два наполненных кубка.

А напротив него на диване возлежала женщина. Она обратила на вломившегося варвара огромные темные глаза, в которых не было и тени испуга. Конан даже вздрогнул: это была та самая девка, что позвала его на помощь в Ханарии — и завела в ловушку, где он едва не погиб!

Однако раздумывать об этом сразу стало некогда. Выругавшись, правитель форта обнажил украшенный самоцветами ятаган и двинулся к Конану, ступая по-кошачьи.

— Как смел ты ворваться сюда ко мне, негодяй? Я слышал, что ты снова появился в этих местах. Я надеялся привязать тебя к хвостам диких коней и получить удовольствие, но раз уж ты выбрал для себя иной род смерти...

И его ятаган описал дугу, взвившись в стремительном замахе. Слова были всего лишь уловкой: многие и многие люди попались бы на хитрость и остались бы лежать с рассеченным горлом, не успев отшатнуться прочь,— но только не Конан, обладавший реакцией дикой пантеры. Он отбил удар рукоятью меча и тотчас сделал ответный выпад. Начался поединок: Конан оказался лицом к лицу с едва ли не самым умелым фехтовальщиком из всех, каких ему доводилось встречать.

Но цивилизованные народы еще не родили бойца, способного противостоять отточенному искусству и стремительной мощи Конана, мужавшего в сражениях и войнах с врагами,— и с кем только ему ни приходилось сражаться! Навыки, почерпнутые во время службы наемником, сами по себе ставили его выше обыкновенных бойцов, ибо малейшие тонкости любого приема были навеки впечатаны в его мозг бесконечными кровавыми стычками. Но у кого еще была эта непостижимая, молниеносная скорость первобытного варвара, чье тело ни на йоту не смягчили годы цивилизованной жизни?

Поединок длился. К Везиз-шаху подкрадывалась усталость: страх смерти появился в его глазах. С неожиданным криком кинул он свой ятаган Конану в лицо и метнулся к дальней стене. Его пальцы зашарили в поисках пружины, открывавшей потайную дверь.

Конан без труда увернулся от брошенного ятагана. Его рука охватила шею туранского эмира, а колено уперлось ему в спину. И Везиз-шах содрогнулся от ужаса, услыхав:

— Вспомни, пес, как ты командовал кавалерией в Секундераме и десять моих афгулов угодили тебе в лапы! Ты

прислал мне их головы в кувшинах с уксусом, сопроводив наилучшими пожеланиями... Пришло твое время — отправляйся гнить в преисподней!

И киммериец могучим рывком перегнул тело врага через свое колено. Хребет туранца хрустнул, точно сухой сук. Безжизненное тело соскользнуло на пол. Конан утер пот и, переведя дух, повернулся к женщине на диване.

За время его схватки с правителем Занара даже не пошевелилась. И вот теперь она поднялась и, протягивая руки, бесстрашно, с сияющими глазами пошла к киммерийцу, словно бы не обращая внимания на окровавленный меч в его руке. Он почувствовал, как кровь быстрее побежала по жилам.

— Ты — настоящий мужчина! — с восторгом прошептала она, прижимаясь к жесткой кольчуге и обвивая руками его мускулистую шею.— Никому, кроме тебя, не удалось бы справиться с Везиз-шахом... Но ты смог, и я рада. Он угрожал мне... заставил прийти сюда... хотел, чтобы я исполняла его желания...

Кровь Конана так и кипела. Будь он помоложе, он немедля сжал бы ее в могучих объятиях — и плевать, что там будет потом. Но долгий опыт научил его осторожности. Стиснув огромной ладонью оба ее запястья, он усадил Занару рядом с собой на диван и проворчал не без угрозы:

— В тот раз в Ханарии ты была одета несколько по-другому... Давай-ка выкладывай, что там была за история с засадой, да не забудь рассказать и про свою роль во всем этом деле. И не вздумай врать, если дорожишь своей хорошенькой шкуркой.

Темные глаза по-прежнему без всякого страха смотрели на него из-под длинных ресниц. Изящная ручка тихонько выскользнула из его ладони и потянулась к кубкам с вином. Один из них она подала Конану, из другого отпила сама. И все это с уверенной грацией женщины, красивой, умной и знающей себе цену:

— Утоли жажду, мой победитель: я знаю, что после сражения воинам всегда хочется пить. Это лучшее вино из личных погребов Везиз-шаха. Пей, а я расскажу тебе все, о чем ты хочешь узнать...

Глядя в свой кубок, Конан слушал музыкальный голос красавицы:

— Мое имя Занара. Я — йедка, то есть высокородная дама. Я родилась в Майпуре. Королю Ездигерду было угодно всемилостивейше назначить меня своим доверенным ли-

цом — ушами и глазами короля, как говорят у нас в Туране. Когда пришла весть, что ты отправился путешествовать в одиночку, я была послана присмотреть за тупицами-наемниками, которых подыскал в Тарантии наш человек. Я полагала...

Конан швырнул свой бокал об пол и, свирепея, повернулся к женщине. У него хватило догадливости понюхать вино и попробовать его кончиком языка, и чуткое обоняние варвара поведало ему о таившейся в чаше угрозе. Он сгреб в кулак длинные черные волосы Занары и прорычал:

— Ах ты, потаскушка! А я-то было решил...

Рука Занары вылетела из-за спины и метнула ему в лицо щепоть пыльцы желтого лотоса. Конан отшатнулся, чихая и кашляя, и выпустил волосы Занары. Она же отодвинулась прочь и встала, остерегаясь дышать.

Конан растянулся поперек дивана и беспомощно захрапел.

Занара удовлетворенно кивнула. Последующие два или три дня он будет лежать мертвец мертвецом. Следовало действовать быстро.

Ее внимание привлек нарастающий шум, доносившийся снаружи. Она подбежала к выходившему на площадь окну и отдернула занавески. Открывшееся зрелище заставило ее попятиться. Горели дома, подожженные ордами грабителей-зуагиров. Вопли взятых в плен женщин сливались с руганью сражавшихся мужчин. Там и сям мелькали жуткие фигуры в белых одеждах, зато туранских солдат вовсе не было видно. Так значит, Конан явился в форт не один, как ей думалось поначалу... Он пришел во главе стаи волков пустыни!

Впрочем, потрясенная Занара быстро собралась с мыслями.

Она была опытной шпионкой; в ее голове уже зрел план, как спастись самой и притом выполнить королевский наказ. Занара быстро надела белое одеяние, отысканное в одном из сундуков. Вооружилась длинным кинжалом с позолоченной рукоятью. Оттащила в сторону переломанное тело правителя, все еще смотревшее в потолок выпученными глазами. Ее проворные руки быстро нащупали пружину, управлявшую потайной дверью.

Раздался скрежет. Часть стены отодвинулась внутрь, открыв винтовую лестницу, уводившую вниз. Вернувшись к дивану, Занара ухватила бесчувственного Конана под мышки и, надсаживаясь, потащила неподъемное тело к тайной две-

ри. Уложив его на ступеньки, она надавила пружину, запирая дверь изнутри. Конан знай похрапывал, точно медведь в берлоге.

Занара бегом спустилась по лестнице, едва озаренной отсветами пожаров, проникавшими сквозь узенькие оконца. Ступени привели ее в круглую комнатку на уровне земли. Выход из башни управлялся пружинами вроде тех, что были устроены наверху. Занара выскользнула наружу и постаралась хорошенько запомнить место: ведь ей предстояло вернуться.

Форт напоминал преисподнюю. Оказывается, зуагиры добрались до винных погребов и уже перепились со всей беззаботностью первобытных кочевников, не привыкших к цивилизованному вкушению вина. Воины с факелами, хохоча, поджигали один дом за другим. Толпы полуголых пленниц гнали к главным воротам: слышались грубые шутки, свистел кнут.

Площадь перед казармами хранила следы ужасающей бойни. Плохо соображая спросонья, ослепшие от дыма, солдаты выбегали в единственную дверь — прямо под стрелы лучников-зуагиров, поджидавших на площади. Сотни мертвых тел грудами лежали вокруг развалин казармы. А в самих развалинах виднелись обгорелые трупы тех, кто угодил в огонь, не сумев добраться до двери... где все равно ждали стрелы.

В глубине внутренних строений форта обезумевшие от крови кочевники еще резались с разрозненными остатками императорских стражей, выбежавших на шум. Поистине, вот уже несколько десятилетий в туранских крепостях не случалось ничего даже отдаленно подобного нынешнему кровавому разгрому...

Однако многоопытную Занару испугать было непросто. Вид мертвых тел, наполнявших сточные канавы, отнюдь ее не смущал. Решительным шагом шла она вперед по улицам, освещенным пламенем пожаров, исчезая в темных дверных нишах всякий раз, когда впереди возникала очередная толпа зуагиров, с хохотом размахивавших драгоценной добычей и гнавших перед собой беспомощных пленниц.

Минуя узенький переулок, Занара услышала оттуда какое-то сдавленное мычание. Беглый взгляд, брошенный в потемки, натолкнулся на поверженное наземь тело. Женщине бросились в глаза остроконечный шлем и кольчуга тонкой работы, несомненно принадлежавшие туранскому императорскому стражу.

Быстро наклонившись, Занара освободила рот мужчины от кляпа. Ей не составило труда признать в нем Ардашира из Акифа — вполне живого и целого, хотя дым близких пожаров грозил вот-вот его задушить.

Она перерезала его путы и жестом приказала ему следовать за собой. Тонкий пальчик, властно прижатый к губам, оборвал поток отборнейшей брани, хлынувшей было из уст храброго капитана. Ардашир был старым солдатом и привык подчиняться беспрекословно.

Они без особых приключений добрались назад, ко дворцу правителя, тем более что зуагиры, пресыщенные грабежом и попойкой, потянулись к выходу из форта. Лишь однажды туранцам попалась навстречу пара незваных гостей из пустыни. Кочевники, вооруженные лишь кривыми ножами, не сумели оказать достойного сопротивления. Несколько стремительных ударов Ардаширова ятагана — и на земле остались лежать два окровавленных тела. Благополучно достигнув башни, Занара и Ардашир проникли в потайной ход. Не вполне понимая, чего от него хотят, Ардашир неохотно взошел вслед за женщиной по ступеням, но увидел Конана — и, выругавшись, вновь схватился за ятаган. Занара успела перехватить его руку:

— Уймись! Или ты не знаешь, что король осыпет нас золотом, получив живым этого дикаря?

Ардашир ответил красочным описанием того, куда, по его мнению, король Ездигерд мог отправиться вместе со своим золотом:

— Этот пес запятнал мою честь! Я...

— Придержи язык, глупец,— посоветовала Занара.— Подумай лучше, что будет с тобой, когда королю донесут, что ты потерял убитыми целый отряд его возлюбленных стражей — ты ведь знаешь, как он их ценит,— а сам не получил ни царапины?

— М-м-м,— замялся Ардашир, заметно сникая.

Занара же продолжала:

— Я не сомневаюсь, что лучшие королевские палачи станут держать совет, подбирая мерзавцу достойные муки в награду за все зло, причиненное им Турану. Подумай! Неужели ты пренебрежешь богатством и высоким званием ради того только, чтобы самому совершить месть?

Все еще ворча, Ардашир подчинился. Спрятав ятаган, он помог Занаре связать варвара по рукам и ногам. Потом Занара заглянула сквозь тайную щелку в опустевшие покои правителя и прошептала:

— Мы подождем до рассвета. К тому времени зуагиры уберутся из форта. Они так перепились, что наверняка пропустили какую-нибудь конюшню. Если не жалеть лошадей — будем вне опасности самое большее через полдня, а съестным можно запастись здесь же, во дворце. Мы поедем прямо в столицу. Если пленник начнет просыпаться, мы снова успокоим его моим порошком. Всего пять дней — и он будет брошен в самую глубокую подземную королевскую тюрьму Аграпура!

Говоря так, она не сводила глаз с недвижного киммерийца, и взгляд ее горел торжеством.

4

ЗАМОК НА СКАЛЕ

Конан медленно приходил в себя. Голова отчаянно кружилась, в горле было сухо, как в пустыне, желудок сводила тошнота. Казалось, только что он сидел на роскошном диване во дворце Везиз-шаха, правителя форта Ваклы. Теперь его ложем была гнилая солома, по голым каменным стенам каплями стекала сырость, а когда он приподнялся и сел — по полу с испуганным писком шмыгнули крысы. От движения на руках и ногах звякнули тяжелые цепи. Они тянулись к кольцу, накрепко вмурованному в стену. А из одежды ему оставили лишь набедренную повязку.

Голова Конана раскалывалась от боли, язык присох к гортани. Вдобавок ко всему его мучил голод. Конан не пожалел больной головы — могучий рык его раскатился по всему подземелью:

— Эй, тюремщики! Чего дожидаетесь — чтобы я сдох от жажды и голода? А ну живо принесите еды и питья! И что это за адова дыра, хотел бы я знать?

Прошуршали шаги, послышалось звяканье связки ключей: по ту сторону железной решетки возник бородатый тучный тюремщик.

— Ага! — сказал он.— Наконец-то очнулся, западный пес! Знай же: ты в Аграпуре, в дворцовых подземельях короля Ездигерда. Вот хлеб и вода. Подкрепись, тебе еще понадобятся силы, чтобы достойно оценить сердечную встречу, приготовленную королем...

Он просунул меж прутьев хлебец и маленький кувшин и удалился — лишь отзвуки его смеха еще какое-то время блуж-

дали по коридору. Изголодавшийся киммериец жадно накинулся на пищу. По крайней мере, незачем было опасаться отравы. Если бы королю вздумалось быстро прикончить его, проще всего было бы это сделать, пока он лежал без сознания.

Кое-как утолив голод, Конан задумался о своем положении. Итак, он находился в руках злейшего своего врага — того самого короля Ездигерда, что еще годы назад сулил баснословную награду за его голову. Сколько наемных убийц, соблазненных туранским золотом, покушалось на Конана! Цели не достиг ни один: с иными из них Конан разделался сам, другим не удалось к нему даже приблизиться. Но, видно, у короля Ездигерда была цепкая память, а ненависть в его сердце ничуть не ослабла оттого, что давний недруг сам сделался королем, взойдя на трон далекой Аквилонии. И вот наконец хитрость женщины отдала Конана во власть безжалостного врага... Обычный человек содрогнулся бы, устрашенный ужасной судьбой, которая наверняка его ожидала.

Обычный человек — но только не Конан! Он принял случившееся со стоическим бесстрастием настоящего варвара и, не тратя времени на горестные сетования по поводу превратностей судьбы, впряг свой плодовитый разум в работу. Один за другим строил и отвергал он всевозможные планы, как все-таки вырваться на свободу и натянуть нос мстительному Ездигерду...

Минуло время, и вот в коридоре снова прозвучали шаги. Конан подобрался, глаза его нехорошо сузились. Снаружи раздалась команда, и шаги замерли. Конан разглядел сквозь решетку с десяток стражников с обнаженными ятаганами в руках; позолоченные кольчуги мерцали в факельном свете. Двое держали наготове тяжелые боевые луки. Вот вперед вышел высокий, крупного сложения офицер, и Конан узнал в нем Ардашира. Голос Ардашира прозвучал металлически резко:

— Шапур и Вардан! Хорошенько свяжите варвара и наденьте ему петлю на шею. Лучники! Держите его на прицеле, чтобы не вздумал шутить!

В камеру вошли двое солдат. Один нес шестифутовое бревно толщиной в несколько дюймов, другой держал крепкую веревку. Глаза Ардашира горели злорадством, пальцы подергивались. Он был бы рад немедля, собственной рукой расправиться с пленником; сдерживало его лишь железное

самообладание бывалого офицера. Обращаясь к Конану, он прошипел:

— Одно движение, пес, и твое сердце изведает меткость моих стрелков! Я рад был бы сам прикончить тебя, но теперь ты принадлежишь королю!

Холодные голубые глаза Конана невозмутимо встретили взгляд взбешенного офицера... Солдаты водрузили бревно ему на плечи, заставили развести руки и накрепко привязали их к бревну. Пока они возились с веревкой, Конан незаметно напряг могучие мышцы, так чтобы охватившие их петли оказались пошире.

Тюремщик разомкнул его цепи лишь после того, как был завязан последний узел.

— Рано или поздно вы получите по заслугам, туранские псы,— проворчал Конан.— Вот увидите.

Лицо Ардашира исказилось от ярости, ответ его был подобен плевку:

— А ты, негодяй, получишь свое! Скоро тобой займутся королевские палачи! Ни одна пытка, изобретенная человеческим рассудком, не минует тебя! — И Ардашир рассмеялся почти истерически: — Хватит болтать! Следуй за мной, вшивое величество, король засиженной мухами Аквилонии!

Махнул рукой стражникам — и маленький отряд двинулся сырым коридором. Связанный варвар шел посередине, неся бревно на плечах. Он был насторожен, как попавший в клетку волк, и, как волк, был готов использовать любую маломальски выгодную ситуацию. При этом он не задумывался о чудовищном неравенстве сил, не тратил времени на бесполезную перебранку с врагами, не попрекал себя самого за кратковременную утрату бдительности, повлекшую плен. Все его существо было готово к мгновенному действию — лишь бы подвернулась возможность.

Каменная лестница нескончаемо вилась кверху. Конану не завязали глаз, и он зорко впитывал малейшие детали. Дворцовое подземелье явно находилось на большой глубине. Поднимаясь, они миновали несколько этажей, и на каждом стоял стражник с ятаганом наголо или с пикой, изготовленной к бою.

Дважды они миновали узенькие окошки, и Конан сумел бросить взгляд наружу. Сумеречное небо свидетельствовало: стоял не то поздний вечер, не то раннее утро. Только тут он сообразил, откуда доносился рокот прибоя, немало удивлявший его еще внизу, в камере. Дворец стоял на окра-

ине Аграпура, на громадном утесе, отвесно обрывавшемся прямо в волны моря Вилайет. В этом-то утесе и были выдолблены темницы. Вот, оказывается, почему в оконных щелях мелькало небо, несмотря на то что они еще не добрались до нижнего этажа самого дворца... На всякий случай Конан это запомнил.

Дворец оказался на диво громадным. Маленький отряд шел сквозь бесконечные комнаты с фонтанами и драгоценными вазами, в которых, приторно благоухая, красовались невиданные цветы. Звук шагов то отдавался под высокими сводами, то тонул в мягких коврах. Да, здесь роскошь Востока поистине не знала предела...

И повсюду, точно изваяния в латах, стояли солдаты с непроницаемыми лицами и настороженными глазами.

Но вот они остановились перед гигантскими позолоченными дверями. Створки уходили на добрых пятьдесят футов вверх, скрываясь в полутьме. Таинственные арабески сплетались, как змеи, на всей их поверхности: драконы, герои, волшебники гирканских легенд — кого только там не было!

Ардашир вышел вперед, и рукоять его ятагана прозвенела о золотую плиту. Как бы откликнувшись, исполинские двери медленно растворились. Слуха Конана достиг приглушенный гул голосов громадной толпы.

Тронный зал оказался обширнейшим помещением из всех, какие Конану доводилось когда-либо видеть,— а ведь ему случалось бывать и в роскошных чертогах Немедии и Офира, и в продымленных деревянных хоромах Асгарда и Ванахейма. Гигантские мраморные колонны возносились к потолку, спорившему высотою с самим небесным сводом. Несчетное множество ламп, факелов и свечей в канделябрах освещало драгоценные занавеси и картины. А позади трона виднелись высокие окна, забранные цветными витражами. Снаружи сгущалась ночь, и окна были закрыты.

Глазам вошедших предстала блестящая и многочисленная толпа: уж верно, в зале собралось не менее тысячи человек. Были там немедийцы, одетые в короткие юбки, шаровары и кожаные башмаки; офирцы в плащах, ниспадавших пышными складками; коренастые чернобородые шемиты с ног до головы в шелках; перебежчики-зуагиры; вендийцы в обширных чалмах и одеждах из тонких, просвечивающих тканей; посланцы далеких Черных Королевств юго-запада, принаряженные на свой варварский лад. Был там даже одинокий

светловолосый воин с дальнего севера, облаченный в простую черную рубашку. Чужой всем собравшимся, северный воин сурово смотрел прямо перед собой, положив могучие руки на крестовину тяжелого длинного меча, вдетого в ножны...

Иные из собравшихся в этом зале бежали к королю Ездигерду от гнева правителей своих стран, другие продали родину, сделавшись туранскими шпионами и соглядатаями, третьи были просто посланниками. Империя Ездигерда росла день ото дня, но жадность короля не знала границ. Разборчивостью же в средствах он не отличался никогда.

Рев золотых труб отдался под сводами зала. Поспешно расступились придворные, освобождая дорогу, и воины, ведшие Конана, вновь зашагали вперед. Тронное возвышение оказалось так далеко, что стоявших там людей невозможно было как следует разглядеть от двери. «Ничего,— сказал себе Конан,— сейчас подойдем, разберемся!» Любопытство снедало его. Много лет назад, будучи то военным вождем зуагиров, то адмиралом пиратов моря Вилайет, то предводителем химелийских горцев, то гетманом козаков, он сражался против этого восточного деспота, но лицом к лицу не встречался с ним еще никогда...

Одним словом, Конан смотрел прямо вперед, на человека на золотом троне, и оттого не заметил, как изумленно округлились глаза светловолосого великана. Северный воин неожиданно узнал пленника, шагавшего к трону, и так стиснул меч, что побелели костяшки пальцев. Взгляд его неотступно следовал за киммерийцем.

Король Ездигерд оказался смуглокожим гигантом. У него была короткая черная борода, блестящие глаза и тонкие губы, кривившиеся в жестокой усмешке. Разврат, царивший при туранском дворе, наложил печать на его суровое, сумрачное лицо. Мешки под глазами и преждевременные морщины сильно старили короля, но тело его все еще было телом воина — поджарым, мускулистым и крепким. Распущенность грозила со временем превратить его в развалину, однако покамест в нем было более чем достаточно сил. Блестящий стратег, наделенный замашками грабителя, Ездигерд более чем вдвое расширил владения, доставшиеся ему по наследству от короля Илдиза, человека слабого и нерешительного. Он обложил данью города-государства Бритунии и восточного Шема. Его одетым в кольчуги наездникам случалось разбивать армии стран столь удаленных, как Сти-

гия и Гиперборея. Хитроумный Митридат, король Заморы, лишился приграничных провинций и усидел на троне лишь ценой униженного повиновения завоевателю...

...Одетый в великолепные шелка и золотую парчу, король Ездигерд развалился на блистающем троне с обманчивой непринужденностью залегшей пантеры. По правую руку монарха сидела женщина, и у Конана кровь заклокотала в жилах от ярости, когда он узнал ее: Занара!.. Наряд, подобающий знатной туранке, оттенял ее чувственную красоту, в роскошных черных волосах переливалась усыпанная бриллиантами диадема. Прекрасная шпионка с торжеством разглядывала связанного, безоружного пленника. Вот король отпустил какую-то зловещую шутку, и ее смех слился с хохотом придворных, стоявших у трона.

Стражники остановились перед возвышением. Глаза Ездигерда горели, он наслаждался долгожданной победой. Наконец-то он схватил человека, который убивал его солдат, жег его города и топил корабли! Жажда близкой мести подхлестывала нетерпение короля, внешнее спокойствие давалось ему не без труда.

Воины во главе с Ардаширом преклонили колена, касаясь лбами мраморного пола. Конан кланяться не пожелал. Он стоял гордо и прямо, скрестив взгляд со взглядом властелина Турана, и в голубых глазах пылало холодное пламя. Весь вид киммерийца дышал грозным презрением и непокорством. Придворные начали перешептываться, вполголоса припоминая его прежние подвиги. Многие знали Конана под иными, не менее страшными именами. Пленный и связанный, этот человек все еще вызывал у них трепет...

Между тем коленопреклоненный Ардашир ощутил, как натянулась веревка, которую он держал. Капитан оглянулся, и ярость исказила его лицо. Он злобно рванул веревку, затягивая петлю на шее Конана. Обычный человек потерял бы равновесие и упал, но Конан стоял, как скала, лишь шейные мышцы канатами вздулись под кожей, не давая петле врезаться в горло. Потом он неожиданно наклонился вперед и вновь выпрямился, сильно дернув веревку. Это застало Ардашира врасплох: сбитый с ног, он растянулся на полу, громко лязгнув доспехами.

— Я не намерен кланяться гирканским собакам! — Голос Конана громом раскатился по залу.— Ты воюешь руками женщин, король! Способен ли ты сам держать меч? Что ж, я тебе покажу, как пристало драться мужчине!

Говоря это, Конан расслабил напряженные мышцы рук, и веревка, державшая бревно, провисла. Обхватив его пальцами левой руки, он быстрым рывком высвободил правую кисть. Потом перекинул бревно вперед и выпростал левую руку.

Ардашир вскочил на ноги и бросился к нему, выхватывая ятаган. Конан огрел его бревном по шлему с такой силой, что туранец отлетел прочь и покатился по полу, точно брошенная кукла.

На какой-то миг все вокруг застыли от изумления, потрясенные случившимся: его избавление от пут было похоже на чудо. Конан не преминул этим воспользоваться. Конец бревна взвился вверх, превратив в кровавое месиво лицо какого-то воина. Мгновенно повернувшись, Конан швырнул бревно в стражников, только-только поднявшихся с колен и протянувших руки к оружию. Солдаты с грохотом повалились друг на друга.

С быстротой и гибкостью леопарда Конан прыгнул вперед и подхватил ятаган, оброненный Ардаширом. Кто-то из придворных попытался было остановить его у подножия тронного возвышения, но киммериец без труда прорубил себе путь и взлетел наверх по ступенькам.

Король поднялся ему навстречу, выхватывая из ножен свой собственный ятаган. Ярко блеснули драгоценные камни на рукояти, когда королевский клинок взвился, отбивая страшный удар, нацеленный в голову. Но не в человеческих силах было задержать этот удар. Ятаган Ездигерда разлетелся вдребезги. Клинок Конана рассек бесчисленные складки снежно-белого тюрбана, разрубил украшенный перьями райских птиц аграф, красовавшийся надо лбом, и помял стальной шлем, который король Ездигерд носил под тюрбаном.

Шлем спас жизнь владыке Турана: удар, предназначенный раскроить ему голову, лишь отбросил его оглушенным назад. Свалившись прямо на сверкающий трон, Ездигерд опрокинул его и вместе с троном скатился по ступеням с другой стороны, разметав кучку стражников, бросившихся было вперед.

Разъяренный киммериец готов был прыгнуть следом и все-таки добить короля... Поздно! Верные слуги уже вытаскивали Ездигерда из толчеи, начавшейся около трона. Конана окружили со всех сторон. Куда ни глянь, отовсюду надвигались острые мечи и наконечники копий...

Ятаган Конана чертил в воздухе стремительный смертоносный узор: киммериец превосходил самого себя в боевом

мастерстве. Яростное упоение битвой выжгло в нем всякие следы пребывания в сырости подземелья, все последствия дурманного сна. Если ему суждено умереть — он умрет, сжимая в руке меч, смеясь и разя, он по праву займет свое место в Чертоге Героев...

Вот стремительный удар вспорол чей-то живот; миг — и еще одно туранское сердце остановилось пробитым, не спасла и кольчуга. На какое-то время Конан даже очистил тронное возвышение от солдат и придворных и остался стоять один среди трупов на залитых кровью ступенях. Нет, не один: госпожа Занара, пригвожденная ужасом, все еще сидела в своем кресле. Хрипло расхохотавшись, Конан сорвал с ее головы драгоценную диадему — и не глядя швырнул женщину прямо в клубящуюся толпу.

Вот солдаты заслонились щитами и вновь двинулись к нему, сплошным частоколом выставив перед собою мечи и острые копья. Позади них лучники примеривали стрелы к тетивам. Безоружные придворные отхлынули к дальним стенам и завороженно следили за схваткой.

Конан взмахнул над головой ятаганом, и его яростный смех породил эхо под сводами. Кровь текла по его телу; вражеские клинки уже не раз достали его — впрочем, раны были неглубоки. Сейчас он умрет. Окруженный врагами, одинокий и без брони. Ни сила, ни быстрота не спасут его от одновременного удара десятка отточенных лезвий. Сейчас он умрет, но это его не страшило. Он лишь надеялся прихватить с собой в темноту побольше врагов...

И тут из-за спин нападающих послышался звон стали. Хлынула кровь, ледяной молнией мелькнул длинный северный меч. Светловолосый гигант прорубал себе путь сквозь ряды закованных в латы врагов. Наконец, оставив за собой на полу три окровавленных трупа, северянин могучим прыжком взлетел на тронное возвышение и встал рядом с Конаном. В левой руке он держал два тяжелых круглых щита из кожи и бронзы — их потеряли стражники, которых Конан расшвырял в самом начале.

— Держи! — крикнул светловолосый и бросил Конану один из щитов.

Конан ловко поймал его и взглянул в глаза северянину:

— Рольф!.. Ты-то что здесь делаешь, старый полярный медведь?

— Потом расскажу,— проворчал тот, надевая на руку второй щит.— Расскажу, коли останемся живы. А коли нет — я буду драться и умру рядом с тобой!

Однако неожиданное появление столь грозного союзника уже отогнало от Конана все мысли о неминуемой смерти.

— Кто следующий, шакалы? — крикнул он, дразня врагов окровавленным ятаганом.— Ну, кому не терпится в ад? Вперед, трусливые шавки! Или я должен напасть на вас первым?

Туранские латники переминались на некотором расстоянии от тронного возвышения. Два исполина-варвара стояли спина к спине: один — черноволосый и полуголый, другой — светлоголовый, в черной рубахе. Они походили на двух царственных тигров, обложенных боязливыми охотниками. Кто решится приблизиться и нанести первый удар?

— Лучники! — крикнул какой-то офицер, взявшийся командовать туранскими стражниками.— Окружить их, лучники, и расстрелять!

— Кажется, брат, это конец,— прорычал Рольф.— Эх, были бы у нас крепкие асгардские кольчуги... Что ж, мы неплохо сражались!

— А мне кажется, что это еще не конец,— сказал Конан.— Видишь эти окошки? Вот что...— И, обернувшись к товарищу, он быстро шепнул ему несколько слов. Рольф согласно кивнул, и два великана одновременно рванулись вперед. Два клинка заметались, точно разъяренные змеи. Стражники валились один за другим. Уцелевшие откачнулись прочь, не выдержав отчаянного натиска варваров.

— За мной, Рольф! Подпалим шерсть вонючим шакалам! — рычал киммериец, раздавая удары налево и направо. Он неудержимо прорубался вперед; северянин прикрывал его сзади, и туранцы валились под его мечом, подобно сжатым колосьям. Глаза Рольфа горели безумием битвы, он громко и грозно, во весь голос, пел древнюю боевую песнь своего народа, и с каждой строфой падало по врагу.

Их было невозможно остановить. Мечи и копья туранцев вотще алкали их крови. Вражеская сталь отлетала от подставленных щитов; сами же варвары наносили удары с такой быстротой, что глаз не поспевал уследить. Черная рубаха Рольфа была изорвана в клочья, на теле Конана кровоточило несколько ран, кучи мертвых тел громоздились кругом — а двое друзей были по-прежнему на ногах и сражались с неослабным упорством.

Оказавшись в конце концов против одного из широких окон, Конан и Рольф последним невероятным усилием заставили солдат отпрянуть на несколько шагов прочь. Суеверным гирканцам казалось: не смертные люди противостояли

им, но два стальных великана, оживленные магической силой и явившиеся совершить ужасную месть!

Конан мгновенно воспользовался их замешательством. Драгоценное стекло витража разлетелось мириадами разноцветных осколков под ударом его ятагана; открылась зияющая дыра. Два меча и щита полетели в лицо врагам. Киммериец и северянин разом взлетели на подоконник и исчезли, бросившись наружу. Подбежавшие стражники услышали лишь отзвук дерзкого смеха да плеск морских волн, разбивавшихся о скалу у подножия двухсотфутового обрыва.

— Лучники! — раздался пронзительный крик офицера.— Живо достать их! Не жалеть стрел!

Пятеро солдат, вооруженных могучими гирканскими луками, тотчас подбежали к окну. Зазвенели тетивы... Вскоре, однако, старший из лучников досадливо передернул плечами и обратился к офицеру:

— Прости, господин, но расстояние слишком велико, а лунный свет неверен. Мы не можем даже различить, где они всплыли. К тому же они все время ныряют и плывут под водой...

Офицер злобно глянул на лучника — и, делать нечего, поплелся в королевские покои. Между тем король Ездигерд вполне оправился от полученного удара, лишь на лбу белела повязка, частично скрытая тюрбаном. Офицер начал докладывать, но король, не дослушав, грохнул по столу кулаком так, что на пол посыпались вазы и кувшины вина.

— Ты посмел упустить его! Он сбежал, втоптав в грязь величие и честь Турана! У меня не солдаты, а слепые щенки — сотни не сумели справиться с двоими! Завтра же велю казнить каждого десятого стражника. Быть может, хоть это укрепит мужество остальных! — Король остановился перевести дух и продолжал уже чуть спокойнее: — Приказываю немедленно приготовить две боевые галеры. Варвары наверняка попытаются украсть лодку и пересечь море. Мы их догоним. Проследи, чтобы корабли были хорошо снабжены. Собери моих лучших воинов и моряков. Да посади на весла самых сильных рабов! Когда я схвачу негодяев, им придется изведать тысячу медленных смертей в пыточных застенках Аграпура...

Король даже засмеялся, предвкушая жестокую месть, и величественным жестом отпустил офицера. Тот опрометью кинулся сквозь толпу придворных, спеша исполнить приказание властелина.

Хозру-рыболов сидел на корме своей лодки, терпеливо латая сеть, изорванную огромным осетром, запутавшимся в ней в тот вечер. По счастью, яркая луна давала достаточно света, и Хозру надеялся до утра еще порыбачить.

Боги за что-то гневались на бедного Хозру: это была отличная сеть. Он отдал за нее шемитскому купцу две золотые монеты и вдобавок пообещал ему пятьдесят фунтов рыбы из первого же улова. Хозру сам понимал, что шемит содрал с него втридорога, но что он мог поделать? Рыбаку, живущему морем, нужна хорошая снасть, иначе недолго и ноги с голоду протянуть...

Конечно, хотелось бы обзавестись еще кое-чем: приодеть многочисленную семью, подновить ветхий домишко. Но все плоды каждодневных трудов съедал непосильный налог, установленный королем. Сборщики налогов без зазрения совести пускали в ход кнут. Всякий раз, когда рыбьи косяки проходили мимо сетей, на спине Хозру появлялись новые шрамы...

Подняв голову, рыбак с застарелой беспомощной ненавистью взглянул на далекий дворец. Облитый лунным сиянием, дворец высился над утесом, похожий на огромного стервятника, изваянного из золота и мраморных глыб...

Внезапно шлюпка качнулась так, что Хозру едва не вывалился в воду. Торопливо вскочив, он в ужасе вытаращил глаза при виде полуголого исполина, перелезавшего через борт. Не иначе, это злобный морской демон поднялся из неведомой глубины, чтобы пожрать тело несчастного рыбака и навек сгубить его душу!..

Тем временем жуткое видение опустилось на банку, тяжело переводя дух. У него были голубые глаза и густые растрепанные черные волосы, с которых ручьями лилась вода. Потом видение заговорило по-гиркански, и притом вполне понятно, хотя и с варварским акцентом. Хозру чуточку приободрился: согласно легендам, демоны не владели человеческой речью. Но почти тотчас же рыбака снова кинуло в дрожь: через борт полезло второе ужасное существо, на сей раз золотоволосое и в изодранной черной рубахе, но зато с широким кинжалом у пояса.

— Не бойся, приятель,— прогудел черноволосый гигант.— Мы вовсе не собираемся пускать тебе кровь. Нам нужна только твоя плоскодонка.— Он сунул руку за пояс и вынул сверкающую, украшенную бриллиантами диадему: — За это ты купишь десяток таких же корыт, если не больше. Ну что, согласен?..

У бедного Хозру голова шла кругом. Схватив бесценную диадему, он с быстротой испуганной мыши прыгнул в маленький тузик, причаленный к корме большой лодки, и погнал его прочь отчаянными ударами весел.

Странные покупатели не тратили времени даром. Хозру видел, как они сноровисто подняли парус, и быстроходное суденышко, подгоняемое свежим ночным бризом, взяло курс на восток.

Окончательно сбитый с толку рыбак только покачал головой. Бросив весла, он долго сидел в своем тузике, разглядывая чудесную диадему. Драгоценные камни сверкали в лунных лучах белым огнем, от которого было больно глазам...

5

И КРОВЬ ОКРАСИЛА ВОЛНЫ...

Свежий ветер гудел в снастях и срывал с гребней волн соленую пену. Конан-киммериец дышал полной грудью, смакуя воздух свободы, а перед умственным взором чередой проносились воспоминания. Много лет минуло с той поры, когда он водил в набеги пиратов Вилайета и ураганом проносился по морю, оставляя за собой дымящиеся развалины туранских портов...

Внутреннее море и по сей день почти безраздельно принадлежало гирканцам. На его просторах господствовали быстроходные туранские боевые галеры. Отчаянные купцы из небольших государств северо-восточного побережья ухитрялись как-то поддерживать торговлю, хотя пересекать море Вилайет на купеческом корабле было весьма и весьма небезопасно. Любой туранский капитан мог вполне безнаказанно задержать, ограбить и потопить чужеземное судно. Объяснение при этом давалось очень простое: «Нарушение интересов повелителя Туранской империи».

Но кроме ненасытных мародеров короля Ездигерда была и еще опасность, не менее грозная: пираты! Пестрое сборище беглых рабов, преступников всех мастей, грабителей и странствующих искателей приключений жаждало золота и ни в грош не ставило человеческую жизнь. Вилайет кишел пиратскими кораблями, внушавшими ужас даже мореплавателям Турана. В лабиринтах островов у юго-восточного берега располагались тайные гавани корсаров.

Междоусобные стычки, то и дело вспыхивавшие на радость королю Ездигерду, долго не давали пиратам развернуться как следует. Так продолжалось до тех пор, пока меж ними не появился удивительный варвар с Запада, голубоглазый и черноволосый. Конан живо приструнил задир капитанов и сам встал у руля. Он объединил пиратов и сумел превратить их в грозное оружие, нацеленное в самое сердце Турана...

Конан улыбнулся, припомнив золотые деньки, когда его имя служило проклятием в гаванях Вилайета, а в портовых храмах звучали молитвы и заклинания, которыми надеялись его погубить.

Рыбацкая шлюпка оказалась славным быстроходным суденышком. Острый нос рассекал волны, как ятаган, единственный парус, туго наполненный ветром, легко мчал ее вперед. Минуло уже почти двадцать часов с тех пор, как остался за кормой Аграпур, и Конан полагал, что они двигались быстрее туранских боевых кораблей. Но если ветер утихнет, им придется несладко. На веслах им никогда не уйти от галер, разгоняемых слитным усилием рабов, послушных удару бича. По счастью, ветер и не думал стихать. Опытный Рольф мастерски управлялся с парусом, выжимая из лодки всю возможную скорость.

Пока длилось плавание, северянин успел поведать Конану историю долгих скитаний, приведших его в Аграпур:

— ...И вот я здесь, изгнанный сперва из родного Асгарда, а теперь и из Турана.

Конан заметил:

— Ты ведь вроде неплохо устроился при туранском дворе. И что тебе понадобилось связываться со мной?

— Неужели ты думаешь,— оскорбился Рольф,— что я позабыл, как ты спас мне жизнь в той битве с гиперборейцами в Грааскальских горах?

— И правда, было дело,— хмыкнул Конан.— Пережив столько битв, не грех кое-что и запамятовать! — Прикрыв ладонью глаза, он оглядел чистую синеву горизонта и угрюмо добавил: — Не сомневаюсь, что за нами по пятам уже мчится парочка галер Ездигерда. У него теперь одно шило в заднице — отомстить! Он не скоро забудет, как мы оттаскали его за бороду!

— Верно сказано,— пробурчал Рольф.— Только бы ветер не скис, не то мигом окажемся носом к носу с галерами!

Однако проворный ум Конана был уже занят иной мыслью.

— Когда я ходил на кораблях Червонного Братства,— подумал он вслух,— мы нередко прочесывали здешние воды, поджидая жирных купцов из Султанапура или Хоарезма... Те купцы, правда, здорово дрались: бывало, наша кровь щедро красила волны, прежде чем удавалось взять добычу. Ей-же-ей, где-нибудь поблизости и теперь должны болтаться пиратские корабли! — И его орлиные глаза продолжали обшаривать безбрежное морское пространство. Минуло некоторое время, и вот он выпрямился, указывая рукой: — Гляди, Рольф! Я был прав! Видишь желтые паруса по правому борту? Это может означать лишь одно: пираты! Пожалуй, можно спустить парус и подождать, пока они подойдут. Удирать бесполезно: если они захотят, они догонят нас в полчаса...

Замерев в ожидании, внешне спокойный и невозмутимый, он пристально вглядывался в подходивший корабль.

Конан с наслаждением впитывал скрип весел, ворочавшихся в гребных люках, запах смолы и крики боцманов, долетавшие с пиратского корабля. Узкая парусная галера была уже в полукабельтове от них. Желтый парус так и горел в лучах послеполуденного солнца, на верхушке мачты развевался черный флаг Братства. Конан и Рольф сели на весла и погребли навстречу галере.

Над планширем торчал длинный ряд голов. Одни были повязаны цветными платками, другие на восточный лад увенчаны тюрбанами, третьи покрыты бронзовыми или стальными шлемами. Кое у кого на бритых черепах красовалось по одному-единственному локону. По мере приближения маленькой лодки стихал говор и смех. Множество холодных безжалостных глаз внимательно разглядывало двух незнакомцев.

Вот лодка ткнулась носом в высокий борт галеры. Сверху спустили веревку; Конан и Рольф взобрались по ней с ловкостью опытных моряков. Спрыгнув с планширя, они оказались в окружении любопытных пиратов: те тотчас засыпали их вопросами, перебивая и перекрикивая друг дружку. Не торопясь отвечать, Конан обвел их взглядом и приметил нескольких, ходивших с ним в прежние времена.

— Эй, псы! — прорычал он.— Не узнаете меня? Что, ослепли от старости? Или память стала дырявая? Напомнить вам мое имя?

— Призрак! Это призрак, во имя Тарима! — трясущимися губами пробормотал один из них.— Сохрани нас Эрлик!

Наш адмирал восстал из могилы! — Старый пират, поседевший в сражениях, содрогался от ужаса, указывая пальцем на Конана: — Ты погиб много лет назад! Тебя сожрали вампиры Колчианских гор! Они напали на твоих людей, когда, отомстив шахпурцу Артабану, вы уходили от туранских солдат... Сгинь, призрак! Не губи наши души!

Конан огрел себя по бедру ладонью и громогласно расхохотался. Потом выдернул кинжал из ножен на поясе Рольфа и метнул его: лезвие ушло в палубу на несколько дюймов. Ухватив за рукоять, Конан высвободил кинжал и рявкнул:

— Ты вовсе выжил из ума, Артус! Где ты видел, чтобы призраки метали кинжалы? Слушай, парень, да я живее вас всех тут, вместе взятых. Что, проломить пару голов, чтобы вы поверили наконец? Я спасся и от вампиров, и от туранцев, а что было со мною потом — не ваше дело. Ну, узнали меня?

Испуг сменился весельем: старые сподвижники Конана обступили могучего киммерийца, торопясь пожать ему руку и огреть ладонью по спине. А те, кто никогда его прежде не видел, спешили разглядеть человека, чье имя давно стало легендой, а подвиги — любимой темой для разговора в тихий вечер за стаканом вина.

Внезапно радостный гам прорезал чей-то повелительный голос:

— А ну, прекратить! Что происходит? Кто это такие? Я, кажется, ясно велел выловить их из воды и привести немедля ко мне!

На мостике, рассерженно стуча кулаком по перилам, стоял высокий мужчина в легкой кольчуге и ярко-красном платке, повязанном на голову. От глаза до подбородка, уродуя длинное, узкое лицо, тянулся скверно заживший шрам.

— Капитан, да это же Конан! — весело прокричал старый Артус.— Наш адмирал жив! Он вернулся к нам!

Капитан без труда распознал бронзовую фигуру киммерийца, и его близко посаженные глаза вспыхнули злым огоньком. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но Конан опередил его:

— Ты страшно рад видеть меня, правда, Янак? Небось вспомнил, как я вышиб тебя с флота за то, что ты припрятал добычу, по праву принадлежавшую всем? И как это ты исхитрился снова стать капитаном, ума не приложу. Должно быть, Братство нынче переживает совсем уже скверные времена...

Янак оскалил зубы и крикнул в ответ:

— А вот за это, варвар, тебя подвесят вниз головой и поджарят над корабельным очагом. Здесь командую я! Я — капитан!

— Это верно,— ответствовал Конан.— Как и то, что я — по-прежнему член Братства! — Он с вызовом огляделся вокруг и, не услышав возражений, продолжал: — Каждый член Братства имеет право предложить капитану корабля поединок и в случае победы занять его место. Так вот, я требую поединка, Янак!

Он подкинул и снова поймал кинжал, позаимствованный у Рольфа. Это было грозное оружие с широким восемнадцатидюймовым лезвием, но все-таки не меч. Им с Рольфом пришлось бросить свои мечи во время побега из дворца Ездигерда; теперь у них был на двоих только этот кинжал.

Команда встревоженно загудела. Все знали: по правилам капитанского поединка Конан должен был драться лишь тем оружием, которое было при нем в момент вызова, тогда как Янак мог выбрать, что пожелает. Ко всему прочему, Янак был в кольчуге.

Артус схватил киммерийца за локоть:

— Это сумасшествие, Конан! Янак изрубит тебя на кусочки! Я видел, как он дрался один с троими пьяными задирами — и всех уложил. Позволь, мы выкинем его за борт и провозгласим тебя капитаном. Все твои прежние соратники — на твоей стороне!

Конан отрицательно мотнул головой, проворчав:

— Зато другая половина команды не знает меня совсем, и такое им навряд ли понравится. Что хорошего, если люди разобьются на кучки и станут коситься друг на друга? Как же мы сражаться-то будем? Нет, старина, все должно совершиться согласно обычаю!

Команда тем временем освобождала место около мачты. Подошел Янак. На рассеченном шрамом лице капитана блуждала злорадная улыбка: он держал в руке острый прямой меч — изделие искусного оружейника. Блестящее лезвие, отточенное как бритва, плавно сбегало к концу. Двумя руками Янак согнул и разогнул его несколько раз: в самом деле, великолепный клинок...

Конан покрепче перехватил рукоять кинжала и тоже шагнул к мачте. Вокруг нее на палубе уже вычертили углем широкий круг ярдов шести в поперечнике. Правила поединка были просты. Разрешался любой прием, любая уловка. Схватка длилась до смерти или по крайней мере до тех пор,

пока один из соперников не падал с ног, изнемогая от ран: в этом случае проигравшего отправляли на корм рыбам. Если же кто-либо из поединщиков оказывался за пределами очерченного круга, зрители немедля вталкивали его обратно.

Конан едва успел вступить в круг, как Янак прыгнул вперед. Его меч со свистом рассек воздух, но киммериец был слишком опытным бойцом и не дал застать себя врасплох. Он проворно отскочил в сторону, и Янак спасся от его кинжала лишь тем, что в последний момент успел отчаянно изогнуться всем телом. Это заметно добавило ему осторожности: он понял, что кольчуга и длинный меч не принесут легкой победы, хотя превосходство оружия, пожалуй, стоило роста и силы киммерийца.

Несколько раз Янак неожиданно атаковал, сопровождая свои удары криком и руганью. Конан молча и без видимого усилия отбивал его выпады, пятясь по кругу. Насмешки пиратского капитана, призывавшего остановиться и решить дело, его нисколько не трогали.

Тогда Янак прибег к хитрости. Дождавшись, пока они с Конаном окажутся по одну сторону мачты, он высоким прыжком взвился в воздух, одновременно рубанув сверху вниз по непокрытой голове киммерийца.

Конан отреагировал молниеносно. Он не попытался отскочить прочь, нет! Он метнулся вперед. Меч Янака просвистел за его спиной, не причинив вреда, зато кинжал киммерийца по рукоять вошел в живот врага — легкая кольчуга не задержала ужасающего удара. Очередное проклятие замерло на языке у пирата; он рухнул на палубу, изо рта хлынула кровь, рука выпустила меч. Нагнувшись, Конан поднял его за одежду и могучим размахом швырнул мертвое тело через головы команды за борт. Потом поднял оброненный меч и ледяным взглядом обвел ряды притихших пиратов:

— Ну что, парни? Как теперь зовут вашего капитана?

— Конан! — дружно заорала команда. Усомнившихся, кажется, не нашлось. Какое-то время Конан наслаждался триумфом и вновь приобретенной властью. Потом его громовой рык погнал людей по местам:

— А ну, к шкотам и за весла, лентяи! Кто-нибудь — на мачту, да поживей! У меня на хвосте сам король Ездигерд, но, во имя Крома, придется ему за нами побегать! Повеселимся, ребята!

Кое-кто невольно ахнул, услышав, что величайший гонитель Братства находится так близко. И все-таки почти священная вера в капитана Конана была столь велика, что сомнения очень скоро отпали. Многие помнили: Конан не раз выходил из самых гибельных ситуаций, то силой, то хитростью добывая победу. И те, кто видел это своими глазами, спешили поведать остальным.

Конан одним прыжком оказался на мостике и прокричал:

— Поднять парус! Курс — юго-восток!

Люди послушно схватились за фалы, помогая себе задорным моряцким напевом. Желтый парус развернулся над головами и выгнулся, наполняемый ветром. Пират у руля налег на правило, разворачивая узкий, стройный корабль. Галера птицей полетела на юго-восток...

— Значит, Артус, ты решил, что Конан свихнулся? Во имя Крома, я очень надеюсь, что и Ездигерд думает так же!

Смеясь от души, киммериец откинулся к спинке кресла и поднес к губам кубок с вином. Дело происходило в капитанской каюте. Конан не преминул завладеть гардеробом своего покойного предшественника и облачиться в красочный наряд вилайетского пирата: алые шаровары, ботфорты, желтая, с широкими рукавами рубаха из тонкого вендийского шелка и широкий многоцветный кушак на талии. Венчала наряд красная головная повязка, а за кушаком торчал длинный кинжал с резной рукояткой слоновой кости.

Галера стремительно рассекала воды внутреннего моря. Шкипер Артус, сидевший вместе с Конаном и Рольфом в капитанской каюте, нахмурился и поставил кубок на стол:

— Нет, Конан, я так не думаю. Я слишком хорошо тебя знаю. Но со стороны, согласись, это выглядит прямой глупостью. Ты ведь сам бросаешься в пасть Ездигерду! Наши люди верят в тебя, точно в бога, и вовсе не задумываются о том, что у Ездигерда с собой самое меньшее два могучих боевых корабля. Но я-то слишком стар для щенячьих восторгов. Я привык трезво смотреть на вещи. Конан, что у тебя на уме?

Посерьезнев, Конан встал и подошел к позолоченному деревянному шкафчику. Вытащив оттуда пергаментный свиток, он разложил его на столе. Это была карта той части моря, где они теперь находились.

— Мы вот здесь. Ездигерд четыре дня как вышел из Аграпура. Его корабли идут наугад и притом уступают нам в ско-

рости. По моим прикидкам, они должны быть где-нибудь тут...— Он ткнул пальцем в карту.— Идя нынешним курсом, мы, полагаю, как раз встретим их в виду островов Журази.

— Хм, Журази...— пробормотал Артус.— Опасно плавать в тех водах. Глубины не проставлены на карте... Нет, разумному человеку незачем совать туда нос. Кое-кто говорит, там шляются всякие чудовища, демоны и иные порождения тьмы. Стоит высадиться на берег, и не успеешь оглянуться, как погибнешь сам и душу погубишь!

— Вот заладил — погубишь да погубишь,— пробурчал Конан.— Я как-то две недели прожил после кораблекрушения на самом большом из северных островов, и ничего, остался целехонек. Там, правда, в горах обитало племя каких-то желтокожих. Елс убедил их, что местный бог-ящер вполне обойдется без человеческой жертвы в моем лице...

Наверное, только Конан мог вот так, посмеиваясь, невзначай помянуть драматические события, много лет назад разыгравшиеся на островах: волосы вставали дыбом у всякого, кто был им свидетелем. Отчаянный киммериец тогда не только выжил среди враждебно настроенного народа, он еще и уничтожил страшилище, что явилось из давно минувших веков и наводило ужас на жителей... Но таков уж был Конан: он не имел привычки цепляться за прошлое. Бурное, красочное, полнокровное настоящее — вот что его интересовало больше всего.

Он помолчал некоторое время, внимательно вглядываясь в карту. Потом смахнул ее со стола и снова повернулся к друзьям:

— Ты совершенно прав, Артус, глубины там не помечены. Но ведь карта туранская, не так ли? Личные картографы короля нарисовали ее в Аграпуре, а значит, наш кровожадный преследователь располагает точно такой же или подобной. Вот на этом-то мы и сыграем.

И ничего больше не пожелал объяснить им, как его ни расспрашивали.

Мускулы перекатывались на залитых потом спинах рабов, прикованных к веслам. Длинные лопасти размеренно взлетали и падали, гоня вперед тяжелую боевую галеру. Здоровенный надсмотрщик прохаживался туда-сюда по мосткам, щелкая плетеным бичом: кожа его лоснилась от масла и пота. Стоило кому-нибудь из гребцов чуть-чуть промедлить

или выбиться из ритма, и бич взлетал с шипением жалящей кобры и безжалостно впивался в обнаженное тело. Надсмотрщики туранских кораблей отнюдь не отличались мягкосердечием, но на «Ятагане», флагманской галере короля Ездигерда, их жестокость поистине не знала границ.

На корме корабля, затененная пологом, стояла шелковая кушетка. На кушетке, потягивая из золотой чаши вино, возлежал владыка Турана. Рядом с ним на таком же ложе отдыхала госпожа Занара.

Король был погружен в тягостное раздумье. Бледно-золотой напиток играл в драгоценной чаше, но взгляд Ездигерда оставался угрюмым. Наконец он проговорил:

— Силы зла помогают киммерийскому дьяволу! Должно быть, он украл лодку сразу после побега, и дрянная посудина оказалась куда как проворна. А у моих треклятых адмиралов полдня ушло только на то, чтобы приготовить к плаванию флагман! После чего демоны повернули против нас ветер... Я спрашиваю, есть ли предел человеческому терпению? Мы ползем, точно улитки!

Занара лениво приподняла длинные ресницы, глядя на туранского короля:

— Терпение, мой повелитель! Ты не удовлетворен скоростью, но ведь лодка варвара движется еще медленнее. Далеко ли унесут его против ветра два жалких весла, даже если грести без отдыха и без сна? Каждый удар барабана, задающего темп твоим гребцам, уменьшает преимущество, которое негодяй получил вначале. Повремени еще немного, и Эрлик отдаст варвара в твои руки для мести!

— Я часто слышал подобное от своих людей,— ответил король,— и тем не менее мерзавец всякий раз, точно по волшебству, уходил из любой западни. Но теперь — теперь я сам иду по его следу! Я сам прослежу за тем, чтобы он не сумел бежать. Клянусь бородой моего родителя, короля Илдиза, он не уйдет от расправы!

Вместе с мыслью о расправе к нему вернулось бодрое расположение духа, глаза вспыхнули нетерпением. Он поднял руку и, оглядев из-под ладони сияющую морскую даль, жестом подозвал к себе адмирала. Тот подоспел бегом; чешуйки позолоченной брони переливались под солнечными лучами.

— Я вижу землю, Утгиз,— сказал король.— Мы что, отклонились от курса?

Адмирал, хорошо знавший гневный нрав властелина, тотчас развернул перед ним карту:

— Ваше величество, это острова Журази. Весьма вероятно, что киммериец высадился где-нибудь здесь, надеясь пополнить запасы еды и питья. Осмотрев берега, мы скорее всего обнаружим его лодку. Кроме того, эти острова лежат как раз на кратчайшем пути к восточному побережью Вилайета.

— Ну ладно... будем надеяться, ты прав. Проследи, чтобы все люди были наготове. Как близко к берегу мы можем подойти?

— Государь, мы в неведомых водах. Жизнь островов окутана легендами и суеверными слухами. Люди рассказывают жуткие истории о сверхъестественных чудищах, что якобы бродят в здешних горах. Землемеры и картографы никогда не посещали эти края. Подводные скалы не обозначены на картах. Подойдя слишком близко, мы можем угодить прямо на рифы.

Недовольно бормоча, король откинулся на позолоченную кушетку. Между тем прекрасная йедка внимательно разглядывала изломанные хребты, вздымавшиеся у горизонта. И вдруг... что это? Или ее подвели глаза, утомленные бликами, игравшими на волнах? Не парус ли корабля мелькнул там, вдалеке, мелькнул и сразу исчез за одним из множества скалистых островков?.. С каждым ударом весел туранские корабли придвигались все ближе к островкам; Занара нетерпеливо ждала, чтобы парус появился опять. И дождалась. Женщина выпрямилась, указывая рукой:

— Взгляни, повелитель! Вот добыча, достойная твоих кораблей! Это пираты! Ты застал их врасплох!

Все глаза обратились туда, где мелькали желтые паруса. Зазвучали стремительные команды. Команда готовилась к бою. Расторопно взвились сигнальные флаги и оповестили второй корабль о том, что ожидается сражение.

Надсмотрщики лишний раз прошлись между скамьями гребцов, проверяя цепи невольников. Возле мачты появились козлы с оружием, солдаты поспешно занимали места. Лучники карабкались на рангоут с полными колчанами стрел, а у бортов встали плечистые моряки, вооруженные абордажными крючьями.

Даже острое зрение Конана не могло различить всех деталей этих приготовлений, но он не сомневался: они начались тотчас, как только он позволил им заметить свои паруса. Что же до пиратского корабля, он давно изготовился к бою. Силы были далеко не равны, но команда верила сво-

ему варвару-капитану безоговорочно и непоколебимо. Люди, плававшие с Конаном много лет назад, без устали припоминали морские битвы тех дней, одна страшнее другой. И не было случая, чтобы киммериец не изобрел какой-нибудь уловки и все-таки не вырвал победы. Пираты потрясали отточенными клинками, издали грозя туранским галерам. Бородатые рты извергали проклятия на множестве языков...

— Приготовиться к развороту! — Железный голос капитана легко перекрыл гвалт.

Такой приказ явился полной неожиданностью для команды. В самом деле: перед ними были вражеские корабли, они приготовились к битве, их вел величайший на свете боевой капитан — и что же вдруг приказывает этот прославленный вождь? Бежать, подобно перепуганным кроликам!.. Недоумевающие пираты без особого энтузиазма разошлись по местам. Конан заметил, как они сникли, и зарычал:

— Шевелитесь, вшивые псы, пока я не спустил с вас шкуру кнутом! Я еще не свихнулся окончательно, чтобы драться в открытом море с двумя галерами, на каждой из которых вдвое больше народу, чем у меня! Нет, я придумал кое-что получше! Не бойтесь, бездельники, вам еще предстоит кровавый пир, о котором будут сложены песни. А теперь живо за работу, акулий корм!

Вдохновленные этими словами, пираты быстро полезли на снасти, и вскоре корабль полным ходом мчался в глубину архипелага Журази. Моряки видели, как Конан подозвал корабельного плотника и, поговорив с ним, удовлетворенно кивнул. У него не было никаких сомнений в том, что его план сработает. Оставалось только надеяться, что знание здешних вод не подведет его спустя долгие годы.

Архипелаг Журази состоял из двух больших островов, окруженных несметным количеством островков поменьше. Пролив между главными островами представлял собой длинную, узкую протоку. Туда-то Конан и повел свой корабль. И со зловещим удовлетворением оглядывался на туранские галеры, мчавшиеся по пятам. Их весла работали во всю силу, какую только удавалось выколотить из невольников-гребцов.

Король Ездигерд, облаченный в посеребренную туранскую кольчугу и шлем с золотым навершием, мерял шагами кормовую палубу галеры. Круглый гербовый щит висел на его

левой руке, длинный ятаган раскачивался у бедра. Жестокий и мрачный повелитель Турана при всем том был стойким и отважным воителем и любил сам принимать участие в кровопролитных сражениях.

— Глядите,— прокричал он,— как удирает эта желтая гиена! Хочет поиграть с нами в прятки? Скоро острова закроют им ветер, тут-то мы и догоним их на веслах. Прибавить ходу!

Тем временем адмирал вполголоса советовался со шкипером корабля: тот в чем-то убеждал его, мотая головой и усиленно жестикулируя. Когда адмирал вернулся на полуют, вид у него был неуверенный.

— Государь! — обратился он к королю.— Эти воды никогда не промерялись, и, боюсь, карты наши ненадежны. Шкипер опасается, как бы мы не сели на мель. Осмелюсь предложить: давайте обойдем острова и перехватим пирата в открытом море с той стороны...

Эдигерд сделал решительный жест, как бы отметая все сомнения моряка.

— Я уже сказал тебе: скоро негодяй заштилеет, и мы с легкостью догоним его,— отвечал он раздраженно.— Прибавить ходу, и пусть надсмотрщики не жалеют кнутов! Еще немного, и мы вонзим зубы в добычу!

Казалось, так тому и суждено было случиться. Стройный парусник едва достиг середины пролива и с явным трудом продвигался вперед. Туранцы разразились криками радости: добыча сама шла в руки!

Среди пиратов царила тревога, близкая к ужасу. Корабль еле полз, между тем как гирканские галеры нагоняли его с каждым ударом весел, точно два ястреба, пикирующих на голубей. Рольф, неразговорчивый, как и все северяне, молча смотрел назад, зато Артус положительно одолел капитана:

— Конан, гирканцы достанут нас много раньше, чем мы успеем выбраться из протоки! У нас нет надежды. В этой узкости нельзя даже сманеврировать: их тараны раздавят нас, как яичную скорлупу... Может, спустим шлюпки или выбросимся на берег? В джунглях мы сможем дать им хоть какой-то отпор... О Тарим! Конан, да сделай же что-нибудь!..

Киммериец с полным спокойствием кивнул в сторону подходивших галер. Да, это было прекрасное и грозное зрелище! Впереди шел «Ятаган», и белый бурун кипел у его форштевня, временами открывая десятифутовый бронзо-

вый таран. Казалось, то не корабль, а разгневанный ангел мщения летел покарать нечестивца. Следом двигался второй корабль, лишь чуть уступавший королевскому флагману.

— Во имя Иштар! Отлично идут,— сказал Конан невозмутимо.— И скорость что надо. Верно, надсмотрщики умаялись махать плетками... Как ты думаешь, во сколько раз передняя галера тяжелее нашей скорлупки? Раза в три? Или в четыре? — Неожиданно оставив легкомысленный тон, он окликнул матроса, державшего в руках лот: — Ну, что с глубиной?

— Пять саженей, капитан, и растет понемногу,— долетело в ответ.— Мы миновали самое мелкое место. И как только мы не оставили там наше бедное днище!

— Отлично,— сказал Конан.— Я так и думал, что мы проскочим. А теперь поглядим, как там наши преследователи...

И в это время «Ятаган», полным ходом мчавшийся прямо на пиратский корабль, вдруг замер на месте. Чудовищный треск дерева и хлопки рвущегося такелажа отдались эхом по берегам обоих островов. Под крики ужаса его мачта переломилась у основания и рухнула вперед, окутав все палубы складками парусины. Гребцы принялись табанить, пытаясь стащить «Ятаган» с мели, но без толку. Слишком велика была скорость: галера застряла намертво. Песчаная банка, невидимая под водой, держала корабль, подобно гигантскому спруту.

Второй галере повезло чуточку больше. Ее капитан оказался решительным человеком. Увидев, какая судьба постигла передний корабль, он тотчас велел табанить. Однако в суматохе весла ударили вразнобой, галера вильнула к левому берегу и была спасена от скал лишь второй песчаной мелью, в которую благополучно и въехала. Команда начала спускать шлюпки и заводить концы, пытаясь высвободить крепко засевший корабль.

Пираты выли от радости, потрясая оружием и оскорбляя туранцев похабными жестами. Все дружно славили Конана, и в том числе шкипер:

— Они снимутся с мели самое раннее через несколько дней. И я сомневаюсь, что «Ятаган» вообще поплывет: у него, похоже, высажено все днище. Куда же мы теперь направимся, капитан? В Кораф, где на площадях толпятся торговцы прекраснейшими рабынями Юга? А может, в Рамдан, где оканчивают свой путь караваны?

Конан презрительно фыркнул и окинул толпу взглядом льдисто-голубых глаз:

— Я еще не все сделал здесь, что собирался. Вы видите? Перед нами туранские корабли! Мы не бежали от короля Ездигерда — мы поймали его в ловушку! Я обещал вам кровавый пир, и вы его получите! — Он посмотрел вверх и продолжал: — Ветер крепчает; мы выходим из-за островов. Обойдем тот, что у нас по левому борту, и доберемся до Ездигерда!

Только тут до всех дошла гениальная простота задуманного киммерийцем. Пираты бегом бросились по местам...

Сам не свой от ярости метался король Ездигерд по кормовой палубе безнадежно загубленного корабля. Он успел до некоторой степени сорвать зло на рулевом и на матросе, измерявшем глубину: обоим отсекли головы без промедления. Счастье еще, что галере не грозило затопление, ибо она и так стояла на дне. Однако вода столь быстро залила трюм сквозь многочисленные пробоины, что сделалось очевидно: спасать «Ятаган» не было никакого смысла. Надо ли говорить, что хитрость, подстроенная удиравшим пиратом, довела до белого каления и без того вспыльчивого короля.

— Пусть он бежит хоть на край света, я все равно изловлю его! — в бешенстве кричал правитель Турана.— Тем более что я, кажется, узнаю руку Конана, этого дьявола в человеческом облике! Клянусь, он там, на борту. Когда же Когар наконец снимет с мели свое корыто, будь оно проклято?

И он топал ногами от ярости, в то время как на втором корабле, «Звезде Хоралы», кипела усердная работа. К исходу долгого дня две команды начали дюйм за дюймом стаскивать его с мели: без отдыха работали весла шлюпок, моряки изнемогали, натягивая канаты. Капитан «Звезды» с головой ушел в спасательные работы и вздрогнул от неожиданности, когда из «воронъего гнезда» на мачте его корабля послышался тревожный крик. Взволнованный голос дозорного срывался, моряк отчаянно махал руками, указывая за корму. Капитан Когар повернул голову.

Из-за мыса, величаво распустив золотистые паруса, прямо на них летел тот самый корабль, которому, по их понятиям, надлежало быть далеко в море — и удирать без оглядки. Стремительно и плавно мчался он вперед, а на бортах и на вантах было черно от готовых к бою пиратов. Их насмешливые выкрики, ослабленные расстоянием, показались туранцам воплями демонов, вырвавшихся из ада...

Пиратский корабль спешил прямо к беспомощной «Звезде Хоралы», как орел, сложивший крылья и вытянувший когти в последнем броске за добычей. Вот он протаранил одну из шлюпок, и та с хрустом развалилась надвое — в воздухе мелькнули щепки и переломанные тела. Потом парус скользнул вниз, последовал быстрый разворот — и пираты встали борт о борт со своей жертвой. Взвились абордажные крючья, смертоносным ливнем ударили стрелы, а следом за стрелами через борт хлынула толпа разъяренных убийц.

Туранцы дрались отважно. При всей внезапности нападения капитан все же сумел как-то организовать оборону. Корсары вихрем прошлись по нижней палубе, и мертвые тела густо усеяли доски. Однако туча стрел, посыпавшихся с полуюта, принудила их остановиться. Там, на корме, ощетинившись копьями, сгрудились туранские воины. Но даже им не удалось задержать пиратов надолго. Те неудержимо мчались вперед, ведомые одетым в кольчугу варваром-капитаном, который крушил врагов направо и налево с легкостью, наводившей на мысли о колдовстве.

Туранцы не смогли выстоять против этих закаленных воинов с их киммерийским вождем. Один могучий размах тяжелого меча Конана — и в частоколе копий открылась широкая брешь. Пираты заполнили кормовую палубу, расшвыривая гирканцев, точно соломенные чучела.

Капитан Когар бросился наперерез киммерийцу, хорошо понимая: единственный шанс спасти корабль от пиратов заключался в том, чтобы убить вождя. Их клинки скрестились и заплясали, разбрызгивая искры. Но туранцу далеко было до Конана, прошедшего тысячи битв. Острое лезвие его ятагана смахнуло вороную прядь с головы пригнувшегося киммерийца; в следующий миг на покрытый кольчугой бок капитана обрушился тяжелый прямой меч, и Когар задохнулся в предсмертной муке, оседая с пробитой грудью.

Гибель капитана поколебала мужество туранских солдат. Со всех сторон послышались крики «Пощады! Пощады!», и на палубу со звоном посыпалось оружие — туранцы бросали его, сдаваясь в плен.

Конан с угрюмым удовольствием оглядывал взятый корабль. Около двадцати пиратов пали в бою, но уцелевшим досталось единственное пригодное к плаванию судно. Кое-кто из команды уже сбивал цепи с лодыжек рабов, и оттуда, снизу, неслся многоголосый радостный крик: иные пираты

повстречали давным-давно пропавших друзей. Пленных туранцев отвели вниз и заперли в трюме.

Часть людей осталась вызволять «Звезду Хоралы» из цепкой хватки песка, остальные перешли на пиратский корабль и отчалили. На его палубах было не повернуться: в команду влились десятки освобожденных рабов. Подобрав брошенное оружие, они горели яростным желанием скорее пустить его в ход. Галера направилась прямо к неподвижно замершему «Ятагану»...

В городе Онагруле, тайной крепости вилайетских пиратов, в многолюдной таверне звучали громкие голоса, требовавшие еще вина. Прохладный светлый напиток щедро лился в чашу старого Артуса, а собравшиеся, затаив дыхание, ожидали продолжения рассказа. Вот седой шкипер залил жажду несколькими глотками, потом удовлетворенно утер губы тыльной стороной ладони и обвел взглядом столпившихся слушателей:

— Да, парни, немало вы потеряли оттого, что вас там не было! Великое и славное дело мы совершили, захватив первый корабль. Но сражение на этом не кончилось: Конан повел нас на корабль Ездигерда! Мы, должно быть, казались туранцам сущими дьяволами, вылетевшими из ада. Надо, однако, отдать им должное: они встретили нас достойно. Они обрубали наши абордажные крючья топорами и ятаганами, но потом наши лучники отогнали их прочь от борта, и тут-то мы налегли на канаты, стягивая корабли.

Как же все мы жаждали крови!.. Конан первым перескочил к ним на палубу, и они взяли его в кольцо, размахивая мечами, но он дрался так, что они едва поспевали отскакивать. Тут уж мы все хлынули через борт, и веселье закипело. Туранцы, надобно вам сказать, все как один были отлично обученными и закаленными вояками. Еще бы, личная охрана Ездигерда, и притом сам король наблюдал, как они дрались. Какое-то время даже было не ясно, чем кончится дело, хоть Конан и крушил туранские латы, точно гнилушки. Нет, правда, они стояли сомкнутым строем, и мы раз за разом откатывались прочь, точно прибой от скалы.

Но тут раздался крик торжества: оказывается, часть наших ребят спрыгнула вниз, перебила надсмотрщиков и освободила рабов. И вот рабы выплеснулись на палубу, точно мстительные души из преисподней! Ох, братцы, как же они ненавидели своих прежних хозяев! Они подхватывали оружие,

которого полным-полно валялось рядом с трупами, они отпихивали нас в сторону, чтобы скорее добраться до туранцев. Надо было это видеть: иные сами бросались грудью на копья, а другие тотчас карабкались по их телам и голыми руками душили солдат. Я видел, как громадный раб схватил труп гирканца и орудовал им, точно дубиной, расшвыривая врагов. Когда он наконец свалился, в его теле торчала добрая дюжина стрел.

Немудрено, что туранцев охватило смятение. Их сверкающие ряды дрогнули. Конан издал ужасный боевой клич и кинулся в самую гущу, и мы бросились следом, решившись победить или умереть.

Это был ад, парни, кровавый ад! С мечами в руках пронеслись мы по всему кораблю, из конца в конец, подобно волне. Кровь не успевала вытекать через шпигаты — вот что там творилось! Ну, а на Конана было просто страшно смотреть. Его меч мелькал, точно молния, туранцы падали, как снопы. Он рвался туда, где бой кипел гуще всего, и его приближение означало гибель. Он яростно пробивался на корму, туда, где в окружении отборнейших телохранителей стоял и распоряжался сам Ездигерд.

Конан ворвался в их ряды, точно боевой слон. Солдаты валились вокруг, словно тряпичные куклы. Король Ездигерд взревел от ярости и самолично кинулся ему навстречу. Похоже, он только тут с изумлением разглядел, что у нас за капитан. Боги, как он ругался!..

«Я сразу узнал твою руку, проклятый киммериец! — кричал король.— И клянусь Эрликом, настал час расплаты! Умри, пес-варвар!..»

И он обрушил страшный удар на голову Конана. Быстр и силен был этот удар, обычный человек не смог бы ни отбить его, ни увернуться. Но против Конана, как вы знаете, нужна дюжина обычных людей. Сталь лязгнула о сталь: Конан отбил удар движением столь быстрым, что глаз не мог уследить.

«Умри сам, туранский шакал!» — прогремел его голос. Вообразите, ребята: и мы, и туранцы не сговариваясь опустили оружие и только смотрели, как эти двое рубятся один на один. Да, на такое стоило поглядеть! Удар следовал за ударом, пока наконец Конан не разнес вдребезги щит Ездигерда. Еще взмах меча — и бородатая голова слетела с плеч короля, а гигантское тело рухнуло на палубу!

Надо ли говорить, что после этого туранцы безропотно сложили оружие... Вообще-то ярость сражения была такова,

что пленников набралось немного. У нас у самих из первоначальных двухсот человек осталось на ногах едва половина, но что за беда — мы зарубили или взяли в плен более трех сотен гирканских собак!

Артус допил вино, и ему без промедления налили еще. Кто-то из слушателей спросил:

— А туранская йедка? С ней-то что сталось?

Артус нахмурился: воспоминание заставило его содрогнуться:

— Это... это, ребята, было самое страшное из всего, что случилось в тот достопамятный день... Мы считали пленников и перевязывали раны, когда солнце вдруг скрыла темная туча, и у каждого по спине побежали мурашки, словно над нами готов был свершиться неумолимый рок. Высокая скала прикрывала нас от ветра, но в снастях тотчас завыл ледяной вихрь — право же, я думал, так воют разве что затерянные души,— и вода почернела, вскипая вокруг кораблей.

Тут кто-то вскрикнул и указал вверх. В небесах появилась какая-то точка. Она росла на глазах, стремительно приближаясь. Издали она походила не то на птицу, не то на летучую мышь, но потом мы все застыли от ужаса: это было что-то жуткое, несусветное... вроде человека, но с перепончатыми крыльями. Тварь спикировала прямо на мостик и закричала так, что у нас кровь в жилах застыла.

На этот крик из каюты в кормовой надстройке выскочила женщина — так вышло, что до той каюты никто из нас еще не добрался,— и вот чудовище в мгновение ока подхватило ее и унесло прочь, тяжко хлопая кожистыми крыльями над протокой. Скрылось из виду, и солнце вновь засияло.

Тогда мы стали оглядываться друг на друга, и надобно вам сказать: столько белых лиц сразу я еще не видел. «Что это было?» — спрашивал каждый. И уж что говорить про нас, если сам Конан стоял бледный от пережитого потрясения. Нет, правда,— задержись страшилище хоть на миг, и, я думаю, мы все как один попрыгали бы за борт!

«Мне уже приходилось однажды видеть эту тварь»,— пробормотал Конан, но объяснять ничего не стал. Кое-кто из нас порешил было — это дьявол уволок Занару в ад, о котором рассказывают почитатели Эрлика, и, право же, ей там самое место. Но другие — те, кто оказался поближе,— утверждали: она вовсе не испугалась чудовищной твари, скорее даже обрадовалась. Ни дать ни взять сама позвала ее на подмогу!

В конце концов Конан встряхнулся, точно избавившись от кошмарного наваждения, и приказал снять с мертвых оружие и отправить за борт мертвецов, в том числе и труп короля.

«С потаскушки следовало бы спустить шкуру за ее вероломство. Но коли уж ее уволокло крылатое пугало — и шут с ней: я с бабами не воюю!» — сказал Конан. Клянусь, ребята, это было вообще все, что он сказал насчет таинственного исчезновения Занары.

Собственно, на том и кончилось дело. Мы спалили засевший на мель «Ятаган», а вторую галеру взяли с собой сюда.

— Но где же теперь Конан? — воскликнул кто-то из слушателей.— Почему его нет здесь, почему он не сам рассказывает нам о своих похождениях? И главное, возглавит ли он нас еще раз, чтобы мы наконец очистили Вилайет от туранцев?

— Увы, нет,— вздохнул Артус.— Киммериец велел кораблям идти прямо к восточному берегу. Он сказал, что у него какое-то неотложное дело, а здесь, мол, он задержался лишь для того, чтобы свести старые счеты с королем Ездигердом. Среди освобожденных нами рабов он обнаружил кхитайца. Вообразите, они часами сидели рядом, беседуя о далеких землях за Химелийскими хребтами. Вот мы и подумали: если Конан в самом деле направился в Кхитай — не иначе, прослышал о каком-нибудь совершенно уж баснословном сокровище. Ведь это чистое безумие — в одиночку пытаться достичь чужедальних земель за чертою рассвета!

— А что ж он не взял с собой хоть десятка два морских бродяг?

— Еще одна тайна,— ответил шкипер.— Он сказал, что поклялся совершить это путешествие без спутников. Более того, в ином случае он просто не сможет добраться до цели! Что ж, мы высадили его на восточном берегу, как он и просил. Они с северянином Рольфом попрощались коротко, по-мужски. Опечаленная команда завела было морскую погребальную песнь, но Конан рявкнул на нас и, выругав, велел заткнуться. Мы видели, как он скрылся за песчаной дюной, вновь вступая на неведомую, исполненную опасностей тропу... Нашим капитаном стал Рольф: после Конана он, без сомнения, первый моряк на всем Вилайете. Да, таких, как Конан, больше нет и не будет, пока это море не превратится в песчаную пустыню, а звезды не упадут наземь

с небес... Я пью за здоровье Конана! И еще за то, чтобы он достиг своей цели, какова бы она ни была!

Этот тост сопроводила тишина, более чем странная для пиратской таверны...

6

ДВОРЦОВЫЙ ЗАГОВОР

— А как поживает ее королевское высочество, Деви Вендии? — жадно глотая ароматное ширакманское вино, спросил Конан тучного трактирщика. Он был переодет воином-кшатрием и заглянул в погребок не только ради выпивки, но и за новостями. Как же не разузнать о пленительной женщине, чье королевство он некогда спас! Льдисто-голубой взгляд киммерийца невольно потеплел от нахлынувших воспоминаний.

Таверна была почти пуста. Тем не менее хозяин счел за благо склониться к самому уху Конана и едва решился боязливо шепнуть:

— О, наша Деви правит мудро, и притом крепкой рукой, хоть и нет у нее супруга, что помогал бы ей и поддерживал в трудный час. Одна беда: недовольная знать хотела бы видеть на троне кого-нибудь повоинственней... Ходят даже слухи, будто Ченгир, двоюродный брат Деви, имеет виды на верховную власть... и на нее самое. До сих пор она упорно отвергала все его домогательства, но общественное мнение скоро принудит ее принять какое-то решение. Династия должна быть продолжена, а значит, придется бедной Жазмине исполнить свой долг перед королевством...

Дородный вендиец метнул быстрый взгляд в открытую дверь. Оттуда донеслось бряцание оружия: к таверне подходил отряд воинов. У каждого на руке висел щит, длинные копья покоились на обтянутых кольчугами плечах. Вот прозвучала команда, и вымуштрованные солдаты разом остановились. Пожилой, покрытый шрамами офицер — по-вендийски «гхебра» — вошел в таверну. Его взгляд быстро обежал всех присутствующих, ненадолго задержавшись на лице Конана. Подойдя к стойке, офицер шепнул что-то трактирщику. Пара пыльных бутылок пропутешествовала через потертые доски стойки в шелковый мешочек в руке офицера. Покинув таверну, гхебра отдал еще одну команду, и его отряд размеренным шагом двинулся дальше.

Конан проводил солдат равнодушным взглядом. «Бедняжка Жазмина,— подумалось ему.— Каково-то ей сидеть одной во дворце и править державой без защитника-мужа...»

Он передернул плечами. Пусть внутренние дела Вендии идут так, как распорядится судьба: ему, Конану, нынче не до того. Ему следовало получше подготовиться к новым испытаниям, которые его ожидали. Завтра он двинется дальше на восток, в предгорья Химелийских хребтов, а значит, сегодня надлежало как следует выспаться. Он знал, что железное тело не подведет его в трудах, немыслимых для цивилизованного человека; но, повинуясь звериному инстинкту, не раз его выручавшему, перед дальней дорогой Конан всегда стремился отдохнуть и набраться сил. Так ведет себя лесной хищник во время долгой охоты.

— Эй, трактирщик! — позвал киммериец.— У тебя, полагаю, найдется комнатка на ночь? Я с ног валюсь от усталости. Знаешь, эти переходы по пустыне ну просто вытягивают все соки...

...Жаркий, ласкающий, шелковый полог восточной ночи накрыл стольный город Айодию. В черной вышине бриллиантовой россыпью горели крупные звезды, на западе повис узкий серп ущербного месяца. Повсюду сияли свечи и факелы. Из ярко освещенных дворцов доносились отголоски музыки и веселого смеха, слышался легкий топоток — это кружились в пляске девушки-танцовщицы. А в сумрачных храмах сурово звучали золотые цимбалы, и голоса верующих сливались в мягкий мощный хор, торжественно славящий богов.

Конана разбудил какой-то шорох, донесшийся от двери. В эту знойную ночь он решил обойтись без простыни и одеяла и лежал на кровати почти без одежды, в одних шелковых шароварах. Мгновенно проснувшись, он бесшумно, точно встревоженный волк, пересек комнату с обнаженным мечом в руке. Каждый мускул его тела был готов к немедленным и стремительным действиям.

Кто-то возился с дверной щеколдой, приподнимая ее,— медленно, осторожно. Когда дверь начала открываться, Конан отступил в сторону, прячась за створкой. В комнату крадучись вошел кто-то невысокого роста, закутанный с головы до ног,— Конан смутно различал его в сиянии звезд. Он видел, как человек в нерешительности застыл на пороге, словно удивляясь тому, что комната оказалась пуста.

Конан напрягал слух, стараясь понять, что делалось снаружи, но оттуда не долетало ни звука. Похоже, таинственный ночной посетитель пришел без сообщников и провожатых. Любой вендиец, узнав Конана, привел бы с собой половину городской стражи, ибо кшатрии слишком хорошо помнили вожака грабителей с холмов Гхора — хоть и много лет минуло с тех пор, как он в последний раз спускался с тех холмов во главе косматой орды...

Загадочных ситуаций Конан не любил никогда. Потихоньку прикрыв дверь, он беззвучно шагнул вперед. Мгновенный бросок — и широкая ладонь киммерийца зажала рот незваному гостю. Тот отчаянно затрепыхался, но Конан без малейшего усилия опрокинул его на кровать и прошипел:

— Что ты позабыл у меня в комнате? Отвечай живо! Да не вздумай кричать!

Полные ужаса глаза смотрели на Конана из темноты. Убрав руку и отдернув прочь кисею, он с некоторым удивлением разглядел пухлые губы и тонкий прямой нос вендианки. Женщина!.. Ее голосок напомнил ему серебристый звон храмового гонга:

— Я пришла, чтобы отвести тебя к моей госпоже. Она узнала, что ты прибыл в Айодию, и очень хочет видеть тебя. Пожалуйста, оденься и пойдем со мной. И прошу тебя, поторопись!..

Конан подозрительно прищурился:

— Куда нам спешить, девочка? Я хочу спать! Неужели твоя госпожа не может дотерпеть до завтра?

— Днем во дворце моей госпожи многие сразу узнают Конана из Гхора. Моя госпожа совсем не хотела бы, чтобы его привязали к двум слонам и разорвали на части.

Киммериец немедленно насторожился:

— Конан из Гхора? Кто меня здесь знает? Да кто, наконец, твоя госпожа и чего ей от меня надо?

— Этого я тебе сказать не могу. Но, когда я уходила из дворца, она предупредила меня: «Если он усомнится, скажи ему: галзайская девушка с горы Имша хочет отплатить ему за наряд, который он когда-то ей подарил».

Имша!.. Конан вмиг перенесся на тринадцать лет назад, в те незабываемые дни, когда он бросил вызов магам Черного Круга... и однажды в самом деле снабдил некую девушку нарядом, купленным — под угрозой меча, но все-таки действительно купленным за монетку — у девушки-галзайки,

шедшей за водой... А та, кому предназначался наряд, была сама Деви Жазмина!

— Так это Деви тебя прислала? — пробурчал Конан.— Что ж ты сразу-то не сказала?

— Да, и Деви просит тебя прийти... Поторопись же!

Конан живо оделся и захватил оружие: ему было не привыкать. Девушка тихо отворила дверь и выглянула в коридор. Потом жестом поманила за собой Конана. Друг за дружкой они бесшумно прокрались вниз по ступеням, а потом наружу, в знойную темноту.

Они шли извилистым, окольным путем. Скоро Конан понял, что слухи о дворцовых интригах были, вероятно, не лишены основания: девушка поминутно оглядывалась через плечо и то и дело сворачивала в узенькие мощеные переулки, как бы стараясь ускользнуть от возможного преследования.

В одном из таких переулков из темной дверной ниши, глухо рыча и скаля слюнявую пасть, на них бросилась громадная собака. Ударом кинжала киммериец отправил ее издыхать в сточной канаве. В другой раз в конце улицы появилась кучка каких-то оборванцев. Они загородили было дорогу, но белозубая улыбка Конана и рука, протянутая к рукояти меча, заставили их удрать без оглядки. Больше двоих путников не беспокоил никто.

Вскоре они остановились у высокой зубчатой стены королевского дворца. Высокие, стройные башни вздымались к самому небу. Из сада, раскинувшегося за стеной, лился аромат зрелых плодов и редких цветов. Внимательно осмотрев каменную поверхность, девушка надавила в двух местах одновременно. Часть стены беззвучно отошла внутрь. Открылся полутемный коридор.

Девушка приложила палец к губам, призывая Конана к молчанию, и повела его вперед. Стена сомкнулась за его спиной. Конан по пятам следовал за провожатой, не снимая руки с рукояти меча. Он был уверен, что Жазмина отнюдь не желала ему зла,— в противном случае, верно, она избрала бы иной способ свидеться с ним,— и все-таки варвар, привыкший повиноваться инстинктам, был настороже.

Они поднялись по каменной лестнице, потом вновь нескончаемо шли темноватыми коридорами, пока наконец девушка не остановилась перед какой-то дверью, заглядывая внутрь сквозь маленькое отверстие на уровне глаз. Потянула рычажок, и дверь открылась. Они перешагнули порог.

— Подожди здесь, господин,— сказала девушка.— Я скажу госпоже, что ты пришел.

И она выбежала вон, прошуршав тонкой тканью одежд. Конан передернул плечами и стал оглядываться.

Комната была обставлена со всей роскошью, присущей восточным владыкам. Шелковые занавеси, золотая посуда, бесценные вышивки, отделанные драгоценными камнями... Впрочем, в комнате царило не только богатство, но и изысканный вкус. Конан тотчас понял, что попал в женский будуар: достаточно было взглянуть на туалетный столик с драгоценным зеркалом туранской работы, уставленный золотыми, серебряными, нефритовыми сосудиками с мазями и бальзамами, приготовленными лучшими искусниками Востока. Женская рука чувствовалась и в убранстве огромной кровати с ее плотными шелковыми занавесями и балдахином шемитского золотого шитья.

Конан не сдержал одобрительного кивка. Сам он был по-воински неприхотлив, но, став королем, научился понимать толк в обстановке покоев.

Звук открываемой двери прервал его размышления. Конан круто обернулся, хватаясь за меч, но рука его тотчас же замерла. Перед ним стояла Жазмина.

В ту первую их встречу ее красота едва расцветала: насколько помнилось Конану, ей не было еще двадцати. Тринадцать минувших лет превратили ее в зрелую женщину. В глазах Деви по-прежнему светился недюжинный ум, позволивший ей удержать за собой трон; но облегающие шелковые одежды свидетельствовали, что хрупкая девичья фигурка приобрела влекущее очарование. Немало поэтов прославились, воспевая красоту своей Деви. А ядовитые уста злопыхали, что, дескать, на невольничьем рынке Султанапура за нее отвалили бы тысячу с лишним таларов...

Прекрасное лицо Жазмины залилось счастливым румянцем. Она протянула к Конану руки, шепча:

— Мой горный вождь... ты возвратился ко мне...

Кровь гулко застучала в висках киммерийца. Широко шагнув, он оказался подле Деви и подхватил ее на руки. Ее теплое тело затрепетало у его груди.

— Никто не побеспокоит нас, мой горный вождь... Я отослала стражу прочь до утра и крепко заперла дверь. Тринадцать лет я ждала, чтобы ты однажды вернулся... и обнял меня... Я не ведала счастья с того самого дня, когда мы расстались после битвы в долине Фемеш. Обними же меня крепче... Сделай так, чтобы ни один из нас до смертного часа не позабыл эту ночь...

В это самое время в другой части дворца, в богато убранной комнате сидели пятеро мужчин. Прихлебывая из золотых кубков вино, они слушали рослого смуглолицего человека, говорившего:

— Время настало! Сегодня или никогда! Я только что узнал, что Жазмина зачем-то отослала два десятка солдат, которые обычно охраняют ее покои. Женский каприз, не более, но отчего бы им не воспользоваться?

— Государь Ченгир,— вмешался один из заговорщиков,— так ли уж необходимо убивать Деви? Я сражался с туранской кавалерией на наших границах и мечом прорубал себе путь, попав в засаду, устроенную дикими горцами, но стоит мне подумать о том, чтобы пойти и хладнокровно зарезать спящую женщину...

Смуглолицый Ченгир повернулся к нему:

— А мне, думаешь, это по вкусу, Гхемар? Но что делать, если это необходимо для блага Вендийского королевства! Пора обновить нашу кровь! Надо усилить власть, а для этого необходимы новые завоевания. Мирное правление Деви скоро сделает нацию мягкотелой. Мы, раса воинов-завоевателей, унизились до строительства плотин и дорог для мерзостной черни из низших каст! Не-е-ет, Деви должна умереть. Трон перейдет ко мне, и я без промедления поведу кшатриев к новым завоеваниям! Мечом создадим мы новую империю, захватив Кхитай, Уттара Куру и Туран! Потоками крови смоем мы горцев с Химелийских хребтов! Весь Восток дрогнет и поколеблется, когда прогремят наши громы! День и ночь в Айодию станут прибывать караваны верблюдов, нагруженных бесценной добычей... Ну, кто со мной?

Четыре изогнутых клинка до половины вышли из отделанных золотом ножен. Полководцы громким шепотом выражали предводителю свое полное одобрение.

Принц Ченгир взмахнул рукой, восстанавливая тишину:

— Не так громко, господа... Помните: огромное большинство вендийцев, лишенное нашей с вами прозорливости, все еще сохраняет верность Жазмине. Вздумай мы решиться на открытое выступление, войска и народ попросту разорвут нас в клочки. Но если она умрет от руки неведомого убийцы... что ж, я, как близкий родственник и наследник, не пожалею сил и времени на розыск злодеев. На худой конец, казним пару каких-нибудь козлов отпущения — конечно, предварительно отрезав им языки. А потом, соблюдая приличествующий случаю траур, я соберу свою армию и двинусь походом на север и на восток. Историки станут

восхвалять мое имя наравне с именами великих завоевателей минувшего!

Глаза Чентира горели, голос возбужденно звенел. Он величественно поднялся:

— Возьмите оружие, господа. Наденьте маски. Я проведу вас потайными ходами прямо в спальню Жазмины. Через какой-нибудь час наш долг перед королевством будет исполнен!

И пятеро мужчин в черных масках один за другим покинули комнату. Они шли убивать беззащитную женщину, спокойно спавшую в своей постели.

Второй раз в течение ночи Конану довелось пробудиться от еле слышного звука. Обычный человек на его месте самое большее перевернулся бы на другой бок, бормотнул что-нибудь спросонья и, приписав беспокойство возне крыс или дурному сновидению, вновь мирно заснул.

Но не таков был Конан! Он мгновенно стряхнул всякий сон и чутко прислушался, пустив в ход всю остроту своих звериных инстинктов. И пока его правая рука тихонько вытягивала меч из шагреневых ножен, левая осторожно раздвинула полог. Жазмина безмятежно спала рядом, улыбаясь во сне...

Звездный отблеск едва рассеивал темноту. Острый глаз Конана различил блеск обнаженных клинков в руках пяти смутных фигур, но и без того он немедля понял: опасность! Смертельная опасность! Люди в масках редко приходят по ночам с добрыми намерениями в королевские спальни. Сжимая меч и внутренне клокоча от ярости, Конан приготовился к прыжку.

Убийцы подкрадывались все ближе, занося кинжалы для ударов, долженствовавших возвести на трон Вендии нового властелина. Вот чья-то рука потянулась к занавесям королевской постели...

Конан рванулся вперед, как спущенная пружина. Тигриный прыжок — и прежде, чем убийцы успели оправиться от неожиданности, один уже валялся со вспоротым животом. Меч Конана летал взад и вперед, жаля, точно разъяренная кобра. С треском прорубил он чей-то шлем и голову под шлемом — до самого подбородка. Пинком отшвырнул киммериец мертвое тело под ноги остальным, принудив их отскочить и одновременно отбивая удар, нацеленный ему по коленям. И тут же возвратным движением меча отсек правую руку заговорщика почти по плечо. Отрубленная рука задергалась на полу, а следом упал и ее владелец.

Не теряя времени, Конан ринулся навстречу оставшимся двоим. Перед яростным натиском обнаженного киммерийца те вмиг позабыли, зачем явились сюда: теперь они дрались за свою жизнь, отчаянно размахивая саблями и шаг за шагом пятясь назад. Они едва поспевали отбивать сыпавшиеся градом удары. Конан же следил только за тем, чтобы не оказаться между ними.

— Хотели по-тихому прирезать спящую женщину? — рычал он, сверкая глазами.— Трусы! Шакалы! Да по сравнению с вами любой вероломный стигиец сойдет за честного бойца! Но клянусь, сегодня прольется лишь ваша кровь, и больше ничья!

Его клинок превратился в луч смертоносного света. Страшный режущий взмах — и с плеч слетела еще одна обтянутая маской голова. Последний оставшийся противник киммерийца прижался спиной к стене. Мечи с удвоенной яростью замелькали в слабом свете звезд, скрещиваясь и отлетая один от другого.

Проснувшаяся Жазмина стояла рядом с постелью и, затаив дыхание, следила за схваткой. Внезапно у нее вырвался крик ужаса: Конан поскользнулся в луже крови и растянулся плашмя.

Убийца немедля прыгнул вперед, занося меч. Его глаза горели злобным торжеством... но удара так и не последовало. Конан видел, как рот вендийца распахнулся в немом крике боли. Вот, пошатнувшись, он выронил меч, издал какой-то булькающий звук и рухнул на пол. Позади мертвого стояла Жазмина. А между лопатками кшатрия торчал всаженный по рукоятку кинжал.

Конан распорол мечом плащ убитого, в котором запутались его ноги, и поднялся. Он был с головы до ног залит кровью, но в голубых глазах мерцал прежний неукротимый огонь.

— Повезло же мне, девочка, что ты так проворно подоспела со своей зубочисткой... если б не ты, я точно составил бы этим господам компанию в преисподней. Кром! Неплохая драчка была!

Голос Жазмины прозвучал по-женски заботливо:

— Ты весь в крови, мой предводитель. Дай я промою и перевяжу твои раны!

— Чепуха,— буркнул Конан, разматывая чалму одного из убитых и небрежно вытираясь.— Это их кровь. Ну, может, разве пара царапин... Не ахти какой труд — усмирять разные ничтожества.

— Благодарение богам, что ты был подле меня,— содрогнулась Деви.— Не то они... преуспели бы в задуманном. Но могла ли я думать, что в собственной спальне мне придется опасаться убийц? Вендийский народ любит меня и считает мое правление справедливым, армия и большинство знати сохраняют мне верность. Неужели это Ездигерд Туранский подослал в мои покои лазутчиков?

— Ездигерд никогда более не досадит тебе,— пробормотал киммериец.— Он мертв: я убил его на палубе его же корабля. А ну, сними-ка с них маски!

Деви сорвала маску с лица человека, которого навек успокоил ее кинжал,— и отшатнулась в ужасе и недоумении.

— Ченгир! Мой двоюродный брат! В какую же черную измену вовлекла его жажда власти! Но я этого так не оставлю. Завтра же покатятся головы...— И, встряхнув черными локонами, она обратила взор влажных темных глаз на бесстрастно стоявшего киммерийца: — Вот теперь я и в самом деле вижу, что мне не обойтись без супруга. Правь же Вендией вместе со мной, Конан! Объявим о нашей помолвке, а через месяц сыграем свадебный пир, каких не было в Вендии на памяти ныне живущих! Я люблю тебя, мой предводитель...

И она обняла Конана, нежно прижавшись к нему гибким молодым телом и покрывая его лицо поцелуями. У него слегка закружилась голова, но он твердо и бережно отстранил Деви.

— Кром свидетель, девочка, твое предложение куда как заманчиво. Честное слово, немного найдется женщин красивее тебя... или умнее. Тот, кому судьба подарит счастье стать твоим мужем, поистине может считать себя любимцем сотни богов. Десять лет назад, когда я был бродячим искателем приключений, я, пожалуй, согласился бы остаться с тобой. Но теперь — не могу. У меня нынче есть свое королевство в землях Запада — Аквилония, могущественнейшая на свете держава. Есть у меня и любимая королева... Ее похитил злой чародей, живущий в Кхитае, и я поклялся ее разыскать. Сама посуди, разве достойно мужчины дать клятву и не исполнить ее? Избери себе мужа среди вендийцев: всякий народ предпочитает короля от своей плоти и крови. А мой путь лежит за Химелийские горы.

Жазмина не сводила с него глаз, полных великой любви и нежности, смешанной со слезами:

— Видно, боги ниспосылают счастье лишь для того, чтобы тотчас его отобрать. Но, может, это и к лучшему: не будь горя, мы бы не ведали, что значит истинное счастье...—

Она смахнула влагу с ресниц, и странная, не лишенная лукавства улыбка тронула ее уста.— Завтра ты снова двинешься в путь, но у нас есть еще несколько часов до рассвета. Давай же не будем тратить время на бесполезные разговоры!

Их руки снова переплелись в страстном объятии. Звездный свет холодно отражался в остекленелых зрачках мертвых убийц...

7

ДЕМОН ГОРНЫХ СНЕГОВ

Вдоль заметенной снегом тропы осторожно крался охотник. Нагнувшись вперед, он внимательно разглядывал землю; ноздри его чутко раздувались, словно у гончей, бегущей по следу. Никто прежде него не бывал в этих местах. По крайней мере, никто не пришел назад, чтобы рассказать. Туманы и вековечные тайны окутывали ледяные пустоши близ вершин величественных Химелийских гор...

Зельвар Аф один охотился высоко в горах и случайно заметил удивительные следы. Громадные косолапые ступни неведомого существа глубоко продавили снег, шаг его составлял не менее четырех футов: это говорило о поистине гигантских размерах. Зельвар Аф никогда еще не видел ничего похожего, но в памяти тотчас всплыли страшные легенды из тех, что рассказывали седобородые, старцы, сидя у очагов в крытых соломой хижинах горных деревень.

Зельвар Аф отбросил зародившийся страх со всей безрассудной отвагой первобытного существа. Верно, он был один и в нескольких днях пути от дома. Но не его ли называли первым охотником племени вамадзи? Зажатая в ладони рукоять могучего гирканского лука добавила уверенности. Крепко стиснув ее, он огляделся вокруг. И, ступая по-кошачьи, двинулся дальше по следу.

Он ничего не увидел и не услышал, но что-то заставило его остановиться. Перед ним, сколько хватал глаз, величаво вздымались заснеженные склоны, а за ними угадывались иззубренные силуэты дальних хребтов, упиравшихся в самые небеса. Нигде никаких признаков жизни... Откуда же взялся ледяной тошнотворный ужас, неожиданно затопивший сознание? Ужас, словно бы вправду навеянный жутью легенд о нечеловеческих тварях, являвшихся из порубежных, окутанных мраком пределов... Зельвар Аф вмиг обернулся, вы-

хватывая смуглой рукою увесистый жайбарский нож... и кровь обратилась в лед у него в жилах!

Гигантское белое существо скользило к нему по снегу. Оно отдаленно напоминало человека и от этого казалось только страшней. Никаких черт нельзя было различить на поросшем белым мехом лице. Стремительными прыжками плыло оно к окаменевшей от ужаса жертве. Наконец, со сдавленным криком Зельвар взмахнул ножом, но поздно: белые руки сомкнулись в ледяном, смертельном объятии.

И вновь тишина воцарилась на заснеженном плоскогорье...

— Разрази меня гром! До чего же славно опять быть среди горцев!

Удар полуобглоданной говяжьей костью по грубой деревянной столешнице сопроводил эти слова. В просторном доме вождя племени хиргули собралось не менее двадцати человек — старейшины окрестных деревушек и лучшие воины, все дикие и свирепые с виду. Войдя в дом, они скинули пушистые меховые плащи, защищавшие тело от холода вечных снегов, и остались в овчинных безрукавках и кожаных сапогах — излюбленной одежде горцев. Широкие бакарийские пояса и рукояти сабель из позолоченной слоновой кости отличались варварской роскошью.

Но человек, находившийся в центре внимания, не принадлежал ни к одному из свирепых горских племен. На почетном месте восседал Конан-киммериец. Более десяти лет назад распростился он с извилистыми тропами Химелийских хребтов, и оттого разнообразен и долог был его рассказ.

— Да, пожалуй, туранцы впредь будут меньше вам досаждать.— Наконец речь зашла о недавних похождениях, и в голубых глазах киммерийца заплясали веселые искры.— Я зарубил Ездигерда на палубе его флагманского корабля. Клянусь, я стоял по щиколотку в туранской крови! Трон Ездигерда некому унаследовать, и можно ждать, что усобицы враждующих шахов вскорости развалят империю...

Седобородый вождь вздохнул:

— С тех пор как ты со своими афгулами и Деви Жазминой с ее кшатриями разгромили туранцев в долине Фемеш, они к нам почти не совались. Не тревожат нас и всадники Вендии: с того самого дня мы по молчаливому уговору соблюдаем перемирие. Вообрази, мы ни разу не наскакивали даже на их заставы! Я почти тоскую по прежним дням битв,

когда мы обрушивали камни на их остроконечные шлемы, когда в каждом ущелье закованных в железо латников подстерегали засады!

Воспоминания заставили Конана улыбнуться. Потом его мысли вновь обратились ко дню сегодняшнему. Он знал, что до конца дней своих не позабудет гибкую черноволосую женщину с заплаканными глазами, стоявшую на дворцовой стене; ветер рвал шелковую вуаль из ее руки, вскинутой в прощальном движении, а конь уносил его вдаль, к окутанным синей дымкой хребтам, громоздившимся на горизонте...

Тучный бородатый старейшина откашлялся, прочищая горло.

— Мы так поняли, Конан, что дело у тебя неотложное,— сказал он.— Но послушай совета: обойди стороной плоскогорье Талакму. Последнее время там творится нечто страшное... страшное! Говорят даже, будто снежные демоны наших легенд снова бродят в горах!

— Что же это за демоны,— хмыкнул Конан,— которым удалось вселить страх в мужественные сердца сынов Гулистана?

Старейшина наклонился вперед и ответил не без трепета в голосе:

— Дьяволы из черных бездн, порождения ночи, свившие гнезда на заснеженных перевалах Талакмы, вот что это такое. Мы находили там мертвые тела, изувеченные, смятые нечеловеческой силой... Но самое страшное — все они, даже только что убитые, промерзлы насквозь! Люди говорят, замерзшие пальцы отламывались, подобно хрупким сосулькам...

— Спасибо за предупреждение,— невозмутимо поблагодарил Конан,— Но обходить Талакму — значит потерять добрых два месяца, а я, как ты верно заметил, в самом деле очень спешу. Я пойду напрямик, кратчайшим путем.

Тут вожди и старейшины заговорили разом, пытаясь его разубедить, но все понапрасну. Он устало поднялся и ушел во внутреннюю комнату, где ждала теплая меховая постель, а его друзья-горцы еще долго сидели все вместе и негромко беседовали, не спеша расходиться, и неподдельная тревога за Конана звучала в их голосах.

Конан шагал по снежной пустыне под скорбное завывание ветра. Летящий снег хлестал его по лицу, ледяной холод проникал даже сквозь толстую меховую куртку. За плечами

киммерийца висел дорожный мешок, битком набитый всем необходимым для долгого пути в снегах. Горцы Гулистана щедро снабдили его грубым хлебом и сушеным мясом. Конан шел вперед, и пар от дыхания двумя белыми струями вылетал из ноздрей.

Вот уже несколько дней он шагал и шагал неутомимой легкой походкой жителя гор, поглощавшей милю за милей. На ночь Конан выкапывал себе пещеру в снегу; для этого при нем была короткая, широкая лопатка. Бездонные пропасти пересекали его путь. Иные он попросту перепрыгивал с разбега, иные обходил, а то спускался вниз по веревке и карабкался на противоположную сторону...

Ни единого следа не нарушало здешних снегов. Живые существа почти не попадались Конану на глаза. Лишь однажды голодный снежный барс бросился на него, но взмах жайбарского ножа отшвырнул хищника прочь. Конан там его и оставил — стыть на вечном морозе.

...Ощутив, что режущий ветер начал стихать, киммериец ободрал сосульки с бровей и остановился, оглядываясь. Позади него расстилалось беспредельное заснеженное плато, прорезанное глубокими трещинами. Громадные пики прятались в облаках. А впереди, далеко-далеко, смутно угадывалось начало спуска вниз, на равнину. Там ждал отдых, вдвойне желанный после столь изнурительного перехода.

Но тут зоркие голубые глаза заметили кое-что еще. Охваченный неожиданным любопытством, Конан прошел несколько шагов и снова остановился, внимательно разглядывая удивительные следы на снегу. Таких следов он никогда прежде не видел. Отчасти они напоминали медвежьи, но ни у одного медведя не было лап подобной величины, притом без когтей и с пальцами, сильно скошенными внутрь. Кем бы ни был оставивший след, он прошел здесь совсем недавно: поземка еще не успела замести глубокие вмятины. След вел мимо высокого ледяного обрыва. И Конан двинулся вперед, настороженный, как охотящаяся пантера.

Но даже молниеносная быстрота реакции не помогла киммерийцу увернуться от белого чудовища, кинувшегося на него сверху. Он успел заметить бесформенные конечности и голову без лица. Тварь сбила его с ног. Он с такой силой ударился оземь, что из легких вырвался воздух.

Он все-таки сумел наполовину вывернуться из смертоносных объятий, не дав белым лапам сомкнуться за спиной. Тем не менее демон сжимал его, точно в тисках. Конан

отчаянно бился, пытаясь высвободить правую руку, державшую нож. Напрасно: чудовище было неизмеримо сильней. Тщетно напрягались исполинские мускулы киммерийца. Безликая голова склонилась над ним, точно желая заглянуть ему прямо в глаза. Невероятный холод начал растекаться по телу, и одновременно Конан ощутил мысленное прикосновение. Обитатель бездн зла, безымянный ужас снегов вознамерился пожрать его душу. Конан облился холодным потом. Его разум отчаянно сопротивлялся...

Обычный человек уже давно пал бы жертвой этой неодолимой неведомой силы. Но, по счастью, налет цивилизованности, прикрывавший варварские рефлексы Конана, был весьма тонок. Как всегда в минуту опасности, в нем могуче заговорил инстинкт хищного зверя. Жажда жизни собрала в железный комок все его мышцы. С треском разорвалась меховая одежда: Конан выпростал-таки левую руку и ударил кулаком в склонившуюся безглазую морду.

И произошло невероятное: демон издал пронзительный завывающий крик, и хватка его сразу ослабла.

Кольцо!..

Кольцо Рахамона, которое Конан все еще носил на руке! Подарок Пелиаса, наделенный неведомой магической силой! Единственное оружие, способное поразить злого духа снежной тьмы, демона, что губил души людей и разбрасывал по сугробам замерзшие изувеченные тела!

Конан ударил еще раз, и вой чудовища сменился жалобным визгом. Оно шарахнулось прочь, спасаясь от страшного кольца. Конан прыгнул к нему и вновь замахнулся. Им владело яростное вдохновение: он не спасался, он нападал! Острые концы печатки рванули белую плоть. Демон кинулся прочь. Бесцветный ихор — кровь богов — хлестал на снег из его ран.

Конан загнал его на край глубокой трещины в леднике. Дальше бежать было некуда; дрожа и шатаясь, чудовище остановилось. Кулак киммерийца, увенчанный кольцом Рахамона, просвистел в безжалостном размахе. С ужасающим криком демон качнулся назад, пытаясь сохранить равновесие, но ледяная кромка внезапно обрушилась под ногами, и вой гибнувшего постепенно затих далеко внизу.

Конан отошел от края и встряхнулся, точно волкодав после схватки с целой стаей волков.

— Ну и перстенек всучил мне Пелиас,— пробормотал он.— Холера бы взяла этих снежных демонов! Ладно, по край-

ней мере одного я спровадил куда следует... А теперь вперед, если я намерен хоть завтра дотащиться до восточного склона!

8

КХИТАЙСКИЙ ДРАКОН

Двадцать пять дней назад Конан вступил в пределы Кхитая.

Безрадостные, засушливые земли — пограничье великой пустыни Вухуань, где редко-редко встречались шатры прокаленных солнцем кочевников,— сменились бескрайней страной топких болот. Водоплавающие птицы тучами кружились над неподвижной гладью озер. Красноглазые, злобные болотные буйволы с плеском и фырканьем продирались сквозь высокие тростники. Неумолчно жужжали кусачие рои насекомых. Далеко разносился кашляющий рык тигров, вышедших на охоту...

Конану не привыкать было к болотам. Ему доводилось пробираться и джунглями Куша, и непролазными трясинами, что окаймляли море Вилайет. Прежняя сноровка весьма ему пригодилась, пока, пользуясь то самодельными мокроступами, то плотами, на скорую руку связанными из бамбука, он пересекал эти негостеприимные края.

Наконец болота остались позади, но идти не сделалось легче: начались густые джунгли. Конан не выпускал из рук тяжелого жайбарского ножа, буквально прорубаясь сквозь заросли. Железная решимость гиганта-киммерийца была столь же крепка, как и его закаленные мышцы.

И вот что поневоле бросалось в глаза: когда-то эта земля была населена и богата. Когда-то очень давно, когда для цивилизации Запада едва занимался рассвет. Конану то и дело попадались среди джунглей обветшалые развалины храмов, дворцов и даже целых городов, покинутых и позабытых много тысячелетий назад. Пустые черные окна казались глазницами черепов. Лианы обвивали статуи неведомых, дочеловеческих богов — изъеденные временем, рухнувшие с пьедесталов... Потревоженные вторжением обезьяны разбегались с дороги, испуганно вереща.

Джунгли постепенно сменились холмистой равниной, где под присмотром шафрановокожих пастухов бродили стада. Эти земли пересекала Великая Кхитайская Стена, протя-

нувшаяся через горы и долы. Конан помрачнел, завидев ее. Была бы при нем хоть тысяча бесстрашных аквилонских солдат с таранами и катапультами, он бы живо преодолел это гигантское, но малолюдное сооружение: молниеносный удар достиг бы цели прежде, чем с других участков стены подоспела бы помощь.

Нынче Конан не располагал ни воинами, ни осадными орудиями, но тем не менее пересечь Великую Стену было необходимо. И вот в темную ночь, когда плотные облака укрыли луну, он перелез ее испытанным воровским способом — при посредстве веревки, снабженной крюком. На стене остался лежать страж, оглушенный ударом по шлему. Оказавшись на той стороне, Конан пустился через травянистые луга неспешной на первый взгляд рысцой, незаметно пожиравшей милю за милей. Он редко останавливался отдохнуть.

Скоро опять начались джунгли; но, в отличие от нехоженых дебрей, которые он только что с таким трудом пересек, здесь повсюду встречались свежие следы пребывания человека. Заросли бамбука были густы по-прежнему, однако теперь меж коленчатых стволов виднелись узенькие тропинки. Лианы вились с дерева на дерево; ярко окрашенные пичуги щебетали над головой. Издалека доносился рев леопарда...

Конан крадучись двигался по тропе, сам похожий на дикого хищника джунглей. Если верить словам кхитайского раба, освобожденного после битвы в море Вилайет, он как раз вступал в лес, окружавший город-государство Пайканг. Кхитаец говорил ему: джунгли простирались на восемь дней пути. Конан надеялся преодолеть их в четыре. Но первонаперво следовало разыскать хоть какую-нибудь деревушку. Насколько ему было известно, жители леса боялись и ненавидели жестокого владыку Пайканга. Словом, Конан крепко рассчитывал обрести в них друзей, которые помогут ему достичь города кратчайшим путем.

В бамбуковой чаще царила жутковатая, загадочная полутьма. Конан ощущал ее почти как физическое присутствие. Неисследованная, тысячелетиями не знавшая — если не считать редких троп и полянок — топора, эта чаща, казалось, молчаливо хранила тайны давно прошедших эпох. Нагие, немыслимо ровные бамбуковые стволы высились со всех сторон, словно бы погруженные в вековую думу. Понятные лишь посвященным, традиции этой страны считались

древними еще в те времена, когда люди Запада впервые познакомились с огнем. Обширны и овсяны временем были сокровища знаний, накопленные ее философами, ремесленниками... и колдунами.

Конан покрепче перехватил рукоять изогнутого клинка, стряхивая тягостное наваждение. Его ноги бесшумно ступали по ковру опавшей листвы. Он чувствовал себя волком, вторгшимся в охотничьи угодья чужой стаи: все его чувства были предельно обострены. Вот в гниющей листве послышался шорох. Громадная змея, грифельно-серая с пламенеющим алым зигзагом вдоль спины, взвилась в хищном прыжке. Капли яда блеснули на длинных, готовых вонзиться клыках. Но меч в руке Конана просвистел мгновением раньше. Острое лезвие отсекло ядовитую голову. Конан хмуро вытер меч и двинулся дальше, а длинное тело змеи еще долго свивалось кольцами и корчилось в предсмертной агонии...

Потом что-то заставило его остановиться и замереть в неподвижности. Уши Конана настороженно ловили малейший звук, ноздри раздувались, вбирая едва уловимые запахи. Он услышал звяканье металла. А теперь к нему добавились и человеческие голоса.

Конан беззвучно скользнул вперед. Через сотню шагов тропа неожиданно повернула, и, выглянув между коленчатыми стволами, киммериец разглядел наконец, в чем дело.

Его глазам предстала небольшая поляна и два здоровенных желтых солдата, которые привязывали к дереву шафрановокожую девушку. Конан сразу обратил внимание, как резко отличались эти рослые мускулистые воины от большинства здешнего народа — невысокого, узкого в кости. Лакированные, составленные из металлических полосок доспехи и яркие шлемы придавали им зловещий и экзотический вид. У каждого на боку висел широкий кривой меч в деревянных лакированных ножнах. Лица солдат были зверски жестоки и оттого отвратительны.

Девушка отчаянно билась в их лапах и тщетно умоляла о чем-то. В юности Конан служил наемником в войске туранского короля и там научился неплохо понимать музыкальную, певучую кхитайскую речь. Послушав немного, он убедился, что почти ничего не забыл. И еще он приметил, что заплаканная пленница, черноглазая и по-восточному раскосая, была изумительно красива.

Солдаты между тем делали свое дело, не обращая внимания на ее жалобные мольбы. Конан почувствовал, как вол-

ной вздымается в нем ярость. На его глазах готовилось человеческое жертвоприношение — жестокий обычай, который он по мере сил искоренял у себя на Западе и который по-прежнему процветал на Востоке. Нет, подобного обращения с беззащитной девушкой он не мог допустить! Кровь Конана заклокотала. Диким буйволом вылетел он на поляну, держа в руках меч.

Треск зарослей, сокрушаемых киммерийцем, мигом достиг слуха кхитайских солдат. Обернувшись на шум, они в неподдельном изумлении вытаращили глаза. Потом выхватили мечи и изготовились встретить варвара с самодовольным спокойствием уверенных в себе бойцов. Они не произнесли ни слова, но девушка крикнула из-за их спин:

— Беги, благородный воин, беги! Не пытайся спасти меня! Это лучшие во всем Кхитае фехтовальщики из личной стражи Ях Чиенга...

Однако ненавистное имя врага лишь подлило масла в огонь. Свирепо сузив глаза, Конан бросился навстречу солдатам.

Может, они вправду слыли первыми рубаками во всем Кхитае, но перед лицом разгневанного Конана они больше напоминали несомую ветром солому. Они попросту не успевали уследить за мечом варвара, ткавшим в воздухе серебристый узор. Ложный выпад — и стремительный смертельный удар разрубил лакированные латы вместе с ключицей. Желтый солдат осел наземь; жизнь покинула его тело.

Второй зашипел по-змеиному и удвоил усилия, бросившись в яростную атаку. Конан не пожелал отступить. Мечи с лязгом встретились в воздухе. И кхитайская сталь не выдержала удара упругого, гибкого клинка, выкованного из несравненной химелийской руды лучшим кузнецом племени хиргули. Меч Конана вспорол нагрудник и вошел в сердце кхитайца.

Онемевшая от ужаса девушка широко раскрытыми глазами следила за схваткой. В первый миг, когда Конан только выскочил на поляну, она посчитала его одним из родственников или друзей, отважившихся ради нее на безумный поступок. Теперь она видела, что это был «ченг-ли» — светлокожий чужестранец из окутанных тайной земель, лежавших к западу от Великой Стены, далеко за пустыней Вухуань. Что он сделает с ней? Съест живьем, как уверяли легенды? Или сделает ее рабыней, за волосы оттащит в свою страну и до смертного часа заставит надрываться на непосильной работе, приковав на цепь в вонючем подвале?

Страх бесследно растаял, когда Конан подошел к ней и с дружелюбной усмешкой перерезал путы. И когда он окинул ее оценивающим взглядом, это не был взгляд удачливого завоевателя, рассматривающего рабыню. Свободный человек любовался женщиной, столь же свободной, как и он сам. Откровенное восхищение, читавшееся в его глазах, заставило ее порозоветь.

— Во имя Махи! — сказал он.— Мог ли я знать, что в этой желтой стране живут подобные женщины! Нет, надо было мне собраться сюда много лет назад...

Его акцент был ужасен, но девушка без труда разобрала, о чем он говорил. Она ответила:

— Белые чужеземцы редко приезжают в Кхитай. Поистине, твое прибытие и эта победа совершились по воле богов. Если бы не ты, они двое,— и девушка указала рукой на трупы солдат,— отправили бы меня прямо в пасть Ужасу, который Ях Чиенг поселил в джунглях.

— У меня свои счеты с этим лысым козлом,— проворчал Конан.— Так что я с удовольствием посчитаюсь с ним еще и за тебя. О каком ужасе джунглей ты говоришь?

— Никто из видевших его не пришел назад, чтобы рассказать. Люди говорят — великий волшебник вызвал к жизни чудовище из давно забытых эпох, из тех времен, когда огнедышащие звери населяли землю, содрогавшуюся от землетрясений. С помощью этого создания Ях Чиенг держит страну в унизительном страхе. Он часто требует человеческих жертв. Солдаты хватают самых талантливых мужчин и прекраснейших женщин, и чудовище набивает ими утробу.

— Да, неуютное соседство,— согласился Конан.— Знаешь, девочка, не то чтобы я так уж заранее трясся от ужаса перед этой образиной... но все же, по-моему, лучше бы как-нибудь разминуться с ней по дороге в Пайканг. Далеко ли твоя деревня?

Девушка не успела ответить: что-то тяжело затрещало в лесу, ходуном заходили стебли бамбука, и до слуха долетел хриплый рев. Со зловещей улыбкой Конан опустил руку на рукоять меча и стал ждать, напрягшись всем телом, словно тигр перед прыжком. Девушка в ужасе юркнула за его широкую спину.

И вот, оглашая поляну утробным, квакающим рыком, из зарослей выломилась на поляну гигантская туша. От кончика носа до шипа на хвосте было не менее сорока футов. Короткие кривые лапы оканчивались острыми загнутыми когтями. В огромной пасти торчали клыки, по сравнению

с которыми клыки саблезубого тигра казались смешными и безобидными. По бокам головы бугрились могучие мускулы, приводившие в действие эту ужасную машину разрушения. Чешуйчатая шкура тошнотворно отливала свинцом, смрадное дыхание отравляло воздух запахом мертвечины.

Выбравшись на солнечный свет, чудовище заморгало и на мгновение остановилось.

— Лезь на дерево! Живо! — рявкнул Конан окаменевшей от ужаса кхитаянке.— Там ему тебя не достать!

Словно очнувшись, девушка проворно вскарабкалась наверх. Тем временем внимание киммерийца было приковано к исполинскому ящеру. Да, это был самый опасный соперник из всех, с какими ему когда-либо приходилось встречаться! Рыцари, закованные в броню, воины, размахивающие мечами, кровожадные хищники и отравители, крадущиеся в ночи,— чего они стоили по сравнению с живой боевой машиной, со всех ног мчавшейся прямо к нему!

Но не так-то просто было сожрать лучшего охотника киммерийских холмов, джунглей Куша и туранских степей. Конан не сдвинулся с места: если бы он побежал или взобрался на дерево, дракон скорее всего устремился бы за девушкой. Варвар отскочил в сторону лишь в самый последний момент, когда громадные зубы, казалось, готовы были впиться в его тело. Дракон по инерции проскочил вперед и с треском врезался в заросли, а Конан тем временем ринулся к бамбуку.

Чудище выпуталось из кустов быстрее, чем он ожидал, и, с ревом развернувшись, вновь бросилось на него. Конан понял, что на сей раз не сумеет ни увернуться, ни добраться до спасительного дерева. Стебли же бамбука были гладкими и скользкими — не влезешь,— зато чудище легко переломило бы их одним движением головы. Нет, тут нужно что-то другое...

Выхватив свой жайбарский нож, Конан срубил под корень гибкий коленчатый стебель. Еще взмах, теперь наискосок,— и макушка, увенчанная султаном листвы, отлетела прочь, а у Конана в руках оказалось десятифутовое импровизированное копье с острым скошенным концом, блестевшим, точно стекло. Держа его наперевес, Конан повернулся навстречу дракону.

У него оставалось мгновение, чтобы вогнать острие между ощеренными челюстями, прямо в темную глотку. Пустив в ход всю свою силу, Конан всаживал бамбуковое копье все глубже и глубже в податливые внутренности дракона. Потом

челюсти захлопнулись, перекусив древко в какой-нибудь пяди от руки киммерийца. Неистовый рывок головой — и Конан кувырком полетел в густые кусты на двадцать футов прочь.

Крича от боли, ящер бился в агонии. Конан кое-как поднялся, слегка удивившись, что руки и ноги все еще были при нем. Каждый мускул отзывался болью, но все-таки он вытащил меч и двинулся вперед. Пыль, поднятая судорогой дракона, слепила глаза. Не без труда увернувшись от хлещущего хвоста и лязгающих челюстей, Конан с размаху всадил меч чудовищу в глаз. Клинок вошел легко, точно в масло. Последние корчи дракона выбили рукоять из руки, Конана вновь швырнуло на землю. Но вот чешуйчатая туша затрепетала, вытянулась и замерла.

Хромая и с усилием выкашливая из легких пыль, Конан направился к дереву, где высоко среди ветвей съежилась девушка.

— Стареем, стареем,— пробормотал он, переводя дух.— А ведь были деньки, когда я разделался бы с ним одной левой. Подумаешь, насадить ящерицу на прут!

Конан скромничал, с наивностью варвара преуменьшая свой подвиг. В глубине души он знал: совершенного им не смог бы повторить ни один человек на свете. И этой победой он был обязан только себе самому, а вовсе не предначертанию судеб или удачному стечению обстоятельств.

— Слезай, девочка! — прокричал он хрипло.— Дракон сдох, обожравшись бамбука. Веди меня в свою деревню: я помог тебе, а теперь вы мне поможете!

9

ТАНЕЦ ЛЬВОВ

Бамбуковая хижина была погружена в полутьму.

Ароматный дымок желтого лотоса кольцами поднимался вверх, прозрачные щупальца тянулись к дымовому отверстию в потолке, вырастая из нефритового чубука изукрашенного золотого кальяна, стоявшего на полу перед старым китайцем, что сидел, скрестив ноги, на красной циновке.

Старику было под восемьдесят; лицо его напоминало пожелтевший пергамент, испещренный бесчисленными письменами морщин. Тем не менее в его облике сквозила почти

юношеская энергия, сочетавшаяся с властным спокойствием и ясностью мысли. Он придерживал чубук левой рукой, размеренно и с наслаждением попыхивая душистым, слегка пьянящим дымком. Зоркие черные глаза внимательно изучали черноволосого, белокожего исполина, который сидел на низком стуле против него и с жадностью поглощал тушеный рис «ши-ла», что подала ему спасенная девушка.

Теперь на ней была курточка, целомудренно застегнутая чуть не до подбородка, и вышитые штаны. Наряд выгодно оттенял ее золотистую кожу и огромные, глубокие, раскосые глаза, а блестящие волосы были уложены в замысловатую прическу. Словом, ничего общего с полуголой, растрепанной, насмерть перепуганной девчонкой, которую Конану довелось спасать и от людей, и от чудовища. Но киммериец хорошо помнил жаркое объятие ее рук в час отдыха на лесной поляне, когда она по-женски отблагодарила его со всем пылом дочери Востока,— ну, а в нем-то ответная страсть всегда вспыхивала легко...

Они путешествовали один день и одну ночь, останавливаясь лишь тогда, когда девушка выбивалась из сил. Когда же она окончательно выдохлась, Конан усадил ее на свои широкие плечи, и его не знающие усталости ноги понесли вперед их обоих. И вот наконец тропа вывела их на просеку. Там, у ручья, стояла дюжина крытых щепой лачуг; ручей сверкал серебром от обилия играющей рыбы. Из лачуг навстречу пришельцу выбежали суровые желтокожие мужчины, вооруженные луками и мечами. Они, впрочем, быстро разобрались, что к чему, и воинственный клич сменился криками радости: спасителя односельчанки приветствовали, как желанного гостя.

Скоро Конан узнал, что в деревне жили люди благородных кровей, бежавшие в джунгли от тирана Ях Чиенга Ужасного. Жизнь их была исполнена постоянного страха: в любой момент могли нагрянуть прислужники чародея — когорты вооруженных меченосцев — и всех уничтожить...

Когда, насытившись и допив последний глоток желтоватого рисового вина, Конан утер рот, старый хозяин заговорил:

— Могуществен некогда был клан Канг, который я, Канг Хзу, по сей день возглавляю... В те годы Пайканг с его пурпурными башнями был прекраснейшим среди всех городов-государств северного Кхитая. Сверкающие латами полки охраняли мирный люд от воинственных поползновений Шу-

чена с севера и Руочена, что на юге. Плодородная земля приносила обильные урожаи... Мой дворец в Пайканге блистал всем великолепием искусства и культуры нашей древней цивилизации... Но потом пришел Проклинаемый. Его войска налетели с юго-востока в темную ночь, подобно разрушительному урагану. Наши армии были сметены с лица земли его нечистым искусством: их поглощали землетрясения, сжигал волшебный огонь, поражал неведомый мор. Проклинаемый отдал беззащитный прекрасный город на разграбление своим извергам. Кровь затопила Пайканг, ревущий огонь уничтожил дома и дворцы. Жестокостям, которые тогда совершались, нет имени на человеческом языке... Мне с семьей и кое-кому из слуг удалось скрыться на быстроногих верблюдах. Тяжел и опасен был наш путь, пока наконец мы не обосновались здесь, в джунглях. Сомневаюсь, чтобы Ях Чиенг догадывался о нас, иначе бы он нас давно уничтожил. Меченосцы схватили мою дочь Канг Люцзе, когда она гостила в соседней деревне за несколько миль отсюда, а к нам, в это укрытие, никакие ищейки еще не добрались. Иногда мне кажется, что все надежды напрасны... Нас горстка — можем ли мы противостоять колдовской мощи и тысячам хорошо вооруженных солдат? И все-таки я знаю, что наш народ, стонущий под бременем жестоких налогов и иных вымогательств, не позабыл прежних времен — безоблачных времен процветания и свободы. Дай ему малейшую надежду, и он поднимет восстание. Но покамест полководцы Проклинаемого держат народ в железном ярме. Его меченосцы проходят по улицам Пайканга развязной походкой завоевателей, с кнутами в руках... Это тянется уже двадцать лет; впору было бы совсем утратить надежду, если бы не пророчество, которое только и вело нас сквозь бесконечные годы кошмара...

Молча слушавший Конан осторожно полюбопытствовал:

— Я чужестранец и не знаю почти ничего... Что это за пророчество?

— Моя жена, мать Люцзе, повелевала удивительными силами,— ответил старик.— Она понимала язык птиц; я сам видел, как дикие звери джунглей ластились к ней, тычась носами в ее ладони... Когда разразилось несчастье, один из мародеров Ях Чиенга ворвался в покой моей супруги и поразил ее насмерть во время молитвы богам. Я прибежал слишком поздно... Я зарубил злодея, но ее спасти уже не успел.

Я стоял с окровавленным мечом в руке, сам не свой от горя и ужаса. И тогда она нашла в себе силы поманить меня рукою и прошептать:

«Мой час настал... Беги же, любимый, спасай себя и детей. Спрячьтесь, ждите и не отчаивайтесь. С Запада придет доселе невиданный воин, наделенный благородным сердцем и щедрой душой. В своем гневе он сокрушит и раздавит врага, точно ядовитую змею под каблуком. Это будет белокожий человек необыкновенной силы, король своей страны... Подобно огненной молнии поразит он Проклинаемого. За ним стоят боги! Пайканг снова будет...» — но тут алая кровь хлынула из ее уст, и она умерла. Несмотря на охватившее меня горе, я выполнил ее последнюю волю. Я собрал и вывел из дому наших детей. Самых маленьких вынесли потайным ходом верные слуги... С тех пор и до сего дня мы ждали появления белокожего полководца. Мы мечтали о том, как он придет во главе блистающих армий и его стяг взовьется над башнями Пайканга. Но из великих пустынь налетают лишь кочевые орды грабителей... А годы идут, и с каждым днем слабеет надежда. И вот я состарился; дни мои сочтены. Я отчаялся... Какая судьба ждет мой народ?

Широко улыбнувшись, Конан топнул ногой и прогремел:

— А кто тебе сказал, дед, что я не король? Я король прекрасной Аквилонии, самой могущественной державы Запада! Когда-то я завоевал ее и своими руками, прямо на троне, задушил тирана, правившего ею тогда. Кожа у меня светлая, а что касается силы, мне случалось драться один на один с профессиональными душителями — и побеждать! Ну как, не подхожу под твое пророчество?

Старец вскинул глаза, страстно желая и не решаясь поверить:

— Ты не шутишь, Конан? Ты в самом деле король? Но если так, значит, верно и то, о чем я еще не успел тебе рассказать... Моя бедная супруга обещала, что пророчество сбудется не позже чем через двадцать лет после нашего разгрома... О, слава богам! Мы сегодня же соберем священный благодарственный пир, а завтра — располагай нами, как пожелаешь. Ты согласен вести нас?

Конан от души рассмеялся:

— Не так скоро, дружище! Даже я, наделавший в своей жизни вполне достаточно глупостей,— даже я не столь безрассуден, чтобы кидаться прямо в пасть чародею во главе двух десятков людей. Боги, видишь ли, охотнее помогают

тем, кто сам шевелит мозгами. Мы должны тщательно предусмотреть каждый шаг.

Но Канг Люцзе уже разнесла новости, и скоро все звуки потонули в восторженных криках толпы, собравшейся около хижины. Пришлось Конану с самым серьезным видом принимать скромные знаки поклонения шафрановокожих людей, чью единственную надежду на спасение он воплощал.

И вот в деревушке, населенной кхитайскими беглецами, собрался высокий совет. Густо вился над кальянами благоухающий лотосом дым. Конан разлегся на циновках, держа в руке кубок вина. Зоркие голубые глаза внимательно изучали лица новых союзников. Атмосфера в бамбуковой хижине была наэлектризована до предела...

— Не так-то легко проникнуть в замок Проклинаемого,— рассказывал рослый узкоглазый мужчина, чье лицо было изуродовано шрамом через весь лоб.— Меченосцы стоят на страже ночью и днем, не говоря уже о потусторонних силах, которыми он повелевает... С другой стороны, народ безоружен. Открытое нападение на хорошо вооруженную цитадель с нашими ничтожными силами — безумие!

— Ты совершенно прав, Ленг Чи,— ответил старый Канг Хзу.— Лишь хитрость может проложить нам путь к успеху. Вот послушайте: я знаю, как попасть в цитадель. Через неделю Проклинаемый дает пир: так отмечает он каждую годовщину взятия Пайканга. И каждый год венцом праздника становится Танец Львов, исполняемый по всем правилам древности,— тем самым Ях Чиенг как бы идет навстречу народной любви к зрелищам и приверженности старым традициям. В этот день, единственный раз в году, раскрываются главные ворота, и люди могут войти во внутренний двор... Да, но как мы проведем с собой короля Конана? Он светлокожий и круглоглазый, да и ростом слишком заметен. Хотя погодите, мы можем спрятать его в каком-нибудь ящике...

Конан счел за благо вмешаться:

— Ну нет, друзья! Лежать без движения в ящике, точно покойник в гробу, вот еще не хватало! Но этот ваш Танец Львов наводит меня на мысль... Я слышал о нем от путешественников. Насколько я понял, двое влезают в один костюм, снабженный головой льва. Вот тут, под самый конец праздника, я и проскользнул бы в замок, а там-то уж... Только вот где взять львиный костюм? У вас его нет, а делать небось долго...

— Судьба поистине нынче к нам благосклонна,— серьезно ответствовал старец.— В Шаулуне, за день пути отсюда, живет команда танцоров, которая что ни год ходит на праздник. Есть у них и костюм. Мы уж постараемся, чтобы они не прогадали, одолжив его нам. А в остальном ты прав: у тебя будет достаточно возможностей проскользнуть в замок, ибо под конец праздника Проклинаемый нередко выставляет для черни вино. Тогда поднимается такая неразбериха и крик, что в прошлые годы меченосцы Ях Чиенга, бывало, выставляли толпу за ворота под угрозой оружия. Быть может, на сей раз нам удастся к своей выгоде использовать пьяный разгул... Представляю, как разинут рты меченосцы, увидев перед собой трезвых людей да с запрещенным оружием в руках! Веселый праздник ждет Ях Чиенга в этом году!

— Не говори «гоп»,— предостерег Ленг Чи.— Сколько воинов мы можем собрать? Между тем по первому зову Ях Чиенга сбегутся знаменитые Двести, а следом подоспеют войска. Знали бы воины, что мы затеваем, может, кое-кто и перекинулся бы к нам, но...

— Да и оружия у нас маловато,— сказал другой старейшина.— Не забывайте, друзья, что душегубы Проклинаемого сплошь в кольчугах и панцирях, точно раки из озера Хо!

Изгнанники еще раз подсчитали свои ничтожные силы и заметно приуныли. И тогда заговорил Конан:

— Старейшина Канг! Помнится, ты как-то обмолвился об отряде наемников с Запада, захваченном Ях Чиенгом в прошлом году. Что тебе известно о них?

— В месяце Кабана откуда-то с Запада явился отряд в пятьдесят человек,— ответствовал старец.— По их словам, они состояли на службе у короля... как бишь звалась эта держава? Туран? Да, Туран. Им, однако, вскоре надоело терпеть унижения от тамошних полководцев, и они направились далее на восток, думая попытать счастье в Кхитае.

— Они прошли в нескольких милях от здешних мест, через деревню Шаулунь,— подхватил Ленг Чи.— Их полюбили в деревне: они никого не насиловали и не грабили, но зато уничтожили шайку разбойников, не дававших людям житья. Жители Шаулуня пытались предостеречь их против Ях Чиенга. Но они не послушались и пошли оттуда прямо в Пайканг. И там, как мы слышали, предложили Проклинаемому свои мечи. Чародей сделал вид, что очень обрадовался, на самом же деле у него были совсем другие планы. Он

устроил им пир, но в самый разгар торжества в зал ворвались его воины. Капитану наемников там же срубили голову, а остальных бросили в подземелье.

— Ну и зачем ему это понадобилось? — спросил Конан.

— Мы думаем, он решил использовать их как жертвы в каких-то великих обрядах своей дьявольской магии.

— Что же с ними сталось?

— Насколько мы знаем, они все еще ждут своей участи. Впрочем, с тех пор прошло вот уже три месяца...

— Откуда вам об этом известно?

— В Шаулунь бежала из Пайканга женщина — бывшая любовница одного из Двухсот. Она-то и рассказала нам обо всем.

— Старейшина Канг,— сказал Конан.— Ты говорил также, что Ях Чиенг поселился в твоем бывшем дворце. Припомни поподробнее, что там и как. Я вовсе не хочу блуждать вслепую!

Канг Хзу принялся чертить на земляном полу хижины.

— Учти только, Проклинаемый мог многое перестроить и изменить с тех пор, как я там жил. Я могу рассказать только о том, как все выглядело при мне. Смотри же: вот главные ворота, а здесь расположен большой зал...

Несколькими часами позже план нападения был разработан вплоть до мельчайших деталей. Поднявшись, Канг Хзу высоко поднял свой кубок, так что янтарное вино замерцало в дымном свете масляных ламп:

— За будущее! За величие и честь Пайканга! За то, чтобы голова Змеи вскоре хрустнула под пятой Мстителя!

Приветственные крики сопроводили этот тост. Конан осушил чашу, хмелея не столько от вина, сколько от одной-единственной мысли: наконец-то он был совсем близко от цели!

Лучи рассвета едва пробивались сквозь тучи пыли, повисшие над дорогой, что вела в Пайканг с запада. Сотни кхитайцев в синих и коричневых одеяниях спешили по направлению к городу.

Высокие стены Пайканга отсвечивали на солнце мраморной белизной. Вода, наполнявшая ров, отражала белые зубцы стен, бурые холмы вокруг да синее небо. Стаи диких уток плавали во рву. А за стенами поднимались высокие пагоды Пайканга: многослойные крыши сверкали зелеными, голубыми, пурпурными изразцами, загнутые кверху концы покрывала затейливая позолота. Золотые львы и драконы

щерились по углам бастионов, венчавших огромные городские ворота.

Запыленный сельский люд рекой вливался в ворота — кто на осликах, кто просто пешком. В кои веки раз солдаты Ях Чиенга смирно стояли по сторонам, опершись на трезубцы и алебарды: в обычные дни никого не пропустили бы мимо без издевательского допроса, без обыска и вымогательств...

Там и сям тусклый людской поток расцвечивали яркие костюмы танцоров. Особенно выделялись танцоры из Шаулуня. Позолоченная львиная маска так и горела на солнце, обращая выпученные глаза и извивающийся язык то туда, то сюда. Судя по тому, как возвышалась она над головами кхитайцев, ее нес человек исполинского роста.

Внутри города живая река без задержки текла по широкой улице прямо ко дворцу. Выглядывая сквозь щелочки, нарочно проделанные в маске, Конан внимательно вбирал звуки и пряные запахи кхитайского города. Каждый торговец оповещал о себе и зазывал покупателей особым рожком, колокольчиком, свистком или погремушкой, но для непривычного уха все это сливалось в бессмысленный шум.

Вместе с толпой приблизился Конан ко внутренней стене и распахнутым настежь широким воротам. За воротами толпа разделялась, обходя преграду: изваянные в нефрите, сплетались каменные драконы — футов десять в вышину и тридцать в длину. И вот наконец они вступили в широкий двор прежнего родового гнезда клана Канг, а ныне — замка Ях Чиенга.

Вокруг столов, где прислужники чародея, орудуя черпаками, раздавали тушеный рис и вино, царила крикливая толкотня. Многие из гостей успели уже приложиться к хмельному: достаточно было послушать, как ревела толпа. Жонглеры метали в воздух мячики и топоры. Музыканты тянули жалобные песни, подыгрывая на одностру нных лютнях, хоть слышать их могли только стоявшие совсем рядом.

— Сюда,— шепнул на ухо Конану Ленг Чи.— Скоро начнется танец. Смотри только, не очень усердствуй и не вздумай завоевать приз! Вовсе ни к чему, чтобы судьи потребовали снять маску и начали тебя поздравлять!

Длинный коридор был темен и тих, точно могила. Конан крался вперед, как хищный кот джунглей,— не издавая ни малейшего звука и держа меч наготове. Он был одет в

кхитайскую куртку и шелковые штаны, приобретенные у торговца в пограничной деревне.

Покамест все шло так, как он и рассчитывал. Во дворе шло такое разгульное веселье, что в неверном факельном свете никто и не заметил, как в некоторый момент под одним из львиных костюмов остался всего один человек. Прячась в густых тенях и укромных закоулках, Конан быстро проник внутрь дворца и теперь пробирался в самое сердце вражеской цитадели.

Все чувства Конана были обострены до предела. Не в первый раз проникал он в жилище враждебно настроенного чародея. Воспоминания о жутких сушествах, встречавшихся ему в обителях колдунов, всплывали в его памяти. Если он в своей жизни чего-нибудь и боялся, так разве что сверхъестественных сил. Но воля и железное самообладание всякий раз оказывались сильнее первобытного страха. Вот и теперь он сумел превозмочь ужас и, не останавливаясь, продвигался вперед.

Потом коридор разделился. Перед Конаном были две лестницы: одна — вверх, другая, смутно видимая в потемках, вела вниз. Конан начал спускаться по ней. Цепкая память надежно хранила план замка, выученный наизусть.

...Йо Лагу, один из Двухсот Ях Чиенга, в крайне скверном настроении развалился на скамье в подземелье под цитаделью Пайканга. Снаружи вовсю шел пир, на котором женская любовь и вино были равно доступны; ему же выпало в одиночестве сидеть здесь, внизу, карауля западных пленников, не стоивших, по его мнению, даже плевка. Чародей был способен держать человека в подвале годами, готовя его для каких-то магических штук. Зачем, интересно бы знать, ведь простой налет на любую деревню мог доставить ему сколько угодно кхитайцев...

Ворча про себя, Йо Лагу приподнялся со своего скрипучего ложа — добыть еще вина из тайничка, ведомого ему одному. Латы на нем шуршали и звякали.

Он успел протянуть руку к стенной нише, где прятались от постороннего взгляда бутылки... но это оказалось его последним сознательным движением. Чьи-то стальные пальцы сдавили и смяли его горло. Черная мгла затопила сознание, и Йо Лагу осел на пол безжизненной грудой.

Конан с мрачной ухмылкой окинул взглядом дело своих рук. Наконец-то он добрался до врагов! Кровь тяжело ходила по жилам, рот сам собой щерился в зверином оскале...

Он расправился со стражником настолько тихо и быстро, что никто из узников, спавших в зарешеченных камерах, даже не пошевелился. Нагнувшись, Конан сдернул с пояса мертвого тюремщика большую связку ключей и стал примерять их один за другим к замку ближайшей камеры.

Негромкое щелканье замка разбудило лежавшего внутри человека. Тот встряхнул головой и открыл глаза, оборачиваясь к двери, и ругательство замерло на его устах при виде странной фигуры, поворачивавшей ключ. Он изумленно вскочил, когда решетчатая дверь отворилась, и кинулся было вперед, но сразу остановился, ибо пламя стенного факела блеснуло на мече в правой руке незнакомца. Гигант жестом призвал его к молчанию. Потом поманил за собой.

Выйдя на свет, узник пригляделся как следует, и глаза его округлились. Конан нахмурился, роясь в памяти, и наконец сказал:

— Лико из Хоршемиша! Ты, что ли?

— Да, это я! — И сильные руки соединились в крепком пожатии.— Клянусь белоснежными грудями Иштар,— продолжал узник,— вот уж кого я всего менее ожидал здесь увидеть, так это тебя, Конан! Ты привел сюда аквилонское войско, чтобы разделаться с чародеем? Или, быть может, орел принес тебя на спине?

— Ни то ни другое, дружище Лико,— проворчал киммериец.— Я и вправду пришел совершить правый суд над желтомордой собакой, но рассчитывал набрать войско прямо здесь. И, во имя Крома, я не ошибся! Когда мы с тобой были наемниками, помнится, в бою тебя нелегко было превзойти!

— Большинство сидящих здесь пленников — славные парни и рубаки что надо,— ответствовал Лико.— И надо ли говорить, что каждый спит и видит, как бы всадить меч в этих вероломных шакалов!

— Ну так и всадите. Вот ключи от подвалов: возьми их и выпусти своих людей. Оружейная — вон там, дальше по коридору. Вооружайтесь, и за дело! Отомстите за свои страдания и помогите спасти королеву Аквилонии.— И зловеще улыбнулся, заметив изумление на лице старого друга.— Понял теперь, какая нелегкая меня сюда занесла? Во дворе — толпа кхитайцев, среди них — наши союзники... Ну давай!

И киммериец исчез, точно призрак, растворившись во тьме. Лико принялся отпирать камеры и будить спящих то-

варищей. Одни сразу побежали в оружейную, другие занялись оставшимися замками.

— Клянусь Митрой, варвар безумен,— бормотал Лико.— В одиночку пройти целый мир, чтобы вызволить женщину!

Но в глазах его светилось искреннее восхищение.

10

ЛОГОВО ЧАРОДЕЯ

Сыроватый каменный коридор привел Конана в громадный сводчатый зал. Квадратные плиты пола покрывала многолетняя пыль; неподвижная тишина казалась зловещей. Высокий потолок уходил в непроглядную мглу. Конан направился через зал к отверстию следующего коридора, черневшему в противоположной стене. Он ступал так осторожно, как будто каменные плиты могли вот-вот провалиться у него под ногами.

И внезапно как будто удар грома эхом раскатился меж каменных стен. Страшный, нечеловеческий крик заставил Конана похолодеть. Свистнули в полете могучие крылья, и сверху, из темноты, точно ястреб на добычу, на него кинулась ужасная тварь.

Варвар едва успел отскочить в сторону и тем избежать острых как бритва когтей на лапах чудовища. Одновременно его меч описал в воздухе сияющую дугу, и в оглушительное хлопанье крыльев вплелся жалобный вой. Темная зловонная кровь струей хлынула на пол: одна лапа монстра была отсечена по локоть. Развернувшись в воздухе, злобное создание снова бросилось на киммерийца.

На этот раз Конан не двинулся с места. Перед ним была та самая тварь, что много месяцев назад унесла прочь Зенобию. Он знал: даже покалеченное, чудовище было способно с легкостью разорвать его в клочья. Конана мог спасти лишь один-единственный безошибочный удар в какой-нибудь жизненный центр...

Развернув крылья, тварь набрала высоту и стрелой кинулась вниз. Конан пригнулся в самый последний миг — когти уцелевшей лапы раскроили рубаху на его спине — и вложил всю свою силу в бешеный вспарывающий удар.

Крик демона оборвался мучительным всхлипом. Крылатое чернос тело рухнуло на каменный пол. Конан как следу-

ет уперся ногами и не без усилия высвободил глубоко засевший клинок.

Волосы киммерийца слиплись от пота, по спине текла кровь из глубоких борозд, оставленных когтями чудовища, но в голубых глазах неугасимо горел огонь мести. Он быстро пересек зал и углубился в следующий коридор, а уничтоженный демон недвижно лежал в бурой луже, вперив слепые желтые глаза в породивший его мрак...

Коридор, в который вступил Конан, оказался короток и прям. Впереди виднелась каменная дверь; ее сплошь покрывали таинственные знаки, что были в ходу у магов Кхитая. «Должно быть,— подумалось Конану,— это и есть Тунель Смерти, ведущий в личные покои чародея...» Там, за каменной дверью, прятался его враг. Глаза Конана хищно блестели в потемках, рука, готовая к отмщению, стискивала рукоять меча.

И вдруг тьма сменилась ослепительным светом! Прямо из пола с адским ревом взвилось алое пламя. Жадные языки облизали потолок и потекли навстречу Конану, грозя сжечь его живьем. Раскаленная смерть дышала ему в лицо, одежда на груди и руках начала тлеть. Пот потек по лицу. Он смахнул его тыльной стороной ладони... и кожу царапнул металл.

Кольцо Рахамона! Он успел совершенно позабыть про него. Сможет ли оно поспорить с могуществом желтого колдуна?

Он взмахнул рукой с надетым кольцом, пронеся ее сквозь само пламя. Удар, подобный грому тысячи цимбалов, потряс каменные стены. Языки пламени со звоном осыпались на пол, точно осколки разбитого стекла. А те, что не разбились, застыли, неожиданно отвердев и остыв,— бессильные изваяния зла.

Конан могучим прыжком перелетел через окаменевший огонь и побежал к каменной двери, чувствуя себя непобедимым. Ничто не сможет остановить его! Подняв руку с волшебным кольцом, он занес ее для удара.

Зенобия дрожала от холода, распростертая на каменном алтаре. Нежные руки тщетно силились вывернуться из тяжелых оков, прочная цепь, державшая ноги, тянулась к кольцу, вделанному в пол. Ее мучитель суетился поблизости, у длинного темного стола, заставленного магическими

приспособлениями, ларчиками и фиалами, заваленного свитками тронутых гнилью пергаментов. Из-под надвинутого капюшона мага торчала жидкая борода.

Потолок обширной комнаты был так высок, что Зенобия никак не могла его рассмотреть. Надеяться было более не на что, и Зенобию душили слезы отчаяния, но она не давала им воли. Свой смертный час она встречала с тем же достоинством, с которым держалась все долгие месяцы плена.

Она думала о Конане, своей единственной любви, своем муже, и сердце готово было разорваться от горя и тревоги. «Конан в одиночку отправился тебя выручать»,— время от времени напоминал ей колдун. Что за демоны сообщили о том Ях Чиенгу, Зенобия не знала. Быть может, ее любимый давно уже лежит мертвым в туранских степях, а может, его схватили и зарезали дикие химелийские горцы? В восточной половине мира было много могущественных людей, отнюдь не желавших ему добра...

Нынче в полдень за нею явились приспешники желтого чародея, приволокли сюда, в этот покой, и приковали к ужасному алтарю. С тех пор она и лежала здесь, беспомощная, наедине с магом-кхитайцем. Покамест, впрочем, ему как будто было не до нее: бормоча, одно за другим вычитывал он заклинания из пропахших затхлой сыростью фолиантов. Зенобии оставалось лишь крепиться из последних сил, помимо воли вновь и вновь обращаясь мыслями к ожидавшей ее страшной судьбе...

И вот наконец безжалостный истязатель направился к ней, и в руке его поблескивал длинный, странно изогнутый нож. Темные таинственные письмена были начертаны на клинке. Жестоким, злобным предвкушением мерцали маленькие глаза колдуна...

Прощаясь с жизнью, Зенобия мысленно вручала свою душу Митре — Богу небесной справедливости и солнечного тепла.

И тогда...

Тяжелая каменная дверь, взломанная страшным ударом, рухнула внутрь комнаты. Обломки разнесенного вдребезги порфира покатились с таким грохотом, словно рассыпалась целая тысяча замков. Тучей взвилась пыль.

В проломе стоял черноволосый исполин, голубые глаза его полыхали царственным гневом. Огни факелов плясали на лезвии меча в его руке.

Вот тут-то у Зенобии и хлынули слезы из глаз, а сердце едва не выпрыгнуло из груди. Он все-таки пришел! Пришел наконец! Ее любимый, ее заступник и повелитель! Конан!..

Конан быстро оглядел комнату и сразу увидел, что здесь затевалось. Ему хватило одного взгляда на Зенобию, распятую для жертвоприношения на алтаре, чтобы понять: еще чуть-чуть, и было бы поздно.

Молча, с ужасающей яростью, кинулся киммериец на желтого некроманта.

И вдруг Зенобия поднялась с алтаря, освобожденная от оков. Нет, не Зенобия,— громадный тигр прыгнул на Конана, выпустив когти и ощерив клыки. Рев зверя эхом отдался меж каменных стен. Меч Конана взвился навстречу, готовый снести ему голову... но вместо тигра перед киммерийцем стоял гниющий скелет в темно-зеленом одеянии с капюшоном. Костлявые пальцы сомкнулись на запястье Конана, и рука онемела.

Конан с рычанием вырвал меч из окутавших его складок темно-зеленой хламиды и разнес ухмыляющийся череп на тысячу мелких кусочков. И тут что-то обожгло средний палец руки — казалось, его охватило пламя. Волшебное кольцо разгоралось сверхъестественным голубым светом, пронизывая мозг стрелами нестерпимой боли. Конан содрал с руки раскаленное, шипящее от жара кольцо и выронил, не удержав. По комнате раскатился гулкий хохот Ях Чиенга.

Вот кхитайский волшебник простер руки над головой. Иссохшие губы что-то пробормотали, и пламя факелов потускнело. Конан ошеломленно мотал головой: нелегко было оправиться от потрясения, которое он только что получил. Почти равнодушно следил он за синим туманом, заклубившимся у его ног. Туман поднимался медленно и зловеще, волнами окутывая Конана. К тому времени, когда в голове у киммерийца окончательно прояснилось, туман был повсюду. Конан попробовал двинуться с места, но это было все равно что идти по шею в густом меду. Он едва мог оторвать ногу от пола. Каждый вдох давался страшным усилием, по лицу градом катился пот...

Туман неумолимо сгущался, и вот в синей дымке вокруг Конана замелькали видения. Он видел старых друзей и женщин, которых любил, рыцарей на конях и раззолоченных королей. Потом их сменили былые ненавистники и враги,

а тех, в свою очередь,— жуткие призраки, ни дать ни взять поднявшиеся из преисподней. Конана окружили чудовища — едва ли не все чудовища, которых страшился род людской еще с тех пор, как его далекие предки впервые выбрались на сушу из моря. Все ближе и ближе подступали они. Их лапы тянулись к его горлу, в глазах читалась жажда вырвать душу из тела и обречь ее вечному проклятию адских бездн.

Все существо Конана содрогнулось от ужаса и отвращения. Его мускулы напряглись в нечеловеческом усилии... тщетно. Силы, раздиравшие его разум, казались непреодолимыми. Конан понял, что потерпел-таки поражение. Все его усилия пошли прахом. Тьма и зло поглотят весь мир, а его околдованная душа будет вечно корчиться в преисподней...

Последняя искра сознания готова была угаснуть в его мозгу.

И в этот отчаянный миг сквозь синий туман, сквозь гнусно ухмылявшиеся бесовские хари он увидел перед собой громадный сумрачный чертог. Из исполинских бревен были сложены его стены. Кровлю поддерживали стропила толщиной в четыре обхвата. Конан увидел трон, вокруг которого стояли герои в серых кольчугах. А на троне восседал черноволосый король. Был он высок и угрюм; темные, не ведающие жалости глаза горели на суровом лице.

«Киммериец! — явственно послышалось Конану.— Ты — сын Крома, ибо в сердце своем ты был мне верен всегда. И Кром не допустит, чтобы твоя душа погибла навеки. Да не получат ее черные силы Востока!»

Гневом вспыхнули темные глаза бога. Вот он простер могучую руку, и из руки излился ослепительный свет. Конан почувствовал, как прежняя мощь наполнила его тело. Синий туман поредел, отступая, точно в испуге. Демоны отхлынули прочь, вопя и стеная от ужаса. Король Аквилонии шагнул вперед, не удерживаемый более ничем.

Страх заметался в глазах Ях Чиенга. Схватив жертвенный нож, он взмахнул им над головой. Зенобия видела, как взвился блестящий клинок...

Но быстрее ножа мелькнуло тяжелое тело, и чародея опрокинуло на пол — только взмели пыль широкие складки одежд. Это Конан тигриным прыжком перелетел через алтарь, и его руки пригвоздили Ях Чиенга к каменному полу.

— Наконец-то мы встретились, желтомордый пес,— повеяло могильным холодом в лицо чародею.— Хватит, на-

колдовался! Боги вынесли тебе приговор. Нет больше твоей черной силы! — Руки Конана медленно сжимались в смертельной хватке.— Слышишь крики и звон оружия? Видишь огни? Это пленники, спасенные из подземелий, это народ Пайканга добивает твоих меченосцев! Отправляйся же на самое дно преисподней, пес, и пусть твоя душа гниет там во веки веков!

Всего один раз вздулись его могучие мышцы, и месть свершилась. Что-то хрустнуло, и киммериец, тяжело переводя дух, отшвырнул прочь обмякшее тело.

Обгорелая рубаха на нем была изорвана в клочья, спина еще кровоточила, изодранная когтями, брови опалило огнем. Но все-таки он поднялся и подошел к алтарю. Еще одно предельное напряжение сил — и цепи, державшие Зенобию, разорванными полетели на пол.

Когда же в комнату с радостными криками ворвался победивший народ, Конан целовал свою милую королеву со всей нежностью и жаром впервые влюбленного.

В ту ночь Конан совершил жертвоприношение Крому, Богу черноволосых киммерийцев, во второй раз за двадцать пять лет.

Эпилог

Посреди бесконечной, иссушенной солнцем степи сидели на конях двое. Один — исполин в кольчуге и стальном шлеме, с длинным прямым мечом у бедра, другая — тоненькая, стройная женщина в одежде восточной наездницы. Женщина держала в руке круторогий кхитайский лук. Перед всадниками лежали на земле два неподвижных тела. Кровь впитывалась в землю, пыль успела осесть на остроконечные блестящие шлемы и яркие тюрбаны. Два коня, потерявшие всадников, бешеным галопом уносились на восток.

— Все-таки не повезло нам, Зенобия,— проворчал великан в кольчуге.— Это был передовой разъезд туранского отряда. И ни раньше, ни позже — как раз тогда, когда наши кони измотаны, а до ближайшего укрытия еще скакать и скакать! И самое скверное, что один из них все же удрал...

— Значит, ни к чему задерживаться здесь,— звонко ответила женщина.— Будем двигаться на запад, пока сможем. Как знать, вдруг нам еще удастся спастись!

Конан пожал широкими плечами и развернул коня. Короткая передышка пошла на пользу животным: они галопом понесли своих седоков к западу, туда, где на горизонте едва проступали очертания далеких гор.

— Плохо ты знаешь гирканцев,— буркнул Конан.— Они — точно стая гончих: нипочем не отвяжутся, пока не перебьешь всех.

— Но если их главные силы еще далеко, мы можем успеть добраться до леса.

— Вот уж сомневаюсь... Передовые разъезды туранцев никогда не отбиваются далеко от самого войска. Я-то знаю, я сам там служил. Обычно они двигаются по степи плотной колонной, когда же учуют добычу — рассыпаются шеренгой и атакуют на хорошо отдохнувших конях. Выдвигают фланги вперед и берут жертву в клещи. Эх, незадача! Столько проехали — и угодить в западню чуть не на пороге своего дома!..

Кони снова начали спотыкаться. Конан дернул поводья, заставив свою лошадь поднять голову. Потом повернул ее и поглядел на восток из-под ладони.

По всему горизонту разрасталось облако пыли... Там и сям поблескивал металл. Земля тяжело содрогалась под тысячами копыт...

Конан стиснул зубы, и его меч со свистом вышел из ножен. Конан улыбался. Это будет его последняя битва. Пусть так! Он уж постарается, чтобы ее не скоро забыли. В голубых глазах короля тлел зловещий огонь, железные пальцы с силой сжимали рукоять меча.

Зенобия смотрела на мужа, и взгляд ее был полон преданности и любви.

Клубящаяся пыльная туча пододвигалась все ближе с каждым ударом сердца. Уже хорошо была видна длинная шеренга всадников, далеко растянувшаяся в стороны. Посередине скакал предводитель в ало-золотом ярком наряде, а подле него виднелась фигурка поменьше, облаченная в развевающиеся шелка. Конан приподнялся в седле и напряг орлиное зрение. Вглядевшись, он вздрогнул и выругался сквозь зубы.

Зенобия приложила стрелу к тетиве и вопросительно посмотрела на мужа.

— Занара! — прорычал король.— Наш крылатый дружок спас ее у островов Журази. Дьяволица опять на коне и опять готовит мне западню!..

Всадники были уже так близко, что до слуха долетал ослабленный расстоянием воинственный клич. Вот, нацеливаясь, поблескивающей волной опустились копья... Конан подобрался в седле, готовясь достойно встретить туранцев.

И вдруг, один за другим, нападающие стали придерживать своих скакунов. Разогнавшиеся кони поднимались на дыбы и кружились; стройная линия атаки была нарушена.

Конан бросил взгляд через плечо, желая знать, что же могло привести их в такое смущение.

Полуденное солнце слепило глаза, отражаясь от полированных лат, шлемов с забралами, склоненных пик и обнаженных клинков. Четыре тысячи хайборийских рыцарей во весь опор летели навстречу туранцам. И знамя Аквилонии вилось на ветру, рея над острием железного клина.

Аквилонцы разомкнули строй, обтекая Конана и его королеву,— и грохочущей молнией врезались в ряды ошеломленных туранцев. Люди и лошади валились сотнями. Аквилонские рыцари сражались, как тигры. Конан, конечно же, не смог устоять в стороне и кинулся в сечу. Его меч обрушился на шлем рослого туранского всадника и вышиб его из седла. В мгновение ока король Аквилонии оставил своего измотанного коня и перескочил на свежую лошадь. И без промедления направил ее в самую гущу врагов. Его меч свистел и сверкал, оставляя кровавую просеку в туранских рядах.

Какой-то лучник прицелился в него в упор, но Конан одним взмахом швырнул его наземь, точно смятую куклу. И оказался лицом к лицу с эмиром — тем самым великаном вельможей в алом и золотом.

— Собака-варвар! — крикнул ему тот.— Вот мы и встретились вновь! Я повешу твою голову на стене замка госпожи Занары!

— Я смотрю, ты уже оправился от оплеухи, что я тебе тогда закатил,— взревел киммериец, обмениваясь с ним мастерскими ударами.— Вероломной шлюхе только и не хватало сподвижника вроде тебя. Отправляйся же в ад!

Его меч засверкал с удвоенной силой и быстротой, и в какой-то миг рука Ардашира дрогнула. Тяжелая отточенная сталь рассекла кольчугу, мышцы и кость. Туранский офицер повалился наземь, разрубленный почти до седла.

Конан огляделся вокруг. Повсюду валялись мертвые тела в остроконечных шлемах. Пять тысяч туранцев почти пол-

ностью полегли в степи, аквилонцы же отделались небольшими потерями. Сверкая доспехами, рыцари Запада устремлялись туда, где еще длилось сражение. Уцелевшие туранцы бросали оружие, прося пощады. Немногие, вовремя вырвавшиеся из схватки, успели превратиться в точки на горизонте. Конан улыбнулся с угрюмым удовлетворением и огляделся в поисках Зенобии.

Он успел отпрянуть в сторону, заметив краешком глаза какое-то движение. И тотчас же мимо просвистела стрела: Конана в который раз спасла присущая варварам молниеносная реакция мышц. В тридцати футах от себя он увидел Занару. Лицо ее было искажено яростью, рука снова натягивала тетиву. Вот она вскинула лук, прицелилась... но в это время стрела, взявшаяся неизвестно откуда, с чмокающим звуком впилась ей прямо в грудь, и прекрасная йедка сползла наземь с седла. Зенобия подъехала к Конану и остановила коня. Меткости в стрельбе ей было не занимать.

— У кого еще есть такая жена! — прогремел Конан, снимая ее с коня и усаживая на луку своего седла.— У какого короля есть подобная королева!

Битва была кончена. Двое рыцарей в запыленных доспехах подъехали к королю, подняли забрала и поклонились.

— Просперо! Троцеро! — Пыль взвилась тучей: тяжелый кулак Конана с размаху прошелся по их окованным сталью плечам в дружеском приветствии.— Вовремя вы подоспели, друзья! Еще чуть-чуть, и нам пришлось бы несладко. Но откуда вы здесь? Я прямо глазам своим не поверил!

Просперо — гибкий, прямой, ясноглазый — ответил:

— Нас вел Пелиас. Я часто посещал его с тех пор, как ты уехал. Волшебство помогло ему выведать, что ты победил и возвращаешься. Он провидел и то, что здесь, на границе, на тебя нападут. Вот мы и выехали навстречу. В горах Коринфии мы сбились с пути, но, по счастью, все-таки не опоздали!

— А как наше королевство, Троцеро?

— Народ с любовью и надеждой ждет твоего возвращения, государь. Когда мы покидали Тарантию, вслед нам летело столько благословений, сколько не доставалось на долю еще ни одному пуантенцу. На границах мир; никто не отважился покуситься на нас. Урожай изобилен, страна процветает, как никогда. Не хватает лишь короля с королевой, чтобы до края наполнить чашу изобилия и довольства.

— Хорошо сказано, дружище... Э, а это еще кто? Чтоб мне лопнуть, если это не Пелиас!

К ним и в самом деле ехал волшебник — высокий, сухопарый, седовласый, с улыбкой на устах. Ветер развевал его шелковые одежды.

— Добро пожаловать домой, король Конан,— сказал он искренне.— Много месяцев прошло с того вечера, когда мы держали совет у меня в башне. Ты избавил землю от алчного чудовища: мир станет светлей и, надеюсь, счастливее...

— Спасибо тебе, Пелиас, и за своевременную подмогу, и за то, что одолжил эту вот безделушку,— сказал Конан, вытаскивая из кошеля кольцо Рахамона.— Возьми ее обратно. Несколько раз она и впрямь неплохо мне послужила, но я крепко надеюсь, что больше в ней не будет нужды!

Бросив последний взгляд на залитое кровью поле битвы, Конан повернул коня и поскакал к западу во главе своих рыцарей.

— Проклятье! От всей этой говорильни у меня в глотке сухо, точно в преисподней,— вполголоса обратился он к ехавшему рядом Просперо.— Есть у тебя хоть капля вина в седельной фляжке?..

Гиперборейская колдунья

1

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

День близился к концу. Тяжелые тучи нависали над поляной измятым грязным одеялом, покрывшим собой все небо. Облачка тумана бродили между темными от сырости стволами деревьев подобно бесплотным призракам. Капли, то и дело срывавшиеся с крон, тяжело падали на землю, укрытую цветастым ковром опавшей листвы.

Раздался глухой стук копыт и поскрипывание кожи — на окутанную сумерками поляну выехал огромный вороной жеребец. В седле сидел широкоплечий великан. Человек этот был уже немолод. Время украсило сединами его темную шевелюру и пышные грозные усы. Годы наложили отпечаток и на его лицо, изрезанное глубокими морщинами. Смуглое скуластое лицо и мускулистые руки всадника были покрыты бесчисленными шрамами, свидетельствовавшими о том, что жизнь его была нелегкой, однако можно было с уверенностью сказать, что годы его не сломили,— он уверенно держался в седле, движения же его были точны и легки.

Всадник остановил своего взмыленного жеребца. Он стал оглядывать залитую туманом поляну — его живые глаза поблескивали из-под широких полей видавшей виды фетровой шляпы. Едва слышно он выругался.

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

Этого смуглолицего великана легко можно было принять за лесного разбойника, однако на головке рукояти его огромного меча красовался такой бриллиант, который мог принадлежать разве что знатному вельможе, рогу же, висевшему у него за спиной, и вовсе не было цены — он был вырезан из слоновой кости и украшен затейливой золотой филигранью. Всадником этим был сам король Аквилонии — державы, равной которой не было на всем Западе. Звали его — Конан.

Он пристально разглядывал следы конских копыт, что шли к центру поляны. Свет быстро мерк, и читать их становилось все труднее.

Конан потянул за перевязь и, взяв в руки рог, хотел уже было затрубить в него, но тут вдруг услышал стук копыт. Из-за кустов, росших на опушке леса, выехала серая кобыла. Ее седоком был темноглазый человек средних лет с черными как смоль волосами. Судя по тому, как всадник поприветствовал короля, можно было понять, что они хорошо знакомы.

Что же касается Конана, то он, едва заслышав стук копыт, тут же схватился за меч: хотя он и понимал, что в этом огромном мрачном лесу, лежавшем к северо-востоку от Танасула, ему бояться нечего, бдительности он не терял. Увидев перед собой одного из старейших своих товарищей, Конан позволил себе слегка расслабиться. Подъехавший к нему человек заговорил:

— Сэр, я осмотрел всю тропу — похоже, принц назад не возвращался. Но разве возможно, чтобы этот парень так и шел по следу белого оленя?

— Боюсь, что так оно и есть,— проворчал Конан.— Чего-чего, а упрямства этому мальчишке не занимать — у него характер в отца. Ох и несладко ему ночью придется — того и гляди снова этот проклятый дождь пойдет!

Просперо, пуантенский генерал армии Конана, изобразил на лице некое подобие улыбки. Этот огромный киммериец то ли случайно, то ли благодаря воле судьбы или прихоти своего северного бога смог взойти на престол Аквилонии, величайшего королевства Запада; однако оставался он все тем же варваром — примитивным и своенравным. Сын его — пропавший принц Конн — рос таким же, как и отец. Мальчик походил на него не только внешне: как и у отца, единственной его страстью были приключения.

— Может быть, созвать людей, сэр? — спросил Просперо.— Негоже оставлять наследника трона в лесу. Мы рассредоточимся и затрубим в рога.

Конан стал покусывать ус. Пред ними расстилались темные леса восточного Гандерланда. Мрачная эта чащоба мало кому была ведома. Король посмотрел на небо — судя по всему, дождь вот-вот должен был пойти вновь.

— Этого делать как раз не стоит. Будем считать, что это будет для него хорошим уроком. Подумаешь, один раз не поспит! В его возрасте я не одну ночь провел под открытым небом на киммерийских пустошах. Возвращаемся в лагерь! Олень от нас ушел, но, думаю, нам хватит и медведя. Ну а жаркое мы запьем добрым старым пуантенским. Ух, как я проголодался!

Насытившись и изрядно захмелев, Конан решил прилечь у костра. Рядом храпел верзила Гийом, барон Имира, закутавшийся в шкуры. Загонщики и придворные, утомившись за день, спали мертвецким сном. У костра сидело лишь несколько человек.

Облака стали расходиться, на небе показался холодный лунный диск. Тут же подул пронизывающий ветер, срывавший с деревьев последние листья.

Вино развязало королю язык, весь вечер он сыпал невероятными историями и анекдотами из своей богатой приключениями жизни. И все же Просперо заметил, что время от времени Конан замолкает, всматриваясь во мглистую даль и напряженно прислушиваясь. Несмотря на кажущуюся его веселость, король был чрезвычайно встревожен. Говорить киммериец мог что угодно, но не волноваться он, конечно, не мог,— еще бы, ведь его сыну принцу Конну исполнилось всего двенадцать лет.

Просперо показалось, что короля мучают угрызения совести,— такое с этим диким, по-варварски примитивным киммерийцем случалось нечасто. Идея путешествия в северный Гандерланд принадлежала Конану. Его супруга королева Зенобия тяжело болела: рождение третьего ребенка далось ей с трудом. Вот уже несколько месяцев Конан ухаживал за ней, боясь покинуть больную хотя бы на минуту. Сын же его, чувствуя себя покинутым всеми, становился все угрюмее и замкнутее. Теперь, когда к Зенобии стали возвращаться прежние силы, а смерть отступилась от дворца, Конан решил провести пару недель вместе с сыном, надеясь восстановить так прежние отношения.

Сейчас этот упрямый мальчишка, для которого эта охота была первой, скачет по мрачной дикой чащобе, преследуя неуловимого белоснежного оленя...

Небо совершенно очистилось. Ветер, завывая, раскачивал темные ветви деревьев и шелестел листвою. Конан вновь прервал свой рассказ о колдунах и пиратах и стал прислушиваться. Грозный Гандерланд даже в ту беспокойную эпоху считался местом далеко не безопасным. Бизоны и зубры, кабаны, медведи и волки бродили по его тропам. Были здесь и иные враги, куда более коварные и опасные,— люди. В лесных чащах скрывались от закона разбойники, воры и изменники.

Выбранившись, король поднялся на ноги и швырнул черную мантию, наброшенную ему на плечи, на свое ложе.

— Можете считать меня кем угодно,— проревел Конан,— но больше так сидеть я не могу. Зовите меня стигийцем, если я собьюсь со следа! Фулк! Седлай гнедого Имира — вороного я загнал. Теперь вы, хлебните вина напоследок и седлайте своих коней. Сэр Валенс! В третьем фургоне лежат факелы. Возьмите по факелу и отправляйтесь за мною вслед! Пока я не удостоверюсь в том, что мой сын в безопасности, спать не лягу!

Покачиваясь в седле, Конан ворчал: «Этот глупый мальчишка погнался за таким оленем, за которым никакой скакун не угонится! Ну ничего, я еще научу его уму-разуму!»

На мгновение лик луны затмился — по небу беззвучно проплыла огромная белоснежная сова. Конан вздрогнул и зло выругался. Его душа терзалась мрачными предчувствиями. Люди, ехавшие вслед за ним, рассказывали друг другу странные истории о белоснежном олене-оборотне, что был стремителен, словно ветер с севера. Конан молил Крома о том, чтобы это животное было обычным оленем, а не каким-то таинственным существом, явившимся сюда из других пространств и времен...

2

ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ

Юный Конн промок насквозь и продрог. На внутренней стороне бедер, там, где они касались жесткого седла, появились кровавые волдыри. Принц чувствовал, как им овладевают голод и усталость. Самым же ужасным было то, что он совершенно сбился с пути.

Белый олень парил перед ним призрачной птицей. Уже не раз животное подпускало его к себе на расстояние полета стрелы. Порой Конном овладевала рассудительность, и то-

гда он был готов повернуть обратно, однако тут же ему начинало казаться, что олень уже выбился из сил, что еще немного, и он, Конн, нагонит его.

Мальчик потянул за поводья, и взмыленный пони послушно остановился посреди густых зарослей кустарника. Над головой его поскрипывали ветви и шепталась все еще густая листва, совершенно скрывавшая от него и луну, и звезды. Теперь он не понимал ни того, где он находится, ни того, в каком направлении ведет его белый олень. Мальчик поежился. Он хорошо знал характер своего отца и понимал, что его ждет порка. Смягчить гнев Конана можно было, лишь бросив к его ногам шкуру оленя.

Забыв об усталости и голоде, Конн вновь исполнился решимостью. В эту минуту он удивительно походил на своего отца: тот же пронзительный взгляд голубых глаз, та же копна черных волос, те же мощь и отвага. Конну было всего двенадцать, но он был уже выше многих взрослых аквилонцев.

— Вперед, Мардук! — воскликнул он, ударив пятками в бока своему черному пони. С трудом продравшись сквозь густые заросли, конь и всадник оказались на длинной поляне, поросшей высокими травами. Стоило им выехать на открытое место, как Конн вновь увидел вдали светлое пятно. Огромный белый олень грациозно, словно паря, пересекал прогалину. Сердце мальчика забилось чаще, им вновь овладел охотничий азарт. Кованые копыта забарабанили по земле, покрытой шуршащими травами. Олень, легко перемахивая через стволы поваленных деревьев, понесся к краю поляны.

Пригнувшись в седле, Конн сжал в руке легкое копье. Деревья стояли за поляной сплошной стеной: олень должен был либо замедлить шаг, либо запутаться в густых зарослях.

В следующее мгновение, когда мальчик уже был готов метнуть копье, это и произошло. Олень замер и обратился в туманное облако, тут же превратившееся в высокую человеческую фигуру, закутанную в белые одеяния. Это была женщина; серо-стальные волосы обрамляли ее худое, бесстрастное лицо.

Конна охватил ужас. Пони, храпя и бешено вращая глазами, попятился назад. Конн испуганно смотрел в холодные зеленые глаза стоявшей перед ним женщины.

Все звуки смолкли. Конн услышал удары собственного сердца; руки его задрожали, во рту пересохло. Почему он так испугался? Как этот призрак мог испугать его, сына Конана Завоевателя?

Собрав волю в кулак, мальчик крепко сжал древко копья. Сын Конана не боится этой женщины, кем бы она ни была — ведьмой, призраком или оборотнем!

В зелсных глазах, пристально глядевших на него, засверкали холодные искорки,— женщина смотрела на него с явной иронией. Она медленно подняла свою худую руку. Тут же в кустах раздался треск.

Мальчик обернулся и увидел, что на поляну со всех сторон выходят люди.

Все они были необычайно высоки и страшно худы,— худы настолько, что походили скорее не на живых людей, а на ожившие мумии. Они были едва ли выше великана Конана,— рост некоторых превышал семь футов. С головы до пят эти люди были закутаны в черные одеяния, плотно, словно перчатки, облегавшие их тела. Черной тканью были прикрыты и их головы. Своими тонкими длинными пальцами они сжимали странные орудия, походившие на жезлы длиною фута в два, выточенные из черного дерева. На конце каждого жезла поблескивала небольшая — с куриное яйцо — сфера, изготовленная из какого-то непонятного серебристого металла.

Конн попытался рассмотреть их лица и ужаснулся. У этих людей лиц не было! Под черными накидками светились пустые белые овалы.

Убеги мальчик с поляны, его вряд ли стали бы упрекать в трусости. Однако он и не думал бежать. Ему было всего двенадцать, но он происходил из рода могучих воинов и отважных жен,— ни один из его предков не дрогнул пред лицом опасности, и потому не имел на это права и он. Предкам его доводилось встречаться лицом к лицу с гигантскими медведями, ужасными снежными драконами Фиглофийских гор и саблезубыми пещерными тиграми. Утопая по колено в снегу, они сражались с этими адскими созданиями под темными небесами севера. В час опасности в мальчике проснулась память рода.

Женщина обратилась к нему по-аквилонски. Говорила она с сильным акцентом:

— Сдавайся, мальчик!

— Ни за что! — прокричал ей в ответ Конн.

Издав боевой клич киммерийцев, он взял копье наперевес и, пришпорив своего коня, понесся на одну из безликих черных фигур.

Старое лицо женщины в белом оставалось бесстрастным. Не успел еще пони как следует набрать скорость, как острая

боль пронзила руку Конна. Он охнул, согнувшись от боли. Копье выпало из его онемевших пальцев и исчезло средь высоких трав.

Один из черных великанов тут же приблизился к нему. Одной рукой он схватил пони за поводья, другой — поднял над Конном жезл. Металлический шар легко коснулся локтя мальчика, попав точно в нервный узел. Конн едва не закричал от боли.

Черный человек занес жезл для нового удара, но тут женщина прокричала ему что-то на неведомом языке. У нее был резкий металлический голос. Безликий человек в черном опустил руку.

Но Конн и не думал сдаваться. Громко закричав, он схватился левой рукой за рукоять висевшего у него на поясе меча. Неловким движением он вынул меч из ножен и перевернул его клинком вверх. Люди в черных плащах окружали его со всех сторон; к нему тянулись их тонкие руки.

Сделав обманное движение, Конн нанес удар человеку, стоявшему к нему ближе других. Клинок вонзился прямо ему в горло. Захлебываясь кровью, человек упал на колени и повалился наземь.

Конн вонзил шпоры в бока пони. Тот, громко заржав, попятился было назад, испугавшись вида надвигавшихся на него безлицых людей, но уже через миг, справившись со страхом, рванулся вперед. Люди в черном легко уходили от его подкованных сталью копыт. Один из них поднял свой жезл. Металлический шар с немыслимой точностью поразил кисть Конна. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и исчез в траве. Другой металлический шар легко коснулся затылка мальчика. Тело его онемело, и он свалился с седла прямо в тонкие иссохшие руки одного из безлицых людей. Прочие принялись усмирять его коня.

Зеленоглазая женщина склонилась над впавшим в забытье мальчиком.

— Конн, наследный принц Аквилонии,— скрипучим голосом пробормотала она и усмехнулась.— Представляю, как будет радоваться Тот-Амон.

3

КРОВАВЫЕ РУНЫ

Ссутулившись в седле, Конан угрюмо утолял голод куском холодной медвежатины. К нему подъехал Эрик, его главный загонщик.

Король выпрямил спину, выплюнул кость и, отерев губы тыльной стороной руки, мрачно спросил:

— Что-нибудь нашел?

Старый загонщик молча кивнул и протянул Конану странный предмет.

— Вот это,— сказал он.

Нахмурив брови, Конан стал рассматривать диковинную вещицу. Это была вырезанная из слоновой кости маска, принадлежавшая человеку с вытянутым узким лицом. Странным было то, что эта маска была совершенно гладкой — ровный пустой овал с двумя вырезами для глаз. Вид ее Конану не понравился.

— Гиперборейские штучки,— сплюнул он.— Еще что-нибудь есть?

Старый охотник кивнул:

— Кровь на измятой траве, следы копыт молодого пони и... и это.

Огоньки, блиставшие в глазах Конана, померкли; лицо посерьезнело и осунулось. Это был меч, подаренный им Конну в день его двенадцатилетия. На серебряной рукояти была выгравирована корона принца Аквилонии.

— Это все?

— Собаки ищут след, ваше величество,— ответил Эрик.

— Как только они нападут на него, труби в рог и собирай людей! — проревел Конан.

Солнце стояло уже высоко; от сырой земли поднимался пар. Король Аквилонии поежился, почувствовав вдруг хладное дыхание смерти.

Прошел целый час, прежде чем они смогли отыскать труп. Тело было захоронено на дне овражка — оно было присыпано сырой землей и опавшей листвой так искусно, что отыскать могилу могли разве что собаки.

Конан съехал на дно овражка и стал разглядывать труп. С тела были сняты все одеяния; кожа погибшего была бела, словно пергамент, волосы его тоже были поразительно светлыми. Рост этого тощего изможденного человека с перерезанным горлом был чуть меньше семи футов.

Эрик склонился над перепачканным грязью телом и стал принюхиваться. Сняв с раны кусочек запекшейся крови, он принялся растирать ее между пальцами. Конан угрюмо ждал. Наконец старик тяжело поднялся на ноги и вытер кончики пальцев о полу плаща.

— Его убили прошлой ночью, мой господин,— сказал он.

Конан еще раз взглянул на лицо убитого — узкий подбородок, высокие скулы, тонкие черты. Вне всяких сомнений, перед ним лежал гиперборец — об этом говорили и его неестественная бледность, и хрупкое телосложение при чудовищном росте, и бесцветные шелковистые волосы. На Конана смотрели мертвые зеленые, словно у кошки, глаза.

— Отпускай собак, Эрик. Просперо! Предупреди людей о том, что враги могут появиться в любую минуту! Нас, похоже, ведут.

Пуантенский генерал и король поскакали бок о бок. Вежливо откашлявшись, генерал спросил:

— Вы считаете, что маска и меч были оставлены для нас, мой повелитель?

— Я в этом уверен,— буркнул Конан.— Я это нутром чую. Где-то там скрывается целая банда этих белых демонов, похитивших моего мальчика. Они ведут нас, словно скот, разрази их гром!

— Они хотят устроить нам засаду? — спросил Просперо.

Конан на мгновение задумался и отрицательно покачал головой:

— Не думаю. В течение последнего часа мы миновали три таких места, лучше которых для засады не придумать. Нет, они явно хотят чего-то другого. Возможно, где-то впереди нас ждет их послание.

Просперо не стал спорить с этим.

— Возможно, они хотят получить выкуп?

— Может статься, они захотят использовать принца как приманку,— ответил Конан, блеснув глазами, словно лютый зверь.— Как-то раз я попал в плен к гиперборейцам. Там я такого натерпелся, что до сих пор не питаю особой любви к этим костлявым демонам. Когда же их гостеприимство меня вконец утомило, я ответил им тем же, так что, думаю, и у них ко мне особой приязни нет!

— А что означает эта маска из слоновой кости?

Конан сплюнул и приложился к фляге с вином.

— Гиперборея — место темное. Этой мертвой, голой, объятой туманами землей правит страх. Страною управляют служители тайного культа — черные колдуны-убийцы. Их единственное оружие — деревянные прутья, на конце которых закреплены шары, выточенные из необычного металла, называемого платиной. Старуха, которую колдуны считают воплощением богини смерти, правит всеми их землями, она же является и их главной жрицей. Ее слуги-убийцы заняты постоянным самоистязанием — они умерщвляют свое тело, разум и волю. Маски, подобные той, которую ты видел,—

одно из проявлений их фанатизма. Нет в мире воинов страшнее этих: слепая вера в демонов делает их бесстрашными и нечувствительными к боли.

Дальше они ехали молча. И тому и другому представилась страшная картина — беззащитный мальчик, окруженный фанатичными служителями смерти, люто ненавидящими Конана.

Лес становился все реже, на смену мрачным чащам восточного Гандерланда пришли меловые пустоши, поросшие вереском и папоротником. Они приближались к границе владений Конана. Где-то здесь сходились земли Аквилонии, Киммерии, Пограничного королевства и Немедии.

Похолодало. Небо стало затягиваться тучами. Багряный вереск волновался и шумел на ветру. Издалека слышался хриплый крик болотных птиц. Земля эта была пустынна и уныла.

Конан скакал впереди. Внезапно он остановил своего коня и знаком приказал остановиться другим. Не сходя с коня, он угрюмо смотрел на предмет, лежавший на тропе. Воины спешились и подошли к своему королю.

Перед ними лежало легкое, сделанное из ивняка копье, которое могло принадлежать разве что ребенку. На древко был одет белый пергаментный свиток.

Эрик снял пергамент с древка и подал его своему королю, что так и сидел в седле. Конан развернул тугой, скрипучий свиток.

Послание было написано по-аквилонски; писавший его, судя по всему, торопился: руны были написаны небрежно, и разобрать их было весьма непросто. Нахмурив брови, Конан молча прочел послание и передал его Просперо, зачитавшему его вслух:

— «Король должен в одиночку направиться в Похиолу. Если он выполнит это условие, с сыном его ничего не случится. Если он поступит иначе, ребенок его умрет страшной смертью. Король должен идти по тропе, помеченной Белой Рукой».

Просперо поморщился: послание было написано кровью.

4

БЕЛАЯ РУКА

Конан в одиночку направился к пустынным землям, лежавшим за пределами Аквилонии. Если бы он вернулся в Танасул и, собрав войско, повел его на туманную Гипер-

борею, он потерял бы сына. Ему не оставалось ничего другого, как только выполнять поставленные ему условия.

Король передал Просперо огромный золотой перстень с печатью, который он носил на большом пальце правой руки. Тем самым на время своего отсутствия он передавал пуантенскому генералу всю полноту власти в Аквилонии. В случае смерти Конана королем аквилонцев должен был стать второй его сын, регентами которого были бы королева Зенобия и генерал Просперо.

Конан объяснил все это Просперо, глядя ему в глаза,— он не сомневался в том, что этот доблестный воин в точности выполнит все сказанное. Но сказал он ему не только это. Собрав в Танасуле армию из рекрутов, Просперо должен был повести ее на столицу Гипербореи Похиолу.

Конану просто-напросто хотелось как-то занять Просперо. Он прекрасно понимал, что никакая армия не сможет ни нагнать его, ни пройти там, где пройдет он, Конан. Он окажется в сверкающих стенах Похиолы много раньше Просперо.

Эти земли назывались Пограничным королевством. Пустынные безжизненные пустоши тянулись до самого горизонта. То тут, то там росли чахлые кривые деревца. Время от времени из заросших болот вылетали напуганные внезапным шумом птицы. Холодный, пронизывающий до костей ветер пел свою заунывную песнь.

Конан спешил, однако оставался внимательным и осторожным. Своего чалого жеребца Имира он загнал прошедшей ночью; теперь под ним был крупный серый жеребец барона Гийома Имирского. Барон был так толст, что весом почти не уступал Конану. Скакун его был могуч и широк в кости. Киммериец не стал брать с собой громоздкую охотничью амуницию, он одел на себя простой кожаный камзол и промасленную кольчугу. Меч он повесил за спину, так чтобы он не сковывал его в движениях, на передней луке седла он закрепил тугой гирканский лук и колчан со стрелами с черным опереньем.

Вначале почва была мягкой, и потому следы коней гиперборейцев были видны на ней ясно. Конан пустил коня галопом, надеясь хоть как-то выиграть время. Кто знает, быть может, его суровый бог Кром смилостивится над ним и позволит ему догнать бледнолицых похитителей еще до того, как они вступят в Похиолу. Впрочем, Конан на это почти не надеялся...

Теперь под копытами коня были уже камни, но и здесь он вряд ли мог сбиться со следа: похитители оставили для

него меты — отпечатки ладони, белевшие среди темных деревьев. Порою знак ставился на вершинах покрытых сухими травами холмиков, и тогда он казался морозным узором невесть откуда налетевшей стужи.

Колдовство! Волосы на затылке киммерийца поднялись дыбом. На его родине, в Киммерии, что лежала к северо-западу отсюда, люди слышали о Белой Руке, страшном символе колдунов Гипербореи. От одной мысли о том, что его сын попал в руки гиперборейцев, Конану становилось жутко.

Он все скакал и скакал вперед по унылой пустоши, мимо темных холодных болот, чахлых папоротников и жалких деревьев, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни коню. Пустошь стала погружаться во тьму. На небе появились звезды,— их было немного, и свет их был тускл, ибо все небо было затянуто дымкой. Луна на минуту вышла из-за облаков, но тут же скрылась вновь. Мир погрузился во тьму.

Теперь Конан должен был ждать рассвета. Кряхтя, киммериец спешился, все члены его ныли. Накормив овсом скакуна, он развел небольшой костер из сухих папоротников и, положив под голову седло, забылся тяжелым сном.

Вот уже три дня он скакал по этим неприютным землям. Путь шел по самому краю Большой Соленой топи. Это огромное болото вполне могло быть останками внутреннего моря, некогда — еще на заре цивилизации — заливавшего все окрестные земли. Почва под ногами становилась все более зыбкой,— чем глубже в земли Пограничного королевства продвигался Конан, тем ненадежнее становился его путь. Тяжелый серый жеребец шел теперь шагом, боязливо переходя с кочки на кочку. Луж становилось все больше, деревья же совершенно исчезли.

Над болотом повисли сумерки. Жеребец нервно шарахался из стороны в сторону, то и дело увязая копытами в болотной жиже. Над головой слышался писк летучих мышей. Огромная змея, толщиной в человеческую руку, бесшумно переползла через гнилое, покрытое плесенью бревно и скрылась в темноте. Тьма становилась все гуще и гуще, но Конан и не думал останавливаться,— он вновь хотел провести всю ночь в пути, сделав краткий привал лишь в полдень.

Тропинка раздваивалась. Не сходя с коня, Конан стал искать мету. На темном, отполированном непрестанными дождями камне он вновь увидел странный светящийся отпечаток руки. Он потянул за поводья и направил коня нужной дорогой.

Внезапно невесть откуда появились люди. На их грязных изможденных телах не было никаких одежд, кроме набедренных повязок. Лица их были искажены злобой.

Конан грозно заревел и, пустив коня вскачь, вынул меч из ножен.

Дикари обступали его уже со всех сторон, они цеплялись за стремена и за ноги, хватали его за кольчугу, дергали коня за гриву, пытаясь свалить его с ног. Конь поднялся на дыбы и замахал своими огромными копытами. Одному из дикарей он проломил череп, другому размозжил плечо.

Клинок Конана со свистом опустился на головы нападавших. В одно мгновение он обезглавил пятерых, в черепе же шестого его меч застрял. Тело дикаря, падая, увлекло за собой и клинок. Конан спрыгнул с коня и тут же оказался окруженным дикарями. Их безумные глаза горели ненавистью, их пальцы хищно впивались в его руки. Дикая толпа погребла его под собою, и в тот же миг на голову Конана опустилась тяжелая дубина. Конан рухнул как подкошенный.

5

ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Теперь они шли по мощенной камнем дороге. Впереди замаячил объятый туманной дымкой холм. Утомленный долгой дорогой Конн видел его смутно.

Вершину холма венчал огромный замок, сложенный из гигантских каменных плит; в тусклом свете звезд он казался призрачным. По углам замка стояли массивные башни. К его мрачному порталу отряд и направлялся. Тяжелая решетка, закрывавшая вход в замок, стала медленно подниматься. Мальчик едва смог скрыть свой испуг: заканчивавшаяся страшными зубьями ржавая решетка и тьма, разверзшаяся за ней, делали врата похожими на оскаленную пасть огромного чудища.

Они въехали в гигантский зал, слабо освещенный развешанными по стенам факелами. Решетка, зловеще лязгнув, опустилась,— пасть захлопнулась.

Холодные белые руки сняли мальчика с коня и бросили его в угол. Чувствуя спиной сырую стену, Конн стал осматриваться. Вскоре глаза его привыкли к полумраку, и он смог рассмотреть этот огромный гулкий зал. Похоже, других покоев в замке не было. Своды зала терялись где-то высоко вверху. Возле стены стояли длинный стол, пара грубых ска-

меек и несколько стульев. На столе было пять или шесть деревянных тарелок, наполненных объедками, и пара ломтей непропеченного черного хлеба. Только теперь мальчик почувствовал, как он голоден. Словно услышав его мысли, старуха что-то приказала своим людям. Один из них взял тарелку со стола и поставил ее перед Конном.

Руки его занемели, ибо все это время были привязаны к луке седла. Человек в черном снял ремни с запястий мальчика и тут же стянул его шею цепью, привязанной к ржавому кольцу, закрепленному на стене. Человек безмолвно наблюдал за тем, как Конн давится объедками.

Колдун снял свою белую маску, открыв мальчику свое лицо. Бледный изможденный лик нес на себе печать нечеловеческой безмятежности. Конну не понравились ни его тонкие бесцветные губы, ни холодные зеленые глаза. Впрочем, сейчас ему было не до похитителей — слишком уж велики были его усталость и голод. К нему подошел еще один человек, державший в руках грязную дерюгу. Он бросил дерюгу на пол, после чего оба колдуна удалились. Конн подгреб под себя грязную солому, которой были застелены полы зала, и, завернувшись в тряпье, тут же уснул.

Его разбудил звук колокола. Свет солнца не проникал в это чудовищное сооружение, и потому о времени суток можно было лишь гадать.

Конн протер глаза и стал смотреть по сторонам. В центре зала на невысоком каменном возвышении, скрестив ноги, сидела ведьма. Перед ней стояла огромная медная чаша, наполненная раскаленными угольями, отсвечивающими на ее лице кроваво-красными отблесками.

Конн принялся рассматривать ее. Ведьма была старой. Седые пряди падали на ее изрезанное густой сеткой морщин лицо, казавшееся не только бесчувственным, но и безжизненным. Однако изумрудные глаза ее были исполнены удивительной силы; огненный их взгляд был устремлен в никуда.

Сидевший рядом с возвышением человек в черном ударял обшитой войлоком колотушкой по небольшому колоколу, имевшему форму черепа. Глухому его звону вторило мрачное эхо.

Один за другим в зал стали входить колдуны. Лица их были скрыты масками из слоновой кости, головы прикрыты черными капюшонами мантий. Один из колдунов вел перед собой нагого лохматого человека. Конн вспомнил, что человек этот был пленен слугами смерти несколькими днями раньше — его поймали на болоте. Ему на шею набросили

петлю, и он то бежал, боясь отстать от коня, то падал, и тогда конь тащил его за собой. Изуродованное тело пленника было покрыто грязью. Широко раскрыв рот, он испуганно озирался по сторонам.

Началось ужасное действо. Два колдуна, став на колени, обвязали ноги пленника ремнем, спускавшимся с балки. Они потянули за свободный конец ремня, и вскоре человек уже висел вниз головой над чашей с угольями. Зал наполнился истошным криком.

И тогда они перерезали своей жертве горло.

Пленник забился в агонии, но уже через несколько мгновений испустил дух. Глаза Конна округлились от ужаса. Кровь стекала прямо на уголья, от которых поднимался неимоверный зловонный чад.

Все это время ведьма оставалась совершенно недвижной. Присмотревшись получше, Конн увидел, что она слегка покачивается в такт какой-то слышной лишь ей одной мелодии. Люди в черном застыли вкруг возвышения. Угли шипели и потрескивали. Кровь текла в чашу нескончаемым потоком. Теперь ведьма пела уже вслух под монотонные удары колокола. Конн потрясенно наблюдал за происходящим.

Облако дыма, повисшее над каменным кругом, стало странно подергиваться, казалось, что его касается некая незримая рука. И тут лицо мальчика стало бледным как смерть.

— Кром! — прошептал он дрожащими губами.

Облако дыма приняло форму человека — статного широкоплечего человека, одетого по-восточному; капюшон его мантии был откинут на спину. Голова человека была обрита наголо, лицо было мрачным и хищным.

Видение это было страшно. Ведьма же продолжала свою монотонную песнь, походившую на завывание холодного ветра.

Туманный образ стал уплотняться: мантия стала темно-зеленой, лицо — красновато-коричневым, как у стигийцев и жителей Шема. Застыв от ужаса, мальчик вгляделся в лицо призрака. Ему казалось, что он когда-то уже видел его или, по крайней мере, слышал о нем. Эти хищные черты, этот безгубый рот, эти горящие изумрудным светом глаза...

Тонкие губы задвигались, и раздался странный, словно слетавший откуда-то издалека голос.

— Приветствую тебя, о Лахи! — сказал призрак.

В ответ ему ведьма сказала:

— Приветствую тебя, Тот-Амон!

Конн окаменел: теперь он знал, что пленили его не обычные похитители. Он попал в лапы к самому страшному и коварному врагу своего рода,— в лапы предводителя черных магов мира, стигийского колдуна, некогда поклявшегося именем своих страшных богов погубить Конана-киммерийца и стереть с лица земли Аквилонию.

6

ЗА ВРАТАМИ СМЕРТИ

Конан пришел в себя перед рассветом. Голова его раскалывалась от боли, лицо было покрыто коркой запекшейся крови. И все же он был жив.

Болотных дикарей рядом с ним не было. Они исчезли в ночи, прихватив с собой и награбленное, и трупы своих людей. Постанывая, Конан сел и обхватил голову руками. Его обобрали донага, оставив на нем лишь башмаки да изорванные в клочья одежды. Теперь у него не было ни коня, ни оружия, ни провизии. Неужели болотные люди решили, что он мертв? Судя по всему, так оно и было. Такими ударами можно свалить и быка,— если бы не толстая кость, Конан отправился бы к праотцам.

В народе ходили легенды о том, что эти дикари были выродившимися потомками беглых рабов и преступников, искавших прибежища на болоте. Кровосмесительные браки низвели их до уровня диких зверей. Удивительным было то, что дикари не сожрали его,— люди, дошедшие до животного состояния, как правило, питают особенную приязнь к человеческой плоти. Конан поднялся на ноги и только тогда понял, что же отпугнуло дикарей.

На измятой грязной траве отчетливо виднелся знак Белой Руки.

Ему не оставалось ничего другого, как только идти пешком. Обратив одну из ветвей росшего неподалеку дерева в увесистую дубину, Конан продолжил свой путь на северо-восток, следуя по тропе, отмеченной знаками.

Он вырос в суровом краю, и потому к подобным походам ему было не привыкать. Много воды утекло с той поры; много лет ему, королю гордой Аквилонии, не приходилось ни ходить по следу, ни скитаться в диких землях, где каждый шаг сопряжен с опасностью. Теперь он был только рад тому, что старые привычки нисколько не забылись. Отодрав от прикрывавших его тело лохмотьев узкую полоску, он сде-

лал из нее пращу и несколькими меткими бросками подбил пару уток. При всем желании он не мог развести на болоте огня, и потому ему пришлось есть их сырыми. Ему пришлось отбиваться и от свирепой своры диких псов, и дубина его для этой цели оказалась весьма кстати. Порой он довольствовался лягушками и раками, которых нанизывал на заостренную палочку. Тропа же шла все дальше и дальше на северо-восток.

Ему казалось, что прошла уже целая вечность, когда наконец он достиг пределов Пограничного королевства. Граница Гипербореи была помечена странным изваянием, призванным вселять страх в сердца людей. Гряды мрачных холмов поднимались все выше и выше. Извилистая тропинка привела киммерийца к узкому перевалу, по обеим сторонам которого, словно угрюмые стражи, стояли округлые вершины. Склон одной из них был отмечен диковинным знаком грязно-белого цвета, что тут же бросался в глаза. Конан подошел к нему поближе и, скрестив на груди свои могучие руки, стал рассматривать его.

Это был череп, формою своей схожий с человеческим черепом, но только куда больших размеров. Конану стало не по себе — ему вспомнились сказания о великанах и троллях. Прищурив глаза, киммериец присмотрелся получше, и тут же губы его искривились в улыбке. За долгие годы странствий ему многое довелось повидать, видел он и подобные черепа. Они принадлежали древним мамонтам, видом походившим на слонов. Если бы не бивни, то черепа эти действительно можно было бы принять за останки великанов. У этого же черепа бивни были просто-напросто отпилены. Конан сплюнул. Как ни странно, но увиденное приободрило его: тот, кто прибегает к уловкам, не может быть всесильным.

На лбу мамонта была сделана надпись — уродливые руны явно имели гиперборейское происхождение. Волею судеб Конану пришлось освоить множество языков, пусть при этом познания его и были поверхностными. Нахмурив чело и собравшись с мыслями, он прочел: *«Врата Гипербореи — Врата Смерти для незваного гостя»*.

Презрительно хмыкнув, Конан спустился с перевала. Теперь он шел по вражьим землям.

Стоило Конану миновать Ворота Смерти, как он оказался на пустынной, полого уходящей вниз равнине, по сторонам которой высилось несколько голых холмов. Теперь под ногами его было каменное крошево. Ничуть не сбавляя шага,

Конан вступил в холодное царство тумана, стараясь постоянно быть настороже. Однако земля эта казалась совершенно необитаемой.

Немногие жили в этой студеной стране, где солнце не греет, а сердцами владеет страх. Правители Гипербореи селились в огромных замках, сложенных из гигантских каменных плит, слуги же — в жалких лачугах, тесно обступавших скудные поля.

Конан знал о том, что огромные серые волки Севера бродят по этим землям, что в пещерах здешних живут свирепые пещерные медведи, а по залитым туманом равнинам бродят редкие мамонты, северные олени и овцебыки. Земли эти были негостеприимны и суровы.

Вскоре Конан оказался у первой из каменных цитаделей, которая носила название Сигтона. В Асгарде он не раз слышал рассказы о свирепой властительнице Сигтоны, что питалась, по слухам, только человеческой кровью. Стараясь не подходить к замку, он направился дальше, к цитадели, носившей имя Похиола.

Путь ему предстоял неблизкий. Много дней и ночей прошло, прежде чем Конан увидел в свете звезд холм, вершина которого была увенчана мрачным замком с массивными приземистыми башнями. Полуголый, голодный, грязный и безоружный, упрямый киммериец смотрел на твердыню колдунов с огнем во взоре. Где-то здесь находится его старший сын. Кто знает, быть может, именно здесь ему, Конану, суждено сложить свою голову. Но бороться со смертью ему было не впервой, и пока, хвала Крому, ему удавалось выходить победителем.

Гордо подняв голову, Конан подошел к мрачным вратам Похиолы.

7

ВЕДЬМА

Железные зубья решетки застыли высоко вверху. Сколоченные из черного дерева массивные ворота поблескивали шляпками железных гвоздей, что сливались в некую магическую руну, неведомую Конану. Ворота были распахнуты настежь.

Конан вошел внутрь, мрачно отметив про себя, что толщина здешних стен никак не меньше двадцати шагов. Он

оказался в главном зале огромного замка. Кроме старухи с гладкими седыми волосами, здесь никого не было. Она сидела на круглом каменном возвышении, созерцая чашу с горящими угольями. Киммериец знал, что это Лахи, королева и главная жрица Колдунов, считавших ее живым воплощением их богини смерти. Громко ступая по каменным плитам пола, Конан достиг центра зала и, скрестив на груди руки, остановился рядом с возвышением.

Ведьма продолжала созерцать тлеющие угольях. Лишь через минуту она перевела взгляд своих зеленых кошачьих глаз на Конана. Киммериец тут же почувствовал силу этого взгляда. Лахи казалась дряхлой немощной старухой, но за этой жалкой маской чувствовалось присутствие чего-то необычайно сильного.

— Тот-Амон приказал мне убить тебя на месте или сковать тебя самыми тяжелыми цепями,— заговорила ведьма хриплым голосом.

Конан и бровью не повел.

— Я хочу увидеть своего сына,— твердо сказал он.

— Тот-Амон сказал, что ты — самый опасный человек во всем мире,— невозмутимо продолжила Лахи.— Я же считала самым опасным человеком его самого. И потому его слова кажутся мне страшными. Ты действительно так опасен?

— Я хочу увидеть своего сына,— повторил Конан.

— Может быть, я ошибаюсь, но я не чувствую опасности,— спокойно продолжала колдунья.— Ты силен, это верно, ты силен и вынослив. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты достаточно отважен. И все же ты — просто человек. Не понимаю, почему Тот-Амон так боится тебя?

— Он знает, что во мне его погибель,— ответил Конан.— То же будет и с тобой, если ты не отведешь меня к сыну.

Морщинистое лицо ведьмы застыло, глаза засверкали холодным изумрудным светом. Конан продолжал смотреть ей в глаза. Взгляд Лахи исполнился еще большего холода, но и тогда киммериец не отвел своих горящих глаз. Не выдержав его взгляда, ведьма отвернулась.

Немыслимо высокие и худые мужчины в черных, плотно облегавших тело одеяниях тут же появились за спиной Конана. Казалось, они явились по беззвучному зову своей владычицы. Не поднимая глаз, голосом, лишенным былой силы, она приказала:

— Отведите его к сыну.

Принц Конн содержался в глубокой яме, напоминавшей пересохший колодец, стены которой были выложены темным камнем. Конана спустили вниз на веревке, после чего веревка тут же была извлечена из ямы.

Мальчик лежал у стены на куче сырого тряпья. Он тут же признал в полуголом великане своего отца и, вскочив на ноги, бросился в его объятия. Конан прижал мальчика к себе и стал сыпать проклятьями, желая хоть как-то скрыть обуревавшие им нежные чувства. Наконец он похлопал мальчика по плечу и взял с него обещание, что тот не станет впредь вести себя так глупо. Слова его были грубы и звучали грозно, но по лицу его ручьем катились слезы.

Взяв сына за руку, Конан принялся осматривать его. Одежда Конна превратилась в лохмотья, он побледнел и осунулся, но, как ни странно, цел и невредим. Пережитое им могло свести с ума кого угодно, тем более ребенка, но он, судя по всему, держался молодцом. Конан усмехнулся и потрепал его по плечу.

— Отец, здесь не обошлось без Тот-Амона,— возбужденно прошептал Конн.

— Я знаю,— буркнул Конан.

— Прошлой ночью старая карга вызывала его дух,— так же истово продолжал мальчик.— Они повесили дикаря за ноги и перерезали ему горло, так что кровь его стекала в чашу с горящими угольями! Поднялся страшный дым, и она превратила его в Тот-Амона!

— О чем же они говорили?

— Когда Тот-Амон услышал о том, что ты идешь по Пограничному королевству в одиночку, он стал просить, чтобы она убила тебя своими чарами! Она спросила, зачем ей тебя убивать, и он ответил ей, что ты, мол, слишком опасен. Они стали спорить, и спор у них вышел долгий.

Конан задумчиво почесал бороду:

— Ну а ты-то сам понимаешь, почему колдунья не стала убивать меня?

— Я думаю, она хочет оставить нас в живых и тем самым как-то подчинить себе Тот-Амона,— ответил мальчик.— Все колдуны и маги мира связаны между собой. Тот-Амон куда сильнее и важнее этой старой ведьмы, но, пока ты находишься в ее руках, он не сможет властвовать над нею.

— Как знать, может, ты и прав, сынок,— поразился Конан.— А что это за связь между магами, о которой ты говорил? Ради чего они объединились?

— Они объединились с тем, чтобы уничтожить королевства Запада,— ответил Конн.— Тот-Амон — глава всех черных магов Юга — Шема, Стигии, Куша, Зембабве и тропических стран. У магов этих существует что-то вроде гильдии, которую сами они называют Черным Кругом...

Конан неожиданно вздрогнул:

— Так-так, и что же это за Черный Круг?

Возбуждение мальчика достигло предела.

— Тот-Амон властвует над Черным Кругом, но этого ему мало. Он хочет, чтобы Черный Круг слилось с Белой Рукой на Севере и Алым Кругом где-то на Дальнем Востоке!

Конан застонал. Он знал о Черном Круге, этом древнем братстве служителей зла. Он знал и о тех мерзостях, которые творили члены Круга, схоронившиеся до времени где-то в Стигии. Когда-то Тот-Амон был главой этого ордена, затем место стигийца занял некто Тутотмес, которому удалось свергнуть его. Тутотмеса уже не было в живых, и Тот-Амон, похоже, вновь обрел прежнюю власть над магами. Молодым королевствам Запада это не сулило ничего хорошего.

Они говорили до тех пор, пока Конн не рассказал отцу всего ведомого ему. Едва закончив рассказ, мальчик заснул крепким сном, положив голову на грудь отцу. Конан нежно обнял сына и задумался. Он смотрел во тьму, думая о том, что же может принести им будущее.

8

ПОСВЯЩЕННЫЕ ЧЕРНОГО КРУГА

На круглом каменном возвышении, находившемся в самом центре зала, стояло четыре трона черного дерева. Троны эти стояли полукругом возле огромной медной чаши с раскаленными угольями. На них сидели трое мужчин и женщина.

За стенами замка ярилась буря. Небо то и дело озарялось вспышками молний, походивших на огненные клинки. Дождь неистово хлестал по громаде замка. Земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома.

В зале же гром скорее походил на шорох. Своды его были объяты непроницаемой тьмой, с которой, казалось, не могла совладать никакая стихия. Люди сидели совершенно безмолвно, однако чувствовалось, что тишина эта исполнена крайнего напряжения, что росло с каждой минутой. То и дело они искоса поглядывали друг на друга.

Из гулкой тьмы появились одетые в чернос служители Белой Руки, что шли парами. Они вели с собой Конана. Смуглое его лицо казалось спокойным, отблески пламени играли на его обнаженной груди. Рядом с ним, высоко подняв голову, шел его сын. Колдуны подвели их к возвышению.

Конан поднял глаза и встретился взглядом с человеком могучего телосложения, одетым в темно-зеленую мантию. Голова этого человека была обрита наголо.

— Вот мы и свиделись, пес киммерийский,— процедил сквозь зубы Тот-Амон. Он говорил по-аквилонски с едва заметным акцентом.

Конан что-то проворчал и сплюнул. Отвечать стигийцу он не собирался, считая, что так он может разве что унизить себя, и потому он принялся рассматривать людей, сидевших на тронах. Гиперборейская колдунья была ему знакома, двух других он видел впервые. Первый был крошечным женоподобным человечком с кожей янтарного цвета и холодными бездушными глазами змеи. Его немыслимое одеяние поблескивало драгоценными каменьями, на коротких толстых пальчиках мерцали золотые перстни.

— Это божественный Пра-Юн, Владыка Алого Круга, бог и вершитель судеб Ангкора, восточной столицы мира,— торжественно возгласил Тот-Амон.

Конан не сказал в ответ ни слова, маленький же пузатый камбуджиец вежливо заулыбался.

— Великий король Аквилонии и я — старые друзья, хотя он меня и не знает. Некогда он сослужил мне такую службу, что я благодарен ему и по сей день,— произнес коротышка писклявым голосом.

— Как-то мне не доводилось об этом слышать,— насторожился Тот-Амон.

Пра-Юн широко улыбнулся:

— Ну как же! Некогда он смог уничтожить знаменитого Ян-Шаня,— вероятно, сам он помнит об этом? Так вот, этот самый Ян-Шань был самым могущественным из всех магов Кхитая. Он был моим соперником и превосходил меня в силе, и потому был владыкой Алого Круга. Не убей его этот отважный аквилонский царь, я не стал бы верховным магом нашего ордена!

Пра-Юн вновь широко улыбнулся, однако Конан заметил, что глаза его при этом остаются холодными — недвижными и ледяными, словно у гадюки.

Рядом с крошечным восточным божком сидела одетая в белую мантию Лахи, за Лахи — огромный черный дикарь.

Его натертое маслом тело поблескивало, на кудрявой голове покачивались страусиные перья. Он был одет в шкуру леопарда, на запястьях и предплечьях поблескивали массивные золотые браслеты. Огромный мускулистый дикарь сидел совершенно недвижно. Живые его глаза горели адским пламенем.

— А это великий *боккор*, или шаман, Ненаунир, пророк и верховный жрец Дамбаллы,— так жители далекой Зембабве величают Отца Сета,— представил дикаря Тот-Амон.— Одно слово Ненаунира — и три миллиона черных воинов сметут все и вся.

Конан продолжал хранить молчание. Черный великан проревел:

— Стигиец, он не кажется мне опасным. Почему ты его так боишься?

Тень легла на лицо Тот-Амона. Не успел он вымолвить и слова, как Лахи рассмеялась хриплым смехом.

— Я присоединяюсь к Владыке Зембабве! — проскрипела она.— А теперь мне хотелось бы немного развлечь моих гостей. Камоинен! — Ведьма хлопнула в ладоши.

Круг колдунов расступился, и к возвышению подошел один из них. На бледном его лице поблескивали водянистые голубоватые глаза. В руках колдун держал тонкую черную палочку не больше локтя длиной. На каждом ее конце было по небольшому — размером с куриное яйцо — металлическому шару.

Он поклонился своей королеве.

— Приказывай же, Богиня,— бесстрастно произнес он.

Бледная морщинистая маска озарилась изумрудным блеском кошачьих глаз. Ведьма смотрела на Конана.

— Пусть киммериец опустится перед нами на колени,— сказала она.— Тогда мои братья поймут, что бояться его нечего!

Человек в черном низко поклонился Лахи и тут же метнулся к Конану, взмахнув своей палочкой. Бдительный киммериец отпрыгнул назад, ибо не понимал того, что же держит в руках колдун. Магический жезл просвистел мимо его лица, коснувшись седых прядей.

Противники принялись кружить по залу. Конан то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи. Ему хотелось броситься на тощего гиперборейца и повергнуть его одним смертельным ударом, но он удерживал себя, понимая, что

тонкая палочка, поблескивающая в руке противника, таит в себе какую-то неведомую ему опасность.

Юный Конн так и стоял в окружении колдунов. Внезапно он поднял руку и прокричал что-то по-киммерийски. Язык этот, резкий и гортанный, ни на что не походил,— кроме отца, здесь его никто не знал.

Конан сузил глаза. Мальчик сказал ему, что колдуны бьют своими жезлами по болевым точкам. Словно тигр, Конан ринулся на своего противника и занес правую руку для удара. Колдун взмахнул своей палочкой, метя киммерийцу в локоть.

Конан подставил под удар левую руку, которую тут же пронзила страшная боль, правою же рукой он изо всех сил ударил колдуна в лицо.

Не успело тело колдуна рухнуть наземь, как Конан подхватил его и швырнул в центр зала.

Тело угодило прямо в чашу, до краев наполненную раскаленными угольями. Четверку изумленных магов окатил огненный ливень.

Белые одеянья Лахи вспыхнули, и она пронзительно завизжала. Тот-Амон, прикрывая лицо руками, отшатнулся назад. Маленький камбуджиец споткнулся о ножку трона и рухнул прямо в огненное месиво.

Зал наполнился шумом. Стражи в черных одеждах задвигались, но было уже поздно. Конан метался между ними, сшибая их словно кегли. Страшные удары его огромных кулаков крушили черепа и дробили кости врагов.

Юный Конн тоже не стоял на месте. Отец не зря учил его искусству рукопашного боя. Стоило отцу сойтись с первым противником, как Конн ударил стоявшего рядом с ним колдуна под коленную чашечку. Колдун охнул и упал на пол. Конн ударил его по голове деревянным табуретом и тут же набросился на другого гиперборейца. Не прошло и десяти секунд, как он сразил этим странным оружием четверых врагов.

На каменном возвышении бился в агонии царь Ангкора. Грозно заревев, огромный черный шаман поднял над головой трон и швырнул его в Конана.

Конан прыгнул на пол, и тяжелый трон, просвистев у него над головой, сокрушил добрую дюжину его противников. Не мешкая ни минуты, киммериец взбежал на возвышение и схватил Тот-Амона за горло.

И тут ему помешала старая ведьма. Обезумев от боли, она металась по каменному кругу, полыхая словно факел.

Конан отшатнулся от нее, и в тот же миг Тот-Амон прибег к последнему своему средству.

Зал озарился ослепительной вспышкой изумрудного света. Конан схватил в руки трон Лахи, но было уже поздно — Тот-Амон бесследно исчез.

Конан посмотрел в зал. Повсюду царили сумятица и хаос. Разбросанная по полу солома местами горела. Пол был усеян изуродованными трупами гиперборейцев. Он увидел своего сына, бешено вращавшего над головой тяжелый табурет. Полдюжины колдунов уже лежали на полу, однако круг гиперборейцев, размахивавших своими страшными жезлами, становился все теснее. С десяток колдунов взбежали по ступеням каменного круга; лица их были исполнены решимости.

9

КРОВЬ И ПЛАМЯ

Конан оторвал от земли тяжелую медную чашу, обжигавшую ему пальцы, и метнул ее в колдунов. Чаша смела их с круга. В тот же миг зал вновь наполнился изумрудным огнем. Конан обернулся и увидел, что исчез и черный шаман. Похоже, это колдовство позволяло магам легко преодолевать любые расстояния. Сюда они прибыли тем же способом, в этом можно было не сомневаться.

— Киммериец!

Голос этот заставил Конана вздрогнуть. Он обернулся.

Камбуджиец являл собою нечто жалкое. Его усыпанная каменьями мантия обратилась в перепачканную сажей тряпку. Инкрустированная самоцветами корона свалилась с его головы, открыв бритый череп. Лицо было покрыто ссадинами и волдырями. Однако глаза его смотрели на Конана пристальнее, чем прежде,— взгляд Пра-Юна исполнился страшной силы.

Маг протянул к Конану свою дрожащую руку, и из пальцев его внезапно выплеснулись снопы пламени.

Киммериец охнул. Тело больше не подчинялось ему — казалось, что его погрузили в ледяную воду. Холод сковал его члены.

Скрипя зубами, он попытался силою перебороть внезапную напасть. Лицо его потемнело от напряжения, глаза едва не вышли из орбит. Но все его попытки были тщетными — тело его обратилось в ледяную глыбу, неподвластную человеческим воле и силе.

Лежащий средь угольев камбуджиец заулыбался. Нечестивый огонь вспыхнул в его холодных змеиных глазах.

Не опуская руки, маг стал бормотать слова заклинания.

Сердце Конана пронзила боль. Над ним стала сходиться тьма...

И тут невесть откуда взявшаяся стрела угодила прямо в висок Пра-Юну. Холодные черные глаза погасли.

Тело мага забилось в конвульсиях и наконец замерло. Чары распались, Конан вновь был свободен.

Его окатила волна тепла и силы — тело его вновь вернулось к жизни.

Он поднял глаза и посмотрел в зал. Старый Эрик стоял у стены, в руках он держал тяжелый арбалет. Никогда еще он не стрелял так метко. В зал вбежала дюжина одетых в броню рыцарей и добрая сотня гвардейцев Танасула. Просперо поспел вовремя.

Близился восход. Конан набросил на плечи сына теплую шерстяную накидку. Руки, обожженные медным котлом, ныли, однако, переборов боль, он посадил сына на коня. Долгая страшная ночь, исполненная крови и пламени, подходила к концу, и конец этот был счастливым. Воины Просперо разгромили вражье воинство, убив всех колдунов до единого. Культ смерти был развенчан, страшной Белой Руки, властвовавшей над Севером, больше не существовало.

Конан обернулся. Из узких оконец Похиолы вырывались язычки пламени. Крыша замка уже обрушилась. Под обломками каменных сводов лежали тела Пра-Юна и Лахи. Разве он не предупреждал Лахи о том, что он, Конан, может стать причиной ее гибели?

Вернувшись в Танасул, верный Просперо за пару часов поднял воинство и, не мешкая ни минуты, повел его по тропам Гандерланда и Пограничного королевства. Они передвигались так быстро, что, казалось, за ними гонится сотня демонов.

Войско не останавливалось ни днем, ни ночью, все понимали, что малейшее промедление может обернуться для их короля гибелью. И они поспели вовремя. На стенах замка не было ни души — все колдуны были собраны в зале, где происходила встреча величайших магов мира.

Решетка была поднята, а обитые железом створки ворот распахнулись от легкого прикосновения. Слуги Белой Руки слишком презирали людей для того, чтобы запирать врата

своего замка. Им была ведома лишь одна реальная сила, и принадлежала она их владычице, великой волшебнице Лахи.

Земля сотряслась от грома; пламя взмыло до небес. Рухнули последние своды страшного замка. Похиолы больше не существовало; зло, заключенное в ней, отошло в мир сказаний и легенд.

Донельзя усталый, но счастливый Просперо подошел к Конану, стоявшему рядом с жеребцом, на спине у которого спал его сын. В глазах Конана поблескивали озорные искорки.

— Ты не забыл и о Черном Вотане! — улыбаясь, сказал киммериец и потрепал жеребца по холке. Конь шумно задышал.

— Я полагаю, господин, настало время возвращаться домой? — спросил Просперо.

— Разумеется! Скорее домой, в Тарантию! Охотою я сыт по горло! То ты кого-то ловишь, то тебя ловят! Черт бы побрал эти гиперборейские туманы! У меня от этой сырости в горле першит.— Конан внезапно замолчал и принялся копаться в подсумках.

— Что случилось, мой повелитель?

— Слушай, Просперо, а у тебя случаем не осталось того красного пуантенского вина? Если память мне не изменяет, тогда мы не все выпили...

Конан вновь замолчал и удивленно уставился на своего генерала. Тот хохотал так, что по щекам его текли слезы.

Черный Сфинкс Нептху

1

ПОЛЕ ЧЕРЕПОВ

Над истерзанной, залитой кровью землей Зингары эбеновым покровом нависла ночь. Бледный, скалящийся лик луны смотрел сквозь рваные облака, несущиеся по небу, на объятую смертью землю. Равнина, полого спускавшаяся к устью мелководной Алеманы, была усеяна трупами людей и коней. Здесь лежали сотни и сотни рыцарей и йоменов. Лица одних были погружены в лужи застывшей крови, другие — те, что лежали на спине,— бесстрастно взирали своими окостеневшими глазами на хищно щерящийся месяц. С радостным омерзительным повизгиванием гиены справляли свой пир — отовсюду слышались хруст костей и чавканье. В этом неприютном северо-восточном уделе Зингары людей всегда было мало; долгие века войн с пуантенцами, жившими по другую сторону реки, сделали эти места почти необитаемыми. Люди здесь встречались едва ли не реже, чем волки и леопарды. В народе поговаривали, что с недавних пор здесь поселились и упыри, обитавшие прежде на холмах в центральной части Зингары. Сегодня праздник справляли и они.

Зингарцы называли это мрачное место Полем Черепов. Никогда прежде край этот не оправдывал так своего назва-

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

ния, никогда прежде земли его не пили столько человеческой крови, никогда прежде подобное воинство не полегало на ратном поле.

Здесь захлебнулись в крови тщеславные мечтанья Панто, герцога Гварралидского, исполнившегося решимости занять пустующий королевский трон. На эту карту Панто поставил все. Вместе со своей бандой он завладел западными провинциями Аргоса и стал их владыкой. В битве с ним погибли и старый король Аргоса Мило, и его старший сын, который должен был взойти на королевский престол вслед за отцом.

Разгромив аргоссцев, герцог Панто неожиданно перешел Алиману и напал на солнечный Пуантен. Считалось, что так он хотел укрепить свой тыл перед атакой на зингарскую столицу Кордаву. Впрочем, об этом можно было лишь гадать, ибо аквилонский меч навсегда лишил герцога дара речи.

В тавернах поговаривали о том, что в герцога вселился демон,— некий колдун, завладев душою Панто, сделал его своим послушным орудием. Впрочем, предприятие это заранее было обречено на провал: все понимали, что леопардам Пуантена никогда не удастся совладать с аквилонским львом. Король Конан, правивший самым могущественным королевством Запада, повел свои железные легионы на борьбу с вероломным Панто, угрожавшим его южным границам.

Первое сражение состоялось на зеленых лугах Пуантена. Неистовая атака зингарцев была остановлена хладнокровными воинами из Гандерланда, боссонские же лучники заставили рыцарей Панто повернуть назад. Не успел Панто начать вторую атаку, как Конан поднял свою кавалерию. Возглавили ее гвардейцы аквилонского короля — Черные Драконы. Во главе воинства скакал сам Конан, ратная слава которого защищала его лучше всякой кольчуги.

Зингарцы пустились в бегство, они отходили в Зингару по Пуантенским топям. Разгневанный Конан направил свое воинство по другой дороге. На Поле Черепов, что лежало к югу от Алиманы, армии снова сошлись. Конан наголову разгромил противника, в живых осталось всего несколько зингарцев. Мечтанья Панто утонули в море крови.

На холме, возвышавшемся над усыпанным трупами полем, стоял огромный шатер. Над ним развевалось черное знамя с золотым львом — знамя короля Конана. У подножия холма стояли шатры рыцарей, в одном из которых расположился пуантенский дворянин. Старый граф Троцеро Пуантенский пытался умерить боль вином, в то время как врачи перебинтовывали его раны.

Солдатские палатки стояли на поле. Утомленные воины грелись у костров; многие уже спали. Кое-где солдаты разыгрывали в кости свои боевые трофеи — позолоченные щиты, островерхие шлемы и мечи с богато убранными рукоятями. На рассвете они должны были направиться в глубь Зингары с тем, чтобы положить конец раздиравшим ее распрям и возвести на пустующий престол своего наместника.

Перед королевским шатром с мечами наголо стояли Черные Драконы, охранявшие покой своего повелителя. Однако Конану в эту ночь спать не пришлось. В шатре были зажжены все фонари. Вкруг складного походного стола, инкрустированного слоновой костью из далекой Вендии, сидели походные командиры. На столе были разложены карты. Король готовил своих офицеров к походу.

Ратного опыта ему было не занимать,— вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как он появился на свет на поле брани. Время посеребрило его некогда черные волосы; изуродованное шрамами лицо было изрезано глубокими морщинами. Годы скитаний в дальних странах не прошли для него бесследно, однако былой силы он еще не утратил, да и синие глаза его горели все так же ярко.

Не отрывая взгляда от карты, Конан приказал принести вина. На полученные в бою раны он не обращал никакого внимания, хотя другого они надолго вывели бы из строя. Пока Конан беседовал с офицерами, оруженосцы подносили ему блюдо за блюдом, а врач осторожно промывал и перебинтовывал его раны.

— Этот рубец придется зашивать, мой господин,— тихо сказал хирург.

— Валяй! Если буду ругаться, не обращай на меня внимания. Паллантид, скажи-ка, каким путем лучше всего идти в Стигию?

— Этим, мой господин,— ответил генерал, ткнув пальцем в карту.

— Эге... Я здесь уже бывал. Этой самой дорогой я ушел от колдуна Ксальтотуна...

Конан надолго замолчал. Подперев кулаком голову, он предался воспоминаниям. С той поры как он сразился со страшным колдуном из Ахерона, прошло уже пятнадцать лет. И тут Конана посетила странная мысль. Герцог Панто считался коварным и умелым воином, однако в последнее время он вел себя как безумец. Лишь последний глупец или человек, окончательно сошедший с ума, мог напасть на одну из самых верных и сильных провинций Конана. Конан, со-

шедшийся с Панто в бою и страшным ударом раскроивший ему череп, не назвал бы его ни глупцом, ни сумасшедшим.

Ему вдруг подумалось, что за Панто кто-то стоит, чья-то незримая рука управляет действиями зингарца. Киммериец чувствовал, что дела обстоят не так просто, как ему представлялось вначале. Похоже, и здесь не обошлось без колдовства.

2

ВЕСТНИК СУДЬБЫ

Капитаном Королевской гвардии в эту ночь был уроженец Кофа Амрик; в златостенную Тарантию его привели легенды о силе и отваге короля Конана. Черные Драконы величали Амрика Быком, ибо он был силен, отважен и неистов в бою. Амрик был широк в плечах и говорил басом. Как и большинство обитателей Кофа, он был смугл. Вьющаяся черная борода говорила о том, что в нем была частичка шемской крови.

К королевскому шатру поднимался маленький человечек в грязных белых одеждах. Его смог узнать только Амрик.

— Клянусь пламенем Молоха! — воскликнул капитан.— Если это не друид из страны пиктов, можете считать меня евнухом! — Переложив меч в левую руку, Амрик поднял правую руку в предупредительном жесте.

Человечек засмеялся, продолжая идти вперед как ни в чем не бывало. Его слегка пошатывало. Амрик решил, что друид пьян.

— Твой грех раскрыт, Амрик из Хоршемиша! — внезапно услышал он.

Амрик грязно выругался, помянув имена всех восточных божков. Он заметно побледнел, на лбу выступили капельки пота. Гвардейцы изумленно посмотрели на него, ибо знали о его мужестве и честности, и перевели глаза на странного незнакомца.

Этот пожилой человечек выглядел совершенно безобидно. Он был почти лыс; с бледного дряблого лица на них взирали водянистые голубые глаза. Ноги его были тонкими, как у птицы. Откуда здесь мог появиться этот человечек, было совершенно непонятно,— на воина он явно не походил.

— Бык, да он знает тебя! — проревел светловолосый Ванр.— Дедуля, о каких это грехах ты говоришь. У него

что, ребенок где-то на стороне, или, может быть, он задолжал в питейной лавке столько, что и герцогу за него не расплатиться?

Стражники захохотали, но Амрик тут же прикрикнул на них:

— Попридержите свои языки, выродки!

Повернувшись к человечку, что с ангельской улыбкой стоял опершись на посох, капитан поклонился ему и снял с головы свой шлем.

— Чем я могу быть вам полезен, святой отец? — неожиданно вежливо обратился он к старичку, хотя на языке у него были совсем другие слова.

Амрик не забыл урока, полученного им в те времена, когда он служил в Боссонских Пределах. Там он не единожды убеждался в том, что тщедушные людишки в белых одеяниях, таких же, как у этого старичка, обладают чудовищной силой. На головах эти люди носили золотые обручи, свидетельствовавшие об их сане, в руках же у них всегда был дубовый посох. Это были друиды, жрецы лигурийцев. Светлокожие лигурийцы жили небольшими кланами в стране пиктов вместе с ее коренными жителями, что были ниже их ростом и смуглее. Лигурийцы и сами были варварами, пикты же рядом с ними казались настоящими дикарями. Дикари эти не боялись ни бога, ни черта, однако к друидам относились крайне уважительно.

— Я должен переговорить с вашим королем, прежде чем он ляжет спать,— ответил друид и тут же добавил: — Я — Девиатрикс, верховный друид страны пиктов. Передай своему королю, что я пришел к нему из Великой Рощи и принес с собой послание. Владыки Света повелели мне принять участие в судьбе их слуги Конана.

Бык Амрик поежился, помянул про себя имя Митры и покорно отправился в шатер.

Конан отправил офицеров по шатрам, приказал принести горячего вина и сел за стол. Раны его ныли, но это не мешало ему слушать маленького посланника страны пиктов.

Король Аквилонии не придавал особого значения монахам и жрецам, какому бы богу они ни служили. Его собственный киммерийский бог Кром не обращал на людей никакого внимания: его не заботили ни горести их, ни их страдания. Кром был одним из Древних Богов; однажды он играючи слепил из комка глины Землю и заставил ее кружиться среди звезд. Дальнейшая судьба Земли его нисколько не волновала, возможно, он даже и забыл о ней. Но Кона-

ну, так же как и Амрику, приходилось сталкиваться с пиктами, и его не могла не потрясти их поразительная отвага. Натиск пиктов не могли сдержать даже могучие воители Севера. Союзники пиктов лигурийцы в бою мало чем отличались от этих свирепых дикарей.

За свою богатую приключениями жизнь Конан успел навидаться всякого; монахов и жрецов разного рода он тоже насмотрелся. Лигурийские волшебники друиды всегда казались ему чем-то особым,— наверное, никто не приближался так близко к слепящему свету истины, как эти спокойные улыбчивые люди в белых одеяниях, которым дубовый венец заменял корону.

Разговор вышел долгим — не одну чашу вина выпили Конан и Девиатрикс. Конан слышал это имя и раньше, ибо среди друидов Девиатрикс был первейшим из первых. Не единожды боги говорили с людьми устами этого человека, известного своим пристрастием к хмельным напиткам. О, это был великий друид! Даже сам Декаванахта Кровавый Топор, предводитель воинства пиктов, что не склонялся ни перед кем и ни перед чем, целовал землю, обагренную кровью тысяч врагов, когда Девиатрикс прошел мимо его жилища.

Верховный друид пришел из Великой Нуадвиддонской Рощи, повинуясь приказу Владыки Бездны Нуаденса Аргатлама Серебряной Руки. Девиатрикс принес мрачному гиганту послание Повелителей Творения, некогда вынудивших Конана покинуть родную Киммерию и отправивших его на борьбу со злом в западной части мира. Помимо прочего, в послании этом говорилось и о некой пластинке, выточенной из неведомого камня, что был тяжел как жадеит, но цветом походил на пурпурные башни древней Валузии. Конан понял, что это за камень, хотя даже составители «Книги Скелоса» не посмели сказать о нем ни слова.

Захмелевший белый друид говорил с Конаном целый час. Начинало светать. У шатра появились наследница зингарского трона, дочь покойного короля Фердруго Хабсла, и ее супруг, которые хотели просить Конана о помощи в изгнании самозванцев и восстановлении в Зингаре законной власти. Принцесса Хабела, ее супруг Оливеро и их пышная свита стояли у шатра до самого рассвета, пока Конан слушал рассказ хмельного человечка, одетого в лохмотья.

Солнце еще не взошло, когда запели трубы. Шатры тут же были свернуты, и уже через полчаса аквилонские рыцари были готовы к походу.

Разговор с принцессой занял у Конана десять минут. С той поры, как он видел Хабелу, прошло уже лет двадцать. Тогда она была совсем юной, Конан же в ту пору служил капитаном зингарского капера. Он смог спасти от посягательств коварного стигийского мага Тот-Амона трон Зингары, которой до самой своей смерти правил старый король Фердруго.

За эти годы Хабела заметно располнела. Она все еще была привлекательной, но уже начинала походить на матрону. Седовласый король Аквилонии поцеловал ее в щеку и справился о здоровье одиннадцати детей, но тут же прервал ее и подозвал к себе ее супруга. Приказав Оливеро встать на колени, Конан возложил на его плечи свой тяжелый меч и взял с него клятву в верности и послушании. После этого Конан во всеуслышание объявил Оливеро и Хабелу законными королем и королевой Зингары, сюзереном же их, естественно, становился правитель Аквилонии. Он тут же направил их в Кордаву, приказав небольшому отряду рыцарей следовать за ними в качестве охраны.

Конан потряс головой, пытаясь избавиться от сонливости, и взобрался на своего вороного жеребца. Над воинством, в котором было шесть тысяч воинов, считая всадников и пеших, взвился черный стяг с золотым львом. Войско направилось на юго-восток, к границе Аргоса. Конан шел войной на Стигию.

3

ПОХОД К СТИКСУ

Каждый переход длился не менее десяти часов. Армия могучих аквилонских йоменов двигалась так стремительно, что достигла пределов Аргоса прежде, чем до него долетела весть о том, что армия герцога Панто разбита наголову. Конан отправил послание второму сыну короля Мило юному Ариостро, который находился где-то на юге страны, собирая новое воинство. Конан извещал юного принца о том, что Зингара более не угрожает его стране и восшествию Ариостро на престол теперь не помешает ничто. В то же самое время король Конан испрашивал милостивого разрешения Ариостро на проход аквилонской армии, направляющейся в Стигию, по подвластным ему землям.

Король направил гонцов к своим вассалам Людовику Офирскому и Балардусу Кофскому. Он просил их передать

в его распоряжение армии числом не меньше двух тысяч человек, считая конников и пеших. Армии должны были встретиться на берегу Стикса у Бубастейского брода.

Войско аквилонцев продвигалось все дальше и дальше на юго-восток. Вместе со всеми в скрипучей повозке, запряженной мулами, ехал и маленький друид. Главного своего глашатая герольдмейстера Черного Виверна Конан отослал в свою столицу Тарантию. Ни Просперо, ни Троцеро не понимали того, что же замыслил король, спрашивать же его об этом они не осмеливались, ибо прекрасно знали характер Конана.

Конан пронесся по Шему, словно ураган. Страну зеленых пажитей войско прошло за неполных пятнадцать дней. Время от времени на их пути попадались города, обитатели которых тут же запирали все ворота и выходили на крепостные стены с оружием в руках.

Конану приходилось посылать вперед Троцеро, командовавшего отрядом герольдов,— старый граф был велеречив и хитер и потому легко справлялся со своей непростой задачей. Каждому князю он сообщал о том, что войско аквилонцев не собирается воевать с жителями Шема, одновременно он испрашивал княжеского соизволения пройти по его землям и тут же предлагал деньги. Серебра он не жалел, и потому князьки тут же великодушно соглашались с ним и даже благословляли Конана.

Разумеется, войску аквилонцев ничего не стоило смести эти города с лица земли, но Конан предпочитал не затевать лишних свар и старался решать все вопросы миром. Мародеров он жестоко наказывал: стоило кому-то из солдат утащить в кусты темноглазую уроженку Шема или разжиться где-то свежим мясом, как его брали под арест, с тем чтобы повесить на виду у всех. В молодости Конан и сам был повинен в подобных грехах, но сейчас иного выхода у него попросту не было — закон есть закон. Конан вел свое воинство на Стигию и потому старался сохранять тылы безопасными. Обычно города-государства Шема соседей своих не тревожили, ибо были заняты внутренними распрями и теологическими спорами. Объединиться они могли лишь пред лицом иноземного вторжения. Конану приходилось воевать с жителями Шема — как за них, так и против них. Крючконосые чернобородые ашуры не уступали воинам других стран ни в силе, ни в доблести.

В полдень побелевшее от дорожной пыли войско Конана вышло на берег Стикса. Лагерь был разбит в ивовой рощице неподалеку от Бубастейской переправы. Здесь воины провели полтора дня. За это время они успели отдохнуть и привести в порядок себя и свое оружие. В середине второго дня на берегу появились легионы, прибывшие из Кофа и Офира.

Утром в лагере появился и принц Конн, старший сын короля. С собою он привел табун лошадей. Мальчику было всего тринадцать, но он уже ничем не отличался от своего отца, почти не уступая ему ни ростом, ни силой.

Принц проехал земли Шема за десять дней, но казалось, что он вернулся с утренней прогулки. Синие глаза его радостно поблескивали, на щеках играл румянец. Стоило принцу появиться в лагере, как поляна огласилась радостными криками. Воины любили его не меньше, чем короля, и отправились бы за ним хоть в ад.

Конн остановил коня перед королевским шатром и, спешившись, направился к своему отцу. Лицо Конана оставалось суровым, хотя сердце его ликовало. Он сухо ответил на приветствие сына и пригласил его в шатер. Стоило им скрыться от посторонних глаз, как Конан обнял сына так, что у того затрещали ребра.

— Как поживает твоя матушка? — спросил он.

— Все в порядке,— ответил Конн, улыбаясь.— Когда она услышала о том, что я буду участвовать в сражении, она стала реветь как корова. Больше всего она боится того, что я промочу ноги.

— Что ты хочешь, мать есть мать,— проворчал Конан.— Ты бы знал мою матушку... Но послушай меня, сын, никогда не называй свою мать коровой! Это нехорошо!

Мальчик согласно кивнул, и глаза его засверкали вновь.

— Отец, мы что, действительно переправимся через Стикс? И я действительно буду сражаться рядом с тобой?

— Клянусь Кромом, как же ты еще глуп! Разве иначе я смогу научить тебя воинскому искусству? Когда ты унаследуешь трон, тебе придется защищать его от врагов внешних и внутренних. Гимнастический зал сам по себе неплох, но будущему королю следует упражняться и на бранном поле. Но смотри, ты должен делать только то, что я прикажу тебе,— ни в коем случае не бросайся на врага очертя голову, слава богу, я тебя уже знаю! Ну да ладно, скажи мне лучше, как поживают твои брат и сестра?

Конн стал рассказывать отцу о своем младшем брате — семилетнем Таурусе и о маленькой сестричке Радогунде.

— Я рад это слышать! — сказал Конан, выслушав рассказ сына.— А жрецов ты с собой привел?

— Да. Они привезли маленький ларец, разрисованный странными знаками; что в нем — я не знаю...

Конан кивнул:

— Можешь считать, что в нем спрятано наше тайное оружие. Ну а теперь отправляйся спать. Мы должны оказаться в Стигии еще до рассвета.

4

ЗА РЕКОЙ СМЕРТИ

Темные воды Стикса разделяли земли Шема и Стигии. Кое-кто называл Стикс Рекой Смерти, ибо считалось, что от его вод поднимаются ядовитые испарения, а в глубинах его не может выжить ни одно живое существо. Последнее явно не соответствовало действительности: всю ночь со стороны реки слышались рев крокодилов и тяжелое сопение бегемотов. На людей же река действительно оказывала губительное воздействие: тот, кто хотя бы единожды окунался в воды реки Стикс, заболевал мучительной неизлечимой болезнью.

Никто не знал, откуда берет начало эта река. Она терялась где-то за стигийскими пустынями, в джунглях Кешана и Пунта. Поговаривали, что на землю она вытекает прямиком из преисподней, дабы устрашать и губить людское племя.

Войско пришло в движение еще до рассвета. Первым на камни Бубастейской переправы ступил вороной жеребец Конана. На противоположном берегу виднелись развалины древней крепости, некогда охранявшей брод. Восстанавливать ее стигийцы и не думали; границы Стигии теперь охранялись конными дозорами.

Справа и слева от крепости тянулись поля пшеницы. Справа виднелась и крошечная деревушка, стоявшая на самом берегу. Сразу же за узкой полоской пальм и возделанных земель начиналась пустыня, поросшая зарослями верблюжьей колючки.

Бок о бок с Конаном ехали Троцеро, командовавший Черными Драконами, и Паллантид, помощник главнокомандующего. Отъехав подальше от берега, Конан развернул коня и стал наблюдать за тем, как проходит переправа. Аквилонцы шли по броду двумя колоннами. Стоило легионам выйти на берег, как командиры отдали воинам команду

разуться. Приказ этот исходил от самого короля. Люди недовольно ворчали, не видя в этой странной процедуре ни малейшего смысла, однако Конан не обращал на это никакого внимания,— ему уже доводилось бывать в этих местах, и он знал, что означало промочить здесь ноги.

Король отправил в разведку взвод всадников. Покусывая ус, граф Троцеро подъехал к своему господину и обратился к нему с вопросом:

— Мой повелитель, может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями?

Конан угрюмо кивнул:

— Хорошо, друг мой, я и так слишком долго держал вас в безвестности.

— Зачем мы приехали в эту чертову Стигию? — спросил Паллантид.

— В Стигии живет наш главный враг — колдун Тот-Амон.

Конн, сидевший неподалеку, тут же навострил уши.

— Тот-Амон? — изумленно воскликнул он.— Тот самый Тот-Амон, по приказу которого в прошлом году меня похитила похиольская ведьма?

— Разумеется. Есть только один Тот-Амон,— мрачно ответил Конан.— Клянусь Кромом, как хороша была бы земля, если бы на ней не было этого мерзавца! Белый друид поведал мне о планах стигийца.

— Вы говорите об этом тщедушном пьянчужке Девиатриксе?

— Этот тщедушный пьянчужка — величайший белый маг нашего времени!

Троцеро испуганно замолк, вспомнив о том, как груб он был со старым друидом.

Конан продолжил:

— Оракул Великой Рощи пиктов поведал мне о том, что действиями Панто руководил стигийский колдун. Тот-Амон либо подкупил Панто, либо смог завладеть его сознанием.

— Но зачем? — изумился Троцеро. Паллантид, съехав со склона, направился к воинству,— пора было двигаться дальше.

— Он хотел, чтобы я покинул Тарантию,— ответил старому графу Конан.— Стигиец знал, что я выступлю против зингарцев вместе с вами. Он надеялся на то, что на игры с Панто у нас уйдет никак не меньше пары недель, в течение которых о Тарантии мы и не вспомним...

— Тарантия! Неужели речь идет о королеве?

— Успокойся, дружище. Зенобии и ее детям ничто не угрожает. В Тарантии хранится то, чего Тот-Амон жаждет

сильнее всего на свете. Он надеялся завладеть этой вещицей в мое отсутствие. Для этой работы он нанял лучших воров мира — Гильдию Ариньона. Но Тот-Амон сильно просчитался. Он не предполагал, что я разобью армию Панто так быстро, и не знал о том, что ко мне направлен белый друид, посланец самого Нуадвидона. Он забыл и о том, что весенний разлив сделает перевалы Заморы недоступными и ворам придется идти в Тарантию кружным путем. Тот-Амон считает, что я все еще нахожусь на севере и охочусь за Панто в горах Пуантена. Он ни о чем не подозревает, ибо не знает того, что мне ведомы его планы. Белый друид сделал все возможное, чтобы наш поход остался незамеченным стигийцем. Если нам повезет, мы окажемся у стен его дворца прежде, чем он узнает о том, что наше воинство пересекло границу Стигии.

— Что же это за вещица, которой он так жаждет? — спросил Троцеро.

— Я знаю, граф! — воскликнул мальчик.— Это...

Конна перебил внезапно подъехавший генерал Палламтид:

— Король, все снаряжение уже здесь! Люди готовы к походу!

Конан кивнул:

— Генерал, отдавай приказ к выступлению! Веди армию на восток; милях в трех отсюда находится Бахр, там ты повернешь на юг и пройдешь вверх по течению еще полмили. Я догоню вас.

Повернувшись спиной к Стиксу, Конан обратил свой взор к мглистым далям пустынной Стигии.

— Вот уже второй раз он посягает на мой трон,— еле слышно пробормотал он.— Ну что ж, теперь мы сразимся на его земле. Быть может, здесь он сможет поразить нас своими чарами, но теперь и они не страшны нам, ведь Боги Света на нашей стороне. Смерти я не боюсь, а против клинка моего, думаю, будут бессильны и бесовские чары!

Затрубили рога. Спустившись к реке, всадники поскакали вслед за удалявшейся армией.

5

ГОРОД МЕРТВЫХ

Казалось, что над Стигией довлеет какое-то страшное проклятие. Чем дальше в глубь этой пустынной страны продвигались аквилонские воины, тем тревожнее становилось

у них на душе. В завываниях ветра им чудился чей-то шепот; то и дело откуда-то из-под земли звучали тихие голоса, от которых стыла кровь в жилах. Людей не оставляло ощущение, что за ними следят. Солнце нещадно палило, словно желая изгнать непрошеных гостей. Никакой воды не хватило бы для того, чтобы утолить мучившую воинов жажду.

Они подошли к деревушке, состоявшей из крошечных домишек, что были сложены из необожженной глины. Смуглые ее обитатели при виде грозного воинства тут же пустились в бегство. Бахр оказался мутной илистой речушкой, на берегах которой лежало множество гигантских крокодилов, тяжело плюхавшихся в воду при виде людей.

Войско повернуло на юг и пошло в глубь стигийских земель, стараясь не терять речку из виду. То и дело людям приходилось продираться через густые заросли колючего кустарника. Воины сжимали в руках амулеты, ежеминутно поминая богов и читая мантры. Они направлялись к сердцу этой зловещей, объятой потусторонним мраком земли.

Принц Конн взглянул на солнце и, пришпорив коня, догнал своего отца.

— Отец, мы ведь идем прямо на юг!

Конан пробурчал что-то невнятное.

— Но,— не унимался мальчик,— я всегда считал, что Тот-Амон живет в оазисе Хаджар, который находится куда западнее!

Конан пожал плечами:

— Я рад тому, что тебя научили читать карты. Дело в том, что Тот-Амон покинул это страшное грязное место. Он избрал своей новой обителью Нептху.

— Нептху?

— Это древний полуразрушенный город на самом юге страны. Мы скоро подъедем к нему. Несколько лет тому назад Тот-Амон смог завладеть всей этой страной. Тогда же он стал верховным магом Черного Круга, всемирного братства черных магов, тайный центр которого находится именно в этом городе. Он переехал сюда из Хаджара с тем, чтобы постоянно держать это нечестивое братство под своим контролем. Однажды он уже терял свою власть. Его соперники, такие же колдуны, как и он сам, продали его в рабство. Именно тогда он и появился в Аквилонии...

— Так это он насылал на тебя демона, который не растерзал тебя лишь потому, что на твоем мече был знак феникса?

— Кто же еще? Так уж случилось, что Тот-Амон вновь обрел свое кольцо власти и вернулся в Хаджар. В это время братством Черного Круга командовал его соперник — маг Тутотмес, избравший своей резиденцией Кеми. Сила Тутотмеса была заключена в талисмане, называемом Сердцем Аримана. На какое-то время Черный Круг распался надвое: одни приняли сторону Тутотмеса, другие — Тот-Амона. Но не успели маги сразиться между собой, как на Тутотмеса напал отряд колдунов из Кхитая. Они убили его и, завладев его талисманом, стали охотиться за мной. Но смерть ждала и их. Сердце Аримана попало ко мне, и я вернул его в Тарантию. Теперь, как я уже сказал, Тот-Амон единолично правит Черным Кругом, пытаясь вовлечь в него всех черных магов мира. Оракул поведал мне о том, что сейчас он находится в Нептху.

Конан закончил свой рассказ и задумчиво покачал головой. Внимательно слушавший его граф Троцеро спросил:

— Как охраняется этот город?

Конан пожал плечами:

— Об этом может знать только Митра. Я слышал о том, что этот давно покинутый жителями город превратился в руины. Быть может, маги отстроили его заново и залатали прорехи в его стенах. Но для нас, я думаю, это не имеет особого значения: под моим началом десять тысяч воинов — мы сможем взять город штурмом.

— Всяко может быть,— неожиданно раздался тонкий голосок друида, ехавшего вслед за ними на своей повозке.

Троцеро повернулся в седле и увидел, что друид снова пьян. Заставив себя улыбнуться, граф пробормотал:

— Ох и не нравится мне эта земля!

В ответ Конан не сказал ни слова; дальше они ехали молча.

Солнце уже клонилось к западу, когда разведчики вернулись в лагерь. Город Нептху был мертв.

Армия двинулась дальше, и вскоре воины увидели пред собой развалины древнего города. От огромной стены, некогда окружавшей город, осталось лишь несколько надвратных арок, покрытых резными изображениями щерящихся чудовищ.

Город был совершенно мертв, лишь несколько пташек летало над развалинами. Крыши домов были провалены, стены превратились в груды камня. Нигде не было видно ни огней, ни дыма очагов.

Жеребец Конана задел копытом круглый белый камень, что лежал на дороге. Неожиданно легко камень откатился в сторону, обратившись к людям провалами пустых глазниц. Это был человеческий череп, лежавший здесь с незапамятных времен. Все здесь было мертво. Единственными жителями этого города были скорпионы и песчаные гадюки.

— Что будем делать? — пробормотал граф.

— Разбиваем здесь лагерь. Воду можно брать в Бахре,— распорядился Конан.— О дальнейшем пока думать не стоит.

Скалящийся череп наблюдал за людьми. Казалось, что он усмехается.

6

КАМЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Они разбили лагерь за стенами разрушенного города. Конан прекрасно понимал, что на засыпанных песком и булыжником улицах древней стигийской столицы воины будут чувствовать себя не в своей тарелке. Древние руины — особое место, они населены незримыми тварями и силами, что терпеливо ждут своего часа и околдовывают каждого, кто только посмеет приблизиться к пепелищу, некогда кипевшему жизнью. Стигия и так кишела всевозможной нечистью, это же место даже для нее было особым.

Пока солдаты ломали камыш на берегу Бахра, разведчики объехали окрестные земли. Вернувшись, они доложили своим командирам о том, что места эти совершенно пустынны и необитаемы,— здесь не было ни дорог, ни поселений, единственным примечательным предметом на много миль вокруг была гигантская фигура каменного идола. Солнце уже клонилось к западу, когда Конан повел свой отряд к истукану. Стоило всадникам подъехать к каменному чудищу, как огромный вороной жеребец короля громко заржал и испуганно завращал глазами.

— Кром, Митра и Варуна! — воскликнул Конан, изумленно разглядывая каменного колосса. Тросеро вслух выругался; белый друид же, помянув Нуаденса, Дану и Эпону, тут же приложился к фляге с вином.

Каменное чудище сидело, припав к земле; казалось, что оно готовится напасть на неведомую жертву. Оно было вырезано из блестящего черного камня, похожего на базальт или гагат. Оно походило на сфинкса, но голова его была не льви-

ной и не человечьей, скорее она была похожа на голову собаки или шакала.

— Признаться, я считал, что черные маги этой страны поклоняются только Древнему Змею Сету,— сказал Троцеро.— Никак не возьму в толк — что же это за чудище?

Девиатрикс зажмурился.

— Клянусь рогами Кернуннноса, это дьявольская гиена Хаоса,— пропищал он.— Вот уж не думал, что люди когда-нибудь изваяют ее в камне!

Конан разглядывал фигуру гиеноподобного сфинкса, изумляясь все больше и больше. Скульптор, изваявший ее, был гениален, она выглядела настолько правдоподобно, что казалась живой. Пасть чудища была слегка приоткрыта, так что видны были ее мощные острые клыки. Казалось, что гиена вот-вот зарычит и бросится на незваных гостей. От одной только мысли об этом у Конана по спине пошли мурашки.

— Я думаю, нам пора ехать назад,— сказал король,— иначе это чудище явится нам во сне.

Закатные огни погасли; стигийские пустыни погрузились во тьму. Узкий серп луны на миг показался из-за горизонта, но тут же зашел вновь. Все небо было усыпано яркими мерцающими звездами. Многие созвездия были совершенно неизвестны аквилонцам.

Палаточный городок расположился в полумиле от стен древнего Нептху. Костры ярко горели, озаряя своим пламенем окрестные земли. Завернувшись в одеяла поплотнее, люди пытались уснуть. Стражи — на этот раз их было вдвое больше, чем обычно,— вышли в ночной дозор. Стояла мертвая тишина, однако в воздухе чувствовалось странное напряжение.

Утомленный многодневным походом Конан так и не смог уснуть. Было уже за полночь, когда он поднялся со своего ложа и приказал оруженосцу зажечь лампу. Он плеснул в кружку вина и сел на легкий походный стульчик. Спать совершенно не хотелось, напротив, он чувствовал необычное возбуждение, которое обычно посещало его в минуты опасности.

Ругнувшись, Конан стал одеваться.

— Доспехи! — распорядился он.— Нет-нет, к черту латы. Неси кольчугу! Мы пойдем пешком.

Король отказался надевать всю амуницию, ибо, с одной стороны, это заняло бы слишком много времени, с другой — он стал бы слишком неповоротливым. Сапоги, шлем

и перевязь — вот и все, что он надел на себя. Конан открыл обитый железом сундук и достал из него маленькую шкатулку, привезенную жрецами Митры из Тарантии.

Киммериец зашел в соседние шатры и разбудил Конна и Троцеро. Затем он отправился в палатку белого друида. Тот не спал,— завернувшись в одеяло, друид сидел возле жаровни. Казалось, что Девиатрикс был погружен в глубокий транс: он едва заметно покачивался, глаза же его были слегка прикрыты. Друид напомнил Конану кхитайца, накурившегося мака.

— Вставай, друид! — громко сказал король.— Я чувствую опасность.

Лицо лигурийского жреца было бледным как смерть, глаза его смотрели куда-то в пустоту.

— Глаза,— прошептал друид,— зрячие тени... Где-то поблизости силы зла...

Конан потряс лигурийца за плечо:

— Вставай, жрец! Ты что, снова пьян?

Девиатрикс едва заметно улыбнулся:

— Пьян? Клянусь грудью Матери Дану, король, выпитого мною вина хватило бы на то, чтобы свалить с ног все войско, я же трезв как стеклышко!

Конан вздрогнул и, распахнув полог палатки, выглянул наружу. Там никого не было.

7

ЗРЯЧИЕ ТЕНИ

Не мешкая больше ни минуты, Конан вышел под открытое небо. Удивленный друид, прихватив свой дубовый посох, поспешил за ним. Рядом с палаткой Девиатрикса стояли Троцеро, блиставший полной выкладкой, и позевывающий Конн. В следующее мгновение к ним присоединился Паллантид.

— Что случилось, мой господин? — недоуменно спросил генерал.

— Не знаю что, но что-то точно случилось,— проворчал король.— Разрази их Кром, этих колдунов!

— Может быть, стоит поднять войско?

— Пока не надо. Пусть люди поспят хоть немного. Лучше усильте дозор. Я предлагаю переговорить с караульными, возможно, они что-нибудь заметили. Паллантид, пришли-

ка мне парочку ребят покрепче, что не побоятся ни человека, ни бога, ни самого дьявола!

Через несколько минут из темноты появились два гандерских воина, позвякивавших оружием и непрестанно зевавших. Это были рослые кряжистые парни с безмятежными, словно у детей, лицами. Взглянув на них, Конан одобрительно кивнул головой:

— Идем!

Они прошли меж рядами солдатских палаток и подошли к караульным. Тем не удалось заметить ничего подозрительного, однако Амрик, командовавший дозором, сказал:

— Все вроде спокойно, ваше величество, тишина полнейшая, вот только шакалы где-то воют. Правда, некоторые наши люди жалуются на... как бы это вам сказать... жалуются на тени!

— Какие такие тени? — грозно спросил Конан.

Кофский воин почесал бороду:

— Да глупость это какая-то, ваше величество! Они говорят, что видят тени там, где их быть не должно,— в том смысле, что без предмета тени не бывает. Эти идиоты говорят, что тени наблюдают за ними!

— Зрячие тени! — воскликнул Девиатрикс.— Выходит, я не ошибся!

Конан стал нервно покусывать ус:

— Значит, говоришь, тени? Похоже, они скоро и мышей станут бояться! Ну что ж, сейчас мы посмотрим, так ли это.

Ослабив ножны, Конан повел свой небольшой отряд вокруг лагеря. Вместе с ним в дозор вышли Троцеро, Конн, старый друид и два воина-гандера. Сухой песок тихо поскрипывал под их сапогами. Факелы в руках солдат шипели и потрескивали. В свете пламени хорошо просматривалась вся округа.

Юный Конн внезапно замер и, схватив отца за руку, указал на что-то пальцем. Посмотрев в этом направлении, Конан ахнул от неожиданности:

— Следы! Выходит, за нами действительно следят! А они говорят мне о каких-то тенях! Чего-чего, а следов тень не оставляет...

Троцеро взял в руку рукоять своего меча.

— Мой господин, не пора ли нам поднимать армию?

— Из-за одного шпиона поднимать целое войско? Да это же смешно! Нет, мы пойдем по этому следу и придем в их логово! Пока мы их не выследим, будить людей не стоит.—

Конан подозвал к себе одного из гандеров: — Отправляйся в лагерь и расскажи Паллантиду о том, что мы здесь увидели. Мы пойдем по следу. Пусть он вышлет вслед за нами отряд отборных воинов. Если нам понадобится помощь, мы подадим им знак. Я хочу застать врага врасплох, от них же будет столько шума, что впору оглохнуть.

Киммериец поспешил по таинственному следу. Долгий переход истомил его настолько, что он и думать забыл об осторожности. Спутники едва поспевали за ним. Вскоре лагерь совершенно исчез из виду.

— Смотрите, ваше величество! — прошептал Троцеро, указывая рукою вперед.

Присмотревшись получше, Конан увидел далеко впереди человека в черной мантии, на голову которого был наброшен капюшон. Человек этот направлялся к черному сфинксу. Образ тут же померк. Конан протер глаза и вновь стал всматриваться во тьму.

— Вперед! — прошептал он и прибавил шагу.

8

НОЧНОЙ ПРИЗРАК

Звезды медленно кружили над головой. Конан и его спутники крались по следу таинственной тени. Как они ни спешили, ни догнать, ни хорошенько рассмотреть эту темную фигуру они не могли,— словно призрак, она маячила где-то впереди.

Через какое-то время они оказались у подножия гигантского монумента. Огромная каменная гиена смотрела на них своим немигающим взглядом. Фигура в плаще вошла в узкий проход меж лапами чудовища, поднялась к его груди и — исчезла.

— Кром! — прошептал пораженный Конан. Он был варваром и потому неприязненно относился ко всему сверхъестественному.

Однако вскоре загадка эта была разрешена. Стоило им подойти к каменной груди чудовища, как они заметили трещинку, становящуюся все тоньше. Они стояли перед огромной, в два человеческих роста дверью, которая захлопывалась буквально у них перед носом.

Конан метнулся вперед и вставил в щель свой клинок. Гигантская дверь замерла. Напрягшись изо всех сил, так что

пот выступил у него на лбу, Конан попытался потянуть дверь на себя. Щель стала пошире, и он смог просунуть в нее пальцы.

Дверь со скрипом открылась. Конан поднял свой меч и, ни минуты не раздумывая, вошел внутрь. Остальным не оставалось ничего иного, как только следовать за ним. Последним в дверь вошел друид — видно было, что делает он это нехотя.

Воина-гандера Конан отослал назад, напутствовав его такими словами:

— Торус, слушай! Подопри дверь пикой и беги в лагерь. Пусть Паллантид ведет сюда все наше войско. Да смотри нигде не задерживайся! Мы отправимся вперед, ждать вас не будем.

Они оказались в просторном коридоре с высокими сводами. Пламя факела тревожно затрепетало. Конан и его спутники осторожно двинулись вперед, боясь попасть в западню или засаду. По широкой каменной лестнице, которой заканчивался коридор, они спустились вниз и оказались под землей.

— Клянусь Митрой, именно поэтому мы никого не встретили! — прошептал Троцеро.— Все колдуны спрятались здесь, в этом подземном лабиринте!

Это действительно был лабиринт. Подземные коридоры то и дело разветвлялись, образовывая запутанную сеть. Чтобы не заблудиться, Конан при каждом повороте делал смолистым факелом отметку на стене. Они шли все дальше и дальше вперед, но коридоры оставались все так же пусты. «Где же скрываются эти проклятые колдуны?» — подумал Конан и сказал вслух:

— Мы все идем и идем, а этим коридорам и конца не видно! Если правы те, кто утверждает, что земля круглая, мы скоро окажемся на другой ее стороне!

Они вновь подошли к лестнице. Стоило им спуститься по ней, как Троцеро испуганно прошептал:

— Мой господин, может быть, нам все-таки стоит дождаться других?

— Может быть, и стоит,— угрюмо ответил ему Конан.— Но прежде я хочу хорошенько осмотреть это место. Воины скоро подойдут, нам же пока, как видишь, опасаться некого. Идем!

Они оказались в огромном круглом зале, схожем с амфитеатром. Повсюду виднелись каменные скамьи. Конан под-

нял факел высоко вверх, но так и не смог рассмотреть центра зала. Ему вдруг вспомнился огромный ипподром в его столице Тарантии.

— Интересно, для чего им эта штука? — озадаченно пробормотал он.

Троцеро хотел было что-то ответить ему, но тут вдруг раздался совсем иной голос — низкий, полный силы, в котором звучали торжествующие нотки.

— С помощью этой штуки, Конан Аквилонский, мы избавляемся от наших врагов!

Конан вздрогнул. Прежде чем он успел двинуться, вспыхнул холодный искусственный свет, который был едва ли не столь же ярок, как свет солнца, хотя и не имел видимого источника. Киммериец увидел, что на скамьях, стоявших по другую сторону зала, сидят сотни и сотни одетых в черное людей. Справа от него зияла огромная арка, что была ничуть не меньше той двери, через которую они проникли в подземелье.

Прямо перед Конаном на огромном троне, вырезанном из черного камня, восседал крупный человек, одетый в простую зеленую рясу. Видно было, что это чистокровный стигиец; хищное лицо его казалось вырезанным из бронзы, темные глаза смотрели на людей едва ли не брезгливо.

— Добро пожаловать в мою империю,— усмехнувшись, сказал Тот-Амон.

Если бы Конан знал, что Торус, которого он послал за подкреплением, лежит, истекая кровью, в сотне метров от черного сфинкса, пронзенный стигийской стрелой...

9

ОРУЖИЕ СТИГИЙЦЕВ

Паллантид не успевал отдавать команды. Со всех сторон звучали трубы и гремели копыта.

Стоило Конану и его спутникам исчезнуть за каменной дверью, как дела приняли дурной оборот. Все началось с предательства кофского и офирского легионов. Палатки их стояли на самом краю лагеря. Дозорные один за другим подбегали к генералу, докладывая ему о том, что все кофийцы и офирцы внезапно покинули лагерь, то ли поддавшись панике, то ли заранее решив покинуть аквилонское воинство.

Паллантид принялся ругаться на чем свет стоит. Он отдал приказ поднять взвод кавалерии и нагнать предателей, но тут вдруг оказалось, что аквилонцы остались без коней — на них бежали пешие легионеры Кофа и Офира.

В это время в лагере появился один из гандеров и передал генералу приказ Конана о снаряжении отряда, который должен был последовать за своим королем. Не успел Паллантид отправить людей, как к нему подбежал еще один запыхавшийся дозорный:

— К оружию, мой господин! Мы окружены! Стигийцы идут на нас со всех сторон!

Из-за барханов, окружавших лагерь, на поле выехало множество вражеских лучников. Понять, сколько их, было невозможно. Они с диким воем носились вокруг лагеря, засыпая его стрелами. Стигийцы стреляли наудачу, однако стрелы их унесли с десяток жизней. Лагерь наполнился криками и стонами.

На вершине одного из барханов появился взвод лучников, стрелявших огненными стрелами. Подобно кометам, прорезали они ночную темень. Одна за другой стали вспыхивать палатки.

Аквилонские воины по большей части уже не спали,— их разбудила суета, возникшая при известии об измене. Задыхаясь от дыма, они выходили из своих палаток, на ходу надевая шлемы и перевязи.

— Тушите огонь! — закричал Паллантид.— Сворачивайте палатки! Сенвульф! Где ты, черт бы тебя побрал?!

— Я здесь,— ответил стоявший рядом с ним капитан боссонских лучников.— Где король?

— Бог его знает! Он отправился по следу шпиона! Расставь своих людей вокруг лагеря и заставь их поупражняться в стрельбе. Пусть обратят особое внимание на тех, что стреляют огненными стрелами. Амрик!

— Я здесь, мой генерал!

— Пусть твои люди, вооружившись пиками, окружат боссонцев. Надеюсь, брустверы они и без моей помощи выроют.

Тот-Амон зловеще улыбнулся.

— Слишком уж часто ты переходил мне дорогу, киммериец,— сказал самый страшный колдун земли.— Впервые ты ступил на эти земли сорок лет назад. Я должен был раздавить тебя еще тогда, когда ты был немощен и мал. Знай я тогда, с кем имею дело,— и то был бы уничтожен одним

движением моего мизинца. Я мог это сделать в доме Каллиана Публико или в столице Зингары Кордаве, когда ты помешал мне стать ее правителем. Я мог убить тебя в крепости графа Валенсо, что стояла на самом берегу Западного моря, где я увидел тебя впервые. Мог я тебя уничтожить и в бытность свою рабом Аскаланте из Тарантии,— тогда ты только начинал править Аквилонией, верно? Как видишь, просчетов я допустил немало, но ничего, это дело поправимое.

Конан отдал факел Троцеро и сложил на груди свои могучие руки. Лицо его оставалось бесстрастным, глаза же сверкали синим пламенем.

— Ты можешь говорить что угодно, стигиец. В конце концов, каждый имеет право на свое мнение,— спокойно заговорил Конан.— И все же для того, чтобы заманить меня сюда, ты истратил едва ли не все свои силы, верно?

Со скамей послышались шипение и полные возмущения крики. Тот-Амон сардонически рассмеялся:

— Ну ты и пес! Твое спокойствие восхищает меня так же, как моих собратьев возмущает твоя дерзость! Но поверь мне, теперь тебе уже никто не поможет. Ты заслужил наказание: слишком уж часто ты мешал мне. Будем считать, что наша комедия подошла к концу. В ловушку попал не только ты, в ловушке оказалась и твоя армия. Пока мы любезничаем, мои воины сражаются с твоими людьми. Аквилонским рыцарям не устоять против наших сабель. Сегодня погибнет не только король — вместе с ним исчезнет с лица земли и его воинство.

Конан пожал плечами:

— Как знать. Боюсь, мои рыцари изрубят твоих людей как капусту. В этом я нисколько не сомневаюсь.

— Ты забываешь о том, что мы вооружены не только саблями...

Тот-Амон улыбнулся и щелкнул пальцами. Из пальцев его вырвалась изумрудная молния, пронзившая меч Троцеро. Сталь мгновенно раскалилась докрасна. Троцеро, вскрикнув, выронил меч из рук и сунул обожженные пальцы в рот.

— На нашей стороне и магия,— закончил Тот-Амон.

Конан смотрел на Тот-Амона так же бесстрастно.

— С магией возможно бороться магией,— тихо сказал он.

Крошечный человечек, стоявший рядом с Конаном, сбросил со своих плеч темный плащ, прикрывавший его белую мантию и дубовый посох. На трибунах поднялся переполох.

— Это белый друид из страны пиктов! — громко сказал кто-то.

— Верно,— мрачно кивнул Тот-Амон.— Если мне не изменяет память, то это не кто иной, как Девиатрикс.

— Девиатрикс! — испуганно вскричали с трибун.

Верховный маг жестом руки успокоил своих собратьев. На Конана и его товарищей устремились взгляды сотен глаз. Установилось напряженное молчание.

Конан почувствовал, как по спине поползли мурашки. Сердце его стало наполняться смертельным хладом. Мускулы онемели, зрение стало слабнуть, сердце билось все реже и реже. Юный Конн охнул и зашатался.

— Колдовство...— почти беззвучно прошептал Конан. Все вокруг него поплыло, еще минута — и он должен был грохнуться наземь...

10

БЕЛЫЙ ДРУИД И ЧЕРНЫЙ МАГ

И тут друид рассеял колдовские чары. Он развел руки в стороны и взмахнул своим дубовым посохом. К изумлению Конана, посох вдруг покрылся нежной листвой. Девиатрикс стоял в центре пульсирующей золотой сферы. В воздухе запахло молодой зеленью. Золотистый свет и благоухание заполнили собою весь зал.

Маги Черного Круга в страхе отвернулись. Иные из них вытирали с лица пот. Девиатрикса стало пошатывать,— похоже, хмель все же ударил ему в голову. Однако, невзирая ни на что, этот маленький тщедушный человечек продолжал держать зал под своим контролем.

Тот-Амон уже не смеялся,— сведя брови, он пытался сконцентрироваться. Неожиданно он поднялся во весь свой рост и послал в сторону белого друида изумрудную молнию. Девиатрикс отразил ее своим посохом, и она превратилась в сноп шипящих искр, которые тут же погасли.

Однако Тот-Амон не унимался, он метал в друида все новые и новые молнии. Воодушевленные примером своего предводителя, маги один за другим подымались на ноги, и вскоре на друида посыпался настоящий изумрудный ливень. Какое-то время золотой пульсирующий щит ауры защищал друзей, но чувствовалось, что Девиатрикс уже начинает ослабевать. Все чаще и чаще изумрудные молнии впивались в песок у самых ног Конана и его товарищей.

— Белой магии недостает силы, киммериец! — радостно воскликнул Тот-Амон.

— Значит, настало время прибавить ей сил!

Конан вынул из-за пояса маленькую шкатулку и достал из нее кроваво-красный кристалл, тут же наполнивший зал ослепительным сиянием. Конан передал камень Девиатриксу, и тот схватил его так, как утопающий хватается за руку спасателя.

Стоило друиду взять камень, как золотая аура вспыхнула с невиданной силой, ослепив своим блеском колдунов. Крики ужаса раздались с трибун: кто-то пытался бежать, кто-то, заслонив от света глаза, падал замертво. Белый друид исполнился нечеловеческой силы, теперь он казался огромным. Визг не затихал. Маги теснились в узких проходах, пытаясь поскорее покинуть зал.

— Сердце! — воскликнул Тот-Амон, смертельно побелев. В одно мгновение он превратился в дряхлого старика.— Сердце Аримана! — вновь горестно возопил он.

Конан рассмеялся:

— Ты думал, что я приду в твое логово без этого талисмана? Наверное, ты считаешь меня все тем же глупым юнцом, который сорок лет назад покинул Север и отправился скитаться по свету! Все эти годы Сердце хранилось под сводами Митраэума. Когда друид поведал мне о твоих коварных замыслах, я послал гонцов за ним и за старшим своим сыном. С этим амулетом старый Девиатрикс сможет одолеть и тысячу твоих магов. Я знаю, почему ты так жаждал заполучить его,— ты боялся, что кто-нибудь сможет использовать его против тебя. Именно для этого Боги Запада послали этого друида в пустынные стигийские земли. Никто, кроме него, не сможет устоять перед соблазном, исходящим от этого камня! Еще бы! Владеющий им подобен богу! Лишь Девиатрикс, этот маленький пьянчужка, способен исполнить волю богов!

Лицо Тот-Амона искривилось гримасой боли, руки его безвольно повисли. Многие маги были уже мертвы, прочие носились по залу в поисках выхода, а золотое сияние становилось все сильнее и сильнее...

Однако Тот-Амон и не думал сдаваться. Конан, ужаснувшись, увидел, что мага стала заволакивать тьма, обнимавшая его огромными змеиными кольцами. Неужто сам Сет решил прийти на помощь своему верному слуге? Тяжело дыша, Тот-Амон пробормотал:

— Ты заставляешь меня прибегнуть к силе, киммериец...

Темные кольца вокруг него стали сгущаться; теперь были видны только его горящие глаза. Конана бросило в дрожь, когда он услышал страшное заклинание, слетевшее с уст мага. Странные и жуткие эти словеса отразились эхом от каменных сводов.

Теперь все взгляды были устремлены на черный провал в дальнем конце зала. Тьма неожиданно пришла в движение. Тот-Амон радостно засмеялся.

11

ИСЧАДИЕ ТЬМЫ

Из провала медленно выходило что-то темное. Понять, что это, Конан не мог, ибо движущееся темное пятно казалось ему продолжением тьмы провала. Однако пятно это не было и тенью, ибо земля под ногами неведомого чудовища тяжело содрогалась.

— Кром! — прошептал потрясенный Конан.

Товарищи его при виде этого чудовищного зрелища испуганно отступили назад.

— Да помогут нам боги! — простонал Девиатрикс.— Это и есть существо, которое люди изваяли в камне! Адские твари, подобные этой, слишком тяжелы для нашей земли. Подумать страшно, сколько столетий оно ждало этой минуты! Теперь мы можем надеяться только на Владык Света,— даже Сердце Аримана не позволит мне совладать с этим исчадием тьмы, порождением самого хаоса!

Конан обвел взглядом усеянные трупами скамьи. Все маги, включая самого Тот-Амона, покинули зал, убоявшись зверя, пробудившегося от многовекового сна.

— Скорее наверх! — прокричал Конан.— Троцеро, дай мне факел! Бежим! Бежим!

Они понеслись вверх по лестнице и вскоре уже бежали по разветвленным запутанным коридорам. Конан то и дело посматривал по сторонам, надеясь обнаружить какой-нибудь узкий проход, в который не смогло бы протиснуться черное чудовище. Однако все коридоры были одинаково широки — похоже, лабиринт строился именно для чудища.

Надеяться им было почти не на что. Громыхая сапогами, Конан несся по бесконечным коридорам, призывая на помощь бесстрастных богов своей холодной родины.

Вскоре вокруг лагеря выросли укрепления из песка и всевозможного скарба, которые хоть как-то защищали вооруженных острыми пиками гандеров, рыцарей Аквилонии и Пуантена и метких боссонских лучников. Стоило стигийской армаде приблизиться к лагерю, как лучники, поднимаясь во весь рост, осыпали их таким морем стрел, что стигийцы немедленно отходили назад. Тяжелые аквилонские стрелы легко пронзали тонкие кольчуги врага, и вскоре возле укреплений лежали уже целые горы вражеских трупов.

Паллантид был настроен крайне мрачно. На востоке уже занимались сумерки, но грядущий день не сулил его армии ничего хорошего. Оставшиеся без конницы аквилонцы не могли нанести превосходящему их числом противнику ответного удара: стигийская кавалерия тут же разгромила бы пехотинцев.

Свои позиции им пока удавалось отстоять, но с рассветом у стигийцев должен был появиться могущественный союзник — раскаленное солнце пустыни. Запасы воды подходили к концу, о том же, чтобы прорваться к берегам Бахра, не могло идти и речи.

Запаса стрел должно было хватить еще на час-другой. Даже при самом удачном стечении обстоятельств аквилонцы могли продержаться разве что до вечера.

И тут генерал увидел нечто странное. Стигийская армада, неистово круживщая вокруг лагеря, неожиданно стала отходить, всадники поскакали в направлении черного сфинкса. Не прошло и получаса, как стигийское воинство скрылось за барханами.

Паллантид тут же послал вслед за ними известного своей проворностью воина. Тот взобрался на высокий бархан, стоявший поодаль, и вскоре уже был в лагере.

— Нет, генерал, возвращаться они пока не думают. Все их воинство собралось у этой отвратительной статуи. Они слушают своих полководцев. Но похоже, долго отдыхать нам не придется: если я не ошибся, среди них появились всадники, одетые в черную броню.

Паллантид обернулся на свое воинство. Люди завтракали как ни в чем не бывало.

— Возможно, мы и отобьем первую их атаку,— тихо сказал Паллантид Сенвульфу и Амрику.— Но я нисколько не сомневаюсь в том, что за первой атакой последуст и вторая. На передний край обороны мы должны выставить рыцарей, одетых в латы...

Генерал вдруг почувствовал всю безнадежность их теперешнего положения. Спасти их могло разве что чудо.

И куда же запропастился Конан?

12

ПИРШЕСТВО ЧЕРНОГО ЗВЕРЯ

Каменная дверь со скрипом отворилась. На пороге показался огромный Конан, державший в руках факел. За ним стояли принц Конн, граф Троцеро и друид Девиатрикс, сжимавший в кулаке Сердце Аримана.

Свет звезд начинал меркнуть. Люди стояли в узком проходе меж лапами каменного чудища, каждая из которых была высотой в два человеческих роста. Перед ними расстилалась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустиками верблюжьей колючки.

Впереди не было видно никого и ничего, однако с другой стороны — откуда-то из-за каменной лапы — слышались поскрипывание седел, брякание оружия, пофыркивание верблюдов и человеческие голоса. Громче всех звучал голос стигийского генерала, призывавшего своих воинов не щадить врага, осквернившего своим появлением святые земли Стигии. Голос его отражался эхом от каменной громады.

Приложив ладонь к уху, Конан прислушался: из подземелья послышались тяжелые шаги гиеноголового чудовища.

— Оно идет за нами,— прошептал он.— Вперед нам тоже идти нельзя: похоже, Тот-Амон собрал здесь всю свою армию. Если мы попытаемся бежать, они тут же заметят нас...

Земля стала подрагивать. Где-то за черным сфинксом запели трубы и забили барабаны. Стигийское воинство пришло в движение.

Конан затушил факел и жестом пригласил спутников следовать за ним. Едва люди вышли из каменного коридора, как в темном проеме появилась чудовищная гиена. Остановившись на пороге, зверь стал принюхиваться.

— Смотрите — там овражек! — прошептал Конан, указывая вперед.— Бежим!

Они метнулись в сторону и, скатившись на дно неглубокого овражка, залегли, боясь пошевелиться. Чудовище медленно пошло вслед за ними. И в тот же миг из-за левой лапы каменного истукана выехали передовые колонны стигийцев. Чудище стояло в нескольких метрах от них.

Ночь наполнилась криками, полными ужаса. Град стрел и копий полетел в черного зверя.

Чудовище заревело и бросилось на стигийцев. Оно давило людей своими страшными лапами и рвало в клочья их коней и верблюдов, справляя свой ужасный пир. Кони, обезумев, сбрасывали с себя седоков, которые тут же оказывались в пасти черного зверя. Генерал попытался было остановить своих объятых паникой людей, но те уже не слышали его,— армия стигийцев пустилась в бегство...

Черный зверь носился по полю, давя людей сотнями. Он все убивал, и убивал, и убивал...

Едва над горизонтом показалось солнце, чудище поспешило в свое подземное логово. Каменная дверь с глухим стуком закрылась.

Конан и его спутники, все это время лежавшие на дне овражка, направились к лагерю. Аквилонцы, приготовившиеся к последнему бою, встретили их радостными криками.

Часть имущества сгорела во время ночного пожара. От стрел стигийцев погибло несколько десятков воинов. Раненых же было куда больше.

Конан и Паллантид приказали своим воинам изловить коней и верблюдов, бродивших вокруг лагеря, и собрать брошенный стигийцами скарб. Армия готовилась к новому походу.

Белый друид, так и не выпускавший из рук Сердце Аримана, занялся исследованием духовного плана. Выйдя из транса, он сообщил Конану, что Тот-Амон покинул Непхту и направился на юго-восток, в таинственное царство Зембабве.

Армия была готова к выступлению. Рыцарские латы были заменены на легкие кольчуги, не обременявшие низкорослых стигийских лошадок своим весом. Части воинов пришлось пересесть на верблюдов.

Конан тоже сел на верблюда, обхватив его передний горб ногами.

— Еще бы я не знал, как это делается! — довольно посмеивался он.— Кто, как не я, командовал кочевниками-зуагирами! Если с верблюдом обходиться по-доброму, он и коня переплюнет.

Прищурившись, он посмотрел на затянутый белесой дымкой горизонт. Сидевший в своей повозке Девиатрикс блаженно улыбался. Он вновь был пьян.

— И все же Владыки Света нас не оставили, король! — громко воскликнул друид и, повернувшись к Конну, ехавшему на стигийском пони, попросил у него меч.

Конн передал Девиатриксу свой клинок, и тот указательным пальцем правой руки начертал на нем несколько рун, чудесным образом запечатлевшихся на его булатной стали.

— Что это? — изумился Конн, взяв меч в свои руки.

Девиатрикс хитро заулыбался:

— Ничего не спрашивай, мальчик. С тебя достаточно будет и того, что прошлой ночью мне посоветовали это сделать. Мне было сказано, что руны эти тебе помогут. Ну а теперь позвольте мне откланяться!

К Конану подъехал его боевой генерал Паллантид.

— Армия готова к маршу, ваше величество! — доложил он.

— Чего же ты ждешь? Давай команду к выступлению!

— Позвольте узнать, куда же мы теперь направляемся? — ехидно осведомился Троцеро.

Конан широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами:

— В Зембабве, куда же еще? Если понадобится, то мы отправимся и на край света!

Над пустыней запели трубы.

Алая луна Зембабве

1

ЗЕЛЕНЫЙ АД

Пуантенский граф Троцеро едва не вывалился из седла, когда его коренастая лошадка поскользнулась в очередной луже. Одной рукой он держал поводья, другой — отмахивался от назойливых москитов, вьющихся роем над его головой. Граф еле слышно чертыхнулся. Позади раздалась отборная ругань: конь Паллантида, командующего аквилонской армией, ехавший следом, поскользнулся в той же самой луже.

Троцеро с тоской во взоре посмотрел на низкие мрачные тучи. На небе не было ни просвета. С обеих сторон тропы стеною вставали заросли высокого — в два человеческих роста — тростника. Кони уныло месили грязь, то и дело увязая в зловонной луже. В сезон дождей равнины Зембабве превращались в сплошное непроходимое болото.

Дожди должны были прекратиться только через две недели. За пару дней солнце высушило бы болото, превратив его в выжженную пустошь, а грязь обратилась бы в плотную, как камень, корку. Однако все это должно было произойти только через две недели...

— Похоже, скоро дождь пойдет,— сказал Троцеро.

Генерал Паллантид хмуро взглянул на небо.

— Ну у тебя и шутки, граф! — буркнул в ответ генерал.— Он идет уже десять дней кряду. У меня от него уже кольчуга заржавела! Интересно, сколько же мы будем так идти?

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

Троцеро улыбнулся:

— Спроси у Конана. Осторожно, змея!

Через тропу беззвучно ползла огромная, толщиной в ногу, болотная гадюка. Едва она скрылась в зарослях, кони тронулись с места.

— Это треклятое болото у меня вот где уже стоит! — проворчал генерал.— Жаль, нет с нами этого старикашки друида! Он бы нас в Древний Зембабве по воздуху перенес, и мы не месили бы эту грязь своими ногами! Половина коней и верблюдов уже издохла, болотной лихорадкой заболел едва ли не каждый второй. Одного не могу взять в толк: если мы даже и дойдем до заповедного города, то как же мы будем, черт его подери, сражаться?!

Троцеро пожал плечами. Поход длился уже больше месяца. Вначале войско шло вдоль восточных границ Стигии, следуя вверх по Стиксу. Затем река резко повернула на юг, и они оказались на равнинах, населенных шемитскими кочевниками-зуагирами, перегонявшими с места на место огромные стада овец и верблюдов.

Покинув пределы Стигии, войско оказалось меж землями Кешана и Пунта. Пустыня сменилась поросшими буйными травами саваннами; стали появляться и деревья. На юге Пунта берега Стикса обратились в непроходимые топи, и войску пришлось забирать далеко влево, чтобы обойти их. Теперь же они приближались к границам таинственного Зембабве.

Троцеро то и дело поминал белого друида Девиатрикса, хотя был человеком образованным и в чудеса не верил. Там, в древней стигийской столице, этот старый пропойца смог справиться с доброй сотней магов. Если бы не он, песенка аквилонцев уже была бы спета. Черного Круга больше не существовало, хотя Тот-Амону и удалось бежать в покрытое непроходимыми джунглями Зембабве. Граф никак не мог взять в толк, чего ради Конан с таким остервенением преследует стигийца. Маг есть маг, и совладать с ним могут только маги...

И все же Конан решил положиться на собственные силы, словно забыв о том, что там, в Нептху, его спасли от смерти белый друид и Сердце Аримана. Впрочем, Троцеро знал и о том, почему Конан отпустил Девиатрикса.

Декаванатха, вождь суровых пиктов, погиб в сражении. Преемник же его Сагояга был полон честолюбивых замыслов: он решил собрать племена пиктов и лигурийцев, дабы захватить западные провинции Аквилонии. Единственным человеком, способным остановить Сагоягу, был белый друид.

Девиатрикс покинул аквилонское воинство еще в Стигии. С собою он захватил и Сердце Аримана, с тем чтобы отвезти его в Тарантию и вернуть жрецам великого Митраэума. Конан волшебником не был, и потому талисман этот вряд ли смог бы помочь ему.

Прежде чем покинуть аквилонцев, друид с помощью волшебства смог узнать, где же скрывается Тот-Амон. Северные союзники мага — гиперборейское братство Белой Руки — были уничтожены аквилонцами за год до этого. Восточный Алый Круг со смертью своего правителя Пра-Юна, царствовавшего в легендарном Ангкоре, также распался.

Заповедный город Зембабве был единственным местом на земле, куда мог отправиться Тот-Амон. Городом этим правил страшный Ненаунир, жрец Дамбаллы, под началом которого было три миллиона черных варваров. Туда-то и бежал Тот-Амон. Туда же направлялся и Конан.

2

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ СМЕРТИ

Как и предполагал Троцеро, Конан объявил о привале лишь с наступлением сумерек. К счастью, неподалеку от тропы высился зеленый холм, и воинам не пришлось вновь ночевать на болоте. Лагерь решено было разбить на его вершине.

Вскоре на склонах холма уже весело потрескивали костры. Усталые, опухшие от укусов москитов аквилонские воины, чертыхаясь, чистили своих лошадей и пытались высушить у костров раскисшие сапоги. У подножия холма расхаживали дозорные. Отовсюду слышался скрежет и лязг оружия: люди пытались очистить его от ржавчины.

Черный шатер короля стоял на самой вершине. Королевский штандарт свисал с шеста темной сырой тряпкой.

Внутри шатра над чашей с горячей водой стоял Конан, пытавшийся смыть с себя пот и въевшуюся в поры грязь.

Владыке Аквилонии было уже за пятьдесят, однако возраст и известная праздность его нынешней жизни почти не сказались на нем. Время смогло разве что посеребрить темные волосы и усы да покрыть морщинами загорелое обветренное лицо, мышцы же его при этом ничуть не утратили своей былой силы. Пока король вытирал досуха свое тело,

пажи накрыли на стол ужин, предназначавшийся для него и принца Конна. Ужин этот состоял из вареного мяса и черствого хлеба. Запасы вина давно уже вышли, воины и король утоляли жажду водой из болота. Конан, памятуя о совете старого мудреца Алхемида, заставлял своих воинов пить только кипяченую воду. Воины недовольно ворчали, однако не смели ослушаться своего короля.

Набросив на плечи просторную мантию, Конан отпустил пажей и приступил к трапезе. Бесконечное путешествие по знойным пустыням, непролазным джунглям и бескрайним болотам уже начинало утомлять и его. Впрочем, усталость эта никоим образом не влияла на его решимость раз и навсегда покончить с заклятым своим врагом.

Помимо прочего, в путешествии этом Конан, как ни странно, отдыхал душой — он оставался все тем же бродягой, пиратом, искателем приключений, которого тяготили и утомляли жизнь во дворце и дворцовые увеселения.

В шатер вошел принц Конн. Конан промычал что-то невразумительное и жестом пригласил мальчика к столу.

— Как наши скакуны? — взявшись за следующий кусок мяса, спросил Конан.

— Я их уже почистил, отец. Твой верблюд едва не укусил меня.

— Значит, ты чем-то его обидел.

Принц Конн вздохнул:

— Как жаль, что с нами нет вороного Имира.

— Конечно жаль. Но ничего, когда мы вернемся назад, я его непременно отыщу, пусть даже для этого мне придется прочесать и Коф, и Офир.

Аквилонцы потеряли своих коней у стен Нептху — дезертиры из кофского и офирского легионов увели их с собой. Воинам Конана пришлось пересесть на стигийских лошадок и верблюдов; кроме того, несколько десятков верблюдов было куплено у зуагиров.

Конан любовно смотрел на сына. Мальчик походил на него буквально во всем. Он был не только похож на отца, но и перенял все его манеры. Конн был уже выше большинства взрослых аквилонцев, хотя отцу своему все еще был по плечо.

Во время зингарской кампании мальчик оставался со своей матерью в Тарантии. Когда же Конан понял, что ему придется идти войной на Стигию, он послал в свою столицу гонцов, и они вернулись назад с магическим талисманом,

носившим имя «Сердце Аримана», и с его старшим сыном, принцем Конном.

С тех самых пор Конан не отпускал от себя мальчика ни на шаг, хотя советники и корили его за это, говоря, что тем самым король подвергает неоправданному риску своего наследника. Конан не придавал их словам никакого значения, ибо считал, что будущий король Аквилонии должен вырасти настоящим мужчиной, а никак не изнеженным слюнтяем, способным разве что помыкать другими. Воинскому же искусству следовало учиться именно на поле боя, а не в стенах дворца.

Покончив с трапезой, Конан предложил сыну пройтись. Король хотел увериться в том, что воинству его ничто не угрожает. Он сбросил с себя мантию и натянул промасленную кольчугу прямо на голое тело. Надев начищенные до блеска сапоги и кожаную перевязь, Конан вслед за сыном вышел из шатра. Не успели они сделать и пары шагов, как в лагере поднялся невообразимый шум.

Запели трубы, заржали кони, послышался топот сотен ног. Но заглушало все эти звуки странное гудение, доносившееся невесть откуда. Так гудели паруса галеона, когда они наполнялись настоящим ветром,— звук этот был знаком Конану со времени его морских походов с барахскими флибустьерами и зингарскими пиратами.

Над горизонтом, объятым туманной дымкой, уже стоял месяц. На небосводе одна за другой загорались звезды. Прямо же над их головами кружили огромные крылатые тени, похожие на гигантских летучих мышей.

3

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

Конан замер от изумления. Лучники, стоявшие рядом с ним, целились в небо. Прямо на них неслось черное чудовище с телом большим, как у льва, изогнутой длинной шеей и змеиной головой. Чудище раскрыло пасть, усеянную острыми как иглы зубами; глаза его полыхали адским пламенем.

Сложив крылья и выпустив когти, чудище падало прямо на людей. Боссонцы выпустили в него свои стрелы, и крылатая тварь, хрипло закричав, вновь взмыла в небо. Человек, сидевший на ней, упал у самых ног Конана. Это был

высокий мускулистый негр. Его набедренная повязка была сделана из обезьяньей шкуры, на плечи был наброшен плащ, сшитый из шкур леопардов. Из груди негра торчала пара боссонских стрел.

— Клянусь кровью Крома, они смогли приручить этих тварей! — воскликнул пораженный Конан.— Метьте в седоков!

На них летело сразу несколько монстров, и на спине у каждого было по черному седоку. Черные наездники стали метать в аквилонцев копья. Одна из тварей схватила в свои когти насмерть перепуганного коня, но тут же в нее вонзился десяток стрел, и она, выпустив из лап добычу, полетела, тяжело махая крыльями, куда-то в сторону.

Паллантид едва успевал раздавать команды. Часть людей обороняла лагерь, прочие же пытались успокоить обезумевших от страха коней и верблюдов.

Конан неотрывно смотрел на небо. Об этих крылатых тварях ему доводилось слышать и раньше. Они жили еще в ту эпоху, когда землей правили яшеры. Об этих же тварях говорилось и в древних мифах,— там они назывались драконами.

На них, широко расставив свои страшные лапы, неслась еще одна крылатая тварь. Издав боевой клич, Конан неожиданно сбил с ног своего сына и, взявшись за рукоять меча обеими руками, взмахнул им с такой силой, что едва не перерубил шею гнусной твари. Зловонная кровь хлынула из раны рекой. Сбив Конана своим огромным крылом, монстр пролетел еще несколько десятков метров и камнем рухнул прямо в костер, разметав горящие угольев по всему лагерю. Животное забилось в предсмертной агонии, седок же его, едва успев соскочить со змеиной спины, тут же упал наземь, пронзенный десятком стрел.

Поднявшись на ноги, Конан наблюдал за агонией дракона. Так вот откуда берет начало легенда о крылатых воинах Зембабве! Путники, побывавшие в этом краю, рассказывали ему и о высоченных башнях заповедного города, что не имели ни дверей, ни окон,— башнях, с которых воины и слетали, словно птицы.

Жителям Зембабве как-то удалось приручить этих тварей, заменивших им коней. Черные воины были почти неуязвимы,— разве могли сравниться с ними те, кто был прикован к земле?

Крылатые чудовища одно за другим слетали к земле и тут же вновь взмывали в небо, унося в своих лапах людей и

животных. Луна скрылась за горизонтом, и в наступившей тьме драконов не могли поразить даже боссонские лучники.

С именем киммерийского бога на устах король Аквилонии принял командование на себя. Но не успел он отдать и пары команд, как что-то налетело на него сзади. Драконьи лапы сомкнулись у него на спине и оторвали его от земли.

Удар был столь сильным и неожиданным, что Конан выронил меч из рук. Он попробовал нащупать рукой кинжал, обычно висевший у него на поясе, но тут же вспомнил, что тот так и остался на столе в его шатре. В спешке он и не вспомнил о нем.

Конан посмотрел вниз и тут же понял, что теперь ему не помог бы и меч. Он был уже высоко над землей. Оставалось благодарить Крома хотя бы за то, что он не забыл надеть кольчугу.

Снизу раздался хриплый голос Амрика:

— Не стрелять! Не стрелять!

Конан вновь посмотрел вниз, и тут же голова его пошла кругом. Под ним парил дракон, сжимавший в когтях его сына, принца Конна.

— Король! — раздался снизу крик сотен воинов.

Лагерь остался позади, теперь они летели над объятыми тьмой землями. Второй дракон поравнялся с первым, и теперь они летели бок о бок. На спине у крылатого чудовища сидел черный воин в головном уборе из страусиных перьев. Одной рукой он держал поводья, в другой сжимал огромное копье.

Конан перевел взгляд на сына. Заметив это, тот помахал ему рукой. Конан махнул ему в ответ.

Драконы летели все дальше и дальше. Похоже, чудовище, сжимавшее в своих когтях Конана, стало выбиваться из сил: несколько раз оно пыталось спланировать на землю. Но каждый раз раздавался громкий окрик его седока, и дракон вновь послушно взмывал ввысь.

Конана стало клонить в сон. Разумеется, драконьи лапы были не лучшим местом для отдыха, однако нельзя было сказать и того, что они уж слишком досаждали киммерийцу. Годы скитаний приучили Конана к тому, что при любых обстоятельствах следует довольствоваться тем, что есть, а не рассуждать о том, что могло бы быть,— подобные терзания приводили бы лишь к ненужной потере сил. Силы еще могли ему пригодиться, судьбу же свою он доверил богам.

4

БАШНИ ЗАПОВЕДНОГО ГОРОДА

Конан проснулся оттого, что ритм, в котором размахивал своими широкими крылами дракон, как-то изменился. На востоке уже занималась заря.

Саванны сменились густым тропическим лесом, окутанным лиловыми сумерками. Прямо под ними петляла небольшая речка, поблескивавшая узкой темной ленточкой. За ней виднелись возделанные земли, за ними же вставала громада сказочного города.

Город был обнесен высокой каменной стеной, над которой поднималось с десяток высоких башен странного вида, походивших на огромные печные трубы. Присмотревшись внимательнее, Конан заметил, что у башен этих действительно не было ни окон, ни дверей. Более того, у них не было и крыш — на их месте зияли черные провалы.

Конану стало как-то не по себе. Когда в руках его был меч, он не боялся никого и ничего. Сверхъестественное же во всех его проявлениях наполняло его душу страхом, ибо противник этот был неуязвим и неизъясним.

За долгие годы скитаний по миру он прошел его и вдоль, и поперек. Он бывал и в покрытом вечными снегами Асгарде и в Черных Королевствах, лежавших к югу от Куша, он смотрел на великое Западное море с пиктских берегов и бродил по просторам легендарного Кхитая, лежавшего далеко на востоке. Лет двадцать тому назад он побывал и в Зембабве. Тогда он пришел в северную столицу королей-близнецов, чтобы отправиться на север вместе с караваном торговцев. Однако в заповедном городе, или Древнем Зембабве, ему так и не удалось побывать — иноземцев туда не пускали.

Не единожды он слышал о заповедном городе, затерянном в джунглях где-то на юге страны. Поговаривали, что тамошние жители поклоняются Древнему Змею Сету, именуемому ими Дамбаллой. Черные алтари Дамбаллы были залиты человеческой кровью. Слышал он и о том, что в ночь жертвоприношения луна тоже становилась алой, напитываясь кровью тех, кого приносили в жертву Древнему Змею.

Дракон стал медленно снижаться, описывая широкие круги над городом. Ни один из людей Запада не смог бы сказать, когда же был построен этот город. Вне всяких сомнений, строился он много тысяч лет назад, в ту пору, когда,

возможно, на земле еще не было людей. Легенды говорили о том, что красугольный камень Древнего Зембабве был заложен жителями Валузии, полулюдьми-полузмеями, что были детьми Сета, Йага, чернокожего Хана и змееборолого Биатиса, правившего лесами и болотами древнего мира. Великий герой Кулл, положивший начало роду Конана, сокрушил змеиный народ, который вымер окончательно в эпоху Атлантиды и Валузии. С той поры уже минула целая вечность.

Впрочем, сейчас Конана это нисколько не заботило. Он думал о другом — о том, что он вновь попал в тенета магов. Лучшего обиталища Тот-Амон не мог и придумать, не случайно он пришел зализывать раны именно сюда.

«Похоже,— подумал Конан,— пришел час решающей битвы».

5

ТРОН ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧЕРЕПОВ

Они стали приближаться к вершине холма, на которой располагались разделенные вымощенной камнем площадью королевский дворец и храм Дамбаллы.

Площадь окружили кольцом дюжие черные стражи, вооруженные щитами, обтянутыми кожей носорога, и копьями со стальными наконечниками. На их головах покачивались перья страусов, ибисов и фламинго. Поднятый драконовыми крылами ветер грозил сорвать с их голов эти пышные уборы, взвихривая клубы желтоватой пыли.

Крылатые ящеры опустили пленников наземь и, повинуясь командам своих седоков, тут же взмыли в небо. Долетев до верхушек двух башен, они скрылись из виду. Не сводя глаз с драконов, Конан поднялся на ноги и помог встать своему сыну. Только теперь он понял, что странные эти башни были стойлами крылатых коней Зембабве.

Король и принц стояли посреди площади, разглядывая стоявших плотным кольцом черных стражей с бесстрастными лицами, походившими на маски, вырезанные из эбенового дерева.

— Ну что, пес киммерийский,— услышали они насмешливый голос.— Вот мы и снова свиделись.

На Конана смотрели темные, горящие ненавистью глаза его заклятого врага.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал,— мрачно ответил киммериец.

Тот-Амон стоял возле огромного трона из человеческих черепов, слепленных между собой темной смолой. Стигийский маг выглядел так же грозно, как и прежде, однако пытливые глаза Конана заметили в нем явные признаки старения. Лицо его покрылось густой сетью морщин; складки в уголках рта свидетельствовали не просто об усталости, но о крайнем изнурении. Некогда недвижные кошачьи глаза его теперь лихорадочно поблескивали. Могучее тело мага, скрытое изумрудной мантией, стало дряхлеть,— он стал горбиться, на животе же у него появилось небольшое брюшко.

Неужели силы Тот-Амона стали иссякать? Неужели он лишился той чудовищной энергии, что питала его вот уже много десятилетий? Казалось, что сатанинские силы, которым поклонялся колдун, оставили его после того, как белый друид с помощью Сердца Аримана расправился с Черным Кругом.

Впрочем, все это можно было объяснить и иначе: похоже, срок, отпущенный Тот-Амону, уже подходил к концу, ему пора было расставаться со своею бренной земной оболочкой. Во всяком случае казался он теперь стариком.

— Последняя, говоришь? — вновь раздался зловещий голос стигийца, вещавшего по-аквилонски с едва заметным акцентом.— Ну что ж, я не стану с тобой спорить. После этой встречи в живых останется только один из нас. В том же, что умереть суждено тебе, я нисколько не сомневаюсь. Сказать нам друг другу уже нечего. Я убью тебя и твоего детеныша прямо на этом месте. Армию же твою, лишившуюся командующего, разгромят наши доблестные черные воины. Как видишь, Западу все же суждено пасть. Когда я сяду на аквилонский трон, миром станет править один владыка. И имя этого владыки — Сет! Ну а теперь готовься к смерти.

И тут раздался хриплый, полный возмущения голос:

— Клянусь Дамбаллой, стигиец, похоже, ты забыл, кто здесь правит!

Конан перевел взгляд на трон и только теперь заметил, что на нем сидит человек. Это был Ненаунир, верховный колдун Зембабве, последний союзник Тот-Амона. Мускулистая, намащенная маслом черная грудь Ненаунира поблескивала в лучах рассветного солнца. Глаза его холодно смотрели на людей.

Стигиец заметно смутился и — как показалось Конану — слегка побледнел. Конан почувствовал, что маги меж собой не слишком-то ладят. Теперь, когда черного братства Тот-Амона уже не существовало, коварный стигиец не мог рассчитывать ни на прежнюю роль, ни на былое влияние.

Стигиец смущенно забормотал:

— Конечно, конечно, брат! Главный здесь ты. Но... но планы-то у нас общие! Когда мы захватим мир, ты станешь править Югом, а я — Западом. Мы разделим мир и поднесем его к ногам отца нашего Сета...

— К ногам Владыки Дамбаллы, чьим пророком и наместником я являюсь! — проревел черный колдун.— Помни о своем месте, стигиец. Боги уже отступились от тебя. Твое время ушло, и делить с тобою власть я не намерен. Если ты будешь вести себя хорошо, ты вправе рассчитывать на место управляющего в одной из моих провинций. И помни: ты должен подчиняться мне во всем! Ну а с этим белым демоном я разберусь и сам.

Ненаунир говорил на одном из диалектов шемского языка, принятом у торговцев Юга. Стоило ему замолчать, как черные воины дружно ударили оземь древками своих копий.

Верховный колдун Зембабве перевел взгляд на Конана. Аквилонский король стоял, сложив на груди свои могучие руки; рядом с ним, гордо подняв голову, стоял его старший сын.

— Белый пес,— прохрипел черный колдун,— как ты посмел ступить на мою землю? Мы уже встречались с тобой в замке Лахи. Тогда ты смог спастись лишь потому, что Лахи хотела одолеть с твоей помощью стигийца и тем самым захватить черный престол. Она просчиталась и погибла от твоей руки. Затем ты лишил сил стигийца, уничтожив его великое братство. Если ты думаешь, что я буду повторять их ошибки, то ты заблуждаешься. Тот-Амон мне не страшен, более того — он мне даже не нужен. Здесь все решаю я. Бежать же отсюда тебе не удастся.

Конан молча смотрел в ледяные глаза черного мага.

— Последняя наша встреча состоится в Ночь алой луны,— продолжил Ненаунир.— Когда твоя кровь потечет к подножию алтаря Великого Змея, она напитает собою луну, душа же твоя исчезнет в пасти великого Дамбаллы!

— И когда же это произойдет? — спокойно спросил Конан.

Ненаунир отвернулся от него и громко позвал:

— Римуш!

— Слушаю вас, ваше величество!

Из-за трона выскочил маленький человечек в одеждах астролога. Судя по всему, он был уроженцем Шема.

— Когда наступит Ночь алой луны?

— Согласно моим вычислениям она наступит через двенадцать ночей, ваше величество!

— Ты все понял, белый пес? Ну а теперь бросьте их в темницу!

6

ЗАСТЕНКИ ЗЕМБАБВЕ

Темницы Древнего Зембабве находились глубоко под землей. Отряд черных воинов вел Конана и мальчика бесконечными коридорами, тускло освещенными чадящими промасленными факелами. Глядя на странную форму сводов и диковинные пропорции подземных переходов, Конан лишний раз убеждался в том, что старые сказания были правдивы: Древний Зембабве возводился не людьми, его могло создать только змеиное племя. Подобные строения он видел лишь дважды: первый раз — на зеленых равнинах Куша, второй — на Безымянном Острове, лежавшем в стороне от морских путей, в южной части великого Западного моря, где не бывали ни купцы, ни пираты.

Камера, предназначавшаяся для них, была сырой и узкой. По черным, разъеденным временем камням стекали капли воды. Пол был устелен грязной гнилой соломой. Из-за решетки с громким писком выскочила огромная крыса.

Пленников бросили в камеру, и тут же тяжелая бронзовая решетка захлопнулась, зловеще лязгнув запорами. Офицер запер дверь огромным ключом, и вскоре бесшумно ступавшие босые воины исчезли в полумраке.

Стоило стражам удалиться, как Конан принялся ощупывать стены и пробовать на крепость позеленевшие от времени прутья решетки. Окон здесь не было, единственным источником света был факел, горевший в самом конце коридора.

Юный Конн, выбрав местечко посуше, сел на пол. Его мучили жажда и голод, но он старался держаться достойно, пытаясь во всем походить на своего отца. Тринадцатилетний принц больше всего на свете боялся того, что отец заподозрит его в малодушии.

Осмотрев всю камеру и убедившись в том, что бежать отсюда невозможно, Конан сгреб солому в угол и, позевывая, разлегся рядом с сыном, положив руку ему на плечо.

Помолчав с минуту, Конн спросил:

— Отец, что они с нами сделают?

Конан пожал плечами:

— Я знаю лишь о том, что они собираются с нами сделать. О том же, что произойдет на деле, ведают разве что боги. Не забывай о том, что добрая половина аквилонского войска сейчас направляется сюда. Представляю, как Паллантид их гонит! Пройдет целых двенадцать дней, прежде чем наступит Ночь алой луны. За это время произойти может многое.

Конн прошептал:

— Они хотят принести нас в жертву Сету?

— Да, им этого очень уж хочется,— ответил Конан.— Но эти черные скоты забывают, что это не в их власти,— подобные дела решаются богами или, как утверждают некоторые философы, всемогущей Судьбой, равно повелевающей и богами, и людьми. Что касается меня...

— Что ты хотел сказать, отец?

— Что касается меня, то сейчас я хочу спать, что-то я прошлой ночью не выспался.— Конан зевнул и улегся поудобнее.

Мальчик вздохнул и улыбнулся. Пока отец был рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Отца его вряд ли можно было назвать оптимистом, просто он привык не терзаться без надобности. Если обстоятельства складывались так, что он не мог ничего с ними поделать, он как-то приноравливался к ним, дожидаясь более благоприятного их стечения. Не прошло и минуты, как Конан уже мирно похрапывал.

Конн лег рядом с отцом, положив голову ему на плечо. Вскоре заснул и он.

Киммерийца разбудили тяжелые стоны, доносившиеся откуда-то из-за решетки. Он тут же пришел в себя и напрягся, словно лесной зверь, внезапно почуявший добычу.

Осторожно убрав голову мальчика со своего плеча, он поднялся и бесшумно подошел к двери. Вновь раздались полные отчаяния стоны. На этот раз от их звука проснулся и Конн. Мальчик лежал, боясь шелохнуться,— он понимал, что вести себя следует тихо.

Прямо напротив них находилась камера, к дальней стене которой был прикован огромный негр. Нагое тело его было покрыто глубокими рубцами, оставленными плетью; широко раскинутые в стороны руки пленника придавали ему вид распятого на кресте.

Негр вновь тяжело застонал, мотая головой из стороны в сторону. В свете факела мелькнули белки его глаз. Насколько мог понять Конан, человек этот был близок к смерти.

— Почему они с тобой это сделали? — тихо спросил киммериец по-шемски и тут же повторил свой вопрос на языке страны Куш.

— Кто это? — раздался в ответ еле слышный голос.

— Такой же пленник, как ты. Я — Конан, король Аквилонии,— ответил киммериец, не видя в обмане никакого смысла.

— Я — Мбега, король Зембабве,— прозвучало в ответ.

7

ИСТОРИЯ ДВУХ КОРОЛЕЙ

Негр был замучен до полусмерти, однако Конану каким-то чудом удалось разговорить его, и тогда тот поведал ему свою историю.

Черные воины Зембабве, судя по всему, были потомками народа кчака, изгнанного со своих земель соседями и рассеявшегося впоследствии по всему черному континенту. Зембабвийская ветвь кчака, отправившаяся на Восток, обнаружила в джунглях развалины древнего города. Поселение решено было устроить именно здесь. Племена, жившие по соседству, считали эти места проклятыми и потому избегали их. Поселенцы чувствовали себя здесь в полной безопасности и вскоре выстроили на древних развалинах новый город, получивший название Зембабве.

Единственными их врагами были драконы, прилетавшие сюда с гор, лежавших на востоке. Отважный вождь народа Зембабве смог выкрасть из гнездовья этих крылатых ящеров несколько огромных яиц. Оказалось, что драконы легко приручаются, и вскоре они уже заменили зембабвийцам лошадей. Эти крылатые ящеры позволили племени существенно расширить границы своих владений,— именно тогда и возникло королевство Зембабве.

У вождя, носившего имя Лубемба, был брат-близнец; отличить братьев друг от друга было совершенно невозможно. Лубемба сподобился откровения, в котором услышал о том, что отныне зембабвийцами должны править близнецы. Он не мог нарушить волю богов и с той поры правил страной вместе с братом.

Закон это соблюдался и впоследствии. Если один из пары правителей умирал, второй кончал с собой или навсегда покидал страну. Преемниками их становилась новая пара близнецов, выбиравшаяся жрецами и обычно не связанная кровными узами со своими предшественниками.

Все шло хорошо, пока на трон не взошли Ненаунир и Мбега. Ненаунир сошелся с колдунами, черное братство которых существовало вот уже три тысячи лет. Демон Сет, или Дамбалла, как его называли негры, соблазнил Ненаунира, обещав ему все богатства мира за то, что он, Ненаунир, покончив с культом племенных богов, заставит зембабвийцев поклоняться Скользящему Богу — Великому Змею Сету.

Страна и народ раскололись надвое: одни сохраняли верность Мбеге и старым богам, другие же приняли сторону Великого Сета и его земного наместника Ненаунира. Большая часть вождей и воинов приняла новую веру. Вот-вот должна была начаться страшная братоубийственная война. Не желая раздела страны и кровопролития, Мбега отказался от трона в пользу своего брата Ненаунира. Сторонники его стали подвергаться жесточайшим преследованиям — Ненаунир не щадил никого.

И тогда Мбега с горсткой верных ему людей взбунтовался. Бунт этот был слишком уж запоздалым,— к этому времени силы были явно неравными. Войско Мбеги было разбито наголову, сам же он попал в плен.

Перед Ненауниром встала неразрешимая проблема. Казнить своего брата ему ничего не стоило, но тогда в соответствии с законом ему пришлось бы лишить жизни и себя самого или навеки оставить свои владения. Ненаунир знал о том, что многие зембабвийцы сочувственно относятся к его брату и свято чтут древние законы: отступи он от них, они тут же низвергли бы его с трона. Он и так еле держал их в узде, ибо Дамбалла требовал все новых и новых жертв, что вызывало всеобщее недовольство.

Он решил пожизненно заточить Мбегу в темницу и выставлял его на всеобщее обозрение лишь во время дворцовых церемоний. Решение это было мудрым, ибо, сделав Мбегу заложником, Ненаунир покончил и с мятежниками.

Брата своего он люто ненавидел. Во время последнего королевского выхода Мбега должен был публично покаяться и призвать к тому же своих людей. Однако вместо этого он на виду у всех плюнул в лицо Ненауниру. Теперь же его денно и нощно истязали.

Пока жизни Мбеги ничто не угрожало,— Ненаунир был не настолько силен, чтобы нарушить идущие от века законы предков. Искалечить его тоже не могли, ибо, в согласии с теми же законами, короли могли появляться пред своим народом лишь вместе и скрыть это было бы невозможно.

Негр закончил свой рассказ. Глаза его пылали гневом. Теперь он походил на могучего бесстрашного гладиатора.

— Скажи мне, Мбега, много ли у тебя осталось сторонников? — спросил киммериец.

Черный король кивнул:

— Мои люди остались верны мне. От Ненаунира же многие отвернулись, он слишком жесток, он нарушает законы наших предков, он умерщвляет наших людей на своем поганом капище. Если бы я смог бежать отсюда, за один час я собрал бы такую армию, пред которой не устояли бы и воины Ненаунира. Но что толку болтать языком? Бежать отсюда невозможно...

— Поживем — увидим,— сказал в ответ Конан и загадочно улыбнулся.

8

КЛОАКА

Паллантид полз по заросшему высокими травами берегу реки. От земли исходило отвратительное зловоние. Извиваясь словно змея, аквилонский генерал пробирался к деревьям, под которыми укрылся граф Троцеро. Услышав шум, пуантенец обернулся. Лицо и седая борода его были перепачканы грязью. По лицу ручьями тек пот.

— На стенах стоят дозорные,— прошептал Троцеро.— У каждой башни по взводу солдат. Так просто их не возьмешь.

Задумчиво покусывая ус, Паллантид стал рассматривать крепостные стены. Осада такой крепости могла занять не один месяц. Нужны были и тараны, и лестницы, и катапульты...

Свет солнца внезапно затмился огромной тенью. Генерал замер. Над головой его проплыла одна из тех крылатых тварей, что атаковали их на болоте. С той поры минуло уже десять дней. Дракон стал кружить над городом. На спине его сидел чернокожий воин. Паллантида едва не вытошнило от омерзения.

— Клянусь кровью Дагона! — проворчал он.— Если он с тварями этими смог совладать, то с людьми-то уж как-нибудь справится!

Подлетев к одной из высоких башен, дракон присел на ее край и тут же скрылся из виду.

— Так вот оно в чем дело! — отозвался Паллантид.— Мы должны думать не о них, а о наших короле и принце!

— А ты уверен, что они здесь?

— Клянусь когтями Нергала, это так же точно, как то, что у меня есть задница! — сердито прошипел генерал.— Ненаунир — единственный союзник Тот-Амона. Ты думаешь, почему эти твари утащили именно короля и принца? А-а... Вот то-то и оно!

— Как ты считаешь, они живы?

— Пока мы не окажемся за этой стеной, мы ничего не узнаем.

Троцеро вздохнул:

— Не знаю, как тебе, а мне эти стены кажутся неприступными.

— Для войска — да, но для человека — нет.

Троцеро удивленно посмотрел на генерала:

— У тебя что, есть какой-то план?

Генерал почесал бороду:

— Ты помнишь этого зингарского вельможу Мурзио?

— Этого тщедушного прохиндея? Еще бы мне его не помнить!

— Так-то оно так, прохиндей он, конечно, изрядный, но не забывай и о том, что королю нашему он служит верой и правдой, да и фехтовальщик он отменный! Я и сам понимаю, что никакой он не дворянин, но это дела не меняет. Конан помнит о том, что сделал для него отец Мурзио в ту пору, когда наш король еще был пиратом, и потому он благоволит к нему. Помнишь, года три назад Конан принимал во дворце своего старинного приятеля Нинуса?

— Ты говоришь о монашке? Конечно, помню! У короля нашего друзья, право слово, странные! Этот же будет похлеще всех прочих!

Паллантид усмехнулся.

— Что верно, то верно! Днем он ходил по дворцу, важный как патриарх, ночами же таскался по борделям и питейным лавкам! Так знай же, Нинус и Мурзио — воры, каких поискать. Конан решил сделать из Мурзио шпиона и попросил Нинуса о том, чтобы тот научил своего сына всяким там воровским штучкам. В науке этой Мурзио преуспел настолько, что едва ли не превзошел своего учителя. Когда Конан отослал его в Шем, Мурзио как-то смог проведать о заговоре, готовившемся офирским королем и несколькими шемскими царьками. Более того, он смог похитить документы, изобличавшие заговорщиков! За это Конан даровал ему рыцарское звание. Так что Мурзио благодарен ему теперь по гроб жизни и ради короля своего пойдет на что угодно.

— Ну а теперь объясни мне, какое отношение имеет Мурзио к Древнему Зембабве?

Сощурив брови, Паллантид прошептал:

— Одни из ворот этой крепости не охраняются,— я говорю о сточных трубах.

— Сточных трубах?! Да ты никак рехнулся! На кой черт сточные трубы этим варварам?

— Им-то они, конечно, ни к чему. Но ты забываешь о том, что крепость строилась не ими. Видишь решетку на южной стене? А видишь, что оттуда течет?

— Ты, похоже, прав...

— Думаю, сюда стекают нечистоты со всего Зембабве. Скорее всего, сеть подобных труб проходит подо всем городом. Негры вряд ли додумались бы до этого,— похоже, над системой этой трудились прежние обитатели города. Теперь скажи мне, кто, кроме Мурзио, сможет пролезть между этими прутьями? Правильно, никто. Он же сделает это в два счета.

Троцеро почесал свою позеленевшую от ила бородку и задумчиво произнес:

— Кажется, я начинаю тебя понимать. Он эдаким червем заберется внутрь, перережет охрану и откроет пред нами городские ворота. Я тебя правильно понял?

— Ну конечно, граф! Что мне особенно здесь нравится, так это сточные трубы! При одной мысли о том, что этот разборчивый длинноносый зингарец перепачкается в дерьме с ног до головы, у меня голова кругом начинает идти! Уж кого не люблю, так это зингарцев, особенно с той поры, как застал свою жену в объятиях зингарского трубадура! Вернее, бывшую жену...

Троцеро ухмыльнулся:

— Ну что ж, тогда вернемся в лагерь и известим благородного Мурзио о том, что волею судеб ему суждено стать спасителем короля!

— Только смотри, об этом я скажу ему сам!

Через несколько часов, когда стены и башни Зембабве уже объяли вечерние сумерки, из леса вышел человек. Бесшумно переплыв через реку, он пошел вверх по зловонному ручейку, вытекавшему из трубы. Добравшись до решетки, он на миг замер, но тут же скрылся из виду, исчезнув в трубе.

Трудно было сказать, благородная ли кровь текла в жилах Мурзио, но, единожды присягнув на верность королю, он готов был служить ему до самого конца.

9

АЛАЯ ЛУНА

Улицы Древнего Зимбабве осветились призрачным лунным светом. Город не спал, ибо настала Ночь алой луны. Дождавшись зловещего преображения ночного светила, король Ненаунир должен был приступить к призыванию своего страшного бога, алтарь которого был обагрен кровью сотен жертв.

Факельная процессия шествовала по узким улочкам старого города. Гремели барабаны. Звучали странные песнопения.

Опустил голову, Конан мерил камеру шагами. Принц Конн задумчиво смотрел на своего отца. Он тоже вел счет дням и ночам, проведенным ими в застенке. Стигийское воинство погибло в ночь новолуния. С той поры прошло почти полтора месяца, или, если быть точным, сорок один день. Настала ночь полнолуния. Рассчитывать фазы луны Конна научили его наставники, хорошо понимавшие, что будущему королю знать такие вещи просто необходимо. Отец же говорил ему о том, что лунные затмения могут происходить лишь в такие ночи.

Этой ночью их должны были принести в жертву Дамбалле.

Гром барабанов был слышен даже в камере. Где-то над головами пленников тысячи последователей Ненаунира распаляли себя, готовясь к кровавому действу.

Конан то и дело подходил к решетке, пытаясь разогнуть ее прутья. От напряжения руки его стали дрожать, глаза налились кровью. Эти толстые, дюймовые прутья не смог бы разогнуть и сказочный великан,— строители темницы потрудились на славу.

И тут Конан увидел какую-то тень. Он замер и стал вглядываться во тьму. Прямо перед ним появилось лицо — знакомое лицо.

— Мурзио, неужели это ты? — прошептал Конан.

— Конечно я, мой господин,— ответил ему зингарец.

— Именем Крома, скажи, откуда ты взялся? Что с нашими людьми? Где они? И почему от тебя так скверно пахнет?

Зингарец устало улыбнулся и рассказал о том, как он попал в подземелье.

— Трубы оказались столь узкими,— печально добавил он,— что мне пришлось ползти по ним. В нескольких местах они заканчивались колодцами, выходящими на городские улицы. Однако оказалось, что все эти колодцы охраняются. Я нашел вас, но не сумел выполнить приказа. Открыть городские ворота я так и не смог...

Конан на миг задумался.

— Может быть, не все еще потеряно,— наконец сказал он.— У тебя есть отмычка? Сейчас для нас главное — выйти из этой чертовой камеры.

Мурзио вынул из кармана кусок проволоки и принялся возиться с замком. На лбу у него выступили капельки пота. Слышно было только хриплое его дыхание и тихое поскрипывание замка.

Минута проходила за минутой, но замок никак не поддавался. Мурзио растерянно посмотрел на Конана:

— Мой господин! Его не смог бы открыть и сам Нинус! Похоже, он заговорен!

— Наверное, это действительно так,— согласился Конан.— Этот стигийский шакал обычным замкам не доверяет. Слушай, попробуй-ка открыть соседнюю камеру! Там наш друг.

Мурзио стал колдовать над замком соседней камеры. Прикованный к стене негр бесстрастно наблюдал за происходящим. Неожиданно замок с лязгом открылся. Конан вздохнул с облегчением.

Мурзио вошел в камеру Мбеги и вскоре освободил черного короля от оков. Пошатываясь, Мбега вышел из камеры и стал растирать онемевшие члены.

Мурзио вновь стал биться над замком камеры Конана. Сам же Конан еще раз приложился к решетке; на этот раз ему помогали Мбега и Конн. Решетка не поддалась и на этот раз.

— Ну у вас и камеры,— вытирая со лба пот, сказал киммериец.— Ну что ж, не можешь исправить — терпи.

— Но ведь тебя ждет смерть,— прохрипел Мбега.

Конан усмехнулся:

— Со мной такое не впервой.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Мурзио.

— Дай-ка мне свой кинжал. Эти варвары раздели меня почти донага, а вот сапоги зачем-то оставили.

Конан опустил длинный клинок в правый сапог.

— Ну а теперь помоги выбраться отсюда Мбеге. Впрочем, может, он и сам знает, где здесь выход... Мбега, это твой последний шанс. Твои друзья должны открыть южные ворота до начала жертвоприношения. Мурзио, я не знаю, чем для меня закончится эта ночь, но я благодарю тебя. Ты отважный и преданный воин. Если мы доживем до утра, ты станешь бароном Кастрии. Удачи тебе! Пусть Митра и Кром всегда будут рядом с тобой!

Мурзио и Мбега скрылись во тьме. Конан хлопнул Конна по плечу.

— Не вешай носа, сын,— громко сказал он.— Такие, как Мбега, друзей не предают.

Послышалось шарканье босых ног. Наступал решающий час, который мог стать для них последним. Либо свершится месть Тот-Амона, либо падет царство Ненаунира — третьего не дано.

10

ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ

Стражники связали пленникам руки и повели их по бесконечным подземным коридорам. Они вышли прямо на городскую площадь, по одну сторону от которой стоял королевский дворец, а по другую — храм Дамбаллы. Серебристый диск полной луны сиял высоко в небе.

Вокруг площади стояли высокие каменные столбы, на которых были начертаны непонятные, неведомые Конану символы. Сказать, кому они принадлежали — зембабвийским колдунам или их предшественникам,— было невозможно.

Перед храмом Дамбаллы высилась мрачная фигура каменного идола. Он был вырезан из черного базальта и высотою своей не уступал каменным столбам. Огромный черный корпус в три человеческих роста высотой изображал свившегося кольцами змея. С вершины его на Конана смотрели красные змеиные глаза, выточенные из огромных рубинов, что поблескивали и переливались в свете факелов.

Конан едва заметно вздрогнул. Сет, или Дамбалла, с незапамятных времен был олицетворением зла и мрака. Киммериец стал бормотать молитву. Равнодушный киммерийский бог Кром редко вмешивался в дела людей и не требовал от них поклонения; но теперь, когда на Конана взирали налитые кровью глаза демона адской бездны, надеяться ему было больше не на кого.

Алтарь Дамбаллы походил на огромную чашу черного мрамора, стоявшую перед идолом. К чаше этой были прикреплены бронзовые кольца. Конана и Конна завели на ее дно и приковали их так, что они не могли отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Конан оценивающе посмотрел на наручники и цепи,— судя по всему, сделаны они были совсем недавно, и разорвать их было невозможно. Кольцам же, торчавшим из чаши, была уже не одна сотня лет,— они были проедены насквозь.

Заковав пленников, черные жрецы Сета покинули чашу. Установилась полная тишина; лишь ветерок посвистывал между камней. Рубиновые глаза, холодно взиравшие на них, казались живыми.

На противоположной стороне площади стояли король Ненаунир и стигийский маг Тот-Амон. Черный владыка был одет в длинную пурпурную мантию. На лице его была маска змеи. В правой руке, поблескивавшей золотыми браслетами, он сжимал ритуальный посох со змеиной головой на верхушке.

Тысячи глаз взирали на небо, ни на мгновение не отрывая глаз от лунного диска. Толпа вдруг дружно ахнула. Взглянув на небо, Конан увидел, что на луну стала ложиться красноватая тень.

Неожиданно забили барабаны. Казалось, что это бьется огромное сердце страшного исполина. Глаза Великого Змея вспыхивали и гасли в такт его ударам. Красноватая тень становилась все больше. Церемония началась.

Конан потянул на себя правую руку. Тысячи чернокожих воинов бесстрастно наблюдали за ним. Мышцы его напряг-

лись, однако кольцо никак не поддавалось. Он на мгновение расслабил руку и тут же резко дернул цепь на себя. Кольцо со звоном лопнуло.

За вторую цепь он схватился уже обеими руками. Собравшись с силами, он резко рванул ее, и второе кольцо покатилось по мраморной чаше. Теперь он был свободен.

Он стал озираться, ожидая, что черные воины нападут на него. Однако они смотрели на него все так же бесстрастно. Конан повернулся к своему сыну. Тень ползла все дальше, теперь ею был объят едва ли не весь лунный диск. Барабаны забили чаще. Забормотали тысячи голосов. Началось заклинание.

Конн вслед за отцом попытался освободить себя от оков, но сил его для этого было явно маловато. Конан бросился помогать сыну и в тот же миг почувствовал ледяное дуновение. Пот на его спине мгновенно заледенел.

Глазам киммерийца предстала странная картина. Часть лунного диска все еще была свободна от тени. Над площадью же происходило что-то немыслимое. С небес на него неслись клубы морозного тумана, сплетавшегося в кольца, уплотнявшиеся с каждым мгновением,— на него летел огромный извивающийся змей.

Ужас охватил Конана. Теперь он понимал и то, почему алтарь имел форму чаши, и то, почему жертвы должны были стоять прямо. Его тела коснулось ледяное кольцо вихря.

На землю снизошел сам Дамбалла.

11

ЛУНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Не обращая внимания на смертельный холод, киммериец вырвал из мраморной чаши последнее кольцо, приковывавшее к алтарю его сына.

Кольца сходились вокруг него все плотнее. Они обволакивали его члены зыбкой густой пеленою; они сдавливали ему грудь, не давая дышать. Отчаянным усилием Конан заставил себя достать из сапога кинжал и тут же погрузил его в полупризрачное тело змея.

— Отец! — вскричал Конн, увидевший вдруг демона, вызванного Ненауниром из бездн, лежащих по ту сторону мира.

— Беги, сынок! — едва смог выговорить Конан.— Попытайся открыть ворота!

Вновь и вновь киммериец погружал свой клинок в сгущавшееся тело. Демон же словно не замечал его ударов.

Конан зашатался, на плечи его легла чудовищная тяжесть. Над ним покачивалась огромная голова змея; алые холодные глаза пристально смотрели на него. Во взгляде их было что-то чудовищное,— пред Конаном раскрылись хладные бесконечные пространства, безмерная тоска и ненасытный вселенский голод. Конан содрогнулся. Вот уже миллион лет демон этот боролся с его расой, пытаясь вернуть ее в подвластную ему пучину.

Тело киммерийца начало стынуть. Теперь кольца были уже плотными, и тяжесть их была непомерной даже для него. Онемев, рука его разжалась, и кинжал со звоном упал в мраморную чашу.

Конан не сдавался; но теперь уже не плоть сражалась с плотью, а воля боролась с волей. Мир неожиданно преобразился — Конану стало казаться, что его воля, душа и разум стали продолжением его тела. Клинком воли он пытался поразить объявшее его тело тьмы.

Собственного тела он уже не чувствовал, хотя и понимал, что продолжает стоять на ногах. Сердце его билось все реже и реже, кровь в его жилах стыла, однако где-то внутри он был так же силен, как и прежде. Жизнь горела в нем непогасимым пламенем, затушить которое не мог и этот всесильный демон.

Но силен и коварен был Великий Змей. Страх и сомнение были его оружием. Этим оружием Дамбалла уничтожал целые народы, обращая героев в изменников, а праведников в подлецов.

Этот ненасытный демон знал о том, что со временем он погубит землю и погасит солнце. Пока же он боролся с человеком. Пред ним, Пожирателем Миров, не могла устоять ни одна тварь.

Сознание Конана помрачилось, лишь воля к жизни заставляла его бороться с мороком, затягивавшим его все глубже и глубже в пучину, исполненную пустоты. Послышался громкий смех Ненаунира. Конан вздрогнул и ухнул в темную бездну.

12

СМЕРТЬ В НОЧИ

Внезапно смертельный холод, сжимавший в своих объятиях его тело, отступил. Исчезло и ощущение тяжести. Конан медленно приходил в себя. Он лежал в мраморной

чаше, глядя на небо. Площадь была залита серебристым светом луны.

Киммериец попробовал подняться на ноги, но тут же упал. Он был еще слишком слаб. Он поднял голову, и глазам его предстала удивительная картина. В нескольких десятках метров от мраморной чаши лежало тело поверженного Ненаунира. Рядом с ним лежал кинжал Мурзио, которым Конан пытался поразить демона. Здесь же стоял и убийца колдуна, насмерть перепуганные негры держали его за руки.

Это был принц Конн, растрепанный и взъерошенный. Мальчик смотрел на своих стражей зверем. Он не послушался своего отца и не покинул площади,— вместо этого, схватив выроненный отцом кинжал, он понесся к торжествующему Ненауниру. Все присутствующие были слишком увлечены борьбой, происходившей в чаше, для того чтобы обращать внимание на мальчишку. Лишь Тот-Амон смотрел на него во все глаза.

Благоразумие боролось в нем с гордыней. Этого мгновенного замешательства стигийского мага было достаточно для того, чтобы Конн вонзил свой кинжал в черное сердце Ненаунира, земного наместника Дамбаллы. Истекая кровью, колдун рухнул наземь. Чары, удерживавшие на земле Дамбаллу, мгновенно распались, и Великий Змей вновь превратился в облачко тумана, выпустив Конана из своих объятий.

Схватившие Конна негры еще не успели решить, что же они должны сделать с убийцей их короля, когда вдруг на площади появилось грозно ревущее огромное воинство, окружившее послушников Дамбаллы со всех сторон. Люди Ненаунира пытались скрыться бегством, но бежать им было уже некуда; они не могли и смешаться с рядами нападавших, ибо их выдавали головные уборы из перьев.

Над площадью запели трубы. Конан заулыбался: в город вошли аквилонцы. Вскоре белые воины были уже на площади.

С крыши соседнего здания спускался отряд, состоявший из сотни отборных черных воинов. Командовал им сам Мбега. Люди Ненаунира, побросав оружие, пали наземь, моля короля о пощаде. Мбега носился по площади, пытаясь остановить ненужное кровопролитие.

К Конану подбежал его сын, тут же заключивший отца в объятия. Киммериец ласково потрепал его по плечу и, буркнув что-то невразумительное, стал искать взглядом Тот-Амона.

Стигийского мага нигде не было. И тут киммериец услышал хлопанье крыльев. С одной из башен Древнего Зембабве слетел дракон, на спине которого сидел человек в зеленой мантии. Сделав круг над городом, крылатая тварь полетела на юг. Видел ее один только Конан. Король недоуменно нахмурил брови. Дальше к югу начинались непроходимые тропические леса, за которыми лежало море. Южный берег считался крайней оконечностью мира — за ним ничего не было. Тот-Амон потерял своего последнего союзника и утратил расположение своего бога. Бежать ему теперь было некуда.

Прежде Конан считал, что последняя его битва с магом состоится именно здесь, в стенах Древнего Зембабве. Теперь же он понимал, что в последний раз они сойдутся на краю света.

Прижав к себе сына, разразившегося вдруг слезами, Конан выбрался из каменной чаши и, улыбаясь, стал ждать, когда к нему подойдут Паллантид и Троцеро.

Бои закончились еще до рассвета. Конан собственноручно надел на голову Мбеги королевскую корону и объявил его единственным законным правителем Зембабве. Армии предстоял недолгий отдых — она должна была собраться с силами для нового похода.

Конан широко улыбнулся, чувствуя, как к нему возвращаются былые силы. Видит Кром, лучше жизни на свете ничего нет!

Тени каменного черепа

1

СМЕРТЬ АСТРОЛОГА

Римуш, придворный предсказатель Зимбабве, бросил в тлеющие уголья сердце ибиса, запекшуюся бычью кровь и раздвоенное жало змеи. Комната стала наполняться зеленоватым дымом.

В тусклом свете угольев лицо аквилонского короля походило на бронзовую маску, Мбега же казался древним истуканом, вырезанным из эбенового дерева.

Стояла почти полная тишина, слышалось лишь шипение и потрескивание угольев да бормотание сухопарого шемского чародея. Римуш был одет в выцветшую мантию астролога, расшитую таинственными знаками. Его недвижное лицо с седой бородкой казалось мертвым, однако глаза его лихорадочно поблескивали и бегали из стороны в сторону.

Конан зашевелился. Магия и колдовство вызывали у него неприязнь. Вера его была проста, ибо суровый киммерийский бог Кром требовал от своих послушников только одного — бороться со злом и его слугами, полагаясь не на богов, но лишь на собственные силы.

— Пора кончать этот маскарад! — прорычал киммериец, обратившись к Мбеге.— Дай мне своих воинов, и я найду Тот-Амона сам!

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

Огромный негр легко коснулся плеча Конана и кивком головы указал на старика астролога. Тело предсказателя стало подергиваться, глаза его остекленели, уставившись в одну точку. От угольев повалили густые клубы зеленоватого дыма, сплетавшегося в прихотливые формы.

— Уже скоро,— прошептал Мбега.

Бессвязное бормотание сменилось внятным шепотом:

— На юг... На юг... Крылья в ночи... над огромным водопадом... теперь на восток, в страну, откуда нет возврата... к горам великим... к черепу каменному.

Лицо прорицателя искривилось гримасой боли; на миг он замолк, но тут же заговорил вновь:

— Вы найдете его на краю света, в тех землях, которыми прежде правили змеи.

Астролог неожиданно дернулся и повалился на пол.

— Кром! — прошептал Конан, внутренне напрягшись.

Мбега склонился над бездыханным стариком. Брови его нахмурились.

— Что случилось? — шепотом спросил Конан.

— Он мертв,— тихо ответил Мбега.— Его словно змея укусила.

Паллантид не желал и слушать своего господина,— впрочем, такое бывало с ним уже не раз. Отчаянно ругаясь, старый генерал поднялся со своего ложа. Левая его нога была перебинтована.

— Клянусь головой Нергала, мой господин, я не отпущу вас в джунгли без взвода аквилонских солдат! Как вы можете доверять этим черным варварам? Они же вас живьем съедят, едва провиант закончится! Если уж я не смогу идти, то ехать-то верхом я в состоянии!

Положив свою тяжелую руку на плечо генералу, Конан силой усадил его обратно.

— Клянусь кровью Крома, дружище! Мне и самому все это не очень-то нравится,— проревел он.— Но что есть, то есть, и чему быть, того не миновать! Мои аквилонцы и так уже вымотались вконец. Каждый второй ранен, прочие же мучаются лихорадкой. Однако я ждать не могу. Король Мбега пообещал дать мне взвод своих воинов. С ними я и отправлюсь. Если я потеряю время, Тот-Амон сбежит в свою Стигию, если не отправится еще дальше — в Вендию или Кхитай. Ты и сам знаешь о том, что у этого старого колдуна сил еще хватает.

— Но послушайте меня, мой господин, эти черные варвары...

— Они прекрасные воины, Паллантид! Кому, как не тебе, знать это! — раздраженно перебил своего генерала Конан.— Я жил среди них, я сражался против них и с ними, пока они не назвали меня «черным королем с белой кожей». Отважнее их нет никого. Мой старый товарищ Юма играючи справился бы с тремя нашими лучшими воинами! Ты вспомни хотя бы об амазонках!

Паллантид что-то буркнул себе под нос, понимая, что с королем спорить бесполезно. За две недели до этого к стенам Древнего Зембабве подошли послы королевы Нзинги, пришедшие сюда для того, чтобы выразить новому королю свое почтение. Возглавляла отряд амазонок их принцесса — двадцатилетняя дочь королевы Нзинги. Эта огромная смуглая дева была хороша собой и изящна, словно пантера. Она была на полголовы выше самого высокого аквилонца.

Паллантид знал о том, что лет двадцать тому назад, в бытность свою пиратом, Конан побывал в стране амазонок и сподобился ласк черной королевы. Судя по всему, принцессу он считал своей дочерью (кстати говоря, ее, так же как и мать, звали Нзингой).

Услышав о планах Конана, собиравшегося достигнуть южной оконечности мира, юная Нзинга вонзила у его ног свое копье и предложила себя в союзники. Конан тут же согласился.

Паллантид решил зайти с иной стороны:

— Мой господин, вы, похоже, забываете о том, что в этих краях никто не бывал. Может статься, что идти вам придется дольше, чем вы предполагаете. Даже сам Мбега понятия не имеет, где это.

Конан ухмыльнулся:

— Может быть, ты и прав, да вот только идти мы не собираемся! Мы полетим на драконах — я, Конн и воины Мбеги. Остальные же — я говорю об амазонках Нзинги и гвардейцах Мбеги, которыми будет командовать Троцеро,— отправятся вслед за нами пешком. Мы разведаем пути и найдем тот каменный череп, о котором говорил астролог. Затем мы вернемся назад и уже вместе с войском нападем на эту последнюю твердыню мага: мы с воздуха, а войско — с земли!

Паллантид стал нервно покусывать бороду:

— Но ведь вы не умеете управлять драконом!

Конан вновь улыбнулся:

— Ничего, Паллантид, я научусь. Мне доводилось ездить и на слонах, так что, думаю, и с драконом мне совладать удастся!

2

ПОЛЕТ ДРАКОНОВ

Вскоре Конан смог убедиться в правоте слов Паллантида. Огромные птеродактили, выдрессированные черными воинами, оказались куда более норовистыми, чем он предполагал. Они были непослушны, злобны и вдобавок ко всему глупы. Едва завидев на земле что-нибудь живое, они тут же забывали о своем седоке и начинали преследовать жертву. Помимо прочего, драконы ужасно смердели.

Конан презрительно фыркнул, когда улыбающиеся негры стали привязывать его к седлу и крепить над его головой бамбуковую раму, стянутую кожаными ремнями. Однако именно это и позволило ему остаться в живых, когда во время первого же полета дракон неожиданно спикировал вниз, устремившись за газелью.

К седлам зембабвийцы привязывали тяжелые дубинки, сделанные из тикового дерева, с помощью которых они и понукали своевольных тварей, заставляя их слушаться своего хозяина. Колотить дракона приходилось так часто, что у Конана даже разнылась рука. Куда проще ходить по земле, думал киммериец, ни на минуту не выпускавший дубину из рук.

Впрочем, все эти неудобства сполна возмещались, драконы передвигались с такой скоростью, что за ними не смогло бы угнаться ни одно существо. Пока черные воины прокладывали путь по непролазным джунглям, летающие всадники разведывали для них путь. Однажды они заметили на земле отряд черных воинов, явно поджидавших пеших соратников Конана. Стоило драконам атаковать их с воздуха, как они в ужасе бежали.

Через какое-то время джунгли сменились саваннами, и пеший отряд стал передвигаться куда быстрее. Однако даже теперь ему было далеко до драконов, что летали много быстрее самого лучшего скакуна. Конану доводилось слышать о том, что в этом краю лошади так и не смогли прижиться — они тут же заболевали какой-то болезнью и быстро издыхали.

Каждый новый день начинался с того, что Конан улетал далеко вперед, разведывая пути для своего войска; затем он возвращался к амазонкам Нзинги и воинам Мбеги, которые казались ему черными муравьями, медленно ползущими по земле. Троцеро не мог угнаться за своими воинами, и потому большую часть времени его несли на носилках дюжие зембабвийцы.

Конан сгорал от нетерпения и то и дело разражался громкой бранью, глядя на то, как медленно ползет по земле цепочка людей. Впрочем, он прекрасно понимал, что за людьми этими не смогли бы угнаться и его доблестные аквилонцы.

Тиран Ненаунир был свергнут в ночь полнолуния. Конан отправился вслед за Тот-Амоном далеко не сразу,— луна к этому времени уже превратилась в узкий серебристый серп.

С той поры миновало уже два новолуния. Луна была в первой четверти, когда Конан увидел на западе цепи высоких гор, заслонявших собой горизонт.

Земля внизу была изрезана множеством оврагов и балок. Среди сухих трав кое-где стояли одинокие мертвые деревца, покрывавшиеся листвой лишь в сезон дождей. Равнина сменилась холмами. Судя по тому, что сказал погибший таинственной смертью Римуш, скоро они должны были достигнуть огромного водопада.

Сердце киммерийца радостно забилось, когда наконец он увидел перед собой объятую туманом гору. Он подлетел поближе, и взору его предстал водопад. Бурная горная река падала с высоты лишь вдвое меньшей, чем та, на которой находился он сам.

Отряд Конана остался далеко позади, но он решил не возвращаться к нему, не осмотрев земель, лежавших к востоку,— именно о них говорил шемский астролог. Он должен был вернуться назад еще засветло.

Конан натянул поводья, и дракон послушно повернул налево. Принц Конн и люди Мбеги летели вслед за ним.

Конан обернулся и посмотрел на сына. Лицо мальчика светилось радостью, на губах его играла лучезарная улыбка. Конан довольно ухмыльнулся.

Нет, он не зря взял его с собой. Сначала эта война в стигийской пустыне, затем переход через джунгли, застенки Зембабве и наконец это путешествие на спинах крылатых драконов. Вряд ли всему этому его смогли бы научить книги и ученые наставники. Достойного преемника можно было воспитать только так.

Вскоре холмы сменились широкими плато, над которыми возвышались островерхие вершины. Видимо, это и была та страна, откуда нет возврата, о которой говорил старый Римуш. Конан решил перелететь через ближайшую горную цепь и найти перевал, который был бы доступен его пешим воинам, и только затем вернуться назад. Солнце уже клонилось к горизонту; времени у них оставалось немного.

Слева от него зашумели крылья. Конан повернулся и увидел, что теперь Конн летит вровень с ним. Лицо мальчика горело от возбуждения, он указывал рукой на запад.

Конан перевел свой взгляд туда же и увидел вдали белоснежную гору, на одном из склонов которой было вырезано нечто отдаленно напоминавшее человеческий череп.

Конану тут же стало не по себе: варварская его душа страшилась подобных зрелищ, предпочитая им реальность самую что ни на есть обыденную. Это и был тот каменный череп, о котором говорил Римуш!

Конан, прищурившись, стал разглядывать это чудовищное изваяние. Земля пред ним была мертва и пустынна. Над черной пастью портала были вырезаны зубы. Еще выше пустыми глазницами чернели два огромных круглых проема. Выглядело это изваяние жутко.

И тут стало происходить что-то ужасное!

Тело Конана неожиданно обмякло. Чувства его притупились, а сердце сковало странной тяжестью. Казалось, что он вдруг попал в гибельное облако, напитанное смертельным ядом.

Та же странная сила овладела и его драконом: слегка покачиваясь, он стал стремительно терять высоту, не в силах воспротивиться неведомой воле...

3

СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ

Конан дернул поводья так, что едва не вывернул дракону челюсть. Тот ответил вялым движением крыльев, однако и этого было достаточно для того, чтобы падение сменилось плавным спуском.

Сонная рептилия шумно уселась на землю. Конан торопливо распустил ремни, пристегивавшие его к седлу, и, спрыгнув наземь, затряс головой, пытаясь разогнать невесть откуда взявшуюся сонливость. «Да,— подумал он.— Похоже, мы действительно попали в ядовитое облако».

Он задрал голову вверх. Со спутниками его происходило то же самое. Один за другим они стали быстро спускаться вниз. Первым летел дракон Конна. Мальчик безвольно болтался в седле, лицо его заливала смертельная бледность.

Теперь киммериец испугался уже не на шутку. Обливаясь холодным потом, он промычал что-то нечленораздельное и зачем-то погрозил кулаком небу.

И тут мальчик пришел в себя. Он приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на стремительно приближающуюся землю. Изо всех сил он потянул за поводья, и задремавший было дракон проснулся и, развернув крылья, неловко, но достаточно мягко приземлился рядом со своим собратом.

Конан облегченно вздохнул. Подбежав к сыну, он помог расстегнуть ему ремни, вынул мальчика из седла и тут же заключил его в объятия.

Удача сопутствовала далеко не всем. Двум воинам Мбеги так и не суждено было проснуться: драконы их, словно камни, рухнули на голую землю. К счастью, всем остальным все же удалось благополучно посадить своих крылатых ящеров.

Конану неожиданно стало казаться, что с ними происходит что-то донельзя странное. Конн, тоже чувствовавший себя не в своей тарелке, изумленно ахнул и стал протирать глаза.

Сверху равнина перед каменным черепом казалась совершенно мертвой. Теперь же они стояли средь пышных трав, доходивших им до колена. На лугу, пестревшем яркими цветами, безмятежно паслось стадо длиннорогих антилоп. Поодаль, там же, где и прежде, белела каменная громада. Однако теперь и камень этот казался другим,— на месте огромного черепа стоял великолепный белоснежный дворец. Тонкие пилястры поддерживали широкий архитрав, покрытый лепными изображениями нимф, сатиров и многоголовых богов. Выступавший вперед тенистый портик заканчивался высоким порталом, ведущим во дворец.

Конана стали мучить сомнения, он никак не мог понять, что же было иллюзией: каменный череп, который они видели сверху, или этот блистательный дворец, у стен которого они теперь стояли. Быть может, иллюзия эта тоже была вызвана гибельным газом?

За его спиной воины Мбеги один за другим покидали свои седла и спускались на землю.

Конан недоверчиво коснулся рукой травы и глубоко вздохнул. Воздух был наполнен ароматом цветов и запахом свежей травы.

Он вновь посмотрел на дворец. В лучах заходящего солнца беломраморный фасад порозовел. Каждая деталь была видна четко, то здесь, то там поблескивали кварцевые прожилки.

Он пожал плечами. Либо на них действительно влияют ядовитые испарения, порождающие все то, что они видят вокруг, либо видение их только сейчас прояснилось и они смогли узреть то, что существует реально... Впрочем, ломать себе над этим голову можно было до бесконечности. Конан же привык разрешать все проблемы практически.

Едва он шагнул вперед, как позади раздалось: «Ангалиа!» Это кричал Мквава, командовавший черными гвардейцами. Воины взяли копья наизготовку.

От дворца к ним направлялось несколько женщин. Это были юные смуглые девы, в длинные косы которых были вплетены крохотные хрустальные колокольчики, источавшие нежнейшие звоны. Легкие накидки, сшитые из тончайшей ткани, не могли скрыть прелести их молодых упругих тел.

Мквава вопросительно посмотрел на Конана. Король нахмурился и пожал плечами.

— Наши бедные звери еще не пришли в себя,— наконец сказал он.— Пусть они хоть немного отдохнут. Мы же тем временем попробуем узнать что-нибудь у этих дев, которых, я полагаю, бояться нечего. Половина людей пойдет вместе со мной, остальные же пусть охраняют наших драконов. Пошли кого-нибудь и назад, иначе, боюсь, наши люди нас потеряют.

Черный командир стал отдавать приказы. Конан, Конн и дюжина гвардейцев направились ко дворцу, стоявшему на склоне горы. Конан задумчиво крутил ус. Лицо его казалось совершенно безмятежным, однако сомнения его так и не покидали. Кто знает, быть может, все это — вражьи происки? Конан никогда не страдал излишней подозрительностью, но он не привык и к тому, чтобы мир менялся в мгновение ока.

4

ЗОЛОТИСТОЕ ВИНО

Настал вечер. Вот уже третий день Конан и его спутники жили во дворце, который скорее был целым городком, вырубленным в скалах. Городок этот назывался Ян-Йога. Все это время королева Лилит готовилась к пиру, устраи-

вавшемуся в честь почетных гостей. Пир должен был состояться этим вечером.

Празднество проходило в большом зале, стены и полы которого были выложены белыми мраморными плитами. Конана усадили на почетное место рядом с королевскими министрами и прочей придворной знатью. Сидевший на высоких, обшитых шелком подушках киммериец то и дело наполнял золотистым медовым вином свой кубок. Варвар чувствовал себя на удивление спокойно. Насытив себя изысканнейшими яствами, он услаждался холодным, слегка терпковатым вином, наполнявшим его сладкой истомой. В другом конце зала пировали его спутники.

Юный Конн в гордом одиночестве возлежал на мягких подушках, глядя на танцующих для него юных дев, чью наготу прикрывали лишь узкие полоски жемчужных ожерелий, надетых на чресла. Снисходительно улыбаясь, Конан наблюдал за сыном. Уже не за горами было то время, когда мальчик должен был стать мужчиной. Конан и сам был немногим старше его, когда он впервые познал женщину. Едва это произошло, от его киммерийского пуританства и следа не осталось. Именно тогда он и отправился в скитания...

Королева пещерного дворца Лилит сидела отдельно от всех. Ее трон стоял на помосте, вырезанном из оникса. За эти три дня Конан не единожды беседовал с нею, но, похоже, она действительно не знала о том, что дворец ее может походить на череп. Слова Конана несказанно рассмешили ее. Подобные иллюзии, говорила она, в ее стране не редкость,— они вызываются ядовитым газом, выходящим из-под земли вместе с паром гейзеров.

Объяснение это Конана вполне удовлетворило, хотя сомнения его так и не рассеялись.

Услышал он от Лилит и рассказ о том, как она и ее подданные оказались в этом месте. Несколько веков тому назад могущественный царь Вендии, снарядив караван купеческих судов, отправил его в Иранистан. Поднявшаяся внезапно буря отнесла корабли далеко на юг и выбросила их на берег неподалеку от того места, в котором они сейчас находились. На берегу этом жило племя желтокожих людей. Вендийцам удалось покорить этот народец, и с той поры они распоряжались аборигенами как рабами. Купцы взяли в жены привезенных ими вендийских рабынь и решили остаться в этих землях навсегда. Именно они и их потомки вырезали в податливых известковых скалах прекрасную Ян-Йогу.

Конану дворец этот представлялся слишком уж роскошным, пышности киммериец предпочитал строгость и простоту. Даже огромный тарантийский дворец, построенный его предшественником Нумедидесом, казался ему слишком вычурным. Едва став королем, Конан приказал убрать из своих покоев все ковры и гобелены и застелить полы тростником, как это было принято в Киммерии.

Ян-Йога походила на дворцы, виденные им в молодости в восточных землях — в Аграпуре, где тогда царствовал Илдиз Туранский, в Шамбалле, лежавшей за дикими гирканскими степями, в столице далекого Кхитая. Так же как и там, стены, двери и своды были покрыты затейливой резьбой. Конан вспомнил о том, как его пленили в таинственной Шамбалле, Городе Черепов. Он предался внезапно нахлынувшим на него воспоминаниям, что уносили его все дальше и дальше...

Киммериец задремал. Заметив, что отец стал клевать носом, Конн поднялся со своего ложа и беззвучно покинул зал.

Ни он, ни его отец не заметили высокого человека в зеленой мантии, что наблюдал за происходящим, стоя за колонной. Человек этот постарел так, что узнать его было почти невозможно, однако Конан тут же признал бы в нем своего заклятого врага Тот-Амона.

Конн был молод и горяч, кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести глаз от одной из танцовщиц, что была немногим старше его. Мальчика очаровали и ее нежное тело, и грациозные движения, и глаза, полные неги...

Едва закончился танец, она отбежала к дальней стенке и, встав спиной к колонне, стала смотреть в его сторону. Заметив, что Конн не сводит с нее глаз, она томно облизнулась и погладила себя по чреслам.

Сердце Конна готово было выскочить из груди. Теперь или никогда, решил принц и, поднявшись со своего ложа, отправился вслед за юной девой.

Нельзя было сказать, что никогда прежде женщины не трогали его. Служанки принца то и дело пытались завладеть его вниманием, и, надо сказать, им это обычно удавалось. Мальчик отвечал на их поцелуи, чувствуя, что от него хотят чего-то большего, он неуклюже пытался ласкать их, но они выскальзывали из его объятий и, смеясь, убегали... «Но должен же я когда-то стать мужчиной!» — думал Конн, пересекая зал.

Дева так и стояла у колонны. Руки его обвили ее нежную талию, но она вдруг засмеялась и отстранила его от себя.

— Не здесь,— зашептала она.— Ты забываешь о королеве...

— Но где же? — прошептал принц.

— Идем...

Взяв Конна за руку, дева вывела его из зала и повела по сумеречным коридорам, направляясь к дальним покоям дворца. Мальчик, забыв обо всем на свете, покорно шел за ней.

Один за другим пирующие покидали зал. Вскоре в нем остался лишь Конан, мирно дремавший на своем мягком ложе. Белый мраморный пол был залит золотистым вином, здесь же валялся выскользнувший из руки киммерийца огромный рог буйвола.

Зал наполнился смуглыми слугами. Они бесшумно скользили по полу, подбирая оставленные черными воинами копья, топоры и дубины. Подойдя к спящему киммерийцу, они вынули из ножен его огромный меч и острый как бритва кинжал.

Королева Лилит, улыбаясь, наблюдала за своими слугами. Время от времени она отдавала им приказы, но говорила она теперь совсем на другом языке, походившем скорее не на человеческую речь, а на змеиное шипение.

Лилит спустилась с помоста и, легко ступая, подошла к мирно похрапывающему Конану. Она взяла у слуги острый аквилонский кинжал и, посмотрев на киммерийца, усмехнулась, лишний раз поразившись его доверчивости.

Взяв кинжал поудобнее, Лилит занесла руку для удара, метя Конану в сердце.

5

ДЕТИ ЗМЕЯ

В комнате стоял полумрак. Конн прикрыл дверь и стал осыпать горячими поцелуями шею и плечи красавицы. Дева легла на широкий диван, покрытый шелковым покрывалом, и рукой поманила его к себе.

Принц сбросил с себя перевязь и принялся расстегивать ремни своей кирасы. Латы его были отполированы до зеркального блеска. Они были малы ему и слегка давили в боках, но это было неудивительно: королевские оружейники ковали их год назад, и за это время он уже успел подрасти.

Это были его первые настоящие доспехи. Мальчик гордился ими и едва ли не ежедневно начищал их до блеска.

Нагая дева стала тихонько постанывать. Конн наконец-таки покончил с ремнями и снял кирасу с груди. Осторожно, боясь поцарапать или помять ее блестящую серебристую поверхность, он опустил ее на пол.

И тут на полированной поверхности своих доспехов он увидел отражение девы. Лишь теперь ему открылся ее подлинный облик.

Тело ее было человеческим, хотя оно и сильно отличалось от того прекрасного девичьего тела, которое предстало ему до этого. Голова же у этого тела была змеиной! Он ясно видел холодные змеиные глаза, щерящуюся пасть, усыпанную острыми как иглы зубами, и трепещущее раздвоенное жало.

Конн не раздумывал ни секунды. Одного взгляда на эти бездушные глаза было достаточно для того, чтобы в нем проснулся идущий от века инстинкт.

Мальчик прыгнул к кушетке, на которой лежала его перевязь, и выхватил из ножен стальной клинок. Побелевший от ужаса Конн вонзил его в змеиную грудь.

Из раны хлынула темная кровь, мальчик же все рубил и рубил бьющееся в агонии тело.

Змееголовую деву убить было не просто. Она стала метаться по дивану, пытаясь уйти от смертельных ударов. На человека она походила все меньше и меньше — теперь уже не теплая человеческая кожа, но хладная блестящая кожа змеи покрывала ее. Конн отвел глаза в сторону и нанес последний удар. Тяжело дыша, он бросил клинок на пол и, пошатываясь, подошел к стене. Его стало тошнить.

Ему тут же стало легче. Сознание его прояснилось. Только теперь он понял, что же происходило с ними все это время. Зачаровав людей, девы-змеи развели их по разным углам, чтобы покончить с ними. Стоило людям попасть в их объятия, как змеи впивались в них своими острыми, напитанными ядом зубами. Люди же умирали, так ничего и не поняв.

Быть может, лишь ему одному удалось спастись от их чар, что были не властны над отражениями. Призраки могли скрывать реальность, лишь наложив на нее обманчивый покров, который не мог отразиться поверхностью зеркала.

От ужаса у него закружилась голова. В древних мифах о змеином племени было сказано немало. Богом аквилонцев

был Светоносный Митра, сумевший сразить Древнего Змея Сета. Однако реальность, соответствовавшая этой легенде, представилась Конну куда более страшной.

Не мечом всесильного бога, но мечами обычных людей был повержен Змей Вечной Ночи. Они воевали с шипящими ордами Сета вот уже миллион лет. Появившись на земле, люди тут же оказались во власти змей, но уже на заре истории первые герои стали поднимать свой народ на борьбу с адскими тварями. Долгой и трудной была эта борьба, страшной ценой доставались победы. И все же людям удалось победить.

Древние сказания говорили о том, что змеиное племя было вновь послано на землю всесильным Сетом, омрачившим сознание людей настолько, что те перестали отличать змей от себя. Остановить новый натиск Змея смог только великий Кулл, правивший древним Валузийским царством,— увидев, что змеи живут в городах рядом с людьми, смешиваются с ними и порождают себе подобных, он повел против них решительную борьбу, которая закончилась его победой.

С той поры прошло уже столько времени, что даже легенды о змеином народе стали забываться. И тут вдруг оказалось, что змеиное племя еще живо. Оно затаилось в высоких горах на самом краю света.

Мальчик часто замигал. Из всех людей земли об этом знал только он.

6

ЧЕЛОВЕК С ЛИЦОМ МЕРТВЕЦА

— Стой! — прогремело в зале.

Кинжал застыл в паре дюймов от груди Конана.

Королева Лилит обернулась и увидела перед собой сгорбленного старика, одетого в выцветшую зеленую мантию. Губы ее искривились злобой, обнажив белоснежные зубы и подрагивающий, словно змеиное жало, розовый язык.

— Кто здесь командует, стигиец? Ты или я?

Тот-Амон не мигая смотрел в темные глаза королевы. Он стал стремительно стареть еще в Нептху, когда Конан уничтожил братство Черного Круга. Тогда стигийцу едва удалось бежать, прибежищем он избрал Древний Зембабве, которым правил последний его союзник — колдун Ненаунир. Но недолгим был отдых Тот-Амона: киммериец, шедший

за ним по пятам, уничтожил черного тирана, и ему, великому магу, вновь пришлось скрываться бегством. На земле Тот-Амон прожил уже не одну сотню лет, но лишь теперь годы стали брать свое,— каждое поражение все больше и больше отдаляло его от Великого Змея, лишая стигийца божественной поддержки. Тело его стало слабым и дряхлым, лицо посерело и покрылось густой сетью морщин. Взор его, однако, был исполнен прежней силы, да и голос не утратил своей мощи, опиравшейся на незыблемую, твердую как камень волю стигийца.

Древние змеи, в логовище которых он теперь жил, были его последними союзниками. В течение нескольких веков он удерживал змей в Ян-Йоге, то подкупая, то околдовывая их. Они, так же как и он, поклонялись Великому Сету, но он не хотел делить с ними власть над миром,— землей должен был повелевать только он. Среди людей союзников у него уже не было, и потому ему оставалось одно — искать помощи у змей. Не сострадание и не дружеские чувства двигали ими, когда они позволили ему остаться в их дворце,— подобные чувства им были неведомы,— с его помощью змеи надеялись восстановить свою власть над миром людей.

Над слугами Сета Тот-Амон был уже не властен, но упускать из своих рук Конана Аквилонского он не хотел.

— Он мой, Лилит,— угрюмо произнес стигиец.— Распоряжаться жизнью киммерийца могу только я.

Женщина-змея косо посмотрела на него и прошипела:

— Тебя, стигийский шакал, я вижу насквозь. Ты хочешь принести в жертву Отцу Сету сильнейшего из слуг Митры, чтобы вновь расположить к себе Великого Змея. Но и у меня есть виды на киммерийца...

Договорить она не смогла.

От сильнейшего удара в спину королева зашаталась. Из груди ее показался окровавленный бронзовый наконечник копья. Зашипев, Лилит рухнула на пол и забилась в предсмертной агонии. Подняв глаза, Тот-Амон увидел, что в зале появилось несколько огромных амазонок.

— Клянусь дубиной Мамаджамбо! — воскликнула принцесса Нзинга, пытаясь выдернуть свое копье из корчащегося тела.— Мы пришли сюда вовремя!

В зал вбежали седобородый Троцеро и его черные воины. Едва завидев генерала, Нзинга закричала:

— Это место заколдованное! Издали скала эта казалась черепом, стоящим посреди мертвого поля, когда же мы

подошли поближе, то оказалось, что идем мы не по камням, а по зеленому лугу, и не каменный череп перед нами, а прекрасный дворец! Я как увидела, что эта тварь хочет убить белого короля, тут же ее и прикончила. Теперь же я стою и думаю: может быть, все это тоже неправда? Может быть, нам все это только кажется? Тут еще и старик какой-то...

— Да это же сам Тот-Амон! — изумленно воскликнул Троцеро.

— Вот уж никогда бы не подумала,— удивленно пробормотала амазонка и перевела взгляд на извивавшееся у ее ног тело со змеиной головой.— А это что еще за чертовщина?

— Змея, которая умеет говорить,— еле слышно ответил ей внезапно побледневший Троцеро.

Схватившись за рукоять меча, принцесса сделала шаг назад.

— Как у тебя только язык повернулся, старик! Ты хочешь сказать, что они существуют на самом деле?

— Посмотри на нее повнимательнее,— тихо ответил аквилонец.— Смотри! Она меняется прямо на глазах!

Амазонка перевела взгляд на пол, но тут же зажмурилась. Ничего более омерзительного она еще не видела.

И тут из-за колонн раздалось шипение. В зал вползали десятки змей. Теперь внимание аквилонского генерала и амазонки было приковано только к ним.

Бой обещал быть жестоким и долгим. Сразив очередную змею, генерал окинул взглядом зал и остолбенел. Ни Конана, ни Тот-Амона в зале не было, они как сквозь землю провалились.

7

НА КРАЮ СВЕТА

Конан неожиданно проснулся. Он пробуждался легко, словно кошка, почувствовавшая приближение врага. Эту способность он унаследовал от предков, и выручала она его уже не единожды.

Он лежал совершенно недвижно, пытаясь понять, где же он находится. Воздух пах морем, где-то совсем рядом шумели волны.

Он слегка приоткрыл глаза. Небо было усыпано мириадами звезд. Ярко сияла луна, и в свете ее хорошо были видны темные скалы и бесконечная ширь неведомого края. Каза-

лось, что он лежит на самом краю света и созерцает океан вечности...

Конан резко вскочил на ноги и стал озираться. На скале, возвышавшейся над ним, стоял человек. В свете луны мантия его казалась серой. К своей костлявой груди он прижимал неведомый талисман, поблескивавший изумрудным светом.

— Мы снова встретились, киммерийский пес! — раздался голос Тот-Амона.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал! — проревел в ответ Конан.

Он не спешил нападать на стигийца, понимая, что голыми руками одолеть всесильного мага он не сможет. Конан был озадачен: пока он спал, Тот-Амон мог убить его, но вместо этого маг почему-то приказал своим демонам перенести его на этот дикий берег.

Словно услышав его мысли, Тот-Амон тихо заговорил. Он говорил долго; голос его постепенно креп, и в нем начинали звучать знакомые Конану властные нотки. Киммериец безмолвно внимал ему, сложив на груди свои могучие руки.

— Богам было угодно, чтобы ты стал ловцом, а я твоей добычей. Ты охотился за мной по всему миру. Ты лишил меня союзников. Вместе с пьяным друидом ты уничтожил великое братство Черного Круга. За год до этого ты смог повергнуть всесильную Белую Руку. В Зембабве боги вновь были на твоей стороне. После этого идти мне было уже некуда.

Конан безмолвствовал. Маг вздохнул и продолжил:

— Здесь, на краю света, живут те, кто до прихода человека правил этим миром. Именно здесь находится последняя цитадель древнего змеиного племени. Появившись на земле, люди тут же стали воевать со змеями и истребили бы их, если бы те не прибегли к магии, позволившей змеям скрыть от людей свой истинный облик. Твой предок Кулл Завоеватель проведал об этом, и тогда змеиный народ был истреблен окончательно. И все же нескольким змеям удалось уцелеть. Я давно знал о том, что они скрываются именно здесь, на краю света. Я знал и о том, что они все еще хранят надежду отвоевать у людей то, что, как они считают, должно принадлежать им по праву. Именно они даровали мне знание, позволившее мне стать наместником Сета на Западе. Я должен был низвергнуть всех ваших богов и вернуть в мир истинную веру. Место Митры, Иштар и Асуры должен был

занять Великий Сет. Произойди это, и я стал бы правителем всего этого мира, мои учителя змеи этому уже не смогли бы помешать. Все шло как нельзя лучше, пока не появился ты. Я до сих пор не понимаю того, как тебе удалось сорвать мои планы. Ты не жрец, не пророк и не волшебник. Ты всего-навсего грубый невежественный варвар, каким-то чудом оказавшийся на самом гребне судьбы. Впрочем, возможно, твои западные боги и не столь примитивны... Я не знаю, что за сила стоит за тобой, но тебе удалось не только лишить меня власти над миром, но и обратить меня, величайшего мага земли, в жалкого беглеца... Но не все еще потеряно! Я принесу твою бессмертную душу в жертву Великому Сету. Ты не представляешь себе, сколь грандиозна эта жертва! Великий Змей тут же вспомнит о своем преданном слуге и вернет ему свое расположение! И тогда я соберу змеиное воинство и пойду войной на презренное царство людей!

Конан взревел и, в два прыжка достигнув вершины скалы, схватил мага за горло. Они упали вниз, на плотный влажный песок.

Странной и страшной была эта битва воина Света и воина Тьмы. В эту минуту на краю света решалась судьба мира.

8

РЕКВИЕМ ПО ЧАРОДЕЮ

Бросок Конана застал стигийца врасплох. Тело его было старым и дряхлым, ответить силой на силу он уже не мог. Но у него было оружие совсем иного рода. Едва пальцы киммерийца легли на его шею, маг легко дотронулся до лба Конана сверкающим камнем.

Лба киммерийца коснулось легкое прохладное дуновение, и тут же ледяная игла впилась ему в сердце. Он стал терять сознание, чувствуя, как коченеет его тело. Холодные волны тьмы увлекали его за собой. Эти черные беспросветные воды поглотили его тело и теперь боролись с его душой, кружившей во мгле таинственным вихрем.

Однако Конан так и не разжал своих рук, сошедшихся на шее его заклятого врага в мертвой хватке. Душа стигийца тоже покинула тело и погрузилась во тьму. Но борьба продолжалась и здесь, пусть у противников уже и не было тел.

Мир погрузился в серую дымку; где-то вверху кружили черные звезды, источавшие хладные флюиды.

Стигиец представлялся Конану туманным вихрем. Сам же он выглядел точно так же. У противников не было даже определенной формы и все же они как-то боролись друг с другом.

Здесь все решала некая неизъяснимая сила, которая лежала в самом основании человека и была его сутью, придававшей ему в проявленном мире ту или иную форму, делавшей его тем или иным.

Тот-Амон все наступал и наступал, разя хладом огненный вихрь киммерийца. Чем слабее становился Конан, тем сильнее становился он сам. Отчаянным усилием киммериец удерживал себя от полного развоплощенья, ни на миг не выпуская мага из своих бесплотных объятий,— они все кружили и кружили по серому миру.

Конан вдруг почувствовал, что вражий вихрь распадается. Тот-Амон беззвучно закричал. Крик этот был исполнен отчаяния и муки. Вихрь его бесследно растаял, смешавшись с холодной серой дымкой.

Конан скользил по серому миру, с каждой минутой становясь все сильнее и сильнее. Он знал, что жизненной силы Тот-Амона больше не существует.

Через какое-то время он пришел в себя.

Он лежал на песчаном берегу у самой кромки безымянного моря. Рядом сидел его сын. Мальчик горько плакал. Обеими руками Конан сжимал шею мертвого стигийца. Поодаль лежал меч, по рукоять испачканный черной кровью. Этот меч он подарил Конну в день его тринадцатилетия. Именно на нем белый друид Девиатрикс начертал охранный знак Владыки Света Митры — Крест Жизни!

Так закончилась последняя битва. Сорок лет Конан Киммерийский и Тот-Амон Стигийский преследовали друг друга по миру. Дуэль их наконец была закончена.

— Он тебя убил, отец! Я ударил его и вдруг смотрю — ты лежишь тихо-тихо и даже не дышишь, как будто ты умер! — всхлипывая, говорил ему мальчик.

Конан обнял его:

— Ты не ошибся, мой мальчик, я стоял пред самыми вратами смерти. Но не мне, а другому суждено было войти в них! Смотри!

Он кивнул на мертвое тело стигийца. Оно на глазах у них превращалось в прах. Вскоре от него остался лишь голый череп, однако через пару минут и он превратился в мель-

чайшую пыль. На песке осталась лишь выцветшая зеленая мантия.

Конан поднял с песка талисман мага и зашвырнул его далеко в море.

— Вот и все,— сказал он.— Теперь эту штуку вряд ли кто-нибудь найдет!

9

МЕЧИ ПРОТИВ ТЕНЕЙ

— И тут эта дева превратилась в змееголовое чудовище. Если бы не моя кираса, я бы с тобой уже не разговаривал,— рассказывал Конану сын.— Я зарубил ее и побежал в зал, чтобы рассказать об этом тебе. Ты спал, а над тобой стояли Тот-Амон и королева. В этот же миг в зал вбежали амазонки, и принцесса тут же пронзила Лилит копьем. Я же продолжал стоять за колонной. Тот-Амон подозвал к себе слугу и вместе с ним потащил тебя к стене. Ох и странный это был слуга! Голова у него была рогатая, а здоров он был, словно бык! Самым странным было то, что никто, кроме меня, их не видел — стигиец людей словно околдовал! В стене была потайная дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий к берегу моря. Я видел, что в зал стали вползать змеи, но решил, что амазонки и воины Троцеро справятся с ними и без меня, и поспешил вслед за магом. Я вышел на берег, но сразу найти тебя не смог, ты ведь помнишь — там кругом скалы. Потом я увидел, что ты и маг лежите на песке. Мне даже показалось, что вы заснули...

Конан то и дело кивал, понимая, что мальчику надо выговориться. Они возвращались в Ян-Йогу. Мальчик быстро нашел вход в подземелье. Из-под земли доносились шум и лязг оружия — сражение все еще продолжалось.

Конан заулыбался. После потусторонних битв в мире, где и звезды черны, звон клинков казался ему сладчайшей музыкой.

Где-то там Нзинга и Троцеро сражались со змеиным племенем. Воинов под их началом было немного, но зато это были настоящие воины! Змеи же, проведшие в этих землях не одну сотню лет, должны были уже позабыть ратное дело, к тому же они лишились и своих предводителей,— вряд ли кто-либо из них мог сравниться с королевой или Тот-Амоном. Бой предстоял трудный и упорный, в этом сомнений

не было, но Конан был даже счастлив сразиться с этими старыми как мир врагами человека. «С главным своим врагом я покончил,— подумал вдруг Конан.— Боюсь, теперь мне будет его не хватать...»

— Слушай, а где же твой меч? — спросил он у сына.

— Я оставил его там, на берегу.

— Дай мне свой кинжал и беги назад, я тебя здесь подожду.

Конан стал шарить рукой по земле и нащупал округлый булыжник размером с человеческую голову. Он поднял его с земли и, оценив на вес, остался доволен. Им он будет проламывать этой нечисти головы.

Конан знал, что змей убивать непросто,— они живучи на удивление. Но и они смертны.

Через несколько минут к нему подошел Конн. В руке его поблескивал меч. Отец и сын вошли в темный туннель и поспешили на помощь своим друзьям, что вели последний бой с древнейшими врагами человека.

Конан-островитянин

1

КРАСНЫЕ ТЕНИ

Из тайных бездн в чреве земном
Забытым, древним, страшным сном
На крыльях тени в мир скользят.
Как кровь, как жгущий душу Ад.

Видения Эпимитреуса

Король Конан восседал на троне для судебных разбирательств в Зале правосудия, расположенном в одном из покоев его дворца в Тарантии — столице королевства Аквилонии. За разноцветными витражами окон, над зелеными садами, усыпанными яркими благоухающими цветами, изгибался свод голубого неба. Дальше, за садами, ввысь устремились квадратные башни из белого камня, проникающие в небесную синеву купола, отсвечивающие зеленоватой медью, силуэты домов, храмов, дворцов, крыши которых были покрыты красной черепицей. В ту древнюю хайборийскую эпоху это действительно был самый величественный город Западного мира.

За садами виднелись старательно выметенные улицы Тарантии, запруженные потоками движущихся людей — муж-

© L. Carter, L. Sprague De Camp.

чин и женщин, пешком, на спинах лошадей, мулов, ослов, в носилках и на колесницах, в повозках, запряженных четверками быков, и на телегах. Речные суденышки, словно тучи водяных насекомых, облепили берега реки Коротас. За два десятилетия твердого, но терпимого правления Конана Великого Аквилония превратилась не только в самую могущественную, но и в самую цветущую страну из когда-либо существовавших в этом предрассветном мире.

В то время как король вершил свое правосудие, в колонном зале, поодаль друг от друга, стояли группы богато разряженной знати: придворные в шелковых одеяниях, толстые купцы в кафтанах строгого покроя, шею каждого из которых украшала серебряная цепь со знаком своей гильдии на медальоне. Судебный список включал несколько чрезвычайно важных дел, и поэтому сейчас здесь собралась большая часть знатных жителей Аквилонии. Среди них был юный Гонзальвио, сын князя Пуантенского, вместе со своим отцом, старым Троцеро, стройным и элегантным, одетым, как обычно, в алый бархат; золотой леопард — символ его провинции — был рельефно вытканы серебряной нитью на его тунике. Здесь присутствовали также граф Монато из Кафен, барон Гильом из Имируса и аскетического вида старец с белоснежной бородой — широко образованный и мудрый Декситей, Верховный Жрец Митры.

Суровые воины, облаченные в черные кольчуги королевских легионов, зловеще застыли у сводчатых дверей и у портика; солнечный свет вспыхивал на их шлемах с драконьими крылами и поблескивал на наконечниках копий. Все взгляды были устремлены на центральный помост, где над толпой смутно нависли два трона, и на толстого торговца, усыпанного драгоценными камнями, беспокойно переминавшегося с ноги на ногу. А в это время его адвокат в серебристо-черной, будто припорошенной дорожной пылью мантии держал оправдательную речь перед большим из тронов.

С его высоты на трепещущего ответчика грозно взирал Конан. В душе он чувствовал глубокое отвращение к этим утомительным, многословным, запутанным делам о налогах, с их ложью, так похожей на правду, с их сложными математическими расчетами, от которых раскалывалась голова. Как бы ему хотелось запустить короной в толстую рожу этого жадного глупца, стоящего перед ним, ринуться прочь из зала, ударить ногами по крутым бокам могучего жеребца и умчаться на весь день на охоту в Северные леса! «Чума забери эти королевские обязанности»,— думал он. Они вы-

сасывают последние капли животворной влаги из человеческого тела, превращая мужчину во вздорного старого крючкотвора, в жилах которого не хватит горячей крови даже на взмах меча. После двадцати утомительных лет под тяжестью короны, прежде чем неумолимая, всепобеждающая секира времени подкосит его, человек просто обязан отбросить все почести и титулы и умчаться к туманным горизонтам последнего приключения, в путь, отмеченный запекшимися кровавыми следами.

Конан украдкой бросил взгляд на соседний трон, где сидел принц Конн, его сын, наследник Аквилонии. Парню было уже двадцать лет — вполне достаточно, чтобы занять престол самого могущественного королевства Запада. С легкой улыбкой, игравшей на суровой складке рта, старый король изучал отсвет скучающей мятежной неприязни на лице молодого Конна. Вне сомнений, парень тоже мечтал сбросить с себя эти сковывающие парадные одежды и умчаться на весь день на охоту или, может быть, окунуться с головой в ночной разгул в одной из прибрежных пивных. Конан усмехнулся, вспомнив многочисленные попойки своей собственной горячей молодости.

Действительно, принц Конн был копией отца в его юные годы. Те же нахмуренные черные брови над пронзительными, глубоко посаженными голубыми глазами, то же смуглое угловатое лицо, обрамленное черной гривой жестких, ровно подрезанных прямых волос, та же мощная комплекция молотобойца, с широкими плечами, выпуклой грудью и буграми массивных мускулов, которых не могли скрыть шелка и бархат; те же длинные стальные ноги. Едва достигший совершеннолетия, сын Конана был на голову выше большинства присутствующих в зале, уступая лишь своему могучему повелителю, величайшему из воинов, когда-либо переступавших порог этого мира.

Что же касается самого Конана, то время еще не могло сломить этого неукротимого борца. Действительно, шестьдесят с лишним лет жизни уже вплели серебряные нити в густую черную шевелюру и в седеющую, коротко подстриженную жесткую бородку, закрывавшую его суровые губы и железные скулы. Он несколько высох, став похожим на усталого серого волка северных степей. Холодная рука времени уже вырезала глубокие морщины над угрюмыми бровями и на изрытом шрамами лице. Но по его мощной фигуре все еще перекатывались волны неистребимых жизненных сил, и жгучее пламя едва сдерживаемого гнева таилось в глубине

глаз. Парализующая хватка времени еще не сумела сковать титаническую силу его могучих, словно железные клещи, рук, переплетенных узлами тугих мышц и упругих сухожилий.

Он восседал на серебряном троне, как на широкогрудом жеребце среди усеянного телами бескрайнего поля сражения. Могучая рука крепко сжимала серебристо-черный жезл правосудия, словно утыканную шипами боевую булаву, которая в любой момент могла взмыть вверх, чтобы тут же обрушиться на теснящуюся внизу толпу. Богатые одежды, усыпанные драгоценными камнями, украшенные золотыми цепями и медальонами, облегали его усохшую мощную фигуру, напоминая воинские доспехи. Куда бы он ни вошел: в полную ли веселья пиршественную залу, в пыльную ли тишину библиотеки, пронизанную призрачными отзвуками древности, в обитую ли шелками спальню,— этот угрюмый варвар из придавленных низкими облаками пустынь северной Киммерии приносил с собой грозную, безжалостную атмосферу поля брани.

И это был не просто отпечаток прошлых лет, даже теперь, когда причуды судьбы, усмешка богов или, может быть, его собственная несгибаемая воля вырвали этого чернобрового дикаря из ряда безымянных искателей приключений, чтобы поднять его в сверкающую высь — обитель сильных мира сего, сделав его повелителем могущественного королевства Западного мира. Конан помнил ту ночь почти полвека назад, когда, одетый в лохмотья юнец с безумным взглядом, он прокладывал себе дорогу, вырываясь из хайборийского загона для рабов, вращая обрывком цепи, чтобы потом безоружным пуститься в долгий путь, который лишь немногих избранных приводит к могуществу и славе. В стычках и битвах неукротимый киммериец прошел полмира навстречу своей судьбе, прорубив багряную тропу сквозь десяток королевств, от грохочущих берегов Западного моря до туманных долин сказочного Кхитая.

Грабитель, пират, наемник, искатель приключений, предводитель варварских племен, главнокомандующий королевских войск, он отваживался на многое и был знаком со всеми опасностями и чудесами, какие только мог предложить ему этот мир. Своим могучим мечом непобедимый киммериец повергал в прах демонов, драконов и кровожадных чудовищ древней тьмы. Тысячи врагов познали жаляший укус его вихрем носящегося клинка — воины, покрытые с ног до головы бронзовой броней, злобные колдуны, воинственные вожди бешеных варварских народов, высокомерные короли.

Даже бессмертные боги иногда вынуждены были избегать гнева его сокрушительного меча.

Но приключению, начавшемуся здесь, в королевском Зале правосудия в Тарантии этим теплым весенним днем, по прошествии девяти тысяч лет со времени падения Атлантиды и за семь тысячелетий до расцвета Египта и Шумерского царства, суждено было стать самым странным и фантастическим из всех многочисленных испытаний, которыми и так была насыщена его славная и полная смертельной опасности жизнь.

Это произошло совершенно неожиданно.

Еще мгновение назад Конан сердито разглядывал торговца и его речистого жестикулирующего защитника, но в следующий миг озадаченный взгляд киммерийца скользнул по залу к месту, где элегантная фигура его старого верного друга, князя Троцеро из Пуантена, вдруг зашаталась на отполированном до зеркального блеска полу.

— Нет, нет! Во имя всех алых демонов Ада!

В хриплом голосе старого придворного прорезались нотки ужаса и отчаяния, оборвавшие витиеватую речь адвоката. Изумленные лица обратились к его закачавшейся на одеревеневших ногах фигуре. Брови поползли вверх. Возможно ли, чтобы старый князь Пуантенский явился в Зал правосудия пьяным?

Одного взгляда на онемевшее от страха, белое лицо Троцеро было достаточно, чтобы отбросить эту мысль. Крупные капли холодного пота поблескивали в его бескровных чертах, а мертвенно-бледные губы шевелились будто в немой агонии. Вокруг остекленевших глаз придворного выступили черные круги.

— Троцеро! — рявкнул Конан.— Тебе плохо? Что случилось, дружище?

Король чуть привстал, в то время как его ближайший друг и вернейший из соратников шатался на отполированных мраморных плитах с вытянутыми вперед руками, словно желая отстранить невидимого врага. В зале воцарилась тишина. Рослый сын Троцеро бросился от трона, протянув одну руку, чтобы поддержать своего господина. Старый воин стоял в самом центре зала, не в силах сдвинуться с места; ноги его дрожали.

— Нет, я сказал! Я не могу... ты не посмеешь! О Иштар и Митра! Мит...— Его голос сорвался в зловещий вопль.

И тогда Ужас нанес свой удар.

С крестового сводчатого потолка, из углов просторного зала вылетели крылатые тени — бледные и прозрачные, как обрывки дымчатой ткани, призрачно-красные Тени Ужаса.

В мгновение ока они опутали дрожащую фигуру старого пуантенца. Сквозь красноватую пелену находящиеся в зале могли видеть его белые неподвижные черты лица, застывшие в гримасе странного мучения. Будто стая призрачных летучих мышей-вампиров облепила неосторожного путника с ног до головы.

В течение бесконечно долгого, словно бы остановившегося мгновения Красные Тени закутывали жертву в свои бледно-розовые покрывала. Вскоре они исчезли вместе с ней.

Своей неподвижностью зал напоминал застывшую в красках картину. Печать растерянности лежала на лицах присутствующих. Старый князь Пуантенский, который уже четверть века стоял возле трона Конана и сражался за него, вдруг растворился в воздухе.

— Отец! О боги...— Голос молодого Гонзальвио оборвался в звенящей тишине.

— Во имя железного сердца Крома! — прогремел Конан.— Черная магия при моем собственном дворе? Я сниму голову с того, кто сотворил это! Эй, стража! Проклятье, что вытаращились, олухи,— трубите тревогу!

Яростный рев Конана вдребезги разбил хрупкую тишину. Женщины, пронзительно вскрикнув, падали в обморок. Мужчины ругались, терли глаза и снова ошарашенно устремляли невидящий взгляд на то место, где только что стоял один из величайших пэров Аквилонии. Над всей этой суматохой поднялся визгливый бронзовый зов военных рожков. Грохотали барабаны, и мрачные воины из легиона Черных Драконов Конана, с мечами в руках, расталкивали сгрудившуюся в замешательстве толпу. Они пробивали себе дорогу к висящему над помостом знамени Аквилонии, с вышитым на нем львом, вставая на защиту его и правителей, восседавших под его пологом. Но мечи не могли отыскать там ни притаившегося убийцы, ни шпиона,— то есть ничего доступного глазам.

На помосте, среди закованных в доспехи воинов, король Конан рыскал по залу горящим немигающим взором. Сейчас он был похож на грозного льва среди саванны. Глубокая боль пронзила его загадочное сердце, и острое чувство потери хлынуло в душу. Троцеро Пуантенский был первым, кто поддержал Конана, когда тот возглавил бунт против короля-

выродка Нумедидеса. Престарелый граф предпринял далекое путешествие к берегам страны пиктов, чтобы вернуть назад бывшего главнокомандующего аквилонскими армиями, которому пришлось бежать от наемных убийц, посланных завистливым Нумедидесом.

Вскоре Конан выступил из Зингары во главе опытных и храбрых воинов. Постоянно пополняя ряды своих сторонников, он, подобно кровавому мечу, рассек всю Аквилонию от дальних провинций до ворот увенчанной башнями Тарантии, откуда шагнул на ступени королевского трона. И там он собственными руками задушил развращенного Нумедидеса и водрузил корону на свою черноволосую голову. В глубине души Конан горячо оплакивал потерю своего самого старого верного друга, ставшего первой жертвой Ужаса...

Оставшиеся две недели этого месяца Ужас атаковал снова и снова, пока семь тысяч жителей Аквилонии — пэров и поденщиков, графинь и куртизанок, баронов и бродяг, священников и крестьян — не исчезли в роковых объятиях Красных Теней.

2

ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ КОЛАМИРЫ

Пока ленивые года тянулись, словно корабли,
И фениксы покой моей гробницы стерегли,
В бездонных пропастях унынья мрачного я спал,
Но пробил час, и я от сна восстал!

Конан спал один под неусыпной охраной в одном из просторных покоев своего дворца. В сумеречной вышине неясно маячил позолоченный купол потолка. И хотя последние три дня он не смыкал глаз ни на минуту, отчаянно пытаясь совладать с мистической напастью, поразившей его королевство, сон Конана скорее напоминал беспокойную дремоту, часто посещаемую какими-то видениями. В течение длинных дней и ночей, полных горького бессилия, он держал бесконечный совет. Конан искал ответа у мудрейших людей королевства — седовласых старцев и образованнейших ученых мужей. Он просил священнослужителей Митры, Иштар и Асуры молиться о заступничестве богов. Он слушал рассказы шпионов и изучал донесения тайных агентов. Он

пытался прибегнуть к чарам и ворожбе служителей тайных культов — все напрасно.

Теперь изнеможение подточило силы даже его несгибаемой железной ярости. Старый, поджарый волк, охваченный беспокойной наркотической дремотой, Конан растянулся в тяжелой кольчуге на шелковых покрывалах, подложив под руку свой широкий меч.

Конану казалось, что он слышит далекий голос. Отдающийся эхом призыв прозвучал достаточно громко, чтобы заставить его насторожиться, но столь туманно и неясно, что он никак не мог проникнуть в смысл фразы, жутким шепотом растекающейся по его комнате.

Конан вскочил с постели и, осмотрев свои голые руки и ноги, понял, что это было сновидение. Король обернулся и увидел свое собственное тело, погруженное в глубокую дремоту. Кольчуга мерно вздымалась на широкой груди, поблескивая в серебряном лунном свете, проникавшем сквозь высокие узкие окна.

Снова раздался далекий бормочущий зов, в котором звенели властность и непринужденность. Поразительно, что потом Конан так и не смог ясно представить себе, как из пронизанной лунным светом темной комнаты он двинулся вперед, разбивая преграды пространства и времени, пока вьющаяся вихрем серая, как его поседевшая борода, дымка не сомкнулась вокруг него, скрыв все остальное из виду. И даже после этого он все перемещался вперед каким-то непостижимым способом, так не похожим на движение в оставшемся позади материальном мире,— вперед, сквозь серую тьму, застилающую глаза подобно липким объятиям ночного тумана.

Из этой зыбкой дымки снова и снова доносился тот настойчивый голос, который извлек его дух из громады плоти и увлекал его в этот мир прозрачной темноты и феерического тумана. Постепенно звуки голоса, раздающегося вновь и вновь, стали яснее: «Конан из Киммерии! Конан Аквилонский! Конан-Островитянин!»

Теперь Конан слышал голос совсем отчетливо, но последняя фраза озадачила его: что значит имя «Конан-Островитянин»? Никогда, за все долгие годы скитаний, это прозвище не было связано с его именем.

Наконец он дошел до места, где почувствовал твердую почву под ногами. И в этом странном сновидении ему почудилось, что серый туман рассеялся. Тусклый неземной

свет пробивался сквозь голубоватые пары. Теперь он находился в колоссальных размеров зале, чьи темные стены и величественный сводчатый потолок казались вырезанными из черной, как могильная тьма, плоти самой Древней Ночи. Слабое мистическое свечение как будто исходило от самих камней, и он мог смутно различить гигантские ниши, возносящиеся от пола до сводчатого потолка.

Каждый квадратный дюйм черных стен был покрыт изумительной резьбой, изображавшей пышные процессии крошечных фигур,— бесконечная стремительная панорама, заполненная миллионами сталкивающихся и сражающихся людей. Приблизившись, он поразился необычности их одежд и оружия, будто принадлежащих далеким эпохам и другим мирам. Словно чьи-то титанические усилия превратили холодные камни в великолепные гобелены, в которых с высоты птичьего полета отразилась история всего человечества, начиная от забытых дней до катаклизма, когда Атлантида и Лемурия, Валузия и Грондар боролись за мировое господство; и даже раньше, когда сгорбленные косматые предки людей неуклюже пробирались сквозь джунгли и чернокрылая Ка, Птица Сотворения Мира, впервые вылетела с загадочного Востока, чтобы запустить ход времени.

Над сражающимися рядами древних королей и героев неясно вырисовывались и другие фигуры — безобразные, нескладные и ужасные. Конану казалось, что в глубине своей души он имел представление об этих существах — древних безымянных тварях, господствовавших над заполненной звездами вселенной за миллиарды эонов до рождения Коламиры — Первого из людей.

Теперь Конан знал, что он шел через сновидения, где время остановилось, и что дух его был захвачен древней силой, которая стерегла племя людей. Исходящим из самого нутра звериным чутьем, столь естественным для его варварской души, он постигал, что нога смертного еще не касалась этой мертвой пыли, покрывавшей черный пол задолго до начала счета времени. Это существовало всегда, и он сознавал это. И даже более того, ему казалось, что однажды, много лет назад, он стоял на этом самом месте и проходил вниз, в разверстую черную глотку этой гигантской пещеры, охваченный таким же странным магическим сном.

Бесконечное число лет прошло с того далекого дня, но что такое эфемерные поколения смертных людей для него,

вечно спящего под черными сводами лежащей вне времени Коламиры, Горы Вечности?

Конан вступил на широкую винтовую лестницу, которая уносила крутые ступени из черного камня на немыслимую высоту. Уступы стен были здесь украшены загадочными символами какого-то тайного письма, настолько древнего и в то же самое время смутно знакомого, что пробудили в нем неясные воспоминания. Рожденные воспоминания восходили к опыту далеких предков, еще во многом похожих на первых человеко-зверей, неуклюже ковыляющих сквозь Времена Рассвета. И вспыхивающие в этом туманном вихре неясные проблески, в которых оживали видения Старших Времен, вызвали мурашки на его голом теле. Он поспешно отвел глаза от загадочных иероглифов. Поднимаясь по ступеням этой колоссальной лестницы, Конан видел, что всякий раз ставит ступню на слепо шарящую в темноте голову змеи с омерзительно тонкой чешуйчатой шеей. Извивающиеся кольца змеи были высечены в камне и вызывали образы тех ненавистных кошмарных форм, которые называли Сетом. Старый Змей, бессмертный, злобный демон тьмы. Этим символическим приемом неизвестные зодчие хотели знаменовать, что путник каждым своим шагом попирает слепые силы зла и хаоса.

Конан медленно двигался вверх по бесконечной спирали лестницы. Наконец он увидел и саму гробницу, высеченную из сверкающего массивного кристалла, названия которого Конан не знал. Если это был бриллиант, а кристалл действительно был похож на него, то ценность камня, из которого была сделана гробница, была просто немыслимой. В холодном кристалле мириадами звезд сверкали беспокойные лучи мерцающего света.

По обе стороны погруженного в сон склепа в мрачном безмолвии застыли огромные зловещие фигуры фениксов с железными клювами и когтями. Их широкие крылья раскинулись над бриллиантовой усыпальницей, укрывая зубцами каменных перьев обитателя склепа. Из непроглядной темноты гробницы стали возникать очертания титанической фигуры, окруженной сверкающим ореолом лучей чистейшего света. Завороженный, онемевший Конан не мог оторвать глаз от величественного, обрамленного седой бородой лица.

— Говори, о смертный! — трубно прозвучал глубокий голос.— Знаешь ли ты, кто говорит с тобой?

— Да,— с трудом произнес Конан,— во имя Крома, и Митры, и всех Богов Света, ты — пророк Эпимитреус, чья

плоть превратилась в призрачную пыль пятнадцать тысяч лет назад!

— Верно, о Конан. Много лет прошло с тех пор, как я призвал твой спящий дух, чтобы он предстал передо мною здесь, в черном сердце Коламиры. За протекшие с того дня годы мой немеркнущий взгляд неотступно следовал за тобой по всем извилистым дорогам, через все битвы в разных уголках земли. И ты всегда выбирал правильный путь. Все было сделано так, как того хотели Бессмертные, поставившие меня охранителем людей. Но сейчас тьма нависла над Западными землями — тень, рассеять которую не в силах ни единый смертный, кроме тебя.

Конан вздрогнул от неожиданности этих слов и хотел заговорить, но высохшая рука старца поднялась вверх, приказывая молчать.

— Слушай внимательно, о Конан! В былые времена Боги Жизни дали мне власть и мудрость, недоступную другим людям, чтобы я мог вести войну против исчадия самого Ада, злобного Змея, старого Сета, с которым я уже боролся и убил его, но тогда же и сам нашел свою смерть. Ты знаешь это.

— Об этом рассказывается в старинных книгах и поется в песнях,— проговорил Конан.

— Да, это было так.— Голова, окутанная сверкающими лучами, едва заметно склонилась.— Ты знаешь, о сын человека, что еще при рождении вечные боги предопределили тебе великие свершения и бессмертную славу. Через множество смертельных опасностей проходил твой путь, и много темных и злых сил, человеческих и потусторонних, были повержены в прах твоим мечом. И боги были довольны.

Конан ничего не отвечал на эту похвалу. Его угрюмое лицо было бесстрастным. Воцарилось молчание, и затем снова раздался глубокий, звенящий в ушах голос Эпимитреуса:

— Еще одно, последнее дело ожидает тебя, о киммериец, прежде чем ты сможешь удалиться на заслуженный покой. Этот подвиг был предсказан твоему духу еще до начала отсчета времени. Одна последняя, и величайшая, победа ждет тебя, но за нее придется заплатить горькой ценой.

— Что это за предназначение и какова та цена? — потребовал ответа Конан.

— Ты должен спасти Западный мир от Ужаса, который уже сейчас медленно наступает на твои зеленые владения.

Над землями людей нависло страшное проклятие. Это рок более чудовищный, чем может постичь твой ум. Это Ужас, который внезапно обрушивает вниз свои чары, порабощает души людей и рвет в куски их несчастные тела. Ужас, который должен был рассыпаться в пыль десять тысяч лет назад.

Сверкающий взгляд пророка изучающе застыл на суровом лице киммерийца.

— Но чтобы совершить это, тебе придется передать трон и королевскую корону твоему сыну и в одиночку устремиться вперед к туманным горизонтам самых отдаленных границ Западного океана. Ни один человек не отваживался проникнуть туда с того самого времени, когда по воле рока Атлантида погрузилась в сверкающие волны. Именно этой ночью ты должен оставить корону и грамоту об отречении от престола — все, чем ты доселе был связан, и тайно отправиться за пределы твоего королевства, чтобы никогда более не увидеть его. Путь в неведомые края долог и тяжек. Множество смертельных опасностей отделяет тебя от конечной цели, опасностей, от которых даже боги не смогут оградить тебя. Но ты единственный из людей, кто может пройти по этой тропе, имея хоть какой-то шанс на победу. Да, все эти великие испытания и великая слава предназначены тебе одному, потому что лишь немногим смертным суждено участвовать в судьбе этого мира.

Сквозь облако света старец улыбнулся стоящему внизу королю.

— Только один подарок могу я тебе дать. Пронеси его сквозь все невзгоды, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более я не могу открыть тебе. Твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности.

Комочек искрящегося света, подобно облаку звездной пыли, выплыл из протянутой ладони пророка. Что-то холодно звякнуло у самых ног Конана. Не отрывая глаз от пророка, он нагнулся и поднял талисман.

— Еще одно лишь слово,— произнес Эпимитреус.— Короли-чародеи из забытой Атлантиды использовали знак Черного Кракена. Этот символ иногда еще может возникнуть вновь. Остерегайся его! Теперь иди, сын Крома,— продолжал мудрец.— Смертному нельзя слишком долго оставаться в царстве теней, даже если его дух и был призван мною. Возвращайся, о Конан, в свою оболочку из плоти, и благосло-

вение бессмертных богов пребудет с тобой, дабы рассеять мрак предстоящего тебе пути на краю гибели. Никогда более не окажешься ты перед лицом Эпимитреуса — ни в этом, ни в других бесчисленных грядущих мирах, через которые пройдет твоя душа, вновь возродившаяся для борьбы и свершений. Прощай!

Задыхаясь, словно после жестокого удара, Конан внезапно проснулся. Он обнаружил, что лежит на шелковой постели в своей серебрящейся сталью кольчуге. Липкий пот обильно струился по его телу. Несомненно, это был только сон! Наркотическое действие вина и его собственные заботы слились в одном устрашающем видении.

Но вдруг его взгляд упал на какую-то вещицу, крепко зажатую во вспотевшей ладони. Это был огромный сверкающий бриллиант — талисман, выточенный в виде птицы феникса. И Конан понял, что это было нечто большее, чем просто сон.

Спустя три часа, во время летнего шторма, когда пронизывающий насквозь ливень захлестывал могучие башни дворца Тарантии и молнии скручивали их в фантастические фигуры, потайная дверь во внешней стене, которой редко пользовались, неслышно открылась. Гигант, закутанный в черный плащ, из-под которого поблескивала железная кольчуга, тихо вышел из темного проема. Его лицо было наполовину скрыто огромной черной шляпой с опущенными полями. За ним показалась другая высокая фигура, за которой шел на поводу горячий жеребец. Они остановились, и первый мужчина стал внимательно осматривать подпругу и проверять длину стремян.

— Черт побери! — глухо прозвучал голос молодого принца Конна.— Это несправедливо! Если кто-нибудь и имеет право следовать за тобой, так это я!

Конан мрачно тряхнул головой, и с полей его шляпы поспешно сорвались капельки дождя.

— Кром знает, сынок, что если бы я мог взять кого-то, то я выбрал бы тебя. Но теперь мы уже не те двое беззаботных искателей приключений и не можем подчиняться своим прихотям. Человеку никогда не достичь власти и славы, если у него нет чувства ответственности. Мне потребовались годы, чтобы хорошо выучить этот урок, но иногда он мне кажется слишком тяжелым. Я ухожу, возможно, навстречу смерти, а ты должен остаться здесь, чтобы править этой землей и творить на ней правосудие, как подскажет тебе разум. Такова

воля богов. Полностью не доверяйся никому. Надежнее всего ты можешь положиться на тех людей, которым я сам оказал доверие. Знай, однако, что девять десятых всех похвал — ложь, ибо королевский титул притягивает к себе лесть, как падаль привлекает мух. Суди о человеке не столько по словам, сколько по делам. Никогда не наказывай принесшего дурную весть и не хмурься грозно на того, кто высказывает неприятное для тебя суждение. Иначе люди не осмелятся говорить правду своему королю. Прощай!

Железная ладонь отца крепко стиснула руку сына, и они на мгновение сдавили друг друга в объятиях. Одним прыжком Конан взлетел в седло, пока Конн держал жеребца за поводья, другой рукой придерживая стремя. На мгновение человек в плаще обернулся, окинул тускло вспыхивающие золотом башни Тарантии, звездной столицы Западного мира, и сердце его забилось быстрее. Словно силясь убежать от нахлынувших чувств, Конан пришпорил коня и помчался сквозь хлещущие струи дождя на юг, по дороге, вырываемой из темноты вспышками молний, на Аргос, к морю. Так могучий воин, с которым никто на земле не мог сравниться силой, пустился в последнее и самое удивительное из всех своих приключений.

3

«КУБОК И ТРЕЗУБЕЦ»

Троны рушатся, кружится пепел, и страны
готовы пасть.
Содрогается мрак, разевая бездонную
жадную пасть.
Лишь один скачет смело вперед, но туманны
на запад пути.
Он дорогу к своей безымянной судьбе
безнадежно стремится найти...

Путешествие Амры

Шторм разразился около полуночи. Молнии огненными бичами гнали плотно сбитые громады черных облаков вдоль линии западного горизонта. Но еще раньше поднялся ветер, завывая, словно стая голодных волков, и помчал вперед упругие простыни дождя.

Маленькая гостиница «Кубок и трезубец» на берегу моря, недалеко от бухты Мессантии в Аргосе, была полна света, тепла и веселья. Яростное пламя ревело в каменном сердце камина, наполняя длинную комнату с низким потолком отблесками оранжевого света и потоками ласкающего тепла. На грубых деревянных скамейках перед длинными столами сидели, развалившись, моряки, рыбаки и случайные путники, которых внезапно застигла буря. Одни жадно глотали горький аргосский эль, а те, кто мог себе это позволить, и более деликатную жидкость — густое зингарское вино. Здоровенный теленок медленно вращался над ревущим пламенем на потрескивающем от жара вертеле, и пряный запах жареного мяса наполнял воздух.

Неожиданно дубовая дверь, подхваченная неистовым порывом ветра, с треском распахнулась. Мужчины повернули головы и с удивлением уставились на гигантскую фигуру, смутно маячившую в дверном проеме. С головы до ног ее окутывал черный плащ, по которому сбегали тонкие струйки дождя, собираясь на полу в темные лужи.

Незнакомец вошел внутрь, с силой захлопнув за собой дверь, и люди в таверне увидели бронзовое, обветренное лицо с посеребренной сединой бородкой, частично скрытое черной широкополой дорожной шляпой, из-под которой на них блеснул опасный взгляд голубых глаз. Человек снял свой тяжелый плащ, и потоки воды схлынули по его складкам.

Толстый, с багровым лицом и слипшимися жирными черными волосами, вечно потеющий владелец гостиницы тяжело заспешил к незнакомцу, чтобы выяснить, что тот будет заказывать. Он слегка кланялся на ходу и вытирал мясистые руки о кожаный фартук, из-под которого выпирал внушительный живот.

— Подогретый крепкий эль,— глухо проронил пожилой мужчина с огненным взглядом, устраиваясь на скамье у самого огня,— и окорок жареного теленка, запах которого я чувствую, если только он уже готов. Живо, приятель! Я промок до костей, замерз, как собака, и зверски проголодался!

Пока владелец гостиницы, пыхтя, бегал, чтобы побыстрее услужить незнакомцу, здоровый рыжеватый аргосец, сильно подогретый вином, подтолкнул локтем товарища и поднялся со своего места около очага. Это был плотный верзила, с толстой мускулистой шеей и широкими покатыми плечами борца. В глуповатых поросячьих глазках поблескивала животная хитрость и врожденная тупость. Он стоял,

слегка раскачиваясь, и с наглой усмешкой смотрел на пожилого мужчину. Взгляд его скользнул по седой гриве волос и покрытому рубцами лицу незнакомца.

Конан тем временем расправлял плащ, чтобы уловить побольше тепла от огня, и не обращал на аргосца никакого внимания.

— Что это у нас здесь, ребята, а? — басом прохрипел краснолицый.

— Кажется, это зингарский пират, Страбо,— отозвался один из его дружков.

Страбо еще раз осмотрел путника с ног до головы.

— Дряхловат для пирата, парни,— насмешливо проговорил он.— Вы посмотрите на этого старого пса, непонятно по какому праву нагло развалившегося на лучшем месте в «Кубке и трезубце». Эй, седобородый! Оттащи свои мослы в сторону и дай честным аргосцам немного погреться!

Конан метнул в него сверкающий взгляд. Если бы Страбо не опустошил столько кружек и не задирался так нагло, возможно, этот скрытый в глазах огонь проник бы даже в его окостеневшие мозги. Ведь это был один из тех предгрозовых взглядов, который говорил о том, что Конан с трудом сдерживает закипающий гнев.

Юношеский задор мелькнул в налитых кровью глазах аргосца, и его поросячье лицо вспыхнуло.

— Тебе говорю, папаша! — прорычал он и пнул Конана в голень. Звук удара во внезапно наступившей тишине прозвучал необычно громко.

Это был местный силач, громила и забияка. Рыбаки, в предвкушении забавы, подталкивали друг друга локтями, ожидая, когда Страбо выведет этого старикана из себя.

В дальнем углу таверны в молчании сидела чем-то напоминающая кошку фигура. Человек закутался в толстый черный плащ, а его капюшон был низко надвинут на глаза. Зрачки его сузились. Он весь подался вперед, наблюдая ссору со странным интересом. Движение Конана напоминало стремительный бросок взбешенного тигра. Только что он сидел, сгорбившись над своим плащом, от которого с шипением поднимался пар, но уже в следующий миг он превратился в вихрь смерти, который обрушился на аргосца. Его огромная чугунная рука тисками сжала бедро противника, а другая смертельной хваткой сдавила шею здоровяка.

Затем произошло невероятное. Конан одним движением оторвал тяжелого Страбо от пола и швырнул его через всю

комнату. Тело аргосца врезалось в деревянную стену с такой силой, что дом вздрогнул от удара, и с глухим стуком рухнуло на дощатый пол. Бедняга неподвижно лежал на полу, тяжело дыша и не в силах прийти в себя от изумления. Один из зрителей ошарашенно пробормотал:

— Чтоб такой старикашка... Это невоз...

Страбо, лицо которого было ярче кумачовой ткани, вскочил на ноги. Изрыгая бессвязные проклятия, он ринулся через комнату, растопырив свои громадные ручищи.

Конан шагнул вперед, встречая противника. Словно железный шар, его левая рука врезалась в выпяченный живот громилы. Воздух со свистом вылетел изо рта Страбо. Его лицо посерело и покрылось пятнами. Он переломился пополам, и тогда правая рука Конана сочно припечаталась к физиономии аргосца, отчего тот вздрогнул всем телом. От удара его голова откинулась назад и все тело слегка оторвалось от пола. Когда аргосец грудой мяса рухнул вниз, Конан пинком всадил его в огонь. Угли брызнули по сторонам, и сажа взметнулась вверх, окутав камин черным облаком. С воплями дружки Страбо бросились к огню, чтобы вытащить жертву из камина — почерневшую, обессиленную, в пятнах жира. Они хлопали верзилу по бледным щекам, но голова его при каждом ударе только вяло болталась из стороны в сторону. Кровь сочилась из его смятого в лепешку носа и рассеченных губ, текла вниз к подбородку и исчезала в складках шеи. Конан не обращал на них ни малейшего внимания, а товарищи Страбо, бормоча проклятия, тащили своего приятеля в соседнюю комнату, чтобы вернуть его к жизни.

Напряженная тишина рассеялась хором восхищенных поздравлений и комплиментов силе Конана. Многие из присутствующих уже давно надеялись, что кто-нибудь в конце концов уймет этого не дающего никому прохода хулигана. Конан ответил хмурой кривой улыбкой и занялся подогретым терпким элем, который ему уже подали. Едва успел он сделать первый большой глоток из дымящейся фляжки, как оглушительный рев привлек его внимание.

— Во имя молота Тора и огней Баала! Лишь один смертный во всех тридцати королевствах мог так швырнуть этого жирного хвастуна! Нет, не может быть!

Как нос корабля разрезает волны, так сквозь расступающуюся толпу к Конану пробирался человек огромного роста со слегка посеребренной сединой рыжеватой бородкой. В великолепном алом кафтане, расшитом золотом, неуклюже

раскачиваясь на ходу, он походил на здоровенного красного медведя. На лысой голове незнакомца небрежно сидела шляпа с пером, а в мочках ушей болтались золотые серьги. Тройной шелковый пояс, весь в сверкающих искрах драгоценных камней, поддерживал его массивный живот. За пояс был заткнут усыпанный самоцветами кинжал и дубина с железным наконечником, которой легко можно было раздробить череп быка. Его широкую грудь пересекала перевязь с золотыми застежками, на которой висела тяжелая абордажная сабля, а на толстых ногах красовались сапоги из тонкой кордавской кожи.

Конан поймал взгляд его острых светлых глаз, поблескивающих из-под ржавых густых бровей на потном красном лице, и обнажавшую ряд белых зубов широкую улыбку, от которой огненная бородка незнакомца ощетинилась. Его голос поднялся до радостного крика:

— Сигурд из Ванахейма, это ты, старый толстый морж! Во имя огненных кубков Ада, Сигурд Рыжебородый! — прорычал он, поднимаясь, чтобы заключить дюжего моряка в свои объятия.

— Амра — Красный Лев! — прохрипел Сигурд.

— Тише, придержи язык, старый бочонок с китовым жиром,— остановил его Конан.— У меня есть причина пока не раскрываться.

— Ох,— сказал Сигурд и продолжал уже тише: — Во имя сердца Бадба и когтей Нергала, сгори мои внутренности на медленном огне, если нутро старого моряка не обдало теплом, когда я протер глаза от изумления, увидев тебя!

Они крепко сжали друг друга в объятиях, словно два рассерженных медведя, и затем, отстранившись, обменялись дружескими тумаками. Для менее крепкого человека одного такого удара было бы достаточно, чтобы распластаться на полу.

— Сигурд, во имя Крома! Сядь и выпей со мной, ты, обросший ракушками старый кит! — ревел Конан.

Его приятель, тяжело дыша, обрушился на скамью напротив киммерийца. Он сбросил свою украшенную пером шляпу и с глубоким вздохом облегчения вытянул толстые ноги.

— Хозяин! — прогремел Конан.— Еще одну кружку, и где это проклятое жаркое?

— Во имя золотого меча Митры и многомильного копья Водана, ты ничуть не изменился за эти тридцать лет! — ска-

зал рыжебородый ванир, когда они сдвинули кубки. Он отер щетинистый подбородок красным рукавом и громко рыгнул.

— Разве? Ты бессовестно лжешь, старый мошенник! — усмехнулся Конан.— Тридцать лет назад, когда я награждал человека таким ударом, я ломал ему челюсть, а иногда и шею.— Он вздохнул.— Но, старина, время всех нас загонит в конце концов в свою ловушку. Ты тоже изменился, Сигурд, бочонок жира. Ты был тоньше топ-реи, когда мы виделись в последний раз. Помнишь, как мы попали в мертвый штиль недалеко от Безымянного острова и не осталось ни крошки жратвы, кроме крыс в трюме и нескольких вонючих рыбешек, которых нам удалось выудить из грязной лужи Мананна?

— Да, да,— горько хмыкнул его собеседник, рукавом смахнув с глаз чувствительные слезы.— Ох, черти сотри мою утробу, конечно, ты изменился, старый Лев! Тогда в твоей черной шевелюре еще не было седины... Да, да, в те далекие дни мы оба были молоды и в нас кипела жизнь. Но чтоб я пошел на дно! Я вроде слышал от одного человека из Братства, что ты правил каким-то из царств в глубине континента? Коринфия или Бритуния? Я не помню каким. Но, во имя челюстей Молоха и зеленых усов Ллира, мне необычайно приятно снова видеть тебя после стольких лет!

Над кружкой подогретого эля и громадным куском горячего мяса два давних товарища обменивались историями о своих похождениях. Много лет назад, когда Конан был членом Червонного Братства Барахских островов, лежащих к юго-западу от берегов Зингары, он и рыжебородый ванир были закадычными друзьями. Тропинки их судеб разминулись уже давно, но снова встретить своего старого друга, еще раз обменяться дружескими возгласами и воспоминаниями перед ревущим и пышущим жаром очагом, за сытной сдой и обильной выпивкой — все это для одинокой души киммерийца словно фляжка забористого вина. Конан уже приближался к концу своего рассказа.

— И когда я проснулся и понял, что это был не сон,— говорил он тихим хриплым голосом,— я быстро намарал рескрипт об отречении от престола в пользу моего сына, который будет править именем Крома как Конан Второй. Ничто не удерживало меня более в Тарантии. После двадцати лет правления во рту оскомина от всего этого зако-

нотворчества и разбора тяжб. Давным-давно я разбил в прах все замыслы королей соседних государств вступить со мной в войну. Со времени падения Черного Круга там больше не было настоящих битв, и человек мог сойти с ума от этих тягучих лет мира и изобилия, наступивших поколение спустя после кровавой бойни.

Мгновение Конан был погружен в раздумья. В его глазах мерцали огненные отсветы, будто картины прошлого вновь пробегали перед его мысленным взором.

— Да, конечно,— вздохнул он,— Аквилония далеко и утопает в зелени, я старался быть королем, достойным ее. Но мои старые друзья уже ушли из жизни: старый Публий, канцлер, из одного золотого делавший три; Троцеро, который помог мне взойти на трон; генерал Паллантид, безошибочно предвидевший все замыслы неприятеля еще до того, как они приходили в голову самому врагу. Все исчезли, ушли из этой жизни. А с того момента, как умерла моя возлюбленная Зенобия, оставив мне новорожденную дочь, даже воздух Тарантии стал тяжек и душен для меня!

Он подозрительно усмехнулся и опрокинул себе в глотку изрядную порцию эля.

— Все было в порядке, пока сын был молод. С каким удовольствием я учил его владеть луком, мечом и копьем, скакать на лошади и управлять колесницей. Но сын уже вырос и должен самостоятельно идти по жизненной тропе, над которой не висит мрачная тень седобородого ворчливого старого медведя. Мне не нужен Эпимитреус, чтобы постичь столь простую истину. Это время я оставил себе для последнего приключения. О Кром, одна мысль о смерти в своей постели в окружении перешептывающихся медиков и суетящихся придворных всегда наводила на меня ужас. Лишь об одном молил я богов — послать мне последнее сражение, где Конану суждено будет бороться и погибнуть.

— Ох, верно, верно,— согласился рыжебородый гигант со свистящим вздохом, качая головой так, что отблески пламени искрами пробегали по золотым серьгам в его ушах.— Со мной приключилось почти то же самое, хотя рука судьбы никогда не дарила мне ни короны, ни королевства. Я бросил торговлю много лет назад. Я был купцом и плавал между Мессантией и Кордавой. Можешь ли ты представить себе старого рыжебородого Сигурда, грозу Барахии, в роли купца?

Его живот затрясся от смеха.

— Эх, но это было еще не самое плохое. Как и ты, Лев, я тоже пустил корни на суше с одной красоткой — прекрасной девушкой, хотя в жилах ее текла не одна капля пиктской крови. Да, мы нарожали приличный выводок визгливых крепышей, и теперь парни ничуть не уступают мне ростом. Моя жена давно умерла. Эх, Фрисса, да благословят боги твое отважное сердце! А желторотые птенцы подросли и дальше процветают сами по себе. А что делать старику, который еще не собирается умирать? Хо! Я продал все до нитки, когда женился мой последний сын. Теперь я возвращаюсь к красному ревущему Тортажу, чтобы еще раз ощутить вкус жизни, прежде чем наступит нескончаемая ночь. А как ты, Лев? Отправляйся со мной, дружище, на палубы пиратских кораблей, и пусть Сет заберет себе эти призрачные пророчества и мутные роковые тени! Мы разграбили черную крепость Кеми в Стигии! И чтоб я утонул, как сундук, или нас продырявят копьем и мы погибнем, как герои древних саг, или мы загребем больше золота и драгоценностей, чем Траникос, Зароно и Стромбани, вместе взятые! А? Что скажешь, приятель?

Внезапно между собеседниками легла черная тень. Конан поднял глаза, одной рукой нащупывая рукоять меча, в то время как закутанный в черный плащ незнакомец, который до этого наблюдал за ними из дальнего угла комнаты, не торопясь усаживался за их стол.

— Вы ищете корабль, джентльмены? — спросил он мурлыкающим голосом.

Северянин громко и подозрительно хмыкнул, но похожий на кошку незнакомец, чье лицо все еще было закрыто капюшоном, положил на стол обе руки — в них не было оружия.

— До меня совершенно случайно донеслось несколько слов из вашего разговора,— вкрадчиво сказал навязчивый неизвестный.— Молю вас простить это вторжение, но если вы уделите мне несколько мгновений, то, мне кажется, мы сумеем обсудить одно выгодное для всех нас дело.

Сигурд с сомнением смерил его взглядом, но с любопытством хмыкнул. Конан вонзил в человека испытующий взгляд немигающих глаз.

— Говори же,— проворчал он,— что у тебя?

Незнакомец вежливо кивнул.

— Если я правильно понял из того немногого, что случайно услышал, то, по-моему, вы оба старые моряки и

обсуждали сейчас, где бы достать корабль, чтобы снова заняться своим делом где-нибудь на Пиратских островах? Нет, не бойтесь,— он успокаивающе поднял руку,— я не шпионю для властей. Но может быть, я смогу оплатить вам покупку вполне приличного корабля.

Проворно, словно змея, длинная рука незнакомца исчезла в складках плаща и появилась с полной пригоршней сверкающих камней, которые рассыпались между собеседниками по столу, покрытому отпечатками мокрых кружек.

Мерцая в красноватых отсветах пламени очага, на столе лежал богатый княжеский выкуп: сапфиры, синие, как воды южного моря; изумруды, похожие на вспыхивающие в темноте кошачьи глаза; топазы и цирконы, желтые, словно кожа китайца; красные, словно только что пролитая кровь, рубины.

Конан, на которого эта картина не произвела ни малейшего впечатления, неотрывно буравил незнакомца испытующим взором.

— Прежде всего,— мрачно проговорил он,— я хочу, во имя Крома, знать, кто ты такой. Проклятье! Я не принимаю никаких подарков от человека, который прячет свое лицо даже здесь, в аргосской таверне, где на каждой улице стоит охранник короля Ариостро и город настолько безопасен, что девка в соку может без опаски прогуливаться по всему порту!

Вкрадчивым голосом, с чуть заметной улыбкой, незнакомец ответил:

— Спасибо на добром слове, моряк! У меня есть веские причины скрывать здесь свое лицо, потому что народ Аргоса слишком хорошо меня знает.

— Прекрасно, твое имя?! — потребовал Конан, и в голосе его послышался рокот каменного обвала.— Или я запушу тебя сквозь комнату, как я это сделал с тем толстозадым задирой!

— Охотно, если вы почувствуете себя от этого непринужденнее,— засмеялся его собеседник. Слегка приподнявшись, он мягко проговорил: — Знай, моряк, что я — Ариостро, король Аргоса!

Конан даже хрюкнул от изумления. Незнакомец стянул со своей руки одну из перчаток и протянул голую кисть. Пламя заиграло на древнем перстне аргосских правителей, украшенном огромным бриллиантом с искусно вырезанной на нем королевской печатью.

4

АЛЫЙ ТОРТАЖ

Волны рвутся на бе́рега черный остов,
Сотрясая сам небосвод,—
Но какое нам дело, пусть шторм — рев богов,
Пусть он хлещет в окно и ломает засов,
А наш парус летит на восход.
Одиноко и жалобно чайка кричит,
Как душа, что взята волной.
Что за дело — пусть хладное море бурлит,
Темный эль иль вино кровь лихую бодрит.
И не скоро окрасится море вечерней зарей!

Песня барахских пиратов

Тортаж бросил вызов самим звездам. Расположенный в низине, обрамленной обрывистыми утесами, пиратский порт сверкал огнями. Песня раскатистыми звуками глухим эхом отдавалась в скалах — там обитало Червонное Братство. Огромные, вооруженные до зубов галеоны и призрачные каравеллы терлись о стены каменных причалов и деревянных пирсов или болтались на якорях в гавани. В каждой пивной, винной лавке, таверне или публичном доме шла бешеная торговля. Добрая половина вольных пиратов Восточного океана нетвердым шагом важно прогуливалась по булыжным переулочкам Красного Тортажа с туго набитыми золотом кошельками, раздувшимися от вина и эля животами и с сердцами, в которых вспыхивали и разгорались вожделение и варварская жестокость. Раскачивались и пронзительно скрипели на свежем ветру вывески винных лавок, расписанные гербовыми знаками: черепами, факелами, перекрещенными кривыми саблями, драконами, грифонами, головами в коронах и другими украшениями. Пенящийся прибой с рокотом разбивался о подножие скал, на которых тускло играли блики бегущего вниз, к городу, звездного света. Соленые брызги фонтанами взрывались у причалов, и воющий ветер разносил соль и теплую водяную пыль по кривым улочкам, которые, словно старые шрамы, извивались между низких домов с плоскими крышами. Их стены покрывала размытая дождями известка, их окна были забраны железными решетками. Листья пальм со свистом хлестали темноту, и кроны деревьев метались на фоне танцующих в вышине звезд.

Пожалуй, уже более двух тысяч лет этот маленький городок, незаметно притаившийся среди отвесных утесов, был столицей пиратской империи. Он темной тучей висел над морями между Пустошами Пиктов и Кушем. Здесь не было законов, кроме простой и жестокой хартии Братства. Остальное заменяли кулак, нож, меч и опытность бойца.

В эту ночь в пиратском городе бушевало буйное веселье и не смолкали песни. На улицах то и дело вспыхивали поединки из-за каких-то пустяков, а часто и просто от пьяного задора. Изрыгающих проклятья противников тут же с хриплыми криками обступали группы мужчин. Внутри этого орущего в животном возбуждении круга шла борьба не на жизнь, а на смерть из-за одного случайного толчка, ничтожнейшего оскорбления или за ласки виляющей бедрами девки с пунцовыми губами. Да, это была памятная ночь. Все корабли стояли на якоре, и их трюмы были до отказа набиты сокровищами — добычей с торговых кораблей в южных морях. И к тому же вернулся Амра-Лев!

За тридцать лет это грозное имя не исчезло в забытьи. Напротив, прошедшие годы только добавили нового блеска его необычайным приключениям во времена Белит, шемитской женщины-пирата, Красного Ортха и сурового Запораво из Зингары. Конан появился здесь в те далекие дни, когда Аквилонией правили Вилер, а потом Нумедидес. Сначала он плавал как компаньон Белит среди вечно алчущей крови команды черных корсаров, затем, по прошествии некоторого времени, он сам стал вольным барахским пиратом и предводителем зингаранских морских разбойников. За несколько лет как на чужих судах, так и на своих кораблях — вельботе «Тигрица», каравелле «Красный Лев» и караке «Беспризорник» — он избороздил все моря и всегда возвращался обремененный грузом сокровищ.

В то время Амре, как называли его одни, или Конану, как звали его другие, не было равных среди капитанов Братства. Но потом он исчез где-то в незнакомых землях в глубине суши. В открытом море о нем никто больше ничего не слышал. Из лежащих вдали от морских берегов королевств доходили сказки и легенды о непобедимом королевоине, которого называли Конаном, но очень немногие из его старых товарищей, даже среди тех, кто знал Конана именно под этим именем, отождествляли бывшего киммерийского пирата с грозным монархом далекой сухопутной

державы. Так Амра стал живым мифом увядающего прошлого.

Но теперь он стоял среди них, словно скала возвышаясь над толпой в мечущемся оранжевом свете факелов, и соленый морской ветер рвал седую гриву его волос и отсвечивающую сталью бородку. Отблески факелов плясали и вспыхивали искрами на железной рубашке-кольчуге, плотно облегавшей массивный торс и мускулистые руки. Широкий черный плащ распластался по ветру за его могучими плечами, напоминая огромные крылья какой-то гигантской хищной птицы.

Конан стоял на возвышении, каменной скамье в самом центре главной площади города-порта, и его голос глухо гудел, подобно трубе, перекрывая рокот толпы. Звуки этого голоса наполняли их не знающие закона сердца эхом величайших подвигов и легендарных битв далекого прошлого и обещали неслыханные свершения в грядущем. Ведь Амра-Лев возник из призрачного тумана легенд, чтобы набрать команду для какого-то загадочного и рискованного предприятия в Западном море. На памяти людей ни один корабль не отваживался отправиться в эти пустынные пространства вод, где один лишь ветер носится над пенистыми валами. Кто, кроме Амры, осмелился бы пуститься в такое фантастическое приключение? Старые морские волки стояли, вытаращив глаза от изумления. Слова Конана одурманивали моряков своей дикой, безрассудной притягательностью. Дух героических свершений исходил от самой фигуры Конана, и он воспламенял их души, как огонь охватывает сухой хворост. Он обещал им золото и драгоценности, славу, богатство и громкое имя после великих приключений в неизвестности, среди неисхоженных морей, забытых островов и неведомых народов. Они должны были отправиться попытать счастья в безбрежных просторах безымянных морей и возникнуть оттуда вновь уже не бродягами без совести и закона, а чуть ли не мифическими искателями приключений, героями, подвиги которых растопят женские сердца и завоюют им бессмертную славу в песнях и сказаниях последующих поколений.

И там, на якоре, уже стоит корабль Амры — крепкий, могучий галеон «Красный Лев» — имя, которое когда-то носила его каравелла.

Конан не поведал им всей истории. Он ничего не сказал о короле Ариостро из Аргоса, на чьи сокровища они

купили это мощное судно. И незачем было отпугивать их сказками о Красных Тенях и сверхъестественном появлении Эпимитреуса, пророка, умершего в незапамятные времена.

Незадолго до того, как Ужас унес в своих объятиях тысячи подданных Конана, это чудовищное проклятие обрушилось и на жителей Аргоса. Придворные маги и ясновидцы Ариостро пророчили его предзнаменование по звездам. Они поведали королю, что в полузабытых фолиантах магических знаний, которых уже давно никто не касался, сказано о Красных Тенях, прилетающих за своими жертвами из каких-то неведомых земель за Западным океаном. Умный и проницательный король Аргоса стал посылать в Западное море корабль за кораблем, но ни один из них не вернулся назад и не принес ключа к разгадке этой тайны. В конце концов даже в командах военных кораблей начинались волнения при одном лишь намеке на рискованное плавание на неизведанный Запад. Но Красные Тени все атаковали и убивали людей, и все королевство висело на краю пропасти, и уже невдалеке маячило пламя мятежа.

Тогда король Ариостро стал скрытно отправляться один в небезопасные прогулки по улицам Мессантии в поисках бесшабашных моряков, которых он смог бы убедить пуститься в это приключение. И вот, предприняв последнюю, уже, казалось, совершенно безнадежную попытку, он неожиданно наткнулся на тех, кого искал. Он почти тотчас узнал Конана из Киммерии, хотя тот и старался быть крайне осторожным, чтобы не выдать себя, и Сигурда Рыжебородого, грубоватого, открытого, благодушного морского бродягу из далекого Ванахейма. На королевские драгоценные камни друзья купили мощный галеон и теперь пришли в порт, чтобы набрать команду необузданных сорвиголов из числа барахских пиратов.

Кое-кого из толпы Конан знавал со времен своего пиратского прошлого, и он смело взывал к ним. Его взгляд упал на гигантскую мрачную фигуру человека, выходца из джунглей юга, из далекого Куша. Конан выбросил руку по направлению к огромному кушиту, чьи голые руки тускло отсвечивали в оранжевых всплесках пламени факелов, словно полированное черное дерево, а в плотной массе жестких курчавых черных волос мелькала серебряными молниями седина.

— Ты знаешь меня, Ясунга! — прогремел голос Конана.— Ты был еще парнишкой, когда много, много лет назад

я скитался вдоль Черного побережья вместе с твоей отчаянной госпожой Белит. Что сделаешь ты? Присоединишься ли ты ко мне в этом рискованном деле?

Ясунга поднял вверх свои длинные черные руки с радостным возгласом.

— Да, Амра! Амра! — закричал он, опьяненный воспоминаниями прошлого.

— Назад ты, черная собака! — с холодной звериной злобой прорычал какой-то голос, и гибкая, словно змея, фигура, от которой веяло самой смертью, неожиданно возникнув перед чернокожим, оттеснила его в самую гущу толпы. Человек повернулся и окинул Конана холодным жалящим взглядом.

Конан посмотрел вниз на незнакомца, и глаза его начали медленно сужаться по мере того, как пристальный взгляд киммерийца скользил по вытянутому болезненно-желтому лицу с черными штрихами бровей и тонкими губами, по стройному жилистому торсу, облаченному в черный бархат с отполированными стальными пластинками на груди, покрытыми золотой гравировкой. Бриллианты сверкали в мочке уха и на запястье. Из пенного кружева манжета виднелась сильная рука, нежно поигрывавшая эфесом длинной и натруженной рапиры, которой можно было как рассечь, так и проткнуть противника насквозь.

Выдавая свое зингарское происхождение слегка шипящим акцентом, человек, одетый в черное, властно обратился к толпе:

— Назад в свои конуры, собаки! Что развесили уши на дикие бредни этого старого дурака! Он возник неизвестно откуда, чтобы соблазнить вас безумными обещаниями и безрассудными призывами броситься неизвестно куда! Может статься, что это именно тот Амра, о чьих подвигах мы наслышаны, а может, и нет. Да и какая разница? Амра он или нет, но этот лживый старый волк проник сюда, чтобы разрушить Братство. Какое нам дело до приключений и славы? Мы деловые люди, добывающие себе пропитание в море, и пусть он катится ко всем чертям со своими безумными героическими мечтаниями!

Он свирепо, с вызовом посмотрел на Конана:

— И не пытайся увлечь бредовыми замыслами моего шкипера Ясунгу, старый пес! Я научил его понимать законы движения солнца и звезд, и, во имя Митры, он останется

со мной — Черным Альваро с «Зингарского Ястреба»! Так что подымай якоря и уводи свой прогнивший карак назад, в тот порт мечты, из которого ты притащился сюда!

Альваро развернулся вполоборота и отступил на шаг от глухо переговаривающейся толпы. Но тут громоподобный взрыв смеха Конана заставил его замереть в злобном напряжении. Слова Конана гулкими ударами падали вниз:

— Старый пес? И это говоришь ты, смазливый, жалкий, щеголеватый щенок от грязной безродной кордавской потаскухи? Я был хозяином всего побережья, когда тебя еще рвало от тощего прокисшего молока твоей матери. Я выбрасывал на улицы Тортажа половину всех сокровищ дюжины городов, пока тебя, ребенка, еще ласкали на задворках зингарского публичного дома. Если твои кишки слишком тонки для отважного предприятия, то ползи назад в свою протухшую конуру. Здесь есть другие, у которых в одном мизинце больше мужества, чем во всем твоем желтопузом теле. Я говорю с ними, а не с тобой. И хотя я стар, но еще знаю пару трюков, которые буду рад тебе показать, если ты того захочешь!

С проклятиями Черный Альваро взвился смерчем, и его рапира со свистом вылетела из ножен, сверкая в неровном свете факелов, словно огненная игла. Толпа с гиканьем образовала круг.

Конан отбросил в сторону трепетавший на ветру черный плащ и потянул свой тяжелый и широкий аквилонский меч. Но еще до того, как клинок вышел из ножен и киммериец сделал шаг вниз со скамьи, на которой стоял, Альваро с грацией танцора сделал стремительный выпад. Стальная игла со свистом пронзила воздух, целясь в незащищенное лицо Конана, но тот отвел лезвие одним пинком тяжелого сапога и упруго соскочил со скамьи. Его меч с резким металлическим воем вылетел из потертых кожаных ножен и колоколом зазвенел, столкнувшись с зингаранским клинком. Стальная музыка звучала в тишине, и два противника кружили на месте, бросались вперед, быстро отступали, секли, парировали, делали неожиданные выпады. Неровные тени от факелов причудливо скользили по стенам близлежащих домов.

Люди вокруг затаили дыхание в нетерпеливом ожидании исхода схватки, так как рапира Альваро с «Ястреба» почиталась одной из самых смертоносных на островах, а Амра, поседевший с годами, был теперь неизвестным противни-

ком. Они сравнивали его играющую гору мышц и могучие руки с гибкой скользящей грацией зингарца и заключали пари, ставя на обоих бойцов бешеные суммы.

Альваро скоро обнаружил, что у его поющего острия нет никаких шансов пробиться сквозь надежную защиту Конана. Огромный меч, созданный для того, чтобы крошить железные доспехи, казался неудачным выбором для фехтовального поединка с легким клинком. Он должен был быть медлителен и неповоротлив. Но в мозолистых руках Конана он летал, как дирижерская палочка. К тому же суровая ухмылка, застывшая на устах неистового киммерийца, говорила о том, что он совсем не устал, оружие ничуть не отягощает его руки, которая легко носилась в воздухе и в то же время была тверда, как стальной брусок.

Пот выступил на лбу Альваро, смочив разметавшиеся пряди его черных, слегка вьющихся волос. Капельки пота блестели у тонких губ и скатывались вниз по впалым щекам. Он знал, что если случится их клинкам встретиться в полную силу, то его рапира разлетится в куски.

Но киммериец даже не пытался обрушить на противника всю тяжесть своего длинного меча. Вместо этого Конан с невероятной легкостью создавал вокруг себя сверкающую стену поющей в воздухе стали, в которой вспыхивающее острие зингарца никак не могло найти себе лазейку для атаки. Время от времени кривая улыбка Конана становилась шире, и он разражался глубоким громоподобным смехом. Он играл с опытным, но уже уставшим противником, и Альваро неожиданно обдало холодом при мысли, что в любой момент киммериец может выбить его рапиру из рук и рассечь его пополам.

Казалось, толпа потеряла дар речи и, затаив дыхание, не отрывала зачарованных глаз от звенящей игры тускло мерцающей стали. Постепенно в их сознание проникла та же самая мысль. Ясунга, огромный кушит, который знал Амру уже давно, первый начал выкрикивать его имя, и скоро сотни глоток подхватили его, так что тяжело дышащему, обливающемуся потом Альваро стало казаться, что вся площадь дрожит от оглушительного грома голосов:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

Пульсирующий рев все нарастал и нарастал, пока не загудел, подобно мерному грохоту морского прибоя. Гнетущий ритм заставил затрепетать даже стальные нервы зингарца. Одна рука Альваро скрылась за спиной в складках

короткого плаща из черного бархата. Там, продетый в кольцо, таился волнистый шемитский кинжал, специально припасенный для подобных случаев. Нож легко скользнул меж пальцев зингарца так, что рукоятка легла на ладонь, а волнистое лезвие слилось с рукой. Альваро улучил мгновение и отскочил на несколько шагов. Он стоял растрепанный, тяжело дыша. Сверкающий меч Конана застыл в вышине.

— С тебя довольно, черная зингарская свинья? — прорычал старый волк.

Кортик молнией вспыхнул в свете факелов, устремляясь сквозь мрак к незащищенному горлу Конана. Без всякой видимой поспешности левая рука гиганта взмыла вверх, и Конан поймал кинжал за рукоятку, выдернув его из воздуха в том положении, в каком он и летел. Эта поразительная ловкость вырвала из толпы вопль восхищения. Они слышали, что горцы из легендарных восточных земель играли в смертельные игры, ловя в воздухе летящие ножи, но никогда не видели этого собственными глазами. Никто не знал, что Конан провел долгие годы в иссушенных зноем степях Гиркании и на берегах и островах моря Вилайет, среди величественных Химелийских гор. Он был предводителем кочевых племен, пиратом на этом море в глубине континента и безжалостным воином. Там он овладел искусством пользоваться смертоносным гирканским луком, подвижной зуагирской кривой саблей, ильбарским ножом, способным рассечь человека на части, и многими другими видами восточного оружия.

Изумление и ужас отразились в глазах Альваро. Казалось, даже воздух душит его. Резким движением он разорвал кружевной воротник над кирасой и застыл на месте в нерешительности, не зная, что делать дальше. Напряжение росло, словно тетива натягиваемого лука.

Затем Конан одним броском возвратил нож зингарцу. Клинок сверкнул в неподвижном воздухе и глубоко вошел в неприкрытое горло Альваро. Мгновение тот покачивался на нетвердых ногах, его лицо стало бледным как полотно, и кровь тонкой струйкой потекла вниз по тускло отсвечивающей кирасе. Затем он рухнул, лязгнув доспехами о булыжник мостовой.

Конан подбросил вверх свой огромный меч, поймал его на лету и задвинул в ножны. Толпа зашлась в громоподобном крике:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

5

ЧЕРНЫЙ КРАКЕН

Кракен не сгинул, он, древний, встает
В первородной бурлящей грязи.
Из глубин погруженной в забвенье земли
Под серым драконовым морем.

Видения Эпимитреуса

Прошло уже три дня с тех пор, как «Красный Лев» покинул Барахские острова. Ранним утром, на заре третьего дня, команда Конана заметила в море зеленое судно. Раздетый до пояса, с тяжелым палашом у бедра, Конан стоял на юте, глубоко вдыхая свежий морской ветер. Его шевелюра и борода стали жесткими от соленых брызг. Золотое пламя восходящего солнца слегка окрасило небо на востоке и подожгло края тонких слоистых облаков. Резкий северо-восточный пассат пел в снастях галеона и гудел в широких тугих парусах.

— Хо, Амра! Поднялся с рассветом, а? — раздался звучный голос.

Конан повернулся и увидел Сигурда, который стоял около релинга и весь так и светился довольством. Ветер трепал его огненную мохнатую бороду и обжигал красные, как спелые яблоки, щеки, которые от этого горели еще ярче. Ветер рвал полы его алого плаща, когда-то украшавшего плечи какого-то надменного зингарского адмирала, и казалось, что под тканью перекатываются упругие морские валы.

Конан усмехнулся при виде наряда этого грубовато-добродушного старого северянина. Золотое шитье, украшающее его плащ кружевными причудливыми узорами, уже потускнело и истерлось, и несколько фигурных пуговиц из слоновой кости, видимо, потерялись на массивном животе Сигурда, перетянутом пестрыми лентами ярких, не гармонирующих цветов. На поясе, как обычно ощетинившемся полудюжиной кинжалов, висели тяжелая дубинка и абордажная сабля с зазубренным лезвием. Под широким плащом ванира была надета белая блуза в дырах и заплатах, заляпанная пятнами от вина и соуса. Она была расстегнута на груди, и между ее отворотами топорщился мех густых рыжих волос, уже кое-где отливающих серебром. Ярко-алая головная повязка была обмотана вокруг его лысой головы, и в каждом ухе болталось по золотой серьге.

— Ха! Во имя рога Хеймдаля и вуали Танит, утро ну прямо для самих богов, а, Лев? — произнес он.— Снова выйти в море с командой бродяг и головорезов, готовых по первому же зову наполнить кровью все девять морей, снова почувствовать крепкую палубу под ногами — это как доброе вино для моих ссохшихся от жажды внутренностей.

— Да,— проронил Конан.— Это действительно прочный корабль, доставшийся нам в обмен на драгоценные камни короля Аргоса, и даже в былые годы мне не доводилось иметь более преданной команды морских бродяг.

Он бросил быстрый взгляд вниз на шкафут, где его матросы скребли палубу и занимались другой нелегкой морской работой. Легенды, освещавшие зловещим светом имя Амры-Льва, собрали в его экипаж бесстрашных, рожденных в морских просторах разбойников, жаждущих разделить с ним славу и добычу в опасном путешествии на туманный запад. Это было пестрое сборище загорелых, голых по пояс людей. От них исходил терпкий запах дегтя и кислого вина,— но это были еще самые сливки Барахского Братства.

Больше всего там было аргосцев — среднего роста, крепко сложенных, с каштановыми или золотисто-желтыми волосами. Рядом с ними трудились зингарцы — чернобровые, с оливковым цветом кожи. Здесь были люди из Офира и Кофа, а также несколько смуглых шемитов с орлиными носами и иссиня-черными бородами и такими же шапками волос, и даже один или два огромных бронзовых стигийца с ястребиными лицами. Был здесь и коренастый, с редкой шевелюрой заморанец Яков — кормчий, и черный гигант из тропических джунглей Куша — штурман Ясунга, на глянцевой коже которого тускло отсвечивало солнце, и могучий загорелый человек с буйно вьющейся черной бородой — Горан Сингх из Вендии, земли, лежащей так далеко на востоке и столь малоизвестной, что большинство западных народов считало ее мифической страной. Но белые, бронзовые, черные — все они были очень опытными моряками.

Сигурд с любопытством смотрел на Конана своими умными голубыми глазами.

— Ну, каковы твои планы, кэп? Красивые слова и звучные обещания сверкающих сокровищ и сказочно богатой добычи... но что же мы все-таки ищем в Западном океане? Что заставило нас ринуться сюда? Пока мы не видели ничего, кроме пары китов.

Конан пожал плечами.

— Кром знает это, не я! Но я слышал, что люди говорили о потерянных континентах и сказочных островах, лежащих далеко, там, где заходит солнце. Из намеков, которые сорвались с уст тени Эпимитреуса, а также следуя советам своры сладкоречивых звездочетов короля Ариостро, я думаю, что нам нужно просто держать курс на запад и внимательно следить за тем, не появится ли что-либо необычное и странное. Забери меня дьявол, северянин, но я ручаюсь, что мы скоро найдем тот гнойник, откуда расползается Ужас! Этот привкус морских просторов возбуждает во мне жажду действий, так и подмывает сделать хоть что-нибудь. Мирная жизнь прекрасна, но...

Легко, словно пушинку, Конан выдернул свой палаш из ножен и со свистом, слышным сквозь шум ветра, рассек воздух. Рыжебородый расхохотался низким грудным смехом, от которого его живот заколыхался. Он хитро приподнял мохнатую бровь и окинул взором горячего киммерийца.

— Хо-хо, кэп! — рассмеялся он.— Так вот откуда дует ветер? Ты все тот же хитрый серый мошенник, которого я знаю уже столько лет. Когда мы расправимся с призрачными врагами, как мы и обещали, неужели мы не позволим себе немного заняться честным грабежом? В гавани Мессантии на якоре стояло много жирных купеческих кораблей, и разве не здорово было бы выгрузить сокровища с аргосских кораблей при помощи того самого судна, которым снабдил нас их король?

Конан цинично усмехнулся и хлопнул Сигурда по плечу.

— А ты все тот же вор, старый морж! Нет, это мне не по душе.

— Только не говори мне, что за все эти годы ты стал честным человеком!

Конан раскатисто захохотал:

— Только не я! Но когда человек побыл королем, это портит его вкус и он перестает заниматься мелкопробным воровством. Кроме того, с Ариостро у меня никогда не было неприятностей, почему же я буду доставлять их ему сейчас? Да и у Конна будет еще достаточно проблем с защитой своих границ от соседей, и не хватало еще мне вызывать их возмущение своими выходками.

— Тогда ты что же, собираешься направить наш курс на Стигию, как я, собственно, и собирался сделать, когда мы встретились в Мессантии? Это кровавая и нелегкая добыча, но с этой командой мы запросто могли бы...

Конан покачал головой.

— Нет, даже не это. В конце концов я уже не раз был капитаном пиратского судна, и к тому же мне чертовски везло. Зачем снова карабкаться на ту же лестницу?

— Ну, пусть так,— нетерпеливо перебил Сигурд,— но что же, во имя всего пламени Ада, ты хочешь сказать? Брось это, приятель!

Конан вскинул длинную руку, и его узловатый палец проткнул воздух.

— Дальше на запад, дружище, там есть что-то такое, чего мы совсем не знаем. Красные Тени лишь часть этого. В старинных манускриптах есть какие-то намеки, которые, может быть, тоже связаны с этой историей.— Смех заклокотал в груди Конана.— Тебе бы и в голову не пришло увидеть во мне книжника, а?

— Куда легче было бы поверить, что одна из прелестных маленьких танцовщиц Ариостро занимается морским разбоем.

— Ну а я между тем могу разобрать несколько различных видов письмен, а в королевской библиотеке Тарантии я нашел легенды про катаклизм, когда океан девять тысяч лет назад поглотил Атлантиду. В этих историях рассказывалось, что тысячи атлантов спаслись бегством на материк, Турию, как они обычно называли его. И в Железной Книге Скелоса тоже сказано: «...иные бежали с тонущей Атлантиды на запад, и, как говорят, там они тоже достигли неизвестного континента, напротив Турийских земель, который ограничивает Западный океан с другой стороны. Но что сталось с этими отщепенцами, я не знаю, так как после гибели Атлантиды океан, где нет проторенных дорог, стал слишком широк, и суда тех времен не могли поддерживать постоянные торговые сношения между этими землями — той, которую мы знаем, и неведомой землей на западе». Вот и все, но это, может быть, очень тесно связано с нашей нынешней миссией!

— Ну и что из того? — произнес Сигурд.— Мне тоже доводилось слышать подобные байки.

— Тогда, если впереди у нас лежит земля могущественных чародеев, она также будет и землей благоденствия и великих правителей, которая уже вполне созрела для того, чтобы предприимчивые бродяги, такие, как мы с тобой, немного потрясли ее. Зачем зря болтаться по морю за сокровищами с нескольких суденышек, когда немного удачи и

несколько распоротых животов — и мы захватим целую империю?

Сигурд вздохнул и потер глаза тыльной стороной ладоней своих волосатых рук.

— Эх, Амра, я мог бы догалаться, что в твоей изобретательной башке зародился план более безумный и дикий, чем мог бы даже присниться обычному человеку. И пускай они там скормят нас драконам, но, клянусь всеми богами, я поплыву с тобой даже до того места, где садится само солнце!

Он оборвал свои излияния и подозрительно посмотрел на палящее светило. Внезапно его лицо побагровело от гнева, и Сигурд неуклюже бросился к ближайшему из четырех кормчих, одноглазому шемитскому головорезу, несшему свою вахту у руля.

— Стой ты, носатый пес! Ты что, ослеп или в стельку пьян? — заревел он, ударом кулака оттолкнув изумленного моряка в сторону. Старый пират схватил румпель своей мозолистой лапой.— Мы отклонились на полрумба от курса, который ты, Амра, задал прошлой ночью! Проклятье, чтоб они сгнили, эти ленивые свиньи! Накипь барахская! Клянусь кишками Арима и грудями Иштар!

Он яростно покосился на солнце и привычным уверенным движением налег на румпель, который описал плавную дугу. «Красный Лев» слегка накренился, отвечая на команду, словно хорошо натренированный конь.

В это время сверху раздался протяжный гулкий возглас:

— Парус, хо!

Конан упруго подпрыгнул к релингу, и его возбужденный взгляд принялся рыскать вдоль серого, в дымке, горизонта. Однако паруса не заметил.

— В каком направлении? — прогудел он в сложенные лодочкой ладони.

Со смотровой площадки на топе передней мачты тут же донесся ответ:

— Впереди, полтора румба по левому борту.

— Я его вижу! — Старый северянин, пыхтя, словно страдающий одышкой морж, снова был рядом. Он уже успел пихнуть одноглазого матроса назад к румпелю.— Вот он! И, клянусь всеми богами, эта посудина похожа на галеру!

Конан рукой заслонился от солнца и взглянул по направлению указующего перста Сигурда. Там, в зябкой утренней дымке, неясно вырисовывались хрупкие очертания двух голых мачт. Когда пологие волны зыби нехотя поднимали «Красного Льва», люди на юте могли на мгновение

различить длинный, низко сидящий в воде корпус галеры, который нес на себе призрачную оснастку.

— Во имя злых пропастей Ада и стигийских идолопоклонников Сета,— пророкотал голос Конана,— какого дьявола сюда занесло эту галеру? Вряд ли где-нибудь, поблизости есть земля. Ни один шкипер в здравом рассудке не станет заплывать так далеко в Западный океан на подобной посудине. Если волны хляби не поглотят ее, то команда все равно скоро погибнет от недостатка пищи и пресной воды, да там и места на всех не найдется, чтобы лечь.

Теперь галера подошла ближе, и они могли различить вкрадчивые линии ее низкого корпуса цвета зеленоватой морской воды. Белая пена взрывалась по ее деревянным бортам, и Конан увидел блестки солнечного света, вспыхивающие на капельках воды, которые скатывались с лопастей двойного ряда длинных весел. Это была двухрядная весельная галера с высоким, мягко изогнутым носом, на котором была вырезана фигура из латуни, напоминающая голову дракона. Под этой искусно выточенной головой на уровне воды устрашающе ощетинился длинными шипами бронзовый таран. Казалось, что судно, как ножом, разрезает им набегающие волны. Бронза уже покрылась зеленоватым налетом, и на ней обильно произрастали ракушки.

— Хм, это чертовски странно, Амра! — недовольно проворчал Сигурд.— Она не несет никакого флага. Да впрочем, ты ведь говорил, что мы отправились сюда искать подозрительные вещи.

Конан пожал плечами.

— Что нарисовано на ее носу?

Сигурд стал внимательно всматриваться в странное судно.

— Похоже на черное облако с красной сердцевиной. Или, может, это черная морская звезда?

Глаза Конана сверкнули, когда он взглянул в сторону зеленой галеры.

— Что ж, судя по двойному ряду весел и этому бронзовому тарану на носу, это явно военное, а не торговое судно. Не будем трогать его, оно может здорово нас потрепать, но не даст никакой добычи...

Все же ему казалось довольно странным появление такого корабля в этих пустынных водах. А вдруг это то самое, что они ищут? Тряхнув головой, Конан отбросил назад свои густые волосы и крикнул впередсмотрящему на верхушке мачты:

— О-хо, там! Можешь разглядеть знак на ее носу?

— Да, капитан. Это черная штука, похоже — осьминог с кучей щупалец вокруг красного глаза.

Голос Конана оглушительно загремел:

— У штурвала! Два румба к левому борту, держите курс прямо на галеру. Всем наверх! Приготовить мечи, пики и оборонительные щиты! Разойдитесь по бортам, да получше выставить паруса. Гляди в оба! Лучники — на палубах вместе со своим снаряжением! Ясунга! Собери оборонительную команду. Пошевеливайтесь, мокрые швабры! Вот она, битва, ради которой вы пили здесь!

Сигурд в замешательстве покосился на него:

— Во имя Митры, что это значит?

— Это знак Черного Кракена, ты, рыжий ванахеймский пес! Это что-нибудь говорит тебе? Прополощи свои мозги! — прорычал Конан.

Сигурд пересек вслед за Конаном ют и замер на месте, когда киммериец остановился, чтобы дать возможность юнге зашнуровать его рубашку-кольчугу и надеть ему на голову шлем. Брови северянина буграми сошлись на переносице от напряженного размышления. Затем складки на его лбу разгладились, но лицо побледнело.

— Ты имеешь в виду,— медленно произнес он,— эту старую сказку об эмблеме короля-чародея из Атлантиды?

— Да, именно его. А теперь надевай свою кирасу, пока они не размазали твои жирные кишки по всей палубе.

— О боги моря! — проговорил Сигурд, медленно отходя в сторону.— Кракен — повелитель атлантов... Все это должно было утонуть девять тысяч лет тому назад... Кром, Бадб и Иштар! Возможно ли это?

Хотя галера явно не была торговым судном, полным сокровищ, она повернула назад и помчалась, подгоняемая утренним бризом, прочь от «Красного Льва». На обеих ее мачтах внезапно распустились остроконечные треугольные паруса, которые тут же наполнились свежим попутным ветром. «Красный Лев» преследовал галеру по пятам, вспарывая грудью пенный след от ее кормы.

Конан вскарабкался по снастям повыше. Одной одетой в броню рукой он крепко держался за канат, а другой заслонял от солнца свои глаза, напряженно вглядываясь вперед.

— Странно, чертовски странно! — бормотал он.— Все весла в движении, но пусть меня назовут проклятым стигийцем, если я вижу на скамьях хоть одного гребца. На ней,

похоже, нет и воинов, никого на палубе и юте, и ни одной пары рук наверху, чтобы следить за парусами.

Он спустился вниз на палубу, где Сигурд и Ясунга стояли в ожидании его указаний.

— В самом деле, чертовски странно, Амра,— сказал старый северянин.— Ты только посмотри на обводы ее корпуса! В жизни не видал корабля, подобного этому!

— Зеленое судно Ада,— пробормотал Ясунга густым мелодичным басом.— Корабль призраков, Амра!

— Заткнитесь! — рявкнул Конан.— Адский это корабль или земной, но он улепетывает от нас, словно на его борту императрица Кхитая со всеми своими сокровищами. Посмотрите лучше, как резво его корма бороздит океанскую зыбь!

Он повысил голос:

— Мило! Поднимай топсель! И если у тебя концы заклинит в блоках, я сдеру с тебя шкуру!

Он снова обратился к Сигурду и Ясунге:

— Она летит быстро со своими веслами и парусами, но у нас есть возможность настигнуть ее, если пошире распахнуть наши паруса. Откуда бы она ни была, эта галера пытается уйти от нас!

— Но у нее нет охраны,— проворчал Сигурд.— Дьявольски подозрительно! Где это видано, чтобы королевская галера или корабль с сокровищами плавались по морям без сопровождения?

Команда уже заняла свои места. На полубаке лучники пробовали, хорошо ли натянута тетива, и осматривали стрелы в колчанах, чтобы удостовериться, что древко ни одной из них не покривилось. На шканцах люди стояли наготове у канатов, в то время как абордажная команда столпилась у релингов. Они завязывали шнуры шлемов, проверяли завязки кирас и кожаных солдатских безрукавок, подтачивая о влажные камни и без того острые абордажные сабли.

— Клянусь Кромом! — гремел Конан.— Мы узнаем, что за драгоценности везет эта галера и почему она бежит, едва завидев нас, словно перепуганная девка!

Люди, в которых уже зажглось возбуждение преследователей, ответили радостными возгласами. Сигурд, облаченный в кожаную рубаху, обшитую от подбородка до поясницы бронзовыми пластинками, с пыхтением взобрался по деревянному трапу на ют. Конан хлопнул его по плечу:

— Кром и Митра, старый морской конь! Вкус битвы переполняет мое сердце и быстрее гонит кровь по жилам, как у старого боевого коня, почуявшего кровь!

Северянин раздвинул губы в широкой улыбке и издал крик радости, который гиппогриф мог бы воспринять как зов страсти во время брачного сезона, окажись он случайно поблизости.

— Ха, прекрасно, Лев! — воскликнул Сигурд.— Все непременно должно было скоро проясниться... и вот, пожалуйста! Чувствую костным мозгом, что там мы поимеем такие сокровища, каких никогда еще не видели.

— Неужели? — расхохотался Конан.— Так возьмем же их!

Когда ветер загудел во всех парусах, какие только имелись на галеоне, судно рванулось вперед, вслед за своей жертвой. Широкие попутные волны зыби неспешно подкатывались сзади и слегка покачивали корпус корабля, медленно поднимаясь и спадая в клочьях шипящей пены. Тупой нос галеона выбрасывал из-под себя двойную вспененную зеленоватую струю, и вода яростно бурлила в кильватере. И все время впереди него, расталкивая пологую волну, неслась на веслах под парусами загадочная зеленая галера. Ее треугольные паруса почти касались друг друга, словно кожаные крылья какого-то летающего ящера из далекого прошлого.

6

МАГИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

С неизвестного запада призраком легким галера летит,
На изящном носу Черный Кракен державно стоит.
Смертоносно упругие снасти поют и скрипят,
Тайны Ада и Тьмы судна мрачно трюмы таят.

Путешествие Амры

Солнце висело уже высоко на чистом голубом небосводе, когда «Красный Лев» соприкоснулся с таинственной зеленой галерой, на носу которой красовался знак Черного Кракена из Атлантиды. Все утро галера мчалась впереди них, ветер туго наполнял ее высокие черные треугольные паруса, и весла мерно поднимались и опускались, как будто невидимые гребцы не ведали усталости. Но фут за футом могучий галеон сокращал расстояние между ними.

В стальном рогатом шлеме и в сплетенной из железных колец рубашке-кольчуге, под которой находилась подлатная куртка из мягкой кожи, Конан в нетерпении расхаживал по палубе, проверяя оружие и доспехи абордажного отряда. Затем он взобрался назад, на ют, где, широко расставив ноги, стоял Сигурд, наблюдая за каждым движением галеры. Время от времени старый пират отдавал отрывистые команды моряку, который крепко держал в своих мускулистых загорелых руках спаренный румпель.

— Она уже оставила свои попытки оторваться и меняет курс,— хрипло заметил Сигурд.

Как будто признав бесполезность бегства, галера стала разворачиваться и сбавлять ход, в то время как «Красный Лев» быстро приближался. Теперь они были почти что на расстоянии выстрела из лука. Конан бросил быстрый взгляд на полубак, где за примитивным укрытием из кусков прочной ткани, переброшенных через релинг, застыли лучники Якова, которые в любой момент по команде готовы были выпустить тучу стрел.

— Странно, Амра,— опять проворчал северянин,— на палубе по-прежнему ни души.

— Чертовски странно,— согласился Конан.— По крайней мере, они должны были собрать отряд, чтобы не дать нам взять их на абордаж. Они что же, попрятались, словно мыши, или, может, на борту нет никого, кроме гребцов и кормчих?

— Мы уже совсем близко,— произнес Сигурд.

Конан обратился лицом к носу судна, где наготове стояли лучники, и скомандовал громовым голосом:

— Стрелу!

— Есть, капитан,— отозвался Яков.

Глава стрелков похлопал одного из лучников по плечу, тот натянул тетиву так, что его правая рука коснулась мочки уха, и с резким звенящим хлопком отпустил ее. Стрела описала дугу над черной поверхностью воды между судами и, не долетев шагов десяти, упала в море. На короткое мгновение на галеоне воцарилось молчание, только слышны были протяжные вздохи ветра и злобное шипение воды, когда корабль переваливался с волны на волну.

— Стрелу!

На этот раз острие стрелы глубоко вошло в обшивку галеры, покрытую зеленой эмалью.

— В пределах досягаемости! — возбужденно громыхнул Сигурд.

— Слушай команду! Дать залп! — проревел Конан.

— Есть! — Яков выстроил своих стрелков в линию; через мгновение все луки одновременно распрямились и со свистящим звуком, похожим на шелест стремительных крыльев, стрелы стаей скользнули над сокращающимся водным пространством и градом просыпались на убегающее судно, причем большинство из них попало в щели деревянных щитов на релингах галеры.

Конан, прищурившись, наблюдал за ее веслами. Обычно подобный залп стрел выводил из строя по крайней мере нескольких гребцов, нарушая согласованную работу весел, пока раненые люди не заменялись другими или их весла не втягивались внутрь. Однако весла по обеим сторонам галеры продолжали так же размеренно механически подниматься и опускаться.

— Должно быть, там есть вторая палуба,— свирепо проворчал Конан.

— По-моему, она поворачивает, чтобы взять нас на таран,— заметил Сигурд.

— Верно. Держите курс все время точно на нее. Если мы столкнемся нос в нос, мы подомнем ее под себя и сломаем ее передний брус.

Ванир проревел команду рулевому и палубным матросам. Румпели описали дугу и замерли на новом курсе, круче к ветру. Паруса встрепенулись, чтобы тут же снова поймать боковой ветер, и «Красный Лев» плавно развернулся к левому борту, держа теперь противника точно по носу галеры. Невидимые руки ловко убрали паруса и принайтовили их к реям. Галера продолжала делать плавный поворот, и какое-то мгновение корабли мчались прямо друг на друга. С юта Конан прекрасно видел всю палубу галеры. Там не было ни души.

Затем, словно потеряв мужество при виде массивного носового бруса «Красного Льва», летящего на нее в клочьях пены, галера так резко легла на левый борт, что ее корма осела вниз и судно встало на дыбы. Их разделяло не более пятидесяти шагов, и Конан мог ясно различить странную черную эмблему, украшавшую нос парусника. Она напоминала круглое облако густых черных испарений. Казалось, что из-под жгутоподобных щупалец осьминога вырываются клубы серого тумана, а огненно-красный глаз, неотрывно глядящий из самого центра черной массы, сверкал яростно и кровожадно.

На палубе так никто и не показался. Может, эта зеленая галера была кораблем призраков, на котором не было места смертным.

— Ни впередсмотрящего на мачте! Ни одной пары рук на палубе! Нет даже кормчего у румпеля! — рокотал Сигурд.— Клянусь Бадбом и Митрой, мне это не нравится, совсем не нравится.

— Яков! — закричал Конан.— Пусть твои парни целят в отверстия для весел!

Хлопнули тугие тетивы луков, и в воздухе вновь зашипели стрелы. Многие воткнулись в дерево около весельных проемов, но значительно больше стрел — ведь расстояние было совсем небольшим — исчезло из виду в черных отверстиях в бортах. Однако, вопреки ожиданию, моряки не услышали ни единого крика боли, ни одно весло не ударилось со стуком о другое. Второй залп, как и первый, не принес никакого результата. Галера по-прежнему свободно бежала по волнам, и ее треугольные паруса были развернуты по ветру. «Красный Лев» повернул вслед за ней, опять пускаясь в погоню.

— Подожгите стрелы, Яков! — ревел Конан.— Клянусь Кромом, я вырву наконец какие-нибудь проблески жизни из этой твари с черными парусами.

В течение нескольких мгновений на полубаке царило торопливое движение. Из камбуза принесли факелы, тряпки погружали в масло и обматывали вокруг наконечников стрел. И скоро град горящих стрел, оставляя в небе клубы черного дыма, со свистом пролетел над мантилетами и глухо застучал о пустую зеленую палубу галеры. Вскоре множество факелов задымилось в разных местах судна, и свежий пассат легко подхватил струи густого смолистого дыма.

— Ха! — прогремел Конан.— А вот и результат! Посмотри-ка, Сигурд!

На богато украшенном юте зеленой галеры возникла высокая тощая фигура. Человек по своему виду совсем не походил на обычного моряка. Ниспадающее складками вниз хлопковое одеяние не могло скрыть худобы его тела, а на узкие плечи был накинут фантастический плащ из пышных ярко-зеленых перьев. Его бритая болезненно-желтого цвета голова была обвязана куском материи, а в аскетически-худом удлиненном лице жизни было не больше, чем в отлитой из латуни маске. Он неподвижно стоял на пышно разукрашенной задней палубе и был похож скорее на священно-

служителя или колдуна, чем на моряка. Ядовитый острый взгляд черных глаз старца неотрывно следил за «Красным Львом».

Конан и его команда успели заметить, как человек внезапно протянул вперед свою костлявую руку, застывшую в странном движении. Как только он сделал это, все черные смоляные факелы на палубе галеры внезапно погасли. Последние кольца дыма закружились и растаяли в воздухе.

— Магия! — яростно прогудел Сигурд, стальным капканом сжав плечо Конана.

— Яков! — заревел Конан.— Утыкай перьями этого пса!

Но прежде чем приказ мог быть исполнен, высокая, облаченная в плащ из перьев фигура выхватила из складок своей одежды маленькую фляжку и, размахнувшись, бросила ее за борт в зеленоватую бурлящую морскую воду. Как только фляжка ударилась о крутую волну, поверхность моря взорвалась языками ослепительного пламени. Между двумя судами внезапно выросла стена клокочущего огня. Люди на галеоне вскрикнули, пораженные. Они застыли в изумлении. Ужас и суеверный страх были написаны на лицах пиратов. Храбрости у них хватало, чтобы открыто встретить острую сталь и свистящие стрелы, когда был шанс захватить добычу, но кто может сражаться с колдовскими чарами?

— Магия! — повторил Сигурд.— Во имя сердца Арина и львов Тамуза, ты видел это, Амра? Этот косоглазый старикашка создал стену огня за меньшее время, чем нужно человеку, чтобы сплюнуть!

Внимательно наблюдая сквозь суженные щели глаз за неестественными языками пламени, Конан заметил, что огонь не распространяется по воде, как должно было бы произойти в случае, если бы во фляжке было какое-нибудь горючее масло. Он не двигался с места, образуя сплошную огненную стену, которая почти полностью скрывала галеру противника и возносилась так высоко, что угрожала поджечь грот «Красного Льва».

— Девять румбов к левому борту! — раздалась протяжная команда Конана.— Посмотрим, удастся ли нам обойти его,— добавил он Сигурду.

— Клянусь кишками Шайтана и бородой Имира, огонь следует за нами! — закричал тот, стиснув релинг так, что костяшки его пальцев побелели.

И это было действительно так. Как только «Красный Лев» повернул на правый борт круче к ветру, стена пламени сдви-

нулась, как будто для того, чтобы все время держаться между галеоном и убегающей галерой. Конан заслонил ладонью глаза и посмотрел на паруса своего судна, которым угрожала опасность. Однако они не только не загорелись, но на них даже не было видно ни малейших следов, причиненных бушующим пламенем. Да и черный масленый дым лишь чуть-чуть запачкал сажей белую парусину. Конан разразился смехом.

— Хо, моряки! — прогремел он.— Курс по ветру, и не обращайте внимания на огонь! Развернуть паруса по ветру!

— Амра! — сказал пораженный Сигурд.— Что? Во имя всех чертей...

Конан криво усмехнулся сквозь ощетинившуюся бороду:

— Смотри, старый морж, и учись.

Корпус «Красного Льва» разрезал горящую стену, как будто ее не было и в помине. Команда корабля даже не ощутила тепла от этого странного пламени. Когда они уже были по другую сторону, в мгновение ока колдовское препятствие исчезло, словно задутая ветром свеча. Моряки пораскрывали рты от изумления.

— Всего лишь мираж, обман зрения! — раздался зычный голос Конана.— Теперь готовьтесь к абордажу, псы, и мы поглядим, как понравится холодная сталь этому черному колдуну в перьях.

Нос «Красного Льва» постепенно приближался к корме галеры, и теперь люди на галеоне могли различить бритый череп и суровые, рубленые, словно у застывшей маски, черты лица чародея, который в ярости делал какие-то странные движения руками. Затем он поднял обе руки, и его яркий плащ распустился на ветру, подобно сверкающим зубчато-острым крыльям легендарной птицы феникс.

— Хаи, Хстли! Шауатепак йа-ксингоф! — пронзительно прокричал он.

И тогда появились Красные Тени. Они возникли из синевы ясного неба со всех сторон бескрайнего горизонта, внезапно, как в тот трагический день в королевском дворце Конана. Тени окутали одного из рулевых, который пронзительно закричал от ужаса и в мгновение ока исчез вместе с призраками. «Красный Лев» слегка накренился, в то время как матрос у второго румпеля, оставшись без помощи товарища, прилагал отчаянные усилия, чтобы удержать судно на курсе.

Это уже был не обман зрения. Конану показалось, колдун рассмеялся отвратительным кудахтающим смехом и затем опять простер руки, чтобы снова вызвать Ужас.

Но на этот раз его глаза были устремлены прямо на киммерийца.

7

ПРИЗРАЧНОЕ ВОИНСТВО

Тюрьма дьявола окружена стеной огня
Тех адских бездн, откуда поднялась она,
Но Лев, сорвав заклятия беду,
Добудет то, что создано в Аду.

Путешествие Амры

Старый Сигурд, увидев это, все понял мгновенно и тут же отдал короткий резкий приказ Якову на полубаке:

— Насади-ка на вертел этого дьявола в перьях!

Упруго зазвенели тетивы луков, и стрелы стремительно, словно молнии, скользнули над зеленой водой к высокой, разукрашенной золотом палубе, где стоял чародей. Его руки были подняты вверх, чтобы снова вызвать Ужас. Когда злобно поющие наконечники стрел были уже близко, он прервал свое заклинание, чтобы сделать легкий жест раскрытой ладонью. Первая стрела каким-то непонятным образом отклонилась от своей цели и воткнулась в палубу, не причинив ему ни малейшего вреда. Точно так же были отведены вторая и третья, но затем сразу несколько острых наконечников просвистели, нацелившись на колдуна; их, по-видимому, было слишком много, чтобы он смог рассеять стрелы в разные стороны своими дьявольскими чарами, и одна из них глубоко вонзилась в перья, покрывавшие его правую руку. Его желтоватое лицо внезапно побелело от боли, колдун сделал невольный шаг назад, прижимая раненую руку к костлявой груди. Он бросил на барахтцев злобный испепеляющий взгляд и исчез.

Пираты отшатнулись в ужасе. Сигурд хмыкнул и потер свой мясистый нос.

— Что мы можем сделать против этого проклятого порождения дьявола, Амра? Не дать ли нам стрекача, пока эти тени не утащили всех остальных?

Конан наградил его свирепым взглядом:

— У тебя что, выдуло последние мозги, старый морж? Корабль Дьявола — вот что мы искали! Именно здесь плодится это отродье — Красные Тени!

— Но холодная сталь — плохая защита против подобных чар.

— А ты разве не видел, как один из парней Якова проткнул стрелой руку того верховного дьявола? — прорычал Конан, двинув Сигурда кулаком в плечо.— Изувеченной рукой ему больше не удастся вызвать эту нечисть. Пришло время настоящего сражения.

Он сделал широкий шаг вперед, к переборкам:

— Рулевой, взять два румба к левому борту! Приготовить абордажные крючья! Ничего не предпринимать до столкновения! Полная готовность на борту!

Нос «Красного Льва» уже поравнялся с кормой галеры и легко скользил вверх на волне. Мгновение — и массивный передний брус галеона с оглушительным треском обрушился на ее изумрудный борт, сокрушая дерево обшивки и словно спички ломая крепкие весла. Абордажные кошки дружным свистом вспороли воздух, чтобы намертво вцепиться в деревянные части корабля противника, и загорелые руки туго выбрали привязанные к ним канаты. Другие моряки надежно поймали баграми бортовые поручни галеры.

— На абордаж! — оглушительно крикнул Конан, прыгая вниз через ступеньки, чтобы присоединиться к толпе вооруженных людей. Они уже перевалили на палубу галеры через крепко притянутые друг к другу борта двух судов с ножами в зубах, с зажатыми в руках мечами, пиками, топорами. По большей части пираты были облачены в некое подобие доспехов, в данном случае представлявших собой ржавую рубашку-кольчугу или кожаную солдатскую куртку, обшитую медными или бронзовыми пластинами. Несколько самых безрассудных и свирепых были раздеты по пояс. Шлемы замысловатых форм украшали их взъерошенные головы.

Сапоги Конана с треском проломили непрочные оборонительные щиты галеры, и он тяжело упал на одну из скамеек для гребцов между палубой и бортовой обшивкой. Скамьи, достаточно широкие, чтобы два человека могли работать одним веслом, были утоплены в узкую палубу на половину человеческого роста. Если бы эти скамьи были заняты людьми, то головы гребцов как раз чуть возвышались бы над палубой. И хотя веслами не двигала ни одна

живая душа, они продолжали бесцельно вращаться в уключинах.

Волосы Конана зашевелились от суеверного страха дикаря, страха, которого даже долгие годы цивилизованной жизни не смогли полностью вытеснить из его души. Он поспешно выкарабкался с гребной палубы наверх. Едва Конан, свирепо оглядываясь в поисках врага, появился на главной палубе, как оказавшийся рядом черный гигант Ясунга вдруг крепко сжал его руку, указывая на разукрашенный ют:

— Амра, смотри! Тот дьявол в перьях!

Старец с похожим на череп лицом вновь появился наверху. Теперь, вместо великолепного плаща из перьев, на нем была длинная кольчуга из неизвестного розового металла, который ослепительно вспыхивал на солнце. Голову его украшал фантастический шлем, напоминающий птичью голову. В руке он держал длинный зазубренный меч из какого-то сверкающего кристаллического вещества. За все время своих многочисленных скитаний Конан никогда не встречал ничего подобного. К правой руке старца был пристегнут зазубренный книзу щит, матово-зеленый, с чеканной эмблемой Кракена, точь-в-точь как на носу галеры.

Конан повернулся, чтобы встретить черного чародея лицом к лицу. Как только он сделал это, старик клекочущим голосом произнес фразу на том же неизвестном языке, на котором он вызывал Красные Тени. Из толпы пиратов вырвался возглас изумления, их ноги словно приросли к палубе. Там, где только что стоял один вооруженный колдун, теперь были десятки воинов, совершенно одинаковых от мельчайшей черточки лица до последней складки платья.

— Атакуйте их! — взревел Конан и, будто распрямившаяся пружина, взлетел вверх по трапу на ют, вращая своим могучим палашом. Мечи и щиты магической армии встретили его широкий клинок металлическим звоном. У Конана словно свалился камень с души, когда он обнаружил, что его враги — обычные люди из плоти и крови. Высокие, худощавые, мускулистые, они неплохо сражались. Конан бился в самой гуще. Неистовый, словно бешеный волк, он отбивал в сторону их оружие и в грохоте стали крушил защиту противника. За его спиной яростно орущая стая пиратов уже карабкалась наверх и набрасывалась на врагов так, что было слышно, как сталь глухо сшибалась со сталью, словно в какой-то адской кузнице молоты непрерывно били по наковальне.

Изрыгая проклятья, киммериец рубил наотмашь и пронзал насквозь фигуры с длинными носами и ледяным неподвижным взглядом. Они на мгновение вставали перед ним и тут же падали, рассеченные, в крови. Одна фигура пошатнулась и отступила назад, половина лица была снесена взмахом меча из-за спины. Другая — отступила, схватившись за обрубок руки. Третья рухнула за борт. Ее птичий шлем был снесен вместе с верхней частью черепа вплоть до зубов. А они все подходили, и Конан бился и крушил без отдыха, в безумной слепой ярости дикого зверя, каким в глубине своего сердца он оставался всегда. Он, должно быть, убил восьмерых или девятерых, когда внезапно обнаружил, что находится в кольце воинов с ястребиными лицами в птичьих шлемах. Его клинок был теперь зазубрен словно пила и по самую рукоять омочен кровью. Кольчуга была порвана во многих местах, следы от ударов на его могучих плечах и неглубокие порезы, нанесенные странными пилозубыми мечами, слабо кровоточили. Неистово работая мечом, который он крепко сжимал обеими руками, рыча, словно волк, Конан сдерживал натиск кольца стали вокруг себя. Десятый по счету воин упал, пронзенный насквозь. Ручным браслетом Конан ловко отвел в сторону несколько угрожающе направленных клинков. Он до предела наполнил свои легкие иссушающе-горячим воздухом. Сердце тяжело билось в груди, словно пиктский барабан, кровь бешено стучала в висках, и ноги нервно подрагивали от напряжения. Но несмотря на это, смертоносная сталь, подобно молнии, сверкала в руках киммерийца, и люди падали перед ним один за другим.

Глаза Конана уже начала застилать пелена, и ряды его жестоких, не знающих усталости врагов закружились в призрачной дымке. Теперь он ясно ощутил всю тяжесть своих шестидесяти с лишним лет. В глубине души Конан проклинал судьбу и богов за то, что у него нет уже той способности без устали выдерживать бешеную пляску стали, как в годы недюжинной юности. Но одновременно он благодарил тех же богов за то, что они предоставили ему возможность погибнуть так, как он всегда мечтал,— лицом к лицу с неприятелем и с мечом в руках.

И все же непостижимым образом киммерийцу удалось разорвать вражеское кольцо, и он оказался напротив одного-единственного воина, который стоял в заднем конце верхней палубы, четко вырисовываясь на фоне синего моря и неба. В мгновение ока Конан навис над ним. Длинное лезвие меча с глухим металлическим звоном рассекло розовую коль-

чугу и пронзило самое сердце врага. Внезапно все кончилось. Тяжело дыша и пошатываясь, Конан резко повернулся, чтобы встретить остальных противников, но обнаружил лишь голую палубу, на которой, вытаращив глаза, стояли его утомленные люди. Призрачная армия исчезла. Словно ветер внезапно унес в небытие всех этих воинов с ястребиными носами, пропали даже тела убитых. Конан покачнулся и оперся о борт. Нет, одно тело все же осталось на палубе — того последнего воина, которого он пронзил мечом. Охваченный внезапным подозрением, старый киммериец неловко переступил через него и отбросил в сторону зеленый щит. Правая рука мертвеца была перевязана бинтом. С облегчением Конан несколько раз глубоко вдохнул свежий морской воздух. Его громоподобный смех оборвал приглушенный ропот сбитых с толку пиратов.

— Они были копиями вот этого пса,— сказал он, хлопнув плашмя широким клинком по останкам у его ног.— Они действительно существовали, но лишь до тех пор, пока этот был здесь и мог вдохнуть в них жизнь. Когда же он умер, они исчезли, как мыльные пузыри! Теперь перенесите раненых на палубу! Горан Сингх, собери команду и обыщи переднюю палубу. Да поживее! В галере течь, и скоро она уйдет под воду. Если на борту есть какие-нибудь сокровища, то лучше поторопиться забрать их. Сигурд, Ясунга, идите за мной!

Конан, спотыкаясь, спустился вниз по лестнице и одним ударом распахнул дверь каюты под палубой юта. Он полагал, что там должна была находиться комната капитана-чародея. Конан чувствовал, что измучен до мозга костей бешеной схваткой, его ноги дрожали, а лицо осунулось от усталости несколько больше, чем ему хотелось бы обнаружить перед своими людьми. Шестьдесят с лишним лет свинцовыми доспехами висели на руках и ногах. Сейчас лишь живительный глоток крепкого вина наполнил бы его постаревшее сердце новыми силами.

В каюте стоял мистический полумрак. Стены были завешаны пурпурными коврами необычной раскраски, на которых гримасничали и искоса пялились отвратительные морды злобных демонов. На низком табурете странной формы стоял хрустальный графин с темной жидкостью. Конан, шатаясь, сделал несколько шагов с целью осушить содержимое бутылки. По вкусу напиток напоминал вино, но был куда крепче любого вина, которое киммерийцу доводилось когда-либо пробовать. Конан почувствовал, как живитель-

ное тепло распространяется по его телу и наполняет новыми силами крутые бугры утомленных мышц. И вдруг кровь застыла в его жилах. Там, около шелковых занавесок, медленно проплыла фигура человека, только что убитого его собственной рукой! Это был тот самый старик: розовая кольчуга пришельца была рассечена около сердца как раз в том месте, куда Конан послал свой роковой клинок, и из глубокой раны все еще стекала струйка густеющей крови. Не обращая ни малейшего внимания на оцепеневшего киммерийца, призрачная фигура сдернула со стены одно из покрывал, за которым оказалась тайная ниша, где хранилась серебряная шкатулка. Конан наблюдал, как полупрозрачная фигура колдуна бережно взяла шкатулку и сделала шаг по направлению к окошку у противоположной стены каюты. Оконный проем своей формой напоминал ограненный бриллиант. В открытых ставнях шумело и пенилось голубовато-зеленое море и виднелась часть корпуса «Красного Льва». Призрак уже собирался шагнуть наружу, прямо в бьющиеся о корпус галеры волны, как Конан с грохотом ринулся через каюту, пытаясь схватить зыбкую фигуру и таинственный сундучок, который та хотела унести с собой в глубины синих морских вод.

— Что ты делаешь, Амра? — вскричал за его спиной Сигурд. Ванир и кушит только что ввалились в каюту вслед за Конаном.

Окровавленная рука Конана обхватила колдуна, но легко прошла сквозь худое тело, как будто оно было соткано из тумана. Однако цепкие пальцы киммерийца дотянулись до серебряной шкатулки и крепко ухватились за ее край. Шкатулка, по крайней мере, была твердой, и Конан выхватил ее из немощных рук призрака. Тень колдуна откинулась назад и выпала из открытого окна каюты, но во время падения она повернулась к Конану и метнула в него короткий, полный смертельной ярости взгляд. Затем призрак исчез в волнах.

Конан махнул рукой по направлению к окну. Он крепко сжимал шкатулку и пытался собраться с мыслями, чтобы ответить на вопросы, которыми Сигурд и Ясунга буквально засыпали его. Они не могли видеть дух колдуна, но зато воочию наблюдали, как из тайного алькова шкатулка поднялась в воздух и стремительно понеслась к окну без всякой видимой поддержки. Они были свидетелями того, как Конан огромным прыжком бросился вслед за ней и схватил вещицу.

Прежде чем Конан смог удовлетворить их шумное любопытство, снаружи раздался тяжелый топот бегущих ног, и Горан Сингх прокричал в дверь каюты:

— Капитан! Полубак и трюмы пусты! Нет даже намека на добычу. Посудина быстро оседает вниз. Палуба уже затоплена! Нам надо выбираться назад, на «Красного Льва»!

Конан пристально взглянул на серебряную шкатулку. Это была единственная ценная вещь на всей галере, сокровище, из-за которого магический корабль пытался спастись бегством от пиратов. Это было то, что так берег черный колдун, ради чего он сражался и умер...

8

ШКАТУЛКА ИЗ АТЛАНТИДЫ

Там мертвое солнце садится в кровь,
Бросая в тучи мрачный луч.
И в дымке древних сказок остров вновь
Встает, и море лижет холод темных круч.

Видения Эпимитреуса

С крепко зажатой под мышкой серебряной коробочкой Конан перемахнул через стянутые вплотную борта двух судов, и его широкий меч в кожаном чехле с глухим лязгом стукнулся о деревянную обшивку. Сигурд и загорелый венд Горан Сингх последовали за ним. Его люди выдергивали абордажные крючья из деревянного настила галеры и кольцами сворачивали привязанные к ним веревки.

— Отваливаем! — прогремел Конан.— Йар! Гроты назад! Вынести стаксели на правый борт!

Со скрипом и скрежетом, кроша притершуюся древесину, два корабля нехотя разомкнули свои объятия. Скоро они разошлись на расстояние полета дротика, и между ними пролегла полоса зеленоватой бурлящей воды. Галера, трюмы которой наполнились водой через полученную пробоину, сильно осела вниз, и волны, клокоча и пенясь, перекатывались через ее палубу. Над поверхностью моря упрямо возвышались только мачты и приподнятые вверх ют и полубак. Рядом с ними плясали на волнах корабельные обломки. Не имея такого тяжелого плотного груза, который утянул бы ее на дно, полузатонувшая галера в течение многих месяцев могла носиться по волнам, представляя собой угрозу

другим кораблям в этих дальних, пустынных водах, пока не была бы выброшена на берег или не разломалась бы пополам.

— Вынести вперед грот! — скомандовал Конан.— Убрать марселя и бизань! Выставить паруса! Курс два румба к правому борту по ветру!

Порывистый ветер наполнил грот и стаксели «Красного Льва», и, словно горячий жеребец, галеон рванулся вперед, повинуясь рукам человека. Ныряя носом в волны, он пустился бороздить невидимые морские дороги, оставив позади останки затопленной галеры.

Сигурд смотрел через плечо Конана назад, за корму, пока галера не исчезла из виду среди мерно вздымающихся морских валов. Обычно бодрый старый северянин был бледен и замкнут, как и все на галеоне. Что-то в этом изящном зеленом корпусе наводило на мысль о том, что там, на галере, по-прежнему таился загадочный сверхъестественный Ужас. Словно ледяным ветерком веяло от раскрытого склепа. Ясунга зябко вздрагивал плечами и бормотал молитвы на своем кушитском диалекте. Сигурд украдкой осенял себя магическими знаками, рисуя слева на груди ногтем большого пальца молот Тора.

Скоро даже хрупкие мачты галеры исчезли из виду. Над головой простиралось чистое голубое небо, уже слегка порозовевшее на востоке, где кроваво-красное солнце медленно тонуло в угрожающей чернильной массе густых испарений. Конан содрогнулся и, повернувшись к Сигурду, хлопнул его по плечу, тем самым выводя последнего из оцепенения.

— Пошли в каюту, Рыжебородый, там мы сможем отметить нашу битву. К тому же нам надо осмотреть добычу. Ясунга, принимай командование на палубе!

Внутри каюты в очаге потрескивал огонь и от нагретой воды шел пар. Конан опрокинул на свое обнаженное до пояса тело чан с водой и смыл засохшую кровь и пот сражения. Он вздрогнул, когда вода внезапно обожгла его свежие порезы и царапины. Киммериец обтерся теплым полотенцем, набросил на плечи рубаху и с шумным вздохом облегчения стащил сапоги. Затем он развалился у стола около Сигурда, который сидел, опустив ноги в ведро с горячей водой. Северянин подтолкнул к Конану фляжку с вином, и тот охотно приложился к горлышку. Волны тепла от очага наполняли его блаженством, от вина внутри тоже приятно разливалась теплота, и в нем проснулась способность шутить, лениво и добродушно.

— Налей-ка мне еще,— Конан подвинул Сигурду пустую флягу.— Этот налет по крайней мере разогрел кровь наших людей. Правда, жаль, там не нашлось настоящей добычи, за исключением этой проклятой серебряной коробки!

Шкатулка лежала на середине стола, и Конан задумчиво водил заскорузлым пальцем по ее граням. Коробочка по форме напоминала кирпич и немногим превосходила его по размеру. Она была отделана серебром, хотя, может, это и не серебро вовсе. В неровных красноватых отблесках пламени металл слабо отливал тускло-красным цветом, и при прикосновении к нему чувствовалось, что в нем не хватает прохладной маслянистой гладкости серебра.

Сигурд тоже озадаченно разглядывал вещицу и водил своей волосатой рукой по таинственным пиктограммам, рельефно выбитым на стенках шкатулки. Затем он раскрыл рот, чтобы произнести какое-то слово, но в это самое мгновение оно уже вырвалось у Конана:

— Орихалк!

Легендарный волшебный металл потерянной Атлантиды был, по сказаниям, похож на серебро по плотности и весу, но имел слегка медный оттенок. Возможно ли, чтобы эта шкатулка оказалась реликтом с потерянного континента? Конан всегда неустанно внимал рассказам о древних королях-героях времен расцвета Атлантиды: могучем Куллс Валузском, повелителе Пурпурного Трона; ужасном Ком-Язоте и его Железных Легионах; Белом Императоре, изгнанном из Города Золотых Ворот коварством черных магов, которые посадили на его трон короля-колдуна Теватату. Эта история и саги нарасшев рассказывались у племенных костров его древней родной земли. Они помогали коротать долгие и суровые киммерийские зимние вечера. Рассказы о минувших свершениях заронили в его душу тоску по путешествиям и приключениям, что в конце концов провело его по половине дорог этого мира. Он нежно поглаживал страшную коробочку, и глаза Конана теплели от пробегавших перед его мысленным взором неясных, туманных картин славных подвигов прошлого.

Сигурд, в бесхитростной душе которого находилось значительно меньше места романтике, потряс серебристым ящичком:

— Как ты думаешь, что там внутри?

— Что-то очень ценное, клянусь Кромом! — рассмеялся Конан.— Это все, что было на галере. Ради сохранения этой

вещицы она и улепетывала от нас. Давай-ка попробуем вскрыть.

Замочная скважина была хорошо видна, но сам ключ, без сомнения, потонул в глубинах бескрайнего моря. Впрочем, крышка держалась на петлях, и ее можно было попытаться взломать. Конан порылся в своем морском сундучке. Затем положил коробку набок и приставил острие большой бронзовой иглы к основанию шарнирной оси одной из верхних петель. Он осторожно ударил по тупому концу иглы свинцовым шариком, которым заканчивалась рукоять тяжелого клинка. Конан усмехнулся и взглянул на Сигурда.

— Я выучился этим трюкам, когда был еще вором в Заморе. Дай вспомнить... О Митра! Уже лет сорок минуло... Но с того времени у меня не было случая воспользоваться этим умением!

Скоро обе оси были выбиты из петель — и открытая шкатулка беззащитно лежала на столе. Внутри находился маленький свиток, перевязанный парой ленточек из пурпурной ткани.

— Сокровища? — огорченно простонал Сигурд.— Клянусь рогами Шайтана и толстым брюхом Молоха! Никогда еще два благородных грабителя не были так бессовестно обмануты! Взять на абордаж эту мерзкую галеру, проливать кровь, биться со скрежетом зубовным в самой Преисподней против половины всех демонов... Ради чего? Ради этого проклятого куска бумаги?!!

Он сплюнул в сердцах. Но Конан, напряженно рассматривавший свиток, сердито пробормотал:

— Не отчаивайся так скоро, Рыжебородый! Это не просто клочок бумаги. Ну да, пусть Кром разорвет меня на части, если я не прав, но это, может быть, и вправду ценная вещь, как и полагал тот черный колдун с дьявольским лицом. Посмотри сюда!

Сигурд наклонился вперед, чтобы взглянуть на свиток, который Конан уже развязал и разгладил на столе. Во-первых, это был не папирус, а какой-то жесткий хрустящий пергамент, который мог бы быть сделан из выдубленной кожи крылатого дракона — одного из тех, что, согласно сагам, использовали древние атланты. Во-вторых, совершенно очевидно, свиток представлял собой карту, на которой были тщательно нанесены контуры незнакомых морей и всех земель неведомого Западного мира.

— Эта линия на востоке напоминает очертания берегов нашего континента,— задумчиво произнес Конан.— Видишь, здесь гавань Мессантии, а вот этот выступ, что загибается на восток,— вероятно, побережье от Зингары до Шема...

— Смотри, дружище, ведь эти разбросанные в беспорядке точки — это Барахские острова. Клянусь Ллиром и Махнаном! — пробормотал Сигурд. Затем сердитые складки смяли его лоб.— Боги, ты посмотри, как далеко простирается море на запад! — Заскорузлый указательный палец северянина скользнул на запад от знакомых берегов.

— Посмотри сюда! — сказал Конан, показывая на берег неизвестного континента у западного края карты и на цепочку из семи больших островов, лежащих к юго-востоку от этих земель. Хотя Конан довольно слабо разбирался в географии, он сразу обратил внимание, что в этих частях карта была выписана с кропотливой тщательностью и в мельчайших деталях. На ней были изображены берега, гавани, рифы, мели, направления ветров и течений, что свидетельствовало о хорошем знании художником земель и морей этого района.

Кулак Конана с грохотом опустился на деревянный стол.

— О Кром! Теперь я понимаю. Ты уловил, в чем секрет, Рыжебородый?

Сигурд пожал плечами. Конан постучал по пергаменту своим длинным узловатым пальцем:

— Зеленый корабль пришел с этих островов и достиг нашего берега. Одному Крому известно, что ему было нужно, разве что он хотел выпустить Красные Тени на наши города с какой-то непонятной целью, о которой мы пока можем только догадываться. Но как ты думаешь, что же было таким ценным на этом корабле? Почему он вынужден был бежать от нашего галеона, как от чумы? Карта, показывающая путь к дому!

Сигурд озадаченно моргнул.

— Пожалуй, ты попал в самое яблочко, Амра. Но тогда что это за проклятые острова?

— Антилия!

Сигурд хрюкнул от удивления и поскреб челюсть своей волосатой лапой.

— Что ж, пусть зажарят мои внутренности, я слышал эту сказку, но никогда вполне не верил в нее. Эта, что ли, история о том, что, когда Атлантида погрузилась в соленые воды моря, группа священников-мудрецов убежала в

неизведанные земли к западу и создала там государство — продолжение Золотой Империи? Слышал я россказни о стенах Семи Городов Атлантиды, сделанных из золотых кирпичей, об улицах, мощенных серебряными плитами, священных пирамидах из орихалка и о таких крупных драгоценных камнях, которыми можно было оглушить кита. И эти сокровища просто лежали на пляжах и ждали, когда их подберут... Боги и дьяволы! Ты что, думаешь, в этом есть хоть толика правды?

Конан пожал плечами.

— Одному Крому известно. Я слышал подобные истории о Вендии и Кхитае, но когда я добрался до этих мест, то понял, что эти рассказы здорово преувеличены. Единственный путь узнать правду — это отправиться туда. Карта покажет нам дорогу!

9

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕИЗВЕСТНОМУ МОРЮ

Наш парус туг, звенит канат.
Нос рассекает стаи туч,
Сулит нам золотой фрегат
Звезды далекой желтый луч.

Морская песня
барахских пиратов

И вот так случилось, что «Красный Лев» отправился в раздираемые штормами, населенные чудовищами бескрайние пустыни Западного океана, в самое невероятное из когда-либо предпринимавшихся путешествий. Единственными путеводными вехами для людей здесь были солнце днем и звезды ночью, так как в хайборийскую эпоху — время между погружением в море Атлантиды и расцветом Шумерского и Египетского царств — моряки не знали еще тайны магнитной стрелки компаса. И все же, следуя карте, найденной в шкатулке из орихалка, они все глубже и глубже уплывали в неизвестность.

Некоторые упорно не хотели пускаться в это фантастическое приключение, пока Конан не привел два убедительных довода в пользу такого рискованного предприятия. Во-первых, они отправлялись в плавание ради приключений, славы и добычи и, без сомнения, в изобилии найдут все это на

Семи Островах легендарной Антилии, среди древних развалин последних городов атлантов. Во-вторых, он обещал самолично выбросить любого брюзгу за борт на поживу кракенам. Подобные увещевания оказались на удивление убедительными.

И все же, чем дальше они уплывали от знакомых берегов, тем сильнее рос среди команды какой-то суеверный ужас. Матросы вспоминали старые сказки, где говорилось, что мир кончается сразу за линией горизонта. Там земля образует огромный крутой уступ, с которого бесконечным потоком низвергаются воды океана. Они летят все дальше и дальше вниз, чтобы в конце с оглушительным грохотом обрушиться на самые основы неподвижной Вечности. По этим сказкам корабли, уплывшие за видимую линию горизонта, вскоре захватывались могучим, неумолимым течением, которое выносило беспомощную, вопящую от ужаса команду прямо к уступу на границе мира.

Конан резко обрывал подобные разговоры, с треском сталкивая пару голов друг с другом и доказывая с неумолимой логикой, что с каждой лигой их продвижения к западу горизонт явственно отступает на то же расстояние.

И они плыли далее, с парусами, наполненными ровным свежим северо-восточным пассатом. Впереди лежал неизвестный мир, вокруг же, насколько хватало глаз, простирались таинственные водные пустыни, где под вспененной ветром поверхностью моря их могли подстерегать ужасные обитатели океанских глубин. Конана мало страшили морские чудовища. Он встречался лицом к лицу с воинами, древними колдунами, отвратительными монстрами, демонами и даже с богами. И в конечном итоге все они оказывались уязвимыми для острой стали. Но из предосторожности он все же заставил корабельного плотника смастерить катапульту и слепить смолистые жирные шары из черного дегтя, в нутро каждого из которых было налито масло для светильников и вставлены просмоленные фитили из старого тряпья.

День следовал за днем, лениво протекая над бескрайними просторами пустынных вод, и это длительное безделье становилось для Конана невыносимым. Он уже страстно желал яростной, пусть даже безнадежной борьбы, которая хоть как-то нарушила бы бесконечное однообразие плавания. Но, увы, если в море и обитали таинственные чудовища, они предпочитали держаться на расстоянии от «Красного Льва». Чтобы не дать своим кровожадным разбойникам превратиться в корабельный балласт и выйти из-под контроля от долгого безделья, он все время заставлял их зани-

маться надраиванием палубы или оперять новые стрелы, дабы возместить потери за время короткой битвы с зеленой галерой, или заставлял их потеть над множеством других явно надуманных заданий. Как сказано в одной старой хайборийской пословице: «Нергал всегда найдет работу ленивым рукам».

Временами старый киммериец ловил себя на том, что размышляет о событиях, происходящих сейчас в далекой Аквилонии. Он думал о своем крепком характером сыне и спрашивал себя, по силам ли молодому бычку оказалась тяжесть его короны. Он думал о своих старых друзьях при дворе и о том, что лишь немногие из них еще живы. Конан вспоминал также королевский дворец в Тарантии, где он провел столько счастливых лет со своей женой Зенобией, уже тоже уснувшей вечным сном. Она была рабыней в Немедии, но он сделал ее единодержавной королевой над всеми зелеными холмами и золотистыми нивами солнечной Аквилонии. Пока она была жива, Конан все время был рядом, кроме нескольких далеких и необходимых путешествий, и он всегда был предан ей всей душой,— не такой уж малый подвиг для грубого, пышущего здоровьем воина киммерийских кровей.

После ее смерти после родов Конан опять вернулся к старым привычкам тех дней, когда он еще был королем-холостяком, и снова обзавелся гаремом стройных наложниц. Сделать это приобретение не составило никакого труда. Своеобразное, крайне жесткое понимание мужской чести всю жизнь вызывало в нем стремление заставить женщину подчиняться его объятиям. С другой стороны, всегда хватало желающих и даже жаждущих смириться с такой судьбой. Но больше у него не было ни свадеб, ни жен. Ни одной женщине не доведось занять места Зенобии.

Теперь, когда она умерла, Конан часто ловил себя на том, что думаст о ней, особенно когда погружался в мрачные раздумья, что, вообще говоря, было ему не свойственно. Пока Зенобия была жива, он отдавал ей всего себя, считая это само собой разумеющимся. Как истинный дикарь, он мало задумывался над проявлением своих чувств. Теперь же Конан часто сожалел о невысказанных словах и о тех мелких услугах, которые он мог бы оказать ей, но так и не сделал этого.

Конан часто заставал себя в размышлениях о старых временах и старых друзьях. Лица из далекого прошлого вереницей проносились в его голове: Белит, похожая на пантеру,

жаркая королева пиратов Черного побережья, его первая страстная любовь... Таурас из Немедии, толстый старый ворюга, вместе с которым он сумел ограбить легендарную Башню Слона... Загадочный стигийский черный чародей Тот-Амон, чья дорога так часто пересекалась с его собственной, вплоть до их последнего фатального столкновения... Верный, вечно скалящий зубы в усмешке Юма — черный гигант из Куша, вместе с которым ему удалось победить человека из потерянной долины Меру на далеком Востоке... Граф Трочеро Пуантенский; хитрый банкир Публий; благородные солдаты Просперо и Паллантид — все они протянули ему руку помощи и дружбы, когда зависть аквилонского короля Нумедидеса вынудила Конана отправиться в изгнание. Они же стали ему опорой, когда Конан поднял бунт против монарха-дегенерата...

Лица его друзей, любовниц, товарищей и врагов далекого прошлого, на которые он никогда раньше в этой жизни не оглядывался, толпой окружали сурового киммерийца. Воспоминания забытых дней снова наполняли его со все возрастающей яркостью и остротой; именно теперь, когда отчаянные, незабываемые свершения его беспечной юности уже давно умчались в прошлое и Долгая Ночь быстро подступала к нему. «Что ж,— думал он,— годы наваливаются на любого человека, если только ему удалось достаточно пожить. И, клянусь Кромом, Конан еще увидит свой последний медленно меркнущий закат на заваленном окровавленными телами поле, прежде чем настанет последний миг его жизни!»

— Земля, хо!

Глубоко погруженный в меланхолические размышления, Конан стоял на юте, угрюмо облокотившись на релинг, и наблюдал, как утреннее солнце всплывало из океана и взбиралось вверх по грудам облаков на востоке. Этот крик привел его в себя, и кровь снова упруго запульсировала в жилах.

— В каком направлении? — прогремел его голос.

— Три румба по правому борту, капитан! — отозвался впередсмотрящий с топа главной мачты.

Конан ловко вскарабкался по вантам до середины гротмачты, и его горящий ястребиный взгляд заскользил по линии горизонта. Впереди, по носу «Красного Льва», запад все еще тонул во мраке, но справа по курсу под низкими лохмотьями облаков, там, где море смыкалось с небом, виднелась более плотная черная полоска. Земля. Внизу на полубаке пираты сгрудились у релингов, указывая пальцами на темную линию, и, когда черная гряда холмов, ловя сквозь

утреннюю дымку предрассветные блики, четче вырисовывалась вдали, с полубака доносились радостные возгласы. Как только Конан спустился на палубу юта, к нему, грохоча сапогами о палубу, подбежал Сигурд.

— Что это, дружище? — спросил ванир.— Антилия, наконец? Во имя солнечного диска Шамаха и серебряного месяца Диметры! Наконец-то пришло время действий! Золото и добыча для всех с приправой из горячей крови, клянусь всеми богами!

Конан хмуро усмехнулся:

— Да уж. Ничего, кроме моря и неба. Два полнолуния на борту этой посудины показались мне двумя столетиями. Но теперь путешествие окончено!

В это время из смотровой корзины раздался громкий испуганный крик:

— Дракон справа по борту, у носа! Плывет прямо на нас!

Дракон! При этом слове Конан почувствовал холодок внутри. Затем он застыл, напряженно вглядываясь вперед по правому борту.

С неизвестного Запада пришел он: крылья растопырены, величественно изогнута шея, сверкающая золотым пламенем в блекло-радужном утреннем свете. Его могучая грудь рассекала пологую маслянистую зыбь, глаза горели белыми огнями, и клубы черного дыма вырывались из огнедышащих ноздрей. Он мчался по волнам от туманной груды островов прямо на них — титаническая крылатая змея, одетая в доспехи тускло отсвечивающей чешуи, с глазами, подобными сосудам с огнем.

10

ОГОНЬ ДРАКОНА

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забытые империи влачат существование,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

— Все наверх, с оружием! — оглушительный, словно глас рока, раздался рев Конана.

Громкий голос капитана стряхнул с людей состояние оцепенения, когда с широко открытыми от ужаса глазами вся команда галеона наблюдала за приближением чудовища.

— Лучники! На полубак! Яков, подашь сигнал, когда он приблизится на полет стрелы! Мило, займешься со своими людьми катапультой! Целься чстыре румба по правому борту. На руле, два румба к левому борту! Сигурд, ставь бизань! Возможно, нам придется выписывать вокруг него кренделя, как подвыпившему кохийскому крестьянину. Макро, мой шлем и доспехи на ют!

Люди забегали оживленно, исполняя приказания. Брякало оружие. Временами кто-нибудь нагибался за упавшим на палубу мечом или копьем. Наверху, впереди, дюжий боцман и его команда кряхтели и потели, поднимая и разворачивая в исходное положение тяжелое вооружение. Другие матросы подносили из трюмов вымазанные дегтем ядра и складывали их неподалеку.

Возмущенный резким поворотом рулей, «Красный Лев» встал на дыбы и сделал мягкий разворот к левому борту, так что чудовище оказалось на одной линии с катапультой. Механизм не вращался вокруг оси, и его можно было нацеливать на врага, лишь разворачивая весь корабль.

Сверкающие глаза чудовища надвигались все ближе и ближе, и казалось, что его шея вытягивается вверх. Как только дракон приблизился на расстояние полета стрелы, лучники отряда Якова послали шквал стрел, которые, описав плавные дуги над разделяющим их пространством воды, частью упруго впились в чешуйчатую шкуру, частью скользнули по золотой чешуе в сторону. Казалось, однако, чудовище не почувствовало уколов шипящих наконечников. Когтистые пальцы, которыми оканчивались его длинные тонкие передние птичьи лапы, даже не вздрогнули. Изогнутая лебединая шея не свилась кольцами от боли, и оскал остался прежним. Золотая маска неумолимо приближалась. Все так же ярко сверкали глаза, озлобленная пасть щетинилась несколькими рядами зубов.

Солнце, доселе скрывавшееся за облаками на востоке, теперь выбралось на чистое пространство и осветило картину во всем ее величии. И тогда Конан воскликнул:

— Оно не живое, парни! Это корабль, машина. Приготовить катапульту!

Внезапный всплеск солнечного света открыл Конану истинное положение вещей. «Дракон» на самом деле был галерой, подобной той, которую они потопили посреди открытого океана, но нос ее был сконструирован так, что спереди судно напоминало чудовище. «Крыльями» же служили два высоких узких треугольных паруса, укрепленных на бам-

буковых реях, как это делалось на кораблях Кхитая. Паруса были подняты на паре мачт на шканцах, стоящих совсем рядом друг с другом, а не так, как на большинстве парусных судов,— одна на носу, другая на корме. Сейчас их черные полотнища были добраны и выставлены точно по корме, потому что галера гребла прямо против ветра. И хотя паруса никак не помогали кораблю двигаться вперед, трепещущие на ветру, они усиливали сходство с крылатым морским чудищем.

Второй залп стрел градом застучал по носу судна-дракона, опять не причинив ему никакого вреда. Конан видел, что «передние лапы» служили хватательными устройствами, которые поддерживались толстыми канатами в висячем положении перед форштевнем. Когда судно подойдет достаточно близко, канаты ослабнут и два бруса с силой упадут вниз, при этом «когти» глубоко войдут в деревянную обшивку «Красного Льва» и надежно захватят его.

— Мило! — рявкнул Конан.— Снаряд!

Боцман сделал знак рулевому и немного развернул галеон к правому борту, так что метательная планка его машины точно нацелилась на врага. С резким пружинящим звуком катапульта распрямилась. Первый шар из дегтя, оставляя клубящийся след черного дыма, описал в воздухе плавную дугу, отскочил от шеи монстра и упал в море. Теперь до галеры оставалось расстояние не более броска копья. Изогнутая грудь дракона раскрылась. Широко распахнулись створки дверей, и деревянный абордажный настил сам вышел вперед из раскрывшегося проема. Внутри судна, у дальнего конца настила, выстроилась абордажная команда в каких-то фантастических доспехах. Громко затрещал храповик катапульты — это команда яростно налегла на лебедки, вновь готовя орудие к бою. Затем раздался звенящий хлопок, и второй смолящий дымом шар пролетел над водой прямо в проем, где собрался абордажный отряд. Там взлетели вверх клубы дыма, и мертвенно-бледная вспышка света на мгновение осветила внутренности судна. Ряды воинов смешались, и по настилу пронеслось лихорадочное движение. Нескольких человек при этом столкнули в море, и тяжелые доспехи быстро увлекли их ко дну. Из корпуса корабля-дракона в сотне мест начали вырываться струи дыма. Казалось, огонь распространяется почти с неестественной скоростью. Конан слышал издали слабые крики попавших в ловушку людей. Сквозь открытый проем впереди была видна часть трюма

галеры. Создавалось впечатление, что все попытки бороться с огнем безнадежны. Скоро оранжевые языки стали вырываться из шеи «дракона», затем пламя подобралось к нижним краям парусов и заревом взмыло вверх.

— Амра! — завопил Сигурд.— Еще один по левому борту.

Конан, крепко ругнувшись, резко повернулся. С противоположной стороны прямо на них шел второй корабль-дракон. Ветер мел этому судну в борт, и паруса-крылья помогали веслам, так что оно летело куда быстрее, чем первое.

— Мило! — закричал Конан.— Поверни свою машину к левому борту!

Пока на шканцах у катапульты отряд, обливаясь потом, принялся перетаскивать свой механизм к противоположному борту, второй корабль-дракон быстро сокращал расстояние. Конан последними словами проклинал свою глупость. Он позволил себе увлечься зрелищем пожара на уже выведенном из строя первом корабле и не заметил приближения второго, и только громкий рев Сигурда отрезвил его.

— Яков! — загремел он.— Не стрелять, пока не откроют!

Однако на этот раз корабль-дракон не спешил открывать двери для абордажной команды. Вместо этого он издал шипящий свист, словно разом вскипели сотни котлов. Открытая пасть фигуры на носу галеры выплеснула струю жидкого пламени, которое образовало сверкающую арку над сужающейся полоской воды между кораблями. Пламя ударило в борт и палубу «Красного Льва». В один миг вся палуба была усеяна капельками горящей жидкости, которые разбегались во все стороны. Пираты в панике ринулись прочь от релингов, кто-то уже отчаянно колотил по дымящимся пятнам на одежде. От огненной жидкости валил густой черный дым, запахло горящим маслом. Конан тут же догадался, что это было природное черное масло, подобное тому, что выступает из земли в пустынях Иранистана и Турана.

Но у него не было времени объяснять все это своим людям. Шипение повторилось, и новая струя жидкого пламени ударила в стаксель, который в мгновение ока вспыхнул, словно факел. Отряд у катапульты и лучники с воплями ужаса рассыпались по палубе. Над их головами ярко пылал парус, осыпая палубу дождем горящих обрывков ткани.

— Руль к правому борту до упора! — бешено проревел Конан.— Поставить паруса по ветру и закрепить на правом борту!

Он прекрасно понимал, что следующий поток пламени может лишить их грота и тогда «Красный Лев» станет беспомощным, как старая неповоротливая посудина.

Но было уже слишком поздно. Шипение раздалось еще раз, и стремительная огненная струя обрушилась на грот, который тут же исчез в пучине вьющегося, ревущего пламени. «Красный Лев», движущая сила парусов которого, за исключением небольшой бизани, была уничтожена в огне, резко замедлил ход и теперь неуклюже переваливался на волнах. Крючковатые тяжелые брусы галеры с треском обрушились вниз, и когти глубоко впились в палубные доски галеона. Двери раскрылись, выехал настил, и вторая абордажная команда ринулась вперед, на борт «Красного Льва».

У людей с галеры была смуглая кожа, узкие прорези глаз, выпирающие скулы и орлиные носы. На головах красовались птичьи шлемы, как у колдуна с зеленой галеры, а на кожаные солдатские куртки были надеты странные стекловидные доспехи. Столь же необычным было и их вооружение: прозрачные мечи с зазубренными пилообразными краями, крючковатые копья и стеклянные шарики в пращах. Было еще и другое оружие, но у Конана не хватило времени разглядеть его.

Лучники Якова должны были бы встретить высаживающийся на борт «Красного Льва» отряд смертоносным дождем стрел, но они были растеряны и напуганы не меньше других пиратов. Конан бушевал и сыпал проклятиями, но его люди все же так и не построились в оборонительные ряды, а в панике метались по нижней палубе. В сторону нападающих просвистело несколько стрел, но они не причинили особого вреда. Наконечники разлетались на кусочки или проскальзывали по хрупким с виду стеклянным доспехам. Лишь несколько человек из экипажа собрались кучкой у края абордажного помоста, который опирался на релинги «Красного Льва».

Одним прыжком Конан слетел вниз по трапу со своим тяжелым палашом в руке и ринулся на помощь защищающимся. Теперь он видел, что люди с галеры имели странное боевое снаряжение: тонкие трубочки выходили из их ноздрей, закрытых стеклянными шлемами, к контейнеру на спине. Это, решил Конан, наверное, что-то вроде дыхательного аппарата. Но зачем?

Ответ не заставил себя ждать. Едва Конан достиг шканцев, как первая группа атакующих приостановилась, чтобы раскрутить пращи и осыпать его людей градом стеклянных

шаров, каждый размером с яблоко. Они взрывались с мелодичным звуком и разлетались сотнями сверкающих осколков. Там, где разрывался шар, возникало облако бледного пара, которое медленно поднималось вверх.

Все больше и больше шаров со стеклянным звоном лопалось на палубе «Красного Льва», и ветер не успевал уносить прочь дым от все новых и новых нехитрых снарядов. Конан видел, как его рассеянные по палубе бойцы оседали вниз и один за другим тяжело падали на доски без сознания. Они падали один за другим, и скоро лишь несколько человек еще оставались на ногах.

Теперь палуба напоминала место жестокой бойни, разве что люди лежали спокойно, словно спали, по-видимому, они были невредимы. Тогда абордажный отряд темной волной прокатился по деревянному настилу вниз, на окутанную серым дымом палубу галеона, на которую кое-где еще падали горящие обрывки веревок и парусины. С оглушительным боевым кличем Конан врезался в толпу нападающих. Широкий меч ткал вокруг киммерийца полотно мерцающей стали. Прозрачно-кристаллические доспехи раскалывались под ударами тяжелого клинка, который разрубал стекло, кожу нагрудников, мясо и кости. Отрубленные конечности разлетались в стороны, вопли вырывались из-под стеклянных шлемов.

Конан прорвался сквозь неплотные ряды первой группы нападающих, оставив позади себя бездыханно лежащими на палубе трех врагов. Но новые воины спрыгнули с абордажного настила, пытаясь окружить его и снова завладеть инициативой. Он прорубил сквозь их ряды дорогу к ренингу, где, с защищенной спиной, ему удалось урвать короткую передышку.

В дальнем конце палубы Конан увидел Сигурда, который обменивался могучими звенящими ударами сразу с двумя противниками. Еще двое лежали у его ног. Вдруг, хотя не было видно, чтобы его кто-нибудь зацепил, северянин выронил свою длинную саблю и осел на палубу так же, как это произошло со всеми остальными членами команды.

Конан почувствовал сладковатый запах, и окружающий мир медленно поплыл перед глазами. Атакующие отступили от него и образовали полукруг, так что киммериец оказался прижатым к поручням релинга. Несколько секунд он стоял лицом к лицу со своими противниками. Его губы, окаймленные серой бородой, раздвинулись в беззвучном рычании. Над головами передних нападающих пролетело еще несколь-

ко стеклянных шаров, разлетевшихся на кусочки совсем близко.

Конан не стал дожидаться, пока пары поднимутся и свалят его с ног. С хриплым сдавленным рычанием он ринулся на обступивших его полукругом врагов. Меч в мозолистых руках Конана вихрем пронесся над головой, подобно крылу ветряной мельницы.

Два антильца упали, один — с рассеченной головой, другой — со смятой грудной клеткой. Теперь Конан смог прорваться сквозь ряды врагов и снова оказался на свободном пространстве.

Он знал, что не сможет один биться со всей командой вражеского корабля. И даже если он сведет счеты еще с несколькими противниками, рано или поздно они все равно окружат и убьют его. Накопленная за долгие годы жизни усталость уже отягощала его руки и ноги и замедляла движения. Дыхание с трудом вырывалось из груди. Дым и струящиеся клубы белого пара, которого киммериец успел наглотаться, вызывали у него удушливый кашель. Теперь уже вся команда галеона лежала на палубе, но лишь немногие были сражены причудливыми мечами врагов, большинство же пало, наглотавшись ядовитых паров.

Другой на месте Конана, вероятно, застыл бы в нерешительности, не зная, что делать дальше. Было очевидно, что корабль потерян. Палуба кишела воинами корабля-дракона. Паруса и оснастка исчезли в пламени и дыму. В это самое время передняя рея, которую уже не поддерживали сгоревшие дотла канаты и парус, с грохотом рухнула на палубу полубака. По сторонам густо дымились огоньки обрывков горящей парусины, веревок и обломков рангоута. От первого корабля-дракона, который они подожгли, на поверхности моря осталось лишь несколько пляшущих на волнах обугленных обломков.

Конан понимал, что не сможет принести пользу своим людям, если позволит убить себя или сдастся в плен. В то же время оставался шанс спасти команду, если ему удастся убежать. Решительность — наследство далекого варварского прошлого — определила дальнейшие действия Конана. Она же не дала ему возможности хоть немного обдумать и взвесить другие варианты. С последним приливом сил он огромными прыжками взлетел вверх по трапу на ют. Один из двух рулевых на счетверенных рулях корабля исчез, а другой лежал мертвым. Над его телом стоял противник с кровавым зазубренным клинком. Конан рванулся к нему и одним уда-

ром разнес на кусочки кристаллическое лезвие меча. Повинуясь могучему взмаху длинных рук киммерийца, его широкий меч как бумагу прошил броню из стеклянных пластин, и воин безмолвно осел вниз.

Конан бросил окровавленный меч, сорвал с головы рогатый шлем и запустил его далеко в море. Никаких трофеев врагам! Он нагнулся и снял с мертвеца стеклянный птичий шлем, а вместе с ним и дыхательный аппарат. В то время когда антильцы загрохотали сапогами по верхним ступенькам трапа, Конан успел уже закрепить аппарат на голове и на спине.

Враги бросились на него с яростными криками. Конан подхватил меч как раз вовремя, чтобы парировать выпад копьем с острым извилистым наконечником. Одним могучим ударом сплеча он смял шлем наступавшего на него врага, а заодно и череп воина. Не дожидаясь, пока к нему приблизится следующий, киммериец подскочил к релингу, перемахнул через борт и исчез в пенистых гребнях голубоватых волн. Увлекаемый вниз весом своей кольчуги из толстых стальных колец, он камнем пошел ко дну.

Утреннее солнце теперь сияло высоко в небесах и уже рассеяло последние остатки предрассветной дымки. Облака разбегались в стороны и таяли под его горячими золотыми лучами. Разбившись на пары, воины абордажного отряда поднимали бесчувственные тела членов экипажа «Красного Льва» и переносили их по настилу внутрь своего корабля. Другие пытались погасить множество крошечных огоньков, рассыпанных по палубе галеона. Они сбивали огонь ударами плащей и заливали морской водой из ведер, которые тут же поднимались на веревках.

В конце концов люди с корабля-дракона оставили небольшую команду на борту захваченного галеона и вернулись на свое судно. Затрещали деревянные блоки, и абордажный настил заполз обратно в проем, похожие на когтистые лапы брусы поднялись вверх, и двери на груди дракона закрылись. Заработали весла, паруса упруго натянулись под сильным ветром, и галера попятилась назад. Когда между судном и галеоном оказалась достаточно большая полоса чистой воды, галера совершила умелый маневр, пройдя вдоль самого носа «Красного Льва» и почти коснувшись его кормой. Вскоре с натужным скрипом канатов, с парусами, натянутыми до отказа свежим попутным ветром, корабль-дракон двинулся туда, откуда пришел, волоча за собой на буксире «Красного Льва».

11

ЧУДИЩА МОРСКИХ ГЛУБИН

...Престрашным щупальцем и клювом
Оно вступило в бой со Львом...

Путешествие Амры

Конан вошел в воду с сильным всплеском, и зеленые волны тут же сомкнулись над его головой. Отягощенный массивной кольчугой из толстых стальных звеньев, которая защищала его тело до пояса, и увлекаемый тяжестью меча, он камнем пошел ко дну.

Морская вода была холодна. Утреннее солнце совсем недолго сияло в небе, и его тепло не успело еще проникнуть глубже тонкого слоя воды. Терпкий привкус соленой воды и прохлада подействовали на Конана отрезвляюще. Соль огнем обожгла порезы и ссадины на его теле, волна леденящего холода прокатилась по его утомленному телу, вызвав прилив новых сил в ноющих мышцах.

Медленно, словно во сне, падал он сквозь туманный мир бледно-нефритовой воды. Совсем рядом замаячил темный корпус «Красного Льва», и Конан смог различить ракушки на его киле. Бросив взгляд вверх, старый воин увидел над собой оба судна — овальные темные планеты в тускло поблескивающем зеленовато-серебристым светом небе. Фантастическое зрелище...

Когда Конан врезался в волнующуюся поверхность моря, первым его побуждением было замолотить по воде руками и поплыть. Но он быстро обнаружил, что особая конструкция дыхательного аппарата в кристаллическом шлеме каким-то непонятным образом позволяла ему дышать под водой. Более того, совсем неглубоко под ногами Конан смог смутно различить темное морское дно. В этом месте у островов Антилии морское ложе мягко поднималось вверх, и Конану предстояло не уйти в безжизненные черные глубины, куда еще не проникал луч света, а опуститься лишь на несколько саженей до дна, откуда ему открывался путь до берега. Поэтому он просто позволил себе плавно опускаться вниз, преодолевая инстинктивное желание плыть. Он только немного шевелил ногами — ровно столько, сколько было нужно, чтобы держаться все время в вертикальном положении.

С дыханием дело обстояло несколько иначе. Стенки шлема опускались вниз, плотно прилегая к груди и спине, подобно хорошо пригнанному седлу. Две стеклянные трубки от шлема проходили под мышками и заканчивались какой-то похожей на продолговатый бочонок штуковиной за спиной, между лопаток. Одна трубка входила в шлем на уровне ноздрей, другая — на уровне рта. Надев шлем, Конан довольно быстро освоился с этим хитроумным агрегатом. Выпустив воздух из легких, он увидел, как вверх устремилась суетливая вереница серебристых пузырьков. К непривычному способу дыхания пришлось немного привыкнуть, но когда Конан мягко приземлился на дно на все четыре конечности, он уже успел овладеть этим искусством.

Дно было покрыто слоем тонкой взвеси, которая взвилась легкими темными вихрями, когда он, загребая песок, сначала встал на четвереньки, а потом поднялся на ноги. От всплесков и водоворотов облака медленно оседающих частичек вода вокруг него стала серо-зеленой. Конан нашел, что через кристаллический материал шлема видно вполне неплохо, хотя уже в нескольких ярдах очертания предметов расплывались и исчезали в мутной воде. И все-таки вокруг было довольно светло, и он мог достаточно ясно различать близкие предметы. Далее же песчаные дюны терялись в тусклом ровном изумрудном свете.

Сориентироваться было относительно легко, надо было только следовать плавно поднимающемуся уклону морского дна, который должен был вывести его к берегу моря. Поэтому Конан побрел именно в этом направлении, упорно переставляя вязнущие в мягком песке ноги и покачиваясь из стороны в сторону, так как его массивное боевое снаряжение и дыхательный аппарат сместили центр тяжести вверх. Несмотря на вес кольчуги, Конан чувствовал непривычную легкость своего тела, но каждым дюймом кожи он отчетливо ощущал огромное равномерное давление водной толщи, что сильно затрудняло дыхание. И все же, несмотря на все сложности, он упрямо передвигался вперед, делая тяжелые и неуклюжие преувеличенно-медленные шаги, каждый раз чуть отрываясь от морского дна.

Пологие песчаные холмы были покрыты удивительно сочной растительностью. Конан продирался сквозь зачарованный лес загадочных растений, чьи длинные шелковистые стебли колебались, подобно поблескивающим разноцветным лентам. Маленькие, ярких расцветок рыбки стремительно сновали вокруг. Они напоминали фантастических птиц и

то отливали золотом, то вспыхивали пурпурными, изумрудно-зелеными и лазурными цветами. Вокруг поднимались ветвистые, похожие на окаменевшие деревья причудливые нагромождения розовых и белых кораллов.

Внезапно коралловые заросли отступили, и Конан оказался среди громоздящихся друг на друге и плавно уходящих вверх скал, которые казались руинами какого-то доисторического города великанов. Камни были сплошь облеплены морскими организмами, одни из которых напоминали цветы, другие — звезды, третьи угрожающе щетинились многочисленными шипами. Некоторые существа двигались на жестких ломаных суставах ног, шевеля глазами, растущими на стебельках, иные высовывали наружу целые букеты напоминающих перья отростков.

Конан подтягивался на руках и пробирался вверх с одного этажа нависших глыб на другой. Внезапно он почувствовал, как что-то острое глубоко взрезало его палец, и безмолвно выругался. Наконец киммериец добрался до ровной поверхности плато и остановился на вершине, чтобы немного передохнуть.

Солнце, должно быть, уже поднялось выше, а может, это он успел подняться довольно близко к поверхности, потому что мутно-зеленый полумрак глубин сменился прозрачным, греющим душу желтовато-изумрудным светом. При этом более ясном освещении Конан почувствовал в себе силы преодолеть еще один крутой склон, который должен был вывести его к самой поверхности. Среди разноцветных скал наверху зияла раскрытая черная пасть морского грота. Конан начал подъем, при этом то и дело настороженно поглядывая на пещеру. Он решил обойти ее стороной, так как опыт скитаний на суше подсказывал ему, что такие места часто бывают обитаемы — и в них живут отвратительные кровожадные твари. Он был почти уверен, что и в чернильных глубинах этого подводного грота поселились существа, ничуть не похожие на маленьких безобидных ярких рыбок.

Конан уже продвигался вдоль края пещеры, когда он скорее почувствовал, чем увидел, как в кромешной тьме грота возникло волнообразное движение. Тускло светящееся пятно величиной с большую миску появилось из колышущегося мрака. Затем другое пятно возникло рядом с первым, и что-то ощупью заскользило по дну, направляясь прямо к нему. Оно было похоже на толстый корабельный канат или, скорее, на покрытый черной гладкой маслянистой корой

древесный ствол, который каким-то образом приобрел гибкость и способность двигаться. Конец щупальца извивался и был размером с кончик огромного кнута, в то время как у входа в пещеру его диаметр достигал величины матерого, толстого дерева. Ищущий жгут приближался. Отвратительно извиваясь, он то изгибался вниз, то снова отрывался от морского дна. Конан заметил его плоскую подошву с двумя рядами присосок, от самых маленьких, размером с подушечку большого пальца на лентообразном конце, и далее вдоль щупальца — величиной с лошадиное копыто. Теперь тонкий конец оказался совсем рядом. Он приподнялся над дном и испытующе-осторожно дотронулся до сапога Конана, словно пробуя, что это за странное создание и съедобно ли оно.

— Кром! — У Конана перехватило дыхание, когда он распознал в этом жгуте одно из щупалец существа из семейства кракенов. Он отпрыгнул сквозь упругую толщу воды назад и выхватил меч из ножен.

На суше подобный прыжок отбросил бы его на несколько футов, но в воде все было иначе. Конан обнаружил, что неуклюже заваливается вниз на песчаное дно, поворачиваясь при этом вокруг своей оси. Из-за резкого движения вода проникла под стеклянный шлем и зажурчала, заливая уши. Свободной рукой киммериец ударил по воде, чтобы снова обрести равновесие.

Щупальце отступило. Затем оно лишь на мгновение застыло, приподняв вверх тонкий конец, чтобы через секунду стремительно, как атакующая змея, метнуться вперед и обвить бедро Конана. Могучим ударом сплеча Конан рассек воду. Но сопротивление жидкости рассеяло большую часть его силы, и клинок чуть повернулся в руках киммерийца, так что удар пришелся вскользь и меч, неглубоко порезав щупальце, пружинисто отскочил назад.

Стальное кольцо на бедре Конана сжималось, и вскоре нога начала неметь. Его легкие напряженно работали, с усилием преодолевая огромное давление толщи воды. Конан снова нанес удар, но этим он лишь дал воде еще одну возможность вобрать в себя его силу.

Казалось, что под тугой хваткой уже начинает трещать кость. С холодком ужаса Конан внезапно почувствовал всю неумолимую силу этого сдавившего его кольца. С безнадежной очевидностью Конан понял, что, если ему не удастся вырваться из тисков морского чудовища, щупальце утащит его внутрь пещеры. Там, среди раскинутых веером конеч-

ностей, окружающих мягкую сердцевину, острый, загнутый, как у попугая, клюв и снующий шершавый язык уже в нетерпении предвкушают трапезу.

Гигантский кракен еще не проснулся окончательно. Он лениво, с медлительным любопытством играл со своей жертвой, похоже, еще не чувствуя сильного голода. Но вот Конан увидел другое щупальце, возникшее из мрака пещеры, а за ним еще одно.

Конан развернул клинок лезвием вниз и с усилием надавил на рукоять. Острие меча мягко проткнуло толстую шкуру чуть выше кольца, сдавливавшего его ногу. Лезвие медленно утопало в резиновом мясе, пока не прошло насквозь и его сверкающее острие не показалось с другой стороны. Слава богам! Он был вооружен прямым остроконечным мечом, а не изогнутой и тупоносой абордажной саблей или ятаганом. Если бы он имел что-нибудь подобное, то легендарный Конан из Киммерии, скорее всего, здесь и нашел бы свой конец.

Казалось, толстокожий медлительный кракен почувствовал сильную боль в своей пронзенной конечности. Конан начал пилить щупальце, медленно двигая лезвие вверх-вниз. Он, похоже, задел нерв, потому что обмотавшееся вокруг его ноги щупальце внезапно ослабло и конвульсивно задергалось, взбивая песок и воду, закрутив его в водовороте вверх ногами.

Когда Конан снова опустился на песчаную поверхность, к нему уже подползало, слепо шаря по дну, другое щупальце, словно огромная черная змея, с крохотной раскачивающейся головкой. Оно, извиваясь, прошло мимо него, и Конан весь подобрался, направив острие своего меча вниз и целясь в конечность, пытаясь пригвоздить ее ко дну морскому. Гибкий конец с присосками качнулся в сторону, и тогда лезвие настигло его. Раненой змеей щупальце скользнуло назад в пещеру.

Теперь вода вокруг Конана заходила могучими валами, и гигантский осьминог, окончательно разбуженный болью от нанесенных ему ран, начал вытаскивать вздымающуюся громаду своего тела из отверстия пещеры. Конан невольно застыл в благоговейном восхищении, пораженный гигантскими размерами и мощью животного. Учитывая длину восьми извивающихся конечностей, размеры чудовища были поистине исполинскими. Сначала показались передние щупальца, длинные, как мачты «Красного Льва», и достигавшие у основания толщины стволов столетних деревьев. Уве-

ренно выброшенные вперед, они намертво присосались к обломкам одной из скал и вытащили за собой все чудовище. Клюв был сейчас скрыт под шевелящейся массой конечностей.

Вслед за щупальцами возникла голова с двумя мисками глаз, посаженными почти вплотную друг к другу у передних конечностей. В глазах темнели узкие щели кошачьих зрачков, только у кракена эти щели были горизонтальными, а не вертикальными, как у кошки. Конан никогда не встречал более бесчувственного, застывшего взгляда, чем взгляд этих холодных немигающих глаз.

За головой показалось разжиревшее, похожее на раздувшийся мешок тело. Огромное, оно было больше, чем самый вместительный чан для вина в погребах короля Ариостро. Волны сменяющих друг друга цветов непрерывно пробегали по этой испещренной пятнами массе: белые, темно-розовые, красновато-коричневые, каштановые и черные.

Конан застыл на месте, соображая, что ему делать. Он не осмеливался ринуться назад по крутому откосу, так как знал, что будет двигаться медленно, скованными движениями, да к тому же ему придется повернуться спиной к разъяренному чудовищу. Конан догадывался, что, пока он будет стоять неподвижно, кракен не сможет ясно различить его среди нагромождения глыб. Но если он пошевелится, то движение немедленно привлечет внимание осьминога. В то же время Конан не мог оставаться на прежнем месте, так как чудовище сейчас направлялось как раз в эту сторону. Осьминог изгибался и волочил студенистую массу своего тела по дну, и одно из его гибких щупалец неминуемо должно было вскоре наткнуться на Конана.

Выбрав простейший путь бегства, Конан упруго прыгнул вверх, чтобы оказаться над кракеном. Он надеялся запутать его и достигнуть верхнего склона над пещерой прежде, чем чудовище почувствует перемещение.

Но Конан забыл, что теперь он ясно вырисовывался черным движущимся предметом на фоне снующей легкими тенями ряби серебристой поверхности, пронизанной солнечным светом. Он еще парил над животным, когда две шарящие конечности взметнулись вверх и с сокрушительной мощью затянули свои узлы вокруг тела Конана: один — вокруг пояса, другой — вокруг левой ноги. Он стал совершенно беспомощен в беспощадных тисках этой могучей хватки. Не пройдет и нескольких мгновений, как щупальца увлекут его вниз к щелкающему клюву...

Снова воткнул Конан острие своего меча в толстую упругую плоть обвившегося вокруг него щупальца, пронзая его насквозь. Но чудовище не особо было чувствительно к боли. Оно обладало поразительной живучестью. Надо было искромсать половину всех его щупалец, чтобы осьминог обессилел. Тогда кракен просто покинул бы поле боя, чтобы дать время своим поврежденным конечностям отрасти. Конан чувствовал, как перекатывались его мощные мышцы в тисках осьминога, и не мог сопротивляться безжалостной силе, которая тянула его вниз, к пасти-клюву.

Вдруг словно черная молния стремительно вонзилась в одно из удерживавших Конана щупалец и легко разорвала его. Темная продолговатая фигура пронеслась сквозь подводные сумерки, подобно огромному метательному снаряду. Одним срезом тройного ряда зубов был отсечен кусок кракена в фут длиной. Тиски у пояса Конана разжались, и раненая конечность быстро умчалась вниз ко дну, извиваясь в воде, как разорванный надвое червяк.

Новым действующим лицом на этой сцене оказалась колоссальных размеров акула, веретенообразное тело которой превышало тридцать футов в длину. Темная, сланцево-серая сверху, со сливочно-белым брюхом, она слегка изогнулась после первого броска. Один только миг акула неподвижно парила в зеленоватой воде, а затем, выгнув свой податливый хребет, она описала короткую дугу и штопором ринулась в новую атаку. Ее маленькие желтоватые глазки, остекленевшие от вечного неутолимого голода, встретились с глазами Конана.

Теперь лишь одно щупальце, обвитое петлей вокруг ноги, удерживало киммерийца. Необходимость придала необычайную силу его рукам. Взмах меча — и острое лезвие рассекло узкий конец щупальца. Конан был свободен.

Не останавливаясь, чтобы вложить меч в ножны, Конан неистово заработал руками и ногами, изо всех сил стараясь, насколько это возможно, отклониться от траектории броска акулы, подобного метеору. Громоздкий меч в руке затруднял движение и тянул его направо и вниз, так что он описал в воде широкий полукруг. Этого было как раз довольно, чтобы уйти с дороги бешено мчащейся вперед акулы, чьи треугольные плавники лезвиями вспарывали тускло-зеленую воду.

Она пронеслась совсем рядом, и усеянная рядами зубов челюсть глухо щелкнула, вобрав в себя одну морскую воду.

Минуя Конана, акула прошла так близко, что он мог четко различить каждую чешуйку, которые в обилии покрывали ее белое брюхо шершавой корой. Потоком воды киммерийца отшвырнуло в сторону легко, как соломинку.

Акула резко развернулась и опять на мгновение повисла в воде, и Конан знал, что на этот раз ему уже не увернуться. Когда акула, волнообразно изгибая туловище, снова набрала скорость, направляясь к нему сквозь толщу воды, вверх взвились три черных щупальца. Они миновали киммерийца и петлями охватили громоздкое, как бочонок, тело огромной акулы, оказавшейся в ловушке. Конечности кракена извивались, как рассерженные змеи, которых потревожили в их гнезде. Акула судорожно изогнулась и яростно щелкнула челюстями. Еще одно щупальце было разорвано надвое, и его поврежденный конец, корчась, пошел вниз к песчаному дну.

Но новые щупальца толстыми канатами обмотались вокруг тела хищницы. Конан, зажав меч зубами, стал резво загребать руками, как веслами, поспешно удаляясь с поля битвы. Однако он видел все, что произошло следом за этим. Осьминог выбросил вверх пять из восьми своих ужасных щупалец, включая поврежденные, и окутал ими переднюю часть тела акулы, закрыв жабры и глаза хищницы. И как ни изворачивалась, как ни щелкала наугад ослепленная акула усеянной острыми зубами пастью, она не могла достать своими стальными челюстями до резинового тела противника.

Тем временем осьминог уже прочно закрепился на скалах, используя присоски на оставшихся трех щупальцах, обезопасив себя от мощных рывков бьющейся акулы. Песок на поле битвы смерчем поднимался вверх и временами мутной дымкой покрывал эту область подводного мира. Затем кромешная темнота окутала место кровавого действа, и чернильное пятно, выброшенное осьминогом, клубами черного тумана расползлось по всем направлениям.

Конан благодарил судьбу за такой поворот событий. Ни у занятого сражением кракена, ни у гигантской акулы не было времени, чтобы заняться им. Он воспользовался этой удачей и, вложив наконец меч в ножны, поплыл прочь от места разыгравшегося под водой конфликта. Через некоторое время все исчезло позади в смутных сумерках глубин, и можно было лишь неясно различить облако более густого черного цвета среди равномерно-тусклой серости подводного мира. Он никогда так и не узнал, победил ли осьми-

ног, задушив и разорвав на части акулу, или чернильное пятно означало, что акула начала одерживать верх и осьминог пытался таким образом скрыть свое отступление.

Конан опустился на дно в нескольких сотнях футов от места, где он чуть не стал жертвой кракена, собираясь продолжить свой путь пешком. Он не оглядывался назад. Впереди, вверх по склону, дно все ближе поднималось к поверхности Западного океана, и вода окрашивалась новыми, светлыми красками. Конан упрямо брел вперед, решительно отказываясь обращать внимание на давление, затрудняющее дыхание, и на ноющую боль в ногах. Он с усилием переставлял отяжелевшие, разбухшие сапоги, с трудом преодолевая сопротивление воды. Еще предстояло пройти едва ли не целую милю, а может, и больше, и он жаждал всем своим существом снова оказаться на чистом свежем воздухе.

Медленно Конан прокладывал себе путь сквозь мутную пелену подводного света. Он казался сверхъестественной, фантастической фигурой, увенчанной поблескивающим кристаллическим шлемом, божеством, возникшим из глубин какой-то таинственной феерии.

12

ПОТЕРЯННЫЙ ГОРОД

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забытые империи влачат существованье,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

Конан с трудом подтянулся на руках и сквозь набегающую на берег пенистую волну вылез на камень, который служил нижней ступенью огромной лестницы. Лестница уходила вверх, к Морским воротам, в этот час уже закрывшимся на ночь. На мокрую площадку, куда он выполз на четвереньках, легла тень зубчатой высокой стены, выходившей к самому морю. Золотистое солнце скрылось за ее остроконечными пиками и медленно катилось вниз.

Изнемогая от усталости, Конан стянул с головы прозрачный шлем с дыхательными трубками и цистерной, в которой запас воздуха подходил к концу, и положил аппарат на камень рядом. Затем он стащил сапоги и устало вылил из них

воду. Некоторое время он сидел сгорбившись, бросая настороженные взгляды по сторонам и тяжело дыша. Трехмильное путешествие по дну мелкого, кишащего акулами моря, а затем еще миля вдоль берега к городу не прошли даром для старого воина.

Когда после полудня Конан увидел эти зубчатые башни, он скользнул обратно в воду. Почти полностью погрузившись в море, он ждал, пока маленькое суденышко не пришвартовалось к берегу на ночную стоянку. Моряки цепью проследовали в ворота, и их створки закрылись. Только тогда Конан осмелился приблизиться к городу.

Разбросанные вдоль длинных каменных стенок-причалов к северу и к югу от ворот, на якорях стояли несколько судов побольше. Другие покачивались на рейде в бухте, но на палубах кораблей не обнаруживалось никаких признаков жизни. Их команды, должно быть, спустились вниз на вечерний отдых или сошли на берег. Эти антильцы, подумал Конан, очень беспечны или настолько уверены в собственной силе, что никогда не выставляют часовых на стенах и кораблях. Среди антильских судов на боку лежал полузатонувший подкопченный огнем корпус «Красного Льва».

Но не только смертельная усталость после напряжения этого дня одолевала Конана, он к тому же был страшно голоден. Конан устало сидел на нижней ступеньке лестницы под постепенно темнеющим беззвездным небом, напряженно обдумывая, что ему делать дальше. Как бы там ни было, ему следовало как можно дольше держаться невдалеке от города, пока какой-нибудь часовой не наткнется на него.

Самое лучшее, думал Конан, было бы проникнуть внутрь города. Это, конечно, поставило бы его в крайне опасное положение, тем более что у него не было никакой надежды пройти незамеченным: рост, цвет кожи, черты лица тут же выдали бы его даже в самой плотной толпе маленьких коричневых антильцев.

К тому же возникала проблема с языком. Там, в знакомом ему мире, у Конана всегда было наготове несколько фраз на дюжине различных языков, хотя в его произношении всегда проскальзывал грубоватый киммерийский акцент. Но речь антильцев должна была отдаленно напоминать язык атлантов, давно забытый по ту сторону океана. Да и в течение девяти тысячелетий он, по-видимому, изменился настолько, что утратил сходство с любым известным Конану наречием.

Но не мог же он вечно лежать здесь, у края воды. Возможно, этот сумеречный час, когда люди заняты вечерней трапезой, был самым подходящим моментом, чтобы проникнуть в город, и судьба вряд ли предоставит ему другой случай.

Конан поднялся и бегло ощупал рукой камень стены, уходившей вверх на сорок футов. Она была сложена из огромных, хорошо обтесанных глыб, изъеденных солью моря и столетий. Известковый раствор между блоками размяк и крошился в руках, оставляя отверстия между краями камней, в которые можно было просунуть пальцы рук и ног.

В годы юности Конан, ни на секунду не задумываясь, вскарабкался бы на такую стену. Для дикаря-киммерийца взобраться на такой утес было обычным делом. Но в течение многих лет у него не было случая совершить подобное восхождение, его хватка утратила былую силу, а движения уже не были так уверенны, как раньше. Конан весь собрался, ударом ноги сбросил шлем и дыхательный аппарат в воду и заткнул сапоги за пояс. Некоторое время он боролся с соблазном оставить здесь и рубашку-кольчугу, но в конце концов решил, что сбросить кольчугу перед лицом смертельной опасности, только ради того чтобы освободиться от раздражающего лишнего веса,— поступок незрелого юнца, но не опытного старого воина. Затем, крошa известку и зарываясь пальцами рук и ног в трещины между ровными краями глыб, он начал карабкаться вверх. Медленно, словно огромная бесхвостая ящерица, он полз по поверхности стены. Не раз Конан чувствовал, как пальцы руки или ноги соскальзывали, и почти покорялся неизбежности падения, после которого у него не осталось бы ни единой целой кости. Но стальная хватка сильных пальцев каждый раз помогала ему удержаться на поверхности стены. Вскоре Конан с трудом протиснулся в одну из амбразур крепости и тяжело свалился на широкий плоский карниз.

С другой ее стороны, обращенной внутрь города, тянулся низкий каменный поребрик без зубцов. Конан скользнул на животе к внутреннему краю стены и осторожно взглянул вниз. Перед ним широко раскинулся город во всем своем величии.

У самой стены, в гаснущих красноватых отсветах заходящего солнца, жались хижины и скромные лачуги рыбаков. Из утлых хибарок вверх поднимался дым от костров, на которых готовили ужин. Люди развешивали на жерди сети на просушку. Время от времени голый коричневый ребенок

пробегал куда-то по вечерним поручениям. Далее лежали мощенные булыжником улицы, вдоль которых тянулись вереницы каменных домов, больших и маленьких.

Город располагался на склоне горы, плавно спускавшейся к морю. С того места, где напряженно притаился Конан, были видны многочисленные улицы и площади, которые поднимались пологими ярусами к самой вершине. Здания побольше были построены в странном монолитном стиле. Толстые приземистые колонны поддерживали тяжелые перемычки стрельчатых каменных арок. Гладкие массивные стены покрывали алебастр и штукатурка, чисто выбеленная или выкрашенная в ярко-красные, вызывающие канареечно-желтые, изумрудно-зеленые или сверкающие голубые цвета. Этот стиль навевал отдаленные воспоминания о погруженном во тьму Шеме или о таинственных, обнесенных стенами городах — то населенных, то разрушенных,— которые много лет назад ему доводилось встречать в пустынях и джунглях далекого Юга. Тем не менее город поразил Конана своей необычностью. Странная архитектура зданий ставила его чувства в тупик, словно все это было создано по законам чуждой Конану эстетики.

Еще дальше, вверх по склону, гордо возвышались величественные строения, возможно дворцы, богатые особняки или храмы. Их крыши были покрыты красной черепицей или зеленой медью, а по бокам выросли приземистые пятиугольные башенки с пирамидальными вершинами. Конан видел впечатляющие пилоны, устремившиеся в небо обелиски и просторные арки ворот. Вдоль широких улиц стояли высеченные из камня фигуры фантастических монстров.

Стены, карнизы, дверные проемы, архитравы и капители колонн были украшены злобными мордами с выпученными глазами. Существа с клювами попугаев, крыльями или множеством ног и рук, словно возникшие из древних мифов и легенд, сгрудились на низких, высеченных на камне барельефах над воротами и на стенах. Конану показалось, что он различает колонки каких-то странных иероглифов. Составленное из маленьких квадратиков с диковинными ликами и другими причудливыми фигурами, это письмо было совершенно незнакомо ему.

В центре города, посреди просторной, ровно вымощенной булыжником площади вверх устремились плоские грани пирамиды титанических размеров. Она была сделана из чередующихся блоков базальта и песчаника. На самой ее вершине лениво поднимались серые клубы дыма, и Конан

с трудом мог различить очертания плоской поверхности алтаря. Каменные ступени, охраняемые статуями чудовищ, исполинскими маршами взбегали по поверхности пирамиды. Казалось, что все это сооружение окружала зловещая, тревожная аура, пронизанная ужасом и угрозой, словно каждый камень излучал смятенные чувства тысяч людей, которых принесли здесь в жертву. Конан не мог оторвать взгляда от этого проклятого строения. Он чувствовал, как его кожа покрывается мурашками и глубоко в груди рождается сдавленный рык.

По быстро погружающимся во мрак улицам, где колыхались темно-пурпурные вечерние тени, торопливо двигались редкие пешеходы. Несколько нищих устроилось на ночлег у входных дверей домов. Временами то здесь, то там зевающий раб с заспанным лицом пробегал куда-то по поручениям хозяина.

Конан подождал, пока и эти редкие пешеходы не скрылись из виду. Затем снял кольчугу, увязал ее вместе с мечом в узел и сбросил сверток вниз. Через несколько секунд до него донесся глухой звук падения. Звук засвидетельствовал, что здесь стена значительно ниже, чем снаружи. Затем Конан легко перебросил свое тело через парапет и стал спускаться тем же способом, каким поднимался по противоположной стороне. На полпути вниз рука его соскользнула, и Конан с силой оттолкнулся от шершавых камней стены. Он пролетел футов пятнадцать и упал на дерн, приземлившись на корточки. Несколько ошеломленный падением, он, однако, не ушибся.

Конан торопливо огляделся, но нигде не обнаружил ни малейших признаков того, что его заметили. Он быстро натянул рубашку-кольчугу, сапоги и пристегнул меч. Единственным его оружием был меч и кинжал с широким лезвием, засунутый в ножны в прорезь на поясе,— не так уж много, чтобы беззаботно бродить по враждебному городу. Но если положиться на удачу, отвагу и осторожность, которые полвека сопутствовали ему в, казалось бы, совсем безнадежных приключениях, возможно, у него был шанс победить и в этой битве. Он никогда не просил богов ни о чем другом; об этом Конан просил их и теперь.

Бронзовой тенью скользнул он между лачуг и пересек первую улицу, укрывшись в сумерках пересекавшей ее сводчатой галереи. Ни одна живая душа не видела киммерийца, когда он быстро продвигался вперед от колонны к воротам,

от дверного косяка к пилону. В дневное время улицы, наверное, были заполнены пестрой разноголосой толпой, но теперь они были пустынны.

Конан неслышно, словно призрак, пробирался по замершему городу безвкусно-ярких красок и массивных глыб, покрытых штукатуркой. Он старался выбирать темные аллеи и извилистые переулки, тщательно избегая широких улиц или наклонных парадных спусков, которые соединяли один уровень с другим. Конан пытался понять, где находятся Сигурд и другие пираты из его экипажа, если они, конечно, еще живы. Возможно, их заточили где-нибудь около антильского рынка для рабов. В этом странном, незнакомом, враждебном городе, где никто не говорил на понятном ему языке, у Конана было мало надежды найти и освободить товарищей, и все же он намеревался попробовать использовать и этот ничтожный шанс. Даже в бесшабашные годы его юности, когда он делал первые шаги на своей кровавой дороге жизни, Конана всегда выделяла среди сверстников горячая приверженность чувству долга перед своими соратниками.

Конечно, у одного человека не было ни одного шанса одолеть город с двадцатью-тридцатью тысячами жителей. Но этот простой математический расчет становился немного утешительнее, если бы за его спиной встали шестьдесят закаленных в сражениях бойцов. В самом деле, у шестидесяти с лишним людей было куда больше надежды одержать верх, защищаясь в каком-нибудь узком проходе, чем у одного, даже если этим человеком был Конан из Киммерии.

Однако прежде всего Конану нужно было найти безопасное пристанище, где он мог бы скрыться от посторонних взглядов. Но где в городе, полном таинственных врагов, мог он найти себе союзника? Ему оставалось рассчитывать лишь на милость своих варварских богов. Конан крался вдоль узкой улицы, очерченной ровными линиями тесных и грязных домишек, как вдруг до него донеслось свистящее шипение. Он оглянулся в поисках источника звука. Рука невольно нащупала рукоять меча. Шипение повторилось, но уже с разных сторон. Несколько женщин с тускло-серыми в ночных сумерках лицами появилось в проемах дверей, знаками приглашая его войти.

Внезапная догадка осенила Конана. Он понял, что забрел на улицу проституток. Конан наугад выбрал дверь и шагнул внутрь. У него не было времени получше рассмотреть этих женщин, чтобы выбрать посимпатичнее.

Проститутка утащила его в свою комнату. Крошечное помещение было слабо освещено связанными вместе пучками тростника, которые плавали в жире, наполнявшем прикрепленное к стене ведерко. Ее быстрое лопотание показалось Конану стремительным потоком странных бессвязных звуков, но протянутая ладонью вверх рука была достаточно красноречива.

Конан достал из-за пояса небольшой кошель, вытащил оттуда серебряную монету и положил ее на протянутую ладонь. Женщина поднесла монету ближе к огню и, пронзительно вскрикнув от радости, бросилась к Конану. Она была в простом хлопковом платье, толстая и непривлекательная.

— Полегче, милая! — глухо пророкотал он.— На эту монету можно питаться несколько дней, не правда ли?

Женщина, перебирая пальцами бороду и волосы Конана, заговорила снова. Теперь в ее голосе явственно слышались нотки разочарования. Конан догадался, что она имела в виду.

— Итак, ты думаешь, что я слишком стар для этих игр, а? — произнес он с усмешкой.— Ну, это мы посмотрим позже. А теперь, во имя Крома, дай мне что-нибудь поесть, я чертовски голоден!

Знаками ему удалось наконец добиться, чтобы до нее дошел смысл его слов. Часом позже он уже сидел за столом, который женщина собрала для него. Ее звали Катлахос. Она вышла и вскоре вернулась с корзиной, полной провизии, которую она вскоре приготовила на своем маленьком очаге. Женщина не поскупилась. Конан с жадностью вытащил из корзины источающую странный аромат жареную птицу. Проститутка отступила назад, ожидая, когда он закончит, чтобы потом поесть самой.

— А это что за штука? — с полным ртом спросил Конан.

Он держал в руках какой-то цилиндрический овощ в фут длиною, на котором росли ряды золотистых косточек или зерен.

— Как, дьявол вас побери, вы это едите?

Наконец женщина поняла, что он хочет, чтобы она назвала предмет.

— Махиз,— произнесла она.

— Махиз, а? Ну хорошо, а теперь покажи, как его едят. Давай же, садись и ешь, иначе я проглочу все, что здесь есть, и не оставлю тебе ни крошки.

В конце концов она поняла, чего он хочет. Вслед за женщиной он сгрыз ряды зерен с початка махиза. За едой

Конан спрашивал названия и других съестных припасов. К концу трапезы он уже мог обменяться с Катлахос парой простых фраз.

Конан запил остатки пищи флягой фруктового сока, настоянного на незнакомых травах. Он рыгнул и взглянул на Катлахос, которая, улыбаясь, в притворной застенчивости опустила глаза. Затем она многозначительно взглянула на кровать в конце комнаты.

Конан усмехнулся.

— Что ж, я действительно не так молод, как был когда-то, и немного утомился за день путешествия по океанскому дну, сражений с людьми, акулами и кракенами. Но все же можно попробовать.

Он поднялся, потянулся, грубовато сгреб Катлахос и понес ее к ложу.

Прошло несколько дней, и Конан собрался покинуть домик Катлахос. Она, плача, повисла у него на руке, и ему пришлось осторожно применить силу, чтобы освободиться. Теперь Конан был одет в хлопковый плащ и короткую юбку простого антильца. Катлахос добыла для него это одеяние и обучила его начаткам антильского языка. Конан знал теперь, что находится в Птаукане, последнем из оставшихся на земле городов атлантов. Свою старую одежду и боевое снаряжение он связал в узел, который перекинул на ремне через плечо.

Конан все еще не отваживался показываться на улице днем, так как его рост, цвет кожи и непривычные черты лица в любое время суток, кроме разве что самых глубоких сумерек, сразу сделали бы его предметом всеобщего внимания. Но теперь у него было хоть какое-то представление о плане города и о необходимой для достижения своих целей маскировке.

Вечер постепенно сменялся ночной темнотой, и Конан уже отчаялся найти то, что искал. Под конец он осторожно вступил в сгустившуюся черноту узкого переулка, который вел к просторной площади, и тут заметил в противоположном его конце огромную фигуру, плотно закутанную в красочный плащ из перьев. Незнакомец неспешно повернулся и направился прямо к нему.

Внутри у Конана все похолодело, но секундой позже он уже, словно лев, загнанный в угол, бросился на неизвестного. Прежде чем какой-нибудь звук успел вылететь из уст человека, Конан оглушил его своим молотоподобным кулаком. Он быстро втащил обмякшую фигуру в ближайшую

дверь. На теле Конана выступила холодная испарина, и только теперь он вполне осознал всю степень грозившей ему опасности. Одного крика этого закутанного в зеленую мантию гиганта было бы достаточно, чтобы предприятие Конана завершилось в этом темном переулке.

Он оглядел свою жертву с головы до ног. Если предположить, что закованные в стекловидные доспехи воины с корабля-дракона представляли из себя средний экземпляр антильца, то для жителей островов этот парень изрядно вымахал. Однако вскоре Конан заметил, что на нем были сапоги на высоких подставках с семидюймовыми подошвами. Возможно, это было сделано с целью произвести впечатление на легковерных. По одеянию в этом человеке можно было предположить священника или мага: выбритая макушка, многочисленные кольца-талисманы на руках, цепочки с печатями, амулетами, крошечными фигурками идолов были в изобилии нанизаны на сухую костлявую шею. Конан внимательно осмотрел его руки. Да, он, должно быть, все же был священнослужителем. Никакой иной вид человеческой деятельности не оставляет рук такими мягкими, не ведающими мозолей.

Одет антилец был очень странно. Под платьем из перьев его длинное коричневое тело было почти голым, за исключением разве что узкой, в складку, юбки.

Толстые золотые браслеты, покрытые сложным кружевом загадочных символов, обхватывали его пояс, запястья и щиколотки. Его одеяние — такого Конану никогда прежде не доводилось видеть — включало и капюшон. Платье было соткано из грубой шерсти, украшенной сверху перьями, чьи яркие краски были различимы даже при этом ничтожном освещении. Острые кончики перьев насквозь протыкали грубые стежки шерстяной ткани, и каждый из них был зафиксирован специальным узелком. Подкладка из тонкого, тщательно сотканного алого материала, похожего на шелк, ограждала тощее тело от царапающего прикосновения колючей верхней материи.

Внезапно Конана осенила мысль, что, если он напялит на себя это одеяние, только без сапог на подставках, он окажется лишь немногим выше чародея-священника. Действительно, с прикрытыми одеждой руками и лицом, спрятанным за поднятым капюшоном, он, возможно, сможет свободно разгуливать по городу, не привлекая внимания. Однако даже капюшон был не в состоянии полностью закрыть нестриженую седую шевелюру и бороду, которые так

разительно контрастировали с гладким лицом и бритым черепом священника.

Конан, недолго думая, решил эту проблему. Он оторвал длинный кусок шелковистой красной ткани и обмотал его вокруг головы и нижней части лица, так что видны были одни только глаза. С трудом натянул он на себя рубашку-кольчугу и сапоги и повесил меч у бедра. Затем он облачился в тяжелое, жаркое, колючее одеяние из перьев и надвинул капюшон как можно ниже на глаза.

У Конана не было возможности оценить эффективность этой маскировки, но было ясно, что при случайно брошенном взгляде его фигура не вызовет подозрений.

И все же голубые глаза и красная повязка вокруг подбородка могли привлечь внимание. Однако он решительно отмел прочь эти опасения. Ему доводилось бывать в различных городах, и жизненный опыт подсказывал, что священник или маг редко смешивается с толпой простых людей, которые к тому же сами обычно рады избежать подобной встречи.

Собрав все свое мужество, Конан сделал несколько шагов вперед и оказался на площади, освещенной луной и укрепленными на стенах домов факелами-ведрами. И тут же его маскировка подверглась первому испытанию. Толстопузый владелец лавчонки, едва начавший собирать выставленные для ночной торговли товары, был первым, с кем Конану довелось столкнуться. Маленький коричневый человечек укладывал в многочисленные деревянные ящички свои узорчатые изделия из меди, нефрита, серебра и золота, а также коллекцию головных уборов, украшенных перьями. Когда Конан показался на площади в своем птичьем одеянии, владелец лавки искоса метнул испуганный взгляд на его высокую фигуру. Затем он согнулся пополам в поклоне, выхватил висящий на заплывшей жиром груди нефритовый амулет, подобострастно поцеловал его и замер, не разгибая спины, в этой услужливой рабской позе, пока Конан величественно не прошествовал мимо.

Итак, первое испытание пройдено! Похоже, маленькие люди Антилии страшно боялись и благоговейно почитали своих колдунов-священников. Так что Конан при разумной доле осторожности и некоторой удаче мог ходить, почти не опасаясь, что его кто-нибудь окликнет.

В течение долгих часов исследовал Конан широкие дороги и извилистые переулки Птаукана, не привлекая к себе особого интереса. Появление священника в подобных одеж-

дах из перьев на вымощенных булыжником улицах среди высоких зданий потерянного города атлантов было, очевидно, обычным делом. Позже, когда улицы совсем обезлюдели, он нашел пустую ветхую лачугу, где и проспал до рассвета, а затем он снова отправился на поиски.

В бледном свете утра Конан видел десятки других высоких фигур в одеяниях из перьев, неспешно вышагивающих на толстых подошвах сандалий-ходуль. Они появлялись то тут, то там, высокомерно шествуя сквозь копошившуюся толпу, и никогда не снисходили до ничтожнейшего знака внимания в ответ на униженные приветствия встречных людей. Создавалось впечатление, что священники-мудрецы древней Атлантиды являлись также и подлинными правителями этого города.

Видно было, что все население города подчинялось им беспрекословно и полностью. Антильцы казались Конану людьми вялыми, униженно-покорными, с остекленевшими, ничего не выражающими глазами и испуганными лицами. Со страхом, мелькавшим в их косых взглядах, они спешили поскорее убраться с дороги, по которой шествовала высокая, укутанная в перья фигура священника, чьим неприятно-высокомерным и властным манерам киммериец изо всех сил старался подражать.

Птаукан, как обнаружил Конан, представлял собой серию плоских наклонных ступеней-уровней, крутые лестницы соединяли сбегающие вниз параллельные улицы. Сам город был плодом мощной технической мысли, отмеченной сложной и богатой культурой с древними традициями и давно сложившимися архитектурными канонами. Искусство резьбы по камню, процветавшее у антильцев, не имело себе равных в том далеком мире, где жил Конан. Даже самые современные города известных ему государств не могли сравниться с массивными очертаниями величественных храмов и с кропотливо обработанными мельчайшими деталями барельефов. Фантастический зиккурат на центральной площади, увенчанный великолепным храмом, не уступал по размерам пирамидам Стигии и вызывал в памяти зловещие контуры некоторых мрачных культовых храмов Шема. Он, должно быть, возводился тысячами рабов многие века. Площадь ограничивали убегающие вдаль ряды скамей, они поднимались вверх, ступенька за ступенькой, вокруг пирамиды и могли бы вместить тысячи зрителей.

Конан держался подальше от этой площади с пирамидой, так как, судя по всему, это было священное место. К тому

же там он вполне мог столкнуться с множеством жрецов в таких же, как у него, одеяниях, которых, вероятно, не особо смутит его появление и которые могут заговорить с ним. По той же причине он старался тщательно избегать всякой фигуры в плаще из перьев на улицах города. Впрочем, они, казалось, были кастой не слишком общительной. Отстраненные, неприступные, погруженные в какие-то собственные, никому не ведомые размышления, они редко останавливались даже для того, чтобы заговорить друг с другом. Конан провел много времени, слоняясь неподалеку от кучек различных людей, чтобы услышать какой-нибудь обрывок разговора на их необычном языке. Звуки были гортанными, свистящими и сливались в длинные словосочетания. Теперь Конан уже понимал многие слова и некоторые фразы, но большое, быстро произнесеннос предложение тут же ставило его в тупик. И все же он понял, что правила их грамматики совершенно отличны от грамматического строя всех известных ему языков, хотя несколько слов, выученных с помощью Катлахос, очень слабо, но все же напоминали его родное киммерийское наречие.

Конану пришла в голову мысль, что атланты, создавшие свою цивилизацию после падения Валузии, заимствовав значительную часть ее культуры, отчасти были предками и его народа. В почти забытую теперь эпоху до катаклизма племена и кланы древней Киммерии воевали и вступали в смешанные браки с атлантами, которые колонизировали берега Таурии. Многие киммерийские общины, воспринявшие зачатки цивилизации в результате длительного общения с колонистами, часто служили наемниками в их войсках во время событий последних веков существования Атлантиды, вплоть до погружения острова-континента в пучины морские. За столетия постоянного общения с атлантами киммерийские варвары столкнулись со множеством новых, более сложных понятий или часто использовали слова своих извечных противников. В этом, наверное, и была причина слабого сходства, сохранившегося по обе стороны Западного океана между некоторыми словами для обозначения подобных предметов. Однако этого сходства было недостаточно, чтобы пришелец с другого берега Великого моря без изрядной доли старания и навыка смог уловить смысл речей антильцев.

Из различных случайных слов и фраз, которые Конан мог уловить, он понял, что этим утром в Птаукане имелись две основные темы для разговоров и сплетен. Одной было сражение между кораблем-драконом морской охраны и вра-

жеским кораблем из неведомых земель, другой же темой было богохульственное нападение на одного из жрецов, который был с невероятной наглостью ограблен и лишен своей священной одежды из перьев. Конан старался не пропустить ни одного слова о местонахождении его экипажа и злоключениях, выпавших на долю моряков. Но если кто-нибудь из беседовавших и знал ответ на эти вопросы, то старался помалкивать по этому поводу.

Конан слонялся вдоль многочисленных лавчонок и прилавков одного из огромнейших восточных базаров, пока наконец ему не подвернулся случай, которого он уже давно с нетерпением ждал. Маленький человечек с бегающим взглядом узких глаз, в рваной антильской юбке, с нарочитой небрежностью замешкался возле обитой медью коробки, в которой торговец хранил свои изделия из металла: свинцовые бруски, кольца из меди и серебра, позолоченные перья для письма. Конан бросил взгляд в сторону лавки как раз в тот момент, когда маленький человечек со скоростью и проворством жалящей змеи запустил голую тощую руку в эту коробку. Мгновение — и она отпрянула, схватив два позолоченных пера.

Торговец ничего не видел, так как был поглощен многословными изъяснениями с неким знатным покупателем, который небрежно склонился с паланкина и нехотя возражал по поводу слишком высокой цены за красивую шкурку какого-то крупного, похожего на кошку зверя. На скрытых от посторонних глаз губах Конана мелькнула радостная усмешка, когда он увидел, что золотые перья исчезли в складках юбки и вор, никем не замеченный, скользнул прочь.

Человечек быстро и осторожно пробирался сквозь толпу к воротам рынка. Конан молча следовал за ним, пока они не достигли пустого переулка. Здесь одним мягким прыжком он настиг маленького антильца, который пискнул, словно испуганная мышь, когда тяжелая рука Конана сильно сжала его щуплое плечо. Конан легко парировал удар тонкого, словно иголка, кинжала из обсидиана, который неожиданно вылетел из прозрачного утреннего воздуха, нацеленный рукой человечка. Он схватил антильца за запястье и все крепче сжимал его руку, пока узкое лезвие со звоном не выпало на грязные булыжники мостовой.

Маленький вор со страхом и любопытством поднял глаза на гиганта в капюшоне и мантии из перьев, и тогда Конан прохрипел на ломаном антильском языке:

— Веди меня к королю воров, или я сломаю тебе руку!

Наконец-то ему подфартила кость в этой опасной игре. Как и во всех городах, в великом Птаукане должен был быть свой подпольный преступный мир. А если человек находится не в ладах с правителями, он всегда может рассчитывать на хороший прием в вездесущей гильдии воров!

13

ВОРЫ ПТАУКАНА

Из мрака отдаленных измерений
Являются исчадья зла,
Однако распахнувший эти двери
Сам погибает, если жизнь ушла.

Видения Эпимитреуса

Конан следовал за своим пленником по извилистым улочкам в самые затхлые районы старого города. Здесь, среди осыпающихся стен и покосившихся дверей, селились бездомные бродяги и грязные нищие. Неряшливые накрашенные проститутки по пояс высовывались из окон, чтобы отбить у соперниц случайного прохожего.

Только когда они проникли в эти трущобы, Конан начал сознавать, насколько древним был этот город. Здесь каменные ступени и съезды, вытоптанные ногами бесчисленных поколений, были изношены и седлообразно выгибались к середине. Стены из прочного камня были гладко отполированы прикосновениями миллионов плеч. За долгие годы ветра и дожди разрушили бóльшую часть кладки, превратив дома в массивы рассыпающихся развалин. Давно покинутые и населенные одними отбросами общества, многие строения частично рухнули. В этой древнейшей части города часто целые кварталы лежали грудами пыльных обломков. Меж развороченных булыжников мостовой прорезалась чахлая трава, а тощие деревья раскинули костлявые ветки среди неразберихи заброшенных и буйно заросших садов и двориков. Но если для местных обитателей появление облаченного в платье из перьев священника-колдуна на этих потрепанных временем улицах и было необычным, то ни один из них ничем не выразил своего удивления. Когда, увлекаемый словно на буксире маленьким вором с острыми, как у ласки, чертами лица, Конан проходил мимо, кто-нибудь лишь изредка поднимал на него светящийся вялым любопытством

взгляд. Похоже, в этой части Птаукана вошло в обычай никогда не обращать внимания на действия окружающих, что, по-видимому, являлось здесь первым законом выживания. Без сомнения, это был квартал воров, где буйно процветало беззаконие.

Только когда они приблизились к самому сердцу воровских владений, Конан понял, что все это время за его передвижением внимательно следили. Они проходили по кривому, как вендская сабля, переулку между опасно покосившимися и осыпающимися стенами, когда впереди появились две дюжие фигуры, вооруженные увесистыми дубинками, и сзади тут же возникла другая пара здоровенных типов. Эти люди, по антильским меркам, были как на подбор стройны и сильны и почти полностью наги, за исключением каких-то грязных передников из латаной кожи. Остановив на Конане холодный мрачный взгляд темных глаз, они неторопливо приближались с обеих сторон к месту, где стоял вместе со своим пленником киммериец.

Конан отпустил плечо вора и положил ладонь на рукоять меча, скрытого под одеждой. Маленький человечек отскочил на шаг, повернулся и осыпал его градом ругательств, произнося слова слишком быстро, чтобы Конан мог разобрать их смысл.

— Он загреб меня после того, как я вытащил немного золотого песка из ящика хатупеновой лавки,— закричал маленький вор.— Я понятия не имею, какого дьявола ему здесь нужно, но...

— Расслабься, Итзра,— прорычал один из громил.— Мы сейчас узнаем, что ему нужно.

И, быстро приблизившись к незнакомцу, он поднял свою обитую медными пластинами дубинку.

Конан рассмеялся и ловко отбросил назад одеяние из перьев. Его широкий меч со свистом вылетел из ножен. Громилы остановились, как будто внезапно наскочили на невидимую стену. Однако Конану показалось, что они сделали это не только из простого страха.

— Властелины Ада! Железо! Или я ослеп? — сдавленно выдохнул один из них.

Другой пробормотал какое-то ругательство и внимательнее посмотрел на Конана, с удивлением пробежав глазами по его рослой фигуре и странному лицу с небритой бородой и гривой седых волос, где выделялись горящие скрытой угрозой голубые глаза.

— Боги смерти, кто он? — Парень глухо выругался.— В Антилии еще никогда не видели такого человека!

Повернувшись спиной к стене и покачивая из стороны в сторону острием поднятого клинка, чтобы держать под угрозой всех пятерых молодчиков, Конан хрипло произнес:

— Тот, кто украл платье у его владельца, дружок, и кто не шпионит для правителей, если ты об этом подумал! — В его голосе глухо зарокотал гром.— И более того, это тот, кто желает увидеть твоего предводителя по делу, выгодному для нас обоих. И я увижу его, захочешь ты этого или нет!

Конан держал меч так, чтобы солнечный свет бликами ходил по его лезвию. Четыре охранника и воришка отступили, поглядывая на него со все возрастающей тревогой. Как это ни странно, но казалось, что его искрящийся на солнце меч вызывал больший интерес, чем он сам. Конан догадался, что по какой-то причине, возможно из-за отсутствия руды на этом архипелаге, здесь практически не знали железных изделий, хотя легендарные рассказы о железе и стали из древней Атлантиды сохранились, бережно пронесенные через многие поколения.

— А теперь,— хрипло проговорил он,— вы поведете меня к своему главарю или предпочтете сразиться?

Они оказались людьми сообразительными.

Главой местного преступного мира был необычайно толстый человек по имени Метемфок. Его лицо представляло собой сплошную массу выпирающей во все стороны разросшейся салом плоти, в которой холодно, как отполированный обсидиан, блестели черные глаза. Круглое коричневое лицо глубоко прорезала щель узкогубого рта. Нос казался нашлепкой, утопающей в жирных щеках.

Лабиринт заброшенных подвалов под рухнувшими останками домов в конце загаженного переулка служил ему штаб-квартирой. Заляпанную грязными пятнами штукатурку стен скрывали великолепные ковры со страшным рисунком, а на цементном полу были со вкусом разбросаны вытканные циновки и дубленые шкуры всевозможных хищников. Серебряные кадила наполняли воздух ароматом фимиама. Сдержанная роскошь убранства комнаты Метемфока и блеск золота представляли собой разительный контраст с убожеством наружного фасада его жилища.

Метемфок, закутанный в великолепную парчу, словно жирная жаба, возлежал в уютном гнездышке из подушек и лениво слушал рассказ Конана. Его лицо было бесстраст-

ным, черные глаза холодно поблескивали, ни одного слова не сорвалось с его уст, пока Конан не закончил свои объяснения. Затем в воздухе повисла тишина. В течение гнетуще долгого мгновения Метемфок окинул Конана с ног до головы изучающим взглядом, уделяя почти столько же внимания мечу, который лежал на коленях киммерийца, сколько и державшему его человеку. Наконец со вздохом Метемфок потер короткими толстыми пальцами свою жирную челюсть, и искорки заиграли на усыпанных драгоценными камнями золотых кольцах, великолепных украшениях, достойных королевской сокровищницы. Он гортанно рассмеялся и приказал подать вина и мяса. Гнетущая пауза закончилась.

— Клянусь всеми покровителями воров, большой человек! — хихикнул он.— Старый Метемфок за всю свою несчастную долгую жизнь еще никогда не слышал подобной истории, а потому это должно быть правдой! С этой варварской шевелюрой, непривлекательной шерстью на подбородке и с этими честными небесно-голубыми глазами, да еще с таким акцентом, что эти старые усталые уши с трудом могли разобрать твою речь,— все это не оставляет толстому старикану другого выбора, как только поверить, что ты действительно свалился на нашу голову прямиком из неведомых восточных земель. Неудивительно, что наши высокочтимые хозяева, священное жречество — хо! — постоянно твердили нам, что там бушуют лишь безбрежные просторы вод и нет ни клочка земли.

Они дружески сдвинули кубки. Конан жадно опрокинул в пересохшее горло сладковатое терпкое вино. Ему никогда раньше не доводилось пробовать ничего похожего. Вне сомнения, подумал он, это напиток не из сока винограда, а приготовлен из каких-то незнакомых местных фруктов.

Он чувствовал себя спокойно, как дома. Простой инстинкт помог ему и этому похожему на жабу главарю воров быстро понять друг друга. И хотя они родились за тысячи лиг друг от друга, среди разных, столь непохожих одна на другую культур, их сердцам был близок международный язык вольного беззакония.

Пока они пили, слуги принесли еду, разместив ее на низеньком столике между ними. Конан с голодным ожесточением принялся за трапезу. Кроме обычной антильской еды, к которой он уже привык, здесь были десятки различных видов орехов и ягод. Пиршество завершило блюдо со странным громадным колючим фруктом, на верхушке ко-

торого лохматился густой пучок мечевидных листьев. Метемфок разрезал его на кольцеобразные желто-зеленые ломтики. Сначала вкус плода показался Конану необычным, но, проглотив несколько кусков, он нашел его вполне съедобным. В промежутках между усиленным пережевыванием пищи они вели бессвязную беседу.

— Да, я знаю о том странном корабле, полном варваров-пришельцев, который несколько дней тому назад захватила наша морская охрана,— говорил Метемфок.— И это тоже одна из причин, по которой мне хотелось поверить в твою историю.

— Мои люди еще живы? И если да, то где они? — хрипло выдохнул Конан.

— Они пока живы или, точнее, еще были живы прошлой ночью. Их держат в подземной тюрьме под Передней Богов — той цитаделью, что стоит на краю площади Великой Пирамиды.

Конан отметил про себя, что хитрый королек антильского дна, кажется, не прочь дать ему все интересующие его сведения, причем делает это достаточно искренне. Но в то же время было хорошо видно, как его холодный изворотливый ум ищет возможности обратить действия собеседника себе на пользу. Метемфок даже не затруднялся скрывать этого от Конана, который мог отчетливо уловить мысли, мелькающие за напускной бесстрастностью его расплывшегося лица.

— Что их ждет?

— Их держат для принесения в жертву в храме на вершине Великой Пирамиды.

— Что? — Конан сделал резкое движение, пролив немного вина из своего кубка.

— Ну да. Их отдадут в жертву богу-демону Хотли, согласно ритуалу, который сохранился еще со времен древней Атлантиды.

Волосы на затылке Конана зашевелились, когда Метемфок с невозмутимой важностью объяснял ему обычаи местного святого братства. До падения Атлантиды жрецы Хотли представляли собой влиятельную группировку, с отвратительными обрядами поклонения своему демону-богу, обрядами жуткими и кровавыми. Когда Высокие Боги разрушили Атлантиду за грехи, жрецы Хотли и их рабы унеслись с тонущей суши на могучих крылатых кораблях, поднятых в воздух таинственной силой, которую называют врил.

Конану приходилось слышать неясные истории о небесных кораблях атлантов. Он понимал, что по прошествии столетий корабли износились, запас двигательных сил истощился, а секрет их изготовления был утрачен за годы варварства и кровопролитных войн, которые последовали за катаклизмом. И поэтому в Хайборийскую эпоху уже не существовало ни одного такого судна.

— Жрецы Хотли,— продолжал Метемфок,— отправились на юго-запад от проклятого континента. Они приземлились на малоизвестной цепи островов, которую назвали Антилией. Их владения включали в себя семь больших островов в Западном океане, между Атлантидой и огромным континентом, иногда называемом Майапан, еще дальше к западу. Когда атланты приземлились, они обнаружили, что острова уже имеют хозяев — маленьких коричневых узкоглазых дикарей, которые очень походили на людей из Майапана. Они легко одержали победу над местными племенами и превратили жителей островов в таких же рабов, какими были их привезенные с собой слуги. За тысячелетия после катаклизма атланты и коренные жители Антилии смешались, и сегодня на островах обитает единая раса. После завоевания Антилии и строительства Великого Птаукана жрецы бога Хотли под руководством Иерарха Священных Мистерий Хотли, чин которого переходил по наследству, правили островами железной рукой, невзирая на крайне редкие взрывы недовольства и бунты своих подданных. Иерархи держали людей в повиновении, уверяя их, что все земли, и даже Майапан, утонули вместе с Атлантидой. Они внушали своему народу, что мир представляет собой лишь безбрежное пространство вспененных вод, которое простирается по всем направлениям от Антилии вплоть до границы этого мира, там, где бесконечное море встречается с небом и звезды зарождаются в его белой пене.

— Ты веришь этому? — спросил Конан.

Метемфок неприятно хихикнул:

— Если жрец спросит меня, то я, конечно, скажу: да. Большинство людей верит или, по крайней мере, не имеет достаточного мужества, чтобы задаваться вопросами о правильности учения их господ. Но между нами, некоторые из нас знают, что Майапан по-прежнему стоит на месте, а теперь твой приход показал, что существуют земли и по другую сторону Великого моря.

— Зачем же жрецы внушают вам эту ложь?

— Это помогает им держать народ в повиновении. Если люди верят, что нет других земель, куда можно было бы сбежать от жестокого правления жрецов Хотли, они теряют надежду скрыться от своих правителей.

— Расскажи мне об этом демоне-боге и его обрядах.

Метемфок объяснил, что Хотли, или Царь Ужаса, был демоном-богом Древней Ночи. Он являлся своим поклонникам в виде крутящегося облака непроницаемо черного мрака — вихря абсолютно ледяного холода, подобного дуновению ветра из черных межзвездных бездн. Он пьет живые души тех, кого убивают на его высоких пирамидальных алтарях. Именно для поддержания непрочной связи Иерарха Мистерий с миром Демона Тьмы, пребывающего в черных глубинах неизвестного мира за пределами Вселенной, служили бесчисленные жертвы, которых бросали в эту неведомую тьму.

Спокойно рассказывал толстый главарь воров о том, как тысячи голых пленников поднимались на вершину черно-алого зиккурата, достигающего самого неба,— Конан мельком видел его среди самых верхних этажей города,— и там приносились в жертву. На алтарях Абсолютной Ночи священники-колдуны разрывали груди еще живых жертв, вырезали их сердца ножами из вулканического стекла и поднимали их жизненную силу вверх, к бешено вертящемуся облаку вампирического мрака, которое медленно сгущалось над пирамидой и висело там часами, питаясь живыми человеческими душами. Тела убитых сбрасывали вниз, в шахту какого-то неизвестного колодца или подземного туннеля.

В горле Конана рождалось глухое рычание и глаза вспыхивали опасными огнями во время этого рассказа. Сама идея принесения человеческих жертв не особенно его взволновала. За свою долгую жизнь он видел слишком много пролитой крови, к тому же подобная практика еще кое-где существовала в ту дикую Хайборийскую эпоху и в его собственном мире. Но чтобы его друзья и соратники были отданы Тьме в таком мерзком варварском ритуале — это уже совсем другое дело!

Конан шумно хлебнул терпкого вина и спросил:

— А что такое Красные Тени?

И тогда он узнал, что постоянные жертвоприношения так сократили население Антилии, что колдунам-священникам пришлось совершать далекие путешествия, чтобы поставлять необходимое количество пленников для утоления кровавой жажды Черного Хотли. Сначала они опустошали

берега Майапана. Когда же прибрежные жители той дикой, редконаселенной земли покинули эти нажитые места, скрывшись в своих непроходимых лесах, жрецы начали поиски в других направлениях.

— Красные Тени, как вы их называете,— говорил Метемфок,— слуги-духи самого Властелина Тьмы. Но до сегодняшнего дня я не знал, что Иерарх (чтоб ему вновь родиться дождевым червем!) начал нападать на неизведанные земли на востоке. Черный Хотли, должно быть, сильно проголодался! У нас человеческие жертвы стали столь многочисленны в последнее время, что, как ты сам видел, опустошили город почти наполовину. Целые площади и улицы обезлюдели. Тысячи жителей убежали в горы или на соседние острова, но власть жрецов простирается и на эти земли. Они там вылавливают беглецов по одному. Для этого были созданы и морские стражи, которые захватили твое судно. Они наблюдают за бухтами, чтобы перехватить любого, кто, усомнившись в словах жрецов, попытается сбежать в некую сказочную землю за ревущим морем.

Жилистые кисти рук Конана сжимались и разжимались, как будто в его мозолистых ладонях находилось горло врага.

— Теперь я понимаю, что такое Красные Тени,— глухо прорычал он.— Опыт столкновений с черной магией в моем мире всегда показывал, что если черная сила извне однажды находит точку опоры в мире людей, то она требует все большего и большего числа жертв, чтобы поддерживать там свое существование. Демоны Древнего Мрака — не знаю, как выразить это на вашем языке,— они отрицательны. Это не нечто, это меньше, чем ничто. Потоки жизненных сил поглощаются ими, чтобы наполнить пустоту их искусственного существования. Но вакуум никогда не может быть наполнен и требует отдавать ему все новые и новые жизни, чтобы поддерживать иллюзию своей реальности и могущества. Ты понимаешь меня?

— Да, понимаю,— ответил Метемфок.— Продолжай.

— Что ж, приятель, знаешь ли ты, что, не встречая сопротивления, слуги Черного Хотли превратят в пустыню все земли этого мира и со временем в нем не останется ни единого человека? Более того, они возьмутся и за высшие формы животной жизни, оставив в мире лишь рыб и червей. Именно об этом хотела предупредить меня тень Эпимитреуса — об этой смертельно опасной, извращенной форме поклонения богам, которая вместе с Атлантидой должна была навеки уйти под воду девять тысячелетий назад.

— Из того, что сказал дух вашего мудреца,— произнес Метемфок,— похоже, следует, что боги выбрали тебя, чтобы встать между миром живых людей и царством Теней Зла. Судя по всему, ты один способен повлиять на исход дела и подтолкнуть чашу весов, чтобы жизнь в этом мире перевесила смерть.

— Да...— пробормотал Конан.— Но как?

14

ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

В эбене темноты мерцают
Кроваво-красные глаза,
И острые клыки сверкают,
Когда за труп идет грызня.

Путешествие Амры

Конан пробирался вниз по темному туннелю. Со сводчатых изгибов потолка свисали окаменевшие глянцевые занавеси сталактитов. Иногда то с одного, то с другого округлого конца срывалась звонкая капля известковой воды. Пол пещеры был покрыт коркой грязной накипи, влажной от известкового раствора, капающего с минеральных наростов на потолке. То тут, то там возвышались остекленевшие глыбы. Тянулись к потолку толстые колонны сталагмитов.

В холодном, пропитанном влагой воздухе носились странные неприятные запахи. Легкий, чуть кисловатый ветерок мягко веял в лицо Конану. Ориентируясь по нему, киммериец шаг за шагом пробирался по черному лабиринту, который простирался на многие мили под древними улицами Птаукана.

Старый Метемфок, глава воровского мира Птаукана, решительно заявил Конану, что одному-единственному вооруженному человеку невозможно тайно проникнуть сквозь три эшелона охраны в цитадель, куда брошены барахские товарищи Конана в ожидании Дня жертвоприношения. Этот день должен был наступить через две ночи. Бесчисленная стража, ворота и двери, замки и засовы отделяют свежий воздух улиц города от сокровенного сердца крепости жрецов.

Однако пытливый ум Конана не так легко поддавался соблазну отказаться от своих планов. После бесконечных

расспросов господин и покровитель всех воров рассказал ему о древнем лабиринте пещер и туннелей под землей. Никто не знал, как они образовались. Но сам город был когда-то построен на огромной известняковой скале, и, возможно, за долгие годы эти ходы пробили подземные потоки.

Воры хорошо знали самые верхние этажи системы туннелей и часто ими пользовались. Но даже они остерегались забираться глубже, потому что о безмолвных глубинах лабиринта ходили всякие сказочные истории, от которых волосы вставали дыбом: о загадочных перешептываниях и странных вскриках, о скользящем шорохе шагов. Говорили, что люди, которые осмеливались проникнуть глубже, с пронзительным воплем исчезали навсегда.

Уступая неутомимому потоку вопросов Конана, Метемфок неохотно признался, что, вполне возможно, глубокие туннели соединяются с подземными темницами Передней Богов. И все же он настоятельно советовал Конану попытаться найти более подходящий путь в запретную крепость. Но киммериец упорно отказывался внимать его благоразумным предостережениям.

В конце концов Метемфок понял, что Конан непреклонен в своей решимости воспользоваться нижними туннелями для освобождения своих товарищей. Тогда с глубоким вздохом толстый главарь воров приказал созвать своих ближайших соратников на совещание. Они долго рылись в пыльных пергаментах архивов воровской гильдии.

Древние карты ходов лабиринта еще сохранились. Конан напряженно рассматривал их, фиксируя в памяти все изгибы и повороты системы пещер и отличительные знаки, по которым он мог бы найти дорогу.

И вот Конан здесь. Спотыкаясь и скользя, он пробирался сквозь плотную темноту нижних туннелей. В одной руке он держал фонарь, который вручил ему предводитель воров. Эта вещица — прекрасный пример технического мастерства антильцев — представляла собой маленькую бронзовую лампу с цилиндрическим бачком для масла и небольшой ручкой. Из тонкой трубки высовывался шипящий фитиль, и пламя отражалось от выгнутой бронзовой пластинки, покрытой серебром. От длительного употребления и полировки серебро кое-где стерлось, и под ним проглядывала тусклая медная поверхность. Конан был рад и этому маленькому старому светильнику. Метемфок сказал, что он будет гореть в течение нескольких часов, пока не кончится масло.

То здесь, то там в местах разветвления туннелей на мокром камне ярко отсвечивали белые знаки, оставленные ворами, пытавшимися освоить подземелье. Там, где ничего не было видно, необычное расположение камней давало понять, что это поверхностный ориентир; например, сложенные кучей куски известняка, напоминавшие гигантского паука.

Конан настойчиво двигался вперед, хотя ему не особо по душе был этот холодный влажный ветерок, сквозивший из неведомых темных глубин. Он медленно шел по черному туннелю, и в его голове помимо воли возникали странные картины, вызванные носящимися во тьме таинственными звуками, которые то выли, отдаваясь эхом, то вкрадчиво шептались в окружающей его темноте. Время от времени он слышал приглушенный всхлипывающий плач, который изредка поднимался до истерически звенящего крика душераздирающей агонии и затем, вновь затихая, превращался в едва слышные рыдания, похожие на шум ветра в далеких соснах.

Временами Конану казалось, что он различает крадущуюся поступь легких шагов за спиной в черной дыре бокового прохода или в непроглядном мраке, обступившем его. Временами свистящий шепот или холодный всплеск издевающегося смеха поднимали в его варварской душе древний страх перед сверхъестественными силами,— страх, который тут же подминала под себя его железная воля.

Вскоре до его взвинченного до предела слуха долетел мягкий шорох скользящего по камням тела, словно какой-то гигантский червь или слизняк, извиваясь, полз по шершавому каменному полу. Даже у Конана, этого старого, воспетого в морских балладах воина, по телу невольно прошла дрожь отвращения, когда он представил себе, что за существа могли поселиться в этих лишенных солнечного света глубинах, под забытым городом времен зари цивилизации.

Все эти рыдания и завывания, упрямо повторял он себе, просто шум ветра в искусственном лесу известняковых наростов. Смех — это журчание подземных вод, искаженное гулким эхом многочисленных туннелей. Звуки ползущих тел вполне могут быть вызваны медленным оседанием растрескавшихся пород старых пещер. Но суеверный страх неумолимо закрадывался в его сердце и поневоле распалял воображение.

Внезапно его охватил озноб. Конану показалось, что за ним пристально следят невидимые глаза. По его подсчетам, он бродил по подземным пещерам уже больше двух часов. Конан скользил и петлял среди мокрых камней, спотыкался о выступы, перепрыгивал через ямы и глубокие трещины, преграждавшие дорогу, ударялся головой о низкие наросты свода, протискивался на животе сквозь узкие проходы, карабкался вверх и вниз по крутым склонам. Временами он невольно вспугивал колонии летучих мышей, которые пучками свисали вниз головой с потолка, и те со злобным писком шуршали крыльями и уносились во мрак. В его голову постоянно закрадывалась мысль, надолго ли еще хватит топлива в этом тусклом светильнике. Конану казалось, что огонь в лампе уже ослабел, и фитилек то разгорался, то затухал, как будто масло поступало неравномерно и запасы его уже подходили к концу. А сейчас, вдобавок ко всему, чуткое восприятие варвара, лишь немного притупившееся и утратившее свою остроту за годы городской жизни, явственно подсказывало, что за ним пристально наблюдают невидимые глаза.

Конан замедлил шаг и теперь продвигался вперед тихо и осторожно. Он напрягал зрение, вглядываясь в черные отверстия в стенах соседних пещер в поисках скрытых там шпионов антильских жрецов, но нигде не замечал следов присутствия человека. И все же натренированные в диких просторах чувства подсказывали киммерийцу, что невидимые глаза не оставляют его ни на минуту. Конан задумался, не обладают ли и в самом деле жрецы магическими кристаллическими шарами, унаследованными от их предков с Атлантиды, вроде тех, что ему доводилось видеть в хайборийских землях. С помощью такого шара посвященный в тайну чародей мог видеть то, что происходило вдалеке от его глаз. Может быть, как раз в этот момент холодные антильские глаза следят за каждым его движением?

Мороз пробежал по коже Конана, и он, вслушиваясь, задержал дыхание. Где-то далеко позади послышался металлический лязг, как будто открывались ворота. Но может, это только показалось ему?

Однако шум сзади нарастал. Пот выступил на теле Конана, ибо он уже явственно различал писк и шорох множества снующих конечностей. Словно невидимый наблюдатель выпустил на него орду маленьких отвратительных созданий, чтобы гнать его сквозь подземный мир и в конце концов разорвать на клочки тысячами когтей и зубов.

Звуки неотвратимо приближались и становились все отчетливее. Конан пробормотал имя Крома в короткой полумолитве, полупроклятии. Теперь он верил, что эти туннели действительно перегорожены невидимыми решетками и некий внимательный страж заметил его осторожное приближение и спустил стаю каких-то тварей, желая разом покончить с ним.

Конан качнул фонарь, чтобы осветить главный туннель позади себя. Свет услужливо вырвал из мрака тысячи пар маленьких глазок у самой земли. Когда передний край неудержимого живого потока вырвался на освещенное место, Конан от изумления чуть не выронил светильник. Его преследователями были крысы. Но какие крысы!

За годы скитаний он привык к маленьким серым крысам хайборийских земель, проворным черным крысам Вендии, большим и неуклюжим коричневым крысам Гиркании. Но эти животные превосходили всех известных грызунов его мира так же, как крыса превосходит мышь. Они были размером с большую кошку или маленькую собаку, и в каждой было не меньше нескольких фунтов веса. Крысы были огромные и к тому же отощавшие, вероятно от долгого воздержания в пище. Белые острые зубы щелкали в нетерпеливой жажде вкусить человеческой крови и мяса.

Конан резко повернулся и ринулся вперед. Его тяжелые сапоги грохотали в такт отдающемуся в висках пульсу. Огромный меч был плохой защитой против такой жадной до крови орды. Величайший боец того времени за считанные секунды был бы погребен под бешеным валом пищавших, лязгавших зубами грызунов. И потому Конан несся вперед, как не бегал еще никогда в жизни, даже в тот незабываемый день почти пятьдесят лет назад, когда он вырвался из рабского барака в Гиперборее, пробив себе дорогу к свободе куском разорванной цепи, и потом мчался всю ночь сквозь дождь и снег, преследуемый по пятам стаей изголодавшихся волков.

Каждый глоток воздуха сухим огнем обжигал его легкие, будто он втягивал в себя раскаленные пары из горнила. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, механически двигавшиеся ноги налились свинцом. Мускулы ныли, словно дьяволы втыкали в голени множество тонких раскаленных иголок. Но он, пошатываясь, стиснув зубы, все же несся вперед. От быстрого бега встречный воздух грозил совсем погасить маленький огонек фонаря.

За спиной Конана крысы стремительно шуршали по камням, перескакивали друг через друга, неслись вприпрыжку, не отставая от него ни на шаг. Время от времени одно из бегущих впереди животных наступало на соседа и раздавался резкий писк, за которым следовал обмен укусами. Но остальная масса продолжала преследование, почти не задерживаясь из-за этих коротких стычек.

Вскоре глаза Конана уловили что-то вроде слабого отблеска впереди, и ропот журчащей воды подсказал ему, что он приближается к реке. Уже совсем близко он разглядел стремительно несущийся поток черных вод. На мгновение в голове промелькнула мысль, что река, может быть, достаточно узка, чтобы ее можно было одолеть прыжком, и тогда бы между Конаном и стаей преследователей образовалась надежная естественная преграда. Однако он тут же обнаружил, что по крайней мере в этом месте поток достигал не менее двадцати футов в ширину — слишком большое расстояние для одного прыжка. В годы своей буйной юности, не измотанный долгим бегом и не отягощенный оружием и доспехами, Конан легко одолел бы и такую преграду. Но сейчас...

Широко расставив ноги, киммериец обернулся лицом к орде покрытых шерстью безжалостных врагов. Его грудь шумно вздымалась, и натруженные легкие всасывали холодный сырой воздух, в котором распространялось отвратительное крысиное зловоние. После стремительной гонки по подземным ходам в ушах еще отдавался гулкий стук сердца и кровь бешено мчалась по жилам. Кровь еще билась в ушах, притупляя слух, но Конан уже вытащил свой широкий меч для последнего сражения.

Ничто живое не могло выдержать бой с этой ордой грызунов, возбужденных запахом плоти и крови. Всю жизнь Конан молил богов дать ему хотя бы один только шанс на победу, но сейчас не было смысла просить даже об этом. Если даже ему суждено умереть всего через несколько секунд, он все же полнокровно проживет эти мгновения и погибнет, сражаясь. Несмотря на свои годы, Конан все еще находился в великолепной форме и мог сломать хребет человеку вдвое моложе его. И если ни одному смертному не удастся стать свидетелем последней схватки Конана из Киммерии, то по крайней мере всевидящие боги насладятся этим зрелищем, если, конечно, они иногда обращают свои взоры вниз и наблюдают за людьми, как утверждают эти лживые жрецы.

Конан стоял на выдвинутом над подземной рекой выступе скалы почти треугольной формы. Опора под ногами напоминала миниатюрный полуостров или мыс. И хотя его преследователи не имели возможности напасть на него сбоку или со спины, они все же могли атаковать широким фронтом.

Гигантские черно-серые крысы грязным, смрадным потоком хлынули из туннеля. В оранжевом свете лампы их глаза вспыхивали красными искорками, словно кровавые звезды адской вселенной. Писк, глухое скрипение и щелканье зубов заглушали ропот текущей воды, а скрежет когтей по камням казался шорохом сухих мертвых листьев, влекомых по земле порывами осеннего ветра.

Конан быстро нагнулся, чтобы отодвинуть маленький светильник назад, за ногу, и крепко сжал обеими руками меч. Голос киммерийца взвился ввысь в мерной и гулкой боевой песне его варварского народа. Мгновение — и крысы набросились на него.

Как только первое животное оказалось в пределах досягаемости, свистящий взмах меча рассек его пополам, отбросив ошметки плоти назад, на головы собратьев. Затем в течение нескольких долгих минут тяжелый меч разрезал воздух, словно лопасти ветряной мельницы, разя направо и налево и чертя в воздухе смертоносные девятиугольные фигуры. Но каждый взмах отточенного острия лишь успевал очистить землю перед Конаном. И после каждого взмаха одна-две крысы взлетали в воздух, иногда целиком, иногда — одни только головы, туловища, конечности и внутренности. Кровь забрызгала руки и ноги Конана. Время от времени он неточно рассчитывал усилия, и кончик меча скрипел о камни пола и выбивал бледные искры.

Однако стая рвалась вперед, задние животные толкали бегущих впереди, которые тут же становились добычей вихрем носящегося клинка. Ненадолго давление нападающих слегка ослабло, так как часть крыс развернулась, чтобы полакомиться останками своих мертвых и искалеченных собратьев. А Конан между тем взмах за взмахом все посылал тела убитых животных в воздух. Его меч уже был наполовину в крови, и камни под ногами стали скользкими и липкими. С каждым ударом клинка красные брызги разлетались в разные стороны.

Крысы снова усилили атаку, и, несмотря на производимое в их рядах опустошение, Конан не мог сдержать их натис-

ка. Несколько крыс вонзили свои острые, как бритва, зубы в толстую кожу его сапога. Конан яростно взмахнул ногой и ударил сапогом в землю, давя сгрудившихся поблизости, но их место тут же заняли другие.

Одна крыса забралась вверх по сапогу Конана и прокусила острыми зубами штанину у колена, оставив на коже неглубокий порез. Секущий удар меча разбросал по сторонам вращающиеся в воздухе половинки животного. Другие уже добрались до его пояса и груди, но все попытки крыс растерзать свою жертву наталкивались на упругую сталь рубашки-кольчуги. Неожиданно какая-то крыса в отчаянном прыжке вцепилась в грудь Конана, устремляясь к его горлу. Конан сбросил ее как раз в тот момент, когда усатая морда уже коснулась его кожи. Свободной рукой он хватал тех тварей, что успели облепить его тело, и швырял их о стены или в реку позади себя.

Но крысы одолевали. Кучами падали они, громоздились вокруг, а сам воин утопал сапогами в зыбкой трясине скользких от крови шкур и внутренностей. И хотя сапоги и кольчуга пока еще защищали его от укусов и Конан получил лишь несколько незначительных ран, но колени его уже кровоточили, и из руки, которой он хватал взбирающихся на него грызунов, в нескольких местах обильно текла кровь.

На мгновение крысы отпрянули. Тяжело дыша, Конан быстро оглянулся уже почти без надежды. И тут он заметил то, что должен был бы увидеть раньше, если бы преследователи не были так близко. На расстоянии полета стрелы от места, где он сейчас стоял, через несущиеся вниз черные воды перекинулся естественный каменный мост. Конан тотчас же понял, что если достигнет этой узкой арки, то крысы смогут атаковать его лишь по две или по три одновременно. В таком узком переходе ему удастся долго сдерживать все это необъятное полчище.

Мысль послужила сигналом к действию. Он ощутил мощный прилив сил и рванулся к мосту, продираясь сквозь бурлящую закручивающуюся водоворотами массу крыс, и при каждом прыжке под его подошвами хрустели кости грызунов. Крысы прыгали на него, карабкались по ногам и кусали; кровь уже обильно струилась по его бедрам, и широкие штаны обвисли лохмотьями. Но этот всплеск энергии позволил Конану достичь моста прежде, чем грызуны сумели свалить его.

Хватая воздух открытым ртом, он шагнул на каменную арку и занял позицию посреди прохода в фут шириной, там, где мост сужался. Конан пожалел, что в спешке у него не было времени прихватить с собой и маленький светильник, но запасы масла все равно уже должны были подходить к концу. Издалека фонарик еще заливал сцену битвы слабым мерцающим светом.

Крысам потребовалось всего несколько мгновений, чтобы снова настигнуть его, но этой паузы было достаточно, чтобы немного отдышаться и прочистить мозги. В затрудненном дыхании, ноющих мышцах и стучавшем молотом сердце ощущалась тяжесть прошедших лет.

Крысы снова подходили. Передние животные достигли подъема моста. Конан приготовился встретить их согнувшись, с мечом в обеих руках. Когда крысы были уже совсем близко, он стал мерно работать палашом: направо-налево, направо-налево. При каждом взмахе несколько вертящихся в воздухе тел слетало с узкого моста. Они умирали десятками и сотнями. Иные падали в бегущий черный поток, который тут же подхватывал тела животных. Маленькие головки поплавками всплывали из воды, кружились, пытаясь сориентироваться, и затем плыли против течения до ближайшего берега, пока не исчезали в темноте.

Никогда за все годы многочисленных войн и кровопролитных сражений его меч не уносил так много жизней. Если бы это были не крысы, а люди, то над этой подземной рекой, сопротивляясь их натиску, Конан истребил бы целую нацию. Он работал без устали, как машина...

Но тут огромная черная крыса — видимо, вожак — отделилась от визжащей стаи и прыгнула к его горлу. У Конана было чувство, что все это происходит где-то далеко в прошлом. Его руки онемели и налились свинцом, а расставленные ноги, казалось, превратились в холодные железные колонны. Левой рукой он ухватил этот мерзкий комок шерсти и плоти, вцепившийся острыми когтями в звенья кольчуги и рвавшийся к сонной артерии. Но силы покидали Конана, и казалось, ему уже не оторвать от себя это отвратительное существо, хотя он ясно чувствовал, как острые бритвы зубов оцарапали кожу за его бородой.

Тут же другая крыса вцепилась в носок его сапога. Конан пнул ее ногой, промахнулся и, покачнувшись, отступил назад, преследуемый ордой кровожадных грызунов. Когда он тяжело отпрыгнул, чтобы удержать равновесие, раздался

зловещий треск и весь центральный блок, на котором стоял киммериец, с оглушительным всплеском внезапно рухнул от сотрясения и непосильного веса в стремительный поток.

Конан обнаружил, что находится в воде и железная кольчуга быстро увлекает его ко дну. Гигантская крыса, угрожавшая разорвать ему горло, куда-то исчезла, но теперь, после смертельной битвы на суше, Конану грозила опасность захлебнуться в подземной реке.

Он оттолкнулся ногами от неровного дна и, вынырнув на поверхность, успел набрать полные легкие воздуха, прежде чем вес доспехов снова увлек его вниз. Быстрое течение бросало и било его о неровности дна, закручивало и переворачивало в водоворотах. Еще раз он с большим трудом хватил глоток воздуха. Конан был великолепным пловцом, но судьба распорядилась так, что кольчуга, которую он пронес сквозь это смертельное испытание, защитившая его торс от тысяч укусов, сейчас тянула его на дно, навстречу гибели.

Снова ему удалось достичь поверхности воды. Еще раз он до отказа наполнил легкие воздухом, и снова тяжесть доспехов неумолимо увлекла его вниз. Сознание ускользало от Конана, он словно проваливался в глубокую дремоту без сновидений.

15

ТЕМНИЦА ОТЧАЯНИЯ

В бою напрасном Лев повержен был,
И Ад к его команде подступил...

Путешествие Амры

Сигурд из Ванахейма очнулся от приступа подступающей рвоты. Когда под действием наркотических паров, выпущенных людьми с антильского корабля-дракона, старый крепкий ванир, как и все остальные члены команды «Красного Льва», потерял сознание, он уже не ожидал снова увидеть дневной свет. Но смерть выпустила павшего воина из черных когтистых лап. Еще не пришло время встретить Сигурду свою погибель.

И вот ошеломленный, сбитый с толку старый пират очнулся от бьющего в ноздри терпкого пахучего дыма. Он об-

наружил, что находится во вместительном трюме антильского судна среди своих барахских товарищей по плаванию, которые тоже начинали приходить в себя. Их окружали бронзовокожие суровые воины низкого роста в странных стеклянных доспехах.

По мере того как его мозги начинали шевелиться, Сигурд стал оценивать обстановку. Он внимательно осмотрел внутреннюю часть корабля-дракона и обнаружил, что на самом деле материал, из которого построено судно, вовсе не золото, корабль был только обшит тонкими пластинками этого металла. Под его ногами находились прочные деревянные доски, твердостью походившие на дубовые, но цветом темнее. Взгляд всюду наталкивался лишь на деревянные шпангоуты и доски обшивки. Приглушенные удары волн, бьющихся об изогнутый нос корабля, достигли его слуха, и тут Сигурд окончательно понял, что произошло.

Он внимательно вгляделся в лица своих товарищей: они были разбиты в кровь, а кое-кому достались и глубокие раны. Но похоже, почти все были здесь, живые, что уже было отрадно, пусть даже они и в плену у антильцев.

Острая боль внезапно пронзила сердце старого морского разбойника. Его беспокойный взгляд с тревогой вновь начал шарить по лицам людей его команды... Но где же Конан? Знакомого изрезанного шрамами лица и серо-стальной гривы волос нигде не было видно.

Сердце Сигурда упало, его румяное лицо помрачнело, и черная туча скорби окутала его. Сигурд прекрасно знал железную отвагу старого киммерийца. За всю долгую жизнь Конана лишь немногие могли похвастаться, что им удалось взять его в плен. Всегда готовый яростно отстаивать свою свободу, старый седой волк скорее всего предпочел пасть, сражаясь, чем сдаться на милость этим маленьким, похожим на куклы человечкам. И если Конан действительно был убит, то теперь на бычью шею и плечи Сигурда ложилась громадная ответственность за всю команду.

— Мужайтесь, друзья! — пророкотал он.— Хоть мы уже не свободные люди, но все еще живы. А пока мы дышим, едят меня рыбы, у нас всегда есть шанс пробить себе дорогу к свободе!

Горан Сингх бросил на него мрачный взгляд больших темных глаз.

— А где наш господин Амра, а, Сигурд? Почему его нет среди нас? — угрюмо потребовал ответа венд.

Сигурд медленно покачал своей рыжей седеющей бородой.

— Клянусь хвостом Шайтана и звездой Нергала, дружище, я не знаю. Может статься, что он в другой части этой проклятой галеры.

Венд молча кивнул, но мрачно склонил голову в тюрбане, избегая смотреть Сигурду в глаза. Он знал не хуже ванира, что Конана вряд ли стали бы держать отдельно от остальных. Скорее всего, могучий киммериец погиб, пронзенный стеклянным антильским мечом, и уже отошел в холодные залы вечно блуждающих призрачных теней.

Они плыли к гавани Птаукана долго, почти час, наверное, из-за дополнительного веса полусотни здоровенных пиратов в трюме. Когда их наконец вывели в тяжелых стеклянных цепях из обшитого золотыми пластинками корабля-дракона, Сигурд замигал от неожиданно яркого солнечного света. Со смешанным чувством удивления и любопытства он поглядывал на открывшуюся панораму древнего города: изглоданные непогодой камни, кричащие цвета зданий, которые ярус за ярусом поднимались вверх по склону горы.

Ни разу в жизни Сигурду из Ванахейма не доводилось видеть такой странной столицы. Каждое здание в городе было покрыто изображениями богов с головами чудовищ и людей с головами животных и имело монолитные и массивные ворота из прочного камня и диковинно изукрашенные колонны, устремившиеся в ясное утреннее небо. Надо всей этой картиной нависала огромная, угрожающая, окрашенная в черные и красные цвета пирамида, тень которой мрачно и уныло легла на город. На вершине ее клубы черного дыма лениво поднимались в воздух, отчего это сооружение походило на какой-то рукотворный вулкан. Однако пиратам удалось выхватить взглядом лишь отдельные детали древнего города атлантов. Охрана быстрым шагом вела их по мощеным улицам вверх с яруса на ярус. Далее без остановки они прошли сквозь бронзовые ворота серой крепости, расположенной рядом с огромной пирамидой у самого края площади. Тяжелые ворота с лязгом захлопнулись за спиной, и на несколько мучительно долгих дней последний клочок голубого неба и порыв свежего ветра исчезли для пленников за железными створками. Охрана погнала их вниз по бесконечным каменным ступеням лестницы, спиралью уходившей во внутренность горы, на склоне которой и был построен Птаукан. Когда колени, ноющие от нескончаемого спуска,

казалось, готовы были уже сломаться под тяжестью тела, они наконец достигли огромных размеров зала, выдолбленного в камне. Здесь с них сняли кандалы. Люди безучастно стояли под пристальными взглядами охранников, нацеливших в грудь пленникам свои стеклянные пики.

Затем их заковали в кандалы, прикрепленные к длинной прозрачной цепи, сбегавшей вдоль стены сквозь замурованные в нее кольца из того же материала. И хотя люди имели некоторую свободу передвижения, достаточную, чтобы ходить или лежать, практически все они были заключены на небольшом пятачке около стены площадью в несколько футов.

Затем стража вышла из камеры, и заключенные остались одни.

Толстые каменные колонны, поддерживающие крышу этого огромного зала, вздымались словно стволы гигантских деревьев. Создавалось впечатление, что их выдолбили в твердой скале, осваивая это подземелье, и оставили стоять здесь навечно, чтобы удерживать тяжелые своды.

Высоко над их головами на каменном потолке были прикреплены пластинки тускло светящегося металла. Древнее забытое знание атлантов, а возможно, и колдовство вызывало исходившее от этих пластинок мягкое лучистое свечение, которое разливалось по огромной комнате бледным желтоватым светом. Сигурда на мгновение посетила мысль, что, может быть, эти пластины были сделаны из странного металла атлантов, орихалка, о котором ходило столько слухов, но у него было много других, более насущных дел, чтобы тратить время на обдумывание этой догадки.

Пленников кормили один раз в день. Ведра жирного, едва теплого варева из мяса или рыбы выплескивались в длинный грязный каменный желоб, сбегавший вдоль стены. В этом пойле в изобилии плавали комки стылого жира, перемешанного с какой-то другой бурдой. Но скоро голод переборол брезгливость, и команда «Красного Льва» уже с нетерпением ждала часа кормежки. Сигурду пришлось использовать весь свой авторитет, чтобы удерживать людей от драк за эти мерзкие помои.

Заточенные в сырой камере, не имея возможности наблюдать за ходом небесных светил, пираты вскоре совсем потеряли счет времени. Сколько часов или, может, дней

они жили здесь? Пленники затевали бесконечные споры по этому поводу, пока Сигурд не рявкнул на них:

— Заткнитесь вы все! Вы доведете меня до бешенства своим базаром. Можно не сомневаться, что они кормят нас в одно и то же время и каждый день. Значит, каждая кормежка — это одни сутки. Ясунга, ты будешь следить за временем. Найди место на стене и делай там отметку каждый раз после того, как они принесут сюда эти помои.

— Но, Сигурд,— жалобным голосом вмешался маленький офирец,— мы же не знаем, сколько дней уже прошло. Кто говорит, что четыре, кто — пять, а кому-то кажется, что все шесть или семь. Как мы узнаем...

Он резко осекся, когда ванир, поднеся огромный кулак к самому его носу, так что туго натянутая цепь жалобно зазвенела, проревел:

— Заткнись, Ариман тебя раздери, или я обмотаю цепью твою тощую шею и буду затягивать ее, пока не отвалится твоя башка, такая крохотная, что на ней и двум вшам не разойтись! Каждый может прибавлять столько дней к подсчету Ясунги, сколько считает нужным, и это, черт возьми, не имеет никакого значения! А если кто-нибудь еще заикнется об этом, то я размажу его череп по стене, как тухлое яйцо!

— Ах, яйца! — мечтательно произнес Артанес с Заморы, здоровенный пират с солидным брюхом, известный среди товарищей своим аппетитом.— Чего бы я только не отдал сейчас за пару дюжин свежих куриных яиц...

Питаясь одними помоями, они быстро ослабели. Их необработанные открытые раны начали гноиться и опухать; пленники стали болеть. Двое уже умерли. Буйный шемит, которому проломили череп во время битвы, умер в агонии, крича и сражаясь с невидимыми врагами. Другой — флегматичный чернокожий выходец из влажных, полных ядовитых испарений джунглей южного Куша, язык которого был отрезан стигийскими работорговцами еще до его побега на Барахские острова,— сгорел в лихорадке. Оба тела были унесены закованными в прозрачные доспехи антильскими стражами, верно, в какое-то тайное хранилище.

С помощью штурмана Ясунги, корабельного боцмана Мило и начальника отряда лучников Якова Сигурд изо всех сил старался поддержать в команде присутствие духа. Это было непросто, потому что команда представляла собой

пестрое сборище бродяг, подверженных припадкам неприязни, вспышкам ненависти, суеверным страхам и странным фантазиям, внезапным приступам уныния, разочарования или драчливости. А Сигурду, хотя он и был могучим пиратом, одно имя которого вызывало уважение среди Червонного Братства, все же явно не хватало той ауры удачи и силы, которой было окутано имя Амры-Льва.

Северянин нашел, что лучшим способом избежать безнадежного уныния и сохранить в пленниках интерес к жизни было всячески побуждать этих морских бродяг рассказывать о своих прошлых подвигах. Они проводили долгие часы в рассказах и спорах, шаг за шагом восстанавливая события минувших битв, осад и набегов, в которых они когда-то участвовали.

Снова и снова вспоминали они о деяниях Конана, или Амры-Льва,— под этим именем знало его большинство пиратов. Они рассказывали и пересказывали вновь, как, желая добиться благосклонности Белит, его первой большой любви, Конан вместе с ней разграбил Черное побережье и отважился проникнуть далеко в глубь материка по неизвестным рекам в джунгли Юга, где в полуразрушенном каменном городе женщину-пирата настиг страшный, неумолимый рок. Они рассказывали, как десять месяцев спустя Амра возник из небытия, чтобы вновь ступить на палубу барахского пиратского корабля, и как еще позже он неожиданно стал капитаном корабля зингарских морских разбойников. Снова, уже в который раз, они вспоминали о фантастической карьере их предводителя, героя, прошедшего сквозь тысячи смертельных опасностей и победившего в тысячах различных битв, от простых поединков до сотрясавших всю землю кровавых сражений.

Но в конце концов даже Сигурд начал падать духом. Темное сырое подземелье с его молчаливыми каменными стенами, мутная пелена бледного света, которая тяготила и растворяла в себе человеческую волю, а также скрытая угроза и ожидание своей неизвестной судьбы — все это создавало столь гнетущее настроение и источало такую безнадежность, что могло сломить самую яркую и стойкую душу.

Несколько раз Сигурд, с помощью самых сильных людей команды, пытался разорвать сковывающие их цепи. Звенья были сделаны из материала, внешне похожего на хрупкое стекло, но ему никогда не доводилось видеть металла столь прочного, как это прозрачное вещество. Оно было жестким

и твердым, как бронза. Никакие усилия, рывки, удары камнями и ногами, попытки изогнуть или растянуть его не привели к желаемому результату, если не считать легких царапин и выщербин на гладкой радужной поверхности.

Нет, похоже, бегство было им не по силам. Они могли лишь надеяться, что судьба сама прервет эту унылую череду дней. И в конце концов это произошло.

Металлический лязг копий и щитов мгновенно стряхнул с Сигурда чуткую беспокойную дремоту. Он медленно поднялся с соломы и увидел, как комната начала наполняться маленькими воинами с плоскими лицами, которые поднимали копьями его сонных товарищей и связывали им руки сзади.

— Что это, капитан? — пробормотал Горан Сингх.

Сигурд покачал головой, и его нечесаная рыжая седеющая борода заходила из стороны в сторону.

— Лишь Крому и Митре известно, дружище! — проворчал он.

Затем он повысил голос, чтобы его слышали все:

— Выше голову, парни! Мужайтесь и покажите этим коричневым собакам, что мы мужчины, хотя нас и держали в этой конуре среди нечистот, словно зверей. И если нас ведут под нож палача, то, во имя зеленой бороды Ллира и красного сердца Нергала, мы покажем этим вонючим свиньям, как умирают мужчины, не так ли, парни? Вы останетесь со старым Сигурдом до конца?

Среди пиратов его призыв вызвал хриплый гул приветствий и яростные крики:

— Да, Рыжебородый!

— Прекрасно, парни! А может статься, это будет всего лишь рабский рынок, а? Я думаю, что с удачливостью Братства такие крепкие ребята, как мы, будут приобретены высокородными дамами для особых услуг в их будуарах!

Он натянуто подмигнул.

Его люди ответили дружным свистом и непристойными жестами. Сигурд криво усмехнулся: все это было лишь притворство, он уже догадывался о том ужасном конце, который ждал их на этих проклятых островах на краю света.

Сигурд был прав. Ослепленные непривычно ярким солнечным светом, пираты, ошарашенно хлопая глазами, оглядывались по сторонам, пораженные открывшимся зрелищем. В вышине, словно сапфировый купол в таинственной обители богов, висел небосвод. Солнце стояло почти прямо

над головой, обливая горячими лучами тела, иззябшие во мраке смрадной сырой темницы. Пленники с наслаждением пили свежий морской бриз, прилетавший из бухты, зная, что, возможно, им уже никогда более не придется в этом мире наполнить легкие чистым соленым воздухом.

Они вышли из ворот хмурой серой цитадели, которую называли Передней Богов, и повернули на площадь с величественной черно-красной пирамидой. Огромное сооружение уносило свои плоские грани высоко вверх, и его вершина грозно маячила в вышине над головами десятков тысяч антильцев, скопившихся на площади.

Сигурд, шедший первым, оглянулся назад на своих товарищей. Жалкое зрелище они представляли собой: одетые в лохмотья, грязные, с длинными волосами и всклокоченными бородами. Сквозь дыры изорванного платья были видны костлявые ребра отощавших от скудной нездоровой пищи людей.

Ровные ряды солдат тянулись от Передней Богов до подножия пирамиды, очищая для них узкую дорожку на запруженной толпой площади. Охрана, подталкивая пиратов наконечниками копий, провела пленников по этому живому проходу и пристроила их в хвост цепочки голых антильцев.

Часть жрецов в одеяниях из перьев, возвышаясь над толпой на своих высоких подставках-каблуках, назойливо суетилась, другие стояли рядом у самого основания пирамиды. В их руках развевались странные флажки и знамена.

Теперь зловещие очертания пирамиды вырисовывались над самой головой пленников — на фоне голубого неба. Кнуты со свистом рассекали воздух и хлестко ложились на едва прикрытые лохмотьями плечи пиратов, когда солдаты направляли их колонну в хвост цепочки антильцев. Молчаливо, медленно и беспрекословно вереницы маленьких коричневых людей с трудом поднимались вверх по крутым ступенькам, уходившим к самой вершине зиккурата.

Сигурд откинул голову и внимательно всматривался суженными, слезящимися от яркого полуденного солнца глазами в то, что происходило на вершине пирамиды, маячившей где-то высоко в сверкающем субтропическом небе. Он смог различить огромный алтарь из черного камня. Рядом высился трон, на котором восседала облаченная в платье из разноцветных перьев фигура.

Один за другим молчаливые антильцы, подгоняемые суровыми солдатами, подходили, низко склонив головы, к

храму на вершине. Сигурд мог видеть, как жрецы в звериных масках и платьях из перьев схватили человека за руки, сняли оковы и растянули жертву на каменной поверхности алтаря. Затем вперед вышла другая фигура, в еще более фантастическом костюме из перьев и драгоценных камней, хотя трудно было издалека как следует рассмотреть ее. Жрец вытянул вперед тощую коричневую руку и приложил к голой груди антильца какой-то таинственный символ. От нестерпимого блеска солнца на глазах Сигурда внезапно выступили слезы, и он опустил голову, чтобы вытереть их. Когда он снова взглянул вверх, то увидел, что рука верховного жреца поднялась и что-то сверкнуло в его кулаке — это был прозрачный, как стекло, нож. Нож описал стремительную дугу. Распростертый на каменном алтаре человек конвульсивно дернулся. На мгновение жрец склонился над жертвой, работая ножом и что-то нащупывая свободной рукой.

Затем тощая, обагренная кровью коричневая рука поднялась снова, вознося над головой к яркому небу красный комок, с которого вниз падали алые капли крови,— то было сердце жертвы, вырезанное из еще живого тела.

Толпа внизу испустила единый вздох. Жрецы запели низкими голосами торжественную песню-заклинание. Эта медленная гипнотическая песня, которая напоминала Сигурду глухой рокот моря, покачивала священнослужителей из стороны в сторону. Жертвенный огонь у самого алтаря выбросил вверх густые клубы черного дыма, когда сердце жертвы упало туда вслед за многими другими, кучей лежавшими на горящих углях. Тело человека тут же уволокли куда-то перемазанные кровью жрецы, и следующая покорная жертва была подведена к алтарю. Потрясенный этим зрелищем, Сигурд спрашивал себя, сколько времени уже продолжался этот страшный ритуал.

Охрана заставляла цепочку людей медленно, ступенька за ступенькой двигаться вверх. Пираты за спиной Сигурда, как и он, не проронили ни звука; они словно онемели, придавленные тяжестью ужаса, висевшего над вершиной пирамиды. Старый морской разбойник не чувствовал ничего, кроме ледяной пустоты внутри, как будто время остановило свой бег и вся вселенная сжалась до размеров его тела. Еще несколько минут — и все будет кончено, завершится их длительное путешествие, легенда будет досказана до конца. Да и какое все это имело значение? Разве любая человеческая жизнь не лишена смысла так же, как и его собственная жизнь? И все же...

Вдруг волны ярости и возмущения захлестнули Сигурда, его упрямое старое сердце гулко забилось в негодовании. Все его существо восстало против безропотного подчинения судьбе. Разве он ничуть не лучше этих недоразвитых островитян? Во имя Молота Тора, нет! Смерть не страшила его. Она была его старым корабельным товарищем. Чем же был тогда этот порыв внезапного бунта, который перевернул все в его душе? Гордость! Да, во имя Бадба и Морригана, это была именно она, самая настоящая гордость!

Сигурд глухо рассмеялся. Ближайшие к нему пираты из этой медленно движущейся вверх вереницы людей подняли на него глаза, на их лицах было написано непонимание и удивление. Да, это дьявольски неподходящий способ для старого ванира встретить свою смерть!

16

В ЛОГОВЕ ДРАКОНА

Заслышав шорох роговых пластин,
Лев узнает, что здесь он не один.

Путешествие Амры

Сначала Конану показалось, что он уже умер и что бурное море жизни смыло его окоченевшее тело и выбросило на лишенные света берега потустороннего мира. Некоторое время он лежал без движения, моргая, чтобы сбросить с ресниц капельки воды, застилавшие ему глаза. Затем понемногу его чувства начали просыпаться, и Конан понял, что каким-то образом он уцелел.

Это было почти невероятно, но все же он был жив. Его мертвое тело, ушедшее ко дну под тяжестью кольчуги, уже давно должно было бы перекатываться и биться о выступы неровного ложа стремительного потока.

Конан приподнялся на локте и с изумлением огляделся. Он лежал во вместительном подземном гроте, и, как ни странно, здесь не царил непроницаемый мрак. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел тысячи маленьких пятнышек на потолке и на дальних стенах пещеры, от которых исходило слабое зеленоватое свечение. В его голове промелькнула мысль, что, может быть, он лежит на чистом воздухе, а зеленые светлячки — это звезды на черном небе;

но Конан тут же сообразил, что звезды не могут быть такими одинаково яркими и так правильно расположенными.

Конан лежал на мокром, скрипящем под его телом песке, на берегу той самой подземной реки. Черный поток врывался в пещеру из-под сводов низкого и темного туннеля, отверстие которого он смутно видел за бурляшими струями несущейся воды. Русло делало крутой поворот и отбрасывало стремительное течение налево, где река снова исчезала в другом зияющем в стене отверстии. Должно быть, на этом изгибе течение выбросило почти безжизненное тело на берег, а последние, еще теплящиеся искорки сознания заставили его проползти еще несколько футов вверх по склону — как раз столько, сколько было необходимо, чтобы выбраться из холодных объятий черного потока. Затем сознание погасло, и он провалился в абсолютную темноту.

Конан с трудом поднялся на четвереньки и сел на камни. Внимательно, насколько это было возможно в бледно-зеленоватом свечении, исходящем от стен, он осмотрел себя с ног до головы. Похоже, кости остались целы, но все тело было усеяно ушибами и неглубокими порезами — следами зубов гигантских крыс или каменистого дна реки. Его штаны висели лохмотьями, сапоги были разрезаны на носках и у щиколоток острыми зубами грызунов, так что из дыр торчали израненные пальцы ног. К счастью, холодная вода подземной реки промыла его раны.

На железных кольцах рубашки-кольчуги уже образовался тонкий налет ржавчины, и тяжелое снаряжение слабо поскрипывало при каждом движении. Кинжал все еще торчал у него за поясом, однако меч был потерян при падении в реку.

Киммериец с трудом поднялся на ноги, пошатываясь и постепенно приходя в себя. Каждый мускул его мощного тела болел и ныл. Сражение с крысиной ордой подточило даже его стальную выносливость, которая выходила за пределы человеческих возможностей. Он находился в смутном, полуобморочном состоянии. Чувства его притупились, и внутри рождалось ощущение собственной нереальности и неуязвимости. Затем изможденный Конан впал в тревожную дремоту. Без сомнения, он проспал целый день и всю ночь, а может быть, еще дольше.

Когда наконец Конан вновь осторожно потянулся, колющая боль в мускулах дала понять, что кровообращение начало восстанавливаться. В то же время он ощутил прилив

новых сил, и по его истерзанному телу опять пробежали токи жизни. Конан прошелся несколько раз взад-вперед по изгибу берега. Его конечности постепенно снова начинали обретать гибкость. Он швырнул в сторону ножны своего широкого меча; слишком легкие, чтобы пригодиться в качестве оружия, они бы только мешали ему.

В конце концов Конан понял, что страшно голоден и хочет пить. Он утолил жажду холодной водой подземной реки, но голод утолить было нечем. Если бы он только увлек вместе с собой одну из тех гигантских крыс...

Внезапно что-то призрачно промелькнувшее под водой привлекло его внимание. Рядом он заметил еще одно слабое колебание воды и обнаружил, что в реке водится рыба. Конан нашел выступ скалы, который мог бы служить ему удобной платформой, и в напряжении замер на камне, наблюдая за снующими под водой рыбами с терпеливостью опытного охотника.

Прошло некоторое время. Неожиданно длинная рука Конана вспорола черную поверхность реки и вновь появилась с извивающейся рыбой, которую он крепко держал пальцами за жабры. Он распластал рыбу на скале, соскреб кинжалом чешую и с наслаждением впился зубами в жесткое белое мясо. Когда трапеза была закончена, Конан смыл кровь и прилипшие чешуйки с рук и лица, после чего почувствовал в себе силы заняться обследованием пещеры.

Прежде всего он направился к ближайшей стене подземного грота. Конан двигался медленно и осторожно, всматриваясь в тонущие во мраке неровности пещеры, чтобы случайно не провалиться в какую-нибудь канаву или колодец и не упасть в нижние этажи лабиринта туннелей. И хотя освещение было достаточно тусклым, долгие часы, проведенные в темноте, сделали его глаза очень чувствительными к малейшим проблескам света.

Наконец Конан добрался до места, где пещера плавной дугой выгибалась вверх, сливаясь с потолком. Его изучающий взгляд скользнул по одному из ближайших зеленоватых огоньков, слабо поблескивающих на каменной стене. Казалось, что свечение исходит от какого-то продолговатого предмета, размером и формой напоминавшего палец ребенка. Осторожно, не дотрагиваясь до неизвестного предмета незащищенной рукой, он вытащил кинжал и проткнул один из зеленых огоньков, отчего тот судорожно изогнулся, упал со стены и прокатился у самых ног Конана. При более вни-

мательном рассмотрении киммериец обнаружил, что светящимся «пальцем» была какая-то гусеница или личинка. Сотни и тысячи этих созданий усеивали потолок и стены.

Он удовлетворенно хмыкнул. Мгновенно тысячи ближайших к нему светящихся червеобразных существ погасли, оставив на стене широкую полосу непроницаемого мрака. Конан замер на месте, выжидая, и скоро маленькие зеленоватые светлячки снова начали испускать сначала совсем слабое, а потом все усиливающееся сияние, пока опять не достигли прежней устойчивой яркости. Очевидно, внезапный звук испугал этих светящихся червяков, и они погасили свои фонари.

Свет был очень кстати, но теперь Конан ясно осознавал, что он, вероятно, сильно отклонился от намеченного маршрута. Убегая от крыс, он выбирал наиболее удобную для продвижения дорогу и опрометчиво сбился с пути, который так тщательно пытался запечатлеть в своей памяти, просиживая над картами в покоях короля воров Метемфока. Не было никакой надежды найти потерянную нить прежней дороги. Даже если бы Конану удалось каким-то образом подняться вверх по течению реки, он мог вновь встретиться там с дикой стаей гигантских крыс, которые, верно, рыскали сейчас где-нибудь неподалеку. А теперь у него не было даже меча для защиты от этих кровожадных грызунов.

Конан вновь принялся исследовать просторную пещеру. То здесь, то там поднимались титанических размеров сталагмиты, которые почти касались свисающих сверху сталактитов, а иногда соединялись с ними, образуя необъятных размеров столбы. Они напоминали Конану колонны древних храмов, построенных для поклонения сумрачным богам подземного мира. В сравнении с огромными размерами этих каменных образований даже его гигантская фигура казалась карликовой.

Теперь, когда голод уже не донимал его так сильно, Конан принялся подыскивать себе оружие более эффективное, чем обычный кинжал. И хотя это было надежное оружие весьма внушительных размеров, Конан чувствовал, что ему необходимо что-нибудь подлиннее. Ведь даже среди вездесущих воров Птаукана никто не знал, каких еще безымянных обитателей подземного мира доведется встретить киммерийцу во время странствий сквозь эти мрачные туннели.

Сталагмиты, попадавшиеся ему на пути, имели округлую форму, с тупыми концами и совсем не подходили Конану, которому нужно было что-нибудь поизящнее, наподобие

копья. Наконец он нашел то, что искал. Подняв известняковую глыбу весом не меньше двадцати фунтов, Конан размахнулся и с силой ударил рукоятью кинжала по заостренному стволу сравнительно тонкого сталактита. Известковый нарост надломился, и Конан отбросил свое орудие, чтобы поймать падающий сталактит. При гулком звуке удара каменной дубины об пол в пещере воцарилась кромешная темнота, но вскоре светящиеся гусеницы снова достигли прежней яркости и вокруг разлился их бледный зеленоватый свет.

Конан взвесил в руке свое новое оружие. Это было четырехфутовое каменное древко, с одного конца толщиной с запястье руки, а с другого — сужающееся до тонкого острия. И хотя оно не обладало остротой копья, во все еще могучих руках Конана это каменное образование служило серьезным оружием, которым он мог проткнуть врага. Или же, схватив сталактит за тонкий конец, Конан мог орудовать им, как дубиной, хотя прочность материала, из которого состояло это новое орудие, вызывала у него серьезные опасения. Его также можно было бросать, как дротик, на короткое расстояние.

Вооруженный таким образом, Конан почувствовал новый прилив уверенности и теперь готов был противостоять даже безымянным ужасным существам этого погруженного в вечную тьму мира. Осторожно он снова принялся исследовать огромный грот, пытаясь двигаться в том направлении, где сгущающийся мрак свидетельствовал, что пещера простирается в эту сторону глубже всего.

По мере продвижения вперед стены грота начали сужаться и потолок опустился ниже. Светящихся червей стало меньше, и в почти непроницаемой темноте Конан вынужден был удвоить осторожность. Теперь он двигался очень медленно, тщательно ощупывая дорогу впереди обломком сталактита, чтобы не попасть в какой-нибудь провал. Опасное положение. Один неудачный шаг — и он, не успев даже осознать происшедшего, соскользнет в один из глубоких каменных колодцев.

Оступившись, Конан врезался головой в сталагмит примерно с него ростом. Непрочная каменная колонна треснула и с громким стуком рухнула на пол. Звук ее падения глухим вибрирующим эхом разнесся по туннелю. Тотчас же все светящиеся черви вокруг погасли, оставив Конана в практически непроницаемой тьме.

— Чтоб Ариман сожрал эти проклятые пещеры! — прорычал он. Однако, несмотря на кромешный мрак, Конан

продолжил свой путь в том же направлении, нащупывая дорогу ногой и острием сталактита.

Вдруг каменное орудие киммерийца коснулось впереди чего-то живого, и Конан почувствовал, как оно зашевелилось. Сердце мгновенно захлестнул холод, он застыл, напряженно вслушиваясь и вглядываясь во мрак в надежде, что невидимое существо первым выдаст свое происхождение.

Из мрака перед его глазами раздалось громкое короткое шипение, похожее на шипение змеи, усиленное в десятки раз. Смрад, исходящий от неведомого пресмыкающегося, ударил ему в ноздри. Конан должен был бы почувствовать этот запах раньше, но из-за чуть заметного ветерка, который вяло дул ему в спину, он не смог уловить этого терпкого зловония, пока не наткнулся на его источник.

Пот выступил на лбу киммерийца. Может быть, он вышел на змеиное гнездо? Как всякий северный варвар, он терпеть не мог змей, в изобилии водившихся лишь в непроходимых джунглях юга. Несколько раз Конану все же довелось сталкиваться с подобными тварями, которые, впрочем, во много раз превосходили все обычные виды. Это были чудовища не менее пятидесяти футов длиной, с головами величиной с лошадиную.

Конан попытался отступить незамеченным и сделал шаг назад. До его слуха донеслось странное шуршание, будто где-то впереди по каменному бугристому полу тянули какой-то тяжелый мешок. Он затаил дыхание, чтобы даже малейший звук не выдал его присутствия.

В это время светящиеся гусеницы на стенах снова начали испускать свое бледное сияние. Когда в туннеле стало чуть светлее, Конан увидел, как впереди, на уровне его головы, возник холодный кружок зеленоватого света величиной с тарелку. Это был огромный глаз. Затем он качнулся в сторону, и Конан увидел второй, такой же. Постепенно бледное свечение достигло своей обычной яркости, и Конан понял, что столкнулся с драконом. Эта рептилия отдаленно напоминала одну из крупных ящериц, которых он видел в Птаукане на прилавках лавчонок мясного ряда. Однако этот экземпляр достигал пятидесяти футов. Пасть чудовища была слегка приоткрыта, обнажая тускло поблескивающие в темноте белые сабли страшных клыков. Между ними, там, где массивные челюсти тупо закруглялись, выскочил раздвоенный, как у змеи, язык, который быстро засновал из стороны в сторону, пробуя воздух и, видимо, пытаясь уловить запах пришельца.

Конан резко бросился в зеленоватый мрак боковой пещеры, пытаясь обойти огромного ящера. Дракон оторвал свое скользкое чешуйчатое тело от скалы, на которой спал, и рванулся за ним. Его короткие кривые ноги двигались неуклюже, словно закрепленные на шарнирах. И тем не менее животное покрывало разделяющее их расстояние с ужасающей скоростью.

Пытаясь обойти дракона, Конан обнаружил, что несется по направлению к какому-то боковому ответвлению туннеля. Здесь было меньше светящихся червей, и Конану пришлось несколько сбавить темп, но зато далеко впереди замаячил яркий свет. Это было вовсе не то изумрудно-зеленоватое тусклое свечение, что излучали странные существа на стенах и сводах. Пятно имело оттенок обычного дневного света.

За спиной он явственно слышал громкий стальной стук когтей и зловещее шуршание чешуи. Конан подумал, что на открытом пространстве он, конечно, смог бы убежать от этой твари, но здесь ему приходилось посматривать себе под ноги, чтобы не зацепиться на ходу. Если он споткнется, то вряд ли успеет подняться и страшные челюсти чудовища неотвратимо сомкнутся на его теле.

Туннель начал расширяться и вывел к просторному залу. Восковой свет стал здесь немного ярче и исходил откуда-то сверху. Здесь было уже достаточно светло, и Конан сразу разглядел еще двух драконов — справа и слева от себя. Один из них мирно дремал, в то время как другой заканчивал свою трапезу. Одного короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, чем он лакомился: из приоткрытой пасти ящера торчали две человеческие ноги.

Когда Конан рванулся вперед, пытаясь проскочить между чудовищами, спящий дракон приоткрыл глаза. У другого животного судорожно дернулось горло, проталкивая человеческие ноги в глотку. Если бы оба ящера не были так поглощены своими делами, им не составило бы труда сделать резкий выпад своей закованной в чешую головой и поймать киммерийца, когда тот проносился мимо.

Как бы там ни было, преследующее его чудовище, громко стуча когтями о каменный пол, ворвалось в пещеру и издало звучный утробный вопль, больше походивший на отрыжку. Вскоре все три ящера уже мчались за Конаном. Один из них, из пасти которого торчали ноги, яростно сглатывал на бегу, явно желая освободить место для новой жертвы.

Пещера, куда попал Конан, была чем-то вроде передней, примыкавшей к другому залу еще больших размеров. Четыре стены уходили высоко вверх, в одной из них виднелись бронзовые створки огромных ворот, подобных тем, что Конан видел у основания гигантской ступенчатой пирамиды на главной площади города.

В каменной стене напротив дверей были высечены углубления, а в них вбиты колышки, образующие что-то вроде ступенек. Эта каменная лестница начиналась у самого пола и уходила на тридцать футов вверх. Над ней располагалась маленькая платформа, за которой зияло открытое отверстие туннеля. Конану показалось, что на платформе прогуливается взад и вперед вооруженный антилец, но у него не было времени внимательнее рассмотреть фигуру человека наверху.

Основное внимание киммерийца было сосредоточено на шести грифельно-серых драконах, которые скопились в центре пещеры. Среди них были и почти детеныши длиной не более шести футов, и жутко древние чудовища, превышающие шестьдесят футов в длину. Гигантские ящеры присели на задние лапы, вытянув головы и образуя круг как раз под отверстием глубокого колодца. Каждой чешуйкой своих морд они устремились вверх, к квадратному оконцу, сквозь которое с трудом проникали лучи солнечного света. Казалось, что животные заняты каким-то таинственным древним ритуалом поклонения своему далекому предку, прародителю всех драконов. Зубчатые гребни, как килевые плоскости судна, сбегали по их спинам от головы до кончика чешуйчатого хвоста.

Теперь легкие Конана всасывали затхлое зловоние, источаемое телами рептилий. Его нога соскользнула с гладкой поверхности полузарытого в перемешанный с отбросами песок яйца яшеров. Размерами такое яйцо превосходило даже яйца страусов из Куша. Вокруг в изобилии были разбросаны какие-то белые обломки — непереваренные кости людей. Справа валялся череп, чуть дальше лежала челюсть, рядом с ней — раздробленные кости таза.

Когда Конан влетел в эту огромную пещеру, преследуемый по пятам тремя драконами, шесть ящеров, застывших в напряженном ожидании в центре комнаты, опустили головы и уставились на человека огромными, как крупные изумруды, зелеными глазами. Когда в неповоротливые мозги рептилий наконец проникла мысль, что в пещере появилось еще мясо, они повернулись и неспешно затрусили к киммерийцу; и при каждом размашистом шаге было слыш-

но, как их когти глухо стучат по полу, а огромные, покачивающиеся при ходьбе из стороны в сторону хвосты с шумом рассекают воздух. Неожиданно справа от Конана показалось разверстое отверстие еще одного туннеля. Он рванулся туда, но, когда уже почти достиг цели, зеленый отсвет двух пар глаз в глубине прохода и шуршание чешуи остановили его. Конан понял, что еще два дракона, привлеченных шумом, направляются к главной пещере, чтобы выяснить, в чем дело. И вряд ли ему удастся проскользнуть между ящерами в таком узком туннеле.

Тогда он бросился к бронзовым дверям. Но на воротах не было ни щеколды, ни рукояти — ничего, за что можно было бы ухватиться, и они не поддавались его отчаянным толчкам. Теперь ящеры толпой устремились к нему. Конан обнаружил, что находится в центре полукруга, образованного животными. Пот обильно струился по его лбу и застилал глаза.

Эти твари были похуже крыс. Те, по крайней мере, были теплокровными животными, дальними родственниками человека, как утверждали некоторые философы. Но эти огромные, медлительные древние рептилии стояли на противоположной по отношению к человеку ветви эволюции. Это были скользкие монстры, возникшие из первородной грязи, монстры, сохранившиеся со времен юности мира. Тогда землю сотрясала поступь еще более могучих существ, появившихся на свет за миллионы лет до того, как первый человек научился стоять на ногах и начал бороться за господствующее положение в мире природных стихий.

Они приближались, словно ожившие отвратительные кошмары из полных ужаса адских глубин.

17

ДЕНЬ КРОВИ И ОГНЯ

Фонтаном алым брызжет кровь,
И тьма пьет жизнь из чаш кровавых рук,
Но Он торопит верных слуг,
И черный нож взлетает вновь.

Видения Эпимитреуса

В слепящем блеске полуденного солнца молчаливая вереница людей медленно продвигалась к могучей пирамиде из черных и красных глыб. От огнедышащего зноя по лицу и спине Сигурда обильно струился пот.

Никогда ему в голову не приходила мысль, что его жизнь может оборваться среди подобного варварского величия. Он представлял свою гибель другой — на горящей палубе корабля, скользкой от крови, или во время налета на прибрежный город на булыжнике одного из безымянных переулков морского порта, когда сумеречное небо залито красным заревом горящих храмов. Это могло бы произойти в какомнибудь безнадежном поединке с нахальным и ловким морским разбойником на кровавых улицах ревущего Тортажа. Холодный поцелуй мерцающего лезвия, стальной клинок, пронзающий его грудь, и оскалившееся в усмешке смуглое бородатое лицо, проплывшее в красной пелене, которая уже застилает глаза,— он не раз видел такую смерть со стороны, она была ему понятна и знакома.

Сигурд окинул взглядом раскаленную на солнце площадь. Со всех четырех сторон пирамиду окружали прямые ряды каменных скамеек. На них, одетые в нарядные платья, расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями и перьями, расположились тысячи состоятельных жителей из высших сословий Антильского государства. Простые жители Птаукана, на которых были в основном набедренные повязки, толпились на площади, между скамей и у основания зиккурата. Антильцы стояли или сидели в напряженном молчании, поглощенные мрачным спектаклем, который разыгрывался на вершине пирамиды.

У самого ее основания монотонно покачивались в такт музыке длинные ряды жрецов Птаукана. Их голоса поднимались вверх и катились неспешными волнами в бесконечной заунывной песне, перемежаемой мерным стуком огромных барабанов, обтянутых человеческой кожей; звуки эти гулко отдавались в ушах ударами могучего сердца. Сами барабаны были расположены в нише на одном из выступов пирамиды. Покрытые белой известкой вертикальные стены этого углубления были расписаны яркими образами странных богов и демонов этой экзотической земли.

Сигурд взглянул наверх. Высоко над головами в лазурном свете неба четко вырисовывались контуры черного трона. Иерарх, закутанный в платье, обшитое ярко отсвечивающими изумрудно-зелеными перьями, восседал на этом массивном кресле, расположенном с краю платформы на вершине пирамиды, и, протянув к небу голые коричневые руки, делал какие-то странные жесты. Украшенный драгоценными камнями высокий трон слепо поблескивал на солнце и отливал перламутром.

На площадке перед ним зловеще светилась черная полированная поверхность алтаря. Небольшой храм на вершине пирамиды был обращен лицом к Иерарху, от которого его отделял залитый кровью алтарь. Вокруг него без устали работали жрец и его два помощника. На жреце — главном исполнителе обряда жертвоприношения — была лишь набедренная повязка и сандалии. Его лицо и грудь скрывал какой-то фантастический убор из перьев и золотых ожерелий. Желтые кольца и амулеты расщепляли лучи солнечного света на тысячи искрящихся лучиков, которые окутывали голову жреца призрачным облаком сверкающего света.

В это время к алтарю приблизилась женщина-рабыня, которой предстояло пройти древний антильский ритуал. Помощники жреца грубо схватили ее за голые коричневые руки и прижали спиной к алтарю. Обсидиановый нож сверкнул на солнце и опустился вниз. Мгновение — и жрец поднял зажатое в кулаке сердце, сочившееся кровью.

Челюсть Сигурда отвисла от изумления, так как даже в его ни во что не верящих глазах что-то начало материализоваться из прозрачного воздуха.

Солнечный свет потускнел, не в силах пробиться сквозь сгущающееся облако мрака в вышине. Леденящим холодом дохнуло от легшей на площадь тени. Воздух окоченел, словно пронизанный вечной стужей межзвездных пространств. Над зиккуратом медленно возникали очертания Демона Тьмы.

Сигурд слышал, как за его спиной пираты бормотали молитвы, хотя его команда отнюдь не отличалась особым благочестием.

Над пирамидой облако мрака уплотнялось и затвердевало. Казалось, сама тьма начала обретать форму и вес, как будто черная тень обращается в реально существующий предмет. Из облака задул все усиливающийся холодный зловонный ветер. Создавалось впечатление, что черная туча превращается в некое бесформенное морское существо. От туманного центра бахромой лениво ниспадали призрачные складки, словно сотканные из серых теней. Внутри облака все бурлило и бешено вращалось, и Сигурду показалось, что таким и должен был быть легендарный Мальстрем, который, по преданиям, находился где-то у северных арктических берегов его родного Ванахейма.

Завороженно смотрел Сигурд на это странное явление. Оно притягивало к себе его взгляд с гипнотической силой —

так холодные глаза змеи лишают воли находящуюся вблизи птицу.

С неприятным холодком ужаса старый морской разбойник понял, что этот сгусток мрака питается жизненной силой людей, приносимых в жертву на алтаре. Каким-то образом он может пить их жизни, которые выходят из тел под залитым кровью ножом жреца. Он видел, как верховный жрец питал облако тьмы, поднимая к его дымчатым складкам одно за другим человеческие сердца.

Тогда до Сигурда наконец дошел смысл загадочного символа древних атлантов. Их эмблема — Черный Кракен, которую непосвященный ум принимал за огромного осьминога,— на самом деле изображала пульсирующую и медленно растущую тучу Черного Ужаса. Сигурд вспомнил знак Черного Кракена, украшавший нос зеленой антильской галеры, которую они потопили по дороге к этим проклятым островам. Черный Кракен — это был Хотли, Демон Тьмы, как говорилось в древних мифах!

Сигурд скривил губы в жесткой усмешке, но мужество постепенно покидало его. Если бы он раньше угадал зловещий смысл, скрытый за символом атлантов, то никогда бы столь безрассудно не отправился в это стремительное путешествие, что в конце концов привело его к сочащемуся кровью алтарю с нависшим над ним облаком вампирического мрака из иного, ледяного мира.

Шаг за шагом вереница людей в молчании продвигалась вверх. Крутая каменная лестница, которая вела к вершине зиккурата, все приближалась. Над головой висел пульсирующий сгусток мрака. Он постепенно увеличивался в размерах, и темнота внутри облака сгущалась.

Как ни странно, ни один из предназначенных в жертву людей не пытался сбежать. Они стояли в затылок друг другу со склоненными головами. Иные завороженно уставились вверх, время от времени поднимаясь на одну ступеньку. Казалось, они находились в каком-то наркотическом трансе.

Конечно, любой порыв к освобождению не мог увенчаться успехом. Пленники были закованы в прочнейшие прозрачные цепи, которые соединяли их связанные сзади руки с кольцом на шее; вдоль пути выстроились настороженные воины в стеклянных доспехах с острыми прозрачными пиками и мечами. Словно в полусне, люди покорно поднимались к месту кровавой резни.

Возможно, их воля была подчинена темной силе, исходящей из зловещей массы наверху, или она была поглощена монотонным ритмом песни плавно раскачивающихся в такт жрецов, которые тоже в экстазе смотрели вверх на своего демона-бога. Как бы там ни было, ни один из пленников не пытался избежать смерти от кровавого жертвенного ножа, что без устали поднимался и опускался под сенью зловещей черной массы наверху.

Одно за другим помощники-жрецы оттаскивали тела от каменного алтаря. Кровь заливала грудь жертвы, руки бессильно волочились сзади. Затем мертвое тело сбрасывалось в черное отверстие шахты на вершине пирамиды. И тут же новая жертва выталкивалась к алтарю. Сигурд видел, как четыре жреца держали человека за руки и за ноги, в то время как пятый снимал с него оковы. Тут же старший жрец склонился над ним. Вскоре нож взлетел в воздух и стремительно ринулся вниз; фонтаном брызнула кровь; жрец поднял на раскрытой ладони сердце жертвы, преподнося новый дар Черному Хотли. Еще одно обмякшее тело было сброшено в дыру колодца у алтаря.

Сигурд медленно двигался вверх по лестнице. Он не жалел, что идет первым. С того самого момента, как Конан погиб, вся ответственность за экипаж «Красного Льва» легла на него, и теперь ему предстояло подать пример сурового мужества остальным.

В конце концов дошла очередь и по него. Бешеный черный вихрь был угрожающе близко. Сигурд ясно ощущал исходящие от него холодные токи. Где-то в глубине души он чувствовал испытующий взгляд его невидимого глаза, жаждущего всосать в себя самые основы его человеческой сущности.

Жрецы в масках возникли прямо перед ним. Их голые до пояса жилистые коричневые тела были обильно забрызганы кровью. Когтистые, как у хищной птицы, лапы вонзились в его руки и ноги, когда они волочили тяжелое тело Сигурда по мокрой поверхности холодного камня. Остекленевшие глаза жрецов казались пустыми глазницами мертвецов.

Лежа на спине и бессмысленно уставясь в пульсирующий мрак наверху, Сигурд слышал, как его наручники и обруч на шее были разомкнуты. Стальные когти сжались на его запястьях и у щиколоток. Теперь над ним появился и при-

носивший жертвы жрец. Его лицо было скрыто за чеканной дьявольской маской, усыпанной массой изумрудных перьев. Длинная, залитая кровью рука опустилась вниз и острым когтем сделала отметку на волосатой груди Сигурда. Затем в небе возникла вторая рука, сжимавшая рукоятку ножа из черного стеклянистого материала. Вот она уже описала крутую дугу на фоне непроглядно-черной массы. Нож пошел вниз...

Вдруг рука жреца остановилась в воздухе. Сигурд, который непроизвольно затаил дыхание в ожидании смерти, шумно выдохнул.

Фигура жреца каменным изваянием вырисовывалась на фоне неба. Его покрытая перьями маска резко повернулась в сторону, в этом своем движении чем-то напоминая голову удивленного и насторожившегося ястреба. Странные звуки дошли до ушей Сигурда. Они исходили откуда-то снизу, похожие на отдаленный гулкий звон огромного колокола, бьющего победную песнь неумолимого рока. Восседающий на троне Иерарх прекратил свои заклинания и спросил что-то у стоявших внизу жрецов.

Затем послышался громкий шелест, как будто все антильцы разом выдохнули. И следом — взрыв пронзительных криков.

Залитый кровью жрец с ножом подался вперед и с изумлением уставился вниз. Что-то происходило на площади у подножия пирамиды. Затем Сигурд услышал глубокий звучный рев, похожий на брачный зов крокодила-самца на одной из речек у берегов Куша, только куда более протяжный и громкий.

Четыре державших Сигурда жреца отпустили его и тоже ошарашенно уставились на площадь, где шум все усиливался. Они хватали друг друга за руки, указывая вниз пальцами и вскрикивая от возбуждения. Как только на вершине пирамиды произошло замешательство, пираты вышли из состояния транса, в котором они находились все это время. Было ли это пробуждение вызвано внезапным прекращением несущегося снизу монотонного гимна, или это произошло из-за того, что Иерарх прекратил свои заклинания, или даже просто потому, что они отвлеклись от поглощающего волю неотрывного созерцания черной тучи наверху,— никто не мог этого сказать. Но как бы там ни было, гипнотические чары, парализовавшие их сознание, внезапно развеялись.

Сигурд стремительно скатился с жертвенного алтаря. Ясунга, сверкнув белыми зубами на черном лице, размахнулся, и его стеклянные тяжелые наручники с ужасающей силой врезались в голову жреца с ножом в дьявольской маске, все внимание которого было поглощено событиями на площади. Тот волчком закружился на месте и рухнул без сознания на каменный пол. Кровь его смешалась с кровью жертв.

Тем временем Сигурд, соображавший в тот момент как никогда в жизни быстро, бросился к жрецу, который держал ключи от оков. Волосатые руки северянина сжали его тощую шею. Облаченная в перья фигура повалилась на пол; железные пальцы Сигурда вонзились в глотку жреца, разрывая горло.

18

ВРАТА РОКА

Свой страшный алый плод возносит он,
Где мрак сгустился в вихрь ледяной.
Пред погруженною в какой-то
странный сон
Благоговейно замершей толпой.

Видения Эпимитреуса

Прыгнув вперед, Конан взмахнул своей тяжелой дубиной с отчаянным мужеством загнанного в угол волка. Каменное орудие с глухим звуком врезалось в чешуйчатую морду ближайшей огромной рептилии. С громким треском сталактит разломился пополам, и тяжелый звук падения эхом отозвался в огромной пещере.

Свирепо зашипев, дракон попятился назад, пряча клыки и рассекая воздух своим длинным гибким хвостом. За все столетия, прожитые им в подземных пещерах Птаукана, еще никогда его жертва так себя не вела. У дракона не было опыта встреч с еще живой и сопротивляющейся добычей, и выпад Конана изумил и озадачил ящера не меньше, чем рассердил животное.

Теперь оружие Конана сильно уменьшилось в размерах, превратившись в двухфутовый известняковый шип. И все

же, думал он, его остроты хватит, чтобы пронзить один из этих огромных зеленых глаз, которые, моргая, уставились на него из постепенно сжимающегося полукруга чешуйчатых голов. Нет, он не думал, что это спасет его, потому что у подобных созданий даже осознание собственной смерти занимает достаточно длительное время.

Но по крайней мере пусть драконы знают, что он погиб, сражаясь. Две огромные ящерицы подступили ближе — они были уже почти в пределах досягаемости, и Конан подготовился к последнему сражению, выставив шип вперед, словно кинжал. Еще мгновение — и он набросится на ближайшее чудовище...

Неожиданно напряжение несколько разрядилось. Из отверстия в потолке, откуда на пол падал столб бледного света, что-то темное пролетело вниз и с приглушенным хлопком упало посредине пещеры. Это было обнаженное тело человека с ужасной рваной раной на груди.

Дракон, которого Конан огрел своей каменной дубиной, хрюкнул, резко повернулся и неуклюже затрусил к распростертому телу. Такая привычная безобидная пища была ему больше по вкусу, чем двуногий кусок мяса, больно стукнувший его по носу. Как только первый дракон повернул назад, второй, а затем и третий инстинктивно бросились следом, к кружку света на каменном полу.

Ящер, первым добравшийся до мертвого тела, словно ковшом, подцепил своими широкими челюстями верхнюю часть тела человека, поскребывая массивной мордой по полу и вращая головой, чтобы захватить кусок побольше. Но едва он поднял добычу, как другой дракон намертво вцепился в свисавшие из пасти ноги мертвеца. Некоторое время обе рептилии перетягивали добычу друг у друга, злобно рыча и мотая головами из стороны в сторону, остальные же сгрудились вокруг, пытаясь тоже урвать кусок своими страшными зубами.

Вскоре тело с неприятным звуком разорвалось пополам. Два дракона, успевшие первыми схватить добычу, попятились назад, а остальные бросились поднимать с пола выпавшие внутренности, толкаясь и спеша обогнать друг друга.

Внезапное озарение открыло Конану тайну многих вещей, которые до того момента оставались для него загадкой. Прежде всего он недоумевал, где такие огромные хищники могли найти себе пропитание в этом лабиринте пещер.

Летучие мыши и светящиеся черви явно не могли прокормить их, но постоянный приток жертв отвратительного местного ритуала должен был не только поддержать их существование, но и, видимо, давал ящерам возможность пребывать в настоящей роскоши по их драконьим понятиям. И Катлахос, и глава воров Метемфок описывали ему массовые жертвоприношения богу Хотли и говорили, что тела сбрасывают куда-то. Эта догадка объясняла тот факт, что, вбежав в пещеру, он обнаружил здесь полдюжины драконов, столпившихся с красноречиво поднятыми мордами вокруг желтоватого пятна над сводами.

Затем Конан понял также, что произошло с ним самим. Круг его скитаний по подземному миру почти замкнулся. Он предполагал выбраться из тайного лабиринта где-нибудь под Передней Богов. Это хмурое серое сооружение стояло на площади священной пирамиды, и там держали всех рабов и пленников, которых собирались принести в жертву. Где-то там должна была находиться и его команда.

Битва с крысами увела его далеко в сторону от намеченного маршрута, а после падения в подземную реку он еще дальше уклонился от избранного пути. Но, по прихоти судьбы или по воле богов, черный поток, описав широкую петлю, вынес его как раз на то место, которого он собирался достичь.

Упавшее тело — Конан в этом не сомневался — было очередной жертвой страшного антильского обряда. Шахта, в которую было сброшено тело, наверное, выходила к самой вершине пирамиды. Значит, рассудил Конан, он должен находиться прямо под ней или, в худшем случае, под окружающей это сооружение площадью.

Все это пронеслось в мозгу Конана в течение трех пульсирующих мгновений. Как только чудовища затрусили прочь от него, киммериец стремительно скользнул вдоль стены пещеры к уходящей вертикально вверх лестнице. Кончалась лестница у самой платформы, где бродил охранник. Впрочем, антилец уже не ходил бессмысленно взад и вперед по площадке, а в крайнем изумлении указывал в сторону Конана пальцем и выкрикивал невнятные вопросы.

Конан находился уже у самой лестницы, однако охранник наверху был вооружен, и потому не так легко было забраться на платформу, минуя его острый меч. Но, оглянувшись назад, Конан увидел, что один из драконов, ко-

торому в общей свалке не досталось куска мяса, снова задумчиво повернулся к нему и тонкий раздвоенный язык чудовища выскочил между зубов, пробуя воздух. Конан тут же понял, что его шансы в сражении с вооруженным антильцем куда выше, чем в борьбе со стаей этих гигантских ящериц. С ловкостью обезьяны, спасающейся от голодного льва, киммериец взобрался вверх по лестнице, и когда первая рептилия достигла первых ступенек, Конан был уже в двадцати футах над ней — далеко вне пределов досягаемости животного.

Но теперь надо было как-то справиться с охранником. Он вытащил кинжал из ножен за спиной, зажал лезвие в зубах и только тогда, уже осторожнее, снова полез наверх.

Вскоре Конан оказался почти что лицом к лицу с охранником. Антилец слегка присел и весь подался вперед; его прозрачный меч был угрожающе поднят. На коричневом загорелом лице стража было написано величайшее изумление, и он что-то невнятно бормотал себе под нос.

Держась за кольшек на таком расстоянии, где острый меч стражника не мог достать до него, Конан быстро обвил ногой один из клиньев-ступенек, чтобы иметь точку опоры, и сжал в ладони кинжал, который он до того все время держал в зубах. Зажмурив левый глаз и тщательно прицеливаясь, он медленно отвел руку назад... Повинуясь стремительному броску, кинжал молнией сверкнул в воздухе и вонзился в горло антильца почти по самую рукоятку.

С булькающим звуком охранник отшатнулся назад; упавший на пол меч приглушенно зазвенел. Человек воздел руки, словно в судорожной попытке освободиться от рокового ножа. Затем качнулся вперед и рухнул с платформы вниз головой. Конану пришлось прижаться к стене и оттолкнуть падающее тело, чтобы оно не сорвало его с этого подобия лестницы. Тело антильца глухо ударилось о каменный пол пещеры. Внизу раздался треск челюстей дракона, захлопнувшихся на теле, и глухая возня ящеров у подножия лестницы возвестила о начале пиршества.

Тяжело дыша, Конан подтянулся и выбрался на платформу. Он уселся на самом краю, его ноги в тяжелых сапогах слегка подрагивали от напряжения. В течение последнего часа жизнь Конана постоянно висела на волоске; никогда ранее за время всех своих полных опасностей приключений он не был так близок к гибели.

Несколько драконов еще стояли внизу у лестницы, с надеждой поглядывая на него. Постепенно, один за другим, они отвалили прочь. Те животные, что еще не успели наполнить свои утробы последними двумя жертвами, снова образовали круг у светлого пятна в центре пещеры. Вскоре еще одно тело пролетело и гулко шлепнулось на пол. Около тела тут же возникла свалка, и в мгновение ока оно было разорвано и поглощено оголодавшей компанией ящеров.

Едва справившись с дыханием, Конан встал и огляделся. С противоположной стороны площадки в глубокий полумрак уходили ступени длинного туннеля. Вход был закрыт бронзовой решеткой, но, когда Конан дотронулся до нее, зарешеченная дверь легко открылась. За этими воротами находилось довольно просторное помещение, выдолбленное в стене, значительную часть которого занимало огромное бронзовое колесо. Стержни проходили сквозь его массивное бронзовое кольцо, образуя подобие рукояток. Оно напоминало рулевое колесо, которое Конан видел несколько раз на зингарских галеонах, только увеличенное в сотни раз. На поверхности этого гигантского штурвала лежал толстый слой какого-то воскового вещества медного цвета. Похоже было, что им не пользовались уже в течение многих столетий.

Конан нахмурил брови в напряженном раздумье. Его озадаченный взгляд скользнул по огромным бронзовым воротам у противоположного конца пещеры. Почему кажется, что эти двери играют в драконьей пещере важнейшую роль? Чтобы водрузить их здесь, мастеровым Птаукана, наверное, пришлось проделать гигантскую работу. Вполне вероятно, что за ними находится проход, ведущий во внешний мир. Однако единственная польза от всего этого сооружения — возможность выпустить орду драконов на горожан. Только зачем это нужно было Иерарху?

Неожиданно Конана осенила на диво простая мысль. Ну конечно же, драконов держали здесь с двойной целью: они не только уничтожали останки тех несчастных, которых приносили в жертву, но и были последним секретным оружием жрецов, на случай если жестоко угнетаемое население Птаукана поднимется в могучем бунте против своих господ.

Тогда как открываются эти ворота? Взгляд Конана все время возвращался к древнему бронзовому колесу в боковом гроте.

Должно быть, там, на площади, жертвоприношение Черному Хотли уже в самом разгаре. Площадь, конечно, забита народом. И если люди занимают места у пирамиды согласно своему сословному положению, то ближе всего к драконьим воротам должно находиться святое жречество. В мозгу Конана мгновенно родился замечательный план...

Конан забрался в боковой грот за открытой дверью из бронзовых прутьев. Огромное колесо возвышалось теперь перед ним. Он сделал глубокий вдох и пристроил свои широкие плечи к одной из рукоятей. Словно морской вал прокатился по его могучим мышцам, передавая всю силу бронзовому колесу. Металл тяжко застонал под мощным давлением. От огромного напряжения сапоги Конана со скрипом слегка проскальзывали по каменному полу.

Киммериец встряхнулся, еще несколько раз глубоко вдохнул сыроватый пещерный воздух и сделал новую попытку. Где-то с другой стороны пещеры стиснутый непосильным давлением металл механизма резко взвизгнул и жалобно заскрипел. Осевшая за долгие годы и спрессовавшаяся пыль и мелкие частички ржавой накипи падали вниз. Наконец с пронзительным скрипом металл немного поддался усилиям, дремавший эоны лет механизм вновь пришел в движение. Колесо повернулось на палец, затем еще на столько же.

Конан снова надавил на него, сжимая спицы с такой яростью, что казалось, побелевшие у костяшек пальцы сейчас, как в воске, утонут в бронзе. Он давил на колесо, пока кровь молотом не забила в ушах и бешено не зашумела в висках. Колесо слегка качнулось и повернулось на несколько дюймов. Где-то внутри стены гулко прозвучал удар огромного противовеса.

Между створками бронзовых дверей появилась щель, и на пол легла полоса света.

Еще одно мощное усилие — и внезапно колесо пошло легче, оно стало медленно поворачиваться.

Откуда-то сбоку раздалось стальное рычание и скрежет машины, простоявшей здесь в неподвижности множество веков.

Щель между дверьми расширилась. С натужным лязгом сдвинутый с места механизм сам привел колесо в движение, и оно завращалось, наращивая обороты. Подвешенные на пронзительно скрипящих шарнирах двери уже распахнулись

довольно широко. Драконы, которые в беспокойстве озирались по сторонам и неловко топтались по пещере, после того как непривычные звуки достигли их ушей, как по команде повернулись к медленно открывающемуся проходу.

За проемом дверей вверх уходил крутой подъем, который затем резко поворачивал в сторону и скрывался из виду. Оттуда проникал яркий солнечный свет — настоящий желтоватый дневной свет, из чего Конан заключил, что в верхней части этого крутого съезда одновременно открылась еще одна пара дверей. Они должны были располагаться у подножия пирамиды или в одном из зданий, окружавших площадь.

Когда Конан, хватая воздух открытым ртом, в изнеможении опустился около вращающегося колеса, драконы, испуская восторженные вопли, затрусили в открывшиеся двери. Их когти заскребли по камням, и вскоре они исчезли из виду. Из темных туннелей появились и другие ящеры, очнувшиеся от долгой дремоты, и поспешили сюда, привлеченные скрипом механизма и счастливым ревом своих собратьев. Они присоединялись к процессии, серой рекой хлынувшей вверх по склону, пока более сорока этих тварей не скрылось за поворотом на пути в верхний мир. Вскоре с площади донеслись отдаленные, слабые крики ужаса.

Все еще тяжело дыша, Конан лежал на полу у самых нижних спиц бронзового колеса, ожидая, когда его сердце успокоится и перестанет так гулко биться в груди. На его устах играла жестокая усмешка.

19

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ТАЛИСМАН

Творенье страшное домировых эпох,
Спускалась Тьма, людскою кровью
вожделенье утолить.
И оборвалась светлой Атлантиды
нить,
Пав в прах под грозной поступью веков.
Видения Эшмитреуса

Когда Конан сдвинул с места бронзовое колесо, с наружной стороны, в покрытой яркой известкой вертикальной стене одной из граней пирамиды, появилась трещина. Куски

штукатурки пыльным дождем посыпались на булыжник площади, падая у самых ног бьющих в барабаны и заунывно поющих жрецов. Раздался пронзительный скрип и стон металла. Бронзовые двери, скрытые слоем известки, стали медленно распахиваться наружу, точно так же как и их двойники в пещере драконов.

Песня затихла, и воцарилась тишина; жрецы в недоумении и страхе отступили от раскрывающихся створок. Они непонимающе глядели друг на друга, в воздухе носились не находящие ответа вопросы. За их спинами в толпе антильцев возникло нервное движение. Люди, от беднейших ремесленников, которые толпились на площади, до знатных горожан, восседавших на длинных ступенях каменных скамей, вставали на цыпочки, пытаясь лучше рассмотреть, что происходит, и озадаченно переговаривались.

На вершине пирамиды приносивший жертвы жрец остановился посреди ритуала, как раз в тот момент, когда он собирался рассечь грудь здоровому рыжебородому головорезу из чужих земель. Он сделал шаг к краю верхней площадки пирамиды и, наклонившись, выкрикнул какой-то вопрос, потонувший во все возрастающей сутолоке на площади.

Из темного проема за раскрытыми дверями раздалось мощное шипение, и на солнечный свет выкарабкалось первое чудовище — пятьдесят футов сланцево-серого грифеля,— быстро и неуклюже ковыляющее на кривых мускулистых ногах; широко растопыренные когти металлом скребли по камням. Достигнув вершины спуска в пещеру, дракон остановился. Он поднял голову и повернул ее сначала направо, потом налево, охватывая окружающий мир бездумным взглядом огромных зеленых глаз. Зрачки монстра от непривычного солнечного света превратились в узкие щели; из его длинной крокодильей пасти выскочил ярко-розовый раздвоенный язык.

С воплями ужаса ряды жрецов у подножия пирамиды рассыпались. Священнослужители Черного Хотли отчаянно пробивались сквозь толпу простых антильцев, которые в страхе и изумлении тоже отхлынули от ворот. В возникшей панике женщину и мужчину сбили с ног, и они тут же были затоптаны бегущей толпой.

Один из жрецов неосторожно наступил на полу своего одеяния из перьев и упал. Не успел он подняться, как челюсти дракона с глухим хлопком сомкнулись на его теле.

Ящер поднял голову. Затем он несколько раз откинул ее назад, заглатывая добычу, отчего эластичная кожа на его горле то раздувалась, то опадала. С каждым рывком головы рептилии тело жреца проскальзывало все дальше в огромную пасть, пока из нее не остались торчать только ступни ног с сандалиями на толстой подошве. Дракон еще раз мотнул головой, сглатывая добычу, и вскоре его жертва полностью исчезла из виду. Было видно, как горло чудовища вздулось и опало, когда проглоченное тело проскользнуло в его желудок.

Тем временем появились другие ящеры; их пасти были открыты, оттуда доносилось победное рычание, тонкие языки сновали меж страшных зубов. Казалось, этой процессии не будет конца. Гигантские рептилии, царапая когтями по булыжнику площади, с разбегу врезались в толпу дико вопящих антильцев. Многие были раздавлены когтистыми лапами чудовищ, другие падали, случайно оказавшись на пути огромных, покрытых острой, жесткой чешуей хвостов. Кровь лужами растекалась по площади, и вязкие алые ручейки стекали в водосточные канавы по краям. То здесь, то там один из драконов останавливался и поднимал голову, чтобы протолкнуть в глотку очередную жертву, а затем снова пускался в преследование.

Тем временем у самой вершины черно-алой пирамиды распахнулась маленькая боковая дверь. Конан вышел из проема, держа в руке антильский меч из черного стекла, которым был вооружен охранник из драконовой комнаты. Соленый морской ветер подхватил его волосы и затрепетал в густой черно-стальной гриве. Конан расправил плечи и с наслаждением вдохнул свежий воздух, от которого он уже успел отвыкнуть за долгие часы скитаний по насыщенным болезненными запахами туннелям подземного мира.

После того как Конан открыл ворота и выпустил стаю драконов на жителей Птаукана, он поднялся вверх по каменной лестнице, которая начиналась у платформы над драконьей пещерой и наклонно уходила куда-то в глубь стены. Местами от нее отходили горизонтальные боковые проходы, но Конан, здраво рассудив, что жертвоприношение должно было происходить на самой вершине пирамиды и, следовательно, самый крутой путь приведет его ближе всего к цели, продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не появился

из той потайной двери верхних этажей гигантского зиккурата.

Мгновение киммериец стоял неподвижно, уставившись вниз, с жесткой усмешкой наблюдая панику и опустошение на площади. Несколько драконов уже достигло каменных скамеек, где располагались знать и высшее жречество. Они, опасно накреняясь и неуклюже пошатываясь, носились вверх и вниз по рядам скамей, преследуя и хватая мощными челюстями вопивших от ужаса беглецов в ярких одеждах из перьев.

С высоты верхнего этажа пирамиды Конан мог видеть и прилегающие к площади улицы. Теперь они были заполнены обезумевшей от страха толпой бегущих людей. Они устремлялись в первые попавшиеся двери домов и тут же захлопывали их перед самым носом отставших. Другие не останавливались до самых городских ворот и за ними рассыпались по близлежащим рощам и полям.

Конан задрал голову вверх и посмотрел на вершину зиккурата. Там высился зловещий храм Хотли, и около него две группы людей сцепились в смертельной схватке. Цвет кожи мелькавших рук и голов подсказал Конану, что там сражались с охраной и жрецами члены его экипажа.

Внимание киммерийца привлекла высокая тощая фигура, которая стояла невдалеке от него на одной из площадок лестницы, ведущей к вершине пирамиды. Это был сам старый Иерарх; его легко можно было распознать по необычайному великолепию покрытых перьями одежд, вышитых золотым орнаментом, с которых местами уже свисали лохмотья. Его головной убор из перьев куда-то исчез, и струйка крови сочилась у виска. Наклонившись вперед, он неистово жестикулировал высохшими коричневыми руками и выкрикивал какие-то команды воинам и жрецам, в замешательстве скопившимся на площади внизу.

У основания пирамиды, как раз под Иерархом, один из драконов поднял голову и взглянул на верховного жреца, пробуя языком воздух. Затем чудовище начало карабкаться вверх по лестнице.

Жестокая улыбка вновь пробежала по заросшему бородой лицу Конана. Засунув прозрачный меч за пояс, он в несколько прыжков достиг следующего уровня, где грани пирамиды поднимались вверх ступенями высотой около ярда. Конан мягко и осторожно пробрался по этим ступеням к площадке,

где стоял Иерарх, и оказался у него за спиной. Неслышно он шагнул вниз; его могучие руки легли на худую спину верховного жреца, и с нечеловеческой силой Конан бросил в воздух это тощее тело в одеждах из перьев.

Как выпущенный из пращи снаряд, тело Иерарха описало в воздухе плавную дугу и ударилось о камни лестницы чуть пониже. Он покатился вниз по ступеням в кружащемся вихре ярко-зеленых перьев, среди которых мелькали коричневые руки и ноги, пока не оказался у самого носа чудовища, медленно поднимавшегося снизу. С громким лязгом зубов огромные челюсти захлопнулись на теле дряхлого правителя Антилии.

Похожая на череп голова первого жреца несколько раз судорожно дернулась, его руки беспомощно колотили по челюстям чудовища. Но вскоре один из клыков ящера дошел до какого-то жизненного центра, и тело первосвященника обмякло. Его пронзительный вопль оборвался; руки вяло повисли. Присев на задние лапы у самого основания пирамиды, дракон с видимым наслаждением принялся заглатывать добычу.

Наверху Ясунга, как булавой, вращал своими цепями, отражая натиск противников, и по его черному телу обильно струился пот. Другой пират бросился на жреца, и они покатились по полу, изо всех сил вцепившись друг другу в горло. Боцман Мило зацепил стеклянной цепью алебарду одного из солдат и боролся, пытаясь вырвать оружие, в то время как его противник старался повернуть алебарду так, чтобы освободиться от крепкой хватки чужеземца. Заморанец Артанс сражался сразу с двумя антильцами пикой, захваченной у кого-то в рукопашной схватке. Сигурд яростно возился с замками на кандалах нескольких пиратов, в то время как еще человек пять кольцом окружили его, отбивая попытки нескольких солдат и жрецов вновь завладеть ключами. Многие антильцы уже бросились бежать с вершины пирамиды, но некоторые еще боролись со своими бывшими пленниками.

С глубоким, гулким воинственным криком Конан взлетел вверх по лестнице и врезался в самую гущу сражения. Одетый в железную рубашку-кольчугу, он с легкостью справился с тремя невысокими коричневыми антильцами, вставшими у него на пути. Голова одного из них, словно отброшенный ногой мяч, отскочила от тела и, упав на ступени лестницы, покатилась вниз.

Еще один солдат сложился пополам, ловя выпадающие внутренности. Следующий с воплем схватился за обрубок руки.

Антильцы попятились назад от Конана, их широко раскрытые глаза были полны суеверного ужаса. Киммериец стремительно наносил удар за ударом, постоянно меняя положение и не давая противникам возможности ответить точным ударом меча.

Клинок порхал в его руках из стороны в сторону, словно острое как бритва крыло. И хотя он уже не был так ловок, как пару десятков лет назад, антильцам никогда не доводилось видеть более смертоносных атак.

— Демон! Это демон! — кричали они, в страхе пятясь назад.

Скоро уже между окровавленным стеклянным мечом Конана и группой людей вокруг Сигурда не оставалось никого. Северянин поднял глаза.

— Амра! — заревел Сигурд.— Во имя Крома, Митры и всех богов,— мы думали, что ты погиб!

— Пока еще нет, Рыжебородый! Я еще должен кое-кому выпустить кишки!

Конан хлопнул здоровенного ванира по плечу:

— Ну а что происходит здесь?

— Пытаюсь разомкнуть эти чертовы оковы, но это занимает дьявольски много времени. Может, у тебя получится быстрее, пока они снова не набросились на нас?

— Ключи — это слишком медленно,— хрипло прорычал Конан.— Посмотрим, сможет ли стекло разрубить стекло. Растяни-ка эту цепь на том каменном алтаре.

Стекло, из которого сделаны цепи и меч, думал он, в общем-то один и тот же материал. Но как и сталь обычного меча лучше закалена и прочнее обычной цепи, так и стекло антильского оружия должно быть крепче этих стеклянных оков. Ведь если цепь должна лишь удерживать пленника, меч специально создан для того, чтобы рассекать. Что ж, он испытает его прочность.

Конан занес меч над алтарем, и острие клинка сверкнуло на полуденном солнце над его стальной поседевшей головой. Лезвие со свистом рассекло воздух и с оглушительным треском обрушилось на гладкую поверхность алтаря, неся в себе всю силу могучих рук киммерийца. Одно из звеньев лежащей на камне цепи раскололось пополам, не выдержав

мощного удара, и осколки стекла, словно тысячи искрящихся бриллиантов, брызнули в стороны из-под лезвия меча.

— Теперь следующий! — крикнул Конан.

Он разрубал одну цепь за другой, пока все пираты, на которых еще были цепи, не оказались свободными. Почувствовав, что у них развязаны руки, эти бывалые головорезы тут же заозирались в поисках оружия. Оно валялось повсюду, и, завладев мечом или копьем, пираты с криком бросались на помощь сражающимся товарищам. Увидев, что дело принимает крайне дурной оборот, оставшиеся на пирамиде жрецы и солдаты побросали свои пики и мечи и с отчаянными воплями пустились наутек.

Конан взглянул вниз. Выпущенные на свободу чудовища оказались довольно эффективным средством, так как полностью отвлекли на себя внимание антильских солдат на площади, которые не могли вмешаться в ход битвы на вершине пирамиды, что и дало Конану возможность, рассеяв небольшой отряд наверху, освободить своих товарищей.

Теперь площадь была почти пуста. То здесь, то там драконы с громким топотом когтистых лап неспешно пробегали по ее булыжникам, преследуя улепетывающих людей. Те солдаты, что не были захвачены массовым бегством, стояли, сбившись в плотные группы, ощетинясь опущенными горизонтально копьями, чтобы сдержать чудовищ. Между солдатами сновали жрецы, отдавая приказы и взывая к мужеству воинов.

Драконы по большей части также покинули площадь. Они были сыты, некоторые даже переели, и теперь в них горело одно желание — найти тихое место, чтобы погрузиться в сонное оцепенение и переварить обильную трапезу. Некоторые из них заковыляли вслед убегающей толпе и, выйдя за пределы города, исчезли среди полей, где колосились какие-то злаки, и среди зеленых антильских садов. Другие животные пробрались вниз к бухте через Морские ворота, скользнули в воду и, извиваясь, словно змеи, поплыли вдоль берега. Скоро последняя пара драконов покинула площадь, и даже внимательный взгляд Конана не смог обнаружить ни одного ящера поблизости.

Теперь жрецы стали спешно выстраивать воинов в боевом порядке. Некоторые указывали на вершину зиккурата и громкими воплями призывали остальных атаковать пиратов. Вскоре несколько сотен маленьких коричневых воинов

уже построились в плотные отряды и со всех сторон густой цепочкой окружили пирамиду. Солдаты, пошатываясь под тяжестью груза, вынесли на площадь полные корзины антальских стеклянных шаров с усыпляющим газом.

Глаза Конана сузились, когда он мрачно пытался оценить их весьма непростое положение. Теперь, когда драконы уже не сражались на стороне пиратов, он нисколько не сомневался, что хорошо обученные хозяева Птаукана покажут свое боевое искусство с самой лучшей стороны. Возможно, этой площади придется увидеть его смерть и гибель его товарищей. Что ж, по крайней мере, их великолепное последнее сражение развлечет всевидящих богов.

— Мы сможем сломить их, Лев? — пророкотал Сигурд. Он хлопнул себя по голой груди и угрожающе взвесил в руке здоровую кристаллическую саблю.— Клянусь кишками Нергала и грудями Иштар, я просто изнываю от желания сразиться с этими маленькими коричневыми тварями! После стольких дней в их вонючей конуре, которую они называют подземной тюрьмой, после этих холодных помоев я, пока еще жив, с радостью раскрою пару голов и выпущу немного кишок. Одно твое слово, дружище; мы все готовы!

Конан кивнул, его глаза горели, как угли. Он уже готов был поднять меч и повести своих корсаров в последнюю стремительную атаку вниз по ступеням лестницы пирамиды, чтобы прорваться сквозь сверкающие ряды воинов или пасть, напоровшись на их стеклянные копья...

Но тут на него упала угрожающая тень. Он взглянул вверх, на висящую там бешено вращающуюся тучу кромешного мрака — демона из чуждой Вселенной.

Кром! Как мог он забыть об этой зловещей тьме из межзвездных просторов? Кровопролитный ритуал, вызывавший ее сюда из каких-то безобразных реалий, где она обитала, придал ей форму и наполнил ее сущностью этого материального мира. Даже внезапное прекращение церемонии хотя и ослабило, но все же не рассеяло реальности этого извечного мрака и не разрушило могучих чар, вызвавших его в мир людей.

Он висел, размышляя, над всей этой сценой кровавой сутолоки, с холодной злобой наблюдая смерть сотен антильцев и освобождение жертв, предназначенных для сверхъестественного страшного пиршества. Теперь нечеловеческий разум привел мрак в действие. Он висел, слабо пульсируя над головами пиратов, и из его черного бешеным вихрем

крутящегося центра протянулись щупальца парализующих разум сил, зондируя почву снизу.

Конану казалось, что ледяные невидимые пальцы пронзают самые потаенные части его мозга, блуждая в лабиринтах его воспоминаний, как морской корсар рыщет в поисках добычи по одному из храмов захваченного города. Он чувствовал властное прикосновение чьих-то чуждых мыслей, проникавших в самые отдаленные уголки его души. Вся его непокорная человеческая сущность восставала против этого сминающего волю вторжения.

Это была самая странная из битв в его жизни, в которой он боролся против парализующих мозг щупалец мрака. Здесь, в таинственной сфере мыслей, один лишь разум мог сражаться с враждебным разумом. Ни одни доспехи из толстых пластин каленой стали, ни один щит из обитого железом дуба, даже его выдубленная морским ветром кожа не могли противостоять этим проникающим в самый мозг щупальцам. Ни клинок, ни самая могучая рука не могли отразить их удара.

Конан почувствовал, как эти ищущие пальцы ощупывают и умерщвляют его мозговые центры, отчего по всему телу разливается леденящее оцепенение. Постепенно сила уходила из него, и скоро он уже едва стоял на ногах.

Но Конан продолжал бороться, упрямо цепляясь за жизнь и сознание со всем мрачным железным упорством своего полудикого существа. Никогда еще Конану не приходилось подобным образом использовать свой разум в битве. И все же он еще сохранял сознание, подхлестывая свой мозг в борьбе с коварными скользкими путами чуждого человеку рассудка, который стремился оборвать нить его жизни. Конан чувствовал, как его ум бьется со скользкими щупальцами другой воли, которую называли Хотли, и как он пытается вырваться из цепких объятий этого чужеродного сознания.

Со смертоносной быстротой холодный неземной разум мягко перешел к другому способу атаки. Его щупальца атаковали физически значимые центры, управляющие сознанием человека, и начали высасывать из них жизненную энергию. На глаза Конана легла серая пелена, сознание затуманилось, и очертания предметов стали расплываться. Белые, покрытые известкой колонны небольшого храма на вершине пирамиды приобрели неприятный желтый оттенок, тысячи незримых колокольчиков звенели в ушах. Он чувствовал, что проваливается в бездонный колодец холодного мрака...

Но Конан еще боролся, пытаясь заслонить свой разум от этой Тьмы, которая вытягивала из него капля за каплей жизненные силы.

В ревущем водовороте поглощенного неравной борьбой рассудка смутный шепот воспоминания поднялся на поверхность из глубины его сознания. Перед глазами проплыло то мгновение, когда его бесплотный дух стоял в черном сердце Каломиры и величественный призрак мудрого Эпимитреуса говорил с ним. Снова в его ушах раздался голос древнего философа, голос, который шептал:

«Лишь один подарок могу я дать тебе. Пронеси его сквозь все испытания, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более не могу я открыть. Пусть твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности».

Уже окруженный туманом, Конан вспомнил об этом холодно поблескивающем предмете, который оказался в его руке после пробуждения от пророческого сна в тиши королевской спальни. С того самого момента этот драгоценный талисман на серебряной цепочке покоился на его груди, и он прошел вместе с киммерийцем сквозь всю цепь его удивительных приключений.

Сила уже ушла из его больших рук, но внутри его еще сохранилась та неугасимая жажда жизни, благодаря которой Конан смог пройти сквозь такое количество смертельных опасностей, коими была до предела насыщена его долгая, полная бурных свершений жизнь.

Теперь, перед лицом опасности, самой страшной из всех, какие только существовали на земле, он призвал на помощь этот загадочный дар.

Его тяжелая онемевшая рука потянулась к горлу, вытащила из-под кольчуги вырезанного из неведомого кристалла феникса и одним резким движением сорвала талисман, обрывая цепочку.

Черные тиски сжимали его мозг. Он выронил талисман, и, словно сквозь сон, до ушей Конана дошел слабый стеклянный звон падения фигурки о камень.

Собрав последние остатки сознания, когда его рассудок уже кружился, уходя в бешено вращающуюся пустоту, Конан с силой опустил каблук своего тяжелого сапога на лежащую на камнях фигурку и раздавил ее в пыль. Затем его словно втолкнуло в непроницаемую черноту.

20

БОГИ СВЕТА И ТЬМЫ

И если с Кракеном придется бой принять,
Что прилетел на пир кровавый свой,
Ты должен как скала стоять.
И феникс совладает с Тьмой!

Видения Эпимитреуса

Откуда-то издалека, сквозь погруженные в непроглядную ночную темноту ущелья вечного холода и мрака, донесся слабый далекий голос, звавший его...

Сознание постепенно возвращалось к Конану, и ощущения окружающего мира снова проникли в его тело. Он почувствовал, как грубые мозолистые руки крепко схватили его под мышки, и услышал скрипение песка под своими тяжелыми, волочившимися по камню сапогами. Конан жадно глотнул воздух, задохнулся и открыл изумленные глаза. Над его головой возвышалась неуклюжая сопящая громада Сигурда Рыжебородого и увенчанная тюрбаном здоровенная фигура Горана Сингха, которые поддерживали его с обеих сторон.

— Оставьте меня, во имя Крома,— прохрипел он.— Я могу идти сам.

Пираты остановились и помогли ему встать.

— По крайней мере, мне так кажется,— глухо проворчал Конан, чувствуя, что ноги бессильно подгибаются под тяжестью его тела. Он покачнулся и рухнул бы вперед, на ступени одной из граней пирамиды, если бы стоящие рядом товарищи не поддержали своего вернувшегося почти с того света главаря.

Они усадили Конана на одну из ступенек каменной лестницы на склоне пирамиды. Тысячи крохотных иголок пронизывали его тело — кровь снова весело бежала по жилам. Он огляделся, постепенно обретая способность ясно соображать и восстанавливая в памяти произошедшее.

Странная, угрожающая тишина царила вокруг. Пираты уже протащили своего предводителя полпути вниз по лестнице, ведущей к площади. Там в боевом порядке выстроились ряды многочисленной охраны. Но невысокие коричневые воины в поблескивающих на солнце стеклянных доспехах не обращали на пиратов ни малейшего внимания.

Их взгляды, полные благоговейного трепета, переходящего в ужас, были прикованы к чему-то наверху. Повернув голову и взглянув туда через плечо, Конан почувствовал, как леденящий холодок пробежал по его спине. Высоко над самым храмом на вершине черно-алой пирамиды росла какая-то странная сила, пульсируя и мерцая серебряными искрами.

— Это возникло из той драгоценной фигурки, которую ты раздавил ногой,— напряженно пробормотал Сигурд, искоса бросая вверх мрачные взгляды.— Одному Митре известно, что происходит там наверху, но, похоже, мы все слышали странный внутренний голос, велевший нам уходить отсюда, и как можно быстрее. Чтоб мне утонуть, но эта дьявольская магия и черное колдовство могут вконец сбить с толку любого бывалого рубаку!

Конан коротко усмехнулся. Там, в вышине, похожие на бриллиантовую пыль искорки слабого света поднимались из раскрошенных остатков талисмана. Словно увлекаемые могучими порывами ветра, они быстро взлетали ввысь и там скручивались упругими смерчами. Черная туча кровавого Хотли еще висела над каменным алтарем. Его темные дымчатые образования, похожие на щупальца, в беспокойстве шевелились и напряженно вытягивались и отдергивались назад, как будто в предчувствии приближения смертельного врага.

Закрученные в вихре пылинки света все поднимались вверх и разгорались, превращаясь в несущуюся в воздухе ослепительную галактику сверкающего света. Вьющиеся конечности обхватывали темную массу Хотли и разрывали этот мрак. Так миллионы разгорающихся звезд рассеивают ночную тьму.

Конан вздрогнул, как будто по его волосам пронесся ледяной порыв ветра из межзвездных пространств. Светящееся облако начало обретать форму, оно растягивалось в вышину, сжимаясь вокруг Хотли в цепком объятии множеством сверкающих щупалец. Митра — каким-то непонятным ему самому образом Конан узнал, что свет был именно этим божеством,— заговорил. Гром, словно от тысяч могучих бурь, каменным обвалом прокатился по площади. Земля задрожала. Пирамида поплыла под ногами пиратов, обрушивая вниз дождь обломков лепных фигур. С оглушительным грохотом огромный кусок площади осел вниз и исчез из виду, унося с собой сотни пронзительно вопящих маленьких коричневых солдат. Вверх взметнулось удушливое непрони-

цаемое облако известковой пыли. Конан понял, что это, должно быть, обрушились своды драконьей пещеры.

— Скорее прочь отсюда! — проревел он.

Киммериец вскочил на еще плохо слушающиеся ноги и, пошатываясь и спотыкаясь, стал быстро спускаться вниз. Вслед за ним покатился темный вал завывающих пиратов. Те, что завладели оружием, бежали впереди. Но у подножия пирамиды уже никого не было. Еще минуту назад стройные ряды антильских воинов рассеялись, как мираж. Побросав оружие, коричневокожие солдаты что есть мочи бежали к городским воротам, срывая и разбрасывая по пути свои кристаллические шлемы, кольчуги и панцири, которые затрудняли движение. Скоро спины последних из них скрылись за поворотами узких улиц.

— Хватайте оружие, и быстро к гавани! — закричал Конан.

Высоко вверху Боги Света и Тьмы сплелись в невидимой схватке. Огненные взрывы молний били из вращающегося образования, которое обрело форму и вспыхивало сейчас миллионами звезд света, вокруг которого извивались, то смыкаясь, то отступая, щупальца черного дыма.

Земля качалась под ногами. С другой стороны площади огромные серые очертания Передней Богов заколебались в висящей в воздухе пыли, по стенам мрачного строения побежали трещины, роняя вниз дождь раскрошенных кирпичей, и затем все здание рухнуло лавиной мелкого щебня, подняв тучу удушливой пыли. Как гигантское дерево, подрубленное дровосеком, одна из высоких остроконечных башен у площади наклонилась и, покачнувшись, с оглушительным грохотом обрушилась на черные булыжники мостовой, так что земля под ногами пиратов подпрыгнула.

Конан рысью бежал впереди своих людей по улицам Птаукана, не обратив никакого внимания на нескольких антильских воинов, встретившихся им на пути. Антильцы, охваченные безумным страхом, были поглощены отчаянными усилиями как-то спасти свою жизнь и даже не повернули головы в сторону убегающих пленников.

— Сюда! — проревел Конан.— Скорее к гавани, пока весь этот проклятый город не рухнул на нас!

За их спиной полуденные тени легли на площадь Пирамиды. То здесь, то там бриллиантами вспыхивали огоньки, куда ярче, чем уже клонящееся к закату солнце. Звуки сверхъ-

естественной битвы громыхали, с треском разрывали небо, отдавались гулкими барабанами и отдаленным ревом. Под режущими лучами нестерпимого света черное облако, казалось, всасывало свою туманную массу в себя. Оно сжималось, рассеивалось и наконец исчезло. Небывалое напряжение космических сил, сплавлявшее их в единый бешеный вихрь, спало. Когда черные силы погибли, весь город затрясся, как будто был воздвигнут на поверхности барабана, по которому били невидимой дубиной. Еще несколько зданий с грохотом рухнуло вниз. Площадь Пирамиды исчезла. На одно мгновение над этим местом вспыхнул ослепительный огненный смерч, во много раз ярче солнца, затем он исчез, и в небе раздался чудовищный грохот, от которого все оставшиеся в городе люди на время оглохли.

Гигантский столб густого черного дыма поднялся над разрушенным городом. Над ним разрослась клубящаяся грибовидная шапка. Звездное сияние Бога Света некоторое время еще играло над ней, как драгоценная корона. Скоро искрящийся свет погас, и это зловещее темное образование начало рассеиваться, смешиваясь с серым облаком пыли, висящим над городом. Сквозь серую пелену кое-где смутно виднелись уходящие вверх клубы черного дыма от горящих домов.

Понемногу в Птаукане снова начали появляться первые признаки жизни. Люди группами и по одному тянулись из окружавших город зеленых равнин, но там их ждали неожиданные известия.

Бóльшая часть жрецов или погибла под обломками разрушенных храмов, или сбежала из города. В течение прошедшей ночи и следующего дня после катастрофы лишь один человек во всем Птаукане остался во главе сколь-нибудь мощной организации. Это был король воров — Метемфок.

Пока город был почти безлюден, скованные железной дисциплиной отряды Метемфока захватили уцелевшие большие здания и склады оружия. Те немногие жрецы, которых им удалось обнаружить, были убиты. Двери подземных темниц открылись, и на свободу вышли не только приговоренные к смерти члены Метемфоковой банды, но и сотни простых антильцев, которых под тем или иным предлогом заточили туда, чтобы принести в жертву Хотли. Многие из них присоединились к Метемфоку, хотя большинство оста-

лось в стороне, опасаясь гнева жрецов или своих богов или просто предпочитая подождать, пока не выяснится, кто оказался сильнее.

Сбежавшие из города жрецы собрали небольшие отряды еще преданных им воинов и попытались пробиться назад в свою столицу, но теперь хорошо вооруженные молодчики Конана напали на них с тыла и легко обратили антильцев в бегство.

Вскоре под руководством толстого хитреца Метемфока жители Птаукана принялись за грандиозное и нелегкое занятие по восстановлению разрушенного города. Предводитель воров вряд ли мог стать идеальным правителем, но все же трудно было представить себе, что его правление могло бы оказаться тяжелее железной руки жрецов, много веков державших страну в постоянном страхе. Так что в этот последний уединенный уголок, дальний отголосок великой цивилизации древней Атлантиды, приходило недолгое время мира и спокойствия.

И возможно, в неких неизвестных реалиях за звездным небом духи старых богов, которые господствовали над небесами Атлантиды в древние времена и которые в конце концов отвернулись от людей, воспринявших культ Черного Хотли, и ввергли остров в морскую пучину, под многомильную толщу зеленоватых вод Великого моря,— возможно, умершие боги видели это и улыбались и с оставшимися у них силами благословляли людей.

Кром! Как хорошо было вновь ощутить под ногами прочные доски палубы, даже если она и была такой чертовски странной палубой, как эта! После падения Птаукана Конан в течение месяца предавался еде и пьяным пирушкам. Измотанный донельзя кровопролитными схватками в подземном мире туннелей под Птауканом, а затем и в самом городе, он проспал весь день и две ночи. Но в течение всех последующих дней, которые он провел в праздности и безделье, зевая над чашей вина вместе со своими товарищами по плаванию, съедая и выпивая за троих, былая сила постепенно возвращалась к нему.

И вот теперь, когда встающее на востоке, но еще невидимое солнце окрасило небо и полосы облаков в золотистые и розовые цвета, он бродил взад и вперед по позолоченным доскам палубы антильского корабля-дракона и пил полной грудью чистый и холодный морской бриз, который взбивал

и клочьями уносил туман с зеленой поверхности Западного моря. В его душе играло чувство глубокого удовлетворения. Ха! Он был стар, не так ли? Самое время забраться под покрывало и дать возможность бормочущим под нос лекарям безболезненно проводить его в другой мир.

Конан фыркнул. Он все еще был в состоянии провести с женщиной Катлахос ночь, которая оставила бы ту обессиленной, но счастливой. Старая, непреодолимая тяга к необычайным путешествиям и приключениям еще наполняла его грудь. В его высохшем крепком теле еще бурлило достаточно жизненных сил, по меньшей мере для одного-двух приключений!

Конан ударил по позолоченному релингу своей твердой сильной рукой, как человек похлопывает по боку крепкого жеребца. Одно последнее приключение...

Он огляделся. Когда Конан во главе серой от пыли шайки пиратов вырвался из рушащегося за их спиной города, безошибочный взгляд старого морского разбойника сразу определил лучший корабль в гавани Птаукана. Он повел их на борт одного из самых совершенных боевых кораблей, какие ему только доводилось видеть. Несколько месяцев назад, когда этот корабль возник из серой утренней дымки, словно чудовище времен юности земли, «Красный Лев» превратился под его мощным натиском в плавучий сундук. Конан усмехнулся и подумал о том, какое любопытство вызвало бы грозное судно атлантов на Барахских островах.

Правда, приобретение этого судна, которое он назвал «Крылатым Драконом», не обошлось без трудностей. Пиратам, враждебным ко всяким новшествам, как и все моряки, очень не нравилась странная оснастка корабля. Почему бы, говорили они, не вытащить на пляж корпус «Красного Льва» и не привести его снова в порядок? Но после короткого обследования Конан обнаружил, что галеон вряд ли удастся восстановить без помощи одной из верфей по другую сторону океана. Корпус судна был прожжен в нескольких местах насквозь, мачты, паруса и снаряжение сгорели, и их можно было восстановить, лишь приложив огромные усилия. Куда практичнее было очистить его трюмы от оружия и разной прочей оснастки и перенести все это на борт «Крылатого Дракона».

Однако потребовалось много дней, чтобы команда наконец полностью освоила экзотическое судно, сделав заодно

кое-какие изменения в его конструкции, которые показались Конану необходимыми. Более того, «Крылатый Дракон» был галерой, а потому для него нужен был экипаж числом побольше. К счастью, среди антильцев нашлось достаточно искателей приключений, из которых и была набрана команда гребцов.

Сигурд Рыжебородый тяжело взобрался по трапу на ют, чертыхаясь и сплевывая.

— Ха, Лев! — хрипло воскликнул он.— Как спалось?

— Спал как мертвец.

Сигурд подернул широкими плечами и бросил взгляд назад, где утренняя дымка скрывала семь островов Антилии.

— Мертвецы остались там, позади,— проговорил он.— Клянусь зеленой бородой Ллира и рыбьим хвостом Дагона, я просто восхищен тем, как ловко ты вышиб ворота нашей тюрьмы!

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Конан.

— Нет, ничего! Но человек, который вытащил своих товарищей из самого пекла, заслуживает уважения, особенно если для этого ему пришлось оставить полгорода в развалинах.

Конан коротко рассмеялся.

— Конечно! Я бы с удовольствием разрушил и вторую половину, лишь бы иметь такого старого моржа, как ты, рядом с собой.

Сигурд вздохнул:

— Хорошо тебе говорить, Амра. А я уже не так проворен, как в былые времена.

Он взглянул на горные пики Антилии, поднимавшиеся из молочной дымки.

— Мы могли бы прийти на помощь Метемфоку, позволив ему нанять нас в свою безжалостную армию.

Конан усмехнулся и покачал головой:

— Мы, бывшие короли, становимся дьявольски гордыми и не идем на службу к другому человеку там, где можем справиться сами.

Солнце уже поднялось выше, окрасив небо в ярко-голубые прозрачные тона. Белые чайки с пронзительными криками кружили над мачтами «Крылатого Дракона», и голубые волны мягко бились во вновь просмоленный и выкрашенный пузатый корпус судна. Конан снова глубоко вдохнул

морской ветер. Рядом с ним Сигурд украдкой бросил взгляд на разгорающийся в небе день и затем посмотрел на стальную бородку и изрезанный шрамами профиль своего закадычного товарища.

— Что же теперь, Лев? — поинтересовался он.— Назад на Барахские острова, или пойдем грабить берега Стигии и Шема?

Конан покачал головой:

— Такой корабль не создан для того, чтобы одолевать просторы океана. Со всеми нашими гребцами, которых нужно кормить и поить, мы никогда не сможем сделать этого.

— Но смогла же та зеленая галера, повстречавшаяся нам в океане.

— Да, но я не колдун, чтобы призвать себе на службу экипаж бесплотных духов вместо гребцов.

Конан погрузился в тяжкие раздумья. Метемфок о многом рассказал ему. Старый вор утверждал, что еще дальше к западу, у самого края мира, лежит огромный неизведанный континент — Майапан, как его звали атланты и их антильские потомки. Они совершали набеги на дальние берега в поисках золота, изумрудов и залежей меди; за краснокожими рабами и забавными птицами с пышным оперением; за похожими на тигров огромными дикими кошками, чьи красивые золотистые и рыже-коричневые шкуры были местами усыпаны черными пятнышками. Там также существовали варварские государства, основанные выходцами из Атлантиды и Антилии, и культы Гигантской Змеи и Саблезубого Тигра вели жестокое состязание, купаясь в крови человеческих жертвоприношений и отвратительных ритуалов.

Совсем новый мир, думал он, мир непроходимых джунглей и бескрайних равнин, величественных горных хребтов и спрятанных в ущельях озер, где могучие реки извиваются, словно потоки расплавленного серебра, исчезая в изумрудных чащобах джунглей,— мир, где неизвестные народы поклоняются странным, внушающим ужас богам...

«Сколько еще неведомых приключений может скрываться в глубинах далекого Майапана?» — думал Конан. Метемфок называл его «Кукулькан», но было ли это какое-то новое прозвище на антильском языке, или дословный перевод «Конан-киммериец», или еще что-то в этом роде, Конан так никогда и не узнал. Если он попадет в этот новый мир, где люди никогда не видели бородатых людей с

оружием из стали и стекла,— что ж, может, он завоюет еще одну обширную империю, где ему будут поклоняться как богу, и принесет зачатки цивилизации из старого в новый мир. Быть может, тогда он станет легендарным героем, имя которого будут повторять еще сотни поколений спустя...

— Одному Крому известно! — глухо проговорил он.— Давай-ка забросим что-нибудь в глотку, тогда и обсудим это дело. Клянусь всеми богами, спасение мира от гибели прибавляет человеку аппетита!

Они спустились вниз. Через несколько часов огромный корабль, который позже народы Майапана будут называть «Кецалькоатль» (что означает на их непривычном для наших ушей языке «Пернатый Змей»), поднял якорь. Судно взяло курс на юг, а затем, обогнув Антильские острова, отправилось далее на неведомый Запад.

Но что произошло далее, обрывающаяся здесь старинная летопись не сообщает.

Киммерия

Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное паденье
И шорох ветра в трещинах теснин.

За лесом — лес, и за горой — гора;
За склоном — склон... Один и тот же вид:
Суровая земля. Сумев подняться
На острый пик, откроешь пред собой
Один и тот же вид: за склоном — склон,
За лесом — лес, как вылитые братья.

Унылая страна. Казалось, всем:
Ветрам, и снам, и тучам, что таились
От света солнца,— всем дала приют
В глухих чащобах, голыми ветвями
Стучавших на ветру, и было имя
Земле, не знавшей ни теней, ни света,—
Киммерия, Страна Глубокой Ночи.

С тех пор прошел такой огромный срок —
Забыл я даже собственное имя.
Топор, копье кремневое — как сон,
Охоты, войны, тени... Вспоминаю
Лишь бесконечных зарослей покров,
Да тучи, что засели на вершинах
На долгий век, да призрачный покой
Киммерии, Страны Глубокой Ночи.

© R. Howard, L. Sprague De Camp.

Содержание

Е. Хаецкая. Я люблю Конана (воспоминания и размышления) 5

Страшилище в склепе
Перевод Е. Хаецкой 17

В зале мертвецов
Перевод Е. Хаецкой 31

Бог из чаши
Перевод Е. Хаецкой 55

Рука Нергала
Перевод Е. Хаецкой 77

Город черепов
Перевод Е. Хаецкой 102

Проклятие монолита
Перевод Т. Старшиновой, Ю. Лангсдорфа 130

Долина пропавших женщин
Перевод А. Костровой, Е. Хаецкой 143

Рыло во тьме
Перевод С. Тропицкого 160

Огненный кинжал
Перевод А. Циммермана 185

Черные слезы
Перевод Е. Кравцовой 272

Барабаны Томбалку
Перевод Н. Баулиной 303

Конан-корсар
Перевод А. Чеха 347

Черный незнакомец
Перевод А. Шуйского 465

Волчий рубеж
Перевод Т. Старшиновой, Ю. Лангсдорфа 535

Возвращение Конана
Перевод М. Семеновой 577

Гиперборейская колдунья
Перевод А. Чеха 701

Черный сфинкс Нептху
Перевод А. Чеха 728

Алая луна Зембабве
Перевод А. Чеха 758

Тени каменного черепа
Перевод А. Чеха 784

Конан-островитянин
Перевод С. Иванова 804

Киммерия
Перевод Г. Корчагина 957

Литературно-художественное издание

Роберт Ирвин Говард

КОНАН БЕССМЕРТНЫЙ

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректор *Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована
работа *Луиса Ройо*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва. ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702. Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»* ***E-mail:*** **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный), e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** *ООО ТД* «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать 11.10.2007.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бум.тип. Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 4000 экз. Заказ 5041.

ISBN 978-5-699-03901-2

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Роберт И.

ГОВАРД

Robert E. Howard

ISBN 978-5-699-03901-2

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ